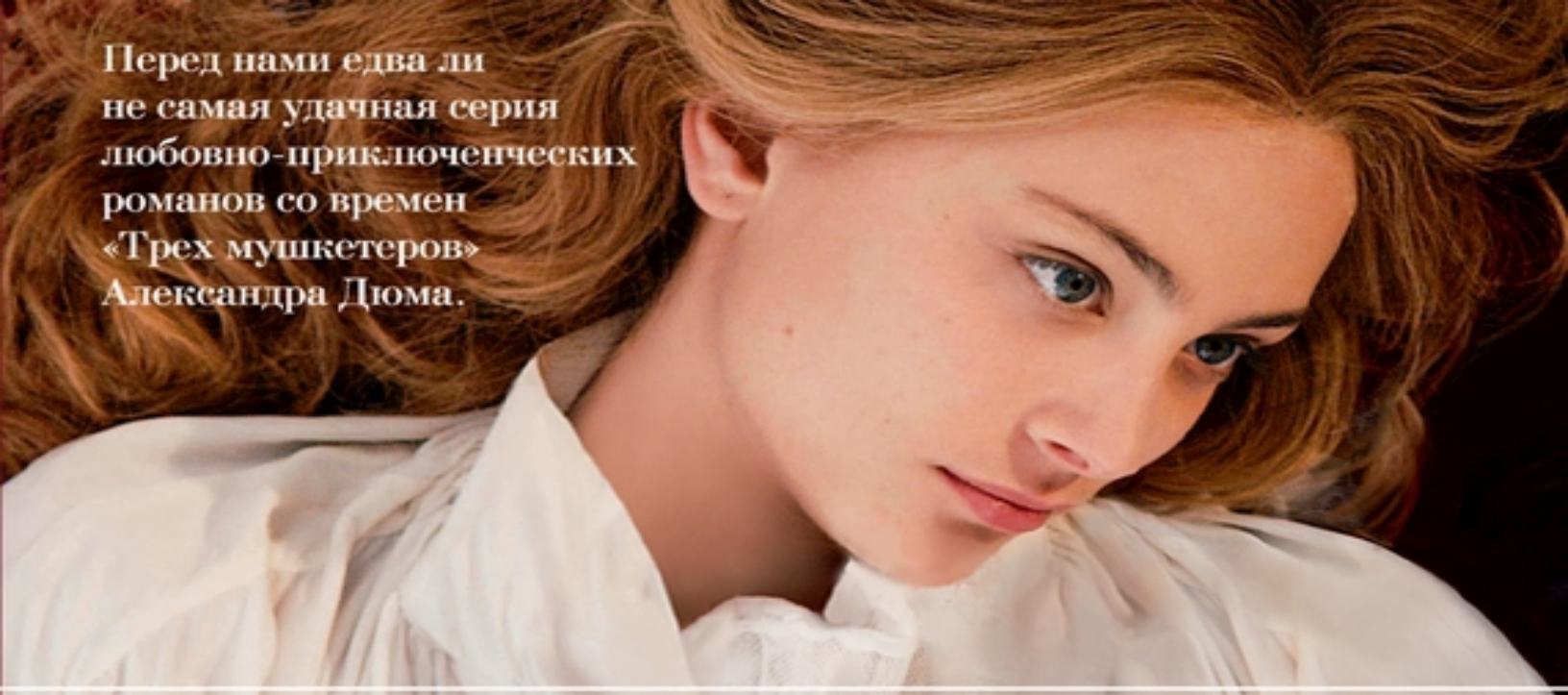

Перед нами едва ли
не самая удачная серия
любовно-приключенческих
романов со времен
«Трех мушкетеров»
Александра Дюма.

Анн Голон

АНЖЕЛИКА В КВЕБЕКЕ

Самая популярная романтическая сага всех времен.

Annotation

«Анжелика в Квебеке» – одиннадцатая из серии книг Анн Голон, открывшейся знаменитым историко-авантюрным романом «Анжелика – маркиза ангелов», – публикуется в новом, наиболее полном переводе. Легендарная красавица и ее муж Жоффрей де Пейрак добираются до Квебека, города на берегу реки Святого Лаврентия. Его обитатели известны своей набожностью, и Анжелике предстоит снять с себя подозрение в том, что она и есть та дьяволица, которая явилась местной монахине в ее пророческом видении. В столице Новой Франции Анжелика встречает старых друзей и старых врагов и среди них опасного противника герцога де Вивонна, брата фаворитки короля. Однако в разгар суровой канадской зимы графиню де Пейрак ждет самое страшное испытание: она узнает, что Жоффрей поддался чарам местной красавицы. Анжелика впервые в жизни начинает сомневаться в силе собственной красоты. Так неужели их любовь, которая преодолела столько преград, потеряна навсегда?

- [Анн Голон](#)
 -
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)

- [Глава IX](#)
- [Глава X](#)
- [Глава XI](#)
- [Глава XII](#)
- [Глава XIII](#)
- [Глава XIV](#)
- [Глава XV](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава I](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)

- [Глава VIII](#)
- [Часть пятая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
- [Часть шестая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
- [Часть седьмая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
- [Часть восьмая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
- [Часть девятая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
- [Часть десятая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)

- [Глава V](#)
- [Часть одиннадцатая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
- [Часть двенадцатая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
- [Об авторе](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
-

Анн Голон

Анжелика в Квебеке

Anne Golon
ANGÉLIQUE À QUÉBEC

Copyright © Anne Golon - 1980

The Russian translation is done after the original text
revised by the author

© Е. Татищева, перевод, 2017

© Издание на русском языке. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

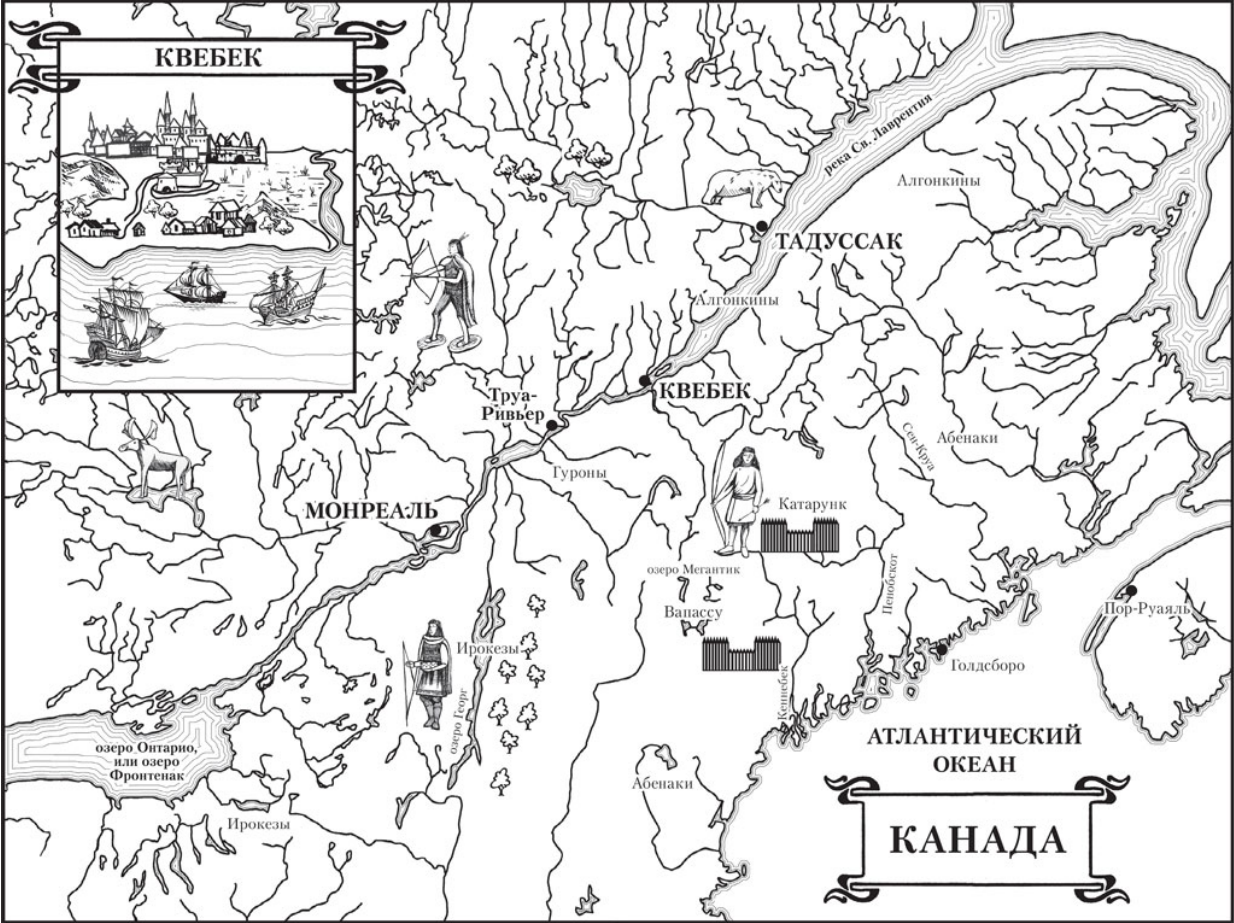
Издательство АЗБУКА®

* * *

Секрет несомненного и удивительного успеха «Анжелики», видимо, кроется не только в самой привлекательности данного жанра, а скорее в красочности отображаемой эпохи, в остроте занимательного сюжета, в увлекательном историко-литературном повествовании, традиции которого восходят к Александру Дюма.

А. Эпштейн

Часть первая

Прибытие

Глава I

Она выбрала голубое платье. Плотный атлас, из которого его сшили, был почти белым, однако при каждом, даже совсем легком, движении в его складках играли бледно-голубые отблески и трепетали нежно-розовые блики, неуловимые, как цвет восточного края неба на утренней заре.

Посмотрев из окна полуюта «Голдсборо», стоящего на якоре на рейде в гавани Квебека, Анжелика подумала, что выбранное ею платье похоже на это холодное недвижимое утро, которое ожидало ее и Жоффрея, отражаясь и точно так же отливая перламутром в тихих водах реки Святого Лаврентия, протянувшейся, подобно спокойному озеру, у подножия стен Квебека.

Город также был розовым. Тишину не нарушал ни один звук. Безмятежный и сонный, маленький колониальный городок, затерянный посреди диких просторов Канады, казалось, затаив дыхание, ждал.

Анжелике чудилось, что город наблюдает за ней, подстерегает ее, как кошка мыш, меж тем как она, Анжелика де Сансе де Монтелу, графиня де Пейрак, она, изгнанная из Французского королевства, стоит перед зеркалом в кают-компани «Голдсборо», завершая свой туалет перед приемом у господина де Фронтенака, губернатора Новой Франции, представляющего на земле Америки того самого Людовика XIV, которому она некогда бросила вызов, подняв в Пуату мятеж.

Вот почему легкое беспокойство сжимало ей сердце, хотя сама она в этом себе и не признавалась и, казалось, все внимание сосредоточила на своем туалете. Лицо ее оставалось безмятежным, большие зеленые глаза пристально глядели на отражение в зеркале.

Ни за что на свете молодая женщина не хотела бы выказать ни малейшей тревоги перед теми, кто ее окружал и кто помогал ей одеваться, то есть перед камеристками, портным и чернокожим великаном Куасси-Ба, носившим шкатулку с ее драгоценностями.

Но по мере того, как приближалось время высадки на берег, ей становились все более очевидными все те препятствия, которые превращали их с Жоффреем затею в чистое безумие. Король Франции когда-то изгнал Анжелику и ее мужа, графа де Пейрака, и они долгие годы провели в борьбе с этим монархом, который из зависти к могущественному вассалу и страха перед соперником вынес несправедливый приговор.

К тому же здесь, в Новом Свете, многие из живущих в Канаде французов считали их союзниками Новой Англии, с которой граничили земли Жоффрея, и потому видели в них врагов.

Однако, презрев все эти политические подводные камни, Жоффрей де Пейрак с пятью кораблями своей флотилии только что прибыл под стены Квебека, чтобы встретиться с господином де Фронтенаком и заключить с ним добрососедский союз. Это будет первый шаг на пути возвращения во Французское королевство, и, кто знает, быть может, придет день, когда ему удастся вернуть себе те имена и титулы, которых он много лет назад был незаконно лишен. Ближайшие часы решат их судьбу.

Анжелика подумала, насколько по-разному реагируют мужчина и женщина на подобную ситуацию. Ей гораздо труднее переносить несправедливую враждебность, чем этому человеку, ее супругу, который, мужественно терпя тяжелейшие гонения, находил для себя в этом своеобразное развлечение.

Войдя вслед за теми, кто принес Анжелике платья и украшения, Жоффрей воскликнул:

– Да начнется праздник!

Он стоял позади нее, на нем был богатый костюм из атласа цвета слоновой кости, собранного в ромбовидные складки и отделанного мелкими жемчужинками и малиновыми атласными вставками. Глаза Жоффрея де Пейрака, глядевшие на отражение Анжелики в большом зеркале, блеснули от сдерживаемого восхищения, и все его внимание было поглощено последними деталями, которые следовало бы добавить к наряду жены перед выходом в Квебек. Однако она не сомневалась, что в глубине души ему не терпится, чтобы «праздник» поскорее начался. В эту минуту она чувствовала себя отчужденной и даже далекой от него.

Это возвращение во Францию, пусть даже это всего лишь посещение маленькой столицы Канады, пробудило в Анжелике воспоминания о ее личной борьбе с королем Франции; этот непреклонный монарх никогда не простит ей, что она его отвергла.

Жоффрей с его флотом, богатством и влиянием, которое давали принадлежавшие ему поселения в округе Мэн, находился в более выгодном положении.

Этим летом обстоятельства позволили ему привлечь на свою сторону двух важных деятелей Новой Франции: губернатора Акадии маркиза де Вильдавре и интенданта Карлона, которым он имел случай оказать некоторые услуги. Рассчитывая к тому же на поддержку губернатора господина де Фронтенака, будучи уверенным в том, что военный комендант господин де Кастель-Морг не станет вмешиваться, а архиепископ останется нейтрален, Жоффрей мог надеяться на то, что чету де Пейрак примут в Квебеке с распростертыми объятиями.

Тем не менее нельзя было забывать об иезуите отце д'Оржевале, который вел против них войну в Акадии и имел большое влияние на союзные Франции индейские племена абенаков и алгонкинов, а также на огромное число набожных французов, жаждущих доказать ему

свою преданность. Этот иезуит создал целое движение, враждебно настроенное к недавно прибывшему Жоффрею де Пейраку, который, не поднимая флага никакой страны, обосновался у границ Акадии, считающейся владением французского короля, и к тому же торговал с англичанами. Положение усугублялось еще и тем, что в прошлом году одной квебекской монахине было видение: ей явилась очень красивая женщина, которой суждено принести Новой Франции множество несчастий. И тотчас распространился слух, что жена графа де Пейрака, красота которой была широко известна, и есть предсказанная монахиней дьяволица.

Над этим можно было бы посмеяться, но подобный фанатизм мог привести к войне. Необходимо было как можно скорее выправить положение, иначе оно выльется в вооруженный конфликт.

В этой беспокойной колонии было столько различных группировок, что обещания одних другие часто встречали в штыки. Среди сторонников иезуита называли военного коменданта Кастель-Морга, державшего в своих руках армию, и особенно его жену Сабину де Кастель-Морг, женщину властную и грозную, а также – на другом конце иерархической лестницы – некую Жанину Гонфарель, которая заправляла всеми борделями Нижнего города и, пользуясь определенной снисходительностью клириков, поддерживала их политику. Появление Анжелики в чудесном платье, сшитом по последней парижской моде, пожалуй, могло возбудить зависть этих дам.

– Не лучше ли мне одеться скромно и появиться незаметно, как в Тадуссаке?

– Нет, – отвечал Пейрак. – Вы должны их очаровать, покорить, а не разочаровывать. Народ ожидает явления... Надо им его дать. Дама Серебряного озера... Героиня легенды.

Итак, Анжелика сознавала всю важность первых мгновений и впечатления, которое она должна была произвести на толпу с ее самыми разноречивыми умонастроениями, которая собралась на нее посмотреть.

Нынче вечером Жоффрей де Пейрак и его люди либо переночуют в стенах Квебека, либо будут вынуждены убраться восвояси, их маленький флот будет разбит и к тому же заперт в ловушке, расставленной огромной северной рекой, которую скоро скуют льды.

Жоффрей де Пейрак все это понимал. Решающую роль должна была сыграть Анжелика, и, зная это, он разработал дерзкий и необычный план. Притом совершенно неожиданный для Анжелики.

- Вы сойдете на берег первой, без меня, к вам будет привлечено всеобщее внимание. Вас будет сопровождать господин де Вильдавре - я его предупредил, и он в восторге. С вами также поплывут на двух шлюпках мои вооруженные люди - ваш почетный караул. Таким образом, вы предстанете перед квебекцами одна, и при виде вашей лучезарной красоты они все остолбенеют. Вы воспользуетесь этим, чтобы поставить вашу прелестную ножку на берега Квебека, подобно Афродите, вернувшейся с Цитеры. Губернатор господин де Фронтенак, этот галантный мужчина, который нам предан, подаст вам руку, и таким образом толпа увидит, что вы всего лишь прелестная женщина, существо совершенно безвредное, само воплощение женственности и очарования. И тогда они устроят теплую встречу именно вам, Анжелике, а не моей супруге, находящейся под защитой моего оружия. Вам нравится мой план? - спросил он.

Но ему не нужно было ждать ответа. Сверкающие глаза Анжелики лучше всяких слов сказали ему, насколько удачным показался ей этот план и как прекрасно он соответствовал ее пылкой и бесстрашной натуре.

- Ведь мы с вами хорошо знаем французов, не так ли? Наши земляки могут подозрительно отнестись к вооруженной силе. Но они никогда не оттолкнут женщину, которая явилась к ним одна.

- А что в это время будете делать вы?

- Я? В это время... *я окружу город.*

Глава II

Платье действительно было очень красивым. Несмотря на все заботы, Анжелика не могла нарадоваться на свое отражение в зеркале. В этом наряде, только что доставленном из Парижа, она заметила некоторые новые детали. Так, по-видимому, больше не носили или, по крайней мере, носили реже верхнее платье, которое прежде надевалось на фижмы поверх одной или двух других юбок и подбиралось так, чтобы они были видны. Новое платье ниспадало до самого низа поверх юбки того же цвета, лишь слегка приоткрывая ее спереди.

Ткань платья была великолепна; ее перламутровые переливы порадовали бы самый придирчивый взгляд. Корсаж с короткими оборками по талии был расшит розами, а негнувшийся пластрон имел тот же переливчатый цвет и был украшен атласным бантом. Стоячий кружевной воротник начинался от линии декольте, а сзади закрывал затылок, подчеркивая белизну грациозной шеи, выделявшейся на этом драгоценном фоне.

Анжелика в этом изумительном наряде казалась нереально красивой. Ее слегка припудренная золотистая кожа как будто излучала свет. Можно было подумать, что Анжелика светится изнутри. Она особенно тщательно подкрасила глаза, четко очертила брови. Немного розовых румян – смеси сока алканы и бледной охры – едва заметно подчеркивали линию скул. Она занималась макияжем более часа – с самого рассвета – и, несмотря на стоявший в каюте холод, согрелась. В последние годы, ведя жизнь, полную приключений, она немного подрастеряла прежнюю сноровку, которую приобрела в Версале, когда ей каждый раз приходилось

использовать косметику перед появлением при дворе короля.

Однако, судя по тому, как смотрел на нее сейчас Жоффрей де Пейрак, ее старания, похоже, увенчались успехом. В темных глазах графа светилось восхищение, а на губах играла нежная полуулыбка.

Сейчас он открывал новую для него Анжелику, такой она была в Версале, когда ее домогался сам король. Но Жоффрея де Пейрака это ничуть не огорчало, потому что с тех пор, как он вновь обрел Анжелику, он научился понимать и любить все стороны ее натуры. Она частенько его удивляла, иногда тревожила, но более всего вызывала восхищение изменчивостью своего темперамента, что, однако, не мешало ей оставаться существом абсолютно цельным.

Он протянул руку и ласково коснулся пальцами ямочки между ее ключицами.

- К этому восхитительному декольте прекрасно подошли бы бриллианты, - сказал он, но затем поправил себя: - Нет! Жемчуг. Он более нежный.

И, повернувшись к ларцу, который протянул ему чернокожий слуга Куасси-Ба, он выбрал ожерелье из трех ниток жемчуга.

Эта сцена - он и она, отражающиеся в большом зеркале, - напомнила им похожую сцену, когда они оба так же стояли перед зеркалом в своем дворце в Тулузе много лет назад.

Сейчас они знали, что им обоим пришло на ум одно и то же - Тулуза.

- Тогда вы меня не любили, - сказал Пейрак. - Как давно это было! Вы заставили меня пережить муки ада. Но, черт возьми, я все равно ждал бы вашей любви хоть до скончания времен. Я хотел, чтобы вы пришли ко мне сами, по доброй воле, а не потому, что у меня на вас есть права. И сейчас я хочу того же.

Они смотрели на город, и у них обоих было предчувствие, что их нынешнее возвращение во французские владения, быть может, даст им возможность восстановить то, что когда-то было так безжалостно разрушено. Наконец-то им не придется более скитаться по морям и лесным чащам. Они снова окажутся среди равных себе дворян, играющих в свои игры и исполняющих заданные роли в обществе, которое представляло собою кальку с общества Старого Света.

Держа ее за плечи, он тихо спросил:

- Вы боитесь?

- Немного.

И, почувствовав, что она дрожит, Жоффрей произнес:

- Вы замерзли. Я велю принести вам меховую накидку.

Молодая камеристка Дельфина позвала Генриетту и Иоланду и даже призвала на помощь портного и Куасси-Ба, ибо доставить накидку оказалось не так-то просто. Она была сшита из белого меха, подбита тонкой шерстью и белым атласом, с широким капюшоном, изнанка которого была расшита золотой и серебряной нитью. Неся ее, надо было смотреть в оба, чтобы мех не касался досок палубы, поскольку на корабле трудно добиться идеальной чистоты. Выйдя гуськом из гостиной, камеристки, портной и Куасси-Ба направились в соседнюю каюту, где она лежала со вчерашнего вечера, разостланная на сундуках.

Жоффрей де Пейрак продолжал смотреть на отражение Анжелики в большом зеркале:

- Чего вам бояться, любовь моя? Потерпеть неудачу значило бы не тронуть сердца квебекцев. Но неужто вы не знаете, насколько вы завораживаете всех тех, кто с вами встречается? Неужели вы совершенно не осознаете силу своих чар? Что же могло разрушить ту несокрушимую уверенность в себе, которая должна

была бы быть вам присуща? Но даже если вы в себе сомневаетесь, знайте: ваше очарование неизменно. Оно сильно, как никогда. Даже еще неотразимее, чем прежде. Я бы с удовольствием разъял его на составные части в моих ретортах и изучил каждую отдельно. В нем нашлись бы тысячи алхимических секретов, что-то граничащее с магией. О! Моя дорогая, моя прекрасная, наделенная способностью мучить меня, пусть хотя бы ваша огромная власть над теми, кто вас окружает, убедит вас в вашей победе...

В этой пылкой тираде, которую граф произнес с легкой хрипотцой, все дышало той куртуазной любовью, что воспевали трубадуры Лангедока, среди которых Жоффрей де Пейрак был одним из самых знаменитых. Эта речь, сказанная нежно и весело, но вместе с тем со всепобеждающей страстью, вызвала у Анжелики невольную улыбку. Она снова повернулась к зеркалу и посмотрела на свое отражение. Да, она сполна обладала даром обольщения, который столько раз испытывала на мужчинах; порой она проклинала этот дар, порой благословляла, но всегда его в себе чувствовала и никогда не отрекалась от него.

Жоффрей был прав, что напомнил ей о нем. Пришла пора вновь стать той Анжеликой, которая на протяжении последнего года не раз одерживала победу.

Она выйдет навстречу этой толпе со всей уверенностью, на которую способна, и не разочарует ожидающих ее жителей Квебека. Если они увидят, как она красива и спокойна, страхи улягутся, а ненависть, пусть ненадолго, притупится.

Она дотронулась до одной сережки, чтобы посмотреть на отблеск бриллианта на своей щеке. Да, все это очень красиво. Она поправила несколько выбившихся из прически локонов тем вечным жестом женщин, готовящихся предстать взорам публики. То был своего рода магический ритуал. Волшебный знак

самосозидания, самопревращения, чтобы увидеть себя такой, какой ты себя любишь, какой ты себе нравишься, какая ты есть на самом деле.

«Тогда успех гарантирован», – подумала Анжелика и улыбнулась своему отражению в зеркале.

Слуги внесли ее белую накидку, держа за четыре конца, словно знамя. Граф де Пейрак взял ее и сам накинул на плечи Анжелики, потом расправил складки и надвинул пушистый капюшон на ее блестящие волосы. Можно было подумать, что он готовит ее к посвящению в рыцари, точно этот плащ может не только защитить, как защищают доспехи, но и приготовить к бою.

Это были доспехи женского очарования, которые позволят ей нынче завоевать Квебек.

К Анжелике подошла Дельфина и протянула ей гребень и шпильки.

– Сударыня, должна ли я вас сопровождать? – спросила девушка. – Ведь у меня шкатулка с вашими туалетными принадлежностями.

– Нет, это ни к чему. Я не хочу подвергать вас опасности.

Жоффрей вмешался в их беседу:

– Мадемуазель, ваша забота кажется мне достойной похвалы. Но нынче мне совсем не хочется, чтобы вы и ваши спутницы угодили на... передовую. Вы сейчас отправитесь на борт «Ларошельца», где находятся также и дети с Иоландой. Там вам дадут указания, чтобы вы все в нужный момент могли сойти на берег и принять участие в празднике.

Дельфина и Генриетта покорно оставили туалетные принадлежности и украшения, которые были вверены их заботам, и, присев в неглубоком реверансе, ушли в сопровождении одного из матросов «Голдсборо», которым было поручено особо охранять дам во время высадки.

Анжелика слышала, как граф приказал Куасси-Ба:

– Пригласите сюда господина де Кастель-Морга.
Она вздрогнула.

Стало быть, полковник де Кастель-Морг, военный комендант Новой Франции, который, хотя и был гасконцем, слыл одним из самых свирепых их противников, сейчас на борту? Что бы это значило?

Она все поняла, когда на пороге каюты вместо чернявого, усатого, вспылчивого, неуживчивого и склонного к черной меланхолии полковника-коменданта увидела его сына, юный Анн-Франсуа в отличие от отца был совершенно очаровательным существом. Текущая в его жилах гасконская кровь подарила ему веселый нрав, вкус к куртуазной любви и поэзии и любовь к жизни. Стройный и высокий, с черными, как у большинства гасконцев, глазами, бронзовой от солнца кожей и сияющей улыбкой, он был похож на Флоримона, как брат, и неудивительно, что они как нельзя лучше ладили, когда случай свел их на берегах пресноводных морей, как называли Великие озера.

С головой, стянутой расшитой жемчугом индейской повязкой, в замшевом костюме, дополненном кружевным жабо, пусть завязанным наспех, но тем не менее придававшим ему достаточно элегантный вид, он был ярким образчиком особой породы молодых людей, безумно упивавшихся свободой заокеанских колоний, где они созревали как невиданные прежде плоды, хоть и напоминавшие вкус Старого Света с его сословным делением, откуда брали начало их корни.

Анн-Франсуа поклонился графу с изяществом молодого сеньора, потом отвесил еще более низкий поклон Анжелике. Он смотрел на нее горящими глазами, нисколько не скрывая восхищения. От ее красоты он остолбенел, не в силах оторвать взгляд, и лишь с трудом заставил себя повернуться к Пейраку, учтиво ожидая, когда тот соблаговолит сообщить ему причину, по

которой его призвали. Между тем граф рассматривал его снисходительно и с симпатией.

Глядя на них, когда они стояли вот так, лицом к лицу, этот юноша и знатный искатель приключений с седеющими висками и изборожденным шрамами лицом, Анжелика дивилась и почти умилялась тому, насколько похожи сыновья, рожденные землей Аквитании.

- Милостивый государь, - сказал Пейрак, - мне стало известно, что вы несколько лет были пажом при французском дворе...

- Это правда. Я состоял на службе у подруги моей матушки, госпожи де Валансьен, и носил ее шлейф. Потом, когда мои родители уехали в Новую Францию, я поступил пажом к госпоже де Тонне-Шарант, состоявшей при дворе брата короля. Но когда три года тому назад господин де Вильдавре приехал в Сен-Клу, чтобы передать мне весточку от родителей, он увидел, как сильно я скучаю по матушке, и добился для меня разрешения отправиться с ним в Квебек. И я об этом не жалею! - с жаром добавил юноша. - Куда интереснее бродить по лесам, чем приносить своей госпоже рукомыльник и полотенце, разносить конфеты и обмахивать дам веером, будь они хоть принцессы.

- Что ж, хорошо, однако сейчас пришло время вспомнить то, чему вас научили при дворе. Госпоже де Пейрак нужен паж, чтобы нынче сопровождать ее, нести шкатулку с украшениями, а также помогать ей всем, чем возможно, во время церемонии, на которой она должна будет явиться во всем блеске и которая будет для нее весьма утомительной. Хочу добавить, что я выбрал вас, потому что вы известны своей храбростью, ловкостью и любезным обхождением. Кроме того, вы хорошо знаете жителей Квебека. В случае чего вы сумеете заставить с собой считаться и сможете оказать необходимую помощь той, которую будете сопровождать. Чувствуете ли вы себя способным исполнить эту миссию?

Выражение лица и вся повадка Анна-Франсуа де Кастель-Морга ясно свидетельствовали, как он счастлив, - ведь ему неожиданно выпал случай сыграть такую важную роль при Анжелике, которой он восхищался все больше и больше с тех самых пор, когда, возвратившись из-за полярного круга, взошел на борт корабля графа де Пейрака.

Не особо заботясь о своем платье, более подобающем лесному бродяге трапперу, чем пажу, Анн-Франсуа осведомился о том, кто будет сопровождать госпожу де Пейрак, потом принялся с превеликим тщанием изучать содержимое черепаховой, инкрустированной золотом шкатулки. Во внутреннюю сторону ее крышки было вделано зеркальце, в которое при удобном случае можно было бросить беглый, осторожный взгляд. Он проверил наличие гребней и щеток и коробочек с румянами. Достаточно ли шпилек для волос? Есть ли нюхательная соль на случай обморока? Есть ли пастилки с гвоздичным маслом, которые надо грызть, чтобы подавить тошноту? Надушенные кружевные носовые платки, чтобы обмахиваться, если станет дурно? Так случилось, что дамы, на службе у которых он когда-то состоял, были особенно подвержены недомоганиям. Жизнь маленьких пажей при дворе была нелегка, но тогда он прошел хорошую школу, и сейчас вся сноровка тотчас к нему вернулась. Анн-Франсуа, со своими красивыми глазами, грацией, индейским нарядом и вдруг откуда-то взявшейся серьезностью, был полон очарования. Он сказал, что ему надо дать дополнительные указания Нильсу и Тимоти, которые должны держать накидку графини, и что, если господин и госпожа де Пейрак пока в нем более не нуждаются, он подождет их на палубе. После чего Анн-Франсуа вышел, унося с собою черепаховую шкатулку.

Анжелике вдруг захотелось взглянуть на вампум, который весной ей подарил Уттаке, вождь ирокезов, в знак заключенного между ними союза.

Чтобы открыть ларец, в котором лежал вампум, ей пришлось побеспокоить кота, который разлегся на его крышке. Этот кот, сопровождавший ее еще со времен Голдсборо, совсем не одобрял той суеты, которая с самого рассвета нарушала спокойное течение его дня. И сейчас он притворялся, будто крепко спит. Разбуженный, он потянулся с видом величайшего неудовольствия и стал, скучая, наблюдать, как Анжелика достает из шкатулки пояс, сделанный из мелких белых и синих ракушек, которому индейское предание приписывало силу талисмана.

Вампум считался не менее ценным, чем золото или серебро, а тот, который вождь ирокезов подарил Анжелике, был и вовсе бесценен, ибо олицетворял собою настоящий мирный договор.

Уттаке, вождь союза пяти ирокезских племен, слыл самым свирепым врагом Новой Франции. Однако договоренность с Жоффреем де Пейраком и Анжеликой, которые тоже были французами, несколько смягчила его ненависть к канадским бледнолицым.

Воодушевленная уверенностью в конечной победе, Анжелика положила вампум обратно в шкатулку и, обращаясь к коту, сказала:

- Возрадуйся, малыш, этим вечером ты окажешься в Квебеке и сможешь вволю поохотиться на мышей на улицах настоящего города.

Приключение начиналось.

Она снова взглянула на Жоффрея де Пейрака, своего супруга, свою любовь, который в очередной раз преспокойно шел на немислимый риск, могущий привести как к победе, так и к поражению.

«Как он велик, - сказала она себе, - он почти чужой, так он отличается от всех остальных. Он не может не

победить. Всегда и во всем. Сегодня день возрождения».

И Анжелика оперлась на предложенную им руку.

- Вперед, сударыня, - сказал он. - Вперед! Квебек ждет вас.

Глава III

Ей стало холодно, как только она вышла на верхнюю палубу. Здесь стоял невообразимый шум. Гам голосов матросов, взбудораженных последними приготовлениями к высадке на берег, смешивался с гвалтом, который доносился из города и усиливался эхом, отражавшимся от береговых утесов.

Почему в салоне «Голдсборо» ей казалось, будто снаружи царит тишина?

Из города неслись звон колоколов и крики людей, сливающиеся в невыносимый гул, похожий на дыхание моря в приложенной к уху раковине.

Ниже по течению реки по-прежнему плыл туман, скрывавший часть берега, но все равно было видно, что вокруг, на рейде гавани, стоит множество самых разнообразных судов: рыбацкие лодки, индейские каноэ из дерева или коры и даже плоты, сделанные из перевязанных веревками бревен с временными гребями, заменяющими потерянные во время бури или аварии рулевые весла, на таких реку переплывали смельчаки, не имеющие доступа к другим способам перевозки.

Жоффрей де Пейрак вел Анжелику по верхней палубе. Он держал ее за руку. Ей вдруг пришло в голову, что ему, должно быть, пришлось сделать над собою немалое усилие, чтобы поручить ей эту миссию, во время которой она будет подвергаться опасности вдали от него.

Метрдотель поставил перед ними большой поднос, уставленный серебряными и хрустальными кубками, в которых был ром и тот прозрачный и душистый хмельной напиток, который граф де Пейрак покупал в низовьях реки Святого Лаврентия в Новой Голландии, где колонисты делали его из ягод можжевельника.

- На посошок, - объяснил Жоффрей де Пейрак. - Пусть выпьет каждый из моих боевых товарищей, начиная с юнги и кончая вами, моя дорогая, самой прекрасной посланницей на берегах Америки.

- Я бы предпочла сейчас стакан воды, - сказала Анжелика, обнаружив, что у нее пересохло горло и она не может произнести и двух слов.

Ей тут же принесли воды. Она жадно ее выпила и со вздохом сказала:

- Мне уже лучше. Что вы хотите, я стала похожа на индейцев. Теперь только ключевая вода возвращает мне силы.

По взгляду Жоффрея де Пейрака она поняла, что сейчас ему безумно хочется заключить ее в объятия и покрыть поцелуями.

- Как же вы прекрасны! Уверен, это будет триумф. Никто не станет стрелять в женщину, которая явилась как королева в своем самом лучшем уборе. Вначале они станут во всех подробностях разглядывать ваш туалет, драгоценности, вашу прическу, и... партия будет выиграна! Представление будет развиваться, как мы и задумали. Ничто не сможет его прервать. В этой маленькой столице Новой Франции выбор истинно интересных развлечений куда как ограничен.

- Я тоже радуюсь, - сказала Анжелика. - Игра будет трудной, но я более не боюсь.

- Ну да, конечно! Страх - это мой удел, - скорчив гримасу, сказал граф и одним глотком осушил кубок рома.

Она поняла, что, посылая ее под огонь, он изрядно за нее тревожится. Однако он явно не сомневался в ее успехе.

Затем он надел на свои густые, развеваемые ветром волосы черную фетровую шляпу с белым плюмажем, прикрепленным бриллиантовой пряжкой, и натянул кожаные перчатки с крагами, отделанными кружевами.

- Сейчас я покину вас, сударыня, и начну обходной маневр, о котором я вам говорил. Благодаря туману, который закрывает устье реки Сен-Шарль, я высажусь на берег, пройдя вдоль него, достигну предместий Нижнего города и вскоре присоединюсь к вам в порту под звуки флейт, барабанов и труб. О детях не беспокойтесь - они в безопасности на борту «Ларошельца». Он крейсирует вдали от берега и не приблизится к нему, пока основная часть наших войск не высадится на берег. Он сигналом оповестит «Голдсборо» о том, что маневр завершен, и в ту же минуту вы сядете в почетную шлюпку, которая доставит вас в Квебек.

Пока они разговаривали, их глаза продолжали спрашивать и отвечать и их сердца вели безмолвный диалог.

- Я тебя люблю... ты со мной... ты прекрасна...

- Я тебя люблю... ты со мной, и я чувствую себя красивой и более сильной...

- А в чем наш выигрыш? - прошептала она. - Какова ставка во всей этой игре, какова цель всего этого риска? В чем он состоит? Вынудить короля Франции обойтись с нами по справедливости? Или же взбунтовать против него его здешних подданных? Это безумие, это неосуществимо. Мы боремся и бьемся, но скажите мне, господин граф, в чем смысл всех наших усилий?

- В том же, что и для всех! - весело отвечал он. - Жить и побеждать на этой проклятой земле, на которой есть так много чудесного. Жить как можно лучше. Борьба, чтобы жить. Не щадя сил, но насколько возможно избегая кровопролития и жестокости. Разумеется, если нас примут в Новой Франции, это будет совершенно незаконно. Но надвигается зима. В течение нескольких месяцев с Францией не будет никакой связи. Мы сильны, и у нас миролюбивые намерения. Моя переписка с Фронтенаком приносит свои плоды.

- Но у вас ведь есть в городе еще один союзник, помните, вы мне говорили?

- Тише! Чем меньше о нем знают, тем лучше. Но мало-помалу все раскроется. Пока достаточно и того, что губернатор открыто выступает на нашей стороне. Он рискует навлечь на себя гнев короля, и не исключено, что в один прекрасный день король отправит его в отставку. А каково отношение короля к нам? Мы пока этого не знаем.

А пока мы ждем нашего выигрыша, пусть даже и скромного, что может быть лучше для нас, изгнанников и бродяг, чем провести зиму в Квебеке, на французской территории, среди друзей? Что может быть чудеснее?

Глава IV

Он ушел, поцеловав ей руку.

– Не беспокойтесь обо мне, – сказал он. – Речь идет о ВАС, о ВАШЕМ триумфе, Маркиза Ангелов.

Услышав этот свой давний титул – Маркиза Ангелов, она рассмеялась. Это было тайное прозвище, которое ей дали бандиты и нищие в парижском Дворе Чудес. Он узнал его на днях, из ее письма к Дегре. Услышав это имя из уст Жоффрея, она удивилась и обрадовалась.

Маркиза Ангелов!

Глядя на город, который издали напоминал какой-нибудь маленький французский городок в Нормандии или Бретани, она чувствовала, как прошлое сливается с настоящим.

Игра началась. Мало-помалу все занимали свои места. На верхней палубе, в коридоре, Анжелика ждала маркиза Вильдавре.

Вблизи Квебека стоял только их флот. Пять кораблей – на каждой палубе и даже вокруг марсов леерное ограждение, украшенное алым с золотом фризом, с портами, в которых виднелись черные жерла пушек.

Город был для этого флота легкой мишенью. Приближающаяся зима загнала и город, и флот в ловушку. Отныне никто не мог вмешаться в их противостояние. Оба они оказались пленниками бескрайнего Американского континента: французы из Квебека и французы, которыми командовал Пейрак.

Перед флотом графа на берегу возвышался похожий на чеканное, сверкающее украшение Квебек с его высокими белыми домами, теснящими друг друга и взбирающимися до самой вершины горы Рок посреди города.

То было нагромождение островерхих, ошестинившихся квадратными трубами крыш, диковинное скопление строений из камня, дерева и самана, которые располагались друг над другом наподобие карточного домика.

Широкие пространства, засаженные деревьями, – парки или фруктовые сады – террасы, городские стены, склоны и местами отвесные скалы утеса – все это находилось на разной высоте и соединено лестницами, узкими тропинками и едва заметной, похожей на приставную лесенку дорогой.

На самой вершине располагались собор, резиденция епископа, семинария, иезуитский коллеж, монастырь урсулинок, больница и замок Сен-Луи, венчая город подобием короны, зубцами которой были искусно украшенные колокольни и колоколенки, рядом с которыми торчали островерхие кресты.

В этом городе, затерянном на краю земли, было что-то совершенно необычное. Он походил на гигантское приношение Богу.

То там, то сям – на краю плато, на мысу, на уступе – виднелись три или четыре маленькие ветряные мельницы, придавая общему ансамблю вид бесхитростный и безыскусный.

Над мысом Диамант одиноко вырисовывался силуэт большого деревянного креста.

Маркиз де Вильдавре возник перед Анжеликой, точно нечистый дух, вырядившийся в княжеские одежды.

– Не хотите ли посмотреть в мою подзорную трубу? – спросил он и, повернувшись к ней спиной, добавил: – Как вы находите мой костюм? Не правда ли, он великолепен?

– Вы выглядите превосходно. Но я тоже жду от вас комплиментов – комплиментов моему платью. Вы мне ничего о нем не сказали.

– В самом деле! Вы восхитительны... у меня иссякли слова. Мне нет прощения, но я так взволнован, так рад, что буду вас сопровождать. Вот увидите – вас встретят овациями. Только взгляните на эту толпу. Эти люди знают, что скоро увидят вас, и уже не могут сдержать возбуждения.

И правда, даже невооруженным глазом было видно, что весь город кишит людьми, словно потревоженный муравейник.

Анжелика взяла у маркиза подзорную трубу, настроила ее и увидела в окуляре пристань, темную от запрудившего ее народа, и на переднем плане – офицеров в нарядной парадной форме и расфуфыренных дам с веерами в руках.

Их ждали и притом готовы были принять со всеми почестями, подобающими дорогим гостям, а никак не врагам или презренным, подозрительным иностранцам.

Анжелика была поражена. Она давно уже не видела такого скопления народа, причем сплошь французов.

– Они выглядят довольными.

– Они в восторге. Можете мне поверить.

– А как поведет себя военный комендант господин де Кастель-Морг? – осведомилась она.

– Он смирился. Губернатор взял с него слово, что он ничего против вас не предпримет. Вот, я вижу его в свою подзорную трубу – он стоит рядом с господином де Фронтенаком. Он едва сдерживает досаду, но молчит.

– А... отец д'Оржеваль? Вы его видите?

Среди собравшихся выделялось множество черных сутан. Вильдавре внимательно их рассмотрел, после чего покачал головой:

– Я его не вижу. Должно быть, он пока выжидает.

Вильдавре продолжал разглядывать толпу на пристани в свою подзорную трубу.

Внезапно он топнул ногой:

- А, вот он! Вот он! Я знал, я вам говорил! Посмотрите туда, направо, он стоит рядом с группой офицеров. Я его вижу, вижу! Вон тот священник в черном. Помните, я вам говорил, что он доберется сюда раньше меня и будет ждать меня на молу.

- Кто? Отец д'Оржеваль?

- Да нет, что вы! Мой духовник! - торжествующе объявил маркиз. - Вы должны его помнить. Это господин Дажнэ, который был со мною в Голдсборо, но отказался плыть на корабле и сказал, что доберется до Квебека по суше. Ах, я же говорил вам, что он способен добраться сюда раньше меня. Ха-ха! Вот что Акадия делает с сорокалетним священником парижской церкви Сен-Сюльпис, закисшим среди своих книг и молитв, - он превращается в лесного бродягу с каноэ за спиной. Как я вам уже говорил, эта земля превращает людей в безумцев.

Анжелика еще раз взяла у маркиза подозрную трубу и в конце концов разглядела важного длинноносого священника, которого мельком видела в Голдсборо. Никаких сомнений - это действительно был он. Он дожидался своего покровителя, стоя с благочестивым видом на краю пристани, и трудно было себе представить, что этот человек, всегда серьезный и важный, пешком преодолел почти триста лье по лесистой опасной местности.

Квебек походил сейчас на дерево, увешанное плодами. Не было ни одного окна, откуда не выглядывала бы чья-нибудь голова. Повсюду - на площадях, в парках и садах - толпился народ. На крепостных стенах сидело множество людей. Все места, откуда можно было видеть происходящее на пристани, были давно заняты. За малыми фортами Верхнего города простиралось широкое зеленое плато, которое теперь кишело народом, отчего оно приобрело

рыжеватый оттенок. Это были индейцы, союзники и друзья Франции.

Вильдавре, отойдя в сторону, крикнул Анжелике:

– Само собой, я предоставляю в ваше распоряжение мой портшез, чтобы вы могли добраться до собора, на торжественную мессу. Мой портшез чуть ли не единственный в Квебеке и, во всяком случае, самый комфортабельный.

Снова подойдя к ней, он добавил:

– Ничего не бойтесь, под моей защитой вы неприкосновенны... Вот увидите.

Да, ему и в голову не приходило, что их могут встретить пушечными ядрами.

И он снова удалился, прокладывая себе дорогу среди снующих по палубе «Голдсборо» людей. Матросы выглядели великолепно, одетые в форму из белого полотна с голубыми с золотом кушаками и голубыми с золотыми кисточками шапками. Многие находились на вантах и сидели на реях, готовые в случае тревоги тотчас поднять паруса. Хотя они и были сегодня при параде, нельзя было забывать, что в любой момент мог быть дан сигнал тревоги.

Вильдавре, перегнувшись через фальшборт, к снующим вокруг баркам и лодкам, громко приветствовал своих знакомых.

К Анжелике подошли Нильс Эббиэл, светловолосый парнишка-швед, и негритенок Тимоти. На них были красные суконные сюртуки с отделанными вышивкой лацканами, белые чулки и башмаки, украшенные атласными бантами, скрепленными серебряными пряжками. Оба мальчика были страшно горды тем, что им поручили нести края накидки графини де Пейрак.

К ним снова подошел маркиз де Вильдавре. Теперь он был бледен и взволнован.

– Одна вещь разбита, – сказал он. – Это ужасно.

– О какой вещи идет речь?

- О моей фаянсовой походной печи! И конечно, она была украшена самым что ни на есть прекрасным узором.

Его досада еще усилилась, когда он увидел Тимоти в малиновой ливрее.

- Как! Вы отказались отдать мне в пажи этого негритенка, а себе вы его взяли!

Анжелика начала ему объяснять, что это временно, чтобы доставить удовольствие маленькому слуге, но мысли Вильдавре уже переключились на другое. Беседуя с борта со своими квебекскими знакомцами, он узнал еще одну, более приятную новость.

- Я только что узнал, что моя служанка возвратилась из своей деревушки Сен-Жозеф. Мне сказали, что она видела сон о моем скором возвращении в Квебек и по такому случаю сделала полную уборку в доме. Держу пари, что к моему приезду она приготовила нам пирог с дичью по своему секретному рецепту. Ах, Анжелика! Уже этим вечером вы будете сидеть в моем доме и вкусно ужинать, глядя, как на реку Святого Лаврентия опускается ночь. Надеюсь, мы будем часто видаться в моем доме.

- А ваша служанка не будет разочарована, узнав, что вы уступаете свой дом нам, а сами переезжаете в Нижний город?

- Она будет делать то, что прикажу ей я.

Он снова посмотрел на берег в подозрную трубу:

- Я хотел бы показать вам мой дом, но его плохо видно за деревьями сада моей соседки мадемуазель д'Уредан. Впрочем, отсюда виден скат его крыши и поднимающийся из трубы дым. Жизнь прекрасна!

Глава V

Время от времени Анжелика и маркиз де Вильдавре невольно поворачивали голову, глядя в сторону устья реки Сен-Шарль, туда, где скрылись шлюпки с матросами, которыми командовал граф де Пейрак. Легкий туман по-прежнему мешал видеть, что там происходит.

- Чего мы ждем? - спросила Анжелика.

- Сигнала, который он обещал нам дать. Но возможно, пока он считает, что туман еще слишком густ.

Почти в этот же самый момент туман, скрывавший очертания берега, начал мало-помалу рассеиваться, и в устье реки стал виден корабль, севший на мель.

- Что это за судно?

- Это «Иоанн Креститель», старая посудина, которую мы не раз выручали, пока поднимались вверх по реке. Мы раз за разом давали ей шанс еще поплавать, но она находится в слишком плачевном состоянии, и вчера вечером, почти добравшись до места назначения, застряла в устье реки Сен-Шарль, и теперь перекрывает путь. Но этот инцидент нам на руку. Наши яхты «Ларошелец» и «Монт Дезер» пришли на выручку ее промокшим пассажирам и взяли их на борт, а среди них оказался королевский посланник господин де Бардань и его офицеры. Так что вместе с интендантом Карлоном и бароном д'Арребу у господина де Пейрака сейчас полно заложников. Но он этим не воспользуется. Я восхищаюсь его политической мудростью. Когда «Иоанн Креститель» сел на мель, у него появился предлог заняться спасением потерпевших кораблекрушение. И когда он явится в Квебек, в его свите будут почетные гости, которых он спас из вод реки, и среди них - посланник короля Франции.

Тем временем к Анжелике стремительно подошел молодой человек с длинными волосами, перехваченными на индейский манер повязкой, расшитой жемчугом, в замшевой куртке, отделанной развевающейся на ветру бахромой. Он был выше ее на целую голову. К груди он с торжественным видом волхва, принесшего дары Младенцу Христу, прижимал черепаховую, инкрустированную золотом шкатулку.

- Анн-Франсуа! - вскричал Вильдавре. - Что вы тут делаете, друг мой?

- Господин де Пейрак поручил мне сопровождать госпожу де Пейрак, - отвечал юноша, выпрямившись во весь рост, однако Вильдавре больше не дал ему сказать ни слова.

- Как! СОПРОВОЖДАТЬ ее? Но это Я должен ее сопровождать, - запротестовал маркиз, прижав руку к сердцу.

- Двое защитников? Не слишком ли это много?

- Что за вздор! Я вполне способен защитить ее и один. Вы, несомненно, лжете. Никто вам ничего не поручал. К тому же ваши индейские лохмотья совершенно не сочетаются с туалетом графини. Это просто возмутительно!

- Мне поручено нести несессер госпожи де Пейрак.

- В подобном одеянии? Что за маскарад! Вы даже не смогли одеться, как подобает человеку вашего звания, однако претендуете на то, чтобы служить камергером при самой прекрасной женщине на свете. Ничего не выйдет, молокосос!

- Сигнал! - вскричала Анжелика, которая только что увидела, как в небо поднялась ракета и, погаснув, упала.

- Сигнал! - повторил Вильдавре. - Это для нас. - И, осознав важность момента, тотчас же позабыл о ссоре. - Садимся в шлюпку. Идемте, Анжелика. Пажи, вы готовы? Придерживайте плащ вот так. Ну вот... А что до тебя,

Анн-Франсуа, то отодвинься подальше и не вздумай посягать на мое законное место, не то я сверну тебе шею.

Приосанившись, маркиз де Вильдавре взял Анжелику за руку и поднял ее так высоко, словно ему предстояло танцевать павану в королевском дворце под взглядами придворных. Так они пересекли верхнюю палубу и подошли к трапу.

Внизу на волнах качалась шлюпка. Памятуя о широких фижмах и накидке Анжелики, к борту корабля приладили деревянные сходни с поручнями из каната, чтобы ей было удобно спускаться.

Сначала в шлюпку отправили обоих пажей. Затем шевалье де Вовенар, извинившись за то, что опередил даму, подал Анжелике руку, чтобы помочь ей занять свое место. Корабль слегка качало, платье и накидка цеплялись за поручни, и Анжелика была рада, что может опереться на крепкую руку акадийского сеньора. Ее согревала мысль о том, что она окружена канадскими и акадийскими друзьями, которые не боятся на виду у всех выказывать ей свое уважение и приязнь.

Она предпочла стоять, так как пышный туалет стеснял ее движения; впрочем, шлюпка была широкой, а воды реки достаточно спокойными.

Она возблагодарила небо за то, что погода стояла тихая. Все было бы намного хуже, если бы сейчас шел сильный дождь или снег и если бы дул шквалистый ветер, поднимая большие волны. Под этим ясным небосводом все было спокойно, словно сама природа хотела еще более усилить совершенство момента прибытия Анжелики в Квебек и впечатление, которое она произведет на его жителей. Посмотрев вверх, она увидела стаю летящих диких гусей. Выделяясь на фоне неба, они летели клином, вытянув шею и пронзительно крича. В этих криках Анжелике послышался обращенный

к ней зов или приветствие, и она решила, что гуси – это добрый знак.

Но тотчас же ей вспомнился приглушенный голос, который шептал:

«Я научилась ненавидеть море, потому что вы его любите, и перелетных птиц, потому что вы находите их красивыми...»

От этих безумных, полных ненависти слов, произнесенных когда-то Амбруазиной, этим демоном в женском обличье,^[1] в сердце Анжелики прокрался страх. Она вздрогнула. Надо помнить, что где-то у нее есть враги, которые не сложили оружия.

Неужели даже мертвая, эта женщина, посланная адом, чтобы погубить Анжелику, может преследовать ее, принося несчастья?

Господин де Вильдавре вслед за Анжеликой спустился по ходящему ходуном трапу и занял место на одной из скамей шлюпки. Садясь, он поднял полы своего сюртука, украшенного вышивкой, галунами и сутажом, – словом, настоящего шедевра портновского искусства.

Гребцы подняли свои тяжелые весла. Как и весь экипаж, они были одеты в белое с голубым и золотом, а за пояс у каждого был заткнут пистолет. В соседней шлюпке, которая должна была следовать за ними, дополняя охрану, сидели шестеро матросов, вооруженных мушкетами.

Анжелика, стоя на носу шлюпки, смотрела на Квебек. Теперь ей не терпелось начать действовать, завоевывать новых друзей, испытывать силу своих чар на тех, кто был настроен против нее.

И именно она первой увидела, как на вершине горы Рок, за оградой форта, расцвело большое облако белого дыма.

– Тревога! – закричала она.

До них донесся глухой взрыв. И одновременно случилось немыслимое, ужасное – где-то совсем рядом

просвистело ядро. Раздался треск ломаемого дерева, и все сидящие в шлюпке ощутили страшный толчок. У носа «Голдсборо» как по волшебству на невообразимую высоту поднялся огромный водяной столб и, шумя, точно летний ливень, низвергся обратно в реку. Ударная волна сорвала с трапа юного Анна-Франсуа, и он, пролетев над головами тех, кто уже сел в шлюпку, упал где-то совсем рядом, по-прежнему прижимая к груди черепаховую шкатулку с золотой инкрустацией.

Глава VI

Бушприт был сорван. Еще совсем немного – и ядро, пущенное из Верхнего города, продырявило бы «Голдсборо» ниже ватерлинии, разметав по дороге и шлюпку, и тех, кто в ней находился.

«Голдсборо» с огромной скоростью уходил с линии огня.

Шлюпку подхватила гигантская волна, и гребцы отчаянно заработали веслами, стараясь увести свое суденышко подальше от корабля и не удариться о его корпус.

Под лязг якорной цепи и хлопанье парусов дверцы портов «Голдсборо» были подняты, и стали видны черные жерла пушек.

«Ну вот и все, это война, – подумала Анжелика, вне себя от ярости и разочарования. – О! Как это глупо!»

Ее швырнуло назад, потом вперед, и теперь она, согнувшись, изо всех сил цеплялась за борт шлюпки. Вильдавре, напротив, выпрямился и громко кричал, обращаясь к господину д'Юрвилю, который, стоя на полуюте, командовал огнем пушек «Голдсборо».

– Не стреляйте туда! Вы разрушите мой дом. Лучше цельтесь левее, в дом военного коменданта, этого предателя и подлеца господина де Кастель-Морга. Видите, вон там! Там! Там! В том углу над часовней семинарии. Дом с шиферной крышей. Ну же, стреляйте! Разружьте его!

Заглушая крики, раздался голос графа д'Юрвиля:

– Огонь!

Грянул оглушительный залп, отозвавшись эхом в прибрежных скалах, воздух наполнился едким дымом, а шлюпки заплясали на волнах, точно безумные. «Голдсборо» маневрировал с развернутыми парусами.

Остальные корабли флота графа де Пейрака приблизились к нему, чтобы выстроиться рядом. Тишина прекрасного спокойного утра сменилась громом орудий и криками людей, которые наполнили плывущую над рекой желтоватую дымку. Стая диких гусей в испуге повернула назад, оглашая окрестности истошными криками.

Тревожась за юного Анна-Франсуа, Анжелика искала его глазами на поверхности воды. Умеет ли он плавать? Наконец она заметила его – он беспомощно барахтался – и крикнула, чтобы ему оказали помощь. Плавать он умел, но ему мешала набухшая от воды замшевая куртка. В конце концов на выручку подоспело индейское каноэ, в котором сидели двое аборигенов. Он ухватился за их весло, а затем его подобрал рыбацкий баркас.

Анжелика ждала новых залпов, но эхо мало-помалу смолкло, и ничего более не последовало. Все, что произошло, было подобно короткой безумной конвульсии. Дым медленно рассеялся, вновь появилось солнце, широкая гладь реки снова засверкала в его лучах, а город охватило еще большее возбуждение.

И тогда они заметили, что обратное течение отнесло их шлюпку далеко от той, где плыли матросы с мушкетами. Подхваченное сильным течением суденышко неудержимо влекло к пристаням Нижнего города, немного дальше от Королевской площади, где их ждали официальные лица.

Внезапно они оказались в нескольких сажнях от стоящих на берегу людей, которые глядели на вновь прибывших, раскрыв от изумления рот. Кто-то крикнул:

– Вон она!

Гребцы попытались развернуться, но их усилия были тщетны. Прилив, который был здесь еще силен, неумолимо тащил их вперед.

– Ничего не поделаешь, будем причаливать, – решила Анжелика.

- Но это квартал складов и сараев, - сказал Вильдавре.

- Это Квебек! А я приехала как раз для того, чтобы высадиться здесь.

И она выпрямилась, стоя на носу шлюпки в своем королевском наряде. Ее драгоценности переливались на солнце. Шлюпка стремительно приближалась к пологому песчаному берегу, и Анжелика уже могла различать лица. По большей части они выражали изумление. Анжелика поняла, что эти маленькие люди из бедных простонародных кварталов Нижнего города - они и не надеялись увидеть во всем блеске зрелище, предназначавшееся для официальных лиц колонии, - сейчас не могут поверить, что они нежданно-негаданно оказались в первых рядах. В этом дальнем квартале Нижнего города среди толпы наверняка есть люди, враждебно настроенные к ней и ее мужу, не одобряющие политику губернатора и готовые освистать «проклятых чужаков», которых им расписали как приспешников дьявола и союзников их злейших врагов - англичан.

Вот почему Вильдавре был взбешен. Мало того что им придется пристать к берегу в какой-то дыре, где слыхом не слыхивали о том, что прилично, а что нет, так им еще придется сойти на берег, где толпится чернь. Теперь он пропустит обещанное прекрасное представление, в котором должен был играть заметную роль...

- Плебеи! Плебеи, - ворчал он. - Что за незадача!

Однако Анжелика была счастлива видеть, как быстро они приближаются к берегу Квебека, и с удовольствием смотрела на густую толпу, люди не сводили глаз с подплывающей шлюпки и дивного, достойного Версаля видения.

Напрасно Вовенар, стоя на носу, кричал:

- Ловите трос! Сборище недотеп! Ловите трос!

Никто не пошевелился.

Наконец кто-то из толпы поймал брошенный акадийским сеньором канат, и они причалили.

Шлюпка легко ударилась о сваи короткого, слегка подгнившего причала и увязла в донном иле.

Вильдавре проворно выпрыгнул из нее, и, как только носок его атласной туфли коснулся сырого дерева пристани, к нему вернулся весь его энтузиазм.

Он протянул руку Анжелике, и она с помощью пассажиров шлюпки и маленьких пажей, придерживавших края ее накидки и переливающийся на свету шлейф, сошла на деревянные мостки.

И ее тут же охватила радость победы. Наконец-то она в Квебеке. В Тадуссакe они вновь ступили на землю Франции.

Но только здесь, в Квебеке, столице Новой Франции, она почувствовала, что вновь оказалась в королевстве, почти в Версале, и за этими каменными домами, возведенными на земле Америки, ей мерещилось лицо вездесущего короля, короля, который ее любил, она бросила ему вызов, и он ее изгнал, – Людовика XIV, «короля-солнце», который, несомненно, был самым великим монархом во всей вселенной.

Кто бы ни были эти люди: сброд или честные малые, плебеи или знатные сеньоры, – те, кто ждал ее на пристани, были французы, как и она, происходящие из того же корня, говорящие на том же языке. Более того, большинство встречающих были уроженцами Западной Франции, куда входила и ее родная провинция Пуату.

Все эти мысли и ощущение того, что она находится в родной стране, которую знает и любит, наполнили ее сердце огромной радостью.

И эта радость сейчас озаряла ее улыбающееся лицо.

Не растерявшись, Вильдавре встал рядом с Анжеликой, выхватил шпагу и, театрально взмахнув ею, воскликнул:

- Друзья мои, возвращаясь в наш славный город, я, маркиз де Вильдавре, приветствую вас. Я имею честь представить вам графиню де Пейрак. Благодаря капризам течения она посетила вас раньше, чем губернатора. Выразите же ей свою благодарность за то, что фортуна преподнесла вам такой подарок, и выстройтесь в почетный караул, дабы сопровождать ее, когда я поведу графиню к тем незадачливым чиновникам, что ждут ее сейчас на Королевской площади и уже проглядели все глаза...

Эта речь была встречена смехом, аплодисментами и криками «ура».

- Вперед и смелее! - вскричал Вильдавре.

Он опустил свою шпагу, и, держа ее на отлете, острием к земле, взял Анжелику за руку, и начал подниматься по пристани, которая выходила на широкую площадь.

- Нам нужна музыка, - объявил маркиз. - С таким кортежем она просто необходима.

Услышав его, маленький Нильс Эббиэл достал свою свирель. Отпустив накидку, которую придерживал вместе с Тимоти, он вышел вперед и поднес инструмент к губам. Полилась нежная музыка, и они чинно и важно пошли вперед.

Им приходилось продвигаться медленно, чтобы толпа не подумала, будто они испытывают страх. Люди продолжали аплодировать, расступаясь, чтобы дать им дорогу. Музыка маленькой тростниковой свирели придавала этому шествию особое очарование.

Анжелике вспомнились города Пуату и Вандеи, в которые ей во время возглавленного ею восстания доводилось въезжать с триумфом. Их жители встречали ее с надеждой, и сейчас, как и тогда, ей хотелось всех обнять. И люди, должно быть, почувствовали, как ее тянет к ним, потому что мало-помалу их лица прояснялись и улыбки становились шире. Внезапно до

ушей Анжелики донеслись раскаты громкого смеха. Смеялись, глядя на что-то позади нее. Обернувшись, она увидела кота, своего кота, который следовал за нею по пятам.

Задрав пушистый хвост, он выступал так же, как и они, медленно и важно, как будто говоря: «Ну что ж! Я тоже, уж не прогневайтесь, вступаю в Квебек!»

Увидев его, Анжелика так удивилась, что встала как вкопанная. Как ему удалось последовать за ней? Должно быть, он вслед за нею выскользнул из кают-компания «Голдсборо», а потом незаметно пробрался в шлюпку. Пожалуй, это доброе предзнаменование. Ее кот всегда приносил ей удачу.

Рассудив, что, раз его обнаружили, он может теперь занять подходящее ему место, кот в несколько прыжков обогнал их и, оказавшись рядом с Нильсом Эббиэлом, возглавил процессию.

Это происшествие окончательно растопило лед.

Вновь слышались аплодисменты, на этот раз более дружные и громкие.

Народ все прибывал и прибывал. Весть о том, что графиня де Пейрак, Дама Серебряного озера, этот мифический персонаж, в существование которого добрые жители колонии поверили с трудом, в самом деле высадилась в бухте Кюль-де-Сак и теперь продвигается к кварталу Су-ле-Фор, распространилась мгновенно и опустошила все соседние улочки и дома.

Похоже, эта партия была выиграна. Но в ту минуту, когда они уже перешли площадь и собирались вступить на улицу, что шла параллельно реке, чтобы выйти на Рыночную площадь, именуемую также Королевской, группа мужчин преградила им путь, крича:

– Предатели! Вы продались англичанам!

– Сами вы предатели! Дайте пройти! Не суйтесь в дела нашего квартала! Сами вы продались! Вам заплатили, точно! Кто вам заплатил? Этот иезуит?

– Заткнись, богохульник!

В начавшейся суматохе обитатели квартала, встретившие Анжелику на своей пристани, дружно встали на ее защиту. Нападавшие принялись швырять камни, и один из них угодил в кота.

Тот истошно мяукнул, подпрыгнул, упал и остался лежать неподвижно.

– Мой кот! – вскричала потрясенная Анжелика и, не заботясь о своем роскошном платье, опустилась перед ним на колени.

Все смешалось. Люди кричали и дрались. Матросы со шлюпки тут же встали вокруг Анжелики. Она же, подобрав бедного кота, осматривала его, пытаясь выяснить, ранен он или только оглушен. К счастью, камень попал в него рикошетом, и удар получился несильный. Вильдавре, обнажив шпагу, держал толпу на расстоянии. Не желая никого ранить, он призывал всех к спокойствию. Но его никто не слушал.

И тут шум толпы перекрыл громовой хриплый голос женщины, похожей на торговку рыбой:

– Остановитесь, невежи! Придурки! Идиоты! И вам не стыдно? Обидеть животное! Да я из вас фарш сделаю, в порошок сотру!

В несколько секунд ситуация прояснилась. Как сбитые шаром кегли, несколько нападавших растянулись на земле, и расчистившееся пространство заняла свирепая толстуха с выбившимися из-под чепца растрепанными волосами, которая, расчищая себе дорогу, направо и налево раздавала оплеухи и пинки. Наконец, оставшись на поле битвы в гордом одиночестве, она приблизилась к Анжелике.

– Не тревожься о своем котике, милая, – сказала она более мягким голосом. И совсем тихо и доверительно добавила: – С ним ничего страшного. Я видела, как в него попал камень. Смотри, видишь, кот шевельнулся. Отдай его мне – я о нем позабочусь. Сейчас не время

разбираться с котом, так что иди своей дорогой. Лучше тебе здесь не задерживаться. Я уже послала своего человека предупредить этих твоих благородных господ, и сюда с минуты на минуту прибудет охрана, которая проводит тебя к губернатору. А пока что ничего не бойся и доверься мне. Я вылечу твоего любимца.

И, осторожно взяв дрыгающего лапами кота на руки, она заговорщицки подмигнула Анжелике и скрылась в толпе, которая охотно перед нею расступилась. Похоже, она была известна всем обитателям квартала и пользовалась среди них большим влиянием.

Вильдавре стряхнул пыль со своих манжет и поправил парик. Тимоти подал ему упавшую шляпу.

– Ну что за нравы! – проворчал маркиз. – Я не узнаю мой славный город. Придумали себе страшилку и пугают честной народ! Я узнал кое-кого, эти сволочи у меня дождутся. Они дорого заплатят за свою наглость. Начальник полиции – мой лучший друг.

Анжелика огляделась. Вокруг нее остались лишь те, кто хотел ей угодить. Но случай с котом ее растревожил. Во вмешательстве этой толстухи было что-то странное. Однако, несмотря на фамильярность, она внушала доверие.

Анжелика обернулась к Вильдавре и сказала:

– Нужно добраться до господина де Фронтенака.

В этот момент толпа дружно расступилась, пропустив человека, который быстрым шагом направлялся к Анжелике.

Его шпага также была обнажена, и он явно был готов при первой надобности пустить ее в ход и пронзить всякого, кто ему помешает.

На нем были черные сапоги и черная же шляпа, а поверх камзола – короткое церковное облачение, на котором серебряной нитью был вышит мальтийский крест.

То была форма рыцарей Мальтийского ордена. Анжелика узнала во вновь прибывшем рыцаря Мальтийского ордена Клода де Ломени-Шамбора.

Глава VII

Лицо его выражало тревогу.

– Мы все всполошились! – вскричал он. – Слава богу, вы живы и здоровы. Какое невероятное приключение! Мы высматривали вас на реке, а вы появились с тыла.

Он улыбнулся. Анжелика была рада снова увидеться с ним, его присутствие ее успокоило и ободрило. Мальтийский рыцарь имел большое влияние на жителей Квебека.

– Кто стрелял? – спросил Вильдавре.

– Этого мы пока не знаем... К счастью, господин де Фронтенак действовал быстро и энергично. Он был взбешен, узнав, что кто-то посмел ослушаться его приказа, и поспешил в Верхний город, чтобы, если понадобится, вмешаться лично... Но обнаружил, что все идет своим чередом, как будто ничего и не было... Пойдемте! Я провожу вас до Королевской площади, там все вас ждут. Я беру вас под свою защиту.

Его глаза вдруг расширились от восхищения. Он только что заметил ее наряд:

– О боже! Сударыня, как вы прекрасны!

Она весело рассмеялась. В форте Вапассу он видел ее либо укутанной в меха, либо в грубых шерстяных платьях и сапогах. И сейчас ее радовало, что она может предстать перед ним во всем блеске, в наряде, который был ей куда более к лицу.

– Я хотела принести дань уважения Квебеку, – сказала она. – Это такой счастливый для меня день.

Ей столько раз говорили, что целомудренный рыцарь безумно в нее влюблен, что сейчас она не могла не внести в их отношения чуточку кокетства.

Одно не подлежало сомнению: он был до такой степени готов ринуться за нее в огонь и в воду, что

некоторые осудили его, решив, что «он потерял рассудок и позволил себя околдовать». Он действительно оказался надежным, преданным другом, и их сегодняшняя встреча красноречиво свидетельствовала о его храбрости.

- А как же я? - вмешался в их беседу Вильдавре.

Когда граф де Ломени-Шамбор объявил Анжелике, что берет ее под свою защиту, маркиз нахмурил брови:

- Как! Нас обстреляли. Мы потеряли наш эскорт. Мы высадились в каких-то трущобах, где нас никто не заметил и не поспешил к нам на помощь. Мы ввязались в драку с каким-то сбродом, чтобы с превеликим трудом прорваться к вам. Я, рискуя жизнью, защищаю госпожу де Пейрак. Я спасаю господина де Фронтенака от дипломатического скандала и, кто знает, может быть, даже от войны. И что же, теперь честь представить госпожу де Пейрак губернатору и именитым гражданам будет принадлежать не мне, а вам? Или вы, господин де Ломени, считаете, что стоит вам появиться, как вам достанется главная роль?

- Успокойтесь, маркиз, - отвечал удивленный рыцарь. - И примите мои нижайшие извинения. Я не ожидал увидеть вас здесь.

- Ну, это уже слишком!

- Я вас не видел.

- Однако я к вам обратился, и вы мне ответили. Впрочем, наверняка вы ничего вокруг не замечали, ибо были ослеплены. Конечно же, ОНА свела вас с ума. Заметьте, я понимаю, что вы потрясены, и даже готов вас извинить, но... я все равно не уступлю вам свое законное место...

- Ну что ж! Тогда я уступлю вам свое, - смеясь, отвечал граф де Ломени-Шамбор.

Однако он не выпустил руки Анжелики. Он лишь с важным видом встал от нее по левую руку, меж тем как маркиз встал справа.

Именно так она вступила на Королевскую площадь, где располагался рынок Нижнего города. Сейчас там было полно народу.

При появлении Анжелики наступила тишина, затем послышались приветственные возгласы и наконец овации.

Однако протокол нарушало отсутствие господина де Фронтенака.

Вокруг возвышающегося посреди площади помоста стояли именитые горожане, одетые в яркие разноцветные одежды, и офицеры в парадной форме, отделанной галунами. Увидев Анжелику, они бросились к ней, и ей показалось, что сейчас они накинутся на нее, точно стая голодных хищных птиц.

Ее окружили и засыпали пылкими комплиментами, уверениями в дружбе, предложениями утолить жажду, присесть, проводить ее к губернатору, которого нигде не было видно, то и дело представляя ее то одним важным господам, то другим.

Затем ее подвели к помосту, на котором стояли столы, покрытые белоснежными скатертями и уставленные оловянными кувшинчиками, кубками, стеклянными бокалами, переливающимися в лучах зимнего солнца хрустальными чашами и серебряными с позолотой сосудами для воды.

Достаточно было этой детали – помоста, чтобы напомнить Анжелике, что она находится не в Новой Англии, а в Новой Франции. Ибо Королевская площадь была также площадью Рыночной, и помост в центре в основном служил для производства публичных экзекуций и казней, что, правда, происходило нечасто. Сейчас цепи и скамья позорного столба были убраны, а эшафот – он же помост с угощением – покрыт богатыми коврами.

На низких подставках стояли четыре откупоренных бочонка с вином, а на столах выстроился впечатляющий

ряд фляг с ромом, привезенным с Антильских островов.

- Эти превосходные вина - подарок господина де Пейрака, - объяснила Анжелике какая-то приветливая энергичная дама. - Нынче рано утром он прислал их нам на лодке, а также этот огненный ром и ликеры для дам.

Этим и объяснялось царящее на площади бурное веселье. Анжелика подумала, уж не намеренно ли Жоффрей постарался с самого раннего утра угостить жителей Квебека?

Его щедрость привела их в доброе расположение духа, вот почему они так легко отнеслись к нескольким неожиданным пушечным ядрам, прилетевшим с «Голдсборо». Похоже, все постепенно утрясалось.

Глава VIII

Здоровенный детина бегом спускался с горы, прихрамывая и задыхаясь. Он был так черноволос, что щетина на его покрасневшем от холода лице казалась фиолетовой, этакий чернявый испанец с горящими глазами. Приблизившись к Анжелике, он резко остановился, словно конь, увидевший препятствие.

- Вы госпожа де Пейрак? - спросил он, тяжело дыша. - Скажите, вам не причинили вреда? Вас не ранили, не оскорбили?

Анжелика уверила его, что ей оказали весьма теплый прием.

- Надо предупредить дикарей! - вскричал верзила, поворачиваясь к группе торговцев и трапперов, которые, одетые по-индейски, стояли в толпе. Великий вождь Пиксарет собрал их на равнине Авраама и объявил, что в его друзей стреляли. Немедля отправляйтесь его предупредить.

Один из трапперов, в котором Анжелика узнала Ромена де Л'Обиньера, бегом отправился к вождю.

- Великий вождь Пиксарет? - вскричала Анжелика. - Стало быть, он явился в Квебек раньше, чем я. Он сказал мне, что подождет меня здесь.

Черноволосый офицер продолжал стоять перед Анжеликой с растерянным видом. Он подобрал свой плащ и попытался отвесить Анжелике учтивый поклон, однако он, похоже, забыл, с какой стороны находится гарда его шпаги. Бедняга так запыхался от бега, что теперь дыхание, вырывающееся из его полуоткрытого рта, походило в холодном воздухе на клубы пара, поднимающегося над кипящим котелком.

- Господин де Кастель-Морг, наместник короля Франции в Америке, - представил его граф де Ломени.

- Господин де Кастель-Морг! - воскликнула Анжелика. - Это вы приказали стрелять по нашему флоту?

- Нет, черт возьми, не я! Я же дал слово. Я умею его держать.

Он прислонился к помосту:

- Ай! Ай! Моя нога!

- Вы ранены?

- Нет, нога болит со времен зимней кампании против ирокезов.

С этими словами он, все с таким же потерянным лицом, покинул Анжелику, бросился навстречу дворянину, который появился на площади в окружении дюжины солдат-пехотинцев в бело-серых мундирах, с мушкетами на плече, и принялся что-то тихо и многословно ему объяснять.

Анжелика догадалась, что вновь прибывший есть не кто иной, как губернатор де Фронтенак. Он сразу же ей понравился. В этом крепком пятидесятилетнем человеке было что-то простое и добродушно-насмешливое, отчего казалось, что ты знаешь его уже много лет. Когда он хмурил свои густые брови, его глаза сверкали, как полированная сталь, но, когда он был спокоен, его полные губы часто по-доброму улыбались, а глаза охотно смеялись. Было видно, что он прежде всего военный и что его сегодняшнее обличье - элегантный костюм, надетый им этим утром, прекрасно завязанное жабо и чулки с золотыми стрелками, - несомненно, потребовало от его слуг немалой сноровки и даже героизма. Седой парик, который он носил, хотя был в приличном состоянии, немного перекосялся. Он слушал Кастель-Морга внимательно, но с выражением нетерпения на лице и, когда тот опять начал что-то объяснять, взмахом руки отмел его высказывания.

- Все это ваша вина! - бросил он военному коменданту. - Вы позволили вертеть собою как

мальчишкой. Из-за вашей мягкотелости я теперь столкнусь с серьезными дипломатическими осложнениями. Я давно знаю господина де Пейрака – мы больше года переписывались, подготавливая наш договор о союзе. И вот теперь его суда ушли с рейда. Что он затевает? Он не простит нам этого оскорбления, которое едва не обернулось для него потерей флагманского корабля... Я хочу немедленно отправить ему послание. И чтобы наказать вас, поручу это вам. Как же – давайте, сходите на берег, не все ли равно, что сверху по вам будут палить из пушки!

Тем временем губернатору доложили, что госпожа де Пейрак находится здесь. Он обернулся и, увидев Анжелику, вскрикнул от удивления и радости и двинулся к ней, протягивая ей обе руки:

– Госпожа де Пейрак! Какое чудо! Жива и невредима! А где сейчас ваш супруг? Надеюсь, он не слишком на нас сердится?

Не дожидаясь ответов на свои вопросы, он поцеловал ей руки, глядя на нее с таким удивлением и восторгом, будто не мог поверить своим глазам. Затем он вновь встревожился и повторил свой вопрос:

– Где же ваш супруг? Что он сейчас делает?

– Я не знаю...

И она торопливо поведала ему свою одиссею: как в момент обстрела она уже находилась в шлюпке, как суденышко подхватил прилив и как ей пришлось сойти на берег в трущобах Нижнего города.

– Господин де Пейрак сейчас, должно быть, сходит с ума от тревоги за вас и от гнева на меня. Надо непременно его успокоить.

И он продиктовал своему секретарю, захватившему с собою переносной письменный прибор, послание, изобиловавшее извинениями, и вручил его одному из офицеров своего эскорта.

- Нет, только не вы, - молвил он, отмахнувшись от Кастель-Морга. - Вы только все испортите.

Офицер сел в лодку. Прошло еще некоторое время, прежде чем был найден белый флаг. Его соорудили из белого шарфа одного из дворян. Двое дюжих гребцов налегли на весла, и полномочный посланник губернатора стремительно двинулся туда, где, подернутые легкой дымкой, виднелись очертания судов господина де Пейрака. Господин де Фронтенак проводил его встревоженным, полным нетерпения взглядом:

- Теперь нам остается только ждать.

Анжелика подумала, что ожидание, по всей вероятности, будет долгим. Она совершенно не могла предугадать, какими будут решения Жоффрея де Пейрака после давешнего обмена пушечными ядрами. Когда она садилась в шлюпку, он и его люди были уже на берегу ниже по течению от Квебека. Может быть, он вернулся на «Голдсборо»? Или же пошел вперед, намереваясь проучить вероломный город? Знает ли он, что случилось с ней?

Оставалось только ждать, какой эффект возымеет письмо господина де Фронтенака, если оно, конечно, дойдет до графа.

Анжелике очень хотелось спросить губернатора, кто составляет ту враждебную партию, которая осмелилась нарушить приказ губернатора и расстроить его великодушные планы. Было очевидно, что обстрел застал его врасплох и он с трудом сдерживает гнев, который временами прорывается наружу.

- Какая досада! Ничего не скажешь, хорошенький мы вам оказали прием! Я все организовал в соответствии с этикетом - и вот на тебе! Вас должны были принять пышно, как королеву, под оглушительные звуки барабанов и труб. И что же? Вы только взгляните на этот балаган! Люди пьют, смеются и поздравляют друг друга так, словно ничего не произошло.

- Может быть, их успокоило мое появление? Увидев меня, они поняли, что переговоры не прерваны.

- А что, если господин де Пейрак откажется их продолжить?

- Ну что ж. Разве я не ценная заложница? Вы сможете отдать ему меня в обмен на прощение оскорбления, которое вы ему нанесли.

- А господин де Пейрак, со своей стороны, может пригрозить, что он повесит господ Карлона и де Барданя, которые находятся всецело в его власти! - весело вскричал Вильдавре.

- Фу! Что за чудовищный шантаж, что за низкие угрозы, - простонал Фронтенак. - Я мечтал о другом.

Анжелике захотелось утешить его.

- Сударь, мы шутили.

- Сударыня, вы смеетесь!

- Ну да. Ведь пока нам не о чем сожалеть, поскольку ничего серьезного не произошло. Что до меня, то я считаю, что нахожусь в прекрасной компании. А ваши вина очень бодрят.

- Что ж, я, пожалуй, последую вашему примеру, - объявил Фронтенак, беря с предложенного ему подноса стеклянный бокал с вином. - Сейчас смех - это как раз то, что мне нужно.

Он поднес свой бокал к ее бокалу.

- За наш союз! - сказал он.

Казалось, он был растроган. Анжелика еще раз напомнила себе, что он из Аквитании и, быть может, ему известно о ней и Жоффрее немало такого, что другие либо не знают, либо забыли. Господин де Фронтенак смотрел сейчас в ее глаза и, похоже, предавался воспоминаниям.

- Легенда не обманывает: вы действительно прекрасны, - прошептал он. - Сударыня, все это не для протокола, но надеюсь, вы простите мне волнение, естественное после столь долгого ожидания и

длительных переговоров. Видя, как дружба, соединяющая меня с вашим супругом, победила непреодолимые препятствия, я был невыразимо взволнован. Еще минуту назад я был уверен, что все мои надежды пойдут прахом, и вдруг мне сообщают, что вы здесь, и я слышу приветственные крики толпы. И вижу вас...

Он одним глотком осушил бокал и взял с подноса второй.

Время от времени Фронтенак нетерпеливо всматривался в даль:

- Что там происходит? Что он делает?

Но Анжелика, зная, что Жоффрей уже высадился на берег ниже по течению от Квебека, не ожидала увидеть его так скоро, особенно после того, как его продвижение вперед было прервано выстрелом из пушки. А пока что ему надо было дождаться сведений о состоянии его флотилии и о намерениях властей колонии. И только тогда до него дойдет послание Фронтенака.

В толпе ходили слуги, разнося большие корзины со сдобными булочками и пирожными. Мальчики в черных костюмчиках с белыми воротничками, за которыми присматривала группа священников, отдали должное угощению. Дети, которых привели на площадь ранним утром, были румяны, их глаза весело блестели. Им дали выпить напиток из патоки с хвойным экстрактом, и теперь с ними не было сладу. Это были воспитанники квебекской семинарии.

Внимание Анжелики привлекла еще одна группа людей в черных сутанах. Она догадалась, что это иезуиты, которым губернатор приказал явиться на встречу гостей, дабы избежать недомолвок.

Сердце ее учащенно забилося, и она, отведя в сторону мальтийского рыцаря, склонилась к нему и тихо сказала:

- Господин де Ломени, не могли бы вы показать мне среди этих господ из Общества Иисуса отца Себастьяна д'Оржеваля? Я знаю, что он ваш друг, а вы - наш друг, однако мне также известно, что по отношению к нам он вел себя как враг и что он им и остается. Я весьма взволнована оттого, что нам предстоит встретиться, и хотела бы подготовиться к этой встрече заранее.

Граф де Ломени нахмурился, затем грустно улыбнулся и снисходительно посмотрел на обращенное к нему прекрасное лицо. Робость придавала этой богине трогательный вид.

- Вы не сможете его увидеть, - сказал он. - Вот уже три дня, как он исчез.

Глава IX

– Исчез?

Анжелика пока не могла понять, что принесла ей эта новость: облегчение или разочарование.

– Исчез? – повторила она. – Что вы хотите этим сказать?

– А то, что еще три дня назад Себастьян д'Оржеваль находился в Квебеке. Я много раз с ним встречался и пытался уговорить его подчиниться решению господина губернатора оказать вам теплый прием. Однажды вечером я пришел к нему в монастырь иезуитов, где он назначил мне встречу, и мне сказали, что его вызвал к себе господин де Фронтенак. Я отправился к Фронтенаку, но оказалось, что он его не видел. Мы прождали его напрасно. С тех пор он в Квебеке более не появлялся.

Анжелика слушала в замешательстве, не зная, как расценить эту новую уловку увертливого иезуита. После некоторых раздумий она ощутила легкое беспокойство. Что за всем этим скрывалось? Не для того ли иезуит ушел в тень, чтобы приготовить новые ловушки?

– Со дня своего приезда в Квебек он начал собирать на равнине Авраама абенаков и гуронов и науськивать их встретить вас с оружием в руках. Странное явление, которое здесь называют летучими лодками, подтвердило предсказание, что из-за вашего приезда в Квебек на нас обрушатся ужасные беды. Его сделал один ясновидящий, наблюдавший за этими огнями, которые иногда пересекают небо в наших широтах.

– Я их тоже видела, – как бы про себя прошептала Анжелика.

– Слабые и боязливые души видят в этих огнях пылающие каноэ, в которых находятся мученики:

миссионеры и трапперы, погибшие от рук ирокезов в боях за Новую Францию... Знак надвигающихся бед и призыв к бдительности... Было куда как легко использовать этот страх, и я тщетно призывал не верить во все эти бредни. В это время сюда явился вождь племени патсуикетов и начал созывать всех абенаков, дабы устроить вам теплую встречу. Еще немного, и началась бы война между сторонниками Пиксарета и приверженцами отца д'Оржеваля.

* * *

Их беседа была прервана далеким, похожим на раскат грома гулом, эхо которого докатилось до них из верхней части города.

Гул, доносившийся откуда-то сверху, все нарастал.

«Может быть, это Жоффрей со своими людьми?» – подумала Анжелика.

Но в это мгновение из узкой, спускающейся с горы улочки выбежал солдат, показывая пальцем на вершину горы и крича:

– Господин губернатор, дикари! Они идут сюда!

Сотни индейцев, издавая время от времени оглушительные крики, неслись вниз, заполняя улицы и сады, перепрыгивая стены и изгороди. Звук, издаваемый их ракушечными ожерельями, придавал этому гаму странный рваный ритм.

Фронтенак, подбоченясь, устремил взор наверх, откуда доносился этот громовой гвалт.

– Что это на них нашло? – И, повернувшись к Кастель-Моргу, добавил: – Неужели вы, черт возьми, не могли остаться наверху вместе с вашими людьми?

– Но ведь именно вы, господин губернатор, потребовали, чтобы я находился внизу, на пристани.

– Кто возглавляет индейцев?

- Пиксарет!

- Ну, тогда можно надеяться, что они всего лишь хотят поприветствовать наших гостей на свой манер.

Однако он по-прежнему был встревожен, ибо индейцы были известны своей непредсказуемостью. От них можно было ожидать всего.

- Великий сагамор Пиксарет явно готов ради вас ринуться в огонь и в воду, - сказал он, вновь повернувшись к Анжелике. - Он объявил себя вашим другом, что, по меньшей мере, странно.

- Мы оказали друг другу взаимные услуги, - отвечала она, - и я его глубоко уважаю.

Последний раз она видела верховного вождя индейцев три месяца назад на берегу залива Святого Лаврентия после случившихся в Акадии трагических событий. Перед тем как скрыться в лесу, унося с собой окровавленные скальпы приверженцев Амбруазины де Модрибур, он крикнул ей:

- Иди! Я встречу с тобой в Квебеке. Там тебе еще понадобится моя помощь.

Он сдержал слово.

Он появился на самом верху улицы Эпарж, которая кончалась несколькими ступеньками.

Один.

Властным жестом он остановил движение воинов, которых он увлек за собой в этом безумном и стремительном спуске.

Воцарилась тишина. И тут же стены и брустверы украсились головами в уборах из перьев.

Пиксарета можно было узнать по его высокому росту и нескладной фигуре. Но если обычно его видели полуголым или в бесформенном одеянии из шкуры черного медведя, то нынче его наряд был великолепен. Следуя сложному ритуалу, он с головы до ног покрыл себя своей любимой боевой раскраской - красными и белыми волнистыми полосами, которые подчеркивали

каждый его мускул: грудные мышцы, пупок, коленные чашечки, украшенные подвязками из перьев.

Его голову венчала огромная, расшитая ракушками тиара и не менее впечатляющий убор из разноцветных перьев.

Он долгое время стоял неподвижно, дабы все могли полюбоваться его великолепием, затем с важным и торжественным видом направился к Анжелике, стоявшей в окружении французской знати.

Его хитрые черные глаза светились от удовольствия.

Он устремил на нее многозначительный взгляд. Их отношения имели весьма долгую историю: им довелось быть и врагами, и противниками-союзниками, и соперниками, равными по силе.

Желая напомнить о своих правах, он властно положил руку на ее плечо.

– Моя пленница, – молвил он. И, повернувшись к Фронтенаку, объяснил: – Это так, и ты должен это знать. Эта женщина моя пленница, а не твоя. Я захватил ее в деревне Ньюхэвеник, но она сказала мне, что она француженка и уже крещена. Что мне было делать? Однако, как видишь, я привел ее к тебе в Квебек, и ее супруг прибыл вместе с нею, дабы заплатить за нее выкуп. Я хорошо знаю этих чужаков с верховьев Кеннебека и могу тебя уверить, что в них нет ни капли двуличия. Так что я тебя прошу, прими моих гостей с почестями и доверием.

Сам видишь, какую я оказываю им честь, так что пусть твои тревоги улягутся. Прием, который они получат в стенах нашего города, успокоит твое сердце. Твои друзья – это мои друзья, и те, кого ты почтил своим доверием, я также сочту достойными сидеть рядом со мною под знаменем короля Франции и пировать после того, как мы выкурим трубку мира. Я, как и ты, считаю, что сегодня поистине великий день.

Довольный своей речью, Пиксарет повернулся к собравшимся и начал торжественный монолог. Анжелика поняла, что он перечисляет все ее подвиги, важнейшими из которых он почитал умение повелевать духами и наложением рук воскрешать тех, кто находится на пороге смерти.

По счастью, его проповедь длилась недолго, и Анжелика надеялась, что ее слушали не слишком внимательно.

Затем Пиксарет повелительным жестом указал на свою пленницу и попросил толпу поприветствовать ее.

Собравшиеся разразились приветственными криками, и гвалт, к которому на сей раз присоединились и индейцы, сделался таким громогласным, что никто не услышал звуков флейт и барабанов, что приближались со стороны реки.

Внезапно на улице, выходящей на площадь, показалась шеренга музыкантов, бьющих в украшенные лентами барабаны, за ними шли вооруженные люди с пиками, в сверкающих на солнце кирасах и шлемах из вороненой стали.

Это был Жофfrey де Пейрак со своим войском.

Глава X

Анжелика должна была с бьющимся сердцем признать, что двойные шеренги барабанщиков и флейтистов, смело идущих вперед, в своих ослепительно-белых костюмах с отделанными золотой бахромой кушаками, в голубых, украшенных золотыми кисточками шапках, и, играя все громче, слаженно расходящихся, чтобы образовать единый ряд, производили удивительное впечатление мощи и красоты.

Еще более впечатляющими были испанцы, составлявшие охрану графа де Пейрака, в вороненых кирасах и шлемах, с пиками в руках. Их капитан дон Альварес, с его надменным суровым лицом, был сейчас похож на идадьго, входящего во фламандский город.

Над войском графа развевались знамена и орифламмы с родовыми гербами капитанов всех его пяти кораблей, и впереди – флаг с графским гербом, который реял над Голдсборо и над его фортами в Мэне, – серебряным щитом на голубом поле.

– Ну и ну! – воскликнул кто-то из собравшихся. – Когда он плавал по Средиземному морю, его серебряный щит был изображен на другом поле – на красном.

Анжелика быстро обернулась, стараясь высмотреть среди этих обращенных к матросам и испанцам лиц того, кто насмешливым и беззаботным тоном бросил эти слова.

Стало быть, в этой толпе французов находится некто, кто знает, что граф де Пейрак – это не кто иной, как Рескатор, плававший когда-то по Средиземному морю.

Однако она не увидела в толпе ни одного знакомого лица. Да что за беда! Грозит ли Жоффрею опасность?

Что ж, надо ожидать такого рода встреч. Если хочешь проникнуть в этот узкий круг, правящий Новой Францией и тесно связанный с королевским двором, нужно быть готовым к появлению призраков из прошлого.

Боится ли она их?

Она не успела испугаться, ибо испанцы тоже выстроились в две шеренги лицом друг к другу и, подняв свои пики, скрестили их, образовав своего рода почетный коридор. И все увидели, как по этому коридору идет граф Жоффрей де Пейрак де Моран д'Ирристрию.

По толпе пробежал ропот. В нем слышались страх, некоторая враждебность, но также и удивление.

Ибо граф шел, держа за руку Онорину.

Противоречивое очарование этого высокого властного человека с лицом, изрезанным шрамами и отмеченным печатью многих жестоких битв, словно бы смягчалось присутствием ребенка.

У него были темные глаза сарацина, черные густые волосы, не знавшие парика. В глазах добрых жителей Квебека он всем своим воинственным обликом: высокими ботфортами, перчатками с крагами, двумя перекрещенными перевязями из кордовской кожи, на которых были закреплены пистолеты с серебряными рукоятками, – более всего походил на грозного карибского пирата.

Но всех озадачивала его обезоруживающая улыбка и более всего то, что он спокойно и непринужденно вел к губернатору маленькую девочку.

Казалось, он хотел представить господину де Фронтенаку именно ее.

Онорина, держащаяся за руку Жоффрея де Пейрака, была очаровательна и полна достоинства. Ее голубое с зеленоватым оттенком платье подчеркивало блеск ее ниспадающих на плечи прекрасных рыжих волос. Она,

так любившая свободу движений, безропотно терпела высокий жесткий кружевной воротник, завязанный серебряной тесьмой с кисточками, который заставлял ее держать голову очень прямо. Терпела она и вдающийся клином в юбку корсаж, отделанный розовой бахромой, резко выделявшейся на фоне зеленовато-голубой камчатной ткани, и розовые банты, которыми были собраны у запястий широкие рукава из тонкого полотна, выглядывающие из-под вышитых обшлагов казакина. Под мышкой она держала шляпу с зелеными и розовыми перьями. Было бы уж слишком требовать, чтобы она ее надела. Однако многие дамы, сооружавшие все более и более замысловатые прически, по примеру мужчин взяли обыкновение носить шляпу под мышкой.

Она напоминала маленькую принцессу. Важная и серьезная, она гордо шествовала рядом с отцом.

Все взгляды были прикованы к ним, а тем временем матросы с «Голдсборо» быстро расположились вокруг площади. Там и сям встали вооруженные мушкетами люди, держа руки на рукоятках тесаков, прикрепленных к поясу.

Никто этого не заметил. Вслед за Жоффреем де Пейраком и Онориной в почетном коридоре, образованном скрещенными пиками испанцев, показались сыновья графа, Флоримон и Кантор, красивые юноши восемнадцати и шестнадцати лет, и группа весьма важных персон, среди которых квебекцы могли узнать по меньшей мере двух своих именитых земляков, а именно интенданта Новой Франции господина Карлона, вернувшегося из поездки по Акадии, и господина д'Арребу, которого считали отбывшим в Европу. Их спутника, осанистого, красивого и серьезного мужчину, никто не знал, но уже распространился слух, что это не кто иной, как чрезвычайный посланник короля, плывший на корабле, потерпевшем крушение, и спасли его матросы господина де Пейрака.

Появление этих людей, а также тех, кого подобрали с севшего на мель «Иоанна Крестителя», окончательно превратило вступление в город опасного пирата во встречу могучих союзников, готовых установить добрососедские отношения.

Выпустив руку отца, Онорина присела в глубоком реверансе перед господином де Фронтенаком, затем после недолгого раздумья – перед Пиксаретом, после чего, сочтя свою задачу выполненной, бросилась вперед.

Анжелика было подумала, что ее маленькая дочка бежит к ней, но нет, она направилась к господину де Ломени-Шамбору, которого ее зоркие глаза приметили, едва она ступила на площадь. Мальтийский рыцарь, растроганный ее бесхитростным порывом, поднял ее на руки и прижал к своему серебряному кресту.

– Вы подарите мне нож для снятия скальпов? – спросила у него Онорина после того, как он расцеловал ее в обе щеки. – Вы с господином д’Арребу обещали мне его, когда приезжали к нам в Вапассу.

Рыцарь удивился, так как это обещание совершенно вылетело у него из головы. К счастью для него, вниманием Онорины завладели дамы и кавалеры, которые хотели обнять и поздравить с успехом прелестную девчушку.

В Квебеке, несмотря на все усилия губернатора, официальный протокол никогда не соблюдался долго. Появление маленькой девочки растопило лед, и все принялись знакомиться. Господина д’Арребу окружили друзья, которые были счастливы увидеть его вновь, потому что многие полагали, что по прибытии во Францию он угодит в Бастилию, и его опала всколыхнула всю колонию.

Между тем Фронтенак, несмотря ни на что, все же старался осуществить кое-какие официальные контакты. По крайней мере, он представил графу и графине членов гражданской и военной администрации.

После военного коменданта и его офицеров были представлены члены Высшего совета: господа Гобер де Ла Меллуаз, Магри де Сен-Шамон, Обур де Лоншан, Базиль, Голлен, прокурор Ноэль Тардые де Лаводьер и секретарь канцелярии суда Николя Карбонель.

Каждому из них Жоффрей де Пейрак кланялся и говорил несколько слов, а Анжелика старалась и на сей раз удержать в памяти хотя бы некоторые из всех этих имен.

В свою очередь граф представил своих сыновей, капитанов кораблей, офицеров, оруженосцев и, главное, посланника короля господина де Барданя, который терпеливо ждал своей очереди.

Анжелика, стоявшая справа от губернатора Фронтенака, находилась совсем близко от господина де Барданя, когда тот вручал губернатору свои верительные грамоты и прочие бумаги, в то время как граф де Пейрак в нескольких словах объяснял, при каких обстоятельствах он имел удовольствие помочь представителю его величества, когда тот попал в переделку на реке Святого Лаврентия.

Наконец Анжелике удалось приблизиться к Жоффрею. Она смотрела на него, и ее глаза сияли. Он взял ее за руку и украдкой поцеловал кончики пальцев.

– Ну, что я вам говорил, – тихо сказал он. – Они победили!

– Кто победил?

– Ваши зеленые глаза!

– О Жоффрей, я уже думала, что все пропало. Что это был за пушечный выстрел?

– Пока не знаю. Возможно, стрелял какой-нибудь перевозбужденный малый. А может быть, это последняя атака вашего друга отца д'Оржеваля.

– Его сейчас нет в Квебеке. Он исчез. Господин де Ломени мне недавно сообщил...

– А! В самом деле!

Он немного подумал и улыбнулся. Анжелика могла бы поклясться, что эта новость не очень его удивила.

- Ну что ж, прекрасно. Одним противником меньше...

Он был совершенно спокоен, и, похоже, ситуация его даже забавляла.

«Что еще он замыслил? - спрашивала Анжелика. - Кто устроил это... бегство отца д'Оржеваля?» Жоффрей как-то намекал ей, что у него на жалованье есть тайный шпион в самом сердце Квебека.

Она с немым вопросом вглядывалась в эти незнакомые лица, такие разные, но все счастливые и оживленные. Похоже, ими овладевала безудержная веселость.

- Я так боялся за вас, - вновь заговорил Пейрак, воспользовавшись тем, что все были заняты разговором, чтобы еще немного побыть рядом с ней. - Этот пушечный выстрел мог иметь катастрофические последствия... К счастью, я получил письмо господина де Фронтенака, в котором он заверил меня, что речь идет о прискорбной ошибке и что теперь все уладилось, несмотря на то что ответ «Голдсборо» был весьма резким.

- Да, ваш ответ был решительным и резким, - подхватил Фронтенак, услышав последние слова. - Слава богу, никто не погиб, разрушен единственный дом... После того, что произошло, мы еще легко отделались... Я вам потом объясню.

С города словно спали злые чары. Повсюду бегали осмелевшие дети, они пили-ели, пытались вызывать индейцев на соревнование в беге и стрельбе и любовались нарядами знатных дам и господ из Верхнего города, которые сегодня спустились в Нижний.

Люди Пейрака и его домочадцы познакомились с горожанами, приветливые девушки угощали их пивом и вином.

Анжелика была удивлена, увидев, как Онорина подошла к маленькому воспитаннику семинарии и обняла его. Затем они встали рядом, взявшись за руки и серьезно глядя друг на друга.

Анжелика подошла к ним:

- Почему ты обняла этого мальчика? Откуда ты его знаешь?

Онорина покачала головой:

- Разве ты не помнишь? Я дала ему леденец, когда он приходил к нам в прошлом году, перед тем как все сгорело.

У Онорины была поразительная память и на лица, и на все вообще, Анжелика не раз в этом убеждалась.

Теперь и она узнала маленького Марселена, племянника господина де Л'Обиньера, которого ирокезы, взявшие в плен три года тому назад, вернули окружившим их на берегах Кеннебека канадцам в обмен на свою свободу.

Мальчик не произнес ни слова.

- Ты сохранил шарики, которые дал тебе Тома? Ответь мне. Ты ведь теперь говоришь по-французски?

Но ребенок молчал. Тем не менее по хитрому и недоверчивому выражению, промелькнувшему в его голубых глазах, Анжелика поняла, что он ее узнал. Видя, как она, в своей широкой накидке из белого меха и переливающимся, словно перламутр, платье, стоит на коленях перед маленьким воспитанником семинарии, люди столпились вокруг нее, удивленные и растроганные.

Появление многочисленных акадийцев, которые также были пассажирами «Голдсборо», вызвало новый обмен приветствиями.

- Безусловно, граф, вы доставили к нам самых припозднившихся путешественников. Я начинаю понимать, что без ваших кораблей многие наши люди столкнулись бы с трудностями, возвращаясь в Квебек

поздней осенью. Из-за англичан плавать во Французском заливе^[2] становится все труднее и труднее. Я также буду рад узнать новости о «королевских дочерях», о которых меня известило в начале лета Общество Святых Даров, дав им прекрасные рекомендации. Девушек сопровождала их благодетельница герцогиня де Модрибур, которая на свои деньги зафрахтовала для них корабль.

Фронтенак вдруг замолчал, с удивлением уставившись на кого-то позади Анжелики и графа де Пейрака.

- Почему ты крестишься, солдат?

- Потому что вы произнесли имя этой негодяйки, господин губернатор, - пробормотал смущенный голос Адемара, который, стоя за спиной Анжелики, осенял себя крестным знамением. - Эта стерва Модрибур! Смилуйся над нами, Господи! Все знают, что она была дочерью дьявола!

Эта сбивчивая речь потонула в потоке неистовой брани, которую обрушили на герцогиню некоторые из вновь прибывших.

В конце концов Жоффрей воспользовался случаем и рассказал господину де Фронтенаку о судьбе Амбруазины де Модрибур.

- Действительно, господин губернатор, ваши предчувствия оправдались. «Единорог», судно этой покровительницы «королевских дочерей», затонул у берегов Акадии. Находясь поблизости, я смог помочь некоторым из этих несчастных девушек, но - увы! - во время крушения герцогиня погибла.

- Черт побери! - вскричал Фронтенак. - Общество Святых Даров будет меня попрекать!

- Некоторых спасенных девушек мы привезли с собой.

- Что я буду с ними делать теперь, когда их благодетельница погибла и более не может оказывать

им поддержку?

Губернатор огляделся:

- Спрошу-ка я мнения госпожи де Меркувиль... Это особа весьма благоразумная и очень деятельная. Она возглавляет братство Святого Семейства. Она наверняка что-нибудь придумает. Как бы то ни было, завтра я должен созвать Высший совет, впрочем, нет, не завтра, а послезавтра, ибо я хочу, чтобы у вас и госпожи де Пейрак было время устроиться на новом месте, тем более что ваше путешествие было долгим. У меня было предчувствие. Зная, что в этом сезоне мне более не придется ждать гостей, я предоставил в ваше распоряжение особняк, предназначавшийся герцогине де Модрибур. Это одно из наших самых красивых зда...

Всякий раз, слыша имя герцогини де Модрибур, Адемар начинал часто креститься. В конце концов старший матрос Ванно спрятал его за спины матросов с «Голдсборо». Лучше было не привлекать внимания к нему и его новой форме, поскольку существовала опасность, что в Новой Франции его обвинят в дезертирстве.

Словно для того, чтобы упокоить дух герцогини, губернатор представил графу и графине иезуитов. Зная, что отца д'Оржеваля среди них нет, Анжелика встретила их без боязни и даже почувствовала легкое разочарование. Этот иезуит, их враг, которого они никогда не видели и который всякий раз исчезал, перед тем как они должны были столкнуться, оставался грозным противником. Было бы хорошо наконец все же скрестить с ним шпаги и посмотреть в «эти голубые глаза, твердые, как сапфир», о которых говорила Амбруазина.

Без него иезуиты, державшиеся с холодной любезностью, были неопасны.

Их было около дюжины.

Главный среди них, преподобный отец Мобеж, показался Анжелике особой весьма загадочной. Толковали, что он провел много лет в Китае среди ученых, которые основали пекинскую обсерваторию. Было ли это следствием его репутации, Анжелика не знала, но в этом священнике из Пикардии ей почудилось какое-то сходство с азиатами, среди которых он так долго жил.

Ему было приблизительно лет шестьдесят, может быть, больше, он был среднего роста, почти лысый, с лицом гладким, как слоновая кость. Он почти не жестикулировал, но его лицо, обыкновенно бесстрастное, порой оживлялось, когда он шутил. Он носил короткую остrokонечную бородку, которая уже начинала седеть. Отец Мобеж обменялся несколькими словами приветствия с графом де Пейраком. Его восточная учтивость и манера, говоря, кивать довершали впечатление, что ты имеешь дело с китайским мандарином, человеком иной расы, совершенно непохожим на шумных, непоседливых французов, которые всю веселились вокруг.

Его раскосые глаза окинули Анжелику беглым косым взглядом, и у нее возникло чувство, будто ее внимательно изучает представитель какого-то иного мира, таинственного и недоступного. Однако страха она не ощутила.

– Мы не забыли, что обязаны вам жизнью одного из наших братьев, сударыня, – спокойным монотонным голосом сказал он.

Анжелика удивилась, и он повернулся к другому иезуиту, стоявшему рядом с ним, крепкому и коренастому, с густой черной бородой, в котором она узнала отца Массера. Он добродушно улыбнулся.

– Это вы, отец мой? Как я рада снова вас видеть! Извините, что я вас не сразу узнала...

- Это я должен просить у вас прощения. Я таращил глаза и не узнавал в этом великолепном видении нашу добрую хозяйку Вапассу, благодаря которой мы не погибли, превратившись в ледяные статуи в вечер Богоявления. Я слишком поздно подошел, чтобы приветствовать вас.

И они принялись вспоминать ту ужасную зиму, во время которой отец Массера помогал ей ухаживать за больными.

В эту минуту на сцену вышли «королевские дочери», сопровождаемые Иоландой и Шерубеном, и компания трапперов, которых матросы Пейрака спасли с «Иоанна Крестителя», севшего на мель в устье реки Сен-Шарль.

Анжелика издали увидела, как девушки любезничают с обходительными канадцами, с которыми они познакомились, и как те угощают их, стараясь ободрить и развеселить.

Они были в Квебеке! И теперь настал момент решать многочисленные мелкие проблемы, которые были весьма непросты.

Например, что делать с несчастным Эли Кемптоном, англичанином из Коннектикута, которого капитан «Иоанна Крестителя» похитил в заливе Святого Лаврентия? Пока что его нельзя было показывать, чтобы его не посадили в тюрьму как врага французов и не продали в рабство индейцам или какой-нибудь богобоязненной французской семье, поручив ей убедить его перейти в католичество.

Анжелика вдруг тихо вскрикнула. Из-за этих канадцев и их огненных напитков она совершенно забыла о своем коте.

- Ничего не бойтесь, - уверенно сказал Вильдавре. - Я вас уверяю, он в хороших руках. На Жанину Гонфарель можно положиться, когда она на вашей стороне.

- Жанина Гонфарель! - повторила Анжелика. - Хотите ли вы сказать, что... что эта толстуха, которая

мне помогла... Но нам говорили, что она настроена к нам враждебно и всецело предана иезуитам...

- Так оно и есть... Но по-видимому, она любит животных. Она бы предпочла, чтобы камни летели в вас, а не в вашего кота... Успокойтесь, успокойтесь! - поспешно молвил маркиз, видя, что Анжелика побледнела. - Я вам ручаюсь, что у нее доброе сердце. Да, ее боятся, и она уже запугала полгорода своим властным и надменным нравом и чрезмерной активностью. Не проходит и дня, чтобы она не посетила замок Сен-Луи, или суд, или интенданта, дабы на что-то пожаловаться или чего-нибудь потребовать. Но за кота не волнуйтесь. Она его вылечит и будет баловать. Кстати, знаете ли вы, что она хозяйка таверны «Французский Корабль»? Там божественно кормят. Говорю вам, успокойтесь. Это славная женщина, и я люблю ее, как сестру...

Несмотря на заверения маркиза, Анжелика снова почувствовала, как ее радость омрачает какая-то смутная тревога. Что бы он там ни говорил, вмешательство этой мужеподобной толстухи с самого начала ее слегка озадачило, а теперь, когда она знала, что речь идет о Жанине Гонфарель, резкая перемена, ни с того ни с сего происшедшая с человеком, который был им враждебен, беспокоила ее.

Однако среди такого гама невозможно было думать спокойно.

Внезапно из Верхнего города донесся перезвон колоколов и, разбудив эхо, спавшее в прибрежных скалах, смешался с шумом толпы.

- Благодарственный молебен! - вскричал губернатор. - И господин епископ уже давно ожидает нас на паперти собора!

Только этого не хватало!

Глава XI

– Я привез монсеньору де Лавалю подарок, который, как я надеюсь, придется ему по душе, – объявил Пейрак.

– Что же это?

– Святые мощи.

Шесть матросов с «Голдсборо» вышли вперед, неся на плечах носилки, на которых стояла небольшая серебряная рака.

– Узнав, что в вашем соборе Нотр-Дам-де-Квебек хранятся мощи святого Сатурния и святой Фелиции, я решил добавить к этим сокровищам мощи святой Перпетуи, которая, как вы, вероятно, знаете, на заре христианства разделила их мученическую участь близ Карфагена.

Быть может, господин де Фронтенак этого и не знал, однако он почтительно снял шляпу и перекрестился:

– Святые мощи! Епископ будет в восторге. Он поместил под плитами алтарей наших церквей целых восемьдесят рак с мощами святых, так что наш Квебек – это святой град.

Все выстроились в процессию. Впереди шли музыканты, за ними несли знамена.

Раку, окруженную иезуитами, францисканцами и священниками из семинарии, оберегающими ее от толпы простонародья, несли матросы графа де Пейрака, следовавшие за городскими чиновниками.

Анжелика отказалась от портшеза, который ей так расхваливал Вильдавре. Фронтенак что-то сказал ей о карете для почетных гостей, которая не смогла пробиться сквозь толпу.

Но разве не приятнее было неспешно подниматься к собору пешком в этот ясный день поздней осени, под

золотым светом солнца. Оно все еще стояло высоко в небе, даря собравшимся последнее тепло.

На крутом подъеме стояла густая толпа, придавая улице сходство с горной рекой, несущей свои бурные темные воды.

Правда, эти воды охотно расступались, и, когда процессия миновала узкое ущелье, образованное последними домами, где из каждого окна выглядывали люди, идти стало легче.

Вначале, пока проход был узким, возникло затруднение. Никак не могли решить, кто пойдет справа от губернатора: господин де Пейрак или господин де Бардань? Господин де Фронтенак разрешил дело с чисто французской галантностью, поместив справа от себя Анжелику и возглавив шествие вместе с ней.

Потом, когда улица сделалась несколько шире, слева от губернатора оказался господин де Бардань, на которого, однако, никто не обращал внимания. Все думали, что это офицер эскорта Жоффрея де Пейрака. Последний шел сразу за губернатором, и его высокий рост и великолепный наряд привлекали все взоры и вызывали такой же горячий отклик, как и красота Анжелики.

Толпа аплодировала с криками «ура».

Так Анжелика и Жоффрей де Пейрак поднимались к собору от пристани через квартал, где жили аристократы и располагались монастыри, по крутому, неровному склону, каменистому, как дорога в рай, и, подобно ей, постепенно открывающему виды удивительной красоты.

Наконец они достигли самой высокой точки подъема. Анжелика остановилась, желая охватить взглядом великолепную панораму, которая становилась все прекраснее по мере того, как они поднимались, словно церковный гимн, звучащий все красивее и красивее.

С уступа утеса, на котором они сейчас стояли, река была похожа на огромный, сверкающий под солнцем залив, сливающийся с бледно-розовым небом и розовыми и голубыми склонами гор. Далеко-далеко внизу виднелись выстроившиеся полукругом корабли маленькой флотилии графа де Пейрака, напоминающие сейчас игрушки, лежащие на зеркальной поверхности.

Они снова двинулись вперед и на повороте повстречали священника, облаченного в белый стихарь поверх черной рясы с фиолетовой епитрахилью на шее. Его сопровождали два мальчика в грубых деревянных башмаках, однако одетые в черные длиннопольные сюртуки и белые стихари. Один звонил в колокольчик на деревянной ручке, другой сгибался под тяжестью высокого серебряного креста, который он держал обеими руками. Рядом с ними сидел пес.

Священник взирал на процессию с видом пророка, посланного, дабы напомнить погрязшему в грехах человечеству, что наш мир есть юдоль скорби и что служение Богу превыше всего.

Но присутствие собаки сводило все его усилия на нет. Ибо если лицо служителя Божия было сурово и гневно, то пес, сидевший поджав хвост, свесив язык и дружелюбно глядя на процессию, выглядел таким же добродушным, как и сами жители Квебека, что изрядно умеряло торжественность, которую клирик старался придать подготовленной им проповеди. Притворившись, будто не замечает Анжелику, хотя она шла рядом с губернатором, он обратился к последнему повелительным, безапелляционным тоном:

– Разве благодарственный молебен должен начаться сейчас? Вы опоздали. Мы ждем вас уже целую вечность, израсходовали недельный запас ладана, и монсеньор уже собирается вернуться к себе.

– Ах, аббат, неужели вы полагаете, будто дипломатические проблемы можно разрешить так

быстро? Особенно если в дело вмешался пушечный выстрел. Кстати, а вы сами почему тут разгуливаете – ведь вы должны быть на клиросе, среди певчих?

– Меня позвали, дабы доставить миро и елей жертвам обстрела.

– Как! Стало быть, эта нелепая канонада вызвала жертвы? Что, есть погибшие?

– Двое. Но перед смертью я успел их исповедать и причастить.

Господин де Фронтенак опять остановился, сдвинул назад шляпу и озабоченно почесал лоб под париком:

– Черт! А что говорят их родственники, соседи?

– Это были два негодяя, – сухо сказал викарий. – Никому нет до них дела. Пользуясь отсутствием хозяев, они пытались ограбить дом господина де Кастель-Морга, в который и угодили ядра.

– Bravo! – раздался из толпы голос Вильдавре.

И военный комендант, рассвирепев, попытался локтями проложить к нему путь.

– Однако я позволю себе смиренно напомнить вам, – продолжал священник, обращаясь к Фронтенаку, – что сейчас все стоят на паперти собора и ожидают вас. Я вас прошу поторопиться, задержка недопустима.

И он ткнул своих маленьких помощников в спину, давая им понять, что пора продолжить путь, что те и сделали, шагая впереди него и громко стуча деревянными башмаками. Один нес крест, стараясь держать его как можно выше, другой звонил в колокольчик. Огромный пес встал, испустил тяжкий вздох и, покачивая задом, с глубокомысленным видом двинулся за ними.

За священником и служками последовала и вся процессия. Теперь река была у них за спиной. Подъем сделался менее крутым, дорога расширилась, и они вошли в Верхний город. Дома здесь были просторные, с красивыми садами, окруженными частоколом из

кедровых бревен. Некоторые из них походили на маленькие деревенские замки. Процессия миновала кладбище, расположенное террасами на спуске к реке.

Когда они достигли перекрестка дорог, до них донесся сильный запах дыма и медвежьего жира. Навстречу высыпали все обитатели маленького лагеря гуронов. Первыми выбежали женщины, дети и собаки. Индейцы издавали приветственные возгласы, плясали и хлопали в ладоши.

Шедшие в процессии воспользовались этой интермедией и пространством похожего на звезду перекрестка, чтобы перестроить свои ряды и торжественно вступить на главную площадь Верхнего города.

Музыкантов попросили построиться за крестом аббата. За ними шли матросы в окружении священников, монахов и главных индейских вождей, неся раку с мощами святой Перпетуи.

Собор стоял в глубине широкой площади, окруженной домами и деревьями. Последние были немного наклонены, как и все квебекские деревья, растущие на открытых пространствах. Колокольня находилась на пересечении поперечного и центрального нефов. Фасад, обращенный к площади, был украшен большим порталом и двумя красивыми круглыми окнами. На широкой паперти, заканчивающейся ступеньками, стояли священники и дьяконы в мантиях и стихарях.

Цвет облачения и высота кружевных воротников варьировались в зависимости от сана. Самые маленькие мальчики, поющие в хоре, были одеты в красные сутаны, те, что постарше, – в черные. Вытягивая шею, помахивая кадильницами с ладаном и держа высокие подсвечники, они окружали епископа, стоящего на верхней ступени паперти перед распахнутой дверью собора.

Монсеньор де Лаваль был красивый представительный мужчина лет пятидесяти. Он был высок, а венчавшая его голову митра делала его еще выше. В руках он держал массивный серебряный посох, отличительный знак епископского сана, делавшего его пастырем и наставником всех квебекцев.

Когда он приблизился, драгоценные камни и эмали, украшавшие верхнюю часть его посоха, засверкали на солнце. Его отягченная кольцами рука в лиловой перчатке лежала на рукояти.

Граф де Пейрак вышел вперед, отвесил учтивый поклон и, встав на одно колено, поцеловал перстень на руке, которую протянул ему монсеньор де Монморанси-Лаваль.

Когда граф отделился от кортежа, по толпе пробежал ропот. Что, если это тот самый человек в черном из видения матушки Мадлен?

Однако в его костюме не было ничего темного, и это вызвало в народе первые колебания.

Жоффрей де Пейрак говорил с епископом, несомненно беседуя с ним о преподносимых им святых мощах, ибо лицо прелата, которое до сих пор оставалось застывшим, как мрамор, и нарочито бесстрастным, вдруг осветилось интересом.

Анжелике казалось, что епископу слишком долго не представляют господина де Барданя. Ее бедному другу из Ла-Рошели, прибывшему после долгого путешествия и обремененному исключительно важными бумагами и полномочиями, не уделяли должного внимания из-за чужаков, дело которых ему поручено было расследовать.

На его месте любой другой был бы вправе рассердиться.

Анжелика с облегчением увидела, что губернатор Фронтенак, возможно по деликатной подсказке одного из своих чиновников, кажется, вспомнил о посланнике

короля и с пафосом объявил о нем. Господин де Бардань, как и господин де Пейрак, преклонил колена, набожно поцеловал епископский перстень, но, когда он встал и епископ вежливо поинтересовался у него, как он доехал, господин де Бардань уклонился от ответа, сказав, что ему, как и остальным, не терпится приложиться к святым мощам.

Анжелика, слышавшая лишь обрывки их беседы, была ему признательна за то, что он с таким тактом ушел от разговора об обстоятельствах, весьма унижительных для него и занимаемого им положения.

Но вот Николя де Бардань повернулся к ней:

- Однако, монсеньор, поскольку я теперь нахожусь на французской земле, то есть на земле нации, которая слывет одной из самых галантных в мире, я бы хотел представить вам госпожу де Пейрак, красота и прелесть которой сделают честь вашему городу, что, несомненно, порадует человека с таким утонченным вкусом, как у вас.

Анжелике пришлось тоже приблизиться к епископу, встать на одно колено и поцеловать перстень, который прелат протянул ей весьма принужденно. Она чувствовала, что он, как до него и аббат, предпочитал делать вид, будто не замечает ее, и вмешательство господина де Барданя явилось для него неожиданностью. Все рассудили, что посланнику короля не пристало представлять епископу эту знатную гостью и что он превысил свои полномочия, однако никто не понимал почему.

- Конечно же, я не забыл бы представить графиню де Пейрак, - пробормотал раздосадованный Фронтенак. - Во что вмешивается этот болван? Хорошенькое начало!

Впоследствии, когда кумушки, вечно держащие ушки на макушке, разнесли слух о страсти посланника короля к графине де Пейрак, причины этого странного

поведения разъяснились. Он был ею околдован и не видел никого, кроме нее. Все, естественно, предположили, что господин де Бардань впервые увидел графиню в Тадуссаке, где и влюбился в нее с первого взгляда.

Анжелика тотчас увидела, что монсеньор де Лаваль весьма удивлен, и быстро встала. Господин де Бардань хотел предложить ей руку, однако Вильдавре не позволил ему этого сделать, быстро отведя ее назад.

Матросы внесли на паперть носилки из красного дерева, где на атласном покрывале была установлена рака святой Перпетуи. Ее появление было встречено взрывом возгласов: одни были охвачены восторгом, другие – любопытством, а третьих переполняли мистические чувства. Блистающую на солнце серебряную раку сначала подняли на руках, чтобы все могли ее увидеть, а затем поставили перед епископом.

– Какая изумительная, невероятная идея! – шепнул Анжелике Вильдавре. – Поистине, ваш супруг не мог придумать ничего лучше для того, чтобы побудить монсеньора епископа отнестись благожелательно к переговорам между Новой Францией и вами, захватчиками, вторгшимися с юга. И как этому чертову Пейраку всегда удается меня удивить и обскакать? Я ему завидую!

Анжелика разделяла мнение маркиза, что Жоффрей никогда не перестанет их удивлять.

Его поступки, его бесконечные идеи и проекты всегда заставляли ее врасплох. Она спрашивала себя, когда он успел озаботиться поисками и доставкой этих святых мощей и бесценных манускриптов.

Но все действительно было доставлено.

Они стояли на паперти.

– Холодно, – сказал Вильдавре. – Солнце уже не в зените, день начинает клониться к вечеру. Нравится это

тунисским мученикам или нет, но мы не на Востоке. Накиньте капюшон!

И дабы показать всем и каждому, что он имеет на нее права, он помог ей надеть меховой, подбитый атласом капюшон, что заставило господина де Барданя бросить на него злобный взгляд.

- Как вы очаровательны, моя дорогая! Никто не смог устоять перед вашей красотой, вы заметили? Победа на всех фронтах...

Тем временем епископ кратко и изысканно, но вместе с тем тепло благодарил графа де Пейрака за подаренные мощи.

- Победа! Победа на всех фронтах... - повторял Вильдавре, ведя Анжелику под руку к распахнутым дверям собора, из которых неслись торжественные звуки органа. - Кстати, - продолжил он, - я знаю, кто стрелял из пушки по вашим кораблям... Да! Мне только что сообщили, пока мы поднимались к собору... Это совершенно неожиданно... Вы мне не поверите... держу пари на сто, нет, тысячу к одному.

- Да говорите же, говорите... Я умираю от любопытства!

- Так вот! Это ГОСПОЖА ДЕ КАСТЕЛЬ-МОРГ!..

Глава XII

- Госпожа де Кастель-Морг! - повторила Анжелика. - Женщина! Стреляла из пушки! Да она сумасшедшая! Она могла убить своего собственного сына...

- Она не знала, что он находится на борту.

Вильдавре прыснул со смеху:

- Она была так зла из-за того, что Квебек не собираются защищать от вашего вторжения и что ее муж уступил Фронтенаку, что взобралась на реду и, запугав несчастных солдат и командовавшего ими офицера, приказала им потопить вашу флотилию. Мне сказали, что она собственноручно поместила в жерло пушки мешок с порохом и проткнула его штыком, который отняла у солдата. Солдат-артиллерист выстрелил, потому что испугался, как бы она, размахивая этим штыком, не выколола ему глаза и не взорвала и пушку, и всех присутствующих, к чертям... Однако какой точный выстрел! Что за амазонка!

- Лучше скажите - что за сумасшедшая!

Слушая эту, по меньшей мере, удивительную новость, Анжелика пропустила вход в собор и лишилась удовольствия, которое она себе обещала, когда решила наслаждаться каждым моментом волнующей церемонии.

Погруженная в размышления об безумном поступке госпожи де Кастель-Морг, она внезапно поняла, что находится в передней части нефа, в самом первом ряду перед резной скамьей для молитвы, на которой лежала бархатная, цвета граната подушка с золотой бахромой, причем она совершенно не помнила, как прошла по центральному проходу между скамьями, застланному дорогим обюссонским ковром.

Анжелика преклонила колена. Перед нею в полутьме блестел золотом алтарь, который украшали колонны из

черного порфира, а над ними реял вырезанный из дерева голубь – символ Святого Духа.

Тем временем позади нее церковь наполнялась народом, словно водоем с открытыми шлюзами, и все шумно занимали места, не обращая ни малейшего внимания на присутствие Святых Даров.

Главное в Квебеке было занять место, соответствующее рангу.

Иерархия званий, должностей и богатства создавала в этой маленькой столице, где каждый по тем или иным причинам считал себя важной персоной, множество неразрешимых споров о превосходстве одних над другими, и всякий считал, что, защищая собственную честь, он защищает также честь короля, Новой Франции и даже Господа Бога и посему его долг состоит в том, чтобы упорно обороняться.

Как бы то ни было, соперничество было ожесточенным.

Из-за этого лихорадочного стремления жителей Квебека занять свое законное место даже возникла потасовка. Еще немного – и посланник короля господин де Бардань остался бы вообще без молитвенной скамейки или очутился бы во втором ряду, поскольку ни его, ни его свиту никто не ждал.

Чтобы выправить положение, господин де Фронтенак уступил ему свою собственную молитвенную скамеечку, которая располагалась чуть впереди мест, отведенных для его гостей, графа и графини де Пейрак. При этом он бросил недовольный взгляд на интенданта Карлона, опустившегося на колени справа от Вильдавре, который занял место, предназначавшееся господину де Барданю. Так маленький маркиз, стремясь оказаться как можно ближе к Анжелике, нарушил порядок, в коем должны были сидеть официальные лица.

А интендант Карлон, рискуя быть отодвинутым назад, завладел местом, которое в крайнем случае

должно было принадлежать господину де Вильдавре, поскольку тот являлся губернатором Акадии и возвращался в Квебек после долгой и нелегкой поездки по вверенным ему землям.

Однако губернатор разрешил этот запутанный вопрос, подвинув свою скамеечку для коленопреклонений на места для певчих, совсем рядом с балюстрадой, ограждающей алтарь. Это означало, что, если в силу его высокой должности ему и дозволяется входить на территорию, где могут находиться только клирики, он находится там лишь как смиреннейший из рабов Божьих.

Епископ, направляясь к ступенькам алтаря, заметил это и нахмурился. Между тем торжественная месса началась. Поющие в хоре дети вышли из ризницы и построились в две шеренги вокруг кафедры; поприветствовав друг друга, они наполнили кадила ладаном из ладанницы и затянули радостный гимн:

Тебя, Бога, хвалим, Ты наш Господь,
Вся земля Тебя чтит, Отче Предвечный,

Святой, святой, святой Владыко,
И земля, и небеса полны
Твоим величием и славой.

Анжелика уже много лет не присутствовала на торжественной католической мессе.

Она скиталась по морям и лесам, ведя жизнь искательницы приключений, отвергнутой обществом, к которому когда-то принадлежала.

«Как это странно», – подумала она.

Из дюжины серебряных кадильниц, раскачиваемых отроками в красных и черных сутанах, поднимались облачка благоуханного дыма. По ступеням, ведущим к

алтарю, спускались и поднимались совершающие богослужение священники, благословляя прихожан в своих праздничных рясах, расшитых золотыми и серебряными нитями.

Повергнутая в оцепенение этими монотонными движениями и звуками органа, Анжелика отдалась воспоминаниям. Хотя она не могла понять причины, в ее памяти начали всплывать забытые лица, забавные происшествия, обрывки событий. Однако она продолжала держаться очень прямо, облокотившись на перила молитвенной скамьи и сложив руки в позе, как ее научили монахини-урсулилки в Пуатье. От подсвечников с горящими свечами, стоящих на медных подставках по обе стороны алтаря, а также в боковых часовнях, расположенных в поперечном нефе и апсиде, шел жар и ослепительный свет. К аромату ладана примешивался сладковатый запах воска. В этом пляшущем свете роскошные украшения дарохранительницы и запрестольных образов, казалось, увеличивались в объеме и кипели, испуская золотые пузырьки. Гроздья фруктов, гирлянды цветов, консоли, волюты, завитки, кадилницы, потиры, изображение доброго пастыря и агнца. В мерцании свечей все это словно шевелилось. Маленькие деревянные статуи святых, казалось, выходили из своих ниш, венчающий их купол расширялся, хрустальные окошечки двух раков сверкали.

Все это вдруг напомнило ей о проклятиях, изрыгаемых преподобным Пэтриджем, пастором из Новой Англии: «Паписты исповедуют религию блудницы вавилонской, религию фанатиков». Это он забил насмерть иезуита отца Вернона.

Анжелика подняла голову, чтобы разглядеть иезуитов, стоявших в два ряда между резными скамьями клироса.

Как всегда, в черном, но в честь торжественного молебна с накинутыми поверх черных сутан белыми

стихарями. Их гладко выбритые или бородатые лица были одинаково холодны и безмятежны. Белые жесткие воротники с закругленными краями придавали им сходство с испанскими грандами, один из которых, великий Игнатий Лойола, и основал иезуитский орден. Их собрание показалось ей похожим на сходку волчьей стаи. Осторожные и серьезные, подозрительные к чужакам, они были сейчас связаны каким-то общим наказом, который делал их безвредными и почти дружественными.

Анжелика укорила себя за эти непочтительные мысли. Они были не врагами, а силой – силой, которая, возможно, могла присоединиться к ним с Жоффреем.

Она обратила внимание на руки молодого иезуита, держащие молитвенник. На его левой руке не хватало большого пальца, а еще два других, по-видимому, были обожжены ирокезами до уровня первой фаланги и выглядели словно пальцы прокаженного. На другой руке недоставало среднего пальца. Остроконечная, короткая, тщательно подстриженная темная бородка окаймляла совсем еще молодое лицо. Он был уже лыс, и его природная лысина увеличивалась за счет тянувшегося через полголовы розоватого шрама. К тому же можно было заметить, что у него отрезана половина левого уха. Совсем недавно подвергшийся пыткам, а сегодня поющий в квебекском соборе хвалу Господу, он, похоже, не думал об истязаниях, которые его изуродовали. У него было доброе, невинное лицо. Анжелика вспомнила имя, под которым его ей представили, – отец Жорра.

Анжелика снова вспомнила отца Вернона, с которым она плавала на «Белой птице» и который погиб под ударами английского пастора.

«О мой друг, почему вы умерли? Видите, я в Квебеке, как вы и просили...»

Она уронила голову на руки, стараясь оживить в памяти его уже стертые временем черты и сиять

разгадать ту тайну, которую она порой читала в его глазах.

«Он меня любил! – подумала она. – Я уверена, что он меня любил».

Анжелика была настолько поглощена этим немым диалогом с призраком, что совсем потеряла счет времени и почти забыла, где находится.

В конце концов сосредоточенность, с которой она, казалось, предавалась молитве, поразила всех присутствующих в храме.

Все взоры были прикованы к белокурому затылку этой знатной дамы, так смиренно стоящей на коленях перед алтарем.

– Неужели она так набожна? – прошептала госпожа де Меркувиль на ухо своей соседке госпоже де Дюперрен. – Ну, это уж слишком! Я вас уверяю, что уже ничего не понимаю... и это после всего того, что нам рассказывали об этих людях. Говорили, что они безбожники, враги церкви. Что они не воздвигли в своем поселении крест! И бог знает что еще. Ах, моя дорогая, кому же после этого верить...

* * *

Энергичный звон пяти соединенных друг с другом колоколов, в которые звонил крепкий семинарист, прервал размышления Анжелики.

Она обернулась и обвела взглядом людей, с которыми ей предстояло прожить несколько месяцев ее новой жизни.

Рядом с нею, откинув голову назад и скрестив руки на груди, стоял Жоффрей. В его позе не было ни капли рисовки. О чем он сейчас думает? Чувствует ли он то же, что чувствует она, – что они возвратились на родную

землю? Он казался удовлетворенным, но по тем ли причинам, что и она?

Справа от нее находился Вильдавре, очень похожий на набожного петуха. Ибо он в самом деле любил бывать в церкви и молиться.

Сзади, рядом с вождями гуронов и алгонкинов, стоял Пиксарет, а за его спиной теснилась толпа, в которой причудливо перемешивались белые и индейцы.

Здесь было множество индейцев и индианок, одни – полуголые, другие – завернутые в одеяла или меха, и бок о бок с ними стояли элегантно одетые дворяне, дамы с талией, затянутой корсетом, офицеры в парадной форме и обросшие бородатые трапперы в одежде из оленьей кожи. Многие француженки были в крестьянских головных уборах своих родных провинций, другие – в белых чепцах.

Завитые волосы мещанок скрывали черные и коричневые шарфы из тафты, капюшоны были откинута назад.

Повсюду были дети, одни – светлоглазые, с соломенными волосами, другие – с темными, как ежевика, глазами маленьких индейцев.

Справа на коленях стояла матушка Буржуа, окруженная «королевскими дочерьми». Их бледные лица освещала горячая радость оттого, что они наконец добрались до Канады.

В толпе можно было легко распознать новых, прибывших сегодня иммигрантов – их отличали худоба, покрасневшие веки, землистый цвет лица и испуганный, жалкий, смиренный и принужденный вид, наследие Старого Света. Все это пройдет, стоит им только получить под распашку двадцать арпанов земли или начать охотиться, добывая меха.

Для них сегодняшняя церемония, во время которой они праздновали свое прибытие в Новый Свет после

утомительного плавания, была одновременно и началом и концом.

Ангельские голоса маленьких певчих звучали воодушевленно, торжественно. В голосах новых переселенцев звенела радость оттого, что они вместе и достигли цели.

Для них, приехавших в Канаду в поисках лучшей жизни, старое королевство отдалялось, словно исчезающий за горизонтом тяжелый корабль, груженный проклятиями, злобой и окровавленными, пропыленными лохмотьями. Теперь все, что будет построено здесь, в Новом Свете, будет гармонично и избавлено от бессмысленных ограничений.

Маргарита Буржуа, подняв голову от молитвенника, встретила взглядом с Анжеликой и улыбнулась ей заговорщицкой улыбкой. В последний раз они виделись в Тадуссаке. «Ну вот, видите, – казалось, говорила монахиня. – Все устроилось наилучшим образом».

Анжелика улыбнулась, и эта улыбка, смягчившая дерзкий блеск зеленых глаз, была воспринята ее приверженцами как знак дружелюбия.

Лишь одна женщина бросила в ее сторону свирепый взгляд.

Очень высокая, она была облачена в глубокий траур, однако богатство наряда свидетельствовало, что это не простая мещанка, а знатная дама. Ее взгляд, брошенный на Анжелику, был подобен удару шпаги. Затем она отвернулась и начала с подчеркнутой сосредоточенностью разглядывать витраж. Всем своим видом она, казалось, стремилась продемонстрировать, что не замечает окружающих и отвергает все, что происходит вокруг. Царящий в базилике полумрак подчеркивал ее угловатые черты и бледный, как мел, цвет лица. «Маска смерти», – подумала Анжелика. На этом мертвенно-бледном лице выделялся похожий на рану небрежно покрашенный рот. Сейчас его уголки

были опущены, что придавало всей физиономии вид глубокой скорби. Руки женщины так сильно дрожали, что казалось, на редкость объемистый молитвенник, который она держала, вот-вот выпадет.

Анжелика ни на миг не усомнилась, что перед нею и есть та самая воинственная Сабина де Кастель-Морг, которую муж во искупление ее грехов заставил присутствовать на триумфе тех, кого она собиралась отправить на дно реки.

Глава XIII

Одну за другой Анжелика отстегивала булавки, которыми к корсажу ее голубого платья был пришпиглен расшитый жемчугом пластрон, и складывала их в чашу из оникса. Зеркало в золоченой деревянной раме отражало ее растрепавшиеся белокурые волосы, лицо, подобное цветку, распутившемуся на утренней заре, и зеленые глаза, сияние которых спорило с блеском украшающих ее уши крупных бриллиантов. От каждого движения эти бриллианты мерцали, похожие на далекие огни, свет которых пробивается сквозь туман.

Но отчего ее отражение было хотя и ослепительным, но слегка затуманенным? Наверняка причиной тому был горячий пар, поднимавшийся из приготовленной для нее деревянной ванны. Она попробовала протереть зеркало, однако это ничего не дало.

Из этого Анжелика сделала вывод, что она немного пьяна. Правда, причиной тому, скорее всего, было не выпитое, а крайняя усталость от всей сегодняшней суеты.

Когда глубоко за полночь ты наконец остаешься одна, неудивительно, что у тебя немного кружится голова. И теперь она находила отдохновение и даже некоторое удовольствие в таком скучном занятии, как отстегивание бесчисленных булавок.

Это чудесное платье ее не подвело. Договор, который заключают между собою Женщина и ее Наряд, секретный пакт о том, что они должны умножать красоту друг друга, не был нарушен. Анжелика была рада остаться одна. За последние годы она привыкла к свободной жизни, и теперь ей казалось, что она более никогда не сможет стать придворной дамой, окруженной многочисленными служанками и лакеями.

Во всяком случае, не сейчас... А ведь оставалась еще проблема с этим цветком лилии на плече, этим позорным клеймом, из-за которого она могла довериться лишь самым преданным служанкам.

Ничего не поделаешь! Пусть пальцы исколоты булавками, зато она сможет насладиться одиночеством в эти первые минуты отдыха в квебекском доме Вильдавре, о котором маркиз так много рассказывал.

Она наконец сняла пластрон и расстегнула корсаж. Он обтягивал грудь и талию по нынешней моде, как вторая кожа, подчеркивая изящество ее форм, и был немного тесен, особенно сегодня, после обильной трапезы.

Анжелика отбросила и пластрон, и корсаж подальше и вздохнула с облегчением. Затем, запустив пальцы в волосы, приподняла их, чтобы дать отдых затылку. Потом снова посмотрела на себя в зеркало. Отражение ее было прекрасно, хотя и по-прежнему туманно. Она стояла в тонкой батистовой рубашке, сквозь которую просвечивала белая кожа и два более темных пятна там, где были соски.

Над зеркалом висело огромное распятие из слоновой кости и серебра. В доме Вильдавре распятия были повсюду, однако они были так красивы, что воспринимались как произведения искусства, а не предметы культа.

Анжелика закончила развязывать шнурки последней юбки, и та, соскользнув, упала на пол.

Иоланда помогла ей снять верхнее платье, после чего Анжелика ее отпустила.

Теперь и юбки, и серебряные кружева лежали на полу. Молодая женщина переступила через них, оттолкнув ногой. Сняв рубашку, она осталась обнаженной. Она перевязала волосы лентой, приблизилась к ванне и, еще раз вздохнув, ступила в горячую воду. Дневную усталость как рукой сняло. Ее

охватило блаженство, она выкинула из головы все мысли и, облокотившись на край деревянной ванны, погрузилась в мечтания.

Она в Квебеке. И это для нее звучало почти так же гордо, как в тот день, когда она, стоя на ступеньках королевского цветника, осознала, что ОНА В ВЕРСАЛЕ.

Важно было оценить, какой путь ей пришлось преодолеть, чтобы прийти к этой победе.

Она находится в городе. В городе французской провинции, с его домами, церквями, садами, лавками.

Она лежит здесь, погрузившись в горячую воду, и вокруг нее – тишина безмятежной ночи. Зеркала отражали ее расслабленное тело. Висящие повсюду, они увеличивали эту клетушку с резными деревянными стенами, в которой сибаритствующий маркиз оборудовал роскошную ванную комнату.

В конце концов они все-таки добрались до этого так красочно расписанного Вильдавре дома, расположенного в Верхнем городе Квебека, столицы Новой Франции.

Они смогли попасть в дом еще до наступления темноты, что было почти так же сложно, как и сама высадка в Квебеке. Каким чудом им удалось в конце концов все-таки достичь этого дома, который маркиз так им расхваливал?

После дня, в котором грохот войны смешался с блеском славы, как им удалось так быстро покончить с приветствиями и поздравлениями и все же вступить под его кров?

– Он же совсем маленький! – вскричала Анжелика при виде дома.

– Но он очарователен! – возразил маркиз.

С этим нельзя было не согласиться. Несмотря на скромные размеры, жилище Вильдавре оказалось весьма уютным.

Маркиз добавил, что Анжелика испорчена воспоминаниями о королевских дворцах. Для Квебека этот дом был достаточно просторным. В нем было два этажа плюс чердачный этаж со слуховыми окошками. С обеих сторон от парадной двери имелись по два выходящих на улицу окна, сама дубовая дверь, широкая и высокая, была увенчана декоративной каменной маской Аполлона, а сбоку был прикреплен бронзовый дверной молоток, ручку которого было нелегко поднять, так обильно она была украшена коваными цветами и виноградными гроздьями. Подъезд охраняли невысокие статуи атлантов, держащих на плечах каменный шар небесного свода, Гости маркиза могли воспользоваться шаром как опорой, чтобы сесть в седло после того, как их визит был завершен.

Однако сегодня Вильдавре посоветовал гостям войти в дом с черного входа, чтобы сразу оказаться на просторной кухне, где их ждал вкуснейший ужин.

Дом был выстроен на склоне холма, поэтому, чтобы оказаться во дворе, где находились службы, амбар, дровяной сарай и небольшая пристройка, для того чтобы париться на индейский манер, приходилось карабкаться. Вильдавре заявил, что скоро прикупит и соседнее поле, чтобы построить там конюшни и огород.

Сейчас все устремились в распахнутую дверь и очутились в большой низкой комнате. Слева в очаге приветливо горел огонь, посередине стоял стол, покрытый камчатной скатертью и уставленный стеклянными бокалами и серебряной посудой, а справа открывалась гостиная, обставленная мебелью, обитой гобеленовой тканью.

- Большую часть мебели я привез из Франции, - заявил Вильдавре.

Как он и предполагал, его служанка ждала их возле стола, застывшая, точно деревянная статуя; она казалась частью декора.

Это была высокая приятная молчаливая женщина с робкими глазами, выглядывающими из-под белого бретонского чепца. Она, как грудного ребенка, прижимала к груди знаменитую фаянсовую форму для пирога, над которой возвышалась золотистая, украшенная завитушками корочка пирога с дичью.

- Моя дорогая, ты неповторима! - воскликнул маркиз, целуя ее в обе щеки. - И даже более того - ты настоящая фея! Я всегда это говорил!

После чего он захотел показать Анжелике второй этаж.

Однако она, глядя вокруг, ломала голову, каким образом они все смогут здесь поместиться. Она хотела подождать прихода мужа, чтобы решить этот вопрос.

Между тем в дом начали входить люди из их свиты: пажи, метрдотель с помощниками, несущие корзины с посудой и бельем, затем «королевские дочери», как всегда следующие за Анжеликой, а также несколько флейтистов и барабанщиков, уставших за день. Всем им хотелось пить, потому что у них не было во рту ни капли с самого утра.

Между тем произошло именно то, что Анжелика предвидела. Служанка маркиза, осознав, что ее хозяин не будет жить в своем доме, что он не только опять покинет ее, но, более того, предоставит жилище в полное распоряжение чужой женщины, к которой он, похоже, воспылал неуместной страстью, гордо направилась к двери, унося свой пирог. Ей было невыносимо видеть, что хозяин намеревается поселить Анжелику в своем доме, так заботливо ею прибранном, а сам переберется в какой-нибудь хлев в Нижнем городе, даже не пригласив ее, свою верную служанку, сопровождать его после того, как она долгие месяцы так преданно его ждала.

Вильдавре разразился бранью.

- Ты что, принимаешь себя за королеву Франции? - в негодовании вскричал он. - Только посмотрите на эту нахалку! Эти слуги из колоний не имеют стыда! Если бы ты сейчас находилась по ту сторону океана, в Старом Свете, ты не посмела бы так себя вести! Дрянь! Сейчас ты у меня отведаешь палки!

Вне себя, он отвесил ей несколько чувствительных ударов тростью.

Служанка согнулась от ударов, но тем не менее ушла, унеся свою стряпню.

- И что же мы будем есть нынче вечером? - принялся вздыхать Вильдавре.

Однако тут метрдотель с «Голдсборо» сказал, что готов приготовить все, что они пожелают. Вслед за ним на кухню бросился Флоримон, не раз помогавший на камбузе, когда служил юнгой.

Между тем слуги продолжали вносить сундуки, мешки, одежду.

Анжелика вышла на кишачий народом двор. Здесь под растущим у дома гигантским вязом сидели Жюльенна и Аристид Бомаршан со своими пожитками, среди которых находилась старая корзина с сахаром-сырцом и несколько фляг рома, изготовленного раскаявшимся пиратом (он «спас» их с «Иоанна Крестителя»).

Толпа все росла. Все спешили поскорее обрести пристанище, потому что вечер становился все холоднее и холоднее. Большая кухня-гостиная уже не могла всех вместить.

Между тем кто-то сообщил, что усадьба, высокие трубы и часть белого фасада которой виднелись на той стороне холма, и есть то самое жилище, которое губернатор Фронтенак предоставил в распоряжение графа и графини де Пейрак, их сыновей и слуг. Дом с примыкающими к нему службами был достаточно просторен и удобен.

Матросы уже перенесли туда свои пожитки и предметы первой необходимости, чтобы дополнить то, что было для них приготовлено по приказу губернатора.

Повинуясь громким приказам, собравшиеся у дома маркиза двинулись в указанном направлении через поля.

В это же время явились две дамы из братства Святого Семейства и от имени каких-то человеколюбцев предложили приютить «королевских дочерей». Анжелика отправила девушек с ними.

Среди всей этой сутолоки рядом с Анжеликой вдруг очутился Анн-Франсуа де Кастель-Морг и, ломая руки, принялся причитать:

- Сударыня! Сударыня! Простите меня! То, что произошло, ужасно...

- Да, да, я вас прощаю... я вам все прощаю, - заверила его Анжелика, чувствуя, что еще немного - и она свалится с ног.

Однако тут Вильдавре, распахнув перед нею двери, повел ее смотреть дом. При этом, демонстрируя ей свое жилище от погребов до чердака и расхваливая одну изящную вещицу за другой, он так усердствовал, словно хотел его продать.

- И еще, моя дорогая, я хочу вам сообщить кое-что, чего вы не знаете... Вы слышали, как господин де Фронтенак говорил о жилище, которое он приготовил для госпожи де Модрибур... Так вот, это та самая усадьба Монтины, которую вам сегодня предложили. Вы же не поселитесь там, где должна была обитать она?

Наконец он ее оставил в покое, сказав, что не стоит о нем беспокоиться. Кто-кто, а он сумеет устроиться преотлично.

Вскоре после ухода Вильдавре явился толстый мальчик на вид лет двенадцати, с трубкой во рту, и сказал, что у него есть новости о ее коте. Тот, по его словам, чувствовал себя хорошо и познакомился с

задворками таверны «Французский Корабль», где и нашел все, что ему нужно для счастья. Мальчика сопровождали двое подмастерьев, нагруженные горшками и кастрюлями с рагу и бланманже, овощным супом и пирожными, – то были дары щедрой хозяйки таверны.

Можно ли мечтать о большей любезности? Анжелике показалось, что мальчик ей кого-то напоминает. Он сообщил, что он сын Жанины Гонфарель и что ему девять лет. Судя по его виду, он обещал вырасти крепышом. Анжелика хотела сделать ему маленький подарок, но он отказался. Тогда она расцеловала его в пухлые щеки и попросила передать матушке, что завтра она зайдет к ней, как только сможет, чтобы поблагодарить и забрать кота.

И вот наконец Анжелика осталась одна с Иоландой.

Дети спали в комнате на первом этаже позади кухни. Ее стену нагревал очаг.

В доме приятно пахло, мебель была старательно начищена воском с примесью росного ладана, повсюду: на столах, стенах, в витринах – стояли и висели блестящие изящные безделушки и утварь, сверкали люстры, подсвечники и распятия. Добраться сюда было с их стороны настоящим подвигом! Всего год назад столица Новой Франции, затерянная в лесах к северу от их владений в Мэне, казалась им неприступной вражеской крепостью.

Внезапно ей вспомнилось чье-то лицо, несколько недавно услышанных слов. Вопросы, на которые она не могла ответить, кружились перед нею, точно стая птиц.

Исчезновение отца д'Оржеваля... Загадочно... Безумие госпожи де Кастель-Морг... Бессмысленно... И кем мог быть затерянный в толпе человек, который при виде знамени Жоффрея де Пейрака бросил: «Ну и ну! Когда он плывал по Средиземному морю, его серебряный щит был изображен на другом поле – на красном».

Человек, точно знавший, что Жоффрей де Пейрак - это Рескатор.

Глава XIV

Анжелика вновь открыла глаза. Ее угнетала какая-то смутная тревога. Вода в ванне остыла и была чуть теплой, и она поняла, что, должно быть, уснула. Одна свеча уже погасла, другие догорали.

В висевшем на стене зеркале она снова увидела свое отражение. Обнаженная женщина, лежащая в мерцающей воде в ореоле белокурых волос, с блестящими в полутьме испуганными зелеными глазами.

Почему Жоффрея до сих пор нет?

Тех коротких минут, на которые она заснула, оказалось достаточно, чтобы обстановка, до сих пор казавшаяся ей такой приятной, вдруг предстала перед нею в новом, неприглядном свете.

Сейчас ей казалось, что тишина полна угроз.

Снаружи башенные часы пробили три удара. Это был голос спящего города. Города-ловушки.

Она едва дышала. Ей хотелось прогнать страх.

Где же Жоффрей? Где его спутники? Матросы? Испанцы? Офицеры?

В ее воображении, точно стая черных птиц, кружили самые худшие предчувствия. Она начала бояться, что восторженный прием, который им оказали, был всего лишь миражом, ужасной комедией, призванной усыпить их бдительность, чтобы беспрепятственно схватить человека, угрожавшего гегемонии его христианнейшего величества короля Франции над огромными территориями Северной Америки.

Ей почудилось, что на зеркале огненными буквами проступает ужасная истина: «Они его арестовали».

Живое воображение Анжелики нарисовало ей, как он входит в замок Сен-Луи и его тотчас же окружают дворяне с обнаженными шпагами в руках.

«Господин де Пейрак, у нас есть приказ арестовать вас именем короля!»

Все начинается сначала...

И когда она услышала какой-то шум на первом этаже темного, как печь, дома, она уже не сомневалась, что это, как и в прошлый раз, несчастный Куасси-Ба, стонущий и зовущий ее: «Каспаша! Каспаша! Они забрали мою большую саблю!»

Она рывком вышла из апатии, расплескивая воду, бросилась вон из ванны и, схватив простыню, завернулась в нее.

С трудом подавляя рвущиеся из горла крики отчаяния, она выбежала на лестничную площадку.

У подножия лестницы стоял человек.

Человек в черном.

Глава XV

Там, внизу, стоял Жоффрей де Пейрак.

С ног до головы он был облачен в черное.

Подняв голову, он смотрел на Анжелику.

Он был одет в короткую куртку с широкими рукавами. Воротник из медвежьего меха был поднят и сливался с его черными волосами, образуя вокруг головы своего рода щетинистый ореол, в котором рыжими искорками отражался горящий в очаге огонь.

Анжелика прижалась к перилам лестницы и, тяжело дыша, застыв, точно изваяние, смотрела на него как на призрак.

А Жоффрей де Пейрак, очарованный этим видением, но удивленный трагическим выражением лица жены, вопросительно поднял брови.

Она стояла полуобнаженная, мокрая, с распущенными волосами. Она была прелестна...

Анжелика увидела, как на его обращенном к ней лице расцвела чудесная белозубая улыбка, и не поверила своим глазам.

Вполголоса она сказала:

- Итак? Вам удалось от них ускользнуть?

- Ускользнуть?

- Что произошло?.. Я вас ждала. Я заснула и...

- И... мне кажется, что вы еще не вполне пришли в себя, сердце мое! Я же предупреждал вас об этом заседании Высшего совета в замке Сен-Луи... И мне в самом деле удалось от них ускользнуть... Мне так не терпелось прийти к вам, в ваши покои. Но все закончилось как нельзя лучше...

С губ Анжелики сорвался вздох облегчения.

Она сбегала по ступенькам и бросилась в его объятия, повторяя:

- Как глупо! Господи, как глупо!

Она зарылась лицом в складки его одежды и потерлась о нее щекой, вцепившись пальцами в его плечи.

- Что, нас опять начинают одолевать злые духи? - насмешливо спросил он. - И какое же событие могло превратить блестящую королеву Квебека в испуганную нимфу?

- Я думала, что вас арестовали!

- Что за ребячество! Неужели вы сегодня не поняли, что это не так уж просто сделать? Я хорошо защищен, и у меня верные союзники. К тому же мы сделались популярны. Уж кто-кто, а вы должны это понимать.

- Это могла быть уловка.

- Нет! Для этого наши французы из Канады слишком прямодушны и слишком любят радости жизни.

- Вы меня очень напугали, - сказала она. - И особенно когда я заметила вас, стоящего у лестницы во всем черном.

- Я хотел отправиться на это ночное собрание, одевшись именно так.

- Но почему?

- Черный человек, - молвил он. - Вы помните Черного Человека, стоящего позади дьяволицы, из видения матушки Мадлен? Я знал, что меня охотно воспринимали именно так. Разместив моих людей в усадьбе, я переоделся в черное и в таком виде отправился на заседание Совета в сопровождении испанцев.

Анжелика была поражена.

- Жоффрей, это неразумно, - встревоженно сказала она. - Мы находимся в осином гнезде, где любое недоразумение может иметь для нас самые печальные последствия, а вы развлекаетесь тем, что напоминаете жителям о пророчестве, которое некоторые, быть может, и забыли, зато многие другие хорошо помнят и боятся.

- Тем более пора высказаться ясно. Мне было интересно понаблюдать за реакцией этих господ на мой вид, и я позволил себе это сделать, поскольку епископа на сегодняшнем заседании не было. Меня уже обвиняли в том, что я и есть этот Черный Человек, а вас - в том, что вы дьяволица. И что же - нынче вечером я представил им этого персонажа, дабы разрушить в их глазах созданный вокруг него миф. А с другой стороны, я вижу, что и вы сами не боитесь показаться как «обнаженная женщина, выходящая из вод».

- Но в отличие от вас я не явилась в таком виде на заседание Высшего совета.

- И слава богу! Анжелика, любовь моя, вы относитесь к жизни слишком серьезно, вы снова становитесь той очаровательной маленькой канониссой, которую я в прошлом году похитил у свирепых протестантов из Ла-Рошели. Но поверьте мне, после того как вы явили мне свои таланты, эта роль вам более не подходит.

Он прижал ее к груди, покрыл лицо поцелуями - после только что испытанного ею страха именно такое непринужденное обхождение могло сейчас действеннее всего развеять ее тревогу.

Она подняла голову, чтобы взглянуть на него и еще раз убедиться, что он здесь, с нею.

Из груди ее вырвался крик.

За его спиной, в глубине зала, из гроба высунулся череп с двумя блестящими, как светлячки, глазами и растянутым в веселом оскале ртом.

Пейрак обернулся:

- Добрый вечер, господин Маколле, извините за то, что потревожили ваш сон.

- Ничего страшного, - скрипучим голосом отвечал старый траппер. - На что же тут жаловаться? Зрелище весьма приятное.

Так оно и было.

Граф де Пейрак, в высоких сапогах и плотной, отделанной мехом одежде, сжимал в своих объятиях полуголую Анжелику, похожую на наяду. Вынув из ларя, в котором он сидел, красный колпак, старый Элуа напялил его на голову. Затем широко зевнул и пробормотал что-то насчет медведя, которого он убил на королевской ферме, из-за чего генеральный агент Компании господин Ле Башуа с ним повздорил, и вот теперь он вынужден скрываться в их доме, потому что с этой администрацией никогда не знаешь, как могут наказать бедного траппера в Квебеке.

- Я подумал, что у вас я буду в безопасности... как в Вапассу.

- Вы правильно подумали.

- Но где же вы спали? - воскликнула Анжелика, стараясь плотнее запахнуть на себе соскальзывающую простыню.

- В сундуке - койка нищего, как у нас говорят. Тут на дне есть немного соломы и одеяло... Если вам это не помешает, сударыня.

И он нырнул в глубины своего длинного ларя, чтобы опять погрузиться в сон.

Из погреба донеслось бляение козы.

Никаких сомнений. Они в Квебеке.

Граф де Пейрак обнял Анжелику, и они вместе медленно поднялись по узкой лестнице.

Взойдя на второй этаж, они остановились. Справа открывалась комната, где находилась огромная кровать, о которой говорил Вильдавре: ступеньки из инкрустированного дерева, занавески из плотной узорчатой ткани с атласной подкладкой и широкий, украшенный бахромой балдахин, - это было поистине королевское ложе, занимающее почти все пространство от стены до стены.

- Наш маркиз - несравненный хозяин, - сказала Анжелика.

Но они не сразу вошли в спальню, а остановились у высокого окна, находящегося в центре лестничной площадки, по бокам которой друг против друга стояли две банкетки.

Привлеченные лунным светом, который лился сквозь квадратики оконного переплета, они опустились на банкетку, и Жоффрей де Пейрак откинул полу своего теплого плаща, чтобы накрыть им плечи Анжелики и прижать ее к себе.

- Что это за одежда? - спросила Анжелика. - Ткань плотная, но очень грубая.

- Это подарок одного квебекского купца - плащ, который я нынче вечером использовал для переодевания. Думаю, такие плащи войдут в моду у здешних щеголей и, быть может, приживутся даже в Париже.

- Но это крестьянская одежда!

- Зато очень удобная для свиданий с красавицами ледяной ночью.

Обнявшись, они любовались залитым луной пейзажем.

На другой стороне улицы виднелись деревья фруктового сада. Очертания ближайших домов тонули в легкой дымке. Но вдалеке вырисовывался четкий, ярко освещенный силуэт колокольни собора. Позади нее сияла вышедшая из облаков луна, ясно освещая колоннаду башни и на вершине ее - маленький кованый крест с приделанным к самому концу флюгером, в центре которого располагался терновый венец и все атрибуты Страстей Господних. На фоне молочных облаков это выглядело рисунком черной тушью, выполненным гигантским пером. Вокруг высились колокольни часовни семинарии, монастыря урсулинок, церкви иезуитов и прочие башенки и колокольни часовен, повторяя те же атрибуты Страстей, флюгер-петух и иногда - розу ветров.

Жоффрей говорил вполголоса.

Он вспоминал различные события прошедшего дня и радовался тому, что они завершились для них столь удачно. Безумный поступок госпожи де Кастель-Морг его, казалось, скорее развеселил.

- Признаю, что питаю некоторую слабость к отважным и страстным женщинам, которые доводят свои начинания до конца. Преданная своему духовнику, отцу д'Оржевалю, она, несмотря на его бегство, продолжала осуществлять то, что задумал он. Настоящая аквитанка. А мы, гасконцы, можем друг друга понять и простить.

- Вижу, вы весьма легкомысленно воспринимаете поступок, который мог нам стоить потери «Голдсборо», - возразила Анжелика, забыв, что еще несколькими часами ранее она тоже разделяла подобное мнение. - Только представьте себе, что было бы, если бы ядро попало ниже ватерлинии, - этот великолепный корабль потонул бы вместе со всем оружием и богатствами, что были на борту. И были бы неизбежны человеческие жертвы...

- Жизнь редко осуществляет свои угрозы... Что до меня, то после того, как опасность миновала, я думаю не о том, что она могла бы принести, а о том, что я от нее спасся...

- По-моему, вы сегодня выпили слишком много французского вина, - сказала Анжелика.

- Но кто же выиграл? «Голдсборо» по-прежнему стоит на якоре у подножия горы Рок, в то время как в фасаде дома Кастель-Морга зияет дыра, а его угол разрушен.

И он добавил, что Фронтенак был вынужден разместить семейство де Кастель-Морг во флигеле замка Сен-Луи.

Пока они говорили, он держал Анжелику в своих объятиях и время от времени целовал ее лоб и виски,

как будто ее лицо неодолимо его притягивало.

Она догадалась, что он говорит так, чтобы отвлечь ее и передать ей свою уверенность, хотя в действительности и он не был так уж радостно настроен.

- Жоффри, - смиренно сказала она, - я признаю, что поддалась панике. Передо мною вдруг встали все обстоятельства, которые могли бы помешать нам зажить счастливо. В этом доме мне вдруг почудилось сходство с тем, где мы жили, когда прибыли на свадьбу короля в Сен-Жан-де-Люз. Вы помните? Все праздновали, но король воспользовался всеобщим весельем, чтобы вас арестовать.

- Полно, дорогая, забудьте о прошлом. Сейчас другие времена. Ничто не повторяется, как прежде, потому что жизнь - это движение. Сейчас король - это уже не тот юный монарх, что был озабочен тем, чтобы умерить самостоятельность принцев, которые вместе с Фрондой угрожали его трону. Сегодня его могущество несомненно. Ни один вассал не может стать в своей провинции королем, а именно в этом когда-то подозревали меня. Настали другие времена.

- И король стал другим.

- А вы стали другой женщиной. И вы нынче доказали это, и с каким блеском! Я смотрел на вас и видел перед собою незнакомку. Как выразить то, что я почувствовал, видя, что вы приковываете к себе восхищенные взоры? Я видел вас во всех ваших обличьях: ослепительную, как в Версале, но также спокойную и уверенную в себе перед лицом ирокезов и несокрушимую перед этой страшной дьяволицей. Все это не сулит мне спокойной жизни. Но я люблю риск и новизну.

- То-то и оно! Вы слишком любите риск, и я права, когда волнуюсь за вас. Помните, как вы отправились на встречу с этим Варанжем в бухту Благодарения, поверив записке, будто бы подписанной Фронтенаком. Вы пошли

туда почти без провожатых, и он ждал вас там, чтобы убить...

- Должно быть, я предчувствовал, что на пути мне попадется ангел-хранитель. Ведь мы не всегда ясно видим, что замышляют наши враги. Если бы не вы, я бы погиб. Но вы пришли и убили его. Так что мы, любовь моя, связаны с вами не на жизнь, а на смерть.

Анжелика вздрогнула:

- Что он замышлял? У меня создалось странное впечатление. Он проскользнул в вашу жизнь, как какой-нибудь злой дух из страшных снов. Я уверена - это был один из сообщников Амбруазины, один из тех, кто ее ожидал и знал, какая опасная особа скрывается за ее ангельскими чертами...

- Она мертва, вы ее победили. Она более не может нам навредить. Ее адское воинство отступило и скрылось во тьме.

Он поднял руку к окну, как бы творя заклинание, но при этом он улыбался.

У подножия скалы воды реки Святого Лаврентия разворачивались, точно щупальца морской звезды, огибая мысы, острова и бухты.

В этот час несколько индейских каноэ, подобно черным насекомым, прочертили на ее поверхности свой след.

Ему удалось развеять ее сомнения, и она вновь обрела то чувство уверенности, которое жило в ней весь этот день.

- Мы ушли уже слишком далеко, чтобы «они» могли до нас добраться, - сказал он. - Разве вы этого не чувствуете? Все опасное или трагическое, что может произойти с нами теперь, уже не будет столь серьезно.

- А как же злоба отца д'Оржевала? Когда я увидела у подножия лестницы вас во всем черном, я решила, что это он.

Жоффри де Пейрак расхохотался:

- Что за идея! Я с трудом могу представить себе иезуита, даже этого, который мог бы явиться к даме среди ночи.

- Он мог бы пожелать изгнать из меня злых духов.

- Сердце мое, у вас чересчур живое воображение. - И, помолчав немного, он добавил: - Не бойтесь его. Он больше не придет.

- Но где он? - прошептала Анжелика.

- Он покинул город. Во всяком случае, так говорят.

- Однако за несколько дней до нашего приезда он был здесь.

- А теперь его больше нет.

Она вспомнила, что он, хотя и удивился исчезновению отца д'Оржеваля, тем не менее воспринял эту новость так, словно он ее предвидел. Интересно, что он замыслил такого, во что ее не посвящал? Ведь у него в Квебеке есть свой тайный шпион. Он как-то поддразнил ее по этому поводу: «Я же не сказал, что это мужчина...»

- А что, если он вернется?

- Он не вернется.

- Может быть, он умер?

- Нет, он не умер.

Он сжал ее в своих объятиях, его рука ласкала ее плечо. Она почувствовала, как вышивка на его камзоле царапает ее обнаженную кожу, и это пробудило в ней сладострастное ожидание.

- Но почему он скрывается? Почему отказывается встретиться с нами открыто? Я хочу знать.

- Не все ли равно? - отвечал Жоффрей де Пейрак.

Она видела его улыбку и чувствовала его желание.

- Что поделаешь, сударыня! Вы не узнаете тайну зеленых свечей.

Его глаза весело блестели. И Анжелика рассердилась:

- Ну нет, все не так просто. Мне было слишком страшно.

- Когда, любовь моя?

- Только что.

- Я уже говорил: страх вам не идет.

- В прошлом году мы едва не умерли от голода. Если бы ирокезы не подоспели вовремя...

- Но они подоспели... Я их позвал.

Анжелика высвободилась из его объятий:

- А почему вы ничего не сказали мне?

- Потому что не знал, откликнутся ли они на этот зов. А напрасное ожидание порой забирает последние силы.

- Вы плохо меня знаете.

- Сбываются лишь те желания, которые держатся в тайне.

- Право же, в вас слишком много гасконского. Но я все равно вас люблю.

Сжимая друг друга в объятиях, они продолжали этот словесный турнир, сопровождая его ласками и долгими поцелуями. Фразы начинались и обрывались, чтобы уступить место молчанию, в то время как их губы продолжали узнавать друг друга.

У их ног лежал город, узкий, словно остров, зажатый в океане лесов. В этот час он был сер, точно олово, точно свинец, или серебро, или сталь, над ним плыл редкий синеватый дым, смешивающийся с окутавшим его туманом. Опасаясь пожара более, чем холода, жители Квебека предпочитали гасить огонь в очагах, прежде чем лечь спать.

В лунный свет врезались гребни островерхих крыш, шпили и флюгера.

Некоторые жители этого города знали их прошлое и деяния, за которые их когда-то осудили. Одни помнили госпожу дю Плесси-Бельер, другие - Рескатора или знатного тулузского сеньора.

Но у всех этих спящих людей были и свои собственные секреты, страхи и воспоминания. Жоффрей де Пейрак и Анжелика могли хоть немного отдохнуть и на одну ночь вернуться к другим ролям, предназначенным им судьбой, – ролям мужчины и женщины, которые любят друг друга.

Все остальное было забыто. Они более не были изгнанниками, теперь они были избранниками того безымянного королевства, завоевание которого зависело лишь от влюбленных сердец и влечения разгоряченных тел.

Пальцы Жоффрея погружались в волосы Анжелики, ласкали ее нежную кожу.

– Вы совсем другая женщина, красивая, сильная, – тихо говорил он ей. – И вместе с тем та же самая... потому что мы всегда остаемся теми, кто мы есть. Но ваша душа, подобно звездам, пересекла темные, опасные места и, как они, от трения засияла еще ослепительнее, распространяя свои лучи за пределы видимых границ. Та же самая... но вышедшая из очистительных вод, обновленная, подобно Афродите, которая родилась из перламутра раковины и дыхания весны.

– Вы навсегда останетесь поэтом из Лангедока.

– И я всегда буду воспевать даму моих грез. А вы будете слушать меня, глядя этим взглядом, который будит во мне вдохновение и желание поскорее сразиться с драконами.

– Это потому, что слова, которые вы произносите, приводят меня в состояние блаженства. С тех пор как я вас узнала, мне кажется, что от каждого вашего слова... мое сердце, моя душа словно наполняются воздухом и парят.

– О! Но и у вас, сударыня, хватает поэтического вдохновения. Какой прекрасный образ! А ваше божественное тело?

Анжелика рассмеялась под его поцелуями:

- Вы неисправимый распутник! Вы отлично знаете, что вы с ним сделали.

Жоффрей де Пейрак взгляделся в это чистое, освещенное радостью лицо и потерялся в этих бездонных прозрачных глазах, в которых сияли нежность и любовь к нему.

Он прошептал:

- Демоны растворились в ночи.

Часть вторая
Ночь над Квебеком

Глава I

Поздней ночью мадемуазель Клео д'Уредан пишет письмо своей далекой подруге Мари-Габриэль, вдове польского короля Казимира V, прозванной Прекрасной Садовницей.

Время навигации прошло.

Послание не будет отправлено, пока не минуют зимние месяцы и весна не освободит реку ото льда. Но мадемуазель д'Уредан обманет долгое ожидание, сочиняя эти письма, которые для нее станут диалогом через океан.

Одно за другим она будет складывать их в шкатулку, специально предназначенную для их хранения.

Моя дорогая,

я переставила мою кровать в другое место.

Теперь из своего угла я отлично вижу новый дом, который Вильдавре построил на границе владений Банистеров, потому что с сегодняшнего дня я начинаю наблюдать за его обитателями, и мне более не придется умирать от скуки, созерцая мой фруктовый сад и реку, которые я уже знаю наизусть.

Под нашими стенами к берегу причалил роскошный пират, и, поскольку он заранее озаботился взять в плен господина д'Арребу и господина интенданта, нам не оставалось ничего другого, как оказать ему такой же роскошный прием.

Так что дело, о котором я вам уже писала, разрешилось благополучно.

Речь идет об этом французском дворянине, союзнике Новой Англии, поселение которого находится к югу от наших владений, на границе

Акадии и Канады, и который стал причиной стольких наших тревог. Его почитали врагом и провели против него несколько кампаний.

Стало известно, что у него есть жена, женщина необычайной красоты. Накал страстей достиг предела, когда одна из наших урсулинок, матушка Мадлен – а она ясновидящая, – сделала по этому поводу предсказание, в котором свою роль играл сам дьявол. Для расследования к нему и его жене были посланы люди, которые пришли к вполне утешительным выводам. И страсти улеглись.

Однако затем было объявлено, что они приезжают в Квебек для заключения мирного договора, и споры разгорелись вновь.

Отец д'Оржеваль, который заправляет в Акадии всеми религиозными делами, обвинил их в том, что они мешали ему воевать с еретиками Новой Англии.

Это произвело большой шум, и мнения разделились. В приближении его флота многие увидели предвестие великих бед, и речь уже шла о том, чтобы поднять над собором знамя и спасти город.

Колдун из Нижнего города рассказал, что видел, как по небу несутся проклятые пылающие каноэ. В эту легенду охотно верят все, кто приезжает из западных провинций Франции. Считается, что горящие каноэ в небе – это знамение близких бедствий.

Затем по непонятным причинам этот злобный иезуит исчез, что повергло его сторонников в совершенную растерянность.

Что касается Фронтенака, то он вел себя молодцом. Он всегда стоял за них горой. Он настолько увяз в этом деле, что этим летом даже

отправил множество посланий королю, доказывая все выгоды, которые сулит Новой Франции установление дружественных отношений с таким могущественным соседом, который, по слухам, к тому же сказочно богат.

В ожидании ответа, который, как он надеется, будет одобрительным и благожелательным, губернатор разыграл карту дружбы и гостеприимства. К тому же они с господином де Пейраком – земляки, оба из Лангедока, а всякий знает, что гасконцы всегда поддерживают своих.

Так уж устроен мир!..

У нас в Канаде народ очень падок на все новые события и развлечения.

Тех, кто был недоволен их приездом в Квебек, отодвинули подальше, и все принялись готовиться к тому, чтобы оказать господину и госпоже де Пейрак теплый прием.

Моя дорогая, мне трудно вам описать, какую радость испытали жители Квебека от этого приезда, которого все так боялись.

Я ничего не преувеличиваю.

Госпожа де Пейрак обладает свойством, которое присуще королевам, – при виде ее толпа столбенеет.

Она так всем понравилась, что это просто невероятно.

Весь город с самого рассвета толпился на пристанях, и, не появившись она, люди готовы были бы ждать хоть до второго пришествия.

По мнению господина де Магри, она женщина ослепительной красоты. Но она, несомненно, колдунья и никогда не переступит порог моего дома.

Мадемуазель д'Уредан подчеркнула последнюю фразу.

Она устроилась поудобнее среди своих отделанных кружевом подушек. Прежде чем установить на коленях подставку для письма, она слегка подушила мочки ушей своими любимыми духами и, взглянув в зеркало, проверила, хорошо ли на ее седых волосах сидит наколка из брабантских кружев. Еще велела принести две новые свечи. Она решила не сердиться на свою английскую служанку, угрюмую, глупую, да вдобавок ко всему еще и еретичку, и приказала лишь убрать с кровати шкатулку и перевязанные лентами пачки писем, которые она еще не развязала и не прочла.

Их принес ей Вильдавре, однако он очень спешил, говорил только о сегодняшних и завтрашних празднествах и быстро куда-то убежал. Она поняла почему, увидев, как целая толпа чужаков, ведомая Вильдавре, заполняет ее тихую улицу и исчезает в его доме.

Именно в этом, как она честно себе признается, и кроется одна из причин ее неприязни к той, которую она про себя называет не «дьяволицей», а «обольстительницей».

Карлон также не пришел меня навестить, хотя он уже в городе. Но я его прощаю, потому что, как вы знаете, питаю к нему слабость.

На улицы вышел весь город.

Моя служанка, англичанка Джесси, добежала до самого луга, чтобы посмотреть на эти корабли, которые, как эта дурочка себе вообразила, приплыли, чтобы ее освободить. В результате она упустила собаку. Поймать ее и загнать в дом стоило огромных трудов, тем более что нам никто не помогал. Я могла бы умереть у себя в постели, и никто бы этого не

заметил. По счастью, в эти осенние месяцы, предшествующие зиме, я пью отвар из целебных корней, и это дает мне силы.

Господин советник Магри де Сен-Шамон сжалился над моим одиночеством и нанес мне визит.

Как бы то ни было, вы меня знаете. Я ничего не видела, но все узнала.

Я слышала всего лишь один пушечный выстрел. Казалось, что это ни о чем не говорит.

Стреляла Сабина де Кастель-Морг. Она была в ярости оттого, что в Квебеке так торжественно принимают особ, которых она считает врагами Новой Франции, и особенно ее дорогого духовника отца д'Оржеваля. Этот иезуит, которому она во всем покорна, заставляет ее причащаться каждый день. Мой Бог! Какая профанация! Но я замолкаю, ибо мне говорили, что враждебность, которую король питает к аббатству Пор-Руаяль и янсенистам, по-прежнему сильна...

Клео д'Уредан прерывает свой рассказ, и перо замирает в ее руке. Она не будет пускаться в рассуждения о Пор-Руаяле и янсенистах, потому что стоит ей начать, и она никогда уже не закончит.

Господин де Пейрак явился в сопровождении мощей святой мученицы Перпетуи, чем застал епископа врасплох. Тот и рад бы оказать гостям прохладный прием, да не тут-то было. Когда было объявлено, что городу дарят такую святыню, он был вынужден принять господина и госпожу де Пейрак со всей помпой.

Еще я хочу поведать вам о том стыде, который наши дамы из братства Святого Семейства испытали из-за принадлежавшей к

нему Сабины де Кагель-Морг. И не столько из-за произведенного ею выстрела из пушки, поступка, не лишенного отваги, но из-за того, что затем, принужденная своим мужем присутствовать на торжественной мессе в соборе, она оделась во все черное, дабы продемонстрировать, что это для нее траурный день, покрыла лицо свинцовыми белилами и выкрасила губы в кроваво-красный цвет. Короче, она была отвратительна, как маскарад во время Великого поста. Настоящий скандал! Госпожа Добрюн, такая добрая и ласковая, из-за этого даже плакала. Сабина считает, что ей все дозволено. Своим поведением она только вызвала волну симпатии к той, которую хотела унижить, к прекрасной госпоже де Пейрак, а та не обращала на нее внимания и вела себя очень любезно.

Мадемуазель д'Уредан перестает писать.

Стоит глубокая ночь. Все спокойно.

Возле кровати, на ступеньках алькова, лежит черно-белая собака.

Мадемуазель д'Уредан раздвигает занавески, потому что не может отвести глаз от окна, которое выходит на стоящий напротив дом маркиза де Вильдавре.

Там тоже все улеглись на ночь. Все окна темны. Можно различить приглушенные огни, но это просто ночники либо догорающие угли в очаге кухни. Однако высоко в окне дома напротив мадемуазель д'Уредан видит два силуэта. Это мужчина и женщина, они глядят в ночь. Это видение оставляет у нее смешанное ощущение беспокойства и интереса, причину которого она не может себе объяснить.

Одно несомненно: эта ночь кажется необычайно теплой, такой же теплой, как и атмосфера в ее домике,

где громко тикают прекрасные часы с маятником.

Мне говорили, что в их распоряжение предоставили усадьбу на холме, приготовленную для благодетельной герцогини де Модрибур, которая должна была прибыть летом вместе со всем своим имуществом и набранными ею во Франции «королевскими дочерьми»... Но она так и не приехала... Ходят слухи, что она утонула...

Но пока они еще живут у Вильдавре. Вы его знаете. Он вечно завладевает всем самым лучшим, тем, что у всех на устах, будь то вещи или люди.

Он бы умер от зависти, если бы ему хоть в чем-то предпочли кого-нибудь другого.

Останутся ли они в доме маркиза? Я бы этого хотела, потому что из моего окна видно все, что там происходит.

Но захотят ли они жить в соседстве с Юсташем Банистером, это другой вопрос. После того как у него забрали разрешение на торговлю мехами и епископ отлучил его от церкви за то, что он носил индейцам водку, он принялся со всеми судиться. Его дети – сорванцы, они вечно безобразничают и мучают свою собаку. Вы знаете, как я люблю животных, и мне тяжело это видеть.

Простите меня, моя дорогая, что я все еще не взялась за чтение ваших писем, один вид которых переполняет меня радостью.

Между нами говоря, моя дорогая, я довольна, что эти гости с юга внесли в нашу жизнь столько оживления. Пока что я описала вам их только в общих чертах. Позднее я напишу вам о них более подробно.

Подведем итог: обольстительница в городе и покинет нас не скоро.

Нынче вечером что-то в красном закатном небе навело меня на мысль, что ледостав уже не за горами, хотя тысячи диких гусей, что скопились на мысе Бурь, пока еще не решились лететь на юг.

Отныне ни один корабль уже не может ни приплыть, ни отплыть. Так что наши гости проведут с нами всю нашу длинную канадскую зиму, после чего мы получим ответы на все касающиеся их вопросы. Ибо у нас здесь все разрешается только весной, когда река освобождается ото льда и становится судоходной. Тогда первые корабли доставят к нам первых курьеров, и мы наконец узнаем, какой выбор сделал король...

Если покинуть скромное жилище мадемуазель д'Уредан и, подобно ночной птице, пролететь над колокольнями и дозорными башнями Верхнего города, мы попадем в резиденцию губернатора – замок Сен-Луи, крепость, что стоит на самой оконечности мыса и господствует над рекой.

В правом крыле замка светится одно окно.

Господин де Кастель-Морг бьет свою жену. Он вне себя от гнева.

Вполголоса, дабы не переполошить замок, где их приютил губернатор, он изливает свою и злость, и досаду:

– Сударыня, неужели недостаточно того, что вы пренебрегаете мной в моем собственном доме, что все те годы, что я на вас женат, вы без конца даете мне понять, что мое присутствие вам тягостно и что я здесь лишний, что вы демонстративно отвечаете презрением на все мои изъявления нежных чувств и делаете меня

посмешищем для олухов. И вам еще надо было нарушить данное мною слово и поставить меня в дурацкое положение перед моими солдатами и индейцами, меня, королевского наместника в Америке...

Сабина де Кастель-Морг горбится. Мужнины удары застали ее врасплох.

Уже давно, много лет, он ее не бил.

Она не отрицает, что он вправе быть в ярости, но ненавидит его за то, что он так легко переметнулся на сторону врага.

На протяжении всей этой истории он был на стороне отца д'Оржеваля, одобряя его стремление избавить землю Акадии от этих опасных захватчиков, которым помогает сам дьявол. Это был один из тех редких случаев, когда он хоть в чем-то был согласен с нею, своей женой. Неужели он об этом пожалел? Еще совсем недавно он уверял иезуитов в своей преданности и корчил из себя храбреца...

И оказалось достаточно... чего же? Того, что Фронтенак уверил его в пользе союза между гасконцами? Того, что отец д'Оржеваль вдруг исчез, словно заранее признав себя побежденным? Того, что он еще раз захотел ее унижить?

Прежде всего, оказалось достаточно объявить о приближении к Квебеку этого человека, который слывет колдуном и который уверен в том, что он и его дерзкий флот, нагруженный богатствами и подарками, непременно одержат победу, и притом без единого пушечного выстрела.

Ну что ж! Один пушечный выстрел все-таки был. Тот самый, который произвела она сама, как когда-то мадемуазель де Монпансье, велевшая стрелять по своему кузену-королю. Какое пьянящее чувство испытываешь, когда в твоей власти пушка и ты можешь заставить ее изрыгнуть ядро! Откуда ей было знать, что на борту корабля этого колдуна находится ее сын Анн-

Франсуа? Все, что она предпринимает, оборачивается против нее!

Но раз Анн-Франсуа жив и невредим, она несколько не сожалеет о своем поступке.

Потому что этот жест открытой вражды уравновесил всеобщее малодушие.

Так госпожа де Кастель-Морг во всеуслышание объявила о своей верности духовнику, которому еще вчера все пели дифирамбы, а сегодня отреклась. Наконец-то она смогла выместить всю свою злобу, всю свою горечь, которые копилась в ней годами, а причиной, как ей кажется, явилась эта пара, слывающая воплощением успеха в жизни и в любви. А ей ненавистно все, напоминающее, что сама она никогда в жизни не знала ни счастья, ни радости плотской любви.

О! Какую боль, какую невыразимую боль она испытала сегодня, увидев эту великолепную и необычную пару, входящую в собор под овации толпы. Из-за них вся ее напрасно прожитая, полная разочарований жизнь показалась ей еще более горькой. Никогда еще узы брака, связывающего ее с Кастель-Моргом, которого она никогда не любила, не казались ей столь тяжкими. Вся ее загубленная жизнь встала перед нею при виде этой женщины-победительницы, которую горячо приветствовал и боготворил весь город просто потому, что она явилась, потому, что достаточно просто ее увидеть, потому, что в ней есть ОЧАРОВАНИЕ. Тогда как ее, Сабину, никто не любит, она никому не нравится.

Кастель-Морг заставил ее присутствовать на благодарственном молебне. Лучше бы он бросил ее в сточную канаву.

Никому не было дела до ее унижения, до ее страданий, никто не сказал ей ни слова сочувствия.

Единственный, кто был к ней добр, кто ее искренне уважал, – ее духовник – исчез.

К ее печали, разбуженной недавними событиями, прибавились тревога и растерянность.

Неужели он, Себастьян д'Оржеваль, такой сильный, поддался страху? Нет, это невозможно. Может статья, он попал в ловушку? Нет, его сверхчуткая интуиция предостерегла бы его. Но что же тогда предположить? Что он предается размышлениям в каком-нибудь убежище, чтобы потом ударить по врагам? Но зачем нужно скрываться? Ведь он владел ситуацией.

Он ее бросил... Теперь она осталась одна, без помощи, окруженная осуждением и ненавистью.

Слезы катятся по ее распухшему лицу, ставшему еще более уродливым из-за белил.

Граф де Кастель-Морг разъяряется еще больше. Эта проклятая баба вечно делает все так, что виноватым оказывается он... Он мечется, как лев в клетке, по той единственной комнате, которую им выделили, кидая свирепые взоры на предоставленную в их распоряжение кровать, достаточно широкую и удобную, между раздвинутыми занавесками которой видны белоснежные простыни.

- Никогда я не лягу с вами в эту кровать! - кричит он.

- Я тоже! Идите ночевать к Жанине Гонфарель, этой сводне! Вы ведь уже привыкли находить там и пристанище, и нежный прием.

Кастель-Морг изрыгает ругательство, бросается на кровать прямо в куртке и сапогах.

Сабина выскакивает из комнаты, сдерживая яростный крик.

Камердинер господина де Фронтенака, спящий на походной койке перед дверью, слышит звон бьющейся посуды и, заинтригованный, встает.

Замок невелик, и в этот час все должны бы спать. Часовые стоят на карауле снаружи, и этого достаточно. Двигаясь туда, откуда донесся шум, камердинер приходит на кухни.

Господин де Кастель-Морг также слышал этот шум, потому что спал вполглаза. «Она опять что-то разбила», – думает он. Он спускается по лестнице прихрамывая, потому что его нога к утру всегда начинает ныть.

Он видит темную фигуру, которая пересекает прихожую под сонными взглядами камердинера и одетого в ночную рубашку поваренка.

Это госпожа де Кастель-Морг в плаще с капюшоном. Она направляется к выходу.

Он настигает ее в тот момент, когда она собирается открыть дверь, и хватается за руку:

– Куда это вы собрались, сумасшедшая? Куда вас несет в такой час?

Она с видом мученицы отвечает:

– Я собираюсь отнести кое-какую еду папаше Лубетту. Никто о нем нынче не побеспокоился.

Глаза ее внезапно вспыхивают, и она, брызгая слюной, выпаливает:

– Да, город потерял голову! До такой степени, что забыл о бедных и о первейшем долге милосердия. И все это ради женщины, чья красота служит лишь для того, чтобы устранить своих соперниц, для того, чтобы все мужчины пали к ее ногам, для того, чтобы распространять зло и уничтожать добро!

Она говорит с такой горячностью, скривив рот в такой злобе, что даже Кастель-Морг, привыкший к ее неумеренным реакциям, поражен. Это уж слишком. В ее неистовом гневе есть что-то такое, чего он не понимает.

Заинтригованный, он смотрит, как она входит в комнату с видом оскорбленной королевы.

– Почему вы ее так сильно ненавидите? – спрашивает он.

* * *

Исхудавшей дрожащей рукою Пьеру-Мари Лубетту удается дотянуться до табакерки из белой жести, что лежит на табурете возле его изголовья.

Проклятая жизнь! Табакерка пуста.

Затем он снова падает на подушки и зябко натягивает на себя сползшее одеяло, однако у него ничего не получается. Его так трясет лихорадка, что он не накрывается, а раскрывается, чувствуя себя как чугунный котелок, под которым разожгли огонь.

Проклятая жизнь! Что бы он сделал с табаком, если бы там была хоть самая малость? Он бы его пожевал. Курить? Нет, это исключено.

Стоит ему лишь зажечь свою старую трубку, почти такую же старую, как он сам, и сделать одну затяжку, и он начинает так кашлять, что задыхается и харкает кровью.

Жевать? Это он еще может. У него еще есть зубы, зубы почти такие же хорошие, как у индейцев, здоровые, крепкие. Пожалуй, только это он и сохранил. Все остальное утекло: силы, деньги, друзья. Это случается в этой проклятой колонии. Особенно со стариками. Они здесь больше не нужны. Их слишком долго видели, и им слишком много должны. Их предпочитают забыть. Весь день сегодня трезвонили эти чертовы колокола. Бум! Бум! И снова! И потом звонили, звонили! И вы думаете, нашлась хоть одна милосердная душа, чтобы прийти к нему и рассказать, что происходит и что означает этот единственный пушечный выстрел? Потому что это ему не померещилось – выстрел действительно был.

Но он остается один со своим любопытством. Все разбежались, как стая скворцов.

Весь народ выбежал на пристани, чтобы встречать этих чужаков. Один он остался на этой проклятой скале, почти так же, как в детстве, когда он взбирался на нее по козьим тропам. Кто бы мог подумать, что эта

широкая, замощенная камнем площадь Верхнего города, где дамы любят разъезжать в каретах, когда-то была окруженной деревьями поляной, где он, шестилетний мальчуган, рыскал со складным ножиком в поисках дикой спаржи или растущих на влажной земле папоротников, чтобы мать могла сварить суп.

Этот ручей, что пересекает площадь, тогда тек среди высоких трав. Он, маленький нормандец, окунал в него босые ноги, глядя на кроны высоких американских деревьев. Он вырезал себе дудочку, сидя у подножия дуба там, где сейчас высится собор. От этого огромного девственного леса остались лишь изгороди и парки, окружающие застроенные участки: монастырь урсулинок, иезуитский коллеж, семинарию, резиденцию епископа и больницу. За этими большими зданиями, окруженными островками зелени, повсюду проложены улицы. И слышно, как по мостовой, трясясь, разъезжают кареты и повозки, цокают подковами лошади.

В те времена, времена его детства, пятьдесят лет тому назад, у подножия утеса Рок жили всего два-три семейства поселенцев. Их немногочисленные дети, как дикие утки, росли на берегах затерянной в лесах реки.

Было всего лишь шесть или семь женщин, и среди них – двадцатилетняя Элен Булле, жена господина де Шамплейна, и ее три служанки.

Стройная Элен Булле, в своем белом платье, с маленьким зеркальцем на шее; индейцы, тронутые тем, что видят в нем свое отражение, говорили, что она носит их в своем сердце.

Все поселенцы жили в доме, который господин де Шамплейн построил на берегу.

Это был настоящий замок из прочного дерева, с просторным амбаром, маленькой голубятней. На втором этаже под двускатной крышей и высокими каменными трубами располагался круглый балкон, позволяющий часовым обозревать окрестности. Дом был опоясан рвом

с подъемным мостом, а в стратегически важных местах стояли пушки. Вначале в этом доме жили все, когда наступала зима, когда угрожали ирокезы. Поселенцы, торговцы, переводчики, солдаты. Было тепло. Утес, под которым он стоял, нависал над ним гигантской ледяной бахромой.

Осенние приливы подтачивали сваи причалов.

Зимой всегда питались хлебом, соленьями, сидром и кое-какой дичью, которую приносили индейцы или которая попадалась в капканы.

В доме стоял тяжелый запах шкур. Цинга делала тело дряблым, кожу бледной, десны от нее кровоточили.

Аптекарь Луи Эбер лечил ее отваром из сушеной черники, алгонкины приносили свои таинственные снадобья.

По вечерам читали общую молитву, а по воскресеньям за трапезами – жития святых.

В тот год, когда корабли с провизией были захвачены англичанами, начался голод. Урожай поселенцев, которые едва знали, как работать мотыгой, был ничтожен. Никаких запасов на зиму у них не было, и их ждала неминуемая смерть.

Тогда господин де Шамплейн посадил поселенцев в три лодки, и они поплыли по великой реке Святого Лаврентия, ища милости у дикарей.

Именно так маленькая колония была спасена. Милосердием дикарей. Алгонкины, горные индейцы, индейцы-кочевники в своих вигвамах из шкур или оседлые гуроны в своих богатых домах, полных маиса, – все они соглашались принять либо мужчину, либо ребенка, либо пару с грудным ребенком, чтобы разделить с этими лишними ртами свою кашу из кукурузы или запасы сушеной рыбы или вяленого мяса.

Это было беспримерным милосердием, потому что для каждой семьи, для каждого изолированного племени лишний рот становился бременем, которое

могло привести к их гибели, особенно если запаздывала весна.

Так мало-помалу все поселенцы были размещены вдоль реки.

В конце концов осталась лишь одна лодка, та, в которой сидел он сам, одиннадцатилетний мальчик, его друг Танкред Божар, которому было тринадцать, и сестра этого друга Элизабет Божар, которой было десять. Все трое сидели под одеялом, не смея даже пошевелиться от голода и холода.

Правивший лодкой Юсташ Булле, шурин господина де Шамплейна, был настолько слаб, что даже не мог поставить парус, и у него едва хватало сил держать руль.

Подобно призраку, лодка двигалась к полюсу между берегами Лабрадора и Гаспе.

Уже появились первые льды. В начале соленых вод они мерцали в тумане зеленовато-голубыми отсветами. Высокие утесы изо льда, казалось, были населены демонами. День ото дня дети становились все печальнее и печальнее. Им казалось, что они навсегда обречены скитаться по извилям реки. Когда они приставали к берегу, все вокруг было пустынно, и у них более не было сил отправляться на поиски деревень. Они сосали корки и делились последними сухарями из рациона моряков.

На берегу Гаспе вождь алгонкинов согласился принять троих детей. Юсташ Булле отправился дальше один.

В хижинах индейцев было полно дыма и насекомых, но там было тепло. Жизнь погребенных под снегом индейских деревень была не чем иным, как жизнью животных в норе, где переживают холод, где едят, где занимаются множеством приятных вещей, позволяющих забыть непогоду снаружи. Вспоминая об этом периоде своей жизни, Пьер Лубетт улыбается.

Не слишком стыдливые от природы, эти дикарки, подростки и даже молодые женщины, сразу же заинтересовались двумя красивыми юными чужестранцами. При этом воспоминании он хохочет, и хохот переходит в кашель. Он кашляет, кашляет, и на платке, который он подносит к губам, расплывается пятно крови.

Проклятая жизнь! Это сказывается весь этот дым и весь этот холод – они в конце концов сожгли его нутро. Но он ни о чем не жалеет.

На одно мгновение он снова видит себя – вот он молодой, крепкий парень, удивленный нежданным наслаждением, полученным от плотской любви, барахтающийся под мехами с красивой индианкой. У нее гладкая кожа, она смеется, целует его, ласкает, щекочет, дразнит, лижет, тормошит, как щенка, и он тоже смеется от удовольствия.

Счастливые времена!

И что же делать после такого детства в этом городе, полном домов, лавок, складов, церквей и борделей, что делать со всяким сбродом из Старого Света, который тебя грабит, со всякими попами, которые ни за что отлучают тебя от церкви, со знатными сеньорами-лихоимцами, набожными благодетельницами человечества, прибывшими со всей своею мебелью, гобеленами и картинами, изображающими всех святых, с длиннозубыми чиновниками, иезуитами, стремящимися к мученическому венцу, полуголодными эмигрантами, обалдевшими солдатами, офицерами с претензиями, ходящими по тропе войны, словно медведи, – всеми этими людьми, которых объединяло лишь жадное стремление урвать свое в торговле пушниной.

В те далекие времена дубы в американских лесах еще не принадлежали королю Франции, как было объявлено в один прекрасный день, и славные жители Канады могли вырезать себе из них такую красивую

мебель, как его резной буфет. Это все, что у него осталось. Маркиз де Вильдавре ходит вокруг него кругами, да только он его не получит.

Похоже, чужаки, что приехали сегодня, поселились в верхней части той же улицы, где живет и он. Он слышал, как они протопали мимо. Шум! Вопли! Как они перекрикивались!

В далекие времена его детства все было таким большим, таким спокойным, таким пустынным. А сейчас среди ночи орут голоса, возле его дома горланят пьяные, луч света только что скользнул по переплету его забранного промасленной бумагой окна.

Это открылась дверь трактира «Восходящее Солнце», чтобы выпустить спотыкающегося пьянчугу и закрыться опять.

* * *

В самом начале улицы Клозери, как раз напротив дома, где старый Лубетт лежит, забытый всеми, на своем жалком ложе с трубкой из красного камня, вспоминая времена господина де Шамплейна, находится трактир «Восходящее Солнце». К двери ведут три ступеньки, такие предательские для пьяниц в гололед, а над нею – красивая вывеска, на которой золотом сияет улыбающееся солнце.

Здесь нашел приют герцог де Ла Ферте, господин мрачный и беспокойный. Тяжело скрываться под чужим именем, особенно когда прошлое вдруг возникает из небытия в образе очаровательной женщины, а ваше инкогнито не позволяет открыться ей.

Он двигает свой оловянный кубок по столешнице, отполированной несколькими поколениями пьянчуг. Он сидит, развалившись на стуле, вытянув руку, и измятая

кружевная манжета покрывает его запястье и пальцы, которые, дрожа, держат сосуд.

Он бормочет:

- Тот, кто не обладал ею... не знает, что такое женщина...

Трое его собутыльников насмешливо хохочут.

- Смейтесь сколько угодно, друзья, - говорит он. - Но кто не держал ее в своих объятиях, не ласкал это божественное тело, не проникал в его сладостные капканы, тот не знает, что такое любовь.

Внезапно он кричит:

- Налей, кабатчик! Мне что, так и сидеть с протянутой рукой, пока я не засохну на корню?

Антонен Буавит бросает презрительный взгляд на этого грубияна. Вот уже тридцать лет, как он повесил вывеску над своим трактиром «Восходящее Солнце» и получил от королевского судьи разрешение «держат питейное заведение и харчевню и иметь лицензию на изготовление и продажу пива, всяких крепких ликеров, вин и сиропов». И он не забыл, что был первым трактирщиком Новой Франции и что нынче его заведение единственное во всем Верхнем городе. Расположенное на равном расстоянии от собора, семинарии, монастырей иезуитов и урсулинок, оно закрывает двери во время соборных служб и воскресной мессы, и, несмотря на то что алкоголь в нем отпускают куда как споро, после полудня здесь могут посидеть и дамы, чтобы выпить капельку малаги, сидра или воды с апельсиновым сиропом.

Так что его заведение нельзя назвать «кабаком». И ему совсем не нравится, что эти знатные господа, чужие в этих краях, забывают, что находятся не на какой-нибудь парижской улочке, где они могли сколько угодно выражать свое презрение беззащитным держателям таверн. Этим летом корабли привезли немало неприятных субъектов. С каждым годом их приезжает

все больше и больше. Они что, принимают Новую Францию за свалку?

Антонен Буавит ворчит:

- Засохнуть на корню? Это ему не грозит. Он слишком часто смачивает глотку, чтобы такое могло случиться.

Вокруг него слышится смех, и Антонен, удовлетворенный своей мезьтью, неся глиняный кувшин, подходит к столу этих господ.

Он нальет им крепкого поила. Так они быстрее опьянеют, и он сможет позвать их слуг, чтобы те забрали их и отвели домой.

С тех пор как прибыли в августе, эти четверо проводят время за выпивкой и игрой по-крупному во всех городских притонах в компании распутных девок и уже доставили ему немало хлопот. К тому же он точно не знает, смогут ли они с ним рассчитаться. Вполне может статься, что они неплатежеспособны. По правилам ему запрещено открывать кредит отпрыскам знатных семейств, солдатам и слугам.

Должен ли он считать их «отпрысками знатных семейств», несмотря на то что им на вид лет по сорок-пятьдесят? Иногда они бывают щедрыми, бросают на стол целое экю. У того из них, который выглядит самым знатным, начальственные манеры, так что он, наверное, военный, но, когда он вяло сидит, развалясь на деревянной скамье, ему, по мнению Буавита, больше подходит другое определение - «придворный».

Он никогда не видел вблизи этих вельмож, которыми, говорят, полон Версаль, этот улей с тысячей сот, невидимых в сиянии высоких окон, за которыми эти придворные прячутся от взглядов простого народа, точно рой шершней и пчел, жужжащих вокруг матки, то бишь короля.

Мысль о том, что он принимает в своих стенах людей такой редкой в Канаде породы, слегка компенсирует

Антонену то высокомерное и бесцеремонное обхождение, от которого он уже отвык с тех пор, как высадился на этих берегах, будучи подмастерьем кузнеца без гроша в кармане, весь багаж которого составляли лишь клещи да молоток.

Наливая им вина, Антонен наблюдает за ними краем глаза.

Самый старший из них вгоняет его в ступор, потому что он покрашен, как женщина, и даже хуже – как содержательница борделя. Кокетство, предназначенное для того, чтобы скрыть признаки старения и слишком бледный цвет лица или оттенить блестящие глаза и подчеркнуть линию чересчур тонких губ. Можно только удивляться, как монсеньор епископ терпит такое в том самом городе, где находится его резиденция.

У самого молодого красивые руки, туго затянутые в красные перчатки, и он все время их сжимает и разжимает, словно хочет оценить силу и гибкость своих суставов и мышц.

Четвертый немного тучен, и он кажется единственным из них, кто ни при каких обстоятельствах не теряет головы. У него твердый, безжалостный взгляд. Обращаясь к нему, они называют его «барон», но Буавит подозревает, что именно он распоряжается кошельком господина де Ла Ферте и именно к нему надо будет обратиться, когда сумма кредита станет непомерно большой.

Все они носят шпаги и говорят, что у них уже были дуэли.

Антонен Буавит отходит от них и спешит на зов другого почтенного клиента. Он польщен, что тот нынче вечером зашел в его заведение, ведь это не кто иной, как посланник короля. Он прибыл сегодня и кажется человеком любезным и порядочным.

Сняв шапку, трактирщик кланяется ему очень низко.

- Скажи мне, кто эти господа, - говорит Николая де Бардань.

Антонен Буавит называет их имена: господин де Ла Ферте и его друзья - граф де Сент-Эдм, господин де Бессар и Мартен д'Аржантейль. И берет на себя смелость уверенно добавить:

- Эти господа - придворные из окружения короля.

Несмотря на это заявление, которое в другом месте и в другое время заставило бы его насторожиться, Николая де Бардань продолжает испытывать к этим четверым острую неприязнь. Не приходится сомневаться, что этот фат, с красивыми голубыми глазами и лицом довольно приветливым и благородным, хотя распутная жизнь и пьянство уже наложили на него свою печать, говорит об Анжелике, когда намекает на какую-то женщину, которую он когда-то любил. И он чувствует гнев и тревогу, которые окончательно расстраивают его нервы, и без того подвергшиеся сегодня нелегкому испытанию.

Его поселили черт знает где, в доме довольно красивом, но зато затерянным среди деревьев на краю травянистого плато, которое здесь зовут равниной Авраама. Предоставив своим слугам носить его кофры и сундуки, он вернулся в город, желая разузнать, в каком доме остановились господин и госпожа де Пейрак.

Если он очутился в «Восходящем Солнце», то только потому, что это заведение находится на углу улицы, в конце которой стоит дом, где, как ему сказали, они проведут этот вечер. Опять этот маркиз де Вильдавре сумел устроить так, что они достались ему.

И в довершение всех его бед ему приходится выслушивать по меньшей мере наглые и неуместные разглагольствования этого господина де Ла Ферте.

Вот он снова встает и восклицает, подняв свой оловянный кубок:

- Я пью за богиню всех морей и всех океанов, которая посетила нас сегодня и которая когда-то была моей.

На этот раз господин де Бардань не выдерживает.

Он решает встать и прервать эти неприличные и недопустимые излияния.

Он подходит к четверым гостям.

- Сударь, - говорит он, - извольте принять во внимание, что ваши слова могут опорочить доброе имя благородной дамы. Будьте любезны прекратить говорить о ней так громко.

Господин де Ла Ферте довольно высок и хорошо сложен. Затуманенным взглядом он изучает того, кто его прервал.

- Кто вы такой? - говорит он, сдерживая икоту.

- Я посланник короля, - отвечает оскорбленный Николя де Бардань. - Вы что, меня не узнаете?

- Ну конечно! Что ж! А я... я брат короля! Ну, что вы на это скажете? Одно другого стоит!

Господин де Бардань отшатывается от перегара, которым дышит на него его собеседник.

- Хватит молоть чепуху! У короля только один брат, и, слава богу, это не вы.

- Ну ладно! Так и быть. Я ему не брат, но можно сказать, в каком-то смысле родственник... по побочной линии. А потому берегитесь, господин посланник короля... Бывают семейные ссоры, в которые посторонним лучше не соваться...

Господин де Бардань едва сдерживается, чтобы не швырнуть ему в лицо свою перчатку и не спровоцировать дуэль. Но не годится таким образом начинать исполнение тех важных функций, что возложены на него в столице Новой Франции. Он вдруг начинает жалеть, что на нем лежит такая тяжкая ответственность и он не может позволить себе

подобаяющим образом проучить этого наглеца, глядящего на него столь презрительно и дерзко.

- Да, - говорит он монотонным голосом, - она прекрасна, не правда ли, эта новая королева Квебека? Графиня де Пейрак.

- Сударь, прекратите трепать имя госпожи де Пейрак! Она была моей, - с вызовом повторяет господин де Ла Ферте. Его глаза сейчас похожи на два осколка мутного стекла.

Глубоко задетый, Николя де Бардань отступает. Вернувшись к своему столу, где стоит кружка пива, которое он едва пригубил, он вспоминает слова господина де Ла Ферте и задерживает внимание на выражении «по побочной линии». Ему на память приходит, что брат одной из фавориток короля, Луизы де Лавальер, давно занимает какую-то должность в Вест-Индской компании и имеет в Канаде некоторые доходы.

Может быть, это он? Но что означает его похвальба касательно Анжелики? Что еще ему предстоит узнать о той, которую он любит так страстно и безрассудно?

Господин де Бардань вздыхает.

Сначала были признания циника-полицейского и вот теперь - излишняя распутника-дворянина. Где бы он ни оказался, он всегда будет страдать.

Однако его вмешательство немного отрезвило господина де Ла Ферте, чье сердце начинает грызть тоска. Он герцог. А эти ничтожества позволяют себе обращаться с ним свысока... Черт побери! Как низко он пал! Даже когда сбегаешь на край света, тебя могут ждать сюрпризы...

Он чувствует себя плохо:

- Эй, кабатчик! Можете сварить кофе по-турецки?

Мужчина с военной выправкой, сидящий неподалеку, предлагает:

- Сударь, если вам хочется кофе по-турецки, я приглашаю вас к себе. Я к нему пристрастился в Будапеште, когда сражался с турками на стороне германского императора.

Он говорит, что он Мельхиор Сабанак, лейтенант в отставке, приехавший в Канаду с полком Кариньян-Сальера и оставшийся здесь, после того как отморозил ногу во время зимней кампании против ирокезов из союза пяти племен.

- Конечно, жизнь в Квебеке не такая роскошная, как в Версале, - добавляет он, разглядывая богатую одежду четверых придворных.

Тот, к кому он обратился, усмехается:

- Да? Вы так считаете? После такого дня, как сегодняшний, вы полагаете, что Квебек не может превзойти Версаль? Так знайте же, что вы принимали сегодня одну из его королев! Королеву, покорившую все сердца!

Он опять начинает бормотать:

- Подумать только! Этот пират наставил рога и королю, и мне...

Тот, кого называют бароном, прерывает его:

- Монсеньор, говорите тише. Ваши заявления могут доставить нам неприятности. Здесь все друг друга знают, и молва распространяется весьма быстро.

- Еще бы! Как может быть иначе? Ведь мы все тут попали в одну сеть!

И он раздраженно заводит ту же самую песню, которую его приятели за те четыре месяца, что они здесь, уже слышали тысячу раз. И зачем только он приехал в Квебек? В этот маленький, глупый, провинциальный городишко, населенный мужланами, которые вообразили себя вельможами лишь потому, что получили лицензию на охоту и ловлю рыбы.

- Монсеньор, на что вы жалуетесь? - говорит барон де Бессар, который в этой группе пользуется

наибольшим влиянием. – Вы ведь только что сказали, что нынче этот город предложил нам такие развлечения, о каких мы не могли и мечтать даже в самых дерзких своих помышлениях.

Граф де Сент-Эдм, старик с накрашенным лицом, наклоняется вперед:

– Монсеньор, я вижу, вы огорчены, но я согласен с бароном де Бессаром. Зима обещает быть интересной. Когда мы сядились на корабль в Гавре, мы были готовы претерпеть тысячи невзгод, связанных с временной ссылкой, лишь бы запутать наши следы. За нами по пятам шел этот полицейский, и нам даже пришлось оставить флакончики с зельем Монвуазенши...

– Не называйте имен, – прервал его барон де Бессар.

– Ба! Мы ведь далеко... Возблагодарим же... ад за то, что мы угодили в эти дикие места, где никто еще несколько долгих месяцев не будет нас искать. Кому придет в голову искать нас в Канаде? К тому же я предчувствую, что нас здесь ждет немало изысканных удовольствий.

И, наклонившись еще ниже, он шепотом говорит:

– Я уже говорил вам об этом, братья мои. Иногда надо иметь смелость отправиться в далекие края не только чтобы ускользнуть от несносных болванов, но и для того, чтобы собраться с силами и избавиться от ошибок, свойственных непосвященным. Нынче все в Париже хвастаются тем, что будто бы умеют вызывать дьявола. Но в конце концов эти неловкие попытки способны заинтересовать лишь марионеток в судейских мантиях. Удалимся же от них. В Канаде мы можем найти почти девственное поле для того, чтобы в тишине отточить тайную науку, и наши действия обретут новую силу. Поверьте мне...

Он говорит вполголоса, с безумной улыбкой и горящими глазами.

Господин де Ла Ферте скептически смотрит на него, в его взгляде сквозят отвращение и сомнение.

- Я рад прибытию этих чужаков, которых вы, похоже, знаете, - продолжает накрашенный старик, облизнувшись с видом гурмана. - За красотой этой женщины и личностью этого мужчины скрывается тайный знак. И не слепой случай привел их к нам, а сочетание звезд. С виду это всего лишь блестящие авантюристы, которых полно на берегах Америки, но в них сокрыто куда больше... куда больше.

- Ну еще бы! Мне ли этого не знать! - восклицает герцог де Ла Ферте, раздражаясь смехом, сарказм которого понятен ему одному.

- Господин герцог, если они вас узнают, не повредит ли это нам? - спрашивает молодой человек в красных перчатках.

- Ничто не может нам повредить, - опередив герцога, заверяет старик. - Повторяю, мы сильнее всех, ибо мы заключили союз с владыкой этого мира - Сатаной. Меня беспокоит только одно: граф де Варанж, который приютил нас в этом городе, вот уже месяц как исчез. К счастью, у меня есть способ узнать, что с ним случилось.

Однако молодой человек в красных перчатках продолжает смотреть на господина де Ла Ферте, ожидая его ответа, чтобы решить, стоит ли ждать от создавшейся ситуации каких-то выгод.

Герцог медленно качает головой:

- Нет... Я не знаю. Возможно, встреча с нею поможет мне уладить мои проблемы, разве что... Да, вы правы, Сент-Эдм, нам не стоит опасаться неприятностей... - И он глухо добавляет: - Там, где появляется она, жизнь приобретает другой вкус... Сам король тоже кое-что об этом знает... Куда вы идете, Сент-Эдм? - спрашивает он, видя, что старик поднялся.

Тот закутывается в плащ:

- Кое-кто должен вручить мне талисман, благодаря которому мы сможем разглядеть, что нас ждет и что случилось с Варанжем. Тот, кого я вызову, нам все разъяснит.

Господин де Ла Ферте смотрит на него с иронией. Положа руку на сердце, этот Сент-Эдм, с его пристрастием к оккультизму, его немного пугает. Но это человек ловкий и деятельный. Надо обращаться с ним уважительно.

- И кого же вы собираетесь вызвать? - осведомляется он.

Холодная улыбка вновь трогает накрашенный рот.

- Я уже вам говорил... Сатану!

* * *

Граф де Сент-Эдм покидает трактир «Восходящее Солнце» и по привычке, порожденной мнительностью, прикрывает плащом нижнюю половину лица. Предосторожность совершенно излишняя, потому что при свете луны человека можно узнать лишь по походке.

В этот час улицы пустынь. С неба на землю, точно дождь, опускается ледяной холод. Откуда-то издалека, с высоты. Если в Париже холод напоминает реку, чье течение стиснуто набережными, то здесь город открыт всем ветрам и здания нисколько не защищают от грозной девственной природы. Впрочем, эта отдаленность от цивилизации даже нравится господину де Сент-Эдму. Недаром он только что заметил, что нужно удалиться от глупости и безалаберности, которые царят при дворе. Суэта мешает сосредоточению, без которого немислимы оккультные явления. Всех этих бездарей, которые обращаются с флаконом яда или ритуалом поклонения Сатане, словно это игра в бильбоке или партия в карты, в один прекрасный день

арестуют и приговорят к сожжению на костре или к отсечению головы, как обыкновенных уголовных преступников, потому что они еще не поняли, что значение королевской полиции изменилось.

Но здесь великие духи, инкубы и суккубы, могут перемещаться свободно. Почва этих краев все еще заряжена теллурическими силами, и эфир струится свободно. В этой стране у служителей церкви нередко бывают видения, здесь происходят чудеса. Все это как нельзя лучше подходит для занятия герметическими науками.

Пепельно-серый свет луны омывает крыши высоких каменных домов, кресты на колокольнях, Квебек представляется Сент-Эдму городом его мечты, мечты об Империи Мрака, где он сам является властелином, божеством, которому подвластны потусторонние силы.

Он подходит к Соборной площади, и кто-то выходит ему навстречу из-за угла.

Чувствуется, что дело происходит в Канаде, потому что силуэт напоминает медведя-гризли. Когда-то давно они нередко забредали в город.

Высокий, мощного сложения мужчина подходит к графу тяжелым, но быстрым шагом. В охотничьей куртке из оленьей кожи, в шерстяной шапке, надвинутой на самые глаза, так что видна только запущенная щетина, он выглядит пугающе.

- Юсташ Банистер, вы принесли мне то, что я просил? - спрашивает граф де Сент-Эдм.

Тот кивает, что-то невнятно проворчав, и протягивает графу маленькую жестяную коробочку.

- Где вы их достали?

- В монастыре урсулинок. Из моего погреба ход ведет в их подполье. Через свой погреб я могу проникать к ним.

Граф удовлетворенно кивает:

- Урсулинки... Это прекрасно! Святые девы... Девственницы... Руки праведниц... Дайте-ка сюда!

Но великан отдергивает коробочку и протягивает другую руку. Он ждет платы.

Граф извлекает из-под плаща объемистый кошелек, набитый экю, и кладет в протянутую лапищу.

Маленькая коробочка переходит к нему.

Пробормотав слова прощания, великан удаляется.

Граф де Сент-Эдм пересекает Соборную площадь и начинает спускаться по Фабричной улице.

Одним пальцем он приподнимает крышку коробочки, и на его тонких накрашенных губах мелькает улыбка: облатки!

Благодаря содержимому коробочки он непременно узнает, что произошло с его другом, графом де Варанжем, который несколько недель назад направился навстречу флотилии этого грозного графа де Пейрака и его чересчур красивой жены и бесследно исчез.

В то время как граф де Сент-Эдм спускается по ухабистой дороге из Верхнего города в Нижний, Юсташ Банистер стучит в дверь низенького домика, притулившегося между высокой оградой монастыря урсулинок и особняком семейства де Меркувиль.

Это мастерская Франсуа Ле Бассера, мастера-краснодеревщика, старейшего члена братства Святой Анны, некогда первого судебного пристава Высшего совета. Несмотря на то что он столяр и занимается резьбой по дереву, украшая церкви, вырезая дарохранильницы, запрестольные украшения и статуи святых, в Квебеке к нему все еще обращаются с просьбой составить официальные бумаги, где нотариальные конторы официально запрещены, что должно излечить горожан от пристрастия к судебным тяжбам.

Но это не помогло! Жители города охотно прибегают к услугам резчика по дереву, который может подать

судебный иск.

В этот поздний час, когда кулак Юсташа Банистера молотит в его дверь, Франсуа Ле Бассер еще не спит, ибо работает над эскизом ковчега, который епископ Канады монсеньор де Лаваль только что заказал ему, чтобы поместить святые мощи мученицы Перпетуи, прибывшие сегодня в Квебек.

Этот ковчег разместят под завершием алтаря собора в центральной нише.

Ле Бассер задумал сделать его из древесины ореха в форме восточной курильницы для благовоний с двумя коленопреклоненными ангелами по бокам, держащими мученический венец.

Сквозь стекло овальной формы можно будет видеть внутренний корпус ковчега, сделанный из позолоченного серебра и содержащий мощи. Подставку, вероятно, изготовят в форме раковины или короны, инкрустированной драгоценными камнями. Но что касается этой последней детали, то это еще предстоит обсудить с монсеньором епископом.

От сильного стука в дверь мастер вздрагивает. Оглянувшись, берет масляную лампу и идет к двери осторожно, лавируя между верстаками и кусками дерева, из которых его сыновья и подмастерья начали вырезать детали большой дарохранительницы для нового храма Святой Анны, что на склоне Бодре.

Его ноги прокладывают путь в море стружки, и он внимательно следит за тем, чтобы с лампы на пол не упала ни единая капля горящего масла. Какой беспорядок! Вся работа встала из-за приезда этих чужаков, которые перевернули город вверх дном.

Он приоткрывает дверь и видит перед собою великана Банистера, в одежде из лосиной кожи, протягивающего ему увесистый кошель.

– Юсташ Банистер, что это ты бродишь по улицам в такой поздний час?

- Вот деньги, напишешь мне исковые заявления по моим судебным делам. Я подаю в суд на прокурора Совета, потому что, из-за того что он так и не рассмотрел документы о возведении меня в дворянство, теперь бумаги просрочены. Я подаю в суд на монахинь-урсулинок, потому что они возвели постройки на моих землях. Я подаю в суд на маркиза де Вильдавре, потому что он копал под моей землей. К тому же он хочет присвоить мое поле, которое соседствует с его владениями.

- Банистер, твоя мстительность тебя погубит. Ты живешь только для того, чтобы сутяжничать.

- Не я первый начал. Епископ отлучил меня от церкви за то, что я носил спиртное дикарям. Как будто только я один! Мне запретили ходить в леса и добывать пушнину. Теперь я, видите ли, не имею права покидать город... Ну что ж! Раз так, я займусь этим самым городом... Коли я в нем остаюсь, то буду отстаивать свои имущественные права. Я человек небедный, и денег на тяжбы я найду. Я плачу тебе или нет?..

Его маленькие злобные глазки оглядывают мастерскую, где в полумраке угадываются куполообразные формы, колонны с греческими волютами, панно с вырезанными барельефами, изображающими цветы или фрукты, дароносицы, распятия.

- Давай, бумагомаратель, строчи заявления, или я подожгу твою лавочку и эти украшения для алтаря храма Святой Анны, прежде чем ты понесешь их к урсулинкам для золочения...

* * *

Матушка Мадлен, молодая урсулинка, ясновидящая, не могла ни заснуть, ни даже спокойно лежать.

Напрасно она покинула свой неудобный, набитый овсяной половой тюфяк, находящийся внутри алькова из белой пихты, где можно спать, не опасаясь сквозняков, если перед сном задернуть зеленые саржевые занавески.

Напрасно она преклоняла колена на холодном каменном полу своей кельи, чтобы найти успокоение в молитве и умерщвлении плоти.

И тогда она, со свечой в руке, отправилась в золотильную мастерскую.

Где-то в дальнем крыле монастыря плакал ребенок – одна из маленьких воспитанниц. Ночь выдалась такая гнетущая, что даже детям не по себе.

Теперь, стоя посреди мастерской, она успокоилась, глядя на знакомую обстановку, в которой протекали дни под звон отбивающих часы колоколов, зовущих их сначала на службу в часовне, оттуда – в классы и дортуары воспитанниц, а затем сюда, где благодаря своей сноровке они могут принести обители немного денег.

Но вот в конце коридора замаячил мерцающий свет лампы, и на пороге мастерской появилась пожилая монахиня:

- Сестра Мадлен, что вы здесь делаете? Вы нарушаете режим монастыря, который предписывает использовать драгоценные ночные часы, данные нам по милосердию Божию, для восстановления наших слабых сил, потребных для исполнения возложенной на нас миссии.

- Простите меня, матушка. Этот день, хотя мы и провели его в обители, стал для нас тяжким испытанием, ибо его отзвук проник и к нам. Что нам сулит приезд этих чужаков? Тревоги или успокоение? Вскоре я должна буду встретиться с этой красавицей, в которой никто не узнал ту, что явилась мне в облике дьяволицы. При одном воспоминании об этом у меня

стынет кровь. Узнаю ли я ее? И отца д'Оржевала здесь нет, дабы поддержать меня в моей слабости и при необходимости защитить.

К этому добавилась новая тревога. Этой ночью мне явился во сне отец Бребёф, замученный ирокезами. Он умолял меня встать и помолиться о том, чтобы живущий в нашем городе колдун обратился к вере.

- Он назвал вам его имя?

Матушка Мадлен отрицательно качает головой:

- Нет. Он только посоветовал мне неустанно молиться и обещал, что в это время демоны меня не потревожат.

- Возблагодарим за это Господа! А сейчас идемте, сестра. Наденьте певческую ризу. Скоро зазвонят к заутрене. Я так люблю эту службу на исходе ночи, ведь именно в это время дурные люди замышляют столько преступлений. Этой ночью Квебек более, чем когда-либо, нуждается в наших молитвах.

Высоко подняв свои светильники, обе монахини вышли из мастерской и по холодному коридору направились в часовню.

В ночи в часовне урсулинок зазвучали молитвенные песнопения. Они донеслись до большого красивого дома семьи Меркувиль, что стоял по соседству.

* * *

Маленькая девочка, внезапно проснувшись, села в своей колыбельке.

В окно смотрела луна. Лакомке показалось, что это конфета, ведь она блестит, как сахар. Эрмелина де Меркувиль, двух с половиной лет от роду, маленькое дитя колонии семнадцатого века, громко смеется.

Она смеется. Смеется!

Ее смех, как колокольчик, будит домашних.

Ее братья и сестры, спящие по трое и четверо в огромных кроватях, ворочаются, недовольно ворча. Смех Эрмелины доносится до них сквозь стены и плотный полог, закрывающий кровать.

Она никогда не была так счастлива.

Завтра покажется солнышко. Она это знает. Оно будет ждать ее во дворе с руками, полными лакомств. От такого радостного видения она вздрагивает всем своим хрупким тельцем. Ее маленькие ножки хотят бежать навстречу утру. Ее смех становится все звонче, звонче.

Господин судья, ее отец, натягивает поглубже ночной колпак и вздыхает:

- У малышки опять приступ веселья. Не понимаю, почему врачи считают ее слабенькой.

- Потому что ей уже скоро три года, а она до сих пор не ходит, - вздыхает госпожа де Меркувиль. - И даже не пытается встать на ноги. Я в таком отчаянии, что ходила в храм Святой Анны, что на склоне Бопре, и поставила свечку, и дала девятидневный молитвенный обет, который кончается завтра.

- Но малышка кажется такой радостной.

- Это верно. Она всегда весела.

К колыбели Эрмелины подходит кормилица-негритянка Перрина. Госпожа де Меркувиль, выросшая на Мартинике, взяла ее с собою в Канаду, когда вышла замуж. Перрина начинает петь и качать колыбель. Смех постепенно смолкает, теперь слышна только колыбельная. Дети в соседних комнатах вновь погружаются в сон. Затем пение кормилицы заглушает громкий храп судьи.

Не спит только госпожа де Меркувиль, возглавляющая братство Святого Семейства. Она вспоминает все события минувшего дня. Он прошел успешно, несмотря на глупые выходки Сабины де

Кастель-Морг... Может быть, стоит исключить ее из братства?

Но госпожа де Меркувиль тут же переключается на другое. Давешний наряд был ей очень к лицу. А госпожа де Пейрак кажется такой жизнерадостной, деятельной, смелой. Они сразу же подружились. Может быть, стоит принять ее в братство?

Госпожа де Меркувиль чувствует себя счастливой. Ей так же весело, как и Эрмелине, она перебирает в уме предстоящие дела. Теперь, когда господин интендант Карлон вернулся в город, можно будет осуществить множество планов. Она покажет ему ткацкий станок, модель которого ей привезли из Франции еще летом. Карлон закажет плотникам еще несколько таких же, их раздадут по домам, и женщины смогут приняться за работу. Теперь в долгие зимние месяцы они смогут заняться полезным делом, вместо того чтобы сплетничать, играть в кости, а нередко и пить. Из пеньки и льна, которые теперь стали выращивать в колонии, они смогут изготавливать добротные местные ткани.

Госпоже де Меркувиль уже слышится веселый стук ткацких станков, раздающийся в общих комнатах крестьянских домов или на чердаках жилищ мещан.

И она с улыбкой на устах засыпает.

* * *

Если мы сейчас пойдем вслед за господином де Сент-Эдмом и спустимся по вырубленной в скале дороге, которую называют Горный Склон, то очутимся в Нижнем городе с его высокими домами под островерхими крышами с тесными рядами громадных труб.

Три длинные улочки, идущие к реке, отделяют покосившиеся домишки улицы Су-ле-Фор,

прилепившиеся к самому утесу, от красивых особняков, стоящих на берегу и принадлежащих знати и коммерсантам, таким как Ле Башуа, Базиль, Гобер де Ла Меллуаз. Когда во время больших приливов река разливается, вода плещется прямо у порога домов.

В этом муравейнике, словно по волшебству, возникают все новые и новые дворы, склады, лавки, сараи.

Каменные стены, палисады и массивные деревянные двери ограждают от воров богатства, что хранятся в домах той части Квебека, которая прилегает к гавани: пушнину, вина, зерно, дерево, ткани.

Здесь темно. С наступлением ночи деятельные обитатели Нижнего города запираются в своих домах, и поди знай – кто спит, кто играет в карты, кто пьет, а кто развратничает.

Сойдя с белой дороги, которая привела его с продуваемых ветром высот Верхнего города в этот темный зловонный лабиринт, граф де Сент-Эдм из освещенной части Квебека попадает во тьму улицы Суле-Фор, словно спустившись в ад.

Из темноты тянется рука в красной перчатке и ложится ему на плечо.

– Я пойду с вами, – говорит Мартен д'Аржантейль, содержатель королевского зала для игры в мяч. – Мне очень хочется поприисутствовать на канадской черной мессе.

* * *

В доме господина Ле Башуа нынче дается небольшой камерный концерт. У Ле Башуа четыре дочери, три сына и пышнотелая краснолицая жена с невероятно голубыми глазами, она мгновенно покоряет мужские сердца, наставляет мужу рога чаще, чем он ей.

Но, по правде говоря, представив ситуацию подобным образом, мы дадим ей неверную оценку. Потому что в данном случае обманутый муж почитает себя выигравшей стороной. Ведь в конце концов именно ему принадлежит неотъемлемое право обладать этой женщиной, желанной для стольких мужчин, причем он может пользоваться этим правом, когда ему захочется, то есть чаще, чем его соперники. Отсюда и злоба, и ревность, с которой они на него смотрят, и безмятежность, с которой он носит свои рога. И поскольку он, как мы уже сказали, доволен своим положением и почитает себя в выигрыше, у всех уже давно пропала охота над ним насмехаться. Более того, его престиж и авторитет из-за этого только возросли. Он – серый кардинал Квебека. Бывший генеральный агент Вест-Индской компании, он по-прежнему держит в своих руках всю торговлю в этих краях.

В данный момент он играет на бильярде с господином Магри де Сен-Шамоном. Он натирает смолой короткую сплюснутую палочку с загнутым концом, которая служит ему, чтобы катать шары. Пока что игра в бильярд еще представляет собою обыкновенную игру в шары, только перенесенную в гостиную, в ней используются кий, который нельзя переворачивать другим концом, и воротца.

Господин Ле Башуа бросает задумчивый взгляд на своих гостей. Среди них господин Гобер де Ла Меллуаз, седой и элегантный, и Ромен де Л'Обиньер, которому принадлежит участок возле Труа-Ривьер. Ромен посещает дом Ле Башуа, чтобы ухаживать за его младшей дочерью Мари-Адель. Она превосходно играет на вёрджинеле, музыкальном инструменте, похожем на спинет или клавесин, но с более нежным звучанием. Ансамбль дополняют две скрипки и гобой.

Его старшей дочери нет в гостинной. Она весь день провела, запершись в своей комнате. Долгое время она

считалась невестой господина де Пон-Бриана, который, как говорят, был убит на дуэли этим южанином, господином де Пейраком. Безутешная девушка решила, что никогда не выйдет замуж.

Будем надеяться, что младшей дочери повезет больше.

Время от времени Мари-Адель поворачивается к Ромену де Л'Обиньеру, пытаюсь привлечь его внимание.

Но молодой сеньор рассеян. Сегодня произошло так много событий. Ромен, траппер, неисправимый лесной бродяга, и фанатичный воин, всегда готовый следовать за отцом д'Оржевалем в его карательных экспедициях в Новую Англию, испытывает беспокойство при мысли, что ему снова придется увидеть господина и госпожу де Пейрак. Он рад, что все сложилось так удачно и для него, и для всех остальных. Еще несколько дней назад все обстояло совершенно иначе.

Когда распространился слух, что в небе над Квебеком видели пылающие летящие каноэ, дело чужаков из Мэна казалось проигранным. Население маленькой колонии было объято страхом.

По городу с быстротой ветра распространилась паника. Женщины, послушные орудия в руках священников, впали в неистовство. Отец д'Оржеваль, казалось бы, мог уже торжествовать победу, но он внезапно исчез.

И охватившая город злая лихорадка утихла как по волшебству.

И теперь Ромен де Л'Обиньер, из-за увечья прозванный Трехпалым, не перестает мучиться вопросами без ответа.

«Где отец д'Оржеваль? Что с ним случилось? Какая сила могла заставить иезуита покинуть город в критический момент, когда население было готово последовать за ним и оказать „захватчику“ ожесточенное сопротивление? Господин де Кастель-

Морг не переставал повторять, что его пороховые склады полны и орудия нацелены на рейд гавани. Уже начали рыть траншеи и строить из мешков с землей защитные бастионы.

Он исчез... Может быть, его похитили? Или убили? Куда он отправился? Куда могло его завести стремление к самопожертвованию и власти над душами? Это так на него не похоже - скрыться перед самым боем!.. Или же он задумал мстить?»

Однако до ушей траппера дошел ужасный слух - говорили, что иезуит отправился проповедовать Слово Божие ирокезам.

Если так, то это настоящее безумие!

Господин де Л'Обиньер смотрит на свои руки. Большой палец превратился в пепел в индейской трубке. Указательный медленно отрезали острой раковиной. И притом эти варвары даже не считали его злейшим своим врагом.

Если отец д'Оржеваль вернулся к ирокезам, то он погиб. Ему грозят страшные пытки.

* * *

Сидя в глубоком удобном кресле, господин Гобер де Ла Меллуаз соединяет кончики пальцев своих затянутых в перчатки рук и под убаюкивающие звуки приятной музыки спрашивает себя, что означала безумная круговерть событий сегодняшних.

Даже не будучи ярым сторонником иезуитов, он не может не сожалеть об их поражении. Появление в городе этих отважных французов (пусть даже они пришли как щедрые и любезные гости, но это персоны, объявленные вне закона) - не пошатнет ли оно моральный дух и экономическое равновесие, которые в этом городе и так уже весьма шатки?

А посему он считает, что в данном случае господин де Фронтенак превысил свои политические полномочия и легкомысленно решил возложить на плечи своих подопечных тяжкое бремя – бремя искушения роскошью и расточительностью, бремя соблазна, который несут с собою эти вновь прибывшие, а перед таким искушением ох как нелегко устоять.

Господин Гобер де Ла Меллуаз дает себе обещание пролить свет на многие моменты. Так, например, что делать с этими «королевскими дочерьми», покровительница которых исчезла? Говорят, что она утонула, однако чутье, приобретенное за долгие годы шпионства во славу добродетели, к которому часто прибегают члены Общества Святых Даров, подсказывает ему, что тут дело нечисто. Он горько сожалеет, что госпожа де Модрибур так и не смогла явиться в Квебек, потому что в посланиях, которые он получал из Парижа, ему настойчиво ее рекомендовали, ему писали, что она очень богата, и поэтому он приложил руку к подготовке для нее подходящего дома, к чему его сподвиг отец д'Оржеваль, которому она каялась в своих грехах в Париже.

Эта дама обещала стать весьма ценным членом Общества Святых Даров.

Чтобы усадьба Монтины, что на северном склоне холма Сент-Женевьев, приобрела пристойный вид, там все лето работали кровельщики, плотники и обойщики. Но госпожа де Модрибур не приезжает, и – какая ирония – там размещают господина де Пейрака, с которым господин Гобер де Ла Меллуаз, как член Общества Святых Даров, боролся изо всех сил.

Ну и фокус! И господин Гобер решает проявить бдительность, потому что добро должно восторжествовать.

Привычным жестом он разглаживает перчатки на своих красивых аристократических руках. Это перчатки

сиреневого цвета, пахнущие фиалками. Они плотно облегают пальцы и ладонь.

Перчатки – слабость господина Гобера. У него их множество пар различных цветов и с разными ароматами. Эскимос, работающий на Красного Плута, выделяет для них кожу, галантерейщик с улицы Сент-Анн шьет, а двое пленных англичан, захваченные в Новой Англии гуронами, которые знают секреты красильного ремесла, окрашивают. Одну такую пару красного цвета он подарил господину Мартену д'Аржантейлю, после того как узнал, что этот блестящий дворянин играл в мяч с самим королем. По тонкости эти перчатки не уступят шелковым, но они лучше защищают руки.

...Говорят, что, ощипав птицу и осторожно сняв с нее кожу, эскимос хватает тушку и своими острыми зубами размалывает ее вместе с клювом, костями и лапками. Ведь «эскимос» вроде бы означает «питающийся сырым мясом»?

Хотя уже совсем поздно, ночь, гости продолжают играть в карты и кости и катать бильярдные шары. Наемные музыканты играют ритурнели. Гости курят свернутые табачные листья, щедро розданные господином де Пейраком. У этих так называемых сигар вкус табака из английских колоний, то бишь запретного плода.

Пользуясь тем, что скрипачки настраивают свои инструменты, господин Магри говорит, качая головой:

- Все-таки их табак лучше нашего...
- Должны ли мы считать его товаром, ввезенным из-за границы? – осведомляется прокурор Ноэль Тардые де Лаводьер.

Гости бросают взгляды на господина Ле Башуа, однако, поскольку тот увлечен игрой в бильярд и с явным наслаждением курит этот самый табак, все успокаиваются.

Несколько позже господин Гобер де Ла Меллуаз говорит:

- Присутствие этих авантюристов, многие из которых наверняка бессовестные нечестивцы, вызовет волнение среди наших жителей, и так беспокойных по своей природе. И с финансами не все ясно. Как они оплатят свои расходы? Наш и без того шаткий бюджет может прийти в окончательное расстройство.

Ле Башуа отвечает, не отрывая глаз от своего шара, который катится в воротца:

- Об этом не беспокойтесь... Базиль все устроит.

* * *

Граф д'Юрвиль сидит напротив хозяина дома - Базиля, одного из самых богатых коммерсантов Квебека. Они тоже курят виргинские сигары, однако это не мешает господину Базилю активно работать. Он заканчивает взвешивать на маленьких весах жетоны из чистого серебра, которые его приказчик затем раскладывает в кожаные кошельки.

- Вы можете заверить господина де Пейрака, что с хождением этих монет у него не будет никаких проблем. Кроме того, на рассвете я вручу вам некоторое количество ассигнаций с моей подписью, которыми ваши люди смогут расплачиваться с различными лицами и заведениями города. Как только они будут мною подписаны, мой приказчик вам их передаст.

Д'Юрвиль встает и от имени маркиза де Пейрака благодарит за содействие.

Из вежливости он не выказывает своего удивления. Но ему никогда еще не доводилось видеть, чтобы хозяин и приказчик так отличались друг от друга. Если Базиль выглядит как чопорный богач, немного грузный, поднаторевший в делах, то его приказчик, худой,

бледный, с острым настороженным взглядом, производит впечатление человека с вечно пустым желудком, живущего воровством. Разумеется, дело обстоит не так. Этот человек занимает весьма прочное положение в доме влиятельного господина Базиля, который, представляя служащего, небрежно говорит:

- Поль-ле-Фоль или Поль Ле Фолле... или так, или сяк, как вам будет угодно.

И действительно, внешне приказчик чем-то напоминает Пьеро из итальянской комедии дель арте. Он может представать то забавным, то опасным и даже зловещим. А впрочем, он неглуп, сметлив, и его ум столь же подвижен, как и тело. Он ведет себя так свободно, что никто не удивляется, услышав, как он обращается к хозяину на «ты».

Положив руку на эфес шпаги, граф д'Юрвиль кланяется и уходит.

Приказчик тотчас открывает окно с маленькими толстыми круглыми стеклами, вставленными в свинцовый переплет, в комнату проникает холодный воздух, и табачный дым рассеивается.

Поль-ле-Фоль выглядывает наружу. К шуму реки, бьющейся о песчаный берег, скалы и сваи причала, примешиваются приглушенные звуки приятной музыки, доносящиеся из дома господина Ле Башуа. Аккорды скрипок, гобоя и вёрджинела, кажется, убаюкивают сидящего у стены дома индейца, который, похоже, только что выменял последнюю шкурку выдры на полбутылки спиртного.

Даже такого количества достаточно, чтобы вызвать у него захватывающие видения, которые дает огненная вода.

Он сидит неподвижно, не чувствуя холода этой лунной ночи. А между тем мороз усиливается.

Приказчик слушает плеск реки.

- Когда мы наконец вернемся на берега Сены? - спрашивает он. - Всякий раз, когда я слышу эту песню воды, меня охватывает тоска по дому...

Господин Базиль качает головой, раскладывая по местам гирьки, пинцеты и весы:

- Что касается меня, то я туда никогда не вернусь. Там мне ничего не светит. Я бы умер там от скуки или раздражения.

Приказчик затворяет окно и снова усаживается рядом с негоциантом. Непринужденным жестом он обнимает того за плечи, и на лице его появляется выражение грусти и одновременно насмешки.

- Стало быть, я умру, так и не увидев Париж. Потому что ничто не может нас разлучить, верно, брат?

* * *

- Достань мне свиные ножки, - говорит слуге Жанина Гонфарель, хозяйка таверны «Французский Корабль». - Я хочу сделать из них рагу.

- Свиные ножки? Это в такой-то час? Где же их искать? Рождество еще не скоро. И потом, хозяйка, что это вы задумали? Вы же отлично знаете, что трактирщики и мелкие торговцы не имеют права покупать товар до девяти часов утра.

- До восьми, мой мальчик! Зима еще не наступила...

- И только после того, как товар будет в течение часа лежать на прилавках рынков Верхнего или Нижнего города.

- Заткнись! Не лезь ко мне с распоряжениями этой сволочи Тардые... Я не для того забралась в такую даль, аж в Канаду, чтобы мне и здесь досаждали легавые... Говорю тебе, отыщи мне свиные ножки. Это вопрос жизни и смерти. Попроси приказчика господина Базиля,

Поля Ле Фолле. Ради меня он может даже разбудить мясника. Смотри, чтоб к утру доставил ножки.

Удрученный, но смирившийся со своей участью, парень хватает плащ и уходит в темноту.

Удовлетворенная, Жанина Гонфарель поворачивается к коту, которого она удобно устроила на мягкой подушке. Кончиком пальца она почесывает его под подбородком. Кот снисходительно принимает ласки, щурясь от удовольствия.

- Ты мне нравишься, - говорит она. - Послушай, разве у мамыши Гонфарель тебе не лучше, чем у этой шлюхи, увешанной шикарными побрякушками? Позволь тебе сказать, что знатные дамы неподходящая компания для кота... Ты же видел, как она с тобой обошлась... Поверь мне, малыш, оставайся-ка лучше у мамыши Жанины.

Кот мурлычет. Она смотрит на него, и на ее полном лице появляется огорченная гримаса.

- Да, я все понимаю: ты такой же, как все мужчины, котяра. Если надо выбирать между доброй женщиной и шлюхой, ты предпочтешь последнюю. Что ж, я не строю иллюзий. Ты опять выберешь ее. Как всегда!

Со вздохом, выражающим покорность судьбе, она смотрит в окно на площадь, по которой сегодня прошла та женщина в голубом платье, с бриллиантовыми серьгами в ушах... Та женщина... Настоящее чудо.

В столь поздний час площадь пустынна. Жанина различает в темноте два силуэта - они крадучись пересекают площадь и скрываются за углом. Это граф де Сент-Эдм и Мартен д'Аржантейль.

- Вот те раз! Что делают эти благородные господа в такой дыре? Держу пари, что они держат путь к Красному Плуту, колдуну из Нижнего города...

* * *

Берлога Красного Плути находится в том убогом квартале, который возник на месте деревянного форта, построенного Шамплейном на берегу реки у подножия утеса; теперь от него остались лишь очертания рва, через который когда-то перебрасывали подъемный мост. Припозднившиеся пьяницы иногда принимают ледяную ванну, когда его наполняет дождевая вода.

По обе стороны рва изобретательные пришельцы, стремящиеся во что бы то ни стало найти место для жилья, построили великое множество деревянных хижин. Лачуги громоздились чуть ли не друг на друге.

Это скопление жалких домишек, сколоченных из бревен и досок, с крышами из соломы или дранки, ползущих, точно плющ, по склону горы Рок, часто снится в кошмарах прокурору Тардые, который отвечает в городе за гигиену и пожарную безопасность.

Чтобы добраться до вертепа Николая Мариэля, прозванного Красным Плутом, а также колдуном, граф де Сент-Эдм и Мартен д'Аржантейль входят в узкий проулок, который отделяет два солидных каменных дома от улицы Су-ле-Фор, натываются на шаткое отхожее место, обходят его, взбираются по приставленной к сваям лестнице, ведущей к дворику. Благородные господа прерывают сон кур, запертых в курятнике, сбитом из плохо подогнанных досок. Куры кудахчут.

- Кто там? - окликает путников из-за разошедшейся двери старушечий голос.

Чтобы попасть в этот дом, прилипший к скале, точно сорочье гнездо, надо перебраться через ограду. За домом находится земляная площадка, оттуда тропинка ведет к скале, в которой вырублены ступеньки.

Дом Красного Плути - самый последний в этом нагромождении построек. За ним начинается голая отвесная каменная стена - гора Рок. Даже здесь слышно, как внизу плещется река... Если поднять глаза, можно

увидеть освещенные окна резиденции губернатора замка Сен-Луи и немного ниже – окна кордегардии, где солдаты играют в карты в ожидании смены караула.

Комната, освещенная лампой с фитилем, плавающим в тюленьем жире, была полна несовместимых запахов. Теплый запах рыбьего жира, идущий от лампы, ароматы корешков, листьев и коры, которые сушатся на балках или в решетках, кисловатый запах распространенного канадского напитка, похожего на лимонад и изготовляемого из квасного сусла, и, наконец, неожиданный аромат кожаных переплетов, исходящий от множества книг, сваленных в кучу в углу.

В другом углу на корточках сидит человек и ловко плетет сеть. Его круглая голова цвета полированного красного дерева с раскосыми глазами кажется слишком большой для его маленького коренастого тела. Это эскимос.

Под лампой на брошенных на пол мехах в позе индейца сидит мужчина и что-то пишет на переносном письменном приборе.

Мартен д'Аржантейль с удивлением рассматривает его одежду из оленьей кожи, украшенную бахромой, и надвинутую до бровей меховую шапку. Непонятно, сколько ему лет.

– Кто вы? – спрашивает он, неприветливо глядя на гостей. – Я вас не знаю.

– Знаете, – напоминает ему господин де Сент-Эдм. – Я уже приходил к вам с графом де Варанжем.

– А где он сейчас?

– Именно это я и хотел бы узнать, и только вы можете мне это сообщить.

– Я не прорицатель.

– Позвольте с вами не согласиться. Я видел вас за работой, Николя Мариэль.

– Ничего вы не видели. Я занимаюсь только толкованием по Большому и Малому Альберту, делаю

талисманы на удачу, готовлю целебные снадобья.

- Вы умеете гораздо больше. Среди ваших колдовских книг есть не только Большой и Малый Альберт. Вы смогли узнать, что Джон Ди видел в черном зеркале. И мне известно, что вы умеете говорить с духами и вызывать их. Повторяю, я недавно ВИДЕЛ ВАС ЗА РАБОТОЙ.

- Времена нынче не те.

- А что в них нового?

- Дурные знамения.

- Какие же?

- Как-то ночью я видел в небе, над лесом, летят пылающие каноэ.

- Вы уже рассказали об этом всем и вся.

- Но я никому не говорил, что в одном из этих огненных каноэ сидел ваш сегодняшний спутник. Я его узнал.

- Меня?! - в ужасе восклицает Мартен д'Аржантейль.

Это откровение ему вовсе не нравится. Означает ли оно, что он скоро умрет? Он сожалеет, что последовал за графом де Сент-Эдмом. Да, он интересуется магией, но он не желает иметь ничего общего с разглагольствованьями низкопробного колдуна.

Впрочем, чего еще можно ожидать от темной, невежественной Канады? В Париже он был на сеансах магии Лесажа и аббата Гибура, но сейчас салоны парижских магов, с их ретортами и котлами, ароматами ладана и дурманящих трав, далеко. У него сохранились о них неописуемые воспоминания. Иногда там в тумане он видел нежное лицо странной и утонченной Мари-Мадлен д'Обрэ, маркизы де Бренвийе, которая его, должно быть, околдовала. Но она его даже не замечала, потому что во всем была послушна воле своего любовника, шевалье де Сен-Круа. Вспоминая об этом, содержатель королевского зала для игры в мяч горько сожалеет о своей теперешней участи.

Господин де Сент-Эдм пытается задобрить колдуна:

- Вы должны нам помочь. Я принес то, что вам нужно.

- И что же это такое?

- Прежде всего вот это, - говорит граф, показывая кошель, набитый экю, - а затем это.

И достает маленькую жестяную коробочку, которую ему только что передал Юсташ Банистер. Он откидывает крышку и показывает лежащие там белые пастилки из пресного хлеба.

- Облатки!

Но колдун и бровью не ведет. Он невидящим взглядом смотрит на то, что протягивает ему гость, потом медленно качает головой.

- Берегитесь, господа, - шепчет он наконец. - Даже не пытайтесь причинить вред женщине, которая сегодня прибыла в Квебек.

- Госпоже де Пейрак?

- Не произносите ее имени! - гневно восклицает колдун. - Тише!.. - продолжает он таинственным шепотом. - Так вы себя погубите. Она сильнее вас и всех ваших колдовских штук. Сила ее такова, что она избежит расставленных ловушек, не обжигаясь, пройдет сквозь огонь, отведет занесенный над нею меч, заставит дрогнуть руку, которая собирается бросить в нее камень. Я это знаю, потому что видел, как она сегодня выходила на берег. Это она убрала ту, другую женщину, которую вы ждали.

- Госпожу де Модрибур?

- Я же вам сказал - не произносите имен.

- Стало быть, видение монахини-урсулилки было верным? - Граф де Сент-Эдм потрясен.

- Видения монашек меня не касаются. Каждому свое. То, что видела мать Мадлен, знает она одна. Что до меня, то я вам больше ничего не скажу и повторяю: заберите ваши облатки. Мне нет нужды в этих ваших

святотатственных ухищрениях, потому что у меня есть мои книги, формулы и дар ясновидения, полученный при рождении и усиленный наукой. И потому я вам говорю: я не желаю ничего затевать против этой женщины и навлекать на себя ее гнев, ибо все это будет бесполезно. Ее чары делают ее неуязвимой.

- По крайней мере, помогите нам отыскать господина де Варанжа. Вы же сами признали, что он искусный маг. Ручаюсь, он сможет ее победить.

Едва он успевает закончить фразу, как внезапно раздается звук трещотки. Сен-Эдм вздрагивает и оглядывается, пытаясь понять, откуда исходит этот звук.

Проходит некоторое время, прежде чем он понимает, что это издевательски смеется колдун, обнажив зубы в глумливом оскале. Красный Плут раскачивается, сотрясаясь от хохота и хлопая себя по ляжкам, - таким смешным ему кажется то, что он только что услышал.

- Давайте уйдем, - раздраженно шепчет Мартен д'Аржантейль. - Негодяй пьян. Поверьте мне, все эти чудеса, которые вроде бы происходят в здешних краях, есть не что иное, как чепуха, вымысел.

- Почему вы смеетесь? - спрашивает граф.

Колдун с явным трудом сдерживает смех и внезапно протягивает им ладонь:

- Давайте сюда ваши экю, господа хорошие, и я вам скажу почему...

Его пальцы с длинными ногтями хватают кошель и прячут его в складках шерстяного кушака. Затем он оттирает с губ коричневую от табака слюну.

- Я смеюсь над тем, что вы мне только что сказали, господа хорошие. Какой вздор! Господин де Варанж никогда не победит эту женщину.

Его глаза мерцают в полумраке, точно два светлячка.

Вполголоса он добавляет:

- Потому что она собственноручно убила его.

* * *

В Верхнем городе Юсташ Банистер, обогнув дома на улице Сент-Анн, возвращается в свою лачугу, миновав мельницу иезуитов.

Эта ветхая хибарка на краю принадлежащих ему участков была построена его родителями еще во времена первых поселенцев.

Во дворе растет большое дерево. Привязанный к дереву тощий пес, гремя цепью, выходит ему навстречу. Банистер, пнув его ногой, отходит в другой конец двора.

Отсюда он обзревает дом своего ближайшего соседа, маркиза де Вильдавре. Фасад этого дома выходит на улицу Клозери, а его задняя часть с большим двором и хозяйственными постройками примыкает к землям Банистера. Банистер прекрасно знает, что маркиз, как крот, роет землю под его участком, чтобы соорудить там погреб, где он будет хранить вина и провизию и запасать на лето лед...

Вокруг полно природных пещер, и легче легкого попасть к соседу, ударив несколько раз киркой.

А теперь маркизу еще вздумалось под завязку набить дом гостями. Они наверняка будут шуметь и сцепятся с ним, Банистером, из-за земли.

Днем с места, где стоит Банистер, видны сверкающие под солнцем речные дали, острова, мысы, заливы. По небу плывут белые облака, а под ними - без конца и края - размытые дымкой черно-синие линии гор.

Банистер стал пленником города. Он не может больше ходить в лес. А если уйдет, у него заберут все имущество.

В его неповоротливом мозгу звучат самые страшные ругательства, самые ужасные богохульства. Но он

остерегается произнести их вслух, потому что не хочет, чтобы ему, вдобавок ко всему прочему, отрезали язык...

То, что он не может даже выругаться, еще более усиливает его злобу. Человек, который не может от души выругаться, когда он на пределе, подобен раздутому пузырю, который вот-вот лопнет.

Когда-нибудь у него будет золото, много золота, и тогда он отомстит им всем, даже епископу, замучив их бесконечными тяжбами.

Юсташ Банистер наклоняется и входит в свою лачугу.

Тощий пес остается один в ночи.

* * *

Тощий пес Банистера лежит под красным буком, и его мучает голод. День сменился ночью, но ему ничего не перепало, разве что пинок хозяина. Каждая минута ожидания полна несбывшихся надежд.

Бедный пес, отощавший, изголодавшийся, посаженный на цепь, не отрываясь смотрит на убогую лачугу.

Четверо детей, его хозяева, выйдут из этого приземистого дома, где они укрываются, как пчелы в улье, и он увидит, как они, спотыкаясь и толкая друг друга, идут к нему. Когда они к нему наклоняются, он видит размытые розовые круглые лица, видит, как блестят глаза и обнажаются в смехе белые зубы.

Тогда пес взглядом взывает к их безграничному могуществу.

Из их рук приходит жизнь. Косточка, кусочек свиной кожи. Он хватает на лету то, что они ему бросают, грызет, глотает, и его переполняет счастье. Но иногда в него летит гвоздь или камень...

На днях они бросили ему горящий уголек. У него до сих пор болит морда.

А сегодня - ничего. Он их даже не видел.

Луна выходит из-за облака и освещает соломенную крышу хибарки, где спят люди, дверь в саманной стене.

Дверь откроется... дети выйдут.

Дети, которых он любит!

К северу от Квебека, где серебрится под луной устье реки Сен-Шарль, по берегам раскинулись прекрасные луга прихода церкви Нотр-Дам-дез-Анж. Там, где Сен-Шарль впадает в реку Святого Лаврентия, вода плещется о борт корабля, севшего здесь на мель. Здесь, в прогнившем трюме «Иоанна Крестителя», брошенный всеми, впал в зимнюю спячку медведь Мистер Уиллоби.

Часть третья
Дом маркиза де Вильдавре

Глава I

В первую ночь, которую Анжелика провела в доме маркиза де Вильдавре, ей снился Пуатье, очаровательный французский городок, где она провела свои отроческие годы, воспитываясь в монастыре урсулинок. Во сне она шла по его узким улочкам, взбиралась по деревянным лесенкам, по крытым переулкам, ведущим к вершине холма над тихой рекой Клэн. С холма было видно, как она вьется в узких ущельях посреди сине-зеленых, изнемогающих под солнцем полей. Это была ее родная провинция Пуату, изборозженная дорогами, проложенными в оврагах, глубокими ущельями, поросшая лесами, испещренная болотами.

Анжелике было пятнадцать или шестнадцать лет, и сердце ее было полно грусти и тревоги.

Она шла к церкви Нотр-Дам-ла-Гранд. Войдя в нее, она удивилась полумраку и тишине, в то время как она ожидала услышать звуки органа и увидеть сияние свечей. Растерянная, она хотела выйти, но внезапно очутилась в объятиях юного смеющегося пажа, который целовал и ласкал ее жадно и неловко. Внезапно она проснулась.

Опираясь на локоть, Анжелика приподнялась. Гладкие простыни, мягкие подушки, аромат то ли Melissa, то ли лаванды, которым были пропитаны крытые узорчатой тканью перины, напомнили ей, что она находится в алькове, на кровати с балдахинем и задернутыми занавесками, стоящей на возвышении с тремя ступеньками, и что сама эта кровать располагается в крепком каменном доме среди других домов. Все эти детали, которые она осознала не сразу,

вернули ее к реальности – она сейчас не в Пуатье, а в Квебеке, в Новой Франции.

Рядом с нею спал Жоффрей. Она подвинулась, чтобы быть к нему ближе, пока не ощутила тепло, исходящее от его недвижимого тела. Закрыв глаза, она вдыхала его жизнь. Несмотря на то что он лежал совсем близко, она по-прежнему чувствовала тревогу, которая проникла даже в ее сон, и, несомненно, происшедшее в ее сне смешение Квебека с Пуатье было порождено ее сегодняшним прибытием в город, завершившимся грандиозной церемонией в соборе.

Но при всем сходстве между Квебеком и столькими маленькими французскими городками было и различие – Квебек был отмечен особой печатью, потому что был построен на берегу реки Святого Лаврентия. Анжелика прислушалась, желая услышать отголоски дыхания вольных диких просторов Нового Света.

Сон, который ее потревожил, придал невыразимую полноту тому чудесному времени, в котором она сейчас жила.

Когда она проснулась утром, колокола всех церквей, ближних и дальних, звонили вовсю, а в промежутках между их ударами было слышно, как в замке Сен-Луи играют зарю.

Жоффрей стоял у окна. Он был уже почти одет, в бриджах и сапогах. Белизна его собранной многочисленными складками, отделанной кружевом рубашки резко контрастировала со смуглой кожей.

Свет занимающейся утренней зари резко очертил его точеный профиль, нос с горбинкой, полные губы, в складке которых таились нежность и насмешка, даже когда он был спокоен.

Неровные оконные стекла с пузырьками воздуха и муаровым рисунком, похожие на пленку льда на оловянной поверхности, усиливали проникающие снаружи отблески рассвета. В этот ранний час льющийся

в окно свет мерцал, как дрожит в ветреную погоду распутившийся пион. К красному примешивались золотые и блекло-розовые оттенки, свойственные восходящему солнцу.

Граф де Пейрак приподнял железный шпингалет и открыл створки окна. В комнату ворвался холодный воздух, и свет стал ярче. Комната была так мала, что, лежа на кровати, можно было разглядеть почти все, что происходило на улице. Прямо напротив, за фруктовым садом, раскинулась река.

Из сиреневого тумана, стелющегося по восточному краю неба, медленно вставало солнце, поднимаясь над темно-лиловыми облаками, и по мере того, как оно поднималось, его розовый свет то мерк, то вновь разгорался, мало-помалу становясь все ярче, чтобы распространиться по посветлевшему небосводу, напомиравшему голубой фарфор.

Река Святого Лаврентия была зеленоватого цвета. Очертания большого острова, называемого Орлеан, который ниже по течению делил реку на два рукава, были едва различимы. Одинокая, похожая на острие копья фиолетовая коса простиралась прямо напротив Квебека, врезаясь в опаловые воды реки.

На севере виднелся красивый изогнутый склон Бопре с отдельно стоящими домами и несколькими деревушками, обступившими колокольни, – центры расположенных вдоль реки процветающих приходов.

Анжелика подумала, что хорошо было бы снова и снова наблюдать из этого окна восход солнца. Выбравшись из-под одеяла и надев домашнее платье из шелка-сырца, отделанное мехом по воротнику и рукавам, она села на край кровати и начала разглядывать мебель, собранную на этом тесном пространстве. Флорентийское зеркало висело над туалетным столиком из инкрустированного орехового дерева, на котором лежали восхитительные предметы

дамского туалета: расчески, щетка, гребень, так удачно заменившие ей туалетные принадлежности, потерянные накануне.

В углу стояла монументальная молитвенная скамья, инкрустированная драгоценными камнями и эмалевыми миниатюрами. Она тоже была выполнена во флорентийском стиле и одновременно служила книжным шкафом. Кровать с четырьмя столбиками и балдахин с вырезанным на нем гербом маркиза, с сундуком для платья под изголовьем, со стоящими рядом столиками с выгнутыми ножками представляла собою как бы комнату в комнате.

Анжелика подошла к графу де Пейраку и тоже встала у окна. Он повернулся к ней и улыбнулся, и она подумала, что они впервые за долгое время находятся вдвоем в красивом, имеющем все удобства городском доме, подобающем их званию.

После скольких лет? О мой Бог, со времен Тулузы! Пятнадцать лет? Двадцать?

Она не могла поверить, что это наконец свершилось.

Неужели их скитаниям пришел конец? Конец ненадежным пристанищам, скрипящим, пропитанным солью кораблям, деревянным фортам, затерянными в лесной глуши или на диких берегах, где тебя подстерегают голод, цинга и насильственная смерть.

«Я хотела бы жить в этом маленьком доме, – подумала она, – и каждый день смотреть, как встает солнце...»

Словно прочитав ее мысли, Жоффрей заговорил об усадьбе Монтины, которую господин де Фронтенак отдал в их распоряжение:

– Это прекрасный дом, крепкий, хорошо обставленный, но я полагаю, что вам не захочется в нем жить, потому что вы будете все время вспоминать, что его готовили для вашей опасной соперницы, герцогини де Модрибур.

Он, словно поддразнивая, покосился на нее.

- Верно, вы угадали... - улыбнулась Анжелика. - Я знаю, что вам, господин де Пейрак, чужды подобные слабости.

- Разумеется!

- Я бы слишком боялась встретиться с ее зловредной тенью... Вряд ли мне удалось бы забыть о том, что Амбруазина готовилась прибыть в Квебек, а стало быть, у нее здесь есть друзья, сообщники, и хотя самый влиятельный из них, ее друг детства отец д'Оржеваль, исчез, остаются еще и другие... Кто они? Постепенно все это выяснится, и...

- И... вы будете лучше себя чувствовать, живя в этом маленьком доме, - заключил Пейрак, нежно ее обнимая. - Я вас понимаю... Он словно создан специально для вас. Думаю, именно о таком доме вы мечтали, когда прошлой зимой мы в Вапассу пытались выстоять.

И вы заслужили покой, заслужили жизнь, которая вам по душе, с удобствами, которые может предоставить столица. На вашу долю выпало достаточно невзгод. Итак, мы поселим в замке Монтины наших людей, и он станет походить на военный бивак. Там будут жить наши офицеры, а также больные и раненые, так что получится небольшой гарнизон. Однако в замке есть большие гостиные, где мы сможем давать приемы. И я оставляю там для нас апартаменты, в которых будет мой командный пункт.

А этот маленький дом, возвышающийся над городом, будет принадлежать вам. Над ним будут властвовать ваши зеленые глаза. Ваш ум раскинет отсюда свои сети, и весь город покорится вашей мудрой стратегии. Разве не в этом состоит ваш план, мой прекрасный военачальник?

Он ласково погладил Анжелику по щеке.

- Но никакой войны не будет, - заметил он. - Ведь мы победили злую судьбу. Наша стратегия теперь будет заключаться в том, чтобы устраивать достойные развлечения, чтобы обеспечить будущее и завести друзей в Новой Франции, дабы успокоить эту нашу великую соседку, а быть может, и короля Франции, который ею управляет.

Анжелика слушала Жоффрея, чувствуя, как в ней пробуждаются внутренние силы и вкус к спокойной счастливой жизни.

Неуемная энергия мужа передалась и ей, потому что у них было много общего: они оба любили жизнь, приключения, успех, они готовы были сражаться за то, чтобы сделать свое существование красивым и гармоничным.

Недомолвки Анжелики, ее стремление утаить некоторые эпизоды своей прошлой жизни порой раздражали слишком свободную и непосредственную натуру аквитанского сеньора, привыкшего, что женщины полностью доверяют ему, но мало-помалу это обстоятельство, едва не отравившее их жизнь, когда они вновь встретились после столь долгой разлуки, перестало их разделять. Они признали, что и у мужчины, и у женщины есть право на тайну, и теперь полагали, что это свидетельствует о богатстве внутренней жизни, которое дополняет их взаимную любовь и делает ее еще более чудесной.

Уста их слились, и этот поцелуй стал символом неомраченного счастья.

Затем они заговорили о тех распоряжениях, которые следует отдать, чтобы как можно лучше организовать их жизнь в Квебеке. Уклониться от лежащих на них обязательств было невозможно. Они со смехом вносили все новые пункты в список срочных вопросов, которые предстояло решить.

- Я собираюсь попросить губернатора Фронтенака созвать экстренное заседание Высшего совета, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию и принять решение относительно присутствия в городе нас и наших людей.

Анжелика напомнила, что нужно что-то делать с Аристидом, Жюльенной и с англичанином из Коннектикута Эли Кемптоном, которых начальник полиции незамедлительно сочтет «нежелательными лицами», хотя они попали в Квебек не по своей воле. А ведь еще есть Адемар, дезертир, которого могут поставить к позорному столбу и даже вздернуть на дыбу или повесить.

Однако первым делом следовало испросить аудиенцию у епископа. С его помощью Анжелика хотела добиться встречи с матушкой Мадлен, ясновидящей монахиней-урсулинкой, из-за которой на ней лежало тяжкое обвинение в том, что она - дьяволица.

Урсулинка должна как можно скорее засвидетельствовать, что Анжелика не похожа на ту женщину, что явилась к ней в вещем сне.

О, разумеется, теперь она ясно понимала, какие неожиданности могут подстерегать их в Квебеке.

Вначале она полагала, что эта экспедиция в Новую Францию будет носить чисто дипломатический характер и касаться только их положения в Америке. Но Квебек - это было королевство в миниатюре, квинтэссенция двора и королевской администрации. Недаром здесь возник этот господин из прошлого, который при виде Жоффрея де Пейрака, входящего на Королевскую площадь со своими знаменами, воскликнул: «Ну и ну! Когда он плывал по Средиземному морю, его серебряный щит был изображен на другом поле - на красном...»

Она встала и позвала Иоланду.

- Прежде всего надо будет встретиться с епископом, - сказала она мужу. - А затем я должна пойти поблагодарить ту замечательную женщину,

которая вчера в Нижнем городе встала на мою защиту и взяла на себя заботу о моем коте, - госпожу Жанину Гонфарель. Хотя у нас различные религиозные взгляды, она мне очень нравится, и я с удовольствием с нею познакомлюсь, тем более что Вильдавре очень ее ценит...

- Вы напомнили мне, что я должен сегодня же раздать самым видным дамам города привезенные для них подарки, - откликнулся граф де Пейрак.

Глава II

Итак, это было их первое утро в Квебеке.

Прежде всего, не дожидаясь, когда домочадцы окончательно проснутся, они по проселочной дороге отправились в усадьбу Монтиньи, крыша и трубы которой виднелись за холмом.

Их сопровождали испанские наемники графа де Пейрака и Жан Ле Куеннек.

Как и предполагал Жоффрей де Пейрак, усадьба и хозяйственные постройки превратились в армейский бивак, в котором царили оживление и беспорядок.

Он отдал капитанам и старшим матросам несколько приказов, и те удалились в сопровождении своих подчиненных, не столь многочисленных, как вчера.

Все улицы в Квебеке вели к собору.

Направляясь из усадьбы Монтиньи по улице Сент-Фуа, Анжелика, ее муж и их эскорт вышли на Соборную площадь, когда служба только что завершилась.

Их прибытие, хоть и менее пышное, чем накануне, опять произвело фурор.

С ними любезно раскланивались, и несколько дам подошли поближе. Первой приблизилась госпожа де Меркувиль. Еще вчера Анжелика обратила внимание на эту хорошенькую энергичную даму, высокую, элегантно одетую, со свежим цветом лица, которая нынче явилась на мессу в сопровождении двух своих старших дочерей, одной из которых было четырнадцать, а другой пятнадцать лет.

Поклонившись каждой из дам и произнеся любезные приветствия, граф де Пейрак удалился, поскольку в замке Сен-Луи его ждал губернатор. Вокруг Анжелики начали собираться любопытные, среди которых были и те, кто вышел из собора, и случайные прохожие.

Из всех любопытствующих самой приятной и приветливой была госпожа де Меркувиль. Она осведомилась о здоровье Анжелики, о том, как та спала, о том, нравится ли ей дом. Она заверила, что приложит все силы, чтобы сделать пребывание Анжелики в Квебеке приятным.

Она предложила подыскать служанку для грязной работы, а пока что пообещала прислать в дом раба-индейца, из племени пауни, которого она купила за пятнадцать ливров у траппера, возвратившегося из форта Мишиллимаяк, и окрестила. Правда, она не может поручиться за качество его работы, поскольку он своенравен и ленив.

А если госпожа де Пейрак захочет осмотреть город, госпожа де Меркувиль пошлет ей портшез и лакеев. Еще она готова посоветовать ей, какую провизию и где заготавливать на зиму. Грядут холода, и тогда уже будет поздно закладывать в погреба коренья, морковь, репу и тому подобное, хотя капусту, на худой конец, можно оставить и снаружи. Ведь зима в Канаде длится долго. Даже квебекцам случалось голодать, если весна задерживалась. Стоящие вокруг дамы, стараясь перещеголять друг друга, начали рассказывать о зимах, когда им приходилось варить кусочки кожи, чтобы приправить суп, и добавлять в остатки муки опилки, чтобы испечь хлеб.

Анжелика попыталась объяснить, что она уже зимовала на американской земле и что более или менее знакома со связанными с этим неудобствами, но все было тщетно. Обитательницы колонии, гордые своим опытом, любили учить уму-разуму вновь прибывших – слишком часто люди прибывали на край света с наивной уверенностью, что здесь все будет прекрасно.

На Анжелику посыпались рассказы о голоде и многочисленные советы, как засолить мясо. Ей стоило немалых усилий перевести разговор на другую тему.

Поскольку госпожа де Меркувиль желает оказать ей услуги, сказала Анжелика, она будет ей весьма признательна, если та объяснит ей, какие шаги нужно предпринять, дабы как можно скорее получить неофициальную аудиенцию у монсеньора де Лавалья. К кому следует обратиться?

Госпожа де Меркувиль посоветовала поговорить с господином де Берньером, ректором семинарии.

И дамы немедля принялись готовить Анжелику к беседе со всемогущим прелатом монсеньором Франсуа де Монморанси-Лавалем, епископом Петреи и апостольским викарием Новой Франции, однако их мнения об этой особе были различны. Одни превозносили епископа до небес, другие откровенно его не переваривали.

Анжелика внимательно выслушивала все эти противоречивые суждения, когда до ее ушей вдруг донеслись пронзительные радостные крики, похожие на птичьи, и с другого края площади ей навстречу понеслась крохотная девочка, одетая в белое.

Она была такой маленькой и легкой, что ее ножки, казалось, едва касались круглых камней мостовой.

Ее развевающиеся на ветру чепчик, воротничок и кружевной фартучек еще больше усиливали ее сходство с раскинувшей крылья маленькой хрупкой птичкой.

Она бежала прямо к Анжелике, весело смеясь и протягивая к ней руки, и той оставалось только нагнуться и подхватить ее.

- Эрмелина! - вскричала госпожа де Меркувиль, узнав свою младшую дочь.

Собравшиеся остолбенели, затем раздались возгласы:

- Она ходит! Ходит!
- Она убежала от Перрины!
- Но еще вчера она не ходила!

- Она не просто ходит, - торжественно сказал господин де Лоншан. - Она бегаёт.

Анжелика, держа девочку на руках, искала в своей сумочке конфету или какие-нибудь другие лакомства, которые были у нее всегда припасены для Онорины или Шерубена.

- Не давайте ей ничего! - вскричала госпожа де Меркувиль. - Она такая лакомка!

- Но она так прелестна!

Анжелика не понимала, почему приход этой малышки вызвал такое волнение. Вслед за девочкой прибежала ее кормилица-негритянка, плача, молитвенно сложив руки и крича:

- Чудо! Чудо!

Бросившись перед Анжеликой на колени, она поцеловала подол ее платья.

- Я сейчас объясню вам, что произошло, дорогая госпожа де Пейрак, - молвила госпожа Гобер де Ла Меллуаз, утирая платком залитое слезами лицо. - Этой девочке уже почти три года, но она до сих пор не ходила и даже с трудом сидела в своей колыбельке - и вдруг сегодня так внезапно...

Малышка, такая легкая и веселая, сидя на руках Анжелики, с торжествующим видом грызла конфеты, словно радуясь той великолепной шутке, которую она сыграла с родителями. Анжелика передала девочку одной из ее старших сестер, а та - кормилице. Вокруг них люди смеялись и плакали. По городу побежала молва:

- Произошло чудо! Малышка Эрмелина исцелилась!

Хотя это событие в первую очередь касалось именно ее, госпожа де Меркувиль не теряла времени даром. Будучи женщиной здравомыслящей и креолкой, она привыкла ко всяким неожиданностям жизни в колониях, будь то разрушительные тайфуны на островах, где она провела детство, или голод и ирокезы в Канаде. И,

решив, что за исцеление дочери Всевышнего можно будет возблагодарить и потом, она представила госпоже де Пейрак ректора семинарии господина де Берньера. Последний сказал, что монсеньор де Лаваль может дать ей частную аудиенцию либо сегодня днем, либо завтра утром после десяти часов.

Анжелика, пораженная быстротой, с которой дела подобного рода вершатся в этом краю, подумала и назначила встречу на завтра.

Однако она сказала, что сегодня днем охотно воспользуется портшезом, который предложила ей госпожа де Меркувиль. Так она сможет нынче же спуститься в Нижний город, чтобы забрать своего кота и поблагодарить госпожу Гонфарель.

Глава III

Двое лакеев госпожи де Меркувиль осторожно несли портшез, в котором сидела Анжелика, по крутой дороге, ведущей в порт.

По мере того как они спускались, толпа на улицах становилась все гуще и оживленнее.

Нижний город представлял собою скопление высоких узких домов, жавшихся друг к другу вокруг горы Рок. Время от времени подступы к горе затапливала река. Здания были увенчаны высокими каменными трубами, которые казались еще выше из-за поднимающихся над ними клубов дыма.

Анжелика с любопытством глядела на все это из-за занавески.

В Нижнем городе все еще чувствовалось неистовое оживление, вызванное проводами последних судов, отплывших в Европу. Прибытие флотилии графа де Пейрака лишь поддержало это настроение.

Здесь можно было увидеть сколотивших себе состояние трапперов, которые еще не спустили последние деньги на покупку предметов роскоши или на азартные сделки. В куртках из оленьей кожи с бахромой, с ружьем на плече, они со скучающим видом заходили в лавки портных, чтобы заказать себе богатую одежду, и в скобяные лавки, чтобы купить топоры и другие металлические изделия. Индейцы, у которых еще оставался запас полученной за шкурки огненной воды, бродили по городу, полному ловушек и неслыханных соблазнов. Их неспешная походка и мечтательный вид резко контрастировали со всеобщей торопливостью, столь заметной в порту и на прилегающих к нему улицах.

Вокруг все готовились к зиме. Во дворы завозили дрова, разгружали подводы, повсюду разносился стук поленьев, кидаемых на мерзлую землю, сновали дети, складывающие их в аккуратные поленицы под навесами возле домов.

Анжелика заметила землемера Фальера, который спорил с владельцем огромного дома с конюшнями и большим двором. За ним стоял регистратор, поскольку спор шел о нелепом распоряжении городского начальства, которое устанавливало размер поленьев, а также высоту и ширину сажени дров...

Лошади, запряженные в повозку, колеса которой были подперты большими камнями, чтобы она не скатывалась с горы, терпеливо ждали у въезда во двор. Это были тихие, смирные массивные клячи, привыкшие возить тяжелые грузы. Весной их запрягут в плуг вместо волов, потому что лошадей в Новой Франции было куда больше. То, что их развелось в Канаде так много, казалось настоящим чудом, потому что все они произошли от дюжины лошадей, присланных в колонию десять лет назад французским королем.

В Квебеке обутые в деревянные башмаки дети, шумливые, неугомонные, с испачканными лицами, могли свободно бегать, гоняя клюшками деревянный брусок в любимой индейской игре, кататься на собачьих упряжках или скатываться по склону горы на санках по свежавыпавшему снегу.

Анжелика заметила несколько мальчиков десяти-двенадцати лет, куривших трубки с видом бывалых трапперов. В этом краю курили все: дворяне и крестьяне, торговцы и искатели приключений, курили даже некоторые женщины, сидя на пороге своих домов. Это было привычкой и доставляющим удовольствие обычаем, помогающим летом отгонять комаров, а зимой коротать долгие вечера и слушать длинные речи индейцев. Краснокожие, те вообще ничего не

предпринимали, предварительно не закурив трубку и не пустив ее по кругу.

На углах всех улиц, у каждого дома выращивали табак, и его запахом были пропитаны все закоулки.

К запаху табака ближе к порту примешивались запахи навоза, горячей смолы, жареной птицы, когда вы приближались к таверне, пушнины и вина, если вы проходили мимо складов, и коптящейся рыбы, если вы выходили на песчаный берег, окаймленный выброшенными приливом водорослями. Здесь бродяги разводили костры из особых трав и веток терновника, от которых день и ночь валил густой дым, коптя висящих на перекладине угрей.

Повсюду бродили свиньи, перебирая своими коротенькими ножками и останавливаясь, чтобы с любопытством посмотреть на проезжающие экипажи. Однако они были совершенно равнодушны и к лаю собак, и к тяжбам, которые вызывали их набеги, и к многочисленным распоряжениям полиции на их счет.

Анжелика медленно продвигалась среди этой разношерстной толпы, в которой мелькали белые чепцы разных фасонов: из Нормандии, Бретани, Перша, Шампани, Ониса, Сентонжа...

Мужчины носили широкополые крестьянские шляпы или шапки разных цветов и форм.

Наконец-то она видела этих канадцев в стенах их города, тех самых бесстрашных канадцев, которых в прошлом году ей довелось повстречать в Катарунке и Новой Англии.

Нынче же она видела их в окружении жен и детей. Но они показались ей почти такими же, как и раньше. Смеющиеся, с резкими движениями, с необычным блеском в глазах. Она узнавала в них французов, но французов американских, похожих на них самих: на нее, Жоффрея и их людей, которые тоже познали опасность,

исходящую от ирокезов, тяготы зимовки, угрозу голода и цинги.

В центре площади она увидела бронзовый бюст его величества короля Франции Людовика XIV.

Жанина Гонфарель жила в начале улицы Су-ле-Фор. Ее приветливая таверна со службами, крытыми галереями, питейным заведением и собственно харчевней, в которой кормили вкусно и недорого, располагалась возле бухты Кюль-де-Сак, где на якоре стояли лодки и корабли.

Лучшего расположения нельзя было себе и представить.

Над крыльцом главного входа висел пучок еловых веток, знак, обязательный для заведений подобного рода, и рядом с ним – чугунная вывеска, полностью позолоченная, на которой блестела надпись «Французский Корабль».

Таверна казалась богатой и внушала доверие.

Во вчерашней суматохе Анжелика не обратила внимания на красивые дома, мимо которых проходил ее кортеж.

Выйдя из портшеза, она на мгновение заколебалась. В самом ли деле здесь живет Жанина Гонфарель? Правильно ли ей сказали, что это хозяйка таверны «Французский Корабль» приютила ее кота? Но тут она увидела толстого мальчика, который вчера приходил к ней с новостями о ее питомце.

Стоило ей войти в застланный табачным дымом зал, как все разговоры стихли, стаканчики с костями в руках игроков в триктрак и кубки со спиртным замерли в воздухе. Тишина была такой полной, что треск толстого сука, горящего в камине, прозвучал как выстрел.

Анжелика поискала глазами хозяйку заведения, но не смогла различить ее в дымном полумраке, который присущ тавернам даже днем. Собственно, она ожидала, что ее кот выскочит ей навстречу. Но в зале не было

заметно никакого движения. Она пожалела, что не взяла с собою хотя бы одного из своих пажей, чтобы было кому объявить о ее визите. Носильщики портшеза остались на улице. Они не имели права входить в трактиры без специального разрешения с подписью их хозяев. Посчитав свою задачу выполненной, они уселись на корточки у стены таверны, чтобы немного соснуть.

Вдруг, словно возникнув из клубов табачного дыма, рядом с Анжеликой очутился сагамор Пиксарет, в своем головном уборе из перьев, с образками в узле сальных волос, в одеяле, накинутом на великолепное одеяние из красного сукна с золотым галуном, которое он надевал, когда отправлялся в Квебек (это был мундир английского офицера, снятый с поверженного врага). Он торжественно произнес:

- Не бойся ничего, моя пленница, иди вперед без страха. Здесь ты среди друзей. Я их знаю и отвечаю за них всех, за исключением некоторых плохих христиан. Но мой топор и мой томагавк пробьют их головы еще до того, как в них зародятся дурные мысли. Иди! Я тебя охраняю.

В глубине зала отворилась дверь, и Анжелика увидела хозяйку, идущую ей навстречу с широкой улыбкой. Должно быть, она очень спешила, когда прихорашивалась, потому что сооружение из кружева на китовом усе, служившее ей чепцом, сидело на ее пышно завитых волосах немного криво. Ее круглое лицо обрамляли тяжелые грушевидные коралловые серьги.

Кружевной воротничок был ей немного тесен, а три юбки, надетые в соответствии с модой одна на другую, увеличивали ее и без того немаленький объем вдвое. Изящные драгоценности, красующиеся на пышной груди хозяйки, казалось, были специально выставлены напоказ для любителей украшений и вовсе не предназначались для придания их обладательнице большей элегантности. В одной руке она держала кружевной

платочек, а в другой – испанский веер, развернутый так неуклюже, что непонятно было, что она намеревается с ним делать. Но Анжелика, которой нравилась хозяйка харчевни, подумала, что она стоит всех испанских инфант и даже королевы Франции, такой некрасивой, и чопорной, и нелюбезной.

– Сударыня, я пришла вас поблагодарить.

– Какая честь для меня, маркиза! – картаво воскликнула госпожа Гонфарель, после того как присела перед Анжеликой в некоем подобии реверанса, чуть при этом не упав. – Не желаете ли последовать за мной в мои апартаменты...

И она указала на дверь, из-за которой появилась. По мере приближения к «апартаментам» хозяйки все более и более явственным становился доносящийся оттуда вкуснейший аромат. Ноздри Анжелики затрепетали.

– Сударыня, ваше рагу вкусно пахнет, – не удержалась она.

– Еще бы! Кто бы сомневался! – радостно воскликнула хозяйка.

И она с заговорщицким видом затворила за собою дверь.

Комната оказалась просторной и хорошо обставленной. Слева располагался очаг, в котором на горящих углях стоял большой глиняный котел. С таинственным видом Жанина Гонфарель приподняла его крышку:

– Гляди! Я приготовила свиные ножки! Ведь это твое любимое блюдо?

Она вновь, как и вчера, обращалась к Анжелике на «ты». Было видно, что это самобытная, непосредственная натура, не способная стесняться себя долгими церемониями.

Анжелика не смогла бы объяснить почему, но ей было очень хорошо в этой комнате в обществе этой женщины. С момента приезда в Квебек, а может быть,

уже много лет она не испытывала такого ощущения покоя и безопасности. Ее немного беспокоило лишь то, что кота нигде не было видно.

- Ведь это твое любимое блюдо? - повторила трактирщица.

Из вежливости Анжелика наклонилась над рагу, которое кипело на медленном огне и имело весьма аппетитный вид:

- Конечно! Я всегда обожала свиные ножки!

- О! Это я знаю!

Удивленная тем, как это было сказано, Анжелика вновь подняла голову. Выражение лица ее хозяйки изменилось. В ее голосе звучало торжество и одновременно горечь, а лицо вдруг показалось Анжелике враждебным.

Встревоженная, Анжелика внезапно почувствовала, что ее доверие поколебалось, и, как и вчера, в ванне, ее охватила слепая паника.

Украдкой она бросила испуганный взгляд на котелок. Ей было страшно. Не таится ли за лукавыми улыбками и радушием трактирщицы скрытая злоба? Ей вдруг почудилось, что сейчас в комнату вбежит толстый отпрыск хозяйки, строя рожи и распевая:

Как мамаша Мишель
Потеряла кота...

Между тем на лице госпожи Гонфарель можно было прочесть жесточайшее разочарование. Ее брови встали домиком, уголки рта опустились, придав ей выражение крайнего уныния, а нижняя губа задрожала, как будто Жанина собиралась заплакать.

- Стало быть, это правда? Ты меня не узнаешь?! - вскричала она вдруг.

Анжелика молчала, и от ее молчания огорчение хозяйки дошло до предела.

- Стало быть, я так сильно сдала, - горестно заключила она. - Стало быть, у меня появились морщины и отвисли щеки, а я и не заметила, как постарела... И она меня уже не узнает, меня, Польку, свою товарку по Двору Чудес. А ты всегда останешься такой же, всегда будешь разбивать сердца, Маркиза Ангелов!

Глава IV

- О моя Польшка! - воскликнула Анжелика, обнимая пухлые плечи трактирщицы. - Вот уж никогда не думала, что встречу тебя вновь.

- Я тоже! Я ведь не знала, что ты жива. После того, что случилось на ярмарке Сен-Жермен... Всякий раз, говоря о Маркизе Ангелов, я обливалась слезами. Она была такая красивая девушка, говорила я, но ее сцапали легавые.

- И я встречаюсь с тобой в Квебеке! И ты держишь самую большую харчевню в городе. Знаменитая, уважаемая.

- А ты? Когда мы расстались, ты была, можно сказать, оборванкой и стражники вели тебя в тюрьму, а теперь ты выглядишь почти как королева Франции.

- В Квебеке! Кто бы мог подумать! Это невероятно!

- Нет! Это закономерно. Раз уж нас не смогли убить, куда еще податься, если не на край света? В этом городе есть все...

И она подняла руку ладонью вперед, словно клянясь:

- ВСЕ, поверь мне. Но пойдём же, я приготовила для тебя свиные ножки. Ты ведь любила их в те далекие времена в Нельской башне, когда мы оспаривали друг у друга благосклонность этого проходимца Николая Каламбредена.

Они уселись друг напротив друга перед камином, и госпожа Гонфарель, отведав с подобающе серьезным видом свой кулинарный шедевр из свиных ножек, принялась рассказывать Анжелике, каким образом она, побирушка, оказалась в Новой Франции.

Она подмигнула бывшей товарке:

- Меня отправили на Антильские острова как «женщину для поселенцев». Но по пути мой маршрут

изменился. Все-таки Канада – это более почетно. – Она понизила голос: – Мне повезло: в порту, откуда мы отплывали, я встретила Гонфареля. Он сразу в меня втюрился, и, поскольку он направлялся в Канаду, мы устроили так, что я поплыла вместе с ним. Ах ты, моя бедная птичка! Нам еще столько всего надо друг другу рассказать. Так что боюсь, мы отсюда выйдем еще не скоро. Собственно, я теперь богата и держу и город, и Гонфареля в руках. С каждым годом мое дело расширяется, я все строю и строю. Тут магазин, там склад, а кое-где надстраивается этаж-другой. И знаешь, я сейчас строю часовню, или, как здесь говорят, молельню. А почему бы и нет? Я такое же творение Божье, как и другие, уж пусть не прогневаются эти набожные ханжи. И я тоже имею право славить Господа на свои деньги, если мне пришла такая охота. Пойдем, я тебе покажу, это красиво.

Она встала, но потом, передумав, взяла из посудного шкафа кувшин превосходной водки, которую держала, «чтобы забывать все напасти».

Усевшись рядом с Анжеликой перед камином, она щедрой рукой наполнила два оловянных кубка.

– Имей в виду, тут есть господа, которые возмущаются из-за моей молельни. Потому что не все мои дела так уж добродетельны, и все это знают. А вы мне скажите, кто добродетелен всегда и во всем? Однако это почему-то не мешает им строить церкви и молельни. Разве в городах королевства соборы не соседствуют с борделями? Поверь мне, так повелел Господь, и на это есть причины... Так что не я первая, не я последняя... Помнишь, как я начинала в Париже, на задворках Нотр-Дам? Если бы не эта заваруха на ярмарке Сен-Жермен, из-за которой вся наша малина накрылась... Но что поделать, прошлого не изменишь, и я могу сказать про себя, что пожила хорошо. Уж я-то не теряла времени зря. Сейчас уже не так весело, как

когда-то, но у всего есть свой вкус. И потом, я люблю холода, они напоминают мне мое детство в Оверни.

Уперев локти в колени, она задумалась:

- Нет, я ошиблась. Последний раз я тебя видела не на ярмарке Сен-Жермен, а потом, когда мы пошли искать твоего малыша, ну того, самого маленького, Кантора, которого похитили цыгане... Да, именно тогда я видела тебя всю обчекрыженную. Стало быть, это было уже после потасовки на ярмарке Сен-Жермен, после того как легавые прошлись по твоей голове своими ножницами... [3] Ты помнишь?

- Помню.

- Вчера я видела твоего Кантора. Он красив, как бог, как греческий бог. Нам повезло, что возле Шарантона мы настигли тех цыган, что его своровали. Этот бег под дождем! Ты помнишь? Что нам стоило бежать взапуски в те времена... Сейчас я бы так не смогла... Выпьем! Он тут, твой Кантор, спасенный от чертовых легавых, которые желали нам, бедным девушкам, смерти. Да благословит Бог Канаду! У меня тоже есть сынок. Не такой красивый, как твой, но...

- Я его видела, и он великолепен. Я бы дала ему лет двенадцать.

- А ему только девять! Черт возьми, его отец - настоящий здоровяк, такой дюжий. Сегодня его тут нет, он поехал за сырами на остров Орлеан. Ты его еще увидишь. Именно широкие плечи его и спасли - его отправили в Канаду... Решили сделать палачом...

Жанина Гонфарель понизила голос:

- Мы об этом стараемся не вспоминать. Но ты же понимаешь, я привечаю удачу, откуда бы она ни пришла. С удачей не шутят. Эти господа из Вест-Индской компании нигде не могли найти для колонии палача. Все отказывались. Быть палачом в Канаде - это никого не прельщало. Вот им и приходилось довольствоваться услугами всяких слабаков, которые даже не могли как

следует затянуть винты испанского сапога, не говоря уже о том, чтобы поднять топор или во время повешения натянуть веревку. Чего тебе, болван? – вскричала она, заметив, что в комнату вошел слуга из трактира. – Разуй глаза! Ты что, не видишь, что я разговариваю с дамой из Верхнего города?

– Хозяйка, там их двое на улице, они говорят, что замерзли.

– Должно быть, это лакеи госпожи де Меркувиль, носильщики моего портшеза, – вспомнила Анжелика.

– Но мы не имеем права впустить их и налить им выпить без письменного разрешения их хозяина.

– Я им разрешу и заплачу за выпитое, – предложила Анжелика.

Но, поговорив с госпожой Гонфарель, она предпочла отпустить и носильщиков с портшезом, потому что невозможно было предугадать, когда они закончат предаваться воспоминаниям.

Между тем госпожа Гонфарель вспомнила о своих прямых обязанностях. Когда ее помощник вышел, она объявила Анжелике, что они перебираются на ее «наблюдательный пост», что, однако, не помешает им беседовать, есть и пить.

Они уселись на небольшом возвышении за перегородкой, в которой, как в приемной женского монастыря, имелись два потайных зарешеченных окошка. Благодаря этому можно было наблюдать за тем, что происходит в зале, оставаясь невидимыми.

Полька знала завсегдатаев своего заведения. А если кого-то видела впервые, то очень быстро могла определить, откуда он и что собою представляет.

– Готова поспорить, что вон те там, в углу, прибыли из Акадии. Почему я так решила? Потому что они явно не из наших, но и не из Европы.

Проследив за ее взглядом, Анжелика в самом деле обнаружила в глубине зала барона де Вовенара, Гранбуа

и одного из братьев Иоланды, сына Марселины, Телефора, прибывшего вместе с ними. Они сидели за столиком, хмуро играя в кости. А четвертым, кажется, был один из братьев Дефур с берегов Французского залива.

- Они все немного пираты, эти ребята из Акадии, - заметила хозяйка «Французского Корабля». - Ведь из своих берлог на юге они ведут торговлю с англичанами... А вон те в синих шапках, они из Виль-Мари,^[4] или из Монреалья, как его называют теперь. Это те еще продувные бестии, не признающие никаких властей, кроме Господа Бога и Девы Марии. Правда, ни тамошние монахи, ни торговцы не жалуются. Они прибыли в Квебек к отплытию последних кораблей и отправятся назад незадолго до того, как замерзнет река.

Видя, что Польша с таким жаром описывает местные особенности, Анжелика улыбнулась.

- А тот малый вон там, в том углу? - спросила она, показывая на человека, в одиночестве пьющего возле камина.

- О! Это Красный Плут.

- Какое мерзкое прозвище,^[5] - вздрогнув и скорчив гримасу, сказала Анжелика.

Польша понизила голос:

- Это он видел в небе пылающие летучие каноэ. Незадолго до прибытия ваших кораблей.

- А не он ли бросил камень в моего кота?

- С него станется. В этих краях полным-полно колдунов и всяких магов. Этот живет на скале над домами улицы Су-ле-Фор. Но самые лучшие колдуны живут на острове Орлеан. У меня подруга колдунья, она учит меня всяким вещам. Поэтому я очень рада, что ты приехала в пятницу, в день Венеры, ведь это хорошо для дружбы.

- Какая ты стала ученая, милая Польша!

- Да, я теперь посвященная, - важно выпятив грудь, сказала Польшка. И она взяла с полки одну из книг. - Гляди... это ученая книга.

- Так у тебя есть книги?

- А как же! Здесь они есть у всех.

- Стало быть, ты научилась читать?

- Да, меня научил иезуит. Теперь ты понимаешь, почему я ему так предана. Но больше всего книг, в том числе и по черной магии, у Красного Плута. Он знает магию, этот колдун, он дал мне зубы волка и кости совы, чтобы отгонять несчастья. В Канаде без защиты никуда... Поверь мне, здесь у тебя должно быть много образков или талисманов... и против дьявола, и против полиции.

- А какова в Канаде полиция?

- Надоедливая, придирчивая. Такая же, как и везде.

Начальника здешней полиции звали господин Гарро д'Антремон. Польшка называла его Брюзга. Он был, пожалуй, слишком серьезен, но, по словам Польки, малый он был незлой.

- Он человек принципов. Да ты таких знаешь. Его не проймешь ни улыбкой, ни подарком. Если ты ни в чем не виноват, все будет хорошо. Зато если виноват, он ухватит тебя за шкурку и уже не выпустит. Но самый опасный тип - это Ноэль Тардые де Лаводьер, королевский прокурор. Вчера ты его наверняка видела среди больших шишек. Такой высокий, красивый парень с завитыми волосами и манерами хлыща.

- Этот молодой человек? Но он очарователен.

- Остерегайся его очарования! Вот увидишь, скоро ты поймешь, какая это зараза.

Она вновь приоткрыла потайное окошко и тотчас махнула Анжелике рукой:

- О! Ты погляди, кто к нам пришел! Высший свет!

В таверну входили несколько дворян. Вид у них был блестящий, победоносный и спесивый, но в трактирном

зале, наполненном табачным дымом, весь великолепный эффект сразу терялся.

Первым вошел господин де Бардань.

- Да ведь это посланник короля, который приехал вместе с вами, - прошептала Полька, вмиг протрезвев от волнения. - Толкуют, что он приехал с какой-то ужасно важной миссией, что-то вроде объявления войны Англии, или уничтожения фортов на Великих озерах, или запрета на торговлю бобровыми шкурками, или даже переселения всех нас обратно во Францию, потому что здесь скоро начнется война с Испанией и Голландией. А господин де Фронтенак, мол, может отправляться на все четыре стороны.

- Господин де Бардань в самом деле получил от короля большие полномочия, но не стоит так пугаться. Он человек разумный. Я его знаю.

- Я бы сильно удивилась, если бы ты его не знала, - усмехнулась Полька. - Но что привело такого знатного сеньора сюда, в таверну в Нижнем городе? Вроде бы он кого-то ищет?

Анжелика подавила вздох.

Она видела, что Николая де Бардань остался стоять, хотя его спутники уже уселись за стол, и внимательно вглядывается во все уголки зала. В выражении его лица было что-то напряженное и драматическое, как бывало всегда, когда он думал об Анжелике. Видно, кто-то сказал ему, что она сейчас в таверне «Французский Корабль».

Полька быстро обо всем догадалась:

- Эге! А не тебя ли он ищет?

- Боюсь, что меня.

- Ну, что я говорила! Да, Маркиза Ангелов, ты ничуть не изменилась!

Очередная победа Анжелики над мужчинами привела трактирщицу в дурное расположение духа.

Она резко захлопнула потайное окошко и снова уселась в кресло.

- Кстати, а где мой кот? - спросила Анжелика, вспомнив, зачем она сюда пришла.

- Ха! Откуда мне знать? - раздраженно ответила Польшка. - Он там, где ему нравится. Он похож на тебя, маленький негодник. Единственное, что я могу тебе сказать, - это то, что он не в моем котле, как ты едва не заподозрила... Вижу, о чем ты думаешь. За кого ты меня принимаешь? В этом ты вся! Ты всегда была подозрительной и недоверчивой, да!

- Прости меня, Польшка, - примирительно сказала Анжелика. - Это жизнь делает нас такими - она слишком больно бьет.

- Почему бы тебе не оставить твоего кота у меня? Он мне нравится. Ну что ты будешь с ним делать в Верхнем городе? А здесь, в порту, со всеми этими кораблями и складами, полно мышей и крыс.

- Нет, меня с этим котом связывают прочные узы, которые я не хочу рвать.

- Вот что такое не везет. Вечно мне нравится то же и те же, что и тебе, и они, естественно, выбирают тебя. В Нельской башне ты увела у меня Николая. До твоего появления он был моим любовником и я крепко держала его в руках. Но как только он привел тебя, я сразу все поняла. Лиха беда начало. И так всегда.

В гневе она захлопнула свой веер и швырнула его в огонь. Этот жест ее как будто успокоил, и она с довольным видом стала смотреть, как горит веер.

Анжелика рассмеялась, узнавая прежнюю Польшку, порывистую и неистовую, под личиной респектабельной хозяйки таверны, собирающейся строить молельню.

Послышался громкий стук в дверь, и госпожа Гонфарель вскочила:

- Кто там?

- Конная стража!

Что бы Полька ни говорила, она вовсе не была такой вольной и раскрепощенной, как думала. Хотя у нее была красивая мебель, дорогие безделушки и тугие кошельки, есть вещи, от которых нельзя избавиться, потому что они въелись в кровь. И среди них страх перед конной стражей.

Она подбежала к окну и выглянула наружу.

- Черт побери! - вскричала она. - Стражники! Эх, я же тебе говорила!

Но Анжелика узнала в стоящих перед таверной людях лейтенанта Барсампюи в сопровождении троих матросов с «Голдсборо». Последние были вооружены, однако у них явно не было дурных намерений. Напротив, Барсампюи приветливо улыбался. Это была официальная делегация, и Анжелика догадывалась, кто ее прислал.

- Впусти их и ничего не бойся. Это от моего мужа. Они наверняка принесли тебе от него подарок...

- Мне? - почти испуганно спросила Полька.

- Подарок полагается каждой влиятельной даме города.

- Входи, - крикнула Полька мальчику, который снова начал колотить в дверь.

- Хозяйка, тут господин спрашивает вас лично от имени графа де Пейрака!..

- Сколько раз тебе говорить, олух ты этакий! Когда стучишься в приличный дом, надо не молотить, а поскрестись... слышишь, поскрестись.

Анжелика, не желая, чтобы ее увидел Николая де Бардань, не пошла за нею в зал, куда госпожа Гонфарель отправилась, дабы встретить господина де Барсампюи.

Вскоре она вернулась, растерянная, держа на подносе маленькую шкатулку, обитую красным бархатом, с золотой монограммой Агнца Божия. Крышка шкатулки была откинута, так что был виден золотой ковчежец, а в нем под стеклянным покровом лежала

маленькая восковая пластинка. Такие пластинки очень ценились как средство защиты от злых сил, ибо они были сделаны и лично освящены папой римским во время ежегодной пасхальной мессы.

- *Agnus Dei!* - сдавленным голосом произнесла Польшка. - Но как он догадался, что я как раз о таком и мечтала?

- Он всегда угадывает.

- Этот Меченый! - вздохнула Польшка. - Какой мужчина!

И упала на колени, охваченная волнением и почтением к амулету, которого касался сам папа.

- Какой необыкновенный мужчина! Послушай, Маркиза Ангелов, а ты его достойна? Ты такая бесшабашная. Он хоть знает, как опасно быть твоим мужем?

- Не бойся! Он и сам не так уж безобиден.

Темнело.

- Тебе надо возвращаться в Верхний город, - сказала Польшка. - Теперь твое место там, среди благородных дам.

Позади таверны находился окруженный палисадом из кедровых бревен двор с каменными и деревянными постройками, в которых, по-видимому, хранились товары, а также запасы провизии и напитков. С наступлением вечера над самой землей поплыл легкий туман. Анжелика не желала встречаться с Николя де Барданем, который непременно потребовал бы у нее объяснений по поводу визита в таверну «Французский Корабль», и подруга провела ее через двор.

Мускусный запах сложенных в кипы или висящих на балках мехов боролся с дразнящими ароматами, несущимися из харчевни.

- Послушай, Маркиза Ангелов, - сказала госпожа Гонфарель, - давай сохраним нашу тайну. Мужчин не так уж интересуется прошлое женщин, которых они

любят. Им нравится думать, что они у нас были первыми и что другие не в счет. Поверь мне, то, что с нами когда-то было, принадлежит нам одним. Тайная клятва братства парижских нищих остается в силе.

И она скрестила два пальца и плюнула в камин.

- А мой кот? - напомнила Анжелика.

- Выбор остается за ним, - важно ответила Польша.

* * *

Анжелика вышла за ограду и очутилась на поперечных улицах Нижнего города. Здесь уже быстро темнело, и в окнах домов тут и там зажигались масляные лампы. Анжелика плотно запахнулась в плащ и опустила капюшон. Ее переполняла радость, и она сожалела, что не может поделиться ею с Жоффреем. Но Польша права: рассказывать нужно либо все, либо ничего.

Поднимаясь по склону горы, она посмотрела вверх на золотое небо, которое виднелось между отрогами утеса и особняками. Их черные каминные трубы и гребни острроверхих крыш четко вырисовывались на фоне заката.

Прохожие попадались редко и не узнавали ее. Она шла одна, и ею владело чувство свободы и полноты жизни.

Обернувшись, чтобы полюбоваться восхитительным видом реки, раскинувшейся сверкающим щитом, она заметила своего кота, который шел за ней.

Глава V

Вечером, за ужином, кот запрыгнул на стол и пошел, осторожно пробираясь среди приборов и блюд.

– Мессир Кот, как же нам вас назвать? – осведомился Жоффрей де Пейрак.

– Отец, ты уже дал ему имя, – вскричала Онорина. – Мессир Кот! Какое красивое имя! Мы приветствуем вас, Мессир Кот!

В многочисленных подсвечниках сияли свечи. Блестела серебряная посуда. Метрдотель, как и накануне, накрыл стол посреди зала.

В свете свечей Анжелика с удовольствием смотрела на своих сыновей, Флоримона и Кантора.

Флоримон помогал метрдотелю, господину Тиссо, прислуживать за столом. Он всегда был очень деятелен и готов помочь, а служба пажом при королевском дворе развила его природные склонности. Он любил заниматься разными вещами, и у него все получалось. То, что он недавно вернулся с Севера после многомесячной одиссеи, во время которой он научился убивать медведя ударом тесака и вести длинные разговоры с индейцами, нисколько не помешало ему с увлечением исполнять сегодня обязанности стольника и виночерпия. При этом он быстро распрощался со своей замшевой одеждой траппера и сменил ее на костюм знатного сеньора.

Кантор был совсем другой.

«Неужели я никогда ему не рассказывала, – думала Анжелика, – как босиком бежала по шарантонской дороге, чтобы спасти его от цыган»?

На ужин пришел маркиз де Вильдавре. Он нашел пристанище в Нижнем городе и столовался во «Французском Корабле», хозяйка которого готовила

просто божественно. Он надеялся, что его служанка вернется, потому что не захочет, чтобы он питался чужой стряпней, и он примет ее услуги, однако он рассчитывал, что будет также часто пользоваться гостеприимством своих дорогих друзей, графа и графини де Пейрак.

- Когда я улажу кое-какие свои дела, я приду и помогу вам устроиться. Я покажу вам дом и все его удобства. Я намерен установить фаянсовую печь в маленькой гостиной, примыкающей к залу.

- Он по-прежнему носит свою маленькую серебряную шпагу? - спросил Флоримон.

Эта загадочная фраза заинтересовала Анжелику, и она потребовала от сына разъяснений.

- Как, матушка, разве вы не знаете, что господин Тиссо служил при дворе в Версале? Третьим подавальщиком жаркого. Я часто ему помогал, когда он подавал соус. Я сразу же узнал его в Тадуссаке. Я попросил рассказать мне новости двора, который он лишь недавно покинул. И среди прочего я осведомился, носит ли по-прежнему монсеньор дофин ту маленькую серебряную шпагу, которую господин Кольбер при посредничестве своего брата, интенданта Эльзаса, заказал у мастеров Аугсбурга и Нюрнберга.

До настоящего момента господин Тиссо ничего не рассказывал о своем прошлом.

Подозвав его жестом, Анжелика тихо сказала:

- Готова поспорить, сударь, что лишь большие неприятности могли заставить вас покинуть эту блестящую и весьма завидную должность при его величестве.

- Совершенно верно, сударыня.

- И какого же рода были эти неприятности?

- Те же самые, сударыня, которые вынудили и вас покинуть Версаль в то время, когда ваша звезда была в самом зените.

- Яд?

- При дворе все пользуются ядами, сударыня, да вы это и сами знаете. С помощью ядовитых зелий устраивается много дел, это один из путей к вершинам, к богатству и славе.

- Однако вы не захотели по нему пойти?

- Жизнь - это наше самое ценное достояние, - отвечал он, - к тому же я слишком предан королю.

- А госпожа де Монтеспан по-прежнему пользуется благосклонностью его величества?

- Его благосклонность к ней даже возросла.

- А празднества?.. Скажите мне, господин Тиссо, дворцовые празднества все такие же прекрасные и пышные?

- Ни один европейский двор не знает ничего подобного. Его величество отдается устройству своих дворцов и парков с такой страстью и проявляет при этом столь безошибочный вкус, что они стали одним из чудес света. А празднества не уступают убранству Версаля: они великолепны и галантны.

«Итак, - думала Анжелика, вертя в руке ножку машинально взятого ею бокала и наблюдая за нежными переливами малаги, то золотистыми, то пурпурными, - итак, при дворе все остается по-прежнему. Там продолжают весело убивать и отравлять под шум очаровательных празднеств».

* * *

Корабль продолжал танцевать под зимним небом на океанских волнах. Вздымаясь одна за другой, они несли его к Европе.

Письмо, которое Анжелика написала в Тадуссаке полицейскому Дегре и которое слуга господина д'Арребу вез на «Марибель», скоро прибудет в порт. Слуга

постучится в дверь дома Дегре... Он передаст ему послание из такой далекой страны, и Дегре, взглянув на него, узнает почерк Маркизы Ангелов... И его губы тронет насмешливая улыбка... Вот она и снова с ним - в который раз...

Анжелика посмотрела на свою руку, державшую обличительное перо.

Веселые языки пламени, потрескивающего в огромном камине, бросали яркие отблески на прекрасные оживленные лица ее родных, она слышала смех Онорины, шутки Флоримона, тихую музыку, рождающуюся под пальцами Кантора...

И она вдруг поняла, что написала это письмо, чтобы достучаться до короля и добиться справедливости.

Глава VI

Все воспоминания снова были стерты сном, а ночная передышка была прервана звоном колоколов. Шесть часов утра... Начинаясь их второй день в Квебеке.

Жоффрей уже встал. Анжелика не слышала, как он ушел, потому что была погружена в крепкий сон. Когда она проснулась, он показался ей долгим блаженством, после которого ощущаешь легкость в теле и ясность в мыслях. Она вспомнила о давешнем сюрпризе: в этом городе живет Польша.

Анжелика услышала, что в большом зале внизу кто-то ходит. Звук ломаемого сухого дерева сменился потрескиванием пожираемых огнем веток. До Анжелики донесся запах дыма.

Одевшись, она спустилась и увидела старого Маколле, который вешал на крюк над огнем котелок с водой. Он был не один. Двое малышей, босых, в ночных рубашках, с растрепанными волосами и заспанными глазами, с интересом за ним наблюдали. Он обещал угостить их пеммиканом, который ему дали индейцы. Из погреба поднималась Иоланда, неся ведро с молоком, она только что подоила козу.

В этом маленьком доме оказалось куда больше народу, чем можно было предположить, судя по царившей тишине. Здесь был Кантор, вышедший откуда-то своей бесшумной, как у индейца, походкой. Адемар, производящий больше шума, поскольку он нес дрова. Нильс Эббиэл и негритенок Тимоти. С самого раннего утра одетые в свои пажеские камзолы, еще не совсем проснувшись, они сидели на скамейке слева от камина и болтали голыми ногами, обутыми в башмаки с пряжками. От блеска и пышности предыдущих двух дней они совсем одурели.

Зима в Квебеке начиналась именно так, как мечтала Анжелика.

Со двора постучали. Это был лейтенант Барсампюи, сопровождаемый двумя помощниками метрдотеля. Они принесли горячие пироги, бланманже, бисквитные пирожные и кувшин с кофе, восточным напитком, который Анжелика обожала. Онорина и Шерубен не обращали на все эти лакомства никакого внимания. Они были заняты тем, что наблюдали, как Элуа Маколле, водя пальцем, по-индейски разводит водой в ладони какой-то коричневый порошок, сильно пахнущий копченым мясом. Иоланда сказала, что есть не будет, так как, с позволения госпожи де Пейрак, она хотела бы пойти к причастию.

Господин де Барсампюи осведомился у Анжелики, сказал ли ей граф о серебряных жетонах.

Анжелика удивленно захлопала глазами:

– О серебряных жетонах? Нет... Объясните мне.

Молодой дворянин нашел, что изумление ей идет. Она так еще красивее, подумал он. Кажется, все ее радует. Он улыбнулся снисходительно и грустно, так как снова подумал о своей умершей невесте, Кроткой Мари. Подавив вздох, он приступил к исполнению поручения, которое дал ему граф де Пейрак.

Он передал Анжелике от графа кошель с серебряными жетонами, отчеканенными в Вапассу и потому не имевшими никакого клейма. И все-таки она могла ими расплачиваться за покупки в квебекских лавках и мастерских. Хотя в дальнейшем Высший совет еще должен будет принять решение об узаконивании хождения этих монет в Новой Франции и о том, по какой формуле оно будет осуществляться, пока что их стоимость будет оцениваться по весу.

Все торговцы города имели небольшие весы, чтобы взвешивать серебро, и их торжественно уведомили о том, что Высший совет колонии допускает новые,

неклейменные монеты из благородного металла на рынок Квебека. Об этом решении будет объявлено на всех перекрестках и площадях. Кроме того, Барсампюи передал Анжелике кредитный билет, подписанный неким Базилем, это гарантировало ей возможность потратить до пятисот ливров, что было куда больше той суммы, в которую она намеревалась уложиться в ближайшее время. Она поблагодарила лейтенанта.

С улицы постучали. Анжелика пошла открывать и обнаружила на пороге бородатого мужчину в меховой шапке, с топором на плече.

- Не нужно ли вам наколоть дров, сударыня?

- Гляди-ка, Никэз Эртебиз, - воскликнул, появившись на пороге, Элуа Маколле. - Ты уже начал торговлю водкой?

- Нет, начну, когда ляжет снег и замерзнет река Святого Лаврентия.

Он зарабатывал на жизнь разными мелкими делами, в том числе торговлей водкой, расхаживая холодными зимними утрами от двери к двери и предлагая «подкрепиться» тем, кого ждал тяжелый рабочий день.

Ночью выпал снег, но то был еще всего лишь легкий снежок, который таял под лучами солнца. Белые крыши домов резко выделялись на фоне темной реки, которая еще не замерзла и все еще катила к океану свои бурные воды.

Вполуха слушая беседу двух приятелей о достоинствах зимы и водки, Анжелика осматривала квартал, где ей предстояло жить. Их дом был последним на улице, что вела к собору. За ним мостовая кончалась, и улица превращалась в проселочную дорогу, ведущую к поляне, на которой рос огромный вяз. У его подножия располагался маленький индейский лагерь - два-три вигвама из коры, желтые собаки, полуголые малыши, возящиеся на сырой земле. Из одного из вигвамов вышла

закутанная в одеяло женщина и помешала угли дымящегося затухающего костра.

Немного дальше в том же направлении протянулась рощица, служившая живой изгородью довольно красивому дому, крыша которого, крытая шифером и ощетинившаяся высокими трубами, виднелась над верхушками деревьев.

Напротив дома Вильдавре находилась стена сада мадемуазель д'Уредан, а немного ниже - ее дом, одноэтажный, с двумя чердачными окнами. В одном из них был виден движущийся свет свечи. Потом Анжелика увидела в нем приникшее к стеклу человеческое лицо. Должно быть, служанка-англичанка, которая просто не может не наблюдать за гостями маркиза. Во втором окне виднелась собака, также с любопытством взиравшая на соседний дом.

За домом мадемуазель д'Уредан улица, ведущая к собору, была, как и полагается улице, замощена, и по обе ее стороны высились дома, более или менее богатые, окруженные просторными дворами и садами или же жмущиеся друг к другу. Там и сям виднелись деревянные или жестяные вывески лавок и мастерских, некоторые из которых были позолочены или расписаны яркими цветами.

Никэз Эртебиз и Элуа Маколле продолжали беседовать о спиртном.

- Самые лучшие дрожжи у Эфрозины Дельпеш, - говорил Никэз Эртебиз. - Сама-то она еще та зараза, согласен. Но она приготовит тебе лучшую выпивку, и не важно из чего: из бузины, ячменя, выжимки из корней.

Тем временем на сцене появилась хромая фигура, с ног до головы закутанная в одеяло, так что виден был один только бледный нос. Для карибского пирата Аристида Бомаршана климат Канады был слишком суров. Но этот флибустьер быстро нашел общий язык с крестьянами-трапперами, которые жили по колена в

снегу на берегах реки Святого Лаврентия, от Сен-Мартена до Сент-Антуана, потому что, как и они, питал любовь к крепким напиткам.

- Не лезь в нашу торговлю со своим ромом, приятель, - сказал ему Маколле. - Для индейцев он слишком слаб, им подавай что-нибудь покрепче.

Аристид слышал, что в Канаде растет дерево, из которого можно добывать сладкий сок. Он непременно использует его, чтобы сделать свой ром крепче. А кроме того, ему удалось спасти и вывезти патоку с севшего на мель «Иоанна Крестителя».

- А у меня, - сказал Никэз Эртебиз, - есть перегонный куб возле клена, и я жду весны, когда пойдет сладкий сок. Это, я вам скажу, такая вкуснотища! Но может быть, все дело в перегонном кубе.

Он слышал, что у госпожи де Пейрак есть перегонный куб из меди, который она использует для приготовления лекарств. Возможно, если использовать его, водка получилась бы лучше. Анжелика прислушивалась к их разговору. В Париже, подумала она, это живописное трио наверняка привлекло бы к себе внимание какого-нибудь придирчивого полицейского.

- Есть хороший способ придать крепость твоему рому, - уверял Эртебиз. - Это древесная щелочь. Если добавить ее, то даже индеец встанет с земли. Но надо соблюдать осторожность - две капли этого зелья на пинту, не более. Третья уже может отправить тебя напрямик на тот свет...

И он начал перечислять ингредиенты:

- Солома... древесный уголь, жженая кожа... чистая вода.

Анжелика рассеянно слушала и смотрела на нижнюю часть улицы. Силуэт прохожего казался ей знакомым.

- Главное - это чтобы уголь был от сосны или кедра...

И действительно, в дом вошел господин де Бардань. Поклонившись Анжелике, он сказал, что его, как нарочно, поселили в середине пустынного плато, называемого равниной Авраама.

Вчера он так и не смог ее повидать, хотя разыскивал повсюду. Осведомившись о ее здоровье и о том, нравится ли ей предоставленный дом, он заговорил о том, что не давало ему покоя:

- В городе есть мужчина, который рассказывает, что познал вас в библейском смысле этого слова.

Анжелика рассмеялась:

- Кто бы он ни был, это пустое бахвальство.

- А в прошлом?

- В прошлом... Что ж, все возможно. И все ж я не представляю, кто бы это мог быть...

Под страдальческим взглядом господина де Барданя Анжелика быстро перебрала в памяти своих любовников и решила, что их было не так уж и много:

- И что он из себя представлял?

- Он знатный сеньор.

Анжелика в искреннем удивлении подняла брови:

- Готова поспорить, что он был пьян.

- Вы правы.

- И вы все же приняли его слова всерьез? Мой бедный друг, вы везде ищите пищу для ревности.

- Вы хотите сказать, для страдания.

- Пусть так. Но куда это вас приведет?

- Город подпал под власть ваших чар, - сказал господин де Бардань. - Везде только и говорят что о вас и вашем супруге. То, что вы говорили и делали в тот памятный день вашего прибытия в Квебек, околдовало народ, очаровало даже тех ваших противников, которые были более всего предубеждены против вас.

- А вы бы предпочли, чтобы мы потерпели фиаско и чтобы нас закидали камнями?

На лице королевского посланника отразилось разочарование.

- Нет... Но я хотел бы защищать вас, охранять.

- Вы можете делать это и теперь. Ваше влияние как посланника короля трудно переоценить. Вы можете добиться, чтобы здешнее общество признало в нас равных, а затем выступить в нашу защиту в Версале. Ну разве это не чудо, что именно ВАС назначили для выяснения обстоятельств дела моего мужа и доклада королю?

Николя де Бардань не ответил. Говорить о графе де Пейраке ему было тяжело. Он разрывался между неприязнью к мужу Анжелики и чувством справедливости.

- Я должен вам кое в чем признаться, - сказал он. - Я воспользовался тем, что «Марибель» проплывала через Тадуссак, чтобы отправить его величеству экстренное донесение.

Его речь была прервана собачьим лаем. Из небольшого парка, окружавшего дом маркиза, появился мужчина, сопровождаемый большим черным догом. Когда они проходили мимо вигвамов гуронов, великолепный пес прыгнул на одного из своих желтых индейских собратьев, одним движением челюстей перегрыз ему горло, отшвырнул в сторону и, удовлетворенно глядя на его отскочивших прочь сородичей, неторопливой рысью вернулся к своему хозяину.

Господин де Шамбли-Монтобан представился как главный дорожный смотритель Канады и их сосед. Он поклонился всем присутствующим, сняв при этом норковую шапку. Это был очень красивый мужчина, такой же красивый, как и его пес, и выглядящий так же победоносно и непринужденно. Звание главного

дорожного зрителя было скорее почетным и не влекло за собой обременительных обязанностей, поскольку единственными путями сообщения в Канаде были реки.

Что же касается городских улиц, которые вроде бы тоже должны были находиться в его ведении, то малоприятные заботы об их содержании он переложил на прокурора Тардые, в обязанности которого входило проведение в жизнь предписаний зрителя. Из всего этого следовал неизбежный вывод о том, что господин де Шамбли-Монтобан умел жить.

Он обратился с почтительным многословным приветствием к господину де Барданю, но при этом не сводил глаз с Анжелики.

Он был одет в элегантный, отделанный мехом камзол, при шпаге, в кожаных сапогах, какие носят в кавалерии. На вид лет сорока с небольшим, пожалуй, чересчур полнокровный, он имел умный взгляд, чувственные губы и очень белые зубы.

- Вы хорошо устроились? - небрежно спросил он Барданя.

- Не так хорошо, как вы, - ответил тот, косясь на маленький особняк, конек крыши и трубы которого виднелись за деревьями.

В его глазах эта усадьба имела несомненное преимущество перед домом, который отвели ему, поскольку находилась поблизости от дома Вильдавре, в котором поселилась госпожа де Пейрак. Господин де Шамбли бросил на него взгляд и, по-видимому, решил, что из близкого знакомства с официальным представителем его величества можно извлечь определенную выгоду.

- В этом году король обошелся со мною крайне несправедливо, - пожаловался он. - Он заставил меня продать часть моих земель за бесценок. Я хотел бы

сохранить хотя бы то, что осталось. Не могли бы вы что-нибудь для меня сделать?

- Вы наверняка использовали принадлежавшие вам земли недостаточно продуктивно. Но... согласен, я поговорю об этом с королем.

Вслед за господином де Шамбли явились две индианки и потребовали водки за убитую собаку. Не переставая лучезарно улыбаться, главный смотритель дорог ответил им на языке гуронов. Анжелика поняла, что он бранит их за пьянство, напоминает, что продажа спиртного индейцам запрещена, и советует им, вместо того чтобы пить, сходить к мессе. Что касается убитой собаки, то ее лучше всего сварить и съесть.

- Этот ваш дог настоящий хищник, господин де Шамбли, - заметил Элуа Маколле. - Не то что дог аббата Морийо, такой смирный и добродушный.

- Доги нередко спасали наши аванпосты, издали чужая запах ирокезов, - отвечал господин де Шамбли.

- А вот и индеец, - с горькой, фаталистической миной сказал господин де Бардань.

И действительно, на вершине холма появился нескладный силуэт Пиксарета, в медвежьей шкуре. Он спускался к ним с высокомерным видом, держа в руке копье.

Войдя в дом, он присоединился к господину де Шамбли, ругая индианок за их пристрастие к алкоголю, развращающее их души и разрушающее их тела.

На пороге появилась Иоланда, одетая в клетчатый атласный плащ, который ее мать Марселина подарила ей для торжественных случаев. В одной руке она держала молитвенник, другую положила на плечо Шерубена. Их сопровождал Адемар, зажав под мышкой свою форменную шляпу. Марселина дала дочери множество наставлений касательно сурового климата Квебека. Он был несколько не похож на мягкий климат Французского залива, где, конечно, бывали и неистовые

бури, и бешеные приливы, но где, как сорняки, цвели розовые, синие и белые люпины и море никогда не замерзало.

Анжелика взяла за руки Онорину и Тимоти.

- Ты прав, великий сагамор, - сказала она, - напомнив нам о наших обязанностях перед Богом. Пойдем к причастию.

Глава VII

То, что в Квебеке называлось семинарией, было на самом деле резиденцией архиепископа. Монсеньор де Лаваль, епископ Петреи и апостольский викарий Новой Франции, собирал здесь свой клир, свое духовное воинство, которое продолжило дело, начатое миссионерами – иезуитами и францисканцами, и служило белой пастве, не пользуясь доходами кюре. В этих больших зданиях, в два и три этажа, священники различных приходов находили приют и средства к существованию.

Здесь также размещалась школа для мальчиков, в которой было множество воспитанников: маленькие индейцы, которых их учителя надеялись офранцузить, дети из далеких поместий и концессий, сироты, оставшиеся на попечении приходов. Преподавали в ней и священники, и иезуиты, обучавшие детей математике, грамматике, естественным наукам и т. п. Здесь же перед рукоположением обучались подростки и юноши, желающие стать священниками.

Большой двор семинарии, выходивший на Соборную площадь, был огорожен массивной чугунной решеткой, на которой красовался позолоченный герб рода Монморанси-Лавалей, а также герб, на котором переплелись буквы «И. М. И.» – Иисус – Мария – Иосиф.

Анжелика пересекла этот двор твердым шагом. Когда зазвонил колокол, появился один из преподавателей семинарии.

Дамы оставили Анжелику на его попечение, и он сначала провел ее по длинному, вымощенному плиткой коридору, а затем – по ступеням новой каменной лестницы.

Вдали слышались детские голоса, поющие псалмы, и звуки органа. Орган играл то громче, то тише, органист-виртуоз брал победоносные аккорды, потом начинал снова, музицируя с явным удовольствием. Царила бодрая и вместе с тем домашняя атмосфера.

Поднявшись наверх, священник посторонился и пропустил посетительницу. В просторной приемной аудиенции у епископа ожидало множество людей.

Эти господа из семинарии, должно быть, обладали крепким здоровьем, потому что комната не только не отапливалась, но одно из ее высоких окон с маленькими цветными стеклами даже было открыто, несомненно, для того, чтобы яркое солнце этого ноябрьского дня проникло внутрь и согрело ее вместо печи или жаровни.

В открытое окно были видны далекие просторы прекрасного склона Бопре, заснеженные поля, вгрызающиеся в обступившие их темные леса.

Анжелика взглянула на рейд и увидела, что там остались только два корабля их флотилии: «Ларошелец» и «Монт Дезер».

Когда ее глаза привыкли к царящему в приемной полумраку, она разглядела среди ожидающих Маргариту Буржуа и монахинь и, обрадованная, направилась к ним. Одна из молодых послушниц тотчас встала, уступила ей место на стуле с прямой высокой спинкой, а сама села на пуфик. Должно быть, те, кому была назначена аудиенция у епископа, привыкли терпеливо ждать, потому что почти все были чем-то заняты: кто читал книги богоугодного содержания, кто шептал молитвы, перебирая четки, кто вязал, кто вырезал бумажные кружевные салфетки.

Мадемуазель Буржуа и ее девушки держали в руках маленькие деревянные планки, утыканые гвоздями, с помощью которых они сплетали черные и коричневые нитки – делали тесьму. Когда они доберутся до Монреаля, то научат новых монахинь на индейский

манер сплестать вместе разноцветные нити, чтобы производить очень удобные и красивые пояса, которыми канадцы перехватывают одежду, чтобы защититься от сильных холодов.

- Послезавтра мы отплываем в Виль-Мари, - сказала возглавлявшая общину монахиня. - Сейчас самое время. Большие осенние приливы уже прошли, и скоро река оденется льдом.

В открытое окно с реки неслись крики чаек и бакланов и стук молотков с верфи, где строились военные суда. Перед отъездом из Квебека мадемуазель Буржуа хотела посоветоваться с монсеньором.

- Он весьма ревностно относится к своим обязанностям пастыря Новой Франции, и в Виль-Мари нам придется щадить его чувства, хотя наш город с самого начала был независимым и свободным. Там только господа из церкви Сен-Сюльпис, владельцы острова Монреаль, имеют юридические права духовных лиц. Мы могли бы обойтись и без одобрения епископа, но это вопрос вежливости.

Уточнив свою позицию, она охотно признала, что монсеньор де Лаваль - человек прямой, деятельный и преданный делу спасения душ своей паствы, но затем вздохнула и сказала:

- В этом краю все не так просто. Не так давно монсеньор разволновался, узнав, что наши монахини уже три года одеваются не по правилам. Но на этот раз ему придется дать нам свое пастырское одобрение.

Сложности, по ее словам, возникли в связи с тем, что она отказывалась строить монастырскую ограду и не хотела надевать на своих монахинь покрывала и апостольники, которые слишком бы отличали их от других жительниц. Она хотела, чтобы монашки ее ордена одевались как скромные мещанки, в те же самые черные платья с белыми воротничками, с черными

косынками, повязанными поверх обычных чепцов. «Мы обычные женщины, служащие людям», – говорила она.

Она рассказала Анжелике обо всех знатных французских дамах, благодетельницах, поддерживавших деньгами благочестивые дела в Канаде, таких как госпожа де Ла Пельтри, которая сопровождала урсулинок до самого Квебека, или госпожа де Гайон, которая помогла Жанне Манс основать в Монреале небольшую больницу.

Анжелика, которой пришлось мысленно включить в эту когорту благодетельниц и герцогиню де Модрибур, слушала этот панегирик без восторга. Она представляла себе, как Амбрузина высаживается в Квебеке, слащавая, елейная, представляющая себя в роли матери по отношению к «королевским дочерям», привлекающая самых лучших людей своей набожностью, примерным поведением, богатством, умением очаровывать. При одной мысли о возможных опустошениях, которые ее приезд мог бы причинить доверчивым обитателям этого городка, она вздрогнула, словно чувствуя, что Квебек не защищен от ядовитой заразы Старого Света.

Дверь в глубине приемной отворилась, и оттуда вышел малый лет тридцати, горячо благодаря и все время кланяясь, прижимая к животу свою большую шляпу. Затем дверь затворилась.

Этот человек подошел поздороваться с матушкой Буржуа, которую все знали и любили. Он поделился с нею своей радостью, монсеньор де Лаваль, узнав, что тот хочет жениться на юной жительнице Шато-Рише, только что отдал ему в аренду на пять лет две принадлежавшие ему мельницы. В обмен на это он должен будет платить шестьсот ливров в год, а также поднести шесть живых каплунов и пирог.

– А какого размера должен быть пирог? – спросила Анжелика, которой этот новый вид налога показался забавным.

- Об этом мы договоримся, - сказал молодой человек, - но пирог должен быть подарен в мае, на День святого Бонифация.

Он был очень рад, что ему надо будет преподнести епископу пирог, потому что до переезда в Новую Францию был помощником пекаря. Какое-то время он пек хлеб для военных фортов. Теперь же он хотел осесть и завести свое дело. И налог в виде пирога поможет ему.

Небольшая семья переселенцев, сидящая на скамье, внимательно слушала их беседу. Они подошли к ним все вместе - родители и четверо детей.

Маргарита Буржуа знала их, они вместе плыли на «Иоанне Крестителе». О том, что они переселенцы, можно было догадаться по бледным лицам и исхудавшим телам, по поношенному платью. Они были встревожены. Прибыв накануне, они присутствовали на благодарственном молебне, который поразил их, хотя они ничего не поняли. Переночевали они в товарном складе бывшей Вест-Индской компании. Во Франции их рекрутировали для заселения территории между Квебеком и Монреалем, название которой они с трудом могли воспроизвести. Вчера по прибытии никто их не встретил. В конце концов этим утром их направили к епископу. Они были совершенно растеряны. Отплыв из Гавра, они добирались до Квебека почти четыре месяца.

- В самом деле, это плавание было одним из самых тяжелых, - подтвердила Маргарита Буржуа. - Конечно, мы знали заранее, какие опасности подстерегают нас в этом огромном океане, самом бурном из всех, - и не потому, что в нем на протяжении тысячи двухсот лье гибнет много судов, а потому, что приходится сталкиваться со множеством неудобств, начинаются тяжелые болезни, а тут еще угроза встречи с англичанами, пиратами, турками. Но на «Иоанне Крестителе» нам пришлось еще терпеть жульничество капитана и экипажа.

Женщина достала из-под залатанного плаща маленький серебряный кубок:

- Перед отплытием мы продали кое-какие тряпки и утварь и на эти деньги купили этот кубок.

- Вы поступили мудро, дочь моя, - одобрила Маргарита Буржуа. - Благодаря этой вещице вы сможете получить заем или переплавить серебро в звонкую монету.

Анжелика помнила, что за переплавку серебра и изготовление из него денег парижские суды без разговоров приговаривали к работам на галерах или даже к смертной казни.

Но здесь, в колонии, это, кажется, никого не заботило. Здесь серебро плавил всяк кому не лень, и серебряные изделия, не важно, мелкие или крупные, представляли собою единственную надежную валюту.

- Кто имеет серебро, тот располагает доверием торговцев, - заверила мадемуазель Буржуа.

В приемную быстрым шагом вошел человек в грубых башмаках, оставляя за собою грязные следы. Оглядевшись, он устремился к маленькой семье иммигрантов:

- А, вот вы где. Я Арно де Ла Портери, ваш сеньор. Я смог приплыть только сегодня утром и ищу вас в городе уже два часа. Нам надо быстро уладить все дела, потому что большая баржа скоро отплывает.

Он взглянул на листки бумаги, которые вынул из кармана своей кожаной куртки:

- Вы действительно Гастон Бернар и его жена Изабо, урожденная Кандель, оба уроженцы Шартра?

Стоя перед ним, они робко кивнули. Господин де Ла Портери оглядел их:

- Вас должно быть семеро...

- Мы потеряли нашего младшенького в море, - ответила женщина, поднеся платок к глазам.

- Понятно, - заключил господин де Ла Портери, складывая свои бумаги.

Поняв, что надо выразить сочувствие, он снял свою бобровую шапку и торжественно помолился:

- Да упокоится с миром душа этого ребенка! Бог принял первые плоды, и урожай будет хорошим. Да сохранит нас Пресвятая Дева!

- Аминь, - ответила хором семья Бернар.

- Нам надо будет пойти в канцелярию Высшего совета, - продолжил господин де Ла Портери, - чтобы вы подписали акт о пожаловании земли. Вы получите участок в три арпана в ширину и двадцать в длину, что позволит вам обустроиться. Вы обязаны заплатить арендную плату из расчета по двадцать су за арпан плюс двенадцать денье и предоставить двух живых каплунов в мою усадьбу к зимнему празднику святого Мартина. - Вы умеете пахать? - спросил он и тут же заверил, видя их потупленный вид: - Ну ничего, научитесь.

Заметив, что они дрожат в своих обносках, он добавил:

- Для начала надо купить плащи и сапоги. У меня есть запас на складе в Нижнем городе. Следуйте за мной.

- Дайте им хотя бы поздороваться с епископом, - вмешалась мадемуазель Буржуа.

- Зачем? Епископу некогда заниматься моими арендаторами. Он сможет разобраться с ними летом, когда будет ездить по стране.

Он вышел, гоня перед собою свое маленькое стадо. Мадемуазель Буржуа неодобрительно покачала головой:

- У господина де Ла Портери нет права держать в городе склад товаров. Сеньорам, владеющим землями, это запрещено. Но все здесь, за исключением духовенства, занимаются торговлей. И в самом деле, доходы с земли приносят ее владельцу так мало, что

едва хватит на одну курицу в год. Меж тем как арендная плата ничтожна. И сеньор должен еще заниматься устройством тех, кто к нему приехал. Забот у него полно, а помощи от короля по заселению колонии очень мало. Он умрет разоренным, но у него будут арендаторы, и его земля будет обрабатываться. И возможно, его сын получит хороший доход.

Слушая ее, Анжелика оглядывала приемную. Ее стены были увешаны красивыми гобеленами, изображающими сцены на библейские сюжеты. Потолок был высокий, его кессоны и пол были навощены и блестели, как зеркало.

В нише напротив них стояла статуя Младенца Иисуса в золотой короне, в одеянии из красного бархата, с шаром, увенчанным крестом. На одной из висящих на стене картин также был изображен Младенец Иисус, окруженный поклоняющимися ему ангелами, а другая, в технике гризайль, изображала ангела, протягивающего Богоматери новорожденного Людовика XIV.

Около двери возвышалась большая статуя святого Иосифа, также держащего на руках Божественного Младенца.

Мадемуазель Буржуа сообщила Анжелике, что святой Иосиф считается покровителем Новой Франции, а Младенец Иисус – покровителем семинарии.

Анжелика могла бы слушать Маргариту Буржуа часами. Как и в Тадуссакe, она замечала, что в ее компании время летит незаметно. Царящий в душе Маргариты мир передавался и ее собеседникам, и, сколько бы она ни рассказывала о пережитых ею злоключениях, на сердце у нее всегда было легко.

– Вы пойдете к епископу перед нами, – вдруг заявила она Анжелике. – Вам очень важно его увидеть, но из-за ваших светских обязанностей вы не можете ожидать его слишком долго. А мы никуда не торопимся.

Тут Анжелика вспомнила, что действительно должна встретиться с Жоффреем в замке Сен-Луи, чтобы пойти на прием к губернатору, назначенный на полдень.

Она горячо поблагодарила монахиню.

Дверь в кабинет епископа снова отворилась, и оттуда, как черт из табакерки, возник маркиз де Вильдавре. Стоя вполоборота, он обращался к прелату в лиловом облачении:

– Так что вы сами видите, монсеньор, что вам нечего опасаться за верность наших новообращенных в Акадии. Доказательством тому служат те многочисленные скальпы английских еретиков, которые я привез господину губернатору. С их помощью эти бедные дикари выражают свою преданность Богу и истинной Церкви, о которых им рассказали мы, преданность, которую они проявляют своими способами и на свой манер, начав войну с нашими врагами в Новой Англии.

Он проворно опустился на одно колено, поцеловал перстень епископа, затем уверенным шагом вышел из приемной, так и не заметив Анжелику.

Она бросилась вслед за ним и окликнула:

– Господин де Вильдавре!..

Он обернулся, стоя уже на середине лестницы. При виде ее его лицо озарилось широкой улыбкой.

– О! Моя дорогая!..

Однако она прервала его:

– О чем это вы рассказывали епископу? О скальпах англичан? Стало быть, вы завладели сундуком, который барон де Сен-Кастин послал в Квебек, дабы доказать властям свое усердие?

– А почему бы и нет? – спросил он с игривой улыбкой.

– Ну уж нет, дудки. Я не позволю вам распускать слух, что этот сундук ваш. Хотя вся эта история мне и отвратительна, я позабочусь о том, чтобы стало известно истинное происхождение этих скальпов. Не хватало еще, чтобы вы приписали все заслуги себе, а

наш бедный Сен-Кастин был наказан, а быть может, даже смещен со своей должности за то, что якобы не поддержал военную кампанию отца д'Оржевалья.^[6]

Видя, что она не шутит, маркиз рассердился.

- Все акадийские скальпы принадлежат мне, - надменно заявил он.

- Это мы еще посмотрим. Я попрошу матросов с «Голдсборо» не отдавать вам этот сундук, если вы за ним явитесь.

- А он уже у меня!

Обменявшись с Анжеликой еще несколькими резкими словами, маркиз, раздосадованный, ушел.

Вернувшись в приемную, Анжелика обнаружила, что из-за перепалки с Вильдавре она пропустила очередь, которую ей великодушно уступила мадемуазель Буржуа. Она и ее сподвижницы уже прошли к епископу.

Колокола прозвонили полдень. Люди, ожидающие приема у епископа, встали, чтобы вместе прочитать молитву, славящую Деву Марию.

Ангел возвестил Марии
Благую весть,
И Она понесла
От Святого Духа...

К Анжелике подошел клирик и сказал, что монсеньор де Лаваль сожалеет, но он сможет принять ее только после полудня, потому что сначала он даст общую аудиенцию ожидающим во дворе, а потом у него будет легкий завтрак.

Анжелика вышла наружу. Она ни за что на свете не хотела пропустить свидание с Жоффреем перед приемом у губернатора.

Выйдя на площадь, она в нерешительности остановилась. Как добираться? В портшезе? В карете?

Что предпочесть?

Конечно же, лучше всего пойти пешком. Когда в Квебеке надо было куда-либо добраться быстро, на это требовалось меньше времени, чем на то, чтобы позвать носильщиков или нанять повозку.

Она быстро добралась до замка Сен-Луи и уже из приемной увидела Жоффрея, увлеченного беседой с очаровательной черноглазой брюнеткой. Это была Беранжер-Эме де Лаводьер, родом из Тарба, супруга прокурора Ноэля Тардые.

Анжелика заметила ее еще в первый день. Посетители готовились разделить трапезу у губернатора, и в ожидании господина де Фронтенака разговор шел только о восторге, который вызвали у дам подарки, переданные представителем графа де Пейрака: кто получил украшение, кто благочестивое изображение, кто миниатюру, кто драгоценную безделушку.

У Беранжер де Лаводьер в глазах стояли слезы, что делало их еще более черными и блестящими.

Жоффрей де Пейрак, улыбаясь, говорил, что это всего лишь естественный жест благодарности таким очаровательным дамам за их любезный прием.

Анжелика, покрасневшая от бега, рассеянно ответила на приветствия и поспешила к Жоффрею. Ей казалось, что они расстались уже очень давно.

– Ну, так чем вы тут занимаетесь? – осведомилась она, испытывая непреодолимое желание обнять его и прижать к сердцу.

– А вы, сударыня?

– Я была у епископа.

– И как проходила ваша беседа?

Анжелике пришлось признать, что она провела утро за интересной беседой с Маргаритой Буржуа, но с епископом еще не встречалась.

Прибывший господин де Фронтенак одну за другой поцеловал обе руки Анжелики и усадил ее справа от себя. Слева от него уселась госпожа де Кастель-Морг. От побоев мужа лицо ее распухло, и никто не осмеливался на нее смотреть.

После обеда губернатор предложил собравшимся прогуляться по саду, находившемуся немного выше замка, на обратном склоне горы Кармель.

Но Анжелика покинула компанию, она хотела все же встретиться с епископом.

Монсеньор де Лаваль походил на Боссюэ. Пастырь Новой Франции имел такое же крепкое сложение, такое же прямое обращение и быстрый ум, изощренный обширным и разносторонним образованием.

Тонкие усики и едва намеченная бородка подчеркивали красивый властный рот. Нос с горбинкой и высокий лоб под епископской митрой могли бы придать ему высокомерие, если бы блеск глаз не смягчали слегка опущенные веки, придавая ему вид мечтательный и доброжелательный.

Как высшее духовное лицо при особе короля, заведующее попечением о бедных, он являл собою одновременно величие и простоту. Его сходство с Боссюэ позволило Анжелике почувствовать себя с ним на равных.

Она уже собиралась было заговорить первой, но в этот же момент заговорил епископ. Они оба одновременно замолчали и улыбнулись.

Анжелика выразила то восхищение, которое вызвали у нее собор и пышность благодарственного молебна. Епископ не скрыл, что это ему приятно. В Квебеке всегда старались придать божественным службам пышность. Когда он впервые прибыл сюда, в городе насчитывалось всего двадцать четыре семьи переселенцев, не более шестисот человек. Но иезуиты уже тогда придавали

богослужениям этот возвышенный характер, которым с тех пор прониклись все.

Благодаря стараниям иезуитов и урсулинок подрастающее в Квебеке поколение умело читать, писать на латыни, а также исполнять песнопения. Поскольку в его распоряжении оказался столь образованный и необычный контингент, монсеньор де Лаваль смог основать большую и малую семинарии для подготовки молодых священнослужителей из местных уроженцев. Надо было во что бы то ни стало отвлечь молодежь от губительной склонности шататься по лесам.

Он дал понять властям, что поселенцам в Новой Франции необходимо учреждение епископата, потому что миссионеров-иезуитов прежде всего интересует обращение индейцев, так что белые колонисты остаются без достаточно строгой руки. Иезуиты больше думают о завоевании душ дикарей, чем о том, чтобы опекать своих соотечественников... Они заывают всех участвовать в своих экспедициях, меж тем как добрый смиренный христианин должен оставаться под сенью своей колокольни и под властью своего пастыря, дабы получать Святое причастие, без которого он может впасть во всякого рода соблазны, в том числе в соблазн язычества, подстерегающий его повсюду в этих краях.

Такое вступление придало Анжелике смелости для того, чтобы заговорить о своей встрече с матушкой Мадлен. Лицо епископа стало более строгим. Но Анжелика уже поняла, что он настроен против отца д'Оржеваля и, стало быть, ей поможет.

- Дело очень серьезное. Оно наделало столько шуму.
- Тем более важно поскорее с ним покончить. Пусть матушка Мадлен выскажется на мой счет, и это развеет все сомнения.

- Похоже, вы совершенно уверены, что ее мнение о вас будет благоприятно?

- Вы хотите спросить, уверена ли я в том, что она не признает во мне демона? Да, уверена, если только эта монахиня честна... И вы, монсеньор, тоже в этом уверены, иначе вы бы меня не приняли.

Епископ чуть заметно улыбнулся, но его лицо тут же омрачилось снова.

- Увы! - вздохнул он.

- Что вы хотите этим сказать? - встревоженно спросила Анжелика.

- Вам придется подождать. По правде говоря, я хотел бы удовлетворить вашу просьбу без промедления, потому что ваше желание увидеться с матушкой Мадлен мне по душе. Но произошло ужасное событие, из-за которого вам придется отложить вашу встречу. Позавчера, в ночь после вашего прибытия в Квебек, из монастыря урсулинок похитили коробочку с облатками.

Сначала Анжелика не могла понять, почему это событие мешает ее встрече с матушкой Мадлен и почему епископ произнес эти слова таким мрачным тоном. Но затем, интуитивно вспомнив свой вчерашний разговор с метрдотелем Тиссо, она поняла причину его тревоги:

- Вы опасаетесь, монсеньор, что эти облатки были украдены для того, чтобы использовать их в магических ритуалах?

- Да, их всегда крадут именно для этого, - с грустью сказал епископ.

- Но разве в Квебеке это возможно? Это же новая, девственная земля, люди набожные, строгие... здесь не могло распространиться разложение нравов.

- Увы! - повторил епископ. - Сейчас времена уже не те. Когда-то порок был в этом краю почти неизвестен. В душах царили благочестие, согласие и милосердие. Но клятвопреступления и плутни торговцев взяли верх над порядочностью и искренностью миссионеров. К тому же сейчас здесь появляется слишком много паршивых овец и скандальных личностей...

- Монсеньор, быть может, моей встрече с матушкой Мадлен мешают, чтобы навредить мне?

Он покачал головой.

- Ваша встреча только перенесена, - сказал он. - Урсулилки начали девятидневные молитвы, чтобы отвратить то зло, которое может свершиться с помощью украденных облаток. Нужно дождаться окончания этого срока. Но я не забуду о вашей просьбе.

Анжелика горячо поблагодарила его. Она правильно сделала, что обратилась к епископу. Похоже, он относился к ситуации справедливо и здраво.

Епископ показался Анжелике человеком разумным и интересным. Честный, добродетельный, истинный служитель церкви, рожденный, чтобы служить Богу. Говорили, что у него была тонзура уже в девять лет.

Это был надежный, честный человек, какой и был нужен, чтобы возглавить огромную епархию, в два или три раза более обширную, чем вся Франция.

- Монсеньор, - обратилась к нему Анжелика, - можно, я задам вам вопрос, продиктованный простым любопытством? Почему вас называют епископом Петреи, города в Месопотамии, хотя вы епископ Канады?

Монсеньор де Лаваль улыбнулся и сказал, что это странное название родилось из ожесточенного состязания за пост епископа Канады. Епископ Руана, от которого он зависел, отказался поддержать назначение, потому что кандидатуру Лавалья предлагали зарубежные миссии и поддерживал Рим.

- Большинство основателей зарубежных миссий были моими близкими друзьями и хотели, чтобы меня назначили на этот пост. Что до меня, то я желал быть назначенным на должность епископа Тонкина. Этот спор был разрешен посредством применения статьи канонического права, которая выводила меня из-под юрисдикции епископа Руана. Я был рукоположен

епископом «in patribus infidelium», или просто «in patribus».

Это условность. Епископ «in patribus» назначался на епископскую должность в странах, которые сделались басурманскими после двенадцатого века, то есть после того, как мусульмане овладели городами Ближнего Востока и Африки, которые принадлежали христианским королевствам: Византии и Иерусалиму. Туда продолжают назначать епископов, которые не могут исполнять там свои обязанности и живут в католических странах, но которые словно бы сохраняют эти земли под властью Бога.

Таким образом, папский нунций монсеньор Пикколомини, епископ Цезареи, что в Палестине, объявил меня епископом Петреи во время трогательной церемонии, состоявшейся в Париже, в церкви Сен-Жермен-де-Пре. После этого меня и смогли назначить викарием Новой Франции.

- Стало быть, интриги и конфликты случаются и между служителями Господа?

- Как и между прочими, а может быть, даже и больше, - философски сказал епископ. - Но Бог искупает их мелочность.

Анжелика еще раз выразила свое восхищение великолепием благодарственного молебна в соборе. Это тронуло епископа, и он заговорил с нею более откровенно. Главным его огорчением было то, что торговцы пушниной доставляют индейцам спиртное, а те напиваются до умопомрачения.

- К сожалению, индейцы хотят обменивать шкурки на алкоголь, - сказала Анжелика. - Они говорят, что с его помощью они общаются с потусторонним миром. Трудно объяснить им, какой вред они себе наносят.

Однако епископ с нею не согласился. По его мнению, в этом деле виноваты как индейцы, так и белые и наказание должны нести и те и другие.

- Самое простое было бы не носить им выпивку, - отрезал он.

Когда речь шла о торговле водкой, он не понимал никакого юмора и готов был отлучить от церкви весь свет.

- Но сумеет ли Новая Франция выжить без торговли пушниной? - спросила Анжелика.

- А вы, часом, не сторонница молинистов? - ответил епископ вопросом на вопрос.

Анжелика ощутила легкую панику. К счастью, когда-то в парижских салонах она познакомилась с кое-какими модными философскими и богословскими идеями. Вспомнив об этом, она заметила, что некоторая снисходительность к слабостям ближних еще не означает вседозволенности и тем более безразличия к спасению души.

Такой ответ, как видно, немало порадовал монсеньора де Лавалья, так как лицо его прояснилось. Похоже, он был доволен и даже немного позабавлен тем, что ему не удалось ее сбить.

- Нет ли у вас намерения вступить в братство Святого Семейства? - спросил он.

То, что подобное предложение исходило от него, означало, что отныне он считает ее достойной вступления в эту организацию.

Анжелика уклонилась от ответа:

- Госпожа де Меркувиль говорила со мною об этом братстве.

- Его благочестию колония обязана многими Божьими милостями.

Он пояснил, почему в Канаде столь необходимо быть набожным:

- Среди бесчисленных опасностей и тяжелых обязанностей, возлагаемых на нас в этом краю, где все надо начинать заново и где под вопросом само наше выживание, необходимо получить помощь

Божественных сил при содействии святого покровителя, соединяющего нас, простых смертных, со Вседержителем, который созерцает нас в сиянии своей славы.

Святое семейство: Иисус, Мария, Иосиф – бедные труженики, они представляют собою идеальный образ для народа Канады, одинокого среди иноверцев.

Святому Иоахиму и святой Анне, дедушке и бабушке Младенца Иисуса, также возносят немало молитв.

Затем монсеньор де Лаваль заговорил о почитании Младенца Иисуса, которого он называл Маленьким Царем Милосердия.

Собор Нотр-Дам в Квебеке был посвящен святому Людовику, покровителю Французского королевства и Непорочному зачатию.

Общество Святых Даров также имело своих приверженцев. Возможно, их у него было даже больше, чем у братства Святого Семейства, но никто не мог этого знать точно, так как это общество было тайным и очень влиятельным. Можно было предположить, что в него входит большинство видных персон Квебека, к тому же душой его был Гастон де Мери, один из первых колонистов Канады, прекрасно знающий ее таинственную природу.

– Посоветуйтесь с вашим духовником, – сказал епископ, вставая. – Он даст вам совет. Нам всем нужны заступники на Небесах.

Анжелика опустилась на одно колено, чтобы поцеловать епископский перстень. Похоже, епископ остался доволен их беседой. По-видимому, ему нравились люди, которые не испытывали перед ним страха. Он проводил ее до двери.

Во дворе семинарии Анжелика остановилась и сделала несколько глубоких вдохов. Воздух был холодным и бодрящим. Она подумала, что если ее так утомила беседа с епископом, то что с нею было бы, если

бы она встретила лицом к лицу с отцом д'Оржевалем. Слава Богу! Небо посылало ей испытания по ее силам. Если принять во внимание все затронутые темы, а также и те, что удалось обойти, если учесть все расставленные ловушки, исключить молинизм, на котором ее немного занесло, то получилось неплохо.

Следовало признать «некоторые свои несовершенства», как говорила Маргарита Буржуа, и согласиться с тем, что скитания по лесам и морям отнюдь не обогатили ее знания в области теологии, философии и риторики.

Большинство дам в Новой Франции были весьма образованны. Она попросит у них книги и прочтет все, что нужно, для того чтобы посещать здесь собрания и проповеди.

А кроме того, ей надо будет как можно скорее выбрать духовника.

Глава VIII

Начинался их третий день в Квебеке.

На утро было назначено заседание Высшего совета, на котором должна будет присутствовать и Анжелика.

На правом берегу, в Леви, где в окнах зажигались первые масляные лампы, было видно, как движутся красные цветки фонарей, которые крестьяне несли к пристаням.

Был рыночный день. Крестьяне переплывали реку, чтобы отправиться в Квебек с овощами, яйцами, молоком, маслом, свежей или копченой рыбой, мясом и колбасами. На рейде гавани, где, стоя на якорю, покачивались два судна, начиналось осторожное движение. Из тени скал показались груженные плоты.

Затем на востоке, над черными зубцами Аппалачских гор, появилась широкая оранжевая полоса, потом свет начал медленно шириться, прокладывая себе дорогу в ночном сумраке, в котором тонули острова, мысы, берега, поросшие лесом. Эта часть мира, казалось, еще только возникала из первобытного хаоса.

День обещал быть пасмурным, непохожим на вчерашний. Но в это сырое утро город казался благословенным, счастливым местом.

Анжелика, обзрев с порога горизонт, спустилась по улице Пти-Шапель, сопровождаемая только господином де Барсампюи и Пиксаретом. Она направлялась на заседание Высшего совета.

Это было особое заседание, которое должно было решить вопросы, связанные с их прибытием в город. Кроме Анжелики, из женщин была приглашена лишь госпожа де Меркувиль, потому что ее познания считались весьма ценными, к тому же она помогала

интенданту Карлону в его деятельности по развитию в колонии торговли и ремесел.

Придя на Соборную площадь, Анжелика встретила с Жоффреем де Пейраком, прибывшим из усадьбы Монтины вместе с графом д'Юрвилем, Куасси-Ба, четверьмя испанцами и своим бретонским оруженосцем Жаном Ле Куеннеком, несшим пакеты с бумагами, которые могут понадобиться Жоффрею во время заседания.

Перед маленьким отрядом шли два факельщика и два мальчика-барабанщика. Бой барабанов сопровождал их шествие негромкими раскатами, которых было, однако, достаточно, чтобы из-за всех углов показались люди уже в рабочей одежде, несмотря на ранний час. В Квебеке вставали рано.

Выйдя из ворот семинарии, маленькие мальчики и подростки в черной форме, строем и держась за руки, пересекли площадь, направляясь к иезуитам, где их будут учить грамматике, математике, богословию и механике. Их сопровождали молодой клирик и его помощник.

Все вместе – Анжелика, граф де Пейрак и их свита – поднялись по улице дю Фор на Оружейную площадь, на краю которой, на берегу реки, возвышался замок Сен-Луи, резиденция губернатора. Замок был возведен на месте первого форта, построенного Шамплейном, чтобы защищать город от врагов, то есть на самом крутом участке склона, как раз над Нижним городом.

Это было большое двухэтажное здание, протянувшееся с севера на юг вдоль скалы, с высокой крышей, крытой привезенным из Франции шифером, и с многочисленными каминными трубами. Ворота его ограды находились на западе, а за ними начинался двор, обнесенный стеной и зданиями, в которых располагались казармы.

Они вышли на Оружейную площадь, обсаженную вязами и кленами, в центре которой находился плац, отведенный для военных учений. С соседних улиц прибывали закутанные фигуры; со стороны улицы, называемой Большой Аллеей, прибыли и два всадника. Спешившись, они привязали своих лошадей близ здания суда, откуда вышел коренастый глава полиции Гарро д'Антремон. Раскланявшись, все трое направились в сторону замка Сен-Луи. Их обогнала карета; ее оси скрипели, подковы лошадей скользили по подернутым белым инеем камням мостовой. Это господин де Фронтенак возвращался с утренней мессы. Поскольку с иезуитами он враждовал, а с епископом держал нейтралитет, то ходил на исповедь и к мессе к францисканцам, построившим небольшой монастырь в стороне от города, на берегу реки Сен-Шарль, недалеко от Нотр-Дам-дез-Анж.

Почти все именитые граждане Квебека начинали день с посещения мессы и причастия. С весны до осени ранним утром, а зимой в предрассветной мгле они ходили в храм. И у каждого был свой святой покровитель, которому он был предан.

Ради интенданта Карлона раз в неделю открывали маленькую часовню Сент-Фуа, одиноко стоящую на пересечении нескольких улиц и тропинок между монастырем урсулинок и кварталом Сент-Анн.

Гарро д'Антремон дважды в месяц по пятницам ходил в боковую часовню собора, посвященную Михаилу-архангелу, и присутствовал там на торжественной мессе, которую служили сразу три священника. Никто не знал, с какой целью он это делает, но, по-видимому, это было для него важно, потому что начальник полиции ни разу не пропустил ни одной службы.

Когда карета подъехала к графу и графине де Пейрак, Фронтенак выскочил наружу. Разрумянившийся

от холодного воздуха, улыбающийся, он поцеловал руку Анжелике, потом взял ее под руку:

- Сударыня, простите тех неутомимых, что позвали вас на заседание Совета в столь ранний час. Нам предстоит обсудить столько вопросов, что на это может уйти много часов. Но ваше присутствие необходимо... Ах, да что я говорю? Пожалуй, это с моей стороны лицемерие. Я настаивал на вашем присутствии по многим веским причинам, в частности, потому, что нам необходимо узнать ваше мнение по поводу дальнейшей судьбы этих молодых девушек с затонувшего корабля, которых вы привезли в Квебек, а также по многим другим вопросам. Но главное состоит в том - и такого же мнения, по-моему, придерживаются и другие члены Совета, - что **МЫ УЖЕ НЕ МОЖЕМ БЕЗ ВАС ОБОЙТИСЬ**.

Его галантность вызвала у Анжелики улыбку. Она заверила господина де Фронтенака, что будет счастлива участвовать в заседании Совета, потому что уже многие месяцы Квебек занимает все ее мысли.

Они вошли во двор замка Сен-Луи через большие ворота, каменный свод которых был увенчан гербом и мальтийским крестом. По обе их стороны стояли часовые, которые отдали входящим честь. Пиксарет ответил им величавым поднятием руки. На нем был знаменитый красный мундир английского офицера, что, впрочем, не помешало ему обуться в мокасины. Волосы вождя были заботливо смазаны медвежьим жиром и заплетены в косы, на которые были надеты чехлы из лисьих лапок, на голове красовалась бобровая, украшенная двумя черными страусовыми перьями шапка - подарок губернатора. Он сам себя пригласил на заседание Совета, и это никого не смущало. Пиксарет первым вошел внутрь замка.

Факельщики потушили свои просмоленные факелы, опустив их в чан с песком, потому что стало уже совсем светло.

Господин де Фронтенак увлек Анжелику на террасу восточного фасада, выходящую на реку. Это была галерея, мощенная каменными плитами и огражденная от пропасти чугунной балюстрадой.

Отсюда открывался великолепный вид на реку Святого Лаврентия и на горы. Ветер разносил дымки, поднимающиеся из труб Нижнего города. Немного ниже замка, справа, прилепившийся, словно по волшебству, к скалистому склону, высился деревянный форт, задачей которого было защищать крутые и почти неприступные подходы к замку.

Фронтенак был счастлив. Солнце заливало террасу и восточный фасад замка Сен-Луи своим светом, тем более ослепительным, что он бил прямо в глаза. Огромный солнечный диск, окруженный продолговатыми багровыми облаками, словно смотрел им в лицо. Перед тем как взойти на низкий свод светло-серого неба, дневное светило послало в разные стороны яркий сноп лучей, после чего его заволокло облаками.

- Не удивлюсь, если пойдет снег, - сказал губернатор.

С террасы они вошли прямо в зал Совета, и лакеи закрыли за ними двери.

В конце огромного помещения в монументальном камине пылало яркое пламя, согревая и освещая зал. Над мраморной каминной доской висела большая аллегорическая картина, прославляющая короля Франции и, по слухам, написанная учеником самого знаменитого Лебрена. На стене напротив красовался портрет графини де Фронтенак, в боевом облачении и блестящем стальном шлеме с перьями, однако в ушах ее при этом сверкали красивые бриллиантовые серьги с жемчугом. Она с горделивым видом держала в руке лук, а за спиной у нее в полумраке угадывался колчан со стрелами. Темный фон портрета оттенял перламутровый цвет лица графини и ее округлых плеч. Анжелика,

наслышанная о красоте госпожи де Фронтенак, подумала, что художник нисколько ей не польстил. Поговаривали, что к ней вождедел сам король и что это было одной из причин назначения Луи де Буада, графа де Фронтенака, на пост губернатора Канады.

По обе стороны камина стояли несколько знамен и деревянные щиты с разноцветными гербами короля и города Парижа.

В общем, зал выглядел весьма торжественно. Это, конечно, был не Версаль, но что-то напомнило о нем, когда губернатор величавым шагом приблизился к длинному столу.

Фронтенак усадил Анжелику справа от себя, а господина де Барданя – слева.

Взгляд Анжелики встретился со взглядом посланника короля, и она невольно улыбнулась ему.

Между тем члены Совета все продолжали прибывать, звенели шпоры, на каменных плитах стучали высокие каблуки туфель с пряжками. Наконец, шурша облачением, вошел епископ в парадной сутане и короткой лиловой мантии. За ним следовал камерарий.

Монсеньор де Лаваль занял место в центре, напротив него с другой стороны разместился интендант Карлон. Прочие члены Совета, а также приглашенные расселись вокруг стола. Дворяне были в шляпах и плащах и при шпагах.

Некто господин Базиль явился в меховой шапке и меховой пелерине. Сняв их, он остался в жилете с роговыми пуговицами и брыжах из простого полотна.

Маркиз де Вильдавре, надушенный и напудренный, усевшись справа от Анжелики, сообщил ей, что за последние двадцать лет господин Базиль столько раз принимал участие в заседаниях Высшего совета, что никто уже не обращал внимания на его нелепый вид и даже на неизменное присутствие его приказчика Поля-ле-Фоля, стоявшего всегда рядом с ним или за спинкой

его стула... Секретарь Карбонель попробовал было занести его в свои списки под фамилией Лефолле, однако приказчик с помощью господина Базиля исправил ее на Ле Фолле или Ле Фу.^[7] В конце концов все смирились и с его именем, и с его присутствием, и с его насмешливым видом.

Базиль один стоил всех писмоводителей, нотариусов и юристов колонии, вместе взятых. Он контролировал рынки как Верхнего, так и Нижнего города, множество складов и причалов, благодаря своей ловкости и знанию законов он осуществлял огромное количество разного рода тайных операций.

Индеец Пиксарет умудрился втиснуться между Анжеликой и господином де Фронтенаком, который, видя это, предложил ему председательствовать на Совете вместе с ним. Пиксарет считал, что должен участвовать в заседании Совета, на котором будет обсуждаться судьба Акадии. Он представлял племена, входящие в союзную французам конфедерацию абенаков, и часть алгонкинов с юго-запада, живущих на побережье океана и берегах рек Пенобскот и Кеннебек, куда входили значительные этнические группы: микмаки, эчемины, малеситы, песмакодики, пентагоэты... Он начал раскладывать на столе целый набор из деревянных палочек.

Участники заседания Совета смотрели на него с беспокойством. Они не боялись индейского красноречия, но знали, что индейцы способны говорить часами. Когда они намеревались произнести длинную речь, они пользовались деревянными палочками, чтобы лучше помнить различные пункты своего выступления. Каждая палочка представляла отдельный параграф их речи. Они раскладывали их перед собою и, по мере того как говорили, одни добавляли, а другие убирали. Так что, похоже, Пиксарет собрался говорить долго. И поскольку таково же было намерение и остальных участников

заседания, нужно было подготовиться к тому, что за право выступить развернется ожесточенная борьба.

Госпожа де Меркувиль явилась в сопровождении своего раба-индейца из племени пауни, которого она купила у трапперов, вернувшихся с Великих озер. Его правая щека была обезображена недавним клеймом с изображением цветка лилии, однако это не мешало ему с гордым видом нести вышитую сумку, в которую деятельная дама засунула целую кипу бумаг.

- Мы не сможем обсудить все вопросы на этом заседании Совета, - признала госпожа де Меркувиль, - но я, по крайней мере, попытаюсь прояснить ситуацию с «королевскими дочерьми». Вы поступили с ними милосердно. Теперь наша очередь проявить милосердие. Прокурор и интендант затеют спор, когда речь пойдет о кредитах, но интендант всегда соглашается со мною, потому что я оказала ему большую помощь в налаживании торговли с Антильскими островами.

Она была креолкой, рожденной на этих солнечных островах, где ее отец был губернатором. Отсюда происходила ее любовь к морю и к различным торговым сделкам, которыми знамениты карибские порты с их вечным движением, всполохами ярких цветов и возбуждающих ароматов: зерно меняли на сахар, лес - на шелка, рабов - на табак, порох и свинцовые пули - на ром, и так далее и тому подобное.

Перед началом заседания она успела шепнуть Анжелике, что у нее есть в Париже влиятельные знакомые, одна из которых особенно ценна. Речь шла о ее подруге детства, с которой она сначала вместе играла под ярким солнцем Мартиники, а потом они несколько лет вместе учились в пансионе во Франции. Вернувшись на Антильские острова, она поддерживала переписку с этой подругой, которая теперь обреталась в Версале, в окружении короля, и сумела привлечь

внимание монарха. О ней уже начали говорить как о будущей фаворитке.

- А как зовут эту вашу подругу? - спросила Анжелика, которой было любопытно узнать, кто же стал соперницей Атенаис де Монтеспан.

- Маркиза де Ментенон.

Анжелика порылась в памяти, но это имя ничего ей не говорило. Между тем госпожа де Меркувиль уселась рядом с Пьером Голленом, который был самым незаметным из пяти членов Совета.

Она не хотела делать вид, будто является одной из них, но сегодня приглашенных участников заседания было едва ли не больше, чем постоянных членов.

Некогда именно королевский прокурор Высшего совета Ноэль Тардые де Лаводьер лично арестовал господина д'Арребу, так что никто не удивился, что последний затаил на него злобу и что они обменялись колкими замечаниями.

Анжелика видела, как молодой прокурор с уверенным видом вошел в зал, постоял, беседуя с господином Карлоном, затем уселся, лениво окинув собравшихся неприятным взглядом. Непреклонное выражение его лица совершенно не вязалось с нежно-голубыми глазами. Анжелика не могла не восхититься красотой этого молодого человека и невольно почувствовала, что готова простить ему все недостатки. А еще она вспомнила, что его жена - это та самая очаровательная Беранжер-Эме, чья живость и любезность так ее покорили.

- Эта парочка с амбициями, - почти не шевеля губами, прошептал Вильдавре. - Жаль, что его жена так прелестна... а сам он так красив...

Граф де Ломени-Шамбор был одет в скромный серый суконный камзол военного покроя. В мягком свете, проникавшем через стекла витражей, его лицо с

тонкими чертами, отражающее чистоту его помыслов, показалось Анжелике печальным.

Интендант Карлон, хотя и беседовал сразу со всеми, тоже, казалось, был погружен в мрачные мысли, и Анжелика почувствовала, что эти двое мужчин, которых, как она знала, связывают узы дружбы, удручены каким-то личным горем. В конце концов Ломени поймал на себе ее взгляд и, удивленный тем, что она смотрит на него, улыбнулся.

Интендант же, напротив, нахмурился. Он и Анжелика сидели слишком далеко друг от друга, чтобы обмениваться словами, но им одновременно пришла в голову одна мысль: на этом заседании будет обсуждаться вся история с приездом, а вернее, неприездом герцогини де Модрибур, и для многих из присутствующих это будет нелегко.

В конце стола сидел Жоффрей, одетый в красный, расшитый серебром бархатный камзол. На его груди на муаровой ленте висела бриллиантовая звезда. Обведя собравшихся взглядом, Анжелика невольно задалась вопросом: а есть ли среди них агент Жоффрея?

Именно руководствуясь его указаниями, граф де Пейрак решал, кому из именитых граждан Квебека что дарить. Видимо, ему удалось угодить всем господам, а главное, всем дамам, потому что на этот счет по городу до сих пор ходили самые восторженные слухи. Только госпожа де Кастель-Морг не получила предназначавшуюся ей прелестную безделушку из золота и изумрудов.

Где же была в эти минуты Сабина де Кастель-Морг? Должно быть, укрылась наверху, в отведенной им с мужем комнате замка Сен-Луи, и думает о своем разрушенном доме и о том, что те, кого она хотела заставить убиться выстрелами из пушки, победоносно заседают сейчас в зале Высшего совета.

Прежде чем открыть заседание, губернатор попросил епископа благословить собравшихся и прочесть короткую молитву, а тот попросил святого Иосифа пролить на них свою мудрость. После того как собравшиеся трижды сказали: «Святой Иосиф, покровитель Новой Франции, молись за нас», все снова уселись на свои места, и заседание началось.

Глава IX

Все знали, что главной темой данного чрезвычайного заседания является рассмотрение различных вопросов, касающихся пребывания в городе графа де Пейрака и его людей. Это послужило поводом к тому, чтобы разобраться с ситуацией и изучить ее различные аспекты, о которых было сказано лишь вскользь во время ночного заседания, состоявшегося сразу после прибытия господина де Пейрака в Квебек. Каждый из присутствующих составил свой доклад по делу и прикидывал шансы на то, что ему дадут слово, но никто не ожидал предпринятой прокурором Тардые атаки и выдвинутых им требований. Надо было признать, что если он хотел удивить собравшихся, то это ему отлично удалось.

Молодой Тардые де Лаводьер, говоря присущим ему повелительным тоном, обвинил графа де Пейрака в контрабанде, заключавшейся в том, что тот ввез в Новую Францию иноземные товары и пустил их в оборот, не заплатив при этом таможенных пошлин.

- Какие товары? - спросил интендант.
- Самые разные.
- Но какие же?

Ноэль Тардые сделал знак своему секретарю, и тот подал ему длинный список, который он и зачитал быстро и с жестикуляцией, как бы говорящей: «Право же! Здесь их столько...»

* * *

...Ценные картины религиозного содержания. Церковные украшения, предметы из золота, серебра, позолоченного серебра, слоновой кости, драгоценные

камни, ткани, шелка, бархат, ковры, эмали, изделия из перламутра, научные приборы, включая изделия из черного дерева и палисандра, каррарский мрамор и так далее. А кроме того, духи, табак из Виргинии и Мэриленда, вина и различные спиртные напитки и так далее. Все это товары, подлежащие двойному обложению, поскольку они не только чужеземного происхождения, но и являются предметами роскоши. Набегают весьма значительная сумма, и ее неполучение колонией не может быть обойдено молчанием. А некоторые предметы требуют дополнительной экспертизы, например серебряная позолоченная рака с мощами, так как для определения ее стоимости надо будет установить, подлинны ли это мощи или нет.

- Но ведь речь идет о подарках! - вскричал монсеньор де Лаваль, шокированный такими претензиями.

- Нет, извините, о *товарах*, - не побоялся поправить его молодой прокурор.

- А боеприпасы вы посчитать не забыли? - насмешливо спросил Вильдавре. - Как же, целых два чужеземных ядра, попавшие в стену дома господина де Кастель-Морга.

- Боеприпасы я не считаю, - отвечал прокурор. - Но вот корабль, да... Его пропустить нельзя... Я имею в виду ваш корабль, господин де Вильдавре.

И поскольку маркиз от изумления онемел, он продолжил:

- Разве вы не говорили, что один из кораблей, стоящих в бухте, принадлежит вам, что это подарок господина де Пейрака?

Вильдавре побагровел от возмущения. В течение нескольких минут Ноэль Тардые де Лаводьер мог разглагольствовать без помех, и его звучный, хорошо поставленный голос гулко разносился под сводами

большого зала замка Сен-Луи. Его обвинительная речь лишила всех присутствующих дара речи.

Растерянный епископ спрашивал себя, не является ли это чересчур добросовестное применение светских законов нападениями на церковь и на него лично.

Фронтенак не знал, что и сказать. С тех пор как этот молодой, подающий надежды администратор прибыл в Канаду, он не переставал изумлять и тревожить губернатора.

Вмиг помрачневшие купцы размышляли о тех трудностях, с которыми они уже столкнулись, и о тех, с которыми им еще предстояло столкнуться, раз уж Бог послал им столь фанатичного и хитроумного прокурора.

– Но я получил это судно в обмен на моего бедного «Асмодея», которого потопили разбойники, – взорвался наконец Вильдавре, вновь обретя дар речи. – Если вы ищете со мною ссоры, то я потребую возмещения убытков, которые я потерпел, служа королю. Это встанет вам в куда более круглую сумму, чем те таможенные пошлины, которые вы пытаетесь с меня содрать, кровосос!..

– Не хотите ли вы сказать, что речь идет о военной добыче? – спросил непреклонный прокурор, презрительно выпятив нижнюю губу.

– О военной добыче! – вскричал Базиль, хлопнув руками по столу.

С самого начала этой перепалки он, казалось, был погружен в размышления, задумчиво поглаживая подбородок и поглядывая на Ноэля Тардые де Лаводьера как на неизвестное животное, причины поведения которого надо непременно понять, чтобы сделать его менее опасным и принудить к молчанию.

– Военная добыча! Вот и решение, мой мальчик, – сказал он, хлопнув по плечу прокурора, который нисколько не оценил этот фамильярный жест. – Я наверняка не ошибусь, если предположу, что вы менее

озабочены пошлинами, которые должна получить королевская казна, чем юридическим обоснованием свободного хождения этих товаров. Однако без этого власти предрешающие могут вас обвинить в небрежении своими обязанностями и даже в сговоре с контрабандистами. Ваше положение не из легких, и мы на вас за это не в обиде. Мы знаем, что вы находитесь в таком же положении, как и все мы, и вам совсем не хочется платить пошлину за те восхитительные часы из золота с эмалью, которыми ваша супруга так гордится со вчерашнего дня, встав вместе с прочими в ряды виновных. Ваше замечание по поводу корабля господина де Вильдавре доказывает, что вы избрали путь компромисса, устраивающего всех. *Военная добыча, считающаяся военным трофеем, не подлежит обложению пошлинами...*

Вильдавре, поняв намерение негоцианта, пустился в драматическое повествование и принялся с жаром рассказывать, как его судно сражалось с пиратами. Он говорил убедительно. Трагические события лета произошли недавно. «Еще немного – и я бы погиб...» – что было правдой. Во всяком случае, он потерял свой корабль «Асмодей». Он начал рисовать мрачную картину ситуации во Французском заливе, где кишели англичане и пираты всех мастей. Но Фронтенаку не хотелось говорить о делах Акадии.

– Что касается вашего губернаторства в Акадии, то по этому поводу у нас будет отдельное заседание, – сказал он Вильдавре. – Сейчас же наша цель – начать переговоры с господином де Пейраком, а мы теряем время на всякую чепуху. Господин де Лаводьер, я прошу и советую решить вопрос так, как предлагает господин Базиль. Это позволит вам исполнить ваше справедливое желание снять с себя ответственность и соблюсти учтивость по отношению к нам. Мы сохраним наши подарки. Они – военная добыча.

- Стало быть, этот корабль бесспорно принадлежит мне? - спросил Вильдавре.

- Совершенно верно.

Все успокоились, и тут Карлон вдруг произнес злополучную фразу. Вильдавре начал было перечислять те работы, которые он собирался произвести, чтобы украсить свою «военную добычу», и в это время интендант бросил:

- Начните с того, чтобы изгнать с вашего корабля злых духов...

- А почему с него нужно изгонять злых духов? - спросил удивленный монсеньор де Лаваль.

Жан Карлон прикусил язык. Упоминание о корабле вызвало у него в памяти те дьявольские события, свидетелем которых он, не желая того, стал, и он произнес эти слова необдуманно. Он вышел из положения, сказав: «Это была шутка», что удивило собравшихся еще больше, поскольку он слыл человеком суровым и никто никогда не слышал, чтобы он шутил. Маркиз пришел ему на помощь, сказав, что команда корабля состояла из разбойников, которые, несомненно, были нечестивцами.

Епископ воспользовался предлогом, чтобы сделать Высшему совету сообщение, которое беспокоило его со вчерашнего дня. Он заявил, что в Новую Францию с каждым годом приезжает все больше и больше негодяев обоюго пола, что влечет за собою многочисленные безобразия: непристойное поведение, изнасилования, кражи, убийства, занятия магией и колдовством.

Лучшей защитой против этого является вера. Тем не менее для большей надежности епископ решил в этом году назначить священника, который будет изгонять бесов.

Трое членов Совета, люди набожные, одобрили это намерение. Господин де Фронтенак был, однако, недоволен, подумав, что епископ мог бы подождать

воскресенья, чтобы объявить об этом с кафедры. Однако монсеньор де Лаваль не дал ему сказать это вслух, объяснив, что сначала хочет предупредить о своем намерении Высший совет. Кроме того, он хотел заявить об этом в присутствии господина де Пейрака, чтобы тот не счел, что назначение экзорциста направлено против него или его людей, поскольку такое решение церковные власти должны были бы принять уже давно. Зло, подобно проказе, проникает повсюду. Бдеть бесполезно, ибо распространение заразы уже набрало скорость. В Квебек прибывает все больше людей с пагубным образом мыслей, исподволь влияя на состояние умов. Необходимо противостоять этому тлетворному влиянию с помощью оружия, которое традиционно применяется для борьбы с ним.

Граф де Пейрак поблагодарил монсеньора де Лавалья за его учтивость и сказал, что гарантирует, что все его люди будут соблюдать и гражданские, и религиозные законы. Если же они их нарушат, то будут наказаны с той же строгостью, что и на борту своих судов.

В заключение епископ сказал, что церемония назначения священника, который будет изгонять бесов, состоится в субботу, в начале Рождественского поста, то есть в день рукоположения в сан монахов четырех второстепенных монашеских орденов.

- Ну хорошо! Теперь перейдем к вопросу о госпоже де Модрибур, - сказал Фронтенак, не подозревая, в какое смятение его слова повергли некоторых из присутствующих, заставив их сердца учащенно биться.

Он заговорил о герцогине без всякого умысла, просто разговоры о корабле Вильдавре навели его на мысль о потерпевшем крушение судне госпожи де Модрибур, которая утонула, оставив у него на руках целую толпу девиц, которых надо выдать замуж.

Не подозревая о волнении, которое он, не желая того, вызвал, перескочив на тему госпожи де Модрибур,

он продолжил:

- Что же произошло? Где... и когда потерпело крушение ее судно? Как бишь оно называлось?

- «Единорог», - подсказал Гобер де Ла Меллуаз.

- Вы в курсе этих событий? - спросил Фронтенак.

- Я в курсе, поскольку мне сообщили, что корабль, зафрахтованный богатой набожной дамой-благотворительницей герцогиней де Модрибур, прибудет осенью. Видные члены Общества Святых Даров рекомендовали ее и попросили господ де Лоншана, де Варанжа и меня заняться устройством этой дамы в Квебеке. Больше я ничего не знаю.

Стало быть, завершив свою разрушительную миссию в Акадии, Амбруазина намеревалась отправиться в Квебек. Она всегда находила мужчин, готовых бросить к ее ногам деньги и корабли.

- Ну и?.. - Губернатор обвел присутствующих взглядом.

Интендант Карлон хладнокровно взял слово. Он рассказал, как во время инспекционной поездки по Акадии встретил графа и графиню де Пейрак, которые собирались отплыть в Квебек. Они как раз только что подобрали тех, кто уцелел после крушения «Единорога».

- Я видел, что эти несчастные девушки лишились всего. Их судьба всецело зависела от общества, учрежденного их благодетельницей госпожой де Модрибур. С ее исчезновением, с гибелью корабля, потерей всех денег и документов они остались нищими. Они называют себя «королевскими дочерьми».

- Должно быть, есть способ узнать, кто финансировал госпожу де Модрибур во Франции.

- Каким образом? Единственный способ - это дожидаться возвращения кораблей из Франции, которые придут весной...

- Одна из девушек, Дельфина, кажется мне довольно разумной, - сказала госпожа де Меркувиль. - Я попробую

ее расспросить.

Господин де Лоншан вынул из кармана табакерку и задумчиво взял понюшку табака. Он был так озабочен, что даже забыл извиниться за это перед губернатором. Он сказал, что имя госпожи де Модрибур ему знакомо. Во время своей последней поездки во Францию он слышал нелестные отзывы об этой даме. Ему говорили, что она слишком экзальтирована и у нее странные цели.

- Не хотите ли вы сказать, что у госпожи де Модрибур было недостаточно средств для финансирования своих начинаний? - обеспокоенно спросил Тардые де Лаводьер.

- Однако граф де Варанж, немного знавший ее в Париже, уверял меня, что госпожа де Модрибур унаследовала от своего мужа огромное состояние, - ответил Гобер де Ла Меллуаз.

- А семья покойного не опротестовала завещание?

Гобер ничего точно не знал. Он готов был помочь устройству этой дамы в Квебеке, потому что его попросил об этом господин Ле Шарье, главный попечитель Общества Святых Даров, человек весьма достойный, терциарий ордена францисканцев. Он заверил его, что начинание госпожи де Модрибур поддерживают иезуиты, и, не называя имен, дал понять, что речь идет о влиятельных иезуитах из окружения короля.

Господин де Лоншан под воздействием табака громко чихнул, что подстегнуло его память.

Анжелика, следуя примеру мужа, держалась очень спокойно. Карлону было не по себе, но он вел себя как ни в чем не бывало.

- То, что произошло с мертвыми, не должно нас интересовать, - отрезал он. - Надо решить судьбу живых, то есть девушек, которые прибыли к нам совершенно без средств к существованию, без

контрактов, не будучи помолвлены. И мы даже не можем отправить их обратно во Францию, потому что река вот-вот замерзнет. Но даже когда откроется навигация, у нас не может быть уверенности, что найдется общество, которое возместит нам расходы.

Последовало несколько осторожных туманных предложений.

- Почему бы не представить их молодым людям, желающим жениться, как и было задумано?

Но на это тотчас последовали возражения:

- У них больше нет приданого. И где найти деньги для этого?

Госпожа де Меркувиль взяла дело в свои руки. Продемонстрировав организаторские способности, она предложила взять из бюджета колонии по сто ливров на приданое каждой девушке с тем, чтобы потом возместить этот расход из денежных средств, отпущенных на обустройство «королевских дочерей».

- Хорошо, - согласился Тардьё де Лаводьер. - Но тогда, господин интендант, придется урезать суммы, которые вы направляете на развитие ваших баронских владений.

- Да он, ко всему прочему, еще и желчен, - шепнул Анжелике Вильдавре. - Право же, если он и дальше будет вести себя в подобном духе, то кто-нибудь рано или поздно его прикончит.

Не обратив внимания на это замечание, Жан Карлон предложил лучше взять средства из фонда короля.

- По какой статье расходов? - спросил прокурор.

- Финансовая помощь, - сказала госпожа де Меркувиль.

- Религия, - не согласился Базиль.

Трое членов Совета восстали. Будучи церковными старостами собора, отвечающими за финансы прихода, они знали, насколько незначительно превышение доходов над расходами в бюджете на будущий год.

Губернатор пожал плечами.

Расходные статьи бюджета были посланы во Францию с последним кораблем перед закрытием навигации. Решение короля, вынесенное на основе обсуждения в Совете по делам флота и торговли, станет известно только весной.

Кто-то предложил оплатить расходы из взимаемых короной косвенных налогов либо на торговлю пушниной, либо на дубы, срубленные, чтобы сделать мачты кораблей или для другой цели.

Интендант дал свое согласие на оплату расходов таким образом, чтобы не пострадали его баронские владения на Зеленых островах, находящихся недалеко от Бопора.

Необходимо было также собрать вещи для приданого каждой невесты. Госпожа де Меркувиль сказала, что обратится к благотворительным обществам и конгрегациям.

Лишь немногие женщины в Канаде имели что-то лишнее, но все же было не сложно найти в своем гардеробе какие-нибудь поношенные вещи, которые она сможет отдать нуждающимся.

Оставалось самое трудное – подыскать для каждой мужа.

- Наши молодые люди не спешат обзаводиться женами, – признался Анжелике Фронтенак.

Уроженцы Канады были веселыми малыми, любящими свободу. Чтобы удержать их на одном месте, помешать им шататься по лесам, добывая меха, и заставить завести семью, были приняты весьма суровые законы. Если молодой человек, достигший двадцати лет, или девушка, достигшая шестнадцати, не состояли в браке, родителям строптивцев надлежало объяснить их поведение властям и они должны были заплатить немалый штраф. Когда прибывали корабли с «королевскими дочерьми», все холостяки обязаны были

жениться в течение пятнадцати дней, иначе их лишали права на охоту и рыбную ловлю и отбирали выдаваемое трапперам разрешение ходить к индейцам и выменивать на различные промышленные товары бобровые шкурки. Иными словами, их лишали средств к существованию...

Вспомнив об этих санкциях, госпожа де Меркувиль, женщина изобретательная, умевшая извлекать выгоду из любой ситуации, предложила брать сотню иголок и тысячу булавок, которые должна была иметь в приданом каждая невеста, из тех скобяных товаров, которые конфисковывали у трапперов, нарушающих брачные указы. У них же возьмут и кухонную утварь, и другие предметы, предоставляемые новобрачным: котлы, горшки, ножницы, топоры для рубки дров, ножи, одеяла...

Господин де Фронтенак из вежливости не хотел перебивать госпожу де Меркувиль, но, когда та принялась подсчитывать все иголки и булавки, Анжелика почувствовала, что он вот-вот взорвется.

– Опустим эти мелочи, которые утомляют мужчин, – предложила она деятельной председательнице, возглавляющей дам из братства Святого Семейства. – Я навещу вас, дорогая, и мы вместе обсудим все детали. Главное сейчас – это получить согласие Высшего совета на поддержку и устройство этих девушек.

Похоже, Высший совет собирался дать свое согласие. Ноэль Тардые де Лаводьер поставил последнее условие:

– А все ли они благовоспитанные девицы? Потому что приданое в сто ливров полагается только молодым особам из приличных семей, бедным, но получившим хорошее воспитание, которые предназначаются в жены офицерам и служащим колонии. Для сирот и воспитанниц Отель-Дьё предусмотрено только пятьдесят ливров... Я не смогу вписать...

– Вы способны захлебнуться в ложке воды! – потеряв терпение, вскричал Фронтенак. – Закончим же, наконец!

Секретарь, пишите.

Он начал диктовать условия контракта, обязывающего за государственный счет обеспечить приданым девиц на выданье.

Вдруг раздался голос:

- Нам необходимо узнать больше подробностей о крушении «Единорога». А благодетельница, она точно умерла? Нам нужна определенность на тот случай, если наследники вдовы или участники ее начинания явятся сюда и потребуют отчета.

Это вмешался начальник полиции Гарро д'Антремон. Он задал свой вопрос в такой форме, которая не оставляла сомнений в том, что он полицейский.

Воцарилось гробовое молчание.

- Кто был свидетелем смерти госпожи де Модрибур? - спросил он.

- Я, - отвечал Карлон. И, твердо глядя на собеседника, добавил: - Я видел ее труп и могу показать могилу. Но это не имеет никакого отношения к решениям, которые мы должны сегодня принять относительно устройства тех несчастных девушек, которым повезло уцелеть.

На этом тема была исчерпана.

Немного позднее к ней вернулся Гобер де Ла Меллуаз, предложив своим елейным голосом:

- Через несколько дней мы будем праздновать День святого Амвросия. Я предлагаю отслужить в этот день мессу за упокой души этой благочестивой дамы, которая так дорого заплатила за свою преданность Канаде.

- Алтарь воспламенится, - шепнул Анжелике Вильдавре.

Это предложение было принято. Члены Общества Святых Даров заплатят за ладан и свечи, а также внесут свою лепту на нужды прихода и помощь бедным. Похоже, никто не знал, какие узы связывали герцогиню де Модрибур и отца д'Оржеваля. Он предоставил другим

готовить приезд той, что была предана ему душой и телом. Возможно, он предан ей так же, как и она ему. Помрачение разума и совести и хаос, хаос.

Услышав вопрос Гарро д'Антремона: «Она точно умерла?» – Анжелика невольно вздрогнула.

Она вздохнула так глубоко, что было слышно. Все повернулись к ней, и Фронтенак воскликнул:

– Сударыня, мы вас утомили! Простите нам наши споры. Однако ваше присутствие было необходимо...

– Я ни о чем не сожалею. Присутствуя здесь, я смогла оценить, какой груз ответственности давит на ваши плечи...

– Значит, вы понимаете? Этот груз очень тяжел...

– Но, по правде говоря, я умираю от жажды...

Лакеи тотчас же принесли стаканы. Большинство членов Совета предпочли пиво, которое в достаточном количестве производила местная пивоварня. Анжелика же попросила только стакан воды.

Кто-то посетовал на духоту – и лакеи открыли окна, выходящие на террасу. Там падали редкие хлопья снега. Тут и там среди облаков проглядывали клочки голубого неба. Внезапно горизонт осветило солнце.

Анжелика мелкими глотками пила ледяную воду, и к ней возвращались силы. Индейцы научили ее ценить вкус воды – сока земли, эликсира жизни.

– Вода в Квебеке особенно хороша, – заметил Базиль, наблюдавший, как она пьет.

– Поэтому у нас и пиво отличное, – похвалился Карлон.

Он очень гордился своей пивоварней, которую построил, чтобы перерабатывать излишки зерна. Его бочки с пивом экспортировались до самых Антильских островов. Интендант Карлон приободрился, поскольку тяжелый разговор о герцогине де Модрибур был наконец закончен. Он выдержал это испытание с честью.

Глава X

Заседание Совета продолжилось в более спокойной обстановке. Принесли карты, и господин де Фронтенак кратко наметил перспективы Канады и Акадии, объединенных под названием Новая Франция. Это обширные земли, на которых как бы затерялись те немногочисленные французы, которые осваивают их под знаменем с королевской лилией. Кавелье де ла Саль продвигается в сторону Миссисипи. Господин де Пейрак поддерживает эту экспедицию. Его корабли охраняют побережье Французского залива, держа на почтительном расстоянии английских пиратов. Он владеет серебряными рудниками. Он сумел поднять сокровища с затонувших испанских кораблей. Его состояние огромно.

– К тому же он гасконец, как и вы, – ехидно заметил Пьер Голлен.

Фронтенак не обратил на эту реплику никакого внимания. В заключение он напомнил, что каким-то чудом королевства Франции и Англии сейчас не находятся в состоянии войны. Но может статься, что участвовавшие стычки между французскими и английскими колониями заставят монархов счесть себя оскорбленными, и тогда конфликт между их владениями в Америке перерастет в полномасштабную войну.

– Следует ли из этого, что мы должны напомнить нашим правителям, что они были не правы, когда вложили свои шпаги в ножны?

Но этот аспект проблемы не слишком интересовал членов Совета. Куда больше их волновало, что во Франции, может статься, сочтут, что они связались с авантюристом, быть может, врагом короля.

Слово взял Обур де Лоншан, поддерживавший отца д'Оржевала.

- Вам известно, господа, - язвительно сказал он, - что отец д'Оржеваль пользуется доверием короля. Во время своей последней поездки во Францию он беседовал с его величеством и, по его словам, получил тайное согласие государя на продолжение войны с колониями англичан...

- Хотя Франция и Англия сейчас не воюют.

- Пусть так, но это не мешает сотням пиратских кораблей из английских колоний рыскать по Французскому заливу и угрожать благополучию Акадии, как вы сами недавно заметили, господин де Вильдавре.

- Тем более следует оказать доверие господину де Пейраку, который решил прийти нам на помощь и поддерживать порядок в этих краях.

- А если отец д'Оржеваль получил приказ короля вести там войну? Насколько мне известно...

- Сударь, - перебил его епископ, - слухи - слишком зыбкое основание для принятия решений. Излишне говорить вам то, что вы и без меня знаете. Достопочтенный отец д'Оржеваль взялся решать не только за Акадию, но и за Канаду, то есть за всю Новую Францию. Его призыв к войне - это уже не просто совет или наставление, которые духовник дает своей пастве. Меня же назначили сюда епископом для того, чтобы освободить господ из ордена Иисуса от тех духовных и светских обязанностей, которые на них мало-помалу взвалили, и дать им больше времени для их истинного призвания - миссионерской деятельности.

Теперь все переменялось. Они уже давно утратили право заседать в этом Совете и вмешиваться в политику правительства колонии.

Моего присутствия достаточно, чтобы представлять здесь церковь и доносить до властей ее требования. Я говорю это отнюдь не для того, чтобы хоть сколько-

нибудь умалить уважение к тем, кто учил и воспитывал меня в юности и с кем я остаюсь в прекрасных отношениях.

Столь ясная позиция, занятая епископом, заставила присутствующих замолчать. Никто не хотел наживать в его лице врага, потому что он был способен на самые коварные интриги, если кто-то дерзал оспаривать его абсолютную духовную власть. К тому же отсутствие отца д'Оржевала делало его хозяином положения.

Пиксарет счел момент подходящим для того, чтобы начать длинную речь, ради которой он, чтобы оказать уважение губернатору, нарядился в тряпки белых, конечно красивые, но, по его мнению, совершенно неудобные.

Но ради своих друзей он готов и пострадать, дабы донести до всех слова мудрости и разума, в которых, судя по тому, что он только что слышал, они явно нуждаются.

Именно это он и объявил собравшимся, после того как встал, взмахнул рукой и поприветствовал их в цветистых и витиеватых выражениях, столь свойственных индейцам.

Красноречие аборигенов нравилось французам своей естественностью, патетикой и использованием многочисленных образных выражений. Несмотря на индейский акцент, придававший его речи монотонность и сходство с птичьим щебетом, он говорил на хорошем французском, вставляя в свою речь множество индейских оборотов, хорошо знакомых белым.

Вот в кратком изложении то, что он сказал:

- Солнце, как всегда, совершает свой путь по небу. Наступил час, когда мудрые люди, взявшие на себя ответственность за свой народ, должны сделать перерыв в речах и подкрепиться, иначе их сломят головокружение и усталость, порождаемые пустым желудком, а также смятение от чрезмерного количества

мыслей, и они увязнут в них, как в тине на дне пруда, и не смогут решить вопрос четко и ясно.

Вы, белые люди, совершаете ошибку, не куря табак, когда обсуждаете важные дела. Вы лишаете себя той почти божественной помощи, которую оказывает табачный дым, проясняя мысли и восстанавливая силы, истощенные в жарких дебатах. Вы пренебрегаете той передышкой, которую можно получить, передавая трубку по кругу, и молчанием, даваемым теми двумя ритуальными затяжками, которые делает каждый курящий. А ведь это время можно употребить с пользой для размышлений и подготовки ответов на те неожиданные вопросы, которые вам непременно зададут.

Вы не понимаете, какой покой и какое миролюбие поселяются в душе, когда вы протягиваете трубку своему врагу, противнику или даже другу, предлагая ему этим простым жестом ту чудесную, бесценную помощь, которую окажет табачный дым, наполняя тело мягкостью и успокоением, жестом, располагающим его к союзу с вами. Во время ваших советов вы не пользуетесь никакой поддержкой, если не считать употребления водки и вина, что ведет к безумию. Так чего же удивляться тому, что вы не можете сдержать себя и вскакиваете, беря слово, хотя вам его никто не давал, перебиваете ваших братьев, когда они излагают свои мысли, а излагая ваши, делаете это так, словно они единственно верные. Не приходится удивляться и тому, что когда мы, индейцы, приходим на советы белых, то могли бы сильно повеселиться, если бы - увы! - не те рождающиеся на них пагубные указы, которые нередко влекут для нас, ваших союзников, различные беды или заставляют нас отправляться в губительные походы.

Я слышал сегодня много смешных вещей и пустяков, напомнивших мне болтовню кумушек на деревенской площади. Но я давний друг французов и знаю, что

такими извилистыми тропами они приближаются к тому главному вопросу, ради которого собрались. Такую же тактику используют индейцы-сото, одно малочисленное племя, которые, собираясь окружить вражескую деревню, зачем-то начинают пятиться, рассыпаться и даже поворачиваться к ней спиной.

Но я знаю и понимаю, что вы не забыли собственно деревню, которая занимает в ваших мыслях главное место, иными словами, не забыли вопрос о будущем, о войне или мире, который поднимает присутствие на этом Совете Текондероги, [8] человека, который взорвал гору, человека, тень которого легла от истоков Кеннебека до океана, до восточного побережья, куда ходят промыслять треску. Он встал между нами и англичанами, между нами и ирокезами. Сейчас у нас впереди либо мир и процветание, либо новые военные кампании.

Итак, я должен говорить, дабы вы знали, кто такой Пиксарет, вождь нарангасетов, какие мысли живут в его сердце и каковы причины, которые их породили. Я не боюсь войны. Я горю желанием уничтожить этих проклятых англичан, распявших Господа нашего Иисуса Христа, и ирокезов, убивших многих моих соплеменников и оскальпировавших и замучивших столько моих любимых друзей-французов, а также людей в черных сутанах, которые спасли мою душу, крестив меня. И огонь в моей душе может удовлетвориться только смертями, которые я принесу в деревни и вигвамы этих врагов Бога.

Но я знаю, какое опустошение несет война, ибо на ней погибают многие храбрые воины, какая угроза нависнет над нашими племенами из-за свирепой мстительности ирокезов, какие бедствия постигают наши народы из-за того, что, сражаясь, мы не успеваем до прихода зимы засеять наши земли и собрать урожай, поохотиться на дичь, чтобы запастись пеммиканом,

собрать и высушить дикие ягоды, травы и корни, а также дрова, чтобы спастись от холодов. Так, пусть враг и не победил нас силой оружия, но к нам приходят голод и холод.

Поэтому те несчастья, которыми мы расплачиваемся за славные военные кампании, которые провели летом, заставляют меня благосклонно взирать на союз, который предлагает вам Текондерога.

Я не буду говорить долго. Вы сами видите, какие выгоды приносят его дела, совершаемые как не ради французов, так и не ради англичан. Я хотел бы предупредить вас только об одном.

Он и его жена обладают бесценными вампумами, которые гарантируют мир с ирокезами на много-много лун. Куда бы они и их люди ни пошли, даже самый жестокий из этих собак ирокезов, встретив их, запоет песнь мира.

Этот договор уже принес свои плоды. Разве хоть один француз, работавший на полях этим летом, жаловался на нападение ирокезов? Вы смогли спокойно собрать урожай. На улицах Квебека я слышал разговоры о том, что в этом году было такое милосердное лето, какого Новая Франция до сих пор не знала: нигде не пролилась кровь, ни у кого не был сожжен урожай и в ирокезское рабство не был угнан ни один пленник.

Я замолчу лишь тогда, когда вы это поймете. Уттаке, этот мстительный койот, не вышел за пределы Кеннебека, как он это делает каждый год, стремясь собрать урожай скальпов французов, гуронов и нас, абенаков, детей утренней зари, потому что между ним и вами встал Текондерога.

Я закончил.

Он снова уселся, очень довольный тем почтительным молчанием, которым была встречена его речь, собрал свои деревянные палочки, и, пошарив в карманах английского мундира, достал копченую змею, и, не

чинясь, принялся резать ее на кусочки на краю стола. Затем он оставил то неудобное место, которое занимал с начала заседания, тот жесткий трон с прямой спинкой, который белолицые называют стулом, а ведь, сидя на нем, невозможно расслабиться.

Он уселся, скрестив ноги, на каменном полу перед камином и начал поедать кусочки змеи, наблюдая краем глаза за эффектом, который произвела его речь. Интересно, кто из этих буйнопомешанных возьмет слово первым, думал он, однако опыт подсказывал ему, что они заговорят все разом.

Однако его яркое выступление произвело на собравшихся сильное впечатление, и его доводы добавились к предыдущим, перевешивая чашу весов в пользу договора с графом де Пейраком. Члены Совета начали уже обдумывать его условия.

- Сагамор, твои слова подобны золоту, - повернувшись к Пиксарету, поблагодарил его губернатор. - Ты был прав, повернув разговор к вопросам, ради которых мы сегодня и собрались. Разве не дурно то, - сказал он, обращаясь к своим советникам, - что нам надо было выслушать речь индейца, чтобы вспомнить о нашем долге и о его важности?

Члены Совета ответили молчанием, и губернатор счел момент благоприятным для того, чтобы раскрыть свои карты.

- Я написал королю, - объявил он, - и отправил послание с первым кораблем, отплывшим во Францию в июле. В нем я, как мог, описал те события, которым мы были свидетелями, и решения, которые я принял. Я также назвал имя господина де Пейрака, дабы пролить на все яркий свет и дабы его величество мог разрешить вопрос, зная все детали.

- Не преждевременно ли было называть королю его имя? - воскликнул Обур де Лоншан.

Господин Магри де Сен-Шамон кашлянул и, не глядя на графа де Пейрака, обратился к нему:

- Нам говорили, сударь, что именно вы стали зачинщиком бунта в Аквитании лет пятнадцать назад, который причинил королю немало хлопот. Это правда?

- Какая провинция не восставала во время этого царствования? - нисколько не смутившись, парировал граф.

Он встал, внимательно вглядываясь в лица присутствующих.

- Не являемся ли все мы, здесь собравшиеся, более или менее жертвами немилости короля? - спросил он. - Немилости, которую, как мы знаем, мы не искали и не заслужили. Но нам приходится ее терпеть, потому что не всем удается, не пострадав, выйти из конвульсий нашей эпохи, вызванных ошибками иных людей. Когда король был еще отроком, против него восстали знатные сеньоры королевства, в основном его родственники, например его собственный дядя Гастон Орлеанский, брат его отца Людовика Тринадцатого. Так не будем же удивляться тому, что он стал относиться с глубоким недоверием к знати из провинций. Ему казалось, правильно или нет, что те, кто их возглавлял, представляли угрозу его трону и единству Франции. Как и многие другие, я на себе испытал тяжесть этого недоверия, хотя, как вы можете и сами понять, во времена Фронды я был еще очень молод и просто не мог участвовать в заговорах. Лишь позднее в Аквитании начался мятеж, связанный с учиненной против меня несправедливостью. Не я стоял во главе этого мятежа. Мятежники, желая сохранить мне верность, выбрали ложный путь. Но оставим в стороне эту историю и не будем преувеличивать ее значение. Времена изменились. Кардинал Мазарини, наставлявший короля во времена его юности и помогший ему выйти победителем в борьбе с Фрондой, был первым

министром. Но ныне король правит один.^[9] Никто не оспаривает его власть. И мы видим, что в Версале, осыпанные милостями и должностями, его окружают многие из тех, кто когда-то поднимал против него вооруженные мятежи. Ибо король забывает то, что он хочет забыть, и порой даже то, что, казалось бы, забыть невозможно.

Анжелика поразила ловкости, с которой Жоффрей де Пейрак провел свою защиту, так что все присутствующие почувствовали смущение оттого, что потребовали у него отчета.

Он подчеркнул очевидный факт, сыгравший важную роль в судьбе присутствующих, – великодушие короля. Все знали, что король не знает удержу ни в щедрости, ни в злопамятности. Если он хотел миловать, то забывал все обиды и осыпал почестями тех, кто прежде подвергся опале.

Глядя на этого дворянина, в костюме из красного бархата, со сверкающей на груди бриллиантовой звездой, который говорил властно и в то же время сдержанно, собравшиеся понимали, что Жоффрей де Пейрак последний из тех владетельных сеньоров, с которых король когда-то сбил спесь.

Будучи изгнанным из своих владений, теперь он стал куда более могущественным и свободным, чем те, кто, скованный золотыми цепями, вдалеке от своих вотчин, существовал только за счет своих титулов и случайных милостей при великолепном дворе Людовика XIV, который собрал дворян в Версале, чтобы они были под присмотром, целиком в его власти.

Только Жоффрей де Пейрак остался свободным. Забытый, незаметный, не представленный ко двору, он мог еще появиться там в полном блеске, отмеченный печатью утраченных привилегий.

Магри де Сен-Шамон заговорил снова:

- Ваше послание королю, господин губернатор, вносит в это дело новый элемент и открывает совершенно иные перспективы. Но - увы! - мы узнаем мнение короля лишь по возвращении судов.

- Мнение его величества весьма положительное.

Это произнес Николя де Бардань, который до сих пор не проронил ни слова.

Собравшиеся были озадачены. Более всего был удивлен господин де Фронтенак, который принялся в замешательстве теревить усы. Но он же первым понял, что означает это заявление представителя короля.

- Вы хотите сказать, что ваша миссия в Канаде имеет своей целью рассмотрение возможностей, связанных с нашим союзом с господином де Пейраком, которые мы только что обсуждали?

- В том числе и это, - сухо вато ответил посланник короля.

Фронтенак не унимался:

- Его величество просил вас рассказать ему о ситуации в Акадии в связи с присутствием там господина де Пейрака?

- В том числе и это, - повторил Бардань, который предпочитал не распространяться относительно числа и важности расследований, которые ему поручили. По правде говоря, - продолжил он после короткой паузы, - его величество, похоже, особенно интересуется, кто такой граф де Пейрак, короче говоря, я должен собрать точные и подробные сведения об этом дворянине, его действиях, его намерениях и его заявлениях.

- Но тогда, - радостно воскликнул Фронтенак, - но тогда... надо думать, король уже ознакомился с моим письмом. Скажите, не связан ли ваш отъезд в Новую Францию с тем, что я в нем изложил?

Члены Совета начали лихорадочно подсчитывать, сколько времени прошло с момента отправки письма в июле до приезда посланника короля.

- Как бы то ни было, король в курсе дела, - заявил губернатор. - Поспешность, с которой он откликнулся на мое послание, доказывает, насколько оно ему интересно. Господин королевский посланник, что вам сказал его величество?

- Это государственная тайна. Но я могу вам сказать, что его величество с симпатией отнесся к вашему проекту. Я в свою очередь тоже написал ему письмо из Тадуссака, в котором изложил свою точку зрения.

- Положительную, я надеюсь, - быстро сказал Фронтенак.

Он ликовал:

- Вот видите, господа, больше нет сомнений. Его величество одобряет мою дружественную политику по отношению к господину де Пейраку.

- Одобрит, быть может, - поправил первый советник Магри де Сен-Шамон, подняв указательный палец.

Но его пессимистическую позицию никто не поддержал.

Дав понять, что монарх относится к их проекту мирной экспансии благосклонно, посланник короля изменил настроение собравшихся с быстротой переворачиваемых песочных часов. «Ну почему этот Николя де Бардань не заговорил раньше?» - подумали члены Совета. Тогда им не пришлось бы терять столько времени.

Изоощренный ум господина де Шамбли-Монтобана, умевшего даже в самой безобидной ситуации узреть амурную подоплеку, предположил, что красота госпожи де Пейрак такова, что, увидев ее хоть раз, сластолюбивый Людовик XIV не мог остаться равнодушным. Так что лучше встать на сторону Анжелики и ее мужа. Жоффрей де Пейрак выиграл партию, и господин де Бардань, может быть сам того не желая, ему в этом помог.

В его словах отразилось одобрение короля, а для этих господ только это и имело значение – монаршее одобрение. Анжелика подняла глаза и взглянула на большую картину над каминной полкой, изображающую его величество.

Для нее он давно уже стал существом из какого-то мифа, некой абстрактной силой.

Постепенно она забыла, что это за человек. Но сейчас, под лепным потолком замка Сен-Луи в Квебеке, она вдруг вновь мысленным взором увидела его, увидела карие глаза, блеск которых он порой нарочно приглушал, но которые становились очень красноречивыми, когда его сжигало желание.

Когда-то он хотел сделать ее королевой Версаля.

Госпожа де Меркувиль, подумав, что важные политические вопросы уже решены, сочла момент благоприятным для того, чтобы поговорить о своих ткацких станках. В колонии выращивали лен и разводили овец. Надо было побудить деревенских женщин, не имеющих зимой никаких занятий, начать ткать полотно и одежные ткани для своих семей. У нее была просьба к Совету, касающаяся двух пленных англичан, которые сейчас находились в деревне гуронов в Лоретте. Ей сказали, что пленники из Бостона знают секрет получения растительных красок и умеют красить ткани так, что те не линяют. И она хотела, чтобы интендант Карлон приказал доставить их в Квебек на то время, которое понадобится, чтобы местные жители научились красить шерсть в яркие и долговечные цвета.

– Господин Гобер де Ла Меллуаз, – сказала она, – часто пользуется их услугами.

Но господин Ла Меллуаз, скрестив руки, которые сегодня были обтянуты перчатками цвета зеленого миндаля, заметил, что эти двое – люди весьма ограниченные и неразговорчивые, как и вся англосаксонская чернь. Они ни за что не раскроют своих

секретов, и у госпожи де Меркувиль ничего не получится.

- К тому же они не знают ни слова по-французски.

- Зато я знаю английский.

- Будьте уверены, что их хозяева индейцы не захотят отпустить их даже на неделю.

- Господин интендант Карлон прикажет им.

Гобер де Ла Меллуаз негромко рассмеялся и заверил, что только он знает способ, как заставить дикарей прислушаться к голосу разума и как убедить их глупых рабов-англичан время от времени изготавливать краску, состав которой они никому не откроют.

- На самом деле вы просто хотите единолично пользоваться их услугами! - негодуяще воскликнула госпожа де Меркувиль.

Увидев, какой оборот принял спор, Фронтенак объявил, что заседание закрыто.

Нынче они хорошо потрудились.

Он встал, и все остальные последовали его примеру.

- Ай! Моя нога! - вскрикнул господин де Кастель-Морг.

Никто уже не обращал внимания на эти крики, которые время от времени вырывались у бедного военного коменданта.

Он извинился перед дамами.

- Вас мучает старая рана? - спросила Анжелика.

- Если бы! Это было бы более почетно. На самом деле я заработал эту болячку во время зимней кампании против ирокезов.

Анжелика уже собиралась посоветовать ему мазь, рецепт которой она знала: растертые ягоды рябины, смешанные со смолой пихты и маслом из козьего молока. В сочетании с небольшими дозами настоя безвременника эта мазь творила чудеса. Но она промолчала и не без сожаления оставила бедного господина де Кастель-Морга страдать и дальше.

Из осторожности она решила не подпитывать слухи о себе как о целительнице-знахарке, потому что от знахарки до колдуньи всего один шаг.

Решив вести себя в Квебеке как знатная светская дама, она стремилась стереть из памяти людей ту наивную и опасную легенду, которая сложилась вокруг нее и подтверждение которой могло дорого ей обойтись.

* * *

Прозвонили полдень. Монсеньор де Лаваль прочел молитву Богородице, закрыв заседание Совета на благочестивой ноте, и собравшиеся стали небольшими группами расходиться.

Анжелика подошла к Николя де Барданю.

– Мне понравилась честность вашего выступления, – сказала она. – Я хочу вас поблагодарить.

Он посмотрел на нее долгим взглядом. Выражение его лица тронуло Анжелику, и она поняла, что одной этой фразой отблагодарила его стократ. Он ловил каждое ее слово, каждый жест, словно драгоценные жемчужины.

– Сколько в вас огня! – молвил он. – Я наблюдаю за вами, и мне кажется, что именно это в вас и очаровало меня в Ла-Рошели. Ваш пыл, вкус к жизни, та добросовестность, с которой вы ищете наилучшее решение. В Ла-Рошели я был поражен тем, что вы горой встали за своих хозяев-гугенотов, словно проявленная к ним несправедливость касалась и вас, и при этом совершенно не думали, как ваш порыв отразится на вас самой.

В то время мне очень хотелось знать, какого цвета ваши волосы, которые вы так старательно прятали под чепцом служанки... Теперь я знаю, каковы они, –

добавил он, останавливаясь на пороге вестибюля и глядя на нее. – Вы похожи на фею.

Легким жестом он коснулся ее светлых, золотистых волос. Он был так погружен в свои грезы, что ему, как и всегда, казалось, что они одни в целом мире. Но к ним приближался граф де Ломени, желающий попроситься, и господин де Бардань, поцеловав руку Анжелике, отошел в сторону.

Жоффрей де Пейрак задержался, беседуя с губернатором и неким Морийоном, заместителем интенданта, которому после договора, подписанного в Бреде, была поручена миссия в английских колониях. Во время заседания он из робости не проронил ни слова, но теперь с удовольствием говорил о предмете, который хорошо знал, и подтвердил сказанное графом относительно очертаний границ в районе устья Кеннебека.

Вильдавре, покидая замок, рассказывал троим первым советникам о том, как он собирается обустроить и украсить свой новый корабль.

– Надеюсь, вы дадите ему не такое языческое имя, как первому кораблю, – сказал господин де Сен-Шамон.

– Я назову его «Афродита»... И я собираюсь попросить столяра Ле Бассера сделать мне из дерева скульптуру для его носовой части – Афродиту, выходящую из морской пены. Это хоть немного отвлечет его от изготовления дарохранилищ.

Во дворе солдаты из караула, поставив мушкеты в козлы, собрались у костра, над которым был подвешен котелок. От него шел аппетитный запах. В этот час к запаху горящих дров повсюду примешивались ароматы еды. В трактирах готовили птицу, дичь и пироги. Из окон и дверей доносились дразнящие запахи супов и рагу и, хотя они были наглухо закрыты, слышался стук оловянных ложек о миски.

Из лагеря гуронов к верхним кварталам несся запах сагамита, традиционной индейской маисовой похлебки.

Члены Высшего совета торопливо расходились по домам, поскольку дискуссии пробудили в них волчий аппетит.

Госпожа де Меркувиль продолжила спор с господином Гобером де Ла Меллуазом, решив во что бы то ни стало заполучить двух пленных англичан. По дороге она перехватила интенданта Карлона, пытаясь заставить его сдаться.

Шедшая позади нее Анжелика услышала, как Жоффрей говорит господину Базилю:

– Я вам очень признателен. Мне известно, что ничто здесь не происходит без вашего ведома.

Купец обогнал ее, приветственно приподняв свою меховую шапку, затем удалился, держа руки в карманах коричневого сюртука с воротником, манжетами и отворотами карманов, отделанными тем же черным мехом, что пошел на его головной убор. Обутый в индейские сапоги, он ступал уверенно и быстро, походкой, присущей жителям этого края. Дойдя до ворот, его приказчик обернулся и заговорщицки им подмигнул.

Жоффрей взял Анжелику под руку. Испанские наемники, ожидавшие их в углу двора, пошли впереди них.

Монсеньор де Лаваль, чья величественная фигура в лиловом облачении резко выделялась на фоне черных сутан его свиты, направился в семинарию, где его ждал скромный обед. Перед тем как проследовать в личные апартаменты, он прошел через большие трапезные, чтобы благословить воспитанников, сидящих за столами перед миской молока с размоченным в нем хлебом.

Во время заседания, которое показалось ей весьма примечательным, Анжелику поразило то, что каждый из

этих господ претендовал на абсолютную власть в Квебеке.

Губернатор? Интендант? Епископ? Серый кардинал
Базиль? Держащиеся в тени иезуиты? Королевский
прокурор? Приказчик?

- Кто же здесь главный? - спросила она Жоффрея.

- Они все главные... - отвечал он.

Глава XI

Анжелика зашла к Польке и рассказала ей о визите к епископу. Теперь ей надо было выбрать для себя святого покровителя.

- Выбери Предвечного Отца, - посоветовала Полька. - Помнишь ту статую Предвечного Отца в Париже, на углу улицы Пьер-о-Бёф в предместье Сен-Дени? Ха-ха-ха! Вместо молитв статуе доставались лишь богохульства и проклятия...

Но, расхохотавшись, она перекрестилась и вновь стала серьезной:

- Нет, над такими вещами негоже смеяться. Все, закончили! Да простит меня Бог. Прошое забыто. Теперь я достаточно часто хожу на исповедь. Ведь я не хочу гореть в аду.

Иногда Анжелика с изумлением смотрела на свою «сестренку» по Двору Чудес и с трудом верила, что она говорит с той самой Полькой, с которой они пережили так много ужасного.

Она поинтересовалась, когда же она сможет познакомиться со столь деятельным господином Гонфарелем, имя которого она слышала со всех сторон.

Они были поглощены разговором, когда из порта донесся какой-то шум, и они вышли на порог.

На улице мало-помалу собиралась толпа. Люди показывали пальцем на реку, где две большие баржи тащили за собою на канатах корабль, лишенный мачт, накренившийся в сторону, так что казалось, что его вот-вот поглотит вода.

- Да это же «Иоанн Креститель»! - воскликнула Жанина Гонфарель.

- Его собираются потопить, - сказал кто-то из толпы.

Ужасная мысль мелькнула у Анжелики: там, на борту, медведь Мистер Уиллоби.

В трюме корабля ученый медведь Эли Кемптона залег в зимнюю спячку, и теперь эту посудину, где он нашел пристанище, собирались потопить в открытом море.

Так же, как и Полька, хотя совсем по другой причине, Анжелика замерла в молчании.

Затем хозяйка «Французского Корабля» начала призывать собравшихся помешать происходящему. Из ее возмущенных, полных отчаяния слов становилось понятно, что они с мужем являются совладельцами «Иоанна Крестителя», для них это целое состояние, и теперь они будут разорены.

Жанина Гонфарель сорвала с себя чепец с бантами и побежала по песчаному берегу, размахивая им и подавая кораблю сигналы. Впрочем, на судне ничего не замечали. В толпе одни усмехались, другие без особого сочувствия качали головой.

- Это чума, а не корабль, - говорили одни.

- Но он принадлежит мне, - возражала Жанина Гонфарель.

- Его решили затопить.

- Кто это решил? Какой сукин сын подложил мне эту свинью? Уверена, это прокурор... А может быть, майор... Нет, это Ле Башуа, это на него похоже... И иезуита здесь сейчас нет... Маркиза, сделай же что-нибудь, прошу тебя, - тихо взмолилась она, подходя к подруге. - Я не могу сама пойти к губернатору, но, может, вмешается Меченый? Он всех их держит в руках. Ведь нельзя это так оставить.

- Да, ты права. Это нельзя так оставить, - повторила потрясенная Анжелика.

Она огляделась, ища кого-нибудь, кто мог бы ей помочь. К счастью, она заметила, как к берегу в районе бухты Кюль-де-Сак причалила большая шлюпка с

людьми с «Голдсборо» под командованием старшего матроса Ванно. Анжелика поспешила к ним навстречу. Они плыли от Красного мыса. Ванно сказал Анжелике, что граф де Пейрак должен быть в городе.

- Я попробую его найти, - сказала она Ванно. - А пока что сделайте все, что можете, чтобы остановить конвой, который ведет «Иоанна Крестителя» к месту затопления.

Она попросила их пустить ракету и послать сигнал, чтобы «Иоанн Креститель» остановился. А потом налечь на весла, подплыть к кораблю и пообещать компенсацию, чтобы убедить команду не выполнять приказ.

- Выиграйте время! Кто бы ни отдал приказ затопить корабль, будь то хоть сам губернатор, я беру на себя ответственность за его отмену. Это недоразумение.

Она решила бежать к усадьбе Монтины, которая сейчас казалась ей безнадежно далекой, причем она даже не была уверена, что найдет там мужа.

Увидев, как шлюпка направилась к кораблю, Анжелика, бросив Польке несколько ободряющих слов, пронеслась по улицам и стала подниматься по склону горы, ища глазами Пиксарета, длинные ноги которого ей бы сейчас такгодились.

С ней поравнялась карета, взбирающаяся по склону горы. Склон был так крут, что две лошади, которые везли ее, с каждым шагом поднимались лишь на самое ничтожное расстояние, поэтому карета ехала медленно. Голова кучера покачивалась, и карета кренилась на неровной мостовой. Это был нарядный экипаж, на его дверце красовался вензель, а в окнах колыхались атласные занавески с золотой бахромой.

Когда карета обогнала Анжелику, в окошке показалось очаровательное личико Беранжер-Эме Тардые де Лаводьер.

- Сударыня, что случилось? Вы кажетесь такой встревоженной.

- Я разыскиваю мужа, - ответила Анжелика, мысленно упрекнув себя за встревоженный вид, поскольку это делало ее смешной. Ей показалось, что глаза веселой Беранжер-Эме насмешливо блеснули.

- Господина де Пейрака? Кажется, я знаю, где его можно найти, - сказала она с многозначительным видом. - Садитесь же.

Соскочивший на землю лакей открыл перед Анжеликой дверцу кареты. Анжелика уселась, и экипаж, скрипя всеми осями, продолжил путь. Подковы лошадей скользили по булыжникам мостовой.

* * *

Госпожа де Лаводьер искоса поглядывала на Анжелику, не скрывая удовольствия оттого, что видит ее вблизи. Анжелика, со своей стороны, была не прочь бросить на супругу прокурора критический взгляд. Беранжер-Эме и впрямь была очаровательная женщина, скорее хорошенькая, чем красивая, полная огня, немного насмешливая. Сразу чувствовалось, что жизнь ее нисколько не пугает и она с удовольствием бросает ей вызов.

Она не без аффектации настаивала, чтобы ее называли ее полным именем - Беранжер-Эме. У нее был серебристый смех, и она часто смеялась невпопад, что приводило собеседников в замешательство. С нею не осмеливались говорить о серьезных вещах из боязни, что взрыв смеха превратит все сказанное в глупую шутку. Но, с другой стороны, это создавало всюду, где она бывала, атмосферу легкости и непринужденности. Зато мадам де Лаводьер умела искусно задавать вопросы. Они едва добрались до небольшого кладбища,

находящегося на полпути, как Анжелика уже призналась ей, почему ей надо срочно найти мужа, чтобы предотвратить затопление «Иоанна Крестителя».

- Но почему вас так беспокоит судьба этого корабля? - удивилась Беранжер-Эме.

- Потому что его совладелица Жанина Гонфарель в отчаянии.

Госпожа де Лаводьер удивилась еще больше:

- Какое вам дело до этой женщины? Ведь она так вульгарна!

У нее была такая манера поднимать тонкие брови и округлять темные невинные глаза, что хотелось тут же дать ей исчерпывающее объяснение.

Анжелике с великим трудом удалось сохранить свой секрет и не обнаружить, что ее страшит участь Мистера Уиллоби. Она лишь повторила, что необходимо немедленно поставить в известность господина де Пейрака.

- Не беспокойтесь, он все узнает, - покровительственным тоном отвечала Беранжер-Эме. - Но надо признать, что наш дорогой граф не из тех, кого можно легко застать дома. Скорее его можно обвинить в том, что он вездесущ. Чтобы отыскать его, мне приходится вертеться, как флюгер. Мне говорят: «Он там». Я бегу туда, а его уже и след простыл.

Анжелика отметила про себя, что менее чем за три дня Жоффрей стал для здешних дам «нашим дорогим графом» и что по наивности или нарочно госпожа прокурорша не скрывает, что бегаёт за ним.

- Ваш супруг так любезен. Только посмотрите на часы, которые он мне подарил.

Двумя пальцами она дотронулась до украшения, прикрепленного к черной бархотке. Оно лежало как раз в ложбинке между грудями, приподнятыми очень высоким корсажем. Тонкий батистовый шарф не скрывал их полноты.

Разговаривая, молодая женщина разглядывала прохожих, поднимающихся или спускающихся по склону. Внезапно она воскликнула:

– Ага! Вот тот, кто наверняка сможет нам помочь.

Она позвала, и между занавесками окна кареты, словно черт из табакерки, возникло лицо раба-индейца госпожи де Меркувиль. На его правой щеке было выжжено клеймо в виде цветка лилии, шрам от ожога приподнимал уголок его рта, так что казалось, будто он все время смеется.

– Этот малый знает все обо всех, – сказала госпожа де Лаводьер, – но он очень странный. Надо знать, как к нему подойти.

Последовал диалог, из которого Анжелика ничего не поняла, так как индеец говорил по-французски с сильным акцентом.

В конце концов индеец залез на козлы и сел рядом с кучером. Госпожа де Лаводьер приняла многозначительный вид и ободряюще кивнула Анжелике.

По дороге она просветила Анжелику насчет статуса племени пауни, единственных индейцев в Новой Франции, которых можно было обращать в рабство. Они жили в неисследованных краях по ту сторону Великих озер, и индейцы, захватив их, продавали затем пленников бледнолицым.

Анжелика слушала ее рассеянно и, с трудом сдерживая нетерпение, тревожилась об участии Мистера Уиллоби.

Наконец, проехав по Фабричной улице, карета выехала на Соборную площадь.

Индеец соскочил на землю, убежал и вскоре вернулся, подпрыгивая в воинственном танце. Так он давал понять, что нашел того, кого они искали. Госпожа де Лаводьер возликовала:

– Я так и думала! Господин де Пейрак у иезуитов.

– У иезуитов!

Но Беранжер-Эме уже с решительным видом выходила из кареты.

Чтобы подойти к зданиям, где размещались отцы-иезуиты, находившимся напротив собора с другой стороны площади, надо было перепрыгнуть через ручей.

Таким образом, перебираясь на другой его берег, во владения иезуитов, вы словно пересекали границу иностранного государства. Высокие деревья охраняли вход на территорию, где располагались красивые каменные здания, принадлежащие ордену Иисуса: церковь, коллеж, монастырь, гостевой дом, где также принимали тех, кто желал на время удалиться от мира, фермы, хлев и конюшни. Иезуиты только что завершили строительство новой церкви, примыкающей к коллежу. Ее фасад был украшен двумя башнями и вдобавок колокольней, возведенной над трансептом.

Епископ давно хотел расширить собор, просторный и красивый, но имевший лишь одну башню, и церковь иезуитов с ее двумя башнями словно бы бросала ему вызов, глядя на него стрельчатыми витражными окнами, похожими на спокойные глаза. И иезуитская церковь, и монастырь имели отдельные ворота, выходящие на площадь.

Но Беранжер-Эме, быстро ведя за собою Анжелику, предпочла войти через маленькую боковую дверь, которая вела во внутренний двор.

– Мы ищем господина де Пейрака, – бросила она на ходу человеку, выходящему из коровника с двумя ведрами молока. Его длинная черная ряса билась о деревянные башмаки.

Это «мы» вызвало у Анжелики раздражение. Госпожа де Лаводьер, похоже, хорошо знала эти места и не испытывала перед иезуитами ни малейшей робости. В отличие от нее Анжелика несколько оробела, войдя в мощный плиткой вестибюль, в котором находились

несколько скамей, одно распятие на стене и чаша со святой водой справа от двери.

Беранжер-Эме окунула в нее кончики пальцев с развязным и вместе с тем сокрушенным видом – верх женской грации и лицемерия. В этом жесте чувствовалось бесспорное очарование, прелестная дерзость, сочетающая в себе одновременно веселость и набожное смирение, – такими изображают определенную категорию ангелочков, которые окружают трон Всевышнего словно только для того, чтобы шалить.

Глядя на нее, Анжелика вспомнила, что госпожа де Лаводьер тоже гасконского происхождения, родом из Окситании, той провинции Аквитании, непокорной и солнечной, где люди имеют своеобразное представление о религии и совсем иначе относятся к вере и обрядам.

Анжелика вспомнила, что, когда она впервые приехала в Тулузу из родного Пуату, ее испугал пылкий нрав этих людей, черты которых воплотились в благородной натуре Жоффрея де Пейрака: изящество, ум, отчаянная независимость, страстность. А также горячность, нежность, бескорыстие и тонкая ирония.

Тогда ей казалось, что прекрасные дамы Лангедока, с их черными глазами, дразнящим смехом и огненными страстями, насмеваются над ее белокурыми волосами и серьезностью. И «маленькой пуатевинке» пришлось потрудиться, чтобы заставить их признать себя.

И вот теперь, не смешно ли, эта сумасбродная Беранжер вновь пробудила в ней те давние, позабытые чувства.

Семинарист, одетый в черное, проводил дам в просторную приемную. Узнав о цели их визита, он удалился, чтобы выяснить, действительно ли господин де Пейрак находится здесь, что весьма вероятно.

Комнату обогревала печь из тех, которые начали привозить из Англии. На стенах висело множество картин, и среди них – портрет святого Игнатия Лойолы, испанского офицера, который чуть более столетия назад основал свое знаменитое Общество Христовых воинов. В нише, под горящей лампадой, находился слепок с его посмертной маски.

Беранжер расхаживала по комнате, с интересом разглядывая большие картины на религиозные сюжеты со множеством персонажей. Все они были написаны талантливыми художниками, и чувствовалось, что те работали над ними, вдохновляемые благочестием.

Одна из них изображала смерть Жоржа Ваза, проповедовавшего в Африке. На картине он, собрав последние силы, благословлял негров из Конго, стоящих вокруг его смертного одра. На другом полотне отец Франсуа-Ксавье среди толпы китайцев оживлял утонувшего ребенка. Он был одним из первых шести иезуитов, соратников Игнатия Лойолы, которые, как и основатель ордена, были канонизированы папой Григорием XV. Его праздник недавно отмечался, и поэтому перед картиной стояли большие серебряные и стеклянные вазы, полные расписанных и позолоченных бумажных цветов, которые изготавливали монахини, работавшие в Отель-Дьё.

В приемной царила особенная тишина. Атмосфера здесь была иной, чем в семинарии. Более сдержанной. Удивительный покой, несмотря на то что совсем недалеко в классных комнатах находились дети. Закрыв двери, вы ощущали себя за этими толстыми стенами будто в крепости. Здесь странствующие миссионеры отдыхали от своих утомительных и опасных походов. После бесконечных путешествий в каноэ из бересты, после дыма и насекомых в индейских хижинах они обретали покой в выбеленных известью кельях, моральную поддержку, которую им несла литургия и

возможность спокойно беседовать с братьями по вере. Здесь они писали свои знаменитые донесения, столь ожидаемые во Франции. Здесь же они изучали языки индейцев, учили юных канадцев и предавались духовным и телесным упражнениям, предписанным основателем их ордена.

Здесь бывали неординарные личности, способные левитировать, передавать мысли на расстояние, наделенные даром ясновидения.

Анжелике пришла в голову мысль, что отец д'Оржеваль вполне может прятаться за этими стенами, выжидая, когда придет его час.

В эту минуту она услышала тихие шаги за спиной и, повернув голову, увидела, что там стоит иезуит, вошедший через дверь, скрытую гобеленами.

Несмотря на царящий в комнате полумрак, она сразу узнала светлую бородку и чересчур белую кожу, которую солнце опалило на переносице и скулах.

Поскольку он стоял неподвижно, застыв в нескольких шагах от нее, Анжелика обратилась к нему с приветствием:

- Полагаю, мы уже встречались в Акадии? Ведь вы отец Филипп Геранд, не так ли? Помощник отца д'Оржеваля?

Он кивнул. Взгляд его очень светлых глаз стал жестким. Наконец губы его зашевелились, и он со вздохом сказал:

- Из-за вас он умрет.

Он отступил и, словно призрак, растаял в полутьме.

Ошеломленная, Анжелика окаменела, не зная, правильно ли она расслышала и правильно ли поняла эти слова.

- Пойдемте, моя дорогая, - сказала Беранжер.

Семинарист вернулся и сказал, что господин де Пейрак в самом деле находится здесь.

Проведя их по длинному коридору с побеленными известкой стенами, их провожатый поскребся в последнюю дверь из массивного дерева, и они очутились в просторном помещении. Судя по множеству книг, стоящих на полках вдоль стен, это была библиотека. Здесь были сотни переплетенных в кожу книг самых разных размеров. Некоторые из них, инкунабулы, были размером с пятилетнего ребенка. В тот момент, когда они вошли, один из этих огромных томов был только что водружен на деревянную подставку и граф де Пейрак вместе с одним из отцов-иезуитов склонился над ним, осторожно переворачивая страницы.

Когда дверь отворилась, они повернулись к вошедшим, и в иезуите Анжелика узнала настоятеля отца Мобежа.

В этой строгой, лишенной украшений комнате, типичной для суровой Канады, поражало обилие находящихся в ней ценнейших научных приборов. Астролябии из меди и позолоченной латуни, квадранты, небесные и земные глобусы. На столе среди луп и компасов лежала восьмиугольная шкатулка из дерева, инкрустированного позолоченным серебром, на откинутой крышке которой была изображена миниатюрная географическая карта, выполненная яркой эмалью. Вокруг нее лежали различные астрономические инструменты: солнечные часы, лунный квадрант, таблица долгот и широт и тому подобное. Анжелика вспомнила, что эта шкатулка была среди подарков, которые граф де Пейрак привез в Квебек.

В углу лежала прекрасная армиллярная четырехуровневая сфера. На треногу был водружен окруженный занавесками телескоп, направленный в сторону большого открытого окна. Промозглый холод этого зимнего дня, похоже, не слишком беспокоил двоих человек, поглощенных исследованиями, меж тем как

клирик в сутане служил им секретарем, подобно священнику, участвующему в литургии.

Только в Квебеке можно было допустить вторжение двух дам в это святилище науки, потому что в этом изолированном городе жили как в семье, и дистанция между различными классами и между мужчинами и женщинами, так заметная в метрополии, в колонии исчезала.

- Простите меня, отцы мои, - весело заговорила госпожа де Лаводьер, - но я вынуждена прервать ваши ученые беседы, потому что моя дорогая подруга госпожа де Пейрак разыскивает своего супруга по всему городу и...

Выразив настоятелю иезуитского монастыря свое сожаление по поводу причиненного беспокойства, Анжелика быстро объяснила, что граф должен как можно скорее вмешаться, чтобы спасти корабль «Иоанн Креститель», который портовая администрация приговорила к затоплению.

Жоффрей де Пейрак был удивлен.

- Эту негодную посудину? - удивился он. - Но какое она имеет значение? Она мне не принадлежит...

- Но там, на борту, медведь, - воскликнула Анжелика. - О Жоффрей, надо спасти Мистера Уиллоби...

* * *

И медведь был спасен!

«Иоанн Креститель» был отбуксирован к берегу, и интендант Карлон по просьбе графа де Пейрака отвел старой посудине, все больше и больше погружающейся в воду, пристанище в заброшенном доке верфей.

Несчастный Эли Кемптон, прятаясь в усадьбе Монтиньи, испугался, что его, пуританина из

Коннектикута, заманили в ловушку в этом папистском городе, когда друзья препроводили его, чтобы он мог навестить своего косолапого друга.

Медведь крепко спал, и его нисколько не потревожила прогулка по реке. Эли Кемптон накрыл его сеном и соломой и положил в угол берлоги коренья и клубни, необходимые зверю, который два или три раза за зиму просыпался и искал вокруг себя пищу, чтобы восстановить свои истощенные запасы жира.

В этот вечер в дом маркиза де Вильдавре, где разместился граф де Пейрак, постучался толстяк, державший в одной руке шапку, а в другой – корзину с тремя головками сыра.

Ужин в зале только что закончился, и Мессир Кот, как ему и полагалось, возлежал на столе среди тарелок.

Анжелика уселась на знаменитое канапе, все секреты которого ей еще не были известны. Граф де Пейрак сел рядом.

Этот вечер, как и другие вечера в маленьком доме маркиза, напомнил Анжелике долгие вечера в форте Вапассу. Потому что Жоффрей был рядом, потому что их окружали друзья, прошедшие прошлую зиму вместе с ними, – граф де Ломени и господин д'Арребу, потому что в шум беседы вклинивались голоса собравшихся вокруг камина детей. Потому что столько людей сидели сейчас у стола или у камина в креслах и на табуретах или на корточках, устроившись на коврах или шкурах, как попыхивавший своей трубкой Пиксарет. Невольно вспоминалась объединявшая их всех близость, царившая в затерянном в лесу далеком форте, близость, которую они не забудут никогда.

Человек, принесший сыры, объявил, что он друг, и, войдя в зал прямо со двора, представился как господин Бонифас Гонфарель.

Это произвело сенсацию. Большинство присутствующих его знали, но Анжелика с

любопытством рассматривала человека, который связал свою судьбу с Полькой и помог ей вырваться из нищеты.

Если ему некогда и довелось сидеть в руанской тюрьме и даже исполнять какое-то время позорные обязанности палача, вольный воздух Канады и его нынешнее благополучие не оставили от этого и следа, и теперь у него был вид самый наичестнейший.

Он был одет как зажиточный буржуа, но грубые башмаки и шапка, которую он держал в руке, выдавали в нем простолюдина, которого не испортили нажитые деньги.

- Сударь, - сказал он, обращаясь к Пейраку почтительно, но с достоинством, - позвольте поблагодарить вас за то, что вы спасли мое имущество. Без вас я понес бы весьма значительный убыток. Часть товаров, которые вез «Иоанн Креститель», испорчена, а прибыль, которую я был вправе ожидать от этого злосчастного рейса, ощутимо уменьшилась по вине плутов, которые управляли судном, а также из-за штормов и пиратов. А те, кто в этом городе из зависти хочет меня разорить, собирались довести это дело до конца, побудив власти затопить корабль вместе с товаром и даже не предупредив меня. Вы помешали им воспользоваться моим отсутствием и подложить мне эту свинью. Позвольте же мне заверить, что я никогда не забуду, что вы не пожалели времени и употребили ваше влияние, чтобы оказать мне эту услугу. Я пришел, чтобы подтвердить, что отныне я ваш преданный слуга, так же как мои друзья и родные. Буду весьма польщен, если мне когда-нибудь представится случай доказать мою преданность вам на деле.

Пейрак поблагодарил его, сказав, что рад, если обстоятельства позволили ему оказать услугу одному из самых уважаемых граждан города.

- Думаю, в конце концов ваш «Иоанн Креститель» может обрести вторую молодость. Если вы согласны,

договоримся вот о чем. Завтра я доставлю на него насосы, и мы воспользуемся приливом, чтобы он снова оказался на плаву. Затем я предлагаю, чтобы две мои яхты - «Ларошелец» и «Монт Дезер» - отбуксировали его вверх по течению до Силлери, где я сейчас строю сухой док и помещение для экипажей, которые будут охранять мои суда во время зимовки. Пока стоят морозы, ваш корабль будет держать лед, а весной посмотрим, что с ним смогут сделать плотники.

Анжелика слушала эту беседу вполуха, мысленно подводя итог этого полного событий дня. Утром заседание Высшего совета, затем визит к Польке, поездка в карете с Беранжер, спасение медведя, и все это увенчалось тремя головками сыра с острова Орлеан, подаренными раскаявшимся палачом.

Глава XII

На реке формировался последний конвой, отправлявшийся в Монреаль. Вскоре она замерзнет, и льды положат конец движению между тремя городами Новой Франции: Труа-Ривьер, Монреалем и Квебеком. Река Святого Лаврентия – единственный путь, который их связывает. В крайнем случае можно было послать по замерзшей реке курьеров на санях или снегоступах, но бураны делали такие экспедиции опасными.

Так что жители Канады прощались друг с другом на многие месяцы.

Носящие белые шапки обитатели Труа-Ривьер сойдут по дороге в своем городе, этой маленькой полярной Венеции, расположенной на островах.

Славившихся благочестием монреальцев, в синих шапках, отвезут в их владения, где отлично шла торговля пушниной. Виль-Мари-ла-Сент, нынешний Монреаль, был построен вверх по течению от Квебека, там, где река переставала быть судоходной.

Отъезжающие трапперы собирались в бухте Со-о-Матло у подножия высоких домов на улице, носящей то же название. Ярко светило солнце, и на каменных фасадах блестели ставни, выкрашенные синим, красным и желтым, придавая этой сцене веселый вид.

Дул сильный ветер, гоня по небу цвета нефрита коричневые и угольно-серые тучи с желтой подпушкой.

Все еще свободная ото льдов, река Святого Лаврентия катила свои воды, сверкая, как драгоценные украшения.

С пологого песчаного берега она казалась похожей на гигантскую, лениво извивающуюся рептилию, которая, проползая вокруг острова Орлеан, скользила

между мысами-близнецами Леви и Кап-Диамант, чтобы затем решительно устремиться на юго-запад.

За Труа-Ривьер она снова расширится, образуя прекрасное озеро Сен-Пьер, затем покатит воды дальше, по-прежнему величественная и широкая, чтобы сжать в своих сине-зеленых объятиях большой остров Монреаль и его младшего брата остров Жезу.

«Дорога, которая идет сама» – называли ее индейцы. А еще эту реку-море именовали Нилом севера. Манящая, великолепная и вместе с тем коварная, настоящее чудовище...

Бури, адские течения, коварные скалы делали реку грозным противником. Здесь погибло множество кораблей, ее холодные глубины поглотили несчетное число человеческих жизней и еще больше всякого добра.

И все-таки ее любили, и у тех, кто собирался по ней плыть, всегда блестели глаза от удовольствия и волнения.

Анжелика пришла на пристань в сопровождении господина Тиссо и его помощников, тащивших корзины с провизией для мадемуазель Буржуа и ее девушек, которые, раздав все, сами остались без продовольствия.

Дети тоже пришли с нею, как и Иоланда с Адемаром, оба юных пажа, а также Элуа Маколле и Пиксарет, вновь облачившийся в свою медвежью шкуру, с луком, стрелами, томагавком и мачете за поясом. В толпе, как всегда, было много индейцев.

Был здесь и маркиз де Вильдавре, который всегда присутствовал там, где что-либо происходило. Подойдя к Анжелике, он назвал ей несколько человек, с которыми она еще не была знакома. Так, он указал ей на госпожу Ле Башуа, о которой ей доводилось слышать как о женщине замечательной со всех точек зрения. Мадам Ле Башуа сопровождали ее дочери, а также их мужья и дети. Были здесь и господин де Шамбли-Монтобан, и

Ромен де Л'Обиньер, потому что первый имел виды на ее старшую дочь, засидевшуюся в невестах, что было для Канады редкостью, а второй ухаживал за младшей, хорошенькой восемнадцатилетней брюнеткой. Госпожа Ле Башуа смеялась, сыпала остротами, собрав вокруг себя немало поклонников.

В этот день она привлекала внимание наряду с Анжеликой, чье появление на публике всегда собирало толпу.

Господин д'Арребу попытался приблизиться к мадемуазель Буржуа, чтобы вручить ей письмо для своей жены Камиллы д'Арребу, которая, посвятив свою жизнь Богу, жила в затворничестве в Виль-Мари, проводя дни в молитвах и умерщвлении плоти.

У причала стояли две баржи. На корме каждой был сооружен навес, под которым в случае непогоды могли укрыться женщины и дети.

Анжелика увидела семью новых колонистов, которые вместе с нею дожидались аудиенции в приемной епископа. С узлами в руках, они стояли на пристани под присмотром своего сеньора, господина де Ла Портери. В прочных плащах из коричневой саржи и сапогах, они выглядели повеселее. Они высадутся на берег в окрестностях своего прихода. Зиму проведут в доме одного из местных жителей, где их посвятят в особенности жизни в Канаде, а с приходом весны начнут распахать землю и строить свой собственный дом.

Возвращался в свою усадьбу на берегу реки и молодой дворянин лет двадцати в сопровождении жены, которой было никак не больше семнадцати. Молодая женщина приезжала летом рожать в квебекскую больницу. Они горячо благодарили господина де Берньера, кюре в Квебеке и ректора семинарии, который оказал супругам честь, окрестив их новорожденную дочь.

Пока на баржи грузили ящики, сундуки, бочки, узлы и всякого рода товары, господин де Берньер, этот симпатичный сорокалетний священник, бережно держал младенца на руках.

Он с нежностью смотрел на маленькую девочку, прося ее мать хорошо о ней заботиться. Эта молодая чета приходилась ему дальней родней, поскольку они происходили из одной и той же знатной нормандской семьи. Он попросил, чтобы девочку назвали Журденой в честь одной из его тетушек, сестры его дяди Жана де Берньера, мистика из Кана и друга госпожи де Ла Пельтри, одной из основательниц Канады.

Маркиз де Вильдавре долго говорил с мадемуазель Буржуа, и Анжелика решила, что даже не сумеет с ней попрощаться. Держа за руку Шерубена, маркиз болтал и болтал, не обращая внимания на остальных.

- Я не хочу доверять его воспитание ни иезуитам, - говорил он, - ни этим господам из семинарии.

- ...В любом случае он еще слишком мал, чтобы браться за учение, - отвечала мадемуазель Буржуа.

- Это верно. Я бы хотел доверить его такой воспитательнице, как вы, матушка Буржуа, потому что ему нужно сделать карьеру.

- Почему «нужно»? И какую карьеру? - прямо спросила мадемуазель Буржуа.

- Королевского пажа. Другая ему не нужна. Но я хотел бы отправить его во Францию, когда ему исполнится восемь-девять лет. Я не могу оставить его с Марселиной, его матерью, - об этом не может быть и речи. Она прекрасная женщина, и я ее обожаю, но она никогда не покинет своей глуши на берегах Французского залива. А я не могу оставить его там, чтобы из него выросла такая же неотесанная скотина, как и все остальные бастарды, рожденные от братьев Дефур... Ни за что.

- Э! О чем это вы толкуете? - проворчал Амедей Дефур, который в двух шагах от них отвязывал от причала лодку.

Акадиец барон де Вовенар и Гранбуа собирались остаться в Квебеке. Оба они воспользовались своим пребыванием здесь, чтобы подыскать жену.

Вовенар ухаживал за богатой привлекательной вдовой, прозванной Кружевницей, так как она была фламандкой и владела тонким искусством плести кружева. Она жила на той же улице, что и Анжелика, и та, проходя мимо ее окна, часто видела, как вдова склонялась над коклюшками.

- Стало быть, вы перед всем миром объявили Шерубена вашим сыном? - спросила Анжелика, когда Вильдавре подошел к ней.

- С матушкой Буржуа бесполезно притворяться. Она с первого взгляда все поняла... И то сказать, ведь он так на меня похож, - сказал он, глядя на Шерубена.

- И что же она вам посоветовала, чтобы успокоить отцовскую тревогу?

- Предоставить его вашим заботам... что я, разумеется, и собираюсь сделать.

Теперь с Маргаритой Буржуа беседовал Элуа Маколле. Было видно, как она дает ему какие-то наставления, а он покорно кивает головой в красном колпаке.

Затем господин д'Арребу вручил ей приготовленное письмо. Анжелика слышала, как он попросил:

- Скажите ей, что я ее люблю.

- А почему бы вам самому не поехать и не сказать ей это? - возразила монахиня.

Из-за шума Анжелика не расслышала его ответа, но внезапно он обернулся, крикнув:

- Я уезжаю!

Он подозвал слуг и велел им сбегать к нему домой и принести пару смен одежды, бритвенный прибор и

шкатулку с деньгами.

Капитан объявил, что приближается час прилива. Никак нельзя было пропустить этот момент, когда река начинала течь в обратную сторону, увлекая суда вверх по течению, что позволяло выиграть время. К тому же дул попутный ветер.

Толпа задвигалась, шум стал еще громче. На борт начали грузить последние товары. Господин Лемуан, один из первых поселенцев Виль-Мари, а ныне богатый купец, высокий старик в костюме из дорогого сукна, сопровождаемый юным сыном, лично наблюдал за тем, как на барже закрепляют многочисленные бочонки испанского вина. Люди в Монреале умели о себе заботиться.

Две кареты, украшенные бахромой и перьями, все еще раскачиваясь после крутого спуска из Верхнего города, подъехали к причалу. Их прибытие привлекло всеобщее внимание. Вышедшие из них люди явно не желали смешиваться с толпой. Среди них были дамы, разодетые в пух и прах и сильно накрашенные, и мужчины, так же расфуфыренные и размалеванные, как и их спутницы.

Дамы играли веерами, мужчины опирались на высокие трости с рукоятками из серебра или слоновой кости. Все вместе они прошли к краю пристани, глядя туда, где находился остров Орлеан, словно ожидая, что оттуда кто-то приплывет.

Впереди всех стояла весьма элегантная немолодая женщина. Вильдавре и Шамбли-Монтобан были единственными, кто подошел ко вновь прибывшим, поприветствовал их и обменялся с ними несколькими словами, расшаркиваясь и вереща, точно сороки.

- Это госпожа де Канвер, - сообщил Анжелике Вильдавре, вернувшись. - Король отправил ее в изгнание, потому что она слишком часто плутовала во время игры в карты. Она последовала за молодым

любовником в Канаду, где его назначили командиром одной из рот. Она все время играет, играет столько, что у нее уже стерлись кончики пальцев. Но она устраивает иногда прекрасные приемы.

- Могли ли мы встретить кого-нибудь из этих людей в день нашего прибытия в Квебек?

- Некоторых... Я и сам не всех из них знаю. Госпожа де Канвер держится несколько особняком. У нее свой круг, и она так злится из-за того, что ее отправили в изгнание, что предпочитает, чтобы ей об этом не напоминали. Кое-кто из этих господ приехал сюда в мое отсутствие. Но я скоро узнаю, кто они такие.

К берегу причалила парусная лодка, пришедшая со стороны острова Орлеан. Из нее вышел пожилой мужчина, закутанный в плащ, который волочился по грязи, так как он шел согнувшись. Его тотчас окружила толпа встречавших, чьи яркие одежды придавали им сходство со стаей попугаев.

Вильдавре пошел узнать, кто это такой.

- Это некий граф де Сент-Эдм, прибывший сюда вместе с герцогом де Ла Ферте. Говорят, он занимается магией и плавал на остров Орлеан, чтобы посоветоваться там с одной колдуньей. Вот уж странная компания. Надеюсь, они не испортят нам зиму.

Группа светских дам и кавалеров возвращалась, демонстративно не замечая толпу канадцев, занятых посадкой.

Один из дворян, проходя мимо Анжелики, повернулся к ней и поклонился, метя пристань шляпой с перьями. Она не ответила, сделав вид, будто не заметила этого жеста. Она чувствовала себя счастливой и почти гордилась тем, что находится рядом с мадемуазель Буржуа, Ломени, Вовенаром и со всеми этими людьми в красных, синих или белых шапках, что доказывало: уж она-то, в отличие от этих, своя в этой канадской толпе.

Встреча со знатью произошла быстрее, чем она смела надеяться. Но она тоже считала, что этим личностям с их мишурным блеском не место в Квебеке.

Пока ожидали прибытия багажа господина д'Арребу, Анжелика смогла наконец подойти к Маргарите Буржуа и передать ей и ее девушкам пирожные, которые по ее просьбе приготовил метрдотель Тиссо.

- Спасибо, моя дорогая, вы нас так балуете. Мы не сладкоежки, но эти сладости порадуют детей и молодых женщин во время долгого путешествия. Как же вы любезны!

Несмотря на то что объявили об отправлении, она совсем не торопилась. Она продолжала смотреть на госпожу де Пейрак тем изучающим взглядом, который та впервые заметила у нее в Тадуссаке и замечала много раз потом. Внезапно, повинувшись желанию подразнить монахиню, Анжелика спросила:

- Вы так смотрите на меня, потому что хотите узнать, как устроена дьяволица?

Маргарита Буржуа вздрогнула, но тут же рассмеялась искренне и добродушно:

- Да нет, это не совсем то, чего я хочу. Дело в том, что начиная с нашей первой встречи я пыталась понять, кого вы мне напоминаете. Разве это не любопытно? Что это: сверхъестественные совпадения, случайность, предупреждение на будущее? Откуда мне знать? Но вы удивительно напоминаете мне одну девочку, которая воспитывалась в нашей школе в Виль-Мари и которую прозвали Маленькой Чертовкой. Перец, а не ребенок! За все те годы, что мы пытались вбить в нее благодетельство, мы так ничего и не добились.

- Она была индианка?

- Вовсе нет. Она дочь одного из наших колонистов. Мы воспитывали и ее старших сестер, и они были совсем другие: смирные, послушные, но эта... Ну, как ее описать? Бесенок! Эльф! И иногда в ваших жестах, в

вашей манере говорить, словно молния, проскальзывает нечто, сразу же напоминая мне ее. Думаю, это из-за ваших глаз. У нее тоже зеленые глаза, а такой цвет встречается редко.

- И ее тоже зовут Анжеликой?

- Нет!

- Ну, это уже лучше.

- Но... - Мадемуазель Буржуа лукаво посмотрела на собеседницу. - Ее зовут Мари-Анж.

Анжелика рассмеялась:

- Признаю, что это и в самом деле волнующее совпадение.

- Вы считаете нас, живущих в этих краях, слишком суеверными, не так ли? Всюду-то мы видим знамения. И не скрою - я действительно в них верю. Это связано с тем, что мы живем в постоянной опасности, ведь порой нам удастся уцелеть лишь чудом. Пожив в Канаде, вы и сами начнете это мало-помалу замечать... Какое-нибудь мелкое событие может, конечно, и ничего не означать, но может также таить в себе что-то важное, какое-то указание свыше, какой-то скрытый таинственный смысл...

Приезжайте к нам в Виль-Мари осенью, когда у нас проходит ярмарка пушнины, и я познакомлю вас с исключительными личностями... Ах да, вот еще что! Я разговаривала о ваших «королевских дочерях» с дамами из братства Святого Семейства... Они ими займутся.

- Да, я виделась с госпожой де Меркувиль вчера на заседании Высшего совета. Огромное вам спасибо.

- Матушка Буржуа! Матушка Буржуа!

С Маргаритой Буржуа хотели проститься все. Ей стоило немало труда вырваться из объятий, оторваться от напутствий, сожалений о ее отъезде, уверений в дружеских чувствах. Она взошла на борт баржи. Четко выделяясь на фоне серой воды, ее крепкая

темная фигура и приветливое лицо, казалось, были неразрывно слиты с самой канадской природой.

Она была частью Канады. И, видя, как ее силуэт удаляется, люди чувствовали себя осиротевшими.

С помощью длинных весел гребцы оттолкнули баржи от берега, на мачтах подняли квадратные паруса. Квебекский лоцман, некий Топен, встал во главе конвоя, руководя маневрами судов. По его словам, только он знал все коварные течения и предательские мели реки Святого Лаврентия, от мыса Бурь ниже по течению от Квебека до устья реки Шодьер, впадавшей в реку Святого Лаврентия с юга выше по течению. Течения, водовороты, подводные скалы были известны ему как свои пять пальцев.

Какое-то время баржи лавировали между Квебеком и Леви, ловя попутный ветер, затем стали удаляться. Люди на пристани кричали и махали платками. Со всех соседних пляжей вслед за ними ринулись индейские каноэ, быстро плывя в их кильватере.

* * *

Погрустневшие провожавшие остались на опустевшем берегу. Этим утром остров Орлеан казался особенно близким и был виден так четко, что можно было различить дома и хижины деревни Святой Петрониллы, одного из приходов большого острова, и пересчитать разбросанные по неровному берегу многочисленные фермы.

- Они вовремя отплыли, - заметил священник господин де Берньер. - Посмотрите!

Он указывал на что-то среди серо-зеленой воды.

Это было похоже на белую пену на волнах, однако при более тщательном рассмотрении оказалось, что она остается неподвижной.

- Лед, - сказал священник. - Скоро все замерзнет.

Глава XIII

На вопрос, который Анжелика все время задавала себе: кто тот дворянин, который ей поклонился и который заинтриговал ее замечанием о гербе Рескатора, ответ был получен неожиданно быстро, и принес его Вильдавре.

Он пришел во второй половине дня, как и обещал, чтобы подробно рассказать о своем доме, в котором она сейчас жила и обустройство которого стоило ему столько денег и хлопот.

На третий день после их приезда в Квебек маркиз де Вильдавре посвятил этому не один час, чтобы помочь ей лучше устроиться в своем любимом, прекрасном маленьком доме, который он построил с такой любовью.

Шифер для кровли ему доставили из Анжу, из Сабль-д'Олон, – пятьдесят тысяч черных шиферных плиток наилучшего качества. Из Италии привезли скобяные изделия, мраморные плиты, а также оконные стекла – роскошь, которую могли себе позволить лишь самые именитые горожане.

Сам он поселился у Жанины Гонфарель. Он повесил свой хлопчатобумажный гамак, купленный у пирата с корабля «Бесстрашный», и положил на этажерку зеленый камень из Карибского моря, этот драгоценный талисман, обладающий всякими магическими свойствами. В большой спальне на втором этаже ее таверна, которую эта добрая трактирщица охотно предоставляла в распоряжение тех, кто хорошо платил, имелся также умывальник. Был там и деревянный балкон, с которого открывался великолепный вид на реку. А если маркиз соскучится по Верхнему городу, что ж, он пойдет к Анжелике.

Вильдавре с победоносным видом обнял ее за талию. Он всячески валял дурака, лишь бы не отвечать на вопросы, которые она ему наверняка задаст относительно сундука со скальпами. Этот трофей он поставил себе в заслугу, отняв эту честь у несчастного Сен-Кастина, находящегося сейчас слишком далеко и не могущего за себя постоять.

- Если бы вы знали, как я горжусь тем, что вы поселились в стенах моего дома! Если что и может укрепить мою и без того превосходную репутацию человека со вкусом, то именно это... Присядем на это канапе.

Анжелика возразила:

- Но вы же обещали показать мне дом. Сейчас не время отдыхать.

- Ну хорошо!

Маркиз обвел комнату нежным взглядом и любовно положил руку на спинку обширного канапе, стоящего перед большим камином в окружении многочисленных кресел и пуфов, обитых гобеленовой тканью.

Внезапно он одной рукой обнял Анжелику и, прежде чем она смогла отстраниться, легко поцеловал ее в висок.

- Люблю женщин, - мечтательно сказал он. - Я слишком влюблен в красоту, чтобы не любить красавиц. Представьте себе, я очень хорошо целуюсь. Вы должны это знать.

Она рассмеялась, и он продолжил:

- Ах, это именно то, чего я и добивался. Ваш смех... Я всегда знал, как нужно обходиться с женщинами. Они меня любят, и я их люблю. Они умны и интересуются жизнью, не то что мужчины. О боже, мужчины - как это скучно!

Сделав это по меньшей мере неожиданное заявление, он увлек ее в погреба и продемонстрировал многочисленные припасы, которые заготовил «для нее»:

бочки бургундского вина, короба итальянских печений, горох, бобы, сахарные головы, не говоря уже о разного рода соленьях и специях в стеклянных банках, заткнутых промасленными пробками.

Благодаря овцам и козе в доме всегда имелось свежее молоко.

В этих побеленных известью сводчатых погребах с глиняным полом, устланным соломой, царила приятная сухая прохлада, предохраняющая скоропортящуюся провизию от гнили и плесени. В других подземных помещениях, менее проветриваемых и более холодных, хранились вина.

Вильдавре распорядился также расширить углубление в полу, куда зимой складывали бруски льда. Летом оно служило ледником, позволяющим в жару наслаждаться мороженым и холодными напитками.

- Что бы мы делали без наших погребов и чердаков? Они - наши лучшие союзники для жизни в этом суровом климате. Зимой на чердаках можно хранить замороженное мясо, чтобы не приходилось слишком часто выходить на охоту или забивать скот. Наши погреба защищают провизию и от жары, и от холода. А вы знаете, что по большей части это естественные пещеры, которые надо было только обустроить? С резервуарами для сбора воды и колодцами у нас в Верхнем городе образовался целый подземный город, где мы, если бы пришлось, могли бы жить, подобно кротам. Вот было бы забавно!

Он подмигнул Анжелике:

- Из наших подвалов тянутся целые лабиринты тайных ходов. Они здесь повсюду, и некоторые сообщаются между собой. Вообще тут немало секретов. Знаете ли вы, что существует подземный ход, ведущий от иезуитов к обустроенным пещерам под монастырем урсулинок? Так что эти благочестивые дамы и господа

могут наносить друг другу визиты. Хе-хе! И никто об этом не узнает...

Он не мог не посплетничать.

Из погребов они поднялись на чердак. Маркиз взял в руку лорнет. Выглянув на улицу из чердачного окошка, он сказал:

- Вот что! Поскольку вы считаете, что мой дом слишком мал, я устрою здесь под крышей еще одну комнату, как Клео д'Уредан.

- Да нет, не надо. Я же вам говорила, что он мне нравится и так.

Они поднялись на второй уровень чердака, под самый конек крыши, где приходилось идти согнувшись. В разгар зимы здесь на крюках вешали твердое от мороза мясо.

Вильдавре пренебрег грандиозной панорамой реки и вместо этого направил свой лорнет на куда более прозаическую картину - саманную лачугу с соломенной крышей, точно гриб, торчавшую почти у подножия холма, немного левее, на середине склона. Здесь жил его сосед Юсташ Банистер. С горестной гримасой маркиз объяснил Анжелике, что этот ветхий домишко - позор квартала и кость в горле для него, Вильдавре.

Его стремление расширить свои владения - построить конюшни, коровник и пекарню - натолкнулось на препятствие. Его проектам мешало нежелание хозяина этой убогой хибары продать хоть клочок земли. Банистеру в наследство досталась большая часть холма, территория, на которой не было ничего, кроме гниющей развалюхи, построенной еще его родителями, приехавшими в Канаду из Нормандии в 1635 году. Юсташ Банистер по прозвищу Колотушка родился в этой халупе, возвращался туда после каждого путешествия на Великие озера и оставался здесь сейчас, к великому сожалению соседей.

Он был переводчиком и исследователем. Соседи не видели его почти никогда. Но с тех пор как епископ отлучил его от церкви за продажу водки индейцам, у его дворянских грамот вышел срок, так как они не были вовремя перерегистрированы в Высшем совете, и к тому же он затеял тяжбу против урсулинок, монастырь которых граничил с его территорией, и они по ошибке начали раскорчевывать часть его участка, он уже два года безвылазно пребывал в Квебеке.

Он жил в своем логове с крышей из гнилой соломы не один, а с вялой белокурой женой, откликавшейся на странное имя Жанна Германка, и четырьмя детьми, дикими, как койоты.

По истечении двух лет остальные жители улицы Клозери были уже готовы подать прошение и даже заплатить, чтобы его снова приняли в лоно церкви и вернули ему разрешение ходить в леса, – все, что угодно, лишь бы от него избавиться.

Но этот сорокалетний великан, молчаливый, грубый и любящий выпить, намереваясь отомстить городу, прекрасно понимал, что наилучший способ это сделать – это отказаться продавать свою землю и оставаться жить в своей жалкой халупе, недостойной даже угольщика, которую все приличные жители Верхнего города мечтали снести. Здесь, на краю этого восхитительного плато с пологими склонами, он жил, свирепо мстя всем и вся. Его двор представлял собою яму, заполненную отбросами и кое-какой утварью: двухколесной тележкой, колодой с воткнутым в нее топором для колки дров, котлом, стоящим на трех камнях. На краю двора рос красивый красный дуб, простирая над ним узловатые ветви наподобие канделябра, а к стволу этого дуба был цепью прикован тощий пес. Вильдавре представил дело именно таким, то есть наиболее зловещим образом.

По словам маркиза, это было единственное пятно на картине, которая иначе была бы просто идиллической,

единственная напасть, портящая этот ландшафт, один из красивейших в Квебеке, а может статья, и в мире, который он выбрал для строительства дома. Все-таки жить в городе неудобно. Здесь не чувствуешь себя полновластным хозяином, потому что зависишь от СОСЕДЕЙ!..

Анжелика ответила, что пока что это соседство никак ее не беспокоило, если не считать двух-трех случаев, когда дети Банистера запрягали свою несчастную собаку в деревянный ящик и пускали ее с адским грохотом вниз по улице. Тогда Онорина вопила от возмущения.

- Настоящие койоты, я же вам говорил, - вздохнул Вильдавре. - И это только начало. А ведь вашей соседкой могла стать и госпожа де Модрибур! Вы обратили внимание, какого сорта «друзья» ожидали герцогиню де Модрибур в Квебеке?.. Например, этот граф де Варанж, о котором говорили на заседании Совета и который бродил по берегу в Тадуссаке.

Маркиз де Вильдавре понизил голос и огляделся по сторонам, словно в закоулках его канадского дома могли скрываться шпионы:

- Это весьма влиятельный член Общества Святых Даров, однако поговаривают, что его отправили в наши края за безнравственное поведение.

Говоря о скандальных делах, Вильдавре всегда напускал на себя такой вид, будто и за ним самим водились подобные грешки. Так он был воспитан, и такова была его натура, простая и жизнерадостная. Что бы он ни делал, его совесть всегда была чиста. Но он следовал обыкновению света и, рассказывая пикантные или скабрёзные истории, прибегал к обычной манере, то есть опускал глаза и многозначительно улыбался.

- Мне рассказали, что этот увядающий святоша был опекуном одного мальчика, наследника громадного состояния. Толкуют, что он обманул его, переписав на

свое имя все его имущество, а самого мальчика удавил и бросил его тело в колодец... В Париже он был любовником нашей герцогини. Вы можете себе представить этого потасканного престарелого подонка рядом с этой красавицей, изящной, как танагрская статуэтка? Она любила похотливых стариков, эта наша дьяволица.

Они возвратились в большой зал и сели на канапе.

За окнами смеркалось и мороз усиливался. Он установится, как только на перламутровом небе окончательно зайдет солнце, окруженное облаками с медно-золотистой подпушкой. Вильдавре подкинул в огонь охапку дров, и пламя затрещало.

– Ах, как хорошо! – воскликнула Анжелика, поудобнее усаживаясь на канапе. – Я все никак не могу согреться. На корабле было так холодно.

Маркиз пододвинул к ней поставец с ликерами.

Они были в доме одни.

– А ведь вы никогда не рассказывали мне, отчего вы отправились в Новую Францию, – заметила Анжелика. – Вы, придворный, окруженный влиятельными друзьями и знающий сильных мира сего... Я об этом размышляла, но так и не поняла... Вам это так не подходит. Даже если вы станете уверять меня в обратном, я все равно буду считать, что ваше назначение на должность губернатора Акадии было всего лишь предлогом, на худой конец, компенсацией и даже утешением. Причина же в другом. Скажите, что же вы натворили?

– То же, что и все остальные, – отвечал Вильдавре. – Я НАВЛЕК НА СЕБЯ НЕМИЛОСТЬ. А когда навлекаешь на себя немилость его христианнейшего величества короля Франции, то знайте, моя невежественная красавица, никогда не жившая при дворе, что это может завести вас далеко... очень далеко... Например, до Канады.

Он пододвинул ликеры еще ближе к канапе, налил Анжелике немного малаги в бокал из богемского

хрусталя и подсел к ней поближе.

Он поведал Анжелике, что некогда занимался закупкой предметов искусства для шато Сен-Клу, принадлежащего брату короля.

- Я подобрал для Месье кое-какой китайский фарфор, чтобы украсить его резиденцию. Надо знать брата короля, он любит роскошь не меньше, а может быть, даже больше, чем сам король.

Вильдавре вздохнул, пригубил свой бокал, и его рука вновь обвилась вокруг талии Анжелики.

- Король никогда не отказывал брату в средствах на такой умопомрачительно роскошный образ жизни, - продолжал маркиз. - Но за этой щедростью скрывалась ловушка. Обремененный значительными расходами, Месье становился все более и более зависимым от его величества. Кроме того, и я много раз предупреждал об этом его высочество, король беспокоился, как бы двор его брата не превзошел его собственный в тонком вкусе и изяществе и как бы празднества в его резиденции не оказались более веселыми и занимательными, чем в Версале. Этот редчайший китайский фарфор, привезенный с Востока одним венецианским купцом, вызвал у короля лютую зависть. Он пригласил меня в Версаль, похвалил за ловкость и пожаловал мне землю и аббатство, что меня весьма обрадовало, поскольку они приносят прекрасный доход. А затем назначил меня на должность губернатора Акадии в Новой Франции и велел отправляться не мешкая. Я тогда даже не представлял, где это находится, но все равно низко ему поклонился. Я все понял. Таков наш монарх, моя дорогая.

Анжелика осушала бокал. Воспоминания о королевских резиденциях вскружили ей голову. Яркий свет летнего дня в Сен-Клу, его прекрасный в своей естественности английский парк вдруг предстали перед нею в этой комнате, освещенной последними лучами

заходящего северного солнца. Оно опускалось за пустынный горизонт, и его свет, подобно золотому столпу, проникал через окно за ее спиной. Внезапно она вскрикнула, так как ей показалось, что у нее сильно закружилась голова или же под ней затряслась земля. Как бы то ни было, она опрокинулась назад и лежала навзничь, а на ней, крепко обнимая ее, лежал маркиз де Вильдавре, смеясь как безумный.

- Вот он, секрет моего канапе! - воскликнул он, довольный своей шуткой. - Я же говорил, что покажу вам маленькие хитрости. В нужный момент вы нажимаете на рычаг, спрятанный в подлокотнике, и спинка, откидываясь назад, превращает его в удобное ложе.

Анжелика находилась в таком положении, что ей было затруднительно обороняться. Чтобы подняться, ей пришлось бы обхватить маркиза за шею, что сделало бы ее еще более легкой добычей.

- Не сердитесь, - сказал он. - Я сейчас открою вам имя того господина, который нынче так низко вам поклонился и который во хмелю рассказывает, что он вас знает и пользовался вашей благосклонностью.

Анжелика тут же перестала вырываться из его объятий, охваченная любопытством:

- И кто же он?

Вильдавре краем глаза разглядывал лежащую Анжелику, чьи волосы разметались по гобелену с мифологическим сюжетом, которым было обито злосчастное канапе. Он был доволен, как кот, только что поймавший мышь.

- Вы не станете на меня сердиться?

- Нет, но говорите же.

- Это дворянин из окружения короля.

- Ну, в этом я не сомневаюсь... Но что еще вы о нем знаете?

- Он здесь под вымышленным именем... Хочет, чтобы все думали, будто ему здесь поручена некая миссия, требующая инкогнито, но готов поспорить, что дело в другом, - он скомпрометирован какой-то шалостью и решил на время удалиться от придворных интриг. И тем не менее я его узнал.

- И кто он?

Вильдавре использовал важность сообщаемых им сведений как предлог для того, чтобы придвинуть губы к уху Анжелики, и между двумя легкими поцелуями прошептал:

- Это брат фаворитки.

- Какой фаворитки?

- Но у короля она только одна! - раздраженно воскликнул маркиз. - Несмотря на его капризы, это все та же самая, наш общий враг, та, из-за которой Лозен оказался в тюрьме, а я - в Канаде. Атенаис, маркиза де Монтеспан...

Перед мысленным взором Анжелики промелькнула целая череда образов, словно она быстро перелистала иллюстрированную книгу.

- Брат Атенаис... герцог де Вивонн...

Воспоминания сделались более четкими: веер, открываемый и закрываемый с галантной шутливостью, быстро щелкающий, позволяющий видеть спальню, синее море, красный шелковый шатер на полубаке галеры и на устилающих его пол подушках двое, сжимающие друг друга в крепких, жарких объятиях. Это было не в Версале. Это было в Марселе! На Средиземном море! И очаровательный адмирал флота королевских галер, брат фаворитки, держал ее в своих объятиях.

«Господи! Ведь... я с ним спала», - подумала Анжелика.

Тут она вдруг осознала, что Вильдавре, воспользовавшись тем, что она предалась воспоминаниям, завладел ее губами и целовал их с

большим знанием дела. Он действительно хорошо целовался, этот сибарит!

- Пере... перестаньте сейчас же, - приказала она, вырываясь на сей раз достаточно энергично. - Я вам запрещаю.

- Но вы показались мне сейчас такой доступной, такой согласной...

- Это вовсе не так... - запротестовала Анжелика, пытаясь вырваться из канapé-ловушки. - Вы так ошеломили меня этими откровениями об этом господине де Ла Ферте, что я думала совсем о другом.

- Вы, женщины, вечно не оправдываете надежд! - пожаловался маркиз - А вы, Анжелика, умеете делать это лучше всех прочих! Я от вас такого не ожидал.

- Но я же вам ничего не обещала.

- Разве вы приехали в Квебек не для того, чтобы...

- Чтобы есть печеные яблоки с карамелью, сидя с вами перед камином, ничего другого.

- Скажите, я для вас обуза?

- Иногда, - подтвердила она.

Она выпрямилась и села, пригладив воротник платья и постаравшись привести в порядок волосы. Герцог де Вивонн... Она была крайне раздосадована тем, что где-то совсем рядом с нею находится тот, кто знает так много о ее прошлом и положении при дворе. По мере того как перед нею проходила вереница воспоминаний, она все яснее осознавала, к каким последствиям это может привести. Наверняка это он, герцог де Вивонн, произнес те слова в день их прибытия, когда Жоффрей де Пейрак выходил на площадь под своими знаменами. «Когда он плавал по Средиземному морю, этот серебряный щит был изображен на другом поле - на красном».

«Какое невезение! Какая катастрофа! - в отчаянии говорила она себе. - Он нас узнал... Он может нам навредить...» Но затем она вспомнила, что герцог

скрывается под вымышленным именем и, возможно, вовсе не жаждет, чтобы о нем узнали в Канаде. Правда, он кланялся ей весьма настойчиво, и это было неприятно.

– Вы меня огорчаете, – вздохнул Вильдавре.

– Ах! Ну хоть вы не теряйте головы, – раздраженно отвечала Анжелика.

Но, видя, как он расстроен, и подумав, что именно благодаря ему она живет в таком приятном месте, она по-сестрински поцеловала его в щеку:

– Да не дуйтесь вы, мой дорогой, вы ведь знаете, что я вас люблю и предпочитаю всем остальным. Но не валяйте дурака. Зима еще только началась. Если вы сейчас будете мчаться без остановок, мы так никогда и не достигнем цели. Ну полно, маркиз, будьте же благоразумны!

Вильдавре уверил ее, что, обожая ее всем сердцем, он вовсе не хотел доставлять ей неприятности, что он пришел лишь для того, чтобы облегчить ей жизнь. По его словам выходило, что единственной целью его шаловливых поцелуев было излечить ее от чрезмерной серьезности, которой она заразилась из-за того, что слишком поздно познакомилась с ним, Вильдавре, которого «Небеса послали на землю, чтобы все вокруг стали счастливы». Еще он сказал, что она может наслаждаться покоем Квебека и что здесь ее ждут только радости, потому что жизнь прекрасна и не стоит растрачивать ее на глупые трагедии. Ведь все эти любезности не ведут ни к каким последствиям, не так ли? Анжелика согласилась. Они рассмеялись, породственному поцеловали друг друга и поклялись быть верными и помогать друг другу, как в добрые старые времена, когда они вместе сражались против этого демона в женском облике, герцогини де Модрибур.

Анжелика охотно признала, что без помощи маркиза Квебек мог бы ее испугать, потому что слишком многое

в нем скрыто от посторонних глаз, этот город слишком во многом отличается от Франции. Но Вильдавре знал все и был ей предан.

К действительности их вернули донесшиеся со двора детские голоса и смех. Онорина, Шерубен и сопровождавшие их взрослые проследовали в дом. Анжелика попросила Вильдавре вновь привести канapé в пристойный вид.

– Вы все-таки покажете мне, как действует эта ваша дьявольская система?

Но маркиз отказался раскрывать секреты механизма, который он разработал сам.

– Чтобы вы потом могли воспользоваться этим с кем-то другим? Никогда!

Глава XIV

«Я сумею избежать встречи с ним», – сказала себе Анжелика, думая о герцоге де Вивонне, брате Атенаис де Монтеспан, которого, на ее беду, судьба привела в Квебек как раз тогда, когда там находилась она.

Однако последние дни ее первой недели в Квебеке были так полны различных занятий, событий и хлопот, что она решила, что подумает об этой неприятности позже.

Можно было бы подумать, что она жила в Квебеке с рождения, так естественно она усвоила этот образ жизни, которому всегда отдавала предпочтение, по крайней мере в мечтах. Так, что могло быть приятнее, чем начинать день с раннего похода на утреннюю мессу? Сразу появлялся повод понаблюдать с порога за восходом солнца, после чего можно было поздороваться с людьми из своего эскорта и с первыми зеваками на улицах.

В эскорт Анжелики всегда входили Пиксарет и Адемар, которого она спасла от дыбы, попросив отрядить его в свое распоряжение, так что несчастный солдат был восстановлен в армии и не понес никакого наказания. В качестве стражника он должен был обеспечивать защиту госпожи де Пейрак и стоять на часах перед ее домом... или внутри дома, если на улице будет холодно.

Мадемуазель д'Уредан, ее соседка из дома напротив, все еще отказывалась ее принять. Когда Анжелика брала в руку дверной молоток, служанка-англичанка приоткрывала дверь, смотрела на нее в образовавшуюся щель, после чего захлопывала створку перед ее носом.

Зато индейцы, разбившие лагерь неподалеку, всякий раз, когда она выходила из дома, окружали ее и вместе

со своими собаками сопровождали до церкви. У нее уже были бедняки, о которых ей надлежало заботиться, и среди них старый папаша Лубетт, который жил в нижнем конце их улицы. Ей о нем рассказал Вильдавре:

- Представьте себе, что в день вашего приезда в Квебек о нем все забыли. А поскольку он немощен и одинок, он бы умер, если бы не я. Я вспомнил о нем утром и помог старику. Это старый медведь, вспыльчивый, но интересный. У него есть замечательная индейская трубка и восхитительный дубовый буфет.

Госпожа де Меркувиль было предложила Анжелике для тяжелой работы по дому услуги своего раба-индейца из племени пауни, единственного племени, членов которого другие индейцы обращали в рабов. Однако потом внезапно передумала:

- Нет! С тех пор как его заклеили цветком лилии, я уже не могу с ним сладить. Боюсь, он вас разочарует...

И она объяснила, что вначале не могла нарадоваться на этого превосходного юношу, которого один траппер привез с Великих озер, а она купила за пятнадцать ливров и окрестила.

Но однажды он украл топор во время пожара - преступление, за которое полагалось суровое наказание, - и в соответствии с французским законом его заклеили цветком лилии в правую щеку. И вот после этого он возгордился, заявив, что отныне он принадлежит только королю Франции и больше не будет выполнять ничьих приказов, кроме приказов монарха.

- Ход рассуждений этих индейцев выше нашего понимания, - сказала она. - Вы скоро это сами увидите, моя милая.

Многие разговаривали с Анжеликой так, словно она только что приехала из Франции и впервые сошла на берег.

Она наняла молодую канадку, чтобы та помогала Иоланде в течение дня. Правда, Иоланда не жаловалась

на чрезмерное обилие работы, но надо признать, что из-за детей у нее был хлопот полон рот.

Этой женщине было двадцать три года, и ее звали Сюзанна Легань. Она была высокой, крепкой, шустрой и разбитной – истинная дочь этого сурового края. Замуж она вышла в четырнадцать лет за солдата из Кариньянского полка. По окончании военной кампании он остался в Канаде, и ему дали в аренду участок земли. У нее было уже четверо детей, все мальчики, а жили они недалеко от города, на склоне холма Сен-Женевьев, который возвышался над монастырем францисканцев. Она объяснила, что в этом году ее муж, ушедший к Великим озерам, был ранен и ему пришлось зазимовать в крепости Фронтенак, на берегу озера Онтарио. Ей сказали, что рана неопасная, но поскольку он не привез в Квебек пушнины, то денег у семьи нет. Вот почему она с удовольствием поработает за несколько экю.

Дела на ферме семьи Легань шли хорошо. Они наняли работников, мужа и жену, которые делали всю тяжелую работу, а женщина еще и присматривала за младшими детьми.

Бабушка Сюзанны, старая канадка, полупарализованная, но властная, руководила домом, не вставая с кресла. Рассказывая обо всем этом, Сюзанна давала понять, что больше всего на свете ей нравится разглядывать со своей фермы город. Ей страшно интересно оказаться в доме приезжих, о которых столько всего говорят.

Утром она принесла молока от своих коров, масла и яиц. Она сразу же подружилась с Иоландой, которая хотя и приехала из Акадии, но все же родилась в Америке.

В пятницу Юсташ Банистер объявил соседу войну, вывалив навоз из хлева прямо под дверь дома маркиза, так что стало невозможно выйти на улицу.

Вильдавре был в ярости, тем более что, когда он пришел за Анжеликой, чтобы проводить ее на мессу, его поджидал сержант канцелярии Королевского суда, в полицейском мундире. Канцелярист потребовал с него десять су штрафа за «нарушение за номером девять распоряжения, изданного господином главным смотрителем дорог Канады и утвержденного прокурором Высшего совета 6 мая 1640 года, касающегося содержания животных в хлевах и конюшнях и предусматривающего наказание в виде штрафа, коему подвергается всякий человек, выбрасывающий подстилку из-под вышеназванных животных на общественную дорогу и особенно на улицу перед частным домом».

- Но это не мой навоз! - вскричал Вильдавре. - Я не стану платить.

Видя, что он категорически не желает платить сержанту канцелярии суда десять су штрафа, Анжелика предложила пойти к самому смотрителю дорог господину де Шамбли-Монтобану, который жил на улице Клозери в двух шагах от дома маркиза.

Сопровождаемые уже довольно многочисленной толпой, они дошли до прелестного дома, который у многих вызывал зависть. Затененный лиственными деревьями, такими как березы, вязы, буки, с небольшими вкраплениями черных елей, он представлял собой идеальное место для приема веселых и галантных гостей.

Анжелика и маркиз немало удивились, встретив там господина Николя де Барданя и офицеров его свиты, а также его камердинера, лакеев, повара и конюхов. Господин де Шамбли-Монтобан, имевший менее многочисленную свиту, отправился жить в другое место, с радостью оказав услугу посланнику короля, который до тех пор вынужден был ютиться в отдаленном жилище на краю равнины Авраама.

Изумленный Николя де Бардань поцеловал Анжелике руку:

- Моя дорогая! Вот и вы... Как же я счастлив!.. Теперь я ваш сосед.

- Вы неисправимы, - прошептала Анжелика.

- Мой прекрасный друг, - также шепотом возразил Николя де Бардань, - какой смысл, как в ловушке, просидеть несколько месяцев в скованном зимой Квебеке, если бы я жил вдали от вас? Господин де Шамбли-Монтобан оказал мне великую услугу, и я сумею отблагодарить его за любезность.

В неожиданном приходе Анжелики он увидел доброе предзнаменование для развития любовных отношений.

Но Анжелика тотчас вывела его из заблуждения:

- По правде говоря, мы ищем господина главного смотрителя дорог.

- Он здесь больше не живет. Хотя я охотно оставил бы ему крышу над головой. В Квебеке везде чувствуешь себя как дома. Анжелика, моя милая соседка, отныне я буду иметь счастье видеть вас каждое утро. Обойщики еще не расставили по местам мебель и не разместили мой гардероб. Сейчас я должен помочь секретарю распаковать книги и поставить их на полки в библиотеке. Но вы же вернетесь, чтобы навестить меня в этом чудесном доме, не правда ли? Особенно теперь, когда мы так близко друг от друга.

Взбешенный Вильдавре вывел Анжелику вон. Теперь он предпочитал заплатить десять су.

Мысли о герцоге де Вивонне совершенно растворились во всей этой суете. Да и он ли это? Может статься, Вильдавре ошибся?

Она каждый день навещала Польку. Если послушать ее, то выходило, что все эти годы она ни на миг не забывала Анжелику.

- Ты постоянно была у меня перед глазами во все дни моей жизни, - уверяла Полька, без сомнения слегка

преувеличивая, – ведь именно ты, маркиза, научила меня почти всему, что я знаю. Ты и иезуит.

Анжелика никак не ожидала, что окажется в одной компании с отцом д'Оржевалем и что они оба при этом выступят в роли воспитателей.

Слыша то там, то здесь обрывки разговоров, она вынуждена была признать, что грозного иезуита в Квебеке любили. Именно поэтому он имел такую власть над простыми людьми.

Хотя многие в городе испытали облегчение, когда он исчез. Но его участь вызывала также и искреннюю тревогу. Было похоже, что никто не знает, что с ним случилось. А поскольку люди не могли поверить, что он скрылся по доброй воле, поползли самые фантастические слухи, их передавали шепотом. Говорили, что, узнав о приближении кораблей Пейрака, он вознесся на небеса и исчез за облаками или что он сел в одно из летящих по небу пылающих каноэ, точно пророк Илия, несущийся на своей огненной колеснице. Иные намекали, что его убили. Убили с помощью колдовства, и кое-кто видел его призрак, поднимающийся на лодке по реке мимо Труа-Ривьер.

В самом ли деле Анжелика слышала, как отец Геранд прошептал ей: «Из-за вас он умрет»?

Не был ли и он сам призраком? Нет! Однажды она видела его в соборе среди других иезуитов на скамье для певчих.

Она встретилась с госпожой де Меркувиль, и та пожаловалась на «королевских дочерей»:

– С ними трудно.

Анжелика забеспокоилась, что девушки слишком много болтают о том, что видели во время скитаний в окрестностях Голдсборо. Но оказалось, что госпоже де Меркувиль прежде всего не нравятся их претензии.

– Они уже заранее привередничают в выборе будущего супруга и строят недовольные гримасы, когда

я им предлагаю какую-нибудь работу, – пояснила она. – Взять хотя бы ту девушку, дочь белого и мавританки. Я думала, что оказываю ей услугу, предложив, чтобы она помогала Перрине, моей чернокожей кормилице. Но эта девушка мне возразила, что ее воспитали дамы из Сен-Мора, что ее крестная мать была знатной дворянкой и что она приехала в Канаду не для того, чтобы стать рабыней, а для того, чтобы выйти замуж за офицера. Я вам сразу говорю, что такой брак не представляется возможным. Единственная из этих девушек, кто кажется мне достойной внимания, – это Дельфина дю Розуа. Но тут возникла трудность иного рода – она-то как раз и не хочет выходить замуж.

И Анжелика решила нанести визит госпоже де Меркувиль, дом которой был всегда полон детей и разного рода посетителей.

Уже в вестибюле маленькая лакомка Эрмелина бросилась в ее объятия. Кормилица с Мартиники сказала ей, что малышка все время убегает, стремясь найти госпожу де Пейрак. Ее чудесное исцеление явно зашло слишком далеко, потому что если раньше кормилица боялась, что девочка никогда не встанет на ноги, то теперь она устала за нею бегать.

Расцеловав девочку, Анжелика занялась «королевскими дочерьми» и слегка их пожурила:

– Вы должны соглашаться на ту работу, которую вам предлагают, в ожидании, когда Высший совет примет решение. Ваше приданое будет восстановлено, вещи для вас соберут, но вам придется продемонстрировать ваши таланты, благонравие и хорошее воспитание, если вы хотите, чтобы молодые люди из этих краев захотели взять вас в жены.

Скоро Рождество, и многие молодые холостяки, живущие на дальних фермах, приедут в Квебек, чтобы присутствовать на праздничных богослужениях.

Мы воспользуемся Святками, чтобы на Крещение устроить большой бал. Господин губернатор откроет по этому случаю гостиные замка Сен-Луи. Вы явитесь на этот бал, и вам представится возможность познакомиться с будущими кавалерами...

Сироты и воспитанницы парижского Отель-Дьё широко раскрыли глаза и в восторге захлопали в ладоши. Эти девушки, видевшие в своей жизни только стены приюта, где их держали с семилетнего возраста под присмотром благочестивых, но строгих монахинь, не верили своим ушам.

- Мы пойдем на бал? Во дворце губернатора? Даже мы, сударыня?

- Да, даже вы! Мы в Канаде, а здесь смотрят прежде всего не на звание, а на самого человека, его достоинства и недостатки... Вам хватило смелости пересечь океан, чтобы добраться до Новой Франции, и это оценят. Я позабочусь о том, чтобы вы были хорошо причесаны и одеты, но вы, со своей стороны, должны будете вспомнить хорошие манеры, которым вас научили ваши воспитательницы. Красивые, скромные, любезные девушки не останутся на балу без внимания.

«Королевские дочери» мечтательно потупились.

Дельфина дю Розуа попросила Анжелику о приватном разговоре.

- Сударыня, если бы я знала, что вы не возьмете меня к себе на службу, - сказала она, - то осталась бы в Акадии. Я так жалею, что не оказалась в Голдсборо, как некоторые мои спутницы, у которых там были женихи и которые сумели скрыться в момент отъезда госпожи де Модрибур.

Господин Патюрель заверил их, что он о них позаботится. Поначалу Голдсборо немного пугает, когда видишь всех этих еретиков и пиратов, которые нашли там приют, но скоро понимаешь, что там царит человеческое участие и тепло. Сударыня, могу ли я

попросить вас принять во внимание мою нижайшую просьбу отвезти меня обратно в Голдсборо, когда вы будете туда возвращаться?

- О возвращении мы пока не думаем, - возразила Анжелика. - Река Святого Лаврентия скоро замерзнет, и мы не сможем уехать из Квебека до весны. Так что у вас будет время подумать.

У нее мелькнула мысль: «Кто знает, вернемся ли мы когда-нибудь в Голдсборо? И куда судьба повлечет нас весной?..»

Зимой смеркается рано, и, когда она оставила дом Меркувилей, было уже темно.

На фоне темного неба в воздухе, не долетая до земли, в легкомысленном танце кружились мелкие тающие снежинки.

Анжелика чувствовала себя подавленной, как каждый раз, когда ей приходилось вспоминать события прошедшего лета: Амбруазину, ее безумные сетования, ее давний союз с отцом д'Оржевалем. «Там, в горах Дофине, нас было трое детей, несущих печать проклятия: он, Залил и я». Нелегко разорвать магический круг, если попал в него в детстве.

За стеклами витражей часовни урсулинок мягким светом горели восковые свечи. Оттуда слышались псалмы, распеваемые звонкими женскими голосами. Монашки пели покаянные молитвы, чтобы искупить страшное преступление - кражу облаток.

И вскоре у Анжелики стало опять легко на душе. Плывущий над Квебеком немолчный колокольный звон уносил все тревожные и мрачные мысли, оставляя лишь думы и заботы о том, что действительно достойно внимания: о повседневной жизни, спасении души, молитвах, богослужении, о светских развлечениях и обязанностях, приближении зимы, о провизии, хранящейся в погребах и на чердаках, и опять о молитвах, о богослужении и так далее.

В воскресенье во время мессы Анжелика увидела, как четыре мальчика в стихарях внесли в собор столик с нарезанным сладким пирогом. В знак уважения церковный староста предложил пирог сначала ей. И Анжелика забыла, что прошло всего-навсего восемь дней с тех пор, как она поднялась на гору, в Верхний город, чтобы присутствовать на благодарственном молебне в соборе.

Она забыла о времени и о том, что где-то в городе есть человек, который некогда был ее любовником и, возможно, воспользуется этим обстоятельством, чтобы нарушить гармонию ее дней, о том, что есть ясновидящая монахиня, которая может узреть в ней приспешницу Сатаны, и фанатичный священник, предающий ее анафеме.

Она забыла о прошлом, настоящем и будущем. Запах сладкого пирога, смешанный с запахом ладана, перенес ее в маленькую церковь Монтелу, ее родной деревни, в те мгновения, когда раздавали «благословенный хлеб», так любимый детворой.

И, медленно, сосредоточенно жуя пирог, как когда-то давным-давно в детстве свою часть бриоши, она отдалась во власть этих идиллических образов, которые никогда не умирают в душе. Каким-то чудом она вновь обрела в Квебеке воспоминания о Франции, Пуату, Монтелу, старом замке с подъемным мостом и о своем счастливом детстве.

Глава XV

«Прошла уже неделя с тех пор, как в Квебек приплыли эти чужаки с „Голдсборо“, – писала мадемуазель д’Уредан, утопая в подушках с наволочками, отделанными кружевом, и время от времени поднимая глаза на дом напротив. – И я могу сказать вам без обиняков: эти люди произвели в городе переворот, но совсем в другом смысле, чем мы опасались. Я это ощущаю, хотя никто со мною об этом не говорил. Можно сказать, что мои друзья меня покинули, чтобы переметнуться к этим всеобщим любимцам, господину и госпоже де Пейрак.

Интендант Карлон после приезда навестил меня только один раз. Он явился после чрезвычайного заседания Высшего совета, очень возбужденный, чтобы объявить мне, что он будет изготавливать поташ вместе с господином де Пейраком, обменивать сало на свиней и производить шерстяные ткани... Да вы его знаете: для того чтобы чувствовать себя счастливым, ему не нужно ничего другого... Но, зная, какую слабость я к нему питаю, вы поймете, как я страдаю из-за его ко мне охлаждения.

Зато благодаря тому, что в соседнем со мною доме маркиза де Вильдавре поселилась эта красавица, которую считают колдуньей, в мой дом зачастили люди, без общества которых я прекрасно бы обошлась. Они хотят удовлетворить свое любопытство, следя за этой дамой из моего окна, из которого в самом деле получился превосходный наблюдательный пункт. Эти несносные личности уверяют меня, что навещают меня из дружеского расположения, но меня не обманешь. Я себе не льщу.

Среди прочих меня посетила госпожа де Канвер... Та самая госпожа де Канвер, которую я вижу не чаще чем раз в год, когда она не может найти партнеров для того, чтобы потерять за игрой свои деньги. Тогда она приходит ко мне, чтобы сразиться в «тридцать одно» – игру, в которую я играю довольно ловко. Так вот, вчера она явилась ко мне с изъявлениями горячей приязни. Ее сопровождали четверо господ из ее окружения, и спешу сообщить, что нашла их весьма неприятными. Это господа де Ла Ферте, де Бессар, де Сент-Эдм и д'Аржантейль. По тому, как они уселись, повернувшись к улице и уставившись на дом Вильдавре, я поняла, они явились, чтобы подсматривать за нашими гостями. Они чуть не свернули себе шею и не преминули задать мне тысячу вопросов о прекрасной госпоже де Пейрак. Эти четверо выглядят как негодяи, и каждый из них играет определенную роль в этой шайке разбойников.

Тот, которого зовут Бессар, распоряжается деньгами. Он их банкир. Думаю, он ограбил немало людей, из-за чего его и сослали в Канаду.

Самого молодого зовут Мартен д'Аржантейль. Должно быть, он младший сын и сопровождает господина де Ла Ферте, который, несомненно, занимает во Франции высокое положение. У этого д'Аржантейля красивое лицо, но бегающие глаза. Он был в красных перчатках, заказанных для него господином де Ла Меллуазом, и все время сгибал и разгибал пальцы, как будто хотел кого-то задушить. Он дал мне понять, что был содержателем королевского зала для игры в мяч и некогда частенько играл с его величеством. Но, пожаловался он, король уже несколько лет как бросил это занятие, предпочтя ему охоту. Еще д'Аржантейль говорил о магии и алхимии. Он был влюблен в маркизу де Бренвийе, эту отравительницу, которую недавно обезглавили на Гревской площади, и оплакивает ее, говоря, что она была «святая». Лучше бы он болтал об

этом поменьше. Это, несомненно, и есть причина его пребывания так далеко от Парижа.

Буду говорить откровенно: я боюсь, что кто-то из этих дворян, а может статься, что и все четверо, поражен неаполитанской болезнью, этим ужасным недугом, случающимся от плотской любви и занесенным во Францию армиями короля Карла VIII после чересчур галантной войны с итальянцами, которые заразились им от испанцев, побывавших в Америке.

Это ужасная болезнь, от которой мужское достоинство может отвалиться, как сгнивший плод, а женщины становятся отвратительными, потому что эта проказа разъедает в них все самое сокровенное, самое драгоценное, самое желанное и очаровательное.

Я не переставала думать об этом на протяжении всего их визита, и вы меня поймете, если я скажу, что вовсе не была обрадована, видя, как они сидят в моих креслах, обитых вышитым шелком.

Господин де Сент-Эдм и господин д'Аржантейль спросили меня, считаю ли я, что госпожа де Пейрак колдунья. И как раз в эту минуту она прошла мимо. Ее сопровождал господин де Бардань, королевский посланник, который все время бродит в нашем квартале.

Эти господа тотчас замолчали, а господин де Ла Ферте даже подался вперед. Я видела, как блестят его глаза. Они голубые-преголубые, но мне не нравятся...»

Глава XVI

Вторая неделя в Квебеке началась плохо. Сначала все складывалось хорошо. Рано утром в понедельник, открыв дверь, Анжелика увидела молодого красивого мужчину, хорошо сложенного и элегантного, который в лучах восходящего солнца был похож на неожиданно спустившегося на землю архангела.

Из-за этого сияющего ореола из солнечных лучей Анжелика не сразу узнала прокурора Высшего совета Ноэля Тардые де Лаводьера.

Она улыбнулась ему и, пригласив его войти, спросила, как поживает его прелестная жена, но он отказался входить, сразу же дав понять, что пришел не для светской беседы, а для того, чтобы разобраться с жалобой на англичанина, который состоит на службе у господина де Пейрака. Эту жалобу подали семеро городских сапожников.

Ко всему, видели, как этот приверженец извращенной религии, так называемого протестантизма, ходил по городу в шляпе с высокой тульей и стальной пряжкой спереди, характерной только для такого отродья дьявола, как пуритане, которые у себя в Англии дошли до такого святотатства, что отрубили голову своему законному королю.

Без всякого стыда, не заботясь о том, что своим видом он может напугать горожан, этот англичанин в своем женевском плаще, подобном тому, который носил этот мерзкий Кальвин, хозяин гадкого протестантского города Женевы на берегах озера Леман, спустился в порт, прогуливался, словно он у себя дома, и даже взошел на борт корабля, который только что отбуксировали в док, чтобы отремонтировать.

Анжелика объяснила, что, хотя этот англичанин – их друг, он не состоит у них на службе. И они вовсе не намеревались везти его в Квебек.

И она рассказала историю Эли Кемптона, бродячего торговца из колонии Коннектикут, что в Новой Англии. В своих странствиях он добрался до залива Святого Лаврентия, где его лодка была остановлена «Иоанном Крестителем», команда которого, как, несомненно, известно господину де Лаводьеру, состояла из отъявленных разбойников. Они взяли его в плен, чтобы завладеть его товарами.

– А что делал этот враг Франции в заливе Святого Лаврентия, омывающем Акадию, часть Новой Франции, в заливе, где могут плавать только рыболовецкие суда из Нормандии, Сен-Мало, Бретани и Наварры? Любое находящееся там английское судно должно быть потоплено без предупреждения. Так что вашему бродячему торговцу из Коннектикута еще повезло.

В конце концов Лаводьер пришел к выводу, что этот Эли Кемптон находится под официальным покровительством господина де Пейрака, потому что он шел по городу в окружении матросов с «Голдсборо», чью форму легко узнать.

– И что, скажите на милость, он делал в доке?

– Он принес корм и солому своему ученому медведю, который залег в зимнюю спячку в трюме «Иоанна Крестителя».

– Медведю?

Господин Тардые де Лаводьер сжал полные губы, которые, казалось, были созданы для того, чтобы целоваться, а не для того, чтобы уродовать их презрительными гримасами. Медведь? Эта история ничего ему не давала. Но Анжелика горячо защищала Эли Кемптона, уверяя, что он самое безобидное создание, которое только можно сыскать, и прося учесть, что он – жертва капитана Фелона, который

сейчас сидит в тюрьме. В итоге прокурор признал, что англичанин может остаться на свободе. Он даже может заняться торговлей, если ограничится продажей дорогой высококачественной обуви, которая не производится в Канаде.

- Но он должен купить патент.

- Он его купит.

- И пусть остается в Верхнем городе, и чтобы никто не видел, как он прогуливается, особенно в этой своей жуткой шляпе.

- Его никто не увидит!

Анжелика хотела было горячо поблагодарить Лаводьера, но он перебил ее:

- Да, вот еще что... Существует специальное распоряжение относительно английских пленных в Новой Франции. Вам его сейчас зачитают, чтобы вы знали, во что ввязываетесь.

Прокурор Тардье де Лаводьер пришел в сопровождении барабанщика и городского глашатая с пикой, украшенной лентами цветов города. На плече у глашатая висела сумка, в которую он складывал свитки пергамента с текстами распоряжений.

Как раз в этот момент всклокоченный Никэз Эртебиз притащил на плечах огромную бочку, на которой было написано: «Бочка с острова Орлеан, объем 408 пинт».

Перед дверью он перевернул ее (к счастью, она была пуста), и глашатай взгромоздился на нее, чем привлек внимание индейцев из маленького лагеря и нескольких рано вставших соседей.

Развернув лист пергамента и сделав барабанщику знак выбить первую дробь, этот муниципальный служащий начал нараспев читать красивым низким голосом:

- «Доводим до вашего сведения, что, утвердив нашими полицейскими правилами от двадцать шестого марта тысяча шестьсот семьдесят третьего года

распоряжения, касающиеся скоплений пленных англичан, мы призываем жителей этого города соблюдать их. Несоблюдение будет караться штрафом...»

- А что вы называете скоплением? - поинтересовалась Анжелика.

- Два-три человека и более, - отвечал прокурор.

- Разве в Квебеке найдется столько англичан? Не считая нашего пуританина из Коннектикута?

- Найдется, - подтвердил он. - Взять хотя бы служанку мадемуазель д'Уредан по имени Джесси, - тут он повернулся к домику на противоположной стороне улицы, - эту полоумную, которая отказывается переходить в истинную веру. Пусть благодарит Бога, что мы терпим ее в нашем городе, вместо того чтобы вернуть ее абенакам, которые взяли ее в плен.

Анжелика начала понимать, что Полька не ошибалась, когда назвала красавца-прокурора «заразой».

Кроткого в нем было только одно - его имя, означавшее Рождество.

- А еще есть два англичанина, которых захватили в плен гуроны и которых госпожа де Меркувиль заставляет приходить в Квебек каждый день, стараясь перенять у них секрет окраски шерсти и льна. Итак, я вас предупреждаю...

- Я поняла, - перебила его Анжелика.

Но он еще не закончил. Попятившись, он принялся внимательно разглядывать крышу дома маркиза де Вильдавре. Его навязчивой мыслью были пожары, которые за несколько минут могли бы посреди зимы уничтожить добрую половину Квебека, особенно застройку Нижнего города, где дома стояли впритык друг к другу и по большей части были построены из дерева, с крышами из дранки. Чтобы этого не допустить,

он издал драконовские правила, и тут его нельзя было упрекнуть.

- На кровле нет противопожарной преграды, - объявил он.

Речь шла о перегородках, которые разделяли дома, имеющие общую боковую стену, и могли замедлить распространение огня.

- Но ведь этот дом не примыкает ни к какому зданию и стоит далеко от других домов.

- Какая разница, закон есть закон, он обязателен для всех. Распоряжения должны соблюдаться неукоснительно: каждый новый дом должен иметь противопожарные преграды на скатах крыши. За это нарушение господину де Вильдавре придется заплатить штраф в размере пяти ливров.

Он приказал глашатаю и барабанщику идти на перекресток, чтобы объявить о распоряжениях, касающихся пленных англичан, и о других, более многочисленных, касающихся предотвращения пожаров.

Жаль, право, жаль! Ведь он так красив! Но тем отвратительнее по контрасту он казался Анжелике.

Ей захотелось ущипнуть его за кончик носа и сказать: «Вы, сударь, грубиян».

Чтобы заставить его понять, что даже при исполнении своих самых суровых должностных обязанностей красивый молодой человек не должен забывать об учтивости и снисходительности, которую женщина вправе от него ожидать. Увы! Похоже, он начисто забыл правила... если когда-либо вообще их знал, и невольно напрашивался вопрос: что стоит за его поведением? Он злобен или же просто глуп?

Он с претензиями, уж это точно. Он без всякой причины и без единого слова извинения задержал ее на пороге дома, куда вышли также Онорина и Шерубен. Сейчас они стояли, подняв к господину королевскому прокурору недовольные мордашки, и Анжелика уже

предвидела момент, когда Онорина убежит в дом, чтобы вернуться с палкой, крича: «Сейчас я вас убью!»

- Не впутывайте в это господина де Вильдавре, - попросила она. - Он великодушно предоставил свой особняк в мое распоряжение, и я бы не хотела беспокоить его из-за всяких глупостей. Кому и где я должна заплатить?

- А, стало быть, вы заплатите? За отсутствие противопожарной преграды?

- Да, заплачу я. Это вам я должна заплатить эти пять ливров, господин письмоводитель канцелярии?

- Нет. Не мне, а господину Карбонелю. Он должен зарегистрировать оплату вами этого штрафа.

- А где его искать?

- В канцелярии суда при Высшем совете.

- Я отправлюсь туда сейчас же... Но помните, господин прокурор, сегодня вы начали судебное дело, которое вам нелегко будет уладить. Оно касается спасения моей бессмертной души.

- Что... что вы хотите этим сказать? - заикаясь, спросил он, ошеломленный и наконец-то выбитый из седла.

- Из-за вас я пропущу мессу.

* * *

- Сударыня, не могли бы мы быть вам полезны? - слышались позади Анжелики голоса господина де Барданя и господина де Шамбли-Монтобана. Они пришли из особняка последнего, где пировали до глубокой ночи.

- Нет-нет, прошу вас... Лучше идите на службу замаливать грехи. А я отправлюсь в Королевскую канцелярию, чтобы заплатить штраф и наполнить радостью сердце господина прокурора Тардые.

И она бросилась бежать вниз по улице, держа за руку Онорину, не пожелавшую остаться дома.

Сегодня она была готова терпеть в качестве сопровождающих только Пиксарета, в его шкуре черного медведя, и, в крайнем случае, индейцев из маленького стойбища и их собак, которые, спасаясь от дога господина де Шамбли-Монтобана, скакали, как блохи. По правде говоря, она была рада любой возможности познакомиться с еще неизвестными ей сторонами жизни Квебека.

Здание, где располагалась Королевская канцелярия, находилось позади собора, на полдороге по склону горы, который вел к Оружейной площади и резиденции губернатора.

Окна канцелярии выходили на реку и находились как раз над постоянным станом гуронов, расположившихся в самом центре Квебека. Их собрали здесь лет десять-двенадцать тому назад, когда остатки этого племени, спасаясь от резни, учиненной ирокезами, пришли под защиту Ононсио – так они называли всех губернаторов, представляющих короля Франции.

И они остались на этой облицованной камнем земляной насыпи между Верхним и Нижним городом, одновременно под защитой бревенчатого палисада, вблизи от резиденции епископа, собора и замка Сен-Луи.

Находясь под защитой молитв одних и пушек других, они не желали искать другого места для лагеря. Только здесь, где им больше не угрожали набеги их свирепых врагов ирокезов, они чувствовали себя в безопасности.

Из крытых корой вигвамов, расположившихся прямо под окнами канцелярии, в помещение проникали резкие запахи коптящегося мяса, рыбы, медвежьего жира и маисовой похлебки. Смешиваясь с запахами чернил и бумаги, они образовывали общее амбре, и этот тяжелый дух ударял в нос.

Если не считать сей необычной детали, ничто под этими сводами, в тесных комнатухах, загроможденных многочисленными этажерками, нагруженными писаниной, не напоминало посетителю, что он находится вдали от Франции. Все здесь воспроизводило ту безликую мрачную обстановку, которую можно было увидеть в таких же канцеляриях, расположенных вокруг Дворца правосудия на берегах Сены.

Секретарь канцелярии Николя Карбонель держался в тени прокурора Высшего совета, относился к возложенным на него обязанностям с глубочайшим почтением, он верой и правдой служил Ноэлю Тардые и как свои пять пальцев знал все способы достижения целей последнего, как то: взыскание штрафов, взимание податей и сборов со строптивных горожан, а также сбор косвенных налогов, чтобы пополнить государственную казну, и всяческое поддержание финансовой дисциплины, без которой не может обойтись ни один процветающий респектабельный город.

Он был очень организованным. В его канцелярии на всеобщее обозрение были выставлены эталоны всех используемых в обиходе мер длины, объема и веса, как то: бочка, полубочка, бушель, кружка, пинта, локоть, весы с большими и маленькими гирями и цепи надлежащей длины, чтобы точно отмерять сажени дров. Полено должно иметь три с половиной фута в длину, а сажень дров - восемь футов в длину и четыре в высоту.

Должностные обязанности наложили на него неизгладимую печать: ему были присущи все странности поведения, характерные для служащих канцелярий. Так, он носил ермолку, хотя волосы его еще не поределели, одевался в строгое платье из черной или темно-серой саржи (тогда говорили, что он расслабляется) и нарочно сутулился, как бы показывая, какой груз ответственности на него давит. И наконец, слушая посетителей, он мог казаться то тугоухим, то прекрасно

слышащим, в зависимости от того, кто и что ему говорил.

Жесты его были медленными, и он казался рассеянным, но посетители очень скоро замечали, что он тотчас становился живчиком, если надо составить протокол о нарушении правил или оформить ордер на обыск, когда дело не терпело отлагательств.

- Итак, вы заплатите? - спросил он, начиная затачивать гусиное перо, одно из десяти лежавших перед ним, и раздувая тлеющие угли в небольшой жаровне, чтобы растопить воск для наложения печати на бланк протокола. Рядом с чернильницей были аккуратно разложены десять палочек красного воска.

- Да, - сказала Анжелика, протягивая руку к кошельку.

Однако, изучив дело, господин Карбонель сказал, что оплатить всю сумму у нее не получится. Она должна заплатить только два с половиной ливра, а Вильдавре, будучи владельцем дома, должен явиться лично, чтобы заплатить оставшиеся два с половиной, а также изложить, что он намерен делать в плане сооружения на своей кровле противопожарной преграды.

Анжелика вышла на Соборную площадь как раз тогда, когда прихожане выходили после утренней мессы. Только что подошедший Вильдавре был в курсе того, что произошло, и, разумеется, был крайне возбужден:

- Я ничего не буду платить и ничего не буду строить. Пойдемте к Базилю, он нам посоветует, что делать. Только он один может образумить этих хищников.

Видя, что они направляются в сторону Нижнего города, малышка Онорина внезапно вцепилась в Анжелику и громко завопила:

- С меня хватит! Я тебя почти не вижу! Вечно ты куда-то уходишь. Ты больше не занимаешься ни мной,

ни Шерубеном. Только и носишься с этой маленькой лакомкой... Я хочу вернуться в Вапассу!

Это возмущение, давно копившееся в ее маленькой головке, наконец прорвалось наружу. Дело было в том, что она с раннего утра наблюдала, как отдаляется тот момент, когда мама напечет ей к завтраку блинов, и не просто напечет, а покажет, как они, переворачиваясь, прыгают на сковородке. Еще ее огорчало то, что они находятся рядом с домом Меркувилей, в открытой калитке которого сейчас непременно появится эта грозная маленькая Эрмелина, этот неисправимый бесенок, вечно рыщущий в поисках конфет, лакомств и, главное, Анжелики.

И она в самом деле появилась и быстро, как маленький эльф, побежала к Анжелике. Ее ножки, казалось, не касались земли, и она радостно кричала и смеялась, точно ликующая птица.

Это было уже слишком!

Онорина завопила во все горло, зажмурился глаза и широко разинув рот. По ее щекам катились горячие слезы. Судя по всему, она тоже решила покорить Квебек, как и ее мать в день приезда, только несколькими средствами.

Ее отчаянные вопли наконец положили конец бессмысленной болтовне взрослых.

- Я тебя почти не вижу, - сквозь слезы повторила Онорина, вдруг начав от острой обиды, как в раннем детстве, картавить и сюсюкать. - Ты то плиходис, то уходис. Ты все влемея в гостях, а я толчу дома. Сто мне делать с этим Серубеном?.. Я хочу велнуться в Вапассу. Хочу иглать с Балтелеми и Тома. Почему мы не взяли их с собой?

- Ты прекрасно знаешь, что мы не могли привезти их сюда. Они ведь протестанты.

- Я хочу облатно к плотестантам! - еще громче заорала Онорина.

Выкрикивать подобные слова в самом сердце этого папистского города было по меньшей мере неуместно.

Они поспешно возвратились домой, закрыли все двери на задвижки и засовы.

И наконец, успокоившись, намазали большую сковородку жиром и, поставив ее на угли камина, начали печь блины.

Чтобы развеселить дочь, Анжелика взобралась вместе с нею по короткой лесенке на самый верх. Из чердачных окон были видны все окрестности.

Анжелика и Онорина высунулись из окна, хотя задувал резкий ветер. Теперь они могли обвести взглядом округу. Отсюда можно было видеть, что творится за стенами и палисадами.

Двор монастыря урсулинок был виден лучше всего и более всего возбуждал любопытство Онорины и ее матери. Несмотря на окружающие его высокие стены, они могли без труда следить за повседневной жизнью этих женщин, проводящих дни в молитвах и трудах, а также за их маленькими воспитанницами, в основном это были дочери простых горожан и живущих вдалеке дворян – эти были на полном пансионе. Сейчас девочки водили в саду хоровод.

Анжелика заметила, что главным развлечением этих детей были танцы – по большей части крестьянские танцы, привезенные их родителями из своих родных провинций: бурре, ригодон.

Девчушки держались за руки и кружились в хороводе, сначала в одном направлении, потом в другом, затем вставали в два ряда друг против друга, то сближаясь, то отступая, хлопая в ладоши, приседая в реверансах... Звонкие детские голоса далеко разносились в морозном воздухе, снова и снова повторяя простые слова песенки:

В Нанте на мосту Танцует Марион, В Нанте на мосту Танцует Марион.

Пастухи, сюда идите, Потанцуйте с Марион, Прыгайте, танцуйте, Нравится – целуйте.

Среди девочек были и маленькие индианки. Им позволили сохранить свою одежду из отделанной бахромой замши, мокасины и единственное маленькое перышко, заткнутое за расшитую жемчугом ленту, которой были схвачены их длинные черные волосы. Веселые и шаловливые, они танцевали и кричали не меньше остальных.

В углу сада, вокруг постоянно дымящегося костра, располагалось несколько индейских хижин – индейский лагерь, разбитый под благословенной сенью добрых урсулинок.

У костра целыми днями копошилась старая индианка, то приподнимая крышку котла, чтобы проверить варево, то снимая его с огня, то добавляя кусочек сала, подбрасывая горсть маиса или подливая чашку воды. Иногда девочки, точно стайка воробьев, собирались в этом углу сада, усаживались вокруг нее и слушали какую-нибудь историю, не забывая угощаться сагамитом, который они пальцами вылавливали из котла.

Затем они вновь разбегались, играли в догонялки, залезали на деревья – приземистые низкие яблоньки, чьи корявые стволы и искривленные сучья среди молодых побегов свидетельствовали о том, как трудно расти деревьям, как их ветви обламывались под тяжестью снега или корки льда.

Яркие наряды девочек оживляли голые темные ветки.

- Как им весело! - сказала Анжелика, обращаясь к Онорине. - Тебе не хочется как-нибудь пойти поиграть с этими девочками?

Онорина, наблюдавшая за ними с интересом, помотала головой.

«Нужно научить ее читать», - подумала Анжелика.

Она знала, что ей никогда не хватит духу оставить Онорину на пороге монастыря, если только та сама не изъявит желания. Онорина всегда была одна. Рядом с матерью всегда и везде. Она испытывала недоверие к обществу, как будто инстинктивно чувствуя, что оно отвергло ее сразу после рождения. День, когда она пойдет играть с маленькими канадками, будет означать, что в ее судьбе наступил перелом.

Но пока что Онорина говорила: «Нет».

- А мальчики в семинарии играют так же весело, как эти девочки у урсулинок? - спросила она.

Анжелика слышала, что в основном они играют с клюшками в одну ирокезскую игру, которой страстно увлечены. Стоит им остаться одним, как они тут же хватают клюшки и мяч из туго скрученных кожаных ремней и гоняют его этими клюшками. Кроме того, как все мальчишки, они любят играть в снежки. Они непоседливы и шумливы, и аббат, работавший в миссиях Венсана де Поля, находит, что они более неуравновешенны, но в то же время более смыслены, чем их французские сверстники. Эти маленькие канадцы тоже любят танцевать, но, по мнению их воспитателей, это языческие танцы, которым они научились от своих однокашников-индейцев. Так что им запретили танцевать, потому что такие пляски вызывают у маленьких индейцев тоску по дому и они сбегают из-за высоких семинарских стен в лес, к своим родным племенам.

Что касается того, что поведал ей Вильдавре, то она решила рискнуть и провести небольшое расследование,

чтобы окончательно удостовериться, что он не ошибся. Разговаривая как-то с метрдотелем Тиссо, она внезапно спросила его:

– Вы, служивший при дворе, не узнали ли, случайно, человека, которого можно видеть в городе и который скрывается под именем герцога де Ла Ферте?

Он искоса посмотрел на нее и утвердительно кивнул.

– Это очень странно, не правда ли? – разочарованно заметила она. – Стало быть, это действительно он. Какие причины могут побудить человека столь высокопоставленного и уверенного в своем положении благодаря статусу своей сестры скрываться под вымышленным именем и бежать из страны?

– Причин, по которым знатному вельможе может прийти охота, чтобы его на какое-то время забыли, предостаточно. За некоторые преступления правосудие теперь карает куда более беспощадно, чем прежде. Оно получило и право, и возможности, чтобы во всех случаях докопаться до правды.

Он понизил голос:

– В прошлом году его величество тяжело болел, так тяжело, что уже начали бояться, как бы он не умер. Врачи, несмотря на все свое невежество, в конце концов заговорили об отравлении. Нас, тех, кто имел отношение к королевскому столу, долго допрашивали. И мы все поняли. Госпожа де Монтеспан немного переусердствовала, подсыпая королю любовные снадобья, которые должны были вновь воспламенить его остывающую страсть. И пусть даже герцог... де Ла Ферте сыграл в этом деле роль незначительную, дознаватели все же подошли к нему совсем близко, начав расспрашивать его слуг и домочадцев. И он счел за лучшее скрыться от их нездорового любопытства, по крайней мере на ближайшее время. Ведь если бы король умер, то он оказался бы виновным в покушении на монарха.

- Вы тоже решили покинуть страну именно из-за этой истории?

- В силу своей должности виночерпий знает слишком много. Поэтому ему первому достается на орехи и от тех и от других. Одни заинтересованы в том, чтобы он молчал, другие - в том, чтобы он заговорил.

- А вы не опасаетесь, что «он» узнал вас здесь, в Квебеке? И что он, боясь огласки, попытается заставить вас замолчать? Ваше положение в нашем доме сослужило вам плохую службу.

- Я сейчас в таком же положении, как и вы, сударыня. Ведь вы не ожидали встретить его здесь. Но не стоит удивляться этой встрече. Можно было бы удивиться, если бы было наоборот. Ведь что ни говори, мир тесен. В известных местах всегда встречаешь известный сорт людей. Состоя на службе у графа де Пейрака, я буду стараться по мере возможности не выходить из усадьбы Монтины, которая стоит на отшибе. Немного ловкости - и я смогу избежать новой встречи с этим субъектом.

- Дай-то бог! Я вас полностью в этом поддерживаю. Но вам придется быть очень осторожным. Ведь мы заперты в этом городке, где каждый быстро узнает все обо всех и откуда невозможно убежать.

- Поверьте мне, сударыня, в Версале приходится быть не менее осторожным и там вас подстерегают не меньшие опасности. Не стоит много об этом думать, а действия следует предпринимать, только когда вам грозит реальная опасность. А когда ни оснований, ни опасности нет, немного беспечности и побольше философии - и вы преодолете все. Уверен, что госпожа графиня знает это не хуже, чем я...

Глава XVII

Дикие гуси улетали. Это означало, что зима неумолимо приближается.

Пока они оставались здесь, все двести тысяч, на мысе Бурь, можно было поручиться, что поздняя осень будет довольно теплой, а в этом году погожие деньки стояли еще дольше, чем обычно.

Почти два месяца, прилетев из Арктики, где они коротали лето, большие белые гуси провели на болотистых отмелях, которые тянулись до самой дальней оконечности Бопре, единственного места, где птицы находили растения и корешки, необходимые им, чтобы выжить. На протяжении всей осени они оглашали прибрежные скалы своим оживленным гогогом.

Но сейчас, когда все уже уверились, что холода наступят еще не скоро, они неожиданно снялись с насиженных мест и улетели прочь.

Люди, задрвав голову, смотрели, как они пролетают над городом, мощно взмахивая крыльями, и в их криках слышались веселая отвага и страсть к перемене мест, которая за один безостановочный перелет донесет их до Каролинских островов на далеком юге.

Люди чувствовали, что гуси оставляют им ненастье, реку, скованную льдом, и землю, покрытую бесплодными снегами. Они с грустью говорили:

– Гуси улетают! Улетают!

Но когда они вернутся, все будет радостно восклицать:

– Гуси прилетели!

Потому что это ознаменует приход весны.

* * *

Желая поговорить с Жоффреем об Эли Кемптоне, а также из легкого любопытства, Анжелика заставила себя преодолеть отвращение, которое внушал ей дом, приготовленный для Амбруазины, и отправилась в усадьбу Монтины, расположенную на другой стороне холма. Она нашла мужа во внешнем дворе, окруженном хозяйственными постройками, в которых содержались лошади, находились повозки и сани, а также размещалась часть матросов.

Анжелика бросила взгляд на второй этаж и его восемь окон, что в совокупности с комнатами первого этажа и чердака составляло весьма просторное жилище. Жоффрей де Пейрак устроил здесь то, что он называл командным пунктом. В гостиных первого этажа он разместил свой генеральный штаб. Здесь разрабатывалась повестка дня, и задачи распределялись между отделениями. Необходимо было подготовить к зимовке пять кораблей, а это требовало немало забот и усилий.

В усадьбу переместили часть мебели с «Голдсборо», а также несколько пушек и другое оружие. А потому здесь царил атмосфера, напоминающая скорее казарму или походный бивак, чем хозяйский дом.

– Нет, – ответил Жоффрей на молчаливый вопрос в глазах Анжелики. – В этих стенах мне не является тень Амбруазины...

– А чем вы тут занимаетесь целыми днями? – поинтересовалась она, подумав, что совершенно не знает, какие задачи ему приходится здесь решать.

– Как и вы, моя дорогая, я наношу визиты своим друзьям.

– Вашему «тайному союзнику»?

– А почему бы и нет?

Она озадаченно посмотрела на него. И одновременно в мозгу ее мелькнула догадка, которую она не смогла бы точно сформулировать и которая чуть было не вывела ее

на след этого таинственного шпиона Жоффрея. Она была уверена, что в какой-то момент среди того множества людей, с которыми ей пришлось встретиться, был и этот человек, и она его узнала. Но ее чувство было слишком неопределенно. А Жоффрей все еще молчал.

- Вы мне не доверяете, - посетовала она.

Он, смеясь, покачал головой:

- Придет день, когда вы все узнаете. Не ревнуйте.

Он взял ее под руку и увлек в маленькую рощицу. Сбросившие листву березы вместе с темнеющими среди белых стволов елями образовывали в самом сердце Верхнего города небольшие рощи. Эти островки леса отделяли районы города друг от друга. В самом начале истории Квебека это были изолированные фермы, а теперь они превратились в окраины города. Квебек не был обнесен каменной стеной, и никакая граница не отделяла городское поселение от дикой, нетронутой природы.

* * *

По этим рощам и полянам ходили как по парку, а пролегающие через них дороги и тропинки, утопанные ногами горожан, давали по вечерам пристанище влюбленным, желающим побродить под деревьями, вдалеке от косых взглядов.

По дороге Жоффрей пытался успокоить Анжелику, говоря, что мелкие пакости королевского прокурора не должны отвлекать ее от главной цели, хотя она, конечно же, начинает понимать, что более или менее важным является абсолютно все.

Она наверняка забыла, предположил он, сколь многочисленны и разнообразны дела и занятия, которые есть у человека в городе.

- Но, по правде говоря, я никогда по-настоящему и не жила в городе, - заметила Анжелика. - Я всю жизнь скиталась. Если не считать Тулузы, то сейчас мы в первый раз живем в городе вместе.

И она снова посмотрела на него, едва веря в такое чудо. Так, шагая бок о бок, они вышли на Большую Аллею, вдоль которой вдалеке друг от друга стояло несколько домов, потом пересекли ее и вышли на обширные прерии, именуемые равниной Авраама.

Открытые, не заросшие лесом пространства были в Канаде такой редкостью, что на этих равнинах никто не селился. Здесь устраивали военные учения и пастухи пасли стада. Правда, кое-где на холмах в окружении небольших рощиц стояло несколько домов, являющихся собственностью колонии. В один из них и поместили господина де Барданя, и теперь Анжелика начала понимать, отчего он счел, что его поселили в какой-то дыре, и предпочел переехать в дом господина де Шамбли-Монтобана, где он был бы в двух шагах от нее.

Увидев, какая шумная суета царит в усадьбе Монтины, Анжелика порадовалась тому, что они с Жоффреем разделились и устроили себе отдельные «командные пункты».

Она бы никогда не смогла чувствовать себя как дома в этом огромном строении, где разместились большая часть моряков, потому что зимовать на кораблях было страшно неудобно. В этом доме она бы не сумела подготовиться должным образом до начала своей новой жизни в Квебеке к тому, чтобы встретиться наконец с матушкой Мадлен и выслушать ее вердикт. А между тем девятидневное моление урсулинок подходило к концу.

Анжелика и Жоффрей стояли на краю плато, у отвесного скалистого обрыва. Под ними река Святого Лаврентия, обретшая нынче оттенок олова, несла свои воды к Труа-Ривьер и Монреалю. Над их головами пролетали огромные стаи диких гусей, их становилось

все больше, к ним присоединялись отбившиеся птицы. Они, смыкая строй, оглашали белесое небо криками: «Прощайте! Прощайте! Прощайте!»

И в том же направлении указал Жоффрей:

- В полулье отсюда с юга в реку Святого Лаврентия впадает приток Шодьер. Пройдя вверх по нему, можно добраться до озера Мегантик, а затем до Кеннебека. Это один из путей, которыми канадцы достигают Новой Англии.

- И которыми они могут достигнуть Катарунка, Вапассу...

- Да, - сказал он и, обвив рукой ее талию, подвел ее еще ближе к краю обрыва. - Мы сейчас стоим на Красном мысу. У подножия обрыва находится Силлери, старая миссия иезуитов, которую они покинули после того, как ее несколько лет назад разрушили ирокезы. Я сейчас восстанавливаю тамошние постройки и строю небольшой форт, и здесь будет зимовать часть моих матросов и три корабля.

Может быть, он хотел дать ей понять, что собирается разместить своих людей в Силлери, потому что заброшенная миссия находится почти напротив устья реки Шодьер, откуда открывается дорога на юг, в их владения Вапассу и Голдсборо?

Зимой форт бесполезен при всех сложностях плавания по реке - даже когда сойдут льды, это все равно единственный путь спасения, если что-то пойдет не так, а дорога на север, через Гаспе и залив Святого Лаврентия, окажется заблокирована. Так, дно садка станет лазейкой, через которую они смогут ускользнуть, а из Силлери Жоффрей де Пейрак сможет контролировать входное отверстие ловушки.

Жоффрей добавил, что ко всему, для того чтобы занять своих матросов полезным делом, он велел им возвести деревянные бастионы в устье реки Сен-Шарль,

где сходятся приходы Шарльсбург, Лоретта и Красный мыс.

Анжелика слушала, вглядываясь в его энергичное лицо, обрамленное высоким черным меховым воротником плаща.

Она слушала, слушала его голос, от звука которого по ее телу всегда пробегала дрожь волнения. Некоторые его слова уносили порывы ветра, но, слыша остальные, она чувствовала, что приобщается, пусть в малой мере, к бурному кипению мыслей и идей, которые не переставая зарождались в его голове, вызванные к жизни его блестящим умом и страстной натурой. Жажда и радость жизни, изобретений, строительства нового, так присущие великому Жоффрею де Пейраку, возбуждали в нем стремление оставить свой след на земле, не из гордыни, не из жадности, а потому, что ему в самой высшей мере была свойственна та тяга к созиданию, зачатками которой природа наградила каждого мужчину.

- Итак, короче говоря, если я вас правильно поняла, - заключила она, когда он умолк, - вы продолжаете окружать город?

Жоффрей улыбнулся, однако не стал ничего отрицать.

- Но почему?

Граф бросил взгляд назад, туда, где стоял город, высокие серебристые колокольни которого виднелись на противоположной стороне плато на фоне синего с розовыми отблесками сумеречного неба.

- Потому что никогда не знаешь наперед, что тебя ждет, - ответил он.

Затем снова взял ее под руку, и они, счастливые, в полном согласии пошли по равнине Авраама, с хрустом ступая по тонкой корке смерзшегося снега.

Жоффрей де Пейрак поднял глаза, вглядываясь в ясный небосвод, от совершенной безоблачности

которого начинала кружиться голова.

- Смотри-ка, луна нынче в красном ореоле, - сказал он.

* * *

Когда наутро Анжелика открыла входную дверь и вышла на порог, ей показалось, что на пейзаж, который она видела каждый день, пала тень смерти - следствие какого-то ужасного катаклизма.

Она его больше не узнавала. Прошло несколько секунд, прежде чем она поняла, в чем дело, - река Святого Лаврентия исчезла.

Там, где прежде текли ее воды, серо-зеленые, черные, серые или рыжие, вздымающиеся пенными волнами, полные стремительных, сверкающих на солнце течений, на сколько хватало глаз, тянулась огромная белоснежная, словно вырубленная из алебастра, долина.

Она была похожа на гигантское высохшее русло в беломраморной пустыне, застывшее, неподвижное, простирающееся среди меловых островов, заливов и мысов. Всякая жизнь, всякое движение остановились.

Река Святого Лаврентия оделась льдом.

Холод, точно стальная латная рукавица, сжал лицо Анжелики. Ее дыхание мгновенно превратилось в тысячу серебряных блесков.

Она поняла, что теперь они бесповоротно отрезаны от мира. А может быть, это окружающий мир перестал существовать и они - единственные выжившие на всей заледенелой земле?

Она зашла обратно в дом; ей казалось, что недолгое пребывание на морозе превратило ее кровь в лед.

В доме только и разговоров было что о холоде. Он явился внезапно, словно некая знаменитость, которую

уже перестали ждать. Знаменитость со стальными зубами и глазами из стилого стекла.

Сегодня они впервые увидели этого великана – соседа Юсташа Банистера. Он наклонился над большой каменной ступой, занятый какой-то таинственной работой.

– Он готовит яблочные выжимки, выставив свой сидр на мороз, чтобы тот замерз, – объяснил Элуа Маколле.

Из всех высоких четырехугольных труб города яростно валил дым. Казалось, выходящий пар сразу же застывает. А дым был очень плотным, и ветер, это студеное дыхание зимы, гнал его клубы, то черные, то серые, движущиеся по небу, точно огромный шарф, окруженный белесым паром. В конце концов над городом образовалось гигантское облако из дыма, питаемое все новыми и новыми порциями, валящими из труб. Оно имело столь устрашающий вид, что к концу утра люди встревожились и стали поговаривать, что скоро будет пожар.

Больше всего горожане боялись пожаров и эпидемий, потому что город был отделен от мира ледяной пустыней. За несколько минут огонь мог пожрать весь квартал, оставить целые семьи на улице, уничтожить запасы провизии и товаров и свести на нет труд всей жизни. И, как это едва не случилось в первые годы существования Квебека, приговорить население, отрезанное от всякой помощи извне, к смерти от холода и голода.

Прокурор Тардые воспользовался всеобщим переполохом, чтобы послать своих инспекторов проверить, есть ли у каждого домовладельца под рукой багор и крюк, два лома и шест с мокрой полотняной тряпичей на конце, чтобы гасить залетевшие на крышу искры. В домах, не имеющих чердачных окон, на кровлях должны были быть установлены лестницы, прикрепленные к коньку стальными скобами. Скучность

снежного покрова позволяла осуществлять эти проверки в точном соответствии с правилами, что позже будет сделать труднее.

В этот день лоцман господин Топен, сопровождаемый большой группой портовых рабочих и лодочников, пошел в лес, откуда он и его спутники принесли срубленные молодые деревца и охапки веток, на которых остались листья.

Он не считал, что зима и льды освобождают его от обязанностей по отношению к «его» реке. Именно он должен был обозначать вехами дороги, по которым поедут сани, ему предстояло бороздить белую равнину на протяжении всей зимы. Нужно было проложить удобные дороги в обход торосов, с рядами шестов, установленных с промежутками в одну сажень.

Глава XVIII

Анжелика стояла, касаясь шелкового полога алькова. Собранный шнуром с кистями, он был подбит атласом.

Перед ней на кровати, опираясь на подушки в кружевных наволочках, лежала маленькая хрупкая женщина, смотревшая на нее поверх круглых очков с толстыми стеклами в стальной оправе.

- Итак, это вы, - молвила она.

- Да, это я, - отвечала Анжелика. - Ваша соседка, поскольку мне выпало счастье жить в доме господина де Вильдавре, почти точно напротив вас. И мне так хотелось поскорее с вами познакомиться, дорогая Клео д'Уредан.

- А мне нет.

Миниатюрная дама сняла очки и от этого показалась Анжелике еще более хрупкой.

Анжелика улыбнулась. Вильдавре предупредил ее, что у Клео д'Уредан тяжелый характер.

Мадемуазель д'Уредан прищурилась, неспешно разглядывая молодую женщину, стоящую перед нею в нескольких шагах у изножья ее кровати. Та, которую она столько раз видела из окна, наконец оказалась перед ней.

- Вы не так красивы, как мне казалось, когда я смотрела на вас издалека, - сказала она.

- Так часто бывает. Расстояние создает иллюзию. Мне очень жаль, что я вас разочаровала. Что касается меня, то я счастлива найти вас именно такой, какой мне восторженно описывали вас ваши друзья.

- Какие друзья? Вы имеете в виду вашего воздыхателя?

- Моего воздыхателя? Которого из них?

- В самом деле, ведь у вас большой выбор. Вижу, вам не занимать ни смелости, ни находчивости.

Слегка вздернутый нос и брови домиком временами делали ее похожей на юную девушку, наивную и беззащитную. У нее была удивительно белая, полупрозрачная кожа и гладкий лоб, на котором лежал уголок кружевной наколки, кокетливо прикрепленной к ее седым волосам. Ее возраст выдавали только руки, длинные и изящные, но куда более морщинистые, чем ее лицо.

Анжелика слышала, что она когда-то была замужем, но все по-прежнему называли ее «мадемуазель» - возможно, из-за ее юного вида. Впрочем, в кругу торговцев и ремесленников так часто обращались к вдовам и замужним женщинам, не имеющим детей.

Клео д'Уредан отбросила очки подальше, и они упали на перину.

- Чтобы видеть вас, они мне не нужны. Я вижу вас прекрасно, даже издали. Я надеваю очки, только когда пишу. А пишу я очень много.

- Я знаю.

Ее кровать была завалена бумагами, рукописями, перетянутыми лентами, как папки с делами в нотариальной конторе, открытыми книгами, положенными обложкой вверх, чтобы можно было легко найти страницу, на которой она остановилась, или цитату, над которой стоит поразмышлять.

На ее коленях стоял письменный прибор на коротких ножках, с наклонной доской, которую можно было приподнимать, и углублением для чернильницы.

Наконец, среди разбросанных по постели бумаг и папок стояла полураскрытая шкатулка, переполненная пачками писем, перевязанными разноцветными лентами.

Пришедшая вместе с матерью Онорина пряталась в складках юбок Анжелики и, робко выглядывая оттуда, не сводила глаз с мадемуазель д'Уредан.

Ей казалось, что эта симпатичная шестидесятилетняя дама похожа на птицу, сидящую в гнезде. В гнезде, ловко устроенном из бумаги и других материалов, как все птичьи гнезда. Интересно, почему эта дама предпочитает укрываться бумагой, а не теплым каталонским одеялом, как то, которое Элуа Маколле принес ей, Онорине, нынешней ночью, чтобы защитить ее от холода? Разве все эти бумаги защищают от холода?

В эту увешанную гобеленами и картинами и уставленную красивой мебелью комнату, где протекала жизнь квебекской затворницы, Анжелику и Онорину привело неожиданное и, в общем-то, счастливое обстоятельство.

В глубине комнаты из высокого, до пола, приоткрытого окна, из которого шел холодный воздух, был виден сад с покрытыми снегом кустами самшита и растущими в некотором отдалении яблонями, среди которых бегали люди, возбужденно размахивая руками.

Ручная росомаха Кантора, вернувшись из леса, забралась в сад соседки, и теперь ее пытались поймать.

Английская служанка мадемуазель д'Уредан, неторопливо ошипывавшая в кухне каплуна, увидев что-то среди деревьев, открыла дверь в сад, и этим воспользовалась собака, которая с громким лаем выбежала вон.

Анжелика, видя всю эту сумятицу, взяла за руку Онорину и решила, что настал момент, когда можно постучаться в дверь соседки и, придя с извинениями и объяснениями, наконец познакомиться. Англичанка, совершенно потерявшая голову в этой суматохе, открыла дверь.

- Как вы себя чувствуете? - спросила Анжелика. - Господин де Вильдавре сказал мне, что вы страдаете от ревматизма.

Мадемуазель д'Уредан держалась не слишком приветливо, но, возможно, то была защитная реакция пожилой женщины, которая ревновала своих друзей и из-за болезни не могла участвовать в светской жизни.

- Господин де Вильдавре ничего не знает ни обо мне, ни о моих болезнях. Он слишком занят своими собственными делами. После того как приехали вы, я его почти не вижу. Из-за вас, сударыня, произошло великое множество событий...

Анжелика объяснила причину своего вторжения.

- Росомаха! - воскликнула мадемуазель д'Уредан. - Моя собака и так уже нервничает из-за вашего кота. Боюсь, дог господина де Шамбли-Монтобана не откажется закусить этой вашей росомахой.

- Как раз этого мы и боимся. Именно поэтому я и позволила себе...

Как и большинство людей, которым приходится много молчать, обретя собеседницу, мадемуазель д'Уредан продолжила свой эпистолярный монолог, но на этот раз вслух.

За несколько минут она успела узнать мнение Анжелики и высказать свое по поводу большинства видных квебекцев, посетовала на характер Сабины де Кастель-Морг, чьи чересчур большие груди никак не вязались с ее враждебным отношением ко всему, что касалось любви, и выразила сожаление, что председательницей братства Святого Семейства стала госпожа де Меркувиль, а не госпожа де Бомон, которая куда более благочестива.

- А вы уже были в монастыре урсулинок? Встречались с матушкой Мадлен? - спросила мадемуазель д'Уредан.

- Пока еще нет.

- Девятидневное моление окончено. Скоро вас позовут.

- Я на это надеюсь.

Из глубины сада вдруг вскочил какой-то темный шар и, как снаряд, полетел к дому. Анжелика бросилась к окну, служившему также и дверью, чтобы загородить вход. Она испугалась, как бы росомаха не вздумала ворваться в комнату, полную дорогой мебели и хрупких безделушек.

Зверь остановился в нескольких шагах от нее, подняв фонтан снега.

Это в самом деле была Вольверина.

Она узнала ее, ее круглые черные глаза пристально смотрели на нее. «Какая умная, – подумала Анжелика. – Почти как человек».

Можно было понять, почему росомаха внушает суеверный ужас индейцам. Этот опасный враг разоряет поставленные ими ловушки, расхищает их запасы провизии, мстит им, демонстрируя при этом поразительную хитрость. Это было странное животное, похожее одновременно на медведя и на огромного барсука, с черным брюшком, лапами и частично мордой. У него маленькая по сравнению с туловищем голова, маленькие глаза и уши, толстый пушистый хвост и летом и зимой один и тот же густой темно-коричневый мех, длинный и шелковистый на хвосте. Росомаха некрасива, но сильна и неукротима.

Зверь стоял неподвижно, его приплюснутая морда была опущена к земле, хвост поднят, мех стоял дыбом и блестел на солнце там, где по бокам от плеч до основания хвоста проходила светло-каштановая полоса. Лоб и щеки были того же цвета и тоже лоснились, но вокруг глаз шерсть была черной. Эта маска придавала ему дикий и свирепый вид, наводящий ужас. Под коротким носом с расширенными ноздрями виднелся маленький рот. Сейчас он был угрожающе оскален, и были видны четыре острых белых клыка.

Не этот ли бесовский оскал видела мадам де Модрибур перед тем, как умереть?

Не Вольверина ли разодрала красивое лицо Амбруазины своими острыми зубами и когтями черных как сажа лап?

«И я увидела, как из кустов выскочило косматое чудовище, набросилось на женщину-демона и пожрало ее».

- Вольверина... Что ты наделала?

Та быстро повернулась, проворно подскочила к стене сада и перемахнула через нее одним прыжком. Судя по донесшимся с перекрестка крикам индейцев, она возвратилась на улицу Клозери. Ее преследователи тоже перепрыгнули через ограду и бросились за ней.

Яблоневый сад опустел. Бледно-желтый туман становился все плотнее.

Анжелика закрыла застекленную дверь в сад, через которую в комнату проникал морозный воздух. В это самое время прибежала собака, вдоволь нарезвившаяся в дальних уголках сада. Анжелика вновь отворила дверь, чтобы впустить ее, и собака забежала в комнату, с высунутым языком, возбужденная после этой неожиданной игры в прятки.

- Это сука канской породы, ее вывели в Кане Галилейской. Отсюда у римлян и появилось слово «сапе», что по-латыни означает «собака». Эти псы охраняли их виллы. Мою собаку мне привезла с Ближнего Востока одна подруга. Мы повязали ее с догом господина де Шамбли-Монтобана. Щенки получились очень красивые.

Она сложила прочитанные письма и вздохнула:

- Этот ваш нахальный кот... свирепый Кар-ка-фу. Он посмел прогуливаться по стене моего сада! Лучше бы я сохранила старую ограду - палисад из заостренных кольев, которым мой сад был обнесен прежде.

Она методично разложила письма на несколько стопок и, бросив на них последний взгляд, поместила их

обратно в шкатулку. Затем принялась рыться в ларце побольше.

Служанка в съехавшем набок чепце, тяжело дыша и ворча что-то по-английски, вернулась на кухню. Через малое время она снова вошла в комнату, неся на подносе мисочку овсяной каши. Кушанье, брошенное на плите, сильно пострадало оттого, что стряпуха бегала ловить росомаху.

В комнате чувствовался отчетливый запах горелого, но ни служанку, ни хозяйку это нисколько не смущало.

- Поставьте сюда, - сказала мадемуазель д'Уредан, показывая на столик, стоящий у изголовья ее кровати. - А! Вот что я искала!

Очень довольная, она достала из ларца перевязанную лентой рукопись:

- Если бы вы знали, о каком сокровище идет речь. Это роман, чести напечатать его в прошлом году удостоился издатель Барден. Он пока еще не опубликован, но по Парижу ходят рукописные копии. «Принцесса Клевская». Книгу написала госпожа де Лафайет.

Она замолчала и внимательно посмотрела на Анжелику:

- А вы бы заинтересовали госпожу де Лафайет... Наверное, ваша любовная жизнь была очень бурной?

- Не знаю, что вы подразумеваете под словом «бурная», - смеясь, ответила Анжелика.

Она напомнила мадемуазель д'Уредан, что ее каша остывает. Ее инстинкт сиделки был оскорблен тем, что она не может привести в порядок эту постель, заваленную бумагами, и она предпочла бы вместо каши напоить эту маленькую хрупкую женщину хорошим гоголь-моголем.

Она подошла к камину, кочергой помешала угли и подбросила еще два полена. Огонь весело затрещал.

- Я принимала у себя некоего господина де Ла Ферте, который очень вами интересуется, - сказала пожилая дама. - Он приходил лишь затем, чтобы понаблюдать за вами из моего окна.

Анжелика вздрогнула. Ей и в самом деле показалось, что она видела, как герцог де Вивонн бродит в окрестностях.

- Он и его спутники - очень неприятные субъекты. Я боюсь, что они, как и все придворные, поражены неаполитанской болезнью. Говорят, от этого недуга, вызываемого отравленными стрелами Амура, хорошо помогает перец. Но от него чихают...

И она настойчиво попросила Анжелику найти ей лекарство от этой ужасной болезни.

Анжелика не понимала, почему эта старая дама так опасается неаполитанской болезни, ведь она не вставала с постели, вела жизнь затворницы и, несмотря на всю свою несомненную привлекательность, была уже в возрасте, неподвластном страстям.

Но она все же пообещала мадемуазель д'Уредан принести ей всевозможные травы, помогающие при кожных болезнях.

- Хорошо, договорились, приходите. А когда выпадет много снега и мы окажемся в изоляции, выйдите вечером из дома, перейдите через улицу, и я почитаю вам эту чудесную историю, «Принцессу Клевскую». Госпожа де Лафайет пишет просто божественно. У нее изумительный стиль. Вы получите громадное удовольствие. - И она добавила: - Я была чтицей у королевы.

* * *

«Это свершилось! Я встретила с обольстительницей, - писала мадемуазель д'Уредан. -

Она стояла в двух шагах от меня.

Мы с нею поговорили о том о сем. Я хотела поймать ее врасплох, увидеть, как ее лицо исказится, помрачнеет, как она расчехлит пушки своей заносчивости или мстительности, выкажет эгоизм или властолюбие, которые должны быть свойственны женщине, слывущей столь опасной. Но я только зря растратила свой сарказм.

Короче, она меня очаровала. Причем я даже не могу понять, в чем заключается ее очарование. Она волнующе красива, это правда. Нас всегда обезоруживает совершенство тела и лица, гармония жестов, походки. Созерцание красоты успокаивает душу и утоляет нашу тоску по земному раю, из которого были изгнаны наши прародители Адам и Ева. Но одной красоты было бы недостаточно. Может быть, дело в ее взгляде? Мне больше запомнился не оттенок ее глаз, о котором столько говорят, а их выражение. Она смотрела на меня очень внимательно, и я видела, что она действительно рада со мною познакомиться, а не просто хочет завоевать мое расположение. Я почувствовала, что госпожа де Пейрак озабочена моим здоровьем, и это меня тронуло.

Это так не похоже на то, как себя ведут мои друзья, которые не принимают мои недуги всерьез и говорят мне: „Вставайте! Вставайте!“ Как будто так уж необходимо, чтобы на улицах Квебека стало одной болтливой женщиной больше.

Ее ребенок, девочка, мне не нравится. Госпожа де Пейрак слишком к ней привязана, чересчур для женщины, которая не должна бы иметь подобного рода слабостей.

Девочка тоже к ней привязана, но она совсем не похожа на мать. Можно подумать, что это не ее ребенок.

Боже! Как я люблю философствовать и копаться в нюансах и противоречиях человеческой природы! Совсем

как госпожа де Лафайет в своем прекрасном повествовании, которое вы мне прислали.

Наш мир погружается в темноту и лед. Погода испортилась. Поэтому я и остаюсь в постели. На улице трещит мороз, скоро начнутся снежные бури.

Я вдруг подумала о госпоже де Пейрак. И испугалась. Хоть бы матушка Мадлен не узнала в ней ту дьяволицу из своего видения!

Госпожа де Пейрак очень сильна. Но быть может, иезуиты сильнее?»

Часть четвертая
Монастырь урсулинок

Глава I

Дул сильный ветер, и Анжелике, идущей по улицам к монастырю урсулинок на встречу с матушкой Мадлен, приходилось нагибаться, придерживая полы накидки, раздувшейся, как парус. Небо, однако, было до странности ясным, почти безоблачным. Но от него не веяло покоем, потому что было понятно: там, в далекой-далекой, скрытой от взора вышине, происходят невидимые ледяные катаклизмы. За этим кристально чистым, тронутым золотом небесным сводом была сокрыта недоступная человеку безбрежная морозная пустыня, ад более ужасный, чем описанный богословами, – ад, в котором царит леденящий холод.

Анжелика шла быстро, словно внимая предвестию грядущих бедствий. Стужа гнала людей в дома, улицы начинали пустеть. Она спешила, подгоняемая дующим в спину ветром и некой внутренней лихорадкой, более сильной, чем обыкновенная тревога. Она говорила себе, что, если матушка Мадлен примется ее обвинять, она не оставит от этого обвинения камня на камне. Даже если урсулинка обвинит ее со всей определенностью, забьется в припадке и, лишившись чувств, упадет на пол, она сохранит хладнокровие, и это будет наилучшим ответом на всю эту комедию.

Известие о том, что ее ждут, принес клирик из епископата. Монсеньор де Лаваль сообщил ей, что говорил с урсулинками, после того как они завершили свое девятидневное покаянное моление, и монахини сказали ему, что охотно примут госпожу де Пейрак сегодня в удобный для нее час, предпочтительно между дневной и вечерней службой.

В этот день Анжелика осталась дома, чтобы показать Сюзанне, как правильно выполнять некоторые виды

домашней работы, такие как чистка и полировка медной и оловянной посуды и натирание воском изящной мебели.

Она внимательно посмотрела на свое отражение в зеркале, в зеленые глаза, которые, пожалуй, слишком ярко блестели, и поправила кружевной воротник. Повинуясь внезапному порыву, она выбрала пару серег, маленькие золотые шарики с несколькими жемчужинками, и вдела их в уши.

Она не хотела выглядеть ни смиренно, ни вызывающе. Она будет самой собой. Женщиной. Знатной дамой.

На туалетном столике стояла ее шкатулка с косметикой и украшениями. Она слегка нарумянила щеки и подкрасила губы.

Пока Анжелика смотрелась в зеркало, молодая канадка Сюзанна стояла от нее в нескольких шагах, не отрывая темных глаз от этого лица, на котором ясно отражалась внутренняя борьба.

Когда госпожа де Пейрак повернулась, Сюзанна тотчас подала ей плащ, помогла его надеть и поднять капюшон.

Анжелика быстро вышла, не дожидаясь сопровождающего, которого обещал прислать епископ. Интересно, будет ли присутствовать при их беседе монсеньор де Лаваль? Ей этого не хотелось, она предпочла бы остаться с монахиней наедине.

Она пошла не по Соборной площади, а напрямик, по немощеной тропинке, мимо мельницы иезуитов. Крылья мельницы неистово вращались. Анжелика вышла на Оружейную площадь, на другом конце которой высился замок Сен-Луи и стена кордегардии. Ветер превратился в хлещущий по лицу вихрь.

Она увидела солдат, которые бежали, окликая друг друга. Обернувшись, она подавила крик. Над горизонтом с невероятной скоростью вздымалась огромная лиловая

туча. Ее крыло уже накрыло Бопре, остров Орлеан и скованную льдом реку. Казалось, землю атакуют полчища самого князя тьмы.

Но стоило повернуть за угол здания суда, все переменилось. Можно было подумать, что эта туча ей приснилась. Ветер стих, в конце Большой Аллеи – так называлась эта широкая, застроенная домами улица в память о том времени, когда она была первой проложенной в канадском лесу дорогой, – на западе сияло подернутое легкой дымкой солнце, и мокрые шиферные крыши блестели в его лучах.

Когда Анжелика подходила к монастырю урсулинок, из тени стены вышел иезуит и двинулся ей навстречу. Анжелика узнала его – она обратила на него внимание еще в день приезда в Квебек из-за его искалеченных рук и высокомерно-невинного выражения лица.

– Я отец Жорра, – представился он, – духовник монастыря урсулинок. Я исповедую мать Мадлен де Ла Круа, которая пожелала встретиться с вами, сударыня.

Очевидно, он намеревался присутствовать при их беседе. Иезуит обменялся несколькими словами приветствия с семинаристом, которого не дождалась Анжелика. Она поняла, что по просьбе епископа этот юноша тоже будет присутствовать при предстоящем разговоре, который вежливые и осторожные священнослужители не называли очной ставкой. Когда она услышала его имя, ей стало понятно, почему епископ прислал его. Его звали Дидас Морийо, и он был не семинаристом, а молодым священником, которого монсеньор назначил изгонять бесов.

«Встреча» госпожи де Пейрак с матушкой Мадлен даст ему возможность получить боевое крещение, участвуя в этом сомнительном деле, касающемся демонологии. Морийо пояснил:

– Монсеньор попросил меня присутствовать, чтобы представить ему точный отчет о заданных вопросах и

полученных ответах. Мне поручено вести протокол, – добавил он, показывая на мешочек, в котором, по-видимому, находились бумага и перья.

Мысль об этих двух навязанных ей свидетелях начала беспокоить Анжелику.

– Чего мы ждем? – спросила она.

– Преподобного отца Мобежа.

Как раз в эту минуту из-за угла показался настоятель, придерживая рукой широкополую шляпу. Поскольку ветер стих и более не раздувал плащи, можно было обменяться приветствиями с подобающим достоинством.

Видя, что ее со всех сторон окружили черные сутаны, Анжелика начала опасаться, как бы на следующем этапе, как черт из табакерки, не появился отец д'Оржеваль. Хотя в это не верилось, она не переставала ожидать его появления. Она пожалела, что не попросила Жоффрея сопровождать ее, ведь, в конце концов, отец д'Оржеваль был их общим врагом. Он объявил войну Жоффрею де Пейраку, который, как он считал, узурпировал власть в Акадии, и сделал это еще раньше, чем объявил ее саму приспешницей дьявола.

Несмотря на всю решимость, когда Анжелика подняла глаза на высокие серые каменные стены монастыря, ее охватила тревога.

Но события в Квебеке просто не могут быть до конца выдержаны в торжественном или трагичном ключе, потому что в дело всегда вмешиваются индейцы. Пронырливые, веселые, надоедливые или важные, они впутываются во все.

И в тот самый момент, когда отец Мобеж собирался поднять дверной молоток и постучать в ворота, по Большой Аллее к ним подошел вождь горных алгонкинов, ведущий за руку маленькую девочку. Он пришел, чтобы отдать дочь на попечение урсулинок,

дабы они сделали из нее добрую христианку. Их сопровождал господин Луи Жолье, переводчик.

Господин Жолье представил сагамора – этот титул носили все вожди племен. Его звали Мистагуш. Его дочери было пять лет. Окрещенная в глубине лесов странствующим миссионером, она носила красивое имя Жаклина. Ее, похожую на бельчонка с большими, черными как ночь глазами и часто бьющимся сердцем, вел за руку отец, покрытый татуировкой гигант, с луком и колчаном со стрелами на плече. Спутанная шевелюра девочки, обильно смазанная медвежьим жиром, была стянута повязкой, расшитой жемчугом и иглами дикобраза. Края подола и рукавов ее замшевой туники были вышиты популярным у индейцев узором, а стройные ножки обуты в мокасины, отделанные бахромой.

На Большой Аллее показался всадник. Господин де Ломени-Шамбор сошел с коня и направился к ним. Его прибытие не было случайностью. Он специально попросил иезуитов известить его о дне и часе, когда госпожа де Пейрак придет в монастырь урсулинок.

– Именно я был послан в Вапассу, чтобы прояснить данное предсказание и вынести суждение о его достоверности. И сегодня я хочу быть рядом с вами, – сказал он.

И он привязал уздечку своей лошади к одному из вделанных в монастырскую стену колец. Анжелика отвела его в сторону.

– Вы пришли, чтобы мне помочь? – спросила она.

– Нет! Вы, моя дорогая, не нуждаетесь в помощи. Я пришел, потому что вам, возможно, пригодится присутствие друга. Давайте войдем.

В больших воротах открылась калитка. Все вошли и спустились по нескольким ступенькам, которые вели в мощный плитам двор. Здесь они неожиданно увидели интенданта Карлона, имеющего обыкновение

иногда навещать монахиню, с которой он, даже будучи в Квебеке, вел оживленную переписку. Последовал еще один обмен приветствиями.

Из-за расположенной слева забранной решеткой вращающейся двери слышался голос сестры-привратницы. Она осведомилась, кого из монахинь они хотели видеть. Затем через другую дверь, открываемую с помощью веревки только изнутри, их впустили в приемную с паркетным полом, тщательно натертым воском.

За господином Карлоном пришли, чтобы отвести его в другую, более тесную приемную, где он, сидя перед забранным решеткой окошком, сможет побеседовать со своей благочестивой наставницей о спасении души.

Матушка Мадлен была оповещена о приходе посетителей, но сначала надо было заняться сагамором и его дочерью, из-за чего начало беседы задерживалось.

Новая и странная для него обстановка монастыря произвела на вождя глубокое впечатление. Он робко оглядывался вокруг с вкрадчивой улыбкой, которая при его высоком росте казалась трогательной. Горные индейцы обитали на обширной территории от окрестностей фьорда Сагенай до побережья полуострова Лабрадор, и для того, чтобы добраться до монастыря, Мистагуш проделал долгий путь. Сейчас он восхищенно разглядывал висящие на стенах картины, на которых были изображены сердца, пронзенные мечами, увенчанные терниями, окруженные языками пламени.

Справа от двери стояла фаянсовая чаша со святой водой, в которой каждый вошедший смочил пальцы, чтобы сотворить крестное знамение.

Где-то в глубине монастыря слышался колокольный звон. В приемную вошла молодая послушница, которая еще не приняла постриг и имела право выходить к посетителям, чтобы принимать учениц у порога монастыря. Она нежно обняла маленькую

индианку и заговорила с нею на языке гуронов, который девочка не очень хорошо понимала, но который был ей знаком. Послушница целовала и гладила ее покрытые грязью щеки, ласкала, чтобы преодолеть ее страх. Потом она показала ей засахаренную сливу и красный мяч.

Горячая любовь к ближнему, которая подвигла эту девушку из знатной семьи переплыть океан, чтобы спасти души бедных дикарей, озаряла ее юное лицо и побуждала ее вести себя с маленькой горянкой как мать, вновь обретшая свое дитя.

Она заверила отца Жаклины, что сестры будут заботиться о девочке, что у нее не отнимут предохраняющий от злых духов амулет, который она носит на шее, и не забудут каждый день смазывать ее личико жиром, чтобы защитить зимой от холода, а летом от мошкары. Последние утверждения были благочестивой ложью, но, как бы то ни было, Жаклине действительно не придется ни в чем нуждаться, она будет всегда сыта.

Господин Жолье переводил.

Послушница удалилась, прижимая к себе девочку и продолжая говорить с ней и напевать песенку, чтобы отвлечь ее от мыслей о разлуке с отцом. Последний, возвышающийся над всеми присутствующими на целую голову, обратился к каждому с короткой и, по-видимому, вежливой речью. Встав на колени, он достал из заплечного мешка две шкурки выдры и несколько лисьих и, положив их на пол, попросил дать ему водки. Лица иезуитов сделались суровыми, и Луи Жолье отчитал индейца.

- Они неисправимы, - сказал граф де Ломени. - В прошлом году в Квебек явилась делегация вождей горных индейцев и попросила прекратить продажу спиртного, от которого индейцы свирепеют и даже в помрачении рассудка убивают своих жен и детей. Но

посмотрите, этот уже позабыл свои собственные жалобы и клятвы.

Сагамор повернулся к Анжелике и жестами объяснил, что хочет он совсем немного. Всего четверть кружки, умолял он, показывая, сколько ему надо, с помощью большого и указательного пальца.

- Он знает, что мы ему не дадим, и пробует уговорить вас, приехавшую в Квебек недавно.

Дневной свет постепенно гас. Из-за застлавшей небо темной тучи наступил полумрак, и в нем ясно виднелись только бледные лица и руки. Луи Жолье вышел, сказав, что попросит свечей. Вождь тихо сложил в углу свой лук, колчан и щит из коры. Он еще не отчаялся и продолжал надеяться, что в конце концов все-таки получит немного водки в обмен на свои меха и на дочь, которую он отдал на воспитание святым сестрам.

В глубине монастыря все еще призывно били в колокол, коротко и неритмично.

Возвратился переводчик, неся два подсвечника, каждый на три свечи. Он хотел уже уйти и увести с собою своего дикаря. Но Мистагуш все еще надеялся на Анжелику и пытался своей мимикой позабавить ее и внушить ей жалость. Но она не поддавалась на его уловки, зная о беспредельной наглости туземцев и помня, сколько упорства и хитрости скрывается за их любезными улыбками, когда речь идет о том, чтобы всеми правдами и неправдами добыть водку.

В конце концов господин Жолье ушел, так как торопился в семинарию на репетицию хора мальчиков, который будет петь рождественские гимны.

Сагамор сел на пол спиной к стене под висящим на ней большим распятием и застыл как изваяние, продолжая ждать. Мало-помалу становилось светлее. Между тучами показался луч солнца. Оба иезуита и священник тихо беседовали в углу комнаты.

Анжелика сгорала от нетерпения; вместо того чтобы сесть на один из стоящих вдоль стен стульев, она ходила взад и вперед, рассматривая картины.

Дверь тихо приоткрылась, и в щели между нею и косяком показался похожий на мордочку ласки профиль Пиксарета. Он улыбался во весь рот, так что были видны все его острые белые зубы, и явно радовался тому, что ему удалось ее удивить. Осмотревшись и увидев Мистагуша, он с отвращением фыркнул, наконец вошел в комнату и, окропив себя святой водой, перекрестился.

- Привет тебе, сагамор. Почему ты пришел? - спросила Анжелика.

- Надо торопиться, - загадочно ответил Пиксарет.

Так же благоговейно, как перед этим Мистагуш, он положил в углу свое оружие - длинноствольный мушкет, затем снял медвежью шкуру. Практически обнаженный, если не считать кожаной набедренной повязки, а также четок и образков, он казался таким нескладным со своими длинными и тонкими, как у цапли, ногами.

Он достал из-за пояса трубку, набил ее темным табаком, выбил огнем искру, закурил и после нескольких блаженных затяжек протянул горцу, а тот в знак мира поспешил отдать ему свою. Так они менялись трубками. Пиксарет, принадлежавший к абенакскому племени нарангасетов, сын прекрасных высоких лесов юга, глубоко презирал северные народности, которые живут, скитаясь среди чахлах деревьев, но правила индейского гостеприимства и христианского милосердия вынуждали его быть вежливым. Раз речь не шла о враге христианской веры. И с чувством выполненного долга он, скрестив ноги, вновь уселся на медвежью шкуру на другой стороне двери.

Становилось все темнее, и только пламя коптящих свечей бросало на находящиеся в комнате предметы золотистые блики.

Анжелика, отвлекшаяся было от томительного ожидания благодаря появлению Пиксарета, снова принялась расхаживать взад и вперед.

- Почему ты мечешься, как худой волк в западне? - насмешливо спросил ее наблюдавший за нею Пиксарет.

- Потому что сгораю от нетерпения. Мне хочется, чтобы все скорее закончилось. Ты же сам сказал, что надо торопиться...

- Кого же ты ждешь?

- Матушку Мадлен.

- Она уже здесь.

Анжелика вздрогнула. Сколько же времени прошло с тех пор, как занавеска за деревянной решеткой выходящего в приемную окошка была отдернута, как долго монахиня, сидевшая с той стороны, могла незаметно наблюдать за той, которую ей представили как Анжелику де Пейрак, Даму Серебряного озера?

Анжелика удивилась тому, что не почувствовала на себе этого угрожающего взгляда. Приблизившись к решетке, она подумала, что стала жертвой какой-то ошибки, настолько внешность этой маленькой урсулилки показалась ей безобидной и неподходящей для провидицы.

У матушки Мадлен было детское личико, которое белый апостольник, обрамляющий ее лицо, делал немного кукольным. Частые посты, с помощью которых она, как сказали Анжелике, умерщвляла плоть, не подорвали крепкого здоровья. А между тем бывали дни, когда единственной ее пищей была облатка. У нее была молочно-белая гладкая кожа, как у людей, редко бывающих на солнце. Цветок в тени. Она носила круглые очки в стальной оправе, но если бы не это, она походила бы на фламандских мадонн с картин Рубенса, утонченная красота, очарование и фарфоровые лики которых немало способствовали укреплению культа Царицы Небесной.

В глубине кельи, рядом со столом, на котором горела масляная лампа, был виден темный силуэт другой монахини в черном покрывале, видимо настоятельницы. Она прятала руки в широких рукавах своей рясы и на протяжении всей беседы оставалась неподвижной.

Анжелика остановилась в шаге от решетки, из-за которой на нее внимательно смотрела матушка Мадлен.

– Ну что ж! – сказала она, обращаясь к монахине. – Разве я – дьяволица?

Неожиданно молодая монахиня рассмеялась.

– Нет! – воскликнула она. – И вы отлично это знаете!

Присутствующие пододвинули стулья и расположились перед решеткой.

Анжелика села посередине, напротив матушки Мадлен, отец Жорра занял место справа от нее, отец Мобеж – слева, а Ломени – позади. Аббат Морийо уселся на табурет и положил свои письменные принадлежности на колени. Наверху страницы он начертил крест, затем написал «И. М. И.», что означало Иисус – Мария – Иосиф, после чего проставил имена всех присутствующих.

Отчет об этой беседе, составленный им в виде протокола, дабы сохранить его в архивах и епископата, и иезуитов, начинался следующими словами:

«Первой начав беседу, вышеозначенная дама обратилась к нашей монахине-урсулинке матери Мадлен де Ла Круа.

Вопрос: Ну что ж! Разве я дьяволица?

Ответ: Нет! И вы отлично это знаете!»

Молодая монахиня говорила тихо. Похоже, она была удивлена. Казалось, по мере того, как она изучала лицо Анжелики, ее радость и даже восторг все более и более возрастали. В конце концов на ее детском личике отразилось невыразимое облегчение. То же чувствовала и Анжелика. Таким образом, уже в первые же минуты дело было улажено. К сожалению, им не позволили на этом закончить.

Преподобный отец Мобеж взял дело в свои руки, продолжив то, что аббат Морийо назвал в своем протоколе не слишком вежливым словом «допрос».

Своим спокойным глуховатым голосом он предложил изложить все факты в хронологическом порядке. Он отдельно остановился на том, когда присутствующая здесь мать Мадлен рассказала настоятельнице о своем видении (это случилось приблизительно два года назад), потом упомянул дату, когда она снова рассказала об этом, на сей раз своему духовнику, затем даты, когда ее заслушивали на различных собраниях духовных лиц, в коих участвовали епископ, отец д'Оржеваль, настоятель семинарии господин де Берньер и он сам, настоятель монастыря иезуитов.

Затем он начал зачитывать описание этого видения. И Анжелике пришлось в очередной раз выслушать текст, который, когда она слушала его впервые, показался ей нелепым, потом оскорбительным, когда она поняла, что кто-то хочет, чтобы описываемый пейзаж связали с Голдсборо, а ее самое – с упоминаемой в пророчестве дьяволицей. Теперь она слушала с безразличием привычки.

«Я сидела на берегу моря. Деревья подступали почти к самой воде... Песок отсвечивал розовым... Слева от меня на берегу небольшой бухты возвышался деревянный форт с высоким палисадом и башня с флагом... По всей бухте, словно уснувшие чудища, были разбросаны многочисленные островки. В глубине ее под прибрежной скалой виднелся дом из светлого дерева. У причала на якоре качались два корабля. На другом берегу бухты, на расстоянии одной или двух миль, находился еще один поселок – несколько хижин, вокруг которых росли розы. Я сидела у моря и внимала крикам чаек и бакланов...

Вдруг какая-то женщина неопишуемой красоты поднялась из пучины моря, и меня сразу же осенило, что

это демон в женском облике. Какое-то время она словно парила над водой, в которой отражалось ее тело, и было непереносимо смотреть на нее, потому что это женское тело... И я поняла, что это воплощение демона-искусителя, символ греховодницы, как я представляю ее себе... Вдруг из-за горизонта появилось еще одно существо, которое я поначалу приняла за другого демона; оно приближалось быстрым галопом, и я поняла, что это единорог, – его длинный рог сверкал в лучах заходящего солнца, словно кристалл. Дьяволица села на него верхом и устремилась вперед.

Тогда я увидела Акадию, она предстала мне в виде огромной равнины, как бы с высоты. Да, я узнала, это была наша Акадия. Демоны держали ее с четырех сторон, словно одеяло за углы, и с силой встряхивали. Дьяволица промчалась по ней крылатым галопом и подожгла... Все то время, что длилось это видение, меня не покидало ощущение, что в стороне, как будто в углу этой странной декорации, притаился еще один демон; черный, с гримасой на лице, он, казалось, наблюдал за демоническим созданием в образе прекрасной женщины, и были минуты, когда меня охватывал ужас, уж не сам ли это Люцифер...

Я видела все, я была в отчаянии, потому что понимала, что собираются дьявольские силы, чтобы принести бедствия нашей дорогой стране, которую мы взяли под свое покровительство, чтобы нарушить мир и благополучие нашей Акадии.

Другой женский силуэт проскользнул в небе. Я не могла бы точно сказать, была ли то Святая Дева или одна из святых покровительниц нашей общины. Но ее появление явно приструнило дьяволицу. Она отстранилась, напуганная. Тут из рощи выскочило какое-то волосатое чудовище, набросилось на нее и растерзало на куски, и в это время молодой архангел со сверкающим мечом возник в тяжелой грозовой туче...»

После того как изложение содержания видения матери Мадлен было закончено, допрос возобновился. Аббат Морийо, назначенный изгоняющим бесов, записывал все сказанное.

Преподобный отец Мобеж начал с того, что напомнил монахине: она много раз подчеркивала, что не смогла разглядеть лица дьяволицы, потому что солнце светило той в затылок, а видела только ее поднимающееся из вод обнаженное тело, которое было как бы освещено. Между тем госпожа де Пейрак находится здесь в одежде, так что ее можно опознать только лишь по лицу. Так как же мать Мадлен может утверждать, что та не является дьяволицей из видения?

Это, в самом деле, со всех точек зрения был непростой вопрос.

Нагота дьяволицы сильно беспокоила умы духовных лиц и прочих высокопоставленных персон, которым довелось принять участие в дискуссии по поводу истинности и значения видения матери Мадлен.

Может статься, у Анжелики потребуют, чтобы она совлекла с себя одежды, как библейская Сусанна перед тем, как опуститься в садовую купальню?

Она прикусила губу, подавляя приступ несвоевременного смеха, и, слегка повернув голову, искоса посмотрела на мальтийского рыцаря де Ломени. Интересно, догадывается ли он о ее непочтительных мыслях?

Однако матушка Мадлен, которую эта придирка поначалу, казалось, обескуражила, покачала головой.

- Какое это имеет значение? Это была не она, - сказала она кротко, однако тон ее не допускал возражений.

Вопрос, который вышеозначенной монахине задал отец Мобеж:

- Вы подтверждаете упомянутые мною детали вашего видения? Вы по-прежнему уверены, что ясно

видели вышеозначенные детали?

Ответ: Да.

Вопрос: После вашего разговора с матерью настоятельницей вас никто не подучивал добавить какие-либо дополнительные, внушенные вам позже детали, чтобы яснее толковать ваше видение?

Ответ: Нет.

Вопрос: А во время вашей беседы с отцом Жорра?

Ответ: Нет.

Вопрос: А во время вашей беседы с отцом д'Оржевалем?

Ответ: Нет! – заявила решительно маленькая монахиня. – Я ничего не добавила и ничего не убавила. В ту ночь я видела окружающий пейзаж так же ясно, как на картине, написанной братом Люком. Мне очень понравился розовый цвет песка на том берегу, я никогда прежде не видела ничего подобного.

Вопрос: Вы узнали в описанной вами местности поселение Голдсборо?

Ответ: Я не знаю поселения Голдсборо. Я не знаю, где оно находится.

Вопрос: Вы уверены, что не называли Голдсборо?

Ответ: Да, уверена.

Вопрос: Какое же место вы тогда называли?

Ответ: Я говорила об Акадии. Я уверена только в том, что это место находится в Акадии и что Акадии угрожает опасность.

Отец Мобеж повернулся к Анжелике. В этом полумраке при свете масляной лампы его лицо все больше и больше напоминало лицо какого-то китайского мудреца.

– А вам, сударыня, описание этой местности не кажется ли похожим на ваш Голдсборо?

– По правде говоря, это может быть описанием любого поселения на берегах Французского залива, – безразличным тоном ответила Анжелика.

- Но это может быть Голдсборо?
- Может быть, - признала она, - а может и не быть.
- А нет ли в этом весьма конкретном описании какой-либо детали, по которой бы вы по совести могли сказать, что это именно ваше поселение, что речь может идти только о Голдсборо?

В это мгновение Анжелика встретила взглядом с маленькой монахиней, не сводящей с нее своих пристальных глаз.

«Я сказала правду, - кричал этот взгляд. - Теперь и ты должна сказать правду».

Целью была *истина*.

И внезапно Анжелика поняла, в чем суть этого придирчивого допроса, какую цель преследовали иезуиты, устраивая эту очную ставку между нею и матушкой Мадлен и углубляясь в эти темные лабиринты.

Иезуиты не были инквизиторами. Их орден никогда не стремился занять в этом мрачном трибунале место доминиканцев. Они были здесь не для того, чтобы, как в страшные времена инквизиции, вырывать ложные признания или свидетельства или отречения либо изобличать еретиков и колдунов, заранее осужденных на сожжение на костре.

Они были здесь, чтобы выяснить правду. Им надо было определить, истинны ли сверхъестественные явления, которые передавались им на рассмотрение, и их принципиальность объяснялась тем, что в своих расследованиях они опирались на разум и на свои глубокие эзотерические знания.

Она вспомнила, что великий экзорцист Парижа, который освидетельствовал Жоффрея, когда его обвинили в колдовстве, был иезуитом, и его убили, чтобы он не смог свидетельствовать в суде о том, что граф невиновен.

А ее брат Раймон, иезуит, сделал все, что было в его силах, чтобы спасти Жоффрея от костра.

Все это промелькнуло в ее голове, пока она переводила взгляд с суровых лиц монахов и аббата на встревоженное лицо монахини за решеткой.

«Скажи правду», – умоляли ее глаза.

Промолчать, дать умышленно туманные ответы на вопросы, которые позволили бы иезуитам решить этот вопрос, означало подписать приговор матушке Мадлен. Ее и так уже много раз допрашивали и долго терзали. В конце концов ее могли счесть симулянткой, истеричкой, рассказывающей басни, чтобы привлечь к себе внимание.

Итак, могла ли Анжелика отрицать существование Амбруазины? И сейчас перед нею была ни в чем не повинная монахиня, которая неким таинственным, труднообъяснимым образом первой «увидела» этого демона в женском обличье и с трепетом рассказала об этом.

Могла ли Анжелика отрицать те безумные сцены, те ужасные преступления, свидетельницей которых она была на песчаных берегах залива Святого Лаврентия, где под жарким летним солнцем, издавая тошнотворный запах, сушилась треска, выловленная бретонскими рыбаками?

Могла ли она отрицать, что видела выброшенного волнами на розовые пески Голдсборо золоченого единорога, чей вырезанный из рога нарвала рог блестел на солнце, как кристалл?

И она сдалась.

– Да, это правда, – признала она, – в Голдсборо было время, когда все было ТОЧНО КАК В ВИДЕНИИ. Дома из светлого дерева под скалой, которые еще не были построены, когда было сделано пророчество. Два корабля в порту... Я должна признать, что все тогда было в точности как в видении, и матушка Мадлен не могла придумать этого заранее. Но это вовсе не означает, что только потому, что я жила там и

находилась там в это время, я непременно являюсь злым духом, который...

Отец Мобеж прервал ее сухим властным жестом, означающим, что от нее не требуются ни более полные сведения, ни даже ее мнение по этому вопросу...

Но начиная с этого ее заявления допрос принял форму... сотрудничества, которое Анжелика приняла из чувства лояльности по отношению к матушке Мадлен.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

Вопрос: На ваш взгляд, в какое время местность в Голдсборо приобрела вид, в точности соответствующий тому, что было описано в «видении»?

Ответ: В начале прошлого лета.

Вопрос: Были ли вы в это время свидетельницей каких-либо демонических явлений, которые происходили в этих местах?

«Вышеозначенная госпожа де Пейрак отвечает, что не обладает знаниями, потребными для того, чтобы судить о таких вопросах, и не считает себя способной отличить демонические явления от каких-либо других пагубных событий, которые могли бы произойти».

На это отец Мобеж с чуть заметной улыбкой возразил, что он, наоборот, уверен, что она обладает определенными способностями видеть невидимое, о которых ему сообщали такие осведомленные в этой науке и заслуживающие доверия люди, как отец Массера, отец Вернон в предсмертном письме, а также отец Жанрус, один из иезуитов Акадии...

От этого перечисления Анжелика почувствовала себя загнанной, как затравленная лань, очутившаяся в кругу

черных сутан. В конце концов они узнают о ней и Амбруазине все, если уже не узнали.

Она признала, что в то время в Голдсборо действительно происходили события, которые можно назвать «демоническими», но затем сжала губы и решила про себя, что более ничего не даст у себя вырвать. Нет, она никогда никому не расскажет об Амбруазине, этом воплощенном демоне, – она видела ее дела слишком хорошо и со слишком близкого расстояния, – она не будет говорить ни о ее преступлениях, ни о ее смерти... Есть вещи, о которых лучше не говорить после того, как вы их пережили и они остались в прошлом. Не нужно оставлять о них память ни в камне, ни на бумаге. Это сказал ей в своей эпикурейской мудрости Вильдавре. На песках побережья Акадии давно уже не осталось никаких следов. Она считала, что сказала уже достаточно для того, чтобы подтвердить слова матушки Мадлен и даже отца д'Оржеваля, который указал на Голдсборо. Дальше она не пойдет.

Видимо, отец Мобеж прочел эту решимость на ее лице, потому что, как бы то ни было, он не стал настаивать. Повернувшись опять к матушке Мадлен, он задал ей еще один вопрос, но таким тоном, что стало ясно: он считает этот вопрос не основным, а всего лишь дополнительным.

– Сестра, вы недавно говорили матери настоятельнице, что вам приснился еще один сон, в котором вам явился отец Бребёф, заклиная вас молиться об обращении колдуна. Существует ли какая-либо связь между этим новым посланием, которое вы получили свыше, и более давними фактами, касающимися Голдсборо, госпожи де Пейрак и ее супруга?

– Нет-нет, – поспешно сказала матушка Мадлен. – Этот сон был мне послан в ночь после их приезда, но они тут ни при чем. Отец Бребёф сообщил мне, что колдуна

попросят совершить святотатство и что надо сделать все, чтобы помешать этой мерзости. Я тут же бросилась на колени и молилась несколько часов.

«Бедная матушка Мадлен!» – подумала Анжелика. Дни и особенно ночи этой святой сестры совершенно не соответствовали тому образу мирной, безмятежной ангельской жизни монахини-затворницы, который у нее сложился.

Преподобный отец Мобеж спросил:

– Значит, речь идет не о колдуне из вашего видения?

– Каком колдуне? – растерянно сказала монахиня.

– О том Черном Человеке, который стоял за дьяволицей, и вы боялись, что это сам Сатана.

– Нет! Нет, это был не Сатана, я потом это отрицала...

– В самом деле. Стало быть, это был колдун?

– Нет, не колдун.

– Тогда кто же это был?

– Черный Человек, – дрожащим голосом произнесла матушка Мадлен.

– Не думаете ли вы, что речь могла бы идти о графе де Пейраке?

Анжелика протестующе вскрикнула, и ей эхом вторил такой же тихий возглас матушки Мадлен.

Реакция чересчур чувствительных женщин не произвела никакого впечатления на отца Мобежа, и он повторил свой вопрос.

– Я не знаю господина де Пейрака, – молвила маленькая монахиня с несчастным видом.

– Желаете ли вы, чтобы его к вам привели?

– Нет, не нужно. Ни к чему беспокоить этого знатного сеньора. Это не он.

– Почему вы так в этом уверены?

Она не ответила.

– Значит ли это, сестра, что вы знаете, КТО этот Черный Человек?

- ...

- Сестра, можете ли вы назвать нам его имя?

- Нет! Нет! НЕ МОГУ! - вскричала матушка Мадлен и закрыла руками свое страдальческое лицо.

- Да оставьте вы ее, наконец, в покое! - вмешалась Анжелика. - Мы все уже достаточно пострадали от всех этих историй. Для чего вы, отец мой, стараетесь вызнать у нее эти мелкие детали? К чему все уточнять, доказывать и всему давать определение? Почему бы не отобразить только то, что может причинить зло, что несет разочарование в человеческой природе? Разве обязательно записывать все свидетельства слабостей, падений, разрушений? Буря приходит и уходит. Если мы будем силой удерживать ее на наших берегах, она разрушит все. Поверьте мне, Святые Отцы, есть вещи, которые удерживать было бы безумием... Пусть пронесутся и уйдут в прошлое, как ветер... Но что это? - Она невольно вздрогнула, когда особенно громко раздался один из глухих ударов, похожих на далекие выстрелы из пушки, которые не переставая слышались во время всего их разговора.

- Это приближается буря, - отвечал отец Мобеж. - Ветер разбушевался... Так что вы говорили, сударыня?

- Я говорила, что не стоит во что бы то ни стало представлять злой дух во плоти, называя его по имени, указывая на оставленные им знаки и тем самым давая ему власть...

Она содрогнулась, вспомнив короткую записку, найденную в кармане куртки человека, которого убил Пиксарет. «Я приду нынче вечером, если ты будешь послушным». При виде этого почерка у нее волосы встали дыбом. То был почерк Амбруазины...

- Порой и из пера может сочиться яд, - сказала она.

Она ожидала, что после ее вмешательства последуют новые вопросы. Каково же было ее удивление, когда отец Мобеж вдруг, как китайский

болванчик, закивал, что означало вежливое согласие, и, более не настаивая, поднялся с места. За ним встал и отец Жорра, а затем и аббат Морийо.

- Должен ли я закончить протокол этими последними словами? - осведомился аббат.

- Какими?

- «Порой и из пера может сочиться яд», - важно прочел молодой священник.

Губы иезуита тронула улыбка.

- По-моему, это было бы превосходным завершением, - одобчительно сказал он. Отец де Мобеж явно был удовлетворен и даже позабавлен.

- Прочесть протокол? - спросил аббат Морийо.

- Нет. Приближается буря. Будем подписывать.

Перо передавали из рук в руки, потом протокол был положен в ящичек, который матушка Мадлен выдвинула наружу, а затем опять задвинула за решетку, чтобы поставить свою подпись.

После чего аббат Морийо взял все и убрал в свой плюшевый мешочек.

- Сестра, я еще приду вас навестить! - крикнула Анжелика перед тем, как на другой стороне на решетку опустилась черная занавеска, скрыв от нее матушку Мадлен.

Она была вынуждена кричать из-за шума ветра, который сотрясал двери, усиливаясь с каждой минутой.

- Да, милая дама, приходите нас навестить, - ответил кроткий голос из-за занавески. - Мы покажем вам наши семь алтарей.

Подошли Пиксарет и вождь горцев. Из-за напряжения последнего часа о них забыли.

Граф де Ломени взял Анжелику под руку:

- Я провожу вас, сударыня.

Теперь, когда все было кончено, все присутствующие показали Анжелике очень милыми.

- Должна вам признаться, святой отец, - сказала она, - что сейчас чувствую себя так, будто меня омыла, очистила вода нового крещения.

- Вам нечего бояться, сударыня, - отвечал отец Мобеж. - Как вы сами изволили заметить, эта очная ставка имела целью только пролить дополнительный свет на то, что мы все и так уже знали.

Однако, несмотря на то что всем хотелось поскорее разойтись по домам, отец Мобеж решил сделать еще одно важное заявление. Он повернулся к графу де Ломени:

- Я обращаюсь к вам, господин мальтийский рыцарь, ибо знаю, что вас с отцом Себастьяном д'Оржевалем связывает многолетняя дружба. Знаю я также, что вы спрашивали о нем, вас беспокоит его участь. До сего дня, до того как был прояснен вопрос, который мы только что рассмотрели, пролив на него свет Святого Духа, я говорить не мог. Теперь же я могу вас успокоить насчет участи вашего друга и разрешаю вам, брат мой, если наши сограждане будут вас о нем спрашивать, сообщить им о решениях, принятых нами совместно с отцом д'Оржевалем. Вы знаете, что наши миссии, которые находятся на землях ирокезов, простирающихся от великого Ниагарского водопада до озера Торонто, были заброшены после избиения ирокезами гуронов и наших миссионеров. Сейчас они возрождаются из пепла.

Уже несколько лет новообращенные из племен, родственных ирокезам, все настойчивее и настойчивее требуют возвращения наших собратьев, дабы поддержать их в вере, в которой они были крещены. И я решил, что момент настал для того, чтобы послать в эти оставшиеся без духовного окормления земли самого влиятельного и самого смелого из наших миссионеров, то есть отца д'Оржеваля. Разве не он смог едва ли не в одиночку почти полностью обратить в истинную веру огромные территории на западе Акадии, разве не он

силой оружия охраняет наши границы с еретическими колониями Новой Англии? Он сумеет поддержать и защитить эти так долго остававшиеся без пастыря племена, которым непрерывно угрожают язычники, окружающие их со всех сторон. Все указывало именно на него, ибо он с легкостью выучил все многочисленные абенакские диалекты, а также свободно говорит на языке ирокезов и гуронов. Он отправился в путь, когда ваша флотилия подплывала к Квебеку. Вот почему, сударыня, вы и ваш муж его не застали. Он сам понимал, что так будет лучше. Он не будет останавливаться ни в Виль-Мари, ни в Труа-Ривьер. Если он не сумеет добраться до земель ирокезов до начала снежных бурь, которые сделают их недоступными, он перезимует в форте Катаракви, что на озере Фронтенак.

Настоятель говорил неторопливо, ровным тоном, и его спокойному рассказу вторили все усиливающиеся порывы ветра. Анжелика чувствовала, как натянуты ее нервы.

– ...Как вы и сами видите, в этом решении нет ничего таинственного. Просто мы рассудили, что надо подождать, когда улягутся страсти, прежде чем сообщать об этом нашим болтливым, склонным к крайностям горожанам и вызывать пересуды по поводу этого шага, который отец д'Оржеваль совершил в здравом уме и твердой памяти. Он удалился, желая покорно следовать по пути, указанному Господом нашим Иисусом Христом, чьим солдатом он остается в силу данных им обетов.

В это мгновение снаружи раздался страшный, все нарастающий шум, как будто мимо мчалась сразу сотня несущихся сумасшедшим галопом колесниц, грохоча деревянными колесами по мостовой. Перед монастырем словно проносилось некое обезумевшее войско, непрерывно издавая громогласный рев. Можно было

подумать, что мимо на полной скорости провозят пушки, так резонировали своды и, скрипя, сотрясались двери.

Анжелике показалось, что она стала жертвой галлюцинации.

- Да что это такое? - вскричала она, нервно сжав руку Ломени.

- Это буря! - безмятежно ответил он.

Пиксарет между тем влезал в медвежью шкуру.

Дверь с грохотом отворилась, и в приемную вошел подгоняемый сквозняком интендант Карлон. Позади него стояла монахиня с подсвечником и старик с факелом. Вместе с ним в комнату, словно некое обезумевшее существо, ворвался оглушительный ветер.

- Это ничего! - прокричал Карлон. - Это только небольшая буря. Мы успеем вовремя добраться до наших домов. Но вас, сударыня, мы проводим, только идти нужно немедленно.

- Оставьте ваших лошадей в нашей конюшне, господа, - посоветовала монахиня. - Уже нанесло много снега, они увязнут...

Посетители согнулись в три погибели, хотя дверь пока еще была закрыта. Ветер задувал через все щели, шипя, выплевывая струи студеного, обжигающего пара и загоняя под плинтус снег, двери сотрясались, как от кулаков безумца. По настоянию послушницы Анжелика обмотала вокруг шеи шарф, чтобы с головы не сдуло капюшон.

Когда отворили дверь, стало видно серое пространство, разрываемое бушующим ветром, испещренное горизонтальными полосами. Шквалистый вихрь нес мелкий, порошкообразный снег, он становился все глубже и глубже, точно стремительно прибывающая вода.

Свечи задуло. Факел старого служителя зашипел и погас. Он разыскал лошадей, когда снега уже было по колено, и повел их на монастырский двор. Как ни

странно, здесь, в сердце бури, шум казался менее ужасающим, чем внутри монастыря...

С первых же шагов их поглотила отчаянная борьба с напиранием стеной северного ветра. Казалось, они имеют дело с неким невидимым, тяжело дышащим силачом, который яростно сопротивляется их продвижению. Нельзя было уже различить ничего: ни зданий, ни улиц, ни тропинок.

Вцепившись в спутников, которые поддерживали ее, Анжелика с трудом продвигалась вперед, надеясь на их знание города. Она не помнила, чтобы они с Жоффреем сталкивались с подобными бурями в Вапассу. Правда, там в непогоду люди просто сидели дома.

Они шли, наклоняясь вперед чуть ли не до земли. Ветер обжигаяще хлестал их по лицу, по ногам. Время от времени он ненадолго стихал, и снег стекал с небес непрерывным потоком, казалось, сейчас он засыплет все. Приходилось все время отряхиваться. На каком-то перекрестке буря схватила их за горло, кружа, сбивая с ног, земля ушла у них из-под ног.

Они оказались в сугробе и выбрались оттуда лишь с помощью следовавших за ними индейцев. Держась друг за друга, они остановились и попытались обсудить, в какую сторону идти. Но это был разговор глухонемых. То есть так показалось Анжелике, но ее спутники, похоже, понимали друг друга с полуслова и даже совсем без слов, по одной лишь мимике и жестам. Их жесты говорили: «Мы только что прошли мимо маленькой часовни Сент-Фуа... Мы срежем путь по холму... Пройдем через двор Банистера и спустимся к дому...»

Впереди заплясал огонек. В белоснежном ковре показалась неглубокая борозда. Ее проложил человек с потайным фонарем и лопатой. Это был слуга иезуитов, который шел на мельницу, чтобы заблокировать ее крылья. Знаками он предложил оказать им помощь, после того как выполнит свое поручение. Он собирался

лопатой немного расчистить им проход. Когда он поднимался по склону, из-под его ног лавиной сыпался снег. Скрип и стук мельничных крыльев примешивался к свирепому вою бури.

Наконец крылья удалось закрепить, и бешеный стук прекратился. Человек с потайным фонарем помог слегка расчистить тропу, и остаток пути они миновали без особых трудностей. Они двинулись через соседский двор, превратившийся в белый кратер.

У подножия дерева в снегу барахтался какой-то темный ком.

- Это собака, - крикнул Ломени.

«Бедное животное», - хотела сказать Анжелика, но ее подбородок застыл и не двигался.

Она прошла немного дальше, ей казалось, что она провалилась в колодец. Снег доходил до самого пояса. Но они уже дошли до дома Вильдавре, иными словами до «ее» дома. Дверь распахнулась, и за нею были лица, смех, радостные возгласы.

Было видно, как пылает огонь в очаге.

- Мама! Мама! - восторженно вопила Онорина.

Иоланда, Адемар, старый Элуа улыбались.

- Матушка, я уже собирался пойти вас встречать... - твердил Кантор.

Мессир Кот, благоразумно свернувшись клубком у камина, похоже, тоже был доволен ее приходом.

Клод де Ломени и Жан Карлон отказались войти в дом.

- Не из-за чего пугаться, - говорили они. - Это еще не настоящая большая буря, при которой целых три дня приходится сидеть там, где она вас застала.

Волшебным образом превратившиеся в двух подвыпивших бражников, мальтийский рыцарь и интендант Новой Франции продолжили свой путь, спотыкаясь и держась друг за друга.

Глава II

Теперь Анжелика сидела одна среди ночи перед гудящим в очаге пламенем, которое пожирало водруженную на подставку для дров половину ствола дерева.

Она прижимала к себе своего кота, потому что его тепло помогало ей думать. Он был как свидетель, который своим пристальным взглядом помог ей дойти в своих рассуждениях до логического конца.

«Теперь я в этом уверена, я знаю, кто тайный союзник Жоффрея. Ты-то это знал, Мессир Кот, наверняка знал с самого начала. Я могла бы догадаться с первого же мгновения. Это вопрос логики...»

Она ждала Жоффрея.

За окнами по-прежнему свирепствовала буря, между жилищами словно образовался необоримый океан, но Анжелика все же надеялась, что Жоффрей воспользуется любым, даже самым кратким, затишьем, чтобы преодолеть расстояние от усадьбы Монтиньи до дома Вильдавре. Если только он сейчас не в Силлери и не на берегу реки Сен-Шарль, где он начал строить малые форты, чтобы «опоясать» город оборонительными сооружениями. Анжелика понимающе улыбнулась своим мыслям и коту.

И все-таки она ждала мужа, заранее радуясь возможности воспользоваться бурей, которая запрет их вдвоем в стенах дома, чтобы заставить его «признаться».

Она отправила всех домочадцев спать, сказав, что сама присмотрит за огнем.

* * *

«Он признается, ему придется признаться».

В полумраке неяркий свет сретенской свечи, которую, перед тем как вернуться домой, на свою ферму, зажгла Сюзанна, напоминал, что Господь не оставляет своими заботами подвергшихся неистовствам погоды.

По обычаю во время бурь в каждом доме зажигали свечу. Сюзанна, которая думала обо всем, заранее почувствовала, что грядет ненастье, и нашла время, чтобы сбегать в церковь за свечой и даже освятить ее, чтобы дом госпожи де Пейрак был под защитой.

Это не была свеча, освященная в день Сретения Господня и хранимая специально для таких случаев, но это все же было лучше, чем ничего. Подумала Сюзанна и том, чтобы занести еды старому папаше Лубетту, а затем, борясь с первыми порывами ветра, она добралась до своей фермы, чтобы там, в кругу семьи, зажечь свою собственную свяченную свечу.

Снаружи по-прежнему ярилась снежная буря. Ее раз за разом накатывающие волны, ее колючая пена с неиссякаемой силой сотрясали стены. Она вихрилась вокруг домов и скал, словно стремясь накрыть и утопить их. Она с жуткой злобой билась в окна и двери. Свистя у самой земли или набрасываясь на квадратные каминные трубы, с лютой яростью врываясь в ущелья улиц, вихрясь посреди площадей, чтобы затем накинуться на дома, пригибая деревья, сметая все со своего пути, гудя, бухая, точно молотом, буран объял весь город.

Но дома Квебека стойко сопротивлялись этой ярости врага рода человеческого – жестокого ветра норд-ост. С глубокими естественными подвалами, стоящие на прочных фундаментах, они были неподвластны ветру. Их мог уничтожить только пожар.

В утонувшем в снегах деревянном форте Вапассу ураганы не казались Анжелике таким поединком, остервенелой борьбой за выживание с жестокой,

беспощадной природой. Здесь же недалеко был Северный полюс.

Вечером обитатели дома были веселы и оживленны. И несколько взбудоражены. Поели с аппетитом и пошли спать, положив в постели медные грелки, но только для порядка, потому что огонь в каминах и фаянсовая печь грели вовсю и было очень жарко.

Когда все заснули или, по крайней мере, разошлись по своим углам, Анжелике захотелось обойти весь этот уютный дом.

Переходя вместе с котом из комнаты в комнату, она снова вспоминала свою беседу с матушкой Мадлен. После того как та объявила ее невиновной, на душе у Анжелики стало легче, но их встреча уже отходила для нее на задний план, вытесненная известием о том, что отец д'Оржеваль ушел из города и направился в миссии, находящиеся на землях ирокезов. Когда отец Мобеж сообщил об этом, Ломени вздрогнул, и на лице его отобразилось потрясение. Анжелика догадалась, что отец д'Оржеваль покинул город отнюдь не по своей воле. Его заставили отправиться к ирокезам. Потому-то отец Геранд и сказал ей: «Из-за вас он умрет...»

Она бесшумно шла по дому, из кухни в гостиную, затем в будуар, в библиотеку. Дом маркиза де Вильдавре был полон сокровищ, как пещера Али-Бабы.

Анжелика приоткрыла дверь комнаты, в которой под охраной Иоланды спали Онорина и Шерубен. В одной кровати с Марселеном и Тимоти.

Пиксарет и Мистагуш выбрали себе этим вечером пристанище в уголке за кухней, где служанка Вильдавре держала кастрюли и утварь. Завтра или немного позднее Мистагуш, надев снегоступы, пойдет к берегам своего фьорда Сагеней, где облака цепляются за прибрежные утесы.

Он потягивал наконец-то выпрошенные четверть пинты водки, а Пиксарет между двумя затяжками

выговаривал ему за пьянство. Их не было видно, в темноте только слышались тихие голоса, и между половицами, словно туман, просачивался дым их трубок.

Анжелика спустилась в погреб. Она стояла там, вдыхая аромат хранящихся на полках фруктов: яблок, груш, всевозможных орехов; запах, исходящий от бочек с сидром и вином, от овощей, уложенных на свежий перегной, от связок лука и чеснока, заплетенных, как косы флорентийской принцессы.

Запахи хорошо обустроенного любимого дома.

Своими кроткими глазами на нее смотрели овцы, лежа на сене, словно ягнята в яслях; они спокойно встречали ночь, уверенные, что им обеспечено теплое пристанище. Коза, стоя, жевала с храбрым и веселым видом.

Поднявшись из погреба, Анжелика остановилась возле комнаты Кантора. Он спал. Она всегда, еще с той поры, когда он был совсем маленьким, любила садиться на край его кровати и смотреть, как он спит.

Глядя на него, она, как когда-то, давным-давно, подумала: «Мой чудесный малыш Кантор».

Ей хотелось кончиками пальцев коснуться его тонких бровей, его юношеских губ, над которыми виднелся светлый пушок. Кантор такой красивый, и его россомаха с ее устрашающим оскалом.

Когда-нибудь она вернется навестить матушку Мадлен и спросит ее: «Какое лицо было у архангела? Как выглядело косматое чудовище?» Но сейчас дело женщины-демона было закрыто.

Потом Анжелика вернулась к очагу и села перед ним, прижимая к себе кота.

Она в задумчивости вспоминала тот день, когда вошла в большую комнату, полную научных инструментов.

Глава общины иезуитов в Канаде отец Мобеж и граф де Пейрак склонились над страницами водруженного на

подставку громадного фолианта.

Смех этой светской идиотки Беранжер не дал тогда деталям головоломки встать на свои места, смазал сложившееся у Анжелики смутное впечатление, что они стоят рядом так, будто *давно знакомы*.

Следует ли предположить, что отец Мобеж и Жоффрей де Пейрак прежде уже встречались?

Когда же они познакомились: когда Жоффрей, совсем еще молодой человек, бороздил азиатские моря или позже, в Европе или Средиземноморье, в Палермо или Кандии? А может быть, в Персии или Египте?

Иезуиты есть повсюду, они попадались на пути всех искателей приключений на свете. И теперь знакомство отца Мобежа и графа де Пейрака возобновилось здесь, в Канаде.

Тогда все становится логичным, даже внезапное загадочное исчезновение отца д'Оржеваля. Ему нанесли удар в тот самый момент, когда он торжествовал. А кто мог его нанести? Только тот, кто имел над ним власть. Отец Мобеж, глава общины иезуитов, стоящий над ним, был в силах заставить Себастьяна д'Оржеваля покориться, потому что никому не уступающий миссионер был обязан повиноваться ему. Только он, настоятель, мог его заставить, принудить. Отдать приказание, послушаться которого отец д'Оржеваль не мог. У иезуитов дисциплина соблюдается неукоснительно. Как нигде. Это настоящая армия. Недаром и глава их ордена в Риме носит звание генерала.

Анжелика подумала, что без труда может представить себе эту сцену.

В сумрак кельи с белыми стенами, на одной из которых четко выделяется строгое распятие иезуитов, входит миссионер. На груди его крест, украшенный рубином – символом крови, пролитой во славу Господа.

У того, кто вызвал его к себе, загадочный взгляд азиата. Между ними мало общего, их не связывает ни сходство, ни близость.

«На колени, сын мой! Завтра вы покинете Квебек и отправитесь миссионером к ирокезам...»

Связанный обетом, д'Оржеваль должен повиноваться беспрекословно и безотлагательно. Он бессилен перед внезапным повелением, которое обязывает его покинуть город, он вынужден удалиться в бесплодные дали... где его, быть может, ждет смерть.

Чем дальше Анжелика думала, тем больше уверялась, что все произошло именно так.

За два дня до прибытия флота Пейрака отец Мобеж отдал своему чересчур могущественному и влиятельному подчиненному приказ удалиться, потому что именно он был тайным союзником Жоффрея в Квебеке.

* * *

Со двора, заглушая завывание бури, послышался какой-то шум, и дверь затряслась от глухих ударов.

– Я не мог оставаться вдали от моей дамы во время нашей первой снежной бури в Квебеке, – молвил Жоффрей, когда Анжелике с помощью Элуа Маколле, который вылез из похожего на гроб ларя, где он спал, удалось наконец открыть дверь, уже заваленную снегом.

Дверь хлопнула, точно сорванная с петель, в нее вместе с клубящимся снежным вихрем вошли граф де Пейрак и его оруженосец Жан Ле Куеннек. Они сняли снегоступы и поставили их к стене. В такую бурю преодолеть несколько арпанов, отделяющих усадьбу Монтины от домика Вильдавре, было опасным делом.

С их одежды падали комья снега. Вошедшие налегли на дверь, чтобы затворить ее, и заложили деревянный засов.

Жан Ле Куеннек отправился спать на нижний уровень чердака, где были устроены «отсеки», койки с занавесками, защищающими от сквозняков.

Элуа Маколле подбросил в очаг новую охапку длинных толстых поленьев и сказал, что он последит за огнем в очаге и каминах, как делал это в Вапассу.

Вокруг дома, защищенного теперь от всякого вторжения извне, все яростнее звучал гигантский орган ветра.

В спальне с просторной кроватью было уютно и тепло.

«Он сознается в своем коварстве, – думала Анжелика, глядя на Жоффрея де Пейрака, – но не сейчас», – мысленно уточнила она, покоренная улыбкой, сияющей на склоненном к ней лице, улыбкой, в которой для нее заключалось все счастье мира.

Ночь обещала быть долгой, такой же долгой, как буря. А когда буран стихнет, они проснутся в белом бархатном безмолвии.

Они обнялись и, ликуя, прижались друг к другу.

* * *

Долгая ночь любви, долгая, как жизнь, кажется, что она все завершает, ибо всему подводит итог, что она и есть конец, но вместе с тем она – начало всего, ибо отменяет все, что было прежде и что может быть потом. Все понятия обыденной жизни потеряли значение: слава, опасности, богатство, честолюбие, зависть, опасения, страх перед нищетой и страх перед унижением, возвышение или падение, бремя существования, болезни или смерть.

Тело блаженствует, душа свободна, сердце учащенно бьется.

Все исчезло, и нездешний мир принимает вас в тайном святилище любви.

В эту ночь их нездешним миром была тесная комната посреди бушующей за окнами бури, в сердце жестокого, как проклятие, края, в городе, еще более хрупком, чем росток, что проклюнулся из потерявшегося семени, в городе, который этот апокалиптический ветер может в любую минуту вырвать из приютившей его скалы.

Вселенная, в которую они перенеслись, была ограничена кольцом их объятий. Меж ними полыхал огонь, жаркий, как в чреве земли.

Они долго стояли, не раздеваясь, в этой темной комнате, освещенной только колеблющимся пламенем ночника. Его было довольно, чтобы они ослепли от блеска любимых глаз, в которых, словно звезды, словно искры, плясали отражения этого огонька, когда их блаженно сомкнутые веки вдруг размыкались, будто во сне. И в полумраке они различали лишь склонившееся или подставленное для поцелуя лицо, заслонявшее им весь мир, приковывающее к себе все их мысли и чувства.

Они в молчании обнимались и целовались.

Наконец холод вернул их к реальности, а лихорадочное желание бросило их на огромную кровать, под одеяла, и они, обнаженные и смеющиеся, плотно задернув полог, очутились в темноте и тепле своего убежища. Их тела искали друг друга, стремясь вновь слиться воедино и познать невыразимое блаженство. То был зов плотской любви. Дар, против которого не устоит ничто. Взаимное влечение одной плоти к другой, которое преодолевает все препоны. То, что открывает путь к наслаждению. Между ними так было всегда, и теперь это соединило их вновь, оттеснив обиду и горечь долгой разлуки.

«Только в твоих объятиях я познаю высшее блаженство, – думала Анжелика. – Из всех моих возлюбленных только ты забываем... И так будет всю нашу жизнь... Пока наши руки могут касаться друг друга, а губы и глаза – встречаться. Поэтому мы свободны. Ведь нас связывают те единственные узы, которые мы не смогли разорвать, – узы взаимного влечения. Где бы мы ни были, мы всегда будем принадлежать друг другу».

Колдовские чары плоти всегда позволяли им находить дорогу друг к другу, дорогу между их во многом несхожими, противоположными натурами: мужской и женской. Но между ними было и сходство – одинаковое представление о жизни, и они не переставали видеть это сходство с тех пор, как впервые встретились в Тулузе.

Они любили любовь, они любили жизнь, они любили смеяться, они не боялись Божьего гнева, они любили гармонию и созидание, они боролись за то, чтобы все это побеждало на земле, и, страстно любя друг друга, были всецело, безоблачно счастливы в эту ночь, когда вокруг бушевала буря.

Ее вой заглушал все мелкие шорохи, обычно слышные ночью в доме, но, даже злобно сотрясая двери в их зачарованный мир, он только усиливал чувство, что на всей земле сейчас нет никого и ничего, кроме них самих.

Их наслаждение, их радость выражались короткими словами, нежными жестами, вздохами.

Счастье, получаемое и даваемое, освобождение от всего в жизни, забвение всего и вся, потому что она здесь и он здесь. Час любви, украденный у времени, у ночи, у страха, у зла. Он принадлежит им по праву, и в то же время он – чудо.

Такие мысли проносились в голове Анжелики среди восторгов любви.

И как всегда, ей казалось, что она еще никогда не была так счастлива, как в этот раз. Она говорила себе, что губы Жоффрея еще никогда не были такими нежными, его руки – такими ласковыми, его объятия – такими крепкими.

Что он никогда еще не был так смугл, так силен, так тверд, так нежен, его зубы никогда еще не казались ей такими белыми, когда он улыбался своей улыбкой фавна, его изрезанное шрамами лицо – таким устрашающим и чарующим, его взгляд – таким насмешливым, что ее никогда еще так не волновали запах его густых, черных с проседью волос, жар его твердых мышц под гладкой кожей, такой смуглой по контрасту с белизной простыней и ее обнаженного тела.

Ей нравилась смелость его ласк, его ненасытность, его пылкая жадность.

Он предавался любви, не допуская, что может быть предел изобретательности в способах утоления желания, когда им охвачены оба. Здесь, как и всегда, он исследовал жизнь. Среди вздохов и признаний он искал ее, Анжелику, свою любимую, ту, что всегда оставалась для него драгоценней и необъяснимей, чем неизвестные металлы, которые открывает терпеливый алхимик.

Ей нравился также и тот эгоизм, с которым он переживал собственное удовлетворение. Любовь для него была земным наслаждением, требовавшим всего его внимания, приключением, которому он отдавался, собрав все силы тела и ума. В этом был он весь. Он всему в жизни отдавался со страстью. Любовь была его стихией. Он оставался с собою один на один в полноте эротических ощущений, поглощающих его целиком, пылкий и радостный или отчужденный и мрачный, но всегда умелый и страстный. Женщина увлекала и покоряла его, но затем все же исчезала, и он оставался с любовью один на один. И тогда, благодаря его свободе, свободу обретала и она. Свободу преступить все

границы, свободу отдаться сладкой истоме или предаться безумствам. Ее влекло к звездам и его присутствие, и его отсутствие. Присутствие, заполнявшее все ее тело, и отсутствие, которое его освобождало.

Руки Жоффрея, его ласки, его дыхание, его властность, нежные или страстные проявления его любви давали ее телу жизнь. Иногда он настолько овладевал им, что Анжелике казалось, будто оно уже ей не принадлежит. Потом, уходя в себя, он отдавал ей его обратно. И она казалась себе новой, возвышенной, незнакомой. И ощущала, как телесная оболочка обретает огромную власть, которая представала перед нею в возбуждающем свете.

Она избежала слабостей женского тела, менее надежного, чем мужское, страдающего и оттого, что его желают, и оттого, что отталкивают, оттого, что его обожают, и оттого, что им гнушаются. Она обрела истинное могущество этого женского тела, сладостное и лучезарное, как в первые дни творения. Новое могущество Евы, которая внесла в только что созданный мир, как свет лампы, приглушенный алебастровым абажуром, свои отличия от Адама и превосходство над ним, свои более округленные формы, свои более шелковистые волосы, свой мягкий живот – первый символ плодovitости, свое таинственное лоно. И именно его человек воспроизвел на первом же изготовленном им украшении, первом охранительном амулете – гладком камне с бороздкой.

Анжелика была свободна и наделена могуществом, которое пребудет в веках.

Следуя за ним в этом бурлящем молчании, она отдалась его порыву и позволила увлечь себя ветру свободы и блаженства, который подхватывал ее и опрокидывал в одинокий и чудесный бред экстаза.

В полусне она размышляла о возбуждающих свойствах бури, неистовство которой только продлило ночь и ее утех.

Свет зари не прерывал этого великолепного чередования блаженного сна и сладостных объятий, и Анжелике казалось, что настала благословенная пора лени и беззаботности, которая иногда бывает так нужна и о которой человек мечтает, но часто напрасно.

В полусне она чувствовала, что спокойствие ее души уже никогда не будет нарушено. Эта уверенность появилась не только из-за этих блаженных часов, от которых она еще не отошла, но и благодаря тому, что маленькая урсулинка вчера засвидетельствовала ее невиновность в глазах общества, а сама она поверила в то, что отец Мобеж и есть «шпион» Жоффрея.

Сперва она задумалась, не глупо ли это, но затем под шум бушующего за окном бурана ей вновь вспомнились подробности вчерашней сцены в монастыре, кажущейся теперь такой далекой.

Она была уверена: он признается.

Она смотрела на него, спящего. Зная, что он спит чутко, как все люди, привыкшие к опасности, она удержалась и не стала гладить его черные брови, шрамы на его щеке и виске.

Почему он так скрытен, если они понимают друг друга так хорошо?

Жоффрей открыл глаза, приподнялся, зажег свечу у изголовья, снова лег, повернулся к Анжелике и, опершись на локоть, вопросительно на нее посмотрел:

- О чем вы думаете? Или о ком?

- Об отце Мобеже.

- И что же делает этот достопочтенный иезуит на нашем беспутном ложе?

- Он для меня загадка.

Коротко рассказав мужу о вчерашнем допросе в монастыре урсулинок, Анжелика подошла к последнему

объявлению главы общины иезуитов. В том, что он отослал отца д'Оржеваля миссионером к ирокезам, она увидела знак союза, более того, сообщничества с ним, Жоффреем, графом де Пейраком. Сообщничества, которое казалось необъяснимым. Отец Мобеж не гасконец, при этом духовное лицо, а южане, к которым принадлежит Жоффрей, известны тем, что никогда сразу не заводят тесных отношений с теми, кто напоминает им об ужасах инквизиции. И тем не менее, впервые войдя в библиотеку монастыря иезуитов, она почувствовала, что между аквитанским графом и иезуитом, пикардийцем с примесью китайской крови, существуют глубокие, нерушимые узы.

- И тогда я спросила себя: что это за сообщничество? Что могло так внезапно сблизить вас с человеком, в котором все, казалось бы, должно было вас отталкивать?

Поначалу он слушал ее невозмутимо, но в конце концов улыбнулся, и она поняла, что ее догадка верна. Теперь ему придется признать, что именно отец Мобеж и есть его тайный сообщник, способствовавший подготовке его приезда в Квебек.

Но то, в какой форме Жоффрей сделал это признание, застигло Анжелику врасплох и повергло в растерянность.

- Что нас сближает? Скажем так, это очень похоже на то, что сближает вас с госпожой Гонфарель, не спорю, дамой весьма и весьма приятной, но в которой, казалось бы, все должно вас отталкивать... если бы вас не связывали узы прошлого, узы, которые ничто не может разорвать, ни время, ни разлуки, - узы старой дружбы...

Неожиданно услышав имя Жанины Гонфарель, имя Польки, Анжелика сначала оторопела, но тут же все поняла. Он тоже разгадал ее секрет.

Она рассмеялась и обвила руки вокруг его шеи:

- О Жоффрей! Я вас ненавижу! Вечно вы берете надо мною верх!

Она прижалась лбом к его плечу. Но когда она подняла голову, он увидел, что ее глаза полны слез.

Он обнял ее.

- Храните ваш секрет, - сказал он. - А свой я вам расскажу.

* * *

Назавтра по-прежнему не могло быть и речи о том, чтобы высунуть нос на улицу, и они провели часть дня, сидя вдвоем в маленькой гостиной среди подушек на удобном канапе, в тепле красивой фаянсовой печки, которая прекрасно справлялась с холодом своей первой канадской зимы. Не признаваясь даже самим себе, оба радовались этой передышке, позволявшей им в кои-то веки поговорить спокойно.

Они разговаривали вполголоса среди сотрясающей дом бури.

- Я познакомился с отцом Мобежем очень давно, когда был еще совсем молод и ездил по свету по следам Марко Поло. Еще была жива моя мать, она управляла нашими поместьями под Тулузой, так что я, ее наследник, мог, ни о чем не беспокоясь, отдаться покорению мира. Мне хотелось все увидеть и все узнать, чтобы наверстать то, чего я был лишен в детстве, когда, искалеченный, лежал в постели. В своих странствиях я добрался и до Китая. Тогда отец Мобеж только что приехал туда как помощник преподобных отцов-иезуитов, которых китайский император пригласил для того, чтобы они помогли построить в Пекине обсерваторию. Благодаря своей учености и способностям к языкам - прибыв туда, он уже знал китайский язык - он был назначен на этот пост,

несмотря на молодость... Следуя своей методе, иезуиты жили как китайцы и одевались как мандарины, чтобы проникнуться духом страны и мало-помалу слиться с теми, кого они были призваны обратить в христианство. Когда я впервые заговорил с отцом Мобежем на пыльной пекинской улице, он восседал в паланкине и на нем была красная квадратная шапка и расшитое золотыми драконами белое одеяние. На его непомерно длинные ногти были надеты золотые футляры. Я с трудом произнес несколько слов по-китайски. Каково же было мое удивление, когда он рассмеялся и ответил мне по-французски.

С этой первой встречи мы подружились и продолжали переписываться, даже когда я возвратился в Тулузу. На протяжении многих лет мы не переставали обмениваться результатами наших научных исследований.

Но затем этот жестокий просчет папы, который не мог видеть, как католические догматы искажаются из-за контакта с религией Будды, а христианство стараниями иезуитов скатывается к признанию восточных верований.

А разве орден иезуитов не создан именно для защиты Римско-католической апостольской церкви от различных ересей. Все здание ордена зиждется на обете послушания папе, потому что эта армия призвана всегда быть в распоряжении этого наследника святого Петра, наместника Христа на земле.

И папа отозвал иезуитов из Китая и разослал их по разным странам.

– Это была опала.

– Прежде всего это был конец едва не воплотившейся великой мечты иезуитов обратить Китай в христианство.

– А отец Мобеж очень из-за этого огорчился?

- Иезуиты - большие философы, - с улыбкой отвечал Пейрак. - На первом месте для них стоит воля Божья, которую они исполняют, следуя своим обетам.

Примерно в то же самое время во Франции граф де Пейрак переживал собственную катастрофу - его приговорили к казни за колдовство. Это тоже был крах.

Только позже, когда он плывал по Средиземному морю под именем Рескатора, он вновь услышал об отце Мобеже от иезуитов в Палермо, на Сицилии, и узнал, что тот послан настоятелем монастыря иезуитов в Канаду. Для карьеры блестящего мандарина и пекинского ученого-астролога это назначение было явным шагом назад.

Перебравшись в Америку, граф де Пейрак отправил ему тайное послание. Обмен письмами был нечастым, но все же достаточно регулярным, чтобы установить контакт и понять, что они не забыли друг друга и сохранили взаимное доверие.

Чтобы быть действенным, этот союз должен был оставаться в глубокой тайне.

- ...Приближаясь к Квебеку, я не знал, что именно он предпримет и каким образом сумеет мне помочь, но я был уверен: он сделает все возможное, чтобы нас поддержать. Именно ему мы обязаны удалением отца д'Оржеваля, который, как мне кажется, в конце концов возомнил, будто это он настоящий глава иезуитов в Канаде...

Анжелика, со своей стороны, не стала скрывать, что ее дружба с Жаниной Гонфарель также имеет давние корни и относится ко времени их разлуки после того, как Жоффрею вынесли смертный приговор.

Но она предпочла не вдаваться в подробности, а он не стал настаивать.

Он заметил только, что заинтригован столь тесной дружбой Анжелики с хозяйкой таверны и их почти

сестринским взаимопониманием, которое с самого начала не укрылось от его пронизательного взгляда.

- Это доказывает, что мы с нею не умеем притворяться так же хорошо, как вы и ваш иезуит.

- Мы чувствительны ко всему, что касается любимого существа, - сказал Пейрак.

- Однако, хотя я вас тоже люблю, приходится признать, что мне потребовалось куда больше времени, чем вам, чтобы докопаться до тех уз, которые связывают вас с этим невозмутимым китайцем.

Они рассмеялись.

«Боже, как я его люблю», - повторила про себя Анжелика.

И еще раз изумилась тому, что видит его подле себя, что может слушать его рассказы о своей жизни, чувствовать движения его тела рядом со своим, ловить на себе его пылкий взгляд и дарить ему влюбленную улыбку.

День прошел тихо под аккомпанемент завываний снежной бури и веселого потрескивания пламени и незаметно сменился еще одной ночью, о чем объявил негромкий перезвон многочисленных часов.

Глава III

Буря продолжалась два дня и три ночи. «Это были пустяки», – сказал Элуа Маколле. Объявив себя хранителем огня, он день и ночь подбрасывал поленья в пламя, горевшее в очаге на кухне и в фаянсовой печи, в которой он также пек хлеб и сладкие пироги – ведь надо же поддерживать силы, – и только он один выходил во время бури во двор, чтобы принести из сарая дров.

Ставни приходилось держать закрытыми. Было слышно, как в них яростно бьет снежная крупа. Свист норд-оста, этого неистового опустошителя, время от времени затихал, тогда ветер в мощном порыве бросался с кулаками на стены дома и сотрясал их глухими ударами. Затем свист возобновлялся.

Анжелика с мужем подолгу разговаривали, сидя в удобных креслах в маленькой гостиной-будуаре, где Вильдавре разместил свою самую дорогую мебель и самые ценные безделушки. Мессир Кот составлял им компанию, по достоинству оценив мягкость шелковой обивки. Из этой комнаты был виден ярко освещенный большой зал, где дети, индейцы Пиксарет и Мистагуш, друзья и слуги, сидя у очага или за столом, ели, смеялись и болтали. Кантор играл в триктрак с Адемаром. Вечерами же он брал гитару и пел.

Иногда ветер находил какую-нибудь щелку и с воем врывался в нее, тогда пламя ламп и свечей начинало колебаться.

Вопреки царящему снаружи ледяному ненастью, свежая вода, доставаемая из внутреннего колодца, что находился возле камина, казалась дорогим другом, когда ее, сверкающую, живую, лили в котелок.

Под драночными или черепичными крышами, за толстыми крепкими стенами, осиянная защитой

освященных на Сретение свечей, продолжалась повседневная жизнь.

Без сомнения, в монастыре урсулинок маленькие воспитанницы продолжали орудовать иголками над своими разноцветными вышивками. В больнице монахиня готовила сиропы из папоротника. А в Нижнем городе Жанина Гонфарель, должно быть, царила среди своих веселых клиентов, довольных, что буря застала их в таком гостеприимном месте. Под закопченными балками из рук в руки передавались напитки, на вертеле жарилось мясо.

Добросердечная Онорина беспокоилась о соседском псе, сидящем на цепи у дерева в непогоду, когда «хороший хозяин на двор собаку не выгонит».

Чтобы успокоить ее, Элуа Маколле сказал, что собаки этой породы достаточно выносливы, чтобы зимовать под снегом. Они выкапывают себе в снегу пещеру, согревая ее своим дыханием, и выходят из нее, когда буря утихнет и вернется солнце. Они произошли от собак эскимосов, которые могут выдерживать самые лютые холода. А это очень умные псы. Собаки же местных лесных индейцев выродились, а помесь их с европейскими собаками еще хуже. «Они глупы. Они не лают... и ни для чего не годятся... ни для охоты... ни для того, чтобы охранять дом...» Их держат просто так. Они могут тянуть сани, но даже не сумеют найти дорогу домой. В доме такая собака полезна только для одного: она чует, если начинается пожар. Как только где-то падает искра или материя занимается от горящей свечи, она сразу начинает метаться как безумная. Она не лает и не показывает, где загорелось, но она это чует. Ее охватывает страх, и она начинает бросаться на двери, на стены. Так что, если видишь, что глупая собака мечется, надо тут же бежать искать, где горит.

- Но это же очень ценная собака! - заметила Анжелика. - Если бы у нас в Вапассу был такой пес, мы

бы меньше тревожились и спали по ночам, не опасаясь пожаров, когда к концу долгой зимы мы все ослабли и заболели...

Она вернулась мыслями в Вапассу. Как и в ту зиму, сегодня рассказам старого траппера Элуа Маколле аккомпанировал свист ветра.

На третий день наступила тишина. Хлопнув, открылись ставни, и взорам предстал белоснежный хаос. Снег засыпал изгороди, улицы, деревья, так что из белых дюн и холмов выглядывали только крыши домов.

И над всей этой белизной из легкого неосязаемого тумана медленно проступало по-летнему голубое небо.

Весь Квебек был словно окутан белым бархатом, над утратившими острые углы, заваленными снегом крышами высились колокольни. Очертания зданий смягчились, и теперь, благодаря многочисленным струйкам дыма, вертикально поднимающимся в небо и окрашенным лучами солнца в золотистые и серебристые тона, город походил на гигантскую курящуюся кафельницу.

* * *

Первым знаком того, что этот квартал Верхнего города возвратился к жизни, был дог господина де Шамбли-Монтобана, резвящийся в снегу, как тюлень в волнах. Поднимая сверкающую на солнце снежную пыль, к дому, где находились Анжелика и Кантор, кинулась росомаха; дог пытался догнать Вольверину, росомаха увертывалась.

Радостно крича, на улицу высыпали дети и, катаясь в пушистом снегу, присоединились к возне животных. Первым убежал дог.

В прозрачном воздухе отчетливо разнесся звук, когда Юсташ Банистер высек огнивом огонь.

Мадемуазель д'Уредан, погребенная в полумраке своего жилища, слышала все эти звуки, но не могла ничего видеть. Закутавшись в несколько шалей, ее служанка через оконце мансарды выбралась наружу с лопатой в руках и принялась разгребать снег перед окном. Дверью можно было заняться позже.

Из сугроба, словно из пены морской, показалась глупая собака и ее цепь. Вспрыгнув на перевернутую бочку, пес смотрел на дом Вильдавре, как утопающий на корабль.

Жизнь возрождалась.

Индейцы из маленького становища прокопали в сугробах ходы и один за другим, подобно кротам, выбирались из своих покрытых корой вигвамов, грибовидные формы которых едва угадывались под сенью вяза, засыпанного снегом до самых ветвей.

Во время бури одна из индианок родила. Сейчас она пришла в дом Вильдавре попросить белого хлеба и немного водки для себя и корпии для новорожденного.

Она несла его на спине, крепко привязанного к ярко раскрашенной дощечке и туго запеленутого в красные и лиловые полосы кожи, расшитые бисером и иглами дикобраза. Малыш был похож на разноцветный кокон, из которого едва виднелась его круглая мордашка цвета красного дерева. Он спокойно спал.

Господин де Бардань с улицы Клозери велел прокопать траншею, которая кратчайшим путем вела бы к дому госпожи де Пейрак. И явился к ней, едва дело было сделано. Он был крайне обеспокоен, хотел увидеть ее и справиться о ее здоровье. Его предупредительность оценили и пригласили к обеду. Во время бури он не переставая играл в карты с господином де Шамбли-Монтобаном.

Анжелика заметила, что Онорина, пробравшись через сугробы по пояс в снегу, беседует со служанкой-англичанкой, которая энергичными взмахами лопаты и

березовой метлы разгребает снег перед дверью мадемуазель д'Уредан.

Малышка Онорина знала несколько слов по-английски и сумела прекрасно объясниться.

- Что тебе надо от Джесси? - спросила ее Анжелика.

- Я хочу повидать даму, которая лежит в постели. Она говорила, что, когда выпадет много снега, она почитает нам историю про принцессу.

Рождество горожане будут справлять среди белых окопов.

* * *

По городу одновременно распространились два известия.

Матушка Мадлен встретила с госпожой де Пейрак и полностью ее обелила, развеяв все касавшиеся ее сомнения. Все были очень этому рады.

Зато весть о том, что отец д'Оржеваль отправился к ирокезам, была встречена не без волнения.

Госпожа де Кастель-Морг сразу придала комментариям по этому вопросу драматический тон. Не скрывая своего отчаяния, она твердила, что свершилась преступная несправедливость. Отец д'Оржеваль уже был один раз в плену у ирокезов, и они его пытали. Если они схватят его опять, то не помилуют.

«У нас появится новый Бребёф», - говорил монсеньор де Лаваль, возможно с едва заметным удовлетворением в голосе.

Чтобы напомнить верующим, трудами каких великомучеников строилась Канада, он зачитал с кафедры свидетельство, написанное Кристофом Маньо, канадцем, который первый увидел тело знаменитого иезуита отца Бребёфа, - свидетельство о мучениях,

которые останутся одними из самых чудовищных в анналах христианского мартиролога.

* * *

«Прибыв в миссию Святого Игнатия, откуда ушли ирокезы, я нашел тела мучеников.

У отца Бребёфа с икр, ляжек и рук было срезано все мясо. У него по кусочкам вырезали все мышцы, чтобы зажарить их и съесть.

Я видел и трогал многочисленные волдыри на разных частях его тела, образовавшиеся от кипятка, которым эти варвары поливали его в насмешку над святым крещением.

Я видел и трогал язвы на его теле от горящего пояса из коры, полного смолы.

Я видел и трогал ожоги от раскаленных топоров на его плечах и животе.

Я видел и трогал его губы, которые ирокезы отрезали, потому что, пока его истязали, он все время говорил о Боге.

Я видел и трогал все части его тела, по которым ему нанесли более двухсот ударов палкой.

Я видел и трогал его макушку, с которой была содрана кожа и на которую сыпали раскаленный песок также в насмешку над святым Крещением.

Я видел и трогал раны на месте его отрезанного носа и отрезанного языка.

Я видел и трогал его рот, разрезанный до ушей, и видел ожог в его горле от раскаленного клинка, который в него вонзили.

Я видел и трогал его глазницы, из которых вырвали глаза, вставив вместо них горящие угли.

Я видел и трогал отверстие, которое проделал в его груди вождь варваров, чтобы вырвать и пожрать его

сердце, в то время как остальные пили кровь, хлынувшую из этой раны.

Итак, я видел и трогал все раны на его теле, о которых нам говорили дикари...»

* * *

Затем епископ напомнил собравшимся одиссею гуронов и нескольких французов, которые, невзирая на бесчисленные опасности, перенесли тело мученика до миссии Су-Сент-Мари, а его голову – в Квебек.

«...Я перенес его голову в Квебек, всю дорогу держа ее обеими руками у сердца, словно драгоценное малое дитя...»

Теперь голова отца Бребёфа хранилась у сестер в монастырской больнице, в установленной на восьмиугольной подставке из черного дерева серебряной позолоченной раке с его изображением. Перед нею ежедневно молились.

После этой впечатляющей проповеди Анжелике захотелось поговорить с другом отца д'Оржевала графом де Ломени-Шамбором. Она знала, что он живет в Верхнем городе, и выяснила, где находится его дом. Она не виделась с ним с того дня, когда началась буря, со дня встречи с матушкой Мадлен, на которой присутствовал и он.

Граф жил возле здания суда, занимая скромную комнату, предоставленную ему его другом, бароном д'Арребу, который недавно уехал в Монреаль, так что пока господин де Ломени мог расположиться немного поудобнее, пользуясь также его гостиной и библиотекой. Но он довольствовался всего одной комнатой, маленькой, как монашеская келья, и принимал помощь слуги только для уборки и ухода за своей одеждой. Когда он не был приглашен в гости к

друзьям, он столовался в маленьком кафе под названием «Левантиец», которое держал один гасконец, отставной солдат полка Кариньян-Сальера, побывавший в плену у турок. Это было единственное место в городе, где те, кто когда-то жил в Средиземноморье, могли иногда выпить чашечку кофе по-турецки, напитка, который большинство канадцев не ценили и считали лекарством.

Туда он и привел Анжелику.

Они спустились на несколько ступенек. В кафе было довольно темно, потому что окна с толстыми зеленоватыми стеклами в частом свинцовом переплете выходили на Оружейную площадь, и свет в них проникал, только отразившись от снега. Этот полумрак и приятный аромат кофе ободрили Анжелику.

- Мы с вами не виделись с того дня, когда поднялась буря. Теперь госпожа де Кастель-Морг пытается настроить против меня общественное мнение. Она везде повторяет, что сейчас отец д'Оржеваль подвергается большим опасностям и виной тому я. Господин де Ломени, мне хотелось бы знать, считаете ли и вы меня в чем-то виновной. Если это так, я буду очень огорчена... В чем я виновата?

Мальтийский рыцарь положил ладонь на руку Анжелики, ласково посмотрел на нее и покачал головой.

- Ваша вина лишь в том, что вы женщина и кажетесь ему привлекательной. Вы мне сами рассказывали: он видел, как вы выходили из воды. Он вам этого никогда не простит, - добавил Ломени, запнувшись. - Потому что в это мгновение ему, быть может, открылось, что он подвержен слабостям, которые могут сделать его беззащитным и даже поколебать его веру.

- Поколебать веру иезуита? Мой дорогой друг, ваш пессимизм вводит вас в заблуждение. Есть взгляды, которые не может изменить ничто.

- Увы, только не у него, - со вздохом сказал Ломени. - Я знаю его еще с тех пор, когда мы вместе учились в коллеже. В нем всегда жил страх, я бы даже сказал, ненависть. Страх перед женщиной, ненависть к ней... Уж не знаю почему. Но возможно, ваша встреча открыла ему глаза на некоторые вещи. Например, на то, что он принял духовное звание и вступил в орден иезуитов, потому что хотел обрести убежище от зла, от Женщины, этого чудовищного существа, воплощенного зла, явившегося в мир, чтобы развратить мужчину. Лилит каббалы, дьяволицы, женщины-демона, суккуба, умеющего скорее погубить душу, чем инкуб, демон-мужчина, потому что суккуб хитрее.

Слушая его, Анжелика побледнела. Она поняла: граф де Ломени-Шамбор не знает о том, что в жизни Себастьяна д'Оржеваля с самого раннего детства присутствовало это адское создание - Амбруазина. «Как нечистый дух, следовавший за ним по пятам», - подумала она. Но он близок к истине. Она представила себе ребенка-убийцу, который непрестанно колебался на грани добра и зла и всю жизнь потом пытался определить, где находится эта грань. Это совпадало с бредовыми воплями дьяволицы Амбруазины.

«О, мое прекрасное детство! Он, Себастьян, его голубые глаза и руки в крови! Он и Залил, обагренные человеческой кровью. Нас было трое проклятых детей в руках Сатаны!

Никогда еще не было таких сильных детей, как мы... там, в Дофине. В нас жил огонь, жила тысяча огненных духов. Почему он нас предал? Зачем присоединился к армии этих черных людей с крестами на груди?»

Анжелика схватила Ломени-Шамбора за руку:

- Но это не я, Клод, я не Лилит!

- Я знаю.

- Вы слышали, что тогда сказала матушка Мадлен?

- Мне не нужно было ее слушать, я и так это знал.

И, стараясь успокоить Анжелику, он с глубокой нежностью добавил:

- Как только я увидел вас в Катарунке, я понял, что предубеждение против вас нелепо. Вы помните, что наша с вами симпатия возникла сразу?

- Это правда.

Ей хотелось сказать ему: «Вы всегда мне нравились». Но, сочтя, что это выражение несколько прямолинейно, она сказала:

- Я полюбила вас с первого взгляда, господин де Ломени-Шамбор.

Что оказалось не лучше. Слова выдавали их намерение ограничить свои отношения простой дружбой, и они оба рассмеялись.

Ей хотелось облегчить горе, причиненное ему так несправедливо. Чтобы ободрить его, она сказала:

- Раз он так силен, он сможет дать отпор вождю ирокезов Уттаке.

- Уттаке тоже очень силен, и он ваш союзник.

Ее охватило сомнение.

Может ли она сказать ему, что отец д'Оржеваль и был тот Черный Человек, который виднелся за дьяволицей, и матушка Мадлен понимала, что отец Мобеж это знает?

Поэтому решение настоятеля монастыря избавило город от злой участи.

Глава IV

Так человек удаляется в ледяную пустыню, и начинаются недели Филиппова поста.

Приближается Рождество.

Рождество! Рождество!

И пока трезвонят колокола, из всех труб к небесам, подобно благовонному дыму из курильницы, возносится дыхание жизни, а к запаху ладана и горящих восковых свечей примешиваются ароматы застолий, напоминая Создателю, что здесь, в этой бесчеловечной пустыне, есть люди, – одинокий человек в черной сутане, связанный обетом послушания, тяжело ступая на снегоступах, уходит все дальше от своих друзей, от тех, кто его любит, от святилища своего дела, своих трудов.

И в нем самом ледяная пустыня вытеснила пламя жизни.

И он всего лишь обломок.

Белое дыхание бури создало вокруг мертвый пейзаж. Он идет по знакомым местам, но ему тревожно, он настороже, как если бы он в первый раз ступил на чужую землю. Все вокруг стало ему враждебно. Потому что его лишили всего. И это чувство так на него давит, что он вынужден остановиться.

В отчаянии он кричит, взывая к небу: «Отец мой! Почему Ты меня оставил?» И одетый снегом лес, белая тюрьма из тысяч и тысяч тянущихся к небесам, словно частокол, ветвей, чья белизна отливает голубым и розовым и на фоне которых белеют искривленные канделябры берез, отзывается на его крик бесконечным эхом.

Плотный туман, точно выстроенное из перьев птичье гнездо, лежит на вершинах Аппалачей и незаметно стекает в долины. От стужи пар от его дыхания тотчас

превращается в лед. Он снова кричит: «Если Ты – Истина, то зачем Ты меня оставил?»

Они привязали его к пыточному столбу.

Ему кажется, что к его телу приближается раскаленный топор, красный, как рубин, и в белом свечении он различает лицо вождя моговков Уттаке, который его ненавидит!

О, его милые индейские дети, набожные абенаки! О, Пиксарет и его пылкое стремление новообращенного истребить врагов Бога! Убить Уттаке, этого язычника, обещающего стать великим вождем. Этскон Гонси – вот имя, которое они ему дали, и впервые это имя звучит для него не так, как раньше, звучит как приговор. Этскон Гонси – Черный Человек.

Вокруг него все всегда было черным, он едва помнит, что долгие годы жил в мирном свете сердца Иисуса. Он возвращается мыслями к своему мрачному детству. К темным ночам в Дофине, освещаемым только факелами в руках всадников, к крикам убиваемых гугенотов-мужчин и насилуемых женщин. Удовлетворение от пролитой крови, пролитой во искупление. Красное зарево пожаров, пылающие деревни, огонь, подносимый к соломенным крышам, огонь, который очищает.

Наставления отца, сильного и справедливого исполина, когда они скакали в ночных набегах, чтобы свершить Божье правосудие над деревнями, которые предались гнусной религии реформатов.

Какими темными были лощины, в которых для мрачных игр в демонов и колдовство его ждала золотоглазая девочка из соседнего замка, Амбруазина. Толковали, что хозяйка замка прижила ее от своего духовника. В их опасных играх участвовал и молочный брат Амбруазины Залил.

Потом, много позже, Амбруазина, ставшая госпожой де Модрибур, чему он был рад, ходила к нему на

исповедь. Ему нравилось, что, будучи ее духовником, он имеет власть унижить ее, попать гордость. Это порочное создание мнило, будто способна соблазнить его, как раньше, – ведь она продолжала блудить и с Залилом, и с другими мужчинами, и даже с женщинами, – но он сумел подчинить ее и обуздать.

В детстве он был окружен красивыми порочными женщинами. Худшей из них, хуже даже, чем Амбруазина, была ее мать, великолепная, высокая, блестящая колдунья, которая пыталась обольстить его, когда он был еще подростком. Он сбежал в коллеж к иезуитам. Но даже в этом убежище к нему тянулись руки женщин-обольстительниц. Красивые благотворительницы, которые не могли устоять перед прелестью юности.

Он победил в битве с похотью. Покаяние, дисциплина, умерщвление плоти. Его тело превратилось в послушный инструмент, нечувствительный к холоду, жаре, усталости, не подверженный вожделению, до того дня, когда его взору предстало незабываемое видение. Бог помог ему подчинить себе и обуздать все свои страхи, свою плоть, других людей и даже ту, самую неуловимую и ловкую из них, которая так и не поймала его в свои сети, – дочь колдуньи и проклятого священника... И все же их лица возвращаются и кружатся, кружатся, словно порожденные этим ледяным адом.

Он знал Амбруазину, он укрощал ее, как дикого зверя. Странно, но, даже зная, сколь она коварна и порочна, он никогда ее не боялся. Он всегда чувствовал, что их силы хоть и противоположны, но равны. Магия белая и магия черная.

Та, которая оказалась между ними, не принадлежала ни к одной из этих магий. Она появилась, одинокая и лучезарная, такая, какой он видел ее, когда она

выходила из вод озера, окруженная деревьями с красной осенней листвой.

Предчувствовал ли он, что ее магия носит другое имя и превосходит по силе магию и его, и Амбруазины? Имя ей – Любовь. Но разве в ней тоже заключена магическая сила? И он решил объявить ей войну не на жизнь, а на смерть, ибо нет ничего более преступного, чем нарушить установленный порядок, заронить сомнение.

И он натравил этих женщин друг на друга. Ибо только зло может обмануть зло. В их столкновении ни одна не сможет одержать победу, думал он. Они нанесут друг другу смертельные раны, ибо обе они нечисты. Они уничтожат друг друга. И красота, под которой они скрывают свои порочные души, им не поможет. Побежденные, изнемогающие, они явят свою истинную сущность: мелочную, эгоистичную и жестокую. Но потом до него дошла весть о том, что уже слишком поздно, что Амбруазина побеждена. Произошло нечто, нарушившее его планы. Он возвратился в Квебек и узнал, что «они» приближаются, мужчина и женщина, вместе, как и прежде. И он вступил в борьбу – читал пламенные проповеди, горячо заклинал.

Но, войдя в келью с белыми стенами, где его ждал отец Мобеж, он узнал, что его жизнь опять перевернется и что все его усилия, направленные на то, чтобы спастись от власти Ночи, оказались тщетны. И унижение из унижений, мучающее его более всего, – проницательный Мобеж разгадал его тайную слабость.

«Вы согрешили против творения Божия. Вы согрешили против женщины... Из гордыни и стремления повелевать... Из чувства мести... Против женщины...»

Женщина... Это неискоренимое зло, о котором ему говорил отец. Всегда она, всегда она. Вечно она встает между ним и жизнью... между ним и покоем души... между ним и Богом!..

После минутного размышления он успокаивается. Быть может, остается еще одна, последняя возможность наставить заблудшие умы, – быть может, Пасифик Жюссеран, которого он послал на юг, на берег Пенобскота, дожидаться корабля из Франции, вернется с документами, которые он просил прислать, и эти документы положат конец территориальным претензиям Жоффрея де Пейрака. А что, если будет уже слишком поздно, что, если эти слепцы не устроятся?

Как бы то ни было, для него, Себастьяна д'Оржеваля, идущего в страну ирокезов, все слишком поздно уже сейчас.

Его нынешнее одиночество предвосхищает одиночество мученичества и смерти.

А там, в Квебеке, женщина, которую он видел выходящей из вод, и мужчина-победитель подле нее. Он ее любит, и говорит ей о своей любви, и обнимает ее в спальне, и оба они насмеются над ним.

Путника охватывает ненависть, он скрежещет зубами и вспоминает то нечистое наслаждение, которое он некогда испытывал, поражая еретиков своим карающим мечом.

«Пусть она умрет! Пусть она тоже умрет!»

Его борода покрыта кристалликами льда. Стужа пробирает его, пронзает, словно ледяным клинком. Он бы отдал сейчас все золото мира, лишь бы уловить запах горящих поленьев, дыма, выдающий присутствие человека. Но им уже овладел страх перед ирокезами. Под толстыми перчатками он чувствует свои изуродованные, увечные пальцы.

«Только не во второй раз! Только не во второй раз!» – думает он.

Его переполняет страх перед ирокезами, страх перед их пытками. Он с ужасом думает, что сила покинула его из-за нее, той женщины, которую он видел однажды осенью выходящей из воды.

«Пусть она умрет, пусть умрет!» – твердит он про себя.

Его сжигает острая ненависть. Ведь через эту трещину утекает его сила.

Его обуревают страх перед предстоящими пытками, преследуют воспоминания о пережитых мучениях.

В ужасе он умоляет: «Только не это! Только не это!»

Глава V

В Квебеке религиозные празднества следовали одно за другим.

В первый вторник декабря - ежегодная месса иезуитов, следующая за принесением обетов.

Третье декабря - праздник святого Франциска-Ксаверия, второго святого - покровителя Канады.

Шестое декабря - День святого Николая.

В первую постную субботу службы в церквях были особенно роскошными и торжественными, потому что именно в этот день происходило рукоположение молодых священников.

В течение всего Рождественского поста на площадях не было видно юных канадцев, бегающих с клюшками, катающихся на коньках или играющих в снежки.

Все квебекские мальчишки, призванные на службу Вседержителю, были заняты тем, что надевали и снимали красные, черные и лиловые сутаны и кружевные стихари, зажигали и гасили восковые свечи, наполняли ладаном и несли кадила, резали свяченый хлеб и раскладывали его в корзины, чтобы потом раздавать его во время мессы.

Репетировали рождественские песнопения.

Хотя колокола непрестанно призывали горожан к алтарям церквей, они тем не менее все же находили время на приготовление рождественского ужина, который последует в полночь после того, как в соборе отслужат три мессы.

Рождество было праздником семейным. И все же за столом соберется множество друзей и родных.

Как-то утром, незадолго до Рождества, за маленьким шведом Нильсом Эббиэлом пришел священник из семинарии. Иезуиты, зная, что его усыновил

погибший в Акадии отец Вернон, попросили отдать его им на воспитание в семинарию.

Анжелика помогла Иоланде сложить в маленький кожаный баул одежду ребенка и костюм пажа, который он хотел взять с собой. Но аббат отказался брать его вещи, поскольку они будут неуместны в семинарии. Всех детей там одевали и обували надлежащим образом.

Нильс Эббиэл покорно покинул дом на улице Клозери, несмотря на отчаянные крики Онорины и Шерубена, которые, не желая его отпускать, вцепились на пороге входной двери в полы его куртки.

Мадемуазель д'Уредан наблюдала эту драматическую сцену из окна своего дома.

Анжелика поцеловала мальчугана, шепнув ему на ухо по-английски слова ободрения. Сам он, казалось, был к происходящему безразличен.

Он вернулся назавтра к вечеру, одетый в свои старые рубашку и штаны, с флейтой под мышкой, и, войдя в дом, как ни в чем не бывало сел на свое место в уголке у очага.

Через малое время за ним, запыхавшись, прибежал старший семинарист. Он сделал мальчику выговор, и тот согласился пойти с ним.

Но уже следующим вечером он вернулся опять, на этот раз в компании Марселена, племянника Ромена де Л'Обиньера, который воспитывался у ирокезов.

В тот вечер было очень темно и шел обильный снег.

– Малыши, что же мне с вами делать? – спросила Анжелика, глядя, как они сидят бок о бок у очага вместе с негритенком Тимоти, который в своем красном колпаке дополнял этот образ бродячего детства.

Позднее, несмотря на то что непрекращающийся снег вновь сделал улицы города непроходимыми, из семинарии явился шестнадцатилетний парнишка по имени Эмманюэль Лабур. Анжелика знала его в лицо, потому что он ежедневно сопровождал юных

семинаристов через Соборную площадь к иезуитам. Он был по происхождению нормандец, блондин, с приветливым и всегда улыбочивым лицом. Он собирался стать священником и оплачивал свое обучение, занимаясь с младшими детьми.

С восьми до десяти лет он был пленником ирокезов и потому понимал бунт Марселена, маленького дикаря, который страдал оттого, что сидит взаперти.

Семинарист обнаружил своего питомца у очага, тот держал на коленях книгу и читал вслух «Мученичество святых Туниса: святого Сатурнина, святой Перпетуи и святой Фелиции».

Он не только умел говорить и читать по-французски, но читал даже по-латыни.

- Малыш всех обманул, - сказал Элуа Маколле. - Господа из семинарии не могут справиться с частицей ирокеза в этом блондинчике.

В эту минуту опять постучали в дверь, и вошедший снеговик на снегоступах оказался Роменом де Л'Обиньером, которого родственник долг заставил по просьбе Святых Отцов явиться за племянником.

На следующий день в сопровождении троих мужчин, всю работавших лопатами, Анжелика, Ромен де Л'Обиньер, Нильс Эббизл и Марселен отправились в монастырь иезуитов, куда они были вызваны.

Она не была в суровой обители с тех пор, как вступилась за медведя Мистера Уиллоби. Сегодня она возвращалась как друг.

Ее предубеждение против отца Мобежа развеялось.

На встрече присутствовал и господин де Ломени-Шамбор. Говоря о маленьком шведе, отец Мобеж изложил суть дела. По всей вероятности, усыновив мальчика, отец Вернон тут же его и окрестил, но, поскольку на этот счет существовали некоторые сомнения, было решено повторить обряд и дать ему христианское имя. Ломени-Шамбор предложил стать

крестным отцом. Если госпожа де Пейрак согласится стать крестной матерью, она сможет заботиться о мальчике и принимать участие в его судьбе. Ребенок и так уже смотрит на нее как на мать. Если он не будет считать себя брошенным, он скорее согласится ходить на уроки и станет в конце концов благочестивым служителем Божьим. Отец Вернон наверняка этого хотел.

Что касается юного Марселена, то раз госпожа де Пейрак говорит, что охотно возьмет его к себе, то он может зимой приходить к ней ночевать, как остальные ученики, чьи родители живут в городе. Тогда у него не будет чувства, что он безвылазно заперт в четырех стенах. А в конце мая большая баржа с квадратным парусом отвезет всех воспитанников семинарии в Сен-Жоашен на южном берегу реки Святого Лаврентия, где у монсеньора епископа есть летняя резиденция, называемая Большой фермой. Вокруг нее расположены хозяйственные постройки, в которых содержатся животные.

Там до осени дети будут жить на свежем воздухе, гуляя, занимаясь сельскохозяйственными работами, а также учась различным ремеслам: ваянию и живописи, для чего каждую неделю будут приезжать старый Ле Бассер и его сыновья, слесарному, столярному и плотницкому делу и изготовлению железных и медных изделий. Епископ основал там настоящую школу изящных искусств, и все воспитанники с нетерпением ожидали отъезда на Большую ферму, находящуюся у подножия мыса Бурь.

Обратившись к Нильсу и Марселену по-французски, поскольку уже было доказано, что оба мальчика понимают этот язык, отец Мобеж прочел им краткое наставление. Он рассказал, какие решения были приняты относительно их судьбы и как хорошо о них позаботились, в красках расписал жизнь на Большой

ферме, где они смогут резвиться в свое удовольствие, и попросил их быть послушными и прилежными в учебе.

Они ушли вместе с господами де Ломени и де Л'Обиньером. Отец Мобеж остался – он хотел сказать госпоже де Пейрак несколько слов наедине.

Оказавшись с ним один на один, она подумала, что он, возможно, хочет намекнуть ей о своей давней дружбе с графом де Пейраком.

Но подобные излияния были не в характере иезуитов, их усилия были в основном направлены на спасение человеческих душ.

– В дни, предшествующие Рождеству, мы часто подходим к алтарю, – молвил он. – Сударыня, не хотите ли вы получить отпущение грехов, с тем чтобы присутствовать на богослужениях с миром в душе?

Анжелика удивилась этому предложению, но тут же поспешила с благодарностью принять его.

Она встала на колени и прочла покаянную молитву. Отец Мобеж, надев епитрахиль, перекрестил ее и отпустил ей грехи прошлые, настоящие и будущие.

– Вплоть до окончания поста, – уточнил он.

Анжелика поблагодарила его за то, что он дал ей возможность без каких бы то ни было затруднений обрести душевный покой.

Если бы все пастыри были такими, как он, весь Китай с его возвышенной мистикой признал бы Христа и Его проповедь терпимости, любви и мудрости.

– Отец мой, – попросила она, – монсеньор епископ посоветовал мне найти себе духовника. Мне хотелось бы сказать ему, что я исповедуюсь вам.

– Сообщите это монсеньору, сударыня, – отвечал настоятель монастыря иезуитов, по-китайски закивав. – Я к вашим услугам.

Глава VI

Наступило Рождество. Пурпурный закат угас, сменившись синей ледяной тьмой; на вершине горы Рок во всех окнах зажигались огоньки, и над каждой дверью заканчивали приколачивать гвоздями еловые ветки, перекрещенные в форме звезды.

Настоянные на морозце в узких улочках пары, дымки, ароматы сулили скорый рождественский ужин.

В десять часов вечера семьи горожан отправились в церковь, подвесив на конце палки или держа в руках фонари из чугуна или рога с просверленными в них отверстиями, глиняные горшки с горящим в них огнем, масляные лампы с медными абажурами. Скорее как дань традиции, потому что дополнительного освещения сегодня не требуется. Эта зимняя ночь в Канаде сияет, как начищенные доспехи. Лучи, льющиеся с серебряного диска луны, отражаются от чистейшего снега, и в этом свете островерхие крыши, чердачные окна, стены, каминные трубы отбрасывают острые чернильно-черные тени.

Из-за освещенных витражей собора несутся далекие, приглушенные звуки органа, словно бы рожденные из самих этих безмолвных просторов, желающих разделить с человеком его радость.

Если взглянуть вверх, кажется, будто видишь, как лучезарные ангелы звонкими голосами поют:

«Gloria in excelsis Deo...» – «Слава в вышних Богу...»

Весь город высыпал на улицы, а с ним и значительная часть жителей окрестных деревень и разбросанных вдоль реки изолированных ферм.

На санях, на снегоступах, пешком по смерзшемуся снегу из лесов пришли в город либо по Большой аллее,

либо по улице Сен-Жан или Сен-Луи обитатели дальних приходов Бур-Рояль и Сент-Фуа де Шарльсбур.

* * *

Их сопровождали музыканты с виелами, волынками и бретонскими свирелями. Войдя в город, музыканты заиграли на своих инструментах. Из приходов, расположенных на берегу Бодре, на косе Леви и на острове Орлеан, по проложенным по реке, обозначенным вехами дорогам прибыли многочисленные сани. В маленьких церквушках Шато-Рише и Сен-Жоашен также намечались службы, для отправления которых были назначены викарии, но послушать рождественскую мессу в соборе Нотр-Дам-де-Квебек, пышную и торжественную, было праздником, помешать присутствию на котором ревностных прихожан колонии на реке Святого Лаврентия могла только большая буря.

Прибыли и обитатели острова Орлеан. Обычно они почти не имели дела с «континентом». На редкость необщительные, они неохотно покидали свой остров и даже свои жилища, живя большими семейными кланами на фермах, построенных на берегу, или в господских усадьбах, стоящих среди леса на вершинах утесов, которых было много на этом скалистом острове, расположенном на перекрестке рек. Их остров был их королевством. Они имели репутацию колдунов, потому что, живя в разных сторонах острова, общались между собою посредством индейских дымовых сигналов и потому, что летними вечерами на его берегах плясали блуждающие огоньки. Они явились в Квебек во главе с владетельной дамой Элеонорой де Сен-Дамьен, получившей свой титул от четвертого мужа. Она была очень красива, с огромными черными глазами, говорили, что она происходит из Аквитании, и гасконцы, которые

еще не были с нею знакомы, пришли засвидетельствовать ей свое почтение. Среди них и граф де Пейрак, представленный ей господином де Фронтенаком. В эту рождественскую ночь словно бы возродился дух провинций, возможно, потому, что многие женщины нарядились на праздник в костюмы тех местностей, откуда были родом. Они надели все свои самые красивые вещи – платья, корсажи, плащи, фартуки, броши, – в которых они, а перед ними их матери выходили замуж в своих деревенских церквях во Франции, а затем, аккуратно уложив в сундуки, привезли с собою в Новый Свет. А Сюзанна, молодая женщина, родившаяся в Канаде, надела плащ из красного сукна толщиной в эю: французские крестьяне, начиная со Средних веков, традиционно дарили такой своей невесте на свадьбу и из-за этой покупки частенько разорялись. Ее муж, приехавший в Канаду из Сарта молодым холостяком, привез в подарок будущей нареченной это красивое одеяние, которое женщины его семьи из поколения в поколение передавали жене старшего сына.

Прибывшие спонтанно прибивались к «своим», узнавая друг друга по говору, по акценту. Аквитанцы, нормандцы, бретонцы, уроженцы провинции Перш, Вандеи, Ониса, Сентонжа – прибрежных провинций, из которых вышло много иммигрантов, небольшой кружок уроженцев Шампани, а также парижане, очень разные по характеру, но сближенные большим городом – Парижем, в котором они родились.

Мальтийские рыцари – их в Квебеке было четверо или пятеро – собрали вокруг себя офицеров и отставных солдат, участвовавших в военных кампаниях в Средиземноморье. После третьей мессы они все пойдут выпить кофе по-турецки в кафе «Левантиец».

Члены знатных семей, происшедшие от первых поселенцев, многие из которых были еще живы, с

важным видом патриархов занимали свои скамьи.

Так квебекское общество расположилось в соборе лицом к главному алтарю и к створкам яслей Младенца Иисуса, расписанным наивными пейзажами.

В суতোлке слышалось ржание лошадей, запряженных в сани и ждущих на площади. Восковые ангелы в атласных одеяниях и пышных завитых париках реяли на концах нитей над лежащим на соломе Младенцем Иисусом и роскошно одетыми Девой Марией и святым Иосифом. Через шесть дней к ним поместят волхвов. Осел и вол были вырезаны из дерева столяром Ле Бассером и покрашены братом Люком, художником: один – серой краской, а другой – рыжевато-коричневой.

Когда орган и хор замолкали, две скрипки и флейта играли возле яслей мелодии менуэтов.

В полночь красивый голос городского глашатая пропел: *«Божественный Младенец родился, играйте же гобои, пойте волынки...»* – и это понравилось горожанам куда больше, чем когда он оглашал ордонансы, стоя на перевернутой бочке.

Торжественно, как и ожидалось, отслужили три мессы.

Но собравшиеся несколько раз видели, как священники греют пальцы над маленькой серебряной жаровней, выполненной в виде курильницы для благовоний с просверленными в ней отверстиями. В жаровне лежали два или три горящих уголька, а сама она стояла на краю алтаря.

Холод был жесток, но верующим помогало горячее благочестие.

На последнюю полночную мессу принесли мадемуазель д'Уредан в портшезе, присланном ей госпожой де Меркувиль вместе со своими лакеями. Она так и оставалась сидеть в портшезе слева от алтаря, перед статуей святого Иосифа. Ей завидовали, потому что она поставила туда грелку с кипятком, спасавшую ее

от ледяного холода, с которым тщетно боролись несколько печей и множество горящих свечей. В соборе было светло, как днем. Мадемуазель д'Уредан не пропустила ни одной детали зрелища и видела всех и вся. Этих воспоминаний ей хватит на год.

После того как отзвучало последнее благословение, верующие, продрогшие, падающие с ног от усталости и жаждущие поскорее вернуться домой и сесть за праздничный стол, гурьбой бросились к выходу. Вскоре по паперти стало невозможно пройти.

Анжелика потеряла из виду своих спутников. Иоланда и Адемар, которые несли Онорину и Шерубена, уже спустились по ступенькам крыльца и, должно быть, направлялись к дому.

Анжелику оттеснили к боковой двери. Теперь из собора, сняв в ризницах свои праздничные облачения, выходило духовенство.

Епископ хотел дойти до семинарии, смешавшись с толпой.

Анжелика стояла, прислонившись к косяку и терпеливо ожидая, и забавлялась тем, что в свете факелов и фонарей разглядывала весело переговаривающихся, закутанных и покрасневших знакомых.

Вдруг она почувствовала, как чья-то рука крепко обняла ее за талию. Что-то в этом дерзком объятии ей не понравилось. Она подняла глаза, готовая отчитать наглеца, – и увидела перед собою голубые глаза герцога де Вивонна.

– Соизволите ли вы наконец меня узнать, прекрасная богиня Средиземноморья?

Он возвышался над нею, наклонившись к ее лицу с полуобольстительной-полунасмешливой улыбкой.

Воспользовавшись сутолокой этой ночи, тем, что замерзшая толпа спешит домой и не смотрит в их

сторону, герцог сделал то, на что не осмеливался до сих пор, – заговорил с ней.

Она молчала, и он настойчиво продолжил:

– Я знаю, вы меня узнали. Если бы это было не так, вы ранили бы меня в самое сердце.

Анжелика разозлилась на себя за то, что поначалу замерла и онемела. Раздающиеся вокруг них крики и смех наполовину заглушали шепот герцога.

– Похоже, вы меня боитесь, – сказал он. – Вы дрожите.

– Это от неожиданности.

– А может быть, от волнения?

– Вы чересчур самоуверенны, сударь.

– А вы чересчур забывчивы. Неужели вы не помните весьма приятные забавы, которым мы предавались на борту моего судна в Средиземном море?

– С трудом.

– Так вы еще и неблагодарны? Я исполнил ваш каприз, взял вас на борт своей галеры – и дорого поплатился, потому что король был в бешенстве. Если бы не вмешательство Атенаис, он ни за что не простил бы мне этот промах. Его величество продержал меня в своем кабинете больше часа, жестоко упрекая за то, что я помог вам сбежать.

– Так вам и надо, сударь.

Но внезапно Анжелику охватило волнение. За этим знакомым лицом, красивым, хотя и немного опухшим, на которое падали отблески факелов, был Версаль, был король, такие близкие, что казалось, можно их потрогать, услышать. Казалось, обернувшись, она увидит не маленькую площадь, вкривь и вкось уставленную санями, а королевские аллеи и сады, по которым бегут слуги с фонарями, возвещая приближение короля и его пышного кортежа.

Заметил ли герцог дрожь, которую ей не удастся унять? Он обнял ее еще крепче, и она поняла, что

красавец-адмирал нисколько не растерял своей силы.

Толпа притиснула их к выходу на паперть, и Анжелика почувствовала, как в плечо ей врезаются углы каменного косяка. Люди все шли и шли...

- Чем вы заплатите мне за ценное сообщение о жизни двора? Поцелуем?

- Сударь, ваша просьба неуместна.

- Я все же открою вам секрет.

Он склонился к ее уху, чтобы дать себе повод коснуться губами ее щеки:

- Король все еще не исцелился от страсти к госпоже дю Плесси-Бельер...

Он умолк, склонившись к ней, словно вдыхая ее аромат.

Но Анжелика оставалась безучастной. Хоть бы он не сжимал ее так крепко. Прикосновение его затянутой в кожаную перчатку руки к ее талии было ей неприятно. Было ли это вызвано рассуждениями мадемуазель д'Уредан о неаполитанской болезни или чем-нибудь еще, но от этого прикосновения у нее на теле выступила гусиная кожа.

Толпа между тем начинала редеть, родственники и друзья приглашали друг друга в гости.

Анжелика попыталась высвободиться:

- Господин герцог, соблаговолите меня отпустить. Здесь и так давка.

Он нахмурился:

- Вы со мною слишком холодны. Неужели вы считаете, что это дипломатично с вашей стороны? - В его угрюмом тоне чувствовалась угроза. - Я мог бы вам помочь.

- И чем же?

Герцог де Вивонн кивком указал на Жоффрея де Пейрака:

- Это его вы искали на Средиземном море? Должен признать, он весьма дерзок, если посмел явиться сюда с

развевающимся штандартом. Не побоялся сунуться прямо в ловушку. Ведь существует немало предлогов, чтобы его арестовать, если здесь узнают о его прошлом.

- Каком прошлом?

- Пиратском! Он стрелял по галерам короля. Я мог бы засвидетельствовать это перед его величеством. А могу и промолчать.

- И чего же вы потребуете в обмен на свое любезное молчание?

- Иметь удовольствие время от времени встречаться с вами в Квебеке, и чтобы вы не бежали от меня, как от зачумленного... по причинам, которые для меня непостижимы. Ведь мы же нравились друг другу... Ваше пышное появление несколько дней назад показалось мне благоприятным знаменем, посланным самим Небом... Ведь в этой провинции так скучно.

- И все же вы предпочли эту скучную провинцию Бастилии.

- Бастилии? - Он вздрогнул и широко открыл глаза. - Что за странная мысль?

- Изгнание в Канаду иногда заменяет королевский указ о заточении без суда и следствия, и ваше стремление сохранить инкогнито заставило меня...

- Я просто не хочу, чтобы мне докучали! - воскликнул герцог. - К тому же я покинул двор лишь временно... - немного подумав, признался он. - Ну да, у меня были кое-какие неприятности из-за недоброжелательства завистников. Доверенный секретарь министра ревновал меня к одной из своих любовниц, которую я у него отбил. Он сообщил своему патрону о довольно безобидной махинации с печатью, в которую я имел слабость впутаться. Разгневанный министр хотел на меня донести, хоть я и адмирал флота, и завести на меня дело. Надо было доставить ему в этом затруднения - скрыться от его вызовов и расспросов. Меня будут искать, а я буду в Турции, в Алжире - да

мало ли где? Расследование затянется. Чтобы оправдать мою отлучку, я получил от Кольбера поручение тайно изучить возможности защиты Канады силами флота. Весной я смогу вернуться ко двору.

- И вы полагаете, что министр тогда уже будет менее разгневан?

- Нет, но, возможно, он забудет... или умрет.

Де Вивонн расхохотался.

- Мне казалось, - сказала Анжелика, - что вас подозревали в отравлении короля.

Герцог побледнел, глаза его вылезли из орбит.

- Что вы такое говорите? - сдавленным голосом проговорил он. - Вы с ума сошли. Откуда вы это взяли?

- Сударь, вы не даете мне дышать.

- Я бы с радостью вас придушил.

Но он отпустил ее талию, и она наконец вновь обрела свободу.

- ...Как вы посмели высказать подобное подозрение? Я, который так предан королю, я, чья сестра...

- Я сказала это, чтобы вы меня отпустили, - сказала Анжелика, весело рассмеявшись. - Почему вы так разъярились? Или в моей шутке есть доля правды?

- Нет. Но вы говорите необдуманно... Подобными словами, легкомысленно брошенными, вы могли бы причинить мне изрядный вред.

- Не больший, чем тот, которым только что угрожали мне вы.

Он продолжал смотреть на нее, все еще задыхаясь. Потом недоверчиво рассмеялся, правда немного делано. Его самомнение придворного еще не поколебали несколько месяцев пребывания в Канаде. Он по-прежнему мнил себя слишком важной фигурой, чтобы бояться кого бы то ни было, и в особенности женщин, которые всегда были только счастливы привлечь его внимание и добиться его благосклонности.

- Вы ничуть не изменились, - молвил он, постаравшись придать своему тону оттенок лести и восхищения.

- А должна бы?

Он замер. Однако, к его великому изумлению, когда он дрогнувшим, несмотря на всю его самоуверенность, голосом настойчиво попросил ее соблаговолить встретиться с ним в более подходящем для беседы месте и предложил увидеться завтра утром в трактире «Восходящее Солнце», что находится в конце ее улицы, она согласилась.

Анжелика догнала своих спутников, которые отошли уже довольно далеко, и, подняв глаза, залюбовалась невероятной ясностью этой морозной ночи.

Мальчики из хора, в накидках поверх красных сутан, пробегали мимо нее, держа в руках корзины, в которые они собрали остатки свяченого хлеба, розданного на утренней мессе.

«Божественный Младенец родился», - продолжали петь маленькие семинаристы, возвращаясь в свое большое здание, стоящее позади собора. Там, в трапезной, их ждет необычно вкусный ужин. Настоящий пир.

За чугунной решеткой, в глубине двора, в высоких зданиях семинарии светились все окна.

В окнах первого этажа взад и вперед двигались огоньки - горящие свечи в подсвечниках, переносимые клириками и челядью. Можно было разглядеть и длинные столы, накрытые белыми скатертями. Для каждого ребенка была приготовлена тарелка, миска и оловянный кубок. На скатерти посередине стояли большие букеты бумажных цветов, которые монахини из монастырской больницы изготовили, чтобы радовать сердца.

На десерт была подслащенная сметана в больших мисках, которую дети обожали, и множество сладких

лепешек и тортов с малиной. Ягоды, собранные в конце лета в садах семинарии, хранились в подземном леднике. Сейчас, оттаяв, они наполняли воздух своим благоуханием.

Во главе стола, счастливый и улыбающийся, сидел епископ, окруженный духовенством, составляющим капитул.

Господин де Фронтенак пригласил всех именитых граждан города в замок Сен-Луи, чтобы подкрепиться горячим вином, щедро приправленным корицей и гвоздикой, и закусить пирогами, орехами, яблоками и сладостями.

В каждом квебекском доме на огне или на большом столе стояли суп, кровяная колбаса, ветчина и пироги с начинкой из варенья или разных видов мяса.

Анжелика так и не смогла поговорить со своими друзьями. В соборе она заметила, что ей делает знаки Полька, но теперь она уже ушла. Завтра она наверняка будет очень зла.

Встреча с Вивонном испортила ей рождественскую ночь. Но она довольно быстро оправилась. Что ж, что случилось, то случилось. И поскольку встреча с самого начала была неизбежной, можно поздравить себя с тем, что их поединок наконец-то начался и пока что они разошлись на равных.

Она боялась не того, чем он ей угрожал. Ее страшило только одно: как бы Жоффрей не рассердился на нее за то давнее приключение, если узнает о нем из хмельных излияний герцога. Но по зрелом размышлении этим можно пренебречь. Зима покажется слишком длинной, если все время ждать и бояться, что пойдут пересуды. Всегда можно будет что-нибудь сделать – объяснить, солгать или рассмеяться.

Прошое, ее прошое имеет теперь так мало значения.

Но за герцогом де Вивонном стоят двор и король, близкие, живые. Двор, где сейчас решается их участь, король, который решает все. Король, против которого она подняла мятеж и которого Дегре наверняка уже известил о том, что она сейчас в Канаде.

Здесь, в Квебеке, Вивонн не опасен. Временная ссылка поубавила ему спеси. Когда-то Анжелика заставила склониться перед собою гордячку Атенаис, она видела, как та в бешенстве раздирает зубами свой платок и проливает слезы ярости. Так что братцу фаворитки ее не запугать.

Даже напротив, она считала полезным с его помощью вдохнуть воздух двора... Быть может, это в конечном итоге подготовит их возвращение. Разумеется, такой исход кажется невероятным, но кто знает?

Глава VII

Ее появление в трактире «Восходящее Солнце» произвело на Антонена Буавита неизгладимое впечатление. Его задевало, что она чуть ли не каждый день удостоивает своим присутствием таверну «Французский Корабль» в Нижнем городе, меж тем как трактир «Восходящее Солнце», расположенный на ее собственной улице, ее пока не принимал.

Вместе с господином де Ла Ферте сидели трое других господ, и Анжелика поняла, почему мадемуазель д'Уредан говорила о них с такой опаской. Герцог де Вивонн привел их с собою, чтобы столкнуться с ней. Они составляли в Квебеке его двор, старые товарищи по разврату, если не что похуже. Вынужденная ссылка и грозящая всем опасность сблизили их еще больше. Они были спаяны общей выгодой, страхом и представлениями о жизни, которую вели в соответствии с кодексом поведения, ведомым им одним.

Анжелика почти позабыла эту породу. Она присела за их стол с мыслью, что чувствовала бы себя спокойнее и непринужденнее на совете у индейцев. Мутные глаза накрашенного старика, вкрадчивые и одновременно недоверчивые манеры барона де Бессара, возбуждение и чересчур блестящий взгляд Мартена д'Аржантейля – все это, казалось, было взято из какой-то плохой комедии. Среди других придворных они казались бы увлеченными, здесь же, вдали от двора, они выглядели просто обеспокоенными.

Они засыпали Анжелику комплиментами и пустыми фразами, от которых она давно отвыкла. Но довольно скоро к ней вернулось умение ядовито отвечать, не переставая при этом очаровательно улыбаться.

- Надеюсь, вы не слишком хорошо запомнили то, что я вам говорил о доверенном секретаре министра, - сказал Вивонн.

- Я запомнила ровно столько, сколько нужно.

- В общем-то, не важно, сколько вы запомнили, главное, чтобы вы не разглашали эти сведения.

- Не разглашала кому?

Он не мог не говорить на языке интриг, и под небом Канады, в маленьком, замороженном зимою городке, это казалось нелепым и смешным.

- Господин де Ла Ферте, мы все здесь - пленники льдов.

Жена трактирщика принесла им свежей воды, взятой из внутреннего колодца. Этот обычай - первым делом предлагать гостю стакан воды, - перешедший к канадцам, скорее всего, от индейцев, диктовался на редкость сухим климатом здешних мест, из-за которого во рту всегда ощущалась сухость.

Вода подкрепила Анжелику.

Затем они заказали сливовую водку.

Анжелика похвалила красные перчатки Мартена д'Аржантейля.

Тот несколько раз сжал и разжал пальцы, показывая ей перчатки во всей красе, и заговорил о своем таланте к игре в мяч и привязанности к себе короля. Перчатки были сшиты из птичьей кожи. Господин Гобер де Ла Меллуаз порекомендовал ему одного эскимоса, искусного в выделке этого вида кожи и пошиве перчаток. Тот работал на живущего в Нижнем городе колдуна.

- Но сам колдун ничего не стоит, - сказал господин де Сент-Эдм.

- Вы попросили у него яда, как в Париже? - осведомилась Анжелика.

В полном соответствии с хорошим тоном он воскликнул:

- Теперь в Париже уже не отравляют. Нынче в ходу заклинания и наведение порчи.

Мартен д'Аржантейль, более всех выбитый из привычной колеи ссылкой в Канаду, оживился, увидев, что Анжелика обратила на него внимание.

Он признался, что в Квебеке ему скучно. Его терзает тоска. Обуревают меланхолия. Он нашел нескольких молодых партнеров для игры в мяч, и маркиз де Вильдавре предоставил в их распоряжение один из своих складов, где можно устроить дощатую площадку.

- Но я для них слишком хорошо играю. Только король был для меня достойным противником.

Он предпочитал алхимию. А главное, его преследовали воспоминания о Мари-Мадлен де Бренвийе. Поэтому, когда Анжелика упомянула, что в квартале Марэ у нее был особняк - отель Ботрейи, он с жаром воскликнул:

- Вы, должно быть, были соседкой маркизы де Бренвийе?

- Да, в самом деле... И я совершенно уверена, что уж она-то пользовалась ядами. Она отравила больных в Отель-Дьё. Я знаю это из достоверного источника.

Они ухмылялись, закатывая глаза.

- Теперь это всем известно, и не только это. Вы, моя дорогая, отстали от жизни. Маркизу недавно казнили. Властям пришлось зачитать ее признание не по-французски, а по-латыни, настолько чудовищными были ее преступления.

- Священник, который ее исповедовал и сопровождал до эшафота, сказал, что она святая, - возразил содержатель королевского зала для игры в мяч.

Этот недавний процесс все еще волновал умы. Если бы Анжелика дала себе труд поспрашивать, она бы узнала о нем и в Квебеке. Потому что известие о казни

госпожи де Бренвийе, со всеми подробностями суда над нею, прибыло в город на кораблях только летом.

«Миром правят всего несколько человек, – говорила Амбруазина-дьяволица. – Все остальные – всего лишь статисты, ничтожная пыль...»

Анжелика посмотрела в окно.

Как и из всех зданий Верхнего города, по утрам из «Восходящего Солнца» открывался восхитительный вид на прекрасные бело-голубые – цвета Богородицы – дали.

За соседним столом воодушевленно и весело беседовали три пары среднего возраста. Это были крепкие, здоровые, румяные, удобно одетые мужчины и женщины. Они смеялись во все горло, показывая белые зубы, и казались братьями и сестрами, нашедшими друг друга после долгой разлуки.

Когда-то они приехали в этот край без гроша в кармане, сыновья разорившихся крестьян, нищих рабочих, неудачливых ремесленников, но здесь им дали права на охоту и рыбную ловлю – старые привилегии дворян, из них сделали господ, и теперь они были господами.

Герцог де Вивонн, который попросил Мартена д'Аржантейля не упоминать более маркизу де Бренвийе и поменьше пить, заметил рассеянность Анжелики, и это сверх меры его раздосадовало. Он сделался агрессивным и насмешливым.

– Положительно, чем больше я за вами наблюдаю, тем больше убеждаюсь, что Атенаис зря из-за вас беспокоилась раньше и зря беспокоится теперь. Я извещу ее об этом, как только смогу. Но понимаю, почему она капитулировала перед вами и продолжает бояться вас даже на расстоянии, даже после того, как вы исчезли. Она вбила себе в голову, будто вы необычайно ловки, но теперь я вижу, что вам просто повезло. Фортуна порой благосклонна к простакам... Ибо это чудо, что вы, наивная простушка, все еще живы и

находитесь в Канаде, куда вы никак не должны были бы попасть... Моя сестра во сто крат сильнее вас. Вы даже не представляете себе насколько. Ха-ха-ха! Она велела приготовить вам сорочку... Ха-ха-ха! Когда я об этом думаю...

Его бесило, что она слушает его вполуха и все ее внимание приковано к соседнему столу, где говорят о рагу из свиных ножек и приготовлении бараньего окорока.

- Ха-ха-ха! Вот бы в Версале посмеялись над постыдной смертью госпожи дю Плесси-Бельер, скончавшейся от венерической болезни. Ха-ха-ха! Никто бы не догадался, что, просто надев сорочку...

Анжелика повернулась к нему:

- Неужели вы думаете, будто я об этом не знала?

Она устремила на него взгляд своих зеленых глаз и, слегка склонившись над столом, тихо сказала:

- Эта сорочка уже много лет находится в руках господина Ла Рейни, начальника полиции королевства. Он велел проверить, чем она пропитана, - оказалось, что черным мылом и мышьяком. Неопровержимое доказательство преступлений, по-прежнему творящихся в Версале. Ему известно, для чего она была предназначена. Для того, чтобы убить меня... В запечатанном письме, которое я вручила господину Ла Рейни, я назвала имена всех тех, кто работал над этим шедевром, и, главное, имя заказчицы моего убийства. Имя, которое он жаждал узнать и в котором почти не сомневался. Но он должен был вскрыть это письмо, только если со мною произойдет несчастье или я попрошу его об этом сама лично либо в другом письме за моей подписью.

- И... он его вскрыл?

Герцог де Вивонн был смертельно бледен. Анжелика ответила не сразу:

- Нет... Пока нет.

- Не желаете ли кровяной колбасы?

Это вмешался Антонен Буавит. Стоя перед их столом, он предлагал им блюдо с великолепной кровяной колбасой и гарниром из яблочно-тыквенного пюре.

Трактирщику совсем не нравилось, когда в его заведении, этом святилище, затевали ссоры. В особенности в день святого праздника, да к тому же когда знаменитая госпожа де Пейрак, которую он с волнением видел каждый день проходящей мимо, наконец-то переступила его порог. Он сожалел, что она сидит в компании этих придворных, к обхождению которых он так и не привык, и беспокоился о ней, видя, что разговор между нею и ними отнюдь не кажется приятным.

- Сударыня и вы, господа, нынче Рождество, и вы должны непременно попробовать кровяной колбасы, которую я сам приготовил у себя в погребе, добавив в кровь шалфея и тимьяна, немного молотого перца и самого белого сала. Потом обжарил колбасу с луком...

Вивонн грубо взмахнул рукой и чуть было не опрокинул блюдо на пол. Но Буавит ожидал чего-то подобного и успел вовремя поднять руки и убрать его подальше.

Анжелика посмотрела на трактирщика со своей самой благосклонной улыбкой:

- Как вы любезны, господин Буавит! Ваша кровяная колбаса пахнет просто восхитительно. Я с удовольствием возьму кусочек.

Трактирщик был рад стараться. Он тут же принес свою самую лучшую оловянную тарелку и предложил Анжелике яблочной водки, которую непременно полагалось подавать с черной кровяной колбасой.

Он не стал настаивать, предлагая свою колбасу придворным, у которых явно не было аппетита.

Господин де Ла Ферте был по-прежнему бледен, остальные тоже неважно выглядели.

«Эге! А она не так уж глупа, - подумал обеспокоенный герцог. - Теперь я понимаю страх и злобу Атенаис...»

Сидящая напротив него Анжелика с видимым удовольствием расправлялась с кровяной колбасой. Смесь сливовой и яблочной водки способствовала тому, что сейчас она довольно легко смотрела на события из своего прошлого.

- Я сама отнесла эту сорочку господину Ла Рейни, - объяснила она между двумя глотками. - Разумеется, я держала ее с необходимыми предосторожностями.

Рассказав, где теперь пресловутая сорочка, не поступила ли она неосторожно? Но, взглянув в окно на застывшие, недвижные просторы, она сказала себе, что не стоило уезжать так далеко, если она и здесь будет трепетать перед этими марионетками, которые сами скомпрометированы как нельзя сильнее. Может статья, теперь они перестанут мнить, будто они самые могущественные и могут творить зло безнаказанно.

Меж тем как она размышляла и с аппетитом ела, граф де Сент-Эдм не сводил с нее глаз, и уголки его окрашенного рта опускались в горькой гримасе. Он уже начинал думать, что, весьма возможно, эта дама и в самом деле убила Варанжа, и вспоминал слова Красного Плута: «Даже не пытайтесь причинить вред этой женщине».

А Анжелика представляла себе Версаль. Это единственное, что в столь малоприятной встрече согревало ее сердце. За разговорами этих господ она ощущала воздух Версаля, ей виделась его красота, похожая на сон, ослепительная, которой расстояние придавало поэтический блеск. Анжелика не могла не вспомнить короля, вот он, великолепно одетый, шествует в окружении своих придворных дам и

останавливается на верхней ступеньке лестницы, спускающейся к бассейну Латоны...

- Я думаю, - вдруг сказала она, - что вы, господин де... Ла Ферте, сможете меня просветить. Вы не устаете повторять, что у вашей милой сестрицы нет соперниц в сердце короля. Однако, с тех пор как я приехала в Квебек, я уже много раз и от разных людей слышала одно имя - имя новой звезды, которая будто бы восходит на небосклоне Версаля, - маркизы де Ментенон. Кто эта дама и как к ней относится король? Не могли бы вы удовлетворить мое любопытство и сказать, что следует думать об этих утверждениях?

На лицо де Вивонна вновь возвратился румянец, и он принялся хохотать как безумный:

- О! Это прекрасная шутка!

Увидев, что она заинтригована, он почувствовал нелепое удовлетворение оттого, что смог ее заинтересовать.

«Женское любопытство, - сказал он себе, - это одно из наиболее уязвимых мест в их обороне. Кокетка отдаст многое в обмен на свежий, никому еще не известный слухок, и ее куда легче соблазнить светскими сплетнями, чем красивыми речами».

- Маркиза де Ментенон! О, как забавно!

- Но почему? Кто же она такая?

- Да вы с нею знакомы.

- В самом деле? Я не помню.

- Она ваша старая приятельница - ваша и Атенаис. Она родом из нашей провинции Пуату.

Герцог досмеялся до слез, и ему пришлось вытирать глаза. Потом он объяснил, что речь идет о Франсуазе д'Обинье, которую все называют «вдова Скаррон», настоящей голодранке. Из чувства дружбы госпожа де Монтеспан доверила ей воспитание своих незаконнорожденных детей от короля. Для бедной женщины рождение этих детей было отнюдь не

синекурой, поскольку это надо было держать в тайне, так что ей много лет пришлось скрываться и вести жизнь, похожую на жизнь заговорщицы.

Анжелика слушала, раскрыв рот. Вдова Скаррон! Эта вечная просительница, которая каждый день подавала королю челобитные, чтобы получить хоть какое-нибудь вспомоществование. Место воспитательницы детей его величества стало для нее настоящей удачей.

- И вы говорите, что она теперь маркиза? Маркиза де Ментенон?

- Король подарил ей поместье и титул. Земли Ментенона находятся в окрестностях Версаля. Король пожелал отблагодарить Франсуазу Скаррон за преданность его детям, которых он очень любит, и за то, что она умеет хранить тайну. Теперь с дрызгами этого несносного Монтеспана, мужа Атенаис, покончено, и король смог наконец признать своих бастардов и назвать их принцами крови. Но подумать, что он сделает из этой святоши-недотроги свою любовницу... - Герцог снова расхохотался. - Нет, конечно же нет! Атенаис никогда не сочтет ее возможной соперницей в борьбе за сердце короля.

- Тем лучше для Франсуазы. Это избавит ее от отравленного питья, приготовленного белыми ручками дорогой Атенаис.

Глава VIII

По возвращении домой у герцога де Вивонна завязалась перебранка с его подручными.

В крайнем возбуждении он принялся доказывать, что видит в этой невероятной встрече самую большую удачу своей жизни. Если он привезет королю госпожу дю Плесси-Бельер, его карьера будет обеспечена, а положение упрочится навсегда.

- Вы меня удивляете, - заметил барон де Бессар. - Неужели вы хотите привезти королю соперницу вашей сестры, госпожи де Монтеспан? Разве мало у нее хлопот со всеми этими женщинами, которые являются к королю и предлагают себя сами? А тут еще и ее собственный брат туда же. Неужели вы хотите, чтобы король ее бросил?

- Вы ничего не понимаете. Речь идет о том, чтобы исполнить каприз короля. А эта женщина, находясь в ссылке, стремится вернуться ко двору и добиться королевской милости. По крайней мере под моим покровительством она сможет, ничем не рискуя, вновь попасть в Версаль. Ведь я как-никак все еще адмирал флота. Одно несомненно: король будет мне благодарен.

- Король, может быть, и будет, но только не она, - сказал своим скрипучим голосом граф де Сент-Эдм. - Я понимаю ее лучше, чем вы. Она не из тех, кто ставит признательность выше собственной выгоды. Она вас использует и выбросит за борт, как только вы больше не будете ей нужны и ваше присутствие начнет ее тяготить.

- О ком это вы говорите?

- Об этой госпоже де Пейрак, или дю Плесси-Бельер. Вас обманул ее простодушный вид и невинные зеленые глаза.

- Да нет же! Что вы себе вообразили? Говорю вам - она всего лишь наивная дурочка, болтающая невесть что, как и все женщины.

- А эта история с сорочкой?

- Это правда! Но то, что она якобы отдала ее Ла Рейни вместе с письмом, - ложь. У нее не хватило бы на это мозгов. Она придумала это только что, просто для того, чтобы меня позлить. Если бы она была действительно хитра, то не раскрыла бы таким образом свои карты. Нет! Она просто хорошенькая женщина, очень честолюбивая. Ей нравится любовь, наряды, драгоценности, поклонение мужчин, нравится блистать и заставлять своих соперниц зеленеть от зависти. Она такая же, как все женщины, и король от нее без ума. Только это и имеет значение.

Вошел слуга, чтобы подбросить в камин дров.

Барон де Бессар сделал ему едва заметный знак, и он, выполнив свою работу, не ушел, а уселся в углу. Барон иногда использовал его для грязных дел, когда не желал сам пачкать руки. Лакей ходил на грузчика, у него было грубое лицо, но он был отнюдь не глуп, и Бессар не боялся посвящать его в спорные дела, для разрешения которых могли понадобиться его услуги. Иной раз у него даже возникали кое-какие удачные идеи. В общем, если требовался отпетый головорез, он всегда был под рукой.

- Похоже, у нее появилась одна слабость, - продолжал между тем Вивонн. - Она желает добиться справедливости для своего опального супруга. Что ж, она ее получит.

- К тому же известно, как следует поступать с неудобными мужьями, - ухмыльнувшись, сказал Мартен д'Аржантейль.

- Ничего не выйдет. Он не из тех, кого можно легко застать врасплох. Это хитрый морской лис.

- Стало быть, вы хорошо его знаете?

- Да, знаю! Я знаю их обоих. Они друг друга стоят.

Он перевел дыхание:

- Пить! Пить! Что за страна! Здесь чем холоднее, тем больше хочется пить.

Он торопливо зашептал:

- Нет, она не наивна. Но и не так ловка, как можно подумать, наблюдая ее чертовскую дерзость. В самом деле, когда рассматриваешь и так и эдак все преимущества и недостатки общения с ней, то можно изумиться. Я обязан ей немилостью короля за это приключение в Марселе, и я знаю других, которые были обязаны ей изгнанием и даже гибелью, но также и...

- Неизгладимыми воспоминаниями, - пробормотал Бессар.

«Которые время сделало еще более мучительными и разъедающими душу», - подумал Вивонн.

- Она занимается колдовством? - спросил Сент-Эдм.

- Об этом я ничего не знаю, - отвечал герцог, метавшийся по комнате, как зверь в клетке.

Свидетели его волнения приуныли и замолчали. Все они зависели от превратностей карьеры герцога, но еще более - от судьбы его сестры Атенаис де Монтеспан. Его влияние зиждилось лишь на том, что он был братом любовницы короля и дядей маленьких бастардов, которых воспитывала госпожа де Ментенон. Ныне король признал их и сделал принцами крови. Теперь, когда его внимание привлекла гувернантка, положение королевской фаворитки уже не казалось столь прочным.

- Вы, господин герцог, должны играть на стороне вашей сестры и больше ни на чьей. Король никогда ее не оставит. Он привязан к ней узами чувственности, воспоминаниями и любовью к их общим детям. К тому же в ней бездна обаяния, и в ее обществе он никогда не скучает. Это ее козырь. Только она может нас спасти. Она приложит к этому все силы, потому что, спасая нас, она спасет и себя. Вспомните, как ловко она обманула

короля, объясняя причину вашего отъезда, – маленькое безобидное лихоимство. То есть так, что он понял: для спасения чести вашего и ее рода, рода Рошешуаров, и для того, чтобы ему не докучали эти несносные судейские, не боящиеся нарушать его покой всякими глупыми сплетнями, ваше временное исчезновение было бы полезно. Лучший способ замять это дело. Суть была в том, чтобы он знал о вашем отъезде и не удивлялся...

Что она ему сказала, чего добилась? А того, что мы, по крайней мере, смогли вовремя убраться из Франции. Когда мы садились на корабль, полиция уже наступала нам на пятки... Нет, монсеньор, не планируйте ничего, что могло бы угрожать ее положению, которое сейчас ничто на свете не может поколебать. Вы оболъщаетесь насчет влияния на короля этой женщины, госпожи де Пейрак, или дю Плесси-Бельер, и ошибаетесь относительно тяжести выдвинутых против нее обвинений.

* * *

В замке Сен-Луи сыграли зорю. На улицах запахи рагу, жареной рыбы, тушеного мяса, лукового, ячменного и овощного супов и маиса, который варили индейцы, были так сильны, что проникали во все дома, даже если окна в них были плотно закрыты.

– Пойдем завтракать, – предложил де Вивонн. – В какой трактир?

– Говорят, в усадьбе Монтиньи превосходно кормят. Вы непременно должны напроситься на обед к графу де Пейраку.

– Чего вы боитесь? Что он вас узнает? Да вы же нам говорили, что, хотя вы и сражались с ним на Средиземном море, вы никогда не сталкивались лицом к лицу... К тому же он теперь уже не Рескатор.

- А я больше не адмирал флота... во всяком случае, до нового приказа короля. Но в настоящий момент я никто. Никто. И они, быть может, сильнее меня.

- Всего минуту назад вы утверждали, что эта женщина совершенно безобидна.

- Я не знаю... Я уже не знаю. Вот вы, предсказатель, - сказал он, обращаясь к Сент-Эдму, - можете вы сказать мне, кто она?

- Колдун из Нижнего города сказал, что это она убила Варанжа.

- Она! - вскричал Вивонн, вытаращив необыкновенно голубые глаза. Они и так были у него слегка навывкате и, когда он удивлялся или гневался, вылезали из орбит. - Откуда он взял подобную чепуху? Да она и мухи не обидит.

- Вы только что говорили прямо противоположное... Как бы то ни было, Красный Плут утверждал это совершенно определенно и говорил о ней с большим почтением.

- А ему кто сообщил?

- Должно быть, он увидел это в своих колдовских книгах, или при гадании на китовом жире, или в телепатическом видении. Он посоветовал даже не произносить имени этой дамы.

- Полно! Вы же говорили, что канадские колдуны гроша ломаного не стоят.

- Этот колдун заслуживал бы внимания, если бы не был так упрям. Это из-за нее он отказался говорить. Так что, герцог, вы сами видите, что с этой женщиной, которую окружает ореол света и теней, надо быть очень осторожным. Но вы, конечно же, предпочтете дать себя обмануть ее невинным зеленым глазам и простодушному виду.

Вивонн пожал плечами. Ну зачем он связался с этим гнусным старикашкой? Правда, он и его друг граф де Варанж устроили их отступление из Франции в Канаду,

и благодаря этим двоим они живут здесь вполне комфортно, к тому же нельзя не согласиться, что из его магических сеансов можно узнать кое-что полезное.

- Вы напрасно тревожитесь, - сказал он. - Истина находится где-то посередине. Она вовсе не так опасна, как утверждаете вы, но должен признать, что ей палец в рот не клади. Но я крепко держу ее в руках, потому что знаю о ней немало такого, что могло бы ей навредить - даже здесь.

- К несчастью, она, кажется, также многое о вас знает.

Вивонн, немало обеспокоенный, но уже не имеющий сил сердиться, попытался восстановить в памяти детали своей короткой связи с Анжеликой. Он находился тогда в Марселе и был очень занят организацией отплытия Королевского флота, но вдруг для него перестало существовать все, кроме этой женщины. Он знал, что она готова на все, лишь бы оказаться на борту его галеры и ускользнуть от полицейского, который искал ее по всему городу. Но за эту услугу Анжелика отплатила ему незабываемыми ночами. Он спрятал ее на королевской галере.

Д'Аржантейль, выведенный из своего уныния, подумал, что это не такой уж подвиг, потому что если подумать, то можно с уверенностью сказать, что Дегре, теперь такой знаменитый, намеренно позволил ей смыться.

- А с другой стороны, - сказал он, - госпожа де Пейрак может быть опасной как раз потому, что чересчур тесно связана с полицией. Правда, сейчас ее парижские друзья далеко.

- Так вы полагаете, что история с ее письмом Ла Рейни - это правда?

- Боюсь, что да. Но главное, она была любовницей этого Франсуа Дегре, имя которого сейчас приобретает все большую известность.

- Дегре! - воскликнул Мартен д'Аржантейль. - Это тот самый полицейский капитан, который арестовал Мари-Мадлен де Бренвийе. Он действовал с макиавеллиевским коварством. В монастырь в Льеже, где она скрывалась, он явился, переодевшись аббатом. Для него нет ничего святого, так что он сделал вид, будто испытывает к ней пылкую страсть. Могла ли она, уже пять лет запертая среди монашек, устоять перед ним, она, чье тело непрестанно сжигало желание? Он вынудил бедняжку сделать убийственное для нее признание, после чего уговорил ее бежать вместе с ним. Но стоило ей выйти за ограду монастыря, он ее арестовал. И вы говорите, что госпожа де Пейрак связана с этим мерзавцем? Может быть, именно она выдала ему маркизу де Бренвийе?

- Ах, перестаньте потчевать нас этой неприглядной историей. Известно, что женщин легко обмануть, потому что они ставят сердечные привязанности выше личной выгоды. Сердечные привязанности, - задумчиво прошептал де Вивонн.

И с досадой повернулся к своим приятелям спиной. Позади него Сент-Эдм и Бессар молча переглянулись. Они привыкли объясняться мимикой - так они обменивались мнениями и либо соглашались, либо нет.

На сей раз они оба понимающе улыбнулись. Герцог де Вивонн может поступать, как ему заблагорассудится, но они-то не обольщаются и знают: над ними нависла угроза. Спешки пока нет, но все же следует не мешкая пустить в ход все имеющиеся средства, чтобы свести к минимуму влияние этой женщины и любой ценой не дать ей вернуться во Францию, где она может помешать госпоже де Монтеспан и, быть может, затмить ее.

Часть пятая
Бал в День Богоявления

Глава I

Вивонн ошибался, полагая, что если у них была любовная связь на борту его галеры, то он может позволять себе с нею вольности. Трудность состояла в том, что во хмелю он становился дерзким и хвастливым, а в трезвом виде был знакомцем вполне приличным, совершенно не желающим привлекать излишнее внимание к своей особе.

Николя де Бардань повторял, что очень доволен своим переездом с улицы Клозери в дом главного смотрителя дорог. В какое бы место в городе он ни направлялся, он неизменно должен был пройти мимо дома Вильдавре и пользоваться любым предлогом, чтобы дождаться Анжелику и проводить ее в город.

- Прошу вас, - сказала она ему однажды, - не стойте перед моим домом, как солдат на часах. Это меня смущает и может вызвать сплетни.

- Но разве я не имею права прогуливаться по кварталу, где теперь живу? К тому же, по-моему, этот индеец торчит здесь куда больше моего - он вечно крутится вокруг вашего дома, входит и выходит без доклада, сидит на пороге, куря свою трубку, и, едва завидев вас, заводит беседу. Не понимаю, почему вы отказываете мне в том, что позволяете этому дикарю.

- Вот именно поэтому... Мой бедный друг, вы же не дикарь!

В конце концов она перестала взывать к его разуму, и он отправился с ней за покупками.

У портного-галантерейщика на Королевской площади они встретили Элуа Маколле, который надевал фиолетовый шелковый камзол поверх своей излюбленной жилетки в цветочек.

- Я обещал матушке Буржуа сходить на Новый год к моему сыну и снохе, - сказал он Анжелике.

Это было с его стороны настоящим подвигом, потому что старый траппер с ними не ладил. По его словам, за сына ему было стыдно. Парню сильно не повезло: толстый, рыхлый, вялый и трусливый, он относился к редкому для Канады типу людей. И надо же, чтобы такое случилось именно с Маколле - иметь сына, который совсем не рвался в леса, едва научившись ходить, и страшно боялся «прически», которую ему могли сделать ирокезы. «Моя скальпированная голова его пугала!.. Ну и что? Ты либо канадец, либо нет...»

Надо сказать, что Элуа Маколле был из поколения закоренелых холостяков, которых женили насильно, под страхом штрафа, отлучения от церкви и еще каких-то других кар.

Едва он сочетался законным браком с «королевской дочерью», присланной Кольбером в Канаду вместе с сотней других, и сделал ей ребенка (его бы наказали, если бы она пожаловалась, что брак не был осуществлен фактически), как потом исчез на несколько лет, отправившись на Великие озера. И оставил молодую иммигрантку расхлебывать кашу, то есть одновременно воспитывать сына и поднимать ферму в два арпана шириной и двадцать арпанов длиной, расположенную на южном берегу реки Святого Лаврентия, за мысом Леви. Хотя время от времени он и возвращался, жена и сын оставались для него совершенно чужими.

Жена его умерла, успев женить своего единственного сына.

С этого времени жизнь весельчака Маколле изменилась к худшему. После того как его тяжело ранили в военной кампании под Монреалем и матушка Буржуа чудом его спасла, ему пришлось вернуться к себе на ферму, но его сноха Сидони оказалась сущей гарпией и превратила его жизнь в ад. Она не знала, что

бы еще придумать, чтобы отравить ему существование и помешать вернуться в леса, и даже добилась, чтобы у него отняли разрешение на торговлю пушниной, потому что он носил водку индейцам. В конце концов он все-таки вырвался на свободу, но оказался вне закона и только благодаря поручительству графа де Пейрака, которого он вновь встретил в Тадуссаке, смог безнаказанно вернуться в город.

Этот дружественный визит к сыну и снохе был с его стороны жестом доброй воли, поскольку эта парочка отнюдь не питала к нему родственных чувств.

- А кроме того, - сказал он Анжелике, - у них есть соседка, вдова. Она мне очень нравилась и, как я недавно узнал, так и не вышла замуж повторно. Я воспользуюсь этим, чтобы сходить к ней и удовлетворить свои желания.

- Не знаю, входило ли это в наставления матушки Буржуа, - заметила Анжелика.

Они рассмеялись. Юношеская бодрость старого Маколле часто становилась предметом добродушных шуток. Он до сих пор пользовался большим успехом у дам.

Анжелика оставила его примерять наряды.

В лавке женщины, прозванной Кружевницей, яблоку было негде упасть. Именно у нее покупали воротнички, накидки, манжеты и кружева для отделки платья. Господин де Бардань скривил губы и принялся критиковать чрезмерное обилие кружев на одежде - не из нелюбви к роскоши, а потому, что, по его словам, в Париже мода становится более простой. Это море кружев на шее, на запястьях, на талии, на коленях теперь отдает провинциальностью и мещанством.

Его слова смутили постоянных покупательниц, они почтительно прислушались. Некоторые дамы, претендующие на то, чтобы во всем следовать последней парижской моде, поумерили свою жажду

кружев, правда опасаясь при этом, как бы земляки не сочли, что они мелочны или стеснены в средствах. Но другие как ни в чем не бывало продолжали во множестве покупать блонды и венецианские кружева.

В преддверии праздника все отдавали чепцы, воротнички и кружевную отделку урсулинкам – гладить, крахмалить и плоить.

Николя де Бардань, несмотря на то что его собственное прибытие в Квебек затмило появление графа и графини де Пейрак, нравился всем. Он имел представительную наружность, непринужденно держался и всегда был в добром расположении духа.

К Вильдавре вернулась вся его веселость. Банистер больше не появлялся. Ле Бассер всячески затягивал процесс. В праздничные дни нельзя было опротестовать вексель, потребовать платежа по кредиту, положить деньги в банк, и наступал долгожданный отдых от всех финансовых дел и юридического крюкотворства.

Онорина и Шерубен пытались подкормить бедного пса, сидящего под деревом на цепи, но четверо сорванцов, дети Банистера, крали у него половину еды.

В рождественскую ночь Анжелика хотела в знак примирения отнести своим вспыльчивым соседям сладкий пирог, но она могла бы с тем же успехом попытаться приблизиться к логову волков. Несмотря на святую ночь, Банистер заранее пригрозил подстрелить любого, кто подойдет к его хибаре.

Его дети, эти маленькие чудовища, плотно закутанные в коричневые или серые накидки, время от времени продолжали досаждать соседям, скатываясь по улице Клозери в ящике, к которому были приделаны коньки, и сбивая с ног всех, кто попадался им на пути.

– С ними каши не сваришь, такие есть во всех городах, – комментировала их проделки Сюзанна. Эту городскую философию она, вероятно, унаследовала от какого-то предка, некогда жившего в Париже.

Все это время Анжелика ежедневно навещала мадемуазель д'Уредан. Посещение собора совершенно измучило старую даму. От этого у нее теперь случались, как она говорила, «головокружения», и она жалела людей, которым приходится постоянно жить в такой суете. К тому же служанка совсем ее забросила и, сидя в своей мансарде, целыми днями читала Библию на английском. Эту Библию ей удалось сохранить, потому что, когда абенаки захватили ее в плен, она была у нее в кармане.

Джесси была пуританкой из-под Бостона (Массачусетс), города, на окрестности которого канадцы шесть лет назад совершили истребительный набег. Она упорно держалась за свою еретическую веру, и семья из Монреалья, купившая ее у абенаков, отчаялась убедить ее перейти в католичество. Хозяин-француз совсем уже было собрался вернуть ее дикарям, но потом сжалился и вместо этого отправил в Квебек к мадемуазель д'Уредан.

Ему было известно, что старая дама не отличается фанатизмом и не стремится всех и вся обратить в католицизм. Ее вполне устроит служанка, которая не желает становиться католичкой и которой к тому же не надо платить, так как она пленница. И каждый год окружающие безмерно изумлялись, видя, что Джесси-еретичка тоже с превеликим рвением готовится справлять Рождество. Им было невыносимо трудно согласиться с тем, что она празднует рождение того самого Младенца Иисуса, чью фигурку из розового воска скоро положат на солому, наполняющую ясли, поставленные в соборе. Поэтому на протяжении всего этого предрождественского времени жители Квебека смотрели на англичанку Джесси так, будто она украла у них младенца, хуже того – Младенца Божественного.

* * *

Новогодним утром во всем городе раздались крики «Да здравствует король!», залпы из всех имеющихся мушкетов.

По обычаю в этот день друзья и супруги обменивались подарками.

Анжелика обнаружила в алькове, у изголовья большой кровати, голландский фаянсовый нагреватель, имитирующий китайский фарфор и расписанный цветами и фруктами в синих и оранжевых тонах. Внутри его находилась толстая плоская свеча; служа ночником, она могла одновременно подогревать какой-нибудь напиток – ром или вино, – который приятно выпить вдвоем, перед тем как заснуть или холодным зимним утром. К нагревателю прилагалась чашка из позолоченного серебра с двумя ручками и крышкой, украшенная рельефным цветочным узором.

Сюзанна принесла окорок, копченный на пару нагретого кленового сиропа. Сегодня она привела с собою своих детей: Пакома, Жана-Луи и младшенького, Анри-Огюста.

Всю неделю между Новым годом и Богоявлением все, кто был приглашен и собирался прийти на бал по случаю этого церковного праздника, были заняты лихорадочными приготовлениями. Бал намечался на следующий день после торжественной церковной службы.

Епископ хмурил брови.

Граф де Пейрак и его жена отправились в семинарию, чтобы самолично пригласить монсеньора на бал. Его присутствие, сказали они, гарантирует, что увеселение пройдет достойно. В конце концов монсеньор согласился прийти.

А Польша, вернее, госпожа Гонфарель, хозяйка процветающей таверны «Французский Корабль», наотрез отказалась. Ничто не могло заставить ее изменить свое решение: ни мольбы Анжелики, ни

личный визит, который нанес ей Жоффрей де Пейрак. Знатный сеньор и суровая матрона отлично поладили, но Польша так и не передумала.

- Там мне не место, - говорила она.

- В Квебеке тебе место везде, и ты прекрасно это знаешь, - сказала ей Анжелика.

Но бывшая героиня Двора Чудес покачала головой. В Париже, сказала она, ее место было на другом берегу Сены, не там, где Лувр. Тогда ее ноги были босы и испачканы речным илом, а жила она не во дворце, а в разрушающейся Нельской башне, пристанище бандитов и крыс.

Она осталась непоколебимой и так и не поддавалась ни на какие уговоры.

* * *

В квебекском обществе распространялось явление, которого никто не замечал, кроме мадемуазель д'Уредан, ибо она умела улавливать нюансы, невидимые другим. Его тем более трудно было различить, что люди в Канаде не привыкли к подобным вещам, они были по натуре недоверчивы, ко всему настроены критически и мало склонны испытывать неумеренные восторги по поводу своих соседей.

Стало модно обращать на себя внимание господина де Пейрака и - в меньшей мере, но с не меньшим удовольствием - внимание госпожи де Пейрак. Вызвать улыбку одного, перекинуться парой слов с другой - этого было довольно, чтобы привести в прямо-таки детский восторг даже самых пресыщенных особ.

Среди квебекских дам разгорелось настоящее соперничество: кто из них сможет привести слова или фразы, которыми она в этот день обменялась с графом де Пейраком, и самый незначительный знак его

внимания подробнее обсуждался со всех сторон. Почему он смеялся с госпожой Ле Башуа, а не с госпожой де Бомон? Почему он долго разговаривал с госпожой де Меркувиль, но не принимает всерьез хорошенькую Беранжер-Эме, которая так старается привлечь его внимание? И наконец, зачем он с пышностью, достойной королевского посла, наносит визиты госпоже Гонфарель, хозяйке таверны «Французский Корабль», меж тем как столько изысканных дам готовы распахнуть перед ним двери своих будуаров?

Это напоминало моменты напряжения, воцарявшегося среди придворных в Версале, когда король жаловал какой-нибудь даме «право на табурет», после чего она удостоивалась величайшей чести сидеть среди избранных, в то время как остальные стояли. Или знаменитое «для», написанное над дверью покоев гостей короля, когда двор пребывал в Версале. Вся разница была в этом «для». Не просто «Господин маркиз такой-то», а «Для господина маркиза такого-то» – слово, которое приводило в восторг самых пресыщенных дворян, когда им оказывалась подобная честь. Обратить на себя внимание! Внимание короля! Или принца!

Куаферы в Квебеке были посредственные. Среди них не нашлось талантов, способных, как господин Бине, куафер короля, сделать любой даме новую прическу, идущую к лицу. В Квебеке, как и в других местах, дамы помогали друг другу, и среди них или их камеристок всегда обнаруживалась какая-нибудь искусная мастерица, которую, когда придет великий день, все будут разрывать на части. Дельфина и Анриетта, которые причесывали Анжелику для ее прибытия в город, были нарасхват. По крайней мере, хоть какая-то польза от их службы у Амбруазины. Но самой большой умелицей по этой части слыла Беранжер-Эме. Ей нравилось, чтобы ее ценили и считали незаменимой,

поэтому для бала она составила целый список «клиенток», которым в назначенный день, начиная с самого раннего утра, предстояло пройти через ее руки. Она хотела начать с Анжелики и явилась на рассвете со своими щипцами для завивки, нагревательными приборами, лентами, деревянными палочками для накручивания локонов и целым набором гребней, щеток и шпилек.

- Боже, как же я завидую вашей красоте! - вздыхала она, крутясь вокруг Анжелики и умело и вдохновенно поправляя то прядь, то локон. - И как же я завидую, что у вас такой обворожительный муж! Какой великолепный мужчина!

- Поверьте, я разделяю ваше мнение и мне очень приятно его слышать. Но, милочка, по-моему, и у вас самой такой муж, что вам просто незачем завидовать другим. Господин де Лаводьер, безусловно, самый красивый мужчина в городе.

- Он? - с сомнением в голосе переспросила Беранжер, как будто сейчас она впервые осознала очевидную красоту своего молодого супруга. - Ну так знайте же, что я с удовольствием обменяла бы его на вашего.

Наивность или же хитрость приводила жену прокурора в усадьбу Монтины именно запоздно, так что Жоффрею потом приходилось ее провожать, поскольку свою карету она оставляла дома? И случайно ли она ежедневно являлась в те же дома, где бывал и он, и постоянно попадалась ему на глаза на улицах, по которым он обычно ходил? Правда, этот город так тесен, а его обитатели живут так скученно...

Прежде она избегала приходить в дом Вильдавре, а Анжелика ее не приглашала.

И только теперь, в преддверии праздника, обстоятельства наконец свели их вместе, и, хотя Анжелика была довольна тем, что ее хорошо причесали,

она отнюдь не была уверена, что Беранжер явилась без определенного намерения. На первый взгляд такое восхищение супругами де Пейрак казалось трогательным, но Анжелика предпочла бы, чтобы жена прокурора восхищалась ими поменьше и поумерила свои восторги в отношении графа.

Разве сама она была равнодушна к оказываемому им вниманию, доходящему порой до благоговейного поклонения и ставшему для них обоих привычным? Ибо они были рождены не для того, чтобы раствориться в толпе, а для того, чтобы на них смотрели, чтобы за ними наблюдали.

У жителей Новой Франции были горячие сердца, это сближало их с Анжеликой и с Жоффреем де Пейраком. Пройдя тысячи жестоких испытаний, они любили нравиться и возбуждать любовь и не пренебрегали своим врожденным даром располагать к себе людей.

И теперь, в начале года, можно было бы сказать, что у них появилось даже слишком много друзей. Так что Анжелика уже начинала сожалеть, что не сможет поддерживать отношения со всеми.

Если враги на первый взгляд казались обезоруженными, на самом деле они не сдали позиций. Так, госпожа де Кастель-Морг продолжала открыто демонстрировать свою неприязнь. Но к этому противнику Анжелика испытывала сострадание. Ее не любили. Коренные канадки обвиняли ее в том, что она вмешивается в дела колонии, в которых ничего не смыслит, хотя живет в Канаде уже много лет. Ее отличала какая-то врожденная несуразность, из-за которой она все делала некстати и невпопад. Впрочем, и ее муж, господин де Кастель-Морг, был отнюдь не святой. Он утешался частыми посещениями отдельных кабинетов для любовных утех, которые госпожа Гонфарель держала в задней части своего заведения. То был настоящий караван-сарай, в лабиринты которого

нелегко было бы проникнуть как полиции, так и богомольцам. Общественное мнение оправдывало господина де Кастель-Морга – настолько сильное осуждение вызывало поведение его супруги.

Чрезмерное рвение, с которым она защищала своего духовника отца д'Оржеваля, сделало ее посмешищем всего Квебека. Собственно говоря, как все знали, у нее была только одна настоящая привязанность – ее любимый сын, красавец Анн-Франсуа. Но и здесь ей не повезло. Долгожданное возвращение этого юного искателя приключений из скитаний по лесам ознаменовалось прискорбными перипетиями, которые он ей не простил. И в довершение всех бед, подружившись во время своих путешествий с Флоримоном де Пейраком, он теперь жил вместе с ним в усадьбе Монтиньи. Там оба храбрых разведчика, поощряемые графом де Пейраком, работали с господином д'Юрвилем и землемером Фальером над составлением карт пройденных ими земель и описанием их совместного путешествия к Великим озерам.

И наконец, верхом всех своих несчастий, в которых Сабина де Кастель-Морг винила Анжелику, было то, что ее обожаемый сын питал к ней, ее ненавистной сопернице, самое горячее восхищение, а по правде говоря, и пылкую страсть.

Увлечение молодого человека вызывало у Анжелики улыбку и нисколько ее не тревожило, так как проявления этой любви, живущей в сердце и воображении Анна-Франсуа, не выходили за рамки глубокой преданности и стремления при случае услужить ей и сопровождалась красноречивыми взглядами его дивных темных глаз. Но Анжелика прекрасно понимала, что такое положение вещей вряд ли будет способствовать ее примирению с Сабинной де Кастель-Морг.

После злосчастливого выстрела из пушки дамы из братства Святого Семейства объявили Сабине бойкот, однако, обсудив ее поведение, решили все же не исключать ее из святого сообщества. Госпожа де Меркувиль сказала Анжелике, что госпоже де Кастель-Морг позволили и впредь навещать ее «стыдливых бедняков», то есть тех бедных и нуждающихся, о которых часто забывают, оставляя их без помощи, потому что из гордости или робости они никогда не жалуются. Так что Сабина украдкой опекала несколько человек и семейств. Ей не посмели запретить заниматься ими, потому что она очень любила заниматься благотворительностью, но скорее из гордости и напоказ, чем из чувства милосердия. «К тому же она так бестактна и неучтивая, что даже те, кому она помогает, ее боятся...» – со вздохом заключила госпожа де Меркувиль.

Присущее Анжелике чувство справедливости побудило ее встать на защиту госпожи де Кастель-Морг. По ее мнению, эта женщина стала неприятной потому, что не нашла понимания и счастья в семейной жизни. Никто не оценил ее настоящей преданности. К тому же Анжелика не разделяла мнения квебекских дам, что Сабина некрасива. Жизнь при дворе научила ее с первого взгляда оценивать сильные стороны внешности любой женщины и те возможности, которые эти козыри могли ей дать. Пожалуй, при дворе госпожа де Кастель-Морг, с ее красивыми, правильно очерченными губами, роскошной грудью, скульптурные формы которой угадывались под тесными корсажами и шемизетками, которыми она ее стягивала, и трагическими, по-андалузски черными глазами, могла бы не просто привлечь к себе внимание – она бы нравилась. Просто здесь, в Квебеке, она оказалась не на своем месте, не смогла заставить окружающих оценить себя.

В День Богоявления солдаты, которые пекли освященный хлеб, под звуки флейт и барабанов отнесли его в собор и таким же образом вернулись к себе после мессы.

После полудня в семинарии давали театральное представление. В нем участвовали дети из различных школ, а также юноши и девушки из религиозных братств.

Чтобы поддержать детей и молодых актеров аплодисментами, Анжелика пошла на спектакль, несмотря на приближение бала, который должен был состояться вечером. Все высшее общество тоже собралось там. Зал был переполнен, представление получилось очень ярким и живым. Всеобщее внимание привлек актер, исполнявший роль Христа, и зрители из уст в уста передавали его имя и подробности его жизни. Это был знаменосец расквартированного в Квебеке полка, младший сын в семье, которого безденежье родителей заставило пойти на военную службу, но он успел получить недурное образование и, несмотря на суровую солдатскую жизнь, сохранил стремление к добрым делам. Он вызвался давать ученикам семинарии уроки механики в обмен на возможность прослушать курс теологии и философии. Худой и бородатый, он играл роль Христа так убедительно, с такой добротой, что, когда на сцене появился страшный коварный дьявол, индейцы, сидевшие в первом ряду, с криками бросились к молодому знаменосцу, прося у него защиты. Анжелика с удовольствием отметила про себя, что Дельфина дю Розуа приложила немало усилий и умения к постановке этого спектакля. Сама она играла роль святой и подавала реплики молодому знаменосцу четким, хорошо поставленным голосом, что вызвало аплодисменты.

В антракте Анжелика встретила Анриетту, одну из «королевских дочерей» и подругу Дельфины.

- Я рада, - сказала Анжелика, - что Дельфина, похоже, с удовольствием участвует в делах прихода.

- После разговора с вами она воспрянула духом, - согласилась Анриетта.

- Быть может, она поладит с этим молодым знаменосцем. Он кажется мне добрым малым, хорошо относится к индейцам и хочет, подучившись, сделать карьеру. По-моему, они подходят друг другу и по возрасту, и по вкусам.

Анриетта важно покачала головой и сказала:

- Нет... это невозможно. Дельфина не захочет... У нее есть тайна.

Поняв, что выболтала уже и так слишком много, девушка сочла за лучшее доверить эту тайну госпоже де Пейрак, которая наверняка сможет все понять. Наклонившись к ее уху, Анриетта прошептала:

- Она влюблена в губернатора.

- В губернатора? - сказала Анжелика, повернувшись в сторону Фронтенака. - Да она с ума сошла...

- Почему же? Например, я ее понимаю. Он очень красивый мужчина, и он был добр к нам, когда мы потерпели кораблекрушение и остались без всего.

- Да о ком ты говоришь?

- О нашем губернаторе, господине Патюреле. Губернаторе Голдсборо. Вот почему после разговора с вами она так обрадовалась. Она надеется, что вы отвезете ее обратно в Голдсборо.

- Но... это невозможно! Это нелепо!

- Да почему же? Господин губернатор холост и не так уж стар. Она будет ему хорошей женой...

Раздались аплодисменты, все свечи погасили, кроме тех, что горели на краю рампы. Актеры вернулись на сцену.

«Колен! - подумала Анжелика. - Никогда!»

Она была права, что не доверяла Дельфине, этой тихоне. Колен, женатый на молодой женщине, которая

будет готовить ему вкусную еду, окружит его заботой и будет чваниться тем, что она – супруга этого великолепного, смелого, предприимчивого губернатора! Это немыслимо, невообразимо... Хотя, в конце концов, почему бы и нет? Нет, это – никогда!

Но тут ее размышления были прерваны. В темноте она по ошибке села рядом с госпожой де Кастель-Морг, и та, едва увидав ее, вскочила со своего места как ужаленная и, растолкав окружающих, бросилась прочь.

Таково было положение дел.

Но оно изменится. И притом нынче же вечером, хотя этого пока ничто не предвещает. Особенно после подобной сцены в театре семинарии. Все ожидали худшего. Во всяком случае, никто не рассчитывал, что Сабина де Кастель-Морг так просто сдастся. Но как бы то ни было, большинство тех, кого это касалось, обладали достаточной светской выдержкой, чтобы отнестись к выходкам жены военного коменданта спокойно. Не приходилось надеяться, что она сегодня так ничего и не выкинет, потому что, даже пребывая в добром расположении духа, она привносила в самую веселую компанию некое напряжение, которое тут же убивало все веселье.

Сегодня же она к тому же была взбешена, как никогда, так что все ожидали, что она будет переходить от одной группы гостей к другой, бросая по пути реплики, от которых у любого испортится настроение, и воспринимая самые невинные замечания как кровную обиду.

Так что гости опасались неприятностей. С присутствием Сабины приходилось мириться, поскольку она жила в замке Сен-Луи, но все заранее строили планы, как не дать ей испортить праздник. Жизнерадостный Вильдавре и обходительный Гобер де Ла Меллуаз обещали «заняться ею», если заметят, что она впадает в раж. «Я ее напою, – предложил

Вильдавре, которому нравились трудные задачи. – Она у меня станет кроткой, как ягненок».

Но это было весьма и весьма сомнительно.

Ведь Сабина де Кастель-Морг тоже была аквитанкой, а значит, ее нелегко обуздать.

Таковы всего за несколько часов до начала бала были первые соображения и догадки относительно маленькой войны между госпожой де Пейрак и госпожой де Кастель-Морг.

Поэтому вечером все с восхищением и недоверием будут наблюдать, как госпожа де Пейрак и госпожа де Кастель-Морг явно дружески, хотя и не теряя достоинства, взялись за руки и, более того, отойдя в сторонку, уселись рядом и беседуют с таким серьезным видом, какой обычно свидетельствует о разговоре по душам. И наконец, чудо приобретет масштаб не только неожиданной, но и невообразимой. Все увидят, как госпожа де Кастель-Морг внезапно преобразится до неузнаваемости и будет ходить по гостиным, являя невиданную живость, веселость и остроумие, которые вначале вызовут крайнее изумление, а потом будут немало способствовать тому, чтобы этот бал в ночь после Дня Богоявления общество не забыло никогда. Но никто так и не узнает, что же произошло.

* * *

Но кто же будет встречать гостей на пороге замка Сен-Луи? Этот вопрос долго обсуждался в дни, предшествовавшие балу. Предлагались различные варианты. Господин де Фронтенак с госпожой де Кастель-Морг? Господин де Фронтенак с госпожой де Пейрак? Или господин де Фронтенак с господином де Кастель-Моргом и интендантом?.. Придя в отчаяние, Фронтенак попросил совета у Вильдавре, чтобы наконец

сделать выбор. Господин Гобер де Ла Меллуаз обиделся, так как в вопросах этикета эти двое были соперниками. Анжелика вздохнула с облегчением, узнав, что окончательное решение все же найдено: поскольку только что был заключен договор о союзе, гостей будут приветствовать представители двух договорившихся сторон, сиречь господин де Фронтенак и господин де Пейрак.

Таким образом, всех прибывающих в замок будут встречать именно эти двое, и все смогут сразу поздравить их с заключенным союзом, чтобы не пришлось потом искать их в толпе. Затем камергеры проводят гостей к столам с прохладительными напитками.

Нынче вечером Анжелика могла играть роль гостьи и возблагодарила за это Небо. Идя на бал, она отнюдь не была уверена, что правильно выбрала туалет. Она не захотела надеть платье из золотой парчи, одно из трех, которые Жоффрей предложил ей на выбор для первого бала в Квебеке. Оно не подходило, потому что было чересчур роскошным. В таком платье можно было бы... предстать перед королем. Может быть, когда-нибудь? Но сейчас оно не годилось, ослепляло, как солнце.

Она совсем уже было собралась надеть платье из красного бархата, но оказалось, что у нее нет булавок с бриллиантовыми головками, чтобы приколоть корсаж, а без них наряд утрачивал все свое великолепие. В этом красном платье было что-то испанское, что ей не шло, особенно нынче вечером, когда у нее осунувшееся лицо, а под глазами залегли темные тени. Затем, узнав, что Жоффрей наденет красный костюм, в котором он, при его черной шевелюре и темных глазах, похож на Мефистофеля, она твердо решила отказаться от туалета другого оттенка красного, более яркого и идущего блондинкам, потому что такое сочетание испортит впечатление от их пары.

Ничего не поделаешь! Медлить было некогда, она решила остановиться на бледно-голубом платье, в котором была в день приезда в город. Тогда его нашли красивым, к тому же в нем она никого не затмит, оставив другим дамам удовольствие демонстрировать новые туалеты. Анжелика еще раз чертыхнулась про себя, кляня трудности одевания с помощью одной только Иоланды, и еще раз недобрым словом помянула короля Франции. Из-за него у нее остался шрам, мешающий показывать спину, хотя и очень красивую – в этом ее убедило зеркало – и просто созданную, чтобы привлекать горящие, то есть взволнованные, взоры поклонников и влюбленных. В конце концов она уехала с головной болью.

Чтобы немного приободриться, Анжелика стала думать о тех, кого она сейчас встретит, и, конечно же, о самых преданных из них: о Ломени-Шамборе, о Вильдавре, Карлоне, Фронтенаке... и даже о самом епископе, который в их прошлую встречу был совсем не прочь обменяться с нею несколькими замечаниями.

И там будет Жоффрей! Отучится ли она когда-нибудь смотреть на него, следить за ним взглядом, как будто полюбила его только вчера? Он превосходит всех блеском своего обаяния еще более, чем высоким ростом, статной фигурой и присущим ему изяществом. Но к ее восхищению примешивалась легкая досада из-за его успеха у дам, которые отнюдь не всегда щадили чувства его законной супруги. Было ли в нем что-то, позволяющее думать, что он готов уступить их домогательствам? Ему по-прежнему, как тому знатному тулузскому вельможе, каким он был, нравится обольщать.

Она укололась булавкой и подумала, что ее нервозность, пожалуй, вызвана дурным предчувствием. На этом балу непременно что-то произойдет.

Либо господин де Бардань вызовет на дуэль господина де Ла Ферте, либо Беранжер-Эме начнет так бесстыдно кокетничать с графом де Пейраком, что Анжелика будет вынуждена поставить ее на место и таким образом предстанет в роли ревливой и сварливой жены, злобно взирающей на торжество более молодой соперницы. Все это весьма удручало.

В довершение всего произошло недоразумение, как бывает всегда, когда все не складывается. Сани, которые должны были приехать за нею, чтобы отвезти в усадьбу Монтиньи, опрокинулись в запорошенный снегом ручей на Соборной площади. Она напрасно прождала их и поняла, что опаздывает. Ей прислали портшез и записку. Жоффрей де Пейрак со своим эскортом отправился в замок Сен-Луи в полной уверенности, что она туда уже уехала. Это еще более усилило ее досаду. Потом Анжелика решила, что выбранные драгоценности ей не идут. Она снова поднялась в спальню и, глядя на себя в зеркало, поменяла их, твердя про себя, что предпочла бы остаться дома. Теперь она была уверена: ее действительно терзает дурное предчувствие. Должно произойти нечто ужасное. Либо какая-то разрушительная катастрофа или природный катаклизм из тех, что так характерны для этого края, где все еще так зыбко, – землетрясение, страшная буря, появление на небе пылающих каное, – либо не природное, а рукотворное бедствие: опустошительный пожар, внезапное нападение ирокезов, вполне способных залить христианский праздник кровью, наконец, совершенное кем-то преступление...

Она прибыла в портшезе к сверкающей огнями резиденции губернатора.

Проходя по двору между двумя шеренгами солдат, взявших на караул невзирая на холод, Анжелика вспомнила, что в Версале светская выносливость

считалась неотъемлемой частью добродетелей, необходимых, чтобы сохранить милость короля. Его любовницы почитали своим долгом уже через час после родов предстать перед ним с улыбкой на устах.

Анжелика прогнала воспоминания о своем блистательном прошлом, расправила плечи под тяжестью великолепной накидки из белого меха, гордо подняла подбородок, чтобы не показалось, будто она прячет лицо, видом которого она нынче вечером была недовольна – но показать это недовольство было бы еще хуже, – и ухитрилась войти в двери большой гостиной, сияя.

Фронтенак двинулся ей навстречу. Музыканты на маленьком возвышении заиграли громче, словно бы для того, чтобы привлечь к ее появлению всеобщее внимание.

Анжелика улыбалась и с живостью отвечала на приветствия и комплименты сразу же окруживших ее многочисленных гостей.

Графа де Пейрака нигде не было видно. В гостиной собралась уже целая толпа. Дамы из братства Святого Семейства представляли нескольких молодых девушек офицерам и унтер-офицерам в форме, а также троим или четверым уверенно держащимся и хорошо одетым молодым людям, загорелые лица которых контрастировали с париками и кружевными жабо, выставленными напоказ по случаю бала.

Анжелика хотела подойти к ним, но тут железный обруч мигрени еще сильнее стиснул ей виски, к тому же у нее закружилась голова и ее затошнило. Ей пришлось остановиться, у нее подкашивались ноги. С застывшей улыбкой на устах, она спрашивала себя, что же ей делать. Подумав о Версале, она испугалась: «А что, если я отравлена?»

Но тут по некоторым интимным признакам она вдруг поняла весьма простую причину своего недомогания и

нервозности нескольких последних часов. Сегодня был ее плохой день.

Анжелика от души прокляла и первородный грех праматери Евы, и его последствия, которые до окончания времен должны нести существа ее пола, и собственную беспечность. В хлопотах и приготовлениях к празднеству она совершенно забыла о наказании за первородный грех, которое порой застает женщин врасплох.

Эту природную катастрофу женщины привыкли переживать каждый месяц, героически скрывая ее неудобства.

Оказавшись в плену толпы в роли королевы бала, в своем тонком бледно-голубом платье, Анжелика быстро разработала план действий, который позволит ей выйти из этого щекотливого положения, не привлекая внимания.

Оглядевшись и увидев вокруг только лакеев и ни одной камеристки, которой можно было бы довериться, она заметила в нескольких шагах от себя госпожу де Кастель-Морг. Вот он, путь к спасению! Ведь госпожа де Кастель-Морг живет в замке Сен-Луи, а значит, может незаметно ей помочь.

Видя, как Анжелика пробирается к ней сквозь толпу, Сабина де Кастель-Морг отвернулась и хотела удалиться, но Анжелика все же успела догнать ее и положила ладонь на руку хозяйки.

- Сударыня, - тихо проговорила она, - можно вас на два слова?

- Нет! - ответила та и резко отдернула руку.

Она была возмущена. До этого момента ей всегда удавалось избегать Анжелику, и эта внезапная атака застала ее врасплох.

Она дрожала, так как была очень впечатлительна.

- Как вы смеете ко мне обращаться?

- Сабина, только вы можете мне помочь. Я нахожусь в ужасно затруднительном положении и не вижу больше никого, кто мог бы спасти меня.

Госпожа де Кастель-Морг еще больше вознегодовала, видя, что Анжелика пытается воздействовать на нее кротостью.

- Вы хотите ввести меня в заблуждение относительно наших отношений? Не рассчитывайте, что я поддамся. Я не числю вас среди моих друзей и не разрешаю вам называть меня по имени.

- Не злитесь, Сабина. Повторяю: только вы можете мне помочь.

- Не хотите ли вы заставить меня поверить, будто у вас нет друзей? Обратитесь к одному из этих господ, которые поголовно в вас влюблены, или даже к епископу, с которым вы тоже подружились, несмотря на вашу нечестивость.

Анжелика рассмеялась и знаком призвала ее говорить тише. Лишь с огромным трудом ей удалось объяснить госпоже де Кастель-Морг, в чем дело, что только женщина может сжалиться над ней и быстро оказать ей помощь, причем не любая женщина, а только она, Сабина де Кастель-Морг, живущая в замке Сен-Луи.

- Пожалуйста, отведите меня к вашей камеристке или укажите мне одну из ваших служанок...

Ее собеседница, готовая уже учинить скандал, успокоилась. Она покраснела, потом побледнела и смутилась, осознав свою оплошность. Опять она попусту рассердилась и попала впросак. Но правда и то, что она никогда не отказывала, когда к ней обращались за помощью, хотя при этом бывала порой ужасно неловкой...

- Следуйте за мною в мои покои, - сказала она. - Праздник еще не начался. Сейчас только разносят прохладительные напитки. Вы будете готовы еще до того, как все сядут за столы.

Поднимаясь по лестнице, она объяснила:

- Все служанки либо в кухнях, либо встречают гостей, к тому же они бестолковы, так что не стоит никого звать. Я сама дам вам все необходимое.

- Спасибо. Ах, моя дорогая, я так рада, что вы живете в замке Сен-Луи!

- Ваши пушки разрушили мой дом! - с горечью отвечала Сабина де Кастель-Морг.

Однако она открыла перед Анжеликой двери своих покоев и поспешила предоставить в ее распоряжение все необходимое. Ее агрессивность прошла, враждебность, как по волшебству, испарилась. Их женское взаимопонимание в противостоянии общим неприятностям разрушило все разделявшие их барьеры.

Когда спустя малое время Анжелика присоединилась к ней в гостиной, лицо Сабины де Кастель-Морг уже утратило мрачное выражение и на нем даже играла легкая улыбка, смягчившая очертания ее красивых губ, лишь слегка подкрашенных нынче вечером.

- Вы сделали это нарочно! - сказала она.

- Полно, Сабина, вы же знаете, что такие вещи нельзя заранее подгадать, чтобы включить их в план примирения...

- Да, но даже случай всегда на вашей стороне. Даже самая малость оборачивается в вашу пользу. Взять хотя бы меня - ведь я теперь обезоружена...

Повинуясь порыву, Анжелика подошла к ней и протянула ей руки:

- Сабина, мы можем быть друзьями?

Сабина де Кастель-Морг пожала плечами и улыбнулась печальной, смиренной улыбкой, но позволила взять себя за руки, и они прямо посмотрели друг другу в глаза.

- Я никогда не питала к вам неприязни, несмотря на то что вы предприняли против нас в день нашего приезда, - сказала Анжелика.

Жена военного коменданта покраснела:

- Я тогда совсем обезумела, я вас ненавидела... Но я... Я не думала, что пушка выстрелит... Еще одна оплошность с моей стороны...

- Хорошо, что она не удалась, - не удержалась Анжелика. - Но почему вы меня так ненавидите? И можно подумать, что ваша ненависть направлена на меня лично, а не вызвана тем, что мы с мужем можем явиться потенциальными соперниками колонистов в территориальном вопросе, или тем, что до нашего прибытия в Квебек здесь боялись, что мы - сообщники англичан в их стремлении навредить Новой Франции.

- Это правда, я ненавижу именно вас, - сказала Сабина де Кастель-Морг, отводя взгляд.

Тем не менее она продолжала цепляться за руки Анжелики, и казалось, в ней происходит какая-то мучительная внутренняя борьба.

- Но почему? Что я вам сделала?

- У вас всегда все было. Все, чего нет у меня. Вы нравитесь, вас любят... меж тем как стоит появиться мне, и я чувствую, как все идет вкривь и вкось. Все замолкают. Мужчины отворачиваются. Госпожа де Меркувиль мне это часто говорила, и с самыми лучшими намерениями. Добрая душа, она советовала мне сделать над собою усилие. Но какое усилие? Ведь я некрасива...

- Да нет же! Какая глупость!

- Я знаю, что говорю... Мне это часто давали понять.

Она вырвала свои руки из рук Анжелики и принялась взволнованно ходить по комнате. С потерянным видом она провела рукой по лбу:

- Нет! Нас слишком многое разделяет, Анжелика! Я не могу забыть! Ведь вы разбили мне жизнь!

- Я? Разбила вам жизнь? Сабина, вы все драматизируете.

- Вы отняли у меня мужчину моей жизни! - вскричала она.

Анжелика в изумлении смотрела на нее широко раскрытыми глазами. Увы! Поддавшись своему воспаленному воображению, Сабина де Кастель-Морг опять принялась молотить чепуху. О ком она ведет речь? Об отце д'Оржевалле?

- Мужчину вашей жизни? Сабина, кто это?

- Да, в самом деле! - воскликнула госпожа де Кастель-Морг со своим прежним саркастическим смехом. - Разве есть на свете мужчина, который мог бы меня полюбить? И я позабыла, что у вас-то есть выбор! Кто из тех, кто теперь увивается вокруг вас, мог прежде питать какое-то чувство ко мне, чувство, которое, естественно, тут же исчезло, едва появились вы?

Она выпрямилась, дрожа от негодования и муки, ее черные глаза заблестели, как два карбункула. Властным жестом она показала на дверь, ведущую на галерею и широкую каменную лестницу:

- Давайте спустимся. Я вам его покажу!

В своем черном платье с длинным шлейфом, она была похожа на королеву из трагедии.

- Сабина, как вы красивы! - воскликнула Анжелика. - Если бы вы сейчас могли увидеть себя в зеркале, вы убедились бы в этом сами.

Госпожа де Кастель-Морг вздрогнула, будто ее поразила молния, и взглянула на Анжелику расширенными глазами:

- И это говорите мне вы... Вы, моя соперница. Ах, это уже слишком!

Она согнулась, как от удара, затем снова выпрямилась. Блеск ее глаз напоминал блеск глаз воинов, идущих на долгожданную битву.

- Идемте! - повторила она.

Анжелика, весьма заинтригованная, последовала за ней. Среди шума, доносящегося из вестибюля и гостиных, были слышны голоса мужчин, которые приветствовали и окликали друг друга.

«Кого же из этих мужчин я у нее украла? – спрашивала себя Анжелика. – Кто бы он ни был, я смогу ее быстро разубедить. Ее мужа? Ну конечно же нет. Фронтенака? Он очень привлекателен, спору нет, но он любезен со всеми дамами, и со мною не более, чем с другими. Интендант? Он не очень-то пригож, но надо признать, что, когда узнаешь его получше, у него обнаруживается обаяние и он пользуется успехом. Мадемуазель д'Уредан от него без ума, а госпожа д'Обрен ловит каждое его слово, боясь пропустить хоть одно».

Они остановились на пороге большой гостиной, совершенно равнодушные ко всеобщему интересу, который они вызвали, появившись вместе.

– Ну что ж! – сказала Анжелика. – Сабина, покажите мне его.

Та колебалась.

– Сабина, вы уже и так слишком много сказали! Так продолжайте! Что означает это обвинение? Я разбила вам жизнь? Но как?

Сабина побледнела. Чувствовалось, что еще немного, и она откроет страшную тайну – тайну, которой она еще ни с кем не делилась.

– Вы отняли его у меня, – простонала она.

– Да кого же?

– Его! – Она произнесла это слово со страстью и мукой. – Его! – повторила она, вытянув руку.

Анжелика посмотрела туда, куда она показывала, и увидела только своего мужа Жоффрея де Пейрака, отвечавшего что-то Фронтенаку в окружении уже очень развеселившихся мужчин и женщин.

Она бросила на Сабину де Кастель-Морг непонимающий взгляд. Тогда та решилась.

– Я – племянница Карменситы, – объявила она таким тоном, будто это объясняло все.

Глава II

Заявив: «Я – племянница Карменситы», Сабина де Кастель-Морг замолчала и застыла, словно превратившись в соляной столб. Анжелика подумала бы, что она в самом деле сошла с ума, но имя Карменсита ей что-то напомнило. В этом имени был ключ к разгадке.

– Неужели не помните? – настаивала Сабина де Кастель-Морг. – Ну же, постарайтесь вспомнить. Карменсита де Мордорес была любовницей того, за кого вы вышли замуж в Тулузе.

– В Тулузе! – повторила Анжелика. – Стало быть, так давно...

– Только не для меня... Для меня это близко. Это – вчера. Вот почему видеть вас для меня невыносимо, ведь тогда я слишком жестоко страдала.

– Давайте присядем, – предложила Анжелика. – И вы мне все расскажете.

Они пробились сквозь шумные гостиные, машинально улыбаясь и здороваясь с гостями, и никому не пришло в голову их остановить, настолько все были потрясены, видя их вместе.

Они нашли укромный уголок в одном из примыкающих к гостиным будуаров, где уже доверительно беседовали какие-то пары, наблюдая через распахнутую дверь за входящими гостями и ходом праздника, чтобы не пропустить приглашения к столу.

– Теперь рассказывайте, – молвила Анжелика. – Если я вас правильно поняла, вы были в Тулузе, когда меня туда привезли, чтобы выдать замуж за графа де Пейрака.

– Да. Мне было двадцать лет. Моя тетька Карменсита де Мордорес привезла меня с собою туда в качестве своей горничной. Тогда я впервые покинула наш старый

замок в Беарне. Моя семья происходит от катаров, так что меня воспитывали в строгости. И вдруг, приехав в Тулузу, в Отель Веселой Науки, я открыла для себя все соблазны и удовольствия света, невообразимую роскошь, сокровища ума, поэзии, богатую культуру моего края. А также легкость, с какой заводятся любовные связи, что кажется даже своего рода добродетелью, ибо знаменует собой поклонение человеку и соответствует воле Творца, который хотел, чтобы люди были счастливы. Как же не поддасться очарованию всего этого? И особенно очарованию того, кто командовал этим вечным праздником, – Жоффрея де Пейрака де Морана д’Ирристрию, знатного вельможи, который властвовал в Тулузе? Тогда он уже выглядел как теперь, но в нем было больше мефистофельского, чего-то пугающего. Он любил это подчеркивать, потому что он был рожден быть первым в своей провинции, и все это чувствовали.

Моя тетя Карменсита была от него без ума. Ей было тридцать лет, и она всегда вела беспутную жизнь. Поэтому она и смотрела на меня свысока. Но надо признать, что она была умна и образованна. И тем не менее она, как мне кажется, довольно быстро ему надоела. Два раза она уезжала обратно в Испанию, потом возвращалась. А мне удавалось оставаться в Тулузе.

– Теперь я ее вспоминаю. Карменсита, эта сумасшедшая, которая позже, под видом истеричной монахини, свидетельствовала на суде над Жоффреем, обвиняя его в том, что он навел на нее порчу.

– Чтобы отомстить ему за пренебрежение. Теперь вы понимаете, почему я на вас так зла.

– Неужели вы настолько преданы своей тете?

– Нет, речь обо мне самой. Я тоже была в него влюблена, – пылко сказала Сабина. Она пожала плечами и глубоко вздохнула. – А кто не был? Как мне было не

влюбиться в него без памяти? – продолжала свой рассказ Сабина де Кастель-Морг. – Я, юная, двадцатилетняя девушка, которая прежде никогда об этом и не мечтала, впервые открыла для себя это чувство – любовь. В Тулузе моя тетья мне о нем непрестанно рассказывала. А он на наших ассамблеях говорил о любви... Он пел, как когда-то пели трубадуры. Его так и называли – золотой голос королевства...

Госпожа де Кастель-Морг словно грезила наяву, мысленно возвращаясь в те былые счастливые дни, воспоминания о которых давали пищу мечтам, уведившим ее от ее скучного существования.

Анжелика была не в состоянии ее прервать. У нее опять настолько разболелась голова, что она даже не могла связно мыслить.

– И вдруг словно гром среди ясного неба, – продолжала Сабина. – Мы узнали, что наш волшебник, который потерял счет своим любовным победам, решил жениться. Он! Он! Он, который в открытую говорил, что он принадлежит всем и все принадлежат ему. Сначала ходили слухи, что он женится на очень молодой девушке из знатного рода, и я убедила себя, что речь идет обо мне, потому что знала: он меня заметил и проявлял ко мне интерес. Я ничего не говорила своей тете, которая, как вы понимаете, пребывала в смертельной тревоге. Он не дал себе труда объяснить ей причины своего поступка, и она боялась, что ее владычеству придет конец. А я несколько дней жила безумной надеждой. Затем... затем все рухнуло. Стало известно, что речь идет о чужачке, об уроженке Пуату. Он даже выбрал невесту не из своей провинции... Так что мы кортежем встречали вас...

Анжелика смотрела на стоящего перед ней в тюрбане и восточном костюме Куасси-Ба. Он протягивал ей серебряный поднос с чашечкой кофе.

Перед ее затуманенным головной болью взором предстал тот самый великан-слуга, которого она впервые увидела в Тулузе, но сейчас ей казалось, что он – видение, вызванное в ее памяти словами Сабины.

– Вы можете улыбнуться, – с горечью продолжала та, – узнав, сколько сердец при виде вас потеряли всякую надежду. А я сразу поняла, что он полюбит вас, полюбит страстно. Вы были так красивы... Так красивы! И действительно, после вашего приезда все изменилось. Я стала свидетельницей приступов бессильного гнева моей брошенной тети. Она была вне себя от ярости. И если он оставил ее, то на что могла надеяться я?.. То, что он на вас женился, еще ничего не значило. Но всем тотчас стало ясно, что он вас полюбил.

Сабина понуро опустила голову.

Куасси-Ба вернулся к ним с маленьким треножником из китайского железного дерева, на который он поставил поднос с дамасским кофейником и на этот раз с двумя чашками. Но Сабина отказалась:

– Нет! Это пробудит слишком сладостные и жестокие воспоминания.

Анжелика, не настаивая, выпила вторую чашку кофе и почувствовала, что оживает. Куасси-Ба приготовил напиток, как она любила, положив в него много сахара и несколько зернышек кориандра.

– Спасибо тебе, Куасси-Ба, друг мой! Ты меня воскресил!

– Господин начал беспокоиться, – сказал слуга. – Он послал меня принести тебе кофе.

Подняв глаза, Анжелика увидела вдалеке Жоффрея де Пейрака. Он смотрел в их сторону. В своем темно-красном, как угли в камине, бархатном камзоле, сверкающем при каждом его движении, высокий, он, пожалуй, был не так похож на Мефистофеля, как говорила Сабина де Кастель-Морг, но все так же привлекателен. И по-прежнему казался немного

опасным, хотя теперь уже не так дразнил гусей, как когда-то, ибо жизнь вынудила его стать более хитрым и осторожным. «Он не изменился».

- Он не изменился, - как эхо, прозвучал тихий голос Сабины де Кастель-Морг. - Он все такой же, особенно когда речь идет о том, чтобы удержать женщину, очаровать ее, покорить. И эта женщина - вы. Когда дело касается вас, от него ничто не ускользает, он все угадывает. Видите... Мы с вами разговаривали... Но он издали заметил, что вы взволнованы, что вам, быть может, не по себе... И послал Куасси-Ба принести вам кофе. Где бы он ни был, если вы тоже там, он непрерывно за вами наблюдает. Никто этого не замечает. Даже вы... Но я это вижу. И то, что я вижу в его глазах, когда он на вас смотрит, пронзает мне сердце. После стольких лет! Я надеялась, что, по крайней мере, за меня отомстит время... Но оно не отомстило!.. Вам всегда везло.

- Везло? Смотря когда.

Дверь в минувшее с глухим стуком захлопнулась, и они вновь очутились в Канаде.

- А он вас узнал? Вы сказали ему, кто вы? - спросила Анжелика. Жоффрей ничего ей об этом не говорил.

Госпожа де Кастель-Морг засмеялась, и ее горький смех показался Анжелике похожим на ржание.

- Нет, и не скажу никогда... Я ему ничего не говорила, и он не мог меня узнать. В прежние времена он меня замечал, это точно. Я была высокая и красивая. А теперь я старая и опустившаяся. А вот он по-прежнему великолепен. И вы тоже. Ваше появление в Квебеке можно сравнить с вашим приездом в Тулузу.

- За исключением того, что теперь я, как и вы, стала лет на двадцать старше.

- Только не вы! Вы - воплощение самой жизни и счастья. А я... я стала обычной непривлекательной женщиной.

– Ах, Сабина, прошу вас, не начинайте опять...

В это мгновение из толпы вышел герцог де Вивонн и направился к ним. Это было уже слишком.

– Сабина, знаете, что вы сейчас сделаете? – сказала Анжелика, поворачиваясь к госпоже де Кагель-Морг. Ей в голову только что пришла блестящая идея. – Нынче вечером у вас будет возможность отомстить мне, затмить меня, отодвинуть в тень, так что обо мне все забудут и будут замечать только вас... В этот вечер я не буду блистать. Вы знаете причину моего недомогания, да и ваши откровения не способствует хорошему самочувствию и уверенности в себе. Так что воспользуйтесь случаем и заодно окажите мне услугу. Умоляю, избавьте меня от преследований этого герцога де Ла Ферте. У меня есть причины его не любить. Уведите его от меня. Привлеките его внимание. Ловкая женщина должна суметь этого добиться... Кто знает? Увидев, что вы истинная дочь Аквитании, мой муж, быть может, вас все-таки вспомнит.

– Вы удивительная! – сказала Сабина.

Но она была задета за живое и послушно поднялась; щеки ее слегка порозовели. Она, все еще сомневаясь, взглянула на Анжелику.

– Порадите их! – воскликнула та. – Порадите их всех.

Госпожа де Кагель-Морг решительно двинулась навстречу господину де Ла Ферте и графу де Сент-Эдму и, не теряя времени даром, увлекла их к буфету. Они не могли отказаться от ее приглашения без риска выглядеть грубыми.

Анжелика вздохнула с облегчением.

Рядом с нею присел Николя де Бардань. Поскольку почти все уже прибыли, ее отсутствие в гостиных начало вызывать удивление.

– По договору, который я заключила с госпожой де Кагель-Морг, мне следует на некоторое время уйти в тень, – объяснила она. – Мужчины обычно тратят больше

времени на такого рода работу при меньшем результате. У нас, женщин, свои методы. Жизнь забавна – вы не находите?

– И что в ней забавного?

– Как что? Я здесь, вы тоже! Прошлое и настоящее перемешались.

Она встала, взяла его под руку, и они вместе вернулись в гостиные. Бардань больше не жалел, что судьба забросила его в Квебек. Его жизнь, его мир были теперь сосредоточены здесь.

Внезапная общительность госпожи де Кастель-Морг немало способствовала всеобщему оживлению. Все, и стар и млад, разговаривали, знакомились, слышались веселые восклицания. Начались танцы.

Красивая вдова, прозванная Кружевницей, за которой ухаживал барон де Вовенар, присоединилась к нескольким дамам, принадлежащим, как и она, к семьям первых колонистов. К тем, кто поделил между собою первый хлеб первого выращенного на канадской земле урожая. Эти семьи, в большинстве своем уже очень богатые, составляли здешнюю аристократию, воротившую нос от новых иммигрантов.

Вовенар, затянутый в бархатный камзол цвета сливы, в плаще с широким отложным воротником, со шпагой на боку, усердно ухаживал за ней. Вид у него был весьма довольный.

Во время празднества все много выпили. Маркиз де Вильдавре, сделав гримасу, сказал Вовенару:

– Кружевница! Вы могли бы выбрать себе кого-нибудь получше.

С акадийским сеньором едва не случился припадок.

– Что вы такое говорите? – пролепетал он. – Она восхитительна!

– Но она же мать Николя Карбонеля, секретаря суда. Вы что, не знали?

В самом деле, это было сюрпризом для многих. Никто не мог и представить, что у секретаря суда Высшего совета есть мать, а тем более мать, которая плетет кружева.

Сам Карбонель также был здесь, он пришел с женой, ибо она у него имелась. Находясь не при исполнении, он оказался весьма красноречивым, рассказывал забавные истории, и к концу вечера все забыли, что он – злой судейский чин, налагающий штрафы.

После Кружевницы прибыла госпожа Ле Башуа. Полька говорила Анжелике, что госпожа Ле Башуа «чуднáя». Больше она не сказала о ней ничего, потому что госпожа Ле Башуа обладала даром внушать всем уважение и даже снисходительную приязнь. Ее в шутку называли «утешительницей страждущих» или «радушной хозяйкой», но дальше насмешки не шли.

Одевалась она из рук вон плохо. Она говорила, что в делах любовных одежда нужна, чтобы ее снимать, а потому ей непонятно, зачем до этого момента ей надо придавать такое большое значение.

Она перешивала туалеты, которые ей присылали из Франции. Как будто ей непременно нужно было придать своим нарядам сходство с теми обносками времен Генриха IV, в которые ее в юности одевала воспитавшая ее бабушка и в которых она, по ее словам, «чувствовала себя превосходно». А поскольку начиная с шестнадцати лет у нее не было отбоя от поклонников, она не видела необходимости изменять той моде, которая приносила ей такой успех.

Она явилась на бал со своим неизменным веером из перьев дикого индюка, в фиолетовом платье с позументом и круглым плоеным воротником.

Это бы еще ничего. Цвет платья ей очень бы подошел, если бы она так щедро не размалевала свое полное лицо румянами.

Однако на этом красном фоне ее прекрасные голубые глаза, нежные и смеющиеся, выглядели особенно ласково, и всякий, кто ее видел, чувствовал умиление и желание ее обнять.

Госпожа де Меркувиль тщетно пыталась увлечь ее в уголок, чтобы посоветовать с помощью платка стереть с лица грим.

Но не успела, потому что госпожу Ле Башуа тут же пригласили на танец. Танцевала она превосходно.

Молодые дамы приснули со смеху, увидев ее густо накрашенное лицо, но ее успех довольно быстро поубавил им спеси.

Несмотря на заслуживающие всяческих похвал усилия госпожи де Кастель-Морг, Анжелике все же не удалось избежать встречи с герцогом де Вивонном. Он явился на бал с единственной целью – встретиться с ней. Из светских приличий она согласилась немного закусить и выпить бокал шампанского в его обществе. Герцог, казалось, не помнил о тех не слишком любезных словах, которыми они обменялись в рождественское утро, что было вполне в духе двора, где сегодня смертельно ненавидят друг друга, а завтра уже рассыпаются в любезностях.

Он сумел ловко задержать ее:

– Я не мог говорить в присутствии моих спутников, но хочу, чтобы вы знали: я так и не смог вас забыть.

– А вот я смогла!

Однако это его не обескуражило. Она ему особенно нравилась, когда принимала такой высокомерный вид. Красивым женщинам идет надменность.

Она смотрела на него свысока.

Вдали от блистательного двора «короля-солнце», лишившись возможности купаться в его лучах, эти придворные теряли свой мишурный отраженный блеск. Их надушенные мускусом или фиалками плащи хранили тяжелый запах грязных скандалов и мелких интриг.

- Я не понимаю вас, господин де Вивонн. Вы же признали, что вашей сестре было бы очень неприятно увидеть меня вновь.

- К счастью, моя сестра – женщина непредсказуемая.

- Это мне известно.

- Вам известно слишком много. Атенаис говорила мне, что у вас есть связи в полиции и среди опасных преступников.

- У нее тоже.

- Но не в полиции.

- Тогда признайте, что я вооружена до зубов. И мой муж тоже, хотя и по-другому. На днях вы напомнили мне, что он стрелял по галерам короля. Но это в прошлом. Мадам де Монпансье в свое время тоже стреляла по королю, своему кузену. А теперь этой принцессе все низко кланяются. Никто не может предугадать, в какую сторону повернутся мысли короля. Но в конце концов, чего вы от меня хотите?

- Чтобы вы не были со мною слишком жестоки, – сказал герцог, чувствуя себя как сломанная деревянная марионетка. – Давайте время от времени встречаться. Я буду рассказывать вам, что нового при дворе.

Но она оставила его, так и не сказав ни да ни нет.

С тех пор как он на выходе из собора заговорил с Анжеликой, де Вивонн никак не мог составить о ней какого-либо определенного мнения.

То он узнавал в ней прежнюю Анжелику, сулящую восторги страсти, то не узнавал...

То он говорил себе, что ее легко будет завоевать вновь, затем – что не стоит и пытаться, и в конце концов – что он совсем потерял голову.

* * *

Праздничный ужин был сервирован на трех длинных столах. Там, где сидели именитые граждане, мужчины ели, оставаясь при полном параде: в шляпах, плащах и при шпагах.

Запеченный в пироге боб достался госпоже Ле Башуа, и она была объявлена королевой бала. Королем стал Флоримон де Пейрак.

- Все это подстроено заранее, - прошептала Беранжер-Эме, злясь, что быть королевой бала выпало не ей.

Ей напомнили, что госпожа Ле Башуа - канадка, дама зрелых лет, да еще из буржуазии, так что нет никаких причин нарочно устраивать так, чтобы этот эфемерный королевский титул достался ей.

Если бы все было подстроено, чтобы кому-то польстить, уж скорее королевой выбрали бы госпожу де Пейрак, а королем - господина де Фронтенака.

Впрочем, судьба, выбрав Флоримона де Пейрака, поступила тактично. Все были рады видеть, как мишурную корону надели на сына гостей Квебека, которые устроили в столице столько увеселений.

К тому же Флоримон отлично вошел в роль. Никогда еще на балу по случаю Богоявления не видели такой несообразной и вместе с тем более гармоничной пары. Флоримон и госпожа Ле Башуа с увлечением станцевали павану, затем менуэт и, наконец, увлекли за собою все общество в веселую, быструю сарабанду.

Ближе к концу банкета Флоримон, бросив свою корону лакею, сбежал, чтобы руководить пиротехниками, которым предстояло поднести огонь к ракетам фейерверка.

Все собравшиеся перешли на террасу замка Сен-Луи, с которой открывался вид на реку.

Красота освещенного фейерверком пейзажа, восторг зрителей, четкие силуэты островерхих крыш и труб, мягкий свет луны, искрящийся снег, лежащий на

далеких горах и ледяных просторах реки Святого Лаврентия, – все это делало ночь незабываемой.

Внизу, у подножия форта, среди фонтанов и снопов серебряных, пурпурных, желтых, зеленых и красных огней быстро перемещалась высокая фигура Флоримона, так похожего на отца.

Анжелика вспомнила об увеселениях в Версале и о том, что господин де Сент-Эньян, распорядитель королевских парковых празднеств, часто прибегал к услугам маленького пажа.

Чтобы весь Квебек участвовал в праздничной иллюминации, жителям было предписано поставить в каждом окне горящий подсвечник. Бедным достаточно было зажечь только одну свечу или одну масляную лампу.

Теперь город смотрел на ночь множеством глаз – ясных и блестящих, когда свечи стояли в застекленных окнах, рыжеватых или желтых, как мед, когда свеча или масляная лампа бедняков светила сквозь промасленную бумагу или сквозь выделанную кожу косули.

* * *

Ноэль Тардые де Лаводьер беспокойно сжал губы. Со всем этим буйством огней – фейерверков, факелов, свечей, масляных ламп – недалеко и до пожара, предрекал он.

– Как грустно видеть, что такой красивый молодой человек так переживает из-за пустяков, – сказала госпожа Ле Башуа. – Он понапрасну растрчивает свою молодость. Разве не лучше было бы ему, как все прочие, наслаждаться нынешней ночью и воспользоваться ею, чтобы поухаживать за какой-нибудь оставшейся без кавалера дамой или хотя бы понаблюдать за своей

женой, которая, кажется, смотрит на жизнь куда более легко, чем он?

Каждый раз, глядя в сторону Жоффрея де Пейрака, Анжелика видела грациозно порхающую поблизости Беранжер-Эме. А что, если то, что она приняла за кокетство молодой женщины, желающей испытать свои чары на признанном обольстителе, скрывает более сильное чувство? Всегдашняя галантность Жоффрея могла ее обнадежить. Не следует забывать, что Беранжер умна, очаровательна и вдобавок гасконка. Эта мысль была совсем мимолетной, но очень неприятной. Но тут Анжелика почувствовала руку Жоффрея на своей талии и сквозь шум фейерверка услышала его голос, спрашивающий ее, нравится ли ей прием. И ее сразу же охватило ощущение безопасности и счастья, рожденное одной только его близостью. Все сложности развеялись как дым. Осталась лишь уверенность, что они неразрывно связаны друг с другом, еще больше окрепшая оттого, что эти узы не выставляются напоказ.

Анжелика отложила на потом все вопросы, которые вертелись у нее на языке. Узнал ли он в госпоже де Кастель-Морг племянницу Карменситы, своей давней неистовой любовницы? Она была склонна полагать, что скорее нет. Но временами ею овладевало сомнение, хотя потом она об этом забывала. Все-таки празднество удалось на славу.

Поблизости от нее продолжал рыскать герцог де Вивонн. Он то и дело устремлял на нее взгляд своих голубых насмешливых глаз. Но Анжелика никогда не чувствовала себя менее склонной, чем нынче вечером, поддаться его очарованию. После фейерверка более или менее озябшие гости вернулись в гостиные замка Сен-Луи, чтобы выпить по последнему бокалу подогретого вина.

Глава III

– Вы помните племянницу Карменситы?

Анжелика все-таки не удержалась и задала этот вопрос, хотя раньше уже подумала, что, пожалуй, не стоит ворошить воспоминания. Но потом ей пришло в голову, что Жоффрей, возможно, уже давно понял, кто такая Сабина де Кастель-Морг. Ничего удивительного, если бы он ее узнал, а Анжелике ничего не сказал. Однако она предпочитала точно знать, так это или нет. Он знал все знатные семьи Гаскони, и здесь, в Квебеке, все, кто был в той или иной мере связан с Аквитанией, мало-помалу объединялись вокруг него.

Граф де Пейрак посмотрел на жену с недоумением:

– Какая племянница? И кто такая Карменсита?

Это вежливое, слегка насмешливое изумление, этот тон, которым говорят мужчины, когда очаровательные женщины вдруг невпопад задают им нелепые вопросы, доставили Анжелике куда большее облегчение, чем она ожидала.

Она позволила себе рассмеяться.

– Полно, мессир, мне кажется, что вы проявляете известную неблагодарность. Неужели вы не помните Карменситу де Мордорес, вашу темпераментную любовницу, которая была царицей ваших наслаждений, когда я приехала в Тулузу, чтобы выйти за вас замуж?

Лицо Жоффрея де Пейрака осталось равнодушным, на нем отразилось лишь усилие, которое он сделал, чтобы припомнить это имя, удовлетворяя любопытство жены. Анжелика была в восторге. Он бы не стал так лицемерить, даже если бы хотел что-то от нее скрыть.

– По крайней мере, помните ли вы ту мстительную женщину, которая явилась, когда вас судили, чтобы заявить, будто вы ее околдовали?

- О да, в самом деле! Карменсита! - произнес он, как будто ему было легче вспомнить исполненную ненависти мстительницу, чем любовницу, с которой его связывали безумные ночи. У него было столько пылких любовниц среди аквитанских женщин, украшавших своим присутствием блестящие празднества в Отеле Веселой Науки.

- А ее племянницу вы помните? - не унималась Анжелика.

- Какую племянницу?

Жоффрей явно ничего не понимал. Анжелика напомнила ему, а вернее, рассказала, что в Тулузе Карменситу сопровождала в качестве камеристки ее юная племянница, что эта племянница сохранила об Отеле Веселой Науки неувядающие воспоминания, что волею судеб она сейчас находится в Квебеке и что это не кто иной, как госпожа де Кастель-Морг.

Эта новость его позабавила.

- Если она сохранила о моих дворцах такие воспоминания, то она выказала это не самым лучшим образом, стреляя по моим кораблям.

Несмотря на все свои усилия и на сведения, сообщенные Анжеликой, он не мог отыскать в памяти никаких воспоминаний о племяннице Карменситы, ни ее имени, ни фамилии - ничего. Он вообще не знал, что у Карменситы есть племянница, - как видно, этот незначительный факт остался ему неизвестен. Множество людей вращались в его орбите, он даже не знал сколько, подобно тому как король не знает точного числа своих подданных.

Бедная Сабина, вообразившая, будто он ее «заметил» и даже собирается на ней жениться! Анжелика и раньше думала, что она всего лишь тешила себя иллюзиями, теперь же она получила этому подтверждение.

- Скажите, когда вы задумали жениться, почему ваш выбор пал не на какую-нибудь богатую наследницу из Гаскони, а на девушку, чужую в вашей провинции, на меня?

- Но, моя дорогая, я и не собирался жениться. Я вел свободную жизнь, которая как нельзя лучше соответствовала моим вкусам. Будучи наследником наших тулузских владений, я порой подумывал о том, что мне следовало бы обеспечить продолжение рода, и давал себе слово когда-нибудь, как можно позже, заключить брачный союз, который пойдет на пользу моей провинции. Разве не так все произошло и у нас? Если помните, это была коммерческая сделка. Коммерция - слово, ненавистное для знати, занятие, которого равные мне сеньоры не могли мне простить, но к которому я питал слабость, ибо именно благодаря ему мог обеспечить себе положение во главе моей провинции, не ища, как другие знатные дворяне, милостей у короля. Правда, за свободу, которую дают золото и серебро, мне пришлось потом дорого заплатить. Выгодная торговля давала мне возможность продолжать занятия наукой. Одним из моих самых деятельных посредников был протестант Молин, управляющий вашего отца, барона де Сансе. Молин, как и все гугеноты, раскинул свои финансовые сети весьма широко. Так я и узнал, что могу завладеть серебряными рудниками, находящимися на ваших землях в Пуату, только если женюсь на одной из дочерей-бесприданниц барона де Сансе де Монтелу.

- Молин вмешивался в то, что его не касалось! - вскричала Анжелика, вновь вспомнив весь свой давний гнев, когда она боролась с отцом и управляющим, пытаясь избежать ненавистного ей брака. - Получилось, что я, как и многие другие, стала проданной невестой. И вас совершенно не заботила моя печальная участь. Вы купили меня, как покупают скотину, и после совершения

брака собирались покинуть меня и продолжать развлекаться с вашими аквитанскими красотками.

- Что правда, то правда!

Граф де Пейрак встал, смеясь, обнял ее и властно прижал к себе.

- Однако с того дня, когда я заглянул в зеленые глаза феи Мелюзины, я позабыл о других женщинах.

- А что бы произошло, если бы?..

- Если бы в придачу к нескольким серебряным рудникам мне в Тулузу не привезли юную девушку из Пуату?.. Тогда я так и не узнал бы, что такое страсть. Я никогда не узнал бы, что такое Любовь.

Часть шестая
Блины на Сретение

Глава I

Возможность поговорить наконец о тайне, которую она столько лет хранила в сердце и груз которой стал в последние месяцы еще тяжелее, преобразила Сабину де Кастель-Морг. Сия счастливая перемена и важность этой победы, тотчас приписанной Анжелике, добавили ей популярности и еще более усилили симпатию, которую столь многие к ней питали.

Анжелика нисколько не жалела о помощи, оказанной ею женщине, которой менее, чем ей, повезло в любви. Но вторжение Сабины в картину, где она до сих пор видела только себя и Жоффрея – его, идущего навстречу ей, приехавшей, чтобы стать его супругой, – нарушало нарисованный ею идеальный образ минувшего. Сабина постоянно искала ее общества, ведь только с нею она могла поговорить о прошлом. Анжелика не без удовольствия вспоминала счастливые солнечные дни, проведенные во дворцах Жоффрея в Тулузе, а детали, добавляемые в общую картину тулузской жизни Сабиной, делали эти неувядаемые воспоминания еще ярче, еще живее. Но ей пришлось привыкнуть к тому, что посторонняя женщина, до недавнего времени считавшаяся их врагом, говорит о Жоффрее с пылкой фамильярностью, как будто то, что она была влюблена в него до Анжелики, дает ей на него какие-то права собственности. Сабина рисовала такой его портрет, в котором Анжелика не всегда узнавала человека, открывшегося ей, чтобы завоевать ее сердце. Племянница Карменситы рассказывала о том Жоффрее де Пейраке, которого она не знала, как будто до ее приезда в Тулузу он был другим человеком и брак с нею «заковал его в цепи». Когда Сабина де Кастель-Морг произнесла эти слова, Анжелика воспротивилась:

- Ах, уж эти-то цепи он носил не слишком долго. Цепи узилища заменили цепи брака.

- Простите меня, - прошептала жена военного коменданта. - Я говорю об этом как о чем-то призрачном. Вам этого не понять.

- Вовсе нет, я вполне могу вас понять. Я знаю, что он - мужчина, которого нельзя забыть, знаю, какую неизбывную тоску в душе вызывают воспоминания о нем. Я считала его мертвым и была много лет с ним разлучена.

- Однако вы были в лучшем положении... Вы были его любовью и остались его любовью... В то время как я не могла даже плакать и не знала, была ли я достойна хоть какого-то его внимания.

Анжелика удержалась и не сказала ей, что в действительности Жоффрей совершенно не помнит никакую племянницу Карменситы. Сейчас нет никакого смысла так грубо пробуждать ее от грез.

Сабина твердила, что никогда не захочет сказать Жоффрею де Пейраку, кто она такая, потому что боится, что он разочаруется, увидев ее постаревшей, и на этот раз Анжелика не стала ее отговаривать. Разумнее всего не ворошить прошлое. Что бы выиграла бедняжка Сабина, узнай она, что не оставила в памяти своего кумира ни малейшего следа? И Анжелика дала госпоже де Кастель-Морг понять, что не ей, жене графа де Пейрака, говорить с ним о прошлом, канувшем за трагедиями и несправедливостями, которые ему, наверное, не хочется вспоминать. Совесть ее была чиста, ведь Жоффрей встретил ее рассказ о безумной любви, внушенной им когда-то некой юной девице, ставшей впоследствии госпожой де Кастель-Морг, с чисто мужским равнодушием, которое распространилось даже на красивую и пламенную Карменситу. Он не держал зла на свою бывшую любовницу за ее

свидетельство на суде над ним, которое подтвердило предъявленное ему ложное обвинение в колдовстве.

- Я бы в любом случае был приговорен к смерти, - сказал он, - потому что король хотел избавиться от меня и отобрать мое имущество. И вовсе не вопли одержимой повлияли на судей и решили мою судьбу. А она, надо сказать, выступила с блеском. Нельзя не признать, что она была очень красива в своей ненависти, эта Карменсита.

- По-моему, вы тоже дурно с нею обошлись тогда, в Тулузе, когда она цеплялась за вас, не в силах смириться с тем, что потеряла вас, когда вы женились на мне. Как-то раз, чтобы прекратить ее крики, вы вылили ей на голову целый таз воды. Я это видела и отлично помню.

- Вполне возможно! Мужчина жесток, когда его любовь остыла. И особенно жесток, если он любит другую.

Этот разговор напомнил Анжелике, что когда-то она опасалась очарования окружавших Жоффрея пылких аквитанских красавиц. Если бы катастрофа не разлучила их и они остались жить в Тулузе, было бы их счастье достаточно прочным, чтобы устоять под натиском этих прекрасных и дерзких сердцеедок с молочно-белой кожей, бархатными глазами и пряным ароматом брюнеток? Она тогда весьма опасалась их власти над чувственным тулузским графом.

Беседы с мужем пробуждали где-то в забытых уголках ее сознания давние опасения, а также сожаление, что она не знала Жоффрея таким, каким он был до встречи с нею, правда она тут же говорила себе, что теперь, после всего, что они вместе пережили, эти чувства совершенно нелепы. Однако Анжелика нарочно не пошла на несколько приемов, где ей могла встретиться Сабина де Кастель-Морг. Ей не хотелось давать окружающим случая заметить, что столь

таинственно одержанная ею победа оказалась ей в тягость и что счастливое преобразование той, которая прежде считалась ее заклятым врагом, начинает смущать ее покой. Тем более что ее по поводу и без повода все с этим поздравляли.

- Как вам удалось? - не переставал расспрашивать более чем заинтригованный Вильдавре.

- Это женский секрет, - насмешливо отвечала Анжелика.

* * *

Встав утром с постели, Анжелика иногда открывала ставни, чтобы полюбоваться предрассветным небом, сияющим мириадами звезд. Стоял ледяной, неподвижный холод, чистый, ясный. Молчание природы было таким глубоким, что до ушей Анжелики доносился далекий гул водопада Монморанси, находящегося в двух лье от Квебека.

Потом занималась заря, и небо становилось лилейно-белым или розовым, как цветки персика. Кромку гор на горизонте омывали алые отсветы, и все, даже самые отдаленные вершины холмов, утесов, колоколен, коньки крыш домов, окрашивалось в рубиновый цвет, а пологие склоны, на которых лежали засыпанные снегом поля, сверкали под ласковыми лучами восходящего солнца, точно дорогой хрусталь. Прибрежные леса казались синими и сливались с яркой синевою небес.

Но иногда все: и земля, и небо - было бело. И тогда единственными признаками жизни, видными с берега Бопре, были колеблемые ветром струйки дыма, идущего из печных труб. Под островерхими, как в Нормандии, крышами усаживался за завтрак хозяин дома с семьей и наемными работниками, чтобы выпить свой первый за день стаканчик водки и похлебать из большой миски

молока с размоченным хлебом, которую ставили на середину стола.

Весь январь жизнь в городе была ключом. Скоро начнется Великий пост, говорили все, впереди – сорок дней покаяния и воздержания, когда все мясные и кондитерские лавки будут закрыты.

А пока горожане усердствовали вовсю и во всем: в пище, удовольствиях, развлечениях. Устраивалось множество «церковных ужинов», то есть совместных трапез, когда под снисходительным взглядом своего святого покровителя вместе собирались члены благочестивого общества или деятельного благотворительного братства.

Это было предлогом выпить больше разумного. Поводом для дам обменяться рецептами блюд или напитков, которыми славились их дома, благодаря чему к ним охотно ходили в гости.

Мадемуазель Эфрозина Дельпеш, о которой все винокуры говорили с почтением, так как у нее водились лучшие в округе дрожжи для производства крепкого алкоголя, готовила домашнюю настойку на смеси семян четырех трав: укропа, дягиля, кориандра и сельдерея. Она творила чудеса, и все утверждали, что принимают ее как лекарство, хотя было отлично известно, что это лучший напиток для тех, кто ложится в постель для любовных утех. За превосходные свойства ее возбуждающей настойки Эфрозине прощали все, даже то, что она слыла наихудшей из городских сплетниц.

Горожане читали, принимали гостей, с удовольствием вели утонченные беседы, слушали красноречивые проповеди, посещали грандиозные богослужения.

Госпожа де Канвер дала большой бал. Она славилась любовью к роскоши и, когда хотела, бывала очень мила и остроумна, так что на бал явились все. Кроме госпожи

Ле Башуа, которая не пустила к госпоже де Канвер своих дочерей и любовников.

«Это развратница, – говорила она им, – а любовь ничего не выигрывает, надев маску порока».

Горожане устраивали танцы, азартно играли в карты, любили друг друга.

Сплетни, клевета и соперничество никуда не делись, но в этом обществе никого не упрекали за низкое происхождение, потому что все в Квебеке работали или состояли на королевской службе.

Мадемуазель д'Уредан начала читать «Принцессу Клевскую», любовную историю, написанную одной из ее парижских приятельниц, мадам де Лафайет, претендующей на звание писательницы.

В такие вечера, кроме госпожи де Пейрак и ее дочери, в альков чтицы приходили маркиз де Вильдавре, интендант Карлон, господин де Бардань, господин де Шамбли-Монтобан, госпожа Обур де Лоншан с камеристкой и десятилетней дочерью, госпожа де Меркувиль с двумя старшими дочерьми, господин Ле Башуа, который по такому случаю специально поднимался из Нижнего города, и другие.

Вечера, устраиваемые любезной чтицей, были весьма популярны.

Вслед за Анжеликой и Онориной, привлекаемый таинственным домом мадемуазель д'Уредан, приходил и Мессир Кот. Тогда собаку хозяйки дома отправляли на кухню вместе со служанкой-англичанкой. Однако той хотелось присутствовать при чтении, и она усаживалась в углу комнаты, положив руки на колени, как будто собиралась слушать воскресную проповедь на библейскую тему в молельном доме своего поселения близ Бостона.

Закрытая на кухне собака жалобно скулила, потому что ей тоже нравились эти вечера, во время которых ее приятно убаюкивал тихий, ласковый голос хозяйки.

Приходилось пускать ее в дружеский круг. В конце концов собака и кот подружились, и было занятно наблюдать, как Мессир Кот, забравшись под балдахин, с довольным видом жмурится, когда в некоторых местах рукописи голос чтицы начинает дрожать от волнения, а собака в задумчивости лежит у ног англичанки и обе они время от времени глубоко вздыхают.

Слушатели невольно спрашивали себя: что пленница из Новой Англии может понимать в замысловатых любовных интригах этих французских герцогов и принцесс, которые то и дело размышляют, стенают, плачут, умирают, словно тени, в своих высоких жестких кружевных воротниках, бродят по коридорам Лувра на берегах Сены и по замкам на Луаре, где в прошлом веке располагался двор Генриха II, одного из последних королей из династии Валуа.

Беранжер-Эме де Лаводьер с самого начала усердно посещала все вечера, когда мадемуазель д'Уредан читала роман. Быть может, она надеялась встретить здесь графа де Пейрака? Иметь возможность как бы невзначай взглянуть на него? Быть может, она воображает, что как-нибудь вечером Анжелика пригласит ее к себе и она войдет в их маленький дом и сможет покрутиться там и понаблюдать за всем, что там творится, – но с какой целью? Квебекское общество не знало, что и думать. Одни уверяли, что Беранжер – невинное дитя, не отдающее себе отчета в своих действиях, другие – что она пройдоха.

Анжелике было неприятно думать, что за ее спиной многие кумушки-сплетницы говорят, что на ее месте держали бы ухо остро.

Присутствие этой женщины портило ей эти приятные вечера, когда развивалась история роковой любви принцессы Клевской к герцогу Немурскому. Во время чтения сцены смерти госпожи де Шартр, матери принцессы Клевской, Беранжер разрыдалась.

- О, как я тоскую по своей матушке! - простонала она. - Это изгнание продолжается слишком долго... Больше девяти месяцев без писем, так что я даже не знаю, что с нею, и не могу поверить ей свои горести.

- Делайте как я - пишите! - посоветовала ей Клео д'Уредан.

- Нет, нет! Какой смысл писать призраку? Кто знает, может статься, она тоже уже умерла... О, мне этого больше не вынести... Я хочу увидеть матушку... мою матушку...

Рыдания сделались еще громче и перешли в крики. Присутствующие окружили ее, пытаюсь успокоить. Госпожа де Ла Меллуаз уговаривала Анжелику отвести ее в свой дом, находящийся как раз напротив, и дать ей чего-нибудь выпить.

Однако Анжелика поостереглась изображать из себя сестру милосердия и не поддавалась на уговоры. Слезы Беранжер ее не трогали. Эта женщина готова воспользоваться любым предлогом, чтобы разыграть комедию. «Никто не сможет утешить госпожу де Лаводьер лучше, чем ее красивый и очаровательный муж, - заявила она, делая упор на слове „очаровательный“. - Надо просто проводить ее в Нижний город, где находится их особняк».

- Я ее провожу, - вызвался Вильдавре.

Видя, как Беранжер уходит, склонившись под тяжестью своей печали, а маркиз нежно ее поддерживает, гости мадемуазель д'Уредан дружно согласились, что из него, пожалуй, выйдет гораздо лучший утешитель, чем из ее мужа.

* * *

В начале года, кроме непрерывной череды визитов, которых все стремились нанести друг другу как можно

больше, в усадьбе Монтины устраивали ужины, игры, балы, музыкальные вечера и давали театральные представления, после чего подавали поздний ужин.

Сохранялось и парижское обыкновение выходить вечером на улицу, скрыв лицо под маской, что было нелишним, поскольку шелковые или бархатные маски предохраняли лица от резкого холода и ветра.

Несмотря на увеселения, жители Квебека продолжали много работать. Двое пленных англичан каждое утро приходили из становища гуронов, чтобы учить госпожу де Меркувиль, как окрашивать шерстяные и льняные ткани. Но вдова-индианка, одновременно хозяйка и любовница одного из них, заменявшего ей не только слугу, на что она имела полное право, поскольку ее сын, которому следовало бы помогать матери, погиб на войне против англичан, но и мужа, тоже павшего в бою, выразила недовольство его частыми отлучками. Хотя сначала она согласилась на них, чтобы сделать приятное интенданту и Ононсио, то бишь губернатору.

Она сама официально явилась к госпоже де Меркувиль, чтобы самой увидеть, какова та из себя, и, найдя француженку привлекательной, устроила шумную сцену. Потому что вдовица крепко держалась за своего Джона! Ей нравился этот земледелец-пуританин из Массачусетса, он много работал, а также не отлынивал и от любовных утех. Хотя и менее изобретательный в этом деле, чем французы, он, как и все европейцы, любил плотские забавы. А это индианки весьма ценили, ведь их собственные мужья-воины слишком часто отказывали им в любви, приберегая свои силы для того, чтобы быстрее бегать, искуснее сражаться и более мужественно переносить пытки, когда придет их черед попасть в плен к ирокезам.

Вдова поспешно увела своего пленника обратно в Лоретту, и госпоже де Меркувиль пришлось

довольствоваться вторым англичанином, рыжим парнем, почти полностью перенявшим повадки индейцев, но еще помнившим то, чему учил его отец, ремесленник из Салема.

Интендант Карлон обязал мужчин доставить ткацкие станки в дома горожан и крестьян, чтобы женщины могли начать изготавливать ткани. Станки были тяжелыми, занимали много места и легко ломались, но он повторял, что колония должна сама себя обеспечивать. Очень важно уметь производить собственное полотно и собственные шерстяные ткани, потому что ввозить их дорого. К тому же женщинам не следует предаваться праздности.

* * *

Хотя Анжелика и любила свой Верхний город с его роскошными гостиными, церквями и монастырями, она все-таки ежедневно спускалась в Нижний город, в таверну «Французский Корабль». Здесь она могла предаваться воспоминаниям, которые, хотя и не были такими утонченными, как воспоминания об Отеле Веселой Науки, имели то преимущество, что принадлежали ей одной.

А еще она заметила вот что. Ее сын, юный Кантор де Пейрак, этот серьезный отрок, красивый, как ангел, однако нередко напоминающий Анжелике своим немного неприветливым выражением лица некоторых из молодых людей из семьи де Сансе де Монтелу, например ее собственных братьев Жослена, Гонтрана и Дени, смеялся и шутил только в компании госпожи Гонфарель, хозяйки «Французского Корабля».

Однажды, когда он явился в заведение с группой друзей и несколькими офицерами, состоящими на

службе у графа де Пейрака, любезная трактирщица, бывшая в тот день немного навеселе, сказала:

- Привет, малой. Вы меня, конечно, не узнаете, зато я вас знаю, и притом очень давно. Я почти что кормила вас грудью.

Кантор рассмеялся, с восхищенным видом поднялся со своей скамьи и, обняв ее, расцеловал в обе щеки.

- Он меня узнал! - сообщила растроганная Польша Анжелике, когда увидела ее в очередной раз. - Думай что хочешь, но он меня узнал! Он вспомнил меня, вспомнил, как я бежала по дороге до самого Шарантона, чтобы вырвать его из лап цыган... Ты знаешь, младенцы смотрят на тебя и ничего не говорят. Но они помнят.

И в самом деле, Кантор часто заглядывал во «Французский Корабль» и неизменно бывал с Жаниной Гонфарель чрезвычайно весел и любезен. Эта обычно несвойственная ему веселость совершенно его преображала, придавая блеск его зеленым глазам и сообщая молодому человеку красоту его матери, полной жизни и огня.

- А, я бы многое отдала за этого красивого малыша, - доверительно говорила Польша Анжелике, когда бывала немножко под хмельком. - Ты знаешь, что я сейчас чувствую, - этакое кровосмесительное влечение кормилицы...

- Но ведь ты никогда не была его кормилицей! - возразила Анжелика. - У Кантора вообще не было кормилиц... Его не кормила грудью даже я... Потому что у меня не было молока... Он был выкормлен из рожка.

Теперь Флоримону и Кантору де Пейракам шел одному девятнадцатый, а другому - семнадцатый год, они находились здесь, в Канаде, красивые, сильные, здоровые и, по всей видимости, счастливые, хотя толковали, что им уже довелось пережить немало.

Внимание, которое члены семейства де Пейрак так часто оказывали таверне «Французский Корабль»,

привлекло сюда цвет дворянства и богатой буржуазии.

Здесь видели даже интенданта Карлона, а Николая де Бардань и вовсе был в трактире завсегдаем.

Благодаря приятным и учтивым манерам и способности при случае выпить изрядное количество спиртного, что говорило о его здоровой склонности по достоинству ценить радости жизни, королевский посланник приобрел в Квебеке множество приятелей и друзей. Сопровождавшие его в поездке в Канаду офицеры и даже его конюший, секретарь и первый камердинер происходили из хороших буржуазных семей или из мелкого дворянства.

Всех их встречали во «Французском Корабле» с радостью и с распростертыми объятиями.

Появление же герцога де Ла Ферте и его спутников, напротив, охлаждало царившее в трактире веселье. Из-за своей надменности они приобрели здесь немало врагов, ведь они обращались с жителями Канады не иначе как с «деревенщиной» и «босяками».

Полька каждый раз говорила, что как-нибудь даст им от ворот поворот, но на самом деле не делала ничего, так как знала, что у этих господ туго набитые кошельки.

Для Николая де Барданя встречи с герцогом де Ла Ферте, когда здесь же присутствовала Анжелика, были тяжким испытанием.

- Итак, он был вашим любовником... Быть может, он остается им и сейчас? - сказал он ей как-то раз.

- Господин де Бардань, вы оскорбляете меня и задеваете честь моего супруга, находящегося сейчас в этом городе. Я давно забыла господина де Ла Ферте и не делаю секрета из того, что его присутствие мне неприятно, но что тут поделаешь?

- Ага, вы признаетесь, - побледнев, отвечал Бардань. - Стало быть, это правда. Он был вашим любовником?

- Поскольку вы так в этом убеждены, к чему отрицать? - раздраженно бросила Анжелика. - Признайте раз и навсегда, что у меня было прошлое, и не делайте из этого трагедии, которая при настоящем положении дел лишена всякого смысла. Теперь между этим господином и мной ничего нет.

- Мне кажется, он совсем не прочь повторить.

- Но в подобного рода делах главную роль играют мои собственные предпочтения, вы должны это понимать, ведь вы хорошо меня знаете.

- Увы, я считал, что знаю вас. Но проявление неожиданных сторон вашей натуры заставило меня в этом усомниться. Кто был вашим ухажером в Ла-Рошели?

- Вы!

Подобные перепалки стали у них чем-то вроде игры, при этом Бардань повторял все те же затверженные драматические сентенции, а Анжелика всячески давала понять, что не принимает их всерьез. Все споры вертелись вокруг одного и того же, но с разными вариациями.

Страсть Барданя окутывала Анжелику теплом нежных домогательств, влечения, хотя и сдерживаемого, но ежедневно выказываемого в его взглядах, вздохах, намеках, предупредительности, ласковых жестах и знаках внимания. Это создавало вокруг нее возбуждающую атмосферу, которая ей нравилась и помогала оставаться веселой и терпимой к своему незадачливому воздыхателю. Его неотвязное вожделение к ней не вызывало у нее такого же раздражения, как изливания герцога де Вивонна, наполовину дерзкие, наполовину льстивые. Вивонн, когда был пьян, похоже, считал само собой разумеющимся, что раз они когда-то были любовниками, то она и теперь должна дарить ему свои милости.

Николя де Бардань отпустил усы и носил их в виде тонкой линии над верхней губой, как у его величества

короля.

Сначала, встретив Анжелику во «Французском Корабле», он упрекнул ее в том, что она ходит в сомнительные заведения. Она возразила, что не ему читать ей мораль. Как ей стало известно, он, быть может, для того, чтобы утолить печаль своей неисцелимой любви, пользуясь уединенностью своего дома, устраивает там разгульные сборища, на которые приглашает собутыльников и партнеров по азартным играм, а те являются в сопровождении женщин покладистого нрава и не слишком набожных.

Николя де Бардань беспокоился:

- Мои гости слишком шумят? Не мешают ли они вам спать и не нарушают ли покой вашей улицы?

- Нет, нисколько.

Положение чрезвычайного посланника короля позволяло Николя де Барданю держаться в стороне от светских и религиозных кругов колонии, и его считали далеким от жизни Квебека, так что никому не было дела до того, хорошо или дурно он себя ведет.

Немало канадцев завидовали его свободе.

Анжелика знала, что в Тадуссаке он написал королю письмо и отправил его с капитаном «Марибель».

Она хотела прояснить один вопрос. Написал ли Николя де Бардань о ней королю? Тот действительно написал, поскольку король поручил ему выяснить, не является ли спутница графа де Пейрака той особой, которую по его приказу разыскивает вся полиция королевства, а именно Мятежницей из Пуату.

Однажды после полудня, находясь в обществе Николя во «Французском Корабле», Анжелика рискнула:

- Мой дорогой Николя, у нас совершенно не было времени поговорить после того заседания Высшего совета, на котором я имела честь присутствовать. У меня создалось впечатление, что мы должны вас

поблагодарить за благоприятный отзыв о нас с графом, который вы послали королю.

Николя де Бардань, ничего не подозревающий и довольный тем, что порадовал Анжелику своим выступлением на заседании Высшего совета, охотно изложил ей в общих чертах содержание послания, которое написал королю в Тадуссаке и отправил с капитаном «Марибель», последнего корабля, отпльвшего из Канады к берегам Франции.

- На его величество наверняка произвела впечатление та быстрота, с которой я смог ответить на различные вопросы, касающиеся моей миссии. Должен признать, что это произошло благодаря вам, мой дорогой друг, потому что, встретив вас, я, едва ступив на землю Канады, сразу же узнал все, что мне надо было узнать о том, кто, увы, стал вашим супругом.

Я не скрыл от короля - даже если вы будете на меня за это сердиться, - что человек, называющий себя владельцем Мэна и незаконно занимающий некоторые территории и берега французской Акадии, есть не кто иной, как пират и авантюрист Рескатор, который некогда сражался с его галерами на Средиземном море. Зато, - подчеркнул Бардань, понимая, что его слова могут быть Анжелике неприятны, - я заверил короля, что вопреки его подозрениям и опасениям - уж не знаю, как они возникли, - вы отнюдь не являетесь той бунтовщицей, которую прозвали Мятежницей из Пуату и которую по его повелению усердно ищут.

Я смог заверить его, что спутница пирата Рескатора не имеет ничего общего с той презренной особой. Я уверен в этом, - заключил он с заговорщицкой полуулыбкой, - ведь я знал вас, вы были моим старым другом по Ла-Рошели. Но об этом я не стал писать, потому что это касается одного меня. Я ограничился утверждением, что почерпнул свои сведения из

достоверного источника и что король может на них положиться.

Слушая Барданя, Анжелика несколько раз открывала рот с намерением перебить его, но все же так ничего и не сказала. В конце концов, чтобы скрыть свое смущение, она отпила глоток воды. К чему разъяснять ему, что он заблуждается? Слава богу, он не знает, что она и есть та самая Мятежница из Пуату, что вполне естественно. Она вновь оказалась перед дилеммой: то ли оставить его в заблуждении, то ли открыть правду и тем самым вытащить на свет божий старые неразрешимые проблемы, которые могут только усугубить и драматизировать и без того сложную и запутанную ситуацию и к тому же вновь вызвать бесплодные, бессмысленные споры.

Это письмо королю ушло в ноябре, и нет никакой возможности перехватить его и исправить до того, как на реке Святого Лаврентия растают льды и в Канаду вновь начнут приходить корабли. Быть может, Людовик XIV уже очень скоро узнает, что интуиция его не обманула, узнает от Дегре, который должен уже получить ее письмо, также отправленное из Тадуссака на «Марибель». Она написала его, потому что хотела дать в руки полицейскому оружие, которое – она это знала – он использует во благо.

Она живо представляла, как тот является в Версаль, почтительно склоняется перед королем и безразличным тоном докладывает: «Сир, мы напали на след госпожи дю Плесси-Бельер... Она в Канаде...»

Чтобы оправдаться перед самой собой в том, что она хранит тайну, которая когда-нибудь раскроется и глубоко ранит ее преданного друга, Анжелика подарила Николя де Барданю весьма нежную улыбку. Ее улыбка, даже самая мимолетная и безразличная, имела свойство наполнять радостью сердца тех, кому она предназначалась. Когда же она вкладывала в свою

улыбку особый смысл, тот, кому она ее дарила, не мог не поддаться чувству эйфории, которое могло длиться несколько часов, а то и весь день или даже долее и сопровождалось самыми смелыми и безумными мечтами.

Перед мощным, как стихия, природным даром Николя де Бардань был совершенно беззащитен. Ничто никогда не казалось ему более чудесным, более пленительным, чем это женское лицо, исполненное гармоничной, трогательной души красоты, возникшее перед его взором, точно сладкий сон, обрамленное в колеблющемся свете масляных ламп светлым ореолом и едва различимое в густом табачном дыме, застилающем чересчур натопленный зал.

Здесь, в прибрежной таверне, глухое молчание реки Святого Лаврентия ощущалось еще сильнее, чем в Верхнем городе.

Всего в нескольких шагах от «Французского Корабля» закованный в лед низкий берег сливался со снежной равниной реки, тонущей в непроглядной темноте. От этого давящего молчания заточенной под лед стихии еще острее ощущалось объятие свирепого холода, подчинившего себе землю и воды и покрывшего ледяной коркой гору Рок, и возникало чувство одиночества, более глубокого и жуткого, чем в любом другом месте мира.

При мысли о том, что здесь перед ним находится женщина, о которой он мечтал с тех пор, как встретил ее в Ла-Рошели, на графа де Барданя нахлынула волна счастья. Он потянулся через стол и положил ладонь на руку Анжелики, такую маленькую и хрупкую. Он вдруг осознал, что никогда не замечал изящества пальцев Анжелики, и это упущение ужаснуло его, словно это было с его стороны неким извращением. Стало быть, он совсем еще ее не знает, хотя и не переставал с жадностью ее рассматривать. Сколько еще всего ему

предстоит в ней открыть: ее ступни, ее колени, грудь, соски, ее таинственное, восхитительное лоно...

От охватившего его волнения он затрепетал.

И тихо прошептал:

– Я так счастлив.

* * *

Герцог де Вивонн злился, видя рвение, с которым Анжелику обхаживает посланник короля. Сам он видел ее редко.

Он пил. Он скучал. И с горечью думал о том, что общества господина и госпожи де Пейрак все ищут, а им пренебрегают, им, блестящим придворным, всегда имевшим успех в свете. У него было несколько интрижек с женами королевских чиновников; от скуки дамы пускались во все тяжкие и воображали, будто, ведя несколько вольную жизнь, они смогут кого-то убедить, что жили при дворе.

Он говорил себе, что никогда не добьется Анжелики. Он видел ее, она была здесь, но никогда еще она не казалась ему такой недоступной.

Она была для него недоступна, потому что думала о чем-то другом, и это сводило его с ума. Потому что было непонятно, КТО она, потому что было непонятно, как удержать ее рядом, как ее обольстить. Это была невыносимая тайна.

И король, как простой деревенский олух, разбил о ее равнодушие свое сердце.

Перед Сент-Эдмом и Бессаром Вивонну приходилось подчеркивать любую мелочь, которая позволила бы ему упомянуть Анжелику.

– Вы заметили поведение короля, когда он прогуливается в своих садах? Иногда он останавливается над бассейном Латоны. И тогда моя

сестра приходит в ярость, потому что знает: в такие моменты он думает о НЕЙ...

Вивонн умолк, пораженный мрачным выражением лиц своих спутников. В бешенстве он отвернулся. Разговаривать с людьми, у которых такие постные физиономии, – все равно что метать бисер перед свиньями.

Те многозначительно переглянулись. Время пока есть, но отныне надо будет внимательно следить, чтобы влияние столь опасной соперницы госпожи де Монтеспан ни в коем случае не укреплялось.

Если Анжелике удастся вернуться ко двору или хотя бы просто ступить на землю Франции, это станет настоящей катастрофой. Нельзя допустить, чтобы она снова встретилась с этим Дегре, преданным псом начальника королевской полиции Ла Рейни. Они поговорили о Ла Рейни. Честный малый, на редкость ловкий, который меняет всю систему сверху донизу. Он велел на всех улицах поставить фонари. Разогнал Двор Чудес, запер бедняков в богадельнях. Король желает, чтобы за всяким преступлением неотвратимо следовало наказание. Так что теперь и Париж, и Версаль сделаются невыносимо скучными.

Своими словами собеседники раздражили Мартена д'Аржантейля, напомнив ему, что госпожа де Пейрак когда-то была любовницей полицейского Франсуа Дегре, который так подло предал маркизу де Бренвийе и привел ее на эшафот. В конце концов в затуманенном мозгу владельца зала для игры в мяч в Нижнем городе сформировалась почти полная уверенность в том, что сама госпожа де Пейрак и выдала маркизу правосудию и что именно она виновата в их теперешних неприятностях, которые вынудили господина де Вивонна переплыть океан. Надо сказать, что случись упомянутые неприятности всего несколькими месяцами позже, это могло бы оказаться правдой.

Руководствуясь даром провидения, которым порой обладают те, кто стоит на грани безумия, Мартен д'Аржантейль говорил, что за спиной госпожи де Пейрак видит мрачную тень полицейского. Услышь Анжелика эти его слова, она была бы немало взволнована, потому что часто думала о Дегре. Как он использует сообщенные ею сведения? Замолвит ли словечко перед королем за них с мужем?

Граф де Сент-Эдм корил себя за то, что, несмотря на свои магические силы, никак не может произнести вслух имени госпожи де Пейрак. А Мартен д'Аржантейль, когда пребывал в дурном расположении духа, неизменно вспоминал, что Красный Плут видел ее на одном из летящих по небу огненных каноэ, и это не предвещает ему ничего хорошего.

Красные перчатки Мартена д'Аржантейля и кулаки, которые он с тщеславным удовлетворением вечно сжимал и разжимал, чтобы полюбоваться игрой своих мышц, внушали окружающим подозрения. Когда в Нижнем городе нашли труп изнасилованной и задушенной двенадцатилетней девочки, в этом тут же стали обвинять «человека в красных перчатках». Девочка была из семьи самых неимущих бедняков, обитавших в квартале Су-ле-Фор, население которого состояло из безвестных горемык: обездоленных иммигрантов, неудачников и закоренелых лентяев, не желающих трудиться. Ее мать подозревали в том, что она втихомолку оказывает интимные услуги в потайных кабинетах таверны «Французский Корабль». Слухи о том, что ребенка изнасиловал и убил Мартен д'Аржантейль, передавались из уст в уста, только с оглядкой и тайком.

Вместе с несколькими молодыми людьми он устроил в одном из старых складов Нижнего города зал для игры в мяч. Туда ходили как на представление, потому что его игра была чудо как хороша. Когда он играл, не

снимая своих красных перчаток, его мускулистые руки ловили кожаный мяч, летящий, как ядро, и тотчас же с необычайной силой бросали его обратно мощным движением запястья, предплечья и плеча разом.

- Мне не хотелось бы, чтобы вы когда-нибудь закидали меня камнями, - вздрогнув, сказала как-то раз госпожа Ле Башуа.

- Вам нечего бояться, сударыня, - отвечал он с порожденной его непроходимой глупостью смесью угодливости и хамства. - Ведь вы же не прелюбодейка.

Услышав это, госпожа Ле Башуа долго смеялась, хотя он мнил себя весьма любезным.

Его сочли болваном и недотепой, но он об этом даже не подозревал.

Глава II

Однажды утром юнга с «Голдсборо» прибежал, запыхавшись, из усадьбы Монтиньи и сообщил госпоже де Пейрак, что у Распоротого Брюха, как прозвали Аристида Бомаршана, начались ужасные боли в кишках и что его срочно отвезли в монастырскую больницу.

Анжелика, спешно накинув на плечи плащ и надев башмаки, бросилась к монастырю сестер-августинок. Она попала туда впервые, хотя часто разглядывала из своих окон это большое здание, возведенное на склоне холма Сент-Женевьев.

Ее привели в общую мужскую палату, но, поискав там своего Аристида, она его не нашла и начала уже опасаться, не умер ли он, когда неожиданно-негаданно обнаружила его в палате для офицеров, должностных лиц и знатных особ. Его поместили туда, поскольку по прибытии он сослался на свои дружеские отношения с господином и госпожой де Пейрак. Что доказывало, что в тот момент его состояние было отнюдь не безнадежно.

Кровати в этой палате были отгорожены занавесками из зеленой саржи, которые днем отдергивали, и Анжелика заметила, что голова тщедушного карибского пирата с гноящимися глазками и спутанной сальной шевелюрой покоится на подоткнутой белой простыне и набитой конским волосом подушке, вложенной в такую же белую полотняную наволочку. У его изголовья сидела маленькая, хорошенькая, как картинка, девушка и с ложечки кормила его бульоном.

- У него отравление, - сообщила маленькая монахиня.

Дав своему пациенту последнюю ложку бульона, она встала, уступив место Анжелике, и представилась:

матушка Франсуаза Марко из Сен-Шарль Борроме.

К фамилиям монахинь в Канаде зачастую прибавляли название их прихода.

Учинив суровый допрос, Анжелика вырвала у Аристиды признание. Он объяснил, что все дело в древесной щелочи, рецепт которой ему дали Элуа Маколле и Никэз Эртебиз, когда он решил изготовить «знатное питье», чтобы менять его у дикарей на пушнину. Добавление нескольких капель этого зелья к самому слабому спиртному, разбавленному водой, превращает напиток в огненную воду, от которой все эти воинственные шарлатаны-сагаморы в американских лесах, от водопада Папинашуа на севере до Иллинойса на юге, наверняка подскочат до небес.

По рецепту Аристид изготовил древесную щелочь, настоящее чудо, которое получилось чернее чернил, да еще с блестящим коричневым отливом. Когда в процессе процеживания она пропитала собой солому его ложа, можно было только удивляться, как соломенная подстилка не воспламенилась, потому что казалось, будто сквозь нее сочится огонь. Надо думать, госпожа де Пейрак хорошо помнит, как его наставлял Эртебиз, ведь она присутствовала, когда тот сказал: «Две капли этого зелья на пинту, не более. Третья уже может отправить тебя напрямик на тот свет». Но он, Аристид Бомаршан, прозванный Распоротым Брюхом, бывший член Берегового братства, всегда любил работать хорошо и торговать первосортным товаром. Он добавил целых четыре капли. Но когда он отведал получившееся питье, ему показалось, что оно прожгло в его и без того больных кишках тысячу дыр, превратив их в решето. Он упал на пол, корчась от боли и вопя так истошно, что те, кто прибежал на его крики, сначала подумали, что он подхватил смертельную болезнь – пузырьчатую рожу, что было не так уж далеко от истины.

Анжелика напрягла память, припомнив составляющие рецепта Никэза Эртебиза: смола, древесный уголь, зола и тому подобное, - и поняла, что в результате всех манипуляций у Аристиды Бомаршана, этого способного ученика чародея, получился продукт, столь же опасный при приеме внутрь, как скипидар или каустическая сода, который и называли «древесной щелочью».

- Вы вели себя неразумно, Аристид Бомаршан, - сердито сказала она. - Похоже, с такими типами, как вы, у меня никогда не будет покоя.

- Вот видите, Господь вас покарал, господин Бомаршан, - добавила молоденькая матушка из Сен-Шарль Борроме, грозя ему пальчиком.

Отравленный уже быстро поправлялся.

- Он живуч, как кошка, - заметила Анжелика.

Монахини хотели узнать, при каких обстоятельствах он получил ужасную рану на животе, которую зашила госпожа де Пейрак, и каким оружием эта рана была ему нанесена.

Анжелика и ее пациент переглянулись.

- В тот раз его тоже покарал Господь, - ответила она.

Аристид Бомаршан был в восторге от забот монахинь, и это окончательно примирило его с Квебеком. На флибустьерских судах больных и раненых так не выхаживали. Тамошние хирурги больше смахивали на мясников, чем на внимательных врачей с нежными, как у феи, пальцами.

При следующем посещении Анжелика обнаружила его на ногах и в сильном волнении.

- Надеюсь, что все получится, - доверительно сказал он. - Монахини меня ценят и будто бы хотят нанять меня для тяжелых работ.

- Каких еще тяжелых работ? Вы самый тщедушный и слабосильный из всех, кого я знаю, не представляю, как

вы сможете поднять даже полено.

- За меня не бойтесь! Я сумею быть полезным... пойдете, я вам покажу такое!

Тощий, слабый, прикрывая руками живот, чтобы случайно ни на что не наткнуться, он увлек Анжелику в лабиринт монастырских коридоров, которые, видимо, уже хорошо изучил, и довел ее до двери аптекарской.

С порога он призвал ее полюбоваться соблазнительным зрелищем реторт с длинными носиками и медных перегонных кубов.

- Они здорово петрят в алхимии, эти монашки! Они вам приготовят такую водку, что пальчики оближешь!

В этой комнате он чувствовал себя на боевом посту. Ему не было запрещено мечтать, что однажды он сможет священнодействовать здесь. Все устраивалось как нельзя лучше. Жюльенна будет помогать матушкам ухаживать за больными. Она женщина добрая, работающая и крепкая, и при одном ее виде даже умирающим захочется поработать. Монашки предоставят в распоряжение Аристида и его женушки небольшой домик внутри монастырской ограды, недалеко от того места, где семьи лежащих в больнице индейцев построили свои хижины из коры. В окрестностях больницы всегда было много вигвамов. Ему будет поручено наблюдать за становищем и поведением дикарей, потому что они нередко сварливы, вороваты и беспокойны.

- Не правда ли, это лучше, чем работа в борделе у Гонфарель?

На следующее утро он с торжествующим видом показал Анжелике свое имя в списке обслуживающего персонала больницы. Напротив его имени было написано по-латыни «ad multa», то есть «для всех работ», чем он очень гордился.

Квебек был городом решений самых что ни на есть фантастических и парадоксальных.

Матушка Мария с радостью показала Анжелике монастырскую мастерскую по изготовлению искусственных цветов, или «букетницу», и сообщила, что производство там неуклонно растёт. С годами монахини совершенствовали свое искусство, возникшее, по всей вероятности, из необходимости получить дополнительные доходы. Бюджет обители состоял также из благотворительных отчислений, но денег на нужды бедных все равно всегда не хватало. В первое время существования монастыря и больницы наклеенные на картон букетики, которые монахини прозвали «цветок-силлок», дарили индейцам, чтобы привлечь их. Причем эти подарки походили на их собственные вышивки бисером и крашеным волосом лосей, которыми они украшали свою замшевую одежду.

Но можно было догадаться, что главным и тайным мотивом, подтолкнувшим сестер-августинок к занятию этим ремеслом, которым немного владела одна из приехавших из Франции монахинь, было то, что они были лишены радости украшать свою часовню живыми цветами, потому что зима в Квебеке длилась целых восемь месяцев.

То, что они не могли выразить свою любовь и почтение к Богу и воздать Ему хвалу, украсив дом Божий настоящими цветами, было для них тяжким лишением.

В этот век Контрреформации существовала мания особенно пышного украшения алтарей. Ничто не было слишком красиво, богато и роскошно, чтобы выказать почтение и горячую любовь ко Всевышнему.

Когда монахини уступили часть своей земли одному из соседей, то оговорили в купчей условие, по которому тот обязался «пожизненно каждый год поставлять в часовню больницы города Квебека по букету цветов на восьмое сентября, праздник Рождества Богородицы, и первое октября, День святого Реми».

Кроме этих двух ежегодных букетов живых цветов, повсюду теперь стояли букеты искусственных, изготовленных руками самих сестер. Эти цветы были чудо как хороши, и среди них, выращенных в изысканные цвета, встречались даже позолоченные и посеребренные. Искусно изготовленные, их вывозили даже во Францию, они были самым совершенством и казались такими же свежими, как живые.

Везде: в самой больнице, в часовнях, на жертвенниках, в углах у подножия статуй – монахини ставили маленькие медные чаши с засушенными лепестками летних цветов, розовыми бутонами, головками гвоздик, которые, казалось, сохраняли свое благоухание.

Вдыхание ароматов, самое невинное из удовольствий, которые Создатель подарил своим творениям, делало благочестие более приятным, а возносимые молитвы более горячими.

Глава III

Анжелика уселась в небольшой комнатке, превращенной в лабораторию. Сегодня она разбирала свои целебные травы.

Из глубины погребов доносился глухой мерный стук – это Сюзанна сбивала масло из козьего молока. В последнее время Анжелике приходилось заниматься изготовлением новой порции своих лекарственных снадобий, которые, как говорили, творят чудеса. Из козьего масла, смешанного с полученными из смол бальзамами и вытяжками из трав, она по старому рецепту колдуньи Мелюзины сделает несколько горшочков мази, помогающей от сильных болей в мышцах, нервах и костях. Эту мазь у нее многие просили.

Она снова начала лечить окружающих отнюдь не по собственной воле и не переставала мысленно себя за это корить. Ей казалось, что, занимаясь целительством, она поступает неосмотрительно.

Все началось с госпожи де Канвер. Анжелика всегда старалась не принимать приглашения этой особы, так как была уверена, что непременно встретит в ее гостиных тех, кого ей видеть не хотелось, например герцога де Ла Ферте. Но однажды лакей принес ей записку от этой дамы. Та умоляла прийти к ней как можно скорее. Тон послания был так необычен, что Анжелика решила, по крайней мере, узнать, в чем дело.

Госпожа де Канвер приняла ее без своих обычных насмешек и высокомерных замашек великосветской дамы, привыкшей плутовать за карточными столами при дворе короля.

Она была в домашнем платье и еще не наложила на лицо слоя свинцовых белил и алых румян, с помощью

которых придавала себе видимость если не молодости, то хотя бы здоровья. Сейчас это была просто старая растерянная женщина. Схватив Анжелику в объятия, она вскричала:

– Хоть вы мне не откажите!

И она подвела гостью к обитой материей корзинке, где умирала маленькая обезьянка. Доктор Рагно отказался прийти, возмущившись тем, что к его медицинским познаниям хотят прибегнуть ради какого-то животного.

– И тогда я подумала о вас, милая графиня. Ни у кого в этой стране нет сердца. Только не говорите, что ничем не можете помочь. За два года моего пребывания в Канаде я много слышала о ваших познаниях в медицине. Дошло до того, что вас даже объявили колдуньей.

– Вот потому-то, сударыня, я более и не хочу применять свои знания на практике. Ведь меня обвиняли еще и в том, что я навожу порчу.

– Но ведь все это уже забыто! – воскликнула госпожа де Канвер. – Иезуит далеко, так что вам нечего бояться его нетерпимости и подозрений. Прошу вас. Вы единственный человек, с которым можно иметь дело в этом проклятом Богом месте, где я умираю от скуки и холода. Пожалуйста, не лишайте меня надежды.

Эти мольбы не заставили бы Анжелику решиться вновь заняться целительством, если бы не огромные выразительные глаза обезьянки. Когда она взяла ее на руки, почти невесомую, как высохшая ветка, маленькая зверюшка обняла ее за шею своими худыми длинными темными лапками и, дрожа, прижалась к ее груди. Эта обезьянка напомнила Анжелике обезьянку Пикколо из Двора Чудес, которая прибежала звать ее на помощь в тот вечер, когда компания знатных дворян убила мэтра Буржую, хозяина харчевни «Красная Маска».

Крохотный зверек дышал с присвистом и горел в лихорадке.

- Для обезьянки в этом краю слишком холодно, - сказала Анжелика. - Было легкомысленно привозить ее сюда.

- Разве, уезжая в это изгнание, я и так не оставила позади почти всю свою жизнь? - вскричала госпожа де Канвер и горько разрыдалась. - У меня только и есть что этот маленький друг.

Несмотря на то что во всех каминах дома госпожи де Канвер гудел жаркий огонь, казалось, что все старания вырвать бедное животное из лап смерти обречены на провал.

Однако Анжелика его все-таки вылечила. После того как она справилась с воспалением легких, из-за которого обезьянке было трудно дышать, она откормила малышку рыбьим жиром, который в изобилии привезла с собою в Квебек, налив его в несколько мочевых пузырей, извлеченных из убитых лосей. Его продавали бретонские рыбаки - они раскладывали свежую печень выловленной ими трески на решетчатых настилах, и солнце вытапливало из нее жидкий жир. Они расхваливали его как первейшее средство от всех зимних хворей. Запах у этого жира был неприятный, но результаты он давал настолько удивительные, что госпожа де Канвер почитала его самым изысканным ароматом на свете.

С тех пор Анжелику непрестанно звали к больным в безнадежных случаях, причем иногда раньше, чем священника, из-за чего служители Божьи недовольно хмурили брови.

Как могла она не прийти, когда к ней прибежала посеревшая от тревоги кормилица-негритянка Перрина и сказала, что малышка Эрмелина, которая благодаря ей, Анжелике, чудесным образом начала ходить, провалилась в сугроб, когда в очередной раз убежала из дому.

Надо признать, что в данном случае ангелы-хранители уже сделали все, что могли. С этим нельзя

было не согласиться, ибо не подлежит сомнению, что именно благодаря их неусыпному попечению и умению выстрогать стрелу из любого, даже самого гнилого, дерева, когда им приходит время выполнить свою миссию, мертвецки пьяный прохожий свалился именно в этот сугроб. И, несмотря на застилающий его глаза туман, сумел разглядеть белый бархатный башмачок, торчащий из свежесвыпавшего снега. Тут же протрезвев, он бросился на помощь ребенку. Девочка еще дышала, ее привели в чувство. Но, несмотря на все усилия родни, ребенок заболел, и было ясно, что на этот раз ангелы-хранители уже не придут на помощь. Только госпожа де Пейрак могла еще спасти слабенькую малышку. Только она могла помочь и все-таки прогнать зловещую тень Курносой, что бродила вокруг маленькой сладены, пичужки-хохотушки. Негритянка умоляла Анжелику прийти, стелая и ломая руки.

Та последовала за черной кормилицей в большой дом Меркувилей. Сидя возле кровати Эрмелины, она держала ее за маленькую ручку, напротив нее негритянка бормотала какие-то непонятные африканские заклинания, а в двух шагах от них на своем насесте переступал с лапки на лапку притихший попугай, и глаза у него были растерянные, как у молодого мужа, стоящего у изголовья рожавшей жены. Анжелика боролась за жизнь малютки несколько дней.

Она вновь обрела свое законное место, то, которое было предназначено ей свыше. Это началось еще в детстве, когда крестьяне, лежа в своих дымных лачугах на жалких соломенных тюфяках, умоляли, чтобы к ним пришла она, маленькая фея из господского замка.

Она любила находиться в убогих крестьянских жилищах, любила чувствовать, как исходящая от нее благотворная сила приносит помощь, разглаживает искаженные болью черты, и всем сердцем радовалась

облегчению, которое читала в глазах больного, будь то взрослый или ребенок.

К маленькой Эрмелине вернулась ее веселая улыбка и любовь к лакомствам. Она с гораздо большей охотой сосала вкусные мятные драже, чем принимала рыбий жир, но, чтобы заработать конфеты, ей все-таки приходилось пить противное лекарство.

* * *

Полька сдружилась с жительницей острова Орлеан, которая занималась магией, и та приобщила ее к чтению магических книг Альберта Великого. Она тоже была целительницей-знахаркой. Однажды в феврале во второй половине дня Полька позвала Анжелику к себе в Нижний город.

- Она скоро приедет, - сообщила она Анжелике, - и она хочет тебя увидеть. Она редко решается выехать со своего острова «на континент». Стало быть, ей в самом деле любопытно с тобой познакомиться.

- Она останется ночевать у тебя?
- Нет. Она никогда не остается на ночь.
- Почему?
- Боится.

Колдунья прибыла по обозначенной вехами дороге, идущей по льду реки Святого Лаврентия. О ее приезде заранее издали известило поднятое санями облако снежной пыли и пара, в который на морозе превращалось дыхание запряженных в них коней. Чем ближе она подъезжала, тем яснее слышались ее крики «ийе-е-и!» и щелканье длинного кнута, которым она подгоняла мчащуюся во весь опор упряжку.

В тот день все вокруг было ярко-голубым и белым, словно изваянным холодом, и каждый звук отдавался многократным эхом.

Толпа, слонявшаяся по площади от одной лавки к другой, постепенно приблизилась к берегу.

Когда среди вмерзших в лед корпусов лодок и кораблей, теснящихся в бухте Кюль-де-Сак, показались сани, люди расступились, и с речной дороги на берег стремительно вылетели два коня, запряженные цугом. Их подковы звонко стучали, скользя по заснеженному льду, полозья саней скрипели, разрезая снег. Упряжка остановилась перед таверной «Французский Корабль», на пороге которого стояли Анжелика и Польша.

В последний раз, точно мушкетный залп, щелкнул длинный кнут. Несколько мужчин и молодых парней кинулись к коням, те громко храпели, бешено выпучив глаза, окутанные облаком пара. Их успокоили и набросили на их потные спины попоны.

Высокая женщина, стоявшая на передке саней, бросила вожжи подбежавшему парню и соскочила на землю.

Она направилась к таверне размашистым мужским шагом, не выпуская из руки кнута и на ходу разматывая окутывавшие ее меховые шарфы.

– Иди за мной, – бросила ей Польша. – Мы сядем в уголке галереи. Оттуда ты сможешь видеть свой остров, а на другой стороне – площадь, если вдруг принесет конно-полицейскую стражу.

Они втроем прошли через большой зал, между столами, где сидели клиенты, выпивающие и играющие в кости и карты; те тотчас умолкли, но ни один из них не поднял на колдунью глаз.

Они устроились в укромном уголке, где колдунья наконец освободилась от своих многочисленных шерстяных и меховых шалей и шарфов.

Затем она резким движением сорвала с головы капор и провела тонкими длинными пальцами по совсем седым, коротко стриженным волосам.

Анжелика ожидала, что колдунья с острова Орлеан будет сгорбленной, костлявой, грязной и беззубой, вроде старой Мелюзины из лесов ее детства.

Однако перед нею была женщина хотя и пожилая, но высокая, статная и с отличными зубами. На ее пергаментной коже почти не было морщин. У нее были необычайно голубые глаза, очень светлые и веселые, а одета она была одновременно и изысканно, и удобно. Ее вторая юбка, сшитая из коричневого сукна и отделанная черной тесьмой, была приподнята, открывая сапожки местного производства, наполовину кавалерийские, наполовину индейские, украшенные индейским орнаментом, но не из замши, а из тонкой выделанной кожи. Она напомнила Анжелике убитую на ее глазах стрелой абенака мистрис Уильямс, старую даму из Новой Англии, которая под конец жизни стала позволять себе роскошь носить красивые кружевные чепцы.

Роскошь колдуньи с острова Орлеан заключалась в ее одежде, сапожках и кнуте. Прическа заботила ее меньше, но ореол белых всклокоченных волос очень ей шел. Она сразу же представилась.

- Я - Гийметта де Монсарра-Беар, владелица поместья Живандери на острове Орлеан.

Она оперлась локтями на стол, и Полька тут же поспешила поставить перед нею чарку и графин водки.

- Ну, что сейчас творится в этом лицемерном городе? - спросила Гийметта и, достав из-за пояса трубку, принялась набивать ее табаком из кисета, сделанного из мочевого пузыря лося.

Она рассматривала сидящую напротив нее Анжелику, и в глазах ее светились благожелательность и интерес. Сделав несколько затяжек, она молча положила на стол открытую ладонь и движением подбородка показала Анжелике, чтобы та подала ей свою правую руку, дабы прочесть по линиям на ладони ее судьбу. Анжелика вложила свою руку в ее пальцы.

Гийметта склонилась над нею, и на лице ее тотчас отразилась досада. Она отложила свою трубку и, порывшись в карманах широкой юбки, достала очки и водрузила их на нос, чтобы лучше рассмотреть узор линий на предложенной руке.

- Так дело не пойдет! - воскликнула она. - Ничего не получится.

- Что?

- То, чего ты хочешь.

- Но что тебе известно о том, чего я хочу? - возразила Анжелика.

Да знает ли она это сама?

- Как бы то ни было, у тебя ничего не выйдет, - разочарованно повторила колдунья.

- Какая разница, ведь ты даже не знаешь, о чем идет речь.

Анжелика подумала, уж не состоит ли ее тайное, неосознанное желание в том, чтобы возвратиться во Францию и вновь увидеть Версаль, и сердце ее слегка сжалось.

В глубине души она понимала, что хотела сказать Гийметта, и это одновременно успокоило и разочаровало ее, как будто колдунья своими длинными аристократическими пальцами коснулась в ней таких желаний, в которых сама она себе не признавалась.

«Что мне положено, то сбудется, - сказала себе она, чтобы защититься от чувства разочарования. - Но быть может, не сбудутся те ожидания, которые мне приписывают другие... Лучше не знать... или, наоборот... знать, чтобы не тешить себя иллюзиями».

Полька обняла свою подругу по Двору Чудес за плечи.

- Почему ты предсказываешь ей дурное, Гийметта? - упрекнула она колдунью.

- Мое предсказание вовсе не дурное, - возразила Гийметта де Монсарра-Беар.

Но она явно была в замешательстве.

- И все же ты победительница! - внезапно выпалила она.

- Да, - согласилась Анжелика. - Я победительница.

Гийметта выглядела изумленной и потрясенной увиденным на лежащей в ее руке ладони, как будто Анжелика, с которой она никогда доселе не встречалась, умышленно ввела ее в заблуждение.

- Ах, - вздохнула она. - Ты требовательна к своим друзьям. Ты властная.

Анжелика ничего не ответила.

В словах Гийметты была и правда, и ложь. Колдунья что-то почувствовала в сидящей напротив нее молодой женщине, но не знала, как это истолковать. Она не смогла скрыть раздражение:

- Когда дело касается тебя, слова меняют свой смысл. Ты требовательна, это правда, но в то же время ты ничего не требуешь. Ты властная, но лишь потому, что люди сами хотят оказаться в твоей власти. Твоих любовников гнетет печаль, потому что они не могут тебя забыть.

- Стало быть, ты считаешь меня ответственной за их несчастья? - смеясь, спросила Анжелика.

- Нет... Но ты не делаешь ничего, чтобы помешать им попасть в твои сети... И в конечном счете ты права...

И она понимающе подмигнула. Теперь, когда она опять повеселела, стало видно, сколь она великодушна.

- Прости меня, - сказала она. - Я тебя растрожила.

- Пустяки.

- В самом деле, пустяки... Ты очень сильная. Ты победишь. - Но она, похоже, была не в духе и с раздражением курила трубку, подозрительно глядя на сидящих напротив нее двух женщин. - Что вас связывает? Тебе, Жанина, совсем не идет водить дружбу с великосветской дамой. Что же вас связывает?

- Вот это! - сказала Польша и особым образом скрестила пальцы. - Братство парижских нищих и воров!

За спиной колдуньи щуплый парень с хитрым и насмешливым выражением лица скрестил пальцы таким же манером.

- Это приказчик господина Базиля, - шепнула Польша на ухо Анжелике. - Он тоже из наших.

«Нашими» для Жанины Гонфарель были те, кто в прошлом обитал в парижском Дворе Чудес, прибежище воров и нищих. Поль ле Фолле в самом деле был достоин этого звания, судя по тому, с какой ловкостью он почти незаметно сунул колдунье кошелек с несколькими экю и получил взамен полотняный мешочек, который она достала из-за пояса.

Весь день в уголок, где беседовали три женщины, подходили какие-то люди. И каждому колдунья вручала маленький пакетик и давала какие-то советы.

Появился и человек, которого прозвали Красным Плутом, поскольку, по слухам, он тоже был предсказателем и колдуном. Но он не подошел, потому что боялся Анжелики. Она подозревала, что именно он бросил камень в кота в день ее приезда. Толковали, что это он видел летящие по небу объятые пламенем каноэ, когда к Квебеку приближались корабли графа де Пейрака. С тех пор его дар предвидения еще больше обострился. С ним многие советовались, с риском для жизни добираясь до его лачуги, прилепившейся вместе с несколькими другими такими же жалкими хибарками к обрыву под фортом. Чтобы попасть в его логово, полускрытое нависающими над ним длинными толстыми сосульками, приходилось подниматься по многочисленным лестницам, в том числе и приставным. Он жил в этой конуре вместе со своим эскимосом, окруженный магическими книгами, которые колдунья Гийметта глубоко почитала.

- Где он откопал эти книги? - задумчиво произнесла Гийметта. - Он мог достать их из-под земли только с помощью Сатаны... А возможно, он их просто украл.

- У него есть Большой Альберт и Малый Альберт, собрания магических рецептов, - вставила Польша.

- И список священной книги Тота.

- Удивительно, что при наличии таких опасных книг тот квартал еще не воспламенился, - сказала Польша, с почтением глядя на обледенелый обрыв, где обитал колдун. - Если бы о них прознал прокурор Тардые, он велел бы снести все эти домишки. Он уже запретил строить под обрывом из-за обрушений.

Они выпили водки, а потому с легкостью говорили об опасных и серьезных вещах.

- Они нас всех убьют, всех убьют! - говорила Гийметта.

О чем она толковала?

- Давай говори! Выкладывай, что тебя мучает, - торжественно изрекла Польша. - А когда облегчишь душу, мы поболтаем о чем-нибудь более веселом.

Но Гийметта сидела неподвижно, слегка наклонив голову, целиком уйдя в себя и, похоже, заново переживая какую-то душераздирающую сцену из прошлого. Наконец она встряхнулась и опять закурила свою трубку. Глядя на нее, Анжелика, сама не зная почему, чувствовала сострадание и угрызения совести.

Колдунья снова провела рукою по седым волосам и безотчетным движением поправила челку над своими блестящими, необыкновенно голубыми глазами.

- Ха! - вдруг сказала она. - То, что происходило на Гревской площади в вашем Париже, - это еще цветочки... В маленьких провинциальных городках было куда хуже.

- Ну да, так уж и хуже! Это как посмотреть! - запротестовала Жанина Гонфарель, чью горячую любовь к столице Французского королевства задела эти слова.

Она считала, что Парижу нет равных во всем: как в хорошем, так и в дурном.

Намеками и обиняками, короткими фразами, которые она, как видно, давно прокручивала в голове, Гийметта де Монсарра заговорила о дрящемся уже три столетия жесточайшем Крестовом походе, направленном на истребление женщин, разбирающихся в лечебных травах. Их считали опасными, так как они обладали познаниями, приобретенными без ведома и одобрения церкви...^[10]

- Моя матушка была повитухой и жила в довольно многолюдном городке в Лотарингии, - сказала она. - Бывала она и в деревнях... Они возвели ее на костер. И пока огонь трещал и пожирал ее тело, они держали меня за волосы, чтобы я не опускала голову, и кричали мне в уши: «Смотри! Смотри, маленькая ведьма, как горит твоя мать!»

Она поднесла к губам оловянную чарку, глотнула водки и как будто пришла в себя.

- Понимаешь, - продолжала она, - они не хотели оставить нам ничего, даже этот дар. Они не могут допустить, чтобы мы хоть в чем-то были сильнее их.

- Да кто такие эти «они»? - спросила Анжелика.

- Мужчины! - Гийметта бросила это слово со злобой. - Разве они могли позволить, чтобы женщины, невежественные женщины, не учившиеся в их университетах и не сдававшие экзаменов по богословию, обладали такой властью над жизнью и смертью, над любовью и деторождением? Эта власть слишком велика, так что у женщин ее постарались отнять.

А потому их сжигали, непрерывно сжигали колдуний, даже тех, и в особенности тех, которые творили добро, которые исцеляли людей, утешали страждущих, но осмеливались делать это вне рамок власти мужчин и церкви.

В ее озлобленности чувствовалось нечеловеческое, грызущее душу страдание, которое заставляло ее так страстно обличать это зло, ставшее в силу своей распространенности привычным, – костры ведьм.

Все они казались ей невинными жертвами.

– Но ведь есть ведьмы, которые отравляют людей, – заметила Анжелика, вспомнив о Ла Вуазен.

– Конечно. Ведь нам не оставили ничего, кроме яда. Нам запретили оказывать помощь. Знаешь, что написано в «Книге инквизиторов»?

И она по памяти прочла, чеканя слова:

– «Следует напомнить, что под ведьмами мы понимаем не только тех, кто мучает и убивает, но также всех прорицателей, чародеев, шарлатанов и магов, обычно называемых мудрыми мужчинами и женщинами... тех колдунов и колдуний, которых считают добрыми, которые не причиняют никакого зла...»

– Понимаешь, – вскричала она, – не причиняют никакого зла!

И продолжила: «...которые не оскверняют и не разрушают, но спасают и избавляют от зла... Для всех нас будет лучше, если земля будет освобождена от всех этих колдуний, и *в особенности от тех из них, которые оказывают помощь...*»

– Однако нашим монахиням разрешают лечить больных...

– Только потому, что они монахини, и то под руководством идиотов-врачей, более невежественных, чем они, но присвоивших себе власть.

– Уймись, – сказала Полька, – а то, чего доброго, заработаешь право на свои три сотни вязанок хвороста для костра.

Гийметта курила, зажав черенок трубки в зубах и выпуская тонкие струйки дыма уголками губ.

- Скажи, в чем было зло? - задумчиво продолжала она. - Женщины всегда были целительницами. Потому что они чувствуют землю, чувствуют ее тайны. Потому что они дают жизнь. Они стремятся сохранить человеческое тело, ибо видят в нем не только поживу для смерти и добычу ада. Не то что «эти». «Эти» оставляют несчастных умирать в страданиях. «Вы попадете на небо», - говорят они... Они не хотят, чтобы люди ускользали от их власти. Женщины исцеляют, лечат, облегчают страдания... Вот почему они поклялись нас всех извести...

Ее взгляд упал на руки Анжелики.

- У тебя тоже руки целительницы... Но ты хитрее и ловчее меня... Ты от них ускользнешь...

Она встала, сделала несколько шагов по залу, затем резко повернулась. Выражение ее лица смягчилось, голубые глаза снова сияли, веселые и просветленные.

- Хочешь поехать со мною на остров, красotka?

Ее заливал струящийся из окна алый свет заката.

- Нет... Ты приедешь позже... в сахарный сезон. Когда течет кленовый сок... Вот увидишь, наш остров весь благоухает.

Она принялась кутаться в свои брошенные на скамью меха. Ее задумчивый взгляд был устремлен вдаль.

- Он весь благоухает снаружи, а внутри напоен ароматом немного терпким и резким - как красивая женщина. Благоухание от варки кленового сахара и резкий дух от сыров, которые начинают изготавливать в глубине острова на фермах, когда приходит весна. Ты приедешь, и я с тобою поговорю. Я должна рассказать тебе много такого, чего ты не знаешь, хотя тебя за это и преследовали. Нужно, чтобы ты знала о заговоре мужчин против женщин и обо всем, что они сделали, чтобы отнять у женщин власть, полученную ими от Бога. Я говорю о даре исцелять.

Ах, они многих сожгли, сожгли и мудрых женщин, и мудрых мужчин, которых женщины посвятили в свою науку. О! Вот увидишь, это еще не закончилось... сколько еще костров... сколько костров!.. Боже мой! – Выражение острой муки исказило ее лицо.

– Не думай об этом! – взмолилась Польшка. – Не думай об этом и поскорее уезжай. Скоро зайдет солнце.

Перед тем как вновь пустить свою упряжку по льду реки Святого Лаврентия, Гийметта де Монсарра опять обратилась к Анжелике:

– Ты пришлась мне по сердцу. Я сделаю для тебя охранный амулет. Если тебе будет грозить опасность, я приеду предупредить тебя.

Вдалеке остров Орлеан тонул среди массы лиловых и розовых облаков, которые, отражая лучи солнца, заходящего за равнину Авраама, громоздились над его круглой, покрытой лесом вершиной.

* * *

Польшка не одобряла неистовства островитянки. «От своих несчастий она слегка тронулась рассудком. Но если она и дальше будет болтать в том же духе, дело кончится тем, что ее сожгут или повесят».

По ее мнению, Гийметта слишком смело обличала общественные пороки и даже не пыталась найти им оправдания.

Она жила в своей усадьбе, возвышающейся над бухтой Святой Петрониллы, откуда вдалеке был виден Квебек, окруженная своими близкими, животными, индейцами, детьми, время от времени собирая соседей на празднества и попойки, где царила свобода нравов, которую молва еще преувеличивала. В общем, Гийметта де Монсарра была разительно похожа на некогда

владевшую ее родной провинцией пламенную Элеонору Аквитанскую.

Ах, что только не происходило на этом острове, где властвовала эта колдунья...

Никто не знал, замужняя она или вдова. Она выбирала себе любовников среди красивых молодых людей, парней, которые по возрасту годились ей в сыновья, а возможно, и были ее сыновьями...

Про эту колдунью рассказывали вещи и похуже.

Как-то раз в приходе Сен-Марсель, что возле Леви, изгоняли дьявола из одержимой – светловолосой шестнадцатилетней девушки, которая своим колдовством погубила урожай льна. Вдруг на пороге церкви, щелкая кнутом, появилась Гийметта. Никто из присутствующих не сдвинулся с места, зная, что она прекрасно умеет им пользоваться. Она беспрепятственно вошла в церковь, протянула бедной одержимой обе руки и со странной нежностью сказала:

– Пойдем, дитя мое! Пойдем!

Тотчас успокоившись, одержимая, которая доселе кричала и вырывалась, встала с пола и последовала за ней. С девушки стекала вода, которой ее обливали, и кровь от уколов булавками, которые в нее втыкали, чтобы найти на ее теле «метки дьявола».

Уже через пять минут сани колдуньи во весь опор мчались по льду реки Святого Лаврентия, увозя девушку прочь.

«Она явилась за своей добычей, проклятая», – судачили добрые люди.

Теперь говорили, что у себя на острове она лечит одержимую девушку успокоительными настоями. Но многие уверяли, что она повезла ее на шабаш.

Вернувшись домой, Анжелика погрузила руки в засушенные цветы и травы, которые она разбирала по мере надобности, когда к ней обращались за лечебными

снадобьями. Однако она сделала все, что могла, чтобы ее не просили.

Более осведомленная, чем Полька, она знала, что Гийметта нисколько не преувеличила. Ибо знание трав привело сотни тысяч женщин на костер.

«Столько безумия – и почему?» – задумалась она, медленно закрывая сундук с лекарствами, который охраняли святой Козьма и святой Дамиан. Они являли собой доказательство того, что все на земле взаимосвязано, и даже у безумия есть противоположность – здравый смысл.

Рядом с мешочками своих трав и пузырьками с настойками она чувствовала особую близость к Жоффрею, который со своими ретортами тоже вызвал подозрения и стал жертвой гонений. Вот почему они были так похожи и между ними смогла зародиться такая чудесная любовь.

В студеной сумерках, синих, как глубокая вода, огни отдаленных ферм, стоящих на берегу Бопре, казались светящимися во тьме волчьими глазами.

Порой то на берегу, то на опушке леса трепетал слабый огонек, маленький красный цветок.

Похожий на светлячка, огонек двигался все дальше по необъятному, погруженному в темно-синий сумрак простору замерзшей реки, и Анжелика догадалась, что это колдунья Гийметта мчится сейчас в санях, пустив в галоп своих любимых коней. Она уже приближается к своему поместью, где ключом кипит жизнь, неподвластная общим законам.

Анжелика знала, что настанет день, когда ей захочется войти в большой зал усадьбы Гийметты де Монсарра-Бенар, и та сядет рядом с нею и поведаст ей свою тайну.

Она навестит ее на острове Орлеан перед самым началом весны, в пору, которую в Канаде называют «сахарной порой».

Глава IV

Анжелика искала предлог, чтобы вновь навестить матушку Мадлен, потому что та просила.

Наконец предлог был найден. Вскоре после Богоявления Анжелика принесла монахине для золочения два деревянных подсвечника с библейскими мотивами, которые она заказала Ле Бассеру, чтобы подарить их Польке для ее молельни.

Матушка Мадлен, которая руководила золотильными мастерскими, сама занялась ее заказом.

Прилежание и видимое удовольствие, с которым монахини делали свою работу, наполняли душу Анжелики безмятежностью и покоем. Приходя в мастерские и садясь рядом с матушкой Мадлен, она с трудом вспоминала, какая темная демоническая история предшествовала их первой встрече.

В мастерской работали еще две урсулинки, а также их ученицы, и каждая была поглощена своим делом. Можно было перекинуться парой слов.

Внезапно, без предисловий, Анжелика задала матушке Мадлен вопрос, который уже давно занимал ее мысли:

- Скажите мне, матушка, какое лицо было у архангела?

Монахиня искоса на нее посмотрела, но не стала делать вид, будто не понимает.

Еще немного поработав своей шерстяной тряпицей, матушка Мадлен отложила ее в сторону и тыльной стороной ладони, поскольку пальцы у нее были запачканы, отвела со лба прядь волос, выбившихся из-под ее монашеского чепца.

- Он был похож на вас, - сказала она наконец. - Да, таким я его вижу... в особенности после того, как узнала

вас. Прежде это был только светлый силуэт со сверкающим мечом. Очень юный, но очень благородный. Очень чистый, но также... очень беспощадный. Архангел-мститель. У него, как и у вас, сударыня, были очень светлые глаза, а в чертах лица что-то от вашей красоты. Но это были не вы... Спутать было невозможно... И это было даже не ваше отражение... Во всем его обличье чувствовалась мужественность – так изображают ангелов, что охраняют Божий трон, – несмотря на то что юность придавала ему почти женскую грацию. Волосы у него были длинные, вьющиеся... золотистые... Он был прекрасен, – вздохнув, молвила она и со своей прелестной обезоруживающей улыбкой заключила: – Это был настоящий архангел.

– А чудище? Этот мохнатый зверь, который набросился на дьяволицу и растерзал ее своими острыми зубами и когтями?

– Его я также вижу, – вздрогнув, сказала монахиня. – Это был ужасный зверь... Его глаза горели свирепым огнем. Его зубы с острыми клыками, как у вампира, были обнажены в жестоком оскале... Его когти показались мне острыми, как кинжалы...

Она снова бросила на Анжелику испытующий взгляд, и уголки ее губ приподнялись в легкой улыбке, а в глазах за стеклами очков появились лукавые искорки.

– Почему вы задаете мне все эти вопросы, сударыня? Что еще вы надеетесь выяснить, заставляя меня вновь и вновь возвращаться к моему бедному ясновидению? Каким будет архангел, который восстанет и повелит гадкой твари уничтожить дьяволицу? Может быть, вы на самом деле знаете это лучше, чем я?

– Да... в самом деле... может быть, – пробормотала Анжелика. Мысленно она увидела Кантора и его росомуху, хотя милейшая Вольверина вовсе не «гадкая тварь».

И вдруг она почувствовала, как от лица ее отливает кровь. Почему матушка Мадлен говорит в будущем времени? «Архангел, который восстанет...»

– Но... но она же умерла! – воскликнула она.

Работавшие в полном молчании мастерицы подняли голову и посмотрели в их сторону.

Анжелика заставила себя успокоиться.

– Почему вы так выразились? – тихо спросила она у матушки Мадлен. – Вы говорите так, словно эти события еще произойдут. Но ведь это неправда! Архангел уже нанес удар! Зверь уже убил! Почему же вы говорите так, будто эта женщина-демон, эта дьяволица еще бродит по земле и ее адская миссия среди нас еще не завершена?

– Я... я не знаю, – с несчастным видом пролепетала маленькая урсулинка.

Явное волнение Анжелики привело ее в замешательство.

– ...Я сказала так потому... может статься, потому, что чувствую: Акадия еще не спасена...

Анжелика упрекнула себя за импульсивность, прорывающуюся наружу всякий раз, когда дело касалось этой жуткой истории. Да, ход мыслей матушки Мадлен верен. Даже после смерти Амбруазины Акадия все еще не спасена. Даже если отец д'Оржеваль сейчас далеко, последствия их дел, сплетенных ими козней, расставленных ими ловушек все еще могут проявиться.

Ей хотелось бы вызвать молодую ясновидящую на откровения, заставить ее яснее описать свое видение, но монахиня приложила палец к губам, делая ей знак молчать, почти не дышать и по возможности не делать резких жестов, вызывающих движение воздуха. Потому что как раз в эту минуту молоденькая ученица положила перед урсулиной подушечку, которая служила для переноски тончайшей золотой фольги, а также для того, чтобы особым ножом вырезать из нее листки нужной формы. Подушечка была сделана из маленькой

деревянной дощечки, покрытой слоем чесаного хлопка и обитой обезжиренной телячьей кожей или замшей. С трех сторон ее ограничивал пергамент, чтобы листки сусального золота не унес ветер. Следовало опасаться даже собственного дыхания, так эти листки были тонки и невесомы.

Осторожно и ловко, точно индеец на тропе войны, Анжелика отступила от рабочего стола и ушла.

* * *

С ночного неба валил мягкий ватный снег. Только что прозвонили к вечерне. На улицах еще попадались прохожие, их силуэты, а также силуэты трясущихся на ухабах экипажей едва угадывались за плотной белой завесой медленно падающего снега. На Оружейной площади вышедшая из форта команда солдат, с лопатами на плечах, начинала расчищать подходы к замку Сен-Луи, пока их еще окончательно не завалило, – задача сродни той, что в царстве мертвых выполняли Данаиды, бесконечно наливая воду в бездонную бочку. И снежные насыпи все росли, а проходы между ними становились все уже и уже, превращаясь в извилистые ледяные лабиринты.

В одиночестве идя по улице, окутанная снежной пеленой и царящей вокруг ватной тишиной, спрятав руки в муфту, Анжелика пыталась рассеять владевшее ею бессмысленное опасение. Но, употребив будущее время, сказав: «Каким будет архангел, который восстанет», мать Мадлен неприятно ее поразила. И она начала рассуждать. А что, если Амбруазина не умерла, что, если она снова возникнет перед нею прямо здесь, в Квебеке? Со своей улыбкой, скрывающей чудовищную злобу... Ведь суккубы способны на все? Но нет! Она мертва! Когда ее прекрасное тело нашли, оно было

разодрано в клочья. «С помертвелых губ слетел последний вздох... ужасная картина!» (монахини когда-то в пансионе заставляли их декламировать трагедии господина Жана Расина).

Чтобы вернуться к жизни и вновь их мучить, Амбруазине надо найти новое тело. Невозможно... С исчезновением этого тела прекратилось и колдовство, Анжелика это знала. «Я просто брежу... Она мертва, по-настоящему мертва...»

До нее донеслись приглушенные звуки органа. На выступающей сквозь снежную пелену стене, высокой, словно скала, смутно виднелся стрельчатый витраж. Анжелика находилась позади собора. Соединяющее его с семинарией здание, на которое она сейчас смотрела, служило ризницей, а под высокой колокольной имелся орган, на котором занимались ученики. Анжелика догадалась, кто играет на нем в столь поздний час, – это наверняка Кантор.

Если в поисках Жоффрея де Пейрака следовало начинать с монастыря иезуитов, то Кантора чаще всего можно было обнаружить именно здесь, в семинарии.

Анжелика отодвинула щеколду маленькой деревянной двери колокольни и, пройдя через ризницу, поднялась по крутой лестнице в помещение под крышей, где был обустроен музыкальный класс. Стоящий здесь орган был скромнее, чем тот, что торжественно гремел с хоров собора, но звучал хорошо, что позволяло ученикам семинарии разучивать свои гаммы.

Кантор был там, освещенный двумя факелами, прикрепленными к стене с помощью вделанных в нее железных колец. Дым от коптящих факелов уходил сквозь щели в крыше. Ледяной холод в помещении, казалось, совсем не мешал юному музыканту. Он играл с упоением и временами величаво. Лицо его разрумьянилось от воодушевления и усилий, которые он

прилагал, чтобы исполнять трудные музыкальные пассажи с блеском. Время от времени, когда он опускал руки на клавиатуру, решительно вдавливая клавиши пальцами, казалось, что он вонзает их в податливый, как гончарная глина, материал, чтобы извлечь из него мощный, словно исходящий из самых недр земли, звук, скрытый в этом недвижимом смешении черного дерева, слоновой кости и металла, через которое с силой проходит воздух. Этот звук, этот неопиcуемый крик души, землей, небом, водами и деревьями навеки заключенный в хаосе творения, во всех его фибрах, во всех его порах, может выпустить на волю только чудо, чудо искусства.

Кантор увидел ее, стоящую возле органа, но продолжал играть. Сейчас он был не здесь... Он мчался в раскатах звуков, как прежде с быстротой индейца мчался под деревьями Нового Света, как отдавался волне прибоя на океанском берегу.

Флоримон когда-то видел его во сне на пенном гребне волны, брат звал его: «Иди ко мне, Флоримон! Иди сюда и делай как я!»

Время от времени взгляд его глаз цвета прозрачной морской воды устремлялся на мать, и Анжелика чувствовала, что, видя в полумраке ее лицо, он начинает играть с еще большим подъемом.

«Какая сила и какая виртуозность!»

Она была увлечена, захвачена, она задышалась, точно от сильного удара в грудь, а звуки музыки все ширились, плыли, беспредельные, грандиозные, нездешние, они волнами накрывали их обоих, почти подавляли. Но архангел поднимался ввысь. Он тоже парил среди этой бури, которую сам вызвал и которой сам управлял. Он улыбался светло и лучезарно. И его улыбка, и порозовевшее лицо, и сияние его зеленых глаз, золотые отблески его кудрей – все излучало этот

пылающий в нем внутренний свет, и он словно весь преображался.

Он смотрел на нее с выражением ребенка, радующегося своей силе, даря ей самое прекрасное, что у него было, то, что сотворил он сам.

Маленькая, но сильная квадратная ладошка Кантора в ее руке, когда он семенил рядом с нею по улицам Парижа... Всегда в ее руках – ладошки ее малышей, всегда надо было идти, бежать, вести их за собой навстречу жизни...

Когда звуки последнего величественного аккорда стали затихать, Кантор повернулся и посмотрел на нее. Лицо его сияло.

«Как он молод! – подумала она. – И как невинен!»

Казалось, будто он ждет от нее чего-то: слова, жеста, но на самом деле он все еще видел ее как сквозь сон. Его душа медленно возвращалась из мира музыки на землю. Все слова сейчас покажутся бедными. Анжелика дарила сыну свое присутствие, и от волнения у нее сжималось горло.

Звуки стихали, замирали. Стало слышно потрескивание смоляных факелов. Кантор снял руки с клавиш. Когда он заговорил, его голос показался Анжелике почти слабым после этого могучего, неистового грома.

Низкий и нежный юношеский голос.

– Матушка, вы пришли...

Она ответила, что, проходя по улице, услышала звуки органа и поняла, что это играет он.

– Вы слышали? Слышали, как проносятся над землей адские духи?

Он снова перевел взгляд на нотный лист:

– Здесь есть пассаж, в котором автор хотел передать, как по земле среди людей рыскают демоны... Играя его, я невольно вспомнил то чудовищное создание, которое этим летом на восточном побережье

пыталось всех нас уничтожить, вспомнил огонь в глазах этой женщины...

Какое я почувствовал облегчение, когда под звуки труб появилось небесное воинство и бросилось на помощь людям...

Помолчав, он прошептал:

- Она мертва! Мертва!

Анжелика почти не удивилась тому, что он ответил на ее мысли. Вполголоса она спросила:

- Кантор, это ты нашел ее первым?

- Да.

- А Вольверина в это время была с тобой?

- Да.

Он поднял на нее спокойные зеленые глаза:

- Но убила ее не она... Ее раны не были свежими...

Когда я к ней подошел, с ее обезображенного лица поднялась целая туча мух.

- Но ты нашел ее только на рассвете. Не могла ли росомаха убить ее ночью, пойдя по следу, после того как она сбежала?

Он отрицательно покачал головой:

- Тогда бы она оторвала ее голову от туловища... И голову пришлось бы искать далеко, на деревьях. Обычно росомахи так делают.

Они говорили шепотом, так как эхо под сводами повторяло даже самый слабый звук.

- Невозможно даже представить себе, насколько сильна охваченная смертоносной яростью взрослая росомаха. Она может утащить голову лося со всеми его рогами на вершину клена или вяза... А Вольверина терпеть не могла госпожу де Модрибур...

- Может статься, ее загрызли волки?

- Не знаю.

Склонившись к матери, Кантор заговорил еще тише:

- Она мертва, матушка, - я это знаю. *В настоящий момент* она мертва! Она больше ничего не может вам

сделать...

В наполнявшем часовню ледяном холоде их дыхание тотчас превращалось в сливающиеся воедино облачка пара. Пальцы Кантора, теперь неподвижные, замерзли, и он поднес их к губам, пытаясь согреть.

Совсем рядом, на колокольне, заскрежетал механизм башенных часов, и раздался их бой, спокойный, мерный, суровый. Анжелика восприняла его как призыв к порядку. Часы правы, их мрачный разговор неуместен в этом святом месте, где только что отгремели небесные созвучия.

Кантор, как прилежный ученик, бережно свернул ноты.

В Квебеке он вновь получил возможность наслаждаться церковной музыкой и пением. Он сохранил свой полученный при рождении дар: после мутации его голос, сделавшись более низким, по-прежнему был чистым и красивым.

На улице их со всех сторон плотно окружила завеса снега, нежная, как сыплющиеся с неба лепестки.

Они шли по безмолвным улицам Квебека. Анжелика никогда не думала, что будет шагать по столице Канады рядом со своим вновь обретенным сыном. Это было неожиданно. Теперь он вел ее под руку, потому что был выше ее.

Завтра будут праздновать Сретение, и она вспомнила, как давным-давно, второго февраля, несла его, точно воскового Младенца Иисуса, по заснеженному Парижу, убегая из грязной больницы, где он появился на свет. Он был пухленький – пухленький, чистенький и белокожий, с золотистым пушком на голове и розовыми фарфоровыми щечками, и она несла его под накидкой, словно величайшее сокровище, прижимая теплое тельце к своей теплой груди.

– Завтра будет Сретение, – внезапно сказал он. – Мы напечем блинов, и вы расскажете нам о том, как мы

жили в «шоколадные денечки».

Они заглянули в усадьбу Монтины, чтобы пригласить Флоримона вместе с ними по традиции печь блины.

Флоримон жил в усадьбе, и они виделись редко, потому что он все время был занят тысячей дел.

Среди прочего он работал над составлением карт и отчетов о своей экспедиции на юг, к Миссисипи, которая завершилась уже на севере, в Гудзоновом заливе.

Анжелика немало удивилась, застав в рабочем кабинете своего старшего сына, где он чаще всего и находился, госпожу де Кастель-Морг. Флоримон и Анн-Франсуа как раз рассказывали ей о своей первой встрече на берегу реки индейского племени майами. Анн-Франсуа находился тогда в плену у индейцев-иллинойс и ожидал своей печальной участи. Ему уже несколько раз с многозначительным видом поднимали волосы, но тут в дело вмешался Флоримон. Рассказ о том, как они сражались с дикарями, а потом бежали, включал в себя несколько эпизодов. С того памятного дня и началась их дружба. Присутствие в усадьбе Монтины жены военного коменданта можно было, конечно, объяснить тем, что там постоянно обретался Анн-Франсуа, не желавший покинуть своего закадычного друга, однако Анжелика подозревала, что на самом деле Сабина выискивает любые предлоги, лишь бы побыть в обществе своей первой любви, графа де Пейрака.

Госпожа де Кастель-Морг смотрела на Флоримона так, как будто видела в нем сына, о котором всю жизнь мечтала, сына, рожденного от мужчины, которого она любила.

* * *

«Должно быть, она похожа на ту женщину, которая была матерью Жоффрея», – подумала Анжелика позже, когда все уже спали, а она задержалась в уютной гостиной, у фаянсовой печки Вильдавре.

И почувствовала себя задетой за живое, как будто некая другая женщина, имеющая какие-то права на Жоффрея, явилась требовать у нее отчета.

Жоффрей редко говорил о матери. Недавно, вспоминая свои путешествия, во время которых он познакомился с отцом Мобежем, он сказал: «Я ездил по свету по следам Марко Поло. Моя мать управляла нашими поместьями под Тулузой...»

Ребенком Жоффрея доверили кормилице-протестантке, и она увезла его в свою деревню в горах. То было время Религиозных войн. В ходе резни, учиненной католиками в этой гугенотской деревушке, его, трехлетнего мальчика, выбросили из окна и ранили в лицо. Кто-то из крестьян принес его к матери, положив в заплечную корзину. Он помнил свое возвращение в Тулузу и рассказывал: «Матушка взяла меня на руки и отнесла на террасу дворца, на солнце. Я лежал там несколько лет, и мало-помалу ко мне возвращались здоровье и силы». Маленький, похожий на Флоримона мальчик, лежащий на кушетке на крыше розового дворца, и рядом с ним – высокая черноглазая женщина, которая своей постоянной близостью, прикосновением рук, взглядами возвращает его к жизни с помощью солнца.

Солнце! Солнце!

Снаружи в непроглядной ночи трещал мороз.

* * *

На Сретение, за которым маячил древний языческий праздник зимнего солнцестояния, повсюду пекли блины.

Круглые, золотистые, они символизировали солнце, призывали его возвращение, а также звали в дом удачу.

Их подбрасывали, держа в руке золотой луидор, и считалось, что если удастся закинуть блин на шкаф, то семья в этот год будет жить богато.

Говорили также: «Если в Сретение медведь, выйдя из берлоги, увидит свою тень, то сорок дней будет идти снег».

По поговорке выходило, что солнце в этот день – дурной знак, оно обманывало спящего медведя, выманивая его из берлоги, но то, что казалось косолапому приходом весны, было преждевременным, слишком ранним, чтобы продлиться хоть сколько-нибудь долго.

И наоборот, если принесенные из церкви освященные свечи по дороге задует буря, можно надеяться, что зима, исчерпав свой злобный порыв, скоро устанет и уйдет.

В этом году день Сретения задал загадку. Утром сияло солнце, а после полудня пошел обильный снег.

Так какой будет зима: долгой или короткой?

Как бы то ни было, говорили люди, не тешившие себя иллюзиями, между короткой зимой и длинной никакой разницы нет. Как обычно, придется шлепать по грязи до конца мая, а первые корабли придут только в июне.

В доме к Флоримону, Кантору и «обычным» детям: Нильсу, Марселену и Тимоти – добавился еще и маленький армейский барабанщик, которого Анжелика пригласила, поскольку он был сиротой. Когда они намазали сковородку жиром, на улице еще светило солнце. Но когда два часа спустя, покрасневшие и потные, они подняли голову, чтобы полюбоваться стопками блинов на столе, то увидели, что тихо падавший с неба снег уже почти достиг окон. Его уровень повышался с необыкновенной быстротой, как

вода в пруду после того, как откроют задвижку плотины. Они заметили прибежавшего из леса зайца-беляка, который, сидя на задних лапках, обгрызал кору с деревьев в местах, где из стволов начинают расти ветки.

На одетых снегом деревьях сидели рядышком нахохлившиеся птички с красно-оранжевыми, зелеными и синими грудками, похожие на разноцветные гирлянды рождественских фонариков. От ослепительной белизны снега в доме было по-праздничному светло.

Анжелика рассказывала о празднике Сретения в Париже, когда «красные дети» и «синие дети», сироты из приютов, одетые в цвета города, ходили весь день по улицам, продавая большие сладкие оладьи.

Предаваясь воспоминаниям, Анжелика рассказала своим сыновьям о том, как пришла забрать их у фермерши в Нейи и как ей пришлось пригрозить той своим цыганским кинжалом, чтобы получить их обратно.

Малютка Кантор лежал в хлеву на соломе между быком и ослом.

- И несмотря на это, ты по-прежнему был толстенький и пухленький и довольствовался тем, что терпеливо сосал кусок тряпки. Но ты был ужасающе грязен.

Маленькая служанка Жавотта хоть как-то кормила тебя молоком, украденным во время дойки, но тебя ни разу никто не помыл.

- Подумаешь, что за беда! - сказал Кантор.

Флоримон не помнил, как прятался от побоев жестокой фермерши в собачьей будке, не помнил он и Нельской башни, и Нового моста. Единственное, что он помнил из того времени, - это дом Зеленой мельницы. Испытания раннего детства оставили у него лишь смутные воспоминания.

Настоящая жизнь началась для него лишь несколькими годами позже, когда он стал служить при дворе. С этого момента у него были только хорошие

воспоминания, даже о последующих годах, проведенных в коллеже.

При дворе он научился быть пажом и владеть шпагой, затем, когда ему пришлось отказаться от жизни прилежного мотылька в Версале и поступить в мрачный коллеж, он открыл для себя науки и тоже не страдал.

Когда ему случалось драться на дуэли, привлекать к себе внимание принцев и короля, проводить химические опыты, для него открывалась дверь в ослепительный мир, и это заставило его забыть испытания, которые до того не позволяли ему полностью обнаружить свои способности. Участвовать в жизни двора, наилучшим образом исполнять свою роль пажа при важных особах – все это соответствовало его неутомимой деятельной натуре и сознанию собственной важности. А позднее присущая ему жажда знаний и стремление во всем достигать совершенства позволили ему безболезненно принять резкий переход от жизни при дворе к суровым правилам коллежа.

У Кантора все было иначе и даже наоборот. Ему, человеку по натуре мечтательному и творческому, стремящемуся к покою, внутреннему умиротворению, жизненным удобствам и тихим радостям, таким, например, как неспешная и вкусная еда, придворная суэта была в тягость. Конечно, болтливые великосветские дамы всегда пичкали его конфетами, но у него не было времени даже для того, чтобы спокойно их съесть. Конечно, иногда они вместе с Флоримоном устраивали разные знатные проказы, – так, однажды они связали вместе ленты на правой и левой туфле господина де Ронсабеля как раз в тот момент, когда он готовился поклониться королю. Конечно, он очень любил своего наставника отца Ледигьера, и ему очень нравилось петь для королевы, но при дворе постоянно следовало куда-то спешить, куда-то бежать, носить шлейфы украшенных обильной вышивкой дамских

плащей, которые ему, восьмилетнему мальчику, казались очень тяжелыми. К тому же в Версале чаще всего было неизвестно, где ты сегодня будешь спать или обедать. И наконец, мэтр Люлли, возглавлявший королевскую капеллу, несколько раз заговаривал о том, что необходимо сделать весьма неприятную операцию, дабы сохранить его «ангельский голос»...

- Я знал, что ничего не могу поделать против всех этих неприятных вещей, - объяснял Кантор. - Так что мне следовало просто терпеливо ждать, когда представится случай сыграть свою собственную партию - соединиться с отцом. Я всегда так рассуждал, думаю, даже когда был совсем маленьким и лежал в колыбели.

И Флоримон, и Кантор охотно признавались, что в детстве ревновали свою мать. Она принадлежала другим. Они ее никогда не видели. При ближайшем рассмотрении можно было заключить, что эта обида на мать происходила от ощущения непоправимой утраты, которое охватывало их, когда ее лицо скрывалось из их глаз, скрывалось, как солнце, погружая их во тьму, где - они это чувствовали - их поджидали те самые «неприятные вещи», о которых говорил Кантор. Маленькие сыновья Анжелики не смогли бы выразить этого словами, но они смутно чувствовали: вокруг них, грозя их хрупкой жизни, таятся горести и муки. И когда они жили в маленьком домике кучера и Анжелика работала сначала в харчевне «Красная Маска», а потом в кондитерской, их служанка Барба испытывала такой же страх, как и они.

От смутных опасностей, как по волшебству, не оставалось и тени, стоило вновь появиться их матушке.

Погружаясь в прошлое, молодые люди отметили про себя, что это прекрасное женское лицо было связано с теми счастливыми воспоминаниями, которые относились даже к их самому раннему детству. Они упомянули деревянную лошадку Флоримона и шкатулку с

сокровищами, куда их матушка складывала предметы из своей прошлой жизни и, открывая ее, всегда напускала на себя таинственный вид.

Онорина слушала их внимательно, широко раскрыв глаза, и время от времени задавала вопросы.

– Мама, а что было в твоей шкатулке с сокровищами?

Анжелике пришлось сделать над собой усилие, чтобы вспомнить. Разумеется, там был длинный и острый кинжал Родогона-цыгана, тот самый, которым она угрожала фермерше. И перо дерзкого, неисправимого памфлетиста, которого называли Грязным Поэтом и который закончил свои дни на виселице, потому что слишком часто высмеивал в куплетах темные дела и скандалы двора.

Позднее она положила туда и изумруд, подаренный ей персидским принцем Бахтияр-беем...

– Мама, а что стало с твоей шкатулкой с сокровищами?

Этого Анжелика припомнить не могла.

* * *

Наступали сумерки. Все еще шел снег. В доме только отблески огня освещали юные лица и в уголке зала – пламя сретенской свечи, она будет гореть в этот первый день, а потом ее весь год будут зажигать в случае бури и чтобы отвлечь угрозу нападений ирокезов, а также во время бдения над мертвыми или у постели умирающих.

Анжелика расспросила Флоримона о его путешествии за океан, которое он предпринял, следуя своей «идее», в уверенности, что он найдет там своего отца и Кантора. Это спасло ему жизнь. Они поговорили и о Натанаэле де Рамбуре, который сбежал вместе с ним.

Но разговоры об этой, более недавней, части их жизни нравились Флоримону и Кантору куда меньше, чем рассказы про «шоколадные денечки», и они принялись с увлечением вспоминать эту пору своего раннего детства, превратив ее в чудесную сказку. Она была наполнена игрушками, хрустящим печеньем, горячими пирогами, летними прогулками по Сене до самого Версаля, где удавалось посмотреть, как трапезничает король. В этой сказке были танцы обезьянки Пикколо, песни и смех. Нашлось там место и для доброй Барбы, которая обнимала их, прижимая к своей мягкой груди. Они восстанавливали в памяти дни, напоенные ароматом, исходившим от матери, освещенные сиянием ее красоты, и в своих воспоминаниях превращали то время в райское детство, в котором она никогда их не покидала.

Часть седьмая
Сад губернатора

Глава I

Через несколько дней после Сретения, выйдя из собора, губернатор де Фронтенак решил отправиться в свой сад.

«Со всеми своими дамами», как поется в песне.

Погода стояла чудная: солнечная, ясная. Только что началась та пора зимы, когда дни так светлы и безмятежны, что за три недели в небе над Квебеком не появилось ни единого облачка.

Идущая от собора процессия прошествовала мимо замка Сен-Луи и пересекла Оружейную площадь, затем поднялась немного выше и достигла сада, разбитого по эскизу второго губернатора Новой Франции господина де Монманьи. Прогуливаясь по аллеям этого сада, господин де Фронтенак чувствовал себя немного Людовиком XIV, совершающим променады в Версале.

Разумеется, с учетом различий.

Однако что касается красоты и изящества дам, представительности и живости кавалеров, богатства их одеяний, которым верхнее платье (меховые плащи, накидки, муфты, шапки с эгретами из перьев – и сапоги, украшенные вышивкой на индейский манер) придавало особо роскошный вид, то маленький двор губернатора стоил двора самого «короля-солнце». Мужчины благородного происхождения носили шпаги. Некоторые, как Вильдавре, опирались на трость с набалдашником из золота или слоновой кости рукой, затянутой в кожаную перчатку на меху.

Правда, по дороге, петляющей между двумя невысокими стенами из снега, было не так удобно шествовать, как по посыпанным песком аллеям между королевскими цветниками, однако здесь также можно

было отличиться веселостью и умением красиво и остроумно подбирать слова. Таков был канадский двор.

Губернаторский сад был разбит на французский манер, то есть имел известную строгость форм. Был там и лабиринт из искусно подстриженного самшита, призванный придать ему вид Версаля в миниатюре, однако вся торжественность совершенно сходила на нет, когда взорам представал предмет гордости Фронтенака – грядки с капустой.

Фронтенак утверждал, что запасов капусты здесь хватит на всю зиму, ибо он велел засадить этим овощем не один арпан земли. С первыми морозами кочаны срезали и, перевернув кочерыжками вверх, укладывали в борозды, где они хорошо сохранялись благодаря холоду и укрывавшему их снегу. Когда капуста требовалась для приготовления блюд, повар замка посылал за нею своих помощников в сад.

В этот февральский день губернатора сопровождало на прогулке почти все высшее общество Квебека: офицеры, чиновники, дворяне, торговцы, а также их сыновья и дочери – юноши и девушки и, сверх того, несколько детей.

Онорина держалась за руку Анжелики.

Сначала все восторженно восклицали, любуясь красотой припорошенного снегом самшита, потом – восхищаясь обширностью капустных грядок.

– От видов Версаля куда больше захватывает дух, не так ли? – слышался за спиной Анжелики голос герцога де Ла Ферте.

На морозе багровые прожилки на крыльях его носа стали чуть заметнее. Резкий свет северного солнца плохо действовал на цвет лица заядлых пьяниц, ибо еще больше подчеркивал присушую их коже красноту.

– Виды Версаля очень красивы, но по мне, так и эти очаровательны, – возразила она, указывая на

открывающуюся с высоты утеса безбрежную белую пустыню.

- Фу! Сплошная дикость! Какое падение для женщины, с которой весь Версаль не сводил восхищенных глаз.

- И какое падение для вас, господин де Ла Ферте, ведь теперь вы вынуждены прятать свою спесь под чужим бесславным именем.

- Как вы понимаете, это всего лишь временные трудности. Кстати, пока мы с вами не виделись, вы поразмыслили над моими последними предложениями?

- Какими?

- Мы могли бы развлекаться вместе.

- Сударь, мне кажется, мы уже обсудили этот вопрос.

- Но меня он интересует по-прежнему.

- Вы повторяетесь.

И она отошла в сторону.

Спесь герцога де Вивонна не выдержала атмосферы Канады. Она заметно съежилась и как бы потускнела, подобно неблагородному металлу, не способному противостоять разъедающему воздействию природных сил.

Он старел, лишенный почестей, лести, хитросплетения интриг, того ореола, которым его окружала слава сестры и дружеское расположение короля, отстраненный от должности адмирала королевских галер, которую он исполнял не без блеска, маясь от бездействия, предаваясь бесконечным бесплодным размышлениям о своих тревогах и не находя в себе сил бороться. Он с самого начала знал, что ему будет скучно, но отнюдь не ожидал, что ему, вдобавок к этому, придется еще и страдать. И ведь ничего бы не произошло, если бы не этот неслыханный сюрприз - внезапное появление Анжелики. Без нее жизнь, пожалуй, была бы сносной.

Но она не давала ему забыть. Она пробуждала в нем сожаления о том, что было, и из-за нее ему стали сниться более яркие, пронзительные сны. Каждое утро, проснувшись, он говорил себе: «Она здесь, в этом городе. Самая прекрасная из женщин». И этого было достаточно, чтобы маленький скучный городок превратился в арену, где разворачивалось приключение, которое заставляло его трепетать от нетерпения и тем больше выводило его из себя, чем яснее он осознавал, что между ним и Анжеликой уже ничего не будет, ничего и никогда. Она была для него недосыгаема, как бесплотный призрак, как будто между нею и им стояла преграда из стекла. После каждой встречи у него оставалось тягостное чувство досады. И он повторял себе, что в следующий раз наговорит ей колкостей, которые ее ранят, и тогда он будет отмщен.

* * *

Группы дам и кавалеров разошлись по аллеям сада, многие отправились осматривать самшитовый лабиринт, который солдаты по приказу Фронтенака по мере надобности расчищали от снега.

Стараясь держаться подальше от ханжей и духовных лиц, Вильдавре рассказывал окружающим фривольные истории.

А госпожа де Меркувиль расписывала своим приятельницам одержанную ею победу. Господин Гобер де Ла Меллуаз наконец сдался и сообщил ей имена находящихся в рабстве в деревушке гуронов двоих пленных англичан, знающих секреты растительных красителей для шерсти и льна. Если привезти их в город и заставить работать, Канаде больше не придется импортировать из Франции шерстяные ткани. А пока суд

да дело, можно ткать из льна, первый урожай которого уже собран на берегах реки Святого Лаврентия.

Столяры уже начали изготавливать ткацкие станки по образцу, который прислали из Ониса. Хорошо, что есть выбор.

Господин де Пейрак, господин де Фронтенак и интендант Карлон беседовали об изготовлении поташа и производстве дегтя. Беранжер-Эме Тардые де Лаводьер с присущей ей наивностью, нисколько не таясь, делала все возможное, чтобы завоевать сердце графа де Пейрака. Ее детское личико выглядывало из широкого, отделанного серым мехом капюшона, но Анжелика с удовлетворением отметила, что носик прелестницы слегка покраснел. Пожалуй, не стоит сообщать ей рецепт компресса из мелиссы и листьев померанца, который сама она прикладывает к лицу после каждой прогулки.

Господин де Бардань прогуливался в сопровождении госпожи Обур де Лоншан, дамы изысканной, мягкосердечной и весьма эрудированной, которая была правой рукой госпожи де Меркувиль в руководстве братством Святого Семейства. По-видимому, в ее обществе посланник короля искал утешения, надеясь, что она подлечит его незаживающую любовную рану. Он издали сухо поклонился Анжелике, но не подошел к ней. Мальтийский рыцарь де Ломени, похоже, также намеренно ее избегал, что немного ее огорчило.

Поскольку все ее главные кавалеры были сегодня с нею холодны, Анжелика довольствовалась обществом господина Гобера де Ла Меллуаза. Она относилась к нему с некоторым предубеждением, так как знала, что перчатки из птичьей кожи, которые он постоянно носит, выделяет для него эскимос колдуна из Нижнего города. Но благодаря ему она была избавлена от домогательств де Вивонна.

Верховные вожди индейцев – гуронов и алгонкинов – также шли в свите губернатора, куря трубки и беседуя на своем языке с господином де Л'Обиньером и бароном де Модреем.

Пиксарет щеголял в своем красном английском мундире, отделанном золотым галуном, и украшенной позументами и перьями широкополой шляпе, надетой на бритую голову, посреди которой торчал гребень специально оставленных волос; мокасины и кожаные чулки, дополняющие наряд, ничуть не портили его горделивого вида. Никогда еще его пребывание в Квебеке не затягивалось так надолго, никогда еще он так надолго не покидал прекрасные леса земли нарангасетов.

Здесь же были и старшие дочери госпожи де Меркувиль и госпожи Ле Башуа. Молодые люди – Флоримон, Анн-Франсуа, Кантор и их друзья и ровесники – забавлялись тем, что старались избавить девушек от ухаживаний спутников герцога де Ла Ферте: Мартена д'Аржантейля и его старшего приятеля барона де Бессара, которые, более по привычке к волокитству, чем в силу вдруг проснувшегося интереса, пытались завладеть вниманием юных и свежих канадских барышень.

Затем пришлось оттаскивать агрессивного дога господина де Шамбли-Монтобана. Пес собирался затеять драку со своим смирным собратом, хозяином которого был аббат Дорен.

Преподобный отец Мобеж и духовник маркиза де Вильдавре господин Дажнэ были поглощены оживленной беседой о возрождении миссий в землях ирокезов.

Здесь же прогуливались вдовствующий квебекский доктор и торговец Базиль со своими двумя дочерьми и приказчиком. Госпожа Ле Башуа одаривала своими милостями многих мужчин, но сейчас, похоже, пальму

первенства, а вместе с нею и звание ее штатного любовника получил один из первых городских советников господин Герен, и со стороны казалось, что он никак не может поверить в такую удачу. Он вел по аллее госпожу Ле Башуа, высоко подняв руку, как будто желал представить свою даму всей честной компании, при этом говоря: «Смотрите все, ну разве она не восхитительна?» Госпожа Герен, его законная супруга, была увлечена беседой с госпожой де Меркувиль. Они говорили о ткацких станках и о том, что необходимо занять женщин полезной работой в зимние месяцы, когда тем все равно нечего делать. Госпожа Герен, женщина любезная и доброжелательная, казалось, была не слишком озабочена тем, что муж так открыто наставляет ей рога. В силу привычки и со всеобщего молчаливого согласия считалось, что адюльтер с госпожой Ле Башуа не задевает честь дамы, с мужем которой она затеяла интрижку, и не угрожает миру в ее семье.

Скорее стоило беспокоиться, если любвеобильная госпожа Ле Башуа вами пренебрегала. Успех у нее расценивался как авторитетное свидетельство о мужской силе.

Она всегда была окружена поклонниками, и сейчас тоже несколько молодых и не очень молодых мужчин смеялись ее шуткам и грелись в теплом лучистом свете, исходящем от ее веселого красного лица.

Анжелика не могла заставить себя не следить издали за маневрами Беранжер-Эме де Лаводьер. В то же время она отдавала должное Жоффрею: он оказывал молодой ветренице ровно столько же внимания, что и остальным особам ее пола, старавшимся снискать его расположение. Она не упрекала его за то, что он галантен с прелестными молодыми дамами, ведь таким он был всегда. Он вел себя так даже с Амбруазиной до

того самого дня, когда своими ужасными словами разоблачил ее, нанеся ей сокрушительный удар.

Он был любезен со всеми женщинами, молодыми и старыми, красавицами и дурнушками, но выбор дам, которым он все-таки оказывал особое предпочтение, не мог возбудить подозрений, свойственных ревнивому сердцу.

Так, он был очень предупредителен с госпожой Ле Башуа и госпожой де Бомон и внимательно прислушивался к рассуждениям госпожи де Меркувиль о ее ткацких станках.

Беранжер его, казалось, забавляла, однако он не проявлял к ней чрезмерной снисходительности.

Скорее его можно было упрекнуть в том, что он чересчур нежен с очаровательной госпожой де Бомон, но ведь той уже перевалило за пятьдесят...

Даже с Сабиной де Кастель-Морг, стрелявшей по его кораблям, он был неизменно учтив, и в его поведении с нею ничего не изменилось, после того как он узнал, что она племянница его бывшей любовницы Карменситы. Разумно ли было со стороны Анжелики открыть ему эту тайну? Всем бросалось в глаза, что госпожа де Кастель-Морг непрерывно пожирает его своими большими черными глазами. После того как она перестала краситься кстати и некстати, стало очевидно, что она умеет быть очень красивой. Прелесть ее белой, с очаровательным золотистым оттенком кожи вполне компенсировала некоторую угловатость ее лица. Но граф обращал на ее пламенные взоры не больше внимания, чем на взгляды, которые ему дарил Беранжер. Кто же действительно временами вызывал у Анжелики беспокойство, так это госпожа Ле Башуа, хотя та была толста и краснолица. Потому что Полька называла ее плутовкой и забавной оригиналкой, и она действительно обладала шармом, свойственным только истинным плутам. Над ее шалостями можно было

смеяться, их можно было осуждать или делать вид, что ей простительно. Однако было совершенно очевидно, что ей присуща неумная жажда плотских утех, а это не могло не нравиться опытным мужчинам. Достаточно ли Жоффрей щепетилен в делах любви? Ему всегда нравились женщины, заставляющие его смеяться.

И тотчас госпожа Ле Башуа и Полька предстали перед Анжеликой в ином, менее безмятежном свете. Однако, с другой стороны, она не сомневалась, что по отношению к ней обе женщины совершенно лояльны и она может полностью им доверять. В результате, как это часто случается с любящими сердцами, перебрав в уме всех возможных соперниц, Анжелика пришла к выводу, что по той или иной причине она имеет основание опасаться каждой квебекской дамы и в то же время ни от какой из них не ждать подвоха.

Что доказывало, что она ведет себя глупо.

В Квебеке можно сколько угодно шутить, любезничать и флиртовать, но твердый костяк нравственных устоев и трудности, с которыми связан выход за их рамки, заставляют тех, кто хочет любовных приключений, оставаться в пределах благоразумия.

Правда, с другой стороны, Вильдавре уверял, что Квебек – это город, созданный для восхитительных адюльтеров. Тем более восхитительных, что за ними следит множество ревнивых осуждающих глаз.

Но есть ли они, эти тайные романы?

Вот в чем вопрос.

Вопрос, который, подобно легкой вуали, окутывал сейчас смеющиеся парочки, прогуливающиеся в саду губернатора. Когда речь идет о французах, никогда нельзя поручиться, что улыбка, пожатие руки, нежный взгляд – это всего лишь проявление галантности, а не тайный знак, обещающий страстное любовное свидание.

Так ли уж был не прав преподобный Коттон Мэттер, бостонский пастор, которого неотступно преследовала

мысль о дьяволе, будто бы рыщущем вокруг его паствы, когда утверждал, что у князя тьмы легкий французский акцент и папистские повадки?

Познакомившись с этим пуританским пастором в Голдсборо, Анжелика пришла к выводу, что он фанатичный изувер, совершенно не понимающий тонкостей французского характера, гораздо более добродетельного, чем может представить себе иностранец.

Теперь она уже не была так уверена...

Обдуваемая девственно-чистым ветерком, гора Кармель купалась в мягком сиянии зимнего солнца. Это сияние, навевающее мысли о свете, что озаряет врата рая, казалось, оправдывало и делало добродетельным и невинным любое желание счастья.

Но какого счастья?

Как бы то ни было, в то февральское утро любезное квебекское общество, пришедшее в сад, чтобы полюбоваться самшитовым лабиринтом и капустными грядками губернатора, было одушевлено представлением лишь о той любви, что возвышенна и непорочна.

* * *

Сквозь лиловую паутину толстых и тонких ветвей, усеянных сверкающими, точно бриллианты, кристалликами льда, проглядывало голубое небо с розовыми облачками.

Стволы растущих в саду вязов и кленов казались серебристо-фиолетовыми и прекрасно сочетались с тенями на снегу, окрашенными в те же, но более насыщенные цвета.

На противоположном берегу превратившейся в белую долину реки Святого Лаврентия виднелась новая

колокольня прихода Леви и еще одна, пониже, на склоне холма в городке Лозон; их металлические кресты вонзались прямо в небо.

Пройдя через сад, вся честная компания выстроилась вдоль дорожки, огибающей мыс Диамант и проходящей у подножия бревенчатого редута, который был возведен здесь, чтобы обозревать расположенный выше по течению поворот реки и охранять пороховой склад, построенный на склоне горы. Губернаторы специально решили возвести такое опасное сооружение подальше от города и наполовину запрятать его под землю.

Эта прогулка по окрестностям города горячила кровь. Мыс Диамант оглашался взрывами смеха и веселых голосов.

Невдалеке, в своей ледяной оправе, тихо всхлипывал маленький ручеек. Ветви растущих по его берегам ив отливали бледным золотом и кораллом.

Справа, между виселицей и столбом, у которого выставляли тела приговоренных, высился огромный крест, придавая горе Кармель сходство с Голгофой. Летящая вокруг креста в холодных потоках воздуха стая черных птиц еще усилила бы общее мрачное впечатление, если бы не соседство маленькой мельницы с идиллически вращающимися крыльями.

Невинное простодушие природы, казалось, искупало зловещие следы, оставленные здесь человеком.

На оконечности мыса Диамант граф де Ломени подошел к Онорине, взял ее за руку и подвел к самому краю обрыва. Наклонившись к девочке, он стал объяснять ей, что там, в нескольких лье отсюда, вверх по течению реки Святого Лаврентия, в нее впадает речка, называемая Шодьер. Именно по реке он отправился, покинув Квебек, и смог в прошлом году нанести визит мадемуазель Онорине в форте Вапассу. Помнит ли она об этом визите? Глазенки Онорины

пристально обозревали бескрайний белый простор. От острова Орлеан, на севере преграждающего путь реке Святого Лаврентия, она перевела взгляд на линию горизонта, а затем снова вернулась к тому пейзажу на юге, о котором рассказывал мальтийский рыцарь.

Было заметно, что она изо всех сил старается не выдать своего удовлетворения. Благодаря географической справке, данной господином де Ломени, с ее души только что свалился тяжелый камень. Стало быть, думала она, можно найти способ добраться отсюда до Вапассу. После возвращения из лесов росомахи Вольверины ее охватила тоска по медвежонку Ланселоту. Скованная льдами река Святого Лаврентия внушала ей некоторые опасения, ведь она знала, что корабли ее отца стали пленниками в этих замерзших водах. Подняв голову, она позавидовала птицам, кружащим в небе. Как же сбежать из этого Квебека, стоящего на краю земли?

- А нельзя ли поехать на санях по реке Шодьер? - спросила она. - Прямо сейчас?

- Можно, - отвечал мальтийский рыцарь. - Но в разгар зимы это было бы тяжело. У такой первооткрывательницы, как вы, должно быть достаточно опыта, чтобы это понимать. Вспомните, в каком плачевном состоянии находился и я, и мои спутники, когда мы наконец добрались до форта. К счастью, вы прекрасно за нами ухаживали.

- Да! Да! - кивнула Онорина, вспомнив.

- Чтобы отправиться в путь, лучше дождаться весны, - заверил ее господин де Ломени. - Зимой нужно быть терпеливым. И потом, вы же прекрасно чувствуете себя в нашем обществе, не так ли, мадемуазель?

Мальтийский рыцарь, казалось, был счастлив, что сумел вызвать на устах своей маленькой собеседницы улыбку, правда снисходительную, но в целом выражающую согласие.

С высоты мыса просматривалось заснеженное русло реки, испещренное следами саней между воткнутыми в снег вешками. Гуляющие прошли по льду от Квебека до Леви. Несметное количество людей и повозок на обоих берегах напоминало муравейник. Прокурор Тардые де Лаводьер взирал на это столпотворение, недовольно сдвинув свои красивые брови юного греческого бога.

- Насколько мне известно, нынче не базарный день. Откуда эта суета? Весь город собрался. Когда же эти люди работают?

- Нынче День святой Агаты, - ответил ему Вильдавре. - В этот праздник никто не работает.

Прокурор продолжал раздраженно рассматривать эту веселую ярмарку, стихийно возникшую в Нижнем городе, и от вида ее у него разыгралась изжога. Затем он взял под руку Фронтенака и обратил его внимание на то, как хорошо видно с места, где они стоят, позорное возмутительное скопище грязных лачуг, прилепившихся к прибрежной скале. Эта свалка скоро дорастет до самого форта! Покосившиеся деревянные, насквозь прогнившие халупы, и в довершение всего этого позорища, как ему доложили, там же находится логово колдуна. Все это шаткое нагромождение убогих домишек, сделавшееся еще более неустойчивым под тяжестью льда, в один прекрасный день обрушится, вызвав колоссальный пожар.

- Неужели вам, господин губернатор, не досаждают ни дым, ни тошнотворные запахи, что поднимаются над замком Сен-Луи из этой клоаки?

- Нет! - отвечал Фронтенак.

- Но живущая под вашим кровом госпожа де Кастель-Морг жалуется, что ей от них нет житья.

- О, она вечно жалуется.

* * *

По возвращении гости разбрелись по саду. Укрывшись за небольшими кучами деревьев, мужчины согревались водкой, прикладываясь к кожаным флягам.

Углубившись в аллеи лабиринта, идущие между двумя снежными стенами, Вильдавре принялся беседовать со своим ближайшим другом, начальником гражданской и уголовной полиции Гарро д'Антремоном.

Довольно скоро он покинул лабиринт и с таинственным видом подошел к Анжелике:

- Господин Гарро д'Антремон хотел бы поговорить с вами наедине.

- Со мной?

- Да. Только прошу вас, не отказывайтесь. Вы же знаете, как он мне дорог.

Вильдавре любил посеять зерно подозрения относительно истинной природы дружеских отношений, связывавших его как с мужчинами, так и с женщинами. Это была одна из его причуд. Так что его озадаченным собеседникам приходилось решать по своему усмотрению.

В данном случае Гарро д'Антремон, которого Полька прозвала Брюзгой, строгий буржуа, приземистый, коротконогий, всегда одетый в темное, без каких-либо излишеств, да в придачу ко всему еще и начальник полиции, никак не давал повода для подозрений в идиллических отношениях с резвым нарядным маркизом.

* * *

Но тот совершенно серьезно настаивал, ему явно очень хотелось, чтобы Анжелика исполнила просьбу его друга.

- Он человек милый, сведущий...

Заметив, что Анжелика сомневается, Вильдавре поспешил заметить, что у нее нет повода для досады. Она должна понять.

Робкий, как это бывает со многими угрюмыми по натуре особами и с теми, кому по роду деятельности приходится являться к людям неожиданно и по малоприятным делам, Гарро д'Антремон, по словам маркиза, долго колебался, не решаясь обратиться напрямую к Анжелике, которую он очень уважал. И посему призвал на помощь его, господина де Вильдавре, опытного соблазнителя, способного уговорить ее уступить его просьбе, не вызвав при этом ее неудовольствия.

- Но чего он от меня хочет, этот начальник полиции?

- Он скажет вам это сам.

Сделав вид, что не понимает причин ее колебаний, он воскликнул:

- Речь идет не о волокитстве, это не по его части. Он просто хочет задать вам несколько вопросов.

- О чем?

- Не знаю. Но уверен, это простая формальность.

- Может быть, ему больше захочется поговорить с моим мужем?

- Да нет же, нет! С вами! Именно с вами! Да что случилось, Анжелика? Я вас не узнаю. Чего вы боитесь?

Анжелике было нелегко ему объяснить, что опыт общения с полицией научил ее с настороженностью относиться к представителям этого ведомства.

Этот вызов на беседу - а именно так она расценила просьбу Гарро д'Антремона - не сулил ей ничего хорошего. Она сделала еще несколько шагов, чтобы дать себе время поразмыслить.

Окружающий пейзаж вдруг разительно переменился. Яркий, чистый свет утра заволокла какая-то темная пелена. Анжелика задыхалась. Что происходит?

Все было так хорошо, так мило и приятно. События развивались ко всеобщему удовлетворению. Все встречи, которые могли бы доставить им с Жоффреем неприятности, обернулись в их пользу. Зима оказалась очаровательной союзницей, преподносящей счастливые сюрпризы. Какой-то особый трепет, похожий на любовный, постепенно завладел всем и вся, тайно, без их ведома, преображая людей.

И вот... Неужели очарование разобьется, как хрупкий бокал? Неужели никогда, никогда ей не будет покоя?

– Мама, почему ты так сильно сжимаешь мне руку? – спросила Онорина.

Вильдавре по-прежнему шел за ними. Он был огорчен. Он не понимал, отчего бы Анжелике не постараться немного, чтобы сделать ему приятное. Она хочет скомпрометировать его в глазах Гарро д'Антремона. Продемонстрировать, какой ничтожный вес он, Вильдавре, имеет в обществе, как мало у него в Квебеке друзей. Неужели после всего, что он претерпел, ему придется вынести еще и это разочарование? Чего она боится, ведь Гарро так мил?

– И все-таки о чем идет речь?

– Я не знаю, – простонал он.

Но по холодному испытующему блеску, мелькнувшему в его голубых глазах, она поняла: если он и не знает наверняка, то по крайней мере догадывается, о чем начальник полиции хочет с нею побеседовать.

«Смотри, голубчик, если впутаешь меня в какие-нибудь неприятности, ты мне за это заплатишь», – подумала она.

– Я уверен, тут нет ничего серьезного, – уверил ее он, широко раскрыв свои невинные, как у ребенка, глаза.

– Хорошо, – решила она. – Скажите господину Гарро, что я увижусь с ним, когда ему будет угодно. Но запомните: я делаю это только для того, чтобы доставить вам удовольствие.

Вильдавре, страстно желавший, чтобы его дипломатическая миссия увенчалась успехом, с чувством поцеловал ей руку.

И ушел, петляя по лабиринту, по-видимому в поисках скрывающегося там Гарро. Немного погодя маркиз вернулся, совершенно счастливый, чтобы сообщить ей время и место встречи с начальником полиции. Чтобы не отрывать госпожу де Пейрак от ее сегодняшних забот и развлечений, господин д'Антремон предлагал встретиться через час после прогулки в гостиной его апартаментов в здании суда. Он сейчас же отправится туда и будет ее ждать.

Это в двух шагах. Лучше покончить с этим делом сразу.

Госпожа де Меркувиль пригласила Онорину поиграть со своими дочерьми до вечерни. Чтобы согреться, дети выпьют горячего шоколада, а потом порезвятся перед камином под присмотром Перрины. У одного из сыновей Меркувилей была деревянная лошадка-качалка, которую Онорина очень любила. И она с радостью приняла приглашение.

Глава II

Путь от сада губернатора до Оружейной площади был недолгим. Слева начиналась Большая Аллея, а прямо напротив старинного дома госпожи де Ла Пельтри высились здания сенешальства. Здесь часто проводились заседания Высшего совета, и именно в этих стенах отправляли правосудие начальник гражданской и уголовной полиции и прокурор. Делали они это от имени сенешаля господина де Массе, которого в городе видели редко, поскольку он предпочитал проводить время в своем поместье Сен-Сириль. Свои апартаменты во Дворце правосудия он уступил господину д'Антремону.

Полицейский проводил Анжелику в гостиную, обтянутую темными гобеленовыми обоями. Окна выходили на улицу, и сейчас, вскоре после полудня, солнечные лучи освещали только задние стены стоящих на ней домов.

Вдоль части стен комнаты стояли книжные полки. Ни одной картины, за исключением портрета короля, почти такого же темного, как и обои. Над большим письменным столом, украшенным позолоченной бронзой, располагался щит с родовым гербом начальника гражданской и уголовной полиции. На нем был изображен «черный вепрь на серебряном поле с красной связкой в поперечном разрезе верхней трети щита и тремя поднятыми зелеными копьями в нижней».

Ожидая начальника полиции, Анжелика погрузилась в размышления о сходстве, которое иногда можно отыскать между символикой герба и характером, а также внешностью его обладателя. «Черный дикий кабан среди оцетинившихся зеленых копий...» Это бы тоже подошло.

Чувствуя себя не в своей тарелке, она уселась спиной к окну в кресло с жесткой спинкой и подлокотниками с деревянными завитками, предназначенное, видимо, для того, чтобы допрашиваемый расслабился.

Анжелика так и сделала, но тут на письменном столе начальника полиции она заметила два толстых открытых тома, и, как только она их узнала, ей стало ясно, почему глава правоохранительного ведомства Канады так хочет поговорить с нею наедине. Предостережения колдуньи Гийметты должны были помочь ей более или менее подготовиться к затруднениям подобного рода. Одним из фолиантов был «Трактат о ведьмах» Жана Бодена. Вторым была страшная книга «Malleus Maleficarum» – «Молот ведьм». Вот уже почти два столетия эти две книги служили своего рода библией инквизиторам, и католикам и протестантам, подкрепляя их обвинения против колдуний и колдунов.

Написанный в 1484 году «возлюбленными сыновьями» папы Иннокентия VIII Шпренгером и Крамером (один из которых был доминиканцем), второй труд представлял собою сборник подробных указаний для судей, позволяющий им распознать чародеев и демонов. Там были изложены все способы, применяющиеся для того, чтобы вывести колдуна или колдунью на чистую воду, а также наилучшие практические приемы, чтобы заставить их сознаться в своих преступлениях. В действительности это было собрание жестоких нелепиц, однако начиная с конца XV века эта книга ввела ведовские процессы в рамки юридических процедур.

Все, кого клевета или доносы заставляли предстать перед судом инквизиции, сразу понимали, что им уже не спастись, стоило только судьям погрузиться в изучение этих двух трудов.

Но, несмотря на зловещую репутацию этих книг, отмеченных скорее печатью дьявола, нежели милосердием церкви, узнав, о чем пойдет речь, Анжелика почувствовала облегчение. По-видимому, решила она, господин д'Антремон слышал от кого-то, что она лечит больных.

Лежащая на открытой странице закладка подчеркивала фразу: «Когда женщина предаётся размышлениям в одиночестве, она замышляет дурное...»

Подобная аксиома заставила Анжелику улыбнуться, и именно этой улыбкой был любезнейше встречен начальник полиции, вошедший в гостиную через маленькую дверь, скрытую гобеленом.

С первого взгляда было очевидно, что он очень смущен. Он попросил ее присесть и сел сам. Он заверил госпожу де Пейрак, что не знает, как ее благодарить за то, что она отвлеклась от своих важных дел и нашла время прийти. Тем более что речь-то идет о сущей безделице. Но он подумал, что она могла бы оказать ему большую услугу в одном деликатном расследовании, которое он сейчас ведет.

- Я вас слушаю. - Она была удивлена.

Поколебавшись, начальник полиции бросил взгляд на сатанинские книги, словно для того, чтобы почерпнуть в них ободрение, заточил перо, положил его на стол и наконец решился:

- Сударыня, не будете ли вы так любезны рассказать мне все, что вам известно о графе де Варанже?

Анжелика не знала, что и думать. Это имя ничего ей не говорило, хотя и показалось знакомым.

- Граф де Варанж... - задумчиво повторила она. - А я знала этого господина?

- Несомненно, - подтвердил начальник полиции.

- Простите меня, но я не понимаю, о ком идет речь. В Квебеке меня представили стольким людям.

- Если вы с ним встречались, то не в Квебеке.

- А где?

- В Тадуссаке.

- В Тадуссаке?

Она ничего не понимала.

- Во время нашего приезда в ноябре?

Внезапно из глубин ее памяти всплыло воспоминание - так из темной воды всплывает труп. И речь действительно шла о теле, которое люди графа де Пейрака бросили в реку темной туманной ночью под истошные крики морских птиц.

Граф де Варанж! Тот самый человек, который заманил их в ловушку и которого она убила выстрелом из пистолета, когда он напал на Жоффрея.

Анжелика устремила на господина д'Антремона неуверенный взгляд:

- Тадуссак! Это было так давно, я уже успела многое забыть.

Господин д'Антремон откинулся на спинку кресла. Было видно, что он относится к обсуждаемому вопросу более спокойно, чем его собеседница. Он сообщил ей, что граф де Варанж прибыл в Квебек четыре или пять лет тому назад, чтобы помогать интенданту Карлону в делах казначейства. По правде говоря, он был ссыльным, одним из тех, кому благодаря связям удастся избежать Бастилии и более позорящих наказаний и отправиться в Канаду, чтобы о его преступлении забыли... Что только усложняло работу начальника полиции.

- Понимаю.

До недавнего времени господин де Варанж, человек пожилой, сдержанный, неболтливый и имеющий высоких покровителей, не доставлял ему никаких хлопот. Его так редко видели в обществе, что никто в Квебеке и не заметил, что в ноябре он куда-то исчез и более не появлялся.

- Исчез?

- Я узнал об этом благодаря госпоже де Кастель-Морг только в середине января.

«Ну а она-то с какой стати впуталась и в это дело?» - с раздражением подумала Анжелика.

Господин де Варанж занимал дом, стоящий немного на отшибе, за Большой аллеей. Он жил там вместе со своим камердинером, кучером и двумя малолетними савоярами, которых он привез с собою из Франции. Они помогали на кухне и в конюшне, где он держал лошадь. Его ближайшими соседями были господин и госпожа де Кастель-Морг.

- После... обстрела, - тут господин д'Антремон стыдливо опустил глаза, - они переехали жить в замок Сен-Луи. Но госпожа де Кастель-Морг часто возвращалась к своему старому жилищу, чтобы проследить, как идет ремонт и что делается для защиты от снега той части дома, которая не пострадала. Именно во время одного из таких визитов она и заметила, что двое маленьких слуг-савояров оказались без всякого присмотра, всеми покинутые. После того как исчезли хозяин и остальные слуги, дети скитались, питаясь лишь милостыней и тем, что могли украсть. Спали они в доме Варанжа, на кухне, разведя огонь и ложась прямо на каменный пол у очага.

Госпожа де Кастель-Морг озаботилась судьбой детей и сообщила о них господину прокурору Тардые де Лаводьеру, а тот передал дело на рассмотрение мне. Проведя расследование, я установил, что никто не видел их хозяина в Квебеке примерно с середины ноября.

Начальник полиции умолк. По-видимому, он ожидал от Анжелики какой-то ответной реплики, но она молчала. Тогда он продолжил:

- Я установил, что его видели на борту большой лодки среди других пассажиров, которые направлялись в Тадуссак. Далее его след и след его камердинера пропадают.

- Быть может, по дороге он утонул?

- Уже после того, как приплыл в Тадуссак? Потому что господин де Вильдавре сказал мне, что видел его во время вашей стоянки там.

«Это неправда!» - чуть было не возразила Анжелика. Уж она-то знала, что, когда их флот встал на якорь на рейде Тадуссака, этого аванпоста Франции на реке Святого Лаврентия, граф де Варанж был уже мертв.

Она сдержалась и промолчала, надеясь, что полицейский не заметил ее первоначального порыва.

- Вы уверены, что он не поднимался на ваш корабль? - настаивал он.

- Насколько я знаю, нет.

Немного помолчав, она попробовала повернуть его мысли в другое русло:

- А вы спрашивали об этом моего супруга? По-моему, скорее он может ответить на ваш вопрос, чем я... тем более что этот граф де Варанж хотел с ним встретиться.

- Я это сделаю. Но сначала я хотел поговорить с вами.

- Но почему?

Состроив гримасу, которая отнюдь не украсила его и так не слишком привлекательное лицо, он молчал, взвешивая все за и против.

- В этом деле все донельзя странно. Представьте себе, сударыня, что во время расследования некто приходит ко мне и без обвиняков заявляет: «Графа де Варанжа убила госпожа де Пейрак, я это знаю из надежного источника».

- Кто? - воскликнула Анжелика. - Кто мог вам такое сказать?

Ее бледность и очевидный гнев могли быть отнесены на счет законного негодования.

- Граф де Сент-Эдм.

- Граф де Сент-Эдм? Но как...

Она чуть было не выпалила: «Но как он узнал?» – но опять вовремя спохватилась:

– ...Граф де Сент-Эдм! Но кто это? Ах да, этот старик, который повсюду появляется с герцогом де Ла Ферте. Какая муха его укусила, почему он распускает обо мне такие клеветнические слухи? Я едва с ним знакома, мы не сказали друг другу и трех слов. Да он просто выжил из ума...

Гарро смотрел на нее ничего не выражающим взглядом.

«Все вы одним миром мазаны, – в ярости подумала она. – Крючкотворы проклятые!»

Она вновь овладела собой, сказав себе, что за Жоффреем она как за каменной стеной. Его люди преданы ему, они будут молчать. Один за всех, все за одного. Какую бы ловкость ни явил этот Гарро д'Антремон, доказать ему ничего не удастся. Зря старается.

Может быть, он уже это понял?

Внезапно начальник полиции принялся благодарить ее за то, что она уделила ему время, и многословно извиняться за то, что задержал ее своими расспросами, да еще по такому печальному поводу, а потом повторил, что в этом деле все донельзя странно.

– А господин де Сент-Эдм, случайно, не говорил вам, откуда у него столь странные сведения?

Начальник полиции заверил, что нет, и в очередной раз попросил его простить. Однако Анжелика не доверяла его словам. Казалось, человек с таким грубым, налитым кровью лицом не может обладать изворотливым умом. Но Анжелика по своему опыту знала, что внешность обманчива. Невыразительные глаза, кажущееся тугодумие, внезапные отступления с только что заявленных позиций – все это ее не убеждало. Господин Гарро д'Антремон шел по следу, и вело его острое чутье вепря.

Однако оба попытались разрядить возникшее между ними напряжение, тем более что для него, в общем-то, больше не было причин.

Уже прощаясь, Анжелика не удержалась и снова бросила взгляд на два толстых трактата по демонологии, лежащие на письменном столе. В разговоре они даже не коснулись этой темы.

- Неужели вы, господин д'Антремон, настолько интересуетесь магией, что тратите время на чтение подобных произведений?

Начальник полиции, только что обошедший стол, чтобы любезно проводить посетительницу до двери, удивленно посмотрел туда, куда показывала она, и немного смутился:

- По правде говоря - нет! Я не большой знаток подобных наук. Но вынужден ими заняться, так как из Парижа мне пишут, что такие преступления, как колдовство, чародейство и святотатство, участились и необходимо обратить на них внимание и здесь, в Новой Франции. Вот господин Ла Рейни и прислал мне эти книги, чтобы я с ними ознакомился и мог лучше разобраться в тех делах, которые ко мне поступят. Не скрою, я бы предпочел, чтобы такими преступлениями продолжали заниматься епископат и инквизиция. Но, насколько мне известно, церковные суды теперь неправомочны их разбирать, а инквизиция слишком злоупотребляла своей властью. Поэтому ныне, вследствие умножения числа убийств и отравлений, совершенных посредством магии, эти дела переданы в ведение правосудия не церковного, а светского.

Он взял со стола исписанный лист:

- Смотрите, это доклад, который я получил из Франции летом. Из него следует, что в Париже, по некоторым данным, действует более трехсот ведьм и колдунов, в перечне услуг которых фигурирует умерщвление. К ним обращается всяк кому не лень, в

том числе самые высокопоставленные особы, чтобы получить от них помощь в совершении убийств. Людей отравляют, перерезают им горло, приносят их в жертву дьяволу – это какое-то всеобщее помешательство!

И именно расследование тайны исчезновения господина де Варанжа привело меня к обнаружению гнуснейшего злодеяния, также связанного с магией. Увы, оно не так просто, как дела по обвинению в наведении порчи на молодых мужчин, чтобы они не могли совокупляться с женами, или в изведении скота. О таких делах нам время от времени сообщают из здешних деревень. Тут все серьезнее. Не стану вдаваться в детали, ведь я вам и так уже порядком надоел, но, поскольку первой об этом заговорили вы, я хочу, чтобы вы поняли, почему все в этой истории кажется мне странным. Чем больше я тяну за ниточку, тем более чудовищные вещи открываю. По-видимому, граф де Варанж занимался черной магией. Незадолго до своего отплытия в Тадуссак он в своем доме, что находится за Большой Аллеей, в двух шагах от суда, призывал на помощь демонов, устроив для этого ужасное представление.

Мне ничего не удалось об этом узнать у его маленьких савояров, которые едва могут пролепетать несколько слов по-французски и показались мне совершенно слабоумными. А вот кучер, сбежавший и укрывшийся у дикарей, как-то сказал одному жителю прихода Сент-Андре, что удрал от своего хозяина, потому что боялся. Он признался, что как-то ночью граф захотел пообщаться с магическим зеркалом и, наведя на него чары, смог побеседовать с некой жрицей дьявола, которую ждал в Квебеке осенью и которая так и не явилась. Он хотел знать, где она и как продвигается осуществление их совместных планов. А чтобы этот разговор через магическое зеркало мог состояться, он принес в жертву черную собаку – распял ее живьем,

вспорол ей живот, вынул желчный пузырь, и... - Гарро бросил взгляд на листок бумаги, - ее кровь текла на положенное под нею святое распятие. Вот так! Мне удалось задержать малого, который доставил собаку. Соседи жаловались на доносившийся из дома Варанжа шум и завывания, но поскольку здание стоит на отшибе...

- Но это же ужасно, - сказала Анжелика и спросила себя: «Уж не Амбруазину ли он видел в своем магическом зеркале? Амбруазину, которая должна была приехать к нему в Квебек после того, как покончит с нами».

- Что же еще он увидел в этом зеркале, что заставило его тотчас же отбыть в Тадуссак? - продолжал начальник полиции.

Чтобы разобраться в этом вопросе, он и хотел поговорить с госпожой де Пейрак, - быть может, во время своего пребывания в Тадуссаке она что-либо видела или слышала?

От этого «что-либо» и того тона, которым были произнесены эти слова, Анжелика вышла из себя.

- Господь хранил меня от встречи со столь мерзкой личностью, - с жаром ответила она. - И я не понимаю, почему вы так огорчены его исчезновением. По-моему, вы должны были бы, напротив, порадоваться тому, что он, так сказать, улетучился, как улетучиваются ядовитые испарения над котлами, в которых варят колдовские зелья.

- Я нисколько не огорчен... - Гарро д'Антремон приосанился. - Я нисколько не огорчен, сударыня, но я как-никак начальник полиции. Этот человек исчез, и я должен выяснить, что с ним случилось, ибо мой долг - неусыпно радеть о том, чтобы совершающиеся на территории Новой Франции преступления неуклонно раскрывались, а виновные не оставались безнаказанными. А исчезновение господина де Варанжа

наводит на подозрения. Каким бы гнусным приспешником дьявола он ни был, если его убили, я должен найти убийц...

Последние слова он отчеканил особенно решительно и твердо. Анжелика вспомнила, что о нем говорила Польша: «Он малый незлой, этот Брюзга. Но он человек принципов... Притом самых опасных».

Несмотря на их заключительную словесную перепалку, они расстались, не испытывая взаимной неприязни. Почти как добрые друзья.

Глава III

Черный слуга Куасси-Ба ждал Анжелику, сидя на ступеньках здания суда. Он поднял к ней свое закутанное до бровей лицо. Она посмотрела на него, на далекие, озаренные солнцем горы и вновь осознала свое нынешнее богатство: Новый Свет, свобода...

Она вздохнула.

- Ничего страшного, - ответила она на немой вопрос своего верного друга. - Но мне хотелось бы еще немного погулять. Возвращайся в усадьбу Монтиньи, граф тебя ждет.

Успокоенный, черный великан ушел. Повернув за угол дома госпожи де Ла Пельтри, Анжелика вышла на улицу Парлуар и, миновав главный вход обители урсулинок, зашагала по дорожке, огибающей монастырский парк. Она шла, подол ее юбки вздымал облачка пушистого снега, блестящие снежинки зависали в воздухе и, медленно кружась, нехотя опускались на землю. Все вокруг сверкало, искрилось. Растущие вдоль дороги кусты и молодые деревца казались стеклянными. Вдалеке звонили колокола, сзывая прихожан на дневную молитву.

Снег поскрипывал под ногами. Время от времени Анжелика останавливалась. Ее не особенно пугало, что Гарро узнает правду, - ведь он все равно не сможет ничего доказать. Самым ужасным во всей этой зловещей истории ей виделась участь маленьких савояров, слуг омерзительного графа де Варанжа. Ей, не понаслышке знавшей трущобы Парижа, его самое дно, было нетрудно представить себе этих бедных детей. Маленькие трубочисты, со своими щетками и приставными лесенками, они приходили в столицу

осенью, спасаясь от голодной зимы в своей нищей Савоие.

Одетые во все черное, в черных шапках, измазанные сажей, они приносили с собой из своей горной страны маленьких зверюшек, сурков, и заставляли их танцевать, чтобы развеселить прохожих. Они бегали по улицам Парижа и кричали на своем наречии, близком к итальянскому языку: «Чистить труба! Чистить труба!..»

Случалось, что, окоченев от холода и заснув под запертой дверью, они становились добычей торговцев детьми, и те продавали их знатым вельможам для утех. Разве это не лучше, говаривал Жан Тухляк, чем морозной ночью умереть от холода вместе со своим сурком?

Примерно такой, наверное, и была судьба двоих маленьких лакеев графа де Варанжа, которые затем, следуя за своим хозяином, оказались в Канаде.

Корабли привозили из Старого Света не только товары, но и всякого рода извращения. В один прекрасный день в Квебеке появляется изгнанник, сопровождаемый камердинером с бандитской рожой и двумя маленькими лакеями, и никто, никто не знает, что в город только что вошло Зло.

А если бы на этот берег реки Святого Лаврентия своей маленькой ножкой ступила блистательная красавица Амбруазина, разве кто-нибудь бы догадался?

«Мой бог! Да ведь он, похоже, поверил, этот Гарро. Он смотрел на меня так, будто господина де Варанжа убила я...»

Что ж, так оно и есть – именно она его и убила.

Но тут ей нечего бояться. Гарро натолкнется на молчание Жоффрея и его людей. Единственное, что ее беспокоило, – это не поддающийся объяснению донос господина де Сент-Эдма, заявившего, что его друга, графа де Варанжа, убила госпожа де Пейрак.

Как и почему этот старик, с накрашенным, точно маска, лицом, утопающим в чересчур пышных париках, в светло-сизых перчатках, делающих его руки похожими на белесоватые лапки ящерицы, с нервными повадками пусть роскошного, но все-таки пугала, ввязался в это темное дело?

Почему он явился к начальнику полиции и, не обинуясь, заявил: «Это госпожа де Пейрак убила графа де Варанжа»? И откуда он мог знать? Анжелика почувствовала, как ее охватывает страх. Потому что ответ мог быть только один: колдовством граф де Сент-Эдм и Варанж занимались вместе. Сент-Эдм тоже ждал появления в Квебеке Амбруазины. Участвовал ли он в сатанинском сеансе Варанжа? Видел ли в магическом зеркале окровавленное лицо дьяволицы?

Зловещее предзнаменование. Могущество князя тьмы, который может проложить себе узкую тропу по земле только кровопролитием и надругательствами над святынями. Оскверненное распятие, растерзанная собака...

Одинокая часовня на перекрестке двух дорог, в окружении деревьев, одетых снегом.

В деревянной колоколенке висит маленький колокол, в центре фасада стрельчатая дверь, а по бокам – два окна. Храм посвящен святой мученице Вере.

Анжелика подняла щеколду и вошла. После яркого, режущего глаза света объявший ее сумрак был приятен. В этой мягкой полутьме она поначалу различила только позолоту дарохранительницы в глубине часовни и рубиновый свет лампы, мерцающую звездочку в алом стеклянном сосуде. Она перекрестилась, прошла немного вперед и только тут заметила человека, который молился, стоя на коленях на нижней ступеньке перед алтарем.

Это был мальтийский рыцарь де Ломени-Шамбор. Не желая ему мешать, Анжелика остановилась около двери.

Она не хотела отвлекать его от молитвы. Но он сам повернулся и заметил ее. Она увидела, как он перекрестился и, торопливо преклонив колени, направился к ней мягким, неслышным шагом, которому все французские воины научились в индейских лесах. Обеспокоенное выражение появилось на его лице, и, наклонившись к ней, он прошептал:

- Что с вами, мой друг? Что случилось? Вы так взволнованы!

На нее внимательно смотрели его ясные глаза, и она попала под их лучистый свет.

- Что случилось? - настаивал он. - Вам причинили зло? Скажите мне. Скажите мне, мой дорогой, милый друг...

- Ничего, ничего особенного.

Ей хотелось крикнуть ему: «Ничего особенного, просто на меня вдруг обрушилась вся мировая скорбь...»

Она вздохнула:

- Ничего особенного... Но это ужасно!

Он непроизвольно привлек ее к себе, словно желая защитить, и, внезапно обессилев, закрыв глаза, Анжелика прижалась лицом к его плечу.

«Да, да, вот так, - думала она. - Обнимите меня крепко-крепко. Прижмите меня к своей груди, вы, мой святой, вы, мой чистый, вы, мой нежный, вы, искупающий грехи людей».

Его дыхание касалось ее лица, а тихий, будто поверяющий какую-то заветную тайну голос шептал слова утешения:

- Не надо... Не надо! Ничего не бойтесь. Бог вас хранит. Вы такая прекрасная, вы несете в мир радость и надежду... Ничего не бойтесь. Бог вас любит.

Это прозвучало как «я вас люблю».

Его открытое лицо было омыто струящимся из окон светом, в кольце его сильных надежных рук исчезли все воспоминания о ее страхах и отвращении. Она видела,

как блестят под тонкими темно-русыми усиками его губы. Потом они, как во сне, приблизились и коснулись ее губ.

Когда они вышли на порог часовни, их руки тотчас разжались. Миг благодати миновал, и они почувствовали себя так, будто после ярко освещенной комнаты оказались в холодном сумраке. Солнце все еще сияло, но по каким-то неясным признакам они понимали, скоро стемнеет.

Они стояли молча, окидывая взором окружающий пейзаж: высокие сугробы, блистающие равнины, переливающиеся сосульки на ветвях деревьев, далекий частокот труб, из которых белыми лентами тянулся дым.

- Так что мне, в конце концов, делать: отдать? - проникновенным тоном вдруг спросил де Ломени.

- Что отдать? И кому?

- Нож для снятия скальпов... Онорине. Можно сказать, я обещал, потому что дал ей слово подарить все, что она захочет. Так что она считает меня своим должником. И не согласится ни на перочинный ножик, ни на складной. Нет! Она хочет настоящий нож для снятия скальпов. Это опасное оружие. Вот я и думаю: смогу ли я с нею договориться? О чем она мечтает? Стать похожей на непобедимого воина-ирокеза... Быть может, этой воинственной особе будет достаточно лука и колчана со стрелами из бузины? Что вы об этом думаете?

Анжелика рассмеялась:

- Господин де Ломени, вы совершенно очаровательны. Но чересчур снисходительны к моей дочке.

- Это такое счастье - доставлять удовольствие невинности, - с нежностью произнес он. - Только она и заслуживает, чтобы ее осыпали дарами.

Почтительно склонившись, он поцеловал Анжелике руку:

- Подумайте над моим вопросом, сударыня, и, если захотите безотлагательно дать мне ответ, мы сможем встретиться завтра на аллеях сада губернатора. Завтра там никого не будет, и мы сможем немного прогуляться... Сад - место тихое, созданное для разговоров о серьезных вещах.

Глава IV

Любовь Ломени словно окрылила Анжелику. Она мысленно поправила себя: «Нет, это не любовь, а всего лишь восхитительное чувство, дарящее утешение»; оно отодвинуло далеко-далеко мрачное воспоминание о начальнике полиции, рассказывающем об отвратительных злодеяниях и гнусных людишках. Любит ли ее Ломени? Он поцеловал ее, чтобы утешить.

Сзади под чьими-то торопливыми шагами заскрипел снег. Анжелика насторожилась. Ее догнал господин де Бардань.

– На сей раз все ваши уверения, будто с господином де Ломени-Шамбором вас связывает только дружба, будут тщетны, – возбужденно бросил он ей. – Подумать только, что вы назначили ему свидание в часовне...

– Вы сошли с ума, я не назначала ему никакого свидания.

– Как я могу вам верить? Ведь я сам видел, как вы вошли в часовню через несколько минут после него.

– Повторяю: это всего лишь случайность. Я возвращалась домой по дорожке, огибающей парк монастыря урсулинок, увидела часовню и захотела помолиться.

– А рыцарь де Ломени случайно оказался там?

– Он был там. Разве Божий храм – не то место, куда может войти каждый?

– Ваша набожность не показалась мне слишком глубокой. Время от времени я слышал, как вы перешептываетесь. Почему?

– Потому что там находятся Святые Дары.

– Что не помешало вам шутить над мальтийским рыцарем. Вы не уважаете ничего.

- Прошу вас, дорогой Николя, умерьте вашу ревность. В конце концов подобными сплетнями и подозрениями вы бросите меня в объятия господина де Ломени.

- Но вы и были в его объятиях! - возмущенно воскликнул он. - Я вас видел.

В ее взгляде мелькнуло беспокойство. Неужели он осмелился подтянуться на руках и через окно часовни заглянуть внутрь? Он, посланник короля? Немыслимо! Но в нынешнем его состоянии от него можно ожидать всего.

- А когда вы вместе вышли из часовни, вы держали его за руку.

Анжелика пожала плечами. Она совершенно не помнила, как держала господина де Ломени-Шамбора за руку. Она залилась смехом:

- Право же, это чудесно, быть всеми любимой. Господин де Ломени, вы...

- ...Господин де Вильдавре, - подхватил он, - господин де Ла Ферте, молодой безумец Анн-Франсуа де Кастель-Морг и старый и тоже безумный Бертран де Кастель-Морг, его отец, Базиль, господин де Шамбли-Монтобан...

- Вы преувеличиваете. Мой бедный Николя, болезненное воображение лишает вас здравого смысла. Но вы доставили мне удовольствие. Как приятно чувствовать себя любимой, в то время как вокруг таится столько опасностей и бушует такая ненависть... Мой милый робкий влюбленный из Ла-Рошели, спасибо вам, спасибо!

- Не смотрите на меня такими сияющими глазами, - с дрожью в голосе молвил он. - Вы ведь знаете, от этого я теряю голову.

Мадемуазель д'Уредан видела, как они идут мимо, держась под руку и весело смеясь, и отметила про себя, что, приблизившись к дому Вильдавре, они не

распрощались, а направились к рощице, за которой скрывалась резиденция господина де Барданя.

- Вы еще ни разу не заглядывали в мой дом, - заметил он Анжелике, когда они, весело болтая, шли вверх по улице.

- Но ведь вы все время проводите около моего... И потом, мне совсем не хочется повстречаться с некоторыми из ваших друзей.

- Сегодня там нет ни души.

От улицы Клозери аллея вела к прелестному двухэтажному дому с обычной для Квебека шиферной крышей и квадратными каминными трубами по бокам.

Его фасад еще освещало солнце, но в роще уже царил холодный полумрак, усеянный круглыми пятнами света, которые двигались вслед за заходящим солнцем, словно трепещущие солнечные зайчики.

Из-за деревьев и густого кустарника дул холодный ветер. Николя де Бардань привлек Анжелику к себе и укутал своим плащом, и было непонятно, хочет ли он защитить ее от стужи или поддержать на поднимающейся в гору дороге, скользкой, как каток.

- Это неразрешимая ситуация, - бормотал он, - гибельная и безысходная... И все же я не могу покончить. Видеть вас, слышать ваш смех среди распускающихся деревьев... идти рядом с вами, как сейчас, - это ли не счастье, но какое мучительное. Надеяться? Но на что... Иногда я решаюсь не видеться с вами по крайней мере день. И тогда я прихожу в себя, я свободен, я спокоен. Я с удовольствием читаю, работаю, развлекаюсь. А потом вдруг осознаю все безумие своего решения не видеть вас... Ведь вы здесь, в этом городе, в двух шагах от меня, вы, по которой я пролил столько слез, вы, которую я потерял. И выходит, что я не в своем уме, если бегу от такого чуда. Даже если мне от него достаются одни только крохи. Я слишком сильно люблю вас, чтобы вы не принадлежали мне хоть чуть-чуть, не

правда ли? И тогда я бросаюсь вас искать. При виде вас мое сердце останавливается, и то, что я тогда чувствую, превращает и этот миг, и то место, где я вас повстречал, в средоточие невыразимого блаженства. Мне приходится платить за это блаженство самыми горькими муками, и все же я ни о чем не жалею.

- Господин де Бардань, ваше красноречие, пыл которого я вполне оценила, трогает мое сердце, но мне также кажется, что из-за него мы рискуем оступиться в прямом смысле этого слова...

Чтобы не упасть, она вцепилась в его руку.

- Как я вас люблю! Как люблю! - прошептал он.

- Эта аллея слишком скользкая, так мы никогда не доберемся до дома.

- Что за беда! Нам и здесь хорошо, нас здесь никто не видит. Идите сюда.

Он увлек ее под сень деревьев, в холодный синий сумрак, таинственный и бездонный, и, властно заключив ее в объятия, завладел ее губами.

Поцелуй длился долго, их губы то отстранялись друг от друга, то сливались вновь, с каждым разом все более и более жадно.

Уже не в первый раз страсть Николая де Барданя пробуждала страсть и в Анжелике, унося ее за собой, как мощный, внезапно нахлынувший морской вал. Еще тогда, в Тадуссаке, он подчинил ее себе своим пламенным поцелуем. Волна чувственности увлекала их, подобно коварной той, что, перехлестывая через поручни корабля, застает команду врасплох, накрывает всю палубу, сбивает с ног и переворачивает все вверх дном, а потом как ни в чем не бывало отступает, так что, если бы не произведенное ею опустошение, можно было бы подумать, будто она вам приснилась. Когда они, с окутанными теплым паром своего дыхания лицами, отстранились друг от друга, Анжелика почувствовала,

как неистово бьется ее сердце, и вновь ощутила так знакомый ей жар желания.

Задыхаясь от поцелуев, больше не чувствуя в себе ни сил, ни охоты произнести хоть слово, они вернулись на аллею. На пороге дома они расстались.

После погружения в подводные глубины вожделения, глубины тайные, синие, пронизанные вспышками молний, похожие на сумрак маленького леска, в котором они прятались, Анжелика с удивлением обнаружила, что свет дня еще ярок. Оказывается, было еще не так поздно. Небо, все еще голубое-голубое, только начинало бледнеть и лишь на западе приобрело фарфоровый оттенок.

Анжелика дошла до перекрестка, где рос огромный вяз и располагалось становище индейцев с их тонущими в снегу хижинами из коры, кострами и кудрявыми желтыми собаками.

Вместо того чтобы пойти домой, она свернула на тропинку, ведущую через поле к усадьбе Монтины. Если на мгновение у нее и мелькнула мысль, что, отправившись напрямик к мужу после того, как она только что целовалась с господином де Барданем, она тем самым докажет свое легкомыслие, то эта мысль была тут же отброшена ею как неуместная. Поцелуй робкого воздыхателя ничего не значил и ни к чему ее не обязывал. Она не испытывала ни угрызений совести, ни страха, напротив, она радовалась этой передышке, этому случаю восхитительно развеяться и отвлечься от всех своих печалей.

У нее снова стало легко на душе, а значит, она вновь обрела силу, которая позволит ей противостоять невздам. Теперь она может рассказать Жоффрею об угрозах, которые несет с собою расследование, начатое начальником полиции. Она почувствовала, как ее охватывает блаженный пьянящий ребяческий восторг, и, поскольку на дороге она была сейчас одна, ей

захотелось отдаться этому ощущению. Широко раскинув руки, с раздуваемыми ветром полами накидки, она бросилась к вершине холма, не ведая, что вслед за нею тяжело бегут и индейские собаки, которых ее порыв вырвал из привычной апатии.

Они догнали и окружили Анжелику, виляя хвостами, удивленные тем, что она вдруг остановилась, а она, стоя на вершине холма, разглядывала лежащую внизу усадьбу Монтиньи.

Она не знала почему, но подступы к усадьбе, где обыкновенно толпились матросы и многочисленные посетители, казались сейчас необычно безлюдными. Ее воодушевление прошло и вновь сменилось тревогой. Вокруг царила тишина, нарушаемая только завываниями ветра.

Анжелика начала спускаться к усадьбе. Индейские собаки, разочарованные ее неподвижностью, покинули ее и вернулись в свое становище.

Дом казался пустым, лишь рядом с кухнями наблюдалось какое-то движение да из каминных труб поднимался дым. В гостиных первого этажа, где к концу дня обычно царила суета и толпились офицеры, явившиеся по приказу Жоффрея или возвращающиеся в свои «квартиры», она не встретила ни одной живой души.

В рабочем кабинете она увидела разложенные на столе перья, свернутые в трубки карты и документы, измерительные приборы, которыми Флоримон пользовался при составлении отчета о своих летних изысканиях, чему он уделял по несколько часов в день, но самого его там не было.

– Куда же они все подевались?

Она поднялась на второй этаж, надеясь найти Жоффрея в комнате, которую он оставил за собою и которую называл «командным пунктом». Она заходила сюда лишь один раз. Здесь же граф де Пейрак спал,

когда работа или собрания задерживали его до поздней ночи.

Зайдя сюда в первый раз и увидев изысканную мебель, Анжелика подумала: уж не была ли она специально обставлена для герцогини де Модрибур?

Подействовала ли на нее эта мысль сейчас, когда, тихо постучав в дверь и не получив ответа, она переступила порог? Как бы то ни было, она явственно ощутила витающий в пустой комнате аромат женских духов. Она не смогла бы определить, чьих именно. Для этого необходимо более тонкое обоняние. Она не могла также утверждать, что это духи Беранжер-Эме. Обойдя комнату три или четыре раза и принюхиваясь, точно кошка, она наконец решила, что это, по всей вероятности, запахи духов нескольких разных женщин, что вернуло ей хорошее настроение. По-видимому, недавно здесь побывало множество гостей и среди них немало женщин.

- Но куда они подевались?

Она снова спустилась на первый этаж и в одной из просторных столовых обнаружила остатки ужина, говорившие о том, что гости поднялись из-за стола совсем недавно.

- Гостям подали легкий ужин, - объяснил ей поваренок, наконец встреченный ею во дворе. - А потом все пошли вон туда.

И он указал на тропинку, ведущую в лес.

Анжелика углубилась в заросли, петляя среди терновника и берез. Лес здесь был довольно редким. Вечер уже начал удлинять лавандовые тени на розоватом снегу.

Спустя малое время она приблизилась к большой поляне, на которой собралось множество людей, и все они смотрели на Жоффрея де Пейрака. Он же стоял на небольшом возвышении лицом к ним и что-то говорил.

Среди собравшихся Анжелика узнала супругов де Кастель-Морг и Беранжер-Эме Тардые де Лаводьер, которая была здесь без мужа. С удивлением она отметила, что здесь находится и та женщина с острова Орлеан, с пышной черной шевелюрой, – прибывшая к ночной мессе Элеонора де Сен-Дамьен, которую прозвали Элеонорой Аквитанской. Она, по слухам, пережила трех мужей.

Было здесь и множество офицеров, а среди них Мельхиор Сабанак, и простые солдаты.

Анжелика не сразу поняла, какой инстинкт удержал ее на месте, не дав спуститься по склону и присоединиться к собранию, в рядах которого она увидела многих своих друзей.

Потом до нее дошло: она чувствует, что будет там лишней.

Она прислушалась и попыталась разобраться, что говорит Жоффрей. Она слышала его довольно четко, но не понимала ничего, кроме отдельных слов.

Внезапно ее осенило: она не понимает его речи, потому что он говорит не по-французски. Он говорил на провансальском языке, языке южных провинций Франции. Теперь Анжелику уже не удивляло присутствие прекрасной Элеоноры де Сен-Дамьен, ибо она больше не сомневалась: здесь проходит собрание гасконцев.

Это открытие поразило ее подобно удару молнии. Она стояла за деревьями, недвижимая как изваяние, и ей казалось, что мозг ее заledenел так же, как руки и ноги. Выходит, мадемуазель д'Уредан была права, когда говорила: «С тех пор как к нам приехал граф де Пейрак, гасконцы так и лезут из всех щелей. Кто бы мог подумать, что в Новой Франции их так много».

Это объясняло присутствие многочисленных офицеров и солдат, ведь бóльшую их часть, принадлежащую к полку Кариньян-Сальера,

завербовали на службу именно в Аквитании и Южном Провансе.

Внезапно вся толпа с веселыми возгласами стала прощаться, и Анжелика сделала большой крюк, чтобы по дороге к дому не пришлось идти мимо усадьбы Монтины.

Снег сверкал. Ночь обещала быть холодной. Анжелика дотронулась до своих губ: к ним вернулась чувствительность, они уже забыли поцелуи де Барданя.

Подняв глаза к небосводу, она подумала, что именно в такую ночь, как эта, можно увидеть на небе вереницу пылающих каноэ, предвестницу потрясений, безумств и брожения умов. Проходя мимо двора Банистеров, она услышала бряцание цепи об лед и увидела грустный тощий силуэт их собаки.

Бедное невинное животное!

В доме - или это кошмарный сон? - никого не было. Ей пришлось напомнить себе, что едва стемнело. Сюзанна только что ушла к себе, оставив на углях тихонько кипящий котелок и накрыв стол для семейного ужина.

Кое-кто из домочадцев, должно быть, ушли к мадемуазель д'Уредан, чтобы послушать чтение «Принцессы Клевской».

Остальные занимались своими делами в городе. Даже Мессир Кот куда-то исчез.

Стоя посреди большого зала, который она так любила, Анжелика больше не узнавала знакомую обстановку, где ей довелось провести много счастливых часов.

Она готова была уже поддаться смятению, которому было множество причин, когда вдруг осознала, что главная из них - физическое истощение, ведь она буквально умирала от голода и жажды.

Со вчерашнего вечера она ничего не ела, потому что утром натошак пошла причащаться, затем господин

губернатор увлек всех на прогулку в свой сад. А по возвращении с прогулки господин Гарро д'Антремон почти два часа продержал ее в своем кабинете. Расставшись с ней, он наверняка тут же отправился в столовую, где встретивший его полицейский, превратившись на время в ливрейного лакея, подал ему сытный обед. А она, размышляя о его жутких рассказах, всю вторую половину дня гуляла, целуясь то с одним, то с другим, чтобы обрести душевный покой. Пока в вечерних сумерках не наткнулась на Жоффрея де Пейрака, произносившего речь на провансальском языке в окружении гасконцев и прекрасных черноволосых аквитанских женщин, влияния которых она, блондинка из Пуату, так опасалась в Тулузе.

А теперь солнце уже село, и стало темно. А у нее ледяные ноги, и желудок ее пуст.

Резкими движениями, в которых частично выплеснулись ее возмущение и гнев, Анжелика подняла из внутреннего колодца ведро свежей переливчатой воды и долго пила из него.

Затем отрезала себе толстый ломоть ржаного хлеба, щедро намазала его маслом, положила сверху кусок ветчины и, с тарелкой в руке, уселась в конце стола.

Почувствовав, что жажда ее все еще не утолена, она опять встала, налила воды в глазурированный кувшин и поставила его возле себя. Может, стоит спуститься в погреб, чтобы налить себе чашку молока? Нет, она слишком устала.

С аппетитом откусывая бутерброд, Анжелика принялась перебирать в памяти события прошедшего дня. Ей очень хотелось бы поговорить с Жоффреем о своей беседе с начальником полиции – она знала, что муж ее успокоит, ведь он ничего не боится. Даже если Гарро швырнет к его ногам разложившийся труп Варанжа, он только улыбнется, и кабаньи клыки полицейского обломаются, столкнувшись с несокрушимым

хладнокровием графа де Пейрака. Потому что тот уверен: его люди будут молчать. Это еще раз подтверждает, что Жоффрей – сам себе господин и сам себе закон. Анжелика не знала, что думать об этой сходке в лесу, куда Жоффрей позвал всех здешних гасконцев, чтобы поговорить с ними на языке их родины. Провинции, которая вот уже два столетия находится под игмом «этих варваров северян» и до сих пор не успокоилась.

О чем он с ними говорил? О мщении? О свободе? Но это безумие!

Но ей он ничего об этом не скажет, потому что скрывает от нее все, все! Спрашивать его прямо бесполезно... да она, если быть честной, и не осмелится. Он всегда был сильнее ее, даже в минуты страсти. Он никогда никому не подчинялся, его никто не мог сломить, и это его гипнотическое обаяние неразрывными узами привязывало к нему ее, Анжелику. «Рабыня! Я его рабыня. И он это знает...»

Как это часто бывает с натурами энергичными, крепкими и жизнелюбивыми, Анжелика предпочитала жить, прежде всего, сегодняшним днем, и в этот день Жоффрей предстал перед нею опасным, непостижимым и недоступным.

Ничего ей не сказав, он собрал своих друзей и говорил с ними на провансальском языке в то время, как она в одиночку противостояла начальнику полиции.

Потому что его никто не осмелился бы вызвать к себе подобным образом!

Ну что ж, так тому и быть. Придется ей самой уладить это дело. Для начала она заставит разговориться графа де Сент-Эдма.

Глава V

Тотчас после первой утренней мессы Анжелика отправилась в город на поиски графа де Сент-Эдма.

Ночью она спала плохо. Сначала, когда граф де Пейрак велел передать ей, что нынче вечером не придет, она вообразила себе худшее: торжествующую Беранжер в его объятиях, но затем успокоилась, решив, что взвинчивает себя понапрасну, и даже порадовалась тому, что он не пришел.

Если бы он сейчас с нею заговорил, она, пожалуй, не смогла бы ответить связно.

Но он не пришел...

«Тем лучше!» – сказала она себе, глядясь в зеркало.

Откуда взялась эта краснота вокруг губ? Возможно, тут виноваты жесткие усы королевского посланника?

Постоянно возникают обстоятельства, когда лучше быть подальше от взглядов друг друга. Взглядами, тем более ревнивыми, оттого что они любящие. Вольности, которые она позволила себе накануне, не стоят того, чтобы делать из них трагедию. Потому что страстные поцелуи, подаренные ею Николя, не имеют никакого значения. Отсутствие Жоффрея позволит ее совести побыстрее забыть о них.

Сегодня, когда она захотела разыскать герцога де Вивонна и его подручных, оказалось, что никто не знает, где они. В конце концов она постучала в дверь госпожи де Канвер, которая, после того как Анжелика спасла ее обезьянку, была готова оказать ей любую услугу.

Старая дама указала ей на «Собаку в колесе», заведение, находящееся на полдороге от ее дома до замка Сен-Луи, наполовину таверну, наполовину мясную лавку, а точнее, притон, где велась игра по-крупному.

Господин де Ла Ферте и его приятели были там завсегдатаями.

Анжелика спускалась по крутой улице, цепляясь за все, что попадалось под руку, когда навстречу ей попался Вильдавре. Он бодро шел наверх, быть может, как раз из «Собаки в колесе», где начинали играть с утра.

- Ну как вчера все прошло? - небрежно спросил он. - У Гарро?

- Он был невыносим. Никогда еще я не оказывалась в столь оскорбительном положении. Одни сплетни и клевета.

- А именно?

- Вы прекрасно знаете сами. И почему вы не предупредили меня, что речь пойдет о графе де Варанже? Он был одним из тех, кто ждал здесь госпожу де Модрибур.

- Но не я же сообщил о его исчезновении, а госпожа де Кагель-Морг.

- Еще одна особа, которой лучше бы не вмешиваться в чужие дела... Так неприятно, что ворошат эту историю, потому что если одни говорят, что Варанж отправился на север навстречу герцогине, то другие утверждают, будто он плыл навстречу нашему флоту. Потом он исчез, и никто не волновался, пока не вмешалась Сабина. Скажите мне, с какой стати ей было беспокоиться об этом субъекте, который, похоже, был тем еще развратником, да к тому же вызывал дьявола?

- В образе нашей дорогой герцогини! Свояк свояка видит издалека... Но вы, по крайней мере, сумели себя защитить?

- От чего мне было защищаться? И почему этот Гарро захотел побеседовать именно со мной? Со мной, а не с кем-нибудь другим из тех, кто был на наших кораблях? Вот что мне хотелось бы знать.

- Мне тоже, - признался Вильдавре, и на этот раз он, похоже, был действительно заинтригован.

* * *

Таверна «Собака в колесе» была заведением средней руки, которое не могло похвастаться ни престижем «Восходящего Солнца», ни приветливой и веселой атмосферой «Французского Корабля».

Анжелика как-то побывала здесь с господином де Ломени, так как хозяин, выходец из Марселя, в числе прочих напитков подавал клиентам и кофе по-турецки. Ей не понравился темный прокуренный зал, из окон которого нигде не просматривался горизонт, поскольку все они выходили на узкую улочку, которой стоящие по обе ее стороны довольно высокие дома придавали сходство с темным тесным ущельем.

Вина здесь были весьма посредственного качества, а вертел, на котором жарилось мясо, вращала собака. Она весь день бегала по своей круглой, напоминающей бочку клетке, клетка была присоединена к вертелу, и от этого бега по кругу он и вращался.

Полька говорила, что такая система годится только для того, чтобы нанизанные на вертел жарящиеся каплуны то и дело подгорали, когда усталый пес останавливается, чтобы отдохнуть. Но ведь хозяйева этой лавочки - марсельцы, а они, как известно, не очень-то работающий народ. Она-то сама из Оверни, а овернцы все до работы охочи. Подобные рассуждения всегда вызывали бурю негодования среди многочисленных южан, которые ели и пили в ее заведении. «Если я не права, то чего же вы все ходите именно ко мне? - кричала она в ответ на их возмущенные возгласы. - Ко мне, а не к Лавердюру?»

Собака, вращающая вертел, и дала имя трактиру, наполовину игорному притону, наполовину кабаку, над дверью которого, впрочем, не было никакой вывески с названием.

Войдя в зал, Анжелика сразу же увидела за одним из столиков герцога де Вивонна и с удовлетворением отметила, что граф де Сент-Эдм тоже здесь, зато осторожный и расчетливый барон де Бессар, которого она опасалась, сегодня отсутствует. Из четверых жуликов в наличии были только трое, и они играли в карты.

Анжелика придвинула стул и села напротив, отвергнув предложенный хозяином кувшин вина. Он удовольствовался тем, что согласно обычаю налил ей стакан колодезной воды, от которого она не отказалась, так как в зале было жарко и душно. Огонь в очаге полыхал слишком сильно, и Польша была права – насаженные на вертел каплуны легко могли подгореть.

Как бывшая содержательница трактира, Анжелика машинально отметила про себя эту деталь, после чего заявила:

– Господин герцог, я искала не вас, а господина де Сент-Эдма.

Не обращая внимания на галантные уверения в преданности, которые старик счел себя обязанным ей адресовать, она в нескольких словах изложила причины своего прихода. Господин начальник полиции утверждает, что господин де Сент-Эдм явился к нему и, не обинуясь, сообщил: «Графа де Варанжа убила госпожа де Пейрак». Это заявление нелепо, так что она пришла требовать от господина Сент-Эдма объяснений. Прежде всего, она вообще понятия не имеет, кто такой этот граф де Варанж, которого, по вполне серьезному утверждению начальника полиции, который явно не был пьян, она якобы убила. Кроме того, она желает знать, с какой стати граф де Сент-Эдм, с которым она едва

знакома, позволяет себе трепать ее имя, впутывая ее в свои низкопробные потехи. Может быть, он сошел с ума? Или же отчего-то испытывает к ней открытую враждебность? И в том и в другом случае она требует объяснений. Короче говоря, какая муха его укусила?

Глаза господина де Сент-Эдма сделались неподвижными и холодными, как у змеи. Но его пергаментное лицо вдруг оживилось, по нему пробежала дрожь тайного ликования. Он ответил своим визгливым голосом, исходящим, казалось, не из его тонких шевелящихся губ, а из горла какого-то другого, невидимого существа:

- А разве его убили не вы?

Несмотря на все свое омерзение, Анжелика попыталась перехватить взгляд его мертвых глаз, густо обведенных сурьмой.

И между ними состоялся напряженный диалог.

- Кто вам это сказал?

- Колдун из Нижнего города Красный Плут.

- А как он узнал?

- Благодаря магии.

- Это вы попросили его прибегнуть к магическому сеансу?

- Да.

- Зачем?

- Наш друг граф де Варанж исчез, и мы хотели узнать, что с ним случилось.

Анжелика на миг задумалась и, чтобы прийти в себя, отпила глоток воды.

- Не от вас ли, сударь, я неоднократно слыхала, что колдуны Новой Франции ничего не стоят? Я привожу ваши собственные слова. Я не стану оспаривать ваше суждение относительно сего предмета, но почему же вы, имея такое мнение, поверили рассказам одного из них?

- Потому что своим разоблачением он доказал, что он очень силен.

- А я, будь я на вашем месте, ему бы не верила. Судя по тому, что сообщил мне начальник полиции - а он, на мой взгляд, нисколько не сомневается в том, из какого источника вы взяли ваши сведения, - когда ваш Варанж исчез, наши корабли еще не подошли к Квебеку.

- Вот именно!

Глаза Сент-Эдма сияли, голос перешел в свистящий шепот.

- Он отправился навстречу вашей флотилии... Обезумев от горя.

- От горя? - повторила Анжелика, не веря своим ушам.

- В своем магическом зеркале он увидел лицо той, которую ждал, окровавленное, израненное, обреченное... Она произнесла только два слова: Пейрак, Анжелика. Так что вы, сударыня, понимаете, что, когда колдун назвал ваше имя, нам все стало ясно.

Анжелика откинулась на спинку стула.

- Теперь я вижу, что монсеньор епископ не напрасно учредил в своей канадской епархии должность великого экзорциста, - молвила она, делая вид, что думает над тем, что только что услышала. - Судя по тому, что вы мне сейчас сказали, работы ему хватит.

Граф де Сент-Эдм, сидящий сейчас перед нею на фоне пляшущих в очаге языков пламени, мерцания нанизанных на вертел каплунов и крутящейся клетки, в которой без устали мелькала тень собаки, казался ей кошмарным видением.

- Вы заблуждаетесь, - сказала она. - Прошу вас, сударь, прекратите ваши игры с магией и колдовством, не то в один прекрасный день все это выплывет наружу, и тогда вас будут судить и казнят.

Они обменялись удивленными взглядами.

- Но, мое дорогое дитя, - с елейным видом сказал Сент-Эдм, - вы что, с луны свалились? Вы совершенно не в курсе дела. В наше время за магию и колдовство уже не судят и не казнят. Эпоха инквизиции прошла, а современная полиция не занимается эзотерическими развлечениями, которым любят предаваться вдохновенные умы. У нее и так хватает дел: она очищает Париж от опасного сброда, а большие дороги - от разбойников.

- Но если за вашими эзотерическими забавами скрывается убийство, современная полиция все-таки вмешивается.

Граф де Сент-Эдм растянул накрашенные губы в холодной гримасе, заменяющей ему улыбку, но больше напоминающей судорогу.

- Кто говорит об убийстве, кроме вас, сударыня? Разве господин де Варанж кого-нибудь убил? Нет, я думаю, он вне подозрений. А вот с вами будет иначе, если поверят колдуну, ха-ха!

- И с вами тоже, господин де Сент-Эдм. Скольких людей вы обрекли на смерть вашими магическими заклинаниями, вашими черными мессами или с помощью отравы? Я пока этого не знаю, но мне будет очень легко узнать. По крайней мере, я выясню число младенцев, которых вы принесли в жертву дьяволу. И для этого мне не понадобится колдовство, у меня и без него тысячи источников подобных сведений, источников, которые поведают мне о вас много такого, что весьма порадует и господина де Ла Рейни, и господина Франсуа Дегре. Это касается и вас, господин герцог, и вас, господин д'Аржантейль. Я еще раньше полиции узнала, какими экспериментами тешилась ваша дорогая маркиза де Бренвийе... Мне рассказали об этом парижские попрошайки, нищие, которые застали ее в Отель-Дьё, когда она подсыпала ядовитые порошки в бульоны и

отвары для бедных больных... Тут речь идет о настоящих преступлениях, об убийствах, разве не так?

- Так, значит, это вы выдали ее тому проклятому полицейскому? - с гневным блеском в глазах спросил Мартен д'Аржантейль. - Впрочем, я и не сомневался... А вы знаете, что ее подвергли тому, что называется «обычным допросом», хотя она во всем созналась?

Анжелика пожала плечами. Еще один сумасшедший. Она повернулась к Вивонну:

- Какое извращение заставило вас обратиться к Злу? Вы, господин герцог, которому король доверил в своем государстве столь высокий пост, и ваша сестра, которую он так страстно любит, как вы с нею оба могли опуститься до столь гнусных дел? Неужели вам в самом деле было так уж необходимо, господин адмирал, совершать все эти мерзкие деяния, чтобы сохранить свое положение, почести и милость короля? Неужели спасение можно обрести лишь с помощью яда, афродизиаков, колдовства и прочих преступлений? Почему вы этим занимаетесь?

Герцог де Вивонн слушал ее с притворно равнодушным видом, тасуя карты, и его ответ ее удивил:

- Потому что этим занимаются все.

Таково было веление моды, а светский человек обязан следовать моде. Видя, что Анжелика остолбенела, герцог присовокупил:

- При дворе если не отравишь ты, то отравят тебя. Кто не устраняет соперника, погибает сам... Таковы правила игры!

- Нет! В этой игре не участвует король! Насколько я знаю, король ни разу никого не отравил и никто никогда не был отравлен по его приказу. Он человек достойный, чего нельзя сказать о некоторых из его предшественников. Все дело в том, что он - внук Генриха Четвертого, который тоже был человеком чести.

Новая ветвь королей порвала с растленными нравами прежних династий. Но вы, гранды королевства, почему-то не берете с них пример.

Брат Атенаис скривил свой красивый рот.

- Король может себе позволить оставаться порядочным, - с горечью сказал он. - Но в его королевстве о добродетели пекутся только буржуа. Что же до нас, людей придворных, целиком зависящих от его капризов, то, мстя Фронде принцев, он, можно сказать, нас кастрировал. Лишив нас наших вотчин, наших провинций, нашей власти, он оставил нам только одно оружие, и это оружие несет смерть!..

* * *

Выйдя на улицу и увидев заснеженные улицы и крыши, на которых лежали золотые и бледно-розовые отблески, Анжелика почувствовала невыразимое облегчение. Она вдохнула чистый морозный воздух и, как по мановению волшебной палочки, перенеслась из Франции обратно в Канаду... «Стоило ли так далеко ехать, чтобы опять молчать... и бояться...»

Она почти бежала к саду губернатора, ей не терпелось поскорее, поскорее увидеть силуэт Ломени, прогуливающегося в своем сером плаще среди белого снега и сиреневых клумб.

Он был там. Он ждал ее. Он устремил на нее взгляд, и она, как и вчера, почувствовала радость оттого, что видит его вновь.

Она шла рядом с ним, и в душе ее царили счастье и покой. Время от времени она смотрела на него, чувствуя исходящее от его черт неизъяснимое очарование, и почти не слышала слов, срывающихся с его губ, так ей хотелось их поцеловать.

Ей было приятно чувствовать, что он идет рядом, приятно встречаться с ним взглядом, ждать прощального пожатия его руки, которую ей так хотелось удержать.

- У вашей любви такое переменчивое лицо, - сказал он.

- О сударь, я отнюдь не совершенна.

Ее губы еще горели от неистовых запретных поцелуев Барданя, и сейчас перед Ломени она чувствовала себя немного грешницей.

Что он знает о желании, этот красивый мужчина с нежными глазами?

Эти руки, так ловко владеющие шпагой, саблей или мушкетом, касались ли они когда-нибудь обнаженного женского тела? Она полагала, что нет, ведь в Устав Мальтийского ордена входит обет целомудрия.

- Господин рыцарь, вы боитесь женщин?

- Когда они похожи на вас, нет. - Он рассмеялся.

Вращаясь в свете, этот воин-монах овладел искусством мгновенного ответа.

Снег, сорванный ветром с кроны ближайшего дерева, припорошил их лица и остудил своим ледяным поцелуем.

Они засмеялись. Ломени пальцем смахнул снег с ресниц Анжелики, красиво изогнутых, отливающих золотом, шелковистых; он не мог оторвать от них взгляда. Этот жест вырвался у него так естественно, что он не стал себя останавливать.

Они заговорили об Онорине, и он сказал Анжелике, что очень любит детей. В Виль-Мари он учил их и помогал им выжить. В походах или боях против ирокезов, которые он вел с горсткой солдат-хлебопашцев, он всегда помнил о детях, которые, не ведая о нависшей над ними угрозе, доверчиво ждали исхода битвы в фортах или бревенчатых домах. И мысль о них удваивала его силы.

Он уважал этих маленьких людей, он восхищался их невинностью и мудростью и завидовал незамысловатым, почти божественным радостям, какие бывают только в детстве. Когда он рассказывал о своих собственных детских годах, его воспоминания звучали как вечный гимн радости жизни.

Анжелика с удовольствием слушала его рассказы о матери и сестрах, с которыми он сохранял самые тесные связи.

Это была чудесная прогулка, наверное, так гуляют праведники в раю.

Маленькая мельница продолжала вращать крыльями на вершине горы Кармель. Озаренные солнечным светом, крест, столб и виселица казались сошедшими с какой-то наивной благочестивой картины.

Вдали охваченный пастельно-голубой дымкой остров Орлеан продолжал вести свой немой диалог с Квебеком. Между ним и городом тянулась частая сеть санных следов.

Анжелика и Ломени наслаждались солнечным теплом, словно благодарные выздоравливающие. Она призналась ему, что опасается его решительных действий. Например, что он надумает прекратить их дружбу. А эта дружба так ей нужна! Ей так необходимо хотя бы случайно встречаться с ним на улицах, знать, что он живет в этом городе, ибо перед его непоколебимым спокойствием и справедливостью вся ее горечь и смутные страхи отступают и, даже больше, исчезают навсегда. Благодаря ему она становится лучше.

Глава VI

Возвратившись с прогулки, Анжелика застала перед своим домом лейтенанта Барсампюи. Он ждал ее, чтобы передать письмо от графа де Пейрака, и уже собирался уходить.

Анжелика сразу же сломала печать и с огорчением прочла, что Жоффрей отправился в поездку по реке Святого Лаврентия вместе с господином де Фронтенаком. Погода стояла отличная, так что можно было, не опасаясь, сделать несколько санных перегонов по льду. Они посетят поместья, и губернатор представит Пейраку их хозяев, по большей части людей предприимчивых, заботящихся о своих арендаторах и к тому же живущих на своих землях даже зимой. Они осмотрят также несколько заброшенных деревянных редутов; граф де Пейрак предложил восстановить их, поскольку на берегах реки всегда не хватало караульных башен, с высоты которых можно было бы вовремя заметить приближение ирокезов. Один из этих редутов, в устье реки Шодьер, на юге, по-видимому, был занят этими злейшими врагами Новой Франции, скрытными и коварными.

В своем послании Жоффрей объяснил ей все это со свойственными ему обстоятельностью и любезностью. Он сожалел, что не застал ее, чтобы проститься. Но с отъездом следовало спешить, так как дни сейчас коротки и за пределами более или менее населенных поместий на реке нет обозначенных вехами дорог.

Несмотря на приветливость тона его прощального письма, Анжелика почувствовала разочарование, ибо, не говоря уже о том, что она желала видеть мужа и рассказать ему о подозрениях начальника полиции, ее к тому же тяготила смутная тревога по поводу созванного

им собрания гасконцев. Она с беспокойством осознавала, что в последнее время привыкла к тому, что они стали видеться реже. Ее дни были полны счастья, настоящего и прочного. Разве не говорят, что подлинное счастье – это избавление от несчастий и мук? От каких же несчастий и мук избавляла ее добытая ею свобода? Она не знала, но чувствовала, что польза от нее есть.

И все-таки сейчас она горько сожалела, что ее все утро не было дома. Но она не хотела выказывать свою досаду при Барсампюи.

Воспользовавшись тем, что они могут поговорить спокойно, она поинтересовалась, как он живет. Анжелика сочувствовала этому молодому человеку, зная, как он страдает после гибели своей возлюбленной Кроткой Мари. Улыбнувшись, она спросила его о здоровье, жизни и выразила надежду, что после нескольких месяцев, проведенных в Квебеке, его исстрадавшееся сердце уже меньше болит. Кстати, ей говорили, что одна прелестная девушка проявляет к нему интерес. Все это было сказано очень мило, с чарующим выражением лица, наполовину по-матерински, наполовину по-женски, что заставило мадемуазель д'Уредан, следившую за этой сценой из своего алькова, записать:

«Наблюдая за госпожой де Пейрак, когда она на улице перед своим домом разговаривает с кем-нибудь – а таких людей наберется целая толпа, как придворных и просителей перед опочивальней короля, – я узнала все нюансы искусства общения с самыми разными видами человеческих существ, будь то мужчина, женщина, ребенок, старик, знатная особа или последний бедняк, представитель любой расы, человек любого цвета кожи, какой только можно найти в нашем городке. Теперь я знаю, насколько очаровательной в общении может быть женщина, и это причиняет мне весьма жестокую душевную боль – вы поймете меня, ибо любите изучать

особенности человеческого сердца. Теперь я понимаю: владей я навыками этого искусства в дни моей молодости, мне было бы даровано множество любовных приключений. Я вижу, как порой выражение нежности и любви пробегает по прекрасному лицу Анжелики, с кем бы она ни говорила: с выпивохой Эртебизом или со своим длиннозубым индейским вождем Пиксаретом. Будь у меня в юности этот дар, я не была бы сейчас прикованной к постели больной старухой, которую никто не любит и у которой так мало воспоминаний, способных согреть ее сердце».

Барсампюи поблагодарил госпожу де Пейрак за участие и сказал, что у него все хорошо и на душе поспокойнее... хотя... Глаза молодого офицера вдруг грозно блеснули, и Анжелика подумала, что он недаром плавал под началом Колена Патюреля, когда тот был пиратом и прозывался Золотой Бородой. «Убийцы моей возлюбленной заслуживали большего наказания, сударыня. Но Господь призвал меня к смирению». Жизнь в Квебеке, по словам молодого лейтенанта, приятна, к тому же надо признать, что господин де Пейрак не из тех командиров, что дают своим подчиненным маяться от безделья. Так что у Барсампюи совсем мало времени, чтобы горевать и слишком сосредоточиваться на своих сердечных муках.

Взяв себя в руки, как ей когда-то советовала ее тетушка Пюльшери, ибо это первейший долг светской дамы – уметь «взять себя в руки», чтобы никогда не показывать окружающим своего плохого настроения, – Анжелика через задний двор вошла в дом с письмом Жоффрея в руке. Она была не вполне уверена, что не расплачется.

В малой гостиной, сидя на канапе, ее ожидали господин де Вильдавре и госпожа де Кастель-Морг. Когда она вошла, оба встали.

- Сабина очень разволновалась, узнав, что вы вините ее за вмешательство в эту историю с графом де Варанжем, - сказал маркиз. - Она хочет объясниться, вот я ее и привел.

Анжелика бросила на него испепеляющий взгляд. Перехватив его, он предпочел улизнуть, на прощание подарив дамам лицемерную улыбку:

- Я вас оставляю!

У плаща госпожи де Кастель-Морг была подкладка цвета сливы. В лившемся в окна полусвете она, со своей золотистой бледностью, определенно была очень красива.

- Господин де Вильдавре сообщил мне, что, приняв участие в судьбе маленьких савояров господина де Варанжа, я вас рассердила, - начала Сабина. От волнения ее и без того большие андалузские глаза раскрылись еще шире. - Анжелика, я так огорчена. Вы выдвинули обвинения против меня.

- Какие обвинения?

- Будто я умышленно подняла вопрос об этих маленьких савоярах, чтобы дать начальнику полиции повод взять вас под подозрение.

- Ах, да не делайте вы из всего трагедию!

- Вся моя жизнь - трагедия! - воскликнула Сабина де Кастель-Морг.

- Тогда что же говорить о моей? Присаживайтесь!

Госпожа де Кастель-Морг снова села на канапе, а Анжелика устроилась на другом его конце.

Сделав над собою усилие, чтобы успокоиться, жена военного коменданта объяснила, что никогда и в мыслях не держала причинить неприятности госпоже де Пейрак. Просто она первая заметила, что господин де Варанж перестал появляться в квартале, где проживал.

- Когда наш дом еще не был разрушен, граф был нашим ближайшим соседом. Мы бывали у него редко, но я наблюдала за передвижениями его слуг. Однажды я

посоветовала ему отправить его маленьких лакеев на уроки катехизиса, чтобы их наставили в христианской вере. Он сказал мне, что сделает это, но мне неизвестно, последовал он моему совету или нет. Дети родились в Савойе и почти не говорят по-французски.

Недавно Сабина заметила, что в пустом доме Варанжа нет никого, кроме этих двух маленьких слуг. Она обратила внимание на то, что они скитаются по городу и имеют жалкий, нищенский вид. Она сообщила об этом странном факте господину прокурору Тардые, а тот в свою очередь поставил в известность господина Гарро д'Антремона. Тогда и обнаружилось, что прошло уже несколько недель и даже месяцев с тех пор, как граф пропал. Что до детей, то она сразу забрала их в замок Сен-Луи, где они могли питаться на кухне, а потом господину Тардые пришла в голову замечательная мысль – взять их на службу в канцелярию суда, чтобы они чистили дымоходы, ведь эта работа привычна для мальчиков из Савойи. Маленькие и худенькие, легко пролезающие во все отверстия, они приходили в дом в сопровождении полицейских и могли быстро проверить, в хорошем ли состоянии дымоход, который домовладелец должен был прочищать раз в два месяца за свой счет под угрозой крупного штрафа. Так дети и остались в канцелярии, среди эталонов мер и весов, с помощью которых устанавливались факты недомера, недолива и недовеса. Сторожиha канцелярии приютила их у себя, у нее они и питались. Секретарь суда Карбонель взял их под свою опеку, и им даже назначили небольшое жалованье как государственным служащим.

Анжелика сознавала, что не сможет объяснить Сабине истинные причины своей досады.

– Вы поступили правильно, – сказала она. – Сабина, я никогда не сомневалась в вашем милосердии. Мне известна ваша доброта.

– Но моя неловкость сводит на нет всю мою доброту.

Анжелика не знала, что ответить.

- Мне кажется, - тихо проговорила Сабина де Кастель-Морг, - что мои добрые дела вызывают даже больше претензий, чем вспышки моего гнева и непокорства. Как будто каждый раз, позволяя себе проявить доброту, я иду против предначертанного порядка вещей.

- Да нет же, нет! Что за мысли вы вбили себе в голову!

- Разве могла я бросить этих несчастных крошек? - оживилась Сабина. - Они были такие худые, что на них жалко было смотреть. Наши соседи по Большой Аллее - это в основном бывшие трапперы или переводчики, разбогатевшие на торговле пушниной, которые, накопив денег, построили себе здесь дома. Это люди суровые и к самим себе, и к другим. Они ограничивались тем, что, видя детей, бросали им краюху хлеба или били их, когда те лазили поживиться в их курятники. Даже на Рождество никто не поинтересовался, как они встретили благословенный праздник Младенца Иисуса... Узнав об этом, я не могла не вмешаться. Вы со мною согласны?

- Разумеется! Вы все сделали правильно, - повторила Анжелика таким расстроенным и раздраженным тоном, что он свел все одобрение на нет.

Ошеломленная Сабина де Кастель-Морг на миг утратила дар речи и едва не разрыдалась.

- Они не могли дольше оставаться в этом мрачном, зловещем доме, холодном и сыром, - продолжала Сабина. - Они разводили огонь только в кухне и спали перед очагом, положив на каменный пол немного соломы. Господин Карбонель - человек неплохой. По воскресеньям он будет водить их к себе домой на семейный обед. Я хотела как лучше...

- Ну конечно, вы совершенно правы. Но ради всего святого, замолчите! - воскликнула Анжелика.

Нервничая, она случайно нажала на подлокотник канаве и, услышав предательский скрип, подумала, что механизм сейчас сработает. При мысли о том, что они вместе с госпожой де Кастель-Морг могли опрокинуться на спину, Анжелика расхохоталась, что в данный момент было явно не к месту.

Побледнев, Сабина вскочила:

- Вы смеетесь надо мной!

- Даю слово, что нет, - заверила ее Анжелика.

Лицо ее гости смягчилось, и, глядя на Анжелику, она тоже улыбнулась:

- Вы все время смеетесь!

В этом же упрекала ее и Амбруазина, хотя Анжелика не помнила, чтобы в ее присутствии была так уж весела.

- ...Я за вами наблюдаю. Вы всегда веселы, как женщина, которая... которая знает, что с приходом ночи ее ждет любовь и что утром она проснется, уверенная в своей красоте, женственности и в том, что она любима. Вы не знаете, каково это - каждый вечер засыпать и каждое утро пробуждаться с сознанием, что ты навечно изгнана из этого рая, открытого для всех людей на земле: рая Любви.

- Но что же вам мешает войти в этот рай?

- Мне не дано внушать любовь.

- Это потому, что вы не любите ни любовь, ни саму себя. Какой выверт заставляет вас так себя ненавидеть? Знаете ли вы, что я, кого, как вам кажется, феи при рождении осыпали всеми дарами, завидую, да, да, завидую вашей прекрасной фигуре, скульптурным формам вашей груди, вашим черным волосам, хотя вы их зачем-то прячете? Вы очень привлекательны, Сабина. Неужели ваши любовники никогда вам этого не говорили?

- Любовники! - возмущенно воскликнула та. - Да как вы смеете мне такое говорить? Ну конечно, вот она, ваша безнравственность!

- Ну что ж, тем хуже для вас! Общайся с вами, я невольно задаю себе вопрос: не состоит ли настоящая добродетель в том, чтобы быть счастливой и наслаждаться всеми радостями этой жизни? Вы замкнулись в своей разбитой любви, как в болезни. Вы решили, отрекшись от любви, отомстить ей, но сейчас она мстит вам...

Под взглядом Анжелики - взглядом, казавшимся ей торжествующим, - Сабина чувствовала себя как прокаженная.

Она бранила себя за свое вечное неумение хладнокровно разговаривать с Анжеликой.

При общении с нею ее всякий раз терзает жгучая, невыразимая зависть.

- Мне хотелось бы вас ненавидеть, - прошептала она.

- По-моему, вы не отказываете себе в этом удовольствии, - парировала Анжелика. - И все потому, что я якобы «отняла» у вас мужчину, которого вы любили! Да что вы знаете о нашей любви?

- Едва увидев вас, жестокая, на тулузской дороге, я поняла, что проиграла, потому что он не мог устоять против вашего очарования. Я сразу поняла, что вы целиком завладеете им, человеком с утонченным вкусом, сладострастником, который любил женщин как прекрасные творения, но не сдался пока ни одной. Как же несправедливо, что он отдал свое сердце вам, уроженке Пуату! Вам, так далекой от нашей культуры.

- Хватит с меня этой вашей культуры! - вконец распалившись, крикнула Анжелика. - Вот уж в самом деле глупости, которые дорого ему обошлись. Лучше бы он о них забыл.

Она огляделась, чтобы убедиться, что их разговора никто не слышит.

- Определенно, после нашего приезда в Квебек мой муж начал слишком сильно интересоваться вашей

культурой.

- Вы не вправе просить его отречься от культуры трубадуров.

- Трубадуров больше нет! Неужели вам мало того, что его пытали, приговорили к смерти, изгнали? А теперь, когда спустя много лет забрезжила надежда, что его признают при дворе и, быть может, восстановят в правах, вы вновь подвергаете его опасности?

- Опасности? - повторила Сабина. - Что вы хотите этим сказать?

- А то, что мы приехали в Квебек не затем, чтобы дать графу де Пейраку случай на досуге замышлять против короля, - выпалила Анжелика и тут же пожалела о сказанном. - Выходит, гонения на него, которые я считала несправедливостью нашего государя, имели под собою кое-какие основания?

- Что за чушь! Вы сошли с ума! Анжелика, что вы себе вообразили? Мы все - верные подданные нашего государя.

- Я видела ваше сборище в лесу и слышала, как он говорил с вами на провансальском языке.

Госпожа де Кастель-Морг улыбнулась, что привело Анжелику в еще большее раздражение, потому что сила явно была не на ее стороне.

- Мы часто так собираемся, чтобы поговорить на своем родном языке, языке нашего края и нашего детства. Нам, изгнанникам, это согревает душу. Господин де Фронтенак тоже гасконец и любит приходить на наши встречи. Пригласив нас к себе, господин де Пейрак проявил самое лучшее из своих превосходных качеств, хотя о нем не все знают, так как он порой бывает так насмешлив и язвителен. Он очень добр.

- Это вовсе не так. Он совсем не добрый. Он даже злой.

- Определенно, вы плохо его знаете.

- Мне кажется, я знаю его лучше, чем вы. Ведь он мой муж! А я его жена, и все ваши воспоминания о нем ничего не изменят. Это я страдала вместе с ним, когда на него обрушилась опала, это я стала отверженной, потому что носила его имя. Вы любили его, потому что он был богат и великолепен, потому что вы считали, что с ним вы станете владычицей Тулузы и королевой Цветочных игр. А смогли бы вы перенести поношение его доброго имени и полное крушение его состояния? Что было бы с вашей любовью, после того как его величие обратилось в прах, друзья отвернулись, а сами вы оказались в ужасающей, беспросветной нищете?

- А вы? Вы это перенесли?

Сабина вскочила и теперь смотрела на Анжелику испепеляющим взглядом:

- Ведь и вы тоже любили его не потому, что он был богат и великолепен? А когда его сбросили с пьедестала, разве вы смогли это перенести? Вот что скрывается за вашими словами... Вы все еще держите на него злобу за то низкое положение, на которое он вас обрек... Вы даже были не способны пережить вместе с ним и ради него постигшие его невзгоды.

Анжелика вскочила тоже:

- Дура! Даже не пытайтесь понять что-то в чувствах! И судить о моей любви к нему!.. Его сожгли на Гревской площади, и лишь позже я узнала, что это была заочная казнь. Я любила его, боготворила, а он исчез навсегда. Как вы сказали - невзгоды? Легко вам говорить. Вы качали в колыбели вашего маленького Анна-Франсуа под сенью родового замка господина де Кастель-Морга, за которого вышли с досады, а я в одиночку барахталась в нищете с двумя оборванными детьми на руках...

- Кто вам сказал, что моя жизнь была легкой? Мой муж выступил на стороне господина де Пейрака, и после того, как волнения в Аквитании утихли, нас в наказание выслали в Канаду. Ваша участь, хотя вы на нее и

плачетесь, была лучше. Вы любили вашего мужа, а он любил вас. Поверьте, быть связанной с нелюбимым, вызывающим отвращение, – вот худшее из несчастий.

– Кто же вас заставлял идти наперекор вашему сердцу и чувствам? Да вы просто дура! Дура! Да господин де Кастель-Морг обладает всеми достоинствами, чтобы быть любимым, и не одной женщиной, а многими.

– Ну конечно. Он не отказывает себе в удовольствии блудить с потаскухами!

– Вы сами подталкиваете мужа к ним, отвергая его. Вы ставите его в глупое положение своей сварливостью и ничем не оправданной злобой. Я же нахожу его весьма обаятельным, смелым, темпераментным и приятным в общении. Я испытываю к нему огромное уважение.

– И вы, конечно же, считаете себя вправе дать ему это понять, чтобы пополнить список соблазненных вами мужчин? Я вас умоляю, оставьте моего мужа в покое!

– А вы моего!

– Разве вам мало того, что мой сын Анн-Франсуа терзается от любви к вам? Вам нужен еще и его отец?

– Я не виновата, что в мозгу этого молодого человека, вашего сына, могли зародиться какие-то безумные мечты... У меня все это вызывает лишь скуку. А вот интерес, который вы проявляете к работам моего сына, кажется мне менее безобидным. Вы ему льстите, интересуюсь его картами, выслушивая рассказы о его путешествиях, но разве этот юный, самодовольный паж привлекает вас не потому, что он слишком похож на своего отца и это вас будоражит?

– Вы бредите! В отличие от вас я не бесстыдница, чтобы интересоваться вашим сыном...

– Но вы смеете обвинять меня в том, что я соблазняю вашего! А на самом деле вы злитесь на него и на меня только потому, что, влюбившись в меня, он ускользает от вас.

- Да! - взорвалась разъяренная Сабина. - Кроме него, у меня никого нет. После его возвращения из лесов я его не узнала. После того как он встретился с вами в Тадуссаке, его как подменили. Я думала, он меня возненавидит. Он переехал в усадьбу Монтины и стал жить там при Флоримоне, потому что это еще один способ быть рядом с вами. Разве, проявив интерес к их общему путешествию, его и Флоримона, я совершила что-то ужасное? Я просто хотела быть ближе к моему сыну, ведь он у меня единственный... И оба мальчика были довольны вниманием, с которым я слушала их рассказы, ведь молодые любят поговорить о своих подвигах и достижениях. Я не вынесу, если навсегда лишусь Анна-Франсуа, жестоко требовать от меня этого. Если я его потеряю, у меня не останется ничего, вы это понимаете?

- Я прежде всего понимаю, что вы женщина завистливая и хотите прибрать к рукам весь мир.

- Я возвращаю вам ваш комплимент. Не вам меня упрекать, ведь это вы без устали привлекаете к себе любовь всех мужчин, даже духовных лиц и монахов, таких как мальтийский рыцарь господин де Ломени.

- Да и вы в долгу не остались. Страсть, которую вы питаете к своему духовнику, всем известна.

- К моему духовнику? - вскричала Сабина, прижав руку к груди. Казалось, она вот-вот лишится чувств. - Новая клевета! О каком духовнике вы говорите?

- Естественно, о пресвятом отце Себастьяне д'Оржевале... Не будете же вы отрицать, что вы от него без ума.

- От него? Да я никогда не помышляла о нем иначе как о духовном наставнике! Как вы посмели вообразить?

- Я ничего не воображала! Вы проявляли свою привязанность к нему столь явно, что никто уже не обманывается насчет ее истинной природы. Над вами насмехается весь город...

- Вы змея!

- Я просто откровенна. Я не отказываюсь от своих сердечных и плотских влечений и нахожу, что в них куда больше добродетели, чем в вашем бесплодном лицемерии. Вы разрушаете свою жизнь, Сабина, убеждая себя, что наши любовные порывы ниспосланы нам Сатаной. Потому что вы тоже натура чувственная и страстная...

На сей раз госпожа де Кастель-Морг и госпожа де Пейрак рассорились насмерть. Стоило ли тогда так явно и ошеломляюще мириться на балу в честь Дня Богоявления?

Светское общество, до которого все доходит не сразу, ничего не заметило. Все по-прежнему обсуждали их примирение на балу, привлекательное своей необъяснимостью, налетом тайны, которую так никто и не разгадал.

Никто не подозревал об их внезапной последней ссоре, столь же жестокой, сколь и глупой. Сабина была в отчаянии, а Анжелику мучили угрызения совести.

В тот же вечер, вскоре после ухода Сабины, послание от рыцаря де Ломени отвлекло Анжелику от мук совести. Он приглашал ее в свои сани для большой прогулки с пикником к водопаду Монморанси, которая состоится в воскресенье, то есть уже завтра.

Чтобы забыть неприятное воспоминание, возникшее у них, когда «эти господа» отправились прокатиться к тому месту, где Шодьер впадает в реку Святого Лаврентия, выше по течению от Квебека, а их оставили скучать за карточными столами, некоторые дамы, сиречь госпожа де Меркувиль и госпожа де Лаводьер, затеяли большую санную прогулку вниз по реке.

Поедет полгорода. Они проведут весь день у подножия водопада. Будут кататься на коньках и съезжать с Сахарной Головы.

Господин д'Арребу предоставил в распоряжение господина де Ломени свои сани. И тот просит Анжелику благосклонно считать его своим кавалером. Анжелика поспешила согласиться, о чем и уведомила его в записке, которую отправила немедленно. Господа де Бардань, де Вильдавре и де Шамбли-Монтобан, явившиеся предоставить свои экипажи в ее распоряжение, опоздали.

Часть восьмая
Водопад Монморанси

Глава I

Яркое солнце освещало дорогу, проложенную по реке Святого Лаврентия и обозначенную вешками из еловых и кедровых веток, и летящие по ней сани; бубенчики на паре запряженных цугом лошадей весело звенели в такт их ходу. У канадцев вошло в обыкновение подвешивать лошадям, впряженным в сани, бубенцы, потому что без них упряжки во время снегопадов двигались беззвучно, как призраки. Прохожие и возницы других саней не слышали их приближения, и это привело к нескольким несчастным случаям.

Анжелика сидела рядом с рыцарем де Ломени, укрытая меховой полостью. Как только его сани, качнувшись, съехали с берега и понеслись по ледяной равнине, она отдалась блаженному чувству радости от этой поездки по открытым бескрайним просторам, к которому примешивалось головокружение оттого, что она делит эти чистые и упоительные минуты бегства из Квебека с внушающим доверие графом де Ломени.

«Внушающим доверие» – вряд ли эти слова подходили в полной мере. Анжелика использовала их за неимением других, более точно передающих то удовольствие, которое она испытывала в его присутствии, чувство легкое и безоблачное, как это невероятно чистое небо, чья яркая сапфировая синева так весело воевала с золотом солнца. Они покинули город поздним утром, и пока что армии солнца, похоже, выигрывали битву.

Запрокинув голову, Анжелика вдыхала морозный воздух. Ее капюшон из густого белого меха защищал лицо от жгучих укусов ветра. Под меховой полостью ее рука нашла затянутую в перчатку руку мальтийского рыцаря, и сердце ее затрепетало от нежности, когда она

ощутила его непринужденное пожатие, спокойное и твердое.

Все было хорошо и покойно.

Короткими фразами, полуприкрыв глаза, чтобы их не слепили солнечные стрелы, она поведала рыцарю де Ломени, что недовольна собою, что, несмотря на старания по мере сил всегда быть справедливой и беспристрастной, в своем поведении она видит ужасные признаки недостойной злобы и радости оттого, что она причиняла боль.

– Как? Неужели вы говорите о себе?

Она принялась объяснять, что имеет в виду, не посчитав, однако, нужным сказать ему, что этот суд совести, этот анализ поступков порожден репликой, брошенной ей Сабиной де Кастель-Морг: «А вы? Вы это перенесли?» Она вспомнила далекое прошлое, рассказав Ломени-Шамбору о своем страшном падении с вершин неземной любви и несметного богатства в черную пучину нищеты и отчаяния.

– ...И в чем же вы себя упрекаете? – спросил он.

Он слушал ее с таким вниманием и так доброжелательно, что Анжелика была готова исповедоваться ему часами, лишь бы и дальше купаться в сиянии его глаз, полных восхищения и нежности.

– Я была тогда так молода... Слишком молода... Мне едва исполнилось двадцать... Сейчас мне кажется, будто то, что я перенесла, было выше моих сил... И что от тех лет во мне осталось что-то дурное, как затаившаяся в теле золотуха.

В той битве она сражалась яростно, не разбирая средств, но не запечатлелось ли с тех пор в глубине ее души обещание, которое она, сжав зубы, часто себе повторяла: «Мужчины мне за это заплатят»?

– ...И даже когда дело касается мужчины, которого я всем сердцем люблю, но чье падение принесло мне

столько несчастий, во мне, как мне кажется, порой поднимается что-то темное, что его не простило.

Мальтийский рыцарь слушал ее серьезно. Грусть и сострадание отражались на его подвижном лице, когда она приоткрывала завесу над пережитыми ею испытаниями, но в его глазах она уловила легкий оттенок осуждения.

- Вы хотите отомстить мужчинам, - молвил он, - и это ваше желание понятно. Но... все равно оно дурно и даже очень гадко.

Она положила голову ему на плечо:

- Да!.. Ругайте меня, господин де Ломени. Я нуждаюсь в том, чтобы меня ругали...

Она закрыла глаза и ощутила ласку солнечных лучей, нежно греющих, несмотря на холодное дыхание ветра, ее опущенные веки.

- Я кажусь себе эгоистичной, жестокой, безжалостной...

- Очень хорошо!

Открыв глаза, она увидела, что лицо графа сделалось задумчивым, но в его взгляде светится озорной огонек, как будто Ломени только что ее поддразнил.

- Эгоистичная, жестокая, безжалостная, как сама молодость, - повторил он. - Увы, молодым слишком часто приходится быть такими, вступая в жизнь, чтобы не сгинуть. В чем сила двадцатилетних? Совсем еще юной женщины, ставшей добычей мужчин, или юного воина, идущего в бой, чтобы нести смерть? Среди невероятно трудных задач, которые перед нами ставит жизнь, эта, пожалуй, одна из самых нелегких: в любых испытаниях сохранить умеющее радоваться нежное сердце, которое нам, своим детям, дает Бог. А раз так, то не судите слишком строго ту девушку, которой вы были много лет назад... и которая, должно быть, была восхитительна.

Он улыбнулся, и она подумала, что сейчас он ее поцелует.

Ее голова по-прежнему покоилась на его плече. Иногда, когда сани трясло, она на мгновение выпрямлялась и внимательно смотрела на кучера, невозмутимого, неподвижного, квадратного в пелерине из дубленого меха и в красной канадской шапке. Он курил, и было видно, как небольшие облачка голубоватого дыма из его трубки сливались с мерцающим паром его дыхания. К тому, что происходило за его спиной, он был совершенно равнодушен. Сани мчались все дальше по залитой солнцем равнине, где в золотой дымке постепенно вырастала тень острова Орлеан, а слева выступали первые отроги берега Бопре. Уже была видна колокольня церкви прихода Бопор, вонзающая свой серебряный шпиль в бледно-голубое небо. И можно было любоваться правильной прямоугольной нарезкой рядами поднимающихся по увенчанным лесом берегам реки земельных участков арендаторов. Посреди каждого надела стоял дом с островерхой крышей; из труб в небо поднимались мирные белые полосы печного дыма.

Так много раз виденные ею с высоты Верхнего города, теперь, наблюдаемые снизу, эти дома, нарочно построенные в отдалении друг от друга, более чем когда-либо напоминали Анжелике терпеливых часовых.

- Потому что, признаюсь, - продолжал между тем Ломени, - я часто бывал растроган, замечая, как вы стараетесь никого не огорчать, желаете подбодрить, облегчить окружающим бремя их забот. Быть может, ваше редкое милосердие - следствие тех душевных ран, которые вам самой когда-то нанесли пережитые несправедливости и унижения. А сейчас не могли бы вы мне сказать, какие именно ваши поступки привели вас к мысли, будто вы стремитесь отомстить всем мужчинам, и в частности тому, которого вы, по вашему

собственному признанию, любите больше всего на свете и с которым вас связывают долгие годы взаимной любви? И это несмотря на то, что судьба, как вы мне рассказали, несколько раз вас разлучала.

Анжелика спросила свою совесть. Прибыв в Квебек, она почувствовала необходимость уединиться в своем мире, немного отделить свою жизнь от жизни мужа. Может быть, это знак?

Ломени улыбнулся:

- Мое дорогое дитя, вот с чем я хотел бы вас поздравить. В Монреале я долгие годы занимался тем, что пытался сохранить гармонию супружеских союзов в этом маленьком изолированном поселении, где жизнь тяжела и опасна, но где живут люди доброй воли. И часто я сожалел, что не могу посоветовать ни одному из супругов сделать то, что мы в монашеских или третьих мирских орденах называем словом «отрешиться». Все монахи или терциарии обязаны отрешаться хотя бы раз в год. Молчание, сосредоточение, уединение, погружение в размышления о себе самом, анализ наших отношений не только с Богом, но и с теми, кто нас окружает, кого мы любим. В круговерти светской жизни два существа, находящиеся вместе и днем и ночью, – если они люди знатные – испытывают желание немного отдалиться друг от друга, чтобы потом их союз стал еще крепче. Предчувствие подсказывает мне, что вы поддались этому стремлению, а господин де Пейрак понял и не стал злиться. Редкое благоразумие! Ибо я успел заметить, что отнюдь не суровость законов о браке заставляет супругов держаться вместе и не давать друг другу никакой свободы, но самая неразумная ревность и чувство собственности, порой доходящее до крайности.

Мальтийский рыцарь вдруг замолчал, как будто испугавшись, что в своих суждениях зашел слишком далеко и несколько сгустил краски.

- Но, по правде говоря, не так-то легко отделить себя от существа, с которым вас соединяют узы плоти, - вздохнул он.

Его произнесенные вполголоса слова порхали вокруг нее, пока их не уносил ветер. Она ухватила их суть, и в этих скованных и одновременно проворных мыслях Анжелике слышалось приятное одобрение ее поступков.

«Он прав... Я именно так и полагала...»

Ей хотелось сделать передышку и разобраться в себе, снова свободно идти среди людей по жизни, получая от нее все преходящие, мимолетные удовольствия, как от пищи, будь то подношение от поклонника или сладость проснувшейся страсти.

При этом она не чувствовала за собою никакой вины, оправдывая эти легкомысленные поступки потребностью в мщении, с одной стороны, за все обиды, что ей причинили мужчины, а с другой - за ту неодолимую власть, что имеет над нею Жоффрей. Его власть тяготила ее, ибо теснила ее сердце и однажды рисковала стать бременем и для него. Счастливая женщина, свободная женщина, женщина, которой нечего бояться, - что лучше она может ему предложить?

И сейчас она нисколько не винила себя за то, что так счастлива в этот чистый зимний день лететь в санях рядом с Ломени по реке Святого Лаврентия все дальше и дальше вперед. Тонкий профиль мальтийского рыцаря был омыт светом, и, глядя на его губы, она вновь подумала: а были ли в его жизни другие поцелуи, кроме того, который он подарил ей недавно в часовне?

- Скажите мне, мой дорогой Клод... Как другу... Но если не хотите, не отвечайте на мой вопрос... Вы только что произнесли слова «узы плоти»... и говорили о любви как тонкий знаток. Так следует ли мне сделать вывод... что когда-то, возможно, до того, как принять монашеские обеты... вы приобрели некоторый опыт в области...

Клод де Ломени улыбнулся:

- Вы спрашиваете, девственник ли я? Право, что вам ответить? И да и нет...

- Что вы хотите этим сказать?

- Целомудрие - это состояние души. Посвящая себя служению Богу и давая обет целомудрия, ты заранее знаешь, что он не будет тебе в тягость. Однако незадолго до вступления в ряды Мальтийского ордена, находясь в Париже и готовясь к экзамену по теологии в Сорбонне, я вдруг почувствовал сомнение. Я начал убеждать себя, что, быть может, решил принять монашеские обеты из страха. Страх, который нам постоянно внушали, - страха перед Женщиной. Мой духовник, иезуит, понял, что подобные сомнения относительно мотивов моего решения стать монахом будут одолевать меня и впредь, и разрешил мне посетить бордель на улице Глатиньи.

- На задворках Нотр-Дам!

- Именно! Большая тень собора на маленькой убогой улочке.

- И какие же чувства вы вынесли из своей вылазки в этот вертеп сладострастия? Отвращение?

- Вовсе нет. Мое любопытство было возбуждено слишком большим количеством открытий, чтобы заострять внимание на внушающей омерзение обстановке борделя или на странностях акта совокупления, все этапы которого мне заранее описал один из моих товарищей по университету, изучавший медицину. Эта вылазка, как вы изволили выразиться, на улицу Глатиньи воздействовала на меня как нельзя более благотворно. Женщина предстала передо мной в самом униженном ее положении, одновременно я наблюдал страдания, уязвимость и очарование этих созданий. Так я понял, что скрывается за словом «женщина»: соблазн, слабость, отвержение. И из этого своего опыта я вынес сострадание и понимание по

отношению ко всему женскому полу. В этом же грязном притоне я узнал ценность качества, в общем-то, обыкновенного, но позволяющего нам с честью выходить из разного рода унижительных или неловких положений, – доброжелательности. Так что, как видите, из единственного воспоминания, которое у меня есть, я извлек множество поистине драгоценных уроков.

Анжелика слушала рыцаря де Ломени и находила его восхитительным. Он непринужденно улыбался, но взгляд его серых глаз волновал ее каждый раз, когда он поворачивал к ней голову. Ей даже захотелось, чтобы он коснулся рукой ее груди.

«Он был бы прекрасным любовником», – подумала она.

Сани трянуло, и она, испугавшись, что кучер обернется, немного отстранилась.

– Стало быть, познание любви не отвратило вас от вашего призвания – стать монахом?

– Это было не познание любви, – возразил он, – а только познание плоти.

Словно говоря сам с собою, он прошептал:

– Только сейчас я познаю любовь.

Он произнес это так тихо, что Анжелика смогла сделать вид, будто не расслышала его последних слов, тем более что, когда они повернули за высокий мыс, их взорам наконец открылся водопад Монморанси. Рев воды делался все громче и громче, сливаясь с радостными детскими криками.

У подножия знаменитого водопада и его не менее знаменитого зимнего дополнения – Сахарной Головы уже кишело полгорода.

* * *

Поблизости уже выстраивались вереницы саней, а также прочих, самых разных средств передвижения. В некоторых из них, представлявших собой деревянные волокуши с поручнями, могли одновременно ехать стоя человек шесть-семь.

Ржание лошадей примешивалось к радостным дружеским восклицаниям и пронзительному смеху ребятишек и молодых девиц.

Граф де Ломени соскочил на землю и обошел сани, чтобы открыть дверцу и помочь Анжелике выйти.

Она подумала, что ступает по замерзшим водам великой реки Святого Лаврентия и что под ногами ее бездна. С первых же шагов лед треснул, и ее нога провалилась по колено. Анжелика вскрикнула.

Ломени не дал ей упасть и помог вытащить ногу, прося извинить его за то, что не смог ее удержать. Он смеялся. Река со своими волнами и подводными течениями, объяснил он, замерзает неравномерно, когда ее внезапно сковывает лед. Там и сям в нем образуются пустоты. Иногда он трескается, но это не страшно, потому что в это время года реку покрывают по меньшей мере три слоя льда.

- Три слоя? Слава богу!

Прежде чем их окружили друзья и знакомые, спешащие им навстречу, они подняли голову, чтобы окинуть взглядом восхитительный пейзаж, который в родовых муках создала здесь природа.

Поток воды, извергающейся из темного проема в стене леса, стремительно падал с высоты трехсот футов, похожий на огромную хрустальную башню, возвышающуюся над равниной замерзшей реки.

* * *

Зима трудилась без устали, но среди покрывающей скалу колоннады льда вода по-прежнему низвергалась с непрерывным ревом, отдающимся эхом в прибрежных утесах берега Бопре. У подножия водопада мириады капель водяной пыли, застывая в воздухе, превращались в мелкий снег, опадали на берег и в конце концов образовали там конус, который из-за его формы местные жители прозвали Сахарной Головой. Он был довольно высок, так что силуэты тех, кто достигал его вершины, снизу казались крошечными.

Твердая пористая ледяная поверхность этой горы, также напоминающая сахар, была припорошена сверкающей снежной пудрой, мягкой, точно бархат. Забраться на вершину было не так-то просто, зато спуск совершался с головокружительной быстротой. Смелчаки садились на корточки по пять-шесть человек на огражденные бортиками волокуши и как вихрь неслись с горы, оглашая окрестности победными криками.

В дни пикников усердные коммерсанты не упускали ни единого случая открыть торговлю и таким образом получить барыш. Так, нескольким из них, и в частности господину Гонфарелю, пришла в голову блестящая мысль – поставить прямо на льду небольшие палатки-харчевни, в которых гуляющим предлагались поджаренные колбаски, пиво, лимонад, а тем, кто почему-то не запасся, как это было принято, более крепкими напитками, – стакан или рюмка водки.

На площадке, тщательно выровненной и очищенной от снега, все желающие могли наслаждаться катанием на коньках. Другие, надев деревянные башмаки, взявшись за руки, падая и смеясь, выписывали на льду гигантские круги.

Вильдавре и Шамбли-Монтобан, оба прекрасно умевшие кататься на коньках, учили этому искусству восторженно визжащих Онорину и Шерубена.

Все находили немалую приятность в том, чтобы встретиться не на Соборной площади в Верхнем городе или на Рыночной в Нижнем, а на гулянье у водопада Монморанси. Небольшие группы медленно фланировали, беседуя под зимним солнцем.

В склоне Сахарной Головы были вырублены ступеньки «специально для дам». Анжелика, незаметно ускользнув от своей слишком многочисленной компании, решила совершить восхождение на ледяной конус.

Покорение в одиночестве этой ослепительно-белой, окутанной блистающей дымкой вершины наводило на мысль о библейском восхождении то ли на Фавор, то ли на Синай.

Добравшись до цели, Анжелика оказалась почти на уровне середины водопада. Вершина ледяного купола была довольно широкой и плоской, а вовсе не узкой и закругленной, как это представлялось снизу, так что сходство его с сахарной головой было почти полным.

Здесь легко поместилось бы человек десять, но сейчас Анжелика была одна. Под нею из глубин пропасти, отделяющей ее от водопада, огромными завитками непрерывно поднимались облака мерцающего пара.

Плотнее запахнувшись в накидку, с мокрым от собственного дыхания лицом, она погрузилась в созерцание возвышающейся прямо перед ее глазами гигантской текучей стены. Грохот огромной водяной массы, разбивающейся о скалы, был так оглушитель, что в нем тонули все остальные звуки.

Однако Анжелика внезапно ощутила, а быть может, все-таки и услышала легкий толчок. Она повернула голову и увидела индейскую стрелу, торчащую из снега прямо у ее ног.

У кромки обрыва, напротив себя и почти на такой же высоте, она заметила движение – это был индеец с луком в руке. И в то же мгновение случилось нечто

ужасное: из усеянного блестками тумана появились две мощные руки в красных перчатках, а затем напоминающее античную трагическую маску отвратительное лицо, с безумными глазами и огромным квадратным открытым ртом, изрыгающим едва различимые слова.

- Обычный допрос... обычный допрос... Вы ее выдали... полицейскому... Сейчас... вы умрете...

К ней нетвердой походкой приближался Мартен д'Аржантейль... Он хочет ее задушить. К чему такие сложности - куда проще было бы одним толчком сбросить ее в пропасть. Снизу никто бы ничего не заметил. Кричать? В этом адском грохоте бесполезно. Все эти мысли промелькнули в ее голове в одно мгновение. Все произошло так быстро, что Анжелика не успела даже пошевелиться. В оглушающем безмолвии, создаваемом неистовым ревом падающей воды, она увидела, как Мартен д'Аржантейль дернулся, подскочил как ужаленный, рухнул к ее ногам, потом заскользил по склону и исчез, растворившись, как тень, в сверкающей водяной пыли. Однако, прежде чем туман опять сомкнулся, движущийся, плотный, пронизанный золотом солнечных лучей, она успела разглядеть, что между лопатками у него торчит стрела.

Среди чахлах сосенок, прилепившихся к малейшим неровностям и уступам скалы, мелькала черная медвежья шкура Пиксарета. Он через пропасть махнул ей рукой, чтобы она спускалась, хотя она сделала бы это и без него. Почему он оказался здесь? Только он, который всегда советовался с лучшими индейскими шаманами, толковал сны и доверял своим предчувствиям, которые его никогда не обманывали, мог знать ответ...

Анжелика начала спускаться по ледяным ступенькам и под постепенно стихающий шум водопада пыталась восстановить картину происшедшего. Первой стрелой

Пиксарет предупредил ее об опасности, второй пресек преступное намерение Мартена д'Аржантейля, за передвижениями которого он, должно быть, следил с прибрежной скалы.

Она увидела, как навстречу ей по склону поднимается рыцарь де Ломени. Когда они поравнялись, он подал ей руку, и она, с благодарностью опершись на нее, закончила спуск.

- Приближается буря, - сказал он. - Все собираются уезжать.

Анжелика посмотрела на небо, но не увидела ничего, кроме нескольких белых перистых облаков. Но все предвещало сильный снегопад. Торговцы разбирали и складывали свои палатки, люди спешили к своим саням. В них же подсаживали и тех, кто пришел к водопаду пешком. Один за другим разномастные экипажи устремлялись в сторону города.

- Я уже отправил домой детей и их прислугу, - сообщил Анжелике Ломени.

Поблагодарив его, она попросила его минуту подождать - ей надо сказать пару слов господину де Ла Ферте. Она перехватила его, когда он уже садился в сани, и отвела в сторону.

- Разве я вас не предупреждала? - тихо сказала она, дрожа больше от гнева, чем от пережитого страха. - Это вы послали его убить меня?

- Что? О ком вы толкуете?

- Об этом безумце, вашем Мартене д'Аржантейле! Он пытался меня задушить. Уж не по вашему ли приказу?

- Вот идиот! - ругнулся герцог, но тут же спохватился: - Что за странные у вас мысли, моя дорогая! Я живу надеждой вновь завоевать ваше сердце, так разве стал бы я давать ему подобные указания?

- Прекратите ваши глупые шутки! На этот раз я могу поставить в известность о ваших происках господина де

Фронтенака. Не забывайте, что губернатор имеет в Новой Франции полномочия короля и что, поскольку зимой навигация невозможна, все его решения, каковы бы они ни были, будут подтверждены и одобрены в Версале.

- Успокойтесь, - попросил ее герцог. - Вы же знаете, что Мартен и так не в своем уме, а здешний климат еще больше усугубил его состояние.

- Пусть так. Я готова согласиться, что он действовал в припадке душевной болезни. Но предупреждаю вас, господин де Вивонн, не устраивайте больше покушений на мою жизнь: ни вы сами, ни ваши друзья, ни ваша сестра.

В ее изумрудных глазах он прочел вызов.

- Неужели вы еще не поняли, что не сможете мне навредить? Я сильнее вас! Если вы снова посмеете что-то против меня предпринять, я вас всех уничтожу!

- Прошу вас, не кричите так громко, - сказал герцог, в тревоге оглядываясь по сторонам, ведь в припадке гнева она уже несколько раз назвала его «господин де Вивонн».

- Кстати, где он?

- Кто?

- Мартен д'Аржантейль.

Только сейчас до Анжелики вполне дошел смысл разыгравшейся на ее глазах драматической пантомимы на вершине Сахарной Головы: сраженный стрелой Мартен д'Аржантейль упал в пропасть.

- Он мертв, - сказала она. - Но я его не убивала... Он поскользнулся на льду и свалился в водопад.

Она ушла, оставив герцога в растерянности и страхе.

Рыцарь де Ломени помог ей устроиться в санях. Он видел, что она взволнована и бледна, но не понимал почему. Заботливо укутав ее в меха, он сел рядом. Всю обратную дорогу они молчали.

Чего нельзя сказать о других участниках этой увеселительной прогулки. По ухабистой равнине, в которую превратилась река, разносились крики и призывные возгласы. Тени все удлинялись, небо внезапно померкло.

Сегодня узники Нового Света несколько раздвинули границы своей тюрьмы и теперь возвращались в порт приписки, в свой маленький, наполовину нормандский, наполовину бретонский город Квебек, подобно острову Сен-Мишель, отделенный от Франции темно-синими водами океана. Они ехали обратно, наевшись колбасок и до такой степени разогретые выпитыми из канадских фляг кальвадосом, джином, ромом, а также водкой из плодовых косточек, из ячменя, из ржи и, наконец, водкой, очищенной от всех посторонних вкусов, простой и сшибающей с ног, что несколько экипажей столкнулись, а сани господина де Шамбли-Монтобана едва не проехали по лежащему поперек дороги бесчувственному телу галантерейщика Жана Прюнеля, в то время как волокуши, из которых его выкинули, удалялись прочь под громкие песни.

Когда сани рыцаря де Ломени огибали слева косу, вдающуюся в лед с острова Орлеан, Анжелика с неприязнью подумала о колдунье Гийметте: «Разве она не должна была меня предупредить, что мне угрожает опасность?»

В том, что только что произошло здесь, в Канаде, ее больше всего пугало то равнодушие, с которым она наблюдала, как человека поглотила клубящаяся ледяная пучина. Может быть, это влияние королевского двора, где мимоходом подсыпать яд было так же естественно, как добавить в напиток сахара, а после появиться, улыбаясь и поправляя манжеты. «Так поступают все».

Ее снова мучил неразрешимый вопрос. Рассказать ли о сегодняшних событиях Жоффрею? Но, едва представив себе, как это будет, она поняла, что это

невозможно, ибо она чувствовала, как он отдаляется от нее, и не могла с уверенностью предугадать ход его мыслей. Он человек скрытный, и если порой ошибался относительно ее души, то сама она – и это ее немного пугало – имела лишь самое смутное представление о его внутреннем мире, которое она если когда-либо и пыталась прояснить, то лишь в том, что касалось лично ее.

Не означает ли это, что она его недостаточно любит? Оттого что ей в голову пришла подобная ересь, она содрогнулась, и ее тело будто пронзили тысячи иголок. Ибо их связывали именно таинственные узы плоти, как, впрочем, всегда бывает при страстной любви.

Она открывала для себя банальные, очевидные истины, и тем не менее это было мучительно и трудно.

Впереди показался Квебек. Анжелика улыбнулась Ломени, как бы прося у него прощения. В его ответной улыбке было столько нежности, что она тут же утешилась. Он прощал ей все и ничего у нее не требовал.

Буря стремительно приближалась. Чувствовалось, что она черной тучей мчится вслед за нагромождением плывущих с северо-востока свинцово-серых облаков, пронизанных кое-где рубиновыми лучами заходящего солнца. У берега, в районе порта, наблюдалось заметное оживление и даже толчея, и сани то и дело натыкались на вмерзшие в лед корпуса кораблей и лодок. В конце концов пришлось выстроиться в колонну по одному, чтобы подняться на берег по самой наезженной дороге.

* * *

Оказалось, что экспедиция, отправившаяся к устью реки Шодьер, уже возвратилась, поэтому у берега и царил такая сутолока. До устья путешественники так и

не добрались, и госпоже Ле Башуа пришлось отказаться от намерения добраться до усадьбы одной из своих дочерей, поскольку туда просто не было проезжей дороги.

Узнав, что экспедиция вернулась, Анжелика оживилась, и глаза ее радостно заблестели.

- А господин де Пейрак с вами? - крикнула она.

Он где-то здесь, его только что видели с испанцами...

Она заметила его. На город уже налетели первые порывы снежной бури, когда она бросилась в его объятия.

* * *

Они укрылись в своем алькове, и их поцелуи имели вкус невысказанных секретов.

В этом слиянии губ они пытались рассказать друг другу о многом. О секретах, секретах слишком тяжелых или же слишком неопределенных, так что их невозможно и не должно было выразить в словах.

В их поцелуях был весь пыл сдерживаемой страсти, тревожные вопросы, успокоительные обещания, необратимые обязательства, нежность, слишком глубокая и сладострастная, чтобы ее можно было высказать вслух. Все это выражалось в их лобзаниях, бесконечно повторяемых в ночи, в слиянии губ, слиянии тел, которыми они, опьяненные любовью и унесшиеся за пределы этого мира, все не могли насытиться вдоволь.

Анжелике приснилось, что она тонет.

Они с Полькой, спасаясь от летнего зноя, находились в одной из купален, расположенных вдоль берегов Сены. Вбитые в дно сваи с натянутой между ними парусиной позволяли парижанам освежаться, не привлекая к себе

нескромных взглядов; женщины по одну сторону полотнища, мужчины – по другую.

В ее сне по берегу рыскал полицейский Дегре.

Испугавшись, она поскользнулась, дно ушло у нее из-под ног, и рот ей стала заливать вода, не давая дышать. «Но я ведь умею плавать», – подумала она.

Неподалеку на берегу стоял Жоффрей, но он не протянул ей руку. Неимоверным усилием она вынырнула из воды и, тяжело дыша, проснулась.

Ей потребовалось некоторое время, чтобы понять, где она находится. Она обняла Жоффрея, ее пальцы ласкали его затылок, гладили его густые волосы. Она нечасто позволяла себе такую нежность.

– Как я люблю тебя! Как люблю!

– Любовь моя, что с вами? Разве вы не счастливы в вашем маленьком доме?

– О да! Я счастлива, счастлива!

Она вновь заснула, и ей опять приснилась река.

На этот раз река Святого Лаврентия. Анжелика сидела на скале, и вдруг скала поплыла, превратившись в льдину. Она звала Жоффрея, но он ее не слышал. «Мне надо выбираться самой», – сказала она себе.

Она хотела нырнуть, но это было запрещено, и она знала: ей никогда не достичь чистой воды, воды свободы. Внезапно она снова стала ребенком, босоногой девочкой в коротких юбочках. Она снова была спокойна и свободна, как в детстве, и больше не испытывала страха.

Ее разбудил свет, и она решила, что это солнце, но была еще глубокая ночь, весь дом спал.

Жоффрей зажег в фаянсовом нагревателе огонь, и из поставленной на него маленькой кастрюльки шел опьяняющий аромат рома и корицы.

– Вам нужно согреться.

Они, смеясь, вдвоем пили из одной эмалевой чаши горячий напиток для поддержания сил влюбленных.

Вспоминая эти сны, в которых Жоффрей был для нее недостижим либо не слышал ее зова, Анжелика снова и снова возвращалась к одной мысли: «Мне надо выбираться самой!» К ней вернулась спокойная уверенность ее детства. Она сможет выпутаться сама, за этим она и приехала в Квебек, и встретила лицом к лицу со своим прошлым, чтобы бросить ему вызов. Для нее, как для библейского Иакова, пришло время бороться с Богом, и она, как Иаков, будет бороться с Ним один на один. Она не совсем ясно понимала, за что же будет сражаться, но более не испытывала страха.

Она вдруг осознала, что все события этой благословенной зимы окольными путями вели их навстречу друг другу, чтобы они лучше поняли и еще крепче полюбили друг друга.

Как и в случае с Варанжем, общество вряд ли скоро заметит исчезновение Мартена д'Аржантейля, и едва ли это кого-то беспокоит. Вивонн вместе со своими сообщниками будет сидеть тихо, коротая время за карточным столом в доме госпожи де Канвер и проклиная тот час, когда ему в голову пришла «блестящая» мысль уехать в Канаду, чтобы о нем «забыли».

Анжелика не осмеливалась рассказать о нем Жоффрею, но решила сообщить мужу о своей беседе с начальником полиции. Однако узнала, что после их встречи Гарро д'Антремон попросил свидания с господином де Пейраком.

Как она и ожидала, мужа несколько не взволновало подозрение Гарро об их причастности к исчезновению графа де Варанжа. Уверенный в том, что их тайна никогда не будет раскрыта, он встретил все вопросы начальника полиции с полнейшим равнодушием. Гарро д'Антремон знал, что граф де Варанж был связан с герцогиней де Модрибур. Он попробовал было атаковать графа де Пейрака и на этом участке фронта,

попытавшись выяснить подробности крушения «Единорога», однако чересчур не настаивал. В конце концов он сам сказал графу, что в деле герцогини-благодетельницы не все так уж гладко. Летом он получил из Франции досье на нее, в котором говорилось о слухах, ходивших вокруг смерти ее пожилого супруга. Ничего более. Между тем ее искренне поддерживали члены Общества Святых Даров. Но если в ее деле возникнут и другие связи того же пошиба, что и граф де Варанж, репутация прелестной герцогини будет изрядно подмочена.

Намек на магическое действие, которое произвел Варанж, оставил Пейрака совершенно равнодушным. Так что она не будет говорить ему о своем волнении. Не то он, чего доброго, обвинит ее в суеверии, так свойственном обитателям дремучих кельтских лесов. «Действительно, как они не похожи на нас, эти выходцы из Аквитании», – думала она, глядя на Жоффрея.

Только в Квебеке она ясно поняла это их различие, коренящееся не столько в поведении, сколько в складе ума и взгляде на жизнь. Северная цивилизация, к которой принадлежала она, ставила на первое место подчинение силам потустороннего мира, из чего вытекало неукоснительное следование велениям религии. Но какие же постулаты лежали в основе древней цивилизации юга, что породило присущую гасконцам порой скандальную легкость нравов: любвеобилие и роскошь, свободомыслие в вопросах рая и ада, добра и зла?

– Этот Варанж кажется мне личностью весьма жалкой, – сказал Жоффрей. – Но я ему признателен. Ибо благодаря ему мне открылись те таинственные нити, что привязывают ваше сердце ко мне. Ведь только инстинкт, и притом очень сильный, мог предупредить вас, что я в опасности и в его власти.

- Разве могло быть иначе? Вы - моя жизнь, и я чувствую к вам особую близость... хотя я всего лишь северяночка, чуждая вашей провинции, вашему народу и вашей культуре, - со вздохом закончила она.

Удивленный и заинтригованный, он взял ее за подбородок:

- Это еще что за настроение?

Но она чувствовала, что сейчас не готова объяснять или требовать объяснений... Все слишком запуталось. Она боялась, что слова лишь ускорят события и послужат основанием тому, что, быть может, существует пока лишь в ее воображении.

К чему говорить о Беранжер-Эме? О собраниях гасконцев в лесу? Если она выскажет свои сомнения, не приведет ли это к новым разногласиям? Лучше молчать и любить друг друга.

* * *

С наступлением хорошей погоды Анжелика решила навестить Ломени. Она подошла к стоящему недалеко от здания суда маленькому дому, который предоставил бывшему монреальцу барон д'Арребу, и взялась за дверной молоток.

Дверь открыл слуга и сообщил ей, что господин рыцарь уехал.

- Уехал? - повторила ошеломленная Анжелика. - Но куда?

Куда можно уехать, если судьба забросила вас в такое место на глобусе, которое со всех сторон окружает жестокая ледяная глушь?

Слуга сделал неопределенный жест в сторону золотисто-розового горизонта:

- За пределы этих стен.

- Каких стен? - вскричала Анжелика, обезумев от тревоги.

Куда можно уехать за пределы окружающих город стен из снега и льда? Разве что в белую пустыню? Куда же дальше? Навстречу мученичеству или смерти от холода в разгар слепой снежной бури?

Она бросилась к иезуитам.

- Стало быть, его вы тоже отправили к ирокезам? - возбужденно выпалила она, увидев отца Мобежа.

Глава иезуитов предложил ей сесть и спокойно расспросил ее, чтобы понять, о ком она толкует.

- Мальтийские рыцари нам не подчиняются, - сказал он, выслушав ее сбивчивую речь. - Их передвижения и назначения находятся в ведении Великого магистра ордена, резиденция которого находится на Мальте и который делегирует часть своих полномочий командорам восьми территориальных отделений, называемых «языками», а именно: Прованса, Оверни, Арагона, Франции, Италии, Германии, Кастилии и Англии. Полагаю, что здесь, в Квебеке, господин де Ломени-Шамбор подчиняется главе французского отделения своего ордена, а в отсутствие курьеров от него, которые могли бы передать ему указания о постановке новых задач или об отправлении к новому месту службы, он - единственный судья своих поступков и решений. Иногда он приходит посоветоваться со мною, но я никогда не вмешиваюсь в его действия. Я не видел его вот уже несколько недель и не знаю, где он находится.

Видя, что Анжелика встает, кусая губы от огорчения и досады, он добавил:

- Обратитесь к господину де Фронтенаку. Возможно, он в курсе...

- Господин де Ломени сейчас в монастыре францисканцев, - сообщил Анжелике губернатор. - Он пожелал отрешиться от мира, чтобы подготовиться к

Великому посту и, как он выразился, избавиться от недавних соблазнов светской жизни. Он приходил ко мне и спрашивал, не буду ли я собирать в ближайшие две недели Высший совет, членом которого он является... Счастливчик!.. – вздохнул Фронтенак, увидев, как просияло лицо Анжелики. – Хотел бы я, чтобы ваше внимание оказалось обращено и к моей скромной персоне...

– Оно всегда обращено к вам, – заверила она. – Если я не проявляю беспокойства о вас, господин де Фронтенак, то лишь потому, что знаю, где вас найти.

* * *

Дорога к устью реки Сен-Шарль, на берегу которой стоял монастырь францисканцев, проходила мимо фруктовых садов, и одетые льдом деревья сверкали в лучах солнца, точно хрустальные. Анжелике казалось, что их безмятежная красота бросает вызов терзающей ее тревоге. Бегство Ломени не сулило ничего хорошего.

Колоколенки церквей приходов Бопор, Анж-Гардьен и Шато-Рише, тянущие к небу свои шпили, острия которых блестели, словно увенчанные Вифлеемской звездой, казалось, кричали: «Смотрите все: мы тут, мы тут!» Это раздражало Анжелику, потому что нет ничего более непрочного, чем существование в Новом Свете маленьких католических приходов, и они должны были бы это знать...

Во дворе монастыря она увидела еще один экипаж, в котором узнала сани Вильдавре. Без сомнения, маркиз приехал, дабы самому взглянуть, как идет работа у его дорогого брата Люка.

Анжелику провели в приемную, и до нее донеслись звуки его голоса: маркиз разглагольствовал и, без сомнения, восторгался. Но к ней почти тут же подошел

монах в серой грубошерстной рясе и проводил ее в другое помещение, поменьше, где ее ожидал господин де Ломени-Шамбор.

Стол, стул, скамеечка для коленопреклонений, распятие на стене. На стоящем возле окна столе – письменный прибор и бумага. Эта скромная, скудно обставленная молельня дышала невыразимым покоем.

Из окна можно было наблюдать стадо коров, которое в некотором отдалении от монастыря перешло реку от Бопора по обозначенной вешками дороге и сейчас направлялось к обители, ведомое пастухом в плаще с капюшоном и грубошерстном одеянии, ниспадающем на алгонкинские сапоги.

Крестьяне часто гоняли свои стада через реку Святого Лаврентия, чтобы те утоптали на дорогах свежавыпавший снег. К тому же это давало возможность скотине, запертой всю зиму в стойлах, проветриться и немного размять ноги.

От привычного зрелища веяло покоем. Время от времени в кристально чистом воздухе раздавалось мычание.

Дверь кельи закрылась за Анжеликой. Перед нею, около стола, был рыцарь де Ломени. Он стоял спиной к свету, так что она не могла разглядеть выражения его лица, но она чувствовала на себе его взгляд, нежный и пылкий. Она поняла: он рад ее приходу. И пока что к его радости и счастью не примешиваются другие чувства.

Она прервала затянувшееся молчание:

– Почему вы уехали?

– Вы прекрасно знаете почему.

Он сказал это спокойно и уверенно, и она испугалась, что духовная сила этого кроткого и светлого человека уже увлекла его туда, куда ей доступ был закрыт.

– Неужели вы не могли бы, по крайней мере, мне написать?

- Мое решение удалиться от мира в монастырь францисканцев касалось только меня. Я не счел нужным предупредить вас, ибо я и так перед вами виноват: своими признаниями я немного смутил вашу совесть.

Анжелика нетерпеливо покачала головой.

- Неправда, - проговорила она, и голос ее прозвучал сдавленно, словно от подступивших слез. - Вы просто покинули меня, вы меня бросили!

- Вы слишком сильны, чтобы чувствовать себя брошенной, а я... Я слаб. Слаб, как Адам в первые дни творения, когда он открыл для себя женщину, посланную ему Богом в утешение и в радость.

- Вы просто ищете предлог, чтобы отречься от нашей дружбы. А вы помните, как она зародилась, возникнув сама собой, с нашей первой же встречи в Катарунке? Вы помните Катарунк?

- Да, там я впервые увидел вас. И только сегодня я нашел объяснение тому, что произошло. Не видя вас, я мучился и не понимал почему. Дорогая моя, я должен был бы чувствовать себя виноватым из-за того, что меня к вам так влечет, что я испытываю к вам такую нежность, что я так вам предан. Но я не чувствую вины. То, что нас связывает, прекрасно, и я благодарю Бога за то, что Он и мне подарил случай хоть сколько-то вкусить праздника жизни. Благодаря вам я познал ценность того, что положил на алтарь целомудрия... Ценность этого огромна! Ранее я этого не знал...

- Я понимаю, - сказала Анжелика. - Вы тоже сожалеете, что я существую.

Он улыбнулся:

- Конечно! Без вас, сударыня, жизнь была бы проще. Но насколько менее чудесной! Жизнь! Внезапно возникает желание вкусить все ее плоды. Познать все ее великолепие. И порой ты спрашиваешь себя: не этого ли хотел сам Бог, когда окружил нас такой красотой и наделил такой естественной способностью

наслаждаться любовью, и не стали бы мы служить Ему лучше, предаваясь плотским радостям, а не отвергая их? И я ни от чего не отрекаюсь. Я должен склониться перед вами и признать, что меня охватывает безрассудная радость при мысли о том, что я стал причиной ваших волнений, что, разлучившись со мною, вы грустили. Но мы должны быть скромны... Так будем же сдержанны. Сдержанны, – повторил он. – Что бы я значил для вас как человек, как любовник, как друг по сравнению с мужчиной, которого вы любите, который владеет вашим сердцем, вашим телом, даже когда вы с ним разлучены, даже когда вам кажется, что между вами разлад? Он живет в вас, он находится в центре вашей вселенной как животрепещущая, неколебимая, неразрушимая гора. А вы живете в нем.

Он поднес к губам ее пальцы, и она тотчас же судорожно сжала его руку.

– ...Рядом с ним я был бы только бледной тенью... бледной тенью, – пробормотал он.

Анжелике хотелось умолять его не быть к себе таким строгим. Остаться хотя бы ее другом. Зачем отвергать хотя бы нежность, которая помогает жить, если уж не можешь позволить себе большего? Но она поняла, что сейчас это невозможно... Может быть, позже...

Он отпустил ее руку и замер, опустив глаза.

– С каждой встречей мы все яснее видим, куда склоняются наши сердца, куда ведут наши пути и в чем наше предназначение, – сказал он. – Дальше я идти не могу. Моя жизнь и все мое существо принадлежат тому, кто пролил ради человечества свою кровь; на моем гербе начертан девиз: «Служить Богу и моему королю»... но я вас любил...

– Идите и посмотрите! – вскричал Вильдавре, врываясь в келью. – Идите и посмотрите на восхитительные произведения, которые написал для меня брат Люк...

Монах в мастерской трудился над гербом Вильдавре. На прислоненной к стене широкой деревянной доске был сделан набросок будущей живописной композиции, в которой уже угадывались море, тритоны и персонажи в одеждах, раздуваемых ветром. Когда картина будет закончена, ее доставят на корабль Вильдавре и в качестве символического щита установят под кормовой надстройкой, так что ею можно будет любоваться издали, с моря.

- Внимательно посмотрите на госпожу де Пейрак, брат мой, - попросил Вильдавре, представляя художнику Анжелику. - Я бы хотел, чтобы вы придали центральной женской фигуре вашей картины ее черты.

- Ах нет, прошу вас! - воспротивилась она. - Хватит с меня и того, что я уже изображена на щите «Сердца Марии». Я знаю, вы завидовали, что Колен владеет такой прекрасной картиной. Если бы вы могли оторвать ее от полюта его корабля и унести с собой под мышкой, вы бы это сделали.

- О, разумеется, - согласился Вильдавре.

Он зашмыгал носом, чтобы скрыть невольную улыбку, мгновение подумал и с наигранным простодушием сказал:

- Стало быть, на картине, что красуется на «Сердце Марии», изображены все-таки вы? Ага, мои чувства меня не обманули. Но как же это может быть? Выходит, этот широкоплечий пират Колен Патюрель был знаком с вами еще до того, как попал в плен к вашему мужу под Голдсборо? Вы расскажете мне об этом, не так ли? Я увожу госпожу де Пейрак с собой, - сказал он, обращаясь к графу де Ломени-Шамбору. - Ведь вы, господин рыцарь, на меня не обидитесь? На днях вы и

так надолго завладели ее вниманием у водопада Монморанси... Прекрасная была прогулка, не правда ли?

Помогая ей сесть в сани, он ликовал:

- Чем больше я вас узнаю, тем больше мне кажется, что ваша жизнь полна тайн, тайн, которые еще жарче разжигают мою страсть к вам. Я бы хотел, чтобы вы принадлежали мне... Да, именно так: чтобы вы принадлежали мне.

- Как ваши картины или ваше венецианское стекло?

- Да, вы стали бы самым фантастическим и самым ценным из моих произведений искусства... Я бы сказал, заводная вещица, привезенная из Германии. Самая красивая женщина на свете. Почти как живая. Вот, она улыбается... А когда вы вдоволь на нее налюбуетесь, поверните ключик, крак, и она расскажет вам свои секреты.

Он был невыносим, но порой забавен.

Глава II

На следующий день господин де Ломени-Шамбор прислал в дом Вильдавре подарок, упакованный в кожу. Когда ее разрезали, внутри оказались маленький лук и расшитый бисером и иглами дикобраза колчан, полный стрел с разноцветным оперением. Все это богатство было адресовано мадемуазель Онорине де Пейрак.

Получив этот роскошный и неожиданный дар, мадемуазель Онорина пришла в такой восторг, что на время лишилась дара речи.

Она положила лук и колчан на табурет и долго ими любовалась, в то время как Элуа Маколле и Пиксарет наперебой вызывались давать ей уроки стрельбы, а Шерубен сгорал от желания дотронуться до красивой игрушки хотя бы одним пальцем.

Затем все отправились на перекресток с большим вязом, где под любопытными взглядами индейцев из маленького становища и состоялся первый выстрел.

Теперь, когда благодаря Ломени у девочки появилось оружие против врагов, чувствовала ли она себя достаточно сильной и защищенной перед лицом того огромного мира, что лежал за пределами ее дома и семьи?

На следующий день весь Верхний город был потрясен важным событием.

В сопровождении матери, братьев, слуг, больших и маленьких друзей, таких влиятельных особ, как господин де Бардань и Пиксарет, а также персон более скромных, вроде грубоватого Никэза Эртебиза или индейцев из маленького становища с их желтыми собаками, мадемуазель Онорина де Пейрак отправилась к урсулинкам, чтобы научиться читать.

Держась за материнскую руку, она несла под мышкой лук и стрелы. Девочку закутали в шерстяные одежды и меха, так что виднелись только ее раскосые глаза и покрасневший носик, и в сопровождении внушительной свиты она покинула свой дом через парадную дверь. Онорина прошествовала мимо домов мадемуазель д'Уредан, семейства Ла Меллуаз, Кружевницы, папаши Лубетта, затем мимо кузницы и трактира «Восходящее Солнце», где ее поприветствовали посетители. Наконец, перейдя через ручеек, всхлипывающий под коркой льда, она пересекла Соборную площадь. Со всех сторон в школу спешили дети, одетые в теплые плащи с капюшонами, так как стоял сильный мороз.

По всему городу распространялся слух: Онорина де Пейрак направляется в монастырь урсулинок.

Не хватало только звона колоколов.

К монастырю, где ее ожидали сестры-урсулинки, подошла уже целая толпа.

Онорина отпустила руку Анжелики и, ни разу не оглянувшись, зажав в кулаке лук и колчан, переступила порог обители и спустилась по каменным ступенькам в первый вестибюль.

Встреченная объятиями и поцелуями, она тут же растворилась среди черных мантий, плотных юбок, белых у послушниц, черных у монахинь. Недра монастыря поглотили ее под стук перебираемых самшитовых четок, под покровительственными взглядами персонажей с картины «Преображение Господне» в раме из деревянных сердец Иисуса и Марии, увенчанных терниями и пронзенных кинжалами.

С тяжелым сердцем, как будто она уже никогда не увидит дочь, Анжелика все утро провела на чердаке с Иоландой и Сюзанной, наблюдая из самого верхнего слухового оконца за монастырским двором, в котором на перемене будут резвиться дети. Она различила силуэт

своей дочери – та стояла в углу, а вокруг нее чуть поодаль собралось несколько девочек. Может быть, они ее мучают? Или отталкивают? За новостями отправили Сюзанну. Анжелика видела, как она вошла во двор вместе с одной из монахинь, вступила с ней в беседу и удалилась. По возвращении она заявила, что все идет как нельзя лучше. В своем новом мире Онорина бесспорно царит. Девочки пытаются угодить ей, чтобы получить дозволение пострелять из ее лука. Но она разрешает далеко не каждой.

Когда первая боль разлуки прошла, Анжелика обрела утешение в том, что ее дочь находится под покровительством Божьим, в то время как саму ее постоянно мучают различные тревоги.

Она корила себя за то, что, навещая Ломени у францисканцев, не смогла лучше ему объяснить, какие опасности подстерегают ее в Квебеке. Надо было рассказать ему о покушении Мартена д'Аржантейля, жертвой которого она чуть было не стала. Знай он об этом, он бы ее не покинул, он вернулся бы в Квебек, чтобы охранять ее покой, хотя бы издали. Правда, у нее есть Пиксарет. В зависимости от настроения то затянутый в красный мундир английского офицера, то облаченный в шкуру черного медведя, он почти все время находится неподалеку. Иногда он сопровождал ее, оживленно болтая, а иногда бывал таким неслышным и невидимым, что, когда он вдруг появлялся у нее за спиной, она вздрагивала.

А мальтийский рыцарь прав. Ловушки, что ее подстерегают, таятся прежде всего в ней самой.

Исчезновение Ломени-Шамбора, его нежелание впредь встречаться с нею задела Анжелику. Хотя она и признавала, что «так будет лучше», ее тем не менее одолевали мечты, приводящие ее в смятение. Она не скрывала от себя, что – несмотря на стоящие между ними непреодолимые препятствия – в капитуляции этого

целомудренного и нежного мужчины, упавшего в ее объятия, было бы свое очарование. Он не был бы неумелым, неловким, нет, всего лишь нерешительным, словно бы задыхающимся под грузом своего блаженства. Разве это было бы не чудесно? Так его порадовать? В чем тут грех?

Спустя несколько дней после прогулки к водопаду Анжелику навестил Гарро д'Антремон. Она думала – что было с ее стороны довольно глупо, – он собирается поговорить с нею о Мартене д'Аржантейле. Но ничего подобного – он пока не заподозрил, что тот куда-то пропал. Начальник полиции все еще занимался делом Варанжа и хотел сообщить ей последние новости. Сейчас он ищет солдата, который произнес магическое заклинание над распятием. Он уже напал на след. Кажется, этого солдата видели в небольшом форте на берегу реки Сен-Франсуа. То, что в деле о святотатстве замешан солдат, его не удивляло. В колониях этих вояк можно было встретить повсюду. Они часто бахвалились своими выдуманными подвигами и развлекались тем, что обманывали крестьян, у которых останавливались на постой. Встречались среди них и преступники. Так, начальник полиции категорично утверждал, что бóльшую часть преступлений, о которых ему становится известно, совершают именно служивые, прибывшие из метрополии, поскольку своими собственными «опасными классами» Новая Франция еще не обзавелась.

* * *

Стояли лютые холода, и в домах квебекцев топили вовсю. В такое время Ноэля Тардые де Лаводьера не переставали одолевать мысли о грозящих городу пожарах. «Одна маленькая искра, – говорил он, – и мы все сгорим». Он без устали гонял полицейских,

заставляя их пересчитывать кожаные ведра и следить за тем, чтобы домовладельцы вовремя точили топоры и убирали хлам с чердаков, дабы расчистить подходы к приставным лестницам, которые, в свою очередь, должны были быть крепкими, а не гнилыми. Каждый день маленькие савояры залезали в дымоходы, и люди жаловались, что их выгоняют на мороз, потому что во время чистки труб приходилось гасить огонь во всех печах и каминах и ждать на улицах, где зуб на зуб не попадал.

«Ничего себе! Так недолго и дуба дать», – ворчали горожане.

Маленькие савояры знали свое дело. Эти дети вовсе не были слабоумными, как предположил Гарро, – просто от всего, что им пришлось пережить, они несколько отупели. Эти дети были обречены. Их продавали, насиловали, эксплуатировали и в конце концов увезли на край света. У них отобрали все, даже их сурков.

Теперь они прочищали дымоходы в домах квебекцев и отлаживали флюгеры, а также кресты и терновые венцы на верхушках колоколен, куда забирались с превеликим удовольствием.

* * *

Наступил Великий пост, которому предшествовали три дня карнавала. Слово «карнавал», произошедшее от латинского глагола «carnelevare», что означает «лишать мяса», давно утратило свой первоначальный смысл. Теперь эти три дня стали, напротив, предлогом для того, чтобы предаться, как выразился епископ, «нечестивым беспорядкам»: все набивали животы мясом и колбасами перед предстоящим сорокадневным воздержанием.

В среду на первой неделе Великого поста весь Квебек возвращался из церквей с черным пятном на лбу

- оно было призвано напомнить каждому, что он лишь прах и вернется в прах.

В Великий пост есть дозволялось только раз в день, желательнее в полдень. Молочные и мясные блюда были запрещены. Что же оставалось? Хлеб, рыба, овощи и, к счастью, напитки, напитки! Во время Великого поста удваивалось потребление водки, испанских вин, малаги, так называемых горячительных напитков, а в домах деревенских жителей - пива, сидра, древнего галльского сикера, изготавливаемого из дрожжевого теста, а также хмельного питья из хвои канадской сосны или из бузины.

Три дня спустя святое время Великого поста было омрачено первой крупной ссорой. Ей придали большое значение, и она вошла в анналы Квебека как «аквитанская». Конфликт разгорелся на приеме в доме члена Высшего совета господина Обура де Лоншана.

Госпожа Обур де Лоншан была женщиной неприметной и редко принимала гостей. В противоположность ей господин Обур, член Общества Святых Даров, всегда пользовался периодом поста и покаяния, чтобы собирать в своем доме интеллектуалов и обсуждать вопросы теологии, этики, предназначения человека. Поскольку большинство гостей были людьми высокой культуры, собрания эти проходили, как правило, весьма интересно. Разумеется, приглашали и дам. Прошли времена, когда грубое мужское общество, привыкшее решать все споры ударами мечей о тяжелые латы, изгоняло женщину из своего разгульного круга, почитая ее глупой служанкой, годной лишь для продолжения рода.

Миновало уже по меньшей мере два столетия, как нравы изменились. В Европе, а особенно во Франции, мужчины научились искать общества женщин не только ради утех плоти, но и для утех разума. Эпоха Ренессанса и ее утонченные короли, такие как, например, Франциск

I, воздали должное женщине образованной и оценили блеск ее недюжинного ума.

Именно по этому поводу и разгорелся спор. Кто-то высказал мнение, что подобное преображение варваров из северных провинций Франции произошло под влиянием усилий провансальской культуры, породившей в Лангедоке суды любви и впоследствии мало-помалу перенятой завоевателями с севера. Все собравшиеся тут же захотели также высказаться на эту тему.

Благодаря широкой эрудиции большинства присутствующих все: и те, кто был согласен, и те, кто возражал, – хорошо знали, о чем рассуждают. Отсюда и перекрестный огонь уточнений и дополнений из области истории, теологии и политики, к которым прибегали и те, кто поддерживал выдвинутый тезис, и те, кто старался не оставить от него камня на камне. Вскоре разговор уже шел о временах Карла Великого, затем – об эпохе римлян и о том, как римские императоры увлеклись этими недавно завоеванными землями Южной Галлии, где царила «*prima lingua occitana*».^[11]

Так возникло королевство Прованс. Разделение его на Аквитанию и Лангедок ничего не изменило, поскольку и там, и там нравы и язык, по-прежнему очень похожий на латынь, оставались одними и теми же. В десятом веке арабы, дошедшие до Нарбонны, принесли в Юго-Западный Прованс свои более утонченные развлечения, поэзию, науку... Так, на перекрестке цивилизаций, родилась богатая очаровательная культура, нашедшая свое воплощение в судах любви, в которых участвовали трубадуры, великие мыслители, великие поэты. В этом королевстве споры разрешались по законам куртуазности.

– На свой манер. – Господин Обур де Лоншан прервал Мельхиора Сабанака, который только что лаконично, но весьма красочно и лирично обрисовал прошлое своей провинции. – Не будете же вы утверждать, что в этих

судах любви, где, как мне говорили, обучали совокупляться, мистика...

- Там обучали также искусству вести галантную беседу с дамами, умению ухаживать... В этом королевстве все споры разрешались по законам куртуазности, справедливо. Даже низшие классы и те были куда менее грубы, чем на севере. Известно, что в Аквитании простой крестьянин имел более непринужденные манеры и был более искушен в литературе и куда более красноречив, чем нормандский или бургундский барон, - ответил господин де Дорийак, офицер полка Кариньян-Сальера.

Нахмурившись, спорщики попытались восстановить справедливость. Пока беседа не выходила за рамки приличия. Преимущество отдавалось южанам, так как многие чиновники из числа северян вовремя вспомнили, что их губернатор тоже гасконец. Лучше уж прикусить язык, чем задеть присущее чересчур обидчивому правителю чувство южного патриотизма.

- Элегическая земля, согласен! - сказал Карлон. - Но столь чрезмерная учтивость влекла за собою и злоупотребления, и слабости... Что это: уважение к мнению другого или же равнодушие? Там разрешались ереси, секты, они множились, глумясь над учением церкви. Все это продолжалось вплоть до мрачной ереси катаров, или, как их еще называли, альбигойцев, ставшей как бы изнанкой свободолобивой и чувственной провансальской культуры, из которой эти изуверы вышли. Они утверждали, что материальный мир есть порождение зла, и объявляли грехом саму жизнь, а особенно продолжение рода.

- Разве церковь не должна была уничтожить эту отвратительную ересь?

Гасконцы возразили, что катары были горячи в вере, чисты помыслами и никому не делали зла, а для

ненасытных северян их ересь оказалась предлогом, чтобы пограбить богатый юг.

Припомнили кое-какие факты. От ужасающих рассказов о войне, которую вели против альбигойцев крестоносец Симон де Монфор и монах в белой рясе Доминик, основатель инквизиции, позднее причисленный к лику святых, волосы и сейчас встают дыбом. Кто-то рассказал, что даже теперь, четыре века спустя, когда в деревнях Лангедока хотят напугать расшалившегося мальчугана, ему говорят: «Вот придет Симон де Монфор и заберет тебя!»

Да и не война это была, а резня. Не Крестовый поход, а истребление: мужчины, женщины, дети, старики, даже новорожденные – все катары были зарублены мечами или преданы огню. Кровавый Крестовый поход уничтожил не только ересь – он разрушил всю южную культуру.

Ересь катаров была лишь предлогом. Главной же целью закованных в латы рейтаров были маркизат Прованс и Тулузское графство.

Внезапно эти воспоминания о запахе крови и о вызывающем тревогу количестве людей, сожженных на кострах, воздвигли в салоне господина Обура де Лоншана преграду на пути возможного примирения между присутствующими южанами и северянами. Хотя и те и другие одинаково носили парики, одинаково украшали себя кружевами, были одинаково любезны и все до единого находились в ссылке, в плену у канадской зимы.

– Но нельзя же было терпеть... – пробормотал господин Гарро д'Антремон, с удовольствием отхлебнув ликера.

– Можно стерпеть все, кроме жестокого завоевания, – ответил ему чистый звонкий женский голос.

Это вступила в бой госпожа де Лаводьер Беранжер-Эме. И поскольку замечание ее было уместным и смелым, Жоффрей де Пейрак подарил ей улыбку и одобрительно кивнул. Она порозовела от удовольствия.

- Согласитесь, что вы, выходцы из Аквитании, все-таки странный народ, - добродушно и примирительно сказал господин Ле Башуа. - Победитель оставил вам ваши формы правления, ваши обычаи, ваш язык, а вы всем этим злоупотребляете, лишь бы сохранить свою свободу скандальных нравов. Даже теперь ведете себя так, будто не признаете греха, будто его и не существует.

- Ну почему же... Он существует... Но то, что клеймите вы, северяне, вовсе не грех...

- Это ересь! - проворчал господин Магри де Сен-Шамон. - Сразу видно, что вся ваша хваленая культура проистекает из отравленного источника: языческий Рим, распутный ислам. Мне ясно, что ваши корни отличаются от наших.

- Кто бы спорил! - наперебой закричали гасконцы.

- Ну а как насчет ваших провансальских войн? Или антипап?

- Мои предки сражались на стороне королей и папы Александра Четвертого, - отвечал Пейрак.

- Мои тоже! - вскричал Кастель-Морг.

Воспользовавшись минутным затишьем в перепалке, когда оппоненты переводили дух, господин Обур де Лоншан решил положить спору конец:

- Все наши словоизлияния ни к чему не ведут, ибо эта ситуация не имеет выхода. Возможно, ее не исчерпают даже в будущих веках, потому что суть нашего антагонизма заключается в различном понимании греха.

- Действительно, - согласился господин Аврансон (Анжелика и не подозревала, что он тоже гасконец). - Наша культура предлагала прийти к Богу через

плотскую любовь в возвышенных ее формах, а не через отречение от нее.

- Интересно, что бы произошло, если бы северная цивилизация не победила? - спросила Беранжер де Лаводьер, повернувшись к графу де Пейраку с выражением восторженной невинности на лице.

Обеспокоенная этой перебранкой Анжелика заметила, что вокруг Жоффрея собралась целая стайка женщин. Они ловили каждое его слово и бросали на него влюбленные взгляды, право на которые, по ее разумению, принадлежало ей одной.

Среди дам она узнала госпожу де Сен-Дамьен, прекрасную Элеонору с острова Орлеан, - определенно, нынешней зимой ее видели в Квебеке куда чаще, чем обычно.

«Да, все эти дамы-аквитанки от него без ума и сами не понимают почему!.. Хотя мне-то понятно...»

Ближе всего к Жоффрею стояла Сабина де Кастель-Морг, высокая, прямая, готовая защищать своего господина и повелителя до последнего вздоха.

Хотя место это по праву принадлежало Анжелике. Но сейчас ее лишили его, а никто не обратил на это внимания. Поистине верх бесцеремонности! Так она и сказала Сабине.

- Вы сможете дать нам ответ, дорогой сюзерен? - спросила Элеонора де Сен-Дамьен, устремив на него пламенный взор.

- Да, да, ответьте! - раздались нетерпеливые голоса. - Если бы правители Прованса победили короля Иль-де-Франс и разрушили цивилизацию севера, что бы произошло?

В течение вечера Анжелика не раз замечала, что Жоффрей отвечает легкомысленно, как будто не хочет придавать своим словам чрезмерно серьезный смысл. Но он все равно говорил что хотел, и его замечания были отнюдь не безобидны.

Теперь же он задумался и, помолчав, объявил:

- Быть может, тогда произошло бы примирение ЛЮБВИ и ЦЕРКВИ!

- Вот слова, которые ласкают слух, - сказал Вильдавре.

- Не хотите ли вы сказать, что истина была бы иной, а вместе с нею и догматы? Да вы богохульствуете! Наше королевство погрузилось бы во мрак ереси, как англичане...

Не в силах выслушивать тут же поднявшуюся бурю возражений, Анжелика решила удалиться и перешла в маленький соседний будуар. Оказавшись в одиночестве, она испытала облегчение. «Какое счастье, что среди гостей нет ни королевского посланника господина де Барданя, ни герцога де Вивонна!»

Между тем в гостиной продолжалась баталия.

- ...Можно было бы прийти к Богу через Любовь.

- ...Через Любовь или выступая против Любви?

- ...Давайте все-таки признаем вердикт Истории, - сказал господин де Ла Меллуаз. - Победа Симона де Монфора решила раз и навсегда: против Любви.

* * *

Анжелика была взволнована и растеряна. У нее не хватало духа и дальше слушать разбушевавшихся спорщиков, и она осталась в будуаре, укрывшись за портьерами.

И дело было не только в неосторожных словах Жоффрея в защиту провинции, чья подспудная враждебность к власти короля так до конца и не исчезла, - Анжелику глубоко задевало поведение аквитанских дам.

Быть может, легкомысленный гасконец давно обманывает ее с этими бесстыдницами? При мысли об

изящной Беранжер-Эме в объятиях Жоффрея она ощутила холодок. Как он ей улыбался! Анжелика не могла перенести, что ее муж дарит другой женщине такую же улыбку, как ей.

* * *

Возбужденно, с дрожью в голосе, маркиз де Вильдавре кричал:

- И чего же они добились, эти провансальские весельчаки со своим прелестным девизом: «Delectus coitus»? [\[12\]](#)

- Маркиз, вспомните о благопристойности, - возмутился хозяин дома. - Сейчас Великий пост.

Разъезд гостей был бурным. Особняк члена Высшего совета стоял на середине подъема улицы Горы, и лишь узкая полоска земли отделяла его порог от обрыва. Если из дверей выходила плотная, оживленно беседующая группа, всегда могло случиться, что один или два подвыпивших гостя опрокинутся в пропасть.

А когда расходящихся после вечера гостей еще и поджидали экипажи, дело могло приобрести совсем плохой оборот.

Луна освещала беспорядочное скопление карет и портшезов, хмельные гости замахивались на чужих кучеров и камердинеров палками. Раздавались громкие крики, ржание лошадей - гвалт, отнюдь не способствующий сосредоточению, которого требует от добрых католиков Великий пост, о чем жительствовавший по соседству ректор семинарии господин де Берньер и доложил на следующий день монсеньору епископу.

Подхваченная людским потоком, Анжелика вдруг оказалась прямо перед графом де Пейраком. Гнев ее еще не утих, и она бросила ему в лицо:

- Вы сумасшедший! Или своими высказываниями вы хотите добиться, чтобы и церковь от вас отвернулась? Неужели вам недостаточно того, что против вас король?

Он саркастически улыбнулся и поднял брови, как будто ее ярость удивила и даже позабавила его.

- А вы, часом, не агент короля, госпожа дю Плесси-Бельер? Не поручил ли он вам поддерживать его политику, направленную против мятежных южан?

В ответ она не смогла вымолвить ни слова.

* * *

Анжелика попросила Вильдавре проводить ее в своей карете до дома. Она твердо решила, что дождетсЯ Жоффрея и потребует объяснений. На этот раз он не отделается ласками и нежными словами, ведь он смеется над нею с этой Беранжер! Он не пришел. Анжелика провела всю ночь, ворочаясь и не смыкая глаз. Никогда, никогда она бы не подумала, что Жоффрей может говорить с нею в таком тоне. Особенно ядовитым ей казалось это его обращение - «госпожа дю Плесси-Бельер».

Услышав, как он полувызывающе-полунасмешливо произносит его, она перестала сомневаться, что он знает все о присутствии в Квебеке герцога де Вивонна и что он прежде знал его под этим именем. А ведь она, рискуя жизнью, умолчала о том, что встретила здесь людей из своего прошлого, когда она царила при дворе. Потому что знала, что одна мысль о том времени, похоже, вызывает у мужа горечь и ревность...

Утром, мечтая о примирении, она поспешила в усадьбу Монтиньи. Там ей сказали, что господин де Пейрак уехал из Квебека инспектировать форты мыса Руж и Лоретты.

Были для того основания или нет, но ситуация показалась ей катастрофической. И она со всех ног бросилась к монастырю иезуитов.

Когда отец Мобеж принимал ее на исповеди, все проходило в соответствии с установленным ритуалом, не имевшим с традиционным ничего общего.

Анжелику провожали в богатую научную библиотеку обители, она садилась в мягкое, обитое гобеленом кресло с высокой спинкой, а глава иезуитов устраивался рядом на скромном табурете. Они оба осеняли себя крестным знаменем, после чего святой отец читал полатыни краткую молитву. Затем они непринужденно беседовали. Как-то раз они обсудили возможность передачи мыслей на расстояние, в другой раз разговор зашел о женьшене, целебном корне, широко используемом в китайской медицине. Его можно встретить также и в Америке. Один из братьев привез его из своих путешествий и сейчас изучает, чтобы определить: то ли это растение, которое произрастает в Азии, или его разновидность.

После чего отец Мобеж вставал, просил ее преклонить колена и прочесть покаянную молитву и отпускал ей грехи.

Сегодня она не знала, с какого конца начать, чтобы оправдать свои слезы. Ей угрожает опасность, объяснила она... Один человек попытался ее убить, не имея на то никаких причин. Ее преследует рок, и она боится, что это происки ее старых врагов, всегда стремившихся ее погубить. Они не сложили оружия и продолжают преследовать ее даже здесь, вдали от Франции. А главное, она и ее муж происходят из разных провинций... Отсюда и все зло...

Когда она замолчала, отец Мобеж долго не отвечал, размышляя над тем, что она сказала. Анжелика ждала – она понимала, что из того, что она сейчас наговорила, мудрено что-нибудь понять.

- Женщины, которым досталась в удел красота, представляют для мужчин головоломную загадку. Потому что они живут жизнью, которая отлична от нашей, хотя им самим трудно выразить это отличие словами, ибо оно невыразимо. Их жизнь одновременно и легче и труднее. Будучи избавлены от обыденной судьбы, они подчас лишены и обыденных радостей. Они - посланницы волшебства, вечной сладостной мечты о совершенстве, тоска по которому живет в душах всех людей, они жрицы этой мечты, возносящие ей молитвы. Но часто их постигает злая доля: об их собственных чувствах забывают, эти чувства не понимают, а порой и приносят в жертву. Мы нередко видим этих женщин рядом с принцами и королями, и тогда люди, движимые безумной иллюзией, взваливают на них ответственность, которая слишком тяжела для их нежного женского сердца и хрупкого ума. Опьяненные почестями и лестью, адресованными не столько им самим, сколько лежащему на них отблеску власти любящих их мужчин, они нередко черствеют сердцем и впадают в беспредельную глупость.

- Если ваши речи обращены ко мне, - сказала Анжелика, слушавшая его с удивлением, - и если вы, считая, что и мне «досталась в удел красота», нарисовали свою поистине мрачную картину именно для моего сведения, то замечу вам, отец мой, что я всегда боролась за право быть личностью, жить по велениям моего сердца и мыслить по велениям моего разума. Однако знайте, что я счастлива быть красивой, - добавила она, глядя на него с вызовом.

- И вы совершенно правы, - согласился отец Мобеж. - Но вы, сударыня, не дали мне завершить мою мысль... Так вот, еще я хочу сказать, что очень красивые женщины при любых обстоятельствах совершенно уверены в своей неотразимости, в том, что те, перед кем они предстают, будут ими восхищаться. В этом и состоит

отличие их жизни от жизни прочих. Видеть, как при каждом вашем появлении лица людей озаряются радостным удивлением, восторгом, светлым весельем, зная, что причиной тому вы, – это, бесспорно, гораздо приятнее, чем без всякой своей вины читать в глазах окружающих отвращение, холодность, неприязнь или недоверие. Красивым женщинам везет: они могут нравиться, не прилагая к этому никаких усилий. Мир улыбается им. А на других женщин, не менее достойных, но некрасивых, мир взирает с кислой миной. Подумайте об этом, сударыня, подумайте о том, как щедро одарило вас Небо, и признайте, что иногда справедливость требует от вас заплатить за эти дары... хотя бы чуть-чуть.

Он помолчал, затем продолжил:

– Что до ваших страхов перед кознями ваших врагов, которые либо с помощью физического насилия, либо посредством магии могли бы покушаться на вашу жизнь, то здоровое сияние вашей ауры подсказывает мне, что вы их победите. И более того, – тут в его раскосых глазах блеснула ирония, – я склонен их пожалеть, ибо мне очевидно, что если они не оставят своих попыток причинить вам вред, то рискуют потерять свою жизнь, если не душу.

С другой стороны, я бы не советовал вам слишком торопиться разрешить с господином де Пейраком этот «аквитанский спор», отзвуки которого дошли и до меня и который так вас ранил. Как часто бывает в супружеских ссорах, другому приписываешь то, чего у него и в мыслях не было. Я уверен, что вы преувеличиваете значимость подобных дебатов для господина де Пейрака. И приписываете этим сходкам гасконцев, где ему нравится встречаться с друзьями, цели, которых у них вовсе нет. Ему же и в голову не приходит, что это может вас задеть. Вот два пункта, которые вам обоим следует безотлагательно прояснить.

- Его нет в Квебеке, - жалобно сказала Анжелика. - Он уехал.

- Он вернется... сегодня вечером или завтра. В это время года далеко не уедешь, самое большее - на расстояние двух лье... Так что это пустяки...

Отец Мобеж не придавал значения ее жалобам. И она ушла от него успокоенная.

Глава III

Ладно, пусть! Анжелика не забыла, что она родом из той провинции, где верят в фей, оборотней, в злые чары самого леса, который давит человека своими темными сводами, закрывая от него небо, – если только чащу не прорезают болота, где тебя заманивают в трясины блуждающие огоньки. В тамошних замках не говорят о куртуазной любви, зато часто вспоминают Жиля де Ре, который замучил сотни маленьких мальчиков, принося их в жертву дьяволу. Она не слишком сведуща в литературе, искусствах и науках, ей следует признать свою вину и покаяться, что была ленива, учась в монастыре у урсулинок. Да, она всего лишь чужестранка, уроженка Пуату. Но... Она его любит.

Но... она любит его больше всего на свете! Он должен это знать, он должен ей верить. Хотя она и из Пуату.

Жоффрей де Пейрак расхохотался так, что даже закашлялся. Они находились в его «командном пункте» в усадьбе Монтины, и время близилось к полудню. Отсмеявшись и снова став серьезным, он захотел узнать, откуда у нее в голове такие нелепые и вздорные мысли, и принялся расспрашивать.

Она заговорила о собраниях, на которые он приглашает своих земляков, а ее – никогда. А беседы наподобие «аквитанского спора» внушают ей страх. Наблюдая за спорщиками, слушая, как они бросают друг другу в лицо обвинения и упреки, она всякий раз невольно вспоминает словесные стычки в Тулузе, которые, как она позднее узнала, имели такие опасные последствия для их счастья и даже жизни. Благоразумие и приобретенный с тех пор опыт должны были бы ему

подсказать, насколько подобные дебаты бесплодны и пусты.

Их усилия здесь, в колониях, отнюдь не направлены на то, чтобы обмануть или ввести в заблуждение короля Франции и вызвать у него подозрение, что они покушаются на его власть в королевстве. Так не рискует ли Жоффрей обречь на провал их нынешнюю попытку, главная цель которой – всего лишь установление добрососедских отношений с Новой Францией и мир в Америке?

– Я смотрю на наше присутствие в Квебеке так же, как и вы, – заверил он, – и попытаюсь развеять ваши опасения. Меня мало волнует господство северян в Аквитании, признанное моими предками и принятое мною как их наследником. После всех происшедших в этой войне жестоких битв вопрос о том, чтобы вернуть все обратно, уже не стоит. И я даже не буду спорить, плохо это или хорошо, потому что человечество давно играет в эту игру, без устали тасуя карты и раздавая их вновь... Это и называется историей... Надо уметь оседлать ее, как несущуюся галопом лошадь, а потом не слишком уводить ее в сторону от пути, которым она хочет следовать, даже если она предпочтет новые направления.

Но это не мешает каждому сохранять то, что ему дорого, то, что составляет его суть. Так, живя в Квебеке, я могу с удовольствием встречаться с моими земляками, разделяющими мои пристрастия в поэзии и литературе.

С каким удовольствием я пригласил бы на наши собрания и вас, любовь моя, если бы только мог подумывать, что это вас обрадует.

Но мне казалось, что ваша светская жизнь в Квебеке и так насыщена удовольствиями, и как же я радовался, видя, что вы чувствуете себя свободной, как ребенок, которому разрешили делать все, что он хочет. Дорогая моя, я люблю вас больше жизни, а значит, хочу видеть

вас счастливой. Я хочу, чтобы вы понемногу освободились от того, что вас угнетало и лишало жизнерадостности, забыли все несправедливости, которые вам пришлось пережить, и снова стали самой собою, радуясь тому, что те достоинства, которыми так щедро одарило вас Небо, теперь раскрываются, расцветают. Именно в этом я черпаю свои самые высшие радости, в этом и в том, чтобы всегда быть рядом с вами в ревнивом стремлении узнать вас еще лучше, постичь ваши тайны. Счастливая женщина раскрывает все свои совершенства лучше, нежели та, которая по той или иной причине чувствует себя пленницей. Я часто ловлю себя на мысли, что мне хочется, чтобы вы были со мною в этих стенах, и что вдали от вас я только бессмысленно трачу свое время. Но я сдерживаю эти порывы, говоря себе, что они продиктованы мужским эгоизмом и деспотизмом. И поэтому для меня вдвойне блаженны минуты, когда я пробираюсь в ваш маленький дом, опьяненный мыслью, что увижу там вас, вдохну ваше присутствие, – оно, словно ваши духи, метит своим отпечатком все, что вас окружает, всех, кого вы допускаете в ваш интимный круг. Я открываю вас, изучаю вас, как книгу со все новыми картинками, перелистывая страницы каждый день. И, приходя к вам, я знаю: сейчас вы принадлежите только мне, и мы оба, вы и я, закрываем дверь и отгораживаемся от суетного мира и бремени наших забот. Я верю, что толика эгоизма нам с вами не повредит. Два любовника, осознающие, что у каждого из них есть своя жизнь, – возможно, в этом и заключается секрет счастья.

– Вот потому-то я и дрожу, – сказала она, – при одной мысли, что наша безопасность, кажущаяся нам такой полной, может в один момент рухнуть.

Я выхожу из дому и вдруг обнаруживаю, что вам угрожает опасность. Или, как вы утверждаете, всего лишь воображаю, будто она вам грозит. Испытания, что

выпали на нашу долю, и события, ставшие их причиной, все еще слишком живы в моей памяти. Что бы вы ни говорили, для меня они еще болезненны. И я никогда не забуду, что именно вас, первого вельможу Аквитании, король Франции когда-то хотел сокрушить...

Он встал и обнял ее, нежно укоряя за неразумные страхи.

Она вспомнила, что и в тот памятный вечер у господина Обура де Лоншана он на серьезные разговоры отвечал шутками, потому что разговоры эти, в сущности, вовсе не были серьезными.

- Это всего лишь забавные словесные турниры, чтобы потренировать ум и не дать ему утратить остроту и облениться от долгого зимнего безделья.

Разве она не заметила, что во время этих состязаний в красноречии все переворачивается вверх тормашками: под конец того памятного вечера галликанцы защищали власть папы, янсенисты - иезуитов, бесстыдники - добродетель, а... а госпожа дю Плесси-Бельер, Мятежница из Пуату, перешла на сторону короля.

- Действительно, - отвечала она, - но это только еще раз напоминает нам, что годы проходят, что мятежи выдыхаются, а раны заживают. Жизнь заставляет нас время от времени бросать взгляд на окружающий мир, прежде казавшийся нам незыблемым, и мы замечаем, что он уже иной. Мы думали, что пройдем по жизни с неизменными чувствами, с неизменной душой... Но мы оборачиваемся и видим, что какие-то идеи, которыми мы жили, сделались ничтожными. А кое-кто из тех, кого мы знали, умерли и уже не воскреснут.

- Дорогая моя, неужели вы думаете, будто я этого не знаю, будто я строю иллюзии насчет грядущих времен?

Обеими руками обхватив Анжелику за талию, он нежно привлек ее к себе:

- Я все понимаю! Времена трубадуров прошли. И в лесах нет больше фей...

Его пылкие темные глаза посмотрели в ее глаза, зеленые, чистые, как ключевая вода.

– Да. Но есть МЫ.

Как это было сладко – любить друг друга при жемчужно-розовом или золотистом, проникающем в комнату через разделенные свинцовыми перегородками на ромбы стекла окна свете зимнего солнца.

В нем поблескивала витая золотая бахрома на балдахине их кровати.

По сравнению с белизной простыней его тело казалось темным, как обожженное дерево, и она чувствовала себя в его объятиях светлой, гладкой и мягкой. Она любила эту тихую комнату, наполненную его присутствием. Она могла бы каждый день проводить здесь вместе с ним. У нее мелькнула было мысль поселиться в усадьбе Монтиньи... но она ее отогнала. Жоффрей прав. Иначе решения каждого из них стали бы навязываться другому и оба они не знали бы, что с этим делать. Лучше жить свободно, ведь они и так могут каждый день встречаться, разговаривать и любить друг друга, рассказывать друг другу о своих планах и о том, что они сделали за минувший день.

Жоффрею нравился ее маленький дом, где вдали от людских взглядов она принадлежала только ему. А ей, сказала она себе, было бы приятно иногда приходить к нему сюда... как к любовнику.

«Была ли я когда-нибудь еще так же счастлива в его объятиях, как нынче?» – подумала она.

И все же ей показалось, что после того «аквитанского спора» все стало уже не таким, как до него, и после этого ослепительного февральского дня ее начало мучить воспоминание о том, что она в спрятанном глубоко-глубоко тайнике своего сердца назвала «отстранением».

В первый раз в их любовной жизни, когда они нынче ласкали друг друга, она почувствовала, как он...

отстранился. Да было ли это отстранением? Нет... Но она ощутила нечто подобное, нечто совсем легкое, неуловимое...

Она снова и снова спрашивала себя, было ли это, не ошиблась ли она? Она думала, думала, стараясь доискаться. Блуждая в сладострастном тумане, которым окутали ее эти несколько часов любви, она мало-помалу все же вспомнила этот миг. Он снова и снова вставал перед ее мысленным взором, с каждым разом вырисовываясь отчетливей, приобретая все большую рельефность, значимость, зримость... Она вдруг открыла глаза. Она просто не могла иначе, не могла их не открыть. Как будто нарастающая в ней опустошительная волна вынесла ее из океана сладострастного оцепенения, выбросила ее тело на поверхность, против воли разомкнула ее сомкнутые веки и раскрыла их широко-широко. И тут она увидела его глаза, они были устремлены на нее. В этой черной воде, в этом красном огне жизнь исчезала. И она чувствовала, как летит туда, как погружается в эти бездонные глаза, которые, кажется, тоже видели в ее глазах ту же самую бездну. И, достигнув дна, она увидела Мужчину, Незнакомца, он смотрел на нее, и у него не было имени, но она знала: он самый близкий ей человек...

Теперь, пытаясь это вспомнить, она признавалась себе, что в тот миг испытала благоговейный ужас.

Она услышала свой голос, неузнаваемый, удивленный, исступленный:

- ТЫ! ТЫ!

Тогда-то она и почувствовала его отстранение, которое, быть может, вовсе и не было отстранением. Он просто шевельнулся, и она пришла в себя, как будто упав с другой планеты на землю, и их объятия продолжились, полные волшебства и блаженства.

Но чем больше она вспоминала, как он тогда шевельнулся, тем больше уверялась: что-то все-таки

произошло. И ее сердце, как и тогда, билось от сожаления и разочарования, которые она не могла себе объяснить. Но, несмотря на все это, к ее беспокойству не примешивался страх, что она может ему разонравиться или что он перестанет ее желать. Она знала, что никогда еще не была так красива. Это ей говорило зеркало. Она излучала свет и отблески его замечала в восхищенных глазах тех, кто ее окружал, как в зеркале, над которым она сейчас склонялась. Она провела пальцем по своим ресницам, по линии своих губ. Нет, она не жалела, что ей в удел досталась красота. Отец Мобеж был прав, что напомнил ей об этом даре, таком дивном, таком чудесном. Благодаря ему она никогда в себе не сомневалась, а ведь подобные сомнения мучают столько женщин. Но она, в отличие от них, не боялась, что внешность ее подведет и что она будет ловить на себе равнодушные или пренебрежительные взгляды.

Она благодарила Небо за все, что дала ей красота. За свою уверенность в том, что в эти смутные времена у нее есть самое действенное оружие, чтобы удержать любовь Жоффрея. За осознание того, что в день, когда она вернется в Версаль, она сможет безбоязненно показать свое лицо завистливым и жадным взглядам придворных и что даже сам государь, взглянув на нее, не разочаруется.

Сознание своей красоты наполняло ее счастьем. Пусть жизнь ее была беспокойной, все равно она не променяла бы ее на существование иссыхающей Сабины де Кастель-Морг, которая никогда не знала утех любви... этого неистового и самозабвенного путешествия к берегам острова Цитеры.

При мысли о Сабине она почувствовала угрызения совести, ибо вспомнила свои слова, брошенные ей в лицо и так больно ее ранившие.

Глава IV

Последняя ссора, случившаяся у Сабины с Анжеликой на приеме у господина Обура де Лоншана, произвела в душе госпожи де Кагель-Морг страшное опустошение. После того как она одно время надеялась, что возродится к новой жизни, она впала в состояние, еще худшее, чем то, в котором она с грехом пополам прожила всю свою несчастную жизнь. Почему, почему эти двое, он и она, явились, чтобы окончательно разрушить ее жизнь? Разрушить ее жизнь, сорвать с нее маску и показать всем, что она – прокаженная.

Вот почему все ее избегают. Вот почему никто не испытывает к ней симпатии, а в ответ на свое дружеское расположение к людям она встречает с их стороны лишь холодность и сухость.

Анжелика была права, когда сказала, что эта разбитая любовь, едва успевшая зародиться в ее сердце на заре юности, сделала ее больной на всю жизнь. И она замкнулась в своей болезни. Она бежала от любви, она убила любовь своими руками. Она мстила любви, отвергая ее, предавая поношению, надев на нее отвратительную маску, маску греха, обманывая саму себя, когда унылыми ночами ее терзали мечты, в которых она никому бы не призналась, ненавидя свои желания, возведя в добродетель отвращение, которое она питала к своему телу. Она сама виновата во всем. Из-за того, что судьба, как ей казалось, была к ней несправедлива, из-за того, что жизнь предала ее, отдав предмет ее чаяний другой, она добровольно, своими руками, сделала из себя калеку.

А сейчас зов любви, желание любви проснулись в ней снова, пробудились с приходом того, чей образ неотступно преследовал ее в мечтах и снах; так

утренняя заря занимается медленно, а потом горизонт вдруг резко, словно кинжалом, пронзают лучи солнца.

Ее кумир, человек из легенды, которого она считала исчезнувшим навсегда, появился снова, она с ужасом смотрела, как приближаются по реке его корабли, на одном из которых, словно восстав из мертвых, по слухам, он плыл. Она его увидела, она его узнала. Она могла бы разом излечиться от своей болезни, от своей любви, когда герой ее грез и приукрашенных фантазий предстал перед нею во плоти. Но нет, она опять попала в плен обаяния незабываемого тулузского вельможи, обаяния, обогащенного и усиленного исходящим от него еще более ощутимым человеческим теплом. Ореол трагедии, над которой его воля восторжествовала, эта седина на его висках – печать тяжелых испытаний и прожитых лет – только разожгли ее безумную и тщетную страсть. Но после разговора с Анжеликой Сабина поняла, что теперь слишком поздно. Она окружила себя колючей терновой изгородью. И дело не только в том, что годы не прошли для нее бесследно, наложив отпечаток на лицо и тело. Она сама старательно себя уродовала и сознательно уклонялась от всех знаков внимания.

И теперь, теперь, когда он был рядом, она перестала существовать, превратилась в призрак. А что он, Жоффрей де Пейрак, будет делать с горестным призраком, он, такой пылкий, страстный, жадный до жизни? Колючая изгородь ее защищала. И придется поверить словам Анжелики: он ее не помнит... Он не замечал ее и раньше, в Тулузе, хотя она была очень хорошенькой и даже красивой. Нет, Анжелика солгала: он, такой чуткий к женским прелестям, не мог ее не заметить. А может быть, она уже тогда носила в себе этот тайный изъян, это свойство отталкивать от себя любовь, умерять дружеские чувства?

Какая пытка! Именно теперь, когда ее тело проснулось, когда ночами она порой металась по своему ложу, страдая от плотского голода, который ничем не могла утолить, теперь было уже СЛИШКОМ ПОЗДНО.

С ним... с ним любовь была бы так прекрасна... Он распалил бы ее страсть. Но все в нем принадлежало Анжелике. Несмотря на всю его галантность, чувствовалось, что, когда она рядом, другие женщины значат для него мало. Сколько раз, провожая их взглядом, когда они вместе уходили с приема, она со щемящей тоской думала: «Сегодня ночью они будут любить друг друга».

Она, бывало, подолгу смотрелась в зеркало, касалась пальцем своих висков, чтобы почувствовать нежность кожи, проводила кончиком ногтя по морщинкам в уголках глаз. Напрасно Анжелика старалась убедить ее, что она красива, что в ней есть очарование, что у нее величественная осанка, – она-то знала, что уже поздно. Она никогда не вылезет из своей любви и никогда не избавится от своей молчаливой неудовлетворенности.

Она добилась того, что мужчины ее терпеть не могут. Она перешла в категорию женщин, которых они боятся и от которых бегут как от чумы. Теперь никакое чудо не способно разрушить или поколебать построенную ее усилиями мощную крепость. Этой крепости подчинялись все ее поступки, все ее слова, как будто она не могла удержаться от того, чтобы каждый день добавлять к этой внутренней стене еще один камень, замуровывая себя на глазах у всех.

Анжелика! У нее дар быть счастливой. Свои седые волосы она носит как волшебное украшение. А вот она, Сабина, в ужасе выдергивает первые серебряные нити из своей до недавних пор черной, как эбеновое дерево, шевелюры.

У нее мелькнула надежда на дружбу. Посещая собрания гасконцев в усадьбе Монтины, она

чувствовала, что приобщается к атмосфере тепла и взаимного понимания, которую создавал граф де Пейрак. Иногда он разговаривал с нею, она отвечала ему легко и умно и читала в его взгляде одобрение. И тогда жизнь обретала форму и краски... А теперь она упала с еще большей высоты, и положение ее стало еще более безысходным.

Жоффрей де Пейрак и Анжелика окончательно разрушили и без того шаткое равновесие ее жизни.

Даже у неблагоприятных и непостоянных индейцев Анжелика, словно играючи, добилась успеха, несомненно благодаря своему счастливому дару очаровывать, не прилагая к этому никаких усилий, - дару, которого Сабина была начисто лишена. Каким образом Анжелика завоевала привязанность дикарей? Сабина напрасно снова и снова задавала себе этот вопрос. Сила ее обаяния не поддавалась анализу, с нею надо было просто смириться. Когда-то Сабина наставляла Пиксарета в вере, занималась с ним катехизисом, готовя его к крещению. Но сегодня он даже не замечал ее на улицах, зато стал защитником и хранителем этой интриганки, этой Анжелики, которая, едва появившись, тотчас притягивает к себе все сердца. А стоит появиться ей, Сабине, как всех вокруг охватывает раздражение. Или же ее просто не замечают. А ведь она так любила этот край, Канаду, со всеми ее достоинствами и недостатками. Но теперь она чувствует себя здесь чужой. И даже ее немногочисленные друзья и подруги, еще недавно ценившие ее как интересную собеседницу, например госпожа де Меркувиль или господин Гобер де Ла Меллуаз и некоторые другие, воспользовались предлогом, который она дала им, выстрелив из пушки, и повернулись к ней спиной. Один только прокурор Тардые относился к ней с уважением. Но очень скоро она поняла, что ему просто нужна ее помощь в

осуществлении своего плана: он хотел добиться сноса деревянных домишек, прилепившихся к обрыву под фортом. Желая доставить ему удовольствие или же чтобы попросту отделаться от него, она в конце концов пожаловалась Фронтенаку на дым и неприятные запахи, якобы поднимающиеся из прогнивших трущоб Нижнего города. Но губернатор только рассердился и резко сказал, что, если замок Сен-Луи ей чем-то неудобен, она может отправляться жить в свой ничем не защищенный собственный дом.

К ней обращались лишь за услугой или для того, чтобы переложить на нее какую-нибудь обязанность, в основном тяжелую и неприятную.

Госпожа Фавро и две жительницы предместья отказались поставить на своих чердаках ткацкие станки. Поскольку никто не знал, куда их теперь деть, госпожу де Кастель-Морг попросили поместить их в маленькую комнатку, которую им с мужем выделили под кладовую и где она хотела устроить молельню. И никто ее за это не поблагодарил.

Сабина больше не существовала. У нее ничего не осталось. Даже сына, который так и не простил ей, что она выстрелила из пушки по кораблю де Пейрака. Он ее стыдился. Он ее избегал. И это тоже было из-за них, и особенно из-за нее – Анжелики.

Она была в отчаянии... Ее неотступно преследовала мысль о самоубийстве. А что, если броситься вниз со скалы над бухтой Со-о-Матло, где первооткрыватель Картье во время своего первого путешествия воздвиг один из своих гигантских крестов с вырезанным на нем гербом короля Франции? Она представляла себе, как стоит у подножия этого креста, собираясь с духом, перед тем как броситься в бездну. Трудность была в том, чтобы найти для прыжка наилучшее место, потому что все, что падало из Верхнего города, неизменно оказывалось на крышах Нижнего.

Если прыгнуть вниз рядом с канцелярией суда, висящей над обрывом наподобие орлиного гнезда, она напорется на заостренные бревна частокола, которым обнесено становище гуронов.

Если кинуться с террасы замка Сен-Луи, то ее тело отскочит от двух скалистых гребней и, чего доброго, проломит крыши развалюх того самого пресловутого квартала прогнивших деревянных домишек, которые сейчас, зимой, удерживал только ледяной каркас.

Вконец подавленная мрачными видениями, Сабина де Кастель-Морг представила себе свои похороны на кладбище. Присутствующие опять припомнят, какая она была неловкая, несуразная и бестактная во всем, в том числе и в своем уходе из жизни. Наверное, епископ откажет ей в христианском погребении. И все со вздохом согласятся, что мертвая она создает для окружающих еще больше затруднений и проблем, чем живая.

Темные круги под глазами с каждым днем все четче выступали на ее бледном лице.

Она никогда не знала любви. И уже никогда не узнает...

Как-то раз, будучи одна в своей спальне, она, дрожа, разделась донага и посмотрела на себя в зеркало. Она была поражена округлостью своих бедер, стройностью талии, пышностью груди. И покраснела, увидев белую полотняную повязку, которую постоянно носила. На ее взгляд, соски ее были слишком темными и слишком большими – но разве не это будит в мужчинах вожделение? Она поняла, что всю жизнь пребывала в заблуждении.

«Я красива, – подумала она. – Но ни один мужчина никогда мне этого не говорил».

Это была ложь.

Мужчины говорили ей это или давали понять, пока она не оттолкнула их от себя своим внутренним отказом

признать свою красоту и принять их ухаживания. Потому что подобные признания она хотела слышать только от одного мужчины, только из одних уст.

Коснея в своем упрямстве, она восприняла пылкую страсть Кастель-Морга как оскорбление, а не как честь. Гасконец, он любил женщин, но в его пыле она увидела только похоть. Своими вечными отказами разделить с ним супружеское ложе она вынудила его оставить ее в покое, однако теперь, разглядывая себя в зеркале, она поняла, что этот распутник согласился на это не без сожаления. Она расплакалась.

«Ненужное тело! Тело, которым пренебрегли!» – думала она, проникшись жалостью к себе.

«Хотя бы разок! – думала она. – Я хочу узнать любовь хотя бы раз в жизни!.. Прежде чем умру! Прежде чем состарюсь!» И она сорвала повязку со своей груди.

Глава V

Первые дни марта были отмечены трескучими морозами.

«Чтобы выдержать нынешние холода, нужно, чтобы в жилах текла водка, тело было из меди, а глаза из стекла, – записала мадемуазель д'Уредан. – А строгости поста приведут к тому, что мы и вовсе околеем».

Все уже и забыли, что белый, утопающий в снежных заносах, изборожденный санными трактами, над которыми раздавался звон бубенцов на упряжках, Святой Лаврентий когда-то был рекой.

Нет, до конца зимы было еще далеко. Она и не собиралась уходить. Морозные, но ясные дни чередовались с бурями, те бушевали одну ночь или один день, бросая в лицо прохожим жесткую, сухую, колючую крупу, и студеный ветер пронизывал тела до костей.

К двенадцатому марта, на средопостье, в лихорадочной спешке готовилась театральная постановка.

Госпожа де Кастель-Морг весьма резко высказалась по поводу выбора пьесы. Предложенный вольнодумцами «Тартюф» был отвергнут. Ни к чему вызывать в Квебеке брожение умов, которое в свое время потрясло Версаль. Всем известно, что даже поддерживавший Мольера король и тот был в конце концов вынужден отступить перед кликой церковников и святош. Госпоже де Кастель-Морг, похоже ставшей во главе здешних ханжей, категорически не нравилось ни одно из предложенных произведений. По ее словам, ни одно из них отец д'Оржеваль не потерпел бы.

И с какой стати она вновь заговорила об отце д'Оржевале? Разве мало людям испытаний зимы и Великого поста?

Она предлагала поставить «Кастора и Поллукса» или «Деяниру и Ахелоя» одного малоизвестного автора, порекомендованного ей секретарем господина де Фронтенака господином Берино, с которым она хорошо ладила и который даже сам сочинил несколько литературных пустячков.

Спор о выборе пьесы продолжился в доме интенданта Карлона. Его любовь к театру была известна, и его выбрали распорядителем постановки. Собравшиеся, вздыхая, обсуждали требования госпожи де Кастель-Морг, которая, к счастью, отсутствовала. «Кастор и Поллукс» или «Деянира и Ахелой»?

- А не попросить ли господина Берино написать нам пьесу в трех актах с одним или двумя балетами? - предложила госпожа Ле Башуа.

- И назвать эту пьесу «Сабина и Себастьян», - сказал интендант.

Эта немилосердная шутка вызвала взрыв безудержного веселья, которое, впрочем, можно было извинить тем, что нервы у всех были на пределе. День представления приближался, но начать репетиции было невозможно, так как пьесу до сих пор так и не выбрали. К тому же стоял жуткий холод и в желудках было пусто. Пришедшие с опозданием господин и госпожа Голлен обнаружили гостиную, полную людей, которые корчились от смеха, как в припадке падучей, по их щекам текли слезы, а некоторые даже задыхались.

- О, если бы вы только слышали! - воскликнула Анжелика. - Господин интендант уморил нас со смеху...

Ее реплика тоже вызвала буйный смех, поскольку ранее интендант Карлон никогда не был замечен ни в чем подобном. Ошеломленные лица Голленов вызвали новый приступ хохота. Борясь с икотой, им пересказали шутку интенданта, и остаток вечера все хохотали до упаду.

Нельзя сказать, что Анжелику не мучили угрызения совести. Вот уже несколько дней она неизменно корила себя, когда на память ей приходила Сабина де Кастель-Морг.

- Сабина меня беспокоит, - сказала ей при встрече госпожа де Меркувиль. - Одно время казалось, что она изменилась к лучшему, у нее даже появился некоторый шарм, и вдруг! Она снова впала в меланхолию, у нее ужасный вид, и я уверена, что она лишилась сна. Не могли бы вы посоветовать ей какое-нибудь снадобье?

- Увы, нет! Я меньше, чем кто-либо, могу ей помочь.

- Тогда я пошлю за Гийметтой де Монсарра-Беар с острова Орлеан. Говорят, она опытная травница.

- О, только ни в коем случае не сводите этих двух женщин, не то они обе обезумеют. Не лучше ли мне съездить к Гийметте самой?

- Ну что ж, прекрасно! Если вы поедете ее повидать, - сказала госпожа де Меркувиль, которая в своем стремлении добиться цели была готова на все, - то возьмите эту повязку Сабина, которую она на днях почему-то бросила мне в лицо, и передайте ее Гийметте. Говорят, что целителям для их магических пассов нужна какая-то вещь, до которой дотрагивался больной.

Когда наутро Анжелика отправилась во «Французский Корабль», по дороге ее вдруг окликнула Элеонора де Сен-Дамьен. Сани этой красивой дамы, выглядящей сегодня особенно соблазнительно в своей малиновой накидке, только что остановились возле старого королевского склада.

- Гийметта шлет вам привет, - сказала она, - и ждет в гости.

- Вы собираетесь вернуться на остров? - спросила Анжелика, которой только что пришла в голову

блестящая мысль.

– Я рассчитывала провести день здесь, а заночевать у моего сына, майора Фабриса, – ответила Элеонора, – но если вы решились сопровождать меня, то я уеду через час, так как мне еще надо сделать кое-какие покупки. А вечером мы вдвоем вернемся в Квебек.

В большом зале таверны Анжелика на краешке стола нацарапала записку. На этот раз это она предупредила Жоффрея, что ее не будет в Квебеке целый день. Зимой из города невозможно было уехать далеко, но каждая поездка дарила упоительное чувство свободы, потому что можно было нестись во весь опор по бескрайней белой равнине и, оглядываясь назад, видеть, как Квебек становится все меньше и меньше и даже скрывается вдали.

К тому же Анжелика могла быть уверена, что теперь прекрасная Элеонора уже не сможет, воспользовавшись ее отсутствием, посетить усадьбу Монтиньи, чтобы поприветствовать того, кого она называла своим «сюзереном».

Красивая усадьба Гийметты, стоящая на склоне господствующей над бухтой возвышенности, на вершине которой виднелся шпиль колокольни церкви прихода Святой Петрониллы, выглядела весьма населенной. Через ворота непрестанно входили и выходили больные, индейцы, обитатели соседних домов и дети.

Гийметта принимала своих посетителей не как целительница, а как госпожа, сидя во главе стола в кресле с высокой резной спинкой, беседуя с ними и смеясь. Время от времени она заводила их в кабинет, чтобы дать советы и целебные травы.

Она тут же увлекла за собою Анжелику в другую комнату, прекрасно обставленную гостиную, где было менее многолюдно.

– Остайся у меня до завтра или же пообещай приехать еще. Нам о многом нужно поговорить.

Анжелика рассказала ей, что в последние дни ей грозила опасность, что на Сахарной Голове ее попытались убить, а Гийметта, несмотря на свои обещания, ее не предупредила.

- Разве ты умерла? - возразила колдунья. - Нет! Так на что ты жалуешься? Ты - самая сильная, и ты защищена...

Время пролетело быстро, но, когда пришла пора возвращаться в Квебек, Анжелика решила остаться на ночь из-за приближающейся бури, которая уже накрыла виднеющийся вдали город.

Гийметта прибыла в Канаду тридцать лет тому назад в сопровождении мужчины, за которого вышла замуж, чтобы получить возможность покинуть Европу, и в убийстве которого ее вскоре обвинили. Ее жизнь была неразрывно связана с жизнью острова. Когда она построила здесь свою первую хижину, это был необитаемый остров, который Картье назвал островом Бахуса из-за росшего на нем в изобилии дикого винограда. Мало-помалу остров заселился.

Пятнадцать лет назад Гийметте удалось спастись от резни, учиненной ирокезами, чья флотилия прибыла на остров из Тадуссака. Во время нападения она с несколькими маленькими детьми собирала тимьян на склонах гор. Впоследствии она их усыновила, так как в тот день их родители погибли, как и ее второй муж - Жиль де Монсарра-Беар, и большинство беженцев-гуронов, перебравшихся на остров после бойни, в которой ирокезы уничтожили бóльшую часть их племени.

Жизнь колдуньи на острове показалась Анжелике куда более упорядоченной и умеренной, чем ей рассказывали в Квебеке. Любовники задерживались у нее подолгу и покидали ее не без сожаления. Она сказала Анжелике, что в любви учила их множеству

таких вещей, каких они никогда в жизни не узнали бы от лесных дикарок.

Ее нынешний любовник, молодой мечтательный богатырь, занимался хозяйственными работами в поместье с большим знанием дела.

Выполняя простые обязанности, которые любил, – заготовку дров и сена, уход за скотиной, производство сыров, – и деля ложе с женщиной, которая была к нему добра, он нашел на земле свой собственный рай и не интересовался, как живут другие. Было приятно смотреть, как он входит, выходит, садится за стол, где его ждет тарелка с изысканной пищей, и все это под нежным взглядом Гийметты. Он был похож на счастливого балуемого ребенка, который, однако, вполне отдает себе отчет в том, как ему повезло.

За столом старательно прислуживала девочка-подросток со светлыми, почти белыми, волосами, красивая, но с пустым взглядом. Когда трапеза закончилась, она уселась у ног своей госпожи и положила голову ей на колени.

– Невинное дитя, – сказала Гийметта, глядя ее чересчур светлые волосы. – У нее болезнь святого Иоанна.^[13]

Девочка была из прихода, расположенного на южном берегу, из поместья, хозяин которого несколько не интересовался своими арендаторами. Оно было заселено крестьянами – выходцами из западных и северных провинций, темными, упрямыми и подозрительными. Из-за случившихся с бедняжкой конвульсий, проявлений падучей болезни, во все времена считавшейся проклятием богов, они обвинили бедняжку в том, что из-за ее колдовства побурел урожай льна, на который своим цветом были похожи ее волосы, и послали в Квебек за священником, чтобы он изгнал из нее бесов.

– Почвы там соленые, вот лен и побурел, – объяснила Гийметта. – Туда и еще выше по течению во время

приливов поступает морская вода. Всего в нескольких лье от Квебека есть затапливаемые участки берега, насквозь пропитанные морской солью. Но эти невежды не смогли до такого додуматься и потащили свою «бесноватую» в церковь.

Гийметта вырвала ее из их лап. Сейчас бедная девочка живет на острове в тишине и покое. Гийметта лечит ее экстрактами руты и валерианы и настойкой дурмана, и теперь припадки случаются реже.

- Это приносит ей гораздо больше пользы, чем иголки, которые втыкали в ее тело, стараясь отыскать «метки дьявола».

Рассказ Гийметты напомнил Анжелике о Сабине де Кастель-Морг, ради которой она и приехала. Она постаралась нарисовать как можно более точный портрет этой высокопоставленной знатной дамы, которая, судя по всему, находится во вполне добром здравии, но которую терзает глубокая неудовлетворенность, приведшая ее на грань отчаяния. А посему ее близкие и люди, питающие к ней самые дружеские чувства, кажутся ей злейшими врагами, вознамерившимися ее погубить.

Анжелика сомневалась, стоит ли раскрывать истинные причины мук, терзавших жену военного коменданта Новой Франции. Тогда ей пришлось бы пуститься в длинные, запутанные объяснения, и в конце концов она предпочла положиться на сверхъестественную способность Гийметты распознавать суть дела.

Слушая свою гостью, колдунья время от времени бросала на нее беглые взгляды, которые, казалось, прозревали то, о чем та умалчивала. Затем привычным жестом, от которого у Анжелики потеплело на душе, надела очки. Своими тонкими пальцами она долго щупала и вертела повязку госпожи де Кастель-Морг, которую привезла Анжелика, потом поднесла ее к носу.

- Красивая женщина, пылкая и благородная, - пробормотала Гийметта.

- Да, так оно и есть, - согласилась Анжелика, стараясь быть беспристрастной. - Поэтому друзья так о ней и беспокоятся... Они опасаются, как бы до конца зимы она не дошла до роковой черты... Когда начинает таять снег, некоторые люди пытаются покончить жизнь самоубийством, не выдержав чрезмерного напряжения или крайнего упадка сил... Так не может продолжаться... Ее необходимо спасти...

Замолчав, Анжелика вдруг осознала, что колдунья уже несколько минут внимательно на нее смотрит. Анжелика не понимала, что говорит этот взгляд, и ей стало не по себе. Неужели Сабина де Кастель-Морг обречена?

Колдунья отвела глаза и таинственно произнесла:

- Не тревожься! Она будет спасена...

Глава VI

Как и следовало ожидать, шутка Жана Карлона о «Сабине и Себастьяне» быстро достигла ушей госпожи де Кастель-Морг, но ей передали, что исходила она из уст Анжелики. Известие это, точно отравленным кинжалом, поразило сердце жены военного коменданта и причинило ей невероятную боль.

Ослепленная яростью и жестокой обидой, она схватила накидку и бросилась вон из дому, оставив в одиночестве «добрую душу», Эфрозину Дельпеш, которая, говорят, принесла ей эту весть.

Добежав до двери, охраняемой двумя атлантами, держащими земной шар, она принялась неистово стучать в нее кулаками.

- Сударыня, пройдите через двор, - крикнула ей Сюзанна из открытого окна второго этажа, где она раскладывала соломенные тюфяки, чтобы проветрить их.

Сабина де Кастель-Морг, спотыкаясь, прошла по лестнице, огибающей дом, и чуть было не оказалась на заваленном котлами и мусором дворе Банистеров. Проводив ее в гостиную, Сюзанна объяснила, что через парадную дверь никто никогда не входит. Ею пользуется только госпожа де Пейрак, чтобы утром с порога посмотреть на горизонт.

- Где она? - растерянно воскликнула посетительница.

- Она уехала.

- Куда?

- К колдунье, на остров Орлеан.

- Да она сама ведьма! - выкрикнула Сабина, опрометью бросившись вон.

Она пробежала по лестнице, прошла мимо индейского становища, потом по Соборной улице, от ее беспорядочных движений полы широкой накидки разлетались в разные стороны, делая ее похожей на подхваченную бурей темную птицу. Ее блуждания напоминали неумелый танец, что заинтригованная мадемуазель д'Уредан не преминула отметить.

В конце концов Сабина вышла на тропинку, начинающуюся на перекрестке, где стоял большой вяз, и ведущую через поля к усадьбе Монтиньи.

Она двигалась уверенно, так как знала все закоулки поместья, потому что часто приходила сюда на собрания гасконцев, из-за которых так сердилась Анжелика. На этих сходках, успокоенная напевными звуками родного языка, она с упоением слушала старинные поэмы, вспоминать которые так нравилось господину де Пейраку... Она бегом поднялась по лестнице, прошла по коридору второго этажа и открыла дверь.

Она возникла на пороге покоев Жоффрея де Пейрака, словно трагическая вдова, потому что была чудовищно бледна и в темной одежде. Возле открытого окна граф занимался установкой телескопа на треногу.

Сабина уже не владела собой.

– Ваша Анжелика невероятно жестока! – выпалила она. – Только послушайте, как она со мною обошлась!

Дрожащим, прерывающимся голосом она поведала ему о нанесенном ей в ее отсутствие оскорблении, которое ей передали. Она заявила, что не желает быть объектом глумления со стороны женщины, полагающей, что ей все позволено, потому что она красива, потому что все мужчины падают к ее ногам, хотя она не прилагает никаких усилий, чтобы им понравиться, – женщины, уверенной в своей безнаказанности, что бы она ни сделала, что бы ни сказала...

Бедная Сабина повторила шутку, которая сделала ее, жену военного коменданта, посмешищем для всего

города и бросила тень возмутительных подозрений на нее и Себастьяна д'Оржеваля.

Граф слушал ее, слегка нахмутив брови, ибо ее сбивчивый рассказ требовал от собеседника неослабного внимания. С Сабиной явно творилось что-то ненормальное, она уже не контролировала свой голос и говорила все громче и громче. Граф подошел к двери, которую она оставила открытой, и затворил ее, потом улыбнулся, что вконец разъярило его гостью.

– Ах, так вас это забавляет! – воскликнула она. – Вам и дела нет до ее жестокости!

– Клянусь честью, такой красивой женщине, как она, это пристало куда больше, нежели роль жертвы. Мне нравится наблюдать, как она вонзает свои прелестные белые зубки в тех, кто ей завидует или пытается нанести ей вред.

Словно острый клинок вошел сердце Сабины де Кастель-Морг и, казалось, перерезал последнюю нить, связывающую ее с жизнью.

– Вы любите только ее! – Ее голос был похож на предсмертный хрип. – Только ЕЕ!.. А я... Я погибла.

Вне себя от отчаяния, она ринулась к распахнутому окну и бросилась бы вниз, на каменные плиты двора, если бы не две сильные руки, обхватившие ее талию и удержавшие на месте.

Она кричала и билась, она хотела вырваться из его объятий, разбить голову об стену. Ее волосы распустились и рассыпались по плечам. Сквозь упавшие на глаза пряди она увидела, что прибежали люди, что они смотрят на нее с осуждением, и она в ужасе застыла от страшной мысли, что она, Сабина де Кастель-Морг, устроила столь низкопробную сцену при свидетелях. Но затем поняла, что видит лишь свой собственный силуэт и силуэт графа де Пейрака, сплетенные вместе и отражающиеся в стоящем у стены большом зеркале. Лишь теперь она осознала, с какой силой он был

вынужден прижимать ее к себе, чтобы удержать от смертельного прыжка. Ей показалось, что от этих обнимающих ее сильных мужских рук исходит необычайное тепло. Он сжимал ее так крепко, что ей трудно было дышать.

- Какая муха вас укусила, сумасшедшая? - спросил он, увидев, что она немного успокоилась.

- Дайте мне умереть!

- И не подумаю. Не хватало еще, чтобы люди говорили, что господин де Пейрак выбросил госпожу де Кастель-Морг из окна, не простив ей выстрела по его кораблям!

Сабине и в голову не приходило, что ее безумный поступок может повлечь за собою такие последствия. Возбуждение спало, и ее охватило горькое разочарование. Она вдруг испугалась не за себя, а за него. Да, он может с полным на то основанием упрекнуть ее в том, что от нее всегда одни только неприятности.

- Простите меня, - пролепетала она.

- Я вас прощаю. Но при условии, что вы поведаете мне истинные причины вашего безрассудства.

Опустошенная, она молчала, не в силах вымолвить ни слова, потом наконец прошептала:

- Я вам неприятна.

Лицо графа смягчилось; глядя на ее отражение в зеркале, он сочувственно улыбнулся. Это удрученное лицо, эти рассыпавшиеся волосы показали ему то, что скрывалось за ее всегдашней чопорностью и несуразными поступками, - растерянную красивую женщину.

- Почему это вы мне неприятны, прекрасная тулузка? У Сабины больше не было сил бороться.

- Я безобразна...

- Да нет же. Вы очень красивая женщина.

- Однако тогда, в Тулузе, в Отеле Веселой Науки вы не обратили на меня внимания.

- Быть может, тогда вы были менее красивы?

- Вы правда меня не помните?

Он покачал головой и мило улыбнулся, чтобы смягчить разочарование, которое, он это знал, вызовут его слова.

Она с силой закусил губы, но ничего не смогла поделаться с предательским блеском своих глаз, в которых стояли слезы.

- Какой же я была душой! Я столько лет воображала себе, будто когда-то вы обо мне думали. Будто вы меня хотя бы увидели, заметили... Я жила этими воспоминаниями.

- Все женщины - мечтательницы, - сказал он. - Это самый малый их недостаток. Не кусайте так свои прелестные губки, не то вы их повредите.

В его голосе ей послышалась новая интонация. И она смутилась от взгляда, который он устремил на ее отражение.

- Не все ли равно, что было в прошлом! Ведь теперь я вас вижу, я вас заметил.

- Нет! - воскликнула она в отчаянии. - Теперь уже слишком поздно. Теперь я уже не существую. У меня больше нет тела.

Он рассмеялся:

- Сударыня, позвольте мне, как человеку со вкусом, поспорить с таким нелепым утверждением. Мне трудно в него поверить, ведь я держу вас в объятиях. Я вижу огромные черные глаза, волосы, похожие на гриву испанской кобылицы, тонкую гибкую талию, красивую грудь.

Свою речь он сопровождал смелыми жестами, и она ослабела.

- О чем бы мне еще упомянуть, сударыня, чего вы, по вашим утверждениям, лишены? Вы говорите, у вас нет

тела? Я хотел бы убедиться в этом сам...

Она боролась изо всех сил, чтобы не поддаться сладкому головокружению.

- Вы боитесь любви, сударыня?

- Да, я ее боюсь, я ее ненавижу, - сдавленным голосом ответила она.

Сейчас настоящее пыталось украсть у нее то прошлое, которым она прикрывалась, как блистающим плащом, и ей не хотелось, чтобы его с нее сорвали. Тогда у нее не останется ничего, ничего. Она снова увидела себя молодой и красивой под ярким солнцем Тулузы, когда красота сулила ей счастливую жизнь и всеобщее восхищение.

Она судорожно вздрогнула, боясь разрыдаться.

Он еще крепче обнял ее за плечи и, наклонившись, прижался виском к ее виску.

- Сестра моя, землячка, - нежно проговорил он, - чем я могу вам помочь?

Она опустила голову и отвернулась, чтобы он не увидел, как напряжено ее лицо. Но на затылке она почувствовала легкое прикосновение его рукава.

Потом он развернул ее к себе, сжал ладонями ее лицо, заставил ее запрокинуть голову и завладел ее губами. Она задохнулась, как от удара, и застыла, не ощущая ничего, кроме его губ, властных и незнакомых. Чтобы восстановить дыхание, она должна была вдохнуть воздуха, пойдя навстречу его губам, его языку. Ответить на его поцелуй. Попав в ловушку, она содрогнулась всем телом, но она знала, что именно так мужчина должен целовать женщину. И знала, что всю жизнь мечтала именно о таком поцелуе, поцелуе страсти, жарком, упоительном, сминающем ее губы: целуя ее, этот мужчина превращал ее в женщину, в желанную женщину.

В ее опьяненном мозгу, точно испугнутые птицы, вспышками мелькали мысли: «Этого не может быть! Это

ужасно! Нельзя покоряться так безропотно, так рабски!» Но она ничего не могла с собою поделаться. Так решила судьба... Она не умрет и не состарится, не узнав тайну всех женщин, тайну, которая ведома и всегда была ведома Анжелике, которая делает ее такой безумно счастливой, которая заставляет светиться ее кожу, так что вся она, во всех своих движениях, даже под одеждой, кажется пропитанной любовью.

Тайна! Тайна жизни других женщин. Она, как обжигающий напиток, течет по ее перехваченному горлу, проникает в ее жилы.

«Желанна ли я? Желанна? Желанна?» – стучала в ее голове одна и та же мысль.

От пьянящей определенности открывшегося ей ответа она ослабела. Сладкая боль сводила ее внутренности, ее подташнивало, хотелось стонать. Она чувствовала на своем теле властную мужскую руку, через ткань корсажа ее прикосновение обжигало плечи, талию, спину. Его влажная ладонь проникала повсюду, подчиняя ее себе, и она опять подумала, что всегда ждала именно таких ласк и что теперь хочет, чтобы он ласкал ее обнаженную. Ее охватило желание сбросить с себя одежду, как тунику Несса, иначе она умрет. Только прикосновение этой руки к ее обнаженной коже может успокоить, возродить ее к жизни, вырвать из лап смерти.

«Один лишь раз! – жалобно подумала она. – Один раз в жизни... чтобы знать, что я живая... Живая ли я? Живая ли?»

– Ну конечно живая, маленькая глупышка! – произнес мужской голос, донесшийся как бы издалека, из-за пелены тумана.

Она не знала, что говорила вслух. Ей захотелось ответить. Она стиснула зубы, чтобы сдержать тошноту, которая отнимала у нее все силы. Кровь стучала в висках, губы болели, язык казался большим и твердым,

как камень. Два мощных, поглощающих все ее силы потока: страх и желание – захватили ее всю. Когда она поняла, что лежит на кровати, наконец-то совершенно нагая, ее захлестнула всепоглощающая волна благодарности за это чудо и смела все ее сомнения. Это случилось! Наконец-то она совершила этот ужасный грех, сладостный, восхитительный грех! Она прошла сквозь огонь, разрушила стену, о которую билась столько лет. И это получилось так легко, как будто ее подхватило море и унесло прочь из ее тяжелого, познавшего столько горечи тела.

Как все просто! Как будто солнце засияло в ее сердце, в душе, в теле, изумленном, но согласном.

Она была свободна.

Она стала женщиной, настоящей женщиной, чья красота зовет к радостям любви. Теперь она верила, что красива и желанна, ведь он явно находит удовольствие в том, чтобы любить ее, он, познавший столько женщин, и в том числе самую прекрасную из них. Она разом смеялась и плакала, обеими руками цепляясь за что-то твердое и теплое. Время от времени ее осеняло: это его нависшее над нею тело, его мощные плечи, его затылок, его мускулистые руки. Увидев совсем близко его лицо, его блестящие насмешливые глаза, она совсем потеряла голову. Она чувствовала, как своими искусными ласками он усиливает ее страсть и одновременно – свое собственное наслаждение.

Под его поцелуями соски ее горели, груди взбухли, подобно двум отдельным от нее живым существам, и она почувствовала, что ее тело сейчас взорвется от восторга. Он вошел в нее, и его плоть заполнила ее всю, до самого горла, так что ей стало трудно дышать. В ее изголодавшемся теле словно забили чистые ключи, оно сотрясалось от беспорядочных глубинных движений, как земля сотрясается в конвульсиях от бушующего под нею

огня. Это было ужасно, но так прекрасно! Теперь можно и умереть! Да, да, сейчас она умрет!

«Господи, благодарю Тебя! Благодарю Тебя за то, что на этой земле есть такой мужчина!»

Изнемогая, она почувствовала, как ее охватывает исступление, и едва не закричала. Ослепительный свет озарил все вокруг, она замерла, изогнувшись, дрожа, почти лишившись чувств, ею владело ощущение счастья, у которого не было имени, вкус которого она познала первый раз в жизни. Это было как рождение, когда на тебя вдруг обрушивается вихрь странных, доселе неведомых ощущений, как фейерверк, когда в небо взмывают сверкающие пучки ракет и рассыпаются огненным дождем, похожим на падающие звезды. Неукротимая дрожь сотрясла ее тело, приподняла его, затем так же внезапно отбросила назад. Ее висок наткнулся на завиток резного орнамента столбика кровати, и она потеряла сознание.

Придя в себя, она почувствовала на плечах тяжесть своих волос, окутавших ее, точно мягкое шелковое покрывало. Она была наполовину одета и лежала на кровати, в изголовье которой увидела графа де Пейрака, одетого с ног до головы. На мгновение ей показалось, что все ей только приснилось, и при мысли, что между ними ничего не было, ее охватил страх. Но разлитое по телу блаженство доказывало: то, что она вкусила в объятиях этого мужчины, не было сном. Она подняла руку и потрогала кровоподтек на виске – он болел.

– Как вы себя чувствуете, моя дорогая? – спросил он. – Мне пришлось сыграть при вас роль брата-госпитальера.

Он объяснил, что приложил к ее ране холодный компресс, чтобы остановить кровь, а затем дал ей понюхать нюхательные соли, чтобы она пришла в себя.

– Вот видите, – грустно сказала она, – я такая неловкая, даже в любви.

Он засмеялся, не сводя с нее пылкового взгляда:

- В вас, моя дорогая, просто слишком много страсти. В будущем вам придется научиться сдерживать горячих коней вашего сладострастия.

- Как вы считаете, я настоящая женщина? - смиренно спросила она.

Он продолжал смеяться, не спуская с нее ласковых глаз.

- Клянусь честью, вы доказали мне это всеми возможными способами.

Она снова посмотрела на него. В комнате уже царил сумрак, только на мебели, на блестящих безделушках и на дорогих изящных научных приборах еще лежали красные отблески заката. Пора уходить. Он помог ей одеться, и сейчас она сидела перед ним, удивляясь при мысли, что она, пусть так недолго, была слита с его телом.

«Прикосновение его кожи, слияние моего дыхания с его дыханием, его восхитительные руки, точными движениями доводящие меня до экстаза, - все это больше никогда не повторится», - подумала она.

Но, уходя, она унесет с собою бесценное сокровище. Целый мир отделял ее от обезумевшей женщины, которая вошла в эту комнату вскоре после полудня. Она обожала этого мужчину. Он ее спас: от нее самой, от всех остальных, от безумия, от самоубийства, от падения. Но он не для нее. И то, что между ними было, не повторится больше никогда.

- Нужно это забыть, - сказала она, ломая руки. - Ведь вы забудете, правда?

- Разумеется, нет! Забыть это значило бы проявить неблагодарность богам и недооценить ваши совершенства.

Сабина засмеялась. Его ответ доставил ей удовольствие и влил в ее сердце легкость и веселость,

так свойственные провансальцам. Он улыбался. Как он улыбался!

Она опустилась перед ним на колени, взяла его руки в свои и принялась пылко целовать их, прижимая к своей щеке, к губам.

– Благодарю вас, благодарю! Благодарю за то, что вы не такой, как другие. У вас горячее сердце, чуткое тело, и вы не боитесь греха. О! Да благословит вас Бог! – сказала она, и голос ее дрогнул. – Я знаю, без вас я бы погибла. Вы меня спасли! Благодарю вас за то, что вы такой, какой есть, не страшщийся ни людей, ни ада.

– Мне кажется, сударыня, что вам и дела нет до спасения моей души.

Он забавлялся.

Но она чувствовала его снисходительность и знала: отныне их, как заговорщиков, объединяет общий секрет. Никогда, никогда она не забудет того, что между ними было. Вставая, она подарила ему благодарный взгляд своих влажных черных глаз.

Ей никогда не забыть, как серьезно он сказал ей сегодня: «Вы очень красивая женщина!»

Не в силах добавить ни слова, она направилась к двери. Щеколда была задвинута. Когда граф де Пейрак запер дверь? Эта деталь, подтвердившая, что он действительно хотел овладеть ею и сделать ее своей любовницей, окончательно развеяла ее последние сомнения. Она красива, она желанна!

– Сударыня!

Сабина обернулась и вопросительно на него посмотрела.

– Не забудьте сходить на исповедь.

– О, вы дьявол, сущий дьявол! – воскликнула она.

Она потянула на себя дверь и удалилась. Ее душа смеялась, ведь впереди у нее была целая жизнь, и все ее дни будут отныне полны счастья.

Не обращая внимания на порывы ветра, бросающего ей в лицо сыплющийся с неба снег, Сабина де Кастель-Морг вернулась к себе в замок Сен-Луи и, вновь сбросив с себя все одежды, спрятала свое разгоряченное тело под одеяло и погрузилась в сладостные мечты.

«Ох, что я наделала? Анжелика меня никогда не простит».

Она была потрясена и опьянена своей победой, триумфом, который искупил все поражения, пережитые ею прежде. Мысль о победе над этой ослепительной, наделенной всеми совершенствами блондинкой вонзилась в ее жизнь, как меч, и изгнала ее из земного рая. «Я была несправедлива! Я была глупа!» Все ее безумное злопамятство рассыпалось, обращалось в пыль... Лед в ее сердце таял под лучами этого триумфа, такого несомненного, такого полного, о каком она прежде не могла и мечтать. Правда, у ее триумфа нет будущего – она это знала. Но ей довольно и того, что порочный круг, в который она себя заточила, теперь прорван.

Сабина задремала, потом вдруг резко пробудилась, испуганная мыслью, что эти невероятно прекрасные, но, увы, такие короткие часы ей просто приснились, что ничего не было и она снова лежит в своей холодной могиле, в плену у одолевающих ее демонов. Но тут же ее тело напомнило ей: это было! Трепет ее плоти и сладкая боль, как и тихие стоны, исходящие из самых глубин ее существа, шептали ей, что у наслаждения есть тысячи оттенков и только от нее самой и от ее готовности идти навстречу желанию мужчины зависит рождение страсти. Не важно, какого мужчины, с пылом и мукой сказала она себе, ведь она не должна больше думать о НЕМ.

Глава VII

Добрые люди видели, как госпожа де Кастель-Морг вышла из апартаментов господина де Пейрака со словами: «Вы дьявол, сущий дьявол».

Более того, свежая рана, красующаяся на ее виске, породила слух, что на сей раз граф не стерпел наглости этой сварливой бой-бабы и ударил ее. Естественному распространению столь сочной новости, конечно же, не могла помешать даже начавшаяся снежная буря.

Она быстро долетела до Нижнего города, пронеслась по кабачкам и наконец просочилась в полную веселых гуляк таверну «Французский Корабль», где и достигла ушей господина де Кастель-Морга. В этот момент он, разгоряченный обильными возлияниями, а также прелестями некой любезной кумушки, и прежде дарившей ему свои милости, уже собрался продолжить свои амуры в отдельном кабинете.

Ему даже не дали опомниться, друзья немедля взяли его в кольцо. Одни принялись с жаром убеждать его положить конец несносным выходкам его жены, которые губят его карьеру, другие взялись не менее горячо уговаривать военного коменданта вызвать на дуэль графа де Пейрака, осмелившегося поднять на нее руку.

Разрываясь между жаждой поколотить супругу и желанием отомстить за свою честь, Кастель-Морг как безумный бросился вон из трактира, опьяненный вином и гневом. Ночь встретила его хлестким снежным вихрем. Презрев все слишком длинные обходные пути, идущие по более или менее пологому склону, он выбрал самую короткую дорогу к замку Сен-Луи, иными словами, прямую линию от Нижнего города до вершины горы. Продравшись между прилепившимися к обрыву развалюхами квартала Су-ле-Фор, сокрушив при этом

несколько оград, проломив крышу старухи – соседки Красного Плути, а его логово обойдя стороной, он полез вверх прямо по отвесной каменной стене, цепляясь за кусты и карликовые деревья. Посыпался град камней, сломанных сосулков, за ними ухнула лавина снега и грязи. Но Кастель-Морг не сорвался в пропасть вслед за ними; поддерживаемый и толкаемый вверх каким-то дьявольским трансом, разорвав штаны, потеряв шляпу и половину плаща, он достиг-таки резиденции губернатора.

Двое солдат, несших караул в кордегардии выстроенного перед замком Сен-Луи малого деревянного форта, разглядели его между двумя снежными залпами и подумали, что им примерещилось.

– Ты видел то, что видел я, Ла Флер? – спросил один из караульных другого.

– Еще бы! – тараща глаза, отвечал тот.

– А что ты видел, Ла Флер?

– Я видел нашего генерал-лейтенанта, он парил в небесах...

Господин де Кастель-Морг израненными руками ощупывал шершавые камни контрфорсов под террасой замка Сен-Луи. Отыскав крутую лестницу, ведущую в помещение для слуг, он поднялся по ней, через низенькую дверь пробрался в замок и проник в маленький чулан, который выделили им на первом этаже. Там начиналась лестница, ведущая в их апартаменты в обход главного вестибюля. Здесь царил кромешная тьма, и он, не раз упав, с трудом выбрался из беспорядочного нагромождения каких-то досок и веревок. Получив несколько ушибов, он обругал всеми бранными словами, которые только есть в словаре гасконца, полоумных баб, вздумавших ради забавы наставить кругом всяких зловредных препятствий, вроде этих чертовых ткацких станков, которые бог знает зачем засунули именно сюда. Когда он наконец

добрался до спальни жены, в душе его бушевала бешеная ярость. Альков освещал ночник.

Изумленный, он остановился. На широкой кровати крепко спала полуобнаженная женщина ошеломительной красоты. Ее красивые тугие груди тихо и ритмично вздымались в такт ровному дыханию сна. Он не верил своим глазам.

Сначала он ужаснулся, решив, что сошел с ума, но в конце концов понял, что это его собственная жена, и тут же в нем проснулись все желания и все муки, источником которых она была. Черт возьми! В чем его вина? В том, что он всегда ее любил и желал? Она сама виновата, что он ее покинул, – ему-то всегда хватало ее роскошного тела, и он бы никогда в жизни не побежал к шлюхам, если бы она его не отвергла.

Сабина почувствовала на себе его взгляд и открыла глаза. Она не сразу узнала его в этом испанском наемном убийце, растрепанном, оборванном, – ибо платье его превратилось в лохмотья. Он стоял у ее изголовья и дышал тяжело, точно кузнечные мехи. Затем она вспомнила о случившемся с нею чуде. Это было сегодня или вчера? Вчера. Вчера жизнь поднесла ей дар, дар любви и наслаждения. И теперь в ее крови жили безрассудные радости любви, готовые разгореться от малейшего зова. И все, все в ней преобразилось. Перед нею стоял мужчина, которого она когда-то, кажется, ненавидела, но она больше не испытывала к нему ненависти. Это был мужчина, МУЖЧИНА, и его жадный, страстный взгляд ее больше не оскорблял.

Она поняла, что нужно просто отдаться ему, чтобы снова пережить экстаз, потому что этот мужчина здесь и он ее хочет.

Она протянула к нему руки, и Кастель-Морг, не задержавшись даже, чтобы снять сапоги, бросился на кровать. «Ай, моя нога!»

Обнимая ее, с изумлением открывая для себя эту новую, незнакомую женщину, эту одалиску с телом, полным плавных изгибов, он подумал, что ему привалила огромная, просто колоссальная удача. Уж теперь-то ему больше не понадобится спускаться по вечерам в Нижний город.

* * *

Вскоре все заметили, что госпожа де Кастель-Морг в одночасье обрела счастье и безмятежность. Ее обычную нервозность сменили терпение, благожелательность и мягкость. Так свойственные ей прежде вспышки гнева исчезли без следа. Госпожа де Меркувиль объясняла эти благотворные перемены тем, что между супругами произошло примирение, ибо сам Кастель-Морг также изменился в лучшую сторону и с ним стало куда легче общаться. Фронтенак, живущий поблизости, сказал: «Подумать только! Это вполне возможно» - и решил приглядеться к ним получше.

Сабина не обращала на пересуды ни малейшего внимания. Она жила, как растение, которое дождалось весны. Она старалась поменьше думать, а с теми, кто ее окружал, была кротка и нежна, потому что именно ночью жизнь обретала для нее смысл. Кастель-Морг оказался любовником страстным и неутомимым, а ей нужно было столько всего наверстать.

Иногда на вершине страсти на ее ресницах, точно жемчужина, выступала слеза. Ее порождали безмерное наслаждение, тоска о потерянном счастье, сожаление о годах, растраченных в пустых иллюзиях, и мечте, слишком прекрасной и принадлежащей другой.

Но жизнь все же была к ней добра и обошлась с нею не как мачеха. В последний час, в последнюю минуту она была спасена от того, чтобы и остаток жизни

прожить без любви, и при этом ей даже почти не пришлось грешить, потому что отныне она предавалась радостям любви только в объятиях собственного мужа. Иногда она размышляла о цепи таинственных и чудесных событий, которые привели ее к тому, чтобы чувствовать себя в его объятиях счастливой, и тогда она благодарила за это Небеса.

Хотя у нее все же оставались некоторые сомнения насчет того, можно ли поставить в церкви свечку, чтобы поблагодарить за случившееся Бога.

Часть девятая
Прогулка к беррийцам

Глава I

На следующее утро, холодное и сверкающее, точно начищенные стальные доспехи, небо было ясным, солнце сияло вовсю, лошади в нетерпении били копытами, ожидая скачки по свежавыпавшему снегу. Анжелика приготовилась сесть в сани, чтобы возвратиться в Квебек, виднеющийся вдали, как жемчужина на вершине скалы.

Анжелика и Гийметта де Монсарра-Беар проговорили полночи. Гийметта курила трубку, набитую местным табаком, таким крепким, что от него начиналось что-то вроде легких галлюцинаций.

Она была странная, эта голубоглазая Гийметта, такая ученая, умная и становившаяся такой слабой, когда по ночам ее мучили невыносимые воспоминания о прошлом: «Смотри! Смотри, маленькая ведьма, как горит твоя мать...»

- Но моя матушка была такой доброй, - рассказывала Гийметта, - ты даже не можешь себе представить, какой доброй. Она всем делала добро, только добро! Когда ее вели к костру, она держала меня за руку, но вела и поддерживала ее я, потому что она тогда уже сошла с ума. Это все от того, что ей пришлось вытерпеть, - от допросов и пыток. Под пытками она созналась - и в чем? В том, что совокуплялась с дьяволом, травила детей, губила урожаи, и все в таком духе. Я была маленькой, мне было всего семь лет, но я была с нею до конца. Все свои знания и всю свою силу она передала мне.

Табачный дым окутал ее, затем она тихо продолжила свой рассказ:

- Они нас ненавидят... и за добро, которое мы делаем, еще больше, чем за зло. Потому что мы занимаемся не душами людей, а их телами, красивыми и

живыми, бедными и больными. А для них человеческое тело – всего лишь средоточие греха. В каждом мужчине подспудно живет священник. Священники убьют нас, сожгут на кострах. Но здесь, на своем острове, я в безопасности.

С того дня, когда мать у нее на глазах сожгли на костре, и до той минуты, когда ее нога ступила на остров, у Гийметты не сохранилось в памяти ничего ни о землях, в которых она побывала, ни о том, чем она там занималась.

На этом острове она начала жить заново, вдохнув мягкое благоухание, исходящее от кленов в «пору сахара», когда индейцы надрезают кору и собирают сок, а потом варят его. Тогда повсюду распространяется медовый запах, нежный и горьковатый, как дыхание во время поцелуя.

Великое спокойствие острова почти исцелило ее, во всяком случае притупив самую острую сердечную боль.

Эта грандиозная страна, не имеющая прошлого, ее удаленность от тех мест, где она страдала, умиротворили ее душу. Она смотрела на виднеющийся вдалеке Квебек и уже не стремилась туда.

Чередой спокойных дней, неспешная смена времен года проливали бальзам на ее раны, сообщник-снег нежно обволакивал, бури укрывали и защищали. А в ясную погоду ее охватывала безумная радость, и она любовалась красками канадской зимы, жемчужно-серыми, розовыми или ярко-голубыми.

Ирокезов она боялась меньше, чем собственных воспоминаний, а одиночества меньше, чем других людей.

Ей нравились индейцы, потому что их вид напоминал ей, что она далеко-далеко от Старого Света.

Женщины, которых она лечила, ароматы трав и удовольствие от своих трудов, любовь красивых

молодых парней, возможность сделать других счастливыми – все это успокаивало ее мятежный дух.

* * *

Анжелика смотрела на стоящую на берегу реки в лучах солнца Гийметту, высокую, с удивительными голубыми глазами, и внезапно колдунья снова вспомнила ей мистрис Уильямс, англичанку из деревни Ньюхэвеник. Правда, если та, непреклонная старая пуританка, не без колебаний позволяла себе даже такую малость, как кружевные чепцы, то Гийметта позволяла себе все.

Зимой она могла сколько угодно скакать верхом по бескрайней белой равнине, а весной, во время ледохода, надевала мужские короткие штаны и кожаные чулки и шла освобождать ото льда свою лодку вместе со смелыми и крепкими молодыми парнями.

– А как же он? – внезапно спросила Анжелика. – Мужчина, которого я люблю? Ты ничего мне про него не сказала.

– Я его совсем не знаю, – ответила колдунья и с улыбкой отвернулась.

– Но ты могла бы увидеть его внутренним взором, ведь в нем столько силы.

– Не стоит и пытаться. Вокруг него происходит слишком многое.

Она задумчиво глядела на город, словно тема разговора ее несколько не интересовала, и снисходительно улыбалась. «Ты счастливая женщина», – прошептала она. Затем на лицо ее вдруг набежала тень, и она, словно против воли, выпалила:

– Не нужно ему ездить в Прагу!

– В Прагу? – повторила ошеломленная Анжелика.

- Да, в Прагу!.. Это такой город!.. Неужели ты такая невежда?

Затем, чтобы рассеять бесплодную тревогу, которую эти слова заронили в сердце Анжелики, она по-матерински погладила ее по щеке:

- Душенька моя, ничего не бойся. Это еще так далеко. И быть может, это никогда не произойдет... Но ты знай: ты всегда будешь самой сильной. Это написано у тебя на лбу. А теперь поезжай, прекрасная Анжелика!..

Когда Анжелика вернулась в Квебек, там ее ждало разочарование: она узнала, что граф де Пейрак уехал в Силлери.

* * *

Эфрозина Дельпеш, следившая за Сабиной де Кастель-Морг и видевшая, как та сначала ворвалась в усадьбу Монтины в состоянии, близком к истерике, а затем вышла оттуда с раной на виске, была примерно наказана за свою злонамеренность - она отморозила себе нос.

Весьма огорченная этим обстоятельством, она обратилась за советом к врачу, потом к соседкам, потом к сестрам из монастырской больницы, но те лишь сокрушенно качали головой, не зная, как ей помочь. В конце концов она решила отправиться к госпоже де Пейрак, у которой, по слухам, имелись «просто чудодейственные средства».

Анжелика только что вернулась из поездки на остров Орлеан, где она встречалась с колдуньей. Узнав об этом, Эфрозина укрепилась в надежде получить действенное средство от своей болячки. Нос ее распух, став вдвое больше обычного, а расцветившие его живописные оттенки: синий, красный, желтый, зеленый и фиолетовый - так и просились на палитру брата Люка.

По причинам, вытекающим из размышлений, которым она предавалась во время затянувшегося визита госпожи де Кастель-Морг к графу де Пейраку, и из выводов, которые она сделала, увидев сияющее лицо посетительницы, когда та наконец от него вышла, мадемуазель Дельпеш ужасно не хотелось встречаться лицом к лицу с госпожой де Пейрак. Она бы никогда не явилась к этой даме, если бы не страх лишиться драгоценной принадлежности, которую все человечество носит на лице.

- Как же вы умудрились обморозиться, вы, канадка? - спросила изумленная Анжелика.

- Солнце светило ярко, вот я и подумала, что оно еще и пригревает. К тому же мне пришлось долгое время стоять неподвижно.

«Должно быть, она следила за кем-нибудь из соседей и, стремясь во что бы то ни стало удовлетворить свое любопытство, не заметила, как ее нос заледенел на северном ветру», - подумала Анжелика, которая имела в городе свои источники и потому отлично знала репутацию явившейся к ней дамы.

Торчащие по обе стороны пластыря, который Анжелика наложила на ее нос, маленькие глазки городской сплетницы с интересом разглядывали врачевательницу, но не видели на ее лице ничего, кроме спокойной уверенности в себе. Черты ее были одновременно оживленны и безмятежны, что придавало им особый шарм. Лицо Анжелики редко искажалось гримасой: гнев или радость читались лишь в движении ее губ и выражении глаз, то пылающих яростью, то нежных.

Однако сейчас Эфрозина заметила: золотистые брови слегка нахмурены, что немного не вяжется с обычным выражением ее лица, приветливым и открытым.

- Эфрозина, дорогая моя, - сказала Анжелика, - вы обо всем осведомлены лучше, чем любая газета. Так не могли бы вы сказать мне, что это за история произошла между моим мужем и Сабиной де Кастель-Морг?

Лицо Эфрозины Дельпеш могло бы от смущения побагроветь или покрыться бледностью под наложенной на него лечебной маской, но оно и без того уже было достаточно расцветчено. Однако Анжелика сейчас думала совсем о другом.

От Жанины Гонфарель она узнала, что, пока она гостила на острове Орлеан, друзья господина де Кастель-Морга приходили за ним в таверну и уговаривали его вызвать господина де Пейрака на дуэль за то, что тот якобы ударил его жену.

- Когда этот нелепый слух достиг моих ушей, я подумала, что за ним стоит какой-то инцидент, но какой? Я теряюсь в догадках, потому что не могу себе представить, чтобы мой муж поднял руку на женщину, какой бы несносной она ни была.

Эфрозине стало стыдно - она уже готова была снова совершить один из своих привычных грехов злоязычия, за которые духовник в качестве епитимьи заставлял ее до умопомрачения читать молитвы. Лицо ее залилось краской, отчего нос заболел еще больше, и она расплакалась.

- Вам очень больно? - участливо спросила Анжелика.

Эфрозина отрицательно замотала головой.

- Но тогда почему же вы плачете?

- Потому что я плохая женщина, - шмыгая носом, отвечала Дельпеш. - Да, по правде говоря, я совсем нехорошая, и, поверьте, сожалею об этом. Вы, сударыня, в тысячу раз лучше меня, что бы там о вас ни говорили, и не заслуживаете ни зла, которого вам кое-кто желает, ни предательства, которое кое-кто против вас совершил. Прошу вас, сударыня, простите меня, умоляю, простите.

Покаянные речи Эфрозины Дельпеш, которая ушла с баночкой мази под мышкой и вся в слезах, исторгнутых ее столь таинственным и внезапным раскаянием, вызвали у Анжелики смешанные чувства. Конечно, неприятно, когда тебя считают приспешницей дьявола, но не хочется также и прослыть святой. Что же случилось во время ее недолгого отсутствия, какое такое событие, связавшее имя неисправимой Сабины с именами ее и Жоффрея? Быть может, господин де Кастель-Морг все-таки дрался на дуэли с графом де Пейраком? Но никто об этом не говорил.

Она отправилась в замок Сен-Луи с намерением уговорить Сабину попить отвары из трав, которые она привезла от Гийметты. Она также надеялась кое-что выяснить для себя, потому что импульсивная Сабина не сумеет скрыть своих чувств.

Ей сказали, что госпожа де Кастель-Морг в церкви. Она встретила ее на паперти, и в глаза ей тотчас бросился синяк на ее виске.

– Откуда это у вас? – поинтересовалась Анжелика после того, как они обменялись обычными в таких случаях приветствиями.

Сабина и глазом не моргнула.

– Ах, это, – сказала она, дотронувшись до раны. – Пустяки, я просто ударилась об угол шкафа.

Столь несвойственная ей улыбка разгладила горькие складки в уголках ее губ, отчего она очень похорошела.

– Вы же знаете, какая я неловкая...

Видя, что она находится в добром расположении духа, Анжелика передала ей маленький мешочек с травами, который послала ей госпожа де Монсарра-Беар.

– О ней болтают всякое, но, поверьте мне, у нее доброе сердце, и она весьма сведуща в медицине.

– Мне довольно и того, что ее рекомендуете мне вы... Впрочем, ваше мнение о ней меня не удивляет. Мне

известно, что те, кто хочет отправить ее на костер, нередко сами обращаются к ней за помощью...

Она взяла у Анжелики мешочек с травами:

- Я тронута вашей добротой, Анжелика. В мире не сыскать другой такой женщины, как вы.

* * *

- Она совершенно изменилась, - некоторое время спустя поведала Анжелике госпожа де Меркувиль. - Возможно, лекарства, которые вы ей привезли, на что-то и сгодились, но я думаю, что знаю, в чем истинная причина такого преобразования. Мне все рассказал камердинер господина де Фронтенака. Похоже, между Сабиной и ее мужем произошла ужасная ссора - это было в ту ночь, когда буря задержала вас на острове Орлеан. Разумеется, это не первая их ссора, и мы уже привыкли видеть Сабину со следами побоев этого грубияна на лице, но в тот раз - как говорит слуга - все закончилось примирением, причем примирением в постели. Вы, конечно, согласитесь со мною, что это наилучший способ, что бы там ни говорили наши духовники. И это продолжается до сих пор! Настоящее чудо! Дамы из братства Святого Семейства, а вместе с ними и я поклялись молиться девять дней и поставить двадцать свечей в храме Святой Анны в Бопре, если Сабина выйдет из того ужасного состояния, в котором она находилась. Вот видите, насколько милосердно к нам Небо, - добавила неугомонная и благочестивая госпожа де Меркувиль. - Ему угодно все, даже греховные радости плотской любви, когда речь идет о спасении человеческой души!..

* * *

Объяснение госпожи де Меркувиль рассеяло неясные опасения Анжелики. Но взамен, сказала госпожа де Меркувиль, они все должны принести жертву – отказаться от спектакля, который намечен на средопостье. Дело и так затянулось, да и епископ медлил с разрешением на постановку, так как этот день совпадает с празднествами в честь святого Иосифа, покровителя Новой Франции, вот монсеньор и опасается, что если представление состоится, то они пройдут недостаточно торжественно и без должного благочестия. И потом... теперь слишком, слишком холодно, а в ближайшие дни станет еще холоднее. В такую погоду любое передвижение по городу – мука мученическая, а дамы боятся, что на этом адском морозе их нежная кожа может потрескаться, как трескаются деревья в лесах.

Водопад Монморанси и тот застыл. Его полностью сковало льдом. Должно быть, эта ледяная колоннада раздавила тело Мартена д'Аржантейля.

Господин де Ла Ферте говорил, что его конюший болен, однако никто не забеспокоился. Только мадемуазель д'Уредан побледнела: у этого Аржантейля наверняка неаполитанская болезнь.^[14]

– Ради всего святого, не пытайтесь его лечить! – умоляла она Анжелику.

Пиксарета не было в городе, он отправился к знаменитому индейскому шаману, тот умел разгадывать тайный смысл снов.

* * *

По-прежнему стояли трескучие морозы. Покидая свои жилища, люди так кутались, что походили на коконы, на улицах сталкивались друг с другом, как

слепые, их слезящиеся глаза едва виднелись в прорезях капюшонов.

Онорина непрестанно думала о несчастном псе Банистеров и, протягивая руки к Анжелике, умоляла отпустить его с цепи.

- Но собаки не боятся холода.

- Этот пес боится. Он слишком глупый и слишком тощий.

- Последняя буря его доконает, - мрачно предсказывал Адемар.

* * *

У Иоланды появилось больше свободного времени, потому что днем Онорина была в школе, а потом урсулинки согласились взять к себе и Шерубена, который скучал без нее. Иногда они принимали на учебу мальчиков, но только совсем маленьких, моложе шести лет. Иоланда воспользовалась освободившимися часами, чтобы чаще встречаться со своими акадийскими земляками. Адемар находил, что она слишком часто посещает эти встречи на улице Сен-Жан в таверне «Французский Корабль». Он чувствовал, что им пренебрегают, но, может быть, своим чересчур почтительным поведением, которое она сочла робким, он сам разочаровал крепкую и смелую дочь Марселины?

Он снова предался своим неразумным страхам и мрачным предчувствиям.

- А как можно определить, что эта буря - последняя? - спросила Онорина.

- Местные говорят, что она самая сильная и ее узнают по разрушительным последствиям, которые просто ужасны.

Анжелика не виделась с Жоффреем после своей поездки на остров Орлеан, его не было уже почти

четыре дня.

Говорили, что он в Силлери.

Он часто ездил в Силлери, и Анжелика не опасалась, что в эти форты, где не было никаких удобств, за ним может последовать одна из этих аквитанских дам, и прежде всего Беранжер. Но не является ли его долгое отсутствие признаком охлаждения? Может статься, ему не понравилась ее поездка на остров Орлеан? Вот это было бы уже слишком. Или же «аквитанский спор» имел для него более серьезное значение, чем он уверял? Всякий раз, возвращаясь мыслями к его «отстранению» от нее, она испытывала легкий шок, но тут же отгоняла от себя эту неясную тревогу.

В сопровождении нескольких матросов ее навестил Барсампюи, чтобы справиться, не испытывает ли она в чем-либо недостатка. Его попросил об этом граф. Чтобы добраться от усадьбы Монтины до дома Вильдавре, требовался настоящий героизм, потому что ледяной северный ветер играл людьми, как деревянными марионетками.

Элуа Маколле угостил всех пришедших с мороза своей самой крепкой водкой.

Господин де Пейрак все еще был в Силлери.

- Он ездит туда слишком часто, - раздраженно сказала Анжелика.

- Людям в наших гарнизонах тоже нужно время от времени его видеть.

Наконец мороз ослабел, и в воскресенье город в течение нескольких часов согревало солнце. Анжелика изводила себя мыслью, что эта кокетка Беранжер, вечно порхающая вокруг Жоффрея, ожидает его возвращения с не меньшим нетерпением, чем она сама.

Ей попался на глаза Кантор: с гитарой под мышкой, он направлялся в усадьбу Монтины, чтобы петь собравшейся там компании лангедокские песни.

- Стало быть, ты тоже ходишь на собрания гасконцев? - спросила она.

Он посмотрел на нее удивленно и немного высокомерно:

- Но я же младший в роду Пейраков, матушка. Я тоже из Аквитании.

Это было очевидно. То, что ее младший сын так похож на ее братьев-пуатевинцев Сансе де Монтелу, вовсе не означало, что в его жилах не течет южная кровь знатного тулузского вельможи, его отца.

Этот маленький инцидент окончательно вывел Анжелику из равновесия.

Было воскресенье, поэтому Онорина находилась дома.

- Пойдем, - сказала ей Анжелика. - Пусть маленькие сеньоры из Аквитании и их отец отправляются на свои сборища, мы же с тобой из Пуату, мы погуляем по лесу.

Ярко светило солнце, и стоял, по выражению канадцев, приятный морозец. Как только они с Онориной, держась за руки, оказались на утопанной лесной тропинке, к Анжелике вернулось хорошее настроение.

Сначала ей пришла в голову мысль прогуляться до монастыря францисканцев. Но зачем? Сейчас, во время Великого поста, его двери закрыты для женщин. А может, сходить к Сюзанне? Или побродить среди холмов? Вскоре она обнаружила, что они миновали предместье и оказались довольно далеко от Квебека, «за пределами городских стен», но у Квебека не было крепостных стен, а имелось только несколько бревенчатых бастионов, защищающих город в стратегически важных точках. Как приятно вдыхать чистый морозный воздух и шагать по снежному насту, такому твердому, что по лесным тропинкам можно идти без снегоступов! Анжелика больше не думала ни о долгом отсутствии Жоффрея, ни о вызывающем

поведении Беранжер, которая, быть может, имеет к этому какое-то отношение. Они углублялись все дальше в лес, который с каждым шагом становился все гуще. Когда жителям Верхнего города хотелось на время убежать из Квебека и представить себе, что можно перемещаться свободно, приходить и уходить, они поворачивались спиной к реке и по гребню высокого мыса двигались направо, на северо-запад, туда, где вечерами пламенел пурпурный закат. Сейчас Анжелика и Онорина шли по тропинке, на которой, судя по следам, сегодня побывало немало народа.

Среди деревьев они заметили силуэт секретаря суда Карбонеля – он шел один, неся в руке большой зонт из просмоленной парусины. Увидев, что его узнали, он присоединился к ним. Вид у него был смущенный, и он счел нужным объяснить, что воспользовался воскресным днем, чтобы заняться межеванием только что выделенных арендаторам земельных участков в Лоретте и на Зеленых островах.

Поставлены ли там межевые столбы и изгороди? Предусмотрено ли место для прокладки дороги общего пользования?

Интересно, почему это секретарь суда считает нужным вдаваться перед нею в объяснения? Воистину, в воскресенье люди поворачиваются к тебе какой-то новой стороной. В них открываются неожиданные странности и причуды. Карбонель объяснил, что взял с собою зонт, так как терпеть не может, когда порывы ветра бросают в лицо снег.

– Но почему же вы так легко одеты? – изумилась Анжелика.

И правда, он вышел на прогулку в сюртуке из толстой шерсти, но без плаща. На ее удивленный вопрос он ответил, что хотя он и секретарь суда, но по происхождению коренной канадец, а значит, с рождения привык к самым суровым холодам.

Анжелика попросила его не задерживаться из-за них, и, поскольку шаг у него был намного шире, он вскоре скрылся из виду за поворотом.

С земли поднялась легкая дымка и мало-помалу скрыла подножия деревьев. Анжелика и Онорина пересекли открытое пространство, поросшее молодыми канадскими сосенками и лиственницами. Воздух по-прежнему был чист, стелющийся по земле туман пронзали лучи солнца. С противоположной стороны лужайки из-за деревьев вышел человек. До середины бедра его тело было скрыто туманом, и казалось, будто он движется не по земле, а по светящейся воде. Он шел через поляну наискосок, прямо к тропинке, и когда приблизился, Анжелика его узнала. Это был Красный Плут.

Она остановилась. Место было пустынное. Анжелика давно уже не носила на поясе пистолетов. В гостиных цивилизованного города ни к чему появляться, вырядившись, как корсар. Красный Плут же был вооружен рогатиной и арбалетом, так как возвращался с охоты. Он убил волка и нес его на плечах. Он шел вразвалку, потому что на нем были снегоступы, к тому же волк был большой, и тяжелый груз замедлял шаг. Он заметил Анжелику и явно хотел ее догнать. А поскольку она тоже подумывала нанести ему визит, причем в ближайшее же время, то сочла за лучшее его подождать.

Вблизи он оказался ниже ростом и коренастее, чем ей представлялось. Низкорослый, похожий повадками на бывалого траппера, одетый в куртку из шкуры северного оленя и натянутую до ушей красную шерстяную шапку, он остановился в нескольких шагах и устремил на нее спокойный пронизательный взгляд. Предварительные переговоры им заменило продолжительное молчание.

Первой заговорила Анжелика:

- Почему вы бросили камень в моего кота в день прибытия наших кораблей?

- Кошки - ведовские твари, а про вас мне говорили, что вы опасны. Вот я и захотел посмотреть.

- И что же вы увидели?

- Камень отклонился в сторону. В вашем коте живет дух.

Его тонкие губы растянулись в насмешливой улыбке, в которой сквозило одобрение.

- Не нужен ли вам волчий зуб? Или шерсть с волчьей морды? Из них получают хорошие амулеты...

- Вот что, куманек, так просто вы от меня не отделаетесь. У меня к вам имеется вопрос. Вы говорили графу де Сент-Эдму - он передал мне это сам, - что это я убила графа де Варанжу?

- А разве это неправда?

Ее буравили его маленькие блестящие глазки. Он явно обладал даром ясновидения, и она не стала спрашивать, чтобы не видеть его насмешливой ухмылки: «Откуда вы это узнали? Кто вам сказал?» Никто ему ничего не говорил. Он узнал это благодаря древней науке, возможности которой нельзя недооценивать. Они застыли, глядя друг на друга и не произнося ни слова. Внезапно она спросила:

- А что вы показали графу де Варанжу в магическом зеркале?

- То, что он хотел знать. Это довольно простая манипуляция, но он оказался недостаточно силен, чтобы довести ее до конца.

Несмотря на тяжесть добычи и оружия, он презрительно пожал плечами:

- Эти господа хотят подчинить себе Сатану, как будто нанимают на службу новобранца. Но это не так-то просто, вы и сами знаете. Он хотел использовать то, что узнал, чтобы устроить ловушку и вульгарно отомстить. С помощью пистолета... Ха! Все его ошибки только

обернулись против него... И ему пришел конец! Потому что на его пути встали вы, рожденная, чтобы разоблачать самозванцев.

Его взгляд пронизывал ее насквозь.

- Мы могли бы заключить союз, - сказал он.

- Против кого?

- Мама, у меня замерзли ноги! - воскликнула Онорина.

Ей надоели все эти остановки и непонятные разговоры. Сначала был человек с зонтом, теперь человек с арбалетом... Если так будет продолжаться и дальше, они никогда не придут. Куда? Этого она не знала, но ей хотелось идти, а не стоять на месте. И ей было жалко бедного волка со свисающим красным языком, смотревшего на нее одним полузакрытым глазом. Она изо всех сил потянула Анжелику за руку, чтобы поскорее увести ее.

- Зайдите как-нибудь ко мне, - сказал Красный Плут. - Я покажу вам кое-какие книги...

* * *

Встреча с этим неожиданным союзником ясно говорила, что ей зря казалось, будто удача от нее отвернулась. Анжелика углублялась все дальше в лес. А оттого, что в ее руке была зажата ручка Онорины, она чувствовала еще больший подъем. Ради этой юной жизни стоит жить! «Ты родилась на свет, моя малышка, и ты должна жить. Я увезу тебя далеко-далеко, и мы построим тебе королевство. И ты будешь счастливой».

«Это такое счастье - доставлять удовольствие невинности», - сказал мальтийский рыцарь.

Защищать ее - тоже счастье. Детская ручка в руке взрослого обязывает его быть сильным и благородным. «Сердечко мое, ты так много мне дала».

- Я забыла взять с собою лук и стрелы, - вдруг сказала Онорина.

Стелющийся по земле туман рассеялся. Почва тут, несомненно, болотистая, летом не пройти. Среди безлистных веток деревьев угадывалось движение - там сновали разорители курятников, маленькие пушистые зверьки с острыми зубками, которые зимой пробираются в стойла и на чердаки.

По стволу пробежала куница и в просвете между двумя ветками показала им свою плоскую треугольную мордочку. В сумраке ветвей ее зеленые глаза сверкали, как у домового.

Затем они поднялись по склону, где снега было немного, и изпод снега проступала скала, поросшая желтым лишайником. Откуда-то сверху опять спустился туман, и вдруг послышалась музыка. По мере того как они приближались, она становилась все громче, все зажигательнее, как будто невидимые духи танцевали в лесной чаще буре и ригодон. Сойдя с тропинки, они пошли на бодрые звуки и вскоре оказались на дороге, а та всего через несколько шагов привела их к замерзшему пруду, по которому тянулся санный след. На противоположном берегу озера стояли типи и вигвамы из коры, а дальше, в глубине лужайки, высился большой дом, перед которым собрались музыканты, играющие на сельских инструментах: виолах, скрипках и рылях. Здесь же весело отплясывали несколько пар. Одна из женщин заметила их и помахала им рукой:

- Эй, идите сюда! Пошли к беррийцам! Они приготовили мясо и птицу и приглашают к себе всех желающих!

Когда Анжелика подошла ближе, ее узнали, и кто-то сказал:

- Ох, сударыня, не выдавайте нас монсеньору епископу. Пост не пост, в воскресенье не грешно малость повеселиться.

Большая столовая-кухня, пропитанная дивными ароматами, была уже полна народу. Музыкантов встретили рукоплесканиями. Их ожидали с нетерпением и тут же принялись освобождать часть зала для танцев. В воздухе стоял густой табачный дым, слышался стук игральные костей. Анжелика увидела секретаря суда Карбонеля, с повязанной вокруг шеи салфеткой. Перед ним стояла тарелка с большим куском сочной говядины. Теперь-то понятно, почему при встрече у него всегда такой смущенный вид. Оказывается, этот ярый блюститель закона украдкой ходил на запретные пирушки. Грешно ли нарушать пост и есть скоромное, если ты обретаешься за пределами города святых – Квебека? Над этим стоило поразмыслить. Лишенные каких бы то ни было удовольствий, находящиеся под бдительным присмотром многочисленных духовных лиц, жители Квебека взяли себе в привычку кутить в гостях, за городской чертой. Адрес, где можно разговеться, тайком передавался из уст в уста, а смелого хозяина, бросившего вызов запретам и на один день превратившего свой дом в трактир, щедро вознаграждали либо деньгами, либо административными привилегиями. Но лучшим вознаграждением был сам этот день веселья и радости, позволяющий обмануть длинную холодную зиму. Онорина была в восторге:

– Я тоже хочу потанцевать. А то ты вечно уходишь танцевать без меня.

Хозяйку дома звали Соланж. Она подошла, чтобы поговорить с Анжеликой. Их семья из Берри, и их диалект был созвучен говору западных провинций королевства. Она предложила гостям овсянок, запеченных с репой в глиняных горшочках.

Анжелика с дочкой подкрепились с превеликим удовольствием, но задерживаться в гостеприимном доме Анжелика не хотела. Она почувствовала на себе чей-то взгляд и увидела, что из угла за нею наблюдает какой-то солдат. Заметив, что она на него смотрит, он отвел свои горящие глаза и продолжил играть в карты с другими солдатами, как и он, плохо выбритыми. Солдат можно было узнать только по форме, перешитой на индейский манер, но по-прежнему состоящей из бело-серого камзола, носимого в полку Кариньян-Сальера и давно ставшего из бело-серого просто серым, и широкополой фетровой шляпы, украшенной выцветшими позументами и надетой на затылок поверх шерстяного колпака. Эти солдаты наверняка были дезертирами, жившими среди дикарей; зимой они нередко приходили в дома канадцев, чтобы обменять пушнину и немного воспользоваться благами цивилизации. Но этот солдат, хотя и неопрятный, показался Анжелике все же не таким грязным и грубым, как его товарищи, а посмотрев в его беспокойные глаза, она увидела в них страх.

Ей пришло в голову, что это тот самый солдат, которого ищет Гарро, тот, который во время сеанса черной магии прочел заклинания над распятием.

Ей не хотелось и дальше вредить пищеварению Николя Карбонеля, у которого при виде ее вытянулось лицо. Вставая, она подарила ему ободряющую улыбку, хотя знала, что этот соединивший их маленький секрет отнюдь не сделает его в дальнейшем более покладистым в исполнении различных указов и распоряжений.

* * *

Они снова зашагали по тропинке, по которой пришли. Онорина была очень довольна. Она любила шумные дымные сборища, напоминавшие ей Вапассу.

Что до Анжелики, то это приключение выполнило свою задачу: она забыла причины терзавшего ее беспокойства. В просветы среди ветвей вдали уже показался Верхний город. Солнце золотило его далекие колокольни, и они иногда отвечали ему колокольным звоном. Было еще не поздно. Ближе к зениту небо стало перламутровым. Но время от времени под сводом из длинных переплетающихся ветвей сгущалась тьма, и тогда Анжелику охватывал страх перед лесом. Она обернулась, чтобы посмотреть на просвечивающее сквозь ветки солнце, и различила силуэт человека, который шел по той же тропинке. Без сомнения, это был один из гостей беррийцев, возвращающийся домой.

Ей не терпелось поскорее выйти на поляну, где она встретила Красного Плута, ведь оттуда всего несколько минут ходьбы до домика маркиза, где всегда так спокойно. Там они смогут разуться, растереть себе руки и ноги у огня, переодеться и отправиться к мадемуазель д'Уредан.

Анжелика снова обернулась. В проникающем сквозь ветки деревьев неясном свете мужчина подходил все ближе и ближе. Теперь она узнала его – это был тот самый солдат, взгляд которого она перехватила в столовой беррийцев.

Когда толкуешь некое потенциальное действие так, словно оно направлено против тебя, все факты всегда подходят друг к другу и начинаешь видеть только логику совпадений, очевидную для тебя, но неясную для других. И попадаешь в ловушку, в которой бьешься один, потому что только ты ее видишь и понимаешь.

– Мама, почему ты идешь так быстро? – пожаловалась Онорина.

Анжелика взяла ее на руки.

Впереди показалась поляна. Теперь Анжелика уже была уверена, что солдат идет именно за нею и пытается ее догнать. Оборачиваясь, она ловила на себе его взгляд, даже издали казавшийся ей недобрым и лживым. Выйдя на поляну, она потеряла его из виду, но едва миновала открытое пространство, как он вновь возник у нее за спиной.

Однако первые дома были уже совсем близко. Как только она подошла к последней редкой рощице, перед нею вырос огромный силуэт, освещенный солнцем, которое уже начинало клониться к закату. Посреди дороги стоял Юсташ Банистер, большой и мрачный, как медведь.

Анжелика остановилась и снова повернулась к своему преследователю. Она крепко прижала к себе Онорину и переводила взгляд с приближающегося солдата на массивную фигуру Банистера. Каковы их намерения?

- Добрый вечер, сосед, - доверительно обратилась она к Банистеру.

Он на нее даже не посмотрел.

- Чего тебе надо? - спросил он солдата, который, увидев его, в нерешительности остановился.

- А тебе чего надо? - стараясь говорить дерзко, ответил тот.

- А ну отвечай! - нахмурившись еще больше, рыкнул Банистер.

- Послушай, Банистер, - с заговорщицким видом сказал солдат, - она слишком много про нас знает. «Они» мне так и сказали... Потому что она колдунья или чародейка.

- Ты хочешь сказать, что «они» заплатили тебе, чтобы ты причинил вред этой даме? Так вот почему ты здесь болтаешься, Латур?

- Она может привести нас на виселицу, так «они» мне сказали, потому что держит в руках и епископа, и

губернатора, и интенданта.

Он пришепetyвал сквозь зубы, гнилые и пожелтевшие от табака, так что речь его была неразборчива, и Анжелика лишь с трудом разбирала некоторые ее обрывки. «Неужели он говорит обо мне?» – подумала она, не веря своим ушам.

– Помоги мне, Банистер, – настаивал он. – Ты в этом заинтересован так же, как и я... Обещаю, добычу разделим по-честному... А если у нее при себе есть деньги, они пойдут на твои тяжбы.

Банистер так долго молчал, неподвижный и безучастный, что стоило поразмыслить, не превратятся ли эти замершие на опушке леса, точно темные бронзовые статуи на фоне светлого неба, три фигуры, одна из которых держала на руках ребенка, в ледяные скульптуры. «Что вот-вот произойдет», – подумала окоченевшая Анжелика.

Один из этих скотов хочет расправиться с нею всего в двух шагах от Квебека. Но почему? И кто ему приказал? Она смутно догадывалась, кому это выгодно, и стояла, не пытаясь убежать. Близость Квебека ей не поможет. Жизнь и смерть соприкоснулись, теперь у каждого своя тайная участь.

В тот же миг солдат в нетерпении подался вперед и тут же был пригвожден к месту злобным рыком Банистера:

– Стой, где стоишь! – Гигант властно дернул подбородком. – Возвращайся, откуда пришел, Латур. А лучше катись отсюда подальше.

– Да ты, Банистер, спятил... Ты хоть знаешь, чем рискуешь? С какой стати ты ее защищаешь?

– Она моя соседка, – отвечал Банистер таким тоном, будто говорил: «Она моя кузина», тем самым как бы признавая, что благодаря этому соседству на нем лежит неотчуждаемое обязательство ей помогать.

Льющийся с неба золотой свет освещал всю троицу сзади, и силуэты их были очерчены неясно, хорошо был виден лишь блеск их глаз. Но Юсташ Банистер все же заметил, как Латур сунул руку под полу своего распахнутого плаща. Мощным ударом ноги великан отбросил эту руку, не дав ей выхватить пистолет или нож. Затем схватил солдата за шиворот, трижды стукнул его кулаком, так что затрещали кости, и отшвырнул в сторону леса. Но он его не убил. Тот кое-как поднялся, хрипя и с трудом переводя дух. Руки его висели плетьюми.

- Скажи спасибо, что у тебя еще целы ноги, - сказал великан. - Это чтобы ты убрался отсюда побыстрее. А не то придется оттащить тебя в монастырскую больницу, где к тебе живо пожалует Брюзга Гарро...

- Тебе это так просто не пройдет, сукин ты сын! Твоя песенка спета!

И, прихрамывая, солдат предусмотрительно попятился.

- И что это на тебя нашло, Банистер?

Его хриплый голос затих вдали, и его ковыляющий силуэт скрылся в глубине леса.

Анжелика поставила Онорину на землю и подошла к Банистеру, чтобы поблагодарить его за защиту. Но он поднял ручищу, огромную, как валёк для белья.

- Я это сделал не ради вас. Вот, проверял капканы и повстречал Красного Плута, а он мне и говорит: «Вон там даму поджидает опасность. Поди туда и помоги ей, чтобы не случилась беда». Нужно всегда делать то, что велит колдун...

Потом он пошел впереди, а она с ребенком сзади, так они и добрались до своих домов.

Увидав крутую тропинку, ведущую ко дворам дома Вильдавре и хижины Банистера, Онорина побежала, во все горло скликая друзей. Прогулка доставила ей

огромное удовольствие. Чего нельзя было сказать об Анжелике.

- Будьте осторожны, - сказал ей Банистер, прежде чем уйти. - «Они» хотят вас убить.

«Они», о которых говорил Банистер, а до него солдат, - это наверняка друзья де Вивонна: Сент-Эдм, Бессар, да и сам герцог, тоже замешанный в их темные дела учеников чародея. В этой темной науке нет ничего опаснее половинчатых знаний. Непослушание и неловкость заклинателя духов не только ведут его к неудаче, они еще и оборачиваются против него самого, неся ему несказанные беды. Так, магический сеанс Варанжа был просто обречен на то, чтобы повлечь за собою целую лавину трупов. Почти в каждом действе черной магии приносилось в жертву животное или ребенок, как символ невинности, чтобы задобрить жестокого князя тьмы.

Единственный по-настоящему посвященный в магическую науку - колдун Красный Плут тоже внушал Анжелике скорее не доверие, а страх. Нельзя забывать, что это он, прибегнув к помощи дьявола, помог графу де Варанжу узнать, что случилось с Амбруазиной.

Когда Анжелика покидала двор Банистера, тощий пес жалобно на нее посмотрел из-под своего дерева, и ей показалось, что он отощал еще больше, а его взгляд в окружении иголок замерзшей шерсти совсем потух.

Она вернулась домой с тяжелым сердцем.

Онорина уже сидела вместе с Шерубеном в лохани с горячей водой и болтала без умолку, пока Иоланда энергично терла ее губкой.

- У меня был чудесный день. Я ела овсянок и плясала.

- В Великий пост! - воскликнула Иоланда.

- Присматривайте за нею хорошенько, - сказала Анжелика. - Присматривайте хорошенько за всеми

детьми... И повесьте им на шею образки, которые дал господин де Ломени. Кот! Где мой кот?

Она обыскала все, от подвала до чердака, но нигде его не нашла и решила, что пришла слишком поздно, чтобы его спасти. Они уже схватили ее кота и сейчас, наверное, живьем сдирают с него шкуру, чтобы принести его в жертву Сатане.

Анжелика набросила на плечи накидку.

- Я ухожу, - ни к кому не обращаясь, громко сказала она.

- Мама, - крикнула Онорина, - не забудь, что нынче вечером мы идем слушать продолжение истории про принцессу Клевскую.

Подойдя к двери, Анжелика вдруг заметила кота, он сидел на верхней полке шкафа рядом с распятием и с олимпийским спокойствием следил за ее передвижениями.

- Как же ты меня напугал, негодник!

Поскольку она все равно собиралась выходить, то решила заглянуть в здание суда к господину Гарро д'Антремону. Но по дороге вспомнила, что сегодня воскресенье, а стало быть, начальник полиции находится в соборе, в часовне Михаила Архангела. В соборе она обнаружила молящегося в сторонке полицейского. Он был в часовне один. Чего просил он у Неба? Помощи в разоблачении зла, которое он должен был искоренять и которое часто представало перед ним в таких обманчивых масках?

Святому Михаилу-архангелу, небольшая раскрашенная деревянная статуя которого стояла на каменном постаменте среди моря зажженных свечей, в его борьбе с силами зла было куда легче. Изображавший Люцифера дракон был так безобразен, что сразить его святому Михаилу было милым делом. Правда, Анжелика отметила про себя, что чудище покрашено в чересчур приятный для глаза зеленый цвет.

Сообщив господину д'Антремону, что у нее есть для него важная и срочная новость, Анжелика увлекла его за собою на паперть. Она может сказать ему, где искать солдата Латура, того самого, который произносил заклинания над распятием в деле Варанжа. Он покушался на ее жизнь, но ей вовремя помогли. В завязавшейся потасовке солдат был ранен и не мог уйти далеко. Его можно найти в доме у беррийцев или где-то поблизости.

Он наверняка назовет имена тех, кто заплатил ему за все его темные делишки, включая святотатственные заклинания над распятием, и это будут имена друзей графа де Варанжа: Сент-Эдма, который распространяет о ней нелепую клевету, барона де Бессара и их слуги с бандитской рожой, некоего Ла Корна.

- Вы должны их арестовать или, по крайней мере, установить за ними наблюдение, потому что эти люди опасны.

- Но мне кажется, они из свиты герцога де Ла Ферте... - Гарро д'Антремон нахмурил брови. - А он знатный вельможа из окружения самого короля.

- И находится здесь под вымышленным именем, причем вам это наверняка известно. Уж не затем ли он скрывается в Канаде, чтобы избежать последствий своих более чем неблагоприятных поступков?

- Этого, сударыня, я не отрицаю. Но эти нежелательные особы ускользают от моего контроля, несмотря на то что господин губернатор, которому они были рекомендованы, велел мне очень внимательно следить за их поведением. И надо иметь в виду, что нам даны четкие указания не делать ничего, что могло бы вызвать их неудовольствие.

- В таком случае будьте бдительны. Потому что, уверяю вас, они настоящие убийцы.

Господин Гарро д'Антремон прищурился, и на его толстом лице мелькнуло хитрое выражение.

- А кого вы, сударыня, относите к категории «ненастоящих» преступников? Тех, которые, если я вас правильно понял, так сказать, совершают свои преступления в защиту справедливости? Может быть, себя?

- Ах, я вижу, вы опять вернулись к своим странным подозрениям на мой счет. Вполне возможно, что господин де Сент-Эдм, этот замешанный в диких оргиях похотливый старик, возвел на меня такое обвинение, просто прочитав его в каких-то каббалистических знаках, которые привиделись ему в магическом зеркале. Но вы полицейский, вам, для того чтобы предъявить обвинение, нужны доказательства и трупы - и что же, вы доверились колдовству? Так знайте же, если бы у меня была возможность убить вашего мерзкого Варанжа, я сделала бы это сто раз и была бы очень горда.

- Не хотите ли вы сказать...

- Господин д'Антремон, я бы на вас обиделась, если бы не чувствовала, что вы заботитесь о нас, как господин Ла Рейни заботится о Париже, и именно поэтому стремитесь не упускать из виду никаких следов, которые могли бы привести вас к преступнику... даже если они немыслимы и невероятны. Ну что ж! Я уже сообщила вам, где искать солдата, - так найдите его! Возможно, его признания приведут вас к трупу господина де Варанжа... или к его убийце. Я вас прощаю. Ваша задача не из легких. Теперь, после встречи с вами, я чувствую себя спокойнее. Сожалею, что я помешала вашим молитвам, но умоляю, будьте снисходительны...

«Эти красивые женщины впечатлительны и легковозбудимы, – сказал себе Гарро, провожая ее взглядом. – Но сколько в них очарования...»

Он не мог представить себе, чтобы она могла кого-нибудь убить.

И все же...

Когда Анжелика появилась у мадемуазель д'Уредан, чтение уже началось и у всех, включая Онорину, на глазах были слезы.

Принц Клевский только что скончался.

Он умер от отчаяния, порожденного обманутой любовью. Признание его супруги, принцессы Клевской, в том, что она питает страсть к герцогу Немурскому, поразило его сердце, как кинжал.

– Я же вам говорил: никогда ни в чем не признавайтесь! – воскликнул Вильдавре. – Эта дура признается, и все вокруг умирают. Хорошенький результат! А ведь, как ни крути, ничего серьезного не произошло... Все это ерунда!

В любви вообще нет ничего серьезного, из-за нее не стоит ни умирать, ни лишать себя благ жизни...

В этом городе все слишком много думали, слишком напряженно жили и слишком сильно любили. За окнами свистел ветер.

– Мамочка, – вдруг сказала Онорина, – может быть, теперь, когда Банистер стал хорошим, ты сможешь освободить эту собаку?

У Анжелики раскалывалась голова.

На следующий день они с Полькой вместе готовили бобовый суп, что дало ей некоторую передышку.

Вдвоем они очистили не один бушель бобов. Сняв с них жесткую кожицу, они положили бобы в кипящую подсоленную воду, в которой плавали веточки чабреца. Затем воду слили и часть бобов отложили для гарнира.

После чего бобы, оставшиеся для супа, измельчили в деревянных ступках, чтобы получилось пюре, затем его

разбавляли водой, в которой эти бобы варились. После того как полученное таким образом варево еще раз закипало в котле, его процеживали через кисею.

Потом Анжелика и Жанина обсудили, сколько в холодном молоке надо развести специальной английской муки, которую Польша держала только для особых случаев. Она считала, что этот продукт, получаемый из экзотического корневища, который англичане называли «arrowroot»,^[15] лучше подходит для того, чтобы заправлять супы, чем обычные сорта муки.

Нужные дозы определились после нового отваривания, от которого суп загустел и стал маслянистым, как сливки, после чего в него были добавлены яичные желтки, затем бобовое пюре и, наконец, половина бруса масла.

Польша считала этот суп наиболее подходящим для своих клиентов во время Великого поста.

– Священникам тут не к чему придраться, – говорила она. – Этот суп хорошо способствует покаянию – в нем только овощи и молочные продукты.

Анжелика чистила, толкла, помешивала и одновременно рассказывала подруге о своих неприятностях и тревогах.

Делиться с Полькой было милым делом, ибо, что бы ей ни говорили, она все находила правдоподобным и никогда ни в чем не сомневалась: ни в вашем уме, ни в вашем здравомыслии, ни в том, что вы видели или слышали, ни в вашем толковании оного. Она считала достоверными любые проявления человеческой драмы и не видела никаких препятствий к тому, чтобы все эти проявления совпали во времени: опасность и чудесное избавление, надежда и победа, нежданное вмешательство Сатаны, так похожее на вмешательство конной стражи. Она присоединялась к вашим суждениям, следовала за всеми хитросплетениями вашего повествования, разделяла ваши чувства, вместе

с вами думала, страдала и дрожала. После чего с еще большим рвением, чем вы сами, старалась разобраться в вашей ситуации и разрабатывала планы нападения и защиты. И все это – перемещаясь от ступки к своим котелкам, а от них в свою молельню, где она зажгла две свечи в подаренных Анжеликой позолоченных деревянных подсвечниках.

– Не порть себе кровь, сестренка, – сказала она. – Бывают в жизни моменты, когда на тебя сваливается все сразу. Когда все желают тебе добра, все идет хорошо. Но если тебе кто-то желает зла, это говорит о том, что ты этому кому-то мешаешь. А если ты ему мешаешь, значит ты его сильнее. И еще я тебе скажу, что ставки в этой игре высоки. Где эти типы, которые хотят тебя порешить или хотя бы заткнуть тебе рот? И чего они так боятся? Что ты станешь слишком сильной? По отношению к кому? Что ты разоблачишь их темные делишки? Перед кем? Тот солдат боится, что его уличат в святотатстве. А Брюзга желает узнать, кто убил графа де Варанжа. Но тут я спокойна. Эти господа из высшего общества просто сами себя кусают за хвост. Знаешь, сходи повидайся с Красным Плутом, он сможет тебе сказать, кому не доверять и кого остерегаться, а то и сотворит заклинание, чтобы их от тебя отвадить. Но если хочешь знать мое мнение, все не так уж плохо и ты в выгодном положении.

– То же самое мне говорил и отец Мобеж.

– Это меня не удивляет! Как видишь, у меня с иезуитами полное взаимопонимание...

Выходя от Польки, Анжелика посмотрела вверх. В свете луны на каменной стене утеса, точно бриллианты, сверкали гирлянды льда, а под шапками снега блестели длинные сосульки, свисающие из темных дворов и закоулков старого квартала Су-ле-Фор, где на самом верху жил Красный Плут.

Она ходит к нему завтра.

Глава II

Пожалуй, эта встреча принесла ей разочарование.

Перед нею сидел низкорослый мужчина, очень сведущий, но он ничего не хотел ей говорить.

Убогую лачугу колдуна освещала подвешенная к потолочным балкам чугунная лампа, из тех, которые называют «вороний клюв». К тому же в вырезанной из стеатита бадье, наполненной китовым жиром, горело несколько фитилей, также давая достаточно тепла и света.

В углу сидел эскимос, тот самый, что шил перчатки из птичьей кожи и делал лечебные повязки из мышинных шкурок. Он внимательно следил за посетительницей, и его узкие глазки блестели.

Красный Плут рассказал, что не присутствовал на магическом сеансе, который граф де Варанж провел у себя дома.

- Я ему объяснил, что он должен будет сделать, чтобы читать в черном магическом зеркале, но я не знаю, что он там увидал.

- А кто знает?

- Те, кто там был: маленькие савояры, камердинер, солдат, который произнес заклинание над распятием... а теперь и начальник полиции, если сможет заставить их заговорить, - добавил он, шмыгнув носом и проведя рукой под ним, словно желая скрыть насмешливую улыбку.

- Вы не говорите мне всей правды.

- А вам и не нужно ее знать. Когда карты розданы - а они уже у вас на руках, - лучше не знать всего наперед. Человек - существо слабое, и пусть он лучше будет подслеповат и не знает, мимо каких бездн лежит его

путь. Тогда он много увереннее пойдет к своей цели, той цели, до которой его не хотят допустить враги.

Он явно смеялся над нею. Правда, он признался, что в ночь после прибытия в Квебек их флота к нему приходили граф де Сент-Эдм и Мартен д'Аржантейль. Они принесли с собою украденные облатки и предлагали ему целое состояние, лишь бы он научил их такому мощному заклинанию, которое позволило бы им войти в контакт с их сообщником графом де Варанжем, также занимавшимся демонической алхимией и внезапно исчезнувшим.

- Своими облатками они меня насмешили. Такие люди только профанируют таинства. Они прикасаются к чему-то священному, опасному и сложному, чтобы удовлетворить свое нелепое желание первенствовать при дворе и получать королевское вознаграждение. Варанж, тот был человеком более серьезным. Его сжигала адская страсть к адскому созданию. Он запутался в сетях похоти, такой сильной, что она пожирает даже свой собственный огонь. Но у него могло бы все получиться.

- Вы сказали: к адскому созданию. Стало быть, вы все-таки знаете, что он увидел в магическом зеркале?

Он раздраженно пожал плечами:

- Хватит с меня этих жалких разговоров о магическом зеркале! Гораздо важнее узнать, что Джон Ди увидел в черном камне Еноха. Это говорит о встречах с существами из мира звезд...

- Кто такой этот Джон Ди?

Красный Плут терпеливо объяснил ей, что это английский ученый, живший в начале века, выдающийся математик и специалист по античной литературе. Это ему пришла в голову идея о начальном меридиане - меридиане, проходящем через английский город Гринвич. Но он был арестован за участие в магическом

заговоре – заговорщики якобы хотели с помощью магии умертвить английскую королеву Марию Тюдор.

Позднее к нему перешли силы и знания раввина Якоба Лёва, который во время еврейского погрома в Праге, чтобы защитить пражских евреев, силой мысли создал великана Голема, позже наводящего на пражан ужас. Прага была в то время центром оккультных наук.

Что касается черного камня, с помощью которого он улавливал то, что называл «еноховыми голосами», то действительно ли камень был получен им из другого мира? И были ли у него соперники, которым удалось завладеть осколками этого камня?

Из груды рукописей с изгрызенными мышами страницами он извлек искомую книгу, и Анжелика с удивлением прочла по-английски: «A True and Faithful relation of what passed between Dr. John Dee and some spirits».^[16]

Прочие, такие как Сент-Эдм или Аржантейль, вызывали у него жалость и даже опасения, как бы своим невежеством, неумением и извращенными грубыми манипуляциями они не причинили себе и другим вреда. Он спровадил их вместе с их облатками восояси. Он не прикоснулся бы к ним ни за что на свете.

– Этот Варанж грубо нарушил ритуал, который я велел ему провести, он ввел в него заклятие Вельзевула, потому что существо, которое он вызывал, было демоном. Он запустил в движение страшные силы и навел проклятие на мой черный камень, так что я больше не могу им пользоваться.

Колдун смотрел на Анжелику моргая, словно то, что он читал в ее глазах, озадачивало его все больше и больше.

– Когда творится заклятие Вельзевула, надо использовать живую бессловесную тварь.

– Зло упивается страданиями живых существ.

Красный Плут пожал плечами:

- Зло, добро, ангелы, демоны - все это лишь слова, затемняющие смысл: вмешательство Невидимых сил. Злые духи жаждут живой крови, потому что для них это красный луч жизни. Им необходимо живое дыхание, и они завидуют дару, которым наделены люди, дару, который сами они потеряли или никогда не имели.

Анжелика содрогнулась.

«О Жофfrey, они и тебя хотели увлечь в этот ужасный мрак, признать тебя виновным в колдовстве... Какое извращение истины!»

- Но здесь дела обстоят иначе, чем в Старом Свете, - продолжал колдун. - Здесь нас не так много, как в европейских деревнях. Я, сударыня, можно сказать, единственный или почти единственный, кто действительно ЗНАЕТ эту науку, кто ПОСВЯЩЕН.

Он показал ей грудку книг. В этом городе, где каждый кичился своей образованностью, не приходилось удивляться, что колдун владеет библиотекой, достойной ученого-богослова.

Он показал ей «Книгу Тота, или Апокалипсис алхимика» Базиля Валентена, «Зеркало тайн» Роджера Бэкона, «Желаемое желание» Николая Фламеля, «Философические четки» Арно де Вильнева и «Книгу двенадцати врат» англичанина Рипли. Все это были книги, осужденные папой и преданные проклятию, но с ними соседствовали «Рай, раскрытый Филагии» иезуита Поля де Бари и собрание ученых записок Лувенского университета. Где и когда он мог раздобыть столько редких книг? Но Анжелика сдержалась и не стала задавать ему пустые вопросы, порожденные всего лишь женским любопытством.

- Каждое время есть время одной сферы, - объяснил он. - А когда оборот завершен, надлежит перейти к другой сфере, ибо все сферы соединены в бесконечную цепь. Сейчас я должен посвятить время моим

изысканиям. В этих книгах есть много нового, что священники не учли.

- Так вы отвергаете черную магию? - спросила Анжелика.

- Черная магия, белая магия! Это одно и то же. Священники тоже проливают живую кровь и пытаются невиновных. - И он заговорщицким шепотом добавил: - Вы знаете это не хуже моего... Но говорить об этом нельзя, не то они зажгут еще один очистительный костер... А теперь, прекрасная дама, возвращайтесь в Верхний город, в свое жилище. Потому что приближается последняя буря, самая ужасная и опустошительная.

Глава III

Над островом Орлеан и берегами мыса Леви клубилось снежное облако. Солнце еще сияло, но прохожие ускоряли шаг, торопясь попасть домой.

По улице навстречу Анжелике бежала Эрмелина, которую Анжелика дважды чудом спасла и о которой беспокоилась. Она подняла малышку на руки. «Как же я люблю тебя, маленькая лакомка!»

Со стороны собора быстро надвигались большие черные тучи, закрытое ими солнце потухло. Буря бросилась в атаку стремительно.

Чтобы потуже завязать под подбородком свой капор, Анжелика неосторожно поставила ребенка на землю, и Эрмелину тотчас подхватил ветер, колоколом раздув ее юбки. Анжелика поймала девочку уже на лету.

Двухколесные тележки, корзинки, скамеечки, приставные лесенки – все вещи, забытые на улицах, пустились в беспорядочный пляс, катясь по мостовым, взмывая вверх и резко падая на землю. Брошенная порывом ветра на стену, завывала собака. Пес всем телом прижался к земле, пытаясь укрыться от слепой стихии. Анжелика пересекла Соборную площадь, согнувшись в три погибели, как старуха. Ветер раздувал ее накидку, и она боялась, как бы он не вырвал у нее из рук легкое тельце Эрмелины. Юбки, хлопая, трепались где-то сзади, дергая ее назад, как будто в них вцепились целые полчища демонов. Флаги, которые не успели снять с мачт и крыш зданий, разрывались на куски со звуками, напоминающими выстрелы из мушкета. Навстречу Анжелике из дома Меркувилей вышел дворецкий, но человек он был старый и, не в силах бороться с ветром, застыл на месте, стараясь изо всех сил, чтобы его не сдуло на землю. К счастью, повалил

сильный снег и хоть немного утяжелил людей и предметы. Анжелика с превеликим трудом доковыляла до большого дома Меркувилей и успокоилась только тогда, когда увидела, как Эрмелина переступила его порог, где, цепляясь за приоткрытую дверь, стояли ее братья и сестры, и оказалась в надежных руках своей кормилицы. Между тем хозяин дома, господин судья, мужчина высокий и представительный, уже надевал плащ, чтобы поспешить на помощь дворецкому.

– Оставайтесь, сударыня, оставайтесь! – кричала вся семья, собравшаяся в вестибюле.

Но из дома Меркувилей Анжелика могла видеть начало своей улицы, в конце которой стоял ее дом, и решила все-таки добраться до него, воспользовавшись тем, что буря еще не успела разыгаться в полную силу. Благодаря валившему все сильнее и сильнее снегу ветер немного стих. Стало быть, она без особого труда поднимется по улице Пти-Шапель. Но снег сделался таким колючим и удушающим, что она могла продвигаться вперед, только прикрывая лицо руками. Внезапный вихрь закружил ее; потеряв равновесие, она ухватилась за край какого-то окна и уже не отпускала его, пока не почувствовала, что ветер, похожий на бурную, стремящуюся унести ее реку, немного ослабел. Наступило недолгое затишье, и среди непрерывно валящего с неба снега Анжелика увидела над собою блестящую вывеску, на которой, вытаращив глаза, простодушно смеялось выведенное золотом солнце. Трактир «Восходящее Солнце». Темноту бури пронизал свет, из освещенной щели между дверью и косяком высунулась рука, схватила Анжелику за запястье и втащила внутрь.

Рука, втянувшая ее в этот оазис тепла и света – большой зал трактира «Восходящее Солнце», – принадлежала самому его хозяину.

- Ах, сударыня, - сказал он, вводя ее в зал, - вы мною пренебрегаете. Сколько раз вы у меня были за все то время, что вы в Квебеке, - всего лишь два раза? И только когда буря бросила вас на порог моего заведения, вы наконец оказываете мне честь посидеть за моим столом.

С этими словами он снял с Анжелики отяжелевшую от снега накидку, придвинул к ней стул и одним движением до блеска вытер стол. Он знал, в чем корень зла: завладевшая госпожой де Пейрак Жанина Гонфарель дискредитировала его заведение в ее глазах, высмеяв его знаменитое миндальное молоко. Вечно она зубоскалит над восхитительными напитками, которые он готовит для очаровательных дам Верхнего города, и ни за что не желает присоединиться к ним, хотя она его соседка и живет от него всего через несколько домов.

- Ну что ж, ладно! Приготовьте мне ваше миндальное молоко, - сказала Анжелика, вытирая лицо и волосы полотенцем, которое ей принесла жена трактирщика госпожа Буавит. - Но добавьте в него чего-нибудь горяченького, а то я совсем заоченела.

- Не извольте беспокоиться, моя бабушка тоже была трактирщицей и завещала мне свой знаменитый рецепт. Миндальное молоко смешивают с горячим коровьим и добавляют туда обжигающий кофе. Сама она была нормандка, но ее муж много путешествовал и научил ее варить отличный кофе.

Он быстро принес большую дымящуюся чашку, в которую уже были добавлены все ингредиенты, а сверху положил половник густых сливок.

Полагая, что пьет нечто совершенно безобидное, Анжелика взяла чашку обеими руками и несколькими большими глотками осушила ее содержимое - горячий напиток со вкусом сливок, миндаля и сахара, восхитительное угощение для детей, женщин и даже лакомок-котов, объедение, после которого хочется облизать губы.

Однако, как и мартиникский напиток госпожи де Меркувиль, в котором вкус сахарного сиропа маскировал изрядную дозу рома, кофе бабушки-нормандки содержал полпинты грушевой водки. Буавит с гордостью продемонстрировал ей бутылку золотистой жидкости, которая, как никогда, заслуживала своего латинского названия *Aqua Vitae*, то есть вода жизни, иными словами – водка, или, как ее называют индейцы, огненная вода.

– Действительно, прекрасно согревает! – воскликнула Анжелика и тут же обеими руками уцепилась за стол.

Ее зеленые глаза застлала томная пелена, а голос, несмотря на все ее усилия, ослабел.

– Господин Буавит, вы предатель, – с трудом произнесла она.

И тут она увидела, или же ей показалось, что увидела, как справа от нее уселся Николя де Бардань, а слева – герцог де Вивонн. Ей казалось, что таверна полна странных существ: наполовину призраков, наполовину людей из плоти и крови, которые откуда-то появились, чтобы ее развлечь. Внезапно она различила среди них ту, которую никак не ожидала здесь встретить, – Кружевницу.

– Чтобы я переехала в вашу Акадию, это логово разбойников? – воскликнула та, откидывая голову и смеясь воркующим смехом. – Да я и из Квебека-то никогда не выезжала, даже в Монреаль или Труа-Ривьер.

Вовенар помахал Анжелике. Да он ли это? В самом ли деле он здесь или же все-таки нет? Он выпрямился во весь свой рост и, задевая головой потолочные балки, подошел к ней, чтобы поцеловать ей руку.

– Я сумею ее уговорить.

Он немного шатался.

Какая-то незнакомка, очень светлая блондинка, весьма интересная, подумала Анжелика, наверное,

похожая на Гийметту в молодости, с дерзким видом восседала во главе стола, за которым сидели несколько мужчин. Они не сводили с нее глаз и смеялись всему, что она говорила. Среди них был Гранбуа, но также и майор Аврансон.

Увидев, что Анжелика разглядывает незнакомку, трактирщик подошел и, наклонившись, шепнул ей на ухо:

- Это владелица поместья на берегу озера Святого Петра госпожа де Ла Доверни.

Ей сорок лет. Усадьба, сотни арпанов прекрасной земли, которую обрабатывают арендаторы. Еще одна вдова! Но разумеется, ненадолго. Она для того и приехала в Квебек, чтобы найти себе мужчину. Здесь, в Канаде, любят хорошо пожить. Здесь вдовство не приговор. Приветливая и миловидная женщина никогда долго не вдовеет. А эта вдова хочет найти спутника жизни и хорошего любовника, чтобы было с кем коротать темные вечера в ее затерянной в глуши усадьбе. А вот чтобы управлять поместьем, ей мужчина не нужен. Она в этом деле сама собаку съела. И таких женщин, как она, много. Вообще, канадские женщины, по мнению Буавита, заткнули за пояс канадских мужчин, и это хорошо известно.

На бочке рядом с огромным очагом, поставив ногу на каменную ступеньку, в одиночестве сидел молодой человек и курил длинную, украшенную перьями трубку. Его лицо, обрамленное длинными прямыми черными волосами, было необычайно красиво. Взгляд его темных глаз был задумчив, он мечтал. «Господи боже, он меня волнует!» - сказала себе Анжелика.

- Почему вы так смотрите на этого метиса? - спросил слева голос герцога де Вивонна.

- Он красив.

Но когда молодой человек встал, она нашла, что ноги у него коротковаты, и ее возбуждение спало.

- Я не сторонник смешанных браков, - сказал молодой чиновник, сидящий за их столом. - Они дали нам этих новых французов, которые не годятся ни для диких лесов, ни для наших гостиных. Но в войнах с ирокезами они показали себя лучше отборных европейских солдат.

Сам он был канадцем и потому мог пить много, но не терять головы. Звали его Адриан Дефорж. Господин интендант Карлон, в штабе которого он состоял, предоставил его в распоряжение герцога де Ла Ферте, конюший которого заболел и не может сопровождать его в тавернах.

- Если когда-либо, - заплетающимся языком сказал Ла Ферте - Вивонн сидящему справа от Анжелики Николя де Барданю, - она смотрела на вас так, как только что на этого метиса, то вы счастливец. Но я думаю, вы не можете этим похвастаться. Эта женщина, как птица, порхает в небесах, упиваясь вашим восхищением, но она недосыгаема, недоступна, понимаете? Она свободная птица и дается вам в руки, лишь когда захочет этого сама. О, был момент, когда я ее поймал! Но я упустил его, потому что тогда не понимал, какое мне привалило счастье... Я понял это лишь потом... И даже тогда она думала вовсе не обо мне... Мыслями она была далеко... Она надо мною посмеялась... Но она любит заниматься любовью. Ее удовольствие от страсти не притворное, не поддельное... И это сводит нас с ума... Да, она любит заниматься любовью...

- Сударь, замолчите, - прервал его Николя де Бардань.

На лбу его выступил пот, ибо картины, нарисованные в монологе герцога де Ла Ферте, будили в нем то вожделение, то ярость.

К Анжелике вновь вернулся дар речи.

- Какого черта... - сказала она, - какого черта случай все время сводит вас вместе в одном и том же месте... Вас! Обоих!

- Да что вас связывает с этим олухом? - спросил у нее герцог де Вивонн, указывая подбородком на де Барданя.

- И оба вы задаете мне одни и те же дурацкие вопросы: что вас связывает с этим? Чего он от вас хочет? Почему он? Почему не я?

- Сударь, кого вы сейчас назвали олухом? Уж не меня ли? - хмуря брови, спросил де Бардань.

- А кого же еще?

- Вы пьяны!

- Вы тоже!

- Возможно, но, в каком бы состоянии я ни был, я не забываю об уважении к должностям. Король поручил мне важную миссию, но ваши речи, сударь, показывают, что вы, похоже, об этом забыли...

- О, вы кажетесь себе очень большим и важным, - насмешливо сказал герцог, - но, по-моему, вы - простофиля. Я хорошо знаю короля и думаю, что, выбрав для этой миссии вас, он сказал вам далеко не все. Потому что чем лучше я вас узнаю, тем меньше понимаю, какие такие ваши качества могли привлечь к вам его внимание. Должно быть, вас порекомендовал ему кто-то очень, очень влиятельный... Но кто бы это мог быть? Кто мог так рискнуть...

Де Бардань перебил его с холодным презрением:

- Сударь, вы живете в мире, где восхождение к высоким должностям невозможно без поручительства, и ваши собственные достоинства не играют в вашем возвышении никакой роли. Но к счастью, так бывает не всегда, и мои успехи в карьере сами по себе явились достаточным поручительством и внушили королю доверие к моей особе. Знайте же, сударь, - тут Николая де Бардань с достоинством встал, - что я на протяжении

нескольких лет был представителем короля по религиозным вопросам в Ла-Рошели, а это весьма важный пост, чего вы не можете отрицать... Особенно в наше время, когда король желает, чтобы все гугеноты Франции обратились в истинную веру, и прилагает к этому неустанные усилия...

- Кто это говорил мне, что вы вели себя в Ла-Рошели недостаточно энергично? А, возможно, это были вы сами! Как-то раз, когда вас потянуло на откровенность. Слишком мало отречений от протестантизма и слишком мало арестов!

- Сударь, в делах вероисповедания надо действовать осторожно. Для обращения к нашей матери-Церкви нужно внутреннее согласие... Я прилагал все усилия, чтобы завести среди гугенотов друзей...

- И за это вы, насколько я знаю, очутились в Бастилии... Да, сударь, по всему видно, что у вас весьма влиятельные покровители, если вы после столь очевидных ошибок все-таки выпутались и вам даже поручили эту маленькую утешительную миссию в Канаде.

- Что вы можете знать о важности миссии, честь выполнения которой на меня возложил король? Эта миссия секретна и носит очень личный характер.

Герцог пожал плечами и посмотрел на де Барданя с улыбкой, в которой сквозила жалость:

- А вы как думаете? Я знаю все о миссии, которую вы столь блистательно выполнили. Вы должны были сообщать королю все возможные сведения об авантюристе, который именуется графом де Пейраком.

- Не смейте говорить в таком тоне о господине де Пейраке, - перебил его Николя де Бардань. - В присутствии госпожи де Пейрак такие речи неуместны и просто отвратительны.

- В своем донесении королю вы были не столь снисходительны к этому пирату...

- Откуда вам известно, что я написал королю? И откуда вы знаете, что я уже послал его величеству донесение? - удивился де Бардань. - Вы говорили ему о том письме, которое я отправил из Тадуссака? - встревоженно спросил он, поворачиваясь к Анжелике.

- Да нет... Не думаю... - ответила она.

Герцог де Вивонн покачал головой:

- Дорогой мой, для того чтобы всем стали известны малейшие детали поведения такого чиновника, как вы, совсем не обязательно пользоваться болтливостью его любовницы. Достаточно подмазать одного из ваших людей. Вам еще многому предстоит научиться... если у вас останется на это время... Итак, представим себе, что король уже держит ваше донесение в руках... Я так и вижу, - прошептал Вивонн, - так и вижу, как он вчитывается в его строчки и как ему интересно ваше описание красоты той женщины, которая приехала в Канаду вместе с этим пиратом.

- О ней я не написал ни слова, - холодно парировал Николя де Бардань, - и это доказывает, что на самом деле вы ничего не знаете и напрасно бросили тень на моих людей. Вы, сударь, лжете, чтобы узнать правду, но с какой целью? Мне это неизвестно, но я не вижу, к чему скрывать от вас столь незначительные сведения. Короля нисколько не интересуется женщина, подруга или жена господина де Пейрака, он только хочет знать, не является ли эта женщина особой, которую усиленно разыскивает полиция, ибо она подняла против него вооруженный мятеж в одной из провинций. Я ответил его величеству «нет»... Вот и все.

Это «вот и все» потонуло в громогласном хохоте Вивонна, почти заглушившем даже свист и завывания бури.

Держась за живот, словно боясь, как бы не надорвать его от смеха, герцог, икая, выдавил из себя:

- Послушайте, сударь... я повторяю то, что уже сказал... вы плохо знаете нашего короля.

- Это почему же?

- Прекратите! - сказала Анжелика.

Не будь она так пьяна, она вцепилась бы ногтями в глотку герцога, только бы он замолчал. Но после странного горячего питья она как бы свысока следила за развитием этого спора, продолжение которого могло поставить ее положение под угрозу. Надо дать герцогу понять, что шутка слишком затянулась.

- Если вы не перестанете смеяться и произнесете еще хоть одно слово, я вам... я вам отомщу, - сказала она, устремляя на него убийственный взгляд.

Под этим взглядом он наконец затих, хотя по временам продолжал прыскать, едва не падая со стула, словно от смеха ему становилось худо.

- И чем же, по-вашему, мое донесение может не понравиться королю? - вконец разнервничавшись, спросил Николая де Бардань.

- Ну хорошо! Скажем так... - Вивонн снова прыснул, искоса глядя на Анжелику, - он, быть может, не совсем... полный. Король любит подробности, детали... вы об этом не забыли? Много деталей... особенно касающихся красивых женщин...

- Прекратите! - повторила Анжелика.

Молодой Дефорж смеялся глупо и подобострастно, поскольку, как и прочие, не понимал, что могло так развеселить знатного вельможу.

- Мне жаль вас, сударь, очень жаль, - продолжал между тем тот. - У меня относительно вас дурное предчувствие, дорогой де Бардань. Потому что когда жалкий человек вроде вас оказывается на службе короля... и вызывает его неудовольствие, знаете, что с ним бывает? Или я плохо знаю короля, или...

- Да оставьте вы его, оставьте же его, наконец! - воскликнула Анжелика, бросаясь на защиту королевского посланника, словно он был робким ребенком, которого мучают жестокие уличные мальчишки.

С идиотским смешком де Вивонн протянул через стол руку.

- Что-то мне подсказывает, что вы, господин де Бардань, закончите свои дни на каторге, - прошептал он.

Николя де Бардань побелел от гнева и снова встал:

- Сударь, вы ответите мне за все ваши оскорбления в поединке. Если угодно, прямо сейчас.

Вмешался трактирщик Буавит:

- Только не у меня в трактире, господа придворные, у себя я скандалов не потерплю! Или сидите смиренно, или идите сражаться... НА УЛИЦУ!

Этого было довольно, чтобы остудить самые горячие головы. Герцог де Вивонн не сдвинулся с места.

- Как грустно! - пробормотал он. - Нас со всех сторон окружают завывания ада.

- Сядьте рядом со мной, - сказала Анжелика Николя, потянув его за руку. - Сядьте и успокойтесь!

Она погладила его по щеке:

- Не слушайте его. Он очень злой человек. Я видела вас в Ла-Рошели и могу засвидетельствовать, что вас там очень любили и за вашу справедливость вас уважали даже гугеноты, потому что, хотя в ваших руках была сосредоточена вся власть, вы ею никогда не злоупотребляли.

- А что вы делали в Ла-Рошели? - заинтересовался де Вивонн.

Эти мужчины несносны. Вокруг бушует такая буря, словно настал конец света, а они только и думают, как бы побольнее друг друга укусить.

Старая госпожа Маривуан засеменяла к двери, таща за собою своего супруга, который шел, опираясь на одного из подручных трактирщика.

- Отведу-ка я его домой. Он пьян, а напившись, он всегда начинает сеять панику, испуская боевой клич ирокезов.

Никто не попытался их удержать.

- Ирокезы идут! Ирокезы идут, - бормотал старик.

- Лучше бы вы остались тут. В такую погоду ирокезы не придут.

- Они приходят в любую погоду, - сказал кто-то из гостей. - Пускай старик Маривуан орет, как ирокез, это нам нисколько не помешает.

- Вы не знаете, о чем говорите, господа хорошие, - отвечала старуха. - Он испускает такие вопли, что кровь стынет в жилах. Услыхав его, вы все вскочите и схватитесь за оружие... просто не удержитесь...

Она внимательно отсчитала плату за выпитое мужем, потом закуталась в свои многочисленные шали.

- Похоже, ветер немного стих, - сказал кто-то.

Дверь отворили - для этого потребовались усилия шестерых мужчин, - и стало видно и слышно, как неистово воет ветер и летит снег. Потом дверь захлопнулась за двумя стариками, держащимися друг за друга, и ветер подхватил их, точно две соломинки.

Последняя буря!..

Анжелике не давала покоя мысль о бедном тощем псе, о его выразительных глазах, в которых блестел если не ум, то хотя бы доброта и надежда. Она вспомнила, как тянулись к ней ручки Онорины. «Освободи его! Освободи его!»

Анжелика встала и оттолкнула стул; он со стуком упал назад.

- Господин Буавит!

- Да, сударыня? - сказал тут же подбежавший трактирщик.

- Вы, кажется, были кузнецом?
- Да, сударыня.
- Мне понадобятся щипцы, чтобы перекусить сталь.
- К вашим услугам, сударыня.

Он открыл люк в полу, и они вместе спустились по лесенке в подвал «Восходящего Солнца», где соседствовали бочонки и прекрасные меха, подвешенные на крюках к сводам или сложенные в кипы. Пушнина была хорошим платежным средством, принимаемым повсюду, и ловкие коммерсанты нередко требовали, чтобы за их товар платили бобровыми шкурками. Буавит отвел Анжелику в соседнее отделение подвала, где на полке лежали различные инструменты и среди них – клещи и щипцы всех размеров.

- Вот что мне нужно, – сказала она, беря большие щипцы с длинными двухфутовыми ручками, которые ей легко было держать в руках, и маленькой круглой головкой, снабженной заточенными лезвиями, острыми как бритва.

- К вашим услугам, госпожа графиня.

Поднимаясь по лесенке, они оступились и рухнули назад, прямо на меха.

- О господи! – сказал Буавит. – Еще никогда в жизни я не держал в объятиях такую богиню. Ах, сударыня, я уже столько времени наблюдаю, как вы проходите мимо моего заведения, и так вами восхищаюсь... Вы позволите мне вас расцеловать?

- Будь по-вашему, поцелуемся... Ваше миндальное молоко достойно своей славой... и вы вели себя сейчас просто великолепно...

Вне себя от восторга, он расцеловал ее в обе щеки.

- А теперь помогите мне отсюда выбраться.

Они кое-как вскарабкались по лесенке, ведущей в зал.

- А что вы будете делать с этими щипцами? – осведомился Буавит. «Уж не собирается ли она кого-

нибудь ими укокошить?»

- Подайте мне накидку, я ухожу.

- Даже не думайте об этом!

- Но ведь старики Маривуаны ушли и уже наверняка добрались.

- Почем знать, может, они померли по дороге.

- Мне все равно!

- Это безумие!

- Анжелика, заклинаю вас, не уходите! - взмолился
Николя де Бардань.

- Нет, я должна идти! Мой дом недалеко.

- Я вас провожу.

- Ну нет, вы на ногах не стоите, к тому же вы все мне так надоели! Вы меня так извели, будто вы и не христиане...

Никто не был достаточно трезв, чтобы ее проводить, да она и сама этого не хотела.

- Оставайтесь ночевать у нас, сударыня, - настоятельно посоветовала жена трактирщика. - Правда, все наши комнаты заняты, но для госпожи де Ла Доверни я все-таки отыскала свободную каморку под крышей. Вы могли бы поспать с нею в одной кровати.

- Нет, мне нужно идти.

Вдобавок у госпожи де Ла Доверни может быть другое мнение относительно того, с кем разделить свое ложе. Похоже, ее роман с Гранбуа уже зашел весьма далеко.

- Сколько я вам должна, сударь? - спросила она, шаря в своем насквозь промокшем кошельке.

- Ничего! Я свое уже получил, - отвечал трактирщик. Глаза его сверкали, как у одержимого.

- Да остановите же ее! - сказал кто-то.

- Оставьте ее, - отозвался Вовенар. - Таких женщин, как она, невозможно остановить...

Анжелика попросила подать ей перчатки, и один из посетителей встал из-за стола и отдал ей свои, которые

доходили до локтей и лучше защищали руки. Другой надел ей на голову остроконечную индейскую шапку из двух слоев меха, уши которой, если их опустить, прекрасно защищали лицо от ветра и снега.

- Придерживайте их рукой, они вас защитят.

Глаза посетителей с любопытством следили за Анжеликой, когда она шла к двери.

- И куда ее несет с этими щипцами?

У Николая де Барданя не было сил, чтобы ее удержать. Он беспомощно смотрел, как она исчезает за дверью, и у него было такое чувство, будто он видит, как она бросается в бездну, но не может ей помешать.

- Как она прекрасна! - сказал стоящий рядом Буавит. - Мы так счастливы, что она к нам заглянула.

- Она не будет моей, - прошептал Вивонн. - Ничего не поделаешь, я так и знал... - Он уткнулся лбом в стол и погрузился в глубокий сон.

* * *

Анжелика пробивалась сквозь стену из свистящего ветра и залепляющего глаза снега. В ее жилах горел живительный огонь. Второй раз за год она была так сильно пьяна. В первый раз она напилась вместе с Полькой, сразу после приезда в Квебек.

Да, она была пьяна, но именно хмель и помогал ей противостоять этой ужасной ночи, которая и была-то еще не ночью, а только вечером, но вечером куда более темным и страшным, чем самая темная ночь. Сейчас почти невозможно было сделать и один шаг вперед, а она уже сделала их много. Что говорило о том, что напиток, которым напоил ее Буавит, и в самом деле был превосходен.

Она шла вперед, как слепая, на ощупь; по лицу ее больно хлестали струи снега, неистовые, колющие, как

острие шпаги. Яростно выл норд-ост, злейший враг человечества. Она не знала, продвинулась ли она вперед хоть на шаг. Согнувшись в три погибели, она чуть ли не ползла на четвереньках. Она цеплялась за стены домов, за деревянные ставни, за колья ограды. Надо добраться до дома мадемуазель д'Уредан, а там – пересечь улицу, это пустынное пространство, где не за что уцепиться, и если она упадет, то так и умрет посреди улицы Клозери, в двух шагах от тумб с атлантами, держащими земной шар, и ее тело найдут в водосточном желобе, когда сойдет снег.

Внезапно раздался оглушительный треск дерева, и что-то похожее на крыло гигантской летучей мыши пролетело у нее над головой, с грохотом ударилось о каменную стену и перегородило ей путь. Приблизившись почти вплотную, Анжелика поняла, что это крыло мельницы иезуитов. Хорошо еще, что ветер не снес всю мельницу.

«Не хватало еще, чтобы мне снесло голову крылом мельницы иезуитов, – вот была бы глупая смерть...»

Это отрезвило ее, но на смену опьянению от грушевой водки пришло упоение от безумной схватки со стихией.

Наконец она нащупала атлантов и, стоя на коленях, обняла их, точно любимых детей.

Ползком, на четвереньках, она полезла по косогору, ведущему в ее двор и двор Банистера. Дом Вильдавре был рядом, защищающий ее, несокрушимый, но пока что она не могла укрыться в нем от непогоды и сесть перед жарким очагом среди веселого щебета любящих ее детей.

Она бросилась во двор Банистера, как бросаются в море. Снег доходил ей до шеи. Где же собака? Она нашла ее зачоченевшее тело, худое как скелет. Мертвая? Нет... Она вынула из-за пояса длинные кусачки

и попыталась перекусить цепь, но затянутые в меховые перчатки пальцы плохо слушались.

«Я это сделаю! Я сломаю цепь!» Она потянула ее и вырвала вместе с куском прогнившей доски, к которому были прикреплены ее звенья. Все оказалось просто, кусачки не понадобились.

Собака, почувствовав, что ее тянут за ошейник, проявила первые признаки жизни – она начала сопротивляться...

Какая же она глупая! Такая глупая, что не хочет, чтобы ее спасли. И слишком глупая, чтобы убежать.

«Ну, иди же, иди!»

Анжелика падала, потому что вокруг не было ни единой точки опоры, а ноша тянула вниз, так как она несла несчастную собаку на руках: у той хватало сил только для того, чтобы слабо сопротивляться.

В буре наступило затишье, как иногда бывает после особенно яростного неистовства. Природа будто оцепенела. Но тут же, точно неиссякаемый неудержимый поток слез, опять повалил снег. В луче света, блеснувшем из окна или открытой двери, она увидела силуэт огромного человека, он вырос на краю заваленной снегом ямы, в которой она барахталась, тщетно пытаясь выбраться.

«Нет, вы не убьете меня, Юсташ Банистер!»

Но это был Жоффрей, в своем черном плаще и надвинутой на глаза меховой шапке, и он смеялся. Правда, она не видела его лица – она просто чувствовала, что он смеется.

Его рука схватила ее за запястье и с силой потянула вверх, а она потянула за собою собаку. Сквозь плотный поток снега проступили силуэты еще каких-то людей, они подняли ее и понесли; наконец она оказалась в зале перед очагом, а вокруг нее – Жоффрей де Пейрак, его испанцы, Жан Ле Куеннек и волочащая за собою цепь с

куском гнилого дерева на конце тощая собака, которая от страха забилась под печку для выпечки хлеба.

- О, это ВЫ! Это ВЫ! - повторяла Анжелика, глядя на Жоффрея и не веря своим глазам.

Жоффрей объяснил ей, что, не найдя ее дома и видя, что буря усиливается, он отправился искать ее на улицах Квебека вместе с двумя испанцами, Яном и Барсампюи. Они узнали, что она только что ушла из трактира «Восходящее Солнце» - безрассудный поступок - с кузнечными клещами в руке.

- О, это ВЫ! Это ВЫ!.. - повторила Анжелика, бросаясь в его объятия.

Он крепко прижал ее к себе:

- Моя маленькая фея!

Талая вода стекала по их лицам, снег пластами падал с их плеч, но огонь в их сердцах горел так же жарко, как пламя в очаге, куда Элуа Маколле все подкладывал и подкладывал поленья и половинки древесных стволов.

- О, это вы! Вы! Любовь моя!

* * *

Бури были их лучшими союзницами. Радость Анжелики оттого, что Жоффрей наконец-то вернулся, удвоилась благодаря уверенности, что теперь-то он точно останется и будет принадлежать только ей, пока не прекратит бесноваться стихия, к которой добавилась еще и непроглядная чернота ночи.

Но, несмотря на проснувшееся желание, которое Жоффрей так хорошо умел в ней разбудить, нетерпеливо, по-хозяйски обнимая ее и устремляя на нее пылкий взгляд, в этот вечер дух неповиновения и даже недоверия заставил Анжелику воспротивиться зову страсти.

Вопреки всей своей прежней решимости никогда не примерять на себя роль жены, требующей у мужа отчета, она не могла не сказать ему, что его поездка в Силлери и его отсутствие показались ей невыносимо долгими и мучительными и почти что привели ее в отчаяние. Она не стала говорить ему, что вокруг нее рыщет Сатана и творится колдовство, потому что это было ее личное дело, дело, которое она должна уладить сама. Сейчас ее беспокоило другое. Смерти она не боится; потерять его любовь – вот что ее страшит. Ни буря, ни огненный напиток Буавита, ни ее одиссея с кусачками и спасение пса Банистера не помешают ей задать главный вопрос: почему он так долго отсутствовал, почему молчал?

Барсампюи намекнул ей на дерзость и бесцеремонность некоторых канадских дам, преследовавших Жоффрея своими домогательствами.

Жоффрей де Пейрак смотрел на нее и смеялся, ибо ее вид явно говорил о крепости напитка, поданного ей в трактире: волосы ее были в беспорядке, глаза блестели, она говорила хрипловатым голосом и была полураздета.

– Не скрою, мне пришлось прибегнуть к некоторым хитростям, чтобы избежать ловушек, которые расставляла мне наша Беранжер, – сказал он, – но люди в форте Силлери нуждались в моем присутствии. У них был раненый и несколько больных, а тут еще усиление морозов; я остался, чтобы им помочь.

– Что за раненый?

– Он упал на палубу с обледенелой реи во время планового осмотра корабля.

– И?

– Перевозить его было нельзя. Он продержался несколько дней, затем умер. Такова моряцкая доля.

– Вы могли бы послать за мной.

– В этот ужасный холод? Когда опасно даже посылать гонца – вдруг по дороге замерзнет? Хотя

расстояние до Силлери и небольшое, я бы никогда не попросил вас проехать его в такой трескучий мороз. И потом, дорогая моя, разве вы сами не решили сделать передышку в вашей деятельности сиделки, ухаживающей за больными, роли, которую вы исполняли в Вапассу и Голдсборо? По-моему, мы с вами об этом договорились... Роль маленькой аббатисы – да, это вам подходит... но, прошу вас, не раздаривайте без разбора направо и налево сокровища вашего сердца. Все эти матросы – законченные авантюристы, и они ничего не выиграют, если к ним в вашем лице будет слишком часто спускаться само Небо. Им нужно сохранять вокруг себя твердый панцирь, броню, под защитой которой они могли бы хранить в своих мужественных сердцах сожаления и мечты.

Анжелика подняла руку:

– Возможно, я смогла бы облегчить его страдания.

– Они не боятся боли. И не боятся смерти. Зато больному или раненому моряку очень нужно видеть у изголовья своего командира. Нужно услышать приказ: ты должен жить! Или: ты можешь умереть!.. Это помогает им выздороветь – или отойти в вечность. Их командир – это их духовник, и он был с ними рядом.

Он взял ее поднятую руку и прижал к своей щеке:

– Нет... Позвольте моей ревности, по мере возможности, сохранить эту божественную ручку только для себя!..

Она смотрела на его суровый, но благородный профиль, склонившийся над ее рукой; его губы нежно коснулись ее ладони.

«Что вы за человек? – думала она. – Иногда вы суровы, безжалостны... И в то же время так нежны, так сострадательны к человеческим слабостям!»

Ей вспомнилась фраза Сабины де Кастель-Морг. «Он очень добр...» Да, это правда. Хотя он также способен, если обстоятельства того требуют, продемонстрировать

полнейшую бесчувственность... что, в общем-то, успокаивает.

- Любовь моя, мой милый друг, - вполголоса молвила она, - я совсем не уверена, что хорошо вас знаю.

- А разве это так уж необходимо? - Он насмешливо улыбнулся и одновременно заговорщицки ей подмигнул. - У каждого человека есть тайны, и это хорошо. Но я говорю это не без досады. Признаюсь, что сам я опасаюсь тайных уголков, которые есть в вашем сердце, потому что они отдают меня в полную вашу власть, на вашу милость. Влюбленные вечно разрываются между острым желанием завладеть любимым существом и узнать о нем все-все в жестоком свете дня и неотразимым очарованием, которое состоит в том, чтобы видеть в возлюбленном загадку.

Лично я верю в то, что малая толика эгоизма полезна. Но у женщин его недостаточно. Нужно, чтобы у каждого из влюбленных была собственная жизнь и собственная судьба, чтобы они не растворялись друг в друге, - быть может, в этом и заключается секрет счастья.

Но хватит философствовать, сударыня. Жизнь так коротка, ее минуты так быстротечны, а мы тратим их на то, чтобы копаться в непоследовательности человеческой натуры, как женской, так и мужской...

Сейчас вы принадлежите мне, а я вам. По-моему, в этот час единственная польза от дебатов - это видеть, как в ваших зеленых глазах игрой света и тени отражаются ваши мысли, а ваши губы приоткрываются и трепещут от удивления или волнения.

Если я и соглашусь увидеть, как над нами нависает тень несправедливостей, угнетающих весь женский пол, то лишь затем, чтобы иметь предлог заключить вас в объятия, дабы защитить вас и утешить самой лучшей в мире философией - любовью.

– Вот потому-то мы и благословляем судьбу, которая подарила нам нашу встречу...

* * *

Сквозь неистовые завывания бури слышались крики детей, похожие на вопли грешников в аду или клики потерявшихся морских птиц. Анжелика проснулась в объятиях мужа, после того как, счастливая, заснула в кольце его рук. Вой стоял такой ужасающий, что можно было подумать, что находишься посреди океана. Но детские крики ей не приснились. Где-то недалеко дети звали на помощь.

Внизу Жан Ле Куеннек и вылезший из своего сундука-кровати Элуа Маколле силились среди рвостного шума бури разобрать, откуда несутся крики.

– Похоже, халупа Банистеров совсем развалилась.

Буря сорвала с нее крышу из гнилой соломы. Самого Банистера, цеплявшегося за свою кровлю, унесло ветром довольно далеко и бросило в снег на одной из улочек, где его и нашли на следующий день. Жена его, Жанна Германка, как безумная бросилась за помощью, но завязла в глубоком снегу и погибла. Ее тело было найдено лишь весной на краю равнины Авраама.

Даже самый бывалый и бесстрашный траппер не рискнул бы выйти из дому в такую непогоду.

– Давайте пройдем через погреба, – предложил Элуа Маколле. – Господин маркиз велел прорыть их до самых границ владений Банистера. Несколько ударов киркой – и мы окажемся в их сарае.

Так они и сделали и проникли в погреба Банистера, полные пушнины, бочонков с сидром и водкой, различных скобяных изделий и глиняных горшков, запечатанных воском.

Откинув крышку погреба, сквозь щели вокруг которой задувал ветер, у полуразвалившихся саманных стен нашли съезжившихся от холода детей. Их наполовину засыпало снегом. По погребам их перенесли в дом Вильдавре, и пока Жан Ле Куеннек и Элуа Маколле заделывали дыры в стене смежных погребов, их отогревали у огня.

С них сняли промокшие плащи и кожаные чулки, и выяснилось, что, голые, дрожащие у очага, эти четыре маленьких чертенка, наводившие ужас на весь Квебек, – это всего лишь маленькие, хилые, бледные дети, среди которых оказалась и одна девочка. Самый маленький плакал навзрыд и успокоился, только когда Элуа Маколле пришло в голову дать ему пожевать табака. Сказать по чести, этим детишкам лучше было бы жить среди дикарей. Судьба совершила ошибку, дав им родиться среди цивилизованных колонистов, принадлежащих к белой расе. Лучше было бы им отправиться в леса! Там краснокожие быстро научили бы их уму-разуму и они жили бы вместе в своем варварском ладу.

Измученный пес вылез из своего укрытия под печкой, виляя хвостом. Он узнал своих мучителей, детей, которых он любил. Он и впрямь был очень глуп.

Когда буря утихла, всех детей пристроили. Начали с девочки – ее отдали на воспитание урсулинкам. Двух старших мальчиков отправили к священникам в семинарию, а младшего не побоялась взять к себе добрая соседка. Банистера нашли раненого, но живого и отвезли в монастырскую больницу. Придя в себя, он сказал, что хочет увидеть госпожу де Пейрак и поговорить с нею наедине.

Когда Анжелика вышла из дому, чтобы направиться в больницу, буря еще тонко, переливчато свистела, но она была уже на исходе.

Сквозь ветви вяза было видно солнце – из серой тучи на царящий вокруг хаос смотрел гигантский желтый кошачий глаз с золотым зрачком.

Отправляясь в больницу к Банистеру, Анжелика шла по городу-призраку, где жители, однако, уже вовсю орудовали лопатами и боронами без зубьев.

В снегу, точно кротовины, виднелись дыры от сорванных с крыш флюгеров – петухов, стрел, роз ветров, – а также крестов и терновых венцов.

Наглядным подтверждением опустошительного неистовства снежной бури стало состояние выкованного господином Буавитом креста на абсиде собора – он погнулся и перекрутился, точно палочка воска над огнем. Мэтр Буавит защищал свою профессиональную честь, утверждая, что причиной такого повреждения стали бутовые камни из разрушенных ветром каминных труб дома Меркувилей, – в полете они ударили по кресту, и теперь валяются на Соборной площади.

Такова нередко была странная доля Анжелики – становиться наперсницей тайн кающихся грешников и даже исполнительный их последней воли. Так она и оказалась в больнице у изголовья Юсташа Банистера.

Отлученный от церкви Банистер, хотя и был сильно помят бурей, не имел ни малейшего намерения умирать. Но в его скрытый мозг и недобрую душу, как перед ним и в темные мозги и недобрые души многих других – Каламбрена, Аристида Бомаршана и его жены Жюльенны, четы Кловис, – проник луч света: его, как и остальных, осенило, что в этом мире он может доверять только одному человеку и только этот человек, неизвестно почему, может пробудить в нем лучшие чувства. Так, Банистер вбил себе в голову, что госпожа де Пейрак – единственная, кому он может доверить свое состояние. Ей пришлось к нему склониться, потому что он боялся, как бы его не подслушала больничная сестра.

- От моей хибары мало что осталось, верно? Но ее погреб! Там у меня полно скобяного товара для торговли с индейцами и славных шкурок, которые я добыл, когда еще мог ходить в леса, а в глиняных горшках под гусиным и свиным паштетом – золото, много золота. Золота, которое я получил от всех этих придворных прощелыг, которые желали вызывать дьявола. Целое сокровище... И потом, там мои сапоги. Мне бы не хотелось, чтобы и они сгорели, когда остатки моего дома подожгут. Сходите туда, в мой погреб, только идите одна... Остальные меня ограбят.

Сказав это, он продолжал свою исповедь уже громко, поскольку не боялся, что ее услышат привыкшие ко всему уши матушки Огюстины.

- Вы признаете, что маркиз прорыл свои погреба под принадлежащим мне полем? И урсулинки тоже? Это уже доказано. Если у меня останутся деньги на тяжбы, я им этого не спущу. А прокурор? Разве это справедливо, что я потерял право на возведение меня во дворянство просто потому, что он забыл вовремя зарегистрировать соответствующие бумаги? Я, конечно, знаю закон, по которому всякий меняющий водку на бобровые шкурки лишается прав на пять лет, но почему этот закон применяется только в отношении меня? Разве один я носил водку дикарям? Сударыня, вы так дружны с губернатором, интендантом и епископом, так, может, вы замолвите за меня словечко, чтобы мне разрешили вновь ходить в леса? Тогда я бы отправился добывать пушнину вместе с моим старшим сыном и более не чинил никому неприятностей. А я вас за это остерегу. Берегитесь тех, о ком на днях говорил солдат Латур. Тех, которые просили меня достать облатки, чтобы вызвать дьявола.

- Я знаю их имена.

- Не уходите!.. «Они» люди дурные. «Они» просили у меня облатки, и я им их достал... Но сейчас им нужны вы, ваша жизнь. Они просили меня поджечь дом

маркиза, где вы живете... и дали мне за это золота... Золото я взял, но им сказал: «Подождите маленько. Я не хочу, чтобы с домом маркиза сгорел и мой дом. Это доставило бы всем этим господам, с которыми я сужусь, слишком большое удовольствие». Так что предупреждаю вас – будьте осторожны.

Вернувшись в дом Вильдавре, Анжелика порадовалась, что избежала опасности сгореть заживо и что теперь глупая собака, которую они приютили в своих стенах, предупредит их, если что-нибудь в доме загорится, потому что при малейшей опасности огня она будет бросаться на стены, словно хочет о них разбиться.

Глава IV

Если не считать бури, мартовские иды прошли без катастроф. Госпожа де Меркувиль радовалась, что поставить театральный спектакль не удалось, – из-за бури его все равно не смогли бы сыграть.

Восемнадцатого марта, между семью и восемью часами вечера, на Соборной площади среди гор снега разожгли костер, дали пушечный салют и устроили праздничный фейерверк в честь Дня святого Иосифа. Господин губернатор сам зажег костер, солдаты дали три мушкетных залпа и четыре раза выстрелили из пушки. Запустили несколько ракет.

Девятнадцатого, когда колокола зазвонили «Ангелус», прозвучал выстрел из пушки, а когда во время мессы священник поднял для всеобщего обозрения Святые Дары, раздались еще три или четыре пушечных выстрела и несколько мушкетных залпов.

Двадцатого монсеньор де Лаваль пригласил госпожу де Пейрак к себе в семинарию. В соответствии с этикетом он написал ей письмо, в котором просил ее оказать ему любезность и навестить его, и из его послания следовало, что он ждет ее именно сегодня после дневной молитвы, приблизительно в четыре часа дня.

Анжелика посетила это крыло семинарии, служившее резиденцией епископа, только во второй раз. В первый раз прелат принимал ее здесь через день после ее прибытия, и тогда она чувствовала себя спокойнее, чем сегодня.

Передвижение по улицам еще было затруднено. Солнце показалось лишь ненадолго, наверное, только в честь праздника святого Иосифа. Небо с утра было затянуто тучами, и, когда Анжелика проходила через

ворота семинарии, несколько сильных порывов ветра подняли в воздух снег.

Ее проводили в маленькую комнатку, в которую епископ переселился на время особо сильных морозов. Его окружение настояло на том, чтобы он больше внимания уделял своему здоровью после того, как его свалил с ног сильный кашель.

После обычного обмена любезностями он быстро перешел к главному – фактам.

И к самому недавнему, и, по его мнению, наиболее невероятному из них: люди видели, как она ходила к этому опасному субъекту, которого называют колдуном из Нижнего города. Насколько ему известно, ни одной знатной даме еще не приходило в голову предпринять восхождение в квартал Су-ле-Фор, чтобы проникнуть в подобный притон. Правда, некоторые дамы из братства Святого Семейства верили в лечебную силу трав колдуньи с острова Орлеан, хотя он и не рекомендовал своей пастве с нею общаться. Но чтобы обратиться к Красному Плуту – такого не бывало никогда! Не рекомендовал он своим прихожанам и слишком часто посещать таверну «Французский Корабль», однако госпожу де Пейрак частенько видели и там. Он уже несколько лет откладывает решение относительно хозяйки этого заведения, женщины, щедро дающей деньги на дела церкви и даже набожной, но которую члены Общества Святых Даров регулярно обвиняют в том, что она-де открывает двери своих задних комнат для амурных утех.

– Может быть, эти господа так категоричны, потому что сами были ее клиентами? – с улыбкой перебила епископа Анжелика.

Анжелика не могла понять, что заставило епископа сейчас, в середине Великого поста, когда город еще не оправился после ужасной бури, вдруг ни с того ни с сего

заняться ее прегрешениями и учинить ей настоящий допрос.

Еще до него дошел слух, что Юсташ Банистер просил ее навестить его в монастырской больнице. А кроме того, есть еще и донесение кюре из окрестностей Лоретты. Он ворвался в частный дом, в котором, как ему сказали, проходила воскресная пирушка, где бесстыдно нарушалось святое воздержание, составляющее суть Великого поста. Владельцы дома, выходцы из Берри, оправдывались тем, что в свое рагу они клали только бобровые хвосты, что церковными властями не возбранялось, так как бобры живут в воде. В доказательство своей невинности они показали, что за одним столом с ними сидела такая известная дама, как госпожа де Пейрак.

- Я гуляла с дочкой, и мы зашли просто для того, чтобы отдохнуть.

- И в рагу действительно были только бобровые хвосты? - спросил епископ.

- Мы выпили только немного молока, - из осторожности ответила Анжелика.

Наконец подошли к главному, к тому, что вызывало наибольшее прискорбие епископа как пастыря человеческих душ, - к расследованию начальника полиции, которое он вел в связи с исчезновением графа де Варанжа. Это расследование привело к разоблачению зловещих и гнусных подробностей магической церемонии, проведенной здесь, в самом сердце Квебека. Кто бы мог подумать, что эта проказа добралась и до Канады! История тем более темная, что этот граф де Варанж был членом Общества Святых Даров и все почитали его человеком благочестивым. Но Гарро д'Антремон, похоже, старается вовсю. По его словам, он вот-вот поймает дезертира Латура, который участвовал в колдовском сеансе и которого недавно видели в окрестностях города. Начальник полиции долго

беседовал с монсеньором Лавалем по поводу этого случая колдовства, который ему сейчас приходится расследовать, хотя теперь церковные суды могут рассматривать только дела, в которых замешаны духовные лица.

Им пришлось вместе формулировать обвинение, которое предъявят графу де Варанжу, дабы мирское правосудие могло его покарать, когда он будет найден. Ведь он исчез.

- Его унес дьявол, - сказала Анжелика.

Во время этого расследования опять всплыло имя госпожи де Пейрак.

Анжелика пыталась найти какой-нибудь предлог, чтобы оправдать свой визит к Красному Плуту. Может быть, сказать, что она хотела купить мышинные шкурки, которые выделывал его слуга-эскимос и которые могли служить лечебными повязками для небольших ран?

Рассуждения епископа о деле Варанжа подсказали ей выход. Ведь ее имя в этой истории всплыло именно из-за того, что колдун объявил, будто графа убила она. Вот для чего она отправилась в его логово - для того, чтобы потребовать у него объяснить причину подобной клеветы, о которой ей рассказал господин Гарро д'Антремон.

- Но что заставило этого прорицателя бросить тень на ваше имя? - удивился епископ.

- Без сомнения, его злонамеренность. Да и кто знает, что творится в головах у этих хитрых колдунов? Ради увесистого кошелька они придумывают то, во что хочет верить тот, кто им его дает в качестве платы. Я полагаю, что этот Красный Плут пользуется своим провидческим даром и своими познаниями, чтобы обманывать простой народ и заставлять раскошеливаться дворян, которые приходят к нему, ведомые намерениями навредить своим ближним.

Внезапно ее осенило: она может успокоить епископа насчет колдуна из Нижнего города. Матушка Мадлен рассказала ей, что в ночь после их приезда в Квебек ей во сне явился святой отец Бребёф, замученный ирокезами, и заклинал ее помолиться о том, чтобы живущий в городе колдун обратился к вере. Несомненно, речь шла о колдуне из Нижнего города, Красном Плуте, потому что, когда она, госпожа де Пейрак, явилась к нему, она увидела перед собой просто мудрого человека, который уверил ее: «С этими делами я покончил. Я более не притронусь ни к одной колдовской книге. Буду изучать только труды древних».

Вспоминая ночь после их с мужем прибытия в Квебек, ночь, в которую действительно многое произошло, отец Бребёф сообщил ей, что ему принесли коробочку с облатками, чтобы он с их помощью произвел дьявольские манипуляции, но он отказался. Несомненно, Небо услышало молитвы матушки Мадлен.

- Могу уверить вас, монсеньор, что колдун из Нижнего города обратился к вере.

Епископ, похоже, был взволнован. Это добрая весть, сказал он. Остается найти другого преступника - графа де Варанжа. Но начальник полиции убежден, что того убили.

- ...Если это действительно так, монсеньор, нельзя ли счесть, что рукой, поразившей этого человека, двигало само правосудие?

Епископ вздохнул и замолчал, задумчиво глядя на посетительницу. В испытующем взгляде его серых глаз она читала вопрос: в силу каких превратностей судьбы - если речь шла действительно только о превратностях судьбы - эта великосветская дама, без сомнения женщина доброжелательная, заведшая в Квебеке столько друзей и, как уверил его назначенный им экзорцист, совершенно невиновная в возведенных на нее обвинениях демонологического характера,

оказалась замешана во всех этих подозрительных или даже опасных делах, о которых ему доносили на протяжении зимы?

Анжелика чувствовала, что он пригласил ее к себе отнюдь не только для того, чтобы задать ей вопросы по поводу ее визитов к Красному Плуту или в таверну «Французский Корабль». Он посмотрел в окно. Белые потоки снега расчерчивали ночную тьму.

- Зима еще ярится! - сказал он. - Но не будем забывать, что апрель уже не за горами, а с его приходом всем нашим бедам придет конец...

Последовала пауза. Монсеньор де Лаваль открыл рот, помолчал и вдруг решил переменить тему:

- Мне сказали, что в качестве небесного покровителя вы выбрали Предвечного Отца.

Анжелика ответила утвердительно.

Епископ встал и пошел в свою библиотеку, чтобы поискать гравюры, изображающие Предвечного Отца. Анжелика повернулась к окну, чтобы посмотреть, не утих ли снег, но его белые струи продолжали прочерчивать черный полог ночи. Внезапно в оконное стекло что-то ударилось. Это был большой голубь, он уселся на карниз в углу окна. Как Ноева голубка, не нашедшая пристанища на земле, покрытой водами Великого потопа, он прилетел искать приюта у людей. Он выживал благодаря городу с его тысячами укрытий и остатками пищи... Его белые веки часто моргали, то открывая, то прикрывая красные глаза. Он смотрел на Анжелику без всякого страха, понимающе и дружелюбно.

- Он тут живет, - сказал епископ. - Тут его гнездо. Даже в самые сильные бури он, нахохлившись, сидит здесь, вполне довольный жизнью. Узкий каменный карниз, лишь немногим шире его лапок, дает ему надежное прибежище, и, мне кажется, он благодарит за это Бога. Какой урок для нас, столь озабоченных своим

благополучием и комфортом и столь требовательных к жизненным удобствам.

Их общая симпатия к голубю, казалось, придавала ему решимости, и он сказал:

- Прошу вас, сударыня, задержитесь еще на несколько минут. У меня есть для вас одно важное и секретное сообщение. Оно касается вас и вашего мужа.

Глава V

Он заговорил об отце д'Оржевале, что заставило Анжелику насторожиться и показалось ей дурным предзнаменованием. Он пододвинул к себе кожаную папку, которую она заметила на столе, и открыл ее. Там было три послания, он достал их и назвал ей имена их авторов.

Но прежде епископ счел нужным напомнить ей, что отец д'Оржеваль находится в большой милости у короля. Государь несколько раз давал ему аудиенцию, и иезуит сумел привлечь его внимание.

– Здесь у меня есть несколько выдержек из его донесения королю. В нем он попытался заинтересовать его величество в использовании того огромного ресурса воинов на службе Франции, который представляют собою дикари.

Он писал:

«...Абенаки являются врагами англичан из-за вопросов религии. Вызывает восхищение та набожность, с которой они идут в бой...»

Несколькими строками ниже он излагал свою точку зрения и причину, по которой абенаков следует втянуть в войну:

«...Нам никогда не удастся сделать из них настоящих христиан. Даже после крещения религиозное чувство продолжает уживаться в их душах с самыми грубыми суевериями, и они остаются под влиянием своих колдунов».

«...Посему я проповедовал им, что спасения души можно достичь, только уничтожая еретиков, – такое проявление благочестия кажется им понятным и легкодостижимым. Тысячи этих воинов объединились

под моим знаменем, на котором я велел вышить пять крестов, окруженных четырьмя луками и стрелами».

В письме Кольберу, министру торговли и морского флота, также хранящемся в папке епископа, король давал этому предложению одобрительную оценку:

«...Заслуженный священник преподобный отец д'Оржеваль кажется нам достойным внимания, ибо он один продолжает вести войну с англичанами, с которыми мы подписали мирный договор, что не дает нам возможности продолжать ослаблять их и открыто сбивать с них спесь. Но перенести войну в леса Нового Света – это весьма ловкий ход. Отцу д'Оржевалю следует продолжить свои усилия и всячески препятствовать любым попыткам заключить с англичанами мир... Ему будет оказана вся возможная помощь...»

На что министр, подчеркнув, что он понял намерения своего государя, ответил следующее:

«Вы особо рекомендовали мне разжигать враждебность дикарей к англичанам, досаждают английским поселенцам и, если будет такая возможность, подтолкнуть их к отъезду из Америки и добиться, чтобы Англия отказалась от ее заселения...»

Король наверняка понял эти речи, так соответствующие его намерениям.

– Когда были отправлены эти письма?

– Они дошли до нас около двух лет назад. Примерно в это же время отец д'Оржеваль вернулся в Новую Францию и возглавил миссию в Акадии.

– Тогда меня уже не удивляет, что, прибыв в Америку, мы увидели, что здесь развернута настоящая военная кампания, и... теперь я лучше понимаю, почему наш приезд в Голдсборо и Катарунк должен был показаться ее организатору досадным препятствием к достижению его целей. А еще я только теперь в полной мере могу оценить то чувство справедливости и... то

мужество, которое все официальные лица Новой Франции и вы сами, монсеньор, проявили, ответив согласием на наше предложение о мире.

- Чтобы Высший совет Квебека мог хорошо выполнять свои обязанности, он должен обладать известной независимостью, ведь мы отрезаны от Франции девять месяцев в году.

- Похоже, до сих пор я не понимала, насколько трудна и в то же время щекотлива была ваша борьба с отцом д'Оржевалем.

- Да, действительно... и эта борьба еще не окончена. Она просто перешла в новую фазу, хотя тот, кто ее вел, был вынужден покинуть поле боя. Но он оставил нам свое наследие и приготовил ловушку...

Епископ убрал в ящик секретера кожаную папку, содержащую взрывные письма с печатью короля.

- Дело вот в чем: перед тем как покинуть Квебек в момент вашего прибытия, отец д'Оржеваль попросил у меня аудиенции. Он был краток, сказал, что уходит и признает свое поражение.

«Вы сделали свой выбор, монсеньор, вы и члены Высшего совета Квебека...» Он сказал, что отступает перед тем, кто разрушил его планы в Акадии, то есть перед графом де Пейраком, которого мы готовимся теперь принять, и перед той женщиной, с которой он безуспешно сражался. По его словам, мы все сдались на милость злу, но когда-нибудь мы в этом раскаемся. Он дает нам полгода - до апреля, холодно улыбаясь, уточнил он, чтобы мы открыли глаза и увидели истинное лицо тех, которых ныне принимаем так тепло. Если же мы сами, - продолжал епископ, которого, похоже, не слишком впечатлили угрозы иезуита, - до тех пор не раскаемся в том, что так радушно распахнули двери перед вами, сударыня, и перед вашим мужем, то он заставит нас это сделать. Он собрал документы, содержащие тяжкие и неопровержимые обвинения

против вас. «До апреля, – заключил он. – У вас будет время подумать. А затем эти документы будут переданы вам, монсеньор, ибо вы – совесть церкви Новой Франции. В них вы найдете доказательства, которые помогут вам осознать, насколько опасно иметь дело с этими пришельцами из Голдсборо, и убедят вас помочь наиболее слабым овцам в вашей пастве понять, что они позволили себя обмануть и увлечь на путь, ведущий к катастрофе». Апрель... Он еще не наступил, но срок скоро истекает. Вот почему я решил встретиться с вами, сударыня, и ввести вас в курс дела.

– А кто должен передать вам эти компрометирующие бумаги?

– Этого я не знаю... Но могу вас уверить, что вовсе не желаю ни видеть их, ни получать... Вы меня понимаете?

– А отец д'Оржеваль, случайно, не намекнул вам, чего именно касаются эти... разоблачения?

Епископ покачал головой:

– Нет. Но он, казалось, был совершенно уверен, что после того, как я с ними ознакомлюсь, мне будет трудно продолжать оказывать вам поддержку.

Анжелика вспомнила, что Вильдавре что-то говорил о «шпионе короля». Вполне вероятно, что какой-то незнакомец ждет в городе своего часа, чтобы прийти к епископу и передать эти «разоблачительные» документы, которые прелат вовсе не желал получать.

– Но почему вы решили пригласить к себе именно меня, а не моего мужа?

– Потому что так я возбудил в городе меньше любопытства. Мне куда чаще доводится принимать у себя дам из братства Святого Семейства, чем, например, господина де Фронтенака или господина интенданта, потому что иначе в городе тут же начали бы толковать о том, что затевается дворцовый переворот. А кроме того, прежде чем рассказать вам об угрозах отца д'Оржеваля, мне хотелось услышать, как вы опровергнете все эти

сомнительные истории, касающиеся вас... Итак, мы объяснились. Я предупредил вас, а через вас и графа де Пейрака. Я прошу вас сохранить то, что я вам сказал, в тайне и впредь быть очень осторожной.

- Но что же делать? - в тревоге воскликнула она.

- Этого я не знаю. Я долго над этим думал, но признаюсь вам, что понятия не имею, кого можно подозревать, и мне не хотелось бы обсуждать этот вопрос с моими приближенными. Я не могу даже узнать их мнений, потому что тогда могут пойти слухи. Я сказал вам все, что знаю, и ничего более сделать не могу. У такой наблюдательной и чуткой к нюансам человеческого поведения женщины, как вы, могут возникнуть на сей счет какие-то идеи... а господин де Пейрак, по моим наблюдениям, человек весьма ловкий и может сам за себя постоять.

Он не мог выразиться яснее.

«Найдите этого сообщника отца д'Оржевала, - прозрачно намекал епископ, - и сделайте так, чтобы он не смог вам навредить».

Анжелика встала, обернула плечи плащом, затем поцеловала перстень епископа:

- Я тронута, монсеньор, и уверяю вас, что мой муж разделит мою горячую признательность за ваши старания отвести от нас угрозу новых унижений.

- От них никому не было бы пользы, более того, они разрушили бы тот хрупкий мир, которого мы с таким трудом добились и который нам удастся поддерживать вот уже несколько месяцев.

- Должна ли я понимать, монсеньор, что мы должным образом оплатили за оказанный нам радушный прием, что наше поведение вас не разочаровало и вы рады нашему присутствию в Квебеке?

Он любовался красотой этой женщины, словно не осознающей силы своих чар, что делало ее еще более неотразимой. Она, бесспорно, была не такой, как другие.

Он невольно подумал, что благодаря ей зима была не такой однообразной, а людские сердца горячее радовались жизни. Едва заметно улыбнувшись, он ответил:

- Зимой... да!

Честность и откровенность епископа были ей приятны. Он открыто следовал велениям своих чувств и разума, которые побуждали его находить присутствие в Квебеке графа и графини де Пейрак приятным и благотворным, однако отнюдь не скрывал, что не считает их обоих людьми вполне безобидными, и все же... «Зимой... да!»

Когда наступит лето, они уедут.

Куда? Это было не важно. Как бы то ни было, епископ хотел, чтобы их расставание было мирным и чтобы ему сопутствовало осуществление совместных союзнических планов. Ему совершенно не хотелось, чтобы возникли новые раздоры.

Надо будет оказать ему услугу и, пока не поздно, раздобыть эти компрометирующие бумаги, но, несмотря на всю его очевидную уверенность в ловкости графа де Пейрака и его способности разыскать того человека, у которого они сейчас были, поиски эти были сродни поискам иголки в стогу сена.

Прежде чем поговорить с мужем, Анжелика подумала о Красном Плуте. «Он обладает даром ясновидения и очень умен. И он знает все о городе и его тайнах».

Квартал Су-ле-Фор сильно пострадал от последней бури. Крыши его жалких домишек сорвало ветром, сваи подломились. Его жители копошились на своей скале, как муравьи, принося с лесопильни новые доски и балки и сбрасывая вниз снег и лед, которыми завалило их хибары.

Придя к колдуну, Анжелика рассказала ему то, что узнала от монсеньора де Лавалья. Она ничего не сказала

ему о тех шагах, которые, кажется, собирались против него предпринять, поскольку этот вопрос, похоже, был уже закрыт. Она лишь сообщила ему, что епископ вовсе не жаждет получить эти бумаги, от которых всем станет только хуже, однако, получив их, он будет вынужден принять меры. Однако сложность состоит в том, что ни он, ни кто-либо другой понятия не имеет, кем будет нанесен удар.

- И вы пришли ко мне, чтобы я указал вам на того малого, который держит у себя эту опасную писанину? - с иронией спросил ее Красный Плут.

Он, как всегда, сидел по-индейски в углу своей лачуги на разостланных на полу мехах и держал на коленях большой открытый том.

- И как вы себе это представляете? Я закрываю глаза и тут же его вижу? А потом описываю его и сообщаю вам его имя?!

- Но вы же сумели увидеть меня той ночью, когда я была далеко отсюда, во многих и многих лье пути, - прошептала Анжелика.

- Я же вам уже говорил, что не желаю больше заниматься ясновидением! С этим покончено! Я хочу посвятить всего себя изучению древних книг...

И он с наигранной сосредоточенностью перевернул страницу своей книги и открыл прекрасную ксилографическую гравюру, на которой были изображены знаки зодиака.

«Положительно, матушка Мадлен, вы перестарались в своих молитвах об обращении его к вере», - подумала Анжелика.

Теперь епископу можно не волноваться о спасении души квебекского колдуна.

Время от времени Красный Плут насмешливо поглядывал на нее, явно наслаждаясь ее разочарованием.

- Вы такая же, как все прочие. Подавай вам все на блюдечке, да еще с магической приправой! А между тем надо всего-навсего немного раскинуть мозгами. У кого находятся эти бумаги? Лучше спросите меня, кто их доставит в Квебек... С чего вы взяли, что этот человек живет в городе и просто дожидается своего часа? Епископ сказал: «В конце зимы». То есть либо в конце марта, либо в апреле. Вы меня спросите, что из того? Что все это значит? А то, что его еще нет в городе. Он еще только должен появиться.

- Но откуда и каким образом? Все реки скованы льдом. Письма из Европы дойдут до нас только в начале июня. Самое раннее - в конце мая.

- Но океан у берегов Новой Англии и Акадии свободен ото льдов. Туда могут приплывать корабли и привозить из Европы курьеров с письмами. А начиная со следующего месяца бывалый траппер вполне может отправиться в поход на север, не особо рискуя сбиться с пути. Бури теперь налетают реже, к тому же такие реки, как Пенобскот и Кеннебек, уже судоходны.

- Выходит, посланец придет с юга? После того, как получит эти документы в одном из океанских портов?

- Вот именно! Собирайте сведения! Держите все порты под наблюдением! У вас же есть для этого способы. Тут не нужна никакая магия, надо просто уметь бдеть и расстраивать козни своих врагов. Победа здесь добывается хитростью, кто хитрее - тот и победит. А опасные эзотерические науки нужно приберечь для случаев более серьезных.

- Может статья, у вас есть какие-то мысли по поводу личности этого посланца?

- Ну хорошо, хорошо! Я подумаю. Зайдите ко мне еще раз. Но помните: с колдовскими заклинаниями я покончил. Здесь, в Квебеке, это все равно что метать бисер перед свиньями. Мне остаются мои книги и тайны, которые я раскрыл и которые, кроме меня, никто не

постигнет. Я, милостивая государыня, по-прежнему могу заставить коров пуститься в пляс или навести на скотину в хлеву такую порчу, что она вся передохнет. Но здесь, в Канаде, нет ни малейшего смысла так перетруждаться. Тот, у кого из-за моих чар околела вся скотина, просто пойдет в лес менять товары на шкурки и вернется оттуда еще богаче, чем был. Так что надо просто хранить действительно великие тайны. А для всего прочего индейские шаманы сгодятся еще лучше, чем я.

– А вы сами чему-нибудь у них научились?

– Ха! Если не считать двух-трех навыков, которыми владеют как они, так и я, это совершенно другая наука, постигать ее надо слишком долго, а жизнь слишком коротка. Магические способности индейцев разрушает водка. Они посчитали, будто, выпив ее, можно легко и просто проникнуть в мир видений и сверхчувственных знаний. Но это всего лишь обман. Великие колдовские силы отступают перед материальным миром. Мушкеты и пушки причиняют куда больше смертей, чем дурной глаз самого сильного колдуна... Перед грядущими временами магия не устоит. Мы уйдем в землю, унося с собою сокровища наших знаний. Вся магия, и белая и черная, выродится, утратит всякий смысл. Превратится в какую-то мерзкую труху, – проворчал он, словно то, что он прозревал в грядущих столетиях, вызывало у него глубокое отвращение.

Он презрительно сплюнул:

– Надо дожидаться Эры Разума, когда вновь забьет источник живой воды Водолея.

Кончик его грязноватого пальца, потемневший от табака, уперся в открытую страницу книги.

– Водолей... – пробормотал он. – Посмотрите! Мудрый старик, изливающий воды Познания.

Анжелика наклонилась над гравюрой, чтобы лучше рассмотреть знак зодиака, но тут за дверью раздался

страшный шум и по стенам забегали отблески факелов.

Истошно завизжала старуха, чей дом находился как раз под лачугой Красного Плута.

Анжелика выпрямилась и подошла к двери, чтобы узнать, в чем дело. Внезапно дверь отворилась, и перед ее взором предстало видение, которое в это время и в этом месте показалось ей совершенно фантастическим. На фоне ночного неба, освещенный факелом, который держал в руке полицейский, стоял королевский прокурор Тардые де Лаводьер, высокий и, как всегда, очень красивый. На нем была черная мантия и белые брыжи – атрибуты его должности. В довершение его никогда прежде не виденного Анжеликой официального облика, который он принимал, когда находился при исполнении своих обязанностей, на голове его красовался высокий белый парик с аккуратными валиками волос, который все судейские должны были надевать, заседая в суде.

Было видно, что он так же удивлен при виде Анжелики, как и она при виде его. Однако он быстро пришел в себя, ибо сейчас королевский прокурор переживал один из самых знаменательных моментов в своей карьере, и ему хотелось насладиться им сполна.

Согнувшись, что при его высоком росте и высоком парике было нелегко, он вошел в логово колдуна из Нижнего города. Даже не осмотревшись, ибо окружающая обстановка не внушала ему ничего, кроме презрения и отвращения, он развернул свиток пергамента, украшенный лентами и отягощенный восковыми печатями. Подойдя к свету, сиречь к бадье из стеатита, в которой горел китовый жир, он начал читать.

В тексте содержалось изложенное официальным языком предписание господину Жану-Мари-Луи-Тома Жометту покинуть свой дом и под стражей отправиться в здание суда, где он будет допрошен начальником полиции. В случае оказания им сопротивления до его

сведения доводится, что на лестницах, ведущих в квартал, его ждет полицейская стража, а именно отделение из шести стражников, вооруженных алебардами, и сержанта в мундире, которые отрежут ему все пути к отступлению.

Перед дверью хватило места только для полицейского, в чьи обязанности входило производить аресты, и для секретаря канцелярии суда Карбонеля. Больше там никто бы не поместился.

- Почему вы хотите его арестовать? В чем вы его обвиняете? - спросила Анжелика, едва до нее дошло, что Жан-Мари-Луи-Тома Жометт есть не кто иной, как Красный Плут.

- В колдовстве! Сударыня, я позволю себе заметить, что в высшей мере изумлен, застав вас в этом мрачном притоне. Что вы здесь делаете?

- Я пришла, чтобы передать господину Жометту уверения монсеньора епископа, что его никто не побеспокоит, поскольку против него нет доказательных обвинений. Согласитесь, что монсеньор - единственное лицо, имеющее право об этом судить. А кроме того, господин начальник полиции несколько раз повторял мне, что в наши дни арестовывают не за колдовство, а за преступления.

- О, преступления мы найдем! - весело ответствовал прокурор. - Сейчас главное - чтобы он покинул эти места. Я наконец-то получил от главного смотрителя дорог подпись под предписанием, которое позволит мне ликвидировать этот убогий квартал, от которого городу один вред.

- И вы нашли предлог, чтобы оправдать выселение его жителей?

- Совершенно верно! Колдун! Так что никто не придерется... Да какое вам, собственно, до всего этого дело? - резко сказал он. - Интересно, как это получается, что вы, сударыня, и ваш муж вечно

оказываетесь замешаны в различные подозрительные дела? Да губернатор просто слеп!

- Губернатор прежде всего думает о выгодах, которые Новая Франция может извлечь из дружеских отношений с нами, то есть с господином де Пейраком и мной. К счастью, он смотрит на свои обязанности шире, чем вы на свои.

- Здесь не место для обсуждения подобных вопросов. Каким бы узким ни был мой взгляд на применение законов, мне по-прежнему кажется странным, что особа вашего ранга якшается с таким отвратительным и презренным субъектом.

- Я принесла ему гарантию от епископа. Вы можете справиться об этом в епископате.

- Вздор! У меня тоже есть гарантия, которую мне дал главный смотритель дорог и которая разрешает мне немедленно приступить к сносу всех этих прогнивших развалюх.

- Вы собираетесь вот так просто выкинуть его из его дома?

- Вы называете это домом? Неужели вы не видите, что это нагромождение лачуг есть не что иное, как вязанка хвороста, от которой того и гляди начнется пожар?

- Пожар скорее может начаться оттого, что вы своими факелами подпалите солому на моей крыше, - вмешался в их разговор Красный Плут. Он продолжал все так же невозмутимо сидеть на своих шкурах, держа на коленях раскрытую книгу. - И вот что я вам скажу, прокурор, - отойдите-ка вы в сторону, не то, чего доброго, наступите на моего эскимоса, там, в углу, а он, если его разозлить, становится опасен, как белый медведь. Эскимос - это такой индеец, который живет на Севере, среди льдов. Да он вас живьем сожрет и не подавится.

Ноэль де Лаводьер опустил глаза и увидел рядом со своей ногой плоское темное лицо эскимоса, оскалившего в ухмылке свои тщательно заостренные напильником зубы.

Он тут же отскочил в сторону, и его высокий судейский парик задел подвешенную к потолку масляную лампу «вороний клюв». Горячее масло опрокинулось, и валики парика загорелись.

Анжелика хотела броситься к Ноэлю Тардые и потушить пламя своим плащом, но он, испугавшись эскимоса, уже выбежал наружу, не замечая, что его парик горит. Его секретарь Карбонель ринулся было ему на помощь, но под ним провалилась гнилая доска, и он сломал ногу. К его ужасному воплю добавился крик господина прокурора, которому пламя на его парике обожгло щеку. Он тотчас сорвал его с головы и отбросил далеко в сторону. Подобно огненной комете на летнем небе, судейский парик описал в воздухе изящную дугу и упал на маленький дворик. Его ограда из кольев и накопившийся на нем сухой мусор сразу же вспыхнули, за ними полыхнула драночная крыша соседней лачуги, и ее обитатели едва успели выскочить наружу и, прыгнув вниз, оказались в сугробе на улице Су-ле-Фор.

Стоящие на лестницах полицейские стражники, держащие факелы и вооруженные алебардами, застыли в нерешительности, не зная, куда бежать: то ли вниз, чтобы потушить очаг пожара, то ли вверх – на помощь вопящим во все горло прокурору и секретарю суда.

– Помогите мне вынести отсюда господина Карбонеля, – несколько раз повторила Анжелика, обращаясь к мужу Беранжер.

Но тот в ошолоблении смотрел на бушующее под ним пламя пожара, так часто снившееся ему в ночных кошмарах.

Наконец командующий полицейскими сержант явил хладнокровие. Приказав затушить факелы в снегу –

было достаточно светло и так, – он, взяв с собою двух человек, полез наверх, чтобы спустить вниз секретаря суда, а остальных своих подчиненных послал на помощь обитателям квартала. Из каждой дощатой или бревенчатой хибары, уже занявшейся или находящейся рядом с очагом пламени, с криками выбегали жители, пытаясь спасти хоть что-то из своего имущества: какую-то убогую одежонку, котел, шкатулку с ценностями. Вопрос о том, чтобы потушить пожар, уже не стоял.

– Помогите детям и старикам! – крикнул сержант. – Унесите их...

Ветер отнес несколько пучков горячей соломы в сторону, и они упали на задний двор таверны «Французский Корабль». К хозяйке тотчас прибежал слуга и сообщил, что загорелись пустые бочки, стоящие перед складом.

– Мои бобровые шкурки! – вскричала Польша, бросаясь к очагу огня. – Мебель... мой дом...

Жители соседних домов попытались кирками разбить лед у берега, чтобы добраться до воды. К уже имевшейся проруби подтащили волокушу с бочкой в надежде набрать воды, но от недавних морозов прорубь замерзла.

– Колодцы!

Из домов, в которых имелись внутренние колодцы, выбегали мужчины и женщины с ведрами, в которых плескалась вода.

– Ведра!

Ведер на всех не хватало. Кожаные ведра, запасенные на случай пожара, хранились на старом королевском складе, ключ от которого был то ли у секретаря канцелярии суда Карбонеля, то ли у прокурора.

– Топоры!

Топоры тоже были там. Кто-то закричал, что надо бежать в канцелярию суда. Никто еще не знал, что

прокурор, с обожженной щекой, и секретарь канцелярии суда, со сломанной ногой, находятся здесь же, в Нижнем городе. На заднем дворе «Французского Корабля» слугам наконец удалось потушить очаг возгорания.

Но квартал Су-ле-Фор пылал, огонь, гудя и треща, жадно пожирал его домишки. Поднявшийся ветер разносил огненных змеев, и никто уже не мог предположить, куда они упадут и где возникнут новые очаги пожара.

Нижний город был обречен сгореть дотла.

Полька, с перепачканным сажей лицом, вбежала в большой зал таверны, где Анжелика помогала полицейским уложить стонущего секретаря канцелярии суда на деревянную скамью.

- Он зовет тебя! - крикнула она Анжелике. -
Слышишь - он тебя зовет!

- Кто?

- Красный Плут! Он остался там!

Анжелика выбежала на порог. Огонь добрался до халупы Красного Плута, последней, самой верхней в нагромождении лачуг квартала Су-ле-Фор. Анжелика увидела его, он стоял на уступе скалы, освещенный гигантскими языками пламени, которые, скручиваясь, поднимались до его ног. Он обеими руками прижимал к груди большую книгу Тота, написанную на пергаменте и переплетенную в кожу, и, окруженный огнем, спокойно смотрел на черное, усыпанное звездами небо.

Полька упала на колени у ног Анжелики.

- Скажи ему, чтобы он остановил огонь! - вскричала она. - Он один может это сделать. Скажи, чтобы он отвел от нас это бедствие! Скажи ему, скажи! Он послушает только тебя! Христом Богом молю!

Сваи основания хижины колдуна затрещали, крыша ее обвалилась внутрь, фасад накренился. Над Красным Плутом словно возник портик из огня. Из толпы раздались крики, и все инстинктивно попятилось к реке.

Хижина рухнула вниз.

В гигантском снопе искр исчезли и Красный Плут, и его эскимос, и его проклятые папой книги.

Но, рухнув со скалы, лачуга колдуна увлекла за собою огромный поток грязи, камней и льда, и эта лавина в громком шипении пара потушила гигантский костер, разгоревшийся внизу.

Несколько мгновений продолжалась титаническая борьба стихий: оползень боролся с огнем. Затем последние языки красного пламени, пытающиеся вырваться из возникшего хаоса, были затушены обрушившейся на них массой снега, который на лету превратился в воду. Вновь наступила темнота. Позднее стало известно, что вся трагедия длилась лишь двадцать минут.

Поднимающиеся с пожарища облака густого зловонного дыма в конце концов обеспокоили обитателей стоящего на скале замка Сен-Луи. Губернатор, офицеры гарнизона, лакеи и поварята выбежали на террасу.

Солдаты охраны господина де Фронтенака бросились в Нижний город с криками «Пожар!». На колокольне собора ударили в набат.

Солдаты взломали дверь старого королевского склада и, быстро похватав кожаные ведра, топоры, железные крючья и приставные лесенки, выбежали на площадь возле бухты Кюль-де-Сак, перед таверной «Французский Корабль», где неподвижно стояла чудом уцелевшая ошеломленная и притихшая толпа. Люди кашляли и плевались, а сверху на них падал дождь из пепла.

– Что же потушило пожар? – спрашивали в толпе.

– Колдовство! – отвечали очевидцы.

* * *

Прокурор категорически отказался принять от госпожи де Пейрак какое-либо лекарство для своей обожженной щеки, хотя его жена несколько раз просила ее помочь.

От этого ожога у него остался шрам, который, хотя и убавил ему красоты, по непонятной причине придал ему более умный вид.

Жалели его немногие.

- Ну что, вы довольны? - раздраженно говорили ему. - Очистили наконец ваш квартал Су-ле-Фор?

Было отмечено, что стоявший выше его в служебной иерархии Гарро д'Антремон отнюдь не осыпал его комплиментами. На всегда угрюмой физиономии начальника полиции даже было замечено чуть уловимое довольство. Самомнение молодого прокурора и его непомерное служебное рвение нередко раздражали господина д'Антремона.

- Он захотел стать маленьким здешним Ла Рейни. Как известно, господин де Ла Рейни лично возглавил атаку сил правопорядка на предместье Сен-Дени, которая рассеяла последние преступные элементы Двора Чудес. Но Квебек - это вам не Париж!

Эта история еще долго преследовала Ноэля Тардые де Лаводьера.

Тем забывчивым, которые при встрече с ним справлялись, отчего он так мрачен и что его гнетет, говоря это тем же смущенным и испуганным тоном, которым англичане, сжегшие на костре Жанну д'Арк, должно быть, потом кричали: «Мы сожгли святую!» - он уверенно отвечал:

- Я сжег колдуна!

Часть десятая
Посланец отца д'Оржеваля

Глава I

Жители Квебека, уставшие от придирок, которыми их изводили власти, на время могли вздохнуть свободно. По утрам шестеро ловких крепких парней относили недовольно ворчащего Карбонеля в канцелярию суда. Его осыпали шутками, он же отвечал на них стоическим угрюмым молчанием. Нет, никто не смеялся над его сломанной ногой – потешались над его начальником прокурором. Он всю зиму всех допекал своими страхами перед пожаром – всю плешь проел с уборкой чердаков и крыш и чисткой дымоходов, – а потом взял да и сам стал поджигателем, зажег пожар собственной рукой. Николя Карбонель не мог этого отрицать, ведь он своими глазами видел, как прокурор швырнул свой объятый пламенем парик на драночные крыши лачуг квартала Су-ле-Фор.

Сам секретарь предпочитал об этом помалкивать, но было достаточно и других очевидцев. Жест прокурора видели и те, кто стоял внизу, и те, кто наблюдал за происходящим сверху.

В город просочились слухи о грандиозном скандале, разразившемся в молодом семействе Тардые де Лаводьер.

– Вы сделали меня посмешищем всего города! – вне себя от ярости кричала Беранжер. – Или паршивой овцой, которую все с удовольствием винят в пожаре. От меня либо отворачиваются, либо смеются мне в лицо. И в этом, сударь, виноваты вы. Я знала, что вы глупы, но не до такой же степени!.. Как вам только взбрело в голову отправиться на полицейскую операцию в мантии и парике, да еще в вечерний час, когда для освещения нужны факелы?

- Я устал повторять вам, что огонь занялся не от факелов! - орал Ноэль Тардые де Лаводьер. - В эти грязные притоны не проникает свет дня, там вечно темно! Мой парик задел за рыльце горячей масляной лампы.

- Но зачем вас понесло в этот притон? И я снова повторяю: почему вы явились туда именно вечером?

Он молчал, с мрачным видом щупая повязку на своей обожженной щеке.

- А я вам скажу почему. Потому что ваши шпионы вам донесли, что в этот час там находится госпожа де Пейрак. И вы решили застать ее врасплох - молчите! - и вместе с колдуном арестовать также и ее, чтобы разжечь старый спор о том, что она-де тоже колдунья, - нет, дайте мне сказать! - и все это лишь для того, чтобы, навредив ей, тем самым ранить человека, на которого вы не осмеливаетесь напасть в открытую, - господина де Пейрака.

- Человека, с которым вы бесстыдно крутите роман, сударыня! - побелев от гнева, вскричал Ноэль Тардые. - По его милости я ношу рога!

- Увы, нет! В этом-то все и несчастье! - отвечала Беранжер-Эме, воздев к небесам свои гибкие руки трагической актрисы. - Да, увы! Между нами ничего не было. Вы, сударь, не рогоносец, и поверьте, я об этом глубоко сожалею. Но я свою партию еще не закончила... И если мне удастся добиться своего, это будет моя месть вам.

* * *

После того как буря разрушила лачугу Банистера, а сам Банистер признался Анжелике, что хранит в своем погребке золото, граф де Пейрак приказал построить на ее месте небольшой бревенчатый бастион, который

будет охранять дом Вильдавре. Там днем и ночью несли караул его люди. Их бдительность дополнялась присутствием глупой собаки, которая могла своими беспорядочными прыжками предупредить обитателей дома о начале пожара.

Но все чувствовали, что, после того как пламя пожрало квартал Су-ле-Фор, духи огня обессилели и в этом году уже не восстановят своих сил. Достаточно было посмотреть на собаку Банистера, мирно спящую под печкой для выпекания хлеба, чтобы понять, что бояться пожара больше не стоит.

Анжелика рассказала мужу о предостережении епископа и о том, что сказал ей по этому поводу колдун во время ее визита, который был так трагически прерван.

Теперь, когда Красный Плут погиб и его провидческий дар им уже не поможет, будет трудно узнать, кто явится в следующем месяце, чтобы передать епископу разоблачительные документы.

- Мы должны быть благодарны его преосвященству за неизменную дружбу, и мы просто обязаны избавить его от мук совести, которые он испытал бы из-за дружеского расположения к нам, если бы получил эти документы, - сказала Анжелика Жоффрею, передав ему свой разговор с монсеньором де Лавалем.

Надо было хорошенько обдумать предположение колдуна, который, отталкиваясь от слов епископа, что бумаги поступят к нему в апреле, рассудил, что посланец отца д'Оржеваля может встретиться с курьером из Европы в одном из южных портов, - вероятно, этот посланец достаточно храбр, чтобы отправиться в путь по низовьям реки Святого Лаврентия, которые зимой были почти непроходимы. Но нельзя было исключать, что бумаги все же находятся в самом Квебеке, в руках кого-то из друзей отца д'Оржеваля, и

он отдаст их епископу, как только наступит срок, предписанный иезуитом.

- Может быть, это отец Геранд, который был его помощником в Акадии? - предположила Анжелика. - Он настроен к нам так враждебно.

- Я поговорю с Мобежем, - сказал граф.

Но первое известие пришло к ним, откуда никто не ждал, - от папаши Лубетта.

Этот старик, прикованный к своему убогому ложу, был в курсе всех событий, потому что навещать его приходили многие. То, что ему рассказывали, он раскладывал по полочкам своей памяти, так что получалась целостная картина.

Старые друзья-трапперы, которые были моложе его, всегда навещали его, когда им случалось заглянуть в Квебек, и каждый день к нему приходили дамы из братства Святого Семейства. И те и другие были хорошим источником новостей.

Он не доверял церковникам, потому что они говорили только то, что хотели сказать.

После того как в первую неделю их пребывания в Квебеке Вильдавре привел Анжелику к старику и представил их друг другу, она продолжала навещать Пьера Лубетта, но он еще долго подозревал, что она ходит к нему только затем, чтобы по наущению маркиза потихоньку стащить у него любимую трубку из красного камня или же каким-то образом лишить его дубового резного буфета, на который маркиз тоже точил зубы.

Но мало-помалу он привык к ней, стал доверять и рассказывать истории из своего прошлого, потому что понял, что они и в самом деле ей интересны.

- Я принесла вам табака, - сказала Анжелика, навещая его в очередной раз.

- Я не могу больше курить.

- Вы можете жевать его или нюхать, это улучшает состояние телесных жидкостей.

Благодаря ее снадобьям он стал меньше кашлять. И теперь время от времени, когда она приходила, он все-таки курил, набивая трубку подаренным виргинским табаком.

- Вы мне нравитесь, - объявил он ей как-то раз. - Поэтому я вам скажу, куда отправился Пасифик Жюссеран.

- А кто это - Пасифик Жюссеран?

Старик оперся спиной на подушки и сделал несколько затяжек.

- Доверенный человек отца д'Оржевала.

Анжелика насторожилась и села у изголовья старика. Она догадалась, что сейчас узнает что-то важное.

Доверенными людьми миссионеров-иезуитов были миряне, которые служили им, не давая религиозных обетов, но многим при этом жертвуя. Они заключали с миссионерами контракт, по которому обязывались отдать им всего себя на несколько лет или на всю жизнь, не получая при этом никакого жалованья. Они работали на иезуитские миссии, а миссии обеспечивали их всем необходимым. Их служение дополняло работу братьев-терциариев или помощников иезуитов, но доверенные люди имели перед теми то преимущество, что могли защищать миссионеров с помощью мушкетов и аркебуз.

В этом имени - Пасифик Жюссеран - Анжелике почудилось что-то знакомое.

- Да вы его знаете, - сказал старик Лубетт. - Вы вылечили его от снежной слепоты прошлой зимой в вашем форте Вапассу.

Теперь она вспомнила. В разгар зимы, обутый в снегоступы, он в сопровождении индейца явился в форт, принеся графу де Ломени-Шамбору письмо от отца д'Оржевала. Во время похода отражавшиеся от снега лучи солнца так обожгли его глаза, что он ослеп.

Анжелика лечила его отваром из молодых сосновых иголок. Жюссеран был еще молод, но замкнут, нелюдим. Всецело преданный отцу д'Оржевалю, он, как и его хозяин-миссионер, был настроен против обитателей Вапассу и до конца своего пребывания в форте так и не изменил настороженного отношения.

- Он отправился на юг, к берегам, где море не замерзает всю зиму, так что в гавани могут заходить суда. Может, он пошел в Пентагоет, а может, еще южнее, в Новую Англию. Там, в порту, он встретится с курьером из Франции, который передаст ему кое-что от имени отца д'Оржеваля. Кое-что худое для вас и вашего мужа.

- Откуда вы это знаете?

- Он заходил ко мне перед тем, как отбыть. Когда-то и я, как он, служил миссионерам, и мы с ним побывали во многих переделках. Он родился на острове Орлеан, и у него есть там участок земли. Но он его давно забросил, чтобы полностью отдать себя в распоряжение отца д'Оржеваля. Он отправился в путь еще летом.

- А когда он должен вернуться?

- Наверяд ли он доберется до Квебека раньше, чем сойдет снег. Предположим, что корабль, на котором должен прибыть курьер, приплыл в Америку в январе. Зимой океанские плавания редки, но голландцы и англичане рискуют плавать и в это время года, потому что у берегов их колоний океан не замерзает. Отец д'Оржеваль поддерживал с кем-то там связи и, будучи в Акадии, этим путем получал и посылал всякие письма, причем нередко они доставлялись быстрее, чем с курьерами, которые прибывали в Новую Францию.

- Что же в принесенных им бумагах может причинить нам вред?

- Об этом я ничего не знаю. Но Пасифик утверждал, что если эта бомба взорвется, то вы, чужаки и враги иезуита, которому он служит, будете стерты в порошок.

Я сказал ему, что он, никак, спятил, если лезет в такие дела. Но он всегда был немного не в своем уме. Абенаки дали ему имя Упрямый Лось, а те, кто его недолюбливал, звали его Безумный Лось. Достаточно иезуиту посмотреть ему в глаза, и он готов босиком бежать по горящим угольям.

После откровений старика Лубетта вечером в доме Вильдавре был собран совет, в котором участвовали Барсампюи, д'Юрвиль, Пиксарет, Элуа Маколле и Никэз Эртебиз. Все они хорошо знали слугу отца д'Оржеваля.

В своих рассуждениях Красный Плут оказался прав.

Но рискнет ли Пасифик Жюссеран, дождавшись у незамерзающего моря своей «бомбы», в разгар зимы отправиться обратно на север? Даже для человека опытного и фанатичного пройти по безлюдной ледяной пустыне сто или двести лье трудно, более того, смертельно опасно. Его может застигнуть буря, и тогда ему надо будет вырыть себе нору в снегу. Он может сбиться с пути, и тогда, после того как у него кончатся запасы провизии – индейского пеммикана, он неминуемо погибнет. Или же не выдержит жестоких морозов и замерзнет, превратившись в лед. И вряд ли в это время года какой-то индеец согласится его сопровождать.

Жоффрей де Пейрак заметил, что и для корабля, будь он французский или чужеземный, нелегко зимой подойти к берегам Мэна или зайти в один из портов полуостровной Акадии: Пор-Руаяль или Ла-Эв.

Даже если море там и не замерзает, на берегах его лежит снег. Оно яростно бушует, и нередко в нем попадаются плавучие льдины.

Но Пасифик Жюссеран все же может добраться до Квебека. Надо постоянно быть начеку и постараться его перехватить.

В этот вечер Пиксарет не произнес ни слова. После возвращения из окрестностей Лоретты, где он советовался с шаманом, который толковал сны, вождь

сильно изменился и стал рассеянным. Скрестив ноги, он сидел на полу, куря трубку. Он выкурил уже по меньшей мере два фунта своего табака, так что даже у привычных мужчин от споров в этом густом табачном дыму саднило горло, а веки воспалялись и краснели. Совет завершился в плотном тумане, вызывавшем легкие галлюцинации. Собственно, табак Пиксарета табаком как таковым и не являлся, это было другое растение, которое называли травой королевы и из которого изготавливали успокоительные порошки. Жоффрей де Пейрак курил сигару из виргинского табака, граф д'Юрвиль - тоже, остальные курили трубки, вырезанные из камня или пемзы, и это никому не мешало, кроме Анжелики, которой к концу собрания делалось совсем худо, так что она уже не могла сказать ни слова. Ей казалось, что она плывет на этих голубоватых облаках, в которых она ясно видела одного лишь Пиксарета, а тот все курил и курил с неослабевающим упорством, но взгляд его был непроницаем, и по временам он смотрел на нее так, словно видел сквозь нее что-то удивительное.

Эта история с Пасификом Жюссераном омрачила ее настроение. За спиной того, кого называли Упрямым Лосем, стояла фигура иезуита, которого Пиксарет так долго сопровождал во всех походах. Этого крещеного индейца явно не беспокоило ожесточение, с которым отец д'Оржеваль, даже покинув Квебек, продолжал борьбу с нею и с ее мужем. Ему пришлось отправиться в земли ирокезов, но он успел подготовить свой последний брандер, и теперь этот набитый порохом и смолой и готовый взорваться кораблик двигался в их сторону через белую пустыню Канады.

Когда Анжелике уже показалось, что связь между нею и индейцем потеряна и что по каким-то неведомым ей причинам они начинают отдаляться друг от друга,

его лицо вдруг озарило веселье. Крайне довольный, он вдруг вскричал: «Эврика! Я знаю, что делать».

И лукаво ей подмигнул.

Но по какой дороге придет Пасифик Жюссеран?

С какой стороны он попытается войти в город?

По словам Элуа Маколле, у него был небольшой участок земли на косе Леви, где он построил дом, и можно предположить, что, вернувшись с юга, он первым делом остановится там. Он наверняка не знает, что отец д'Оржеваль больше не живет в Квебеке.

Старый траппер решил навестить своего сына и невестку и попросить их последить за жилищем Пасифика Жюссерана, которое как раз находилось по соседству.

Попытка примирения с родней, которую старый упрямец предпринял на Рождество, закончилась провалом. Его толстый и неповоротливый сын, которому было уже под сорок, умелый кожевник, но человек апатичный, неразговорчивый, никогда не питал к отцу, на которого он был нисколько не похож, особого расположения, а невестка, та вообще была готова сжить свекра со свету. На ферме верховодила она.

Чтобы доставить удовольствие матушке Буржуа, Маколле отправился на косу Леви, чтобы встретить с ними Рождество. Придя вместе с сыном и невесткой на полночную мессу в маленькую приходскую часовню, он встретил там одну вдовушку, свою старую приятельницу, у которой были две привлекательные дочки, и, поддавшись на ее уговоры, остался у них на праздничный рождественский ужин. Когда он пришел домой на следующий день, его раздосадованная невестка отказалась впустить его в дом. Затем их отношения обострились еще больше, когда одна из дочек вдовы вдруг забеременела, не будучи замужем, и Сидони Маколле распространила слух, что это проделки

ее свекра. Элуа Маколле только пожимал плечами: «Да я ведь ухаживаю за мамашей».

Сейчас Маколле просто отмахнулся от этого неприятного воспоминания:

- Что поделаешь, пускай кричит. Ох уж эта мне Сидони! Ей придется сделать, что я скажу. Не могу же я все время сидеть и караулить Пасифика там, когда он вполне может явиться и с другой стороны.

Он отправился на Леви, поскандалил с невесткой, побродил вокруг заваленного снегом дома Пасифика Жюссерана (дымок из трубы выдавал присутствие людей, посланных де Пейраком подстеречь хозяина) и, дав сыну и Сидони строжайшие указания следить за домом соседа, вернулся в Квебек.

Развернулась целая сеть наблюдения. Необходимо было по мере возможности помешать посланцу отца д'Оржеваля появиться в Квебеке. Если же он все-таки проникнет в город, то множество наблюдателей, знающих его в лицо, преградят ему путь и не дадут добраться до приемной епископа.

- А что, если он пойдет через подвалы? - предположил кто-то.

Тогда было установлено наблюдение за всеми домами, подвалы которых сообщались с подвалами семинарии.

Жюссеран не мог проскочить через такую частую сеть.

Несколько дней спустя напряжение спало. Прошел сильный снегопад, окончательно отрезавший город от остального мира. На двери белой снежной тюрьмы появился еще один замок. Охотники-алгонкины привели в монастырскую больницу своих обессиленных от холода стариков, а сами разбили стойбище неподалеку от города. У них больше не было сил охотиться. Для новой охоты нужно было снимать лагерь, а из-за чересчур мягкого и глубокого снега это было слишком сложно, к

тому же дичь теперь попадалась редко. Пошли разговоры о голоде.

Приближалась Пасха. На Пасху в Канаде никогда не цвели цветы.

В Страстную пятницу интендант Карлон, представляющий губернатора де Фронтенака, в сопровождении нескольких членов Высшего совета явился в монастырскую больницу, чтобы раздать бульон больным и омыть ноги бедным.

Это была трогательная церемония, уходящая своими корнями в эпоху первых христианских императоров и королей, которые раз в год по собственной воле преклоняли колена перед Царем Царей и теми, кого Он любил больше других: перед бедняками.

В эти последние дни Великого поста, когда участились злобные выходки и бессмысленные ссоры, спокойное, ровное поведение госпожи де Кастель-Морг служило для всех остальных поучительным уроком. Другим дамам из братства Святого Семейства, удрученным тем, что их моральный дух порой слабеет под грузом все нарастающего утомления, пришлось склониться перед той, которую прежде они заслуженно порицали.

- Сабина сущий ангел, - говорили они. - И откуда только она черпает силы?

На ее лице почти всегда играла чуть заметная улыбка, за которой скрывалась невыразимая радость. Иногда, оставшись одна в своей комнате в замке Сен-Луи, она брала в руки маленький золотой кубок, выполненный в форме раковины, которую поддерживали две чудесные фигурки: черепаха и ящерица, искусно изваянные из зеленого нефрита.

Любуясь этой восхитительной вещицей, целуя ее, держа ее в ладонях, прижимая золото к щеке, она и обретала ту силу, которой так завидовали ее

приятельницы, силу, которая отныне поможет ей преодолеть и пережить все.

Несколько дней спустя после того, что произошло между нею и графом де Пейраком, ей принесли эту безделушку, изготовленную итальянскими мастерами и очень ценную. Она лежала в кожаном, выложенном бархатом ларчике, там же Сабина нашла записку, гласящую: «Для госпожи де Кастель-Морг». Чернила, которыми была сделана надпись, были не свежие, а слегка выцветшие от времени.

Сабина пылко прижала подарок к груди, и на чистое вечное золото упали горячие слезы. Что мог означать этот жест? Какой смысл таился в маленьком итальянском кубке? Прощение? Прощание? В смирении своего сердца, она не смела сказать себе, что то была учтивая благодарность.

Она сохранила записку, то и дело смотрела на нее, целовала блистательную подпись, но затем, поняв, что так она только будит в душе пустые надежды и причиняет себе боль, сожгла.

Глава II

Наступил апрель. Наблюдение не прекращалось, но о посланце отца д'Оржеваля по-прежнему не было никаких вестей.

Имя Пасифика Жюссерана было упомянуто вновь, это подтвердило, что их предположения верны и он в самом деле является посланцем отца д'Оржеваля к епископу, имя это произнес человек, которого никто не чаял увидеть в Квебеке.

Пронизывающий ветер гнал снег, обнажая речной лед. Одна женщина из Нижнего города, следуя обычаю родной провинции, утром и вечером подметала порог своего дома, чтобы прогнать злых духов. Как-то утром она расстаралась и в довершение своей обычной работы вылила на снег возле порога большое ведро воды. Проходя мимо, маркиз де Вильдавре поскользнулся на этой наледи, упал и не смог встать.

Срочно вызванная Анжелика обнаружила маркиза в таверне «Французский Корабль» в окружении многочисленных друзей, которых он созвал со всего города. В последние дни из-за страшного гололеда передвигаться по городским улицам было нелегко, однако в таверне Жанины Гонфарель тотчас собралась такая внушительная толпа, что Анжелике пришлось признать: когда маркиз говорил, что его все любят и у него полно друзей, он нисколько не прихвастнул и не покривил душой.

Тут были все, включая лучшего друга Вильдавре – начальника гражданской и уголовной полиции Гарро д'Антремона.

Маркиз набросился на него с упреками:

– Видите, что происходит из-за того, что вы не следите за соблюдением ваших распоряжений, и людей

сбивают с ног всякие озорники, несущиеся на самодельных санях.

- Так вас сбили?

- Нет! Но вполне могли сбить.

Акадийцы тесно обступили своего губернатора.

Но при появлении Анжелики толпа расступилась; на всех лицах было написано такое почтение и такая безграничная вера, словно она могла одним взмахом волшебной палочки поднять маркиза де Вильдавре на ноги.

После визита в апартаменты начальника полиции в здании суда, где она видела книгу «Молот ведьм», эту библию инквизиторов, предназначенную для разоблачения всякого рода магов, чародеев и колдуний, у Анжелики осталось смутное впечатление, что полицейский вызвал ее из-за того, что она лечила людей как целительница-знахарка. А потому, увидев у изголовья Вильдавре Гарро д'Антремона, она почувствовала досаду.

- Вы позволите мне лечить его, господин начальник полиции? - резко спросила она.

- Ну конечно! Почему нет? Напротив, - пролепетал д'Антремон, удивленный и самим вопросом, и тем тоном, которым он был задан.

В этот момент Анжелика вспомнила, что «Молот ведьм» оказался на письменном столе начальника полиции совсем по другому поводу и что причина ее вызова к нему тоже была совсем иной.

Но теперь заглаживать бестактность было уже слишком поздно. Бедняга Гарро был весьма озадачен, он не понимал, отчего госпожа де Пейрак вдруг проявила такую враждебность. Он питал глубокое уважение к этой женщине, не остался он равнодушен и к ее удивительной красоте. И кажется, он достаточно ясно дал ей это понять. Конечно, он убежден, что она лгала ему, когда отвечала на его вопросы о Варанже; вся эта

шайка гасконцев – отъявленные авантюристы и морские разбойники, для которых закон не писан. Но это к делу не относится.

– Вы его огорчили, – печально заметил Вильдавре – И какая муха вас укусила? О моя дорогая, я так страдаю! Я наверняка сломал лодыжку.

Но оказалось, что он ее только вывихнул.

После осмотра, во время которого Вильдавре стонал, плакал и то и дело хватался за протянутые руки друзей, которые хотели таким образом вдохнуть в него мужество и силы, так необходимые в эти тяжкие минуты, Анжелика уверила маркиза, что все его кости целы.

Однако ему прописали две-три недели полного покоя, ногу пришлось туго перебинтовать и поднять на подушку, будто у него подагра.

– Я останусь в таверне, – сказал Вильдавре. – Ведь здесь у меня всегда найдется компания. Вы не против, Жанина?

Убедившись, что у пациента нет переломов, Анжелика призналась себе, что она не слишком-то огорчена тем, что Вильдавре на какое-то время останется в Нижнем городе и будет при этом прикован к постели. У маркиза было чересчур любвеобильное сердце, и он любил пококотничать с дамами, хотя предпочтение отдавал отнюдь не им. Однако милая и умная Анжелика внушила ему такую страсть, что он забыл о своем пристрастии к молоденьким юношам, которого до недавних пор нисколько не скрывал. Когда ее не было рядом, он скучал. Как и Николя де Бардань, он разыскивал ее по всему Квебеку, а вдобавок к этому еще и влезал во все ее дела и требовал отчета о том, как она проводит время. В последнее время она говорила себе, что, если так пойдет и дальше, к концу зимы он сделается совершенно невыносим, и тогда ей придется

явить суровость и порвать с ним раз и навсегда, что будет для него сокрушительным ударом.

Сейчас, когда Вильдавре поневоле придется умерить свою неугомонность, она сможет видаться с ним, только когда сама этого захочет, и покидать его всякий раз, когда он будет ей надоедать.

Вильдавре был отнюдь не простаком и все понял. Он обвинил Анжелику в жестокости, но добавил, что обстоятельства вынуждают его смириться, ибо теперь, когда он беззащитен, она вполне может его бросить, отказавшись его лечить и отдав на растерзание этому мучителю – корабельному хирургу Рагно, который только называет себя врачом и который, попадись он, Вильдавре, ему в руки, наверняка сделает так, что он всю оставшуюся жизнь будет хромать.

– Ах, как мне нравится, когда ваша рука касается моей кожи! У вас такие ласковые пальцы.

Чтобы не лишаться хотя бы удовольствия от прикосновения ее нежных пальцев к своей больной лодыжке, он обещал, что будет вести себя благоразумно и пойдет на любые жертвы.

Его угнетало бездействие. Поскольку он больше не мог перемещаться туда, куда вели его чувства, в его сердце образовалась мучительная пустота.

Его духовник господин Дажнэ попробовал было читать ему вслух, но Вильдавре прогнал его. Чем дольше господин Дажнэ мозолил ему глаза, тем ярче становились его воспоминания о том, что он, духовник, которого маркиз назначил много лет назад, чтобы тот пекся о спасении его души, покинул его как раз тогда, когда он боролся с чудовищной женщиной-дьяволицей и с двадцатью четырьмя легионами демонов-мужчин.

Припомнив все свои злоключения, пережитые прошлым летом, маркиз почувствовал острую тоску по юному Александру де Рони, который сопровождал его в

начале его губернаторской поездки по Акадии, но по какому-то капризу отказался поплыть с ним в Квебек.

– О моя милая Анжелика! – взмолился он. – Говорят, что вы умеете призывать к себе людей силой мысли. Пожалуйста, заставьте вернуться ко мне моего Александра...

Два дня спустя Александр де Рони вошел в большой зал таверны «Французский Корабль». Поначалу никто не обратил внимания на путешественника с обмороженными и обожженными солнцем носом и скулами, но, когда он снял с себя меховые одежды и все узнали прекрасного эфеба с чувственными губами, о котором все время вспоминал маркиз, последовал настоящий взрыв радости.

Даже мысль о том, что можно добраться сюда из Акадии в это время года, казалась безумной, однако он был здесь. Александр принес новости с побережья Мэна, Акадии и Французского залива и тем самым пробил брешь в доселе неприступном кольце крепостных стен зимы.

Сияющий маркиз благодарил Анжелику за то, что она использовала свои сверхъестественные способности, но она уверила его, что она здесь ни при чем. Молодой человек никак не мог добраться из Акадии до Квебека за два дня, стало быть, он должен был пуститься в путь по крайней мере несколько недель, а то и месяцев назад.

Она усадила его на табурет и смазала бальзамом обмороженные участки кожи на лице. Затем ласково взъерошила его светлые волосы. Этот милый храбрец был из той же породы, что и Филипп дю Плесси-Бельер, который с четырнадцати лет, в кружевном воротнике, много раз принимал участие в битвах по всей Европе.

Преодолев крутые пороги бурных рек Акадии и совершив опасное путешествие посреди зимы,

Александр стал более разговорчивым и менее высокомерным.

Он рассказал, что в ряде районов, через которые он прошел, все жители вымерли, и когда он, утомленный долгими переходами, подходил к маленьким становищам индейцев, думая, что теперь-то он спасен, и заходил в типи или вигвамы, то находил там одних мертвецов. Все их обитатели погибли от голода или холода. Некоторые так и замерзли, сидя перед давно погасшим очагом, все еще держа в руке трубку, задубевшие мумии, припорошенные снегом, который проник внутрь через щели в этих убогих жилищах из коры или шкур.

- Какое безумие! - вздыхал маркиз. - Ты не должен был пускаться в эту одиссею даже ради того, чтобы увидеть меня.

Александр пожал плечами. Ведь он не один такой. Были и другие, рискнувшие отправиться в путь через огромную белую пустыню.

Тут он и произнес имя Пасифика Жюссерана, доверенного человека отца д'Оржеваля, которого он встретил в миссии Святого Франциска на земле абенаков. Тот, как и он, направлялся из Мэна в Квебек.

Пасифик Жюссеран, похоже, проделал немало тяжелых переходов. Казалось, что силы его на исходе, но он горел желанием продолжить путь. Он остановился в миссии на несколько дней, чтобы обзавестись новой парой снегоступов, но, не найдя ничего подходящего, решил задержаться и изготовить их сам. Он носил с собою сумку, с которой никогда не расставался, даже ночью. Индеец, который сопровождал его до миссии, отказался идти с ним дальше. Пасифик Жюссеран долго наблюдал за Александром в общем зале фактории, куда абенаки приносили шкурки пушных зверей, чтобы обменять их на французские товары. Путешественники и трапперы могли найти там пристанище на несколько

дней. Затем, взяв свою миску с маисовой кашей и кружку пива, Жюссеран сел рядом с юношей на скамью за общий длинный стол, сказал, что узнал его, и предложил закончить путешествие вдвоем. Он знал, что Александр держит путь в Квебек, и заверил, что знает самые короткие тропы, так что вместе они быстрее доберутся до цели. А кроме того, в это время года опасно путешествовать в одиночку.

Сделав вид, что он в восторге от этого предложения, Александр сказал, что охотно принимает его. Но утром, пока Жюссеран, как всегда, помогал миссионеру-иезуиту служить мессу, ибо был маниакально набожен, молодой человек покинул факторию и пошел по своей тропе. Он всегда путешествовал один, опасаясь предательства попутчика.

- На этот раз твой дух противоречия тебя спас, - сказал Вильдавре. - Я уверен, что он собирался тебя убить или того хуже!

- Как бы то ни было, теперь он уже недалеко и может появиться со дня на день, - прикинул Элуа Маколле, когда Анжелика передала ему эту новость. - Думаю, он поступит вот как: придет на Леви, переночует в своем доме, а затем пересечет реку Святого Лаврентия у Квебека и почешет напрямик к епископу. Может, он вовсе и не подозревает, что его здесь ждут, а может, и догадывается, ведь чутье-то у него прямо-таки дьявольское... Потому-то он и хотел, чтобы молодой Александр пошел вместе с ним... он не мог позволить ему прийти в Квебек раньше и рассказать о его драгоценной сумке... И вполне может статься, что он убил бы парнишку... Ему случалось убивать и за меньшее. Он хитрая, коварная, недоверчивая скотина, признающая только одного хозяина и послушная этому хозяину даже на расстоянии.

Поставив этим своим предупреждением всех на ноги, так что многим стало чудиться, что за окном маячит

недоверчиво заглядывающая внутрь физиономия Пасифика Жюссерана, Элуа Маколле снова отправился на мыс Леви, чтобы призвать сына и невестку усилить бдительность.

Поскольку внимание немалого числа квебекцев было приковано к появлению Пасифика Жюссерана, они не заметили другого, менее очевидного и более опасного заговора – заговора сил природы, который созрел незаметно, втайне от всех. Первой его жертвой едва не стал Элуа Маколле.

Он возвращался с мыса Леви. Ночь была ясная, на небе сияла луна. Маколле пересекал реку у Квебека по дороге, отмеченной вехами, когда вдруг внезапное предчувствие заставило выбросить вперед свою палку и ударить ее железным наконечником по льду.

От испуга он остановился как вкопанный. На него смотрел змеиный глаз. Круглый, блестящий, отражающий в своем черном зрачке дрожащий свет далекой звезды, он завораживал, притягивал, манил в разверстую бездну... Вода...

Элуа не смел пошевелиться. Он бросил взгляд на простирающуюся вокруг него бескрайнюю белую равнину и осознал, что незаметно, неуловимо ледяная броня стала совсем хрупкой. Его уши наполнил чуть слышный шум трескающегося льда, подбирающийся все ближе, ближе. Дневное тепло одержало верх над ночными холодами. Начинался ледоход. Неподвижный человек на самой середине реки, ледяной покров которой трескался на глазах, поднял взгляд к усыпанному звездами небу.

– Святая Анна, спаси меня! – крикнул он.

Как ему удалось добраться до берега? Этого он не помнил. Ступив на твердую землю, он первым делом отправился в Верхний город, к резчику по дереву Ле Бассеру.

- Ты уже закончил заалтарное украшение церкви для прихода Бопре? Толкуют, что ты не несешь его к урсулинкам на золочение только потому, что жертвователи пока дали на это недостаточно денег. Я даю на золочение десять ливров. Я, конечно, нечестивец, но сегодня святая Анна, добрая матушка Пресвятой Девы Марии, спасла меня от смерти.

На следующий день, сопровождаемые бегущими мальчишками, под любопытными взглядами зевак различные части шедевра Ле Бассера: алтарный покров, ковчежец для мощей, купола, статуи и прочее - на носилках и резное основание и ступеньки на волокуше были доставлены в монастырь урсулинок, подобно тому как кондитерские изделия доставляют для выпекания в пекарню.

Как только монашки закончат их золотить, а река освободится ото льдов, заалтарное украшение будет перевезено в новый храм у подножия мыса Бурь.

Между тем река Святого Лаврентия испытывала жестокие муки ледохода. Огромный холодный змей пробуждался ото сна. Скоро он сбросит белую ледяную кожу, и среди ее обломков покажется новая кожа, водяная, темно-синяя с зеленым отливом.

За три дня и три ночи все переменялось.

Днем под яркими лучами солнца широкая ледяная долина начинала терять свою мраморную белизну, там и сям на ней появлялись большие потемневшие участки, где лед стал опасно хрупким, превращавшиеся затем в рваные раны, в которых темнела вода.

Ночами было слышно, как под напором приливов и отливов трещат и сталкиваются огромные ледяные поля, плывя сначала вверх по течению, потом вниз в усталом медленном бурлении белой лавы, в которой еще несколько недель, подобно спаривающимся чудовищам, будут налетать друг на друга и вздыбливаться мощные ледяные глыбы, чтобы затем рухнуть и поплыть в

водяном плетеном узоре, похожем на ячеи гигантского невода.

В эти недели ледохода река и льды погубили немало чересчур бесстрашных смельчаков. Поначалу никто не хотел отказываться от привычного способа переправы с одного берега реки на другой. С острова Орлеан, с косы Леви, с Кот-де-Бопре выезжали на санях на берег, окидывали взором коварный простор и с криком «Будь что будет!» выезжали на лед, чтобы затем звать на помощь с плота, холодного как смерть. Лошади бились в ледяной каше, потом уходили на дно, а сани, затрещав, как пустой орех, раздавливались льдинами и заканчивали свое существование плавающим на поверхности воды деревянным обломком.

На реке вновь появились лодки, их спускали на воду в первых образовавшихся полыньях. Их экипажи вытаскивали свои суденышки на ледяные поля, еще крепкие и широкие, волочили их по ним, и по реке неслись крики, как будто люди подбадривали лошадей, пытающихся вытащить из песка застрявший экипаж: «Раз-два, взяли! Раз-два, взяли! Смелее, ребята!»

Так все-таки, что лучше – сани или весельная лодка? Пока что трудно было решить. Надо было рисковать, пробуя и то и то.

Канадские поселенцы, накопившие за зиму сил, кидались в атаку на свою реку, громко бросая ей вызов, потому что теперь, когда она, как двуликий Янус, состояла из двух частей: воды и льда, пришла пора помериться с нею силами.

Однако зима мало-помалу ослабляла свою хватку. Земля еще была покрыта снегом, но на ветвях деревьев он уже растаял.

Остров Орлеан вновь обрел обычную темную масть со светло-рыжим оттенком у хребта, там, где росли пока еще лишенные листьев кленовые леса. Скоро по кленам

начнет подниматься сладкий сок, и настанет «сахарная пора».

Однажды утром к дому Вильдавре подошла какая-то женщина и принялась колотить по парадному входу дверным молотком. Напрасно ей кричали из окон второго этажа, чтобы она вошла со двора, – она не отступалась и оставалась на месте, меж двух атлантов со своими небесными глобусами, на которых мало-помалу таял накопившийся за зиму снег.

Чтобы впустить упрямую незнакомку, пришлось разбаррикадировать дверь, повернуть в замке ключ и отодвинуть задвижки и засовы.

Она представилась, и оказалось, что это не кто иной, как Сидони, раздражительная невестка Элуа Маколле.

– Он здесь, этот висельник? – с надменным видом осведомилась она.

Это была невысокая женщина с непроницаемым лицом, начисто лишённая присущей канадкам веселости, хотя и родилась в Новой Франции, в прекрасном поместье недалеко от Труа-Ривьер. Её отец, пекарь из окрестностей Ла-Рошели, эмигрировавший в Канаду в 1635 году вместе со своей молодой женой, получил от короля эти земли – сто арпанов по берегу реки и два лье в глубину – за заслуги перед короной, ибо он был торговцем пушниной, фермером, затем коммерсантом, затем, после назначения синдиков, управляющих новыми поселками, – компетентным синдиком.

Анжелика, зная все это и не забывшая, как Маргарита Буржуа вздыхала, говоря о «малышке Сидони», смотрела на нее с любопытством.

Сидони была бездетна, что наверняка ее раздражало в краю, где, как министр Кольбер подчеркивал в докладе королю о Новой Франции, «женщины рожают каждый год». Родившаяся в многочисленной и известной семье, она наверняка считала мезальянсом свой брак с

единственным сыном скромного арендатора и «королевской дочери», настолько давно оставленной своим мужем, что ее считали вдовой. Но зачем она выходила замуж без любви?

- Его видели, этого вашего хорька, Пасифика Жюссерана, - после краткого приветствия сказала она своему свекру. - Как вы и предполагали, он появился ночью, порыскал вокруг своего дома, но так и не вошел, поостерегся. А потом вдруг исчез.

- А кто его видел?

- Я, - отвечала она.

Ее засыпали вопросами, и она рассказала, что несколько ночей следила за домом, притаившись в кое-как подлатанном укрытии, которое в сезон используют для охоты на уток. Днем она посылала туда караулить мальчика, платя ему по несколько су. Короче говоря, однажды ночью она увидела, как посланец отца д'Оржеваля выходил из леса. Он пришел с юга и с трудом продвигался на своих снегоступах, проваливающихся в чересчур мягкий снег. Неподалеку от своего дома он остановился и принялся, но передумал входить и снова скрылся в лесу.

- Он опаслив, как лисица, - проворчал Маколле, надевая плащ и натягивая кожаные чулки. - Но чего он опасается? Что такого он с собою несет, если так боится, что у него это отберут? Может, он уже переправился через реку у Квебека? Нет, он не мог этого сделать, его бы заметили.

- А сегодня это опасно, как никогда, - сказала Сидони. - В реке сильные подводные течения, а лед так и норовит вас раздавить.

- А вы-то как добрались? - осведомился старик, бросая на нее пристальный взгляд из-под мохнатых бровей.

- На лодке старого Антуана, такого же сумасшедшего, как и вы. Хотя трудно сказать, плыли мы

или, как блохи, прыгали с одной льдины на другую.

- Вы могли бы так и утонуть, невестушка, - резко заметил Маколле.

- То-то вам было бы удовольствие, свекрушка, - таким же саркастическим тоном ответила она.

Анжелика хотела удержать ее, пригласив подкрепиться, но Сидони отказалась и пошла к двери, на ходу заворачиваясь в свои многочисленные шали. Ее белый чепец, завязанный под подбородком, не полностью прикрывал ее светло-русые волосы, в которых уже белела седина. А ведь ей, пожалуй, было лишь немногим больше тридцати пяти лет. Анжелика проводила ее до двери:

- Я рада познакомиться с вами, Сидони, и благодарю вас. Но разве вы не могли послать к нам старого Антуана, вместо того чтобы рисковать переправляться через реку самой? Ведь теперь это так опасно.

- Свекор велел мне ни с кем об этом деле не болтать, - сказала Сидони, показывая большим пальцем через плечо на Элуа Маколле. - Он сказал, что это должно остаться между нами. - Она смерила Анжелику жестким оценивающим взглядом. - Стало быть, вы и есть Дама Серебряного озера? Как же вам удалось удержать этого маленького старикашку от очередного бегства в леса?

- Он вовсе не маленький и совсем не старый, - возразила Анжелика, любившая своего Элуа. - И я не понимаю, почему вы хотите, чтобы он жил как старик. Он мужчина на редкость здоровый и крепкий, осенью он ножом убил одного из этих громадных серых медведей, которые так опасны. Он бы мог заткнуть за пояс многих молодых.

- О, это да! Например, этого своего сына, моего мужа. После случившегося на Рождество скандала, когда он заночевал у вдовы и двух ее дочек, вполне можно сказать, что он легко заткнет за пояс молодых

мужчин. – И она с горечью добавила: – С ним, по крайней мере, можно заиметь ребенка.

Глава III

В вечерней темноте на стене фруктового сада мадемуазель д'Уредан сидел высокий нескладный Пиксарет. Его взгляд был устремлен вдаль, на север.

С реки доносился треск ломающихся льдин. Луна еще не взошла. Небо было темно-голубым с металлическим отливом, такого насыщенного цвета, что голубыми казались и сияющие на нем звезды.

Одетый в свою толстую медвежью шкуру, голенастый Пиксарет напоминал цаплю.

Из чердачного окна за ним наблюдала служанка-англичанка Джесси. Она подумала о своих пропавших детях, и у нее защемило сердце, когда она вспомнила своего младшенького, младенца, которого во время нападения индеец, такой же абенак, как и этот, вырвал из ее объятий и разбил ему голову о дерево.

Ей захотелось почитать Библию. Ее пугали папистские мерзости, среди которых ей приходилось жить, и еще более пугало то, что она пристрастилась к французским любовным историям, которые читала своим гостям ее хозяйка.

Этажом ниже за индейцем наблюдала мадемуазель д'Уредан.

«Что с ним происходит? Чего он боится? Он нанес на лицо боевую раскраску. Но ведь в это время года ирокезы не нападают».

Она написала несколько строк, а когда подняла глаза, огромный, похожий на цаплю силуэт уже исчез.

Открыв глаза, Кантор увидел Пиксарета у своего изголовья, три орлиных пера, воткнутые в пучок волос на его голове, касались балок потолка небольшой комнаты, в которой спал подросток.

- Тот, кто несет беду, приближается, - прошептал индеец. - Выходи, только тихо, а я пойду за твоим братом.

И он исчез, как призрак. Кантор сел на кровати, ощупью нашел свои сапоги, натянул их и оделся.

Когда он бесшумными шагами проходил через зал на первом этаже, из сундука выскочил Элуа Маколле.

- Эй, там! - прошептал он. - Неужели этот краснокожий лис, обвешанный образками и четками, собирается выкинуть меня из дела, когда начинается вся потеха? Нет уж, дудки! Ведь это я поднял дичь...

Мадемуазель д'Уредан видела всех троих, когда они проходили мимо. Они принялись спускаться по Фабричной улице. На полдороге Пиксарет свернул на соседнюю улочку, сделав своим спутникам знак подождать.

- Эти скрытные индейцы так любят напустить туману, что порой так бы их и прибил, - раздраженно прошептал Элуа Маколле. - Но им нужно верить, потому что у них есть чутье. Это у них врожденное. Эка! Смотри, куда он залез.

Пиксарет крался по крыше ближайшего дома. Не потревожив лежащего на ней снега, не сломав ни единой сосульки на кровельном желобе, он подобрался к слуховому чердачному окну, затянутому промасленной бумагой, и поскребся в него.

Флоримон спал сном праведника, но жизнь в лесах сделала этот сон чутким. Он тут же резко сел на матрасе, набитом овсяной мякиной, на котором рядом с ним спала сговорчивая дочь галантерейщика. Она даже не открыла своих красивых голубых глаз. Когда в начале ночи он появился у ее окна, она не слишком ломалась. Быть может, завтра в исповедальне девица будет рыдать, но сейчас она спала глубоким сном, который бывает только в юности, и на ее свежем личике было написано блаженство.

Флоримон беззвучно встал. Может быть, это еще один поклонник его красоты, ведь она дарит свои милости направо и налево. Что ж, пикантная выйдет встреча.

Но вместо этого перед его глазами предстала размалеванная физиономия Пиксарета, закрывавшая освещенный луной небосвод.

Индеец сделал ему знак:

- Идем!

Встретившийся им на перекрестке Анн-Франсуа де Кастель-Морг, то ли прогуливавшийся в своей тоске по Анжелике, то ли, как и его друг, возвращавшийся с любовного свидания, напросился с ними.

- Куда мы идем и что тебе известно, вождь? - спросил Элуа Маколле, скосив глаза на абенака.

- Он приближается! Это все, что я знаю, - задумчиво отвечал Пиксарет. - Но он очень хитер. Для начала спустимся в порт.

Вся эта история явно его тревожила.

Они вышли на площадь на берегу бухты Кюль-де-Сак и увидели Жанину Гонфарель, которая через окно беседовала с каким-то индейцем.

- Мамаша, дай чуток водки, - умолял алгонкин.

- Какая я тебе мамаша, упаси меня бог, - ответствовала Жанина Гонфарель. - И тебе отлично известно, что епископ запретил давать спиртное дикарям.

Индеец вытащил из-под одеяла, в которое он был закутан, две шкурки отощавших пушных зверьков, которые попались в его ловушки, и Польша пошла в таверну, чтобы налить ему водки - так, всего четверть пинты, можно сказать, наперсток, так что епископ не придерется, хотя в тыквенной фляжке поместилось бы и полпинты, и он не терял надежды наполнить ее до краев.

Таким образом, рачительная трактирщица накопила полдюжины шкурок куницы, одну шкурку норки, одну лисью... В общем, всего ничего.

Теперь, когда у индейца больше не осталось пушнины, она сделалась неподкупной и непреклонной:

- Больше я тебе не налью, и не проси. Я не хочу, чтобы меня отлучили от церкви.

Со второго этажа за этой сценой с интересом наблюдал Александр де Рони, подошедший к окну, чтобы подышать свежим воздухом. Увидев двоих молодых людей, идущих по площади в сопровождении индейца и траппера, он спустился и вышел, чтобы присоединиться к ним.

- Если вы идете к реке, чтобы прыгать с льдины на льдину, то я с вами.

- Кого вы ищете? - спросила Полька.

Пиксарет с отвращением посмотрел на вскрывающуюся реку. Было слышно, как вода журчит подо льдом у мола: здесь ледяной панцирь был еще толст и крепок, но дальше бурлили сильные черные течения, несущие мириады поблескивающих под луной льдинок и льдин, которые сталкивались между собой с глухим стуком, подобным стуку сыплющейся гальки.

О том, чтобы дойти пешком до мыса Леви, уже не могло быть и речи, переправляться на лодке было тоже опасно.

- Мы ищем Пасифика Жюссерана, - тихо ответил Элуа Маколле.

- Так его еще никто тут не видал. Его бы сразу признали, хоть днем, хоть ночью.

Слонящийся неподалеку индеец снова подошел к окну трактира, где стояла вся компания:

- Мамаша, дай еще чуток водки, и я скажу, где сейчас человек, которого ты ищешь.

Когда она налила ему еще порцию, он сказал:

- Он на острове Орлеан.

Элуа Маколле сдвинул на затылок свою меховую шапку и ударил себя кулаком по оскальпированному лбу:

- На острове Орлеан! Ну как же я не догадался раньше? Ведь Пасифик Жюссеран там родился, и там, на северном берегу, все еще живет его мать. Она после нападения ирокезов пятнадцать лет назад отстроила заново свою ферму. Они с Пасификом тогда избежали резни, потому что в тот день уплыли в Квебек, чтобы сходить на исповедь.

Элуа вспомнил, что в этом чудесном спасении Пасифик увидел перст Божий, указующий на него. С этого дня он и решил посвятить себя служению Господу и миссионерам. Так отец д'Оржеваль и привязал его к себе.

Они посмотрели туда, где виднелась темная громада острова, эта огромная пробка, преграждавшая вход в гавань.

- Смотрите, лодка, - сказал кто-то.

Это была большая весельная шлюпка. Можно было наблюдать уже давно, может статься, даже несколько часов, как она то с трудом, преодолевая течения, медленно плывет по открытой воде, то экипаж тащит ее по большим льдинам.

- Неужто это он?

Но это было сомнительно. Если чутье заставило посланца отца д'Оржеваля затаиться на острове Орлеан, чтобы сбить возможных преследователей со следа, то осторожность не позволит ему явиться в Квебек через порт, даже ночью.

К группе присоединились господин Базиль и его приказчик Поль Ле Фолле. Из своего стоящего на берегу дома коммерсант видел плывущую через реку лодку и, понаблюдав за ней в свою подзорную трубу, решил одеться и натянуть сапоги, словно для возможной переправы на остров Орлеан.

Когда шлюпка коснулась мола, из нее вышли Мопертюи и его сын Пьер-Жозеф.

В шлюпке сидело несколько островитян, в том числе и молодой любовник колдуньи Гийметты.

Она послала их, чтобы передать, что Пасифик Жюссеран находится в доме своей матери, на северном берегу острова. За домом следят, но она думает, что этой ночью он попытается пересечь пролив между островом и Кот-де-Бопре. Там лед еще крепок, и у него может все получиться, потому что он хорошо знает реку и пролегающие по льду тропы.

Элуа Маколле решил вернуться в Верхний город и предупредить графа де Пейрака, чтобы он послал своих людей в Анж-Гардьен и Шато-Рише, дабы следить за берегом и перехватывать всех смельчаков, которые рискнут переправиться этой ночью. Вполне возможно, что такой храбрец будет только один и что это будет Пасифик.

Все остальные сядут в шлюпку и отправятся на остров в надежде перехватить Пасифика Жюссерана до того, как он начнет переходить пролив.

– Садись, Фолле, – сказал своему приказчику Базиль. – Твои услуги могут пригодиться.

Бедный парижанин, бывший когда-то обитателем Двора Чудес, бросил безнадежный взгляд на реку – это скопище льдин и опасных течений, которое рокотало под их ногами.

– Я отлично могу управиться с пером, стилетом, кинжалом, рапирой и удавкой, но, по мне, уж лучше драпать через весь Париж, когда за тобой по пятам гонятся легавые, чем скакать с льдины на льдину по этой твоей чертовой трещащей реке, Базиль. Ах, какой милашкой была наша Сена! Хочешь, незаметно сбрось в нее труп, хочешь, легко переплыви, ну просто добрая, славная подружка...

Но он все же сел в лодку.

Пиксарет, как и он, спустился в шлюпку, отнюдь не выказывая радости.

- Я обязан тому, кто меня крестил, - сказал он. - Надо постараться пощадить жизнь его верного слуги Упрямого Лося, потому что мы с Упрямым Лосем бок о бок сражались против еретиков.

Глава IV

В низком каменном доме на северном берегу острова Орлеан старая мать Пасифика Жюссерана смотрела на своего сына.

Она перестала прясть, подошла к двери и со скамейки, на которой стояли перевернутые ведра, взяла чугунный фонарь с тонкими роговыми окошками, в который можно вставить свечу и который не коптит. В его верхней части имеются отверстия, через которые уходит тепло. Старуха хочет его зажечь, но сын останавливает ее:

- Еще достаточно светло. Я не хочу, чтобы видели, как я выхожу из дома.

- Кто может тебя увидеть? Никому нет до нас никакого дела. Никто и не подозревает, что ты здесь, у меня. С тех пор как ты пришел, ты все время чего-то боишься.

- Они за мной следят... Я знаю, что они за мной следят. Они хотят помешать мне встретиться с епископом.

- Это твое долгое путешествие помutilo твой разум. Тебе везде мерещатся враги.

- Ты ничего не понимаешь. Знай прядешь свою шерсть, собираешь яблоки, делаешь сыры...

- Которые ты с таким удовольствием ешь.

Пасифик Жюссеран пожал плечами. Многие годы, проведенные им рядом с отцом д'Оржевалем, который умел читать мысли и видеть то, что происходит вдали, обострили его чувство опасности, а тесное общение с индейцами, видящими вещие сны и умеющими толковать предзнаменования, подарило ему звериное чутье, которым обладал каждый траппер, достойный этого звания. И сейчас он точно знал: за ним следят.

- ...Да, сыры, которые ты с удовольствием ешь, когда приходишь из своих долгих странствий, во время которых тебе часто нечего положить в рот, разве что пожевать кожаный ремень, - сердито продолжала старуха.

Он похлопал ее по плечу, чтобы успокоить. Лучше ей ничего не знать. Сидя рядом с этой спокойной работающей женщиной, он обретал такой душевный покой, какого не знал уже давным-давно. Женщины опасны, они приносят зло, только с матерью можно чувствовать себя спокойно.

Ей он казался отощавшим и больным, и ей даже захотелось его за это упрекнуть, как будто это была его вина. Он был последним оставшимся у нее сыном, и она хотела бы, чтобы он вернулся в Канаду и помогал ей на ферме или занялся своим участком на мысе Леви. Но потом она вспоминала, что это Бог спас их обоих от ирокезов, которые сняли бы с них скальпы и спалили бы их живьем. И тогда она целовала крест на своих четках и смирялась с судьбой.

Он спросил ее, знает ли она, где сейчас отец д'Оржеваль. Он в Квебеке? Она ответила, что ей нет никакого дела до того, что происходит на «материке». Она, в своем белом чепце бретонской крестьянки, была типичной жительницей острова Орлеан.

Она накинула на плечи одеяло, такое же, как те, которые за пушнину продавали индейцам, - красное, с черной каймой, - и завернулась в него, как индианки. Когда пятнадцать лет назад пришли ирокезы, она потеряла все, что нажила, и ей пришлось заново все отстраивать, снова распахивать землю, покупать скот, погашать займы, да еще и жертвовать на благотворительность. Ей помогали соседи, хотя поначалу и соседей-то не было. Уцелела лишь колдунья да несколько детей, которые во время набега собирали тимьян в горах.

Она хотела было проводить сына, но он отказался. Не хотел, чтобы его узнали, когда он выйдет на освещенный порог. Он покинет дом через лаз в погребе, ведущий в амбар. Он выберется оттуда ползком, прячась в дорожной колее, и быстро скроется в кленовом лесу, который спускается прямо к песчаному берегу. Он хотел было взять с собою мушкет, но в последнюю минуту передумал.

Он привязал снегоступы к плечам, убедился, что топорик и томагавк заткнуты за пояс, и, почувствовав себя словно рыцарь, облачившийся в доспехи, сделал последнее – повесил на плечо сумку на ремне, куда положил пакет, полученный от голландского моряка ненастным дождливым вечером. С каждым днем эта сумка казалась ему все более тяжелой, словно на ней лежало какое-то проклятие.

Луна была в зените, когда большая шлюпка достигла берега острова неподалеку от дома Гийметты.

Колдунья расхаживала там, где начинался лед, вместе со всеми своими домочадцами: девушкой с льняными волосами, детьми и индейцами. Здесь же были прекрасная Элеонора де Сен-Дамьен, ее сын от первого брака и ее очередной муж. Но уж она-то не будет перепрыгивать с льдины на льдину, как Гийметта. Хватит с нее этих игр!

Гийметта жадно вглядывалась в реку Святого Лаврентия с ее полыньями и вздыбившимися трещащими льдами.

– Пока ночами еще подмораживает, по ней еще можно пройти.

На ней были короткие, до середины икры, юбки, и она смазала свои индейские сапоги смолой. Если понадобится, сможет перескочить с одной льдины на другую.

– Если он меня увидит, то испугается. Он всегда меня боялся.

Житель верхней части острова, которого она поставила следить за домом матери Пасифика Жюссерана, послал сына сказать ей, что Пасифик собирается покинуть дом.

* * *

- Я пойду поговорю с ним, - сказал Пиксарет. - Мы с ним вместе сражались под знаменем отца д'Оржеваля. Он меня слушает.

Они разговаривали в кленовой роще на склоне холма. Было темно, только белел снег, и между стволами деревьев виднелся южный берег реки - Кот-де-Бопре, освещенный сияющей в зените луной.

Стояла такая тишина, что было слышно, как капает кленовый сок, стекающий по желобкам из бузины в чаши, вырезанные из стволов деревьев.

- Предатель! - прошептал Пасифик Жюссеран, узнав во мраке силуэт Пиксарета. - Я знал, что ты идешь за мной по пятам, чтобы помешать мне встретиться с епископом, как мне велел наш святой отец. Почему ты чинишь помехи моей миссии, Пиксарет, ведь ты человек благочестивый?

- Потому что ты защищаешь неправо дело. Ты несешь беду. То, что лежит в твоей сумке, смердит, как падаль. Я чувствую это зловоние, о нем меня предупредил и шаман. Отдай мне сумку и то, что в ней, и можешь идти к епископу.

- Я иду к нему только для того, чтобы передать ему то, что в сумке, и я никому не позволю ее у меня отнять. Ты не заставишь меня предать моего духовного наставника, как предал его ты, вождь нарангасетов, когда бросил его в Ньюхэвенике во время боя, чтобы уйти с белой женщиной.

- Не пытайся ни запутать меня, Упрямый Лось, ни унижить. Великий нарангасет знает, что ему делать. Он сам себе судья и сам выбирает свой путь. Он не такой, как вы, белые, он не ребенок, который держится за руку отца и который без этой руки не знает, что ему делать. Мы, Дети Утра, свободны.

Пасифик Жюссеран почувствовал, что индеец разозлился, и порадовался, что сумел задеть его за живое. Он всегда завидовал уважению, которое отец д'Оржеваль питал к Пиксарету.

- Я всегда знал, что рано или поздно ты его предашь! - с ненавистью прорычал он. - Где он? Если бы Квебек оставался ему верен, он должен был бы предупредить меня условным знаком, поставленным возле моего дома на Леви. Но я не увидел этого знака. И почувствовал ловушку... Я почуял, что в Квебеке его нет. Что с ним сделали? Что сделали с моим отцом?

- Он отправился в миссии на землях ирокезов, чтобы нести им Слово Божие.

- Проклятие! Его враги послали его на верную смерть, а его братья им в этом помогли... И теперь в святом граде царит эта развращенная, несущая пагубу женщина, и ты, Пиксарет, тоже не смог перед ней устоять.

- Ты забыл, что эта женщина вылечила тебя от слепоты.

- Она вылечила и ирокеза Уттаке, твоего злейшего врага и злейшего врага французов.

- И тем самым сохранила жизнь многим французам, потому что прошлым летом ирокезы не напали.

- Ты говоришь, как женщина. Ты, великий абенак! Тьфу! Мы можем спасти свои души, только уничтожая врагов Добра.

- Ты помешался, Упрямый Лось, у тебя в мозгах все перепуталось. Не дело, когда Добро борется с Добром, а

когда Добро на благодеяния отвечает мщением, оно превращается во Зло.

- Уж не хочешь ли ты сказать, что наш пресвятой отец совершил Зло?

- Я не знаю, какой демон завладел разумом нашего пресвятого отца, но я не хочу, чтобы ты, друг мой, стал жертвой его безумия.

- Ты богохульствуешь! - в ужасе пробормотал Пасифик Жюссеран. - Как ты можешь говорить такое о НЕМ? Ведь ты сам был свидетелем его чудес и его великой добродетели.

- Даже самый мудрый и самый добродетельный человек может в один прекрасный день стать жертвой демонов. Потому что сказано: «Бодрствуйте! Ибо не знаете ни дня, ни часа». Может быть, он не бодрствовал и недостаточно бдительно следил за своими мыслями и своим сердцем?

- Проклятие! - вскричал посланец отца д'Оржеваля. - Ты покинул его. Его все, все покинули... Изыди, Сатана!

И он бросил в Пиксарета свой томагавк, но тот отскочил в сторону. Он не желал вступать в бой с этим сумасшедшим.

Слуга отца д'Оржеваля бросился бежать вниз по склону холма, петляя между стволами кленов, затем, выбежав на скалистый уступ, прыгнул вниз, на покрытый снегом песчаный берег, и по-прежнему бегом припустился по идущей по льду реки отмеченной вешками дороге. Пиксарет не побежал за ним на лед. Он вырос в лесах юга, а для того, чтобы пересечь реку Святого Лаврентия во время ледохода, нужно родиться под Квебеком, как он, Пасифик Жюссеран.

Он был одинок. Одинок и слаб, ибо он потерял своего отца. Продвигаясь через торосы, он с надеждой смотрел на противоположный берег Кот-де-Бопре. Хотя он и понимал всю опасность переправы через реку, лед на

которой подтачивало неистовое течение, белая пустыня его не пугала. Он ее знает, и он пройдет.

Внезапно ему показалось, что от косы острова, обращенной к Квебеку, отделились легкие, озаренные луной силуэты, они бежали по льду, и он сразу понял, кто это: падшие ангелы!

Им овладел страх. Отец предупреждал, что в Квебеке его будут ждать падшие ангелы.

Иезуит, этот святой человек, несущий во славу Божию крест и мушкет и провидящий будущее, предупредил, прежде чем покинуть его в Нориджвук: «Быть может, в Квебеке ты повстречаешь падших ангелов. Бойся их, беги! Их красота обманчива, она от Люцифера. Я вижу, как эти падшие ангелы пытаются преградить тебе путь. Ускользни от них. Если ты доберешься до епископа и передашь ему пакет с бумагами из рук в руки, твоя миссия будет выполнена, и я смогу возобновить свою битву».

Спрятавшись за торосом, он смотрел, как они бегут, перепрыгивая с льдины на льдину, гибкие юноши со свежими безбородыми лицами, с тонкими талиями, в выцветших куртках из шерсти или кожи, подпоясанных пестрыми индейскими поясами. Падшие ангелы, слишком красивые и погрязшие в грехах. Он уже встретил одного такого в фактории, примыкающей к миссии Святого Франциска. Он сразу же почувствовал зло в этом молодом человеке, чересчур красивом и к тому же смелом, который пересекал белую пустыню, не ведая страха. Он его знал: это был Александр де Рони, он видел этого молокососа в Квебеке и плевал ему вслед. Роскошный ангел, плюющий на все установления: и на законы благочестия, и на нормы морали. Его полные выпуклые губы говорили о похотливости. Пасифик Жюссеран решил предложить ему стать своим попутчиком на последнюю часть пути, а потом, когда он будет спать, раздробить ему череп томагавком, потому

что чем меньше на земле будет носителей разврата, тем более действенным будет его служение Всевышнему. Молодой человек дал ему согласие, но наутро исчез.

Может быть, он сейчас там, вместе с остальными бежит по льду, потом останавливается, вглядываясь в голый простор реки? Они ищут его, Пасифика Жюссерана, но он сумеет от них ускользнуть. Вместо того чтобы идти в Квебек, он направится к мысу Бурь. На этом пути нет вешек, но лед здесь более крепкий, и на нем меньше полыней.

Он вышел из тени берега и пошел дальше по льду реки. Дорогу ему преградила первая полынья. Он уже собрался перепрыгнуть ее, когда из воды вдруг вынырнула какая-то темная блестящая масса, и на плывущую перед ним льдину ловко, точно змей, который, как говорят, живет в глубинах реки Святого Лаврентия, скользнуло какое-то животное.

Пасифик Жюссеран в ужасе попятился. Блеск глаз и острых зубов зверя наводили на мысль о дьяволе. Пасифик перекрестился. Взошедшая над скалистым гребнем острова золотая луна осветила золотисто-коричневый полумесяц на шкуре животного. Росомаха. Это испугало его еще больше. Росомаха! Зверь, в котором живет злой дух леса! Зверь, от схватки с которым теряешь рассудок!

Пасифик осторожно попятился еще дальше. Зверь следил за ним, его глаза горели, точно две зажженные свечи. Он стоял и бил по льду хвостом, с которого слетали капельки воды. Если бы не звук биения его хвоста об лед и не летящие во все стороны капли, человек подумал бы, что это чудовище снится ему в кошмаре. Пасифик застыл на месте. А вдруг эта тварь на него кинется?

Он посмотрел на северный берег острова, высящийся над ним, словно громадная темная крепость, и отбрасывающий на него свою спасительную тень. Там, в

кленовом лесу, слышно, как в чаши капает сладкий сок. Быть может, оттуда, стоя между стволами деревьев, за ним, забавляясь его страхами, следит Пиксарет? Чуть выше, там, где находится ферма, на которой он родился, кажется, мигает красный огонек фонаря, – должно быть, это фонарь с роговыми пластинками вместо стекол, который держит в руке его мать. Наверное, она услышала крики, увидела бегущих людей и догадалась, что это ищут ее сына. Он не скрыл от нее, что враги его и Господа попытаются помешать ему добраться до Квебека. И сейчас она, должно быть, оставила свою прялку и вышла на край поля, на скалистый выступ, нависающий над рекой.

Его охватила тоска по ее ферме, этому тихому, надежному пристанищу. Но он продолжал идти вперед. Росомаха куда-то исчезла. Светящиеся тени молодых людей остановились в нерешительности. Его ищут. Они идут вдоль берега. Надо бежать, бежать по льдинам, как бегают индейцы.

«Ты должен встретиться с епископом», – шептал ему внутренний голос. «А что, если и епископ меня предал? – отвечал он ему. – Что мне делать, если все от меня отвернутся? Когда Добро нападает на Добро, оно становится Злом... За что? За что я осужден? Я поклялся быть послушным вам, пресвятой отец. Но почему, почему вы желаете смерти женщине, которая вылечила мои глаза?»

Железная хватка фанатизма стиснула его горло, не давая дышать. Его как будто душила прозрачная рука, а в ушах гремел грозный голос. Он не должен, не должен сомневаться. Никогда... Иначе он попадет в ад. И тут же дилемма, терзавшая его простоватый мозг, испарилась. Он чуть было не поддался самому страшному соблазну – соблазну сомнения. Только слепое послушание приведет его в рай. Таким слабым, непросвещенным умам, как он,

не дано выбирать. «Простите меня, отец мой, я выполню свою миссию». Эти падшие ангелы его не догонят.

В это мгновение он увидел, что на северном берегу острова, где-то в районе прихода Сен-Фамий, спускают на воду лодку. Немного погодя сидевшие в лодке люди выпрыгнули из нее и поволокли ее по льду. Дотащив лодку до следующей полыньи, они снова начали грести. Он понял: его хотят окружить.

Если он хочет добраться до Шато-Рише, ему нельзя более терять ни секунды. Он бросился вперед по дороге, начало которой было отмечено вешками.

Но внезапно из-за высокого мыса, ощетилившегося сухими деревьями, показался этот ужасный Базиль, которого иезуит называл порочным, ибо он был полон «подрывных» идей. Он был грузен, но чертовски хорошо умел передвигаться по льду. Он не бежал, но ступал размеренным шагом, так, словно под его ногами была яичная скорлупа, а сам он был легок, как синюжная пленка, наполненная горячим воздухом.

– Пасифик, – крикнул он, – брось ты это дело, парень! В Шато-Рише и Нотр-Дам-дез-Анж тебя тоже поджидают. Тебе не пройти к епископу. И епископ сам не хочет тебя видеть. Давай сюда свою сумку и возвращайся к себе.

Человек озираясь в поисках выхода, точно загнанный зверь. Чувствуя, что он погиб, он позвал свою мать, которая стояла на крутом берегу, высоко подняв свой роговой фонарь, чтобы указать ему путь. Ничего не понимая, она смотрела на реку, ясно видя в лунном свете, как люди, перескакивая с льдины на льдину, охотятся за ее сыном, словно стая молчаливых волков. Но она ничем не могла ему помочь.

Пасифик Жюссеран посмотрел в сторону мыса Бурь. Только бы добежать туда, до покрывающего берег леса... Его преследователи справа тяжело волочили свою лодку по льду, потом, спотыкаясь, спускали ее на воду в полыньях и гребли против отливного течения. С

южной косы острова навстречу им двигались другие преследователи, пешие, но продвигались они небыстро, потому что путь им преграждали такие торосы, как будто лед сковал реку в самый разгар бури.

К тому же за зиму между торосами намело сугробы из мягкого, пышного снега, которые подчас скрывали под собою смертельно опасные небольшие полыньи.

Но он, духовный сын отца д'Оржеваля, тоже обладает особой духовной силой, у него есть чутье, и он знает реку. Он метнул в Базиля свой индейский топорик с острым лезвием. Затем, прыгая с льдины на льдину, снова заспешил вперед. Издалека до него донесся молодой голос:

– Пасифик Жюссеран! Пасифик Жюссеран!

Голос приближался, но было непонятно, какая из этих легких теней его зовет.

– Остановитесь! Отдайте нам бумаги, которые вы несете! Так вы спасете себе жизнь!

Он усмехнулся. Он им не уступит, потому что они, эти падшие ангелы, хотят, чтобы его душа была обречена на вечные муки. Когда он преодолет этот вздыбившийся перед ним торос, перед ним будет крепкий лед, и он побежит не останавливаясь. Утром он посмотрел на реку сверху и наметил свой путь, а ночной мороз укрепил лед там, где он истончился.

Но вдруг он снова застыл на месте, онемев от ужаса...

За сверкающим застывшей пеной гребнем тороса его ждала колдунья. В свете луны ее распутившиеся седые волосы окружали ее лицо серебряным ореолом.

Она стояла на его пути, огромная, страшная.

– Ах ты, проклятый! Брось сумку, в которой ты несешь беду, или ты погибнешь!

Охваченный ужасом, он рванул с плеча ремень сумки, но тот зацепился за отворот его воротника. Бумаги в конверте, в которых говорилось о колдовстве,

стали вдруг тяжелы, как свинец. Человек хотел освободиться от них, словно от тяжкого, неподъемного бремени. От его порывистых, резких движений большая льдина, на которой он стоял, закачалась, ее волнами начала заливать вода, послышался плеск. Он бросит им эту проклятую сумку, как бросают падаль голодной своре, как бросают пылающую головешку, чтобы остановить догоняющих тебя хищных зверей.

Вложив в бросок все свои силы, он швырнул сумку Гийметте, в последний момент восстановил равновесие на ходящей ходуном льдине и перепрыгнул с нее на другой ледяной плот, более широкий. Он добился своего. Его преследователи остановились, в кольце окружения появилась брешь. Те, кто приближался к нему слева, больше не гнались за ним, они бегом бросились к льдине, на которую упала сумка, чтобы льдину не унесло течением и сумку не смыло водой.

Доверенный человек отца д'Оржевала Пасифик Жюссеран бросился в открывшуюся брешь. Он не побежит к Шато-Рише. Он побежит направо. Там, на другом берегу реки, возвышается темная громада мыса Бурь.

Там лес. Лес! Спасение! Там им его ни за что не поймать! Он бежал сломя голову, все время повторяя, чтобы поддержать свою решимость:

- Падшие ангелы... Падшие ангелы...

Он чувствовал: они летят за ним, красивые и обольстительные, как Люцифер, ангел света, чтобы обречь его на вечную погибель, чтобы утащить его душу в ад. Он бежал, перепрыгивая с льдины на льдину. Вокруг него лед сверкал, как полированная сталь, хрустел, расходился трещинами под его ногами, и он преодолевал эти трещины по мере того, как они возникали.

На середине реки он чересчур тяжело приземлился на овальную ледяную плиту, гладкую, как зеркало.

Словно хорошо смазанная маслом механическая ловушка, плита качнулась и перевернулась. Человек страшно закричал и исчез под водой навсегда.

Глава V

В своей усадьбе Гийметта де Монсарра-Беар угощала всех промокших участников погони обжигающим глинтвейном.

Эти вылазки на реку во время ледохода всегда сопровождались падениями в ледяную воду, или, по меньшей мере, у их участников намокали ноги. Редко кому удавалось ни разу не почувствовать, как под их весом коварная льдина уходит под воду.

Самые удачливые просто шлепали по заливающей лед воде, другим везло меньше, и они падали в полыньи, попадая в студеной водяной плен, ледяная вода сразу охватывала живот и грудь до подмышек. Но рядом всегда оказывалась крепкая рука товарища, вытягивающая тебя за воротник обратно на льдину или втаскивающая в лодку. Кожаная или суконная одежда становилась тяжелой от воды, пропитывавшей ее, словно губку, и тут же покрывалась сверкающими в лунном свете мелкими льдинками, так что человек становился похожим на разряженного маркиза на празднестве в Версале, в камзоле, расшитом драгоценными камнями.

К счастью для Поля Ле Фолле, он упал в воду, успев пройти всего несколько шагов за Базилем. Окоченевшего, клацающего зубами, его быстро отвели в усадьбу, где он и сидел перед камином, завернутый в одеяло, ожидая возвращения всей остальной компании.

«Где ты, Сена? Добрая, веселая Сена, моя пригожая подружка!»

Что касается молодых легконогих парней и полуголых даже в холода индейцев, то есть мужчин-островитян, знающих, где ледяной покров еще достаточно крепок, и умеющих с одного взгляда оценить

толщину и прочность льда в том месте, куда они собираются поставить ногу, то для них охота завершилась лишь промокшими кожаными чулками и сапогами, полными воды, которую они выливали, смеясь. Они разматывали индейские пояса и выжимали шерстяные шапки, прежде чем вновь натянуть их на голову. Шапки были мокры не столько от попавшей на них воды, сколько от пота. Те, кто никогда не прыгал с льдины на льдину в ледоход, и понятия не имеют, как может взмокнуть человек, когда смерть так близко и ты вступаешь с нею в единоборство.

У всех пересохли и были обморожены губы. Замерзающий на воздухе пар, в который превращалось их дыхание, обжигал уста. И всех мучила жажда.

Мужчины стояли вокруг большого стола, согревая окоченевшие пальцы о горячие чашки с дымящимся напитком – зельем, приготовленным колдуньей. Ингредиенты в нем были весьма необычные, если, конечно, не считать внушительной дозы водки, которую все поглощали с удовольствием.

Все знали, что нет лучшего средства, чем зелье колдуньи с острова Орлеан, для того чтобы разгорячить заледеневшую кровь и утолить жажду, а потому, словно послушные дети, пили большими глотками.

Затем подали хлеб с изготовленным на острове сыром, круглым, с острым запахом, – настоящим объедением.

Сумка Пасифика Жюссерана была брошена посреди стола, и все смотрели на нее, толстую, раздувшуюся от вредоносного груза, содержащего в себе плод ненависти и нетерпимости.

– Это касается вас, мальчики, – сказала колдунья, поманив рукой Флоримона и Кантора де Пейраков.

Но Флоримон решил по-другому:

– Я прошу вас, сударыня, откройте ее сами.

Все согласились с молодым человеком. Все чувствовали: нужно, чтобы именно руки колдуньи открыли эту сумку, которая стоила жизни одному человеку и причинила столько тревог другим. Сумку, содержимое которой было привезено из Старого Света и за долгую канадскую зиму успело пересечь Море Мрака и почти непроходимые ледяные просторы Канады, преодолело тысячу препятствий и пришло к ним, хотя они отрезаны от мира и зимой, и вскрывающейся рекой, и все это для того, чтобы творить зло.

Присутствующие наблюдали, как госпожа де Монсарра-Бенар расстегивает ремни этой охотничьей сумки и откидывает клапан. Так же они смотрели бы за тем, как она смешивает любовный напиток или готовится творить заклинания.

Она вытащила на свет большой пакет, завернутый в тщательно зашитую, смазанную камедью непромокаемую ткань, и острием ножа разрежала промасленные нитки. Показался тяжелый рулон из листов пергамента, обернутый красной муаровой лентой, концы которой скрепляла увесистая восковая печать. Люди сведущие узнали в ней печать города Парижа.

- Прошу вас, сударыня, сломайте печать, - попросил Флоримон.

Гийметта сделала это, и ее длинные тонкие пальцы развернули листы, исписанные убористым почерком. Чтобы прочесть, она положила их на стол и надела очки. Затем попыталась разглядеть свернутые листы рукой, а они сопротивлялись, снова сворачивались, будто не желая выдавать свои секреты. Она начала читать, но вдруг отдернула пальцы, словно от какой-то ядовитой твари, откинулась назад и закрыла лицо своими прозрачными дрожащими руками.

- Они не изменились! Все осталось по-прежнему! Все те же слова, все те же крики...

Ее молодой любовник подошел к ней и обвил рукой ее плечи. Круглый сирота, которого она воспитала, он ее обожал. Вне спальни он очень редко видел ее слабой, ищущей защиты у него, молодого и сильного мужчины.

- Не дрожи так, моя голубка, - прошептал он. - Что бы ни случилось, я сумею тебя защитить.

- О да, да! Защити меня! Защити меня от инквизиторов! - рыдала она.

Он не знал, что сказать, ему еще не доводилось видеть, как она дрожит от страха.

Свернутый рулон пергамента так и остался лежать на столе. Кантор придвинул его к себе и начал было пробегать глазами, но тоже отбросил листки и отскочил назад, словно пергамент обжег ему руки. Теперь настала очередь Флоримона.

Он склонил над убористыми строчками свое красивое смуглое лицо, длинные черные волосы упали, касаясь щек, придав ему вид прилежного ученика. Он одолел первую страницу, просмотрел еще несколько, потом аккуратно все свернул и положил обратно в смазанный камедью пакет.

- Это касается нашего отца, - сказал он, обращаясь к Кантору. - Мы должны отнести это ему.

- Не лучше ли сжечь их прямо сейчас? - опасливо спросил Кантор.

- Думаю, отцу будет интересно прочесть, и только ему решать, сжечь послание или нет.

- Ох, как же ты на него похож! - воскликнул его брат со смесью восхищения и упрёка.

Но хладнокровие Флоримона и та непринужденность, с которой он говорил об этой отвратительной тарабарщине, разрядили гнетущую обстановку.

- А где же Базиль? - спросил кто-то.

Поль ле Фолле вскочил, объятый ужасом.

Все бросились вон из дома и вскоре встретили Пиксарета, который, презрев свой ужас перед ледоходом, пришел на помощь раненому. Теперь индеец нес негоцианта на спине.

Острое лезвие топорика лишь слегка задело висок, но от удара Базиль свалился в воду. Он все еще был без сознания. Пиксарет тащил его на своей худой спине без видимых усилий. Его медвежья шкура была вся покрыта льдом.

Опять подали горячительные напитки.

Как только кровотечение из раны остановили, крепкий от природы Базиль пришел в себя.

За окнами вставал молочный рассвет, и двое или трое юношей начали широко зевать. Но не могло быть и речи, чтобы улечься спать, потому что сыновей графа де Пейрака, Базиля и его приказчика надо было доставить обратно в Квебек. Так что снова пришлось волочить лодку по ледяным полям, потом спускать ее на воду, борясь с течениями, но на этот раз в алом свете утренней зари. «Раз-два, взяли! Раз-два, взяли! Смелее, ребята!»

Пиксарет остался на острове. Его независимость была хорошо известна, и друзья не волновались на его счет. Он родился и вырос на юге, и трудно было найти человека, который ловчее его справлялся бы с опасными порогами бурных рек, выслеживал в лесах ирокезов или нападал на деревни английских поселенцев. Но южных индейцев пугал этот ледяной монстр – низовья реки Святого Лаврентия. На сегодня Пиксарет был сыт им по горло. Он вернется в Квебек, когда захочет.

Нужно было быстрее доставить трофей в Квебек.

– Я успокоюсь только тогда, когда эти проклятые бумаги сгорят, – сказал Кантор.

– Я тоже, – согласилась Гийметта. – Было бы лучше, если бы они утонули в реке!

- Но тогда мы бы ничего не узнали, - возразил Флоримон. - Нет! Лучше все-таки знать, каким оружием располагают наши враги.

Он застегнул сумку покойного Пасифика Жюссерана и с веселым видом повесил ее на плечо.

- Будь осторожен, смотри, чтобы эти бумаги попали прямиком в руки твоего отца, - настаивала Гийметта. - Если они попадут к кому-нибудь другому, это может повлечь за собою больше несчастий, чем поветрие чумы.

Флоримон похлопал по разбухшей сумке и весело сказал:

- Полно, не бойтесь, если понадобится, я уйду на дно вместе с ней.

Таковы были события ночи.

Утром у всех были гладкие веселые лица. Квебекцы беззаботно обсуждали последнюю ссору епископа и губернатора по поводу освященного хлеба и каждения ладана.

Нанесенный ночью снег скрыл то, что должно было оставаться в тайне. А день окончательно стер все следы.

* * *

Анжелика была у госпожи де Меркувиль, когда к ней пришел матрос с «Голдсборо» и сказал, что господин де Пейрак просит ее прийти в усадьбу Монтиньи. Явившись туда, она обнаружила там, кроме Жоффрея, еще и Флоримона и Кантора.

По столу были разбросаны листы пергамента. Пробежав глазами некоторые из них, Анжелика поняла, что перед нею лежит тщательно переписанный протокол судебного процесса о колдовстве, все вопросы и ответы, записанные слово в слово. Этот процесс проходил почти семнадцать лет назад в Париже, во

Дворце правосудия, и обвиняемым на нем был Жоффрей де Пейрак.

До них доплыл последний брандер этого беспощадного сражения, но они в полном согласии с правилами битвы на море перехватили заполненный горючей смесью корабль, прежде чем он смог зажечь новый пожар.

Граф де Пейрак читал протокол этого давнего суда, не выказывая отвращения. Как все это теперь далеко, думала Анжелика. Но отец д'Оржеваль весьма ловко выбрал место и время нового удара – Канаду в ту пору, когда она отрезана от внешнего мира.

Эти бумаги породили бы страх и замешательство, потому что Канада была очень удалена от Франции и новые тенденции в отправлении правосудия доходили до нее с трудом, а мнение короля по этому вопросу было пока невозможно узнать из-за продолжающейся зимы.

Людовик XIV всегда был сдержан, когда речь заходила о религиозном фанатизме. Для него имело значение только безоговорочное послушание подданных. В начале своего царствования он допустил, чтобы несправедливый суд избавил его от слишком могущественного вассала, но обвинения в колдовстве трогали его так мало, что он втайне помиловал осужденного при условии, что тот исчезнет в одной из королевских крепостей. Неужели и ныне подобная история могла бы повториться?

Без шума, шаг за шагом, издавая свои эдикты, король добился расформирования суда инквизиции и ограничил возможности епископских судов. Общество Святых Даров также было распущено. Что не мешало этой организации оставаться очень влиятельной и привлекать в свои ряды новых членов, ибо, превратившись в тайное общество, она стала еще более притягательной.

Так уж устроен мир, такова жизнь...

Они еще долго беседовали, сидя у очага, и ночь застигла всех четверых в усадьбе Монтины. Они обсуждали планы на будущее, прикидывали, есть ли у них шансы вернуться во Францию. Флоримон считал, что это им удастся наверняка, Кантор же сомневался. Даже здесь, в Квебеке, говорил он, нельзя быть ни в чем уверенным.

- Отец, умоляю, сожгите эти бумаги. Они опасны. Даже самые свободомыслящие умы могут подхватить таящуюся в них заразу. Только огонь может ее уничтожить и все очистить.

Жоффрей де Пейрак один за другим бросал листы с протоколами суда в огонь. Толстый пергамент потрескивал и сгорал с трудом. Анжелика, как и ее младший сын, чувствовала облегчение, видя, как страница за страницей мучительно скручивается в языках пламени, испуская голубоватый дым.

Разумеется, мир менялся, просвещенные умы стремились найти рациональное объяснение тайнам природы, отмежеваться от того, чего нельзя увидеть, заключить с Богом и Его святыми надежный договор о взаимной помощи и избавиться от дедовских страхов перед Сатаной.

Но обвинение в колдовстве еще долго, и, пожалуй, не без основания, будет оставаться наиболее тяжким. Часто необоснованное и бессмысленное, оно пробуждало «зло, порождающее ужас», страх перед дьяволом, этим князем мира сего, всемогущим божеством зла.

Никто: ни Анжелика, ни Жоффрей де Пейрак, ни их сыновья - не верил в то, что эти протоколы суда по делу о колдовстве уже неопасны.

Монсеньор де Лаваль поступил благоразумно, не пожелав знать, о чем идет речь в бумагах, о которых ему говорил отец д'Оржеваль. А если бы он их все-таки прочел, не было бы его спокойствие поколеблено?

Согласился бы он взять на себя ответственность и оставить без внимания столь убийственный документ?

Сделать это ему было бы особенно трудно именно теперь, когда по улицам города гулял теплый ветер, от которого люди шалели и впадали в тоску, с крыш на голову прохожих падали огромные сосульки, снег таял, обнажая землю. Тягостное дело Варанжа о дьявольских заклятиях, которое уже давно волновало умы жителей Квебека, наконец сдвинулось с мертвой точки.

Гарро д'Антремон арестовал солдата Латура, которого за кварту водки выдал индеец из стойбища, где он скрывался. Солдата, обвиняемого в святотатстве, было решено подвергнуть допросу под пыткой.

Сначала для этого не могли найти палача.

- Я пойду, - сказал Гонфарель, засучивая рукава. - По такому случаю я охотно вновь поступлю на службу.

- А я буду у тебя подручным, - присовокупил приказчик Базиля Поль Ле Фолле.

Когда солдата растянули на дыбе, он сначала заорал, что это она, она, ОНА его выдала, он предупреждал Банистера, что нужно остерегаться.

Ему напомнили о том, что происходило в первые дни октября в доме господина де Варанжа, и о том, что он тогда сделал с распятием.

Он закричал, что никого не убивал, а больше они не имеют права ни в чем его обвинять; это доказывало, что он хитер и знает новые законы, направленные против инквизиции.

Но начальник полиции не сдавался. Когда Латура подвергли пытке водой и пригрозили испанским сапогом раздробить ему ступни, он заговорил. Он признал, что был в доме графа де Варанжа, но ничего не делал. Все злодеяния совершал сам граф в соответствии с наставлениями Красного Плута.

Вопрос: Тогда за что же заплатили ему самому?

Ответ: За то, что приготовил распятие.

Вопрос: Признает ли он, что присутствовал при дьявольской церемонии?

Ответ: Да.

Вопрос: Что он видел? Слышал?

Ответ:...

Пришлось долго его пытаться. Солдат не знал, чего ему следует бояться больше: мести демонов или наказания судей. В конце концов, не выдержав пыток, он признал все: колдовские заклинания и призывы, которые граф де Варанж обращал к адским силам, поругание детей, собаку, с которой живьем содрали кожу и кровь которой обагрила распятие, черное зеркало, в котором появилось окровавленное женское лицо.

Вопрос: Что еще он видел в магическом зеркале?

Ответ: Корабли.

Вопрос: Под каким флагом?

Ответ: Он не знает.

Вопрос: Что сказала видение?

Ответ: Она произнесла имя.

Вопрос: Какое имя?

Ответ: Он не знает.

Палач затянул винт испанского сапога.

Солдат завопил от боли. В конце концов он назвал произнесенное тогда имя, а также имя еще одного жителя Квебека, присутствовавшего на шабаше. Но эти имена не вышли за пределы стен тюрьмы. Любопытство публики этим не удовлетворилось, по городу поползли самые фантастические и ужасные слухи. Все следили за передвижениями господина д'Антремона, но никто не решался с ним заговорить; он же, с видом хмурым и высокомерным, ходил из здания суда в замок Сен-Луи, оттуда в семинарию и потом обратно. Одни говорили, что у горожан просто совесть нечиста, а начальник полиции вообще всегда выглядит хмурым и высокомерным, что все слухи яйца выеденного не стоят

и правосудию здесь нечего делать. Другие, напротив, были объаты ужасом и, подкупив церковного старосту и церковного сторожа, доставали немного ладану, чтобы воскурить его у себя дома.

Короче говоря, под пытками солдат сделал множество признаний, которые записал бедный Ле Бассер, временно назначенный секретарем канцелярии суда вместо сломавшего ногу Карбонеля; при этом от страха по лицу его струился пот, а рука, держащая перо, дрожала.

Гарро д'Антремон выжал из обвиняемого все, что мог.

Вопрос: Знает ли он, куда отправился граф де Варанж?

Ответ: Нет.

Вопрос: Знал ли он, что сделали с распятием?

Ответ: Он не знал.

Вопрос: А с черным камнем?

Ответ: Его зарыли в погреб.

В погреб дома графа де Варанжа из земли вырыли кусок блестящего полированного антрацита, к которому никто не осмеливался подойти близко. Землекопы, которые его отрыли, тут же в страхе бежали, как библейские филистимляне, нашедшие на поле ковчег Завета, оставленный там иудеями, и увидевшие, что первые, кто попытался коснуться его, упали замертво.

Позвали экзорциста Дидаса Морийо, чтобы он изгнал из камня злых духов. Никто ему не завидовал. Но ничего не поделаешь, такая работа. Он явился со своей книгой «Pontifical», служебником священников, изгоняющих бесов. Никто не знал, что он делал в погреб и какие молитвы читал, но, как видно, он был хорошим экзорцистом, потому что с ним от этого не случилось ничего дурного.

Распятие же отыскалось под кучей навоза во дворе дома в предместье. Наемный работник, который его

нашел, счел себя проклятым и, пока хозяин дома бегал, чтобы известить церковные власти, собрал свои пожитки и сбежал в леса.

На этот раз за несчастным предметом культа явился сам епископ в сопровождении двух священников и кадилоносца.

«Эта история причинила епископу ужасные душевные муки, – написала мадемуазель д’Уредан. – Он чахнет на глазах».

Процессия пронесла распятие по городу, после чего монахини сразу двух обителей города – урсулинки и сестры-госпитальеры из монастырской больницы – попросили отдать его им.

– Отдайте его нам, – умоляли и те и другие. – Своими молитвами и слезами мы изгладим надругательства нечестивцев.

В конце концов поруганное распятие досталось сестрам-госпитальерам. Его окружили букетами из самых красивых бумажных цветов, какие только могли изготовить руки монахинь, и отныне каждый день все грядущие века к изображенному на нем Божественному Мученику будут возноситься очистительные молитвы, а также ароматы роз, мирта и жасмина.

Солдата повесили на горе Кармель, а его тело выставили у столба на поживу воронам.

Никто больше не желал и слышать об этой истории. Пусть отравителей и магов обсуждают в Париже и Версале. А в Канаде жизнь и без того слишком тяжела и сурова, чтобы отвлекаться еще и на подобные пугающие игры.

В очаге усадьбы Монтиньи листы пергамента с протоколом процесса о давнем обвинении в колдовстве съежились, как опавшие листья, и превратились в пепел, а Пасифик Жюссеран, канувший в реку Святого Лаврентия, преданный слуга отца д’Оржевала, пополнил ряды забытых мертвецов.

Одна только Гийметта де Монсарра-Беар смогла бы посмотреть в глаза матери Пасифика; лишь матери не забывают своих детей никогда. Быть может, эти две женщины положат начало новой истории мести на острове Орлеан: наведения порчи, девятидневных молитвенных обетов, взаимных проклятий – и передадут эту месть новым поколениям. А возможно, на них подействуют очистительные ветры Нового Света, и они, вдоволь покричав и обменявшись проклятиями, все-таки успокоятся и встретятся.

И тогда колдунья, знающая снадобья, утоляющие все виды боли, посоветует набожной старушке: «Заказывай заупокойные мессы... Заказывай заупокойные мессы по своему сыну... Но если хочешь спасти его душу, не делай зла, как делал он... Поверь моим словам! Молись! Я скажу тебе, когда он будет в раю».

Как бы то ни было, это было дело только жителей острова Орлеан, не касающееся чужаков с «материка».

* * *

Анжелика была единственной, кто знал, какое имя произнесла окровавленная женщина, появившаяся в черном зеркале. Господин Гарро д'Антремон по секрету сообщил его ей однажды вечером, когда, выйдя из часовни в соборе, посвященной Михаилу-архангелу, встретил ее на паперти. Под пытками солдат Латур понял, что ему уже не выпутаться и что лгать бесполезно, и рассказал все, что он видел и слышал во время дьявольской церемонии.

Тонем, полным невыразимой ненависти и ярости, раненая, умирающая женщина произнесла лишь одно имя – Пейрак.

Анжелика почувствовала дрожь в затылке. Сатана явил окровавленное лицо побежденной дьяволицы

старому развратнику, который был ее любовником в Париже и который ждал ее в Квебеке, сгорая от похоти, зажженной в его крови.

Обо всем остальном было легко догадаться.

Никого не предупредив, граф де Варанж отправился на север.

Старый влюбленный Фауст, потерявший голову от желания отомстить, он на лодке плыл все дальше и дальше сквозь туман, поднимающийся над рекой Святого Лаврентия. Он двигался навстречу кораблям этого проклятого Пейрака, и он исчез.

Тихо и доверительно господин д'Антремон сообщил Анжелике, что прийти к определенным выводам ему помогла любопытная находка, которую он сделал, обыскивая жилище старого графа. В его доме на Большой Аллее он отыскал листки с подделанными почерком и подписью господина губернатора де Фронтенака, как будто граф де Варанж упражнялся в написании письма, которое могло бы сойти за написанное рукой губернатора.

На уцелевших от огня листках этого черновика начальник полиции смог разобрать несколько фраз, из которых понял, что чистовик послания был адресован графу де Пейраку. Нашлись также и обломки печати, копирующей печать губернатора, что было преступлением еще более серьезным, так как означало, что изготовителю фальшивки удалось сделать восковой оттиск с подлинной печати, хотя она очень строго охранялась.

Отсюда начальник полиции сделал вывод, что с помощью поддельного письма губернатора граф де Варанж намеревался заманить господина де Пейрака в ловушку, но, по-видимому, угодил в нее сам.

Маленькие, кабаньи глазки Гарро д'Антремона смотрели прямо в глаза Анжелики.

- Потому что его и его слугу видели в Тадуссаке, - добавил он, - незадолго до того, как туда прибыли ваши корабли, и очевидцы показали, что он и его камердинер, который служил также и лоцманом, сели в маленькую лодку, сказав, что поплывут вниз по реке. С тех пор их никто больше не видел.

- Я знаю, что с ними произошло, - вдруг сказала Анжелика.

Она посмотрела на ночное небо:

- Их забрали летевшие по небу огненные каноэ. Помните? Говорили, что как раз в это время эти призрачные каноэ видели над Квебеком.

Она пристально смотрела в ночное небо - небо, на котором порой появлялись эти таинственные огни, похожие на пылающие каноэ.

Пылающие каноэ, уносящие мага и траппера, мученика-иезуита и колдуна, солдата и торговца, индейца и хлебопашца, святых и проклятых. Анжелика представила себе всех этих безумных бродяг, летящих, подобно сверкающим кометам, по небу Нового Света под знаменем короля Франции...

Гарро д'Антремон открыл было рот, но, увидев, что она, подняв голову, как замороженная смотрит в небо, только покачал головой, как старый дед-ворчун перед обезоруживающе прелестной девочкой, и решил промолчать.

* * *

Анжелике снился король. Он сидел за огромным письменным столом в своем рабочем кабинете в Версале, на фоне голубых драпировок, на которых были вытканы цветы лилии.

У него был удрученный вид. Она говорила ему: «Почему ты нас оттолкнул? Почему захотел нас

уничтожить? Мы смогли бы защитить тебя от хищников, окруживших тебя со всех сторон...»

Когда она проснулась, ее более всего удивило не то, что у короля в ее сне был побитый вид, а то, что она обращалась к нему на «ты». Это было немыслимо и шокировало ее, как будто она сказала какую-то непристойность. Ее нежное женское сердце, сочувствующее мужчине, когда ему угрожает опасность, будь он хоть сам король, сыграло с нею злую шутку. И еще она прекрасно знала, что у короля нигде не бывает удрученного, подавленного вида, даже в тиши его рабочего кабинета или в полумраке исповедальни. Он был великолепным актером и никогда не снимал маски.

Анжелика всегда чувствовала в нем несокрушимую силу. Версаль научил ее, что король не может позволить себе быть слабым и нежным, хорошо, если дождешься от него хотя бы простой справедливости.

Она сказала себе, что надо все это помнить, чтобы не слишком тешить себя иллюзиями и не рассчитывать на снисхождение, когда придет весна. В умах квебекцев мало-помалу укоренялось убеждение, что судьба четы де Пейрак будет решена, когда в город придут первые летние корабли, и что решение это будет для них благоприятным: король их простит. Однако Анжелике казалось, что в этом никак нельзя быть уверенной.

Откинувшись на подушки, она думала о хозяине Версаля, человеке, которого она знала, прекрасно изучила, которого ей даже удалось задеть за живое, пробив защитную оболочку королевского величия. От него можно ожидать всего, но в данном случае наиболее вероятным ответом с его стороны ей казались всяческие увертки и уловки, смесь благожелательных обещаний и завуалированных угроз, которые поставят их всех в ложное положение.

Именно так он и правил. Потому что это было его главной страстью – стоять у кормила власти.

- Ну нет, государь, я не уступлю тебе, - вполголоса произнесла она, на сей раз вполне сознательно обращаясь к нему на «ты», как женщина, решившая, что у нее есть полное право быть самой себе хозяйкой, может обратиться к мужчине, который захотел ее сломить.

«А если бы он не был королем, могла бы я полюбить его?» - спросила она себя.

Но потом подумала, что ответ короля придет еще не скоро. И снова заснула с улыбкой на устах. А вокруг них река Святого Лаврентия, огромная, все еще одетая льдом, но ставшая непреодолимой из-за ледохода, чертила волшебный меловой круг из северных легенд, который не переступит ни один враг.

Часть одиннадцатая
Пытка ирокеза

Глава I

Пиксарет исчез; было известно, что он дождался, когда река стала более пригодной для плавания на лодке, чтобы покинуть остров и добраться до южного берега неподалеку от Лозона.

Анжелика надеялась, что он вернется. Но однажды утром, когда графиня де Пейрак вышла из собора после мессы, к ней подошла старая очень набожная женщина из племени абенаков, которую великий вождь почтил своим доверием.

Темное, как самшит, лицо старухи, обрамленное двумя белоснежными косами, было безмятежно-спокойно. Она куталась в красное с черной каймой одеяло, накинутое поверх ее замшевого платья и сделанных из того же материала сапог. Она сообщила Анжелике, что, возвратившись от шамана, живущего в Лоретте, Пиксарет заходил к ней в ее типи, уже много лет стоящее во фруктовом саду обители урсулинок. Он сказал ей, что к его друзьям подбирается беда, так что он пока должен остаться в Квебеке, чтобы их защитить. Но потом он должен будет уйти. Ему следовало бы уйти сразу, но шаман сказал, что ему надо подождать, чтобы противопоставить свою добрую силу грозящему его друзьям злу.

- Уйти? - повторила Анжелика. - Что ты хочешь этим сказать?

- Не жди его. Он больше не вернется.

Анжелика не могла произнести ни слова, не в силах поверить в то, что это неизбежно, что Пиксарет, ее друг, уйдет от нее навсегда. Индианка объяснила ей, что великий нарангасет послушался двух велений своего сердца, к которым его подтолкнули откровения шамана,

умеющего видеть как близкое, так и далекое будущее и очень сведущего в толковании силы жизненного духа.

Пиксарету больше нечего делать в Квебеке. После того как последнее испытание было пройдено, женщине, которую он защищал, предстояло лишь ничем не прерываемое победное восхождение. Враги будут падать перед нею как подкошенные; ему же лучше покинуть белых людей, дабы его чересчур пронизательный взгляд не смущал их и не был им в тягость, ибо они плетут победные венки на свой особый манер, и он предпочитает оставить их наедине с их ухищрениями. Особенно ее, пленницу; теперь лучше, если он будет от нее далеко. Ибо, когда не хочешь давать оценку действиям своих друзей, лучше удалиться – это все равно как стыдливо отвести взгляд. Его пленница обладает замечательными способностями, и ему мудрее всего будет предоставить ей приноравливаться к ним, не смущая и не отвлекая ее своим присутствием. Ибо хотя шаман и сказал ему, что она восторжествует, он не сказал, что ее путь к победе будет бестревожным.

Но она победит. А он, Пиксарет, уйдет.

– А еще он сказал, – добавила старая индианка, – что ему надо прийти на помощь Черному Человеку, ибо наш отец Этскон Гонси в большой опасности.

– Он что, ранен, заболел или попал в плен к ирокезам? – спросила его она.

– Нет, хуже! – ответил он ей. – *Он может погубить свою душу.*

Пиксарет поплыл на каноэ по рекам и речушкам, освободившимся ото льда и наполнившим леса своим плеском, и менее чем за неделю добрался до окрестностей озера Святых Даров. Деревья начинали одеваться нежной листвой. Пиксарет быстро, не сворачивая, шел по горным хребтам, по голым скалам, на юго-запад.

Однажды вечером в лесу на повороте одной из тропинок он столкнулся с разведчиком из военного отряда ирокезов. Этот ирокез по имени Сакахез и стал первой жертвой его томагавка.

Когда нашли тело Сакахеза с разбитым черепом и снятым скальпом, великий вождь союза пяти племен Уттаке, который вел этот отряд могавков, сразу понял, что в окрестностях рыскает великий Пиксарет. Ибо Сакахез был самым быстрым из воинов Уттаке. Только Пиксарет, великий вождь, мог выхватить свой томагавк быстрее.

Ночью Пиксарет пробрался в их лагерь, убил двух воинов и снял с них скальпы. Через пять ночей он напал снова. Днем они не могли его поймать, он прятался в лесу. Он путал свои следы, идя спиной вперед.

На пятый день, обезумев от ярости, Уттаке послал гонцов во все отряды союза пяти племен, которые во главе с ним покинули деревни ирокезов и двинулись на север. Его послание гласило: «Вперед, на Квебек!»

Глава II

После купания в ледяной воде у Поля ле Фолле начался бронхит. Его жизнь была в опасности. Анжелика пришла навестить его в монастырскую больницу и у постели больного встретила Базиля.

Они вышли из больницы вместе, и Анжелика заговорила о дружбе, которая связывала серьезного и важного негоцианта и этого весельчака.

- Мы подружались во время волны арестов бедняков, - сказал Базиль.

- А я думала, что вы - сын члена парижского парламента.

- Так оно и есть, и я учился в университете, собираясь пойти по стопам своего отца, когда начались эти аресты.

И он рассказал ей, как по окончании Фронды Париж превратился в город бандитов, воров и попрошаек.

Принц нищих со своими цыганами, разбойничаящими дезертирами и прочими преступными элементами имел в нем большую власть, чем юный король Франции Людовик XIV.

Чтобы очистить город от преступников и нищих, составляющих одну пятую его населения, не нашлось никакого иного средства, кроме как собрать их всех вместе и заточить подальше от глаз честных горожан.

Для этой цели к зданию Отель-Дьё были добавлены пять новых отделений, обнесенных высокими стенами.

Сальпетриер предназначался для женщин, Бисетр - для мужчин и опасных подростков. В Питье собрали девочек и девушек с семи до шестнадцати лет, а также старух, которых посадили за прялки. В Савоннери мальчиков начали учить ткать ковры наподобие турецких и персидских.

Были созданы специальные отряды стражников. И днем и ночью они прочесывали город, хватая всех подряд и гонясь за строптивцами. Некоторые из составлявших их военных умели весьма ловко бросать тяжелую сеть, и за один бросок в нее попадался хороший улов из попрошаек и сирот, которых затем грузили на повозки.

Однажды вечером, возвращаясь из Сорбонны, студент Базиль вступился за какого-то бедолагу, которого преследовали стражники.

Их вместе с бедняком, которого он попытался защитить, арестовали и посадили на цепь в подвале Бисетра, в который помещали буйных сумасшедших. Их отправили туда, чтобы успокоить, потому что Базиль был парень сильный и при задержании сумел оглушить одного стражника и ранить другого.

Его протеже Поль Ле Фолле чувствовал себя в этой темнице как рыба в воде. Поговорив с ним, Базиль нашел, что парень очень умен и легко выучится и грамоте, и счету.

Между тем господин судья искал своего сына. В конце концов он нашел его и освободил из заточения, из которого редко кто выходил, но от своего пребывания в аду Базиль сохранил стойкую ненависть к высоким стенам и ограниченной линии горизонта.

Он не мог примириться с тем, что юноша, с которым он познакомился, так и останется, точно зверь, запертым в этой темнице, где он либо погибнет, либо сойдет с ума. Он добился освобождения Поля и вместе с ним сел на первый же корабль, отплывающий в Канаду. Отец, с которым он сохранил прекрасные отношения, подыскал ему место в компании, акционером которой являлся, и с годами он стал известен как господин Базиль из Квебека, а его тюремный собрат, которого он спас от заточения или даже от виселицы, – как его приказчик Поль Ле Фолле.

- У меня из-за него куча неприятностей: то он что-нибудь украдет, то мне из-за него выговаривает духовенство... но он свободен, и я его ценю. Он убирает дом, в котором знает каждый уголок, присматривает за моими дочерьми, к тому же он досконально знает, в каком состоянии находятся финансы любого жителя Квебека.

- Мне нравится ваша история, - сказала Анжелика.

- Не обольщайтесь! Ведь я всего лишь изворотливый торговец.

Глава III

Да наступит ли когда-нибудь весна?

– Весна, – сказала Полька. – В этих краях ее почти и не бывает. Сразу наступает лето. Весна? Она пролетает, как дух воздуха, опьяняет тебя и исчезает прежде, чем ты успеешь ее поймать.

За холодами, за поздними заморозками вновь следуют снегопады, все спрашивают, когда же наконец земля вновь расцветет?

Весна – она как недостижимая мечта, которую лучше забыть, чтобы не мучить себя пустыми надеждами.

Кажется, что никогда, никогда не настанет тот день, когда доктор Рагно с выводком из десяти детей придет в монастырскую больницу и принесет сестрам букет живых цветов, выращенных в его саду, входящий в ежегодную плату за арендуемую у них землю.

Однако река уже почти освободилась ото льда. Огромные водные просторы вновь отражают солнечный свет, и облака с наслаждением смотрят на свое отражение в очистившейся воде.

Индейцы в своих лесах сдирают кору с берез и вязов и на пологих песчаных берегах, с которых снег сошел в первую очередь, просмаливают и обшивают берестой остовы из прутьев, изготавливая свои каноэ. Скоро целая их флотилия будет готова отплыть на юг, на север, на юго-запад, к Великим озерам, и на юго-восток, к побережью Акадии, к берегам Французского залива.

С верфи и из ремонтных доков, расположенных недалеко от устья реки Сен-Шарль, доносятся стук молотков и запах расплавленной смолы. Там чинят корпуса судов, доски которых за то время, что они были заморожены в лед, поломались или подгнили.

Однажды утром под Красным мысом палубу сидящего на мели «Иоанна Крестителя», лишенную мачты, окутал густой холодный туман. Почуввав запахи леса и дичи, отощавший за зиму медведь повернул морду к холмам, скрывающимся за прибрежными скалами. Мистер Уиллоби, заинтригованный, принюхивался к ветру.

Стоящие в бухтах корабли снова покачивались на волнах, натягивая якорные цепи.

Часто шел густой мокрый снег, а вслед за ним наплывал туман. Потом начинал дуть сухой северный или северо-восточный ветер, срывая с крыш сосульки, которые, падая на мостовую, разбивались, как стекло. Проходим надо было быть осторожными. Огромная глыба льда и снега внезапно сорвалась с крыши и упала прямо на голову мужчины, который скончался на месте.

Прокурор Ноэль Тардье де Лаводьер полностью оправился от потрясений и издал новые предписания. В соответствии с ними каждый горожанин был обязан освободить свою крышу от снега и льда, приняв при этом все необходимые меры предосторожности. В особо опасных местах следовало поставить заграждения, дабы прохожие обходили их посередине улицы.

На реке снова стали заметны приливы и отливы. Последние льдины, как громадные стеклянные острова, дрейфовали по вновь блистающим под лучами солнца водным пространствам, последние выжившие особи стада, не решающиеся покинуть владения, где они так долго царили. Они поплывут на север и либо присоединятся к массам льда, забившим устье реки Святого Лаврентия, либо растают по дороге, не доплыв до него.

В первые дни мая около трех десятков мальчиков-семинаристов, одетых во все черное, но взволнованно щебечущих, точно птицы, перед которыми вдруг открылась дверца клетки, и среди них Марселен и Нильс

Эббиэл, в сопровождении юного Эмманюэля и двоих священников отправились в Сен-Жоашен, ниже по течению от мыса Бурь, чтобы там ожидать прилета диких гусей, предвестников весны.

На высоком южном берегу реки еще лежал снег, что отодвигало время сева. Но принадлежащие монсеньору де Лавалю большая и малая фермы и здания, в которых располагалась школа искусств и ремесел Сен-Жоашен, находились в длинной долине у подножия прибрежных скал, и дети могли уже начать сельскохозяйственные работы, что отвлечет их от каждодневных уроков и месс, на которые они ходили в семинарии.

Они поставят новые изгороди, очистят поля, будут ухаживать за скотом. Вместе со старшими товарищами они будут обучаться столярному делу, резьбе по дереву, живописи, изготовлению железных и медных изделий, то есть полезным искусствам и ремеслам. Для тех, у кого нет склонности к дальнейшей учебе и посвящению себя Богу, это может стать средством заработка, которое удержит их от шатания по лесам.

Сельскохозяйственные работы и учеба искусствам и ремеслам будут перемежаться у мальчиков с долгими прогулками по горным лесам и рыбалкой на реке Сент-Анн.

В городе после таяния снега, как на берегу после кораблекрушения, обнаруживались разные предметы: тряпки, одежда, многочисленные шапки, носовые платки, сапоги, туфли, молитвенники, зонтики, различная утварь – то, что было потеряно, забыто, унесено бурями, то, что скрывалось под слоями льда и снега и теперь лежало на обнажившейся земле, на песчаных берегах...

Иногда находили и трупы...

Так, нашли тело Жанны Германки. В Квебек привезли тело Мартена д'Аржантейля, которое река Монморанси освободила из своего ледяного плена и

вынесла на одну из отмелей реки Святого Лаврентия. Его смерть была воспринята горожанами без волнения. Всего лишь еще один несчастный случай. Правда, непонятно было, почему у него из спины торчит индейская стрела. Увидев тело Мартена д'Аржантейля, герцог де Вивонн, взволнованный, ибо он долго держал при себе этого молодого человека и привык к его обществу, припомнил одну вещь, которую рассказала ему Атенаис и которую он тогда счел преувеличением.

Его сестра была уверена, что за убийством главного виночерпия короля Дюшена стоит Анжелика. А сейчас окружение Вивонна хотело, чтобы гибель их товарища была расследована. Что означает эта стрела? Что его убил индеец? Но ведь вокруг Квебека живут племена – союзники французов. Или речь шла об ирокезе? Но где он напал? И когда? Никто не хотел вытаскивать эту стрелу из тела, которое необходимо было похоронить как можно скорее. Те, кто разбирался в особенностях оперения индейских стрел и мог бы сказать, что эта стрела была выпущена абенаком, предпочли промолчать. Никому не нравились руки д'Аржантейля, затянутые в красные перчатки, – сейчас они были покрыты грязью. Люди помнили, что содержателя королевского зала игры в мяч подозревали в том, что он изнасиловал и задушил девочку.

Все только и говорили что об этой стреле, и в конце концов в умах произошла путаница, поскольку как раз в это время абенаки из миссии Святого Франциска привели в город пленника, принадлежащего к ирокезскому племени онеидов, которого они изловили в окрестностях фактории на берегу реки, носящей то же имя, что и миссия.

Абенаки рассказали, что у истоков рек Шодьер и Эчемен ирокезы собрали большие силы. Одни говорили, что их человек пятьсот, другие называли цифру тысяча, третьи уверяли, что их не одна тысяча, а две...

Пленного ирокеза привели к губернатору, но тот не смог вытянуть из него ни слова. Затем его передали гуронам, которые потребовали его выдачи, дабы предать его смерти по своим обычаям. Ирокезы и гуроны, братские народы, ставшие врагами, считали достойную смерть под пытками венцом жизни, к которому должен стремиться каждый воин, чтобы тем самым доказать превосходство своего племени. Умереть от самых жестоких пыток самого ненавистного и храброго врага было мечтой каждого воина.

И для ирокезов, и для гуронов это было долгом, от которого ни те ни другие не имели права уклониться и к исполнению которого они готовили себя с детства. Свирепые ирокезы уже полвека массово истребляли гуронов, и слово «ирокез» на языке гуронов означало «похотливая гадюка». Слыша это название от гуронов, так этих индейцев стали называть и французы. И теперь гуроны считали своим законным правом замучить пленного ирокеза у пыточного столба.

Едва им его отдали, как он начал говорить, что самым ужасным для него, великого и достойного воина, является то, что он должен умереть от рук этих шелудивых собак гуронов, таких трусливых и жалких, что для того, чтобы выжить, им приходится прятаться за спинами французов.

Тон был задан. Теперь палачи будут изощряться, чтобы заставить жертву явить слабость, а жертва будет насмехаться над их низостью, трусостью и неумением хорошо пытать.

Абенаки, которые, собственно, и взяли в плен этого ирокеза, более не интересовались его судьбой. Их вожди хотели поговорить с губернатором и его Советом, чтобы узнать, готов ли Ононсио начать против ирокезов военную кампанию. Если да, то союзные племена к ней присоединятся. Ирокезы, которых абенаки видели, пока еще не нападали на деревни здешних индейцев и

миссии иезуитов, но они рыскали в их окрестностях. Их намерения были неизвестны. Леса так и кишели их военными отрядами, – казалось, они идут на Квебек, потому что видели, как они несут свои каноэ по направлению к реке Шодьер.

Гуроны устроили для пленника пиршество, после чего отвели его к месту, где его будут пытаться, распевая по пути песни, прославляющие храбрость воинов, и говоря ему: «Мужайся, брат».

Невдалеке от крайних домов Нижнего города и дороги, являющейся продолжением улицы Абитасьон, на пологом песчаном берегу, они воздвигли пыточный столб. Со зверской радостью пленника привязали к нему и рядом разожгли костер, чтобы раскалить орудия пыток. По понятиям гуронов и ирокезов, пытки были своего рода вызовом плоти, в которой заточена душа, то есть делом благородным, если жертва тоже благородна и достойно принимает вызов. Самые изощренные пытки пытаемый должен был выносить с неизменным самообладанием, ничем не выдавая своей боли.

* * *

В дом Анжелики вихрем влетела Беранжер-Эме; обезумевшая, растрепанная, она, казалось, была на грани нервного срыва.

– Анжелика, идемте со мной! Это ужасно! Я не могу больше выносить этот кошмар!

Ее дом в Нижнем городе находился недалеко от того места, где гуроны пытали ирокеза, и ей пришлось целый день и целую ночь не только ощущать запах горелого мяса, но и слушать зловещие песнопения гуронов и их яростные крики, когда этот полоумный ирокез, вместо того чтобы стонать и молить о пощаде, отвечал на пытки оскорблениями и восхвалением собственных

подвигов. Он перечислял всех родственников и друзей гуронов, которых он убил, и подробно описывал пытки, которым он их подверг, что только разжигало ярость его палачей. Сейчас он наконец замолчал, но был еще жив. Наступила вторая ночь этого кошмара.

Время от времени к нему спускался преподобный отец Жорра, чтобы осмотреть его и поглядеть, не подаст ли он знака, что на него снизошла благодать и он готов обратиться к Богу.

Монахи и монахини молились за то, чтобы он подал знак о своем обращении, до того как испустит последний вздох. Пройдя через крещение кровью, ирокез все равно очутится на Небесах, но всем хотелось, чтобы он дал понять, что идет туда по доброй воле.

Беранжер попыталась умолить отца Жорра, чтобы тот вмешался и ускорил смерть несчастного, но в ответ священник покачал головой. Нельзя мешать отправлению обычаев гуронов, сказал он, да и сам ирокез будет возмущен, если у него украдут его благородную смерть.

- У мужчин просто нет сердца, - сказала Беранжер. - Господин де Фронтенак отказал мне по тем же причинам. Он сказал, что его тоже раздражает этот запах, который доносится и до замка Сен-Луи, и он сожалеет, что гуроны поставили пыточный столб так близко от города, но вмешаться также не может. Что до вашего мужа, то он возразил мне, и наверняка он прав, что не может вступать в дела французов и в их отношения с союзными им племенами дикарей.

- Но почему вы пришли ко мне?

- Потому, что вы женщина, и потому, что говорят, что вы умеете разговаривать с индейцами.

Анжелика задумалась. Она разделяла чувства Беранжер, европейской женщины, не привыкшей еще к суровой и жестокой жизни в Канаде, жизни, освященной

железом и кровью, но понимала также, что вмешаться будет ох как нелегко.

Если бы здесь был Пиксарет, она попросила бы его, он одним ударом томагавка размозжил бы череп пленника-ирокеза, и гуроны не посмели бы ничего сказать, ибо они его боялись.

- Эти дикари ужасны, ужасны, - повторяла Беранжер, стуча зубами. - Ах, и зачем только я приехала в Америку! А ведь моя матушка мне говорила: «Не уезжай!»

Обе женщины сели в карету господина де Лаводьера и спустились в Нижний город. В конце улицы Абитасьон, за которой начиналась поросшая травой пустошь, темноту ночи пронзали языки пламени, освещающие фигуру пытаемого пленника. Анжелика и Беранжер оставили карету там, где кончалась улица, и дальше пошли пешком.

Ни лакеи, ни кучер, прибывшие в Канаду из Франции вместе с молодой четой де Лаводьер и еще не успевшие освоиться, не поспешили за дамами, которые, на их взгляд, вели себя слишком смело. Только мальчик-лакей последовал было за ними, но, сделав несколько шагов, остановился.

Слуги боялись этих краснокожих дьяволов с их странными плясками и жуткими песнопениями, раскачивающихся сейчас там, на берегу, в такт бою барабана в трансе жестокого наслаждения своей мезтью, которой все не было и не было конца.

Увидев это зрелище и вновь ощутив запах горелого мяса, бедная Беранжер окончательно утратила самообладание. Она остановилась, отвернулась, и ее начало рвать. Дальше Анжелика пошла одна.

Приближаясь к месту пыток, она старалась не смотреть на столб, на котором висел человек, обожженный, со снятым скальпом и срезанной ремнями кожей. Из раны в его боку сочилась черная кровь. «Они

съели что-то из его потрохов», – говорили зеваки, смотревшие на это зрелище с площади Кюль-де Сак. Казалось невероятным, что истязуемый еще жив, однако это было так. И гуроны, и ирокезы умели поддерживать в своих жертвах жизнь, несмотря на применяемые к ним изощренные пытки. Это умение было плодом многолетнего опыта.

Так, под пытками погибли миссионеры-иезуиты Бребёф и Лальман, а также многие другие.

У ног ирокеза молодые гуроны жгли костер, и его горящие угли были красны. То один воин, то другой подходили к нему и раскаляли кто топор, кто шило, чтобы причинить своему пленнику новую боль.

Анжелика остановилась в нескольких шагах от Одессонка, их вождя.

Он заметил ее и подошел к ней с надменным видом, так свойственным многим индейцам. Его безбородое, с неопределенными чертами лицо было бы похоже на лицо полной стареющей женщины, если бы не красующийся на его бритом черепе султан из перьев и не суровый взгляд. Это был высокий воин, сильный, с четко очерченной мускулатурой.

Анжелика заговорила с ним вполголоса бесстрастным тоном:

– О Одессонк! Прости мне мою женскую слабость. Я пришла, чтобы просить тебя смягчить твое неукротимое сердце и сжалиться при виде страданий, которые испытывает сердце мое... Перестань мучить этого ирокеза. Прикончи его! Неужели ты еще не утолил свою жажду мести? Не подверг своего врага всем мыслимым мукам, которые он хотел претерпеть? Никто не упрекнет тебя в том, что ты презрел его, не применив к нему всех пыток, которых достоин самый храбрый из твоих врагов... Прикончи его, умоляю. Пощади наши сердца, ведь мы не привыкли хранить в них такую ненависть... Ибо они не ожесточены в битвах... Ты христианин, так

пойми же, что мы не обладаем такой же силой духа, как вы, мы плачем и страдаем при виде Господа нашего, прибитого к пыточному столбу – к кресту, на котором Он был распят. Прикончи этого пленника, Одессонк, убей его ударом твоего томагавка. Ведь вы уже всем доказали свою доблесть...

Гурон остался невозмутим. Ее просьба вызывала досаду и возмущение, ведь речь шла о его престиже. Если он ей уступит, его самого заподозрят в недостойной мягкости к врагам, подумают, что он забыл о своих истребленных братьях. Его собственные воины осудят его и отвергнут.

– Ты нанесла мне обиду, великую, как взрыв Катарунка! – сказал он.

Анжелика не поняла, что означают эти слова: отказ или признание превосходства, перед которым можно и склониться. Она вздохнула с облегчением, увидев, что он поднес руку к поясу и отстегнул свой томагавк, сделанный из округлого белого камня.

Не сводя с нее загадочного взгляда, он несколько раз подкинул на ладони его отполированную рукоять, словно желая убедиться, что оружие удобно легло в руку.

– Я буду тебе благодарна, Одессонк, – смиренно прошептала Анжелика, даря индейцу улыбку. – Я никогда не забуду, что по моей просьбе ты отказался от своего благородного стремления отомстить за убитых братьев. И если тебе когда-нибудь понадобится моя помощь, я тебе помогу.

Одессонк сжал в кулаке рукоять томагавка, затем посмотрел на пленника. Он еще колебался. Помимо своей воли Анжелика повернула голову и на окровавленном лице ирокеза увидела блеск живых глаз. Он следил за их мимикой и понял, чего она хочет от вождя гуронов. Его глаза были затуманены, и их взгляд был смягчен страданием. В этом взгляде она прочла

готовность сдаться. Ирокез был ей благодарен: теперь он мог больше не бояться, что мучители его все-таки сломают и он застонет, как женщина.

Он что-то хрипло пробормотал.

Увидев, что Одессонк все же решил положить конец страданиям пленника, один из гуронов, держащий раскаленный топор, который он собирался вложить в борозду на бедре пытаемого, уже прожженную до кости, начал возражать.

Одессонк, сказал он, не должен прерывать пытки, покуда ирокез сам не испустит дух.

На это Одессонк сказал, что нужно пощадить чувствительные сердца белых женщин, ибо он сам – христианин и живет под защитой Ононсио. И потребовал, чтобы не согласный с ним гурон отошел в сторону. Тот попробовал было призвать в свидетели остальных воинов, которые уже прекратили свою пляску и перестали бить в барабан. Но все молчали. Палачи и сами устали, и были отнюдь не прочь покончить наконец с этим неуступчивым ирокезом. Тот, сохранивший всю стойкость и злобность индейцев, живущих в лесах и привыкших выходить на тропу войны, почти довел их до предела их выносливости, потому что сами они давно уже жили в Лоретте и немного отвыкли от таких ужасных церемоний.

Воин, державший топор, отбросил его в сторону, больше он был не нужен.

Привязанный к пыточному столбу ирокез попытался хоть немного распрямить свое тело, истерзанное, с содранной кожей, обожженное с головы до ног.

Одессонк, занеся томагавк, двинулся к своему пленнику, который наконец-то сможет умереть.

Глава IV

Перед смертью ирокез сказал несколько слов:

– Сюда идет Уттаке. Он убьет вас всех, шелудивые псы!

Это сообщение, похоже вырванное у него человеколюбивым вмешательством Анжелики, было сочтено проявлением доброй воли, открывшим ему путь на Небеса. Еще одна душа будет в раю.

Господин де Фронтенак и господин де Кастель-Морг готовились выйти навстречу верховному вождю союза пяти племен.

Заговорили о войне, и в окрестностях Квебека забили барабаны, сзывая воинов из племен алгонкинов, гуронов и абенаков.

Одессонк обратился к своим молодым воинам с торжественной речью: «Юноши, мужайтесь! Украсьте волосы, нанесите на лица и тела боевую раскраску, наполните колчаны стрелами. Огласим леса нашими военными песнями, разгоним скуку наших мертвых и скажем им, что они будут отомщены».

Господин де Фронтенак и господин де Кастель-Морг попросили графа де Пейрака их сопровождать. Они хотели выйти навстречу Уттаке во всеоружии, но надеялись на переговоры. Ведь не произошло ничего такого, что могло бы заставить верховного вождя ирокезов поднять топор войны, торжественно зарытый в окрестностях форта Фронтенак несколькими годами ранее. Почему же Уттаке хочет нарушить мир? Присутствие рядом с французами его друга Текондероги и ожерелья-вампумы, которые тот ему покажет, могли бы содействовать мирному разрешению ситуации.

Трудность заключалась в том, чтобы удержать от преждевременных военных действий своих союзников-

индейцев, которые уже пришли в крайнее возбуждение. Подобные ситуации бывали и раньше. Фронтенак был в восторге. Он обожал торжественные встречи с индейцами, и особенно с ирокезами. Он любил красоту их речей, их хитроумные суждения, ему нравилось их очаровывать и умиротворять благодаря своей ловкости и пониманию их природы и чувств.

Флоримон попросил отца взять в эту экспедицию и его. Его нынешняя пассия, светловолосая дочь галантерейщика, куда-то пропала, и это его немного беспокоило: уж не заперли ли ее родители?

Его выдала Эфрозина Дельпеш, чей дом находился выше дома родителей девушки. «Я видела следы на снегу, что покрывает вашу крышу, – сказала она им. – Это либо вор, либо ухажер, который лазает по ночам к вашей дочке».

Галантерейщик Прюнель был человек суровый. Он наверняка ищет того, кто шастал по ночам к его дочери, и Флоримону было от этого немного не по себе, поэтому он обеими руками ухватился за возможность отправиться в военную экспедицию против ирокезов.

Все войско, рассаженное в лодки по три, пять или шесть пар весел, покинуло Квебек под крики «ура» и отправилось на юг, к устью реки Шодьер. Поскольку надо было быть готовым ко всему, флотилия разделилась, и часть ее проследовала до Труа-Ривьер на тот случай, если городу будут угрожать военные отряды ирокезов, которых видели в окрестностях миссии Святого Франциска.

На время своего отсутствия губернатор передал военную власть в Квебеке майору Аврансону.

Жоффрей де Пейрак взял с собою в поход графа д'Юрвиля и двадцать своих людей.

– Если вы увидите нашего уважаемого Уттаке, – сказала Анжелика мужу перед отъездом, – то напомните ему, что я всегда считала, что это была большая честь –

получить в подарок вампум, вышитый матерями Большого совета ирокезов, которые прошлой зимой решили спасти нас от голода. Скажите ему, что я бережно храню его в сундучке, который всегда у меня под рукой, и что я черпаю новые силы в созерцании этого залога его дружбы.

Как всегда в час разлуки, она скрыла одолевавшие ее страхи.

За эту зиму она научилась любить его еще сильнее. Зима подарила им споры и примирения, часы любви и откровенные разговоры, построение планов на будущее и мечты о победе, о мире, о возвращении во Францию. Но в основе всего этого лежало то, что было для них первостепенным, главным, – желание оставаться вместе до скончания дней, отпущенных им Богом.

Как объяснить ему все это? Она обратила к нему свои прекрасные зеленые глаза. И он, как всегда, похоже, догадался, о чем она думает, и, немного посмеиваясь над нею, сказал:

– Берегите себя. Я не хочу ограничивать вашу независимость, приставив к вам охрану. Но мне бы хотелось, чтобы, гуляя по городу, вы всегда носили на поясе хотя бы один пистолет... и чтобы он готов был выстрелить в любую минуту.

Глава V

Господин де Ла Ферте и господин де Бардань вместе пили вино в таверне «Французский Корабль».

- В нашем распоряжении была целая зима, чтобы завоевать ее, но у нас ничего не вышло, - тихо говорил герцог, время от времени переходя на шепот. - Эта подлая зима нас предала. Она убедила нас, что покорить ее будет легко. И мы поверили, разве не так? Ведь она была совсем рядом, верно? Но чем ближе мы к ней подходили, тем вернее она от нас ускользала, как будто мы с вами - полные профаны в искусстве обольщения. Она разрушала все наши ловушки, причем разрушала играючи. Чему мы успели научиться до встречи с ней? И от скольких женщин? Так почему же мы попали впросак? Вот увидите, господин королевский посланник, вы тоже столкнетесь с тем, чему нет объяснений. Вы разобьете себе нос о зеркало без амальгамы, за которым вы надеялись увидеть ее.

- Хватит пить! - резко бросил Николая де Бардань.

- А что еще прикажете делать в этом проклятом городке?

* * *

Через открытое окно герцог де Вивонн бросил хмурый взгляд на разлившуюся реку, поднявшуюся до уровня пристаней. Зимняя смерть природы и муки ее воскресения в виде грохочущего ледохода уступили место медленному унылому выздоровлению, полному тяжелых воспоминаний о пережитых мучениях.

В Канаде нежный месяц май выглядел как изможденный недугом больной с землистым цветом лица.

Пока еще зима лишь чуть-чуть ослабила свою хватку. Снег не спешил таять на холмах, в низинах и подлеске, а на берегах и восточных склонах прерий почва превратилась в грязь. Признаки обновления и выздоровления запаздывали. Ни единой травинки, земля продолжала хмуриться, не желая быть спасенной и освобожденной, затаив недоверие.

Подобными настроениями был заражен и сам город. С досадой он обнаруживал у себя поломанные изгороди, водосточные желоба и пороги домов, точно женщина, смотрящая на себя в зеркало после долгой болезни и видящая, что она бледна, растрепана и постарела.

Отсутствие ушедших в поход мужчин и тревога, порождаемая близостью ирокезов, служили хорошим предлогом для того, чтобы слоняться без дела. Никто не желал приниматься за работу, и никому пока не приходило в голову выпустить на улицу свиней.

К весне Анжелика заказала себе платье из тонкого легкого бархата нежно-зеленого цвета, похожего на только что распутившуюся листву. У нее было смутное ощущение, что этим она поторопит обновление природы. Галантейщик специально приберег несколько отрезов ткани для той поры, когда женщины, уставшие от тяжелой, плотной зимней одежды и охваченные стремлением к переменам, будут готовы заплатить ему за них любую цену. У Кружевницы Анжелика приобрела большой кружевной воротник с цветочным орнаментом, которым все прохожие смогут любоваться, когда она будет прогуливаться по улицам в короткой накидке.

Войско отплыло всего три дня назад, но эти дни казались горожанам вечностью, и все тревожились из-за отсутствия новостей.

Хотя все говорили, что воздух еще сырой, Анжелика, как и остальные, открыла окно и любовалась с высоты водами реки. Нынче дул ветер, и гребни волн растаскивали стоящий над рекой туман, увлекая его за

собою, точно белые лохмотья или султаны из перьев, что придавало поверхности воды сходство со взъерошенным ветром птичьим оперением.

Эта игра волн невольно заставляла вспомнить о кораблях, весело плывущих по океану под раздутыми ветром парусами, несясь вперед, к Новому Свету.

Их судьба уже решена, жребий брошен.

Их судьба.

Если король принял решение, направленное против них, то, несмотря на обретенную Анжеликой новую силу, делавшую ее менее уязвимой, ей будет грустно видеть, как от них отвернутся друзья, которых они завели в Канаде. Ей будет больно покинуть Квебек, где она встретила со своим прошлым, со своей молодостью и вновь обрела все лучшее, что в ней есть. Да, король Франции еще может причинить им немало зла.

И она снова пожалела, что весна разрушит их уединение. Еще примерно два месяца, и у оконечности острова Орлеан покажутся белые паруса... Зима почти прошла. И несмотря ни на что, ее мечта сбылась, ибо в Квебеке она прожила чудесную зиму.

По улице, засунув руки в карманы, держа в зубах трубку и натянув красную шерстяную шапку до самых глаз, шагал толстый сын Польки. Вполне удачный результат смешения нормандской и овернской крови с примесью парижской насмешливости, к тому же результат, закаленный в снежных бурях Канады.

- Чего ты хочешь, толстощекий? - окликнула его из окна Анжелика.

Его послала мать, хозяйка «Французского Корабля». Жанина Гонфарель сообщала, что господин де Бардань и господин де Ла Ферте подрались на дуэли.

Как всегда, Анжелике потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что Ла Ферте - это герцог де Вивонн, а когда она наконец это поняла, у нее кровь застыла в жилах.

– Да ты надо мною смеешься!

Она выбежала к нему на улицу и забросала его вопросами.

Посланник короля и герцог, как всегда, пили вместе в таверне и вдруг начали ругаться. По-видимому, причиной их распри стала госпожа де Пейрак, потому что с их разгоряченных губ постоянно срывалось ее имя.

Кто из них предавал ее поруганию, а кто потребовал сатисфакции за оскорбление этой замечательной женщины – этого свидетели так и не поняли.

В общем, они вышли на площадь и скрестили шпаги. Господин де Ла Ферте был ранен. Его отнесли домой, и у него сейчас доктор Рагно, которого юный Гонфарель позвал, направляясь к Анжелике.

– А господин де Бардань?

Этот, по-видимому, не пострадал, во всяком случае, когда господин де Ла Ферте, раненный, упал, господин де Бардань был живехонек. Но приблизиться к нему было нелегко, потому что он размахивал шпагой, грозя продырявить всех вокруг, ибо по его словам выходило, что его окружают только гнусные и подлые людишки, которых надо уничтожить всех до единого. Затем он вдруг отскочил в сторону и затерялся в толпе, а поскольку при этом он кричал, что бросится в реку, его друзья кинулись за ним, но так его и не поймали.

Анжелика начала с того, что нанесла визит герцогу де Вивонну. Она догадывалась, что произошло, – это должно было случиться неизбежно, но она надеялась, что все раскроется только с приходом первых кораблей, когда придет королевская почта и бедный Бардань наконец-то узнает о своих ошибках.

Когда она пришла, брат Атенаис угрюмо сидел перед камином, меж тем как врач перевязывал его раненую руку.

– Что вы ему рассказали? – вскричала она, задыхаясь, уже готовая его отчитать.

Герцог де Вивонн разглядывал дыру в своих шелковых штанах, из которой текла кровь.

- Неужели этому идиоту мало было ранить меня один раз?

- Он не идиот! Что вы ему сказали, что привело его в такое отчаяние?

Ну хорошо! ВСЕ. Он сказал ему все... Если бы ему так сильно не хотелось над ним посмеяться, он бы, пожалуй, его пожалел, ведь еще один мужчина, привязанный к ней, к этой женщине, поистине достоин жалости. Потому что они все к ней привязаны, да что там, не привязаны, а прикованы. Можно сказать, прикованы к ветру... И дело не в том, что она, стерва, или заслуживает ненависти, испорчена, или дразнит мужчин. Просто она НЕДОСТУПНА. Хотя, когда она глядит на вас, вам кажется, что у вас есть шанс...

- Ну что в ней такого особенного?.. Отчего мы все теряем от нее голову? - вскричал герцог, хватая Николая за жабо. - Все: вы, я, сам король...

- Король? - повторил ошеломленный Бардань.

- Как! Вы ничего не знаете? Да-да, король! Король был от нее без ума, он бросал к ее ногам золото, драгоценности, устраивал в ее честь самые пышные празднества, а в ответ на все его милости... она стала знаменитой на всю страну Мятежницей из Пуату.

- Что такое вы говорите? - взревел Николай де Бардань. И отшатнулся, бледный как смерть.

- Ну да, да! - насмехался Вивонн. - Почему это вы вообразили, будто она так уж безобидна, эта женщина с глазами сирены и обольстительной улыбкой, за которой вы, блея, бегаете, как барашек, за которой ухаживаете с самого ее приезда, впадая в экстаз от одного ее взгляда? А между тем шесть лет тому назад она скакала на коне по своей провинции, призывая крестьян к бунту против короля. Того самого короля, который послал вас в Канаду со специальной миссией. Как вы думаете, в

сердце короля еще есть место для этой женщины, которая восстала против него, которая убивала его солдат и поднимала на борьбу с ним города Пуату?

А я вам скажу! Да, в сердце короля жива страсть к ней, к Мятежнице из Пуату! Из всех своих придворных дам именно ее он видит, когда склоняется над бассейном Латоны. Только ее... Ее украшения... Ее кожа, в которой отражается их блеск, такая нежная, прозрачная, светящаяся, что хочется прижаться к ней губами...

Именно после этих слов граф де Бардань встал и сказал:

- Выйдем отсюда, сударь. Мы с вами будем драться.

Когда они вышли на площадь, Бардань обнажил шпагу и бросился на герцога, едва дав ему время, чтобы встать в оборонительную позицию.

- Эти мелкопоместные дворянчики дерутся на шпагах без какого бы то ни было благородства. Я уже упал, а он все не унимался и продолжал наносить мне удары. Правда, я так и не понял, почему упал, ведь укол в руку – это сущий пустяк.

- Вы были пьяны, и ваши слова это подтверждают. На мой взгляд, господин де Бардань был по отношению к вам куда как великодушен. Он мог бы нанести вам гораздо более опасные раны, если учесть, что вы сделали.

- Да что такого я сделал этому вашему любимчику? Этой вашей драгоценной комнатной собачке...

- Вы тяжело ранили его чувства, заставив его понять свой промах и представить себе, как король будет им недоволен. Позднее он все равно бы все узнал. Но сейчас, когда он беззащитен и доведен до крайности тяготами зимы, я боюсь, как бы он не наложил на себя руки.

- Что за вздор! Держу пари, что он сейчас преспокойно сидит у себя дома, хвастаясь перед своими

холуями, что ему удалось меня немного оцарапать, и дожидаясь вас, чтобы и вам расписать свои подвиги. О, это зеленое платье...

- Что такого в этом платье?

- Оно вам к лицу. Вы восхитительны. Но имейте в виду, моя дорогая, оно выглядит слишком просто. Король захочет увидеть вас в более роскошных нарядах.

- Король хотел бы увидеть меня мертвой или заключенной в Бастилию, а ваша сестра тем более... И вообще, перестаньте говорить о короле.

Если бы он не был ранен, Анжелика схватила бы его за кружевное жабо и хорошенько потрясла. Но сейчас вместо этого она осыпала его проклятиями.

- Да кто вы такой, чтобы без всякой на то причины причинять боль тем, кто вас окружает? Никто, пустое место! Да-да, я прямо вам говорю: в моих глазах вы всего лишь пустое место. Вы считаете, что вам все позволено, и смотрите на людей, которые намного лучше вас, как на простые фишки в настольной игре. У вас нет ни сердца, ни совести, ни обаяния, ни даже уверенности в том, что вы преуспеете в своей карьере. Всем известно, как горды Рошешуары, но на меня ни вы, ни ваша сестра никогда не производили особого впечатления, я всегда знала, кто вы есть на самом деле: блестящие наглецы, жадные, спесивые, невежественные и бессердечные. Вместо души и сердца у вас родовой герб, и вы воображаете, будто благородство природы можно заменить огромным количеством поколений благородных предков. Это не де Бардань, а вы идиот, раз не понимаете, что вам, в конце концов, может повредить ваша же собственная злоба. Будьте уверены, я заставлю вас пожалеть о своей бесполезности и зловредности. Это из-за субъектов вроде вас невозможно нигде жить счастливо, ибо вы отравляете даже красоты Версаля. Но я вам обещаю: вы мне за это дорого заплатите. И возможно, уже скоро. Король

примет меня при дворе, вы это знаете. И тогда берегитесь, ведь я отомщу за своих друзей. Если вы – мой враг, я смету вас со своей дороги.

– Не говорите со мной так! Ведь я к вам привязан! – вскричал Вивонн, вскочив так резко, что он не устоял на своей раненой ноге, а доктор Рагно чуть было не свалился в огонь.

– Не двигайтесь так резко, монсеньор, иначе я не смогу вас перевязать.

– Вы все преувеличиваете. Я ничего не имею против вас, Анжелика, – сказал герцог. – И меня мало волнуют интриги, которые вызовет ваше возвращение. Ведь вы знаете Версаль. Это игра, в которой каждый сам за себя, и что поделаться, если Атенаис проиграет. Хоть я и ее брат, но она ошибается, если воображает, будто она королева. Если бы она ею была, мне не пришлось бы отправляться в изгнание и какое-то время не напоминать о себе, чтобы выйти из затруднения. В этом вы правы: она растратила себя в изнурительных и унижительных интригах, защищая удовольствия и почести, которыми у нее даже нет уже ни времени, ни желания наслаждаться. Вы же после такого долгого отсутствия станете при дворе новым лицом. Если вы вернетесь в Версаль, я поставлю на вас. Потому что король тоже устал от тех, кто его окружает. Вот почему он не смог вас забыть. Вот почему он обращает свои взоры к этой святоше Ментенон, вдове Скаррон... Ха-ха! Я вовсе не так глуп и не так плох, как вам кажется. Если вы выиграте, я не причиню вам вреда.

– Хорошо, я это запомню, – сказала она, успокоенная его уверениями. – Но я вас предупредила.

Но когда она повернулась, чтобы уйти, то увидела, что на нее, точно дула пистолетов, устремлены три пары глаз, полных ненависти.

В комнате, в которую она, возмущенная, ворвалась как ветер, было темно, ее освещало только пламя,

горящее в камине. Мысли ее были заняты только Вивонном и тем, что накопилось у нее на душе и что она собиралась ему сказать. Поэтому она не обратила внимания на тех, кто присутствовал в комнате помимо врача. Теперь же она увидела, что здесь находятся и Сент-Эдм, и барон де Бессар, и лакей, исполняющий обязанности и цирюльника, а при необходимости и штатного головореза. Всецело преданный своим хозяевам, он держал тазик с водой, пока доктор промывал Вивонну раны.

Обращенная к Анжелике краткая речь герцога, отмежевавшегося от своей сестры, явно им не понравилась. Возможно, они были у королевской фаворитки на жалованье, а возможно, она удерживала их угрозами разоблачить их прошлые преступления или игорные долги.

От этих свирепых взглядов, которыми они буравили ее из полумрака комнаты, ей сделалось не по себе.

«Я только что подписала себе смертный приговор, – подумала она. – Но ничего не поделаешь, будь что будет».

Она запыхалась, слишком быстро поднимаясь по склону горы. Ее очень беспокоил Николая де Бардань. То, что она знала о нем и о том, как его характер изменился со времен их знакомства в Ла-Рошели, не позволяло настроиться на оптимистический лад, как ей советовал Вивонн.

Николя обладал богатым воображением и склонен был жить скорее иллюзиями, чем разочаровывающей реальностью. Самые большие свои радости он черпал из миражей, которые создавал сам и которые ему помогала поддерживать увлекающаяся и немного самонадеянная натура. Когда он влюблялся, то возлюбленная представляла перед ним в розовом свете, и он создавал в душе ее образ таким, каким хотел его видеть. Что всегда приятнее и легче, чем принаравливать к

характеру реальной женщины, отнюдь не всегда готовой меняться в угоду тому, кто в нее влюблен. Все это отлично работало, пока речь шла о соблазнении жен дворян, чьи замки находились в окрестностях его беррийских владений, или барышень из городков, где располагались гарнизоны, в которых он служил. Правда, в Ла-Рошели ему пришлось немного труднее, и он даже столкнулся с неприятностями, поскольку отцы девушек из протестантских семей ревниво защищали своих дочерей от увивающегося за ними паписта, который хотел их обольстить или, того хуже, взять в жены. От одной мысли о таком союзе волосы на голове достойных кальвинистов вставали дыбом. И все же положение представителя короля по делам религии позволяло ему вести в Ла-Рошели, этой цитадели французского протестантизма, весьма приятную жизнь. Как в свое время маркиз де Вильдавре, он находил город приятным и не имел случая разочароваться в своих мечтах. Анжелика, бывшая в то время служанкой одного из гугенотов, стала для него загадкой. И, пытаясь разгадать ее, он вновь придумал себе иллюзию, которая нынче рассыпалась в прах.

Анжелика вбежала в небольшой парк, окружавший дом на улице Клозери, потом пробежала по ведущей к дому аллее. В зарослях еще виднелись остатки снега.

В вестибюле она увидела офицера из охраны королевского посланника; тот, как неприкаянный, бродил среди царящего в комнате устрашающего беспорядка, ставя на место то упавший стул, то валяющийся табурет. Тем временем секретарь королевского посланника собирал одежду и укладывал в открытые кожаные чемоданы и сундуки.

По их словам, господин де Бардань пришел домой два часа назад, с растерянным видом, и сказал, что немедленно покидает «эти проклятые места».

– И куда он пошел?

Он заявил, что возвращается в дом, который ему отвели с самого начала, небольшую усадьбу посреди равнины Авраама. Он взял с собою только кое-что из одежды, личное оружие и две книги.

- Но в этом доме на равнине Авраама сейчас, должно быть, очень сыро и неудобно! Почему вы не отправились вместе с ним?

- Он потребовал, чтобы я остался сторожить дом, проследил за упаковкой его книг, подготовил все к переезду и присмотрел за слугами. Но все это, конечно, лишь предлог. Он просто хотел остаться один. Он взял с собою только камердинера. Там сейчас находится слуга для тяжелой работы, который сторожил дом, он поможет камердинеру нынче вечером.

Анжелика спросила, который час.

Было пять часов вечера, и на улице было еще светло. Дни становились все длиннее.

- Я пойду навещу его, - возможно, я смогу успокоить его и вернуть домой.

- О да, сударыня, сделайте милость, только вы и сможете его уговорить. Мы, его друзья, видели, что он пришел домой в таком состоянии, словно на дуэли был ранен не господин де Ла Ферте, а он.

- Но что же произошло?

- Как, вы не знаете? Вы же были причиной их дуэли.

- Возможно! Но я не присутствовала на ней. И не знаю, что они друг другу наговорили до того, как один бросил другому в лицо перчатку.

- Признаюсь, я тоже этого не знаю. Но я о многом догадываюсь и уверен, что любое вмешательство с вашей стороны принесет ему лишь пользу. Вы в каком-то смысле виновны в его нынешних душевных муках - он много раз говорил мне, что его любовь к вам, возможно, разрушила его жизнь. Но теперь он боится, что она разрушила и его карьеру, и эта мысль может

подтолкнуть его к непоправимому, ведь он так дорожит своей службой у короля.

- Он наверняка примет меня не слишком-то приветливо.

- Вовсе нет. Ведь вы знаете, с какого боку к нему подходить.

Прежде чем отправиться к де Барданю, Анжелика зашла домой предупредить, чтобы ее не ждали к ужину. Но в доме никого не было - все отправились на прогулку, чтобы искать на лугах первые крокусы. Она велела одному из часовых на новом бастионе передать Иоланде, чтобы та не беспокоилась, если она будет отсутствовать дольше обычного. Этим вечером ей нужно сделать сразу несколько дел.

Она подумала было отправиться во «Французский Корабль», но отбросила эту мысль: сейчас важнее всего узнать, каково душевное состояние Николя де Барданя.

И она поспешила к равнине Авраама.

Она находилась на той же высоте, что и гора Кармель, и вместе с нею являлась самым высоким местом мыса; кое-где все еще лежали длинные языки снега. Но, миновав сад губернатора, можно было найти несколько тропинок, утоптаных прохожими: крестьянами или индейцами, которые, направляясь к Красному мысу или к своим стоянкам в Сент-Фуа или Лоретте, предпочитали идти по равнине, а не вязнуть в грязи Большой Аллеи.

Идя на закат, Анжелика поразились виду неба. Только что она любовалась его пламенными чистыми цветами, и вдруг все переменялось. И взгляду ее предстала странная картина.

Над темной линией горизонта бесконечно тянулись чернильно-черные деревья бескрайнего невозмутимого леса, над ними пылал медно-золотой пожар. По краям этого огромного кострища в виде веера разворачивались гигантские завитки темно-коричневых и угольно-черных

туч, похожих на густой удушливый дым от горящего сырого хвороста. Эти туманности то и дело разрывались, расходились, захватывая золото заката и растворяя его в мелких, напоминающих окровавленную корпию облачках и темно-пурпурных пятнах. Тучи расходились, подобно разорванным занавескам, раздвигаемым титаническим ветром, направление и напор которого были видны, но на земле не чувствовались, так как ничто внизу не колыхалось. Огненное небо открывалось прямо в ад. На краях этого гигантского веера из темных перьев алое пламя заката разгоралось снова, разбрасывая в стороны в многочисленных взрывах рубиновые искры, похожие на разлетающиеся пылающие угли.

Казалось, что там, на западе, в вихрях какого-то апокалиптического катаклизма рушатся гигантские, обреченные на исчезновение города.

«Должно произойти что-то дурное», – подумала Анжелика, и сердце ее сжалось от смутных опасений. Никогда еще она не видела заката столь красивого и одновременно внушающего такую тревогу.

Но что же будет?

Сейчас люди казались Анжелике какими-то маленькими, просто-таки крошечными существами, суесящимися, точно обезумевшие муравьи. Смерть была так близка, всего лишь на том конце жеста, грозящего уничтожить весь мир или одну-единственную жизнь, которая прервется от укола шпагой в сердце. А сама жизнь – это лишь соломинка, подхваченная грандиозным дуновением Природы.

Бег крови в жилах Анжелика вдруг ощутила как настоящее чудо, ведь жизнь, что гонит эту кровь, так хрупка. Жизнь! Никто, никто не заслуживает, чтобы у него отняли это сокровище, эту уверенность, величайшую тайну, заветное обещание.

Она объяснит это Николя де Барданю и заставит его взять себя в руки. Что, в конце концов, значит все это сплетение громких имен, лжи и трагедий? Главное то, что он и она существуют. Что значит король? По сравнению с великой тайной жизни – ничто. Ведь жизнь не сводится к недовольному движению королевских бровей.

Издали заметив огороженный палисадом дом, Анжелика замедлила шаг. Хватит витать в эмпиреях, надо спуститься с небес на землю. Если де Вивонн и правда рассказал бедному Николя все, что знал, то посланника короля мучит сейчас жесточайшее унижение.

Несмотря на известное легкомыслие в речах и всю наивность своих домыслов, Бардань был далеко не глуп. Анжелика догадывалась, что на сей раз никакие ее обманчивые доводы не смогут смягчить унижения, которое он почувствовал, поняв из того, что поведал ему Вивонн, насколько глупым было письмо, которое он отправил королю. На этот раз его богатое воображение, пожалуй, выльется в пессимизм, который погрузит его в бездну отчаяния.

Хотя Анжелика и видела идущий из трубы дым, это ее не успокоило; приближаясь к ограде, она испытывала смертельную тревогу. В этом уединенном доме было всего два этажа, и ставни второго были закрыты. После поспешного переезда слуги открыли их только на первом. Со стороны кухонь доносился стук топора и треск раскалываемых поленьев.

Прежде всего она обошла дом, чтобы найти окна гостиной или другой комнаты, где посланник короля смог уединиться, дабы скрыть от окружающих свою досаду. Приблизив лицо к стеклу, из-за которого лился свет пламени, ярко горящего в камине, она уже готова была увидеть страшную картину – свисающий с потолочной балки труп. Анжелика вздохнула с

облегчением. Она успела вовремя. Господин де Бардань сидел в кресле перед камином.

Однако из-за царящего в комнате полумрака она не могла различить выражения его лица. Судя по позе, он был глубоко подавлен, однако, по-видимому, пока еще не принял яд. Можно было догадаться, что он предаётся грустным мыслям; он думает, что отныне будет влачить существование незадачливого чиновника, навлекшего на себя немилость и доживающего свои дни в одиночестве в глуши своей провинции. Видимо, кто-то постучал в дверь, потому что он вдруг поднял голову. Вошел камердинер с подсвечником. Поставив его на стол, он хотел было добавить к наспех застланной постели еще одеял. Но было видно, что Бардань велел слуге уйти, ему хотелось побыть одному. Камердинер хотел было помочь своему хозяину снять сапоги и перевязь со шпагой, но Бардань нетерпеливым жестом отослал его прочь.

Когда слуга удалился, Анжелика вновь подошла к парадной двери и проникла в дом. Из буфетной слышались голоса: камердинер разговаривал со слугой, который давеча колот дрова.

Она проследовала в вестибюль и, подойдя к двери комнаты, где сидел Бардань, отворила ее. Ее появление не вызвало у него никакой реакции. Отблески пламени, играющие на его впалых щеках и ввалившихся глазах, делали тени, лежащие на его лице, еще глубже. Он постарел лет на десять, глаза его сделались тусклыми.

Анжелика сняла плащ и перчатки и бросила их на край стола. Поскольку он не предложил ей сесть, она сама начала было искать глазами какой-нибудь стул, но тут он вдруг вскочил, и она, застыв на месте, осталась стоять.

- Не приближайтесь ко мне! - свирепо воскликнул он. Затем, еще больше помрачнев, добавил: - Будь проклят день, когда я вас повстречал!

- Какое отношение я имею к дуэли, о которой мне только что сообщили? - спросила Анжелика.

Она отлично знала ответ на свой вопрос, но не хотела с ходу втягиваться в ссору этих двух несносных мужчин.

- Вам это прекрасно известно! И меня нисколько не удивляет то бесстыдство и злорадство, которые вы явили, придя сюда, чтобы насмеяться надо мною, как и другие.

- И кто же над вами насмеялся?

- Герцог де Ла Ферте.

- Но вы как следует его проучили, так что вы квиты. Что касается меня, то я никогда над вами не насмеялась.

- О, в самом деле, - с горькой улыбкой молвил Бардань. - Думаете, я когда-нибудь смогу забыть то... то, что он мне открыл? Смогу забыть то презрение, с которым вы, оказывается, ко мне относились? Он сказал мне, что вы... вы, которую я считал женщиной скромного происхождения - а вы меня не разубеждали, - были, оказывается, в Версале одной из первых придворных дам. Что вы появились там под именем госпожи дю Плесси-Бельер, что вы вдова известного военачальника, члена этого семейства, которое приходится родней принцу Конде. Он сказал мне также, что вас любил сам король... и еще сказал, что вы и есть та самая женщина, что подняла против него бунт, та Мятежница из Пуату, о которой он мне говорил... А я-то! Я-то хорош! Я же написал королю письмо из Тадуссака, в котором утверждал, что вы не имеете с Мятежницей ничего общего. Я вручил это послание господину де Люппе, капитану военного корабля «Марибель», плывшего в Европу. Так что король уже наверняка прочел мое донесение и понял, насколько я глуп и наивен.

- Не делайте из мухи слона. Кто не ошибается?

- Моя карьера погублена, погублена.

- Но ведь вы оказали королю немало услуг, доказав свои превосходные качества. Разве вы не подготовили для господина Кольбера великолепный доклад, над которым трудились всю зиму, доклад, где описывается нынешнее состояние колонии, ее нужды, ее ресурсы?

- Я его сжег. - Он показал на пылающий в камине огонь. - Мне нет ни малейшего дела до этой колонии, до того, будет она жить или погибнет. И мне также нет ни малейшего дела ни до господина Кольбера, ни до того доклада, который я для него готовил.

- Какая жалость! Вы слишком импульсивны. Ведь ваш доклад помог бы вам привлечь внимание этого министра...

- Мне на это наплевать! Все кончено. Я подам королю прошение об отставке и удалюсь в свои поместья.

- Ну нет! Вы не можете похоронить себя в глуши, ведь вы так дорожите своей службой королю!

Он покачал головой:

- Нет! Все кончено. Все это были лишь игрушки. Я возвращаюсь в Берри.

- Полно! Встряхнитесь! - воскликнула она, раздраженная его видом. - Можно подумать, будто на дуэли герцог ранил вас, а не вы его. Кстати, он чувствует себя скверно.

Николя де Бардань устремил на нее проницательный, как у хищной птицы, взгляд:

- Он вас целовал... И Дегре... И король... А я всего лишь марионетка в вашей игре.

- Если речь идет только о поцелуях, то вам грех жаловаться.

- Ни над одним мужчиной так не смеялись, как надо мной. Теперь я понимаю, почему господин Дегре так сардонически улыбался, когда я, рассказывая ему о страсти, которую вы мне внушили, признался: «Я даже готов на ней жениться». Как же так! Вы были той самой

Мятежницей из Пуату, а я, уверенный в вашей невинности, не желая диктовать письмо секретарю, дабы никто ничего не узнал, собственноручно исписал три листа, рассыпаясь в уверениях, что живущая с графом де Пейраком в роли то ли его супруги, то ли наложницы женщина, о коей его величество поручил мне все выяснить, никак не может быть той знатной дамой, которая с оружием в руках восстала против своего государя и которую он разыскивает... И пока писал, все время улыбался. Ведь я был уверен в том, что пишу. Я знал эту женщину, хорошо знал... Это скромная служанка, которой я имел случай оказать кое-какую помощь в Ла-Рошели, католичка, которая сбилась с пути и пошла в услужение к гугенотам, несмотря на все запреты...

- И вы все это написали?

- Да...

- О господи! - сокрушенно простонала она.

- Я умолчал только об одном, - продолжал Бардань мрачно и монотонно, словно бубня молитву над покойником, - о том, что я в эту женщину безумно влюблен.

- Это было бы уже слишком!

Она с трудом сдержала неуместную улыбку при виде изможденного лица бедного сочинителя, который представлял себе все новые мрачные перспективы, вытекающие из его злосчастного послания.

- А может быть, король и так уже знал?

- Знал что?

- Кто вы есть на самом деле... Или же не знал, но догадывался и ждал от меня подтверждения?

Он снова задумался, вспоминая свое письмо королю; теперь каждое слово в нем жгло его, как раскаленное железо. Он представлял, как король читает его и начинает подозревать, что за всеми промахами его

посланника стоит намерение обмануть его или, хуже того, над ним посмеяться.

- Мне отрубят голову! - Но тут же ему в голову пришла другая мысль. - Нет, такому жалкому субъекту не станут рубить голову. Меня отправят на галеры! Нет, меня ждет сырая солома темницы в Бастилии... Да нет, что я говорю! Бастилия для меня слишком хороша - меня ждет подземный застенок в Шатле! Но, - продолжил он, на миг замолчав, - хуже всего то, как вы посмеялись надо мною в Тадуссаке. Ведь вы же, наверное, тоже воспользовались той же «Марибель», чтобы отправить послание в Европу? И кому же? Уж не господину ли Дегре, этой гнусной ищейке? Говорите - это правда?

- Да.

- Вы меня предали!

- Каким образом?

- Я уже вам рассказывал, что этот хитрый полицейский поступил со мною самым невыносимым образом, даже еще хуже, чем я думал. Меж тем, как я воображал, что он меня выбрал и рекомендовал королю за мои заслуги, на самом деле он отослал меня в Канаду - именно в Канаду, - потому что предполагал, что я найду здесь вас.

- Раз уж его выводы относительно моего местонахождения подтвердились, тем более у меня были основания вновь взять все в свои руки. Ваши откровения тогда, в Тадуссаке, еще раз доказали мне, что наша судьба решается в Париже. Нами заинтересовались, и наступил момент показать, в каком направлении мы хотим развернуть ход событий. С той поры, когда мы объявили о себе, нам надо было рассеивать недоразумения, пресекать распространение лживых слухов и, наконец, продемонстрировать всем, что мы вооружены, показать, в чем сила нашего оружия.

Он слушал ее с гримасой отвращения на лице.

- Узнаю ваши расчеты и хитроумные уловки. Теперь, когда вы стоите передо мною, такая уверенная в себе, не испытывающая ни малейших угрызений совести, как я жалею, что тем туманным вечером увидел, как с двуколки сходит это прелестное и несчастное создание, дрожа от страха и холода, опустив глаза и держа на руках своего незаконнорожденного ребенка, которого она стыдливо прятала от глаз окружающих. Она уклонялась от самых обычных, естественных вопросов, которые я задавал ей по долгу службы: о ее имени, состоянии, о том, зачем она прибыла в город.

Анжелика сначала не поняла, о каком несчастном создании идет речь, но затем вспомнила, что де Бардань видел ее, когда она приехала в Ла-Рошель с мэтром Берном, который, проникнувшись состраданием, вызволил ее из тюрьмы в Сабль-д'Олон. Она тогда держала на руках Онорину и чувствовала, как под платьем горит и сочится сукровицей цветок лилии, который выжег на ее спине палач.

Действительно, она имела тогда обыкновение ходить, опустив глаза, чтобы никто не обратил внимания на их цвет. Зеленые глаза были приметой, по которой ее могли бы опознать.

- Как я жалею о том вечере, о том часе, - вздохнул Бардань, - хотя тогда я еще не знал, что приближается моя гибель. Я был тогда счастливым человеком, не привыкшим копаться в себе самом. И в тот момент я ничего не заметил. Я любил женщин, почести, веселую жизнь... Но вы взглянули на меня своими блестящими зелеными глазами - и моя жизнь потекла по другому руслу. Очень скоро стало уже слишком поздно, и я, как впервые влюбившийся подросток, говорил себе: «Так вот она какая, любовь».

Под его удрученным обвиняющим взглядом она вспомнила то, что сказал ей отец Мобеж: «У женщин, которым досталась в удел красота, особая судьба. Их

жизнь отличается от жизни остальных, и одним своим появлением они могут невзначай повернуть чью-то жизнь в другое русло».

- Начиная с этого момента, - продолжал он, - все, что я делал, было безумно, безрассудно и непоследовательно. Я стал всего лишь послушной марионеткой, которую ваши сообщники-кукловоды дергали за ниточки под вашим умелым руководством. Как же вы, должно быть, потешались надо мною, когда, встретив вас в Тадуссаке, я начал упрекать вас в том, что вы прельстились браком с этим авантюристом, соблазнившись его богатством и возможностью занять более высокое положение в обществе. Хорошо, ладно, я не дурак и теперь-то понимаю, что при вашем благородном происхождении выйти замуж за пирата вовсе не было для вас восхождением, пусть даже он с головы до ног был осыпан золотом или жемчугами. Наоборот, это стало бы для вас падением... Однако этот пират тоже принадлежал к знатному роду. Потому что под именем Рескатора скрывался граф де Пейрак, а это знатное имя. Так что все сошлось, и вы разыграли передо мною свою комедию как по нотам. Ведь все было именно так, верно?

- Все было намного сложнее, мой бедный друг, - вздохнула она.

- И вас это, конечно же, забавляет! Вы играете сердцами, как бродячий комедиант горящими факелами.

Анжелика поняла, что его апатия уступила место гневу. И сама она тоже начала выходить из себя.

- Разве у меня была возможность рассказать вам свою жизнь? Каким образом? Походя, между прочим? Между двумя арестами? Между приходом одного корабля и отбытием другого? Между двумя схватками? А когда мы с вами были в Тадуссаке, разве была у меня возможность помешать вам взяться за перо и написать королю все, что вам взбредет в голову? Вы никогда не

слушаете, что я вам говорю. И никогда не слушали то, что я пыталась вам объяснить, если это не соответствовало вашим собственным настроениям. В сущности говоря, Николя, всегда было очень трудно говорить вам правду... По нескольким причинам... Часто мы с вами оказывались в такой ситуации, когда оглашать ее было просто опасно и для меня, и для вас. А кроме того, вы чересчур чувствительны и благородны, и вам слишком хочется, чтобы все происходило, как вам видится в мечтах. И ты чувствуешь, что правда повергнет вас в отчаяние, если не убьет, как, например, это происходит сейчас... И приходилось либо молчать, либо лгать и в конце концов, ради того чтобы пощадить ваши чувства, путаться в собственных недомолвках и лжи. Да, Николя, вам очень трудно говорить правду, главным образом потому, что вы не желаете ее слышать.

Однако ее упреки нисколько не смутили Николя де Барданя.

- Вы напрасно выискиваете предлоги, чтобы оправдать свое коварство, - отпарировал он. - Теперь ваши карты раскрыты, и мне все ясно. Меня удивлял ваш отказ выйти за меня замуж. Для меня это был бы мезальянс, но я готов был пойти на него ради моей любви к вам. Но теперь я понимаю, почему вы мне отказали. Вы мною пренебрегли, потому что я занимал недостаточно высокое положение в обществе. После того как вы были супругой такого важного вельможи, как Плесси-Бельер, и любовницей короля...

- Когда за твою голову обещана награда, когда тебя разыскивает вся полиция королевства... Да тут поневоле будешь молчать...

Он растерянно молчал, и она продолжила:

- И оставьте в покое короля. Он ничего от меня не добился, и я никогда не была его любовницей.

- Почему же?

- Он мне не нравился.

Она сказала это беспечно и надменно, словно напоминая ему, что в любви нет королей, все решает женщина.

- Что вы за женщина, если посмели отказать королю?

Увидев, что она смеется, он воскликнул:

- Да для вас нет ничего святого!

Она продолжала смеяться, глядя на него со смесью нежности и вызова, и он помимо воли снова был восхищен и взволнован и опять впал в отчаяние.

- Почему, почему рок судил мне встретить вас и жизнь моя совершила столь крутой поворот? В этом безобидном белом чепце работающей служанки вы казались мне воплощением скромности, трудолюбия и самой неприступной добродетели. Ни один мужчина в мире не любил женщину так, как я любил вас.

- Все так говорят.

- Но это правда! Вы обвиняете меня в том, что я слишком идеализирую жизнь, но согласитесь, я был рожден не для того, чтобы так страдать, и не для того, чтобы стать жертвой столь тщательно продуманного маскарада и испытать столь горькое разочарование. Вы меня погубили.

Его голос дрожал от такой нестерпимой, тяжелой муки, что она хотела было броситься к нему, но он вдруг встал и выпрямился.

- Не подходите! - снова приказал он. В его глазах горел обличительный огонь. - Я вас слишком сильно желал! Силы мои истощены связанными с вами радостями и страданиями. Я долго хотел верить, что любовь, которую вы мне внушили, дана мне не напрасно, и, когда я повстречал вас вновь, мне показалось, что вы ответите на мое чувство... Теперь же я вижу, что вы опасны. Опасны и разрушительны. Вы внушаете мне ужас. Уходите!

Терпение Анжелики лопнуло, и ее горячей волной захлестнуло возмущение от такой несправедливости.

- Вполне очевидно, - холодно сказала она, - вы, господин де Бардань, обладаете превосходной дикцией, даром слова, знаете толк в трагедии. Вы прекрасно научились обвинять других во всех неприятностях, которые сами же на себя и навлекаете, и все под предлогом страсти, которую вам будто бы внушили. Но я, со своей стороны, не подала к этому ни малейшего повода. Уж не прогневайтесь, я предпочитаю быть той, кто я есть сегодня, а не женщиной с опущенными глазами, которая так вас тронула и о которой вы так сожалеете.

Понятно, продолжала Анжелика, что де Бардань ее встретил, когда она была отверженной, гонимой, загнанной в угол, и что он сохранил об этом волнующие воспоминания, но, увы, она не может разделить его тоску по тогдашним временам... Ибо она имеет полное право жить с гордо поднятой головой, поскольку она вновь обрела подобающее положение в обществе, в чем он ее почему-то упрекает. И ее дочь, беззащитную в своей невинности, более никто не считает незаконнорожденной и имеющей еще меньше прав, чем последняя шелудивая собака. Теперь ее дитя обрело имя и зовется Онориной де Пейрак. И нынче эта маленькая незаконнорожденная девочка из Ла-Рошели посещает школу в монастыре урсулинок и окружена друзьями. И ее, Анжелику, из-за всего этого нисколько не мучает совесть, она ни о чем не сожалеет, так что напрасно он пытается пробудить в ней какое-то раскаяние. И тем хуже для него, Барданя, если он смотрит на нее как на преступницу, пожелавшую его погубить. Потому что она сама всегда питала к нему самые теплые дружеские чувства. Что ж, ничего не поделаешь - теперь она обойдется без его дружбы. И пусть он не воображает, будто это заставит ее пожалеть, что она перестала быть

тем несчастным жалким созданием, по которому он так тоскует. Его сожаление о тех временах, когда она была унижена, доказывает, что он никогда ее по-настоящему не любил. Он ничем не лучше всех прочих мужчин, могущих любить лишь тех женщин, которые беззащитны и всецело зависят от их тирании...

Когда она замолчала, задыхаясь от нахлынувших чувств, ей стало ясно, что она говорила напрасно. Напомнив ему, что у нее собственная судьба и она имеет право на собственные пристрастия, она лишь усугубила его страдания, доказав, как мало места он занимает в ее привязанностях и в ее жизни. Счастье еще, что она просто не прогнала его с досадой, как докучное насекомое, посмевшее нарушить ее покой...

Он смертельно побледнел.

- Ты влюбляешься! - с глухим стоном пробормотал он. - Любишь! А любовь уходит от тебя к другому!.. К тому, кто и так уже получил ответы на все вопросы или для кого она не так уж важна. Любовь захватывает все твоё существо, и, поскольку ты не можешь без нее жить, тебе кажется, что она предназначена тебе судьбой. Но однажды ты понимаешь, что она уходит. Однажды тебе приходится признать, что это был лишь мимоходом упавший на тебя солнечный луч, свет далекой звезды, а порой и вовсе ничего... И что на тебя даже не обратили внимания...

- Вы опять дали волю своему воображению, Никола де Бардань, - возразила Анжелика. - Вы отлично знаете, что я обратила на вас внимание... И даже более того...

- Уходите! - повторил он, указывая пальцем на дверь.

Анжелика взяла со стола плащ и перчатки:

- Хорошо! Я ухожу! Я вернусь, когда вы вновь обретете благоразумие.

Она вышла. Пройдя через темный сад, она остановилась возле ограды и устремила взор на

простирающуюся перед нею равнину Авраама. С вершины горы Кармель дул свежий ветер.

Сумерки и буйные сверкающие краски заката уступили место тихой ясной ночи. Высоко в небе сияла луна.

По небосводу медленно и почти незаметно плыли редкие маленькие белоснежные облачка, похожие на перламутровые кораблики. Земля казалась отражением этого черно-белого неба: в балках и между холмами еще полосами лежал снег, контрастируя с темными участками обнажившейся земли.

«Бедный Николя, – подумала Анжелика. – И чего он так на меня взъелся?»

Ей было грустно оттого, что он так на нее сердит. Ну ничего, завтра она вернется и возьмется за него опять. Она сумеет доказать, что никогда не стремилась его обмануть и причинить страдания с тем злобным коварством, которое он ей приписывает. Она убедит его, что всегда питала к нему уважение и привязанность, объяснит, что всему виной его должностные обязанности, ибо и в Ла-Рошели, и в Канаде он представлял власть короля, и она, будучи отвергнута этой властью, вынуждена была его остерегаться.

Она перебирала в уме все утешительные слова, которые завтра скажет бедному воздыхателю, постоянство и пылкость которого не могли ее не волновать и глубокой вечной любви которого ей будет недоставать. Так, задумавшись, Анжелика поднималась по пологому косоветру, который приведет ее почти к самой вершине Кармель. А оттуда она через сад губернатора спустится в город, на Оружейную площадь.

Она бы успела заметить их раньше, если бы не шла, опустив глаза. Правда, это ничего бы не изменило, ее жизнь все равно была бы в опасности, ибо она находилась посреди пустынного плато и отсюда никто не услышал бы ее крика и не пришел бы ей на помощь.

Они тем временем, должно быть, забавлялись, глядя, как она спокойно идет к ним, погруженная в свои мечты.

Внезапно подняв глаза, она увидела их наверху косогора, по которому взбиралась. Три мужских силуэта, кажущиеся черными на фоне серебряного лунного света.

Теперь до них было уже совсем близко, и она сразу их узнала. Ее поджидали барон де Бессар и граф де Сент-Эдм со шпагами в руках и их широкоплечий лакей с рапирой.

Глава VI

Проклиная свое легкомыслие, Анжелика сказала себе, что должна была предвидеть эту ловушку. Всего несколько часов назад, выходя из дома герцога де Вивонна и поймав на себе полные ненависти взгляды его приспешников, она подумала: «Я только что подписала себе смертный приговор!» Они последовали за нею и теперь поджидали ее вдали от города, посреди этой безлюдной пустоши, где ее крики о помощи никто не услышит.

Ее сердце бешено забилося.

«Он же говорил мне, чтобы я брала с собою хотя бы один пистолет».

– Убийцы! – завопила она.

Так рычит в гневе загнанный зверь, так индеец издает боевой клич, чтобы напугать врага.

Она уже развернулась и побежала в обратном направлении, вниз по склону. Затем случилось то, что позволило ей быстро оторваться от преследователей. Она споткнулась о пласт слежавшегося снега и по ледяной корке съехала на своем плаще до подножия косогора. Приземлилась она немного жестко, вставая, испугалась, что вывихнула лодыжку, сделала несколько неуверенных шагов. Она заметила, что ее внезапный спуск по льду заставил приятелей Вивонна ненадолго остановиться: они явно не решались проделать такой же путь. Увидев ее внизу, они возобновили погоню, решив обогнуть полосу слежавшегося, заледеневшего снега.

Она набрала в грудь побольше воздуха и во весь голос крикнула:

– Господин де Бардань! На помощь!

Она подобрала юбки и снова пустилась бежать, не отрывая глаз от темного пятна дома, в котором

рыжеватым светом горело одно окно.

Она слышала за спиной глухой топот сапог по пропитанной водой земле; они приближались. Почувствовав, что они уже наступают ей на пятки и вот-вот догонят, она резко повернулась к ним лицом. У нее не было никакого оружия. Напрасно она искала глазами хотя бы камень, чтобы бросить его в них, как в стаю волков. Вокруг не было ничего, даже снега, чтобы кинуть его им в глаза, хотя это был бы всего лишь смехотворный жест. Видя, что она стоит перед ними и ждет, барон де Бессар и лакей, бежавшие первыми, остановились, тяжело дыша. Они стояли в нескольких шагах, не сводя с нее глаз.

Барон смотрел на нее со злобной радостью; он не торопился, ожидая, когда их догонит старый Сент-Эдм, который, размахивая шпагой, спешил к ним на кривых ногах, точно разболтанная марионетка, и глаза его горели от предвкушения убийства.

Собрав все силы, Анжелика еще раз истошно крикнула:

- Господин де Бардань! Вашу шпагу! ВАШУ ШПАГУ!

- Слишком поздно, сударыня, - сказал Бессар. - Здесь вокруг ни души. Никто вас не услышит. Вы сейчас умрете.

- Но... Что я вам сделала, негодяи? Как вы осмелились замыслить против меня дурное? Вы за это заплатите!

- И кому же?

- Королю! - крикнула она, зная, что упоминание о нем может их напугать.

- Дьявол спас нас от этого - вам уже не добраться до короля! - рявкнул Бессар. - Мы здесь как раз для того, чтобы исключить это раз и навсегда.

И он шагнул вперед.

Она отступила, не сводя с них глаз и пока что удерживая их на расстоянии властным взглядом своих

блестящих зеленых глаз, взглядом, который, она это знала, мог ненадолго их напугать и остановить, внушив им сомнение в победе. Но они быстро опомнились, видя, что она полностью в их власти.

Мерзкий старик наконец догнал их, хромя и тяжело дыша. Он хихикал, и в этом старческом хихиканье слышалось дьявольское злорадство.

- Хе-хе... Хе-хе... Слишком поздно, моя красавица. Слишком поздно! Хе-хе...

- Сейчас вы умрете, - повторил барон; в глазах его светилась холодная решимость. Он и лакей снова сделали шаг вперед.

Они намеревались окружить ее, не зная, что еще она для них припасла; они ее опасались. Все их внимание было приковано к Анжелике; они наслаждались, упивались ее последними мгновениями, предвкушая ее смерть, и это помешало им заметить, как на них, подобно молнии, обрушилась шпага графа де Барданя.

Он появился так внезапно, словно упал с небес. Одним ударом шпаги он пронзил грудь лакея, и тот тяжело рухнул, не успев даже вскрикнуть.

Тут же развернувшись, Николя скрестил шпаги с Бессаром. Несколько выпадов - и он выбил оружие из руки барона, который был не слишком-то силен в фехтовании, и всадил свой клинок ему в живот по самую гарду, затем резко вытащил, выпустив струю крови, и, наконец, острием проткнул ему горло.

Пробежав вверх по склону несколько шагов, Бардань добрался до Сент-Эдма; тот отбивался руками, как ослепшая летучая мышь. Барданю было достаточно лишь слегка уколоть его, и старик упал. Охваченный праведным гневом, Бардань пригвоздил к земле его живот, сердце, горло, нанес ему удары во все жизненно важные места, словно боясь, что еще не прикончил это ядовитое животное.

Наконец, тяжело дыша, он отступил и стал ждать, глядя на три поверженных тела.

Из троих больше всего досталось графу де Сент-Эдму, и все же он еще был жив. Он вдруг поднял свою безобразную голову, с которой съехал парик, обнажив лысый, как у стервятника, череп. Его стекленеющий взгляд потускнел, из горла фонтаном хлынула кровь, затем его голова откинулась назад, и он застыл, бездыханный.

Вслед за господином прибежали камердинер де Барданя и его дворовый; один был вооружен пистолетом, другой – палкой.

– Мы здесь, сударь! – крикнул камердинер. – Вам нужна помощь?

Когда они подбежали ближе, Бардань властным жестом указал им на три трупа, затем – на виднеющийся вдали край прибрежной скалы, обрамляющей южную границу равнины Авраама.

– Привяжите каждому камень на шею и сбросьте их в реку.

В свете луны он казался мертвенно-бледным. Белое лицо, белые глаза – все в нем было бело от неимоверной ярости, которая от него исходила.

– В реку! Всю падаль в реку!

– Да, сударь.

– По десять экю каждому за труды – и смотрите, чтобы вас не увидели. И еще по десять за ваше молчание.

– Да, сударь, мы всегда к вашим услугам и к услугам короля, – отвечал камердинер, который всегда очень гордился тем, что служит у королевского посланника, выполняющего особую миссию, и которому нравилось осуществлять тайное правосудие.

Что касается дворового слуги, матроса, застрявшего в Квебеке, поскольку во время отплытия его корабля, последнего в этом году, он отсыпался в какой-то дыре

после знатной попойки, то это был малый, выдавший и не такое, и за двадцать экю он готов был забыть, что убил родную мать.

Эти двое молодцов тотчас схватили бездыханных противников – кого за воротник, кого за ноги – и поволокли их к дому.

А оттаявшая земля впитает кровь.

Посмотрев вслед удаляющимся слугам, Николя де Бардань повернулся к Анжелике и, увидев на ее лице восторг, замер, решив, что она повредила в рассудке.

– Вы смеетесь!

– Ничего страшного, – отвечала она. – Нет, я не смеюсь, но какое же это удовольствие, не правда ли? Какое удовольствие!

– Да, – понял он, глядя на острие своей шпаги, окровавленное и сверкающее под луной. – Да, это правда. Я тоже получил удовольствие... почти сладострастное, когда их уничтожал...

Нахмутив брови, он подошел к ней:

– Я узнал людей, которые на вас напали. Они – приближенные герцога де Ла Ферте. Должен ли я понимать, что это он послал их, чтобы вас убить?

– Нет! Нет! – поспешно ответила она, потому что на его лице прочла готовность тотчас бежать в Квебек, взломать дверь обиталища раненого де Вивонна и перерезать ему, спящему, горло.

– Нет! Он тут ни при чем, я готова за это поручиться... Эти разбойники действовали без его ведома... Они... Они мне сказали... Они хотели убить меня, потому что... Они боялись, что я... что я их выдам...

Ей пришлось замолчать, потому что голос ее вдруг задрожал от холода и пережитого страха.

Граф де Бардань, уже вложивший шпагу в ножны, бросился к ней со всех ног:

– Простите меня! Вы же совсем без сил! Я просто скотина.

Он прижал ее к груди:

- Слава богу, я успел вовремя. Я вышел из дому, чтобы сквозь изгородь посмотреть вам вслед. Я услышал ваши крики - их донес до меня ветер...

Он крепко сжал ее в объятиях:

- Ах, любовь моя, мне становится так страшно при мысли, что с вами могла случиться беда! Чем бы стал мир, если бы в нем не было вас?

Поддерживая, он довел ее до дома. Когда они миновали изгородь, ветер стих; в вестибюле Анжелика почувствовала себя уже лучше.

Из кладовой доносились голоса слуг, которые пришли туда в поисках веревок. Они тихо обсуждали дальнейшие действия. «Сначала займемся здоровяком... Старик почти ничего не весит, так что управимся за две ходки... Возьмем волокушу...»

Николя де Бардань на минуту оставил Анжелику, и она услышала, как он говорит им:

- Не снимайте с них ни одежды, ни драгоценностей. Я не хочу, чтобы какой-нибудь предмет, найденный у скупщика краденого, навел на их след. А за упущенную добычу я заплачу вам еще по десять экю. Но знайте: если кто-либо из вас ослушается - а это непременно когда-нибудь раскроется, - то взятое у убитых кольцо или носовой платок будет стоить ему жизни.

- Да, сударь, - хором ответили слуги.

* * *

В библиотеке Анжелика подбросила дров в камин, чтобы огонь разгорелся жарче. Николя де Бардань вошел, подошел к ней и помог ей освободиться от заляпанного грязью плаща. Потом снял с себя перевязь вместе со шпагой и бросил все на край стола. Услышав стук ножен о дерево, Анжелика в мыслях снова

пережила сцену, разыгравшуюся на равнине Авраама. Она вспомнила блеск этой шпаги, пронзавшей ее врагов, фонтанчики крови, бьющие из их тел, и почувствовала, что плачет. Плачет не от страха, не от ужаса, а от радости, от жестокого восторга, который охватил ее и который она не могла из себя исторгнуть, так сжалось у нее горло. Это было чувство, рожденное торжеством справедливости, победой, триумфом, свирепость которого вызвала у нее удушье, когда она вспомнила, как этот сверкающий вездесущий клинок пронзил тела троих злодеев и как, запутавшись в складках своего плаща, рухнул наземь мерзкий Сент-Эдм, словно дряхлый вампир, в грудь которого вбили осиновый кол.

С какой яростью де Бардань прикончил их! С каким исступлением! Она слышала, как сталь вонзается в их плоть, слышала, как они икают, как хрипят перед тем, как умереть, и все это время ею владело счастливое сознание того, что она присутствует при свершении правосудия, при исполнении заслуженной кары – кары, которая доселе казалась невозможной, недостижимой, но которую она видела собственными глазами.

Поверженные! Пронзенные шпагой! Отвратительные. Хоть раз в жизни... До сих пор ей было тяжело смотреть на сцены насилия, даже справедливого, подобные зрелища угнетали ее, как будто это она была виновата в совершаемом в мире зле.

Но на этот раз все было по-другому. Потому что она сама стала другой.

Она обхватила плечи Николая де Барданя.

– Я всегда любила Михаила-архангела, – всхлипывая, проговорила она, – и только теперь понимаю почему. Потому что нельзя все время... позволять им... быть сильнее...

Она обвила руками его шею и прижалась лицом к его горячей коже, горячей коже сильного мужчины.

- Мне следовало бы избрать его своим святым покровителем... его, Михаила-архангела.

Он ничего не понимал из того, что она лепетала про Михаила-архангела. Но чувствовал, как она прижимается к нему, и, когда она подняла свои блестящие от счастливых слез глаза, он прочел в них такую нежность, что совершенно растерялся.

- Вам надо... вам надо сейчас чего-нибудь выпить, чтобы согреться и прийти в себя.

Но она удержала его, притянула к себе его лицо, завладела его губами. Тогда он расстегнул ее корсаж и обнажил плечи.

Она отпрянула, оттолкнув его:

- Послушайте, Николая...

Он побледнел:

- Нет! Нет! Вы играете моими чувствами. Вы доводите меня до безумия, поднеся чашу к моим губам, а потом опять не даете пить.

- Я должна вам сказать...

- Нет... На этот раз я не позволю вам водить меня за нос.

- Да выслушайте же меня, Николая де Бардань! - вскричала она, топнув ногой. - Успокойтесь! И выслушайте меня... Я ЗАКЛЕЙМЕНА: НА МОЕМ ПЛЕЧЕ ВЫЖЖЕН ЦВЕТOK ЛИЛИИ! Вы слышите меня - я заклейна цветком лилии.

Он посмотрел на нее безумными глазами и понял не сразу.

- Да, - продолжала она. - Мне выжгли его раскаленным железом, как убийцам, проституткам и ворам.

- И мятежникам, восставшим против короля?

- Да! - В ее голосе слышался вызов.

Она взяла его руку и провела ею по своей обнаженной спине:

- Здесь. Чувствуете?

Кончиками пальцев он нащупал на ее атласной коже гнусное клеймо – выжженный цветок лилии. От прикосновения его холодной руки она вздрогнула.

– Вы узнаете ее, эту лилию?

Он коротко спросил:

– Почему вы рассказали мне именно сейчас?

– Чтобы вы не наткнулись на нее сами...

Он смотрел на нее, не веря своим ушам. Его губы дрожали. Отчего? От страха перед позорящим клеймом? Или от безмерной радости, ибо он прочитал на ее потрясенном лице обещание и такую же страсть, какую испытывал сам?

– Это... это и было причиной? – хрипло, еле слышно прошептал он. – Так вы поэтому отказали мне в Ла-Рошели?

Она об этом и не думала, но тут же поняла, что должна согласиться. Внушив ему эту мысль, она прольет бальзам на раны, которые, отвергнув его, нанесла его самолюбию.

– Да! А что мне оставалось делать? Я была отверженной, а вы – наместником короля.

– Это было дурно с вашей стороны. Вы должны были... довериться мне...

Он что есть силы стиснул ее в своих объятиях, затем медленно опустился на колени:

– О моя прекрасная служанка!

Горло ему сдавило рыдание. Она почувствовала, как его сильные руки обхватили ее талию стальным кольцом. Он стоял перед нею, коленопреклоненный, как молящийся язычник перед своим идолом, и от прикосновения его лба к низу ее живота, к ее лону, у нее закружилась голова. Ее пальцы вцепились в его волосы, но вместо того, чтобы оттолкнуть эту тяжелую понурю голову, она еще сильнее прижала ее к себе.

Его горячие губы довели ее до блаженства. И сейчас, освещенный потухающим красным огнем в камине, он помогал ей раздеться. Обнаженный, охваченный неослабевающим желанием, еще не до конца утоленным, он двигался медленно, словно в сомнамбулическом сне, и жесты его были нежны и полны благоговения.

Медленно он подвел ее к кровати, и они легли. Они смотрели друг на друга, оторопевшие от совершенной свободы их обнаженных тел, которые теперь могли сплетаться воедино, следуя порывам страсти. Их желание, которому больше ничего не мешало, их даже пугало. Они давали ему окрепнуть, и оно крепло, постепенно нарастало, как мало-помалу приручается дикий зверь. Их руки ласкали друг друга, но они были для них менее важны, чем губы. Губы слились в одном из тех жарких всепоглощающих поцелуев, которые им хотелось изведать и раньше и которым они могли наконец предаться, не боясь, что их страсть останется неутоленной. И это могло теперь длиться долго, настолько долго, насколько хватит их дыхания и сил.

Они целовались долго, страстно, жадно, меж тем как тела их сплетались в объятиях все более и более крепких, доходящих до боли, до пароксизма. Закрыв глаза, отдаваясь темному потоку, бурлению страсти, исторгавшему у них глубокие и сладострастные стоны, они достигли высшей точки блаженства, и оба удивились, ибо не думали, что оно будет таким полным, таким безраздельным.

– О, как вы честны! Как честны! – говорил ей в ночи Николя де Бардань.

Что он хотел этим сказать? Что, перейдя грань близости, она честно предавалась наслаждению? А

почему бы и нет? Ей было хорошо в его объятиях.

Оба они были искушены в любви, что придавало всем их движениям непринужденность и позволяло им отдаваться друг другу в эту первую их ночь без колебаний, без стеснения.

Бардань был искусен и изобретателен в любовных утехах. Чувственный, предприимчивый, он был к тому же охвачен исступлением, ибо сознавал, что сейчас рядом с ним именно ОНА, что это ее он ласкает, целует, обладает ею. Время от времени им овладевало мрачное отчаяние, и его любовный пыл был тем неистовее, что он знал: скоро он ее потеряет. И тогда она, как могла, старалась успокоить его ласками и нежными словами. Но приступы отчаяния чередовались с приступами радости и восторга, когда он упивался каждой частичкой ее тела, требовал, чтобы она дарила его, и шептал ей слова обожания, от которых она смеялась. Прямо посреди его пламенных речей они, обнявшись, словно в колодезь, проваливались в сон, затем пробуждались, чувствуя прикосновение губ, и снова погружались в пьянящую страсть.

Во время одного из этих коротких периодов забытья Анжелике приснились мужчины, гонящиеся за нею, чтобы убить. Она проснулась, крича, но он был рядом, он склонился к ней и целовал, чтобы успокоить.

Она с наслаждением сказала себе, что мерзкие похотливые злодеи мертвы. А она жива, и ее ласкает влюбленный в нее мужчина. У нее всегда будет любовь. Любовь и жизнь!

А те, кто хотел ее убить, сейчас лишь хладные трупы на дне студенной реки.

В порыве нежности и благодарности она прижалась к груди мужчины, который ее спас, и услышала, как бьется его горячее сердце.

В окна лился розовый свет зари. Проснувшись в состоянии томного блаженства, она увидела Николая де Барданя – он стоял перед камином и бросал на еще не остывшие угли растопку и поленья. В полумраке было видно, что кожа его обнаженного тела очень бела – чего Анжелика не предполагала, глядя на его темно-русые волосы и усы, – и блестит, как полированный мрамор. Он медленно подошел и сел на край кровати. Она тоже села, обхватив руками колени; так они и сидели какое-то время, прислонясь друг к другу в объединившей их истоме.

Пальцы королевского посланника поглаживали старый ожог от клейма на плече Анжелики со своего рода сладострастным состраданием.

– Сколько отчаяния, скорби, – прошептал он, – сколько счастья, утраченного из-за ненужных, бессмысленных ограничений, сколько радостей, принесенных в жертву беспредметным страхам, сколько несправедливостей, совершаемых на службе государю! А нужно лишь любить... любить друг друга... Почему я не понял этого вовремя? Почему вы позволили мне утвердиться в моих ошибках?

– Подумайте сами! К чему бы вы пришли, если бы я потревожила вашу совесть образцового чиновника?

– Да! Вы правы! Вы судили обо мне совершенно точно. Я был наивен, я бежал от действительности, боясь, что ее безжалостный свет разрушит иллюзии, которые меня так устраивали. Я смотрел на свое служение королю чуть ли не как на религиозный долг и считал, что наградой за мое рвение станут более высокие должности. Но я выбрал ложный путь. Я не понимал, что для того, чтобы произвести хорошее впечатление в высших сферах и хоть сколько-то

преуспеть, нужно хотя бы навести порядок в собственном доме, следует быть судьей, инквизитором, а не философом и развратником.

Тронутая грустными нотками в его голосе, она потерлась щекой о его гладкое круглое плечо. Ей было приятно касаться его кожи и вспоминать спокойствие этих незаметно пролетевших часов тайного свидания.

Так, прислонясь друг к другу, беззащитные в своей наготе, как задумчивые Адам и Ева, счастливые уже тем, что существуют, они обменивались короткими фразами и воспоминаниями, которые от сладострастных ласк этой ночи утратили всю горечь.

- Я был глуп. Я напрасно полагался на добрую волю людей, не беря в расчет их мрачную нетерпимость... Даже гугеноты, которых я ради их собственного блага хотел вывести на путь повиновения Богу и королю, полагая, что для того, чтобы просветить их заблудшие души, достаточно моего дружеского расположения и разумных бесед, меня презирали. Вы помните семейство Маниго?

Она кивнула.

- Я был очарован красотой и любезными манерами его старшей дочери Жени. Сегодня я понимаю, что мое предложение руки и сердца они отнюдь не сочли за честь, наоборот, оно их возмутило: как же, грязный папист домогается их дочери. И они поспешили выдать ее замуж за Жозефа Гарре, круглого дурака, но зато гугенота, как и они...

Несмотря на демонстрируемую им готовность более смело смотреть в некрасивое лицо реальной жизни, Анжелика сочла за лучшее не говорить ему, что Маниго эмигрировали в Америку и живут сейчас в Голдсборо, такие же фанатичные, как и прежде, и, главное, что бедная Жени Маниго навсегда исчезла в чаще американского леса, похищенная вскоре после высадки

каким-то небольшим индейским племенем, промышлявшим грабежом в верховьях Кеннебека.

Мыслями Бардань все еще был в Ла-Рошели.

- Вот тогда и появились вы, еще большая обманщица, чем остальные.

- В том, что мне приходилось вас обманывать, были виноваты вы сами, это я вам уже говорила. Потому что для вас я родилась в тот день, когда вы впервые обратили на меня внимание. Я шла по улице Ла-Рошели, в одной руке держа корзину белья, а в другой - ручку моей маленькой дочки. Вы решили, что до встречи с вами я не жила вовсе, у меня не было прошлого, со мною никогда ничего не случилось. А что касается моего будущего, то оно целиком и полностью зависело от вашего благоусмотрения. Что, разве не так?

- Все так, моя прекрасная служанка. Признаю, я был ужасным эгоистом. Но вы так завладели всеми моими помыслами, что я никого не видел, кроме вас, такой, какой вы были тогда, на улицах Ла-Рошели. И я никогда не задавался вопросами о вашем прошлом.

- И слава богу, что не задавались... Если бы задались, я бы пропала.

- Я бы вас защитил, - слабо возразил он.

- Нет! Только не тогда... Вы бы ужаснулись, если бы узнали о моих преступлениях, и выдали бы меня правосудию короля.

Он медленно покачал головой:

- Нет! Ужаснулся бы? Возможно! Но выдать вас? Никогда!

- Тогда за вас это сделал бы Бомье. Он шнырял повсюду, как крыса. У него уже были подозрения. Он вызвал из Парижа Франсуа Дегре, чтобы устроить нам очную ставку. Он был уверен, что Дегре опознает во мне Мятежницу из Пуату.

Она почувствовала, как при одном упоминании имени Дегре он вздрогнул, и поспешила добавить:

- А вы?.. Бомье тогда вас удалил, чтобы иметь возможность спокойно меня арестовать. Он знал, что, питая ко мне слабость, вы бы вырвали у него добычу.

Чтобы успокоить его, она нежно погладила его по белому твердому бедру:

- Теперь вы понимаете? Я правильно делала, что лгала.

От ее легкой ласки он застонал в новом порыве безудержного желания. И, вновь опрокинув ее на ложе, сжал ее в объятиях, и взял в последний раз с неистовством отчаяния.

Уходя, она попросила у него какое-нибудь оружие. Она слишком долго пренебрегала осторожностью. Возможно, ее самые опасные враги и погибли вчера вечером, но она больше не хотела рисковать... Он предложил проводить ее, но она отказалась.

Уже рассвело, и она не хотела, чтобы ее видели вместе с ним в столь ранний час. Он приготовил для нее двуствольный пистолет и небольшой запас пороха и пуль. Она стояла перед ним, уже одетая, в своем бархатном зеленом платье и плаще, который его камердинер очистил от грязи.

Она посмотрела на него:

- Ну как? Вы утешились?

- Если вы про то, что вы не со мною, то нет, я не утешусь никогда. Если про то, избавился ли я от своей горечи, то, может быть... Когда-нибудь!

- В добрый час! Мой милый друг из Ла-Рошели, я вижу, что вы снова бодры и довольны жизнью.

Он задумчиво покачал головой:

- Нет! Увы, когда вы так говорите, я не узнаю сам себя... Вы превратили мою беззаботную и пресную жизнь в странный праздник, мучительный и вместе с тем упоительный. Неужели я рожден для таких страданий? Не знаю. Но я никогда не поверну вспять. А теперь надо жить дальше! Какая мука!

- Начните с того, чтобы пересечь океан и вернуться во Францию.

- Ах да! Морское путешествие... Какая ужасная вещь! Вы правы. Вот уж действительно отличное отвлекающее средство от любовных мук. А потом нужно будет еще лицом к лицу столкнуться с Версалем.

- Вы все видите в черном цвете. Если король явил нам свою милость, то в чем он может вас упрекнуть?

- Вы заблуждаетесь. Мое положение вовсе не зависит от того, помилует вас король или осудит. Каким бы ни было решение короля на ваш счет – порадует ли он тому, что может вновь призвать вас к себе, или тому, что вновь нашел вас и теперь может обрушить на вас всю мощь своего скипетра, дабы показать миру, какую цену платят те, кто поднимает против него мятеж, – я навсегда останусь в этой истории лишь чиновником, выставившим себя на посмешище, поскольку позволил обвести себя вокруг пальца и непроверенными заявлениями продемонстрировал свою некомпетентность. Так что для меня возможен лишь один исход: склонить при встрече с королем голову и стерпеть весь его сарказм. А бичевать наш государь умеет.

- Что ж, ладно! Но чтобы поддержать вас в этот тяжелый момент, я дам вам один козырь. Николя, как бы пренебрежительно ни обошелся с вами король, как бы язвительно он с вами ни говорил, помните, он лелеял ту же мечту, что и вы, однако партию выиграла вы, поскольку получили то, что ему не досталось...

- Для меня это действительно будет большим утешением, – сказал Бардань и поднял голову.

Его глаза сверкнули.

- Возможно, теперь, глядя на него во всем его королевском блеске и величии, я буду думать о том, что как мужчина он внушает мне жалость.

- Вот это прекрасная мысль! А я буду надеяться, что воспоминание об этом поможет вам сохранить при встрече с королем достоинство и хладнокровие.

- Но удастся ли мне избежать Бастилии? - вздохнул он. - Теперь мне хотелось бы только одного - вернуться в свое имение.

Он заговорил о своем стремлении возвратиться к спокойствию полей и уюту своей небольшой усадьбы. Только это, по его мнению, могло пролить бальзам на его раны, которые причиняют ему нестерпимую боль. Он с удовольствием вернется в свою библиотеку, составленную из отборных произведений его дедом, который водил дружбу с сочинителями и знал самого Монтеня. Слуги, которые его любят, будут очень рады его возвращению в заброшенный дом предков. Там всегда была очень хорошая кухня. И соседи приятные. Он будет гулять, вновь обойдет уголки леса, долины, холмы, увидеть которые ему будет так же радостно, как старых друзей. К тому же в Берри все времена года отличаются хорошей мягкой погодой, даже зима, снежная и нехолодная.

- Думаю, все ваши мечты сбудутся. И я покидаю вас, почти завидуя вашему житью в деревне и вполне успокоившись на ваш счет. Ваш тонкий ум и эпикурейские вкусы помогут вам построить для себя счастливую жизнь.

Она обняла его за шею:

- До свидания, мой храбрый Михаил-архангел.

- Почему Михаил-архангел?

Но ответ был ему уже не важен. Что бы она ни сказала, какой бы неожиданный, безрассудный, прелестный ответ ни дала, он не сможет принять его, не погрузившись вновь в мир туманный, чарующий и вместе с тем жестокий, потому что этот мир становился для него недостижимым, ибо медленно удалялся к горизонту, за которым он ее уже не встретит. И будущее

в деревне, которое он только что с воодушевлением ей расписывал, вдруг показалось ему пресным и тусклым. Он должен расстаться с ней. Он ДОЛЖЕН...

Двумя руками он отодвинул волосы Анжелики, взял в ладони ее лицо и окинул взглядом ее лоб, глаза, горячие губы, немного распухшие от их неистовых поцелуев. Никогда он не сможет расстаться с ней! Никогда! Но он ДОЛЖЕН!

Надтреснутым голосом, словно изнемогая под тяжестью чувства, одновременно сладостного и душераздирающего, в котором смешались безграничное счастье и такая же безграничная грусть, он попрощался с ней:

- Сердце мое! Прощайте! Вы уносите с собою мою душу!

Глава VII

Анжелика шла по равнине Авраама. В том месте, где она едва не погибла, она остановилась. Было раннее утро, и воздух, теплый и свежий, чуть попахивал дымком. Длинные полосы снега явно уменьшились в размерах, и, если день будет солнечным, они исчезнут совсем.

В том месте, где ее едва не убили, земля была утоптана сапогами, и в некоторых местах грязь казалась темнее.

Анжелика разглядывала эти единственные следы разыгравшегося здесь ночью боя, и внезапно ее охватило чувство безграничной благодарности Богу за то, что Он ее спас. Она была жива, а ее враги – мертвы. Никогда еще смерть не была от нее так близко.

Она зашагала дальше, храня в сердце, как самое драгоценное сокровище, это прекрасное слово – жизнь. Жизнь, которую у тебя могут в любой момент отнять, жизнь, этот бесценный дар, которым она все еще обладала, который несла в своем гибком счастливом теле. Утро еще хранило в себе отблески восходящего солнца. Вдалеке синеватые тучи выстраивались над безмятежным розовато-медным озером, а из долин поднимался и стелился по земле розовый туман. Скоро настанет день, и небо побледнеет. Сейчас же было ясно и свежо. Внизу колокольни и остроконечные крыши Квебека щетинились флюгерами и крестами.

Анжелика начала спускаться к городу. Из-за деревьев появился какой-то человек и, поджидая ее, вышел на тропинку. Она тотчас положила руку на рукоятку пистолета, который ей дал де Бардань. Любой человеческий силуэт, показавшийся здесь, на пустынной равнине Авраама, внушал ей опасения. Но, узнав

молодого Анна-Франсуа де Кастель-Морга, она успокоилась и пошла дальше.

Молодой человек смотрел на нее с мрачным видом. Она окликнула его и улыбнулась, но это нисколько его не развеселило. Она увидела, что он необычайно бледен, лицо его было напряжено, – казалось, его так жестоко мучит какое-то чувство, что он не может говорить.

– Что происходит, Анн-Франсуа? – встревожившись, спросила она.

Внезапно он вновь обрел дар речи и в ярости, с искаженным лицом, воскликнул:

– Ага! Карточная игра продолжается! В ходу только дамы и короли, а валет не в счет, он всеми отброшен! – Затем голос его зазвучал глухо. – До сих пор лишь одна мысль не давала мне сойти с ума: зная, что вы окружены поклонением и моя мечта о вас несбыточна, я говорил себе, что это лишь потому, что вы добродетельны. А вы отдались этому Барданю. Ему повезло... Но почему? Почему ему, а не мне? Ведь вас даже нельзя назвать верной женой.

Столь резкая тирада удивила ее, и она было открыла рот, чтобы ответить, но он опередил ее:

– Не отрицайте этого. Я прогуливался и видел, как вы выходили из его дома.

– Господин де Кастель-Морг, вы слишком часто оказываетесь там, где вас вовсе не хотят видеть, – сухо сказала она.

– О да! Это правда! – В его смехе послышалось горькое разочарование. – К моему несчастью, я вижу слишком, слишком много...

Глядя на нее с мукой, которая старила его юное лицо, он прошептал:

– Ты влюбляешься... а любовь уходит от тебя к другому... И ты понимаешь, что остался совсем один, что на тебя не обращают внимания, что тебя лишили того,

что еще вчера давало тебе силу и уверенность, что ты несправедливо наказан.

Он говорил теми же словами, что и Николая де Бардань. Как будто, любя без ответа, он открыл для себя лишь одну сторону любви – ее жестокость. Анжелике стало его жаль.

– Мой бедный Анн-Франсуа, что за безумие вы вбили себе в голову? Вы для этого еще слишком молоды. Мир полон молодых девушек, красивых, улыбающихся...

– ...и глухих! И совершенно неопытных! Да, я мог бы ими удовольствоваться. Зачем я повстречал вас? Почему вы показались мне наделенной столькими достоинствами, что я поверил в реальность существования женщины, в которой воплотились все мечты, женщины, которой на самом деле не существует? Я уже не ребенок, и вы прекрасно знаете, что я полюбил вас, как мужчина может полюбить женщину. Я разрывался между мечтой обладать вами хотя бы одну ночь и уверенностью, которая удручала меня и вместе с тем еще больше усиливала мою любовь, – уверенностью, что моя мечта несбыточна, ибо вы не такая, как другие женщины, ветреные и бесчувственные... Как же я ошибался! Вы были моим солнцем, центром моего мира, и вы не имели права...

– Права на что?

– На то, чтобы так меня разочаровать.

– Другие вовсе не обязаны выполнять ваши требования, Анн-Франсуа. Вы должны еще многое узнать о жизни... если хотите иметь успех у женщин. Вы действительно уже не ребенок, в своей эгоистичной непримиримости вы проявляете себя как типичный мужчина. Вы полагаете, что если вы любите, то вам непременно должны ответить взаимностью. Но любовь – это игра, в которой судьба раздает карты, как ей заблагорассудится, и слабый игрок остается в проигрыше.

- Но как же стать сильным игроком, если вся твоя жизнь зависит от слова, от взгляда любимого человека и одна жестокая фраза может повергнуть тебя в отчаяние?

- Но в этом и состоит любовная игра, мое бедное дитя.

- Перестаньте меня жалеть, я уже не дитя. - В его голосе звучала горечь. - Вы очень сильны; даже когда вы виновны, вы не выказываете ни угрызений совести, ни смущения, ни страха. И от этого мне еще горше, потому что теперь я понимаю: шансы были и у меня, и если вы не обратили на меня внимания, значит я вас просто не заинтересовал. Как и все женщины, вы все делаете только ради своего удовольствия, и вам нет дела до того, какие чувства вы вызываете: страсть, отчаяние или ревность.

- Ах, ревность! - с раздражением сказала Анжелика. - Вот бы забыть о ней хоть на несколько часов! Позвольте мне пройти, Анн-Франсуа.

Он медленно посторонился и, когда она проходила мимо него по тропинке, следил за нею жадным взглядом, как будто не мог наглядеться.

- Ваша власть безгранична, - сказал он. - Среди прочих вы околдовали и моего отца, но он даже не осмеливается за вами ухаживать.

- Хватит молоть вздор, Анн-Франсуа. Ваша семья и так уже довольно вмешивалась в наши дела. Мне хотелось бы сохранить о ней дружеские воспоминания, но если вы и дальше будете продолжать в том же тоне, это будет невозможно.

Он понял, что проиграл, что своими гадкими словами оттолкнул ее, лишив себя даже той снисходительной нежности, которую она к нему питала потому, что он друг ее сына Флоримона, и потому, что он молод и красив.

От разочарования его сердце болезненно сжалось, ему захотелось кого-нибудь убить, и он наконец почувствовал себя сильнее, чем она.

- Я мог бы вернуть вам ваш упрек, сударыня, - сказал он, и в его улыбке сквозило превосходство, - в том, что касается неприятностей, которые ваша семья причинила моей, ибо, как бы ни больно мне было вас презирать и представлять в объятиях господина де Барданя, поверьте, что не менее тягостно мне было представить себе мою мать в объятиях господина де Пейрака.

Желая положить конец этому глупому, бессмысленному разговору, а заодно и показать этому юнцу, что она его нисколько не боится, Анжелика начала было удаляться и отошла уже на несколько шагов, когда до нее долетели его последние слова. Она застыла на месте и повернулась к нему. Лицо ее побледнело, но она тотчас овладела собою и холодно промолвила:

- Объяснитесь!

Она вернулась, чтобы выслушать его. Свет, падавший на ее лицо, делал его почти прозрачным. Никогда еще она не казалась ему такой прекрасной. Она мерила его с головы до ног взглядом столь суровым и холодным, что он почувствовал себя униженным. Она требовала от него объяснений, как от нашкодившего ребенка, которого требуют к ответу старшие. Определенно, сила ее была несокрушима, и за это он ее ненавидел.

- Да! Моя собственная мать! - вскричал он. - Она и ваш муж. Я видел их вместе в тот день, когда вы ездили на остров Орлеан. Я был в усадьбе Монтины, на первом этаже... Я знаю, чем они тогда занимались... И Эфрозина Дельпеш, эта претенциозная дура, тоже знает... Я видел, как она следила за моей матерью и так долго поджидала, когда та выйдет из дома, что отморозила себе нос... Можете спросить у нее сами. Вот вам

прекрасная партия в карты: два короля, две дамы, и тем хуже для валета, раз он не в счет.

Этот образ карточной игры был у него вроде навязчивой идеи.

Он тяжело дышал, думая, какие еще доказательства привести своим словам.

– Вскоре после этого господин де Пейрак передал ей дорогую безделушку – кубок из золота и нефрита.

Внезапно она дала ему пощечину, хлесткую, как удар хлыста.

Он держался за щеку, с трудом приходя в себя. Когда он посмотрел ей вслед, она ушла уже далеко и начинала спускаться к городу.

Глава VIII

Пройдя сквозь сад губернатора, Анжелика вернулась в город через Оружейную площадь. Она шла, никуда не сворачивая, как в сомнамбулическом сне.

Слова Анна-Франсуа де Кастель-Морга до сих пор отдавались в ее голове. Они огненными буквами отпечатались в ее мозгу. Она не хотела ни повторять их, ни расшифровывать. Но помимо ее воли в ней крепла уверенность: все, что он сказал, – правда! ЭТО ПРАВДА! Потому что она сама всегда это знала, чувствовала, понимала. Она видела это в неискреннем взгляде Эфрозины Дельпеш, когда накладывала повязку с мазью на ее обмороженный нос.

Она почувствовала это в смущении Сабины, когда, будучи в замке Сен-Луи, заметила маленький золотой кубок. Тогда она еще подумала: «Надо же! И когда он успел ей его передать?»

Она могла бы даже сказать, что поняла это уже по легкости, с которой госпожа де Кастель-Морг ответила на ее вопрос о том, откуда у той кровоподтек на виске. Ее ответ был слишком бойким и беззаботным. Вот дрянь!

Анжелика шагала, не обращая внимания на тех, кто шел ей навстречу. Сейчас ей хотелось только одного – поскорее добраться до дому и запереться в своей комнате. Тогда она наконец сможет обо всем подумать.

Когда она вышла на Соборную площадь, путь ей преградила процессия, выходящая из монастыря урсулинок. Огромная толпа, сопровождавшая повозки и носилки с деталями алтаря церкви Святой Анны, сверкающими свежей позолотой, готовилась сойти по склону горы к пристани Со-о-Матло.

Именно этот день был выбран для того, чтобы перевезти новый алтарь к месту, где совершались

чудеса, расположенному в северной части южного берега реки Святого Лаврентия, Кот-де-Бопре, неподалеку от небольшого мыса. Его установят в новом храме, каменном, заменившем старую, деревянную церковь Святой Анны, которая сгорела.

Новый алтарь сопровождали резчик Ле Бассер, его сыновья и подмастерья, священники, которые благословят всех присутствующих, и многочисленные верующие, которым помогла святая Анна, в том числе и Элуа Маколле, которого она спасла от утопления в реке. Была здесь и малышка Эрмелина, чудом научившаяся ходить и не раз спасенная во время своих побегов из дома, - ее несла черная кормилица Перрина в окружении набожных дам, поющих религиозные гимны. Произведение Ле Бассера будет погружено на две большие баржи, которые уже ожидали в порту. Монсеньор де Лаваль явится позже с большой помпой - он освятит храм в августе, в День святой Анны.

Анжелика ждала, когда толпа пройдет, мыслями она была далеко.

- Вы идете с нами, госпожа де Пейрак? - спросил кто-то из толпы.

- Нет, - ответила она машинально.

Когда процессия прошла, она перешла мостик перед монастырем иезуитов и стала подниматься по улице.

Она не услышала пронзительного крика маленькой Эрмелины, которая, увидев ее, выскользнула из рук Перрины и, как мышь, исчезла в переплетении улочек, примыкающих к Фабричной улице. Ее мать и черная кормилица бросились за нею, надеясь поймать ее, прежде чем на стоящих у пристани баржах поднимут паруса.

В порту уже заканчивались последние приготовления к отплытию. Толпа была полна воодушевления. Даже наименее набожные с удовольствием подхватили религиозные песнопения.

Первая большая баржа быстро заполнилась людьми, держащими в руках ковчежцы, статуи и дарохранительницу.

Поскольку госпожа де Меркувиль и кормилица Перрина так и не вернулись с Эрмелиной, двое других детей Меркувилей тоже сошли на берег, решив не плыть без матери и уступив свои места другим.

- Скажи мне, - спросил юный Гонфарель у Элуа Маколле, - о чем нынче говорят дымы костров, что зажгли колдуны на острове Орлеан?

Подмастерье Ле Бассера держал в каждой руке по статуе. Покрывая их позолотой, урсулинки для пущеого эффекта с помощью шила нанесли на их одежды узор, имитирующий вышивку. Никто никогда еще не видел таких прекрасных статуй.

На большой барже подняли ее единственный почти квадратный парус, тут же наполнившийся ветром, и она стала быстро удаляться вместе со сверкающими золотом деталями алтаря, священниками и резчиками, распеваящими религиозные гимны.

Пели все, кроме Элуа Маколле, который должен был отправиться вместе с алтарным столом на другой барже и который сейчас, приставив руку к глазам, пытался расшифровать знаки, подаваемые колдунами с острова Орлеан.

Двое моряков багром подтянули ялик, на котором надо было закрепить алтарный стол.

- Эй, Элуа, - проворчал один из них, - давай подсоби нам, вместо того чтобы мечтать и любоваться пейзажем.

Но Элуа Маколле вовсе не мечтал. С внезапно посуровевшим лицом, приставив ладонь ко лбу поверх своих зорких глаз, сдвинув кустистые брови, он всматривался в маленькие белые облачка, которые поднимались над островом Орлеан то тут, то там. По мере того как он расшифровывал послание, губы его шевелились.

- Ну, что они говорят, Элуа? - настаивал мальчик.

- Бог ты мой, - сказал наконец один из моряков, - что-то они нынче стали больно говорливы, эти островитяне. Ну, так что они там говорят, Элуа, ведь ты же знаешь все их знаки?

- Они зовут на помощь! - отвечал старик.

Глава IX

Анжелика вошла в дом со двора, и, чтобы попасть в спальню, ей нужно было пройти через большую кухню-гостиную. Утро было уже в самом разгаре, и Сюзанна, засучив рукава, толченым мелом драила медную посуду, напевая при этом, потому что день был солнечный.

Анжелика что-то буркнула в ответ на приветствие милой канадки и, одним духом поднявшись по небольшой лесенке, кинулась в спальню; здесь, в этом убежище, она наконец-то сможет обдумать случившееся.

«Так тебе и надо! Это будет тебе уроком!»

Прислонясь к стене, она с горькой иронией все повторяла и повторяла эту фразу: «Так тебе и надо! Это будет тебе уроком!»

Она точно не знала почему, но этот страшный удар казался ей заслуженным и смертельным. Но не это заставляло ее повторять: «Так тебе и надо!..» – а осознание собственной невероятной глупости, из-за которой она ничего не заметила. Ее предали. Она все потеряла.

Она обвела взглядом небольшую спальню, кровать, на которой она познала столько упоительных ночей, и почувствовала, что поражена в самое сердце. Вид маленького фаянсового нагревателя, на котором они с Жоффреем столько раз вечером или холодным утром, смеясь, подогревали ром или вино с корицей и другими пряностями, был ей невыносим. Боль уступила место приступу безумной ярости. Схватив хрупкий нагреватель, она подняла его над головой и швырнула на пол, разбив вдребезги.

– Сударыня! – крикнула снизу Сюзанна. – Что случилось?

Анжелика взяла себя в руки.

- Ничего! - спокойно ответила она. - Просто разбилась одна вещь.

И, сдерживая ярость, от которой все ее тело дрожало, бесшумно притворила дверь спальни.

«Да, - подумала она, - просто разбилась одна вещь. Мое сердце». Она прижалась лбом к оконному стеклу. Прижав руку к полуоткрытым губам, она сдержала крик, стон, который еще не перешел в рыдание.

«Жоффрей и Сабина... Нет, этого не может быть! Это неправда! Нет, правда! Это правда!»

Чудесное преображение Сабины, внезапно ставшей такой красивой и спокойной, говорило, кричало, что это правда. А в замке Сен-Луи она теперь хранила небольшой кубок из золота и нефрита, Анжелика его заметила. Этот подарок, предназначавшийся госпоже де Кастель-Морг, который Жоффрей счел неуместным вручать ей после досадного выстрела из пушки и который он вдруг без всяких причин передал ей сейчас. Без причин? Теперь-то Анжелика знала эти причины. Когда это произошло? В тот день, когда она была на острове Орлеан.

Передача этого маленького золотого кубка Сабине де Кастель-Морг означала, что между гасконцами наступило полное примирение, в этом не приходилось сомневаться. От этой мысли Анжелике показалось, что она сейчас умрет.

Никогда! Никогда она не сможет этого вынести: Жоффрей, склонившийся над Сабиной с той же самой улыбкой, что и над ней, Анжеликой. Нет! Только не с той же улыбкой!

«О господи! Что же со мною теперь будет?»

На миг она вспомнила, что провела нынешнюю ночь в объятиях Барданя, но ведь Бардань для нее ничего не значил. Эта ночь не имела никакого значения. Между ними ничего бы не произошло, если бы нервы ее не были

напряжены до предела из-за того, что эти мерзкие мокрицы попытались так гнусно с нею расправиться.

А вот Жоффрей никогда и ничего не делал невзначай.

Она всхлипнула и еще плотнее прижалась лбом к холодному оконному стеклу. Она смотрела на пейзаж, который раньше доставлял ей столько радости, и находила его отвратительным. Он тоже ее предал, заставив ее поверить, что жизнь прекрасна и можно все перенести и заново воскреснуть. Теперь в своей мрачной и невозмутимой бескрайности он казался ей пугающим.

Туман, стелющийся серой пеленой по противоположному берегу реки, казался ей печальным дыханием нездоровой земли, обреченной на умирание и напрасно борющейся за жизнь.

«Я знала, знала, что что-то произойдет».

От боли, которой она не хотела дать дойти до берегов ее сознания, у нее закружилась голова. Ее охватила дрожь. Потрясение переросло в острую тревогу. «Я знала, знала, что что-то произойдет! Что-то ужасное!»

Изо всех сил стараясь не лишиться чувств, она отвернулась от окна, чтобы подойти к кровати и лечь.

Тут-то она и увидела стоящего на пороге комнаты Уттаке. Уттаке, ирокеза, верховного вождя союза пяти племен.

Это было всего лишь видение. Он тут же исчез.

Дверь не отворялась, она по-прежнему была закрыта. Но она видела его, видела, словно воочию, с его высоким гребнем из намазанных смолой волос и красующимися в ушах подвесками из надутых и окрашенных в красное мочевого пузыря косуль. Она видела его желто-коричневое лицо, его мощную грудь, покрытую боевой раскраской. Это был он.

«Уттаке! Уттаке! Ирокез! Я его видела!»

От нового страха ее сердце неровно забилося. Почему ей явилось это видение, такое ясное, такое четкое? То, что произошло с нею, начиная со вчерашнего вечера, видимо, помутило ее рассудок. Если только...

Она снова посмотрела в окно, вглядываясь в далекую полосу тумана, который, вместо того чтобы медленно заволакивать небо, расстилался по земле и воде, становясь все гуще. Неужели то, что показалось ей в пейзаже зловещим и аномальным, могло оказаться настоящей угрозой? Неужели эти клубы серого тумана, которые она сочла ужасными, скрывают за собою ужас реальный?

Она пристально всмотрелась в них, парализованная предчувствием, которому пока еще не хотела верить. Но поверить пришлось, ибо в серых клубах она различила огни далеких пожаров.

Селения на другом берегу реки пылали.

Она все поняла.

Пока армия искала их на юге, ирокезы пришли с севера. Если она видела Уттаке на пороге своей комнаты, это означает, что сейчас он на подступах к городу.

Она бросилась вон из комнаты.

- Сюзанна! - крикнула она. - Беги! Скорее! Беги к себе домой! К матери! К детям! Ирокезы! ИРОКЕЗЫ!

Сюзанна, не произнеся ни слова, выбежала из дома.

Анжелика видела, как она взбежала по склону, на который выходила задняя часть дома. Анжелика огляделась. Нужно было что-то быстро придумать. Она прислушалась - не слышится ли уже боевой клич ирокезов? Она вернулась в спальню и открыла сундук, стоящий в изножье кровати. Отбросив одежду, она отыскала вампум, который ей передал прошлой зимой вестник Совета матерей союза пяти племен. Она еще раз рассмотрела его - широкий и длинный, состоящий из белых и темно-синих ракушек, с бахромой из кожи. Все

говорили, что она обладает самым красивым доказательством мирного договора.

«Уттаке! Уттаке! Подари мне их жизни! Как я подарила тебе твою!»

Она свернула вампум и взяла его под мышку. Царящая в доме тишина показалась ей гнетущей, словно предвещающей какую-то ужасную трагедию.

Она спустилась в зал и открыла двери. Дети сейчас у урсулинок, но где Адемар? Где Иоланда? Может быть, они в погребе доят козу? Она взяла мушкет со стойки для оружия рядом с входной дверью и спустилась в подвал в поисках кого-нибудь из слуг. Она обнаружила Адемара и Иоланду на куче соломы; тела их сплелись, и они, по-видимому, занимались деятельным примирением.

Увидев ее, они вскрикнули от ужаса. Совершенно напрасного, так как из всей этой сцены она поняла лишь одно – то, что оба они здесь, а значит, ей повезло.

– Быстро! Быстро! – сказала она им. – Поднимайтесь. Сюда идут ирокезы... Займитесь домом. Заприте все входы. И чердачные люки тоже. Закройте ставни. Уберите приставные лестницы. Ты, Иоланда, встанешь у окна второго этажа, выходящего на улицу, и будешь следить за домом мадемуазель д'Уредан на тот случай, если они пойдут по улице Клозери. А ты, Адемар, будешь следить из моего медицинского кабинета на тот случай, если они придут со стороны Монтины.

– Да... гос... госпожа, – ответил Адемар, застегивая мундир и стуча зубами.

Выходя, она вспомнила, что не подумала о двух часовых, несущих караул в маленьком бастионе, построенном на месте дома Банистера. Выйдя на его плоскую крышу, они обсуждали, почему служанка госпожи де Пейрак выбежала из дома как ошпаренная и кинулась бежать по полю быстрее, чем кулик убегает от лисы.

Анжелика велела одному из них оставаться на своем посту, а другому – бежать и поднять в городе тревогу, но сначала предупредить людей в доме господина де Барданя. Пусть они с оружием в руках караулят ограду улицы Клозери и будут готовы ко всему.

Потом она побежала вслед за Сюзанной к усадьбе Монтиньи. Здесь, на земляной насыпи перед усадьбой, она встретила группу вооруженных мужчин.

– Только что здесь пробежала ваша служанка и предупредила нас, что к Квебеку поднимается отряд ирокезов, – сказал ей командовавший ими старший матрос.

Он, как всегда, спокойно и невозмутимо жевал табак. На всякий случай он отправил двух своих людей предупредить другие посты. Оставшиеся устанавливали небольшую пушку на подставку на четырех колесах; ее притащили с одного из разоруженных кораблей графа де Пейрака.

– Мы преградим ирокезам путь.

Анжелика посоветовала им сделать это наверху, на краю плато. Если ирокезы туда еще не добрались, защитники города смогут закрепиться на ферме Сюзанны после того, как ее семья и дети будут переправлены в безопасное место в Квебеке. В окно Анжелика видела, как горит Шато-Рише.

– Надо помешать им преодолеть склон горы, который отделяет от них город.

– Куда вы, сударыня? – крикнул ей старший матрос, увидев, что она собирается броситься вперед.

– Я выйду навстречу Уттаке! Мне необходимо с ним встретиться! Я должна с ним поговорить!

– Как может женщина не бояться этого ужасного дикаря? – спросил старшего матроса юный юнга; сам-то он был достаточно напуган предстоящей встречей с ирокезами, которых все так боялись.

- Она вылечила его в прошлом году в Катарунке, когда он был ранен и умирал. Женщина никогда не испугается мужчины, которому она перевязывала раны и жизнь которого была в ее руках. А теперь пойдём, - отвечал старший матрос.

И они пошли по утопанной дороге, ведущей в деревню. Немного дальше они заметили группу людей, в середине которой стояли Анжелика и Сюзанна.

- Беррийцы! - крикнули приближающимся матросам из толпы. - Прибежал один из мальчиков их семейства!

Мальчик дрожал всем телом, глаза его блуждали. Прерывающимся голосом он рассказал, как банда демонов с султанами из перьев на голове бесшумно окружила их дом, разбила топорами ставни на окнах, потому что один из наемных работников успел закрыть на засов дверь. Сам мальчик находился в это время во дворе, в нужнике. Из своего убежища он видел, как ирокезы сняли скальпы с его отца, матери, дяди и их наемных работников, как подожгли их дом и живыми бросили в огонь его маленьких братьев и сестер.

Сюзанна душераздирающе закричала:

- Мои дети!

Сумеет ли она добежать вовремя, чтобы спасти их от такой же страшной участи? Она снова побежала, как умеют бегать только канадки, чьим матерям, а может быть, и бабушкам тоже приходилось опережать ирокезов с томагавками, чтобы предупредить своих родных.

Начали сбегаться мужчины из соседних домов; в руках у них были мушкеты и топоры. Наконец из Квебека донеслись набат и барабанный бой. Со стороны монастыря францисканцев слышались мушкетные выстрелы.

Анжелика бежала так быстро, что начала задыхаться, подгоняемая страхом не успеть спасти семью Сюзанны Легань. Если ирокезы добрались до

фермы беррийцев, значит они уже прошли по мысу, напали на Лоретту и Сент-Фуа, где вырезали семьи гуронов. На Красном мысу им даст отпор форт под командованием Барсампюи. Но к тому времени город будет окружен.

Подходя к краю плато, Анжелика услышала женские крики – это кричала Сюзанна. Друзья удерживали ее, умоляя остаться в укрытии, под сенью деревьев. Оттуда было хорошо видно большое поле и на другом его конце – крыши усадьбы Леганей. Над ними поднимался едкий дым.

– Мои дети! Мои дети! – кричала Сюзанна, в отчаянии ломая руки.

Она хотела броситься бежать к своей горящей ферме, но мужчины удерживали ее.

– Не успеешь ты выйти из чащи, как получишь стрелу прямо в сердце. Они там. Они повсюду.

Пока их еще не было видно, однако в лесу, что стоял на другой стороне склона, чувствовалось их присутствие. Таково было одно из чудес канадского леса – в этом собрании берез, вязов, буков и сосен за каждым, даже тонким, стволом мог таиться готовый к бою дикарь.

Они были там.

Люди графа де Пейрака установили маленькую пушку и приготовили фитиль.

– Можно сделать два-три залпа по лесу, это превратит многих из них в фарш, и им, быть может, захочется отступить. А мы побежим к ферме.

– А если они бросятся прямо на нас? Они нас сметут... Сколько их? Мы ведь не знаем.

– Нет! Подождите! Не стреляйте! – сказала Анжелика.

Она наконец-то отдышалась.

Укрывшиеся под деревьями жители деревни и солдаты не знали, что она собирается делать, и не

поверили своим глазам, увидев, как она бросилась вперед, подняв руки с вампумом.

- Уттаке! Уттаке! Подари мне их жизни!

Она была одна посреди открытого пространства, у всех на виду, уязвимая, освещенная солнцем, в лучах которого ее волосы блестели, отблески которого играли на ее зеленом бархатном платье.

- Отличная мишень! - воскликнул кто-то. - Она погибла!

- Только не с вампумом в руках. Никто не осмелится в нее стрелять.

Анжелика бежала. Хотя твердая земля была скользкой, она мчалась быстро, стараясь поскорее добраться до другого конца поля.

- Уттаке! Уттаке! Подари мне их жизни!

Позже она вспомнила, что на бегу видела пробившиеся сквозь грязь первые зеленые ростки весенней травы. Наконец она добежала до другого конца поля, до края обрыва, который она не могла преодолеть. До нее долетали клубы дыма; за его плотной завесой, внутри которой плясали языки пока еще приглушенного пламени, были видны увенчанные перьями силуэты индейцев, занимающихся грабежом.

«Ирокезы! Они уже там!» Но она успела мельком заметить детей Сюзанны: они были живы и стояли посреди двора. Их со всех сторон окружали индейцы, которых их старая бабушка, сидящая в кресле, пыталась отогнать, размахивая палкой.

Она побежала обратно на середину поля:

- Уттаке! Уттаке! Подари мне их жизни!

Она поворачивалась в разные стороны и кричала, ибо была уверена: он здесь, близко.

Юнга судорожно схватил старшего матроса за рукав:

- Смотри! Там, наверху! На опушке леса... - Голос его дрожал.

Анжелика приближалась к ним снова, она хотела сказать Сюзанне, что ее дети еще живы. Из своего укрытия в зарослях мужчины делали ей знаки, указывая на вершину холма. Там! Выше!

Она повернулась и узнала его.

Уттате, верховный вождь союза пяти племен. Это был он. Ростом он был ниже Пиксарета, но от его фигуры веяло мощью. Казалось, он принадлежит к той же породе, что и деревья, среди которых он стоял. Его абсолютная неподвижность придавала ему сходство с языческим охранительным идолом.

Он выглядел точно так же, как когда она впервые увидела его на опушке леса однажды вечером в Катарунке.

Приближаясь к нему, она узнала высокий гребень просмоленных волос на его бритом желто-коричневом черепе, украшенный иглами дикобраза и черно-белыми хвостами вонючек. Как и в Катарунке, на нем было ожерелье из медвежьих зубов, а в ушах – подвески из выкрашенных в ярко-красный цвет мочевых пузырей косули. Под боевой раскраской угадывалось его гладкое бесстрастное лицо, никогда не искажающееся ненавистью и не напрягающееся от усилий. Выражение пугающих врага чувств ненависти и отвращения, которыми была полна его душа, он предоставил черным, голубым и красным полосам, которыми было расписано его лицо. Бесстрастное лицо. Властная воля.

Приближаясь к нему, она узнавала взгляд его черных, блестящих, медленно пронизывающих ее неподвижных глаз.

«Какой у него жестокий взгляд!»

Но жестокость ли это? Направляясь к нему, держа на вытянутых руках вампум, она вспомнила свои первые

дни в Новом Свете, когда они, она и Жоффрей, были одни лицом к лицу с лесом и индейцами. Вид Уттаке напоминал ей о драме, главным героем которой был он.

Вспомнив все это под пристальным неподвижным взглядом вождя моговков, она почувствовала, как душу ее наполняет мужество.

Остановившись в нескольких шагах от него, она положила вампум к его ногам, затем выпрямилась и спросила себя, что она должна сделать, чтобы выразить ему свое почтение.

«Она присела перед ним в реверансе, – написала позднее мадемуазель д'Уредан. – Так мне рассказали. Перед этим варваром! Как при дворе!»

Он даже не шевельнулся.

Анжелика решила заговорить первой:

– Я рада снова видеть тебя, Уттаке!

– Ты говоришь искренне? – Его хриплый голос, казалось, исходил не от него, а от деревьев.

– Ты это знаешь.

Его взгляд бесстрастного идола на миг блеснул, как клинок ножа.

– Я хотел увидеть ТЕБЯ, – дрожа от гнева, вскричал Уттаке. – Но на моем пути встал этот вонючий лис Пиксарет, он раскроил череп моему лучшему воину Сакахезу. А затем каждый вечер проникал в наш лагерь и снимал скальп с одного воина. Так он возбудил наш гнев, и мы дали себе слово отправиться в Квебек и отомстить за его преступления.

– Но ты же знал, что я здесь и Текондерога тоже.

– Я хотел тебя увидеть. Но это, между прочим, не помешает мне напомнить тебе, что никто не может безнаказанно провоцировать верховного вождя союза пяти племен.

Он казался ей сейчас таким свирепым, что она спросила себя, не стал ли он еще более жестоким, чем

был в прошлом году. На его поясе висело несколько скальпов, и кровь с них стекала по его кожаным чулкам.

Уттаке бросил на нее короткий острый взгляд.

- Эти французы уже не смогут меня обмануть, - сказал он и, немного помолчав, хрипло спросил: - Кто те люди, жизни которых ты хочешь получить от меня в дар?

Анжелика указала рукой на ферму за холмом:

- Женщины и дети из этого дома.

Из-за деревьев неслышно, как тень, вышел другой ирокез, подошел к вождю, и тот, почти не разжимая губ, отдал ему приказ.

Немного спустя внизу, на противоположном краю поля, появились дети Сюзанны.

Уттаке с едким презрением смотрел на ребятишек, которых сопровождали несколько ирокезов, смеясь, исполняя танец скальпов и выкрикивая оскорбления и насмешки в сторону леса, где, как они знали, прятались французы.

Дети были напуганы, но ничем не выказывали своего страха. Эти маленькие канадцы храбро шагали вверх по лугу босиком, чтобы двигаться быстрее; свои сабо они держали в руках. Самый старший, Паком, нес на руках самого младшего, годовалого. Двое других шли, цепляясь за блузу своего старшего брата.

- Зерна, из которых вырастут воины, - пробормотал вождь ирокезов. - Они вырастут и забудут о моем милосердии. Они придут в наши долины, чтобы снять с нас скальпы. Я знаю, змеи какого коварства таятся в сердцах нормандцев!

Когда дети подошли к опушке леса, Сюзанна не выдержала. Она кинулась им навстречу, схватила их в охапку и всех вместе потащила под сень деревьев.

Затем начались долгие разговоры по поводу бабушки. Она была парализована и не могла ходить, но о том, чтобы попросить ирокезов отнести ее в кресле

туда, где находились ее родные, не могло быть и речи. Анжелике не сразу удалось найти двух добровольцев из тех, что прятались за деревьями, чтобы перенести ее.

- Эти койоты сдерут с нас скальпы...

В конце концов пошли старший матрос и старик Маривуан, бывший траппер, тот самый, который издавал боевой клич ирокезов, когда напивался допьяна.

Пока они возвращались, неся разбушевавшуюся старуху, ирокезы подпрыгивали на месте и выкрикивали плоские шутки. Они находили эту сцену - двоих мужчин, несущих женщину, - ужасно смешной, просто уморительной. Двум добровольцам было явно не по себе, бабушка же продолжала выкрикивать в адрес ирокезов оскорбления и грозить им своей палкой. Ирокезы были восхищены: эта старушенция и ее оскорбления очень им нравились.

Между тем пожар на ферме продолжался. Сюзанна была слишком счастлива тем, что ее дети живы и она может их обнять. Дом, построенный еще ее отцом, сгорел. Они построят себе новый дом... Ее тетю и работников убили и сняли с них скальпы. Но дети были целы и невредимы.

- Быстро отведи их в дом...

Анжелика вернулась к Уттаке. Он уже отходил в лес. Снова наступила тишина, нарушаемая только далекими редкими выстрелами из мушкетов. Неужели он уже отдал приказ? Ирокезы бесшумно уходили, как уходит морской отлив.

Вдалеке мушкетные выстрелы становились все реже и в конце концов стихли совсем.

- Я хотел тебя увидеть, - сказал Уттаке. - Когда я приблизился к Квебеку, я позвал тебя.

- Я знаю. Но ты позвал меня слишком рано. Если бы ты не послал мне видение, город сейчас принадлежал бы тебе.

- Кто сказал тебе, что я хотел войти в город? Я вовсе не хочу ранить французов в самое сердце. Я просто хотел, чтобы они не забывали о моем могуществе и моей хитрости. Почему они заключили союз с таким хорьком, как этот Пиксарет? Почему они покупают бобровые шкурки только у гуронов? Почему они пренебрегают нами? Если бы не вероломство Пиксарета, возможно, нынче не пролилась бы кровь.

- Возможно!

Было видно, что мысль о том, чтобы проникнуть в Квебек, вызывает у него отвращение. Страх перед белым человеком, перед новыми и новыми ядовитыми укусами в конце концов подорвала уверенность ирокезов в себе. Нередко французы разгадывали их самые сокровенные и древние хитрости.

- Я никогда не войду в этот город-западню, - сказал Уттаке. - Цель моего похода - УВИДЕТЬ ТЕБЯ! Я хотел повидать тебя, а ты была в Квебеке вместе с Человеком Громом. Квебек... Иногда надо доказать себе, что еще помнишь ведущие к нему дороги. Уже много лун миновало с тех пор, когда я был молод. Французы тогда пришли в долины моговков около Ниагары и принесли с собою войну. Они сожгли наши селения, наши длинные дома. Во время похода, которым командовал господин де Траси, меня взяли в плен. Тогда-то я и попал в Квебек. А потом они перевезли меня через океан.

На несколько мгновений он задумался, как будто перебирая в уме свои воспоминания о том, что он пережил на другом берегу океана.

- Гоняться за оленями в их Булонском лесу было плевым делом, - сказал он. - Они увидели, что сыновья племени моговков бегают быстрее всех в мире, и говорили: «Им цены нет!» Все эти французы в своих высоких каменных домах, где можно заблудиться. Но потом меня отправили на каторгу, на галеры. Меня, Уттаке, сына вождя племени моговков из союза пяти

племен. Знаешь, каково мне было на галерах? Целыми днями я толкал огромное весло. Вода в том море такая соленая, что разъедает раны на человеческом теле... Я оказался в мире, населенном демонами, которые, не видя и не зная меня, не давали мне покоя. У них были мерзкие бороды, они не имели стыда и все время орали, пребывая в отвратительном гневе. Для них не существовал Великий Дух Оранда. Они были не способны даже представить его себе. Великий Дух отринул их, как выбрасывают нечистоты.

Вот о чем верховный вождь поведал ей под сенью небольшого леска на своем изысканном французском, говоря быстро и монотонно.

- Я понимаю тебя, Уттаке.

Анжелика с трудом представила себе Уттаке, этого свободолюбивого жителя американских лесов, в зловонной яме среди гребцов на галере, этих отбросов общества, знакомство с которыми потрясло его больше, чем удары плетей надсмотрщиков, кандалы на ногах, отвратительная пища и тяжелый, адский труд.

Анжелика спрашивала себя, что за идиот-чиновник отправил этого врага французов на галеры, совершив нелепую ошибку, которая имеет столь тяжкие последствия.

* * *

- Да что она там делает? Что она делает? - раздраженно ворчал капитан ополчения, прибывший на подмогу прячущимся под деревьями французам вместе еще с шестью вооруженными горожанами. Его едва удержали от стрельбы.

Ему объяснили, что нужно подождать, когда госпожа де Пейрак закончит разговаривать с вождем ирокезов Уттаке.

- Уттаке? Что же, он у меня на мушке, но мне нельзя стрелять?

- Угомонись! Их слишком много, и они могут легко нас смести. Госпожа де Пейрак держит с ним совет, а ты же знаешь, советы у индейцев могут продолжаться месяцами.

Капитан ополчения вздохнул. Ему изрядно надоело сидеть на корточках вместе с прочими, как стайка индейских женщин, вокруг бесполезной пушки, предоставив женщине решать исход войны.

- Но что же она там делает? О чем они говорят? Не представляю, как такая утонченная дама может беседовать с этим грязным жестоким дикарем, да так, словно они стоят в какой-нибудь гостиной! И как он еще не разможил ей череп своим томагавком?

- В Катарунке она в одиночку притащила его, раненого, в форт и спасла ему жизнь. Такие вещи дают женщине власть над самым свирепым мужчиной.

* * *

- Меня освободил господин губернатор д'Арребу, - вновь заговорил Уттаке, продолжая рассказывать Анжелике о своих скитаниях и злоключениях в странных землях Французского королевства. - Но, увидев, где я находился все это время, он, должно быть, сам понял, что теперь я могу быть для его народа только врагом.

Он не просил ни согласия, ни одобрения, а только хотел объяснить, что для него борьба против французов была естественной и неизбежной.

- Почему они так сильны? Их сила от Сатаны?

- Уттаке, в твоём голосе я слышу жгучую обиду. Я знаю, что за конфликт разделил ваши сердца. Он выражается вот в чем: хоть ты и враг французов, это еще не означает, что ты стал союзником англичан. Ты не

любишь англичан. Ты не желаешь поддерживать их начинания, и тебе не по душе даже вести с ними торговлю. Продавая им шкурки, ты испытываешь отвращение. Французы не такие. Ты бы не питал такой ненависти к этим французам, Уттаке, если бы знал, как вы похожи. Ирокезы и французы похожи, как братья, и их союз был бы прекрасен. Жители английских колоний завидуют из-за этого французам, я сама слышала, как они сетовали: «Это невероятно, до какой степени ирокезы склонны спеться с французами». Они часто жалуются, что «природа поселила в сердцах французов и индейцев взаимную приязнь».

- Это важно, - признал Уттаке. - Действительно, когда я ищу гостеприимства, я предпочитаю посидеть в жилище француза, выкурить с ним трубку перед очагом, а не идти к более богатому англичанину или голландцу. Но эти хищники гуроны все запутали. Еще до того, как французы прибыли в наши края, они решили переманить их с их огненными палками на свою сторону. Они сумели уговорить Шамплейна, и мы стали врагами навеки. Вот поэтому мы и истребим гуронов всех до единого. А что касается французов, то я скажу: слишком поздно. Нельзя повернуть воды реки вспять. Но на нашу землю пришли Текондерога и ты, Кава; вы хоть и французы, но какой-то другой породы. Вы не питаете к нам злобы, как ваши соотечественники. Вы не запятнали своих рук кровью наших братьев и попытались помешать кровопролитию среди нас и французов, с которыми мы так похожи, вы принесли нам надежду. Я не обману твоего доверия и не сведу на нет то, что вы сделали в Катарунке, когда остановили жаждущую мщения армию ирокезов только благодаря своему мужеству, ибо смерти вы боялись меньше, чем обвинений в вероломстве и измене нашему союзу. Да, ты права, Кава. Я знаю, откуда берется огонь, что пожирает нас изнутри. Мы слишком близки с французами, слишком похожи как в

нашей храбрости, так и в нашей хитрости. В наших войнах мы не перестаем состязаться в жестокости и вероломстве. Кто кого перехитрит. Кто окажется отважнее, ловчее. Что ты скажешь о моем сегодняшнем сюрпризе? Все говорили, что ирокезы придут с юга. Вождь онондагов Тахутагет посылает к Ононсио гонцов. И армия Ононсио идет навстречу великому Уттаке. Но великий Уттаке с тысячей воинов тем временем переправился через реку Святого Лаврентия там, где она узка и слаба, как небольшая речушка, и по землям миссикуа добрался до реки Утауэ... Он проходит, щадя этих глупых и примитивных утауэ и не разоряя их деревень, чтобы о его продвижении не проведали французы. Они идут с каноэ на голове, а большие лодки переносят десять или двенадцать воинов; они преодолевают пороги, реки и озера, и, несмотря на весеннее заболачивание и оставшийся кое-где лед, Уттаке со своими воинами выходит к истокам реки Гуфр, спускает свои каноэ на воду реки Святого Лаврентия в бухте Сен-Поль, плывет по течению и добирается до Квебека С СЕВЕРА... Так все и произошло, верно?

- Так все и произошло, - согласилась Анжелика.

- И никто не подумал, что это возможно?

- Никто.

- Даже ты? Даже Текондерога?

Она заколебалась.

- Я не могу знать, о чем он подумал... Но он отправился на юг вместе с Ононсио. Если он и догадывался, что ты придешь с юга, он ничего об этом не сказал.

Уттаке принял снисходительный вид:

- Пусть вас, белых, не унижает то, что ваш дар предвидения оказался слишком слаб и вас обманул такой индеец, как Уттаке. Ибо он не такой, как другие индейцы. Он - бог облаков и говорит с самим Орандой. Среди вас, французов, есть замечательные прорицатели

и шаманы, которые видят невидимое, предвидят будущее и чувствуют, что несет с собою ветер. Но Уттаке самый сильный, он может запутать любого на расстоянии, может усыпить его, сбить с пути, а Бог свидетель, вас, французов, легко сбить с пути.

Он покровительственно и пренебрежительно рассмеялся, как будто говорил с невнимательными детьми.

- ...И вот я пришел, я у ворот Квебека, и моя армия наводнила его окрестности, как река затапливает тростник во время дождей, когда вода подступает к порогу твоей хижины, а ты и не видел, как она прибыла. Говорю тебе: Квебек надолго запомнит этот день, когда его жизнь была в моих руках.

- Да, Квебек запомнит этот день, - повторила она.

Ее терзала тревога, когда она думала о поселенцах на южном берегу реки и острове Орлеан, которые приняли на себя первый удар. Кому принадлежат окровавленные скальпы у него на поясе. Гийметте? Семинаристам из школы Сен-Жоашен?

- Не грусти, Кава, - сказал Уттаке, проследив за ее взглядом. - Мужчина доказывает, что он мужчина, только когда ему хватает духу пойти навстречу смерти или принести смерть кому-то еще... Или, что еще хуже, когда он противостоит угрозе потерять все, чего он добился в жизни, утратить свои звания и богатства. Он убивает других, но при этом начинает с того, что несет смерть себе, ибо предвидит, что она возможна. Он ранит других, но при этом опять же начинает с того, что наносит раны себе, ибо он знает наперед, что может потерять все, что ему дорого и что он кладет на чашу весов, когда вступает в бой. Таков удел мужчины с момента его рождения на свет.

Он воздел к небу свои мускулистые руки, смазанные медвежьим жиром и украшенные браслетами из перьев:

- Смотри! Наши тела и наши сердца покрыты шрамами, таков удел нашей плоти.

Проследив взглядом за движением его рук, она подняла глаза и вдруг увидела на ветках вчера еще бесплодных зимних деревьев множество переливающихся зеленых капель. Первые почки.

Дул легкий теплый ветерок. Было слишком тихо. Воины Уттаке отошли, и теперь, когда вождь ирокезов остался с нею один, ее внезапно охватил страх.

- Поберегись, как бы тебя не захватили в плен, - сказала она, оглядываясь.

На лицо Уттаке набежала тень, и он снова сделался страшен; глаза его метали молнии.

- Ты хочешь сказать, что они осмелятся поднять на меня руку, когда я веду переговоры о мире и когда между нами лежит столь ценный ваямпу? - Он дрожал от негодования. - Вот до какой степени вероломства могут дойти твои братья французы, если даже ты считаешь их способными на такое бесчестие!

Он зарычал и опустил на плечо Анжелики свою руку, смазанную жиром и испачканную кровью со скальпов, которые он нынче утром снял с французов, этих проклятых братьев, слишком любимых, слишком опасных и не оправдавших его надежд...

- Пусть они тоже поберегутся! Ведь я могу взять тебя в заложницы.

- Нет! - запротестовала она. - Я сказала это, потому что боюсь за тебя, но я говорила как женщина, не подумав.

- Ты боишься за меня? - спросил он уже более мягко.

- Да! Потому что заметила, что твои воины ушли и ты остался один. Но я знаю, как ты силен. Я превратно судила о своих братьях и напрасно сомневалась в их порядочности. Никто сейчас не готовит тебе ловушку, Уттаке, даю тебе слово. Сегодня не будет ни хитрости, ни вероломства. Население Квебека беззащитно, потому

что многие солдаты ушли вместе с губернатором. Женщины и дети Квебека благословят твое великодушие, если ты решишь не обрушивать на них свое мщение. И еще: пойдй к Ононсио, встретиться с ним.

- Я не ступлю дальше края этого поля, - уверенно сказал он. - Такова моя воля. Я не пойду дальше, чтобы угодить тебе.

* * *

В лесу напротив люди задрожали, увидев, как индеец положил руку на плечо Анжелики.

- Он к ней притронулся!

- Он собирается захватить ее в плен!

Но старший матрос с «Голдсборо» продолжал спокойно жевать табак и снова призвал всех сохранять хладнокровие:

- Не усложняйте задачу госпожи де Пейрак. Она знает, что делает, как и ее муж, наш адмирал.

Находящийся среди них плотник Жак Виньо усмехнулся:

- В прошлом году в Катарунке она видала и не такое. Я там был. - Он дернул себя за волосы. - Тогда я бы дал за эту шевелюру еще меньше, чем сегодня, и все-таки мы все спаслись.

* * *

Уттаке убрал руку с плеча Анжелики.

- Я сообщаю тебе о моих намерениях. Я собираюсь встретиться с Текондерогой и Ононсио. Но смогут ли они, мои французские братья, удержать этих ублюдков - абенаков и гуронов, жаждущих уничтожить наш народ?

- Они их удержат. Абенаки и гуроны их послушают. Уттаке, ты слишком долго был вдали от своих владений на Ниагаре, где великий водопад охраняет вашу тайную долину... Ты недостаточно хорошо знаешь, как сейчас распределяются силы между различными индейскими племенами. Гуроны почти полностью истреблены, - вероятно, к этому приложили руку вы, ирокезы. Теперь они могут существовать только благодаря французам и под их защитой. Абенаки в большинстве своем приняли христианство. Их враждебность к ирокезам слабее, чем их дружеское расположение к французам.

- Хо! - прорычал он. - Я не доверяю абенакам, которых Черный Человек настроил против нас. Их много, они прекрасные воины... Взять хотя бы вашего Пиксарета, эту коварную ласку...

- Не называй его так... Ты же сам знаешь, для него договоры не писаны. Не взваливай на свой народ слишком тяжелое бремя из-за действий одного человека. Ты знаешь Пиксарета? Он как росомаха, этот лесной дьявол. Он всегда действует в одиночку и преследует свою цель, но никто не знает, что это за цель...

Вождь могавков прищурился, его глаза превратились в две блестящие щелки, похожие на две капли ртути. Так он улыбался или хотя бы показывал, что ему весело.

- Я вижу, что ты хорошо знаешь нас, индейцев, жителей лесов. Хорошо, ладно, ты меня убедила. Я не сержусь на Пиксарета.

- И ты ему даже благодарен за то, что он дал тебе повод, чтобы явиться в окрестности Квебека и продемонстрировать, что твои воины ловки и сильны.

- Ты нас очень хорошо знаешь! - с удовлетворением подтвердил Уттаке.

Его черты продолжала озарять чуть заметная улыбка.

– Так оно и есть, я не буду с тобой спорить.

Он замолчал, потом указал на вампум у своих ног:

– Возьми этот вампум, в нем запечатлены слова Совета матерей союза пяти племен. По нему будет видно, что быть вашим союзником хорошо. И на берегах Могавка может еще воцариться мир. А теперь я отправлюсь к Ононсио и Текондероге и потребую у них залог, подтверждающий их слова.

– Я знаю, что они взяли с собою много вампумов и еще подарки для тебя.

– Мне приятно это слышать. А ты, женщина, забери этот вампум и храни его как знак нашей дружбы. Пока ты жива и хранишь его, у нас будет надежда. Я все сказал!

Анжелика наклонилась и подняла пояс-вампум, на котором синими ракушками на белом ракушечном же фоне были изображены матери ирокезского Совета, стоящие вокруг своей председательницы и просыпающие фасолевый дождь на белых людей, умирающих от голода в деревянном форте Вапассу, отрезанном зимой от внешнего мира.

Когда Анжелика выпрямилась, Уттаке уже исчез. Он испарился, как тень, она даже не услышала звука его шагов или треска потревоженной сухой ветки.

Если бы не запах дыма и горелого мяса, поднимающийся из лоцины, где стоял дом Сюзанны, можно было бы подумать, что набег ирокезов привиделся ей во сне.

Свернув вампум и спрятав его под мышку, Анжелика вновь спустилась по склону и направилась к лесу, где расположились французы. Она была слегка ошеломлена. «Это всего лишь бедные дикари, – говорила она себе, – бедные растерявшиеся дикари, ищущие звезду своей перевернувшейся вселенной».

Она шла, опустив глаза, и на этот раз ясно видела повсюду смятые зеленые росточки, первую траву,

пробившуюся сквозь глинистую почву.

* * *

- А теперь она возвращается, как будто ходила собирать первоцветы, - прошептал смущенный ополченец.

Им уже говорили, что Дама Серебряного озера не похожа на других женщин. «Да! Конечно! Она не такая, как все!»

Анжелика увидела в подлеске множество жадных, любопытных взглядов и ошеломленных лиц, потому что, пока она вела переговоры с Уттаке, контингент защитников значительно вырос. Сюда прибежали все мужчины, способные носить оружие, чтобы защитить городские тылы.

- Уттаке дал мне слово, - сказала она им. - Он уходит. Он пощадил Квебек. Больше он не вернется.

Когда она возвращалась в город в окружении тех, кто присутствовал на ее встрече с вождем ирокезов, какая-то женщина выбежала из дому и бросилась перед нею на колени:

- Вы пошли на встречу с этим варваром, как святая Женевьева на встречу с Атиллой. Вы спасли наш город, как она спасла Париж... Да благословит вас Бог!

Так представила события мадемуазель д'Уредан в своем письме, настоящей хронике, в которой происходящее излагалось час за часом.

Верхний город бурлил. Сюда непрерывно стекались новости с различных участков развернувшейся битвы, на которую стихийно, не дожидаясь приказов, отправились все те, кого новость о нашествии ирокезов застала среди забот их повседневной жизни. Одни пошли в бой, повинувшись предчувствию, других насторожил запах, или далекий шум, или вид неба. При набеге ирокезов, как и

при пожаре, все решала быстрота реакции. Надо было не ждать, а быстро бежать туда, где они напали.

Нижний город и Средний оказались несколько в стороне от разыгравшейся драмы, невзирая на слышный всем набат. К тому времени, когда их обитатели поднялись в Верхний город, чтобы узнать, что стряслось, туда уже хлынула волна защитников. Они несли раненых, окружая уцелевших в боине, учиненной ирокезами в окрестностях города. Подтянулись и те, кто чудом спасся, спрятавшись или вовремя убежав.

Навстречу Анжелике бежала Сюзанна, крича:

- Он спасен! Спасен!

- Кто?

- Наш Кантор!

Так Анжелика узнала, что группа молодых людей из Верхнего города выбежала навстречу ирокезам и вступила с ними в бой, что некоторых из этих молодых людей ирокезы убили топориками и томагавками, но Кантор, хоть и сражался вместе со всеми, остался цел и невредим.

От страха и облегчения она чуть было не лишилась чувств, ее охватила слабость.

- Сударыня, пойдете скорее в дом, вам нужно сесть.

Юный Александр де Рони, а также шестнадцатилетний сын господина Обура де Лоншана были убиты.

Целью юношей, которыми командовал Кантор, было прийти на помощь укреплению, которое было возведено на подступах к городу по приказу графа де Пейрака. Трое защитников редута преградили путь ирокезам выстрелами из мушкетов. Ирокезов было намного больше, и они чуть было не смели их оборону, но тут подоспели молодые люди. Их вмешательство позволило сдержать натиск двухсот ирокезов и спасти гуронов из маленьких становищ в Лоретте и Сент-Фуа. Тем хватило

времени, чтобы укрыться под защитой отцов иезуитов, которые окормляли приходы.

Затем внезапно ирокезы отступили в лес и исчезли.

Анжелика спросила про урсулинок и детей, которых они учили. По тревоге монастырь был тут же окружен солдатами и вооруженными горожанами, но, поскольку враг не смог продвинуться дальше укрепления, построенного по приказу графа де Пейрака со стороны Сент-Фуа, обстановка в городе оставалась спокойной. В настоящий момент урсулилки возносили благодарственные молитвы, а дети, как обычно, уплетали пирожные с патокой.

В доме было полно народу: дети Сюзанны, которых все старались приободрить, соседи, пришедшие узнать, как все произошло. Анжелика поднялась в спальню и заперлась там, как и несколькими часами ранее, в момент, который теперь казался ей невероятно далеким.

Кантор спасен. Город спасен. Уттаке отступил. Она бросила вампум на кровать и стала смотреть на него, погруженная в грезы. «Спасибо! Спасибо вам матери союза пяти племен, – сказала она. – Когда-нибудь я приду в Долину пяти озер, чтобы вас поблагодарить».

Она была без сил. Словно ее расщепили надвое. Все прошло, худшая опасность миновала. Но она не чувствовала себя счастливой. Ее взгляд упал на осколки маленького фаянсового нагревателя, который она разбила в припадке бессильной ярости, и они снова напомнили ей о катастрофе, о которой она, собственно, и не забывала. Мысль о ней постоянно грызла ей сердце, когда она бежала навстречу Уттаке, чтобы остановить его, как святая Женевьева вышла навстречу Аттиле. Но у святой Женевьевы не было в сердце такой жгучей боли. Шок, притуплявший ее, прошел, и рана снова мучительно заболела.

Жизнь продолжится дальше, и ей придется жить с этой разъедающей душу картиной: Жофfrey,

предавший ее, Жоффрей, склоняющийся над Сабиной де Кастель-Морг и улыбающийся ей той же самой улыбкой, которая ее, Анжелику, так волнует. Он... Он для нее все. Она не может без него жить, а он ее больше не любит. Она ему надоела...

Тут Анжелика задумалась. Она подумала, что взяла неверный тон. Не стоило полагать, что он ее больше не любит, что она ему надоела, - это напоминает трагикомический фарс. Это было то же самое, как если бы ее попытались убедить, что Николя де Бардань значит для нее больше, чем Жоффрей. Если бы она могла, она одним росчерком пера зачеркнула бы то, что у нее было с бедным де Барданем.

Но он! Он - дело другое. Он ни капли не похож на легкомысленную, безрассудную женщину. Ее бесило, что он мог испытывать влечение к Сабине де Кастель-Морг, хотя именно Анжелика первой заметила оригинальную красоту бывшей тулузки. Она все-таки добилась своего, лицемерка! В то время как Анжелика, все больше уверяясь в любви мужа, расцветала под ее лучами, красавица-тулузка потихоньку его у нее отбивала.

«Так тебе и надо! Это будет тебе уроком!»

Эта катастрофа точно раскаленным железом пронзила сердце Анжелики. Никогда... Никогда больше не будет так, как раньше. Она не могла оторвать глаз от осколков своей мечты, от этого проявления реальности, которую мстительный Анн-Франсуа бросил ей в лицо на прекрасной утренней заре. Когда это произошло? Давным-давно, в какой-то другой жизни... В другой жизни, такой прекрасной! Такой прекрасной! В жизни, которую она потеряла...

Чей-то голос душераздирающе кричал, звал ее:

- Анжелика! Анжелика!

Этот ненавистный голос.

- Анжелика! Анжелика! Сжальтесь!

Голос доносился с улицы; он приближался. Голос Сабины де Кастель-Морг.

Анжелика подняла голову, не веря своим ушам. Да как она посмела, эта негодяйка!

Теперь зов слышался уже не с улицы, а доносился из самого дома. Громкие вопли, перемежаемые рыданиями, на фоне гула сочувственных голосов, призывающих Сабину успокоиться и не терять надежды.

- Анжелика! Анжелика! На помощь!

Анжелика медленно вышла из спальни на лестничную площадку, ступая неуверенно, на дрожащих ногах, словно под ними была почва, похожая на вату. Внизу, в зале, среди белых чепцов кумушек, недалеко от Сюзанны, Иоланды, солдат и соседей, все еще не расставшихся с мушкетами, от детей и прочих уцелевших во время резни, закутанных в одеяла и сидящих перед очагом, попивая для ободрения сидр из чашек, она заметила Сабину де Кастель-Морг. Та протягивала к ней руки:

- Анжелика! Пойдемте! Быстрее! Умоляю вас! Анн-Франсуа! Мой сын! Мое дитя! Он тяжело ранен! Он умирает! Ни один хирург не решается лечить его раны... Одна только вы! Одна только вы можете его спасти!

Анжелика вцепилась в лестничные перила и, перегнувшись через них, не сводила с госпожи де Кастель-Морг пристального взгляда; глаза той метали молнии. Анжелика ничего не услышала.

- Как вы посмели переступить порог моего дома? И заговорить со мною после всего того зла, что вы мне причинили? - сдавленно произнесла Анжелика. - И как вы осмелились появиться передо мною, даже не покраснев?

Сабина, и без того бледная, стала мертвенно-синей. Ее расширенные зрачки были прикованы к лицу Анжелики, словно то была не Анжелика, а какой-то жуткий призрак. Она поняла, что то, чего она не

переставала бояться, наконец произошло: Анжелика узнала о той единственной минуте слабости, которую она познала в объятиях Жоффрея де Пейрака. Эта минута протекла вне их жизней, она ничего не изменила в ходе событий. Если не считать того, что она, Сабина, была спасена.

Сейчас она была слишком напугана смертельной опасностью, которая нависла над ее сыном, чтобы притвориться, как в прошлый раз, и, бестрепетно встретив обвинение, от всего отговориться.

Анжелика прочла на ее лице все признаки вины и почувствовала, что сердце ее замерло, будто его сжал ледяной кулак.

Больше она ничего не слышала. В ее ушах грохотал бурный поток, голова наполнилась его гулом. Она еще крепче вцепилась в перила, чтобы не упасть.

Мольбы Сабины до нее не доходили.

– Анжелика, не отказывайтесь спасти моего сына... Не обрекайте мое дитя на смерть из-за меня! Он мой единственный сын, моя любовь, моя жизнь!

Анжелика слышала только этот гнусный голос, который что-то испуганно говорил, и среди произносимых им слов вдруг прозвучало слово «любовь».

– Замолчите!

Чувствуя, что она проиграла, и обезумев от страха за сына, Сабина опустилась на колени на плиточный пол и протянула к Анжелике руки, сжатые так сильно, что костяшки побелели:

– Простите меня! Простите!

В этот миг Анжелика возненавидела ее люто, смертельно. Своим унижением, равнозначным признанию, Сабина не оставляла ей никакой надежды, никакого сомнения. Она всегда знала, что это правда, и все же сейчас, когда прозвучал окончательный, не

подлежащий обжалованию приговор, ей показалось, что она вот-вот умрет от боли.

- Вы украли у меня мужа! - воскликнула Анжелика.

«Идиотка, - тотчас одернула она себя. - Ты же знаешь, что ничего она у тебя не украла». Но она уже не владела собой. Ей нужно было кричать, кричать что угодно, иначе она задохнется от ярости и душевной боли.

Сабина по-прежнему протягивала к ней сжатые дрожащие руки.

- Пойдите! Пойдите! - повторяла она надтреснутым голосом, и каждое слово давалось ей с трудом.

- Нет!

- Мой сын! Мое дитя! Моя гордость!

- Нет!

- Он умрет...

- Ну и хорошо! Пусть он умирает, этот маленький кретин!

Госпожа де Кастель-Морг застыла и онемела. Удар пришелся ей в самое сердце, и она вдруг оказалась во власти кошмара, в котором рушился весь ее и без того шаткий мир - мир, который, несмотря ни на что, она так любила. Кто эта женщина, склонившаяся к ней через перила, кто эта жестокая незнакомка? Это не Анжелика. Анжелика исчезла. А может быть, ее вообще никогда и не было? Скоро Анн-Франсуа тоже исчезнет, превратится в далекую тень.

Она уронила руки. Потом с трудом встала. Стоя в кругу ошарашенных, лишившихся дара речи мужчин и женщин, она искала глазами выход из этого круга взглядов, возможность скрыться.

Кто-то поспешил открыть перед нею дверь на улицу.

Надо вернуться к Анну-Франсуа, снова его увидеть до того, как он ее покинет. Она ему нужна. Быть может, как раз сейчас он ее зовет.

Она прошла через зал, спустилась по ступенькам, ведущим в маленький вестибюль, и вышла вон. Перед нею все расступились, как перед воплощением скорби, отчаяния и проклятия.

Когда она покинула дом, пелена, застилавшая глаза Анжелики, словно спала. Она обнаружила, что стоит на верхней ступеньке лестницы, а снизу на нее смотрит толпа, не произносящая ни слова.

И она поняла, что еще никогда в жизни ей не доводилось за столь короткий промежуток времени говорить и делать столько глупостей. Под недоуменными взглядами присутствующих ей в голову пришла мысль, что о ее несчастье никогда никто бы не узнал, за исключением Эфросины Дельпеш и ревнивого Анна-Франсуа, если бы она только что самолично не сообщила обо всем всему Квебеку.

Что ж, ничего не поделаешь. Зато после того, как она покричала, ей стало легче. Она вдруг осознала, что к ней обращено множество ошеломленных, непонимающих взглядов. Простых, честных лиц.

Гнев и злоба уходили, теперь она уже не понимала, почему ей было так больно. Было бы из-за чего. Она просто устала.

Но ведь она сказала ужасную вещь: «Пусть он умирает, этот маленький кретин!»

Она представила себе, как умирает ее Флоримон, как из него уходит жизнь, которую он так любит. Она поискала глазами Сюзанну, такую мужественную, такую искреннюю, молодую, естественную, свою сестру по духу.

- Сюзанна, скажи, что я должна делать?

- Сударыня, не дайте умереть этому прекрасному парню.

Анжелика пожала плечами. Это были слова матери. Все матери одинаковы. Как она! Они любят красоту, а всякое юное существо красиво, оно является

продолжением жизни, которую они дали и которую защищают. Смерть настигает мужчину среди неоконченных дел, в пылу сражения. Но часто со смертью сына жизнь матери терпит крах, а все ее мечты и заботы теряют смысл.

- Я это сделаю, - сказала Анжелика, - но мне это тяжело, Сюзанна, так тяжело!

- Сударыня, вы сможете.

- Пошли со мною Пакома, чтобы он нес мою сумку.

Выйдя на улицу, Анжелика с удивлением увидела, что Сабина де Кастель-Морг еще только-только миновала дом мадемуазель д'Уредан. Раздавленная горем, она двигалась еле-еле, сгорбившись, как старуха, и держась за стены домов.

Анжелика догнала ее и, взяв ее под руку, сказала:

- Поспешим!

Весь Верхний город видел, как они идут вместе, сопровождаемые маленьким Пакомом, несущим медицинскую сумку Анжелики, что позднее поставило под сомнение слухи об ужасной ссоре, будто бы вспыхнувшей между ними.

По дороге Анжелика расспросила Сабину о ранах Анна-Франсуа.

- Он ранен в живот. А вы, как известно, зашили живот этому...

- Не все раны одинаковы... Не знаю, смогу ли я что-то сделать на этот раз...

В большом зале замка Сен-Луи на полу разложили соломенные тюфяки, куда укладывали первых раненых, и среди них - юного Кастель-Морга. Дамы из братства Святого Семейства, руководимые госпожой де Меркувиль, принесли сюда все необходимое для оказания первой помощи.

Они положили полотно для перевязки на столы и скамейки вокруг места, где лежал раненый Анн-

Франсуа, а из кухонь замка доставили котлы с только что вскипяченной водой.

Случай Анна-Франсуа сильно отличался от ранения Аристида. У него было множество ран, в том числе в голову. Он не был весь пропитан спиртным, что в свое время немало поспособствовало излечению старого пирата. Но с другой стороны, его внутренности не так долго подвергались воздействию воздуха, как у члена Берегового братства. Если действовать быстро, можно надеяться, что его молодость и крепкое здоровье возьмут свое.

- Чего вы ждете? Чего вы ждете? - ломая руки, стонала Сабина де Кастель-Морг.

Анжелике тут же захотелось запереть ее на ключ в какой-нибудь отдаленной комнате. Сабина нарушала благотворную атмосферу, которую Анжелика пыталась создать вокруг раненого своей уверенностью в его выздоровлении. Она сделала знак госпоже де Меркувиль и шепнула ей, что если бы кто-нибудь занялся сейчас госпожой де Кастель-Морг, это было бы проявлением милосердия.

- С нею пойду я.

- Нет! Вы мне будете нужны.

- Ею займусь я, - сказала тихая госпожа де Бомон.

- Я пойду с вами, - добавила Беранжер-Эме де Лаводьер.

С ее стороны это было достойно похвалы. Она не любила жертвовать собой и всегда стремилась играть первую роль. Но от всех этих ужасов, от вида крови и ран ей делалось дурно.

Одна женщина не справилась бы с госпожой де Кастель-Морг, которая упрямо не хотела уходить от изголовья своего сына, но у нее не хватило сил, чтобы противиться сразу двум. Беранжер пришла в голову мысль позвать на помощь также и господу Ле Башуа, и втроем они увели госпожу де Кастель-Морг в церковь,

где вместе молились в течение часа, но, поскольку туда то и дело приносили тела убитых для публичного отпущения грехов под рыдания родни и печальный похоронный звон колокола, три женщины в конце концов отправились в город, чтобы помогать размещать беженцев, а затем – в монастырскую больницу, чтобы помочь готовить суп для больных.

Анжелика принялась за работу. Пока она делала отвары из трав и вымачивала в спирте свои хирургические инструменты, госпожа де Меркувиль вполголоса горячо благодарила ее за то, что она спасла жизнь ей и ее детям.

– Я сделала что могла, – отвечала Анжелика. – Верховный вождь ирокезов обязан мне жизнью, так что у меня была надежда, что он меня послушает.

– Я не об этом!

И госпожа де Меркувиль заговорила о том, как Анжелика спасла ее и ее детей еще раньше – когда они шли в процессии в порт, сопровождая детали дарохранильницы для храма Святой Анны, и встретили ее по дороге. Малышка Эрмелина тогда спрыгнула с рук кормилицы и понеслась за Анжеликой, из-за чего ее мать не смогла сесть в первую баржу. При этом двое других ее детей, уже занявшие места на судне, сошли на пристань, чтобы подождать свою мать и кормилицу Перрину, которые побежали ловить Эрмелину. По слухам, баржа, о которой шла речь, довольно далеко от острова Орлеан была атакована ирокезами, чьи каноэ в большом количестве внезапно выплыли из-за высокого мыса, и все ее пассажиры погибли.

– *Deo gratias!*^[17]

Милостью Божьей госпожа де Меркувиль и ее дети избежали этой участи, ибо встретили ее, Анжелику.

Ей пришлось провести несколько часов у постели юного Кастель-Морга. До нее и ее умелой помощницы

госпожи де Меркувиль все время доходили новые вести.

Им рассказали, что варвары осадили монастырь францисканцев, но монахи под предводительством графа де Ломени сумели его защитить. Их сопротивление задержало продвижение врага и нанесло ирокезам немалые потери. Вильдавре оплакивал своего красавца Александра.

– Дитя мое! Дитя мое! – повторял он.

Тело ему не показали, поскольку с храброго юноши сняли скальп, но маркиз об этом догадывался, и его скорбь становилась еще горше от мысли, что эту белокурую шевелюру носит теперь на поясе какой-то дикарь.

Матушки урсулинки решили не отпускать детей домой и оставить их в обители на ночь, чтобы дома дети не увидели, как их семьи предаются горю, и чтобы избавить их от печального зрелища раненых и убитых.

Должно быть, Онорина была в восторге от этого приключения, ворвавшегося в серые будни. Позднее стало известно, что она поджидала ирокезов, держа наготове свой лук и стрелы.

Людей графа де Пейрака, принявших участие в обороне города, угощали во всех трактирах, куда их затаскивали и без конца поили. Старик Маривуан с благоговением рассказывал всем и каждому о встрече госпожи де Пейрак с ужасным вождем союза пяти племен.

– Если бы вы только видели, как она бежала со своим вампумом то туда, то сюда, словно зеленая ласточка...

– Слушай, ты когда-нибудь видел зеленых ласточек?

* * *

Анжелика заканчивала свою тяжелую работу. Одну за другой она промыла и зашила все раны Анна-Франсуа,

не забывая поддерживать силы молодого человека, который находился без памяти, отварами своих трав. Темнело, и она зашивала последнюю зияющую рану от удара топором на его бедре и обрезала нить шва уже при свете факелов. Затем она наложила на раны пластыри, пропитанные отваром тысячелистника и живокости, и поставила припарки, одновременно смягчительные и способствующие рубцеванию.

Сабина де Кастель-Морг вернулась и села рядом с сыном. Она успокоилась, видя, что он все еще дышит и, похоже, меньше страдает.

Госпожа де Меркувиль пошла проведать своих домашних.

Беранжер вызвалась помочь убраться.

О состоянии раненого пришел справиться господин Аврансон, майор, руководящий Квебеком в отсутствие господина де Фронтенака.

Анжелика мыла руки. Она очень устала. Но, выпив два больших стакана холодной воды, она почувствовала себя лучше.

Затем в зал вошел молодой солдат и с безумным видом сообщил, что ирокезы, издавая боевой клич, наступают на город, поднимаясь на своих каноэ вверх по реке.

Глава X

Ему возразили, что этого не может быть. Ведь ирокезы ушли.

- Да, но они возвращаются, - отвечал он. - Возвращаются по реке.

- Уттাকে дал мне слово! - воскликнула Анжелика.

- Посмотрите сами!

Солдат вывел их на террасу, огибающую замок с юга и выходящую на реку Святого Лаврентия; с этого места открывался вид до самого горизонта.

На северо-западе, там, где лежал остров Орлеан, в синеватых сумерках, ставших еще темнее из-за дыма, поднимающегося с развалин деревушек и отдельно стоящих домов, плясали мириады огоньков, то загораясь, то потухая, словно светлячки.

С реки через равные промежутки времени доносились глухие раскаты.

- Послушайте! Они издают свой боевой клич! - дрожа, сказал солдат.

Его слова с удовольствием бы опровергли, сказав, что шум - это раскаты грома, а движущиеся огоньки на воде, то вспыхивающие, то потухающие, есть всего лишь отражения зарниц. Но, увы, это было не так.

Бесчисленные каноэ, освещенные факелами, отплывали от обоих концов острова Орлеан и соединялись на середине реки возле южной косы острова.

Город пришел в волнение. Жители открывали окна. Стал слышен глухой гул голосов, потом из Нижнего города донесся пронзительный крик какой-то испуганной женщины:

- Они возвращаются!

Всем хотелось верить, что это всего лишь прощальная демонстрация силы и что ее цель – простое запугивание.

Но темная масса вдали двигалась; было заметно, что, собравшись в ночи, уже темной и глубокой, у южной оконечности острова Орлеан, флотилия ирокезов направляется к Квебеку. В этом не осталось уже никаких сомнений. Крики дикарей делались все слышнее. Время от времени этот рев стихал, затем начинался сизнова.

В Верхнем городе, у парадных ворот замка Сен-Луи, собрались охваченные паникой гуруны: женщины и дети из становища в квартале Су-ле-Фор, бросив свои вигвамы и палисад, просили, чтобы их пустили туда, где солдаты губернатора их защитят.

– Впустите их, – приказал Аврансон. – Они сходят с ума от страха перед своим злейшим врагом, который уже большинство из них истребил.

«Это невозможно, – ломая руки, повторяла про себя Анжелика. – Уттаке мне обещал...»

А что, собственно, он обещал? Она больше ничего не понимала. Что означали его хриплые монотонные речи? Чего она не смогла разглядеть за его угрозами, советами и намеками?

«В наших войнах мы не перестаем состязаться в жестокости и вероломстве. Кто кого перехитрит. Кто окажется отважнее, ловчее». Победа достанется тому, кто обманет своего непримиримого врага еще и еще, кто обманет ловчее, коварнее.

«Ах, мне никогда не понять этих индейцев».

Надо что-то делать, в этом она была уверена, но что?

Позднее она порадовалась, что по счастливой случайности в замке как раз в этот момент оказался господин Аврансон. Ибо он выскажет соображение, которое положит конец ее замешательству.

Этот храбрый гасконец прибыл в Канаду молодым лейтенантом в полку Кариньян-Сальера. Он участвовал в

походе под командованием господина де Траси и имел большой опыт войн с ирокезами.

Склонив голову, он внимательно прислушивался и вдруг сказал:

- Это не боевой клич ирокезов!

- Тогда что же это такое?

- Выкрики, оскорбления, насмешки. А еще они поют. В их песнях есть угроза... Они напоминают нам о том зле, которое мы им причинили. Но боевых кличей они не издают.

- Вы в этом уверены?

- Уверен.

Анжелика положила руку на запястье офицера и судорожно его сжала:

- Сударь, я чувствую... я чувствую, что понимаю, чего они хотят... Они хотят проплыть мимо города. Еще в Катарунке они просили, чтобы им дали перейти Кеннебек и вернуться к себе... ПРАВО ПРОХОДА! Я чувствую и понимаю намерения Уттаке... Но этот хитрец не стал указывать мне на мою непоследовательность, когда я ему сказала: «Иди к Ононсио, встретиться с ним...» - и решила, что больше его не увижу. А он нарочно не напомнил мне, что для того, чтобы встретиться с губернатором, ему нужно будет пройти вверх по течению реки к устью Шодьер, то есть проплыть мимо Квебека... Должно быть, он сейчас радуется, что так нас напугал... И возможно, ждет, что мы, обезумев, нарушим перемирие. Майор, прошу вас, разошлите гонцов по всем направлениям, велите им передать, чтобы не было ни одного мушкетного выстрела. Ни одной стрелы. И предупредите церковных сторожей: ни в коем случае никакого набата... И пошлите солдат предупредить жителей, чтоб не волновались, и передать ваши приказы. Прикажите погасить огни во всех домах и в порту. Пусть ничто не привлечет внимания ирокезских воинов, не покажется

им вызывающим и не пробудит в них желания грабить и убивать. Мертвый темный город – вот каким должен предстать перед ними Квебек. Город, которому нет дела до их криков. Город, который их не боится и с достоинством смотрит, как они проплывают мимо. Они пройдут, господин Аврансон, а потом они исчезнут, и мы будем спасены.

Ее рука жгла его запястье.

Охваченный воодушевлением, он выбежал во двор замка, собрал там всех офицеров, а те отправили с поручениями солдат и гонцов из числа штатских.

Заглушая раскаты глухого гула, доносящегося с реки, точно град, захлопали закрываемые ставни и двери, по улицам быстро затопали сапоги, то тут, то там раздавался собачий лай, которому хозяева быстро клали конец, втаскивая своих собак в дома; то и дело слышались голоса солдат или стражников:

– Двери на засовы! Двери на засовы!

И все закрывали засовы, стальные или толстые деревянные.

Люди зажигали и ставили в укромном месте сретенскую свечу. Женщины и дети с четками в руках вставали на колени перед статуей Девы Марии. Мужчины, не обращая внимания на приказы, готовили мушкеты, пули и порох. Если этой орде людоедов все-таки вздумается высадиться в Квебеке, надо будет защищать город пядь за пядью, каждую улицу, каждый дом.

У всех ремесленников, торговцев и лавочников имелось оружие. В Канаде без него невозможно было обойтись.

Анжелика возвратилась на террасу замка Сен-Луи. Сердце ее неистово колотилось. «Лишь бы Уттаке не обманул меня! – умоляла она. – Лишь бы он меня не предал!» Ведь она, в конце концов, была всего лишь женщина, существо незначительное...

Вернулся майор Аврансон:

- Сударыня, необходимо спрятать на берегу реки несколько стрелков... так, на всякий случай, чтобы быть готовыми ко всему.

- Вы можете поручиться, что они проявят хладнокровие?

- Я отберу только самых пожилых и дисциплинированных. Если все-таки понадобится стрелять, сигнал дам только я. А пока я останусь в замке, чтобы вместе с вами еще раз оценить, каким опасностям мы должны противостоять.

Он собрался было уйти и оставить ее на террасе одну, но она его остановила.

- Погодите! Перо и чернила! - обратилась она к проходящему мимо слуге.

Она быстро нацарапала несколько слов и, не запечатав, отдала записку майору:

- Будьте добры, передайте эту записку господину де Барсампюи, который командует фортом под Красным мысом. Надо его предупредить, чтобы он пропустил ирокезов без единого выстрела.

В домах Квебека задували свечи и прикрывали огонь в очагах. Горевшие на углах площадей и над портом смоляные и дегтярные факелы были вынуты из своих колец и потушены в воде либо в песке. Фонари сняли и погасили.

Город покрылся тьмою.

Город затих.

* * *

Анжелика попросила принести подсвечники, чтобы осветить большой зал Совета, и установить факелы на четырех углах террасы.

- Но вы же сказали, что все огни надо погасить, - простонала Беранжер.

- Только не здесь. Не на вершине горы Рок. Дворец губернатора должен быть хорошо освещен. Уттаке должен видеть, что над ним развеваются знамена и знаки отличия короля Франции. И надо, чтобы он видел меня. И знал, что я смотрю, как он во главе своих воинов уходит, и что я им восхищаюсь.

- Вы им восхищаетесь! - с мрачным смехом воскликнула супруга прокурора. - Да вы с ума сошли! Вас здесь просто уничтожат.

- Ни одно оружие не достанет нас на этой террасе. Но если вам страшно, вы можете уйти. Спрячьтесь в какой-нибудь комнате замка.

- Нет! Нет! Я хочу остаться с вами. Вы единственная, кого он уважает и кто может защитить нас своим влиянием на этого дикаря.

Сабина де Кастель-Морг все это время оставалась очень спокойной. Она сходила в большой зал и смочила водой лоб и губы Анна-Франсуа. Ее сын по-прежнему был без сознания, но ей показалось, что теперь он выглядит более спокойным. Затем она вернулась на террасу и встала рядом с Анжеликой, которая стояла в середине длинной галереи, держась руками за балюстраду.

- Это верно, вы правы, - сказала она и добавила: - Вы восхитительны.

- И неукротимы, - заикаясь, произнесла Беранжер.

Обе женщины инстинктивно понимали, что, не увидев, как она провожает его славное, уходящее под громогласные клики войско, этот ужасный дикарь может впасть в мрачную и опасную ярость.

После того как он оказал уважение этой женщине, говоря с ней как равный с равным, он не потерпит, чтобы она своим отсутствием продемонстрировала свой страх или недоверие. Или, что еще хуже, пренебрежение. Вот какому новому испытанию он ее

подвергал. И по счастью, она разгадала его намерение вовремя.

Наконец-то! Женщины надеялись, что она не обманулась в своих догадках. Ведь от этих непостоянных, лишенных чести дикарей можно ждать всего.

Но ОНА их понимала, и, глядя на нее, обе женщины почувствовали себя спокойными, уверенными в себе героинями.

С их глаз спала пелена. Они словно заново открывали для себя это прекрасное лицо, красоте которого они так завидовали. Эти зеленые глаза, которые, как они раньше хотели думать, были хороши только для того, чтобы заманивать в западню олухов-мужчин, блестели умом, и они благословили Небо за то, что Анжелика так умна. Она их спасет. Их судьбы и судьбы тех, кто им дорог, сейчас зависят от нее. Сейчас не время для упреков в том, что и красота, и ум достались ей незаслуженно, и в том, что она все у них украла и что она самым недостойным образом удерживает внимание и поклонение всех мужчин и любовь самого пленительного из них – Жоффрея де Пейрака.

Все эти банальности забылись, стерлись в их сокрушенных, растерянных сердцах.

Лицо у нее сейчас было измученное от усталости и беспокойства. С самого утра она была на ногах и не щадила своих сил. Так что не стоило удивляться, что у нее теперь несколько растрепанный вид. Беранжер подошла к ней и дрожащей рукой начала поправлять ее волосы.

Анжелика, перегнувшись через балюстраду, пыталась проследить за движением флота ирокезов, который, похоже, остановился, поэтому она сделала нетерпеливый жест, чтобы отстранить молодую женщину. Но госпожа де Лаводьер заупрявилась и

несколькими движениями рук соорудила на ее голове идеальную прическу, что помогло ей избавиться от собственных тревог. Сабина де Кастель-Морг зашла в замок и принесла Анжелике ее плащ. Ночь была холодная.

Только почувствовав, как ее дрожащие от холода плечи окутал теплый плащ, Анжелика вполне осознала, что рядом с нею на террасе находятся еще две женщины.

- Спасибо, - сказала она.

Она посмотрела на одну, потом на вторую:

- Вы можете уйти, если это зрелище для вас невыносимо.

Но они отрицательно покачали головой.

- Они, кажется, остановились? - тихо, с надеждой в голосе спросила Сабина де Кастель-Морг.

- Увы, нет! Боюсь, они просто поджидают остальных.

У входа в пролив, где река сужалась, между косой Леви и мысом Диамант, по бокам которого был построен Квебек, ирокезский флот остановился, чтобы перестроиться и разделиться. Теперь же он продолжил свое продвижение. Впереди плыли четыре пироги с самой большой во главе. На носу ее стоял шаман, завернутый в бизонью шкуру, с бизоньей мордой и рогами на голове, и потрясал тотемом племени, представители которого сидели в лодках, идущих следом.

Разглядев в свете факелов это косматое рогатое чудище на носу первого каноэ, Беранжер сдавленно вскрикнула и вцепилась в руку Анжелики:

- Мы все погибнем! Мы все умрем!

- Не смотрите туда.

Жена прокурора спрятала лицо в ладонях. Она не знала, что лучше: закрыть руками глаза или заткнуть уши, и стала попеременно делать то одно, то другое. Время от времени она подглядывала сквозь пальцы,

завороженная этим фантастическим зрелищем, затем в ужасе отворачивалась и утыкалась лицом в плечо Анжелики.

Глава XI

На притихший и ослепший Квебек обрушился усиленный эхом гневный рев тысячи глоток:

- Вы предали нас, французы!

- Мы протянули вам руки, чтобы принять вас как гостей, а вы ударили по открытым ладоням!

Можно было не понимать слов, достаточно было слышать эти громовые вопли, чтобы волосы встали дыбом.

- В порту остались непотушенные огни.

Старый лоцман Топен бегал по берегу и гасил огонь, горевший в жаровнях и в глиняных горшках. Еще раньше он послал на пристани своих сыновей и помощников.

- Двери на засовы! Двери на засовы! Прячьтесь!

Топену осталось потушить только одну жаровню с каменным углем, стоящую на краю дощатой пристани. Когда он добежал до нее, волна их рева захлестнула его, точно налетевший снежный вихрь. Он втянул голову в плечи. С ним поравнялись первые индейские каноэ.

Они плыли так близко, что он мог их рассмотреть, даже прикоснуться к ним; он видел их отвратительные разукрашенные лица, их повернутые в его сторону жестокие глаза и открытые рты, изрыгающие оскорбления.

На каждой лодке стоял лучник с луком и стрелой на изготовку.

Топен оставил свою жаровню. Тушить? Не тушить? Это уже не имело значения. Факелы в лодках ирокезов ясно освещали его и все вокруг. А кроме того, эти звери могут видеть и в темноте!

Он повернул назад, к стоящим у воды домам; никогда еще они не казались ему такими далекими. Ни

одна стрела не настигла его и не вонзилась в спину, и он ввалился в первый же дом. Это оказался дом Ле Башуа, тот приоткрыл дверь и тут же захлопнул ее опять.

* * *

Было видно, что гребцы в лодках лишь с трудом сохраняют порядок в своих рядах. Они старались изо всех сил. Встречные течения были очень сильны, и весла с миндалевидными лопатками рассекали воду, как плуг взрезает землю, с усилием, оставляя за собой тысячи небольших водоворотов.

По спинам и рукам воинов струился пот. В перечислении обид, которые они претерпели от французов, они черпали силы, чтобы противостоять этой реке, такой же суровой, жестокой и грозной, как и этот горделивый город, сейчас темный и онемевший.

- Мы приняли вас в наших вигвамах. Чтобы накормить вас и оказать вам гостеприимство, мы убили наших преданных собак и сварили их в котлах... И у вас на губах еще не обсох их жир, когда вы подожгли наши дома и урожай на наших полях...

Четверка за четверкой мимо плыли каноэ и пироги самых разных размеров. Время от времени одна из них, та, где находился шаман в шкуре бизона, размахивающий тотемом, выходила вперед.

Анжелика вспомнила символы пяти племен: волк, косуля, медведь, лис и паук.

Рядом с нею Беранжер стенала и читала молитвы: «Господи, помилуй нас. Пресвятая Мария, Матерь Божия, моли Бога за нас, бедных грешников, и ныне, и в час нашей смерти».

- Вот Уттаке, - вздрогнув, молвила Анжелика.

Она почувствовала, как ее ладонь стиснула рука Сабины де Кастель-Морг. Уттаке стоял в середине

большой пироги один под значком с изображением черепахи, эмблемы конфедерации ирокезов. От него веяло грозной силой. Он поднял глаза и увидел ее.

Он ее увидел. Освещенную факелами. Там, наверху! На выступе величественного жилища Ононсио. Она прижимала к себе двух своих испуганных сестер, словно для того, чтобы их защитить. Он ее увидел. Это была она, Кава, неподвижная звезда из легенды, сияющая и бесстрашная. Она провожала его. Это его воодушевило. Ибо на сей раз она видела его во всем блеске его могущества и славы, видела в момент, когда за ним шли все его воины. Сейчас она видела его таким, какой он есть, бог облаков, говорящий с духами. Он не просто воин, рыщущий по лесу, как воображают белые, а верховный вождь целого народа.

Когда его лодка проходила мимо темного утеса Рок и факелы на пироге и на резиденции губернатора освещали черные притихшие дома Квебека, он порадовался, что она велела погрузить во мрак всех этих трусов, оставив свет только для себя и для него. Так она выразила ему свое почтение, показала, что считает его великим и единственным достойным уважения в этой ночи, когда все собаки и койоты попрятались.

Тогда он дал волю своей ярости. Подняв руки и потрясая топором и томагавком, он громогласно крикнул:

- Я уничтожу вас, нормандцы! Я с корнем вырву кресты, которые вы понаставили... Я привяжу вас к ним и буду пытаться... Я разорву ваши груди и съем ваши сердца...

Его хриплый голос разносился далеко и эхом отражался от прибрежных скал.

- Зубами я один за другим вырву вам ногти на руках... Своими острыми зубами я отгрызу ваши пальцы и выплуну их в огонь, как выплевывают подгнивший

жевательный табак. Я велю сварить ваши тела в котлах войны и вылью все в реки, что текут по землям моих врагов, чтобы их отравить...

У тех, кто его понимал, чесались руки: за время его речи им двадцать раз хотелось приставить мушкет к плечу и прицелиться, чтобы заставить замолчать этот ненавистный голос и наконец покончить с этим самым злейшим врагом Новой Франции.

Для тех, кто ничего не понимал, его речи звучали еще ужаснее. От этого раздающегося в ночи голоса по коже пробежал мороз и тело цепенело от страха.

- Демон! Демон! Пусть он замолчит! - стенала Беранжер, уцепившись за Анжелику и уткнувшись лицом в ее плечо.

Всеми овладел страх: а что, если воины, распаленные своими воплями ненависти и призывами к убийствам, повернут свои пироги с середины реки к берегу и, охваченные жаждой скальпов, пойдут убивать?

Майор Аврансон заколебался.

- Может быть, пора начать стрелять? - глухо спросил он.

- Нет! Нет! Ради всего святого, неужели вы не видите? Они уходят! ОНИ УХОДЯТ!

Вот и Уттаке проплыл мимо. Его лодка уносила его за пределы Квебека. Он умолк, но еще долго издали смотрел на освещенный силуэт женщины на вершине горы.

Это была его последняя мечта. Самая несбыточная мечта, ради которой он отправился со своими воинами в поход, самый безумный и опасный из тех, которые он когда-либо возглавлял, так что он даже сомневался, сумеет ли он организовать такие же геройские походы в будущем ради славы своего народа. Ибо силы ирокезов были истощены. Их отбросили в их священную долину, где они и останутся, чтобы жить как последние свободные воины.

Казалось, что проход почти трех сотен ирокезских каноэ длился целую вечность.

Мало-помалу владевшее городом напряжение спало. Многие через приотворенную дверь или через приоткрытые ставни наблюдали это удивительное зрелище – длинные ирокезские каноэ, плывущие под дождем из искр, слетающих с факелов. Факелы отражались в воде, и в их свете блестели оставленные на бритых черепахах ирокезов гребни волос, украшенные перьями и иглами дикобраза.

Люди пытались разглядеть, не увозят ли ирокезы с собою пленников, захваченных на южном берегу и острове Орлеан.

Только в конце процессии, когда за последними индейскими лодками уже смыкалась тьма, на дне одной из них различили связанного по рукам и ногам мужчину и двух маленьких детей, которые кричали и плакали, протягивая ручки к темному городу.

За своими закрытыми ставнями и дверями Квебек задрожал от сострадания и бессильной ярости. В этот момент и в тот, когда ненавистный вождь ирокезов горделиво стоял в своей лодке в свете факелов, провоцируя квебекцев и представляя собой отличную мишень, Анжелика думала, что все потеряно. Оба раза она переставала дышать, ожидая в любую секунду, как щелкнет мушкетный выстрел и один из этих гордых воинов, желавших узнать, как далеко простирается терпение нормандцев, рухнет в воду. Казалось, время остановилось. Казалось, флотилия ирокезов навсегда останется на реке под Квебеком. Но вот она вся проплыла мимо, и, чтобы увидеть ее, надо было уже поворачивать голову в сторону верхнего течения.

Затем плотная масса завернула в излучину реки и стала растворяться во мраке. Наконец последние каноэ арьергарда скрылись из виду.

Дальше, за отрогами Красного мыса, темное небо еще долго озарялось светом факелов, и долго окрестности оглашал хор воплей. Затем свет померк, и гул голосов смолк.

* * *

На город и его реку опустилась непроглядная ночь, овеваемая ветром, пахнущим едким дымом, медвежьим жиром и кровью, – ночь, которая укрыла их своим широким мягким крылом, тихо увлекая их, спасенных, в глубины мрака и молчания.

Наверху Анжелика разжала руки, сжимавшие балюстраду террасы, опустила их и наконец глубоко вздохнула.

И эхом ей ответили два таких же глубоких вдоха.

Анжелика де Пейрак, Сабина де Кастель-Морг и Беранжер-Эме де Лаводьер посмотрели друг на друга.

Только сейчас они осознали, что во время всего этого долгого страшного испытания не переставали цепляться друг за друга, молясь, плача и подбадривая друг друга. Сабина была самой молчаливой, Беранжер – самой испуганной, но Анжелика понимала, что, поддерживая их и обнимая, чтобы защитить, она тем самым обретала силу, которая помогла ей стойко выдержать напряжение последнего часа.

Они еще раз вздохнули и хором сказали:

– Спасибо Тебе, Господи!

В эту ночь в Квебеке никто не спал.

Жители Нижнего города, которые ближе всех были к этим размалеванным вопящим демонам, приходили в себя в тавернах. Сюда же привели и детей и дали им

выпить. Они пили вино, водку и пиво, эти дети Нового Света, не боящиеся больше ничего. Они навсегда сохраняют воспоминание об этой ночи, об адском реве дикарей. Они собственными глазами видели, как тысяча ирокезов проплыла мимо Квебека, выкрикивая оскорбления в адрес французов.

Глава XII

Герцог де Вивонн, называющий себя также господином де Ла Ферте, раненный на дуэли, лежащий в жару и чувствующий себя прескверно, ничего не знал о нападении ирокезов и их проходе по реке, поскольку все слуги его бросили, оставив одного.

Все началось с исчезновения барона де Бессара и старого Сент-Эдма. Пробудившись ночью от тяжелого сна и чувствуя, что больше не заснет, он позвал одного, потом другого, чтобы сыграть партию в жаке. Хотя была глубокая ночь, их комнаты оказались пусты. Поутру они тоже не вернулись.

Более того, здоровяк-лакей, который брил всех троих и на крепкое плечо которого Вивонн рассчитывал опираться, перемещаясь по дому, чтобы не растревожить раненое бедро, тоже куда-то пропал.

Он послал за новостями своего камердинера, затем секретаря, которого предоставил в его распоряжение Карлон, но ни тот ни другой не вернулся. В конце концов Вивонн отправил в город одного за другим дворецкого, повара и поваренка. Эти мошенники тоже как в воду канули.

Целый день он провел один в доме, ругаясь на чем свет стоит, страдая оттого, что не может найти ни одного удобного положения, не имея возможности даже встать и поесть, с болью засыпая и просыпаясь все в том же одиночестве. Он возлагал надежды на хирурга, обещавшего прийти, но и тот не появился. Ближе к вечеру вернулся поваренок, очень возбужденный, с носом, испачканным чем-то черным, и рассказал, что на Квебек напала армия ирокезов, жители сражались как черти и в конце концов город спасла госпожа де Пейрак.

Герцог де Вивонн, у которого болели раны, спросил, где хирург.

Поваренок ответил, что тот перевязывает раненых.

Наконец явились и другие слуги, за исключением камердинера, который умудрился получить рану от стрелы, когда помогал защищать какой-то редут.

Вивонн рвал и метал: он привез этого идиота из Франции не для того, чтобы тот подставился под стрелу в войне с ирокезами как раз в тот день, когда его хозяин и благодетель сам ранен и не может передвигаться и когда ему более, чем когда-либо, нужны его услуги. Сейчас за камердинером ухаживают, а он, герцог, всеми забыт и заброшен, как кусок падали.

У него усилился жар, его раны загноились, его рука и нога распухли. Он завопил, что отправит всех слуг на галеры и, будучи адмиралом королевских галер, с удовольствием будет смотреть, как они гребут.

Куда подевались барон де Бессар и граф де Сент-Эдм? И когда наконец кто-нибудь догадается дать ему пить? И не пора ли перестать на него таращиться и заняться делом?

Слуги опомнились и, забыв про ирокезов, засуетились вокруг своего хозяина.

Его умыли, дворецкий, как умел, сделал ему перевязку, он съел бульон, который повар и поваренок разогрели, когда заново разожгли огонь. После всего этого Вивонн почувствовал себя лучше, но он очень устал. Секретарь ушел, уверив его, что он может спать спокойно. Опасность миновала. Однако ночью ему снились ужасные кошмары. Во сне он слышал хриплый звериный рев, внушавший ему панический ужас. Напрасно он затыкал уши, даже когда он просыпался, рев не стихал, и все его внутренности холодели от страха. Когда он опять засыпал под этот адский шум, его окружали демоны, и он вдруг вспомнил о ведьмах и яде и, обливаясь холодным потом, понял, что он умер и

за все свои преступления попал в ад. Когда поутру он открыл свои потухшие глаза и увидел за окном пасмурный холодный рассвет, ему пришлось долго убеждать себя, что он еще жив, а эти горбатые страшные чудища – всего лишь кресла, столы и консоли и что он находится в своей гостиной-библиотеке, где он велел поставить свою кровать, а не в прихожей Люцифера. Продолжением кошмара явилось то, что в его жилище опять было холодно и безлюдно и никто не откликнулся на его зов. Он снова находился в доме в полном одиночестве, всеми заброшенный. А тут еще давешний сон все не шел из головы, хотя он изо всех сил старался его забыть и вернуться в реальность. Наконец у его изголовья возник поваренок и, вытаращив глаза, прошептал, что армия ирокезов проходила на лодках мимо Квебека всю ночь, издавая жуткие вопли, что все жители едва не погибли и что госпожа де Пейрак спасла город еще раз.

Герцог де Вивонн закрыл глаза. Этот бред – предвестник его конца. Будучи флотоводцем, он видел немало смертей и сейчас, втянув носом воздух, принялся к своим ранам. Наверное, от них исходит тошнотворный запах, а стало быть, у него гангрена, которая вызывает сильный жар и ужасные видения. Он очень удивился, не унюхав ничего подобного, более того, он чувствовал, что ему стало легче двигаться. Он без труда сел на кровати и понял, что ему лучше и что раны его скоро затянутся. Поваренок принес ему чашку бульона, и это окончательно утвердило его в мысли, что все происходящее реально, жизнь продолжается и самое страшное позади.

Задумчиво попивая бульон, который он не пробовал с юности, и находя в его вкусе немалую приятность, он начал размышлять о странных и запутанных событиях прошедшего дня и в конце концов сосредоточился на единственном конкретном факте, который показался

ему подозрительным и тревожным, – куда подевались барон де Бессар и граф де Сент-Эдм, а вместе с ними и лакей Ансельм, который пропал в то же время, что и они?

Он обдумал вопрос со всех сторон и в конце концов совсем уже было собрался послать поваренка, единственного оставшегося у него слугу, к госпоже де Канвер, которая, возможно, знает, что приключилось с этой троицей, когда в дом неожиданно явился господин де Бардань и без обиняков сообщил, что все трое мертвы. Он убил их собственной рукой и очень этому рад.

– Вы, сударь, будете молчать об исчезновении ваших спутников, – холодно смерив герцога взглядом, сказал посланник короля. – Я надеюсь, что вы, ради вашего же блага, не принимали никакого участия в разработке их преступного плана, который и заставил меня прикончить их. Я хотел бы быть уверенным, что вы их ни к чему не подстрекали и, главное, ими не руководили, ибо знайте: я и без того так взбешен преступным замыслом ваших холуев, что в один прекрасный день могу приговорить вас к смерти, а если вы и сами задумали продолжить осуществление их злодейских планов, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вас обезвредить и навсегда лишит вас возможности совершать преступления.

– Что они сделали?

– Они напали на госпожу де Пейрак, когда она одна, без сопровождения и без оружия, ночью пересекала равнину Авраама. Они поджидали ее, чтобы убить; я не знаю, каковы были их мотивы. Но я подоспел вовремя и рассчитался с этими злодеями. И не вздумайте пытаться мне за них отомстить. Знайте также, что ничто на свете не помешает мне выдать врагов госпожи де Пейрак полиции или же навсегда обезвредить их самому. Для меня не секрет, господин де Ла Ферте, что за вашей нынешней фамилией скрывается имя одного весьма

знатного семейства, и отсюда явствует, что чем выше звание, тем развращеннее те, кто его носит. Я, конечно, всего лишь скромный мелкопоместный дворянин, но по должности я имею доступ к королю. В каком родстве вы бы с ним ни состояли, если кто-нибудь попытается причинить малейшее зло госпоже де Пейрак, ничто не помешает мне рассказать его величеству о ваших кознях против нее. А потом пусть я проведу остаток своих дней на сырой соломе в Бастилии или даже окончу жизнь на эшафоте – мне все равно.

Вивонн слушал его, раскрыв рот. Когда Николя де Бардань закончил свою речь, герцог медленно встал и провел ладонью по своему дурно выбритому лицу.

– Клянусь пламенем Вельзевула! Она уничтожила всех моих приближенных, всю мою свиту. Сначала д'Аржантейль, теперь Бессар, Сент-Эдм, лакей...

Внезапно он рассмеялся, как и полагается знатному вельможе, который, перевернув стаканчик с костями, обнаруживает, что лишился всех своих замков и земель и у него осталось лишь то, что на нем надето.

– Эй, ты, болван, – крикнул он, повернувшись в направлении буфетной, – принеси-ка нам доброго вина и два кубка, а твоим бульоном я уже сыт по горло. Согласитесь, сударь, – продолжил он, обращаясь к Барданю, – что муки, которые причиняют нам женщины, подобные ей, – это пустяки по сравнению с радостями и увеселениями, которые они несут с собою. Жизнь так скучна, но мы, по крайней мере, были избавлены от чрезмерной зевоты благодаря тому, что повстречали такую неповторимую женщину.

Здоровой рукой он разлил вино по кубкам:

– Выпьем за этого карающего ангела, а что до ваших тревог, то выкиньте их из головы. К чему мне совершать подобное бессмысленное преступление, если потом я стал бы терзаться каждую ночь? А какими пустыми и бесплодными стали бы мои дни! Нет, я схожу со сцены...

Больше я не прошу ничего, кроме возможности иногда видеть ее и чтобы она заставляла меня смеяться...

Он залпом осушил кубок.

- На что я надеялся? Она уже никогда больше не будет моей! Мне следовало понять это раньше. Придется довольствоваться воспоминаниями.

Вино начало действовать.

- Это нападение ирокезов случилось как нельзя более кстати и позволит мне выполнить ваши требования. Если меня спросят, куда подевались люди из моей свиты, я скажу, что вчера утром они пошли прогуляться по полям и их похитили разведчики ирокезов и увели в плен...

Представив себе, что Сент-Эдм и Бессар - пленники ирокезов и те привязывают их к пыточным столбам, герцог де Вивонн так расхохотался, что на глазах у него выступили слезы.

- Поверьте, граф, в конце концов я начну скучать по этому краю дикарей и по этой женщине, которую я встретил на краю света!

Глава XIII

До сих пор не было никаких вестей о жителях острова Орлеан и детях из школы искусств и ремесел Сен-Жоашен.

Анжелика решила съездить на остров. В порту она увидела большую лодку, готовую отплыть. Старый Топен тоже хотел поехать и разузнать, что случилось с уцелевшими после нашествия ирокезов. Лоцман и его сын были вооружены. Вместе с отрядом солдат они представляли внушительную силу. Кроме них, на площади возле бухты Кюль-де-Сак не было ни души.

Измученный город наконец заснул; ставни всех домов были закрыты. Из-под дощатого навеса вышли двое грузчиков, чтобы умыться в реке.

Узнав о цели путешествия, они возвратились в свою хижину и вышли, неся на плечах кирки и лопаты, говоря: «Почем знать? Может статься, придется копать могилы». Оба залезли в лодку.

Анжелика взяла с собою сумку с лекарствами и хирургическими инструментами, мази для ран и ожогов и много полотна для перевязок...

Внимание всех привлек необычный предмет, похожий на сундук, выброшенный рекой на песчаный берег. Это было основание дарохранильницы, предназначенной для церкви Святой Анны в Бодре, алтарный стол, сделанный в форме саркофага, забытый здесь накануне. В мягком свете утра украшающий его резной орнамент сверкал золотом.

Вчера Элуа Маколле, траппер, которого святая Анна спасла от гибели в реке и которому было поручено перевезти основание дарохранильницы на тот берег, оставил его здесь, когда расшифровал знаки,

подаваемые дымом, и понял, что остров Орлеан взывает о помощи.

Жанина Гонфарель видела, как он и еще несколько решительных малых, сменивших четки на мушкеты, сели в ялик, к которому был привязан алтарный стол, и взяли курс на остров.

Видел ли Маколле и его спутники, как большую баржу, которая отошла от берега первой (там были резчик Ле Бассер, паломники и детали дарохранительницы), захватили индейцы? Стали ли они свидетелями резни, которую учинили дикари? Ожидала ли и их подобная участь?

Парус лодки старого Топена наполнился попутным ветром, и лодка быстро доплыла до бухты Петрониллы и стала крейсировать возле острова, но они не сошли на берег, так как тогда им не хватило бы времени добраться до школы Сен-Жоашен, чтобы узнать, что случилось с ее воспитанниками, и вернуться в Квебек до темноты.

На берегу не было ни души. Анжелика посмотрела вверх, где среди деревьев стояла усадьба Гийметты, и, к своему великому облегчению, увидела, что над домом поднимается легкая, безобидная с виду струйка дыма.

– Кто-то идет, – сказал старый Топен.

Это был Элуа Маколле, он тоже их увидел.

Был прилив, так что они могли подплыть к берегу и прокричать друг другу самые важные новости.

Больше всего пострадала южная коса. Маколле на своем ялике обогнул остров и приблизился к ирокезам, распевая песню мира. Ему повезло: его узнал один из вождей, что позволило ему провести переговоры и добиться пощады для островитян, которые укрылись в горах под началом трапперов, поднаторевших в искусстве устраивать засады, таких как Мопертюи.

Затем индейцы получили приказ отходить и, визжа, быстро сели в каноэ, чтобы присоединиться к своему

флоту в окрестностях мыса Бурь.

Они вернулись ночью, и снова жители острова похватили свои котелки и поднялись в горы. Но это было всего лишь для того, чтобы лучше рассмотреть зрелище сотен индейских каноэ, идущих вверх по течению реки Святого Лаврентия в свете факелов.

- Как Гийметта?

- Жива! И ее домочадцы тоже.

Он отказался сесть в их лодку; у него здесь собственная лодка, сказал он, и он вернется в Квебек завтра.

* * *

- Пока все хорошо, - заметил старый Топен, когда они, обогнув мыс, поплыли к Кот-де-Боупре. - Я не хотел ему говорить, поскольку он и сам скоро узнает. Похоже, возле Лозона тоже немало разрушений, и, возможно, сын Элуа, Сиприен, убит.

Перед полуднем они добрались до отмелей, окружающих окрестности школы Сен-Жоашен. На солнце сверкал крест на колокольне новой церкви Святой Анны. Ирокезы ее не сожгли.

Теперь мыс Бурь был совсем близко, синеватая громада в две тысячи футов высотой. Его подножие застилала пелена застоявшегося дыма, поднимающегося из развалин, разбросанных там и сям. Причалив к маленькой дощатой пристани, окруженной с двух сторон зарослями побелевшего от соли тростника, они с тяжелым сердцем начали подниматься к удаленным от берега зданиям, над почерневшими стенами которых еще клубился дым.

Приближаясь к ним по широкой утопанной тропинке, они услышали мычание коров, которые разбрелись по лугам. Что ж, стало быть, не все

животные погибли в сгоревших хлевах. Коровы смогли спастись. Скорее всего, их вывели из стойл еще накануне, чтобы они размяли ноги после долгой зимы. На этих равнинах снег растаял уже давно, теперь его можно было увидеть только в чашах.

Снаружи самый большой, трехэтажный дом справа казался нетронутым.

Они направились через двор к постройкам, которые сильно пострадали. Деревянные строения сгорели полностью, от них остались только обугленные каркасы. Каменные стены фермы сохранились, но теперь внутри остались лишь руины, ибо деревянные полы, потолки и крыша сгорели и обвалились внутрь. Каменные дымоходы, построенные над огромными очагами, казалось, караулили эти развалины, похожие на несчастных раздетых часовых.

Оставалась еще часовня, к которой Анжелика и ее спутники и направились, с сердцами, полными тяжелых предчувствий.

Ирокезы не сожгли ее. Может быть, для того, чтобы французы могли лучше разглядеть зрелище, которое они там найдут?

Трагическим предупреждением стал труп дога, лежащий в нескольких шагах от часовни. Должно быть, пес аббата Дорена залаял, чтобы предупредить о бесшумном приближении врагов, и тут же был сражен ирокезской стрелой.

Обитатели Сен-Жоашена были застигнуты врасплох, когда собрались на мессу.

Духовника, его служек, юных, пятнадцатилетних учеников школы искусств и ремесел, пришедших на мессу фермеров и их работников, аббата Дорена, преподавателей семинарии и школы убили ударами ножей, топоров и томагавков и оскальпировали.

- Но где же дети?

Анжелика со страхом посмотрела на большой дом, казалось дышавший покоем. Неужели там они обнаружат тела шести- и семилетних мальчиков?

- Мне не хватает духу пойти и посмотреть, - сказала она приплывшим с нею солдатам. - Сходите туда вы, господа, вы более привычны к ужасам войны.

Солдаты вошли в дом с оружием на изготовку и немного погодя вышли на порог, крича:

- Там никого нет!

Большая ферма была пуста, но внутри царил абсолютный порядок. В спальне все постели были аккуратно заправлены. В трапезной на длинном столе были расставлены деревянные миски, и около каждой лежал кусок пеклеванного хлеба размером с тарелку.

В учебных классах и мастерских столы, скамейки и инструменты для скобяного и плотницкого дела, для живописи или ваяния из дерева, казалось, ждали учеников.

- Но где же дети?

- Может быть, ирокезы взяли их в плен и увезли с собой?

- Нет! Они увезли с собою только трех пленников: мужчину и двоих детей, которых видели в их лодке. Все пленники были из Лозона.

Они вернулись на середину двора и несколько раз выстрелили из мушкетов.

Затем мужчины вынесли трупы из часовни - всего их было пятнадцать - и положили их перед ее дверью, а двое грузчиков начали копать могилы.

Время от времени солдаты продолжали стрелять в воздух.

* * *

Час спустя у подножия горы было замечено какое-то движение. Они возвращались. Они все были живы. Три десятка маленьких семинаристов, одетых в черное, во главе с юным светловолосым Эмманюэлем, ангелом-хранителем, который их спас.

Именно по его инициативе они встали в этот день до восхода солнца. Накануне вечером он испросил у настоятеля школы позволения дать им полюбоваться рассветом с высоты мыса Бурь.

Глубокой ночью, заправив постели, одевшись и обувшись, они гурьбой направились к темной громаде мыса, вырисовывавшегося на фоне матового неба. Луна к тому времени уже зашла.

Нильс Эббиэл, который был среди них одним из самых старших, шел сзади и следил, чтобы никто не отстал. Перед рассветом, когда ночь начала сереть, они взобрались на вершину мыса по скалам. Там, наверху, они сели на край утеса, прижавшись друг к другу, и стали наблюдать, как восходит дневное светило, глядясь, как в зеркало, в необъятную гладь реки, сливающуюся на горизонте с небом.

Ширина реки Святого Лаврентия к северу от мыса достигала семи-восьми лье.

И на этом голубовато-розовом просторе Эмманюэль вдруг увидел флот ирокезов, похожий на рой ядовитых насекомых.

Он протер глаза. Неужели это не кошмар, а реальность? Сотни индейских каноэ... Они шли с севера... Потом он увидел, как индейцы высадились на узкий берег у подножия мыса. Половина пошла дальше, к Бопре, половина осталась сторожить каноэ. Все были вооружены. Эмманюэль узнал их прически и понял – это ирокезы.

Тогда он схватил за руки двух самых маленьких и бросился бежать.

- За мной! - крикнул он. - Быстрее, быстрее и без шума! Нильс, смотри, чтобы никто не отстал.

Ведя малышей, он постарался забраться как можно выше в гору, затем углубился в лес, по лесу спустился с противоположной стороны и опять прошел по прибрежным скалам. Он знал один заброшенный караульный пост с траншеей, укрытой от взглядов густым кустарником. Сюда он и привел детей, и они все легли на дно ямы, так что снаружи их было не видно.

Время от времени Эмманюэль выглядывал наружу и издали видел, как горят на равнине дома и церкви, отмечая продвижение ирокезов к Квебеку.

В середине дня он по запаху, по вдруг смолкшему пению птиц почувствовал, что кто-то приближается, и в нескольких шагах от траншеи увидел ирокезских воинов, скользивших между ветвями, точно тени. На их головах колыхались яркие перья, а красные и черные линии на коже подчеркивали выражение жестокости на их лицах.

Эмманюэль дал знак детям, чтобы они замерли и не шевелились.

Как маленьким колонистам удалось задержать дыхание и впасть в подобие транса, какое чудо научило их хитрым повадкам лесных зверушек? И хищники с обостренным нюхом прошли от них в двух шагах, не заметив прячущихся в чаще детей.

Увидев, как маленький Марселен дрожит при виде тех, кто наставлял его в раннем детстве и с кем он вместе охотился и пировал, Эмманюэль одной рукой закрыл ему глаза, а другой - рот. Ирокезы прошли мимо неслышно, точно призраки.

Затем, словно повинуясь некоему таинственному приказу, они спустились к своим лодкам и отплыли.

Эмманюэль решил, что они явились в окрестности Квебека, чтобы пограбить и собрать побольше скальпов. Но не все ирокезы участвовали в убийствах и грабежах.

Большинство осталось сторожить каноэ в бухтах рядом с мысом Бурь.

Вечером Эмманюэль заметил вдалеке в туманных сумерках огни, горящие на сотнях каноэ; усыпав, точно звезды, все пространство реки, они собирались около острова Орлеан.

«Теперь они идут на Квебек», – с ужасом подумал он.

Наступила ночь, и из холодных расселин поднялся туман. Стало совсем темно. Дети спали на дне стылой траншеи тяжелым сном, точно животные, впавшие в зимнюю спячку.

Эмманюэль молился: «Что станется с нами, если убьют наших братьев в Квебеке? Господи, защити наших воинов!»

Взошло солнце, и дети проснулись. Туман рассеялся, и снова стала видна гладь реки, но с высоты, на которой они находились, они не могли разглядеть, разрушен Квебек или нет.

На равнине все было недвижно. Вдоль всего берега от стоящих там и сям сгоревших домов еще поднимался дым. Наконец дети услышали выстрелы. Возле берега, там, где простирались отмели, белел парус. Стали видны силуэты идущих к большой ферме солдат и вооруженных поселенцев; среди них была женщина, что окончательно успокоило маленьких семинаристов. Они поняли, что их ищут, к ним идут на помощь.

Покинув свое укрытие, они стали спускаться по крутому склону обратно на равнину. Вскоре они уже были внизу, дрожа в своей сырой, измазанной землей одежде. Глядя на ряд лежащих перед часовней трупов, они поняли, какой ужасной участи избежали. Застыв, они молча смотрели на тела тех, кто еще вчера были их учителями, или тех, кто вместе с ними учился и играл. На тела их друзей и наставников, от которых зависела их жизнь, распорядок их дня, которые определяли, когда им вставать, когда работать, есть, молиться,

отходить ко сну. Они лежали бездыханные, с окровавленными головами, жизнь покинула их, и для их воспитанников это означало, что привычной жизни настал конец, что закон, казавшийся им незыблемым, рухнул и судьба обратила к ним доселе незнакомое им страшное лицо... Ирокезы принесли их друзьям и наставникам смерть.

Анжелике и ее спутникам никак не удавалось оторвать их от этого болезненного созерцания.

- Пойдемте, дети, пойдемте! - настаивали они. - Вас ждут в трапезной. Большая ферма уцелела.

Но испуганные дети не двигались. Юный Эмманюэль заметил среди трупов тело аббата Дорена, своего духовного наставника, который заботился о том, чтобы в будущем из него получился хороший священник, и сейчас стоял, охваченный глубоким горем.

Но внезапно юноша поднял голову, прислушался, и на лице его отразилось волнение.

- Послушайте!

Анжелика испугалась, что от пережитых испытаний он помешался в рассудке и ему теперь мерещатся жуткие убийцы с томагавками в руках.

- Не бойтесь, Эмманюэль, - попыталась успокоить его она. - Ваши жестокие враги ушли и еще долго не вернуться. Я вам это обещаю.

- Да я не об этом! - возбужденно воскликнул он. - Послушайте! ПОСЛУШАЙТЕ!

Его лицо просветлело, он медленно поднял руки и указал на юг, откуда доносился далекий зов.

«Куа! Куа!»

- Большие белые гуси! - всхлипывая, закричал он. - Большие белые гуси с мыса Бурь! Они возвращаются! ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ!

И они появились на небе, первая стая, летящая клином.

За первой стаей следовали другие, они были еще далеко, их было не видно, но уже глухо слышались их крики:

«Куа! Куа!»

Дети забыли все: ужас, усталость, голод – и бросились к болотам, радостно крича.

И как только первая стая словно упала с небес на засоленные берега мыса Бурь в нескольких шагах от них, они начали прыгать и хлопать в ладоши, громко и радостно приветствуя птиц.

Гуси все падали и падали с неба, такие уставшие, что у них даже не было сил испугаться этих маленьких черных гномов, которые плясали среди них, хлопая в ладоши, протягивая к ним руки, словно желали их обнять, не обращая внимания на крепкие, твердые клювы гусаков, которые зачастую были ростом с них самих.

Словно огромный снежный вихрь, они опускались на землю, обессилевшие, измученные долгим перелетом.

Они пролетели три тысячи двести миль с Каролинских островов – без отдыха, без остановок, не обращая внимания на лежащие на их пути прерии и леса, не поддавшись искушению опуститься на землю в уже зазеленевших чащах Мэна, усеянных тысячами синих озер.

Дикие гуси с прямыми, словно стрелы, шеями стремились вперед – вперед, к мысу Бурь, чтобы спариться и поднять на крыло птенцов, перед тем как полететь на север.

Долетев, они наконец сложили крылья, которыми махали без перерыва все три или четыре дня перелета, махали ритмично, сильно и упорно, и упали к подножию мыса Бурь, словно для того, чтобы здесь умереть.

Но, приземлившись, они тотчас же оживлялись; сделав несколько неуверенных шагов, они гордо вытягивали свои длинные шеи, чтобы рассмотреть

знакомые окрестности, реку, тень мыса Бурь и острова Орлеан и поглядеть на свое отражение в воде, после чего начинали выискивать в иле свой излюбленный корм, вкусные корневища американского камыша, который рос только в этих местах.

Они прибывали стая за стаей, кружась и опускаясь на землю. Лодка, в которой сидела Сабина де Кастель-Морг, причалила к берегу посреди хлопанья крыльев и оглушительного гоготанья.

Вновь прибывшие с трудом прокладывали себе дорогу среди этой толчеи диких гусей, становящихся все многочисленнее, все нахальнее.

Отгоняя их, люди неистово махали руками и шляпами, но их продвижение все равно было медленным.

* * *

Издаലെка заметив ту, кого она теперь с горечью называла про себя «своей соперницей», Анжелика подумала: «Анн-Франсуа умер».

Увидев ее в этих местах, Сабина де Кастель-Морг явно удивилась.

– Как ваш сын? – спросила Анжелика.

– Ему лучше... Во всяком случае, мне все так говорят... Я не знала, что вы здесь.

Сабина объяснила, что госпожа де Меркувиль, видя, что она все время сидит у постели сына и прислушивается к его дыханию, послала ее проветриться.

– Тогда я и подумала, что нужно что-то сделать для тех, кто уцелел на северном берегу реки. Только вникая в горести других, можно отвлечься от своих собственных.

С помощью своей храброй подруги госпожи Барбо, также члена братства Святого Семейства, она наняла лодку для поездки в Сен-Жоашен и предоставила ее в распоряжение ректора семинарии господина де Берньера, а тот, кроме нее и ее подруги, взял с собою двух помощников и несколько слуг.

Священники прибыли как раз кстати, чтобы пропеть молитву об усопших над свежевырытыми могилами, в которые поспешно опустили тела убитых.

Молитвы и песнопения, звучащие тихо и печально, соперничали с какофоническим гоготанием диких гусей и лишь с трудом его заглушали.

Госпожа де Кастель-Морг привезла белье и чистую выглаженную одежду, которые ей вручили сестры-прачки из монастырской больницы. Белые воротнички, сложенные и накрахмаленные, были вынуты из сундучка, обтянутого кожей тюленя, и выложены на стол, точно стопка блинов.

На огне нагрели чугунок с водой, и две дамы помогли храброму юноше Эмманюэлю и секретарю господина де Берньера отмыть маленьких воспитанников семинарии. Затем мальчики надели ночные рубашки из толстого теплого холста, и их отвели в дортуар. Маленькие канадские семинаристы будут сегодня спать под колыбельную из хриплого гоготанья возвратившихся диких гусей.

Было решено, что одна из двух лодок вернется в Квебек. Анжелика и Сабина сели в нее. Анжелика увозила с собой Марселена, который вцепился в ее руку и не отпускал, а госпожа де Кастель-Морг держала на коленях ребенка, завернутого в одеяло, но все равно дрожавшего в лихорадке, которому требовалась срочная врачебная помощь.

Когда старый Топен поднял на своей лодке парус, было еще светло, но до Квебека они доберутся уже ночью.

На полпути им повстречался конвой из лодок, плывших в Сен-Жоашен. В самой большой сидел монсеньор де Лаваль. Произошел обмен новостями. Те, кто возвращался в Квебек, сначала рассказали о спасенных детях и только потом сказали, кто погиб.

Пока лодки стояли рядом, Анжелика заметила в одной из них, идущей сразу за баркой епископа, мужчину, лицо которого показалось ей знакомым.

Он сидел в лодке вместе с женой и двумя детьми, сгрудившись вокруг большого бесформенного узла, который все, включая его маленьких сыновей, тщательно оберегали от повреждений.

- Вы, случайно, не мельник из Шато-Рише? - просила его Анжелика.

- Он самый, - весело ответил он.

Несмотря на все недавние трагедии, он выглядел очень довольным.

В день, когда Анжелика впервые посетила резиденцию епископа, ей повстречался этот парень, который только что заключил с монсеньором де Лавалем договор на аренду двух мельниц за годовую плату в шестьсот ливров, шесть каплунов и сверх того - сладкий пирог.

- Разве Шато-Рише не пострадал от набега ирокезов?

- Еще как пострадал! Моя мельница сгорела дотла, зато я цел и невредим и моя семья тоже.

Своей жизнью он был обязан ежегодному пирогу, который он должен был печь для епископа. Желая представить монсеньору де Лавалю настоящий шедевр пекарского искусства, он с домочадцами прибыл в Квебек как раз накануне нашествия ирокезов, чтобы воспользоваться более просторной печью коллеги-пекаря и выбрать кондитерские изделия для украшения верхней корочки.

Все это время он, не обращая внимания на войну, вымешивал тесто, готовил начинку, ставил пирог в печь,

пек его и украшал. И не отвлекался ни на какой проход каное ирокезов, чтобы плод такого усердного труда, чего доброго, не подгорел. Его мельница превратилась в головешки, но сам он и его семья спаслись, а пирог удался на славу.

Сейчас он вез свой шедевр в Сен-Жоашен. Он приподнял закрывавшую его скатерть, чтобы показать его дамам, и те увидели аппетитное чудо пекарского искусства, украшенное пралине и толченым миндалем.

– Для детей это будет большим утешением, – сказала Сабина.

Конвой лодок поплыл своей дорогой, и лодка старого Топена снова устремилась к Квебеку.

Было еще не совсем темно. По золотому закатному небу летела последняя стая диких гусей. Края клина колебались, точно черные ленты; каждая птица старалась лететь так, чтобы сохранить его четкую форму от концов до большого гуся, летящего во главе угла. И из вышины неслись их радостные приветствия:

«Куа! Куа! Куа!»

Анжелика чувствовала, что Сабина хочет с нею поговорить, и демонстративно отворачивалась. Последние два дня ей было не до того, чтобы думать. И все равно время от времени ее сердце, точно кинжалом, пронзала боль.

Она не могла себе представить, что произойдет, когда она наконец найдет время для размышлений...

Она заметила на себе пристальный взгляд больших темных глаз Сабины, и их красота показалась ей невыносимой.

Почему она должна сидеть с этой женщиной в одной лодке, да еще и бок о бок?

Из-за встречного ветра и отливного течения им пришлось долго лавировать под Квебеком, пока Топен боролся со своим квадратным парусом, упрекая его в

том, что за зиму он обленился. «Ты слишком долго стоял без дела, негодник! А ну кончай бить баклуши!..»

В темноте Квебек возвышался над рекой огромной черной тенью, где один за другим снизу вверх зажигались огни в домах.

Впервые Анжелика увидела Квебек, эту маленькую, затерянную в глуши столицу Новой Франции, поздней осенью с полуюта танцующего на волнах «Голдсборо».

И сейчас в ней снова проснулась боль, как будто она дотронулась до открытой раны, хотя она не могла определить, где находится источник этой боли и какова ее природа.

Что касается ее, она приняла вызов и выиграла.

«Ты – победительница», – говорила ей Гийметта.

Но не слишком ли дорого она заплатила за свои победы.

Цена была под стать вызову.

«Хватит ли у меня духа?» – подумала она.

Она снова встретилась взглядом с Сабиной де Кастель-Морг.

– Анжелика, послушайте...

– Нет! – сказала та и резко отвернулась. – Не выводите меня из себя.

– Но я должна вам сказать... Вы должны знать.

– Нет! – повторила Анжелика, но уже не так уверенно. – Оставьте меня, я и так устала.

Она чувствовала, какими тяжелыми стали ее веки. Ей до смерти хотелось спать.

Лодка плясала на зыби, точно пробка, пока они ждали перед городом, когда ветер, внезапно стихший, задует снова, и это покачивание стало последней каплей. Ее неудержимо клонило в сон.

– Больше вы ничего не сможете мне сделать! Вы и так наделали достаточно!

Конечно, с иронией подумала она, два дня она бегала очертя голову, ведя переговоры с самым

свирепым из ирокезов, перевязывая раненых, плавая на лодке, хороня убитых, и все это после пылкой ночи любви и покушения на ее жизнь, - тут есть от чего устать. Ее голова упала на грудь, коснувшись белокурых волос Марселена, который заснул, прижавшись к ней.

Закрыв глаза, она стала строить планы, очень определенные, о том, как она будет вести себя, когда они наконец придут в порт. Во-первых, она не будет слушать ничьих просьб. Если на площади окажется карета, она сядет в нее, будь то экипаж хоть госпожи прокурорши, и попросит отвезти ее домой.

По дороге она остановится у трактира «Восходящее Солнце» и попросит у Буавита его грушевой водки, нальет ее в горячее молоко, смешанное с сиропом из миндального молочка, а потом, выпив все это, ляжет в кровать, предварительно плотно задернув ее полог.

И будет спать, спать, спать...

Она слышала, как Сабина тихо произнесла:

- Вы должны знать, Анжелика... И вы не должны в этом сомневаться... Для него существуете только вы, ТОЛЬКО ВЫ.

Глава XIV

- Найдите мне Элуа Маколле и по возможности не давайте никому сообщать ему печальную новость до меня.

Смерть Сиприена Маколле, его сына, подтвердилась.

Элуа Маколле прибыл, насвистывая веселую песенку.

На дворе стояла весна, и он был бодр и весел.

Он только что приплыл с острова Орлеан и еще ничего не знал.

- Вам рассказали, - спросила его Анжелика, - что отряд ирокезов переплыл реку и опустошил весь северный берег в районе Лозона?

Он перестал свистеть и нахмурился:

- Нет! Я ничего не знал.

- Ваш сын погиб, Элуа.

Анжелика рассказала ему, как его сын, толстый миролюбивый кожевник, сражался с дикарями более двух часов. Он забаррикадировал свой дом и бегал из угла в угол, отстреливаясь, просовывая ствол своего мушкета во все щели, которые все были в удобных местах, как и должно быть в доме канадского поселенца.

В конце концов ирокезам удалось выломать дверь дома; они схватили его разъяренного защитника и убили томагавками и топорами, а потом сняли с него скальп.

- Ваш сын разочаровал вас, Элуа, но он погиб как герой, он достоин вас.

Он выслушал этот рассказ стоя, не произнося ни слова.

- Он был неплохой малый, - сказал он наконец, - но мы не были близки, как бывают близки отец и сын: я был как лесной олень, а он - как вол, тянущий плуг. Я, так сказать, зачал его по приказу короля, потому что был

принужден жениться на его матери. Пришлось подчиниться здешним ордонасам. Если в восемнадцать лет ты был еще не женат, то тебя наказывали, и ох как сурово. У меня могли бы забрать мое разрешение на торговлю с индейцами, отобрать землю, которую я арендовал, и даже ту, которую я купил за собственные деньги. Что ж, я женился на одной из «королевских дочерей». Ей не на что было жаловаться. Я дал ей ферму и сделал ей ребенка, но, едва она забеременела, я отправился на Великие озера и провел там несколько лет. Должно быть, «дочь короля», на которой я женился, была храброй и крепкой женщиной, потому что при ней ферма процветала и она хорошо воспитала сына. Время от времени я к ним возвращался. Но с сыном я немного сблизился только после ее смерти. К тому времени он уже был женат.

Он умолк, потом тихо спросил:

- А Сидони?

- Во время боя она была вместе с ним и подавала ему заряженные мушкеты. Когда враги ворвались в дом, она укрылась на чердаке и подняла туда приставную лестницу. Сквозь люк в полу она расстреляла в них последние пули. А еще она взяла с собою наверх горшок с горящими углями и, когда у нее кончились порох и пули, стала кидать вниз вязанки соломы и сыпать на них эти угли. Начался пожар, и индейцы, так и не пограбив дом, сбежали. Тогда она опустила лестницу, спустилась сама и, нося из колодца ведра с водой, потушила огонь.

Его дыхание участилось.

- И что же? Она жива?

- Жива.

- Слава богу! - вскричал он и тяжело опустился на табурет. - Я вам говорил, она крепкий орешек, эта Сидони!

Он машинально поправил на своей оскальпированной голове красный колпак.

- Проклятая страна! Проклятая страна! - повторял он.

Затем из глаз его полились слезы.

Выплакавшись, он поднял голову и сквозь застилавшие его глаза слезы увидел Анжелику и ее сидящего на столе кота. Оба они смотрели на него задумчиво, нежно и с пониманием.

- Маколле, она любит вас, - сказала Анжелика. - И любила всегда. Может быть, я и не права, но, когда женщины руководствуются чувствами, они порой совершают странные поступки, и я спрашиваю себя: не вышла ли она за вашего сына просто ради того, чтобы быть ближе к вам... Ее привлекали вы, ваша репутация. И создавалась безвыходная ситуация... Она вас любила, хотя сама себе в этом не признавалась... Она жила теми минутами, когда вы были рядом, а вы удирали от нее в леса и бегали за соседками. О ней вы и не помышляли, ведь она была женой вашего сына. Но теперь она свободна. И хотя минуту назад вы этого и не подозревали, вы тоже ее любите, я вижу это по вашему лицу.

- Тысяча чертей! - вскричал он. - Да все попы тут же завопят о кровосмешении.

- Но вы же не ее родной отец... Вы можете на ней жениться.

Он покачал головой:

- Это невозможно. Молодая женщина и старик.

- Да бросьте вы! Старик, который, похоже, не пропускает ни одной юбки. К тому же возраст отнюдь не мешает вам шастать по лесам, грести на реках, а потом носить лодку на голове. Самое малое, что вы можете дать этой женщине, которой уже за тридцать и которая по вам сохнет, - это сделать ей ребенка... Она сама мне об этом говорила.

Элуа Маколле вскочил с табурета, к нему уже вернулась вся его прежняя живость.

- Заранее ничего не обещаю! Нам надо поскорее увидаться. Как бы то ни было, до того, как я опять уйду в лес, я должен помочь ей подремонтировать дом.

* * *

Может быть, хотя бы теперь она может вволю поплакать о своей горькой участи?

Но в дверном проеме показался огромный, по-медвежьи неуклюжий Юсташ Банистер.

Кот, поднявшийся было, чтобы последовать за Анжеликой в спальню, опять свернулся клубком, сложив пушистые лапки. Он проделывал этот маневр с самого утра, когда приходили раненые, чтобы она перевязала их раны, потом люди в слезах, потерявшие своих близких, чтобы рассказать ей о своих скорбях. Госпоже де Пейрак пришлось встать рано; накануне она вернулась из Сен-Жоашена совсем поздно, но ей все же удалось несколько часов поспать крепким сном без сновидений.

Сейчас к ней явился Юсташ Банистер; он только-только вышел из больницы. Освободив дверной проем и снова впустив в прихожую свет, он сделал несколько шагов вперед и сказал, что, прежде чем отправиться на Великие озера, хотел зайти поздороваться с бывшей соседкой госпожой де Пейрак. Он показал ей документ, подписанный майором Аврансоном, полученный благодаря ей. «Наместник короля в Новой Франции, замещая временно отсутствующего господина де Фронтенака, сим удостоверяет, что сьеру Банистеру выдается разрешение сопровождать индейцев из места, называемого Соль-Сен-Луи, до озера Иллинойс и далее на протяжении времени, которое он сочтет нужным для служения королю и на благо Новой Франции. Вышеозначенному сьеру Банистеру разрешается также

зазимовать с вышеозначенными индейцами, ежели сие послужит общественному благу. Учинено в Квебеке 10 мая 16..., подпись: Дюкелак Аврансон, за печатью с гербом оного...» Документ был подписан также епископом и негоциантом Базилем, который финансировал эту экспедицию.

Банистер собирался взять с собою в леса своего старшего сына.

Перед тем как отправиться, он оставил завещание.

Он был готов пуститься в путь и выглядел просто великолепно в своих толстых холщовых штанах, подпоясанных широким, длинным шерстяным кушаком, сплетенным из разноцветных нитей и украшенным бахромой и орнаментом в виде стрел. Также на нем были его знаменитые сапоги из лосиной кожи, расшитые разноцветными иглами дикобраза и отделанные маленькими металлическими цилиндриками, из которых торчали пучки шерсти косули, окрашенной в красный цвет.

Он сказал, что отдает все принадлежащие ему земли, граничащие с владениями маркиза де Вильдавре, последнему, так как понимает, что маркиз все равно приберет их к рукам.

Оставалось еще дело Эфрозины Дельпеш. Анжелика перебила его, сказав, что она не в курсе и что Эфрозина ее не интересуется. Банистер пожалел, что столяр Ле Бассер, исполнявший также по совместительству обязанности судебного исполнителя, погиб, но до его гибели они вместе составили подробную жалобу на прокурора Тардые за то, что из-за нерадения оного у бумаг о возведении Банистера во дворянство вышел установленный законом срок. А поскольку, уходя в леса, Банистер оставил Базилю кругленькую сумму, судебные кляузы против Тардые будут продолжаться и продолжаться, доставляя прокурору немало хлопот. Так

Банистер подтверждал, что индейцы недаром дали ему имя Акираэс, то есть «Тот-кто-крепко-бьет».

Сказав все это, бывший сосед Анжелики хрипло позвал своего старшего сына, и тот, стоявший до этого за дверью, робко вошел, прижимая к груди огромный кусок хлеба, свяченного на Пасху. По традиции этот пасхальный пирог хранили так долго, как только было можно, и трапперы непременно брали его с собой и съедали только в самой крайности, потому что это была последняя нить, связывающая лесного бродягу с его церковью и его приходом.

Мальчик тоже был обут в сапоги из лосиной кожи, на голове у него была шерстяная шапка, натянутая до самых бровей. Отец тут же стащил ее с него, дав ему при этом подзатыльник, что с его стороны было верхом вежливости.

Глупый пес вылез из-под печи для выпечки хлеба и завилял хвостом.

Глава XV

На протяжении всех этих трех дней, прошедших после набега ирокезов, когда Анжелика время от времени, задыхаясь, выныривала на поверхность, она вспоминала о боли, затаившейся в глубине ее сердца, боли, от которой она очень страдала. Хорошо, что Жоффрей сейчас далеко, ведь причинил ей эту боль именно он.

Осознав, что она рада его отсутствию, Анжелика впала в отчаяние. Неужели это означает, что их любовь мертва? Все вокруг повторяли, что это она спасла Квебек, и пели ей дифирамбы. Но она чувствовала, что дошла до крайности и скоро в ней лопнет какая-то важная пружина.

Город был спасен, юный Анн-Франсуа был вне опасности, маленькие мальчики из Сен-Жоашена полакомились своим пирогом, прилетели долгожданные дикие белые гуси, а Анжелика заливалась слезами.

– Почему, почему он это сделал? – воскликнула она, говоря сама с собой в маленькой пустой комнате.

А почему бы, собственно, ему было этого и не сделать? Он всегда делал что хотел, за это она его и любила. В мире не было человека более свободного, чем он...

Но какие бы доводы она себе ни приводила, ее горечь не становилась меньше, когда она снова и снова вспоминала обстоятельства, при которых мужчина, который был ей дороже всех на свете, отвернулся от нее, пусть даже всего на один час. Она, не переставая, мучила себя, пытаясь представить, когда и где это произошло. На самом деле она это знала, ведь Анн-Франсуа не стал делать из этого секрета. Это случилось в замке Монтињи в тот день, когда она ездила на остров

Орлеан, чтобы повидать колдунью Гийметту. А ведь она отправилась к ней как раз за советом или лекарством, чтобы успокоить нервы госпожи де Кастель-Морг. Дальше идти уже некуда! В то время как она беспокоилась о душевном состоянии жены военного коменданта Квебека, стоящей на грани безумия, эта женщина... и он...

Анжелика бросилась на кровать и зарылась лицом в подушку, чтобы не закричать, не завывать в голос. Все над нею посмеялись.

В тот день на острове Орлеан колдунья Гийметта, которая все знала, которая, будучи провидицей, просто не могла не знать, имела наглость заявить ей: «Ты счастливая женщина!» А говоря о Сабине де Кастель-Морг, она сказала с улыбкой, всю ироничность которой Анжелика понимала только сейчас: «Не бойся за нее, ее спасут». А чтобы усыпить ее подозрения, ведь она, Анжелика, со своим знаменитым инстинктом, могла бы и издали почувствовать, что муж ей вероломно изменяет, лицемерная колдунья отвлекала ее внимание всякими историями и исповедями – так ребенку рассказывают сказки, чтобы заставить его незаметно проглотить лекарство. А когда она уезжала, Гийметта бросила ей на прощание какую-то глупость, чтобы дать пищу ее воображению и пустить его по ложному пути. Она сказала: «Не нужно ему ездить в Прагу», чтобы, заинтригованная этой загадкой, Анжелика не заметила того, что творится у нее под носом.

Прага! Столица Богемии, которая здесь совершенно ни при чем, упомянутая лишь для того, чтобы затуманить ее разум. Ах, как же они все посмеялись над нею, прикрываясь масками любезности! Даже госпожа де Меркувиль, которая и подала ей мысль уехать на остров, и еще дала ей повязку Сабини, притворившись, будто беспокоится за нее.

А намеки этой змеи Эфрозины! Как же она, наверное, веселилась, ведь она узнала, почти увидела... А потом Анжелика еще как дура лечила ее обмороженный нос, радуясь, что может оказать услугу, облегчить страдания, а они, все эти завистники, пользовались ее добротой, платя ей за ее заботы черной неблагодарностью.

Зарывшись лицом в подушку, Анжелика ясно видела: ее окружают только предатели и предательницы, которые, расточая ей любезности, чтобы воспользоваться ее дружеским расположением, жестоко над нею посмеялись. Глубоко уязвленная, она видела сейчас во всех их поступках изощренное коварство, как будто весь город только и делал, что помогал Жоффрею и Сабине ее обмануть. Но потом присущая ей честность заставила ее вспомнить, что она отправилась на остров Орлеан, повинувшись порыву и никого заранее не предупредив, так что если кто-то и может быть обвинен в коварстве, то только господин слепой случай, который, как известно, является большим мастером устраивать фарс.

Она встала с кровати и покачнулась. Ее веки так распухли, что глаза больше не открывались, но теперь она немного успокоилась.

Посмотрев в зеркало на свое опухшее от слез лицо, она сказала себе, что ей придется по меньшей мере час делать маски из кремов и прикладывать к лицу компрессы и припарки, чтобы вернуть ему пристойный вид.

Она опять заплакала и поняла, что никакие компрессы и маски ей не помогут, если она и дальше будет бесцельно изводить себя печальными мыслями, будто находя в этом какое-то удовольствие. Да имеет ли она право удерживать возле своей юбки такого человека, как Жоффрей де Пейрак?

Но все эти призывы смириться не помогали. Она не могла остановить льющиеся из глаз потоки слез и говорила себе, что в ее душе что-то сломалось.

* * *

- Почему ты плачешь? - спросила Польшка.

- Я не плачу.

- Думаешь, я ничего не вижу? А ну сядь! Попей! Поешь! Я приготовила тебе телятину. Телят тут забивают редко, но весной надо есть весеннее мясо.

Мысль о забитом теленке настроила Анжелику на еще более грустный лад. Польшка покачала головой:

- Маркиза, ни один мужчина в мире не стоит того, чтобы из-за него отказываться от вкусной еды. Все мужики одинаковы, ты-то должна это знать.

Анжелике совсем не хотелось выслушивать, как Польшка будет пускаться в философские рассуждения о мужчинах и смешивать Жоффрея с теми оборванцами, вроде Каламбредена, которых ей довелось любить, или даже с нынешним ее спутником, славным малым Гонфарелем.

Она поднялась, чтобы уйти.

- Маркиза, будь осторожна... Не садись на своего любимого конька и не пускайся на нем в галоп, не зная, куда он тебя понесет... Это как раз тот случай, когда ты видишь соломинку в глазу мужчины, который тебя любит, а бревна в своем собственном не замечаешь.

- Что ты знаешь?

- Ничего. Но я о многом догадываюсь.

Надо признать, что Барданя Анжелика вспоминала только между прочим. Воспоминание о ночи, проведенной в его объятиях, словно смыло волной прилива. Она либо вовсе о ней не думала, либо думала редко. И каждый раз, думая о том, что произошло, она

чувствовала лишь спокойствие или удовлетворенность и ни малейшего сожаления. То, что между ними случилось, было тогда для нее важно. Но это наверняка не будет иметь никакого влияния на ее жизнь.

Стал ли бы Жоффрей ревновать? Бог не допустит, чтобы он что-либо узнал, потому что это не имело бы никакого смысла. Бардань не Колен. И вообще, для нее имеет значение только Жоффрей.

Поразмыслив, она поняла, что если отбросить уязвленное самолюбие, которое наверняка еще будут ранить пересуды и многозначительные улыбки, то оставалось и мучило ее более всего сомнение. Не начала ли она бояться еще раньше, что любовь Жоффрея к ней остывает? Она даже вспомнила, когда у нее впервые закралась эта мысль. Это произошло, когда они любили друг друга в послеполуденные часы в замке Монтиньи. Она тогда испытала невыразимое наслаждение. Вспоминая об этом их соитии, она должна была признаться себе, что на мгновение ей тогда показалось, что она в раю. И именно тогда, испытав неземное блаженство, она начала бояться, что он от нее отстраняется. Она почувствовала, что он не с ней, как будто он отказывался вместе с нею отдаться ее экстазу.

Жизнь по природе своей несправедлива, ей нравится играть человеческими сердцами, словно она играет в бильбоке. Когда любовь достигает своей высшей точки, не начинает ли она умирать?

Помусолив в уме воспоминание о том, как Жоффрей от нее отстранился, Анжелика полностью убедила себя в том, что он изменил ей не потому, что любит Сабину, а потому, что больше не любит ее, свою жену.

Ей пришли на память слова, которые Анн-Франсуа произнес, говоря о своей любви к ней. Молодой человек повторил тогда душераздирающую фразу Николя де Барданя. «Ты любишь... А любовь уходит от тебя!» Теперь она понимала их страдания. У тебя на глазах

человек, которого ты любишь, смотрит в другую сторону и думает о другом или другой. При мысли о том, что любовь Жоффрея могла бы уйти от нее к другой, Анжелика почувствовала такую же боль, как и ее воздыхатели, и пожалела их, обреченных сгорать от безответной любви, которую можно изгнать из сердца только вместе с жизнью и которая всегда будет причинять им боль, как культя руки или ноги.

– Я не смогу этого пережить! Я умру! Умру!

Для нее существовал только Жоффрей. Он был здесь, в ней, воспоминания о нем, его яркая индивидуальность, он весь, и так было с самого начала. Ее мимолетные увлечения ничего для нее не значили. Наконечник его любовной стрелы вошел так глубоко, что его невозможно было вырвать из ее тела... «Есть только ты».

Прибыл гонец с вестями о войске, отправившемся из Квебека на юг. Он рассказал, какой ужас охватил его, когда его окружили ирокезы, поднявшиеся по реке Шодьер. Его привели к Уттаке, и тот сказал: «Я иду на встречу с Текондерогой, а тебе дарю жизнь».

В письме, которое принес гонец, господин де Фронтенак подтверждал, что его войско находится в окрестностях Синего озера, но пока что они не вступали ни в какие переговоры.

Гонец принес и письмо Жоффрея де Пейрака, адресованное Анжелике, но она в порыве ярости разорвала его на мелкие кусочки, не читая, о чем сразу же и пожалела.

Всю следующую неделю Анжелика проливала слезы, которые все не иссякали.

А между тем весна была в разгаре. «Есть от чего захмелеть!» – воскликнула Польша, и с нею трудно было не согласиться.

На южном берегу реки, от Бопора до Сен-Жоашена, три тысячи яблонь разом оделись бело-розовыми,

благоухающими на всю округу цветами. Все сады расцвели красками утренней зари. Щеки острова Орлеан тоже порозовели, как щеки молодой девушки, юной нормандской девы.

Анжелика объясняла свои покрасневшие веки и то, что она часто подносит к глазам платок, воздействием на нее этих опьяняющих запахов. Ей сочувствовали. Многие с приходом весны начинали недомогать: часты были насморки, называемые сенными, фурункулы, лихорадки...

* * *

Как-то днем, после полудня, к Анжелике зашел Вильдавре. Это была его первая прогулка после несчастного случая. Он прихрамывал, лицо у него было осунувшееся, а речь – не совсем внятная.

– В этом городе слишком много пьют. К моим страданиям добавилась еще и жара, и я стал больше пить, чтобы утолить жажду и забыть про душевную боль. Но я чувствую, что заболел, а вы меня совсем забросили.

– Я приготовлю вам луковый суп. Его, как вы, наверное, знаете, еще называют «суп пьяниц», потому что лук имеет свойство рассеивать пары спиртного и очищать телесные жидкости.

По крайней мере, пока она будет чистить лук, ей можно будет вытирать слезы с глаз и при этом не объяснять, почему у нее опухли веки. К тому же Вильдавре был нынче невнимателен, он думал только о своем Александре и полагал, что она тоже плачет по нему.

– Он был ангел, сущий ангел, я это знаю. Теперь я это понял. Такова судьба всех ангелов, посланных на эту землю с особой миссией. Ангелов, которые воплощаются

в людей и любят свои тела, ибо так хотели их получить. Они прекрасны. Они словно летают. И часто умирают молодыми, умирают насильственной смертью, совершив какой-то героический поступок, ради которого они и спустились на землю.

Он еще долго говорил, а потом объявил:

- Я уезжаю. С первым же кораблем. Даже если король будет недоволен... Как он посмел отправить в эту ссылку такого чувствительного и ранимого человека, как я? И все из-за какой-то китайской вазы. У него нет сердца. Я отправлюсь в Сен-Клу. Брат короля защитит меня и замолвит за меня словечко. В этом диком краю может существовать лишь тот, кто сам становится дикарем. Такие люди пустят здесь корни, обагрят кровью. Ведь им пришлось принести в жертву волосы своих самых любимых детей... Мне было достаточно потерять одного... Я увезу с собою моего сына, моего маленького Шерубена. Мне хочется вновь окунуться в цивилизованную жизнь... Кто знает, моя дорогая Анжелика, возможно, мы встретимся в Версале?

За все это время Анжелика так ни разу и не сходила за советом к отцу Мобежу, потому что знала: он только насмешливо посмотрит на нее своими раскосыми глазами и напомним, что хотя у очень красивых женщин особая судьба, это отнюдь не значит, что мужья никогда им не изменяют. А раз так, то и ей не избежать переживаний и душевных мук.

Но ей было слишком больно. От нее по кусочку отрывали ее жизнь - жизнь, которую она с таким трудом отстроила заново, и теперь ее душа представляла собою открытую рану.

«Нужно оставаться красивой, - говорила она себе, рыдая перед зеркалом. - Я была так счастлива! Так счастлива!»

Она сожалела о том, как прожила последние несколько месяцев.

Они спорили, но ведь споры служили им только для того, чтобы объясниться, лучше узнать друг друга и почерпнуть в чудесных примирениях нескудеющую и вечно новую силу связывающей их страсти. Но разве не в момент самого прекрасного экстаза она почувствовала, что он от нее отстранился?.. А ведь тогда они... взлетели в небо. Вместе, оба! Однако вершина всегда находится рядом с пропастью. Тарпейская скала, с которой в Римской республике сбрасывали предателей и убийц, находилась рядом с Капитолием, где заседал сенат и где именитые граждане Рима могли быть приговорены к смерти.

* * *

- Я тебя не понимаю, - сказала Польшка. - Знаешь, маркиза, я не думала, что ты любишь так все усложнять... Я тебе вот что скажу: спокойная и богатая жизнь тебя избаловала. Столько нытья из-за того, что у тебя со стола украли несколько крошек! Неужели ты считаешь, что это легко - бросить такую женщину, как ты? Тысяча чертей! Мне было бы забавно на это взглянуть, только этого никогда не произойдет. Ты будешь пленять всегда!.. Это идет от твоих глаз, губ, от твоей кожи... В любви кожа играет особую роль. И это закончится только с твоей смертью. Ты думаешь, легко забыть нежную кожу ангелов? Думаешь, мужчина, привыкший к ней, сможет без нее обойтись? Даже если захочет? Но твой мужчина этого не хочет!

Она щелкнула пальцами:

- И ничего страшного не произошло, я тебе говорю! Ты сама своим глупым ломаньем и кривляньем роешь себе могилу!

Глава XVI

- Душенька! Душенька!

Госпожа Ле Башуа стучала по плечу Анжелики своим веером, который она держала прямо, точно это была метелка из перьев для удаления пыли.

В соборе было довольно безлюдно. Перед алтарем молился господин Гобер де Ла Меллуаз.

В полумраке церкви, куда она зашла, чтобы дневной свет не падал на ее покрасневшее, опухшее от слез лицо, Анжелика различила широкую красную физиономию славной канадки и ее снисходительно улыбающиеся голубые глаза.

- Ну полно, полно, моя душенька, - пожурила ее госпожа Ле Башуа. - У вас такие красные глаза - разве это дело? У вас! У нашей самой обворожительной женщины! У женщины, в которую влюбляются, стоит лишь ей появиться! Если бы вы не были так милы и любезны, остальные женщины вас бы возненавидели, и не только потому, что их поклонники начинают смотреть не на них, а на вас, но и потому, что вы покорили сердце мужчины, которого каждая из них желала бы заполучить. Неужели он причинил вам боль? Мне трудно в это поверить...

- Что вам рассказали? - смиренно спросила Анжелика.

- Ничего! Просто я считаю, что только легкомыслие или жестокость господина де Пейрака могло заставить вас пролить столько слез.

Поняв, что у ее собеседницы самые добрые намерения, Анжелика дала ей понять, что имеет все основания подозревать мужа в измене. Она запуталась. С одной стороны, сказала она, она вовсе не желает привязывать его к своей юбке, но, с другой стороны,

обстоятельства, при которых все это произошло, глубоко ее ранят. Он воспользовался тем, что она уехала на остров Орлеан...

- Дорогая моя! Сразу видно, что прежде у вас не было подобного опыта: вам никто никогда не изменял! - воскликнула госпожа Ле Башуа. - Будь у вас опыт, вы бы знали, что измена любимого человека причиняет боль всегда, при каких бы обстоятельствах она ни произошла. Если это происходит в ваше отсутствие под вашей крышей - это оскорбление. Если это происходит втайне и в каком-то другом месте - это возмутительное лицемерие. И в том и в другом случае со стороны мужчины это беспримерная низость, а со стороны женщины - невообразимое предательство. Адюльтер никогда не бывает благородным.

- Стало быть, вы его извиняете? - спросила Анжелика, подумав, что ее амурное приключение в глуши равнины Авраама все-таки меньше нарушало приличия, чем измена Жоффрея.

- А вы, мое милое дитя, вы бы себя простили? Если бы вдруг оказались на его месте?

Под прямым взглядом госпожи Ле Башуа Анжелика даже не попыталась изобразить на своем лице благородное негодование.

- Да, простила бы, - призналась она, - потому что знаю: ничто, ничто не может поколебать моей любви к нему... Речь могла бы идти только о случайной шалости.

- А с чего вы взяли, что то же самое нельзя сказать и о господине де Пейраке? Вы говорите - шалость? Небольшой шаг в сторону! Небольшое нарушение договора? Но какого договора?

Анжелика была вынуждена признать, что госпожа Ле Башуа права. Она и сама пришла к тому же выводу. Но все казалось ей катастрофичным, ибо она убедила себя, что он ее больше не любит... Или что теперь он любит ее меньше.

И она опять заплакала.

Господин Гобер де Ла Меллуаз, стоявший на коленях на молитвенной скамеечке во втором ряду от алтаря, повернул голову в их сторону; доносящиеся из глубины собора неясное шушуканье и всхлипы отвлекали его от молитвы.

- Успокойтесь! Успокойтесь! - пожурела Анжелику госпожа Ле Башуа. - И постарайтесь довериться своему чутью. Скажите мне, что вас так терзает? Вероятно, вы что-то заметили или что-то себе вообразили и именно поэтому придаете этой истории непомерно большое значение... хотя это, насколько я понимаю, дело прошлое?

В конце концов Анжелика призналась, что боится только одного: что начинает терять его любовь. По сравнению с этим все остальное не имеет значения, и она могла бы даже забыть про измену мужа, если бы эта измена не усилила ее опасений, возникших еще раньше. И она рассказала госпоже Ле Башуа о том, на чем она основывала свое предположение. Об этом едва заметном отстранении на пике страсти, как будто в этот момент он вдруг захотел оказаться в другом месте, отдалиться от нее. О! Это вовсе не было чем-то резким, бесповоротным... Но не означает ли это, что любовное чувство, которое она в нем пробуждает, ослабело?

- Напротив!

Похоже, эта история совершенно успокоила госпожу Ле Башуа и даже показалась ей прелестной. Она считала, что Анжелика неверно истолковала реакцию мужа, которая в действительности была не чем иным, как признанием ее власти над ним и того огромного блаженства, которое она ему дарила.

- Душенька моя, мужчины боятся экстаза. Они его остерегаются. Все, кроме разве что очень молодых людей... или мистиков. Их пугает потеря контроля, пугает такое полное отсутствие... уверенности. В

брачной упряжке они хотят всегда держать вожжи в своих руках... Хотят самоутвердиться... Их страшит, что на несколько мгновений они перестанут владеть собой. Они боятся исступления, боятся, что их слабость будет неверно истолкована. Боятся показать, что они изнемогают, что они словно громом поражены...

- Стало быть, вы полагаете, что неистовое упоение наслаждением, охватившее и его, и меня, вызвало у него желание как-то защититься?

- Возможно. Нередко даже великие мастера в искусстве любви боятся раствориться в женщине, боятся признаться, что в кольце ее рук, таких слабых и таких опасных, забывают обо всем. Потому что они приписывают нам такую расчетливость, на которую мы не способны... Если бы они знали... Мы, женщины, храним секреты своих... восторгов. Это тайна, которую знаем только мы и Бог. Мы не рассказываем о ней даже на исповеди из страха, что наши духовники скажут нам, что из-за нее мы попадем в ад. Некоторые мужчины воображают, будто в любви мы все воспринимаем как в тумане. Но это потому, что нам легче потерять голову и отплыть на Цитеру, даже не помышляя о возвращении. Да, дорогая моя, мы - счастливицы, избранницы богов.

- Я понимаю, что вы хотите сказать. Я много раз испытывала блаженство, безумие и восторг любви, но в тот день мне показалось, что еще немного - и я умру, умру без сожалений. Потому что это будет смерть от наслаждения.

- Что до меня, то я при этом теряю сознание.

Представив себе, как эта толстая женщина падает без чувств под растерянным взглядом своего очередного любовника, Анжелика рассмеялась. Но госпожа Ле Башуа несколько не рассердилась, а, напротив, рассмеялась тоже.

- Да! Вы представляете себе, в каком затруднительном положении оказывается приличный

мужчина, который приложил все силы, чтобы довести... дело до благополучного конца, сохранив при этом полнейшее хладнокровие, чем он весьма гордится. И вот он видит меня без чувств и, сконфуженный, воображает, что это его вина... тем более что эти господа завидуют силе нашего любовного экстаза...

Они весело рассмеялись.

На этот раз господин Гобер де Ла Меллуаз счел их поведение оскорбительным и поднялся с колен с намерением положить этому конец. Но к тому времени, как он разогнул колени и прошел по центральному нефу, Анжелика и госпожа Ле Башуа, чтобы не слушать его поучений, спешно выскользнули на паперть и, взявшись под руки, спустились по ступенькам.

- Прогуляемся немного по площади. Пройдемся под вишнями и послушаем журчание ручейка. О чем бишь я говорила? Да, о том, что я лишаюсь чувств и, так сказать, оставляю господина лодочника на берегу, отчего он впадает в ярость. А теперь расскажите мне о ваших признаниях.

- Что вы имеете в виду?

- Какие ваши чувства вы проявили открыто? В чем вы ему признавались? Что вы говорили ему о чувствах, которые он вам внушает?

Анжелика вспомнила слова любви, которые он так часто ей говорил. Вспомнила, как и в Голдсборо, и в Вапассу, и здесь он делал все, чтобы настроить ее на любовный лад, пробудить ее чувственность, утешить ее. Он открылся ей, сказав: «Я влюблен в ту новую женщину, которой вы стали. Раньше я мог жить без вас, но теперь не смогу».

Что же она отвечала ему?

Иногда в порыве нежности ей хотелось преодолеть барьер то ли стыда, то ли робости, то ли страха и засыпать его словами любви, может быть наивными, но выражавшими то, чем он был для нее. Ей хотелось

броситься перед ним на колени или обнять его крепко-крепко в пылу страсти, которую он в ней зажигал.

- Но... возможно, ему бы это не понравилось, - молвила она.

- Ага, что я вам говорила? В нас самих столько преград, мешающих нашему счастью. Жизнь готовит вам еще столько новых дорог, столько открытий... Многие влюбленные считают, что хорошо знают друг друга, а на самом деле им ничего не известно о том сокровище, которым они обладают. Мы все время думаем, будто влюблены, но проходит время, и мы понимаем, что то была не настоящая любовь и только теперь мы любим по-настоящему, и это повторяется снова и снова... нас ждут бесконечные открытия. Ты говоришь и повторяешь: «Я влюблена». Но даже для одного человека смысл этих слов меняется на протяжении его жизни. Да, в них остается нечто общее, но оттенки могут варьироваться в зависимости от тех истин, которые усваиваем лично мы. Каких истин? У меня насчет этого есть теория... Как я уже говорила, они бывают разными!.. Они не слишком отличны друг от друга, но... но все же их много из-за различных откликов, которые они встречают в наших сердцах...

Гордость заменяет мужчинам корсет. Как и женщины, снимающие эту деталь туалета, в любви они расстаются с нею лишь с большим сожалением и не без стеснения. Они расшнуровывают ее завязки с большим опасением, чем воин, снимающий кирасу под вражеским огнем. Но наш Пейрак никогда таким не был, даже когда он был всего лишь молодым дерзким гасконцем... и ему не терпелось вкусить все плоды древа жизни, самые разнообразные, самые прекрасные. Я хорошо знаю его жизнь, мне несколько раз рассказывали ее в деталях. Он предпочитал воспринимать любовь как развлечение, как искусство, а вы научили его тому, что он, поэт и трубадур, и сам прекрасно знал, - что любовь жалит

сердце. Вы показали ему мир, о существовании которого он догадывался, но не считал для себя возможным проникнуть в его тайники. Из-за того, что с ним произошло, с ним порой бывает трудно иметь дело, но такой человек, как он, не может жалеть о том, что им пройдены определенные этапы, определенные участки пути.

Госпожа Ле Башуа прошла несколько шагов молча; вид у нее при этом был задумчивый.

- Признаюсь вам, он производит на меня впечатление... Он мог бы очень меня взволновать, если бы... но я предпочла оставить его вам. Есть такие огни, которые лучше не пытаться направить на себя... Я себя знаю. Одного раза мне было бы недостаточно. А я совсем не уверена, согласился бы ли он на большее... Это бы меня погубило. Вот видите!

Она, смеясь, покачала головой:

- Для него вы - женщина, которую невозможно забыть. Он никогда от этого не излечится! И он это знает. Вполне естественно, что он пытается от этого защититься, но вы... вы можете делать все, что вам заблагорассудится. Даже продолжать валять дурака. Это абсолютно ничего не изменит. Счастливица! Какая же вы счастливица!

Она посмотрела на Анжелику с нежностью, и при виде ее голубых сияющих глаз и веселого красного лица та подумала, что, возможно, видит перед собою женщину, которая могла бы быть ее единственной соперницей в Квебеке.

Глава XVII

«Счастливица! Какая же вы счастливица! – повторила на прощание госпожа Ле Башуа, дружески похлопав ее по плечу своим веером из перьев дикой индейки. – Счастливица, у вас есть все!»

От настоятельницы монастыря урсулинок пришло письмо, в котором говорилось, что ее хотят видеть в обители. Туда она и отправилась. Сделав передышку в своих переживаниях и душевных муках. По-видимому, матушки наставницы хотят поговорить с нею об Онорине – возможно, о ее успехах в чтении и наверняка о ее проказах.

Девочки танцевали под цветущими яблонями и пели:

Жаворонок, милый жаворонок, Твои перышки я
ощиплю...

Мать настоятельница сказала Анжелике, что и она, и другие сестры очень сожалеют, что не могли сразу же лично поблагодарить ее за то, что она спасла их жизни.

– Наше затворничество, сударыня, требует определенных жертв: нередко не можем прибегнуть к помощи друзей.

Матушке Мадлен пришла в голову счастливая мысль попросить госпожу де Пейрак самой прийти в обитель, чтобы передать ей наставления Господа нашего. Тогда можно будет и поблагодарить ее, и заверить, что сестры будут ежедневно молиться о ней и ее близких.

Что до Онорины, то она – их любимица. С нею не бывает никаких хлопот, если обращаться к ее сердцу.

За решеткой Анжелику ждала матушка Мадлен; на губах ее играла заговорщицкая улыбка.

- Сударыня, мне бы не хотелось, чтобы вы заплатили слишком дорогую цену за те болезненные удары, которые ваше мужественное противостояние нанесло Сатане. Ибо знайте: он всегда мстит. Несмотря на милости Господа, мы вынуждены оставлять этому ненасытному врагу рода человеческого кусочек самих себя, дабы дать ему немного поживиться. Тем самым мы отвлекаем его внимание от более важных предметов - я всегда говорила, что цена, которую мы платим, минимальна.

На этот раз Анжелика не спросила: «Что вам известно?» Она понимала: матушка Мадлен уже догадалась о том, как у нее болит душа.

Она ответила, что, по ее мнению, цена, которую ей пришлось заплатить дьяволу за то, что ей было дано спасти Квебек, была не такой уж минимальной, но это трудно объяснить монахине.

Чтобы матушке Мадлен было легче ее понять, она, будучи уверена в том, что та сохранит ее тайну, призналась, что недавно узнала: муж ей изменил.

- Неверность? Разве это и впрямь всегда свидетельствует об отсутствии любви? - спросила матушка Мадлен, наивно подняв брови. - Не стоит проливать столько слез. Ваши друзья и ваши сыновья живы, ваша маленькая дочурка жива. Ваш любимый супруг тоже жив. Возблагодарите же Небо! В этом мире непоправима лишь смерть.

Положительно, все словно сговорились, убеждая ее, что ей не на что жаловаться. Есть люди, которые просто не созданы, чтобы вызывать у других жалость. К тому же в Квебеке не одна она проливала слезы. В городе и окрестностях до сих пор подсчитывали убитых.

Среди первых жертв ирокезов были те, кто плыл на барже, которая перевозила детали дарохранительницы для храма Святой Анны. Индейцы пробили ее дно ударами топоров, и она пошла ко дну, но некоторые

части дарохранительницы уцелели и были впоследствии выловлены.

Так, позолоченные ступени алтаря с вырезанными на них колосьями пшеницы, гроздьями винограда и акантовыми листьямиплыли вниз по течению и были замечены моряками, которые изменили курс, чтобы подойти к ним и отбуксировать их в Квебек. Купол и крест от дарохранительницы долго плавали по волнам, затем река выбросила их на северный берег острова Орлеан, совсем рядом с той бухтой, откуда выплыли каноэ врагов, которые с жуткими воплями атаковали большую баржу. Это было воспринято как знамение.

Под маленьким мысом, там, где расположились гуси, были обнаружены два ковчежца, несомненно перенесенные туда на крыльях ангелов, ибо их нашли вместе. Наконец, к подножию новой церкви волны принесли алтарный покров с вышитым на нем евхаристическим пеликаном и статую святой Анны, а неподалеку, в зарослях тростника, было найдено пронзенное стрелами тело резчика Ле Бассера.

Его похоронили немного выше, рядом с местом, где происходили чудеса, в тени скал, поросших густым кустарником, медвежьими ушками и бальзамическими соснами. В разные времена года он в своем вечном сне будет слышать то крики диких гусей, то плеск реки. Затем к ним прибавится шум, производимый толпами паломников, все более и более ревностных и многочисленных, которые будут преклонять колена в этом месте и оставлять здесь свои костыли, а также маленькие кораблики.^[18]

В монастыре урсулинок Анжелике рассказали о смерти малышки Жаклины, маленькой индианки, которую ее отец, вождь горных индейцев, привел туда в день первой зимней бури. Воспитывать этих детей леса нелегко. Когда они слишком малы, чтобы убежать, они нередко чахнут и угасают.

Еще умер папаша Лубетт – кажется, по недосмотру. И поскольку его смерть прилась как раз на те дни, когда всех волновало только нападение ирокезов, возник ужасный вопрос: неужели он умер потому, что в поднявшемся шуме и суматохе о нем опять все забыли? Но почему, почему он всегда отвечал отказом на все предложения перенести его в монастырскую больницу к сестрам-августинкам? И это при том, что он был прикован к постели! Однако его безмятежное лицо, сомкнутые веки и насмешливая улыбка, затаившаяся в уголках его окоченевших губ, успокоили потревоженную совесть тех, кто было начал себя клясть. Он умер мирно, не страдая, говорили все. Это было очевидно... Так умирают во сне. Его трубка из красного камня и письмо с завещанием лежали рядом. Все свое имущество он завещал госпоже де Пейрак, как то: трубку и буфет, украшенный резьбой, выполненной с помощью ножа. Буфет этот был сработан из дуба в те времена, когда все дубы в канадских лесах еще не принадлежали королю Франции и славные поселенцы могли безнаказанно вырезать себе из них красивую мебель, чтобы было куда поставить их примитивную посуду из дерева, тыкв и бересты.

В завещании папаша Лубетт просил Анжелику передать его жестяную табакерку, кожаные тенета, пояса и индейские амулеты некоему Бопару, который когда-то зимовал с ним в Гаспези. В лукавой приписке к завещанию, которую надлежало огласить только через два дня после оглашения основного текста, он добавил, что его наследница, то есть Анжелика, может, если захочет, подарить его трубку из красного камня маркизу де Вильдавре.

Это пролило бальзам на раны маркиза и излечило его от разочарования, которое мучило его на протяжении последних двух дней. Из-за этой трубки он даже устроил Анжелике сцену, что доказывало, что он

начинает вновь обретать вкус к жизни. Получив в подарок вожделенную трубку, он окончательно пришел в себя. Он сразился на дуэли с господином прокурором Тардые де Лаводьером, который наложил на него крупный штраф за то, что он не возвел на крыше своего дома противопожарную преграду, «как будто в том есть нужда, ведь у меня ни с кем нет общих стен», а также за то, что он вовремя не замостил улицу перед своим порогом. Чаша терпения маркиза переполнилась. В результате прокурор ранил его в руку.

– А я только-только оправился после вывиха!

В городе произошел еще один поединок – поединок, который предвидели, которого ждали и боялись.

В один прекрасный день дог господина де Шамбли-Монтобана и росомаха Кантора де Пейрака подрались. Дело разрешилось быстро. Голова дога обнаружилась в развилине ветки дерева на Оружейной площади, а обезглавленное тело – что случается довольно редко – в другом конце Верхнего города, в ветвях вяза, растущего на перекрестке, что весьма заинтересовало тех собак из маленького индейского становища, которым удалось избежать его клыков.

Узнав, как окончил свои дни дог аббата Дорена, который был таким славным псом и которого сразила ирокезская стрела перед церковью, где молился его хозяин, меж тем как дог господина де Шамбли-Монтобана продолжал здравствовать и весело перегрызать горло индейских собак, которые попадались ему на пути, квебекцы не отказали себе в удовольствии проворчать: «Первыми всегда погибают лучшие!»

Теперь же все втихомолку радовались.

Господин де Шамбли-Монтобан попытался было раздуть эту историю, но госпожа Ле Башуа его одернула. Собака – это всего лишь собака, а его дог был и вовсе существом совершенно невыносимым.

Привязанность, которую хозяин к нему питал, забавляясь его свирепостью, носила нездоровый характер. Короче говоря, господин де Шамбли-Монтобан не сумел воспитать из своего дога хорошего пса, а стало быть, он сам во всем виноват.

Так что росомаха, этот лесной черт, свершила правосудие. С этим были согласны даже живущие в городе индейцы, недолюбливающие росомах. Затем госпожа Ле Башуа заявила господину де Шамбли-Монтобану, что ему пора подумать и о серьезных вещах, а именно о том, чтобы объясниться с ее старшей дочерью и попросить ее руки, так как, достаточно преуспев в глупом волокитстве, он, должно быть, научился прилично заниматься любовью и не разочаровывать своих многочисленных любовниц, – во всяком случае, до нее о нем дошел именно такой слух.

Все эти события происходили на протяжении приблизительно трех недель.

* * *

С юга, обогнув Красный мыс, к городу приближалась флотилия, и из-за поднятых парусов больших лодок горожане поначалу подумали, что это возвращается армия. Но это были всего лишь жители Труа-Ривьер в своих белых шапках и жители Монреала в синих. Из-за зимы и снежных бурь о них давно все забыли, и сейчас они напомнили о себе: вот мы!

Жители городов, расположенных вверх по течению от Квебека, от которых квебекцев так долго отделяла суровая зима, с большим шумом высаживались на пристани, словно стая каких-то больших и добрых животных, вышедших из своих логовищ и принюхивающихся к теплым лучам солнца.

На пристани вместо сетей, полных рыбы, вываливали новости. Из Квебека людям казалось, что где-то там, за снежными бурями, мир спит. Но ничего подобного! Произошло множество событий: рождения, свадьбы, ссоры, преступления, исчезновения, разорения и обогащения. Гул голосов соперничал с плеском освободившейся ото льда реки.

Все это разносилось, распространялось. Это были не просто новости и рассказы, это были песни, принесенные течением реки.

С этим первым конвоем в Квебек возвратился и барон д'Арребу. Он был разочарован и охвачен отчаянием. Эта зима в Монреале закончилась для него полным поражением. Он сделал все, чтобы встретиться с женой, которая стала затворницей, замуровав себя в келье и общаясь с окружающим миром только через маленькое оконце. Кормили ее монашки.

Госпожа д'Арребу пожертвовала значительную часть своего состояния благотворительным обществам и монастырям.

Ее мужу только раз удалось подойти к окошку ее кельи и мельком увидеть ее, и то она упрекнула его в том, что он нарушил обет, который они дали вместе, и что он поступил дурно, придя сюда и напомнив ей о мирских удовольствиях, от которых она отказалась, посвятив себя служению Богу.

Голос ее, доносившийся до него через оконце, показался ему слабым и дрожащим, и он ушел, смертельно обеспокоенный.

* * *

- Вам не остается ничего другого, как заняться судьбой этой несчастной, - сказала Анжелике

мадемуазель д'Уредан, после того как у нее побывал с визитом удрученный барон.

«Ей всего тридцать лет, она очаровательная женщина – и вдруг затворница. Ее подбил на это отец д'Оржеваль. Он был ее злым гением. Он был злым гением для многих. Но вы разрушили его чары. Благодаря вам на любовь стали смотреть более снисходительно. Каждый теперь мечтает о приключении... о небольшом приключении хотя бы один раз в жизни. Вам надо съездить в Монреаль повидать Камиллу и заставить ее выйти из этой норы».

– А как насчет вас?

Мадемуазель д'Уредан слегка покраснела и виновато посмотрела на Анжелику:

– Что вы хотите этим сказать?

– А вы, Клео? Когда вы покинете свою кровать?

– Я? Но меня за дверью не ждет любовь, как Камиллу д'Арребу.

– А интендант Карлон? Неужели вы не знаете, что он сгорает от любви к вам уже много лет? Мне об этом говорили. Как бы то ни было, всем известно, что он не может обойтись без вашего общества и что вы – его тайная мечта.

– Но он разговаривает со мною только о производстве поташа и кораблестроительных верфях. И порой мы спорим: ведь я янсенистка, а он галликанец.

– Он просто не решается выйти за рамки разговоров на обычные темы. Он прячется за ними, лишь бы быть рядом с вами, даже если для этого приходится спорить.

– Мне нравятся робкие мужчины, – молвила мадемуазель д'Уредан, покраснев еще больше, потом вздохнула. – Слишком поздно, Анжелика. Ведь мне уже не тридцать лет.

– Но вы очаровательны.

Анжелика протянула ей руки:

- Вставайте! Погода прекрасная, солнце светит, а интендант сейчас в своем дворце. Просто прогуляйтесь. Ну же, встаньте! И удивите его своим визитом...

Наконец военные и несколько гуронов принесли новые вести. Встреча с ирокезами состоялась, и начались переговоры о том, чтобы зарыть топор войны. В залог мира ирокезы предлагали целое сокровище: девять ожерелий-вампумов из ракушек и два из жемчуга, но всего их было не одиннадцать, а тринадцать. Двенадцатый вампум означал, что «границы земель, где находятся кости абенаков, будут уважаться», а тринадцатый – что «мясо на костях абенаков будет также уважаться». Достичь такой же договоренности в отношении гуронов пока не удалось.

Анжелика получила послание от мужа. На этот раз она его вскрыла.

«Сударыня, мне сообщили, что общественное мнение вас боготворит. Вы стали хозяйкой города, который вы спасли, как святая Женевьева спасла Париж. Вот какой путь вы прошли с того дня, когда впервые ступили на эти берега, бросив Новой Франции вызов. Ныне вы восторжествовали, опровергнув все злонамеренные слухи. Вы победили полностью и безоговорочно».

Затем он расточал ей всевозможные нежности и рассказывал об Уттаке. Он полагал, что сможет вернуться не ранее чем через две недели.

- Пусть там и остается! Я не хочу его видеть! - Но она тут же поправила себя: - Нет, пусть возвращается! Но чем позже, тем лучше. Так у меня будет время привести в порядок лицо.

* * *

Господин д'Арребу привез ей письмо из Монреала от мадемуазель Буржуа. Монахиня уверяла Анжелику, что

сохранила о ней самые лучшие воспоминания, писала о зиме и с удовольствием вспоминала «чудесные крепкие морозы». Она также спрашивала о своей бывшей ученице, девочке по имени Мари-Анж, которая так удивительно была похожа на Анжелику. Быть может, та что-то знает о происхождении ее семьи. Анжелика сначала удивилась, потом задумалась. Мадемуазель Буржуа, похоже, полагала, что подобное внешнее сходство возможно лишь при наличии родства.

Из всех ее близких в Америку уехали разве что ее старший брат Жослен, который, когда ей было восемь или девять лет, убежал из дома в поисках приключений, и еще, кажется, дядя; оба они последовали за фанатичным протестантским пастором. Тем самым они разбили сердце ее деда, который потребовал, чтобы впредь в его присутствии никто не произносил имен этих ренегатов.

Мадемуазель Буржуа заканчивала письмо уверениями в любви, которая всех объединяет во Христе.

«Хотя я и была предубеждена против вас, вам известно, что вы сразу же внушили мне доверие.

Признаю, что в силу различия наших образов жизни и противоположности наших устремлений мне нелегко было осознать, что нас обеих согревает один и тот же огонь, возвышающий все, горит ли он ради какого-то человека или ради величия Божия.

Ибо есть много видов любви: любовь к чужеземцам, любовь к путникам, любовь к бедным, любовь к товарищам, любовь к друзьям, любовь к родителям... и, наконец, любовь влюбленных. Человеку свойственно испытывать сочувствие к чужеземцам, когда он узнает, что их страна угнетена и опустошена. Путников любят потому, что они приносят барыш, бедным отдают то, что тебе не нужно, товарищей любят из-за того, что их утрата наносит ущерб и тебе, друзей – потому, что с

ними приятно и интересно беседовать, родителей – потому, что они источник благ, или потому, что дети боятся, как бы их не наказали. Но только любовь влюбленных трогает сердце Бога, только ей ни в чем нет отказа. Правда, такая любовь редка. Но это – истинная любовь. Ибо ей не важны собственные интересы или даже нужды. Она не зависит от того, здоров ли возлюбленный или болен, процветает или бедствует, утешает тебя или резок с тобою. Влюбленный с радостью отдает жизнь за того, кого любит...»

Итак, все говорили о любви, даже мадемуазель Буржуа.

В то время как Анжелике казалось, что она навсегда ее потеряла.

Письмо благочестивой монашки окончательно повергло ее в отчаяние. Увы, с любовью двух влюбленных покончено... Первый раз в жизни она сомневалась в могуществе своих чар.

* * *

Господин де Шамбли-Монтобан объявил, что женится на старшей дочери семейства Ле Башуа. Его все поздравляли, он же отвечал: «Да, мать – прекрасная женщина».

Анжелика встретила с госпожой Ле Башуа.

– Моя дочь забудет Пон-Бриана, – сказала та. – Она все равно не была бы с ним счастлива. – Она вздохнула. – Ах этот Пон-Бриан! Вы зря им пренебрегли.

Анжелика ответила, что не понимает почему, ведь он был ей в высшей степени неприятен.

– Дорогая моя, в выборе мужчин вы чересчур эклектичны. Правда, тот, кого вы избрали своим господином, делает вас неприступной. Но останавливает вас не страх.

- В Вапассу все было по-другому, и во мне, и вокруг меня. Мы были отрезаны от мира, затеряны в лесной глуши. Здесь, в Квебеке, мы сильнее.

- Квебек есть Квебек. Ветер дует где хочет, - сказала госпожа Ле Башуа, - и здесь, в Квебеке, он частенько уносит с собою все наше благоразумие, и тогда мы пускаемся во все тяжкие.

* * *

Ветер дул, и госпожа Ле Башуа, чье благоразумие он унес давно, как всегда, пускалась во все тяжкие.

Цветы с яблонь осыпались в одночасье, как и появились.

Наступило лето. Лемех плуга взрезал землю, и начался сев.

Виднеющийся вдалеке остров Орлеан походил на выброшенную на берег акулу или лежащего на отмели крокодила, лениво посматривающего одним глазом, не идет ли добыча.

Объятый знойной дымкой, он походил на смутный сон и казался необитаемым, как в тот день, когда его впервые увидел Картье и назвал островом Бахуса из-за обилия на нем дикого винограда.

В Канаде всего лишь два времени года. Восемь месяцев морозов и льда и четыре месяца палящей жары, а на стыке этих двух крайностей - два десятидневных промежутка: весна, когда все вдруг расцветает, и осень, когда все вокруг одевается в пурпурные, красные, желтые и розовые цвета.

Было жарко и душно. Анжелика шла по улице, погруженная в свои мысли, когда ей вдруг повстречалась Сабина де Кастель-Морг.

Та заговорила с нею первая.

- Ремонтные работы в моем доме завершены, - сказала супруга военного коменданта. - Не хотите ли зайти, чтобы я могла оказать вам радушный прием?

Это приглашение было настолько неожиданным, что Анжелика молчала, не зная, принять его или нет.

- Я снова обставила гостиную. Через несколько дней я смогу перевезти Анна-Франсуа в более удобную комнату, конечно при условии, что вы дадите разрешение на его перевозку из замка Сен-Луи.

Не перегибает ли Сабина палку? Или она воображает, будто оттого, что нашествие ирокезов заставило их поддерживать между собой нормальные отношения, ее поступок перешел в разряд простительных?

- Госпожа Ле Башуа как-то говорила со мною о вас, - быстро сказала Сабина.

- По какому поводу? - Анжелика насторожилась.

- Она сказала, что мы неблагодарные, ведь мы стольким вам обязаны. Что, возможно, вам также нужна помощь, и лучше всего ее могла бы оказать вам я. Госпожа Ле Башуа на редкость деликатная женщина, не терпящая сплетен. Я поняла ее намерение. Вы не хотите немного поговорить со мной?

Заново отстроенный дом семейства де Кастель-Морг стоял за зданием суда в верхней части парка, выходящего на Большую Аллею.

Из гостиной, в которую Сабина проводила Анжелику, открывался еще более чудесный вид на реку и далекие горы, чем из замка Сен-Луи. Лучи солнца лились в комнату, играя на деревянных поверхностях мебели, которая наконец-то вернулась в родные стены. Анжелика поискала глазами маленький кубок из золота и нефрита, но его нигде не было видно.

- Что вы хотели мне сказать? - холодно спросила она.

- Возможно, вы сочтете, что у меня чересчур большие претензии, если я скажу вам, что позвала вас сюда, чтобы поговорить о своей собственной персоне. Но тем не менее я это сделаю, потому что считаю, что в подобном разговоре я смогу дать наиболее точную оценку тому, что произошло и что причинило вам столько боли, а также помочь вам освободиться от всех опасений и полностью успокоиться.

- Легко вам говорить! - буркнула Анжелика.

Она заметила, что Сабина едва сдержалась, чтобы не прыснуть со смеху. Затем удивленно воскликнула:

- О Анжелика, неужели это возможно? Вы! Вы! Неужели?

- Сейчас вы заговорите словами госпожи Ле Башуа: «Вы наша самая обворожительная женщина»?

- Ну да! Разумеется! Неужели вы не знаете о своем оружии? Кто посмеет вступить в борьбу с такой красивой женщиной, как вы?

- Красота - это еще не все, - отвечала Анжелика, коснувшись с несчастным видом своего лица.

- Конечно. Но очень многое. Не будьте неблагодарной, природа щедро одарила вас при рождении и сделала так, что вам не нужно прикладывать усилия, чтобы нравиться, в отличие от ваших менее удачливых сестер.

- Ну, что касается красоты, то вам тоже грех жаловаться, я говорила вам это много раз.

- И я вам за это благодарна. Но, несмотря на всю вашу доброту и несмотря на ваше теперешнее уныние, которое скоро пройдет, обе мы знаем, что пальма первенства будет принадлежать вам в любой игре с любой другой женщиной, потому что ваше оружие - самое сильное... Анжелика, простите мою настойчивость, но вы действительно так страдаете, как кажется, или просто разыгрываете комедию?

Анжелика с досадой почувствовала, что на глаза у нее наворачиваются слезы.

- Я так несчастна! - заявила она.

Столь ребяческое утверждение вызвало у госпожи де Кастель-Морг легкую улыбку, и Анжелика вздрогнула. Когда Сабина улыбалась или смеялась, она становилась очаровательной - слишком очаровательной. А если Анжелика ко всему прочему позволит ей превзойти себя в благородстве души и любезности нрава, то она со своими тулузскими корнями, чего доброго, станет действительно серьезной соперницей. Но в таком случае Анжелика должна будет винить во всем только себя саму, потому что, предаваясь унынию, она, по выражению Польки, «сама вырыла себе могилу». Правда, еще есть время...

- Вы просто устали от ваших переживаний, - мягко сказала Сабина. - Но вам скоро станет лучше. Не хотите ли присесть?

Анжелика придвинула к себе кресло.

- Итак? - сказала она, садясь. - Я слушаю. Расскажите мне о себе.

- Анжелика, когда несколько дней назад мой сын возродился к жизни и вы подтвердили, что он вне опасности, вы положили конец тому кошмару, в котором я жила с тех пор, как мне принесли его умирающего, и я поняла, что Небо подарило мне самое ценное, что только может пожелать человек в этой жизни. Какой же простой она, эта жизнь, кажется мне сейчас, после того как я некоторое время считала, что обречена прожить долгие годы без своего единственного сына, с пустотой в сердце, которую ничто не сможет заполнить, с сознанием невосполнимой потери, которая навсегда роднит тебя со смертью, потому что с твоим ребенком в могилу уходит и часть тебя самой. О, я, разумеется, понимаю, что он будет оставаться со мною, как маленький мальчик, которым он когда-то был, только

пока не выздоровеет, а поправившись, покинет меня опять. Но главное то, что придет день, когда я снова услышу его быстрые шаги, увижу его перед собою, живого и невредимого. И жизнь теперь кажется мне такой легкой, такой прекрасной! Я смогу умерить требования своего воображения и не попрошу у нее больше, чем она сможет мне дать. Я счастлива, Анжелика. И мне тяжело сознавать, что, узнав то, что вы никогда не должны были узнать, вы страдаете – вы, которой мы стольким обязаны.

Сабина сплетала и расплетала пальцы, ей нелегко было об этом говорить, но она решила высказаться до конца:

– Нужно, чтобы вы знали, что произошло на самом деле, и не воображали себе невесть что. То, что вы узнали об этом, вообще невысказано, ведь это была случайность, не имеющая будущего.

«Если бы она узнала, кому я обязана тем, что узнала столь приятную новость», – подумала Анжелика. Но она сжала губы и не произнесла ни слова.

– Я не помню детали того, что предшествовало моему вторжению в Монтины, все их словно застлало туманом. Знаю только, что я тогда совсем обезумела, еще немного – и я потеряла бы рассудок. И я уверена, убеждена, что его действия в тот день стали для меня спасением. Для женщины унижительно это признавать, но он поступил так главным образом по доброте душевной.

– По доброте, которой не было никакого дела до меня.

– Вы очень сильная, Анжелика, а я тогда была слабой и потерянной... Но я лучше замолчу, потому что вижу, как вам неприятно все это слушать. Только мне хотелось бы высказать вам еще одно соображение.

«Измена любимого человека причиняет боль всегда, при каких бы обстоятельствах она ни произошла», –

сказала себе Анжелика, вспомнив слова госпожи Ле Башуа.

- Продолжайте, - сказала она.

- Вы очень сильны, Анжелика. Не знаю, всегда ли вы были такой. Возможно, вы обрели свою силу лишь недавно... Но я всегда чувствовала, что вы самая сильная. И он тоже. Быть может, он бы еще сомневался, если бы не был так уверен в вашей силе. Мы надеялись, что вы вообще никогда ничего не узнаете, но он рискнул, потому что был в вас уверен в любом случае, как бы ни повернулось дело. Он заранее угадывает, что вы будете делать, как реагировать, он принимает вас всю... его пленяет даже то, что другие сочли бы за... недостатки. Он снисходителен к вам более, чем вы к нему... хотя вы не любили бы его так сильно, будь он другим... не таким дерзким...

Видя, что ее слова причиняют Анжелике боль, Сабина де Кастель-Морг замолчала.

- Об этом так трудно говорить, - продолжила она после небольшой паузы. - Слова, которые мы используем, часто неприменимы для описания вещей, вполне очевидных. Мне кажется, чтобы не впасть в бестактность и не напортить, лучше промолчать. Достаточно будет понять и признать, что некоторые вещи происходят и проживаются нами как бы на некоем другом уровне, на котором они лишаются своего обычного значения и как будто исчезают, вы меня понимаете? Порой мы оказываемся перед бездонными пропастями и чувствуем, что не сможем вовремя их преодолеть. И тогда действительность исчезает. Какое-то божество, сжалившись над нашими слабостями, на короткое время скрывает от нас, насколько глубока бездна. Не знаю, достаточно ли ясно я выразилась, ведь я женщина не слишком образованная.

«Не слишком образованная, - подумала Анжелика, - но зато умная и обладающая интуицией».

- Нам нужно смирение, чтобы не пытаться шаг за шагом следовать тому, что кажется нам совершенством и что мы путаем с волей Божьей, - продолжала Сабина. - Бог порой бывает более милосерден к нашей совести, чем мы сами... более добр, чем мы сами, к нашим сердцам. Мы бедные слабые создания, Сатане легко нас обмануть, он использует даже нашу расположенность к Добру, чтобы нас погубить. Своим извращенным умом он понимает, насколько любовь подчас преображает и возвышает людей, и поэтому старается ее у нас отнять. И ему известно, что даже плотская любовь, из-за которой совершается столько преступлений, может также явиться путем к спасению.

Но она тут же спохватилась.

- Все! Об этом больше ни слова!

Она рассмеялась:

- Иначе мы, чего доброго, возобновим пресловутый «аквитанский спор». Каковы ваши планы? Вы с мужем собираетесь вернуться во Францию?

- Как я могу это знать? Это будет зависеть от решения короля по нашему делу, а его предвидеть невозможно. Господин де Фронтенак в своем письме королю настаивал, что сохранение добрых отношений с нами пойдет на пользу Новой Франции. Король может под этим подписаться, а может объявить нам войну. Кроме того, остался ряд спорных вопросов, касающихся как прошлого моего мужа, так и моего.

- Говорят, король вас любил. Возможно, он обрадуется вашему возвращению.

- Так же возможно, что он обрадуется моей смерти. Наше будущее покрыто туманом. В почте, которая прибудет на первых в этом году кораблях, может оказаться письмо, в котором король осыплет нас своими милостями, но в нем может также содержаться приказ немедленно нас арестовать. Поживем - увидим. А каковы ваши намерения?

- Мне бы хотелось, чтобы Анн-Франсуа вернулся во Францию и поступил на службу к королю. Эти его безумные скитания по здешним лесам, где его подстерегают бесчисленные опасности, наполняют мое сердце, с одной стороны, гордостью за него, а с другой – тревогой. К тому же там не научишься изысканным манерам. Он хорошо знает военное дело и мог бы добиться должности офицера одной из рот лейб-гвардии, которые несут службу в Версале. Что касается меня, то господин де Кастель-Морг оставляет решение за мной. Я бы с удовольствием осталась в Канаде. Я привязалась к колониальному обществу, и мне приятно было бы продолжить мои благотворительные дела, но при этом я бы уже не лезла из кожи вон, чтобы кому-то понравиться, и не боялась бы кому-то не понравиться, а ведь именно из-за этого страха я так болезненно воспринимала малейшую критику и так обостренно – малейшие недостатки тех, кому я оказывала услуги. Я их любила, но любила недостаточно, потому что слишком мало любила саму себя. Но меня также тянет и вернуться в наши земли. У нас есть прекрасные замки в этом краю, где климат довольно засушлив, но зато круглый год светит солнце, а в Нарбонне у нас прекрасный особняк, где могло бы собираться изысканное общество.

- А вы могли бы в нем царить, как аквитанская принцесса, покровительница литературы и искусств, привлекая любовь молодых поэтов, возбуждая в мужчинах пылкую страсть.

Сабина, смеясь, покачала головой:

- Нет! Я достаточно благоразумна. Возможно, даже слишком, хотя я не всегда это показываю. Но я знаю, что если бы в моих жилах текла такая же кровь, как в жилах моей тетушки Карменситы, то в своей борьбе за любовь, которую вы у меня «украли», я бы использовала не отступление, а какой-нибудь более смелый маневр. Но

мне не нужно ничего сверх того, что у меня уже есть. Как любовник мой муж вполне мне подходит, а значит, моя потребность в добродетели и одобрении окружающих удовлетворена. Я счастлива. Мне наконец открылся мир любви. За плечами у нас с мужем долгая общая жизнь, полная ссор. Нам с ним предстоит многое наверстать в этой области, которая до недавних пор была мне незнакома и от которой я сама, по собственной воле, отстранилась. Я чувствую, что стала настоящей женщиной, лучшей, чем прежде, потому что более живой. Я счастлива.

Чем больше Анжелика ее слушала, тем сильнее становилось ее беспокойство. От этой новой Сабины де Кастель-Морг, интересной, прямодушной и чувственной, исходила явная угроза.

Прочитав чувства Анжелики по ее лицу и желая предупредить их и рассеять, ибо они были, по ее мнению, неразумны, Сабина де Кастель-Морг решила успокоить ее иным образом:

- Поверьте мне, Анжелика, я осознала, насколько глупо было мечтать о старой любви и строить на подобном фундаменте свою жизнь. За последнее время мне довелось пережить слишком много испытаний. И если вас это успокоит, я могу вас уверить, что эта любовь совершенно исчезла из моего сердца. Я по-прежнему с уважением и дружеским расположением отношусь к господину де Пейраку, но будьте покойны, я его больше не люблю.

- Вы ошибаетесь, - сказала Анжелика, - и я вам не верю.

Сабина озадаченно посмотрела на нее, потом рассмеялась. Положительно, если она и дальше будет такой веселой и забавной, то Квебек в ее лице приобретет еще одну блистательную великосветскую даму.

- Анжелика, я вами восхищаюсь! Ну хорошо! Вы правы. Такую любовь невозможно вырвать из сердца, особенно если тот, кто вам ее внушил, не только не разочаровал вас по прошествии лет, но, увы, своими достоинствами лишь усилил привязанность, которую вы к нему питали. Мне только хотелось бы вам сказать, и вы уж мне поверьте, что теперь это чувство более не тяготеет надо мною как навязчивая идея, я вырвалась из его плена. Теперь я обрела спокойствие и силу для того, чтобы хранить его в потайном уголке моей души и ничего не требовать от его предмета. А стало быть, вам, Анжелика, нечего меня бояться, и вы можете посмеяться над опасениями, которые вас гложут, ибо они необоснованны и нелепы. Кстати, я заметила вашу реакцию, когда я сказала, что больше его не люблю. Вы возмутились: как это можно его разлюбить? Вы сами признаете, что при виде его женщинам трудно не дать воли своему воображению, так успокойтесь же и проявите больше снисходительности к тем, кому повезло меньше вас, тем, на ком этот великий обольститель не остановил свой выбор... тем, которые знают, что он их не выберет никогда. Сказав это... я хочу еще добавить, что понимаю, почему вы, Анжелика, немного дрожите. Ваш муж - весьма загадочная личность.

- А вот отец Мобеж считает его открытым и простым.

- Отец Мобеж - конечно! Ведь они с графом де Пейраком одного поля ягода. Но для нас, женщин... Должна признаться, что то, что вы испугались моих бедных чар, вы, которой на роду написано быть неотразимой и покорять все мужские сердца, мне немного польстило. Но я не стану злоупотреблять моим мимолетным реваншем. Я не могу видеть вас несчастной, и вот вам доказательство моего дружеского к вам расположения. Если вы мне пообещаете забыть, не возвращаться ни словом, ни намеком, ни помыслами к

тому, что так вас ранило, то я со своей стороны дам вам обещание, которое, я в этом уверена, рассеет все ваши тревоги, которые, впрочем, и так напрасны. Каким бы ни было решение короля на ваш счет, я выберу для себя дорогу, которая ведет в другую сторону. Если судьба будет к вам несправедлива и его величество останется слеп к вашим достоинствам и откажет вам в помиловании, тем самым принуждая вас остаться в Новом Свете, я дам понять господину де Кастель-Моргу, что желаю вернуться во Францию. Если же, как я и надеюсь, вы будете полностью оправданы и, счастливая, поплывете в Старый Свет, я скажу мужу, что хочу остаться в Канаде... В любом случае я смирюсь с вашим выбором и буду страдать только оттого, что мы никогда больше не увидимся. Но зато я буду знать, что отказываюсь от нашей дружбы лишь затем, чтобы она лучше сохранилась в вашем сердце.

- Благодарю, - сказала Анжелика, и у нее перехватило горло. - Вы очень великодушны.

- При условии, что и вы будете такой. Помните, о чем я вас попросила? Забыть эту историю целиком и полностью, не вспоминать ее при нем, выбросить из головы эти мрачные, не имеющие ни малейшего основания мысли, которыми сейчас забита ваша голова. Не принижайте себя недостойной вас мелочностью, глупой ревностью и беспредметными страхами. Я прошу вас, оставайтесь самой собой, прежней. Такой, какой вы нам нужны. Оставайтесь Анжеликой.

- А что это значит - быть Анжеликой?

- Этого не знает никто... Только без нее солнце бы померкло.

Анжелика не ответила. Она подошла к окну и окинула взглядом пейзаж, которым любовалась столько раз. Сейчас она искала в нем едва уловимые изменения, как будто меняющиеся линии, цвета, отблески лучей

солнца, набегающие тучи, затягивающая чистое небо буря могли дать ей ответы, которых ждала ее душа.

«Рядом с тобой... всегда... жизнь...»

Она вздрогнула.

- Сабина! - позвала она изменившимся голосом. - Идите сюда! Скорее! Мне кажется...

Госпожа де Кастель-Морг поспешила к ней.

- Посмотрите! Туда!

Из бледно-голубой дымки, заставшей даль, выплыло белое трепещущее крыло, за ним еще и еще; они плыли вперед, приближаясь, увеличиваясь в размерах, медленно и торжественно танцуя на волнах реки.

- Корабли... - сдавленным голосом проговорила госпожа де Кастель-Морг. - Корабли из Франции! Корабли из Франции...

В городе поднимался глухой гул голосов: паруса заметили и из других мест.

Анжелика схватила за руку ту, что стояла рядом с ней:

- А что, если они везут наш приговор?

- Тогда мы вас защитим! - воскликнула Сабина де Кастель-Морг. - Мы все будем вас защищать...

Если понадобится, она готова была еще раз выстрелить из пушки.

Часть двенадцатая
Письмо короля

Глава I

Анжелика побежала домой и обнаружила, что все старшие офицеры, командующие кораблями графа де Пейрака, – Эриксон, д'Юрвиль, Кантор – уже собрались. Каждого сопровождали шестеро матросов, одетые скромно и неприметно, но вооруженные мушкетами. После недавнего набега ирокезов город продолжал жить в состоянии тревоги, так что появление вооруженного отряда ни у кого не вызовет подозрений.

– Таковы приказания господина де Пейрака на тот случай, если первая почта из Франции придет в его отсутствие, – напомнил Барсампюи, появившийся немного позже.

Охрану дома и замка Монтины необходимо было усилить. Гарнизоны малых фортов на реке Сен-Шарль, на Красном мысу и в различных местах за городом были удвоены и находились в состоянии полной боевой готовности, и господин де Барсампюи, извинившись несколько раз, предупредил госпожу де Пейрак, что теперь она и дети будут перемещаться по городу только в сопровождении охраны.

– Я уверен, это лишнее, – добавил граф, – но лучше, если мы будем соблюдать предосторожности.

Анжелика позволила им принять все меры, которые они считали нужными. Прибежавшие дети: Онорина, Шерубен и Марселен – прыгали от радости и нетерпения. Сюзанна была удручена тем, что не может надеть на своих детей праздничное платье, сгоревшее вместе с домом. Встречая первый в году корабль, все в Квебеке старались принарядиться, это стало почти традицией.

Правда, подобное кокетство было совершенно излишним. Прибыв на пристань, где толпился весь

город, Анжелика поняла, что даже если бы она разоделась в пух и прах, нацепила бы на себя все свои драгоценности и взяла с собою целый оружейный арсенал, этого бы все равно никто не заметил, потому что никто не обращал внимания на тех, кто стоял рядом.

Первый корабль бросил якорь и встал на рейде.

Из кают и трюмов этого ковчега показалось его содержимое: люди, животные, багаж, товары, – все, что Море Мрака долгие дни качало на своих волнах в окружении вод, покрывающих землю, почти как во времена Потопа.

Шлюпки на веслах подходили к берегу и выплескивали на него своих пассажиров. Это, как всегда, были солдаты, отупевшие или, наоборот, насмешливые, в мятой форме, держащие в руках мушкеты, изможденные растерянные переселенцы, священники в черном, сбившиеся в плотные группы, путешественники измученные и путешественники веселые и радостные, возвращающиеся в родные края. Эти последние, еще не доплыв до берега, начинали кричать, что им надоел Париж, его зловонные улицы, его придирчивые чиновники и что нет ничего лучше доброй канадской земли. Были здесь семьи, которые с нетерпением ожидали их близкие: отцы и матери, приехавшие, чтобы воссоединиться со своими освоившимися в Канаде взрослыми детьми; они плакали от радости, видя своих маленьких внуков, которые махали им с берега. Сходили на берег и монахини, на диво чистые и опрятные, в накрахмаленных белоснежных чепцах, – святые сестры выглядят аккуратно всегда, даже выходя их душного и грязного корабельного трюма. С корабля выносили младенцев, родившихся во время плавания, и больных, с деснами, кровоточащими от цинги, или болезненно исхудавших вследствие дурного питания; их несли либо на брезенте, либо держа за руки и за ноги и клали прямо на землю –

уф! Выходили к ожидающим и деловые люди, сопровождаемые камердинерами и секретарями: негоцианты, купцы, акционеры и руководители Вест-Индской компании, торговцы пушниной. Имелись среди прибывших и личности с бандитскими рожами, пытавшиеся смешаться с матросами или сойти за переселенцев, но их сразу же засекали полицейские Гарро д'Антремона или стражники Николя Карбонеля. И наконец, узнаваемые издали по сверкающему на солнце золотому шитью и развевающимся на ветру пышным плюмажам, на берег сходили знатные вельможи, официальные лица, посланники короля и курьеры, везущие дипломатическую и государственную почту.

На лодках и плотках с корабля перевозили ржущих лошадей, блеющих коз и визжащих свиней, как будто их было недостаточно в Канаде, так что «не лучше ли было скормить эту скотину в море пассажирам, чем теперь выгружать на берег умирающих!».

Капралы начинали с криками выстраивать своих солдат: «Морская болезнь позади, мошенники! Смирно!»

Дети переселенцев сгрудились вместе и показывали пальцем на первых в их жизни индейцев.

Жители Квебека перемешались с вновь прибывшими, пока не образовалась одна оживленная толпа, болтающая, жалуемая, обмениваемая новостями и изъявлениями нежных чувств и громогласно требующая свою почту.

Мадемуазель д'Уредан впервые пришла в порт и получила из рук капитана корабля шкатулку с письмами своей подруги, вдовы польского короля, прозванной Прекрасной Садовницей.

Друзья, которые еще вчера, встретившись на улице, останавливались, чтобы побеседовать о том, какая чудесная стоит погода, сегодня проходили мимо, не здороваясь. Люди смотрели друг на друга и не видели

ни знакомых, ни друзей. Анжелика несколько раз столкнулась с Барданем, Вильдавре и Вивонном, но те только мельком на нее взглядывали и приветствовали коротко и вежливо-отстраненно.

Ее окликнул мужчина приятной наружности, которого она не узнала, так как не ожидала, что он прибудет на корабле, приплывшем из Франции. Лишь два дня спустя она узнала, что это был барон де Сен-Кастин, их с мужем сосед в Мэне; он поднялся на борт во время стоянки у побережья залива Святого Лаврентия и недавно справлялся о своем сундуке со скальпами англичан.

Анжелика увидела, как герцог де Вивонн долго беседует вполголоса с каким-то элегантно одетым господином, который, должно быть, сообщал ему последние новости касательно возбужденных против него судебных дел и выдвинутых обвинений и относительно того, может ли он надеяться, что все их окончательно замяли, а вместе с ними прикончили и министра, который его, герцога, обвинял. Вивонн, похоже, был удовлетворен, он гордо выпрямился, вновь обрел свой былой высокомерный вид, а также свойственную всем придворным весьма неприятную манеру разговаривать, едва шевеля губами и то и дело бросая направо и налево подозрительные взгляды, как будто ему было чрезвычайно важно, чтобы их беседу случайно не подслушал кто-нибудь из мелкой сошки.

Он ушел вместе с элегантным господином, за которым следовала многочисленная прислуга с багажом. У герцога до сих пор была на перевязи рука, рана заживала плохо, и он слегка хромал.

Вильдавре тоже прихрамывал и, как следствие своей дуэли, тоже держал руку на перевязи, что, однако, не мешало ему носиться туда-сюда.

Анжелика увидела Беранжер-Эме де Лаводьер – та рыдала, сидя на чьем-то узле и прислонясь к дорожному

сундуку. Она распечатала письмо и из первых же строк узнала, что ее мать умерла.

- Да читайте же! Читайте до конца! - настаивали Эфрозина Дельпеш и госпожа де Меркувиль.

- Но она же умерла, - стенала Беранжер.

- Но, дочитав письмо, вы узнаете от чего и как. Если ее смерть была безболезненной и покойной, это послужит вам утешением.

Госпожа де Лаводьер снова начала читать, дошла до конца и упала в обморок. Ее отец тоже умер.

На крышке дорожного сундука, болтая ногами, сидели два негритенка, с лицами все еще серыми от морской болезни. На них были тюрбаны с эгретами, костюмчики пажей из немного измятого розового атласа и башмаки с серебряными пряжками. Они вращали глазами от страха. Сопровождающий их человек, похожий на управляющего какого-то знатного семейства, спрашивал всех встречных, где найти маркиза де Вильдавре.

Наконец отыскав его, он сообщил маркизу, что герцогиня де Понтарвиль посылает ему двух арапчат, чтобы прислуживать в доме, как он и просил. Взамен она просит его помочь в делах человеку, который их сопровождает, и купить ей акции компании, которой пожалована монополия на торговлю пушниной.

- Но я же возвращаюсь во Францию, возвращаюсь! - вскричал Вильдавре. - По вине ирокезов я, сударь, только что потерял дорогого мне человека... Как мне после этого оставаться в этой ужасной стране? Если у вас есть сердце, вы должны меня понять.

- Да, сударь.

- Так что же мне делать с этими пажами?

- А что мне прикажете с ними делать? Через час я отплываю.

К оживленной толпе ожидающих и вновь прибывших прибавились еще и те, кто желал отплыть с первым же

кораблем и уже ждал на пристани вместе со своим багажом, чтобы, едва судно освободится, занять свои места.

Среди провожающих этих последних был и галантерейщик Жан Прюнель с женой и дочерью. Родители решили отправить дочь вместе с другом семьи во Францию к живущей в монастыре набожной тетке, чтобы девочка наконец научилась вести себя не как индианка и не впускала больше по ночам к себе на чердак чересчур шустрых молодых людей.

Окруженный приказчиками интендант Карлон был глух и слеп ко всему, что не касалось его дел. Он сортировал мешки и сумки, откладывая в сторону конверты с печатями, пакеты, рулоны, ларцы. Он поспорил с секретарем господина де Фронтенака, который отказывался передать ему два письма под тем предлогом, что они от самого короля и адресованы господину де Фронтенаку лично, так что их следует отдать губернатору в собственные руки, чтобы только он сломал печати и прочитал эти два письма прежде всех остальных посланий.

- Пока мы ожидаем возвращения господина де Фронтенака, эти письма с таким же успехом могут находиться и в моих руках, - кипятился Карлон. - Я интендант Новой Франции и имею полномочия в отсутствие губернатора получать письма из самых высоких инстанций и знакомиться с их содержанием.

К ним подошел один из вновь прибывших, похоже наиболее высокопоставленный из членов делегации, сопровождавших депеши из Франции.

- Я знаю, о чем идет речь. Это деликатный вопрос, его величество коснулся его в разговоре со мною с тем, чтобы его воля была выполнена именно так, как он того желает. Главное состоит в том, что печати на этих предписаниях должен сломать лично господин де Фронтенак, что, разумеется, вовсе не означает, что

король не доверяет господину интенданту или хочет держать его в неведении. Но делом этим занимались лично его величество и господин де Фронтенак, поэтому король желает, чтобы его завершил именно он, как только вскрыет депеши из Версаля. Весьма досадно, что его превосходительство сейчас отсутствует, как и дворянин, о котором идет речь в этих письмах, – господин де Пейрак. Его величество был в величайшем нетерпении! Еще немного – и мне пришлось бы отрастить крылья, как у чайки, чтобы явиться сюда еще быстрее.

Анжелика ходила по пристани взад и вперед и чувствовала все большее и большее разочарование из-за того, что среди вновь прибывших она не увидела ни одного знакомого лица (а кого она, собственно, ожидала увидеть?), и из-за того, что ее не разыскивал никакой курьер. А ведь она была уверена, что Дегре даст ей о себе знать, хотя бы для того, чтобы подтвердить получение ее письма. И тут она услышала имя Пейрак и подошла к группе людей, один из которых его произнес. Жан Карлон показал на нее рукой:

– Вот как раз и госпожа де Пейрак. Сударыня, позвольте представить вам господина де Ла Вандри, государственного советника и чрезвычайного посланника короля при Высшем совете Новой Франции.

Господин де Ла Вандри снял надетую поверх парика шляпу с пышным плюмажем и, согнув ноги, отвесил Анжелике низкий придворный поклон, по всем правилам тоекратно описав плюмажем круг. Однако, поклонившись, как полагается, еще два раза, он не произнес ни слова и выпрямился с самым чопорным видом. Быть может, несмотря на его высокий ранг, он чувствовал себя скованно в присутствии дам? Или же ему и не нравилось, когда они вмешивались в серьезные дела? Он недвусмысленно дал понять, что желает иметь дело с господином де Пейраком и что жена одного его не

интересует, и, повернувшись к интенданту и секретарю губернатора, сказал:

- Мне также нужно передать этому дворянину ценные письма, - после чего вынул из своей сумки два объемистых конверта, больше похожих на бандероли, чем на письма. - Господин де Фронтенак должен вручить их ему лично. Все эти послания я отдаю вам, господин интендант, берегите их как зеницу ока и, разумеется, уважайте пожелания короля в том, что касается их вручения, прочтения и так далее. Учитывая значение, которое им придает его величество, они, несомненно, должны находиться в ваших руках.

Взбешенный секретарь удалился. Вследствие своей приближенности к самому высокопоставленному лицу в Квебеке и всей Новой Франции он привык считать себя всемогущим. И что же? Достаточно было прибыть в Квебек этой версальской клике, и с ним уже обращаются как с лакеем.

Несмотря на пережитые за два месяца плавания штормы, угрозу нападения пиратов и опасность, исходящую от плавучих льдов и периодов мертвого штиля, господин де Ла Вандри производил впечатление человека, который только что покинул Версаль и, даже более того, только что вышел из кабинета короля. Он нес на себе отблеск величественной особы короля и оказанного ему его величеством доверия, что как бы окутывало его облаком некоей неосязаемой золотой пыли, которую он ни в коем случае не хотел с себя стряхивать. Это был красивый мужчина с прямой, величавой осанкой. Высокомерие, к которому примешивалось чуточку эксцентричности, - отличительная черта придворного - было ему к лицу. В его наружности и в его аффектированной речи можно было заметить необычные детали, по которым можно было сказать, что в Версале появилась новая мода, которая скоро распространится и на Квебек.

- Разве парики не стали короче?

- Бобровые шапки стали меньше, но плюмаж из перьев страуса теперь пышнее.

Концы галстука, которые до сих пор должны были иметь форму «крыльев мотылька», разрослись до размеров «крыльев мельницы». Красные каблуки на башмаках сделались выше, а фалды сюртука – более пышными.

В сторону Ла Вандри искоса поглядывали. Никто теперь не мог чувствовать себя вполне спокойно после минувшей зимы, так непохожей на другие, потому что наверняка именно ему, этому придворному, будет докладывать «шпион короля», этот невидимый, не вызывающий подозрений шпион, о существовании которого все знали, но которого никто не мог разоблачить. Из-за всеобщей уверенности в том, что отныне каждое произнесенное слово может дойти до приемной короля, все стали сдержанными, подозрительными и, как следствие, хмурыми. Все чувствовали, что через открытую дверь в дом врывается монаршая воля, деспотичная, но в то же время являющаяся источником всяческих привилегий... Люди шептались, множились толки и пересуды. Не осталось незамеченным и то, что в лице господина де Ла Вандри Канада впервые принимала одного из тридцати государственных советников или государственных секретарей королевства. Стало также известно, что он дружен с военным министром Лувуа, который поручил ему выполнение своих должностных обязанностей суперинтенданта почтового ведомства.

Кроме того, никто никогда не видел, чтобы королевскую дипломатическую и государственную почту сопровождал офицер из этой овеянной славой королевской гвардии, наводящей на полях сражений страх на всю Европу. Между тем стало известно, что речь идет об офицере, выбранном из одной из трех

французских рот лейб-гвардии, наиболее приближенных к особе государя, и прибывшем в сопровождении двух капралов, вооруженных короткими алебардами, и дюжины подчиненных им рядовых.

Как это было не похоже на армейский сброд, состоящий из новобранцев, завербованных в трактирах, когда они были уже мертвецки пьяны; обыкновенно именно они и служили солдатами.

Такие люди, как этот сопровождавший почту офицер, каждый день встречаются с его величеством, слышат его голос, примечают его жесты и во что он одет, потому что, хотя лейб-гвардеец и должен быть нем как рыба и прям и неподвижен, как деревянный кол, это не мешает ему иметь глаза.

Квебекцы останавливались и рассматривали форму лейб-гвардейцев, обходя их вокруг.

Неужели король и впрямь заинтересовался своей далекой колонией, раз прислал сюда всех этих представителей высшего света?

На Анжелику господин де Ла Вандри произвел такое же неприятное впечатление, как и на секретаря Фронтенака. Как его понимать? Являлось ли его поведение, граничащее с грубостью по отношению к женщине, безотчетным или осознанным? Что такого он мог знать или подозревать, что заставляло его хранить молчание относительно писем, адресованных ее мужу, и быть таким чопорным с ней? Может статья, ничего? Или немного больше? Одно было очевидно: все эти субъекты, которым поручено перевозить сверхсекретные письма, решающие судьбу тех, кому они предназначены, возвышающие их или, наоборот, принижающие, более или менее знают их содержание.

Вот и де Бардань очень скоро узнал, какие горькие плоды принесло злосчастное письмо, которое он отправил королю в ноябре вместе с «Марибель». Молодой чиновник, служащий в министерстве господина

Кольбера, потребовал, чтобы де Бардань к нему явился. Он встретил его на углу улицы, когда тот садился в карету, чтобы ехать во дворец интенданта, и не стал дожидаться, когда они окажутся в более удобном и достойном месте, а сразу же дал ему понять, что он впал в немилость. Едва господин де Бардань представился, чиновник объявил ему, что он отстранен от своей должности, показал ему подтверждающие это бумаги и уведомил, что отныне он ни во что не должен вмешиваться. Он говорил с ним полупрезрительным-полусочувственным тоном, как говорят с опальными людьми, с теми, от кого отвернулась удача, поскольку они поставили не на ту карту. Затем он сообщил ему, что его возвращение во Францию будет частично оплачено из его, Барданя, собственных средств.

- Плевать мне на это, - отвечал Николя де Бардань.

Чиновник кисло улыбнулся:

- О сударь, на вашем месте я не стал бы так пренебрегать добротой его величества, ведь вы могли бы вернуться во Францию в трюме или даже в кандалах. Из вашей реплики мне понятно, почему с вами обошлись так сурово, хотя я еще не объяснил вам всех причин вашей опалы. Знайте же, что я получил приказ собрать сведения о вашем поведении как посланника короля в Новой Франции. То, что я в итоге доложу, может как утяжелить, так и облегчить вашу участь. И что же? Не успел я высадиться в Квебеке, как мне сообщили, что вы ежедневно посещаете, практически и днем и ночью, дом, пользующийся дурной славой.

- Дом, пользующийся дурной славой? - повторил ошеломленный Бардань.

- Таверну «Французский Корабль», - сверившись с бумагами, сказал чиновник.

- Но, сударь, - воскликнул Бардань, - я ходил туда, чтобы встречаться с друзьями.

- Прекрасно! Вы сами в этом признались, я вас за язык не тянул, - усмехнулся чиновник.

Николя де Бардань открыл было рот, чтобы оправдаться, но тут же его закрыл. Бесполезно объяснять этому болвану, что благородная госпожа де Пейрак дружна с хозяйкой таверны, что за год произошло столько всего, например несчастный случай с маркизом де Вильдавре, когда аристократы из Верхнего города сделались завсегдатаями этого «пользующегося дурной славой» трактира в Нижнем городе, что этой зимой в нем часто бывали самые именитые и уважаемые люди города и даже господин начальник полиции Гарро д'Антремон. Ничего этого взбешенный Николя де Бардань не сказал, а только пожал плечами. Как объяснить этому дураку, этому молокососу, все еще бледному от морской болезни, начинающему свою карьеру в полной уверенности, что он будет служить королю лучше, чем кто-либо до него, как объяснить ему, каким образом на протяжении нескончаемой зимы кровь жизни в Квебеке перетекала из Нижнего города в Верхний и обратно? Как донести до него, что во «Французском Корабле» жизнь была ключом, что там спорили и ссорились акадийцы, по ту сторону стола сверкали в табачном дыму зеленые глаза Анжелики, стояла у плиты Жанина Гонфарель, помешивая свои супы, сидели маркиз де Вильдавре и красавец Александр...

Все это не поддавалось описанию и объяснению. И ради этого выскочки не стоило даже и пытаться что-либо описывать или объяснять.

От него за версту несло запахами закулисной кухни больших государственных деятелей: Телье, Кольбера и иже с ними, этой приказной руки короля. От него исходил тяжелый дух их тщательно продуманных интриг, их хитрых мелочных расчетов, их самодовольства усердных буржуа, пахнувших чернилами

и привыкших к неустанному скрипу перьев. Его осведомленность о «Французском Корабле» говорила о его пронырливости. Должно быть, он узнал о нем от «шпиона короля», который, судя по характеру его донесений, был одним из этих затхлых святош из Общества Святых Даров, только и ждущих случая облить грязью доброе имя своих ближних.

За свою карьеру Николя де Бардань научился не придавать слишком большого значения ханжеским доносам шпионов-пустосвятов.

И сейчас, оценив своего противника, он решил, что тот жалок. Было заметно, что это первое в его карьере поручение: он раздувался от сознания собственной важности, но основывал ее только на поддержке персон, до которых сейчас было ох как далеко. Если с ним обойтись грубо, он всего-то и мог сказать: «Я доложу об этом господину Кольберу». Но докладывать он будет отнюдь не завтра.

- Сударь, меня мало заботят те решения относительно моей персоны, которые вы мне привезли, - сказал Бардань, небрежно запихивая документы о своем смещении в карман сюртука. - Меня больше шокирует ваше поведение. У вас нет ни осторожности, ни такта, вы забыли, что пересекли океан и теперь до ваших покровителей далеко. И я сомневаюсь, что в этой своей сумке вы храните документы, обеспечивающие вам невозбранный прием у высших лиц этой колонии. Вам и поручили-то всего лишь несколько мелких дел, например уведомить меня о том, что я впал в немилость, что я, кстати, знал и без вас. Но и вам тоже не избежать в будущем подобной участи, ибо круговорот чиновной братии, служащей высшей власти, так же постоянен и неуклонен, как чередование приливов и отливов. Прежде чем демонстрировать мне свое презрение, вам следовало бы сначала доплыть до берегов Франции. Вам еще многое предстоит узнать. А начнете вы с того, что

оцените влияние человека, который сумел обзавестись в Новой Франции множеством друзей. Не рассчитывайте на мою помощь, я не стану обеспечивать вам теплый прием или заботиться о вашем комфорте, напротив, знайте, что я постараюсь сделать все, чтобы вы не нашли здесь ни кола ни двора!

Он расстался с молодым чиновником, не попрощавшись, и начал взбираться по склону горы. Он начнет с визита к мадемуазель д'Уредан, чтобы та дала понять Карлону, что не стоит принимать этого ничтожного, никчемного болвана даже в хозяйственных пристройках. На улицу королевского чиновника! На улицу!

Время от времени Бардань останавливался, оборачивался и смотрел на горизонт.

Постепенно он успокаивался.

Впереди было лето, наполненное щебетанием птиц, когда в лесах было полно дичи, а в реках – рыбы.

Он начал думать о своем имении в Берри, где жизнь потечет тише и размереннее. Его ждут прекрасные книги, приятные соседи, замок и окрестности, где можно мечтать, размышлять и вспоминать свои горести, надежды и радости, мнимые и подлинные. Он сказал про себя: «Прощай! Прощай, моя прекрасная служанка! Прощай, моя любовь! Прощай, Квебек!..»

До него доносился глухой гул собравшейся на пристанях толпы.

И, поднимаясь в одиночестве в Верхний город, он не мог сдержать слез.

Глава II

В маленьком доме Вильдавре беседа Анжелики с капитанами флота графа де Пейрака затянулась до глубокой ночи.

Анжелика комментировала поведение господина де Ла Вандри по отношению к ней и находила в нем основания надеяться на благоприятный исход их дела. Отношение к ней чиновника не показалось ей ни любезным, ни предупредительным, однако оно было вежливым и уважительным, из чего она сделала вывод, что король не собирается обрушивать на их головы свой тяжелый скипетр. Но пока не распечатают письма, любые разговоры будут тщетны.

Два объемистых конверта с письмами короля находились здесь, в Квебеке, в руках Жана Карлона, но решение его величества мог огласить им только Фронтенак.

Какие распоряжения ожидали их? Проявит ли король суровость? Или явит милосердие?

Как бы то ни было, они решили отправить человека навстречу господину де Пейраку, чтобы предупредить его о прибытии кораблей и вместе с ними - ответного письма короля, которое решит их судьбу.

* * *

Анжелика успела немного поспать, до того как ее разбудили крики. Недалеко от Квебека показались первые лодки с войском господина де Фронтенака.

В порту была давка хуже вчерашней. Вновь прибывшие говорили об ирокезах, войне и военных советах. От них пахло лесом, а также медвежьим жиром, которым они натирались, чтобы защититься от уже

расплодившихся на берегах рек гнуса и комаров. Но жителям Квебека куда интереснее были новости из Франции, об ирокезах уже все забыли.

– Кто-нибудь видел господина де Пейрака?

Никто не мог ответить. Было известно только одно: он не высаживался на берег вместе с господином де Фронтенаком. Потому что господин де Фронтенак сейчас уже у себя, в замке Сен-Луи, и вскрывает королевскую почту.

Анжелику охватила паника. Хотя она и боялась той минуты, когда окажется с мужем лицом к лицу, мысль о том, что его нет среди возвратившихся, что он решил остаться с Уттаке ради удовольствия повитийствовать с ним на досуге или, что еще хуже, свернул на полдороге, чтобы побывать в Вапассу, причинила ей жестокое разочарование. Она была близка к отчаянию. Она хотела видеть его, просто видеть. Все остальное было ей безразлично. Не все ли равно, что ответил король и что произошло между ними то ли недавно, то ли столетия тому назад? Она хотела просто увидеть его вновь. Без него жизнь становилась пустой, и какие бы приятные сюрпризы она ни преподнесла, без него они лишались смысла.

Сопровождаемая охраной, Анжелика поднялась из порта в Верхний город и направилась прямо в замок Сен-Луи. Стоило ей войти, как она увидела Фронтенака; он сразу же поспешил к ней, сияя и протягивая ей руки:

– Ах, моя дорогая! Вы пришли как нельзя кстати... Ах, как мне выразить всю мою радость? Это самый прекрасный день в моей жизни.

Одной рукой он крепко, до боли, сжимал обе ее руки, а другой тряс связкой листков пергамента.

Не сняв грязных сапог и не умывшись с дороги, он сразу же сорвал с королевских писем печати, и сейчас его загоревшее на летнем солнце потное лицо сияло под

немного съехавшим набок париком. Он ликовал и был полон прямо-таки юношеского пыла.

- Король! - повторял он. - Король...

- Что король?

- Он осыпал меня похвалами... Ах, наконец-то! Хоть раз в жизни! На такое я не смел и надеяться! Поверьте мне... В своем письме, каждое слово которого трогает мое сердце, его величество повторяет, что у него давно не было такого верного подданного, как я, - подданного, который знает, в каком направлении действовать, и это несмотря на то, что в этой колонии я удален от нашего «короля-солнце» и не могу в своих суждениях опираться на его советы, советы моего государя, которому я стремлюсь угодить во всем. Я дважды перечел письмо, прежде чем поверил. Уф! Какое облегчение! Признаюсь, я до самого последнего момента трясся: уволят меня или нет за то, что я по своей инициативе тепло принял моего друга графа де Пейрака.

Он на мгновение умолк и как будто только сейчас заметил ее:

- Вы здесь! Прекрасно! Стало быть, не придется вас разыскивать. Здесь, в замке Сен-Луи, меня встречали несколько членов Высшего совета, в том числе господин интендант. Я также пригласил и остальных, так что собрались все. Я хочу сей же час зачитать им письмо короля... Нет, не то, о котором я вам говорил и в котором его величество меня хвалит, а то, которое касается господина де Пейрака... Свое я, конечно, тоже прочту, но позже. Однако король особо оговорил, что все касающееся его решений относительно моего дорогого друга Пейрака должно быть зачитано в присутствии членов Совета. Так что сейчас мы ждем только графа, вашего мужа. А вот и он!

На пороге появился Жоффрей де Пейрак в сопровождении всей своей охраны: испанцев, Куасси-Ба,

офицеров его флота и отряда одетых в белую форму матросов.

- Прошу вас! - воскликнул Фронтенак, делая широкий жест рукой. - Прошу вас, мой дорогой друг, час вашей славы пробил!

Анжелика подумала, что никогда не привыкнет к этим торжественным встречам, обязывающим ее быть сдержанной в проявлении чувств, меж тем как ей хотелось подбежать к мужу, как влюбленная девочка, и броситься ему на шею. В таких ситуациях, как эта, она будто застывала и у нее делался чуть ли не враждебный вид, потому что происходящее казалось ей каким-то нереальным. Она могла поверить, что он здесь, только сжав его в объятиях.

- Счастливый случай помог мне вас отыскать, - сказал ей Пейрак, подойдя к ней и целуя ей руку. - Моя дорогая, - добавил он, видя, что она смотрит на него, словно не узнавая, - вы не ожидали, что я вернусь вместе с господином губернатором, или же мой вид, к моему прискорбию, вызывает у вас неприятное удивление?

- Нет! Нет! - возразила она. - С чего вы взяли? Это просто потрясение от радости, что я вас вижу, ведь никто не мог мне сказать, где вы, и я боялась, что вы решили отправиться в Вапассу.

- Сумасшедшая фантазерка! Когда вы наконец поверите, что мне тяжело быть вдали от вас и что я никогда ради своего удовольствия не продлеваю дней, когда мы разлучены? Я высадился на берег на Красном мысу, под фортом, возле которого стоят на якоре мои корабли. Я решил, что так быстрее попаду в наш дом в Верхнем городе, чем если сойду на берег в порту и пройду через весь город, где меня будут останавливать на каждом шагу... Но мне сказали, что вы уже в порту, затем - что вас видели в замке Сен-Луи, где, едва войдя,

я услышал радостные возгласы господина де Фронтенака.

- Что вы там делаете? Чего вы ждете? - вскричал губернатор. - Неужели вам не хочется поскорее услышать, как я зачитаю документы, решающие вашу судьбу?

Жоффрей обнял Анжелику за талию, и они вместе вошли в зал Совета, полный народу. Господин де Ла Вандри был уже тут, окруженный своей свитой в придворных костюмах, резко контрастирующих с пропыленным дорожным плащом Фронтенака.

Но предприимчивому губернатору не было до этого никакого дела. Перед ним лежала груда бумаг, листов пергамента, развернутых свитков, вскрытых конвертов, разноцветных лент, инструментов для слома восковых печатей, обломки которых, разломанных нетерпеливой рукой, валялись на полу.

- Да помогите же мне, идиот! - бросил он своему секретарю, смотревшему на него, опустив руки. - Уберите все это! Нет, это оставьте... Это письмо короля. Неужели вы не отдаете себе отчета, что сейчас я зачитаю документ, который важнее и будет иметь большее значение для истории, чем мирный договор с Англией... А знаете почему? Потому что величие, великодушие, чувство меры и справедливость нашего короля никогда еще не являлись в таком блеске.

Он попросил Жоффрея и Анжелику сесть напротив него, на другом конце большого стола, во главе которого сидел он.

Камердинер губернатора, который видел, что тот после своего возвращения в замок не передохнул ни минутки, попытался было предложить ему бокал вина, но Фронтенак отказался:

- Нет, мы выпьем после... Но уж тогда у нас действительно будет случай выпить.

Он осведомился, кого еще ждут. Ждали епископа, но было непонятно, дошло ли до него приглашение или нет, потому что он отправился служить мессу в Шато-Рише.

- Тем хуже для епископа.

Несколько членов Совета начали возражать.

- Тем хуже для епископа! - рявкнул Фронтенак. - Я проведу торжественное чтение позже, в присутствии всего Совета и с ведением протокола, но сейчас ждать нельзя. Это требование его величества: громкое и внятное чтение сразу же после того, как будут сломаны печати. Король с удовлетворением желает как можно скорее сообщить нам о той радости, которую он испытал, узнав, что столь достойный человек возвратился в его королевство, и о тех почестях, которыми он хочет осыпать его и его семью. Я имею в виду господина графа де Пейрака, нашего великого соседа, чьи владения в Америке граничат с нашими, и нашего гостя в Квебеке на протяжении минувшей зимы. Ему, как и его супруге госпоже де Пейрак, мы обязаны множеством благодеяний, которые сегодня позволяют нам всем как можно лучше исполнить волю короля.

«Мы, Людовик, милостью Божьей король Франции и Наварры, приветствуем всех присутствующих...»

В чтении Фронтенака собравшимся слышался голос самого короля. Доносящийся до них из такой дали, здесь, в зале замка Сен-Луи, стоящего на дикой скале, он звучал внушительно и торжественно - так звучит глас богов, объявляющих своим оракулам через облако свою волю.

Единственным, кого чтение письма короля, казалось, нисколько не тронуло, был Жоффрей, меж тем как остальных охватило глубокое волнение, граничащее с религиозным благоговением.

Его рука в руке Анжелики не дрожала, хотя то, что они сейчас слышали, было невероятно.

Король возвращал им все, признавал все их права и титулы. Суда над Жоффреем он коснулся лишь вскользь, написав, что процесс был несправедлив, организован завистниками и проведен невеждами, а сам он был в то время слишком молод и не смог вникнуть в детали.

Он был рад, что пребывание господина де Пейрака в Новом Свете наконец дало ему возможность исправить несправедливость, совершенную в отношении одного из самых знатных сеньоров его королевства, который никогда не давал ему повода для недовольства.

Далее в деталях перечислялись все милости и блага, которыми он осыпал графа де Пейрака.

Весьма длинный абзац был посвящен деятельности графа в Америке. И здесь король опять же радовался его присутствию на континенте и хвалил его за услуги, оказанные короне. Мимоходом свою долю похвал и комплиментов получили также господин де Фронтенак и члены Высшего совета, поименованные лично.

Когда Фронтенак заканчивал чтение этого достопамятного послания, голос его дрожал. Он уронил листки пергамента на стол и, выйдя из-за стола, подошел к Жоффрею де Пейраку.

- Брат мой, земляк, вы победили, - сказал он, раскрыв ему объятия.

* * *

В своем письме король почти не упоминал о ней. Лишь в нескольких строчках он извещал, что графа и графиню де Пейрак ожидают в Версале и что он примет их лично, испытывая при этом самое глубокое удовлетворение.

Многочисленные приложения к письму были адресованы только Жоффрею, и он уединился с Фронтенаком, чтобы их изучить и подтвердить, что он

снова вступает во владение своими землями и принимает возвращенные ему титулы.

Анжелика ждала его, прогуливаясь по террасе, и думала о короле: его отношение к ним успокаивало ее, но казалось не совсем обычным. Она рассчитывала, что полицейский Франсуа Дегре, личность весьма влиятельная, так как он был правой рукой господина Ла Рейни, замолвит за них словечко перед королем, но то, чего он добился, превосходило самые смелые ее ожидания.

Что до короля, то он знал, кто она такая, но предпочитал видеть в ней отныне только графиню де Пейрак. Она поняла это так, что король решил забыть тяжелое и спорное дело Мятежницы из Пуату. Так было проще.

Ей хотелось крепко обнять Жоффрея и сказать: «Наконец-то! Наконец-то, мой дорогой принц! Справедливость восторжествовала!»

Но это их торжество было слишком безраздельным и слишком внезапным, а счастье – слишком безоблачным. Сейчас она постепенно начинала это понимать.

Новость о том, что король их признал, распространилась быстро, и все общество только о ней и говорило. Все их поздравляли, и в этом не было ни капли лести. Те, кто имел смелость встать на их сторону с самого начала, могли этим гордиться, чувствуя себя избранными, и по заслугам. Всем хотелось обсуждать эту тему, пересказывать друг другу подробности, задавать вопросы...

Когда господин де Фронтенак вышел из замка вместе с господином Ла Вандри и его блестящей свитой, им устроили овацию. Вновь прибывшие нашли город весьма приятным. И чего они так боялись в этой колонии, где якобы живут одни дикари? Им оказали пышный прием и встречали на улицах аплодисментами,

не дав пройти и двух шагов, точно они были принцами крови.

Только один из них был недоволен. Это был тот самый чиновник, которого предал анафеме де Бардань. Ему удалось заговорить с господином де Фронтенаком и выразить ему свой протест. Он сказал, что не смог найти в городе ночлега, кроме как на чердаке какого-то жалкого сарая, который ему предложил представитель одной торговой компании, имеющей обязательства перед господином Кольбером, и пожаловался, что всеми своими несчастьями он обязан господину де Барданю, из-за которого против него объединился весь город.

Но господин де Фронтенак, у которого среди всеобщей радости были дела и поважнее, слушал невнимательно и резко оборвал его речь: «Вы, господа из окружения господина Кольбера, вечно чем-то недовольны! И где только сейчас набирают таких служащих? Неужели в наши дни отпрыски судей и буржуа более избалованы, чем сыновья герцогов? Последние-то с детства приучены терпеть все неудобства, связанные со служением королю. Канада, сударь, – суровая страна. Я порекомендую нашему министру колоний впредь не присылать в наши края таких слюнтяев и размазней!»

Таким образом, воздух Канады превратил Николя де Барданя, прежде такого мягкого и добросовестного, в человека весьма резкого, мстительного и чуть ли не мятежного, который, однако, пережив вместе с городом все испытания суровой зимы, снискал среди жителей Квебека всеобщее уважение и любовь.

* * *

После полудня состоялось повторное торжественное чтение письма короля в присутствии епископа и двоих

сыновей графа де Пейрака, Флоримона и Кантора.

Анжелика на него не пошла. В это время она находилась в библиотеке монастыря иезуитов, среди прекрасно выполненных научных приборов и водруженных на подставки открытых толстых томов.

Отец Мобеж срочно вызвал ее к себе, как он выразился, «для короткого разговора».

Выражение его лица, так похожего на физиономию китайского мандарина, можно было бы назвать легкой улыбкой.

– Я не хочу отрывать вас от ликования ваших друзей, но, зная, что последующие дни пробегут как одно мгновение, я решил приберечь несколько минут, чтобы уверить вас: я несказанно рад тому, что злоключениям, которые терпели ваш муж и вы, пришел конец. Я не буду долго распространяться о моих чувствах, ибо в том нет нужды. Долгая дружба, связывающая меня с графом де Пейраком, позволяет мне заключить, что счастливым исходом всех ваших испытаний вы обязаны Провидению, а также терпению и мужеству, с которыми вы оба переносили все превратности судьбы.

«Стало быть, нам вскоре предстоит расстаться...»

Остаток дня прошел в рассказах о набеге ирокезов, разговорах о планах возвращения, воспоминаниях об Отеле Веселой Науки, розовые стены которого предстояло отстроить заново, беседах об ирокезских вампумах, которые верховный вождь союза пяти племен привез из их поселений с длинными домами. Анжелика и Жоффрей то и дело перескакивали с разговоров о Новом Свете на беседы о Старом, и часто в одной фразе упоминание о Людовике XIV соседствовало с упоминанием об Уттаке, что последний счел бы вполне естественным: «Король очень добр! Уттаке проявил милосердие! Его величество умеет внять мудрым советам... Дикарь послушал наши доводы...»

У них с визитами перебивал весь город, а сами они, получив множество приглашений, зашли к нескольким друзьям, а потом пригласили всех на вечер в замок Монтиньи. На этот раз Польша пришла со своим Гонфарелем.

Было уже очень поздно, когда гости разошлись и Жоффрей закрыл за собою дверь маленького дома, в который ему не терпелось вернуться, так как лишь здесь, как выразился он, Анжелика принадлежала только ему. Она хотела было продолжить разговор, но он ее остановил.

- Мы и так достаточно наговорились, - сказал он, обнимая ее. - О господи! Неужели по ту сторону океана нас ждет великосветская жизнь?

- Не бойтесь, я сумею от этого защититься.

- Сначала я восстановлю в Отеле Веселой Науки здоровое равновесие между трудами и играми, причем в последних будут осуществлены самые смелые чаяния человека, когда он наконец, пусть ненадолго, избавляется от грозящих ему опасностей и нужды. Я отведу время для удовольствий и ради этого поменяю местами день и ночь. Ночью мы будем пировать с друзьями, танцевать, петь, наслаждаться музыкой и умными беседами, а днем - любить... в тиши послеполуденного зноя, когда все отдыхает, а солнце такое же горячее, как охваченные жаркой страстью сердца и тела...

Таким образом, днем я буду продолжать то, что начал ночью, а именно продолжать защищать любовь вместе с прекраснейшей из женщин...

Город жужжал, как улей, до самого утра. Вечером прибыл еще один корабль, на этот раз из Онфлера.

Глава III

- Вчера вечером на корабле из Онфлера прибыл какой-то пожилой господин, - сказала Сюзанна, кладя в чугунок ингредиенты для супа. - Я уверена, что он приехал к вам, сударыня. - Она продолжила: - Никто не знает, кто он такой. Он не принадлежит ни к одной семье и никому здесь не знаком. Он не говорил, собирается ли он проплыть по реке дальше, в Труа-Ривьер или Монреаль. Одет он просто, даже строго. Он остановился в таверне «Французский Корабль».

- Откуда ты взяла, что он приехал ко мне.

- Я это чувствую.

Анжелика подумала о Дегре. Зимой она иногда представляла себе, как, получив ее письмо и не побоявшись путешествия через океан, предприимчивый полицейский прибывает в Канаду с первым же кораблем, чтобы с нею повидаться. Лучше все объяснить не в письме, а в беседе с глазу на глаз, тем более когда речь идет об опасных секретах, о преступлениях и заговорах против короля.

Сюзанна сказала «пожилой господин», но такой молодой женщине, как она, всякий сорокалетний мужчина, если у него седина на висках, может показаться пожилым.

Она попыталась описать его.

- Скажи, он высокий? Крепкий? Широкоплечий?

- Да нет же, говорю вам - он стар. Скорее невысокий, но это потому, что он сгорбился от старости. Если бы он распрямился, то показался бы высоким. И худым. У него такой вид... - Она заколебалась. - Не знаю почему, но мне кажется, что он похож на судейского.

«Бомье, - подумала Анжелика, и сердце ее учащенно забилось. - Кто еще может быть похож на судейского,

как не ушлый полицейский?»

- Он явился в таверну «Французский Корабль», а там все забито, мест нет. Но госпожа Гонфарель нашла, куда его пристроить, потому что он ей понравился.

Стало быть, это не Бомье. Польша учуяла бы полицейского за версту, и он бы ей точно не понравился. Да и что делать Бомье в Канаде?

- Но все-таки, почему ты решила, что он приехал именно ко мне?

- У меня такое впечатление... и, по-моему, у госпожи Гонфарель тоже. Такие вещи просто чуешь...

Анжелика улыбнулась. Не стоит пренебрегать чутьем этих дам. Но маловероятно, что кто-то, кроме курьеров короля, приехал в Америку ради них, и особенно ради нее.

Тем не менее она подошла к зеркалу.

«Я должна быть красивой».

Она уложила волосы и внимательно посмотрела на свое лицо. Вспомнив речи Беранжер о старости, она почувствовала легкий укол в сердце, естественный для любой женщины, которой перевалило за тридцать. «Вы тогда будете похожи на фею», - сказала ей жена прокурора. Что ж, дай-то бог! Но чем позже, тем лучше. Она улыбнулась своему отражению, потому что оно говорило ей одно: она находится в зените своей красоты, все еще не тронутой временем и даже ставшей более утонченной, благодаря свойственному ей теперь выражению безмятежности. Только волосы у нее слишком светлы из-за седины, но они остаются такими уже много лет, так что даже те, кто знал ее при дворе, не удивились бы, если бы посмотрели на нее сейчас.

Сюзанна позвала ее с лестничной площадки второго этажа, куда она поднялась, чтобы подмести комнаты:

- Сударыня! Сударыня! Вот он! Поднимается по улице...

Анжелика подошла к ней и посмотрела в открытое окно.

- Видите вон того старика в черном, с ковровой сумкой в руке и рулоном под мышкой?

Анжелика вслед за Сюзанной перегнулась через подоконник. Она не произнесла ни слова, но молодая канадка почувствовала, как та дрожит. Мгновение - и Анжелика повернулась и одним махом сбежала по лестнице, чтобы открыть парадную дверь.

Старик, с седыми, как лунь, волосами, в круглой шляпе и темном плаще, в ворота которого виднелись его простые, без отделки, полотняные брыжи, шагал, опустив глаза в землю, так как он действительно немного горбился, что, впрочем, не мешало ему весьма прытко подниматься по улице, несмотря на то что в одной руке он нес громоздкую дорожную сумку, а под мышкой другой - большой рулон, завернутый в пропитанный камедью холст.

Не доходя до дома мадемуазель д'Уредан, он поднял голову, чтобы найти глазами дом, о котором ему говорили. И тут, на середине улицы, он увидел Анжелику - она его ждала. Стоящий за нею большой вяз с кроной, пронизанной лучами солнца, создавал вокруг нее зеленый ореол.

Старик остановился. В отличие от праведного Симеона, он даже про себя не воскликнул: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое». Но, как и священник Иерусалимского храма, он понимал, что ждал этого дня, храня в сердце своем уверенность, что ему не суждено умереть, пока он не узнает, что с нею случилось, и не увидит ее вновь.

Она не изменилась. У нее было все то же честное и приветливое выражение лица, которое всегда привлекало к ней сердца, и он почувствовал ликование и прилив гордости оттого, что она стала еще прекраснее.

И помимо его воли, ибо он был человек суровый, его пергаментные губы растянулись в улыбке.

Анжелика шла к нему, протягивая руки:

- Приветствую вас, господин Молин. Добро пожаловать в Новую Францию. Я и представить себе не могла, что увижу вас в Канаде... С вашей стороны это безумие! Как вы решились в вашем-то возрасте пуститься в такое тяжелое путешествие?

- С тех пор как я начал заниматься делами вашего отца, а вам тогда шел восьмой год, - сказал управляющий Молин, - вы всегда думали, что я очень стар. Однако, когда я устраивал ваш брак с господином де Пейраком, мне не было и пятидесяти лет, а сейчас мне немного за семьдесят...

- Как летит время, - рассмеялась Анжелика. - Маленькая девочка задирает нос, чтобы посмотреть на высокого строгого господина, который кажется ей ужасно старым, а потом жизнь течет, и она мало-помалу сравнивается с ним ростом.

Она усадила его в маленькой гостиной, рядом с фаянсовой печкой, которая сейчас, разумеется, не топилась.

Она стояла перед ним, до нелепого счастливая, едва верящая своим глазам и охваченная чувством глубокого уважения и вины, которое она всегда испытывала, когда общалась с ученым управляющим. Уважения к его уму и деловой сметке и вины, потому что всякий раз, когда она имела с ним дело, он заставлял ее выполнить что-нибудь трудное, чего она выполнять не хотела. Но ему всегда удавалось уговорить ее и сделать так, что в конце концов она по собственной воле говорила «да». При этом она одновременно раздражалась и невольно восхищалась его ловкостью и умением убеждать.

Она глядела на управляющего Молина, и перед нею вставали картины ее детства, отрочества, ее свадьба в Тулузе, ее второй брак с Филиппом дю Плесси-Бельером,

управляющим которого тогда был все тот же Молин. Он же, осторожно прислонив к стене рулон в непромокаемой обертке, открыл стоящую у его ног ковровую сумку и достал из нее белый конверт с восковой печатью.

Он встал, бросил на нее пронзительный взгляд, от которого она вздрогнула, так он напомнил ей времена, ставшие теперь лишь далеким воспоминанием, и протянул ей письмо:

- Я прибыл, чтобы передать вам это письмо от короля.

- От короля! - повторила Анжелика.

- Сядьте, - сказал Молин, указывая ей на кресло напротив своего.

Она машинально села, держа в руке письмо с увесистой печатью, в которой она узнала печать Людовика XIV, с двумя ангелами: ангелом славы и ангелом удачи, держащими гербовый щит с тремя цветками лилии, увенчанными короной и крестом.

- Откройте...

Она потянула за ленту и сломала печать.

Ее взволновала мысль, что к этому письму прикасался король. Он написал его своей рукой и сам запечатал. Делая это, он был один в своем голубом с золотом кабинете, который она так хорошо знала, и собственноручно поднес палочку воска к пламени свечи.

Она развернула листок. И увидела подпись: Людовик. В письме было всего лишь несколько слов, и она их прочла.

*Для вас, моя красавица, я сотворил чудеса.
Людовик.*

Она сидела, держа белый листок за верхний и нижний угол, и в ее руках он слегка дрожал.

Для вас, моя красавица, я сотворил чудеса.

Внезапно она привскочила на месте:

– Молин! Дата!.. Это какая-то ошибка. Этому письму шесть лет.

– Это письмо действительно было написано королем и адресовано вам шесть лет тому назад. Я вез его вам после того, как передал королю ваше письмо, в котором вы обещали ему повиновение. В этом письме – вы его помните? – вы просили его величество о милости и обещали ему вернуться ко двору при условии, что он избавит вашу провинцию и ваши земли от солдатни, которая унижала вас даже в вашем замке в Пуату – Плесси.

Вы были пленницей, и с вами дурно обращались, и я сообщил об этом королю и ответил на все его вопросы.

Король тут же отдал соответствующие распоряжения и отправил вам со мною это послание, которое вы сейчас держите в руках. Он был готов на любые уступки, лишь бы увидеть вас вновь.

Но когда я приехал в Плесси, вы знаете, что я там обнаружил: замок сгорел, наследник убит, вы же исчезли.

Я вернулся в Версаль, как только смог, чтобы передать королю обратно его письмо, теперь уже бесполезное, которое я не смог вам вручить, ибо не знал, где вы находитесь.

«Она подняла против меня вооруженный мятеж, – сказал его величество изменившимся голосом. – Я больше ничего не могу сделать – теперь ею займется правосудие... За ее голову будет назначена награда...»

Король положил письмо в потайной ящик своего шкафа. Однако, прежде чем я удалился, он попросил меня пообещать ему, что, если представится случай, я стану посредником между вами и ним.

Шли годы, продолжалась война, народ терпел великие бедствия и великие муки... Сейчас все успокоилось... я восстановил замок Плесси, дела мои процветают. В свое время я расскажу вам обо всех деталях, сейчас же скажу только одно: по распоряжению короля имение переходит к вам вместе с правом передать его по наследству одному из ваших детей.

Итак, прошли годы. После подавления мятежа о вас не было ни слуху ни духу. Я много раз пытался разыскать ваши следы, но все ниточки резко обрывались. Никто не мог сказать, живы вы или погибли. Я догадывался, что его величество со своей стороны тоже предпринимает розыски, но, поскольку мне нечего было ему сообщить, я его не беспокоил. Однако надо заметить, что королевские драгуны, которым было поручено силой заставить лиц протестантского вероисповедания отречься от своей веры, были выведены из Пуату, что позволяет быстрее восстановить местность, разоренные войной.

- Стало быть, мой мятеж не имел катастрофических последствий для моей несчастной провинции?

- Нет... Это точно. Вам она обязана возможностью дышать и избавлением от преследований по религиозным мотивам. Все эти годы король следил за Пуату, словно надеясь, что его снисходительность заставит вас выйти из леса...

И наконец, в январе этого года, я получил от короля распоряжение срочно прибыть в Версаль.

- И вы, как и раньше, сели на своего мула?

- На другого, но такого же крепкого... Нет! На сей раз его величество прислал за мною карету, дабы я мог скакать галопом и предстал перед ним как можно скорее. Едва я приехал в Версаль, как меня прямо в дорожной одежде провели в его личный кабинет. Я с порога заметил, что его черты словно освещает какой-то

внутренний свет. «Я знаю, где она, – сказал он мне. – Она в Канаде».

Я так понял, что эти сведения он получил от своей полиции, и скорее всего, от этого Франсуа Дегре, которого вы немного знали. Короля несколько не заботило, откуда у этого ловкого заместителя господина Ла Рейни взялись такие данные. Теперь он наконец знал, что вы живы и он сможет вас увидеть, а ведь за долгие годы это стало его навязчивой идеей. Он достал из потайного ящика свое старое письмо, по-прежнему запечатанное, и сказал: «С тех пор как я посылал ей это письмо в первый раз, ничего не изменилось...»

Я должен был отправиться к вам с первым же кораблем, который отплывет в Америку, и тайно вручить вам это письмо. И я начал готовиться. Я предпочел не садиться на тот корабль, который вез официальную почту, поскольку боялся, что офицеры лейб-гвардии или чиновники, которые ее сопровождают, узнают меня, вспомнив, что видели меня в коридорах королевского дворца.

И я решил сесть на корабль в Онфлере. Мой корабль немного задержался из-за того, что на пути нам попались льды, и нам пришлось отклониться от курса, чтобы их обогнуть.

– Но... – сказала Анжелика, в душе которой бурлили самые разноречивые чувства, – признаюсь вам, что меня в этом деле кое-что неприятно поражает... Я тронута тем, что король сохранил в своей душе страсть ко мне, но он, похоже, забыл, что я замужем... замужем за господином де Пейраком... Похоже, он уверен, что, вернувшись во Францию, я тут же паду в его объятия... Да за кого он себя принимает?

– Он принимает себя за короля, сударыня, – мягко отвечал Молин.

– Он хоть понимает, что я собой представляю? Ведь из всех его подданных именно я нанесла ему самые

тяжелые удары... и, быть может, не последние...

Говоря об этом, она куда меньше думала о своем мятеже, чем о письме, которое она послала Дегре и из которого король в один прекрасный день узнает, что его дорогая фаворитка, прекрасная Атенаис де Монтеспан, – преступница и злая ведьма.

– Он должен бы меня остерегаться... Разве он не понимает, на что я способна?

– Понимает... Но и это одна из причин, почему вы остаетесь в его сердце одновременно и мучением и радостью, от которой он не хочет и не может отказаться. Он не сумел вас сломить, и из этой мучки у него родилась надежда вас приручить... Он хочет осыпать вас милостями. Он возвращает вам ваши титулы, ваши земли, он прощает и вас, и вашего супруга, и все это в надежде, что вы станете к нему хотя бы терпимее и признательнее, что он сможет хотя бы на расстоянии вызвать улыбку на вашем лице, что обида на него, которую вы таите в вашем сердце, уступит место дружескому расположению. Если бы вы видели его шесть лет назад, когда я впервые приехал в Версаль, привезя ему ваше письмо о капитуляции, и он думал, что уже скоро вы будете рядом с ним, вы бы поняли, что для него, повелителя всего и вся, вы являетесь... как бы это выразиться? – спасением! Посыпая песком это послание, которое вы сейчас держите в руках, он все повторял, как совсем молодой влюбленный, которого терзает тревога: «Ведь вы ей скажете, господин Молин, ведь вы ей скажете, не правда ли, что Версаль так красив!»

У Анжелики перехватило горло.

Так как король уже очень давно был на троне, все забывали, что этому блестящему государю, на которого давил тяжкий груз ответственности, как бы символизируемый его тяжелой длинной парадной мантией из голубого бархата, расшитого золотыми цветками лилии, с воротником и подкладкой из шкурок

горностая, и высоким париком, подчеркивающим его величие, не было еще и сорока лет. Он помолодеет, только если она вернется.

- Версаль очень красив, ведь верно? - спросила она у Молина.

- Его величество принимал меня в своем кабинете, и я не очень-то разбираюсь в деталях, но... Версаль и правда очень красив.

Для вас, моя красавица, я сотворил чудеса.

Герцог де Вивонн дал ей это понять. В последние годы образ Анжелики стоял перед глазами короля, когда он заказывал Кузевоксу мраморные статуи, Леброну - картины и фрески и вместе с Ленотром рассматривал эскизы парка с его тысячами и тысячами цветов.

- О боги! Ну почему, почему он все еще любит меня?

- Этот вопрос кажется мне совершенно праздным, сударыня... Особенно когда находишься рядом с вами. Когда глядишь на вас, постоянство чувств короля кажется вполне естественным.

- Молин, вы говорите комплименты, как какой-нибудь придворный щеголь! Раньше вы не отличались подобными талантами.

- Верно. Но с возрастом я стал позволять себе украшать свою некогда скупую и строгую речь некоторыми фантазиями...

- Мой дорогой Молин!.. - Она посмотрела на него с нежностью.

Молин отвел глаза. Обычно его не трогали ни нежные взгляды, ни вообще что бы то ни было.

Но как он только что сказал, с возрастом он стал позволять себе некоторые фантазии.

- Говорят, у короля новая любовница? - спросила Анжелика. - Маркиза де Ментенон.

Молин усмехнулся:

- Это страдания, причиненные ему вашим бунтом и вашим исчезновением, подтолкнули его к скромным и сдержанным чарам этой дамы, с которой он не может позволить себе никаких вольностей. Она хоть и очень красива, но серьезна, и она прекрасная воспитательница для его детей. Рядом с нею он отдыхает. К тому же она когда-то знала вас, и он пытается разузнать у нее какие-то истории из вашего прошлого. Но, несмотря на всю приятность этой связи, совершенно, впрочем, платонической и являющейся для него просто отдушиной в его утомительном существовании, слишком регламентированном и проходящем у всех на виду, как будто он открытый всем взглядам идол или актер на ярмарочных подмостках, я бы невысоко оценил шансы госпожи де Ментенон, если при дворе появитесь вы.

Закончив эту короткую речь, Молин сложил обратно в сумку все свои бумаги, кроме одной, в которую заглянул, не надев при этом очков.

- Ну, с этим, кажется, все, - сказал он. - После того как я поговорю с вами, сударыня, мне надо будет испросить аудиенции у господина губернатора, чтобы наедине сообщить ему, насколько его величество доволен той ловкостью, с которой он провел переговоры о сближении Новой Франции с господином де Пейраком, и тем теплым приемом, который он вам оказал. Короче говоря, господин де Фронтенак поставил на верную карту и выиграл.

- Я за него рада.

- Что до вас, сударыня, то вы можете сей же час назвать имена тех особ, которых вы бы хотели убрать как со своей дороги, так и с дороги господина де Пейрака, вашей семьи и даже ваших друзей - так здесь и написано, - как представляющих для вас опасность, поскольку они пытались причинить вам вред или могли бы причинить его в будущем, - и они будут тут же лишены такой возможности. Это будет оформлено в

виде решения губернатора, принятого им единолично, без консультаций с членами Совета, об аресте таких особ и даже об их осуждении, если совершенное ими преступление достаточно серьезно, будь они частными лицами, государственными служащими или лицами духовного звания, причем в расчет не будут приниматься даже соображения государственной целесообразности. Только назовите мне их имена – и ваши враги будут тотчас же наказаны.

– Неужели у вас есть такие полномочия?

– Да, мне дал их король.

– Вам, протестанту?

– Когда речь идет о пользе дела, наш король не слишком обращает внимание на общественное положение или религиозные взгляды того, кто кажется ему наиболее пригодным для осуществления его целей. Он имел случай оценить мои достоинства при самых мучительных для него обстоятельствах, когда речь шла о том, что ему дороже – или почти дороже, – чем даже его скипетр, то есть о вас. Он знает, что я ему предан и что я лучше, чем кто-либо другой, смогу защитить перед вами его интересы, потому что ему известно, что вы охотно меня слушаете, как отца, который умеет разговаривать с трудным ребенком на понятном тому языке. Он снизошел до того, что даже сказал мне: «Господин Молин, эта молодая женщина – самая строптивая из всех, с кем я имел дело за все годы моего правления. Однако ее нельзя назвать и меднолобой упряницей. Причины, которые заставляют ее противиться мне, для меня темны и непонятны. Только вы можете убедить ее в искренности моей страсти. Я хочу, чтобы она поняла, что моя милость навсегда оградит ее и ее близких от всех несчастий и невзгод. Если она не согласится на большее, я смогу удовольствоваться просто счастьем видеть ее, знать, что она придет, каждый день ожидать радости,

доставляемой мне ее красотой, всегда ошеломляющей и подчеркнутой неожиданным, но неизменно безупречным вкусом, с которым она выбирает свои наряды. Я удовольствуюсь прогулками с нею по моим паркам и садам и иногда – беседами о различных предметах, которые возбуждают наш интерес: о политике, о войне или о торговле, ибо она очень умна и ее суждения всегда тонки и точны, – удовольствуюсь тем, что буду слышать ее смех и находчивые ответы, произнесенные ее мелодичным голосом... Вы скажете ей это, господин Молин, и вы ее уговорите.

Вот какие слова сказал мне его величество король. Вы меня спросите, сударыня, как я, гугенот и скромный провинциальный управляющий, могу обладать властью, которая позволит мне отдать губернатору Новой Франции приказ арестовать или уволить всех, кого вы мне назовете. А все дело в том, что эта власть теперь принадлежит вам. Его величество хочет, чтобы вы поняли, что отныне вы, сударыня, всемогущи.

Анжелика несколько раз провела пальцами по лбу, убирая с него волосы, как будто чувствовала потребность отодвинуть некую завесу, мешающую ей видеть предметы ясно.

Она была слегка подавлена такой лавиной почестей. Встав с кресла, она, сцепив руки, прошла по комнате.

– Молин, Молин! Что же мне делать?

– Только вы можете это решить, сударыня. Вы сами хозяйка своей судьбы.

– Молин, вы всегда давали мне советы, и мое доверие к вам неизменно. Я доверяю вам, потому что мне кажется... что мы с вами думаем одинаково. Молин, что мне делать?

Но эконо, чуть заметно улыбнувшись, ушел от прямого ответа:

– Думаю, вы хорошо расслышали, что я вам сказал, сударыня: только вы можете это решить. Потому что

только вам известно, как вы хотите распорядиться своей жизнью, что для вас важно и ценно, каких целей вы хотите добиться и чем готовы пожертвовать, чтобы их достичь. Вы уже не ребенок, и те жестокие сражения, которыми вы командовали как военачальник, научили вас искусству стратегии, а оно, как известно, состоит в том, чтобы заранее проиграть в воображении все элементы битвы, представить себе все потенциальные препятствия на пути к победе, предвидеть наихудший исход, дабы его избежать, а также соизмерить возможный выигрыш от победы с ценой, которую вам придется за нее заплатить, и на основании всего этого решить, ввязываться в драку или нет. Нельзя также забывать, что некоторые возможности откроются вам только на месте, что случай – большой шутник и насмешник – любит вмешиваться решительно во все, но иногда на него не грех и положиться, ведь это и называется риском.

– При условии, что речь не идет об утопии.

Сможет ли она приноровиться к жизни при дворе, блистательной и великолепной, но требующей напряжения всех сил и ежесекундного внимания? Чтобы король тебя заметил, нужно было всегда напрягаться. Жизнь при дворе потребует всего их времени. Она представила себе их встречу в Версале, ее и короля: вот король смотрит на нее и весь двор замирает, ожидая, что они скажут друг другу. Где тогда будет Жоффрей? Жоффрей, стоящий перед королем, который желает ее, его жену! И она почувствовала, как рядом с нею разверзается пустота, как будто из-за нетерпимости монарха Жоффрей снова стерт, выброшен из ее жизни, как будто он снова исчез.

– Молин, вы хорошо знаете их обоих; можете ли вы представить себе господина де Пейрака рядом с королем? Мой муж добился всего сам, он отчаянно сражался собственным оружием, не прося помощи ни у

кого. Он никогда не умолял, не унижался, и, как бы низко он ни падал, он всегда в конце концов оказывался наверху, выше всех остальных. Он перед этим королем!

– Королем, который изрек: «Мне кажется, что когда кто-то добивается славы без моей помощи, он отбирает ее у меня!»

Анжелика вздрогнула.

– Я понимаю, – молвила она. – Король изменился.

Власть портит человека. Несмотря на присущее ему чувство справедливости, стремление к добру и подлинное величие натуры, он стал всемогущим королем, который больше никогда не склонится перед чужой волей. Когда-то он это сделал, юноша, охваченный пламенем большой любви, в которой он в двадцать лет поклялся прелестной племяннице кардинала Мазарини, Марии Манчини. Но безжалостный министр все это разрушил. Кардинал вовсе не хотел, чтобы его безрассудная племянница стала королевой, и быстро усматривая ее прочь. Мазарини, защищавший маленького короля во время его несовершеннолетия, считал, что он станет великим государем, а раз так, то ради государственных интересов он должен жениться на принцессе королевской крови и таким образом укрепить союзные связи королевства.

Проливая слезы, молодой Людовик склонился перед государственными интересами.

Но теперь он этого не сделает.

Он вновь был во власти любви, которая, подобно философскому камню, превращала его однообразную, полную тяжелой ответственности жизнь в чистое золото, и он не мог от нее отказаться, так как разучился в чем-либо себе отказывать.

Он утратил даже представление о том, как можно себе в чем-то отказать. Он желал, чтобы все без изъятия склонялось перед его волей и никто не ставил под сомнение обязательность ее исполнения. Он был

подобен заблокированному штурвалу, заставляющему корабль неукоснительно двигаться только в одном направлении.

Пойдя на то, что он рассматривал как уступки, которые немало ему стоили, он считал, что все прочие должны искать решения неразрешимых конфликтов и устранять препятствия, мешающие исполнению его воли, даже если это означает полный отказ от их собственной воли и самых что ни на есть законных желаний.

И он бы удивился, если бы ему сказали, что это тирания.

Он просто не видел иного пути, ибо был совершенно уверен, что если он чего-либо требует или принимает какое-либо решение, то делает это во благо.

Разве не так давно он не объявил себя королем по «Божественному праву», то есть правителем, назначенным самим Богом, дабы, как библейские пророки, вести народы? А раз так, то ему, по его мнению, должны были внимать так, словно его устами глаголет сам Создатель, справедливый и благой.

- Молин, - прошептала Анжелика, - как вы думаете, короля еще можно спасти?

Старый эконом поднял одну бровь и ничего не ответил.

А что же во Франции станет с Онориной? Анжелика увидела, как та тихо играет у камина, и подошла к ней.

Девочка увидела, что к ней подходит мать, и встала с пола. Анжелика взяла ее за руки. Обстановка, окружающая их, была проста. Теплые камни перед камином, угли, потрескивающие под кипящим котелком, блестящая кухонная утварь, висящая над очагом.

Что ей делать с Онориной, Онориной с ее нежным сердечком, Онориной, которая, подобно средневековым рыцарям, мечтает о том, чтобы силой оружия сражать

злодеев, и страдает оттого, что она всего лишь слабая девочка?

Но на то и мать, чтобы быть рядом и, когда надо, помогать дочке своей силой, мать, не побоявшаяся выйти во время снежной бури на улицу, чтобы перекусить цепь бедной собаки и спасти ее от мученической смерти. Дочь никогда не забудет мать, способную на такое, делающую то, в чем взрослые вечно отказывают детям.

Держась за руки, они смотрели друг на друга, глаза в глаза, и, глядя на них, старый Молин еще раз порадовался тому, что он все-таки приехал в Канаду, сумев отделаться от докучных субъектов, предрекавших ему кораблекрушение или захват его корабля пиратами. Его родные тоже пытались отговорить его от поездки, разве что не хватая его за фалды: «В вашем-то возрасте! Да вы с ума сошли! Шутка ли – переплыть океан!» Это твердили его дочь, зять, сын, невестка, весь многочисленный выводок их детей и старая гувернантка, которая вела в его семье хозяйство после того, как умерла его жена. А он всем им отвечал: «Ничего не поделаешь, королевская служба!»

Ему за семьдесят – в этом возрасте все только начинается. Выбора нет: либо катишься вниз напрямик в могилу, либо рождаешься заново...

Анжелика вновь подошла к нему, держа за руку свою дочь:

– Представляю вам мою дочь Онорину де Пейрак.

Она опять села напротив него и, опустив глаза, стала гладить длинные медно-рыжие волосы девочки, ниспадающие из-под ее вышитого зеленого чепчика.

Молин не произнес ни слова, он оценивал возраст ребенка.

Онорина облокотилась о колено матери и, поддерживая рукой подбородок, зорко разглядывала гостя.

- А у меня есть лук и стрелы, - сообщила она ему.
- Поздравляю вас, барышня.
- Мой отец - большой военачальник.
- Ваша мать тоже командовала войском. Я был свидетелем ее подвигов.

- Я знаю, - с заговорщицкой улыбкой сказала Онорина и прижалась щекой к руке Анжелики. После спасения собаки в ней произошла перемена.

- Какой же ответ дать вам, Молин? - прошептала Анжелика, прижимая к себе дочь. - Вчера я чуть с ума не сошла от радости. Мы с мужем строили планы возвращения. А теперь я не знаю, что делать. Мне кажется, что нас заманивают в ловушку. Простите мне мои колебания. Вы проделали такой долгий путь, и я упрекаю себя в том, что вы можете вернуться домой с чувством, что ваша миссия провалилась.

- Узнаю вашу природную совестливость, сударыня. Но из-за меня не тревожьтесь: эта заморская миссия прилась мне как раз кстати, ведь я намерен перебраться в Америку насовсем. Поручение короля позволило мне пересечь океан за его счет, а обратно я не собираюсь. Как только ваши корабли возьмут курс на Европу, я сочту свою миссию завершенной и отправлюсь на поиски такого места в Новом Свете, где мне захочется поселиться.

Анжелика уставилась на него с изумлением:

- Вы хотите остаться в Америке, вы, Молин? Но разве вы только что не сказали мне, что в Пуату сейчас все спокойно и ваши дела идут как нельзя лучше?

- Так-то оно так... Скажу больше: благодаря странному стечению обстоятельств они никогда еще не шли так хорошо. Но я протестант, а король собирается отменить Нантский эдикт...

Глава IV

- Отменить Нантский эдикт! - воскликнула Анжелика. - Эдикт, который дает возможность протестантам исповедовать свою религию, пользуясь такими же гражданскими правами, как и католики? Король Генрих Четвертый, дед нашего нынешнего государя, издал его, чтобы все французы, будь они католики или гугеноты, чувствовали себя одинаково, то есть как равноправные подданные одного и того же короля!

- Эдикт будет отменен, - повторил Молин. - Иезуиты убедили короля, что во Франции не осталось протестантов, потому что все они якобы обращены в католицизм.

- Но нельзя же так просто отменить эдикт! Это было бы преступлением. И парламент, хотя он и покорен воле короля и большинство в нем составляют католики, ни за что на это не согласится.

- Возможно, отмена эдикта произойдет не без труда и не завтра, но она состоится. И тогда французы протестантского вероисповедания в своей собственной стране почувствуют себя изгоями, хуже зачумленных или прокаженных. Их дети станут незаконнорожденными, так как их пасторы более не будут иметь полномочий от государства на регистрацию браков и рождений.

- Это невозможно! - вскричала Анжелика. - Король не может этого сделать. Он не может так поступить со своим дедом.

Это чисто женское восклицание вызвало у Молина чуть заметную улыбку.

- Да! - вторя Анжелике, произнес тоненький голосок Онорины. - Если он так поступит со своим дедушкой, я

его убью...

Старый протестант покачал головой. Сильным мира сего нет дела до нежных женских сердец, до их порядочности и чувства чести, которые часто принимают за глупость.

Король Людовик XIV предаст своего деда Генриха IV, лучшего короля, который когда-либо всходил на французский трон.

Этот истинно человеческий король, стремящийся к миру и примирению, издал этот эдикт, дабы прекратить кровопролитные Религиозные войны. Но фанатизм и стремление к насилию оказались сильнее его мудрости. Его сердце было пронзено кинжалом Равальяка, который, как поговаривали, был всего лишь послушным орудием в руках иезуитов. И его знаменитый эдикт применялся с грехом пополам всего лишь менее девяноста лет. Теперь Франция вновь начала терять свою кровь: изгоняемые из городов и деревень, протестанты уходили в леса, переходили сухопутные границы или плыли к чужим берегам, чтобы предложить соседним государствам или дальним землям свои силы, свои дарования и будущее своих еще не рожденных детей.

- Я стар, - сказал Молин, - но жизнь еще не утратила для меня своей привлекательности и интереса. Я могу прожить свои последние годы деятельно и с пользой, и мне вовсе не хочется вместо этого гнить в тюрьме или получать пинки и удары палкой под крики: «Отрекись!..» Или оказаться на королевских галерах, где мое бедное тело долго не протянет... И главное, я не хочу, чтобы мои дети и внуки в своей собственной стране влачили жалкое существование, которое обещает им отмена Нантского эдикта. Во Франции они всю свою жизнь будут несчастны и угнетены: либо они будут мучиться из-за нечистой совести, потому что отреклись от своей веры, либо вопреки опасностям попытаются покинуть

страну, что окажется почти невозможным, ибо все границы закроются и будут охраняться. Уже сейчас всех французских реформатов, едущих в Женеву, арестовывают и без суда и следствия бросают в тюрьму.

Из-за того что когда-то управляющий Молин заботился о ней и ее братьях и сестрах, словно они были его собственными подопечными, Анжелика вечно забывала, что у него тоже есть дети, семья. Сейчас она вспомнила мальчика и девочку, маленьких бледных гугенотов, очень скучных, с которыми невозможно было играть ни во что интересное.

- Мои дети пытались убедить меня, что я всего-навсего старый пессимист, что несправедливость никогда не восторжествует и что они в любом случае сумеют выйти из положения. Глупости! Игра зашла слишком далеко, игроки вошли в раж, и пути назад больше нет. И поскольку я еще жив и являюсь главой своей семьи, я отдал соответствующие распоряжения. Выданное мне королем разрешение на свободный въезд и выезд и та поддержка, которую он мне пока что оказывает, позволили мне перевести свои активы через Голландию в Америку. Кроме того, я велел своим родным небольшими группами под предлогом посещения родственников уехать в Ла-Рошель.

- В Ла-Рошель? Но разве это благоразумно? Ведь в этом городе за гугенотами наблюдают особенно зорко.

- Смотри когда. В настоящее время там царят неразбериха, разброд и шатание. Да, на протяжении нескольких лет там орудовала компания ревностных чиновников и священников, изо всех сил старавшаяся обратить моих единоверцев в католицизм и делавшая их жизнь невыносимой. Затем внезапно тамошних протестантов оставили в покое, а городским иезуитам велели заниматься только учениками своих коллегей и кающимися грешниками. Такой случай упустить нельзя. В Америку плавают корабли из портов Брауж и Сабль-

д'Олон, расположенных к северу от Ла-Рошели. Большинство населения прибрежных поселков там составляют протестанты, и, когда в одной из этих небольших гаваней в очередной раз бросит якорь голландский корабль, моя семья и другие семьи наших единоверцев смогут беспрепятственно взойти на борт и отплыть в Новый Свет.

- А в какое место в Америке вы велели им направиться? Новая Франция для них закрыта. Законы против кальвинистов исполняются здесь еще неукоснительнее, чем во Франции. В этом вопросе монсеньор де Лаваль очень строг, да и все члены Высшего совета тоже. Случается даже, что матросам-протестантам из экипажей некоторых кораблей здешние власти запрещают сходить на берег.

- Я знаю об этих притеснениях. Поэтому я рад, что пропуск, выданный мне королем, позволяет мне в первый и последний раз свободно прогуляться по улицам этой очаровательной столицы нашей американской колонии.

- К несчастью, здесь у протестантов нет ни шанса. Иногда некоторых переселенцев, особенно неженатых молодых людей, которые, как кажется здешним властям, сели на корабль, чтобы от чего-то убежать, заподозривают в том, что они принадлежат к реформатскому вероисповеданию. Если чиновники в этом убеждены, то такого переселенца заставят немедленно отречься от своей веры, а если он не соглашается, его выставляют у позорного столба, сажают в тюрьму, а затем первым же кораблем отправляют обратно во Францию на самом дне трюма. Но большинство протестантов, попавших в Новую Францию, сбегают в лес и так, по лесам, перебираются в Новую Англию.

- Именно так я и намерен поступить, но не сбегая в лес. Я веду переписку с протестантами-французами,

обосновавшись в Нью-Йорке. Этот город, который раньше принадлежал голландцам и назывался Новым Амстердамом, открыт для людей всех вероисповеданий. Как только мое поручение, касающееся вас, будет выполнено, я опять сяду на корабль. Я разузнал подходящий маршрут. Я попрошу, чтобы меня высадили на берег на восточном побережье Канады, оттуда, переходя с корабля на корабль, доберусь до Массачусетса, а оттуда по суше – в Нью-Йорк.

– Молин, это долгое и тяжелое путешествие по землям, которые почти безлюдны. Мы хорошо их знаем, потому что у нас там есть поселения. Подождите, когда мы отправимся обратно в Голдсборо, наш порт приписки на побережье Мэна. Мы возьмем вас с собой, и в Голдсборо вы сможете встретиться со своими единовверцами из Ла-Рошели, которые превратили это поселение в цветущий торговый город. А затем одно из наших судов отвезет вас в Бостон или сразу в Нью-Йорк.

Она вдруг осознала, что своими невзначай вырвавшимися словами только что дала Молину ответ относительно своего решения: нет, она не вернется во Францию.

Глава V

На несколько мгновений она застыла в нерешительности, словно унесясь мыслями далеко-далеко. Усилием воли она не дала себе выдать охватившего ее смятения и высказать вслух тоску по родине, по милой Франции, которая терзала ее душу.

«Ты никогда более не увидишь королевства! Не увидишь ни красот Версаля, ни лесов и полей твоего детства, ни замка Плесси-Бельер, глядящегося в гладь пруда... Но нет, это невозможно, Жоффрей должен вернуться, чтобы вновь вступить во владение своими поместьями... И нас ждет король, он не потерпит нашего пренебрежения его милостями, тем более что они так велики... О Молин, что же мне делать?»

Она сдержалась и не произнесла вслух этот смятенный вопрос, на который он уже дал ответ. Ответила на него и она. Разве она только что не сказала: «Мы отправимся обратно в Голдсборо... А затем одно из наших судов отвезет вас в Бостон или сразу в Нью-Йорк», тем самым подтвердив решение, которое она уже приняла? Но это означало одно: «Прощай! Прощай навек, наша родина, милая Франция... О Молин, что же мне делать?»

Управляющего Молина, похоже, не заботила буря, бушующая в сердце Анжелики. Он опять открыл стоящую у его ног большую ковровую сумку и, наклонившись, стал в ней рыться.

– Что ты ищешь в твоей большой сумке? – спросила Онорина, следившая за ним с неослабевающим интересом. Девочка всегда испытывала искреннюю симпатию к старикам, так что было неудивительно, что Молин, с его пуританской чинностью, с его не лишенной

дерзости мудростью и немного чопорной почтительностью, сразу же ей понравился.

- Я ищу предмет, который я привез вашей матушке, барышня, - отвечал он, - но готов биться об заклад, что он заинтересует также и вас.

Он выпрямился, держа в руках что-то тщательно завернутое в пропитанный камедью и зашитый холст. Когда он разрезал нитки лезвием маленького ножика, оказалось, что предмет завернут еще и в мягкую кожу. Он развернул ее и протянул Анжелике маленькую овальную шкатулку с выпуклой закругленной крышкой.

- О! - воскликнула она. - Моя шкатулка с сокровищами!

Поставив ее себе на колени, она гладила ее тисненую кожу, ее вставленный в замочек позолоченный ключик, а Молин тем временем объяснял, что, когда по возвращении из Версаля он нашел на месте замка Плесси лишь дымящиеся руины, одно крыло все-таки уцелело и было почти не тронуту огнем. К счастью, именно там находилась спальня хозяйки замка. Он решил, что до полного восстановления замка безделушки и мебель из этой комнаты и этого крыла будут храниться в его собственном доме. Эти два предмета - и он показал на прислоненный к стене рулон, - которые, вероятно, ценны для нее, так как связаны с дорогими ее сердцу воспоминаниями, он решил взять с собою, когда у него появилась возможность повидаться с нею в Америке.

- Моя шкатулка с сокровищами!

Под жадным взглядом Онорины Анжелика открыла ее крышку. Все предметы, знаменующие собою вехи ее жизни, были на месте. Между пером Грязного Поэта и кинжалом Родогона-цыгана она увидела кольцо с бирюзой, которое ей подарил Бахтияр-бей, и маленький черный комочек - кусочек мумие старого Савари. Быть может, именно из-за этого мумие, минерального

субстрата, священного средства персов, от шкатулки исходил слабый запах увядания, запах смерти. Находящиеся в ней предметы трогали ее сердце, но, вынимая и рассматривая их один за другим, она вдруг почувствовала, что перебирать их ей уже не больно. Они более не вызывали у нее ни сожаления, ни угрызений совести и не причиняли ей душевных мук. Какими бы драматическими или великолепными ни были образы, которые они пробуждали в ее памяти, эти образы трогали ее теперь только как напоминание о том, что более не причиняло ей страданий, о том, что стало просто прошлой жизнью. Жизнью, в которой были свои радости и невзгоды, но которая осталась в прошлом.

И если минувшее утратило для нее какую-то часть своего таинственного очарования, то силы ее, словно освобожденные от тяжелого бремени, казалось, обновились для настоящего.

«Вот видишь, – казалось, кротко говорили ей предметы из ее прошлого, – все как-то устраивается, ты переживаешь все напасти, и на самом деле ничто не бывает таким ужасным и непреодолимым, как тебе кажется».

– Спасибо, Молин, – молвила она с улыбкой.

Она радовалась, что может показать свою знаменитую шкатулку с сокровищами Онорине; она подарит дочери эту мифическую шкатулку, наконец-то найденную, и та будет на седьмом небе от счастья, будет считать, что достигла предела мечтаний, и начнет передвигаться не иначе как с двумя шкатулками под мышками: матери и своей.

– А это что такое? – спросила заинтригованная Анжелика, глядя, как Молин берет свой рулон и разрезает нитки, которыми была защита его непромокаемая обертка. Это было живописное полотно, которое старый экономайер развернул, затем, встав со

своего кресла, поставил на край консоли, чтобы на него можно было смотреть издали.

Яркие краски картины были явственно видны в сумраке маленькой гостиной. Анжелика узнала ее – это был портрет ее троих сыновей, который она заказала своему брату, художнику Гонтрану, когда жила в Париже. На портрете были изображены одетый в красное десяти- или одиннадцатилетний Флоримон, Кантор, которого Гонтран нарисовал по памяти, так как к тому времени он, маленький паж адмирала королевских галер герцога де Вивонна, уже пропал на Средиземном море, и между ними – Шарль-Анри, сын Анжелики от ее второго мужа Филиппа дю Плесси-Бельера. Двухлетний малыш, в белом платьице, с ниспадающими из-под вышитого чепчика белокурыми кудрями, стоял на обшитой гобеленовой тканью подушке, протягивая пухленькие ручки, чтобы коснуться своих единоутробных братьев, словно желая увериться, что они действительно рядом, а они нежно ему улыбались. Шарль-Анри, малыш, который погибнет в возрасте четырех лет от роду, когда ему перережут горло королевские солдаты.

Она подумала, что любила его меньше своих других сыновей, вернее, у нее просто не было на него времени. Тогда все ее время занимал король и придворные празднества, а ее ребенок жил в провинции со своей няней Барбой. Затем, когда она оказалась в ссылке в своем замке Плесси и преследуемые гугеноты Пуату искали у нее защиты, ко всем ее прочим страхам прибавился и страх за него. К тому же он напоминал ей о ее втором браке – браке, который она заключила, чтобы оказаться при дворе, хотя ее первый муж и единственная любовь был жив, но она этого не знала...

Его беззащитность напоминала ей о ее собственной беззащитности перед гневом короля и о том, что именно

она в ответе за все те беды, которые свалились на его невинную головку.

«Осторожнее с лебедем, малыш!» Это случилось в тот день, когда она из окна замка увидела его у пруда. Он смотрел на подплывающего к нему лебедя, который был явно чем-то разозлен. Она тогда вихрем промчалась вниз по лестнице и пустилась бежать к пруду, боясь, что птица бросится на ребенка и он упадет в воду.

«Осторожнее с лебедем, малыш!»

Она взяла его за пухленькую ручку и увела прочь от пруда. Они вместе поднялись по лестнице в замок. Она поговорила с ним, советуя впредь быть осторожнее, и он, семеня рядом с нею, своим мелодичным голосом ответил:

- Да, матушка! Да, матушка!

В тот день она почувствовала, что он действительно ее сын. Он вошел в ее сердце, бедный малыш, и она поняла, что испытывает, глядя на него, тягостное чувство, потому что боится за это дитя Филиппа и в глубине души оплакивает его печальную участь.

И тогда она написала королю, обещая ему повиновение; она писала, что готова на все, лишь бы он избавил ее и ее сыновей от бесчинств армии, которая творила что хотела, в ее гонимой провинции Пуату. Она отдала это письмо Молину, а он сел на своего мула и, несмотря на небезопасные дороги, отправился в сторону Парижа, чтобы отвезти ее послание в Версаль.

Но на следующую же ночь случилось непоправимое. Драгуны во главе с огромным страшным Монтадуром ворвались в замок Плесси-Бельер, убивая, насилуя, поджигая... И маленький Шарль-Анри был убит на руках своей няни, драгуны короля перерезали ему горло.

* * *

Так что не все кончается хорошо. Прежде чем что-либо тебе дать, жизнь взимает с тебя свою дань. Смерть ребенка – это незаживающая рана в твоём сердце, рана, которая не перестанет болеть, даже если о ней кому-то рассказать. «Это был мой сын... Каким бы ты стал, малыш, если бы тебе не перерезали горло?»

Молин тоже смотрел на ребенка в белом платице.

– Я решил привезти вам эту картину, – сказал он, – потому что это единственное изображение последнего из Плесси-Бельеров, потомка рода, происходившего от Уда Третьего, который участвовал вместе с Людовиком Святым в Седьмом крестовом походе. Я просто не мог не привезти вам этот портрет.

Их взгляды встретились, и оба замолчали.

– Вы же понимаете, Молин, – сказала она наконец. – Вы же понимаете, что я не могу отправиться к королю. Это невозможно! Так же невозможно, как для вас отречься от своей веры...

Рядом с ними кто-то кашлянул.

– Я подумала, что, может быть, почтенный пожилой господин захочет, чтобы ему подали какой-нибудь напиток, – послышался голос Сюзанны. – В нашем краю всегда так хочется пить...

Словно пробудившись ото сна, они воззрились на приветливую молодую канадку, которая, улыбаясь, стояла перед ними.

Сюзанна присела в неглубоком реверансе.

– О да, ты совершенно права! – воскликнула Анжелика. – Господин Молин, как же дурно я вас приняла! Но, увидев вас, я так разволновалась и забыла, что вы только что проделали утомительное путешествие и что мы в Канаде, а не в Плесси и не в Монтелу, в двух шагах от вашего дома.

– Подать вам вина? – спросила Сюзанна. – Или, может быть, водки или сидра Банистера или пива из пивоварни господина Карлона?

- Нет, ничего из этого не нужно, - отказался старый путешественник. - Я хочу жить здоровым. Я бы выпил яблочного напитка, разбавленного водой.

Сюзанна спустилась в погреб, чтобы принести кувшин ячменного пива.

Анжелика и Молин продолжали смотреть на портрет троих детей Анжелики, написанный ее братом Гонтраном де Сансе де Монтелу.

- Ваш брат был великий художник, - вновь заговорил Молин голосом по-прежнему ясным, но немного приглушенным и скрипучим. - По странному и несчастливому случаю он родился в дворянской семье и был от рождения предназначен либо для карьеры военного, либо для службы королю, а не для того, чтобы растирать краски.

Если бы он был моим сыном, он сделал бы блестящую карьеру. Он бы стал помощником господина Лебрена, который сам является сыном ремесленника.

Но барон, ваш отец, был беден, а ваш брат взбунтовался. Ему, отпрыску знатной семьи, ведущей свой род от первых капетингских королей Иль-де-Франс, пришлось проделать путь в самый низ. Он присоединился к народу, к поработленным, и закончил жизнь на виселице.

Молин несколько раз покачал головой:

- Со всеми вами, детьми барона Армана и кроткой Аделины, было нелегко иметь дело. Такая простая пара, а произвели на свет помет жадных волчат. Кого только не было в этой вашей шайке: свирепые боевые кони, нетерпимые медведи, неукротимые кобылицы... Случается, что через века и поколения квинтэссенция всех особенностей какого-то рода сосредоточивается в членах одной семьи. Вы все были разные, но в каком-то смысле походили друг на друга. Поэтому я и наблюдал за вашим взрослением с интересом, любопытством и восхищением.

- Вы числите Гонтрана среди нетерпимых медведей?

- Да... но он был отмечен богами и умел в живописных образах передать неясные грезы смертных. Поэтому я думаю, что, когда он стоял перед своей палитрой или, взобравшись на леса, писал плафоны в Версале среди своих товарищей художников, он был счастлив.

- А Жослен? Наш старший брат. Он тоже был нетерпимым медведем! Когда ему было шестнадцать лет, он сбежал в Америку...

- Да, его исчезновение вызвало сложности в наследовании поместья вашим братом Дени. Ведь законным наследником по праву старшинства был Жослен, а нам так и не сообщили о его смерти. Поэтому в мои планы в Новом Свете входит также и поиск его следов. Он не мог остаться среди последователей пастора Рошфора, потому что, поскольку он был католиком, ему не было среди них места. Мы, гугеноты, тоже бываем нетерпимы по отношению к тем, у кого другая вера... Вполне возможно, что в Новой Франции живут сейчас его потомки.

- У меня есть на этот счет кое-какие мысли, - сказала Анжелика. - Но я обсужу их с вами позже. Сейчас нам с вами надо уладить еще столько дел. У меня просто голова идет кругом.

Вернулась Сюзанна с кувшином ячменного пива, и они начали вместе пить, меж тем как в открытую дверь гостиной входило солнце.

Глава VI

- Это все? - спросила Анжелика, с подозрением глядя на кажущуюся бездонной сумку, из которой управляющий Молин, точно циркач с Нового моста, доставал для нее хорошее и дурное, могущество и обвинительный приговор, ее детство, ее бунт, вехи ее жизни, катастрофы истории, портрет ее погибшего ребенка, напоминание о ее повешенном брате и о брате, который, возможно, жив и, как и она, живет в Новом Свете.

И он, похоже, еще не закончил. На сей раз он достал из сумки еще одно письмо, более скромного вида, чем письмо короля.

- Это письмо мне передал для вас господин Дегре, заместитель господина Ла Рейни.

Однако Анжелику послание полицейского разочаровало. Чопорным протокольным тоном он сообщал госпоже де Пейрак, что получил отправленные ею распоряжения, доложил о них королю и надеется, что она удовлетворена его усердием и готовностью ей услужить. Результатом его усилий явились письма, которые, как ему известно, придут в Канаду вместе с его строками и в которых содержатся самые благоприятные известия для нее и ее супруга. Его письмо заканчивалось уверениями в его совершенной преданности. Он также писал, что берет на себя смелость засвидетельствовать радость его величества от мысли, что вскоре он увидит ее вновь, радости, к которой он, ревностный слуга милостивого государя, также приложил руку, чем несказанно доволен, и т. п.

Анжелика слегка нахмурила брови. Она была разочарована... Она бы даже нашла, что эти напыщенные фразы отдают тошнотворной лестью, если

бы их преувеличенная почтительность и многословие не выдавали истинных намерений Дегре. Немного поразмыслив, она признала, что не могла ожидать ничего другого от письма чиновника столь высокого ранга, который выступил посредником между королем и той, кого можно было счесть одной из его фавориток, если не ветреной, то по крайней мере ведущей скитальческую жизнь, но наконец образумившейся.

Разве сама она, когда писала ему свое письмо, не выражалась обиняками и намеками, поскольку не могла высказаться прямо?

И она поняла, что жизнь идет, колесо крутится, что дружеские связи развиваются или отмирают. Король изменился, стал более упрямым и непримиримым, Дегре тоже изменился и стал более неприступным. Некогда горячие, пылкие сердца, словно некоторые морские организмы, покрывались все более толстым известковым слоем. Анжелика подумала, что, встретить она Дегре в Версале, он обошелся бы с нею с такой же чопорностью, какая чувствовалась в его письме. Если же в нем осталось немного от прежнего Дегре, возможно, он бы украдкой ей подмигнул, улучив момент, когда они останутся одни и на них не будут направлены взгляды короля, придворных, лакеев, стражников и пажей.

* * *

Молин вновь протянул свой бокал Сюзанне, подошедшей к ним с кувшином в руке:

- Налей-ка мне еще этого напитка, дочка. Он мне очень нравится.

- Может, вы немного поедите, сударь? Вы все обсуждаете важные дела без перерыва. Вы, наверное, устали.

- Вовсе нет! Работа всегда поддерживала мои силы не хуже еды, к тому же хозяйка трактира, где я остановился, угостила меня утром бобовым супом и несколькими видами ветчины, от которых у меня не хватило героизма отказаться. После сухих галет и испорченного сидра, которыми вас потчуют на корабле, подобное раблезианское угощение заставляет вас увериться, что, пристав к землям Америки, вы вновь вернулись в милую Францию, к тому, что у нее получается лучше всего, - к французской еде.

- Вы останетесь у нас в Канаде, сударь? - осведомилась молодая канадка. - Воздух здесь так хорош, а вода до того чудесная, что люди доживают до ста лет!

Седовласый старик, явно деятельный и предприимчивый, пришелся ей по душе.

- Нет, - отвечал Молин, качая головой, - как мне ни прискорбно, деточка, я не могу остаться в Новой Франции.

- Это почему же?

Он грустно улыбнулся:

- Потому что я несу на себе печать первородного греха!

Пока Анжелика медленно складывала послание Дегре, Молин достал из своей бездонной сумки дощечку с проделанным в ней отверстием, в которое он вставил бутылочку чернил. Отвинтив ее пробку, он поставил этот переносной письменный прибор себе на колени, вынул из пенала остро заточенное гусиное перо и, обмакнув его в чернильницу, приготовился писать.

- Забудем о первородном грехе, - сказал он. - Пока что я в Канаде и защищен охранной грамотой, подписанной самим королем и делающей меня особой неприкасаемой. Эта бумага заставит даже самых высокопоставленных папистских чиновников Новой Франции склониться передо мною, одетым в темные

одежды, смешным, по их мнению, гугенотом. А теперь дело за вами, сударыня, поскольку вы – всемогущая возлюбленная государя, которому беспрекословно повинуются все. Воспользуемся же этим.

Он лукаво улыбнулся, как всегда, когда собирался под прикрытием законов подложить кому-нибудь свинью.

– Милостивые приказы его величества останутся в силе вплоть до дальнейших распоряжений. А эти распоряжения придут не скоро. Так что назовите мне ваших врагов, сударыня. Несколько часов – и все они будут освобождены от своих должностей, арестованы и брошены в тюрьму...

Анжелика была застигнута врасплох.

Несколькими неделями раньше она бы назвала Молину имена Сент-Эдма и Бессара, с тем чтобы лишить их возможности причинить ей вред и добиться их высылки обратно во Францию, где они были бы арестованы и посажены в тюрьму. Но они были мертвы, и она догадывалась, что Вивонн подумывает о том, чтобы под покровительством ее и ее мужа вернуться ко двору. Гарро д'Антремон? Но он хороший честный полицейский. А досье Варанжа он закроет и не будет ей больше докучать.

Беранжер-Эме и ее придира-муж? Но разве обязательно им мстить?

Иезуит, который объявил им войну, исчез в глубине лесов, и его заговор против них обернулся пшиком.

«Квебек! Такой милый городок... Если мне захочется вдохнуть воздух Франции, у меня останешься ты...»

Анжелика покачала головой:

– Мне некого вам назвать, Молин. У нас здесь нет врагов – только друзья.

Глава VII

– Ну что ж, хорошо, – с сожалением сказал Молин.

Он закрыл свой пенал, свою чернильницу, затем, положив их обратно в козую сумку, закрыл и ее. Потом начал шарить в карманах жилета и сюртука:

– Ага, вот оно! Еще одно послание, правда не знаю, касается ли оно вас.

И он протянул ей клочок бумаги, засаленный и мятый.

– На пристани Онфлера, когда я готовился сесть на корабль, какой-то жалкий субъект тронул меня за рукав и сказал: «Я знаю, куда вы едете, дедушка. Когда вы ее увидите, передайте это письмо Маркизе Ангелов». Сначала я решил, что он либо пьян, либо попрошайка. Но слова «Маркиза Ангелов» почему-то напомнили мне о вас, и я подумал, что послание, возможно, адресовано вам. Ваша жизнь была полна тайн, и я не могу похвастаться, что знаю все ее перипетии.

– Вы правильно сделали, Молин.

Анжелика протянула руку и взяла записку. Почерк был ей незнаком. Подписи не было.

Она начала читать.

Под мостом Нотр-Дам Плещут зеленые воды Сены. В то утро она поманила тебя, Ты посмотрела на гладь реки И увидела сверкающее отражение Цветов и садов. Ты позабыла, какая черная, Какая зловонная Тина таится на дне, И, чтобы покончить Со своими горестями, Ты мечтала обрести в той постели Вечный покой. Я пришел и обнял тебя И увел от реки, Но помни и познай себя: Чтобы избавить тебя От сна в той постели, Я не всегда буду

рядом.

Стихи были написаны в стиле песенок Грязного Поэта, которые продавались по двадцать су за дюжину и которые папаша Юрлюро и мамаша Юрлюрет горланили на углах улиц, плача и аккомпанируя себе на скрипке.

Если бы она не знала наверняка, что этот поэт парижских трущоб давным-давно мертв, что его повесили на Гревской площади, она готова была бы поклясться, что эти стихи сочинил он. Но если их написал не он, то, стало быть, это был человек, который знал ее под именем Маркизы Ангелов и в то же время был в курсе, зачем Молин едет в Америку.

Имя автора таилось в воспоминаниях о событиях, известных только ей и ему. Кто же это мог быть? Кто заключил ее в объятия... чтобы заставить ее забыть... свои горести, из-за которых она захотела тогда броситься в Сену?

Под мостом Нотр-Дам... Мостом, по которому идет узкая улочка между двумя рядами домов с остроконечными крышами. Кто же жил на мосту Нотр-Дам?

Имя, как молния, вспыхнуло в ее мозгу. ДЕГРЕ!

Однажды из окна своей комнаты она смотрела на Сену, мечтая умереть. Потом пошла к нему, чтобы оставить у него свое завещание. И на свой манер он, этот дьявол-полицейский, вновь подарил ей утраченный было вкус к жизни.

Она улыбнулась.

В своем официальном послании, подписанном его рукой, послании, которое могло быть перехвачено шпионами, он не написал ничего, кроме общих мест. Эти бесцветные фразы ни к чему его не обязывали, из них можно было понять лишь одно: что он знает госпожу де

Пейрак. Эта же анонимная записка была тем самым дружеским подмигиванием, о котором она думала.

Но она была также и предупреждением. И доказательством того, что он вращается в кругах, где никто никому не верит и где кругом ловушки, так что для того, чтобы доставить ей эту записку и тем самым донести до нее свое мнение, ему пришлось прибегнуть к самым отчаянным мерам.

А по его мнению, ей опасно было возвращаться.

В этой записке он напоминал ей, что она вполне может закончить свои дни в Сене... Иными словами, ее жизни угрожает опасность.

Однако он понимал, что искушение вернуться велико.

Отраженье цветов и парков В своих водах она несла И о темной зловонной тине Позабыла в то утро ты...

Это предостережение! Чтобы она знала: она может вернуться, но на свой страх и риск.

Но он сказал ей не «остерегайся!», а «познай себя!».

Он хотел сказать: «Если ты сильна, если тебе все равно, что ты вновь очутишься среди черных ледяных мерзостей двора. Если нынче твои доспехи сделаны из металла, закаленного столь искусно, что ни один из ударов, которые тебе неминуемо нанесут, не сможет ни убить тебя, ни ранить, ни повергнуть в отчаяние, ни лишит радости жизни, как в тот день, когда ты была готова броситься в Сену, чтобы покончить счеты с жизнью. Если ты чувствуешь, что создана, чтобы жить среди цветов и парков, скрывающих столько интриг и опасностей, жить ради блеска, который тебя ждет, если тебе нечего терять, кроме своей жизни, и ты готова к этому, лишь бы оказаться на вершине в лучах славы и

великолепия короля, тогда возвращайся. Но знай, что ты будешь там одна, потому что я, Дегре, не смогу всегда быть рядом с тобой...»

Он хотел, чтобы она поняла, что сам он всего лишь полицейский, с опаской продвигающийся по грязным подземным ходам, где затаились преступники, где его планы могут быть в любой момент разрушены, а жизнь может повиснуть на волоске, что если раньше ему угрожали рапиры бандитов, то теперь ему угрожает яд ведьм, которым он мешает работать, а также другая, менее опасная перспектива – опала и отрешение от дел в результате интриг сильных мира сего, которых он начал беспокоить.

Иными словами, он давал ей понять, что защитить ее ему теперь будет еще труднее, чем прежде. Его положение было очень неустойчивым и сложным. За ним следили, его опасались. Мог ли он позволить себе подружески подмигнуть ей в присутствии короля? Или на несколько минут встретиться с нею на углу какой-нибудь неприметной улочки, натянув на лицо плащ цвета стен? «Привет, Маркиза Ангелов!..» – «Привет, чертов легавый!..» Нет, со всем этим было покончено, ведь в своем расследовании он приблизился к самой верхушке, к «неприкасаемым». Он вот-вот накинёт свою сеть на богиню версальского олимпа – на прекрасную Атенаис...

Анжелика не строила иллюзий. Король не откажется от намерения завоевать ее. Как только пройдет первая, пьянящая радость встречи, наступит отрезвление, начнутся стычки. Король быстро поймет, что она не любит его так, как он бы хотел. Боль безответной любви озлобит его, пробудит ревность и зависть к сопернику, которого он всегда терпеть не мог, – к Жоффрею де Пейраку.

И все начнется сначала.

И тогда будет уже поздно бежать к морю и, протягивая к нему руки, умолять: «Унеси меня прочь отсюда! Унеси меня прочь!»

Нет, не стоит возвращаться. Они и так слишком много страдали, чтобы добыть свою свободу.

* * *

Когда она закончила свой мысленный диалог с полицейским Дегре и очнулась от раздумий, которые сначала привели ее в дом на мосту Нотр-Дам, а потом – на узкие сумрачные улицы Парижа, где, скрещиваясь, звенели шпаги и слышались вопли убиваемых, когда перед ее глазами перестали плескаться зеленые воды Сены с их тошнотворным запахом тины, этим запахом человеческих грехов, она обнаружила, что управляющий Молин уже ушел. Да, конечно, он предупредил ее, что собирается нанести визит губернатору.

В полдень за обеденным столом собралась большая компания, и все оживленно беседовали, но, кроме детей, Анжелика не заметила никого из тех, кто пришел на обед.

Несмотря на уговоры Сюзанны, она не смогла проглотить ни крошки. Это доказывало, что она очень изменилась, ведь раньше волнения и тревоги лишь разжигали ее аппетит. Она поднялась в спальню, села за столик и написала:

Любовь моя, мне нужно поговорить с вами, увидеть вас. Я не знаю, что делать. Куда поедете вы, туда поеду и я. Где будете жить вы, там буду жить и я. Вы моя единственная любовь.

Затем она разорвала записку, боясь, что Жоффрей сочтет ее глупой и к тому же чересчур загадочной, и

написала другую: *«Не могли бы вы принять меня нынче после полудня?»* - и отправила ее с посыльным в замок Монтиньи.

Немного спустя к ней явился Куасси-Ба с запечатанной запиской, содержащей ответ графа. Он в изысканных выражениях извещал графиню де Пейрак, что с удовольствием примет ее в усадьбе Монтиньи с пяти до шести часов вечера.

Его ответ был выдержан в таком же чопорном тоне, что и ее записка.

«Он забавляется, - сказала она себе, сминая бумагу. - Если бы он знал, как все серьезно... Я не вижу выхода».

Она коснулась его записки губами. «Я его обожаю!» Она не хотела, чтобы ее решение не возвращаться во Францию отяготило его, не хотела показывать ему свою растерянность в ту минуту, когда он победил и наконец приблизился к своей цели. Как было бы хорошо, если бы можно было промолчать и возвратиться к вчерашним иллюзиям. Но визит Молина заставил ее взглянуть в глаза реальности и ясно увидеть будущее: либо они примут приглашение ко двору и окажутся в ловушке, либо отвергнут, и тогда последствия будут катастрофическими.

Она услышала за окном легкий шум и подняла глаза. Несмотря на солнце, шел дождь, и его капли, переливаясь всеми цветами радуги, сверкали на зеленом кружеве листвы.

Анжелика дожидалась назначенного часа и вертела в руках старинную золотую монету времен правления венгерского короля Белы III, которую она нашла на дне своей шкатулки с сокровищами. Эту монету ей подарил мятежный князь Ракоци, который когда-то сказал ей: «Вы похожи на неподкупного архангела-мстителя, который держит в своей руке меч правосудия, разрубающий вязкие узы сделок с совестью. Ваш взгляд

проникает в самую душу, и перед ним люди чувствуют себя нагими. Нет на свете темницы, достаточно глубокой, чтобы погасить этот свет. А посему – будьте осторожны!»

В дверь постучали, и в комнату вошла всхлипывающая Беранжер:

– Не губите нашу жизнь!

– Но... мне и в голову не приходила подобная мысль.

– Теперь вы можете это сделать. Отныне вы и граф де Пейрак наделены неограниченной властью.

– Кто вам это сказал?

– Слухами земля полнится.

– Люди преувеличивают. Речь идет лишь о том, что король одобрил политику господина де Фронтенака и хочет видеть нас в Версале.

– Рассказывают, что этим дело не ограничивается, – прошептала Беранжер и покачала головой, отвечая собственным горьким мыслям. – Я знала, знала, что этот человек, граф де Пейрак, победит. У меня на такие вещи чутье. Ах, как я его ненавижу!

– Но почему?

– Он мною пренебрег.

– Но не потому, что вы не старались.

– Своим равнодушием он заставил меня по-настоящему страдать.

– Неужели вы хотите, чтобы я вас пожалела?

– Для него существуете вы одна.

– Вы полагаете, я должна об этом сожалеть?

Почувствовав наконец в словах Анжелики иронию, Беранжер отняла от глаз платок.

– Как странно, – сказала она. – Оба вы такие необыкновенные личности, что невольно забываешь, что вы муж и жена. Вы связаны друг с другом, но это не узы брачного контракта. Вы – сообщники, друзья, любовники. Но это совсем другое дело. Я все время забывала, что он – ваш муж.

- Мне бы хотелось, чтобы вы вспоминали об этом почаще. Ваши игры мне не нравятся.

- Разве это игра? Я увлеклась им почти сразу. Раньше я и не представляла, что может существовать такой мужчина, как он, настоящий мужчина. Я вела себя как ослепленная болтливая дурочка, но он же со мной разговаривал, не так ли? А когда мы беседовали, он ведь ко мне обращался, верно? И он меня видел?

- В этом не сомневайтесь. Он мужчина весьма галантный.

- Значит, хотя бы это у меня было, - грустно сказала Беранжер. - Но я совсем потеряла голову. Мне следовало понять, что рядом с вами у меня нет никаких шансов. Вы при всех обстоятельствах остаетесь ослепительно-красивой, а я через шесть лет буду выглядеть как сухой чернослив. Холод для меня вреден.

- Куда вреднее изводить себя мыслями о том, как вы будете выглядеть через шесть лет.

- Мне уже двадцать восемь. Если до сих пор обо мне не заговорили, то уже поздно надеяться, что когда-нибудь я буду блистать. А ведь мне так хотелось бы хоть ненадолго, хоть раз в жизни, почувствовать себя знаменитой, ловить на себе огненные взгляды, от которых ощущаешь себя живой. Восхищение, ревность, зависть, может быть, даже ненависть - разве все это не чудесно? Чувствовать, как вокруг тебя потрескивает огонь желаний, говорящий тебе, что ты красива, полна жизни, богата, что вся эта слава принадлежит тебе одной и что ты - единственная. Нельзя не почувствовать, что вам это знакомо, поэтому вы всегда будете соблазнять. Но разве мы, другие женщины, не нуждаемся в том, чтобы тоже испытать нечто подобное, хотя бы раз в жизни?

- Да, вы совершенно правы.

Беранжер удивленно шмыгнула носом:

- Я совершенно права?

- Ну конечно, мое дорогое дитя.

- Ах, не стройте из себя дуэнью. Это вам совсем не идет. Властвуя над миром, вы можете позволить себе презирать те мечты, которые для меня недосягаемы.

- Вы неплохо сыграли свою партию, и я вас одобряю - продолжайте в том же духе. Действительно, каждой женщине нужен успех. Но что касается мужчин, то я хотела бы сделать одно замечание. Меня удивляет, что вы завидуете другим, - ведь у вас самой молодой муж, красивый, хорошо сложенный... и усердно делающий карьеру.

- Он невыносимо скучен.

- Но все же не так скучен, как вы пытаетесь себя убедить, чтобы очистить свою совесть... Он даже... на свой манер забавен. Он бы произвел благоприятное впечатление в высших сферах. Почему бы вам обоим не попытаться что-то предпринять, чтобы приблизиться к трону? Там рады ловким людям... и красивым женщинам тоже.

- Для этого нужно иметь состояние.

- Мне сказали, что ваши родители умерли. Разве вы не собираетесь получить свою долю наследства?

Беранжер-Эме вытерла слезы и начала размышлять над этим вопросом:

- Вы дадите нам рекомендации?

- В пределах нашего влияния. Но не ждите от этого слишком много. Лучше положитесь на ваше очарование и ваши амбиции. Вы знатного рода и производите хорошее впечатление без каких-либо усилий с вашей стороны. Однако я дам вам письмо для моей старинной подруги - госпожи де Ментенон, которая воспитывает детей короля от госпожи де Монтеспан.

- Вы сделаете это для меня?

- Да! А теперь перестаньте думать обо мне и о том, чем являюсь я, а вы так и не стали. Предупредите

вашего мужа и собирайте вещи. И не забудьте: стучать нужно в двери госпожи де Ментенон.

Глава VIII

Пронизанный солнцем дождик все еще продолжал накрапывать, когда Анжелика подошла к усадьбе Монтины.

Входя в комнату Жоффрея, она откинула назад широкий капюшон плаща, и ее влажные волосы и мокрые щеки еще раз подчеркнули свежесть и живость ее лица.

Сама не зная почему, она нашла невероятным, что Жоффрей оказался на месте и ждал ее.

- Ах, как мне не терпелось вас увидеть! - воскликнула она. - Я считала минуты, отделявшие меня от свидания с вами.

- Почему же вы не пришли раньше?

- Я знаю, что вы очень заняты, что у вас тысяча дел, особенно теперь...

- Что за странная сдержанность на вас нашла?

- Я хотела быть уверенной, что вас застану...

- Вот это новость! Насколько я знаю, прежде вас никогда не затрудняло искать меня по всему городу, когда вам этого хотелось, и находить...

- Я также хотела быть уверена, что вы сможете уделить мне час вашего времени.

- Что означают эти речи? Неужели я стал для вас чем-то вроде министра, в приемной которого вы должны ждать своей очереди? Слава богу, до этого мы еще не дошли.

Анжелика рассмеялась:

- Вот именно, слава богу! Мы еще не в Версале.

Она смотрела на него и не могла насмотреться. Слава богу, он все еще принадлежит ей. Она еще может уберечь его от опасности, защитить.

Ласковый солнечный свет лился сквозь листву в окно, делая более мягким приветливое выражение его лица и смягчая колкую насмешливость в его пламенном взгляде.

Глядя на него, окруженного этим сияющим ореолом, Анжелика снова, в который раз, представила себе, как он стоит перед королем среди блеска зеркал, позолоты и полированного мрамора в этом дворце, возведенном во славу Людовика XIV, под взглядами идиотов-придворных.

Она бросилась к мужу и обняла его:

- Мой дорогой! Любимый! Нет, никогда! Это невозможно! Любовь моя!

Она спрятала лицо в складках его одежды и сжала его в объятиях, словно цепляясь за единственную непоколебимую опору во время землетрясения, за единственное устойчивое дерево во время бури, за единственный буй в разбушевавшемся море. Она прильнула к его груди в блаженном сумраке, вдыхая его знакомый теплый запах, одновременно тонкий и настойчивый, запах, который хмелил ее, как самые опьяняющие ароматы Востока, который волновал ее разум и ее чувства. Этот аромат таил в себе все очарование их совместной жизни, их чудесную страсть, счастье и страдания, которые Жоффрей принес ей, от него у нее сладко кружилась голова и вылетали из головы все мысли.

Он обнял ее еще крепче, словно желая поддержать и еще раз удостовериться, что она здесь, что она ищет убежища на его груди. Она почувствовала, как он наклонил голову и коснулся щекой ее волос.

- Стало быть, король не отказался от стремления сделать вас своей любовницей?

- Не отказался! - в отчаянии воскликнула Анжелика. - Он меня хочет! Хочет!.. Он не отказался и не откажется никогда...

- Признаюсь вам, что я его понимаю и на его месте вел бы себя так же.

Анжелика застонала:

- Но все это очень серьезно, Жоффрей. Сейчас не до шуток.

- А я не вижу в этом никакой трагедии.

- Неужели вы не понимаете? Он потребует, чтобы я жила в Версале, чтобы все время была рядом с ним, присутствовала на всех церемониях, высказывала ему свое мнение, чтобы я была самой красивой и лучше всех одетой, чтобы я вызывала самую большую зависть и всеобщее восхищение.

- И неужели перспективы подобной безграничной власти вас не прельщают?

- Я уже вкусила все придворные удовольствия! По правде говоря, я бы с радостью вернулась в Версаль, потому что невозможно представить себе ничего более прекрасного, обольстительного и очаровательного, чем то, что сумел создать этот сын солнца, наш король, чтобы те, кто его окружает, могли радоваться жизни и наслаждаться всем самым изысканным и новым в искусстве и празднествах. Но за наслаждение всеми этими красотами мне придется слишком дорого заплатить. Король осыплет меня подарками, милостями, и почестями, и привилегиями до такой степени, что я не смогу дышать...

- И бежать туда, куда вам захочется, я понимаю... Но не слишком ли вы сгущаете краски? Король стал мудрее, возможно, он удовольствуется тем, чтобы смотреть на вас просто как еще на одно украшение своего двора, не предъявляя к вам других требований.

- Нет! Я в это не верю. Я знаю короля, его темперамент и его гордость не позволят ему оставаться робким воздыхателем, довольствующимся улыбками, комплиментами и увертками. К тому же я слишком уважаю короля, чтобы играть с ним в эту игру,

бесчестную... и опасную. Я просто на это не способна... Король очень быстро поймет, что я не люблю его так, как он того хочет, и он этого не потерпит... И все начнется сначала...

- Однако, - задумчиво сказал Пейрак, - мне кажется, что за эти годы страсть короля дошла до такой степени, что он готов пойти на любые уступки, лишь бы увидеть вас вновь. И быть может, увидеть всего один раз.

- Он так думает... но он заблуждается... И как только ловушка за нами захлопнется, он наверняка захочет большего.

Она вдруг в испуге отстранилась от мужа:

- Должна ли я понимать, что вы готовы со спокойным сердцем отдать меня королю? Ах, стало быть, вы меня больше не любите! Я так и знала. Ну что ж, уезжайте! Уезжайте! Спешите в свои вотчины. Я с вами не поеду...

Потом она снова бросилась в его объятия:

- Нет! Нет! Я так не смогу... Куда поедете вы, туда поеду и я... Где будете жить вы, там буду жить и я... И будь что будет... Но я не могу жить без вас.

Жоффрей де Пейрак обхватил ее руками:

- Не дрожите так, любовь моя. Я просто хотел испытать вашу привязанность ко мне. Видно, боги не до конца ко мне неблагосклонны, раз, послав мне соперника, во всех отношениях более удачливой, чем я, они тем не менее сделали его безнадежно несчастливой в одном: он вам не мил. Искра любви либо разгорается, либо нет. Ее нельзя купить даже за все золото мира. Король искренен. Сейчас он действительно считает себя способным на большее самоотречение, чем сможет продемонстрировать на деле, когда вы окажетесь перед ним. Вы правы, что не тешите себя иллюзиями. И правильно предвидите опасности, которые могут родиться из двусмысленности вашего положения.

- Но что же нам делать?

- Все в вашей воле, моя дорогая. Будьте уверены: я не стану на вас давить, как вы решите, так и будет. Остаться? Уехать? Решать только вам. Я приму любое ваше решение, потому что сочту его верным, справедливым, разумным и легковыполнимым. Так повинуются ирокезские воины, когда Совет матерей решает вопросы войны и мира, постановляет, стоит ли переселиться в другое место, следует ли оставить старую деревню, чтобы построить новую, надо ли разделить семьям и племенам, когда надо отдохнуть, а когда - путешествовать... все эти решения принимаются женщинами, потому что именно женщины связаны со звездами и теллурическими силами, а стало быть, более осведомлены, чем воины, рожденные лишь для того, чтобы сражаться... Хотя я подозреваю, что порой эти дамы пользуются покорностью своих воинов, чтобы удовлетворить свою тягу к путешествиям, желание повидать далеких друзей и то непреодолимое любопытство, которое толкает вас, женщин, обходить горы, чтобы посмотреть, не лучше ли за горой уродился маис... Но подобные капризы только придают женщинам еще больше очарования.

- А вы? - пролепетала она. - Каковы ваши намерения? Ваши планы?

- Они зависят от вашей воли.

- А если я захочу вернуться в Версаль?

- Я поеду с вами.

- Несмотря на все опасности?

- Несмотря на все опасности...

- Несмотря на всю скуку жизни при дворе, которая создана явно не для вас?

- Зато вы созданы для меня, и вы мне никогда не наскучите. Послушайте... Никто не может меня обвинить в том, что я попусту растратил свои таланты и не стал их развивать. Я поучаствовал во всех битвах и вкусил все, о чем только может мечтать мужчина. Сегодня для

меня главное наслаждение – это видеть вас, жить рядом с вами, быть с вами и днем и ночью, и я ни за что от него не откажусь.

Он взял ее лицо в свои ладони:

– Куда поедете вы, туда поеду и я! Где будете жить вы, там буду жить и я...

– Вы сошли с ума! Разве мужчина может вести такие речи?

– Почему бы и нет? Что за глупости? Разве не достаточно я подчинялся условностям? Жизнь не стоит на месте. Но я знаю также, что она конечна... Сейчас перед нами открывается новая страница... Разве у меня нет права прожить ее вместе с вами, ни на минуту не покидая вас?

Она посмотрела на него недоверчиво и почти растерянно.

– Вам решать, останемся мы или уедем, – повторил он. – Скажите же свое слово, сударыня!

Анжелике вдруг показалось, что внутри ее самой, словно под порывом свежего ветра, открылась какая-то дверь, впустив солнечный свет. И в этом свете она увидела то, чего действительно хотела.

Жоффрей не унимался:

– Ну же, говорите! Какова ваша воля?

Глава IX

- Останемся в Америке, - сказала она. - У нас здесь столько друзей, многие люди нуждаются в ваших знаниях и опыте, в вашей доброй воле. А если я буду скучать по Франции, я приеду в Квебек, и мадемуазель д'Уредан прочитает мне последние версальские сплетни. А еще мы должны съездить в Салем, что в Новой Англии, в Нью-Йорк и к голландцам. К тому же еще и Уттаке ждет меня, чтобы показать мне Долину пяти озер. Как я могла забыть о надежде этого бедного дикаря?

- Мы непременно побываем во всех этих местах.
- И еще я хочу, чтобы у нас был еще один ребенок.
- Он у нас будет!

Понимая, что сказанное ею окончательно решило их судьбу - они останутся по эту сторону океана, - Анжелика закрыла глаза и отдалась его объятиям, почти лишаясь чувств и не зная, жестокое или восхитительное чувство владеет ею сейчас. Европа снова уплывала вдаль, как большой тяжелый плот, окутанный нездоровым враждебным туманом.

С чувством одержанной победы она подумала: «Теперь он не поедет в Прагу!» И мало-помалу она поняла значение того, что произошло.

Мужчина, которого она сжимала в своих объятиях, только что с легкостью бросил на чашу весов все, что составляло его жизнь, все, что могло его привлекать, что могло казаться ему в том или ином смысле желанным, многообещающим.

Нет, он не потерял интереса к своим трудам и начинаниям, он будет продолжать их, где бы он ни оказался, но он только что объявил, что решать, где он

окажется, будет она, потому что в его жизни только она имеет значение.

Она вдруг услышала собственный смех, такой залиvistый, такой веселый, такой искренний, что она сама удивилась.

- Я, наверное, сошла с ума, если так смеюсь. Что со мною происходит?

- Это счастливый смех, - молвил он.

Он наклонился к ее лицу и с невыразимой нежностью всмотрелся в него:

- Я так люблю слушать, как вы смеетесь... Долгое время это случалось слишком редко... Но с тех пор как мы приехали сюда, вы сделались более веселой... Но такой ваш смех я слышу впервые... Этот смех рожден радостью любви, радостью жизни. Он произволен и неудержим. Он означает, что женщина, живущая в вас, но вам почти незнакомая, только что получила доказательство любви, которого она ждала, но на которое не надеялась, получила ответ, разрешающий все ее сомнения, и теперь чувствует... что обрела избавление.

- Да, это правда. Мне приходится сдерживать свой смех; если б я не сдерживалась, я бы задохнулась.

- Так смеются женщины, когда они парят в небесах.

- Ах, вы слишком хорошо знаете женщин.

- Просто я могу обладать ими всеми, ибо все они собраны в одной - в ВАС!

Избавление... О, какое чудо! Но его могли понять только он и она.

- О Жоффрей, мы сошли с ума! Мы смеемся, но не навлечем ли мы так на себя гнев Небес?

- Вы хотите сказать, гнев Олимпа, как те влюбленные, слишком поглощенные друг другом и плотскими утехами и забывшие в своем взаимном обожании о том, что нужно почитать богов, забытых ими

среди облаков, неосторожные влюбленные, которые навлекают на себя мщение в виде ударов молний.

- Жоффрей, мне страшно. Это правда, я пьяна от счастья, но я не могу не думать о последствиях нашего отказа вернуться во Францию. Легко сказать: мы отказываемся возвращаться, мы более не увидим Французского королевства, не увидим страны нашего детства и юности, не отстроим заново наши разрушенные дома и будем счастливы своим отдельным счастьем. Но ведь король ждет нас. Он осыпал нас милостями. Можем ли мы после всего этого уклониться от встречи с ним? Он ни минуты не сомневается, что мы явимся по его зову, хотя бы для того, чтобы поблагодарить его и выразить нашу признательность. Я заметила, что ни от вас, ни от меня не требуется никакая вассальная присяга, но король ожидает, что граф де Пейрак вступит во владение своими землями, а я - моим наследством от Филиппа. Для того чтобы восстановить нас в наших правах, на свет божий надо было извлечь множество документов, изучить их, подписать в различных инстанциях, надо было принять новые законы и обойти старые, и все это было сделано, ибо этого требовал король. Как же он воспримет нашу холодность? Я с самого утра все бьюсь и бьюсь над этой дилеммой. Мы нанесем ему оскорбление не только и не столько нашим отказом предстать перед ним лично, мы кровно оскорбим его своим пренебрежением к его милостям и доброте. Но как избежать бесчисленных последствий его обиды хотя бы для сохранения наших союзов и плодов наших трудов здесь, в Америке?

На этот раз Жоффрей воспринял ее слова серьезно.

Он разжал свои объятия, и она уселась в одно из стоящих в его комнате больших кресел, меж тем как сам он принялся ходить взад и вперед, размышляя над вставшей перед ними дилеммой.

- Действительно, - согласился он наконец. - Нельзя отказаться от прощения короля и пренебречь его великодушием, а также временем и усилиями, потраченными на изучение всех ваших дел, не нанеся ему глубокого оскорбления. Я тоже об этом думал. Как не ответить на его приглашение и при этом не оскорбить его отказом от его милостей? К тому же надо учесть, что, пренебрегая тем, что он нам возвращает, мы оставим наше имущество в запустении, наши обязанности окажутся невыполненными, и разгрести эту неразбериху будет ох как непросто, а винить в ней станут короля... Это неизбежно вызовет его гнев... Разве что...

Он подошел к окну и высунулся наружу, словно кого-то поджидая. Потом вернулся.

- Я над этим думал, и у меня есть план, который позволит нам сохранить нашу свободу и при этом не ранит самолюбие нашего государя. Осуществление этого плана зависит от одного человека.

Вновь высунувшись из окна, он удовлетворенно воскликнул:

- Вот он!

Глава X

Немного спустя в вестибюле послышались быстрые шаги. Проворно взбежав по ступенькам лестницы и распахнув дверь, на пороге появился Флоримон:

– Вы хотели меня видеть, отец?

Жоффрей де Пейрак улыбнулся сыну. Он взял его за плечи и вгляделся в открытое смелое лицо молодого человека, который в последние годы был его правой рукой в делах и исследовательских экспедициях.

– Сын мой, король Франции вернул нам титулы, земли и состояние. Не стану говорить – славу, потому что ее, скитаясь по миру, мы добыли себе сами. Что касается почестей... Признаюсь, что почести и должности, которые меня ждут в Версале, ни к чему человеку, любящему приключения, привыкшему быть сам себе хозяином и добывать себе состояние собственными руками... А я именно такой человек. Успех трудов, которые мне по душе, для меня куда важнее, чем самые льстивые выражения почтения к моей персоне. Я люблю сам оценивать свои достижения, мне вовсе не нужно, чтобы им давал оценку мой покровитель. С другой стороны, мне кажется, что молодой человек, с его пылом и рвением, сможет прекрасно приноровиться и к этим почестям, и к этим должностям. Гибкость к лицу молодости, когда этой молодости хватает ума понять, что ей еще нужно многому учиться. Вы – мой наследник. Вы много раз доказывали свою храбрость. Жизненный опыт научил вас той гибкости, о которой я говорил, вы умеете говорить, когда это необходимо, и, когда надо, молчать.

Вам вовсе нет нужды дожидаться моей смерти, чтобы вступить в права наследства и взять на себя обязанности, связанные с графским титулом и

владением нашими поместьями. Я могу добровольно передать их вам, что я и сделал, указав в этих бумагах, что я отказываюсь от своих прав на все, чем я владею во Франции, в вашу пользу. Вам куда больше, чем мне, пристало исполнять в окружении короля те обязанности, которые должен нести большой вельможа. Вы отплывете во Францию с одним из первых кораблей. Вашим наставником будет господин де Сен-Кастин, который также возвращается на родину, чтобы получить свое наследство в Беарне. Попросите вашего брата Кантора поехать с вами и находиться при вас хотя бы на протяжении первого года. Вы будете друг другу помогать. Выберите также несколько молодых людей из вашего окружения, чтобы они составили вашу свиту. Во Франции у меня есть преданные, хотя и тайные друзья: финансисты, негоцианты, – которым я напишу и которые по вашему прибытии немедленно предоставят в ваше распоряжение кареты, лошадей, слуг и неограниченные средства.

Вас, сударь, ждет веселая жизнь. Но сначала вам нужно будет как можно быстрее прибыть в Версаль и засвидетельствовать свое почтение королю.

Увидев ошеломленное лицо Флоримона, граф рассмеялся:

– Пора вам начинать жить так, как предназначено вам судьбой, сударь. В учении вам было нелегко, но вы вытерпели все и закалили свое оружие в огне невзгод. Вы узнали, насколько жестокими могут быть люди, и благодаря жизненному опыту приобрели и вполне оправданную уверенность в успехе ваших начинаний, и благоразумие, которое не даст вам ввязаться в дела безрассудные, неосуществимые и просто дурные.

Я рад, что могу обеспечить вашу молодость всеми средствами, которые позволят вашим силам раскрыться в полную мощь. К вашей прекрасной внешности добавятся высокое положение и богатство. Вокруг столь

яркого пламени не замедлит собраться множество мотыльков. Вы научитесь выбирать себе среди них друзей и любовниц. Я также рад, что могу дать вам свободу наслаждаться жизнью и всеми ее удовольствиями. Вы сами поймете, какие из них вам больше подходят. Чувственные удовольствия? Утехи ума? Радости добрых дел?

Излишне напоминать вам, что вы должны с осторожностью относиться к удовольствию сражаться на дуэли и не посвящать азартным играм больше времени и сил, чем велит придворная мода... И не обольщайтесь, молодой человек, ваши обязанности будут тяжелыми. Вам предстоит восстановить ваши вотчины, обеспечить возрождение Лангедока и неустанно исполнять роль посла Нового Света, чтобы наши усилия здесь, в наших владениях в Канаде, не пали жертвой политики безразличия к американским колониям. И наконец, самая трудная и деликатная ваша задача, выполнение которой утвердит и повысит вашу репутацию при дворе, будет состоять в том, чтобы вернуть Версалью прежнее веселье. Король еще молод, но его жизнь и жизнь двора омрачены тяжестью правил этикета и поучениями иезуитов. Мне об этом сообщали. Время распорядителя королевских развлечений господина де Сент-Эньяна отошло в прошлое. Как только вы прибудете в Версаль, постарайтесь заполучить для себя эту должность. Не бойтесь интриговать и полными горстями раздавать золото, чтобы добыть эту должность, потому что вы обладаете всеми качествами, чтобы в ней преуспеть и блеснуть. Вы заблестаете так ярко, что король, озабоченный своими развлечениями и красотой тех празднеств, которые видят его придворные, уже не сможет без вас обойтись. Вы будете жить при дворе, на этом поле вы развернете свои первые сражения...

Но об этих деталях и ваших планах мы подробнее поговорим потом. Вот бумаги, удостоверяющие, что теперь вы – граф де Пейрак де Моран д'Ирристрию. Завтра их юридически оформит господин губернатор, представляющий в Канаде его величество, и вы официально станете обладателем всех этих титулов.

Во время этой речи, которую граф де Пейрак умышленно сделал такой длинной, молодой человек успел прийти в себя и мало-помалу осознал, как отныне изменится его жизнь. Он дрожал, как корабль, у которого ветер раздул паруса и который, стремясь вперед, натягивает якорную цепь. Он понимал, что ему, блестящему молодому дворянину, предстоит возвращение в королевство и жизнь при дворе, механизмы и способы функционирования которого он хорошо знал, блестящая жизнь которого была ему по душе и где он сможет выдвинуться, не опасаясь пренебрежения других и собственных сомнений.

Его лицо осветила радость.

Он встал на одно колено, чтобы принять пергаменты, которые ему протягивал отец, и с жаром сказал:

– Благодарю, отец! Вы во второй раз даете мне жизнь. Я не обману ваших надежд.

Затем, когда он поднялся, его взгляд обратился к матери, и он улыбнулся ей искренней простодушной улыбкой, свойственной юным, для которых лицо матери всегда окружено ореолом света и никогда не меняется. Но почти тотчас же лицо его помрачнело и его сияющее выражение сменилось другим, более задумчивым и серьезным.

Положив документы на стол и немного подумав, он вновь подошел к графу:

– Будем откровенны! Вы дали мне жизнь, отец, но, возможно, вы отправляете меня на смерть. С королем, которому мы служим, нелегко договориться. И он ждет не меня. Вполне может статься, что, не увидев перед

собою графа и графиню де Пейрак, которых он ожидал, он сочтет себя обманутым подменой и возьмет свои обещания назад.

- Он этого не сделает, - отвечал Пейрак. - Он этого не сделает, особенно по отношению к вам, своему новому вассалу. То, что он мог бы отнять у меня, стоит лишь мне дать ему повод для недовольства, у вас, преданного и покорного вассала, он не заберет никогда. Встреча со мною не доставила бы королю удовольствия. Мой вид напомнил бы ему о том произволе, от которого ныне, если бы все началось сначала, он бы воздержался. Теперь он более не нуждается в том, чтобы вести себя как в начале своего царствования, когда он чувствовал себя слабым и боялся могущества знати. Королю неприятно было бы увидеть призрак из прошлого, это напомнило бы ему об ошибке или несправедливости, которую он совершил, даже о дурном поступке. А с новым графом де Пейраком он сможет вести себя великодушно и благородно.

- А если он прикажет меня арестовать?

Флоримон уже видел себя в Бастилии.

- Нет, - успокоил его Пейрак, - король больше не может позволить себе столь необдуманных поступков. Ведь на него смотрит весь французский народ... Чего ты боишься, неустрашимый лесной бродяга? Ты велишь доложить о себе, под взглядами придворных пройдешь в середину зала, красивый и великолепный, в окружении своего брата и молодых людей из своей свиты, роскошно одетых, при шпагах. Пока ты будешь подходить к королю, навстречу тебе будет лететь восхищенный и льстивый ропот, и ты еще не успеешь приблизиться к его величеству, как большинство присутствующих обрадуются твоему появлению при дворе. Ты поклонись королю и передашь ему мое послание. Вот вкратце его содержание:

«Сир, проникнувшись вашей добротой, я решил, что наилучший способ доказать вам мою признательность – это послать к вам моего сына. В его лице, сир, я посылаю вам молодость вместо человека, который прежде с радостью употребил бы свои силы для служения вам, но который был вынужден растратить их, сражаясь с невзгодами и берясь за задачи, сделавшие его непригодным к выполнению обязанностей придворного при вашем великодушном величестве. Но в жилах графа Флоримона де Пейрака течет новая, свежая кровь. Он уже служил при вашем дворе, он узнал своего государя и научился любить его и восхищаться им. Он почитает себя вашим самым покорным и благодарным подданным, и в его лице вы приобретете придворного знатного происхождения, жаждущего доставить вам удовольствие и жить в окружении сияния вашей славы и способного служить вам преданно и умело и всегда быть к вашим услугам...»

– Стало быть, вы одурачите короля?

– Король никогда не бывает одурачен. Он просто умеет быть дипломатом. Здесь, в Америке, у меня остается возможность сделаться для Новой Франции врагом, если меня будут рассматривать в качестве такового, меня и моих сыновей. Меж тем как в противном случае я отдам в его руки целую провинцию, упокоившийся и покорный Лангедок, и предоставлю ему свою финансовую поддержку как в Старом, так и в Новом Свете. Он ничего не скажет... Но он по достоинству оценит этот жест... и всесторонне взвесит выгоду, которую он, как король Франции, сможет из него извлечь. И вскоре он даст вам понять, что предпочитает нового графа де Пейрака старому.

– Хорошо! – согласился Флоримон. – Должен признать, что после того, как первое удивление пройдет и он прочтает ваше послание, король будет доволен и даже рад, что вместо вас перед ним предстал я. По

правде говоря, я совершенно не боюсь его величества. У нас с ним есть общие воспоминания, ведь я был пажом при дворе. Во время скольких празднеств я находился рядом с ним, порой прислуживая ему почти в одиночестве и бросая ему какую-нибудь реплику, которая его забавляла, ибо он любит, когда его развлекают, и ему нравится в маленьких пажах бесстрашие, если оно сопровождается должным уважением и проворством. В лагере Табо под Додем я был при нем виночерпием, и он специально велел, чтобы вино ему наливал я. У него удивительная память, он непременно меня узнает, и не сомневаюсь, что он будет тронут. Он будет тронут, во-первых, увидев меня, поскольку он любит тех, кто ему предан, и замечает даже самых низших из тех, кто ревностно ему служит. Но он также будет тронут потому, что будет знать, чей я сын.

Флоримон глубоко вздохнул и повернулся к Анжелике:

- Я был всего лишь ребенком, но я отлично знал, на кого были устремлены взгляды короля. И я нисколько не погрешу против истины, если скажу, что более всего он хочет видеть вас, матушка. Но если он не увидит ту, которую он так ждал, не рискует ли мое появление вызвать у него гнев, соразмерный его разочарованию?

- Его гнев не вырвется наружу в присутствии всего двора, - сказал граф. - Это не в духе короля. Вы будете стоять перед ним на коленях, давая вассальную присягу. Человека, стоящего на коленях, не бьют. Вы произнесете слова вассальной клятвы, и он возьмет ваши руки в свои. Он примет вас, Флоримон, граф де Пейрак. А когда он вас примет, вы сможете подняться. Король благороден. Он любит отвагу.

И вы не побойтесь посмотреть ему в глаза, какими бы страшными ни были молнии, которые они будут метать, вы посмотрите ему в глаза без дерзости, но

прямо, откровенно, с интересом и дружеским участием, не как смотрят в глаза всемогущего государя, а как смотрят в глаза человека, охваченного разочарованием, которое он не может продемонстрировать под взглядами тысячи следящих за ним придворных.

Пейрак понизил голос, чтобы его слышал только сын:

- Государи - те же люди, Флоримон, и тоже нуждаются в сочувствии. Вы никогда не должны забывать, что они тоже могут быть не уверены в себе. Когда вы встанете с колен, постарайтесь, чтобы вас не оттерли от короля назойливые придворные и чтобы слова, которые вы ему скажете, услышал только он, а не те любопытные, что трутся вокруг него. Вы скажете ему: «Сир, могу ли я переговорить с вашим величеством наедине? Ибо я хочу тайно, чтобы никто не слышал, передать вам новости о моей матушке, графине де Пейрак».

- Хорошо! - сказал Флоримон.

Он живо представлял себе сцену, когда он окажется средоточием взглядов всех придворных, завистливых и ревнивых, и будет испытывать во время разговора с королем такое же захватывающее чувство, как во время дуэли.

- Хорошо, отец! Прошу вас, продолжайте.

- Полагаю, что, как только вы произнесете эти слова, сердце короля успокоится, и он снова начнет играть свою роль милостивого монарха. Двор снова придет в движение. Быть может, король захочет прогуляться по парку? Но я думаю, что он постарается отделаться от назойливых придворных и найдет сотни причин, чтобы остаться одному и принять вас в уединении своего рабочего кабинета.

- И что я тогда скажу ему, отец? Что я скажу ему по секрету?

- Иди сюда!

Граф обнял сына за плечи и подвел к окну.

Они были одинакового роста, и их силуэты, четко выделяющиеся на фоне летнего дня, были одновременно и похожи и различны. Силуэт отца отличался более резкими линиями, колеблясь между худобой и мощностью, он был высок и угловат, но изящен, и в нем читался вызов, который человек по имени Жоффрей де Пейрак непрестанно бросал судьбе, чтобы заставить свое израненное тело восторжествовать над несчастьями и сделать его более сильным, более гибким и более привлекательным, чем тела тех, к кому фортуна была более благосклонна. А рядом с ним устремлялась вверх высокая, стройная, не тронутая людской злобой фигура молодого человека, прекрасная в своем совершенстве.

Оба они были так полны жизни и сдерживаемого пыла, что при взгляде на их сомкнутые плечи тебя невольно охватывала радость и уверенность в том, что все их начинания увенчаются успехом.

Пейрак смотрел на далекие бесстрастные просторы, но не видел их. Затем слегка повернул голову и устремил взор на тонкий профиль юноши, который выделялся на фоне солнечного света, словно вычеканенный на медали.

Его сын! Сын, который в возрасте тринадцати лет смело пошел навстречу опасностям, чтобы отыскать отца.

И он почувствовал восторг и упоение. Упоение жизнью! Упоение любовью! Молодой человек идет дорогой, которую проложил для него он, и берет на себя часть его мечтаний, его стремлений и его надежд.

А он, Жоффрей де Пейрак, с удивлением и наслаждением открывал для себя новую страницу в жизни, еще более непонятную и нечитаемую, чем остальные, о которой он знал только одно: он проживет эту часть своей жизни, не разлучаясь с женщиной, которую любит.

Счастье мимолетно. Надо быть начеку: вдруг с небес ударит яркий луч, который вас ослепит; необходимо также понимать, что часто надо просто жить, не пытаясь омрачать момент думами о том, что будет завтра, и не тщась продлить его, ибо все в жизни переменчиво...

Флоримон между тем перестал смотреть на горизонт и, повернувшись к отцу, посмотрел в его темные блестящие глаза. Во взгляде Жоффрея сосредоточились все вызовы, все дерзновения, и от этого он был еще более весел.

- Так что я скажу королю, отец? - настаивал сын. - Что мне ему сказать по секрету?

Рука Жоффрея де Пейрака крепко сжала худое плечо сына, чтобы притянуть его ближе, и с нежностью, словно имея дело с женщиной, он коснулся губами виска юного паладина, гонца, который уносил с собою ростки будущего.

- Ты скажешь ему, - прошептал он, - ты скажешь ему, что **ОДНАЖДЫ ОНА ВЕРНЕТСЯ!**

Об авторе

Симона Шанжо родилась 17 декабря 1921 года в Тулоне. Очень рано у девочки пробудилась страсть к литературному творчеству и к истории. «Ты сможешь писать книги для детей», – сказала ей мать. «Нет, я буду писать для взрослых!» – возразила шестилетняя писательница. Еще в отрочестве Симона публиковала рассказы и статьи в различных журналах. Ее первая, написанная в девятнадцать лет книга «В стране, которую видят мои глаза изнутри» была напечатана под псевдонимом Жоэль Дантерн, и критики приветствовали появление многообещающего автора. Во время войны она в одиночку дважды объехала Францию на велосипеде, чтобы описать красоту страны пером и кистью. Несколько раз ее задерживали, но, обнаружив рисунки акварелью, отпускали. Столкнувшись с немецкими пограничниками, храбрая девушка демонстративно нарушила границу, ступив одной ногой на территорию Испании, чтобы «ощутить почву свободной страны». Позднее впечатления от этих патриотически окрашенных путешествий лягут в основу приключений Анжелики.

Вторая ее книга «Мастер-Куки» – детектив, действие которого разворачивалось в Индокитае, – стала бестселлером, а Жоэль Дантерн – признанным автором книг для юношества. Она продолжала писать приключенческие романы, не оставляя журналистской работы, а также создавала сценарии фильмов («Спешащие на помощь», «Женщина в красном» и др.). Она основала журнал «Франция 47», где напечатала свой первый роман с продолжением («*Le Caillou d'Or*»).

Получив премию «Ларигоди» за «Дозор невинных мучеников», она отправилась в качестве внештатного

корреспондента в Африку и участвовала в нескольких гуманитарных миссиях в Конго, в том числе в экспедиции, помогавшей населению справиться с эпидемией сонной болезни, а также в строительстве церкви Святой Анны. Здесь, в африканской глуши, она встретила мужчину своей жизни – геолога Всеволода Голубинова. Симона вышла за него замуж и сопровождала мужа в его странствиях. Они вместе путешествовали в джунглях Майомбе и Чада.

Всеволод Голубинов родился в 1903 году в России в дворянской семье, вырос в Средней Азии и Персии, где его отец был губернатором Исфахана. Когда разразилась революция, ему было пятнадцать, он покинул Севастополь перед приходом армии большевиков. Всеволод окончил высшую инженерную школу в Нанси, стал геологоразведчиком, много путешествовал по Африке и Азии. Хотя он не имел французского гражданства, но во время войны примкнул к генералу де Голлю и был заочно приговорен к смертной казни правительством Виши.

В Африке Симона пишет репортажи и два романа: «Дело Лимба» и «Белая женщина из Кермалы», которые печатались с продолжением в журналах. А когда по возвращении во Францию Всеволоду Голубинову не удается найти работу, супруги начинают зарабатывать себе на жизнь совместным написанием научных статей под псевдонимом Анн и Серж Голон или Серж Голон. Еще у них выходят книги о полной приключений жизни Сержа Голона («Гиганты из озера», «Сердце хищников», а также несколько повестей, оставшихся неопубликованными). В 1952 году выходит последняя книга под псевдонимом Серж Голон, она называлась «Переполюх в Чаде». Затем Симона, вдохновленная семнадцатым веком – осмеянной и практически вышедшей из моды эпохой истории Франции, – начинает в Версале работу над «Анжеликой» – «практически

бесконечным проектом неопределенного жанра». «Я решила написать нечто особенное, порывающее с тем, что довлело в ту пору над людьми. С гнетом условностей, с религиозными запретами. Здесь было над чем подумать...» В версальской библиотеке Анн и Серж свели воедино исторические данные, связанные с этим громадным замыслом (правда, в ту пору Анн Голон еще казалось, что все уложится в один большой том). «Анжелика» была опубликована в Германии в 1956 году под псевдонимом Анн Голон, а затем в 1957-м во Франции под псевдонимом Анн и Серж Голон – французский литературный агент и издатель решили ввести мужское имя, чтобы все выглядело «более серьезно». В 1958 году «Анжелика» была напечатана в США. Там автором значилась Сержанна Голон. Во всех этих странах книга имела огромный успех.

В 1959 году супруги Голон вместе с детьми переехали в Швейцарию, в Кран-Монтану. Всеволод несколько раз побывал в Африке с геологическими партиями, а в 1961 году переключился на исследования, связанные с живописью. Он работал над изобретением новых красок, которые меняют оттенок в зависимости от дневного света. Он был поглощен своим научным проектом вплоть до самой смерти в 1972 году. Исключение составил только 1966 год, когда он сопровождал жену, которую исторические изыскания увлекли в Новый Свет (в США и Новую Францию^[19]).

«Анжелика» победоносно шествовала по миру. Восемь книг уже были переведены на разные языки, а во Франции был снят фильм «Анжелика» (режиссер Бернар Бордери), за которым последовали еще четыре, свободно интерпретировавшие содержание серии романов. В 1985 году выходом тринадцатого тома завершилась публикация «Анжелики», однако остальные тома серии уже давно почти полностью исчезли с книжных прилавков во Франции и франкофонных

странах. А между тем серия с успехом продавалась повсюду – от Японии до Италии – суммарными тиражами до 10 миллионов экземпляров в год, в то время как Анн Голон жила в стесненных обстоятельствах, пытаясь через суд вернуть себе авторские права. В России об авторах «Анжелики» ходили разные легенды. Журналисты писали, что «Анжелика» – это роман, написанный в XIX веке, другие сообщали, что Серж Голон погиб, сражаясь за революцию, третьи объявляли себя наследниками Анн и Сержа Голон и публиковали продолжения романа при попустительстве французских издателей. И вот после долгих судебных разбирательств в 2005 году Анн Голон вернула себе права, придав своему проекту новое дыхание.

Все эти годы она работала над продолжением истории. В то же время в прежних французских изданиях «Анжелики» были обнаружены сокращения и поправки, сделанные прежними издателями в обход автора. Анн Голон принялась заново пересматривать книги серии, чтобы вернуть текст к первоначальному варианту. Кроме того, она начала добавлять новые сюжетные линии, которые прежде не удалось развить (например, Фронда, преследование целительниц или закулисные события при заключении Пиренейского договора...), и новые элементы, предвещающие развитие событий. Несколько томов этой расширенной версии «Анжелики» уже вышли в свет в ряде стран.

Анн Голон, как и ее героиня, каждый раз возрождается из пепла: недавно на экраны кинотеатров вышел новый фильм «Анжелика» (режиссер Ариэль Зейтун), а в книжных магазинах появились новые издания «Анжелики» (выпускаются и книги в старом варианте, и пересмотренные и дополненные автором романы). Это масштабный амбициозный проект, но для храброго сердца нет ничего невозможного. «Я поставила

себе срок десять лет, а потом посмотрим!..» – скромно заметила она в недавно написанном очерке.

Ныне Анн Голон является одним из самых читаемых французских авторов в мире. Созданные ее воображением легендарные персонажи – Анжелика Маркиза Ангелов и Жоффрей де Пейрак – стали неотъемлемой частью массовой культуры, а серия книг о них – своего рода литературной классикой. И хотя автор по-прежнему считает, что она, будучи обычной женщиной, «просто написала ту книгу, которую должна была написать», история ее жизни и ее литературный дар свидетельствуют о том, что и она сама сродни своей героине.

Надин Голубинофф

notes

Примечания

1

См. «Анжелика и дьяволица». - *Здесь и далее примеч. автора.*

2

Современное название – залив Фанди.

3

Во французских тюрьмах охранники часто стригли заключенных и продавали волосы изготовителям париков.

4

Виль-Мари - это первое имя города, который впоследствии станет известен как Монреаль.

5

Красный Плут в просторечии означало «дьявол».

6

См. «Искушение Анжелики».

Ле Фолле и Ле Фу: по-французски «сумасбродный» и «сумасшедший».

Текондерога – имя, данное индейцами Жоффрею де Пейраку.

9

После смерти Мазарини Людовик XIV решил никого не назначать на его место. Он стал править единолично.

Гийметта говорит об охоте на ведьм, шедшей с XIV века. Размах этих гонений был так велик, что в это трудно поверить. По мнению многих авторов, количество казненных исчислялось миллионами. 85 % из них были женщины, как старые, так и молодые. В разгар этого Крестового похода, то есть в середине XVI века и начале XVII, в некоторых немецких городах происходило до 600 казней в год, то есть по две в день, исключая воскресенья.

«Первый провансальский язык» (*лат.*).

«Азбука соития» *(лат.)*.

13

Одно из старинных названий эпилепсии.

14

Так называли сифилис.

15

Маранта.

«Правдивое и точное изложение того, что произошло между доктором Джоном Ди и некоторыми духами»
(англ.).

Благодарение Богу! *(лат.)*

Сент-Анн-де-Бопре – место паломничества католиков в Америке, храм, где произошло множество чудес; считается американским Лурдом.

Новая Франция – так назывались французские владения в Северной Америке; в разное время туда входили современные канадские провинции Квебек, Онтарио и часть берегов Великих озер.